

Миссионерское обозрение

1901 г. 2 полугодие

Июль-Август

**Антоний, еп. Уфимский. Чем отличается
православная вера от западных исповеданий //
Миссионерское обозрение 1901 г. № 7–8. С. 3–13**

На такой вопрос многие из русских образованных людей скажут – обрядами. Нелепость подобного ответа до того очевидна, что он не заслуживает и внимания. Однако, немногим ближе к истине иное суждение, которое присуще людям богословски-просвещенным. Они скажут нам о *filioque*, о главенстве папы и других догматах, кои отвергаются православием, и о тех догматах, – общих православию и латинству, – которые отвергают протестанты. Выходит, что православие лишено содержания, составляющего его исключительную принадлежность, одинаково чуждую европейским исповеданиям. Между тем историческое происхождение последних, выработавшихся одно из другого, заставляет думать, что все они одинаково чужды тех или иных сокровищ Христовой истины, потому что сомнительно допустить, чтобы из ереси могла выработаться другая, не сохранив в себе известной доли первой и не возвращаясь все-таки к истинной Церкви.

Славянофильские богословы в лице Хомякова впервые постарались отметить разность истинной Церкви от западных исповеданий не по тем или иным догматическим частностям, а со стороны общего превосходства внутреннего идеала истинной Церкви над Церквями инославными. В этом огромная заслуга Хомякова пред богословской наукой, и пред Церковью, и пред просвещенным Западом, который оценил её так же единодушно, как и русские литераторы, интересующиеся религиями. Оценка эта обнаруживается всего убедительнее тем, что все европейские богословы, относящиеся с симпатией к православию, говорят о нём именно в хомяковской формулировке вероисповедных разностей. В частности старокатолики, тяготеющие к православной Церкви и навязавшие продолжительную официальную переписку о сближении с нами своей общины, излагают именно хомяковские

взгляды на главные вопросы, разделяющие, по их мнению, нас и старокатолицизм. Мы разумеем мысль о *filioque*, как о нововведении, прежде всего противном церковной дисциплине, которая велит «*блюсти единение духа в союзе мира*», и на *пресуществление* в евхаристии, как на понятие чуждое церковному преданию (которое учит о *преложении*) и заимствованное у западных теологов.

Среди всех богословских сочинений, писанных русскими, небольшой том Хомякова является самым популярным как среди нашего просвещенного общества, так и за границей. Не станем поэтому воспроизводить подробно его положений. Напомним, что он рассматривает разность вероисповеданий в их учении о 9-м члене Символа Веры – в учении о Церкви. Раскрывая православное учение об этой истине, совершенно искаженное и почти утраченное всем инославным Западом, Хомяков весьма ясно показывает нравственную ценность нашего духовного идеала, превосходство, вообще, нашей веры над инославием, которое утратило одну из наиболее святых и возвышающих душу истин христианства. Разумея под Церковью не столько власть, сколько *взаимный союз душ*, восполняющих друг друга своим таинственным общением со Христом, Который открывается верующим не по одиночке, но в их взаимной любви, по их единству (вселенский собор), Хомяков вносит во все требования церковной дисциплины и в самое познание божественной истины (что обусловлено авторитетом церковного предания), – вносит дух радостный, чуждый рабства, уносящий нас в необъятную широту общения с целым миром верующих, с целой вечностью.

Признавая без дальних слов, что православное учение о Церкви Хомяковым изложено правильно, и что он вообще достаточно обнаружил превосходство православия над западными исповеданиями, утратившими понятие о нравственном *союзе верующих* и в их религиозной жизни и религиозном познании и низведшими царствие Божие на степень или личного (индивидуального) подвига, или внешне-правовой государственной организации, – признавая это и преклоняясь перед богословской и миссионерской заслугой

Хомякова, мы утверждаем, однако, что его определение православия, или – что то же – истинного богооткровенного христианства в противовес европейским исповеданиям, неполно. Нам давно хотелось его восполнить.

На самом деле разность между нашей верой и инославием лежит гораздо глубже.

Догмат Церкви является, конечно, одним из важнейших; наше общение через Церковь должно воспроизводиться в сознании верующего человека постоянно. Но и помимо этого в определении прямого отношения каждой личности к Богу и к своей жизни чувствуется глубокая разность между инославным европейцем и православным христианином. Разностью этой проникнуты даже мелочи. Возьмем руководства духовной жизни. Одни из них, по которым мы учимся в школе и которые составляют содержание нашей богословской науки, догматической и моральной, заимствованы у католиков и протестантов; у нас опущены только известные всем и осужденные церковными авторитетами прямые заблуждения инославия. Другие руководства нашей духовной жизни, общие образованным людям и народу, – как современникам, так и предкам нашим по вере до IX века и ранее, – составляют содержание богослужебных молитв, гимнов и нашу святоотеческую мораль.

Но замечательное дело! Между обоими родами этих руководств почти нет внутренней связи. Наши прологов, наших догматических гимнов (стихир и канонов), наших Четий-Миней не знают дипломированные богословы, а если иногда и знают, то не как религиозные мыслители, но как простые богомольцы, как любители церковного пения. Между тем эта славянская литература в толстых, неуклюжих книгах есть главная и почти единственная питательница и создательница действительной, живой русской веры и не только простонародной, но и просвещенной. Однако богословская наука не может даже подступить к ней, хотя бы из психологического интереса.

Возьмем теперь наиболее совершенных христиан, руководителей христианской жизни среди нас: иеросхимонаха Амвросия, о. Иоанна, еп. Феофана. Они не узкие фанатики, они

благодарные воспитанники семинарий и академий, но отыщите в их поучениях заимствования или ссылки на наше школьное и ученое богословие. Не найдете, кроме случайных оговорок!

Предложите им целые горы ученых томов в помощь их поучениям, они отнесутся к ним с уважением, и, поверьте, не найдут, что позаимствовать. То же испытывает и обыкновенный христианин, желающий осмыслить то или иное явление своей религиозной жизни. – *Очевидно, что создавшаяся по западным принципам богословская наука наша, хотя бы и чуждая западных заблуждений, так далека от действительной духовной жизни православных христиан, так несродна ей, что не только не может руководить последней, но даже и приблизиться к ней.*

Этого не могло бы быть, если-б *только* в учении о Церкви заключалась рознь западного богословия от православного; но это произошло оттого, что западные религии изменили самое понятие о христианской жизни, о её цели, её условиях.

Будучи ректором академии, я задал одному умному студенту тему: «сравнить христианское нравоучение по епископу Феофану и Мартенсену».¹ Мартенсен – маститый протестантский проповедник, признаваемый за лучшего моралиста-теолога, притом наиболее свободного от вероисповедных заблуждений. Еп. Феофан – просвещенный русский богослов, бывший ректор Петербургской академии. И что-же? Оказалось, что христианская мораль под пером этих двух авторов явилась в совершенно различном, нередко до противоположности различном виде. Итог разностей формулирован так.

Еп. Феофан учит тому, как построить жизнь по требованию христианского совершенства, а западный епископ (*sit venia verbo*) берет из христианства то и настолько, что и насколько совместимо с условиями современной культурной жизни. Значит, первый смотрит на христианство, как на *вечный* устой истинной жизни и требует от каждого ломать себя и жизнь до тех пор, пока она не войдет в эту норму, а второй смотрит на основы современной культурной жизни, как на факт непоколебимый, и лишь в области существующих частных

разновидностей его указывает те из них, которые наиболее *одобрительны* с христианской точки зрения. Первый требует нравственного героизма, подвига, второй высматривает, чтобы из христианства годилось нам в нашем теперешнем жизненном устройстве? Для первого, – человека, призванного к загробной вечности, в которой начнется истинная жизнь, – исторически сложившийся механизм современной жизни – ничтожный *призрак*, а для второго учение о будущей жизни – возвышенная, облагораживающая идея, идея, помогающая нам лучше и лучше устраивать здесь *реальную* жизнь.

В разности этих двух учителей добродетели сказалась и разность западноевропейских религий и православной веры. Последняя исходит из понятия христианского совершенства или святости и с этой точки зрения дает оценку наличной действительности, а Запад утверждает *status quo* жизни и выгадывает тот *minimum религиозных отпращиваний*, при которых можно спастись, если и впрямь существует вечность.

«Вы указываете не на ложные верования, а на пониженное религиозное настроение Запада!» – скажут нам.

Да! – ответим мы; – *пока* мы говорили о настроении, о вырождении западной религиозной жизни и мысли; сейчас укажем и на высокий принцип, ими утраченный.

Христианство есть подвиг добродетели; христианство есть жемчужина, для приобретения которой благоразумный купец Евангелия должен был распродать всё своё имущество. Исторически под этим самоотверженным решением, под взятием креста разумелись, по-видимому, различные подвиги: во время земной жизни Спасителя – вступление в число учеников, следовавших за Ним; далее – исповедание веры и мученичество; затем, от IV века и по XX – отшельничество и монашество. На самом деле эти разные виды подвига были лишь условиями одной идеи, одной цели – постепенного достижения на земле духовного совершенства, т. е. свободы от страстей, или бесстрастия, и обладания всеми добродетелями, как того просят себе все верующие в Ефремовой молитве, многократно повторяемой Великим постом в сопровождении многочисленных поклонов. *«Сия есть воля Божия – святость*

ваша», говорит апостол, а достигнуть её можно – лишь сделав её главной, единственной целью жизни, *если жить для того, чтобы достигать святости*. В этом заключается истинное христианство; это – сущность православия в отличие от инославия западного. Восточные ереси в этом отношении, а следовательно по существу, гораздо ближе к православию, чем западные (разумею наиболее сильную восточную ересь монофизитов, к которой близко примыкают армяне). *Духовное совершенство личности* остается и у них целью христианской жизни, а разность возникает только в учении об условиях к достижению этой цели.

Но разве западные христиане говорят, что стремиться к нравственному совершенству не нужно? Неужели они станут отрицать, что христианство заповедует нам совершенство?

Сказать они этого не скажут, но не в этом видят они сущность христианства; да и *в понимании совершенства* и в способах достижения его они разойдутся с нами на каждом слове; они даже не поймут нас ни в чём и не согласятся с тем, что именно нравственное совершенство личности есть цель христианской жизни, а не просто богопознание (как полагают протестанты) или благоустройство Церкви (паписты), за что, по их мнению, сам Бог дает человеку нравственное совершенство в качестве возмездия.

Нравственное совершенство *достигается* путем самодеятельной, сложной работы над собой, внутренней борьбой, лишениями, в особенности же самоуничижением. Православный христианин, искренно и усердно выполняющий духовную дисциплину, уже тем самым проходит значительную часть этого подвига, потому что наша дисциплина вся устроена именно так, чтобы служить постепенному умерщвлению страстей и приобретению благодатного совершенства. Этому способствует содержание наших богослужебных молитв, подвиги говения, постов и тот почти монашеский строй православной жизни, который указан нашим уставом и которого строго держались наши предки до Петра и держатся доньше люди, живущие началами культуры.

Говоря короче, *православная вера есть вера аскетическая*; православное богословское мышление – то, которое не остается мертвым достоянием школы, но влияет на жизнь и распространяется в народе, – оно есть исследование о путях духовного совершенствования. С этой именно точки зрения рассматриваются в наших стихирах и канонах как догматические определения, так и события священной истории, а равно и заповеди и ожидание страшного суда.

Конечно, всё это не чуждо и западным исповеданиям, но там *спасение* понимается, как внешнее воздаяние за известное количество добрых дел (внешних-же), или за несомненную веру в Божество Иисуса Христа (протестантизм). Там не рассуждают и не умеют рассуждать о том, как постепенно должна освобождаться душа от своего подчинения страстям, как мы восходим от силы в силу к бесстрастию и полноте добродетелей. Есть там и аскеты, но жизнь их проникнута мрачным, бессознательным выполнением давно установленных дисциплинарных требований, за что им обещано прощение грехов и будущая вечная жизнь. А то, что эта *вечная жизнь* уже *явилась*, как говорит св. апостол Иоанн, что это блаженное общение с Богом достигается неуклонным подвижничеством еще здесь, как говорит пр. Макарий Великий, – всего этого Запад не понимает.

Непонимание становится все грубее и безнадежнее. И современные западные богословы потеряли мысль о том, что цель христианства, цель пришествия Христова на землю есть *именно нравственное совершенство личности*. Они как бы помешались на вымысле, будто Христос Спаситель пришел на землю для того, чтобы принести счастье какому-то человечеству каких-то будущих веков, тогда как Он со всею ясностью сказал о том, что Его последователи должны нести крест страданий, и что преследование их миром, их родными братьями, детьми и даже родителями будут постоянны, а в конце веков умножатся с особой силой. То благоустройство, которого ждут *на земле* поклонники «суеверия прогресса» (по удачному выражению С. А. Рачинского), обещано Спасителем в жизни будущей, но ни латиняне, ни протестанты не хотят с этим мириться по той

простой причине (говоря откровенно), – что плохо верят в воскресение и сильно верят в благополучие настоящей жизни, которую, напротив, апостолы называют исчезающим паром (Иак.4:14). Вот почему псевдо-христианский Запад не хочет и не может понять отрицания этой жизни христианством, которое велит нам подвизаться *«совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его»* (Кол.3:9).

«Христианство есть любовь к ближнему, а любовь – сострадание в скорбях», – заметят современные христиане и особенно христианки: «аскетизм же выдуман монахами».

Не буду спорить против первого положения, как спорил Леонтьев; даже скажу так: если-б была возможна любовь без духовного подвижничества, без борения внутреннего и без внешних подвигов, то и последние и первое были бы не нужны. Но любовь иссякла у людей именно тогда, когда они заговорили устами Лютера. Исполнилось слово: *«и за умножение беззакония иссякнет любви многих»*. Где нет подвига, где нет борьбы, там воцаряются страсти и беззакония, а где царит грех, там иссякает любовь и люди начинают ненавидеть друг друга (Мф.24:10). Обращаюсь к второму положению. Правда, любовь выражается прежде всего в сострадании, но не столько внешним бедствиям ближних, сколько их греховности, а такое сострадание доступно только плачущему о собственных грехах, т. е. человеку подвизающемуся.

«Аскетизм выдуман монахами»... Одна московская дама выразилась еще решительнее: «всю вашу религию выдумали попы; я признаю только Иверскую и мученика Трифона. (l'Iverskaya et Tirphon le martyr), а прочее всё глупости». Но эти фразы показывают прежде всего, что наши образованные люди не понимают слова аскетизм.

Понятием этим вовсе не предрешается строй нашей жизни, и само по себе оно не включает в себя ни девства, ни постов, ни отшельничества. Аскетизмом, или духовным подвижничеством, называется жизнь, исполненная работы над собой, такая жизнь, целью которой является уничтожение своих страстей: блуда, самолюбия, злобы, зависти, объедения,

лености и пр. и наполнение души духом целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви, *которая никогда не бывает одинокой добродетелью, а лишь спутницею и совершительницею перечисленных свойств души.*

Конечно, христианин, желающий идти таким путем, сам увидит, что придется ему и от светской рассеянности удаляться, и плоть смирять, и помногу Богу молиться – но эти подвиги ни имеют никакой конечной ценности в очах Божиих, а получают её только для нас самих как условие для стяжания даров духовных. Гораздо большую ценность имеют *подвиги духовные, совершающиеся в сознании человека:* самоукорение, самоуничтожение, самопротравление, самопринуждение, внутреннее пребывание, зрение загробного мира, стояние в чувствах, борение с помыслами, покаяние и исповедание, гнев на грех и на искушение и пр. упражнения – всё, что так мало знакомо современным образованным людям и столь понятно и известно всякому народному начетнику, прежнему и теперешнему. Вот тот алфавит духовный, о котором говорит святитель Тихон,² *и в этом-то и состоит существеннейшее содержание истинного христианства, как подвига жизни,* – содержание, забытое западными исповеданиями, но составляющее центр православной богословской литературы, которая истолковывает всё Откровение божественное, все события и изречения Библии прежде всего в применении к этим ступеням духовного совершенствования. Воплотившийся, смилившийся и восскорбевший о грехе нашем Спаситель принес нам в лице Своём и в общении с Собой возможность именно *этого духовного делания*, и в нём заключается наше спасение. Но одни совершают его (Флп.2:12) добровольно и сознательно, проходя духовную жизнь, другие проходят последнюю почти помимо воли, исправляясь посылаемыми от Бога страданиями и исполняя церковную дисциплину, третьи только перед смертью очищают раскаянием свою рассеянность и получают просвещение за гробом, сущность же христианского подвига заключается в аскетизме, в работе над своей душой; в этом же состоит и сущность христианского богословия.

Если проследить *все* заблуждения Запада, – как те, которые вошли в его вероучение, так и присущие его нравам, передаваемые нам через «окно Европы»; то увидим, что они все коренятся в непонимании христианства, как подвига постепенного самоусовершенствования человека.

Таково латино-протестантское учение об искуплении, как отмщении на Иисусе Христе оскорбленного Адамом божественного величия, – учение выросшее из феодальных понятий о рыцарской чести, восстанавливаемой пролитием крови оскорбителя; таково материальное учение о таинствах; таково их учение о новом органе божественного Откровения в виде римского папы, каков бы ни был он по своей жизни; учение о заслугах должных и сверхдолжных. Таково же, наконец, учение протестантов о спасающей вере, с отвержением всей церковной организации.

В этих заблуждениях ясен взгляд на христианство, как на нечто чуждое нашему сознанию и совести, нечто условное, как на конкордат с Божеством, неизвестно почему требующим от нас признания каких-то непонятных формул и воздающим за это вечным спасением. Чтобы оградить себя от естественно поднимающихся возражений, западные богословы усилили учение о полной будто бы непостижимости не только Существа Божия, но и божественного закона и требовали в лице схоластиков, в лице Лютера и в лице даже современного Ричля, признать разум врагом веры и бороться с ними, в то время как отцы Церкви, в лице Василия Великого и даже Исаака Сирина, считают врагом веры не разум, а глупость человеческую, рассеянность, невнимание и упрямство. Если от ложных религиозных верований перейдем к нравственным убеждениям западников, то у некоторых из них найдем просто извращение христианских заповедей, и эти извращения так въелись в уклад западной жизни общественной и личной, что никакие культурные пертурбации, опрокинувшие христианские алтари, разрушившие королевские престолы, не могли опровергнуть однако этих диких и безнравственных предрассудков.

Так, Господь заповедует всепрощение, а западная мораль – месть и пролитие крови; Господь велит смиряться и считать

себя греховнее всех, а Запад ставит выше всего «чувство собственного достоинства», Господь велит радоваться и веселиться, когда нас поносят и изгоняют, Запад требует «восстановления чести»; Господь и апостолы называют гордость «бесовской», западники – благородством. Последний русский нищий, иногда даже полуверующий инородец, тайно поклоняющийся керемети, лучше различает добро и зло, чем подобные моралисты тысячелетней западной культуры, так печально смешавшей обрывки христианства с ложью классицизма.

И в основании всех заблуждений лежит неразумение простой истины, что христианство есть религия аскетическая, что *христианство – учение о постепенном исторжении страстей, о средствах и условиях постепенного усвоения добродетелей; условия эти – внутренние, заключающиеся в подвигах, и – отвне подаваемые, заключающиеся в наших догматических верованиях и благодарных священнодействиях, у которых едино назначение: врачевать человеческую греховность и возводит нас к совершенству.*

Антоний, Епископ Уфимский

**Ивановский Н.И., проф. Уральские иеговисты.
(Публичная лекция, читанная в Казани 18 марта
1901 года) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 7–8.
С. 14–28**

В конце минувшего лета в Баранчинском заводе, за Уралом, местный священник о. Архангельский, казначей завода, – он же и церковный староста, – Зотов, заводский мастер Воронов и уставщик механического цеха Блинов получили через уличных мальчишек неизвестно кем присланные подарки, в жестяных коробках, в виде футляров для браслет или других золотых вещей, с кнопками сверху для их открытия. Все получившие, в виду необычайности доставления этих подарков, поостереглись вскрыть их и заявили об этом в волостное правление. По произведенному правлением дознанию выяснилось, что один Баранчинский обыватель усиленно добивался купить динамиту у рабочих на Кушвинском и Благодатском заводах, предлагая большие по его средствам деньги. Тогда, по распоряжению заводского начальства, при требуемых предосторожностях, жестянки были вскрыты и оказались наполненными динамитом. При этом кнопки были приспособлены так, что если надавить их, то неизбежно последовал бы взрыв. Установлено также с полною несомненностью, что это – дело особого рода сектантов, которых прежде называли обществом «Десного братства», последователями «Сионской вести», а теперь общепризнанным их названием стало «иеговисты», как и сами себя они называют.

Дело о покушении их на жизнь других при посредстве динамита, – беспримерное и в летописях сектантства, – естественно взволновало окрестных жителей, заинтересовало и многих других: кого по обязанностям службы, кого по соприкосновению с сектантами и опасению, кого по ученой любознательности, а кого и по религиозным мотивам. В настоящее время оно находится в руках судебной власти, от которой и ожидается решающее слово.

Месяца два-три спустя после этого происшествия, местным судебным следователем гор. Казани нам предъявлены были рукописи сектантского содержания, присланные одним из зауральских следователей, – с отдельным требованием спросить нас о них в качестве эксперта. При этом означенный следователь интересовался характером секты иеговистов, – предложив несколько по сему вопросов, – и вредностью её особенно в гражданском прошении. Видимо, начато и производится какое-то новое о них дело, – хотя самое дело было нам предъявлено, и мы о нём ничего не знаем. Все рукописи оказались, действительно, писанными иеговистами, содержат их учение и наглядно характеризуют иеговистов не только прежнего времени, но и современных нам.

Обстоятельства эти, – и особенно первое, и побуждают нас ознакомить с верованиями этой крайне своеобразной секты и с отношениями её последователей к Церкви, государству и обществу.

Лично мы стали ознакомляться с этой сектой ровно 25 лет назад по некоторым печатным сообщениям, а главное по рукописям её основателя, который присылал нам свои произведения. И современные его последователи, – как ниже увидим, тоже не оставляют нас без внимания. Кроме того, в течение последних 20 почти лет нам пришлось прочитать десятки судебных дел Екатеринбургского, Троицкого и частью Пермского окружных судов. Этими путями и другими, случайными, скопилось у нас очень много рукописного материала, на основании которого, при воспоминании прочитанных дел и данных нами экспертиз, из коих некоторые напечатаны,³ – мы имеем полную возможность верно охарактеризовать означенную секту, осветив её с тех сторон, которые представляются существенно важными и интересными.

Признаться, когда мы впервые стали ознакомляться с произведениями её основателя, то подумали, что это не более, как сумасбродный бред расстроенного воображения, который практического значения иметь не может и не будет, который не заразит собою других и о котором поэтому едва-ли стоит и говорить. – Очень может быть, что и многие из вас, выслушав

предлагаемое чтение, вынесут из этой залы то же впечатление. – И однако, оказывается, – мы ошибались. Более 50 лет слышится этот бред по ту сторону Урала, – такой болезненный бред, – в котором не легко даже и разобраться, а тем более найти убедительное слово для его обличения и облегчения мятущихся. И этот бред увлек многих. Теперь уже, по исчислению местных деятелей, – тысячи рассеянных по восточной стороне Урала и сосредоточенных на зауральских заводах, болеют этим. Отсюда болезнь давно уже проникла на северо-восток до Верхотурья и на юг до Троицка (Оренбургской губернии). В последние годы она стала появляться и в Мензелинском уезде (Уфимской губернии).⁴ Значит, и здесь, в этом как бы бреду есть что-то заманчивое для простодушных, есть нечто более серьезное, чем простой бред. Увлеченные этим представляют уже целое сплоченное *общество* под известной кличкой. Некоторые же из них, под силою и влиянием воспринятых сумасбродных верований, доходят до того, что в большом углу своих изб, вместо св. икон, держат тетрадки основателя секты;⁵ святые же и Божественные имена христианские все они подвергают, как увидим ниже, невыразимым глумлениям.

Таким образом волей-неволей приходится отнестись ко всему этому с большим вниманием и посмотреть на иеговистов, как на организованную уже секту, разливающую в народе зловерный яд, о котором вы сейчас изволите услышать, – такой яд, который местами просто коробит душу. – Ясно, что мы берем на себя нелегкую задачу, – сказать правду и умолчать о многом, что не может быть и передано.

Основателем секты иеговистов был человек образованный, некто Ильин, капитан артиллерии. По происхождению своему он официально значился сыном солдата, но сам себя он называл незаконным сыном какого-то шведского генерала Паткуля и польской уроженки Тенчинской. Первоначальное воспитание Ильин получил православное; но в молодых годах некоторое время он был в Полоцке, в иезуитском коллегиуме, и большую часть времени прожил в католической обстановке. Поступив в самом начале 40-х годов на службу, он увлекался чтением

тогдашнего мистического журнала «Маяк», о котором писал его редактору, что он «не в силах удержать порыв своего восторга пред тружениками истинно благих и достохвальных произведений». В 1842 году он сам уже явился сотрудником «Маяка», напечатав статью, под названием «Умовый взгляд на общую азбуку в природе человека к пополнению житницы истинного просвещения, первое зерно человеческого знания». Но секрет здесь не в этой общей азбуке, о которой можно не более как только мечтать, а в другом; автор в своём предисловии к «умовому взгляду» делает уже скачек совсем в другую сторону; он говорит и о соединении науки с верой и об объединении всех вер под знаменем одной «миротворной, братопророческой, клеветно-ангельской веры». Вскоре он получил якобы откровение, что сущность такой всемирной веры состоит в одной только любви. При этом он стал усвоит исключительное значение разным откровениям, видениям, восхищениям, снам, гласам с неба. Естественно, что его мистицизм должен далеко переступить за ограду богооткровенной религии и привести в область чистых фантазий и сумасбродств. Это, как увидим, и случилось.

С такими задатками душевного настроения Ильин был перемещен на службу в Оренбург, а оттуда вскоре в Екатеринбург и назначен в Баранчинский завод. Здесь он сначала не разрывал своей связи с православною Церковью, сближался даже с лицами духовного звания, вступал с ними в особую дружбу и родство. Но ясно, что это не могло долго продолжаться. В 1846 году Ильин начал уже нападать на Церковь, пропагандируя своё учение. Свод этого учения он изложил в сочинении под названием «Сионская весть» или «Луч света рассвета». Любопытно посвящение этого сочинения: «Тебе, всепросвещеннейший и преблагороднейший Человек-Еврей, корень и потомок Давыдов, Царь царей, Светозарная звезда, Денница, Господь-Бог пророков святых, Бог еврейского народа, Бог Ильи и Ильина, или мой, Предвечный Человекобог и Ашеръ-Эйех Исусе! Прими, Родимушка, сию книгу от меня, раба Твоего, как дань Тебе, Царю моему, повели перевести её на все языки и положить в народный архив царства Твоего».

Вместе с этим и пропаганда его стала совершенно открытой. Ильин задумал прежде всего обратить к себе всех безпоповцев, которые, будучи лишены церковно-иерархического авторитета, более податливы могли быть, по его мнению, к восприятию нового учения. Надежды Ильина не осуществились, а проповедник был предан суду и, по определению суда, сослан в Соловецкий монастырь. В Соловецком монастыре он описал свои дорожные впечатления плавания по Белому морю. Сначала стоял непроглядный туман, но потом

«Мгла прошла, всё скрылось,
Нет небес, ни суши,
Море шевелилось.
Вдруг ветер превратился
В ураган ужасные,
Всяк засуетился,
Видя рок несчастный;
Кто спускал, кто натягал,
Весь корабль наш залило,
В волны занырял.
И так нас носило
Девять суток сряду
И с небес валило
Снег, крупы и граду.
Что со мною было,
Даже вспомнить страшно;
На меня валило
Сундуки и брашно».
Про жизнь в Соловках Ильин писал, что там
«Различных скорбей много причиняли,
Кости мне ломали,
Яду поддавали,
Смрад и чад пускали.
Рявкали, стучали».
На самом же деле житье там было такое, что хотя
«И во сто глаз стерегли,
Но зажать луч истины
В семь лет не могли.

Бог моей рукою
Написал книг до ста,
Силою святою
Рассыпал их просто».

Один караульный солдат был уличен в содействии к распространению этих книг и понес должное наказание, а Ильин был переведен в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. В 1883 году он был помилован и последние годы своей жизни проживал в г. Митаве, – рассыпая по разным местам свои сочинения, писал даже в Париж к евреям. В них он называл себя возродителем новозаветного иудейства и призывал последних к вступлению в своё братство, – или в царство Иеговы, – именуя их в настоящем виде сонмищем сатаны. Было и письмо к Ротшильду. Ильин умер около 10 лет назад.

Проникнутый мистицизмом, Ильин в основание своего учения и положил единственную богодухновенную книгу Апокалипсис, – наиболее трудную для объяснения, как описывающую пророчески последние дни мира и притом наполненную образами, которые всякий может прилагать к своему времени и истолковывать применительно к своим личным взглядам. Её и одну её он назвал «Книгой с неба». В уста своих последователей он влагает следующую песнь, на голос «Преобразился еси на горе, Христе Боже» (Тропарь Преображению Господню): «Преобразился Ты, наш Господи Иисусе, на острове Патмосе, открыл нам Твою человекобожескую славу и мироправительный план Твой показал нам ясно и понятно, что будет происходить в мире сем, какие появятся разные христианства и деспотизные шарлатанства». При этом, останавливая своё внимание на этой таинственной книге, Ильин усвоял себе особый дар прозрения, вообразил себя посланником Иеговы, «возродителем новозаветного иудейства». «Это дело», – т. е. проповедание сектантства, – «не моё, а Твоё (т. е. Иеговы); я только имею уши к словам Твоим. Благодаря Тебя, Боже Иисусе, от всей моей искренней любви к Тебе, что Ты, показав мне Евсеево тамужение,⁶ положил пред глазами моими рядом и ответ ему Твой». Еще на первых порах, в пределах Екатеринбурга у Ильина оказались и два помощника,

– такие же «просвещенные тайнами природы», такие же пропагандисты, – лесничий Нижне-Туринского завода и один из служивших в Уральском горном управлении (фамилии их помечены конечными только» буквами).⁷ И вот:

«Три вестника святыни,
Предсказанных Тобой,
Уж дали глас святой
Грозу твою вещают
На блудный Вавилон».

Что же, спрашивается, вещали эти вестники и что вещают их преемники и последователи настоящего времени? К чему их привело их прозрение? В какую сторону направлен провозглашенный принцип любви этой общечеловеческой религии, и насколько он выдержан в общем?

* * *

Дух есть Бог, учил Христос Спаситель (Ин.4:24), и люби ближнего, как самого себя (Мф.19:19 и 22:39), Бог есть любовь, и кто говорит, что любит Бога, а брата своего ненавидит, тот ложь, проповедовал св. Иоанн, возлюбленный ученик и наперсник Христов (1Ин.4:20), тот самый, который получил и «книгу с неба» (Апокалипсис) и начертал откровения о судьбах мира и Церкви. Кто же есть мой ближний? Не человек одного только верования, а всякий, оказавший милость (Лк.10:37), и мало того, любите и враги ваша, слышали новое в своё время слово из уст Божественного Учителя самовидцы и слуги Его (Мф.5:44). Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного не пощаде, но за всех нас предал Его (Ин.3:16). И больше той любви никто не явил на земле и никто не имел, как Тот, Кто душу Свою положил за весь мир, оставив и нам образ, да последуем стопам Его (1Пет.2:21).

* * *

Вот сущность христианского учения о Боге и о широте и самопожертвовании любви.

Богословие Ильина слишком своеобразное, сильно режущее ухо, любовь же его, как увидим, слишком узкая и эгоистичная, переходящая в ненависть. О Боге он учил, как о человеке, Христа Спасителя называл распятым Иеговой,

человекобогом, причем и многих других считал богами. В одной из своих статей, озаглавленной: «Рожон, выставленный от новозаветных иудеев против христианской Езавели», – Ильин спрашивает: «кто же такие боги?», и дает ответ: «люди же, только бессмертные и просвещенные таинствами природы, музыкою и разными языками, короли, бессмертные мудрецы, или маги»... «И еврейский Бог богов есть человек же, говорил лицом к лицу с нашими предками, ходил, ел и пил вместе с ними и даже боролся с Яковом, имел не только все части человеческого тела, но и душу. Имя его Егова, что значит наимудрейший мудрец из всех мудрецов и глава всех магов». В статье: «Тяжебное дело еврейского Бога с народом Егова», объясняется, что значит, что человек сотворен по образу Божию. «Женщина есть портрет мужчины, а мужчина есть портрет Бога, следовательно Бог есть человекобог». А между тем эти бессмертные люди, таинствами природы просвещенные, на деле – чисто воображаемые. Ибо «на деле каждый видит, что всякому человеку такое же назначение в природе, как и подобным ему (!) обезьянам и другим животным и растениям, т. е. зарождаться, возрастать до определенной величины и снова уничтожаться или разлагаться на составные первоначальные элементы. Вот почему и по прошествии многих тысяч лет никто никогда не видел бессмертного человека». В приведенных словах слышится уже чистейший материализм и в сущности безбожие, причем и самое «бессмертие» является разве только бессмертием в роде, или, скорее, – бессмертием по деяниям, т. е. не личное, а какое-то другое, по существу совсем и не бессмертие. Такое же учение и у современных иеговистов, которые превзошли даже в этом своего учителя. Вот что читаем в одной из их тетрадок, описывающей беседу с православным миссионером Екатеринбурга (Романовским): «вашего Духа – Бога, если за тысячным солнцем еще квадриллион верст пройдешь, то и там вашего Бога не найдешь. А наш Бог ходит по земле и заходит к друзьям своим (Лк.2:23; 12:4; Ин.15:15. Книга с неба 3, 23) и ужинает у них вместе с ними (Книга с неба 3, 20), подобно тому, как он заходил к Аврааму и обедал у него под дубом и после ходил и стоял с ним у Содомы (18, 1–8, 29;

19:1), боролся с Яковом (1 Моис. 32, 24–32), заходил к Мельхиседеку, к Адаму и Еве, к Каину и Авелю, Иову, Валааму и Магомету, обедал на Синае с 75 израильтянами. (2 Моис. 24, 11–18), перстом своим написал скрижали (2 Моис. 31, 15; 32, 16) и являлся Иоанну (К. С. 1, 13–18). Наш Бог – человек и даже еврей, и даже обрезанный, но только предвечно бессмертный;⁸ он воскрешает своих друзей и делает их такими же неумирающими». Далее, относительно этих «неумирающих», бессмертных людей Ильин писал только, что они «братья и сестры святым пророкам, клеветы ангелам его», и больше ни слова. – Видится, что он окутывал густым туманом предносящихся в его воображении каких-то «бессмертных» людей, тогда как, по его же словам, все смертны без надежды воскресения. Таких бессмертных клеветов ангелам Ильин находил в своё время, как мы видели, трех, – которые все, к слову заметим, умерли.

Современные последователи Ильина, под влиянием этих смутных понятий о бессмертии, – при уничтожении личности, – получили полную возможность расширить и круг этих «бессмертных» людей. Таковыми бессмертными друзьями Иеговы являются, уже, по их представлениям: «Мельхиседек, Енох, Илия, Моисей, Сулов – московский мещанин, два раза убитый и два раза воскресший,⁹ Яков Бэм – немец башмачник, Иван Гусс, Иероним Пражский – сожженные живыми, Иоанн Замолвкин – Донской казак, учитель Пифагора (так!), за 500 лет до Рождества Христова летал по миру на стрелке, – Пифагор, Зароастр, Антипас – сожженный живым в раскаленном быке, в капище, Шарри – еврей из Митавы – и проч. И из женщин: Мариам, Деввора, Мать Христова, Иоанна Хуза, – снабжавшая Христа деньгами (Лк.8:3), Мария Магдалина, Мария Клеопова, Княгиня Медичи, сожженная живой в Риме за отступничество от сатаны к Егове, Елизавета Криднер – русская, из православных, она в Швейцарии в 1814 году накормила 10,000 человек одной краюшкой хлеба, – и великое множество других». – «У Еговы», – что то же, – распятого человекобога Христа, – есть и Отец, – «тоже человек, но только бессмертный, и тело его похоже на камень Яшмосард» (Кн. С. 4, 3; 5, 1; 12, 21). «Это богословие

согласно и с писанием еврейских пророков, и с Алкораном, и с Буддийским священным писанием».

И всё это подтверждает тот же материализм и безбожие, при странной спутанности и очевидных противоречиях в вопросе о бессмертии, которые и возможно только объяснить тем же отрицанием личного бессмертия и тем же материализмом.

Отсюда и внешние проявления этой «Миротворной» религии заключаются в том, чтобы

«citataНи алтарей, ни церквей не созидать

А на всяком месте Бога прославлять.

Ни обрядов, ни попов не сочинять,

Ибо всякий брат есть царь и иерей».

И это потому, что «истинный закон заключается не в обрядах и не в канонах, и не в крючковых тонах, не в катавасных тропарях и кондаках». Вместо всего этого

«Хороводы и парады,

Разные хваленья;

Ибо это суть обряды

Богославления».

Для этих хороводов составлены и особого рода гимны. Вот, например гимн двухорный с музыкою: «Эпитафия на православных кладбищах», петь на голос: «Близ Ревеля барон, любитель псов». А вот и еще гимн: «Догмат покаяния без духовника, или бомба Божией артиллерии», – петь на голос: «Чем тебя я огорчила». А вот и «Марш Лаодикийских победителей к Сиону», (т. е. иеговистов к Иерусалиму, в котором наступит для них земное 1000-летнее царство, – о чём сейчас услышите), – петь на голос! «Я посею молода-младенька цветиков маленько» и много других подобных. Услаждаются ли этими гимнами и составляют ли иеговисты хороводы теперь, это нам неизвестно; но они бредят ими в будущем своём земном царстве «бессмертных» людей, в Иерусалимской республике. Это царство составляет их конечные чаяния, и вот какое оно будет, по их описаниям. «От Иерусалима до китайского города Кантона проведена будет железная дорога с роскошными станциями и прелестнейшими садами». Здесь в этих садах

«Хороводы дам, девиц,
Кротких, мудрых, и певиц
Вьются Божьим вензелем
И поют Ему об Нём,
Всюду слышится игра
Аллилуиа и Ура»!

А люди будут жить в безмятежном спокойствии, во всеобщей любви, в полной свободе и равенстве, при совершенном довольстве земными благами.

«Нет полиций, ни судей,
Всюду святость у людей.
Нет ни стражей, ни солдат,
Сам Господь хранит наш град.
Нет тут демонам мольбы,
В честь их праздников, гульбы,
Нету варварских наук,
Школ рекрутских, буйства штук.
Нет кинжалов, ни штыков,
В знать, в убийство игроков.
С нами Бог.
Нет рапортов, льстей властям,
Подсудырья их страстям.
Все равны, в одних чинах.
Нет прелюдий для трамблянств,
Маскарадов, пиршеств, пьянств.
Нет воров, пройдох, плутов,
Богословий от попов (попы-то тут при чем?).
С нами Бог».

Но это пока более отрицательное, – чего нет и не будет. Что же будет-то? А вот что:

«Злата, бронзы, серебра,
Драгоценностей, добра
Нам, как горы, навалил
И всё в братство подарил.
С нами Бог.
Урожайные года
Сделал сряду навсегда.

Сотворил от зноя тень,
Ночью-ж светло так, как день.
Градом, льдом ничто не бьет.
Облачным огнем не жжет.
И дал дождь не заливной,
А кропящий, как росой.
С нами Бог».
И свирепые животные изменили свои инстинкты,
«Стали волки, тигры, львы,
Как овечки же, смирны.
С нами Бог».citata¹⁰

Так фантазировал Ильин, не знающий других благ, кроме земных, и другого счастья, кроме внешнего довольства. Современные его последователи и в этом превзошли своего учителя. Их фантазия дошла до невозможных пределов, в мусульманском несколько вкусе. Им мало показалось одной тысячи лет такой жизни. Навязывался, видимо вопрос: что же дальше-то? В ответ видится дальнейшая игра неудержимой фантазии, только прозой, а не стихами. «После тысячи лет Егова совсем истребить сатану из бытия со всеми принадлежащими ему людьми (выходит, что Ильин еще не совсем рассчитался с сатаной и с сатанистами, и они могут портить счастье обитателей 1000 летнего царства!), сделает новую землю, в миллион раз большую этой и без океана и морей (!), и поселится на ней со своими бессмертными людьми на 88 тысяч лет. После же сего Он опять сделает новую землю... Он станет по временам переделывать землю все лучше и лучше, до бесконечного, уму непостижимого совершенства – (тут уж и фантазия начинает отказываться). Город Иерусалим на преображенную землю (это в который раз?) будет спущен с неба, сделанный небесными людьми, т. е. жителями других планет, – (значит, иеговистам известно, что есть жители и на других планетах?), – украшенный драгоценными камнями, а улицы вымощены прозрачным золотом, в длину, ширину и вышину на 2000 верст (широкие и высокие улицы!), окруженный огромною стеною из яшмы, с 12 воротами из 12 жемчужин (!), и на анфомезисах (флигелях)

имена 12 апостолов израильских (а не христианских? Каких же израильских?). – Сей город с неба еще Авраам ожидал. Посреди города будет дворец Егови, а храма и никаких жертвоприношений не будет. Из-под дворца будет протекать река по всем улицам, и на берегах её будут расти дивные фруктовые деревья, приносящие плоды каждый месяц (!). От еды сих фруктов люди не станут ни стареть, ни умирать, а на всю нескончаемую вечность оставаться бессмертными (да, ведь, они и сейчас есть?... Притом, у Ильина для этого придумано только одно дерево «Артубах», которое «всем по вкусу, всем сластит, и питает, и живит» (Прав. Собес. стр. 107), – мужчины в возрасте 34 лет, а женщины 16 лет... Вот в какой город Иерусалим приглашает Егова на нескончаемое жительство каждого человека!»¹¹

Но приглашение остается пока только приглашением. А так как этот Иерусалим еще в далеком будущем, в столь далеком, неизвестном, что и современные иеговисты едва-ли дождутся его наступления, а скорее все «разложатся на первоначальные составные элементы», то нужно же и настоящим людям дать какое-нибудь утешение в жизни. Видится, Ильин это предвидел, почему и здесь, на нашей земле создает своим последователям обольстительный идеал и рисует заманчивую идиллию. И здесь

«В закон же дал Его любовь,
Чтоб все мы шли бы без чинов,
Чтоб стали быть одной семьей
В свободном равенстве, в любви,
Чтоб в дружбе были все крепки,
Ласкались бы, как голубки».

Ибо «только эгоисты могут говорить, что можно спастись от смерти, и будучи богачом, господином, владыкою, властелином, или барином».¹²

«Ну, так веселитесь,
Радостно резвитесь,
Други и другини
Божией святыни.

.....

Обнимай брат брата

В две руки, в два хвата,
А сестра сестрицу,
Даму и девицу,
С целованьем – милованием,
Голубкам подобно.

Деточки – малютки,
Бегать перестаньте,
К маменькам пристаньте!
Старичок увялый,
От трудов усталый,
Старушечка мила,
В коей слаба сила,
Не лежите, не сидите,
На младых опритесь.
Потихохоньку ходите,
Вместе веселитесь».citata¹³

Насколько и как наслаждаются этой идиллией современные иеговисты, мы того не знаем. Знаем только из одного судебного дела Верхотурского уезда о братьях Уфимцевых,¹⁴ что веру свою они – иеговисты называют «легкой, ни в чём греха не признающей», почему и держат, вместо законных жен, сожительниц, а совращаемых спаивают водкой. «Здесь хорошо живем и там хорошо проживем», говорят они, там, то есть в 1000-летнем царстве.

Эта-то легкость веры, эти фантастические рассказы о царстве полного равенства, при всех благах жизни, эти воображаемые ласкания и веселье и составляют заманчивую обольстительную сторону сектантства. Кому бы из людей темного, людского мира не захотелось пожить при такой обстановке, хоть и не теперь, а в далеком будущем? Вот тот секрет, которым можно объяснить жизненность сумасбродного учения иеговистов.

Проф. Н.И. Ивановский
(Продолжение будет).

**Попов Н. свящ. Антикано́нический характер
австрийской иерархии¹⁵ // Миссионерское обозрение
1901 г. № 7–8. С. 29–44**

Как известно, беглый поп Иероним помазал перешедшего в раскол Амвросия миром, чем и был закончен чиноприем. Естественно возникает вопрос: правилен ли такой чиноприем по существу, т. е. возможно ли после миропомазания оставлять присоединяющегося к Церкви неправославного клирика в сущем сане. Вопрос очень трудный для ясного и точного решения, так как церковные правила, повелевающие принимать неправославных клириков чрез миропомазание, не говорят о том, сохранялись или нет в подобных случаях священные степени за клириками, присоединявшимися к православной Церкви. Так, в 7 правиле 2 Вселенского собора читаем: *«Присоединяющихся к православию и к части спасаемых из еретиков приемлем по следующему чиноположению и обычаю. Ариан, македониан, саввациан и новациан, именующих себя чистыми и лучшими, четырнадцатников, или тетрадитов, и аполлинаристов, когда они дают рукописания и проклинают всякую ересь, не мудрствующую, как мудрствует святая Божия кафе́лическая и Апосто́льская Церковь, приемлем, запечатлевая, то есть, помазуя святым миром во-первых чело, потом очи и ноздри и уста и уши, и запечатлевая их, глаголем: печать дара Духа Святого»*. О том же способе принятия неправославных в Церковь говорится и в 7 правиле Лаодикийского собора: *«Обращающихся от ереси, то есть, новациан, или фотиниан, или четырнадцатников, как оглашенных, так и верных, по их мнению, приимати не прежде, как проклянут всякую ересь, особенно же ту, в которой они находились: и тогда уже глаголемые у них верные, по изучении символа веры, да будут помазаны святым миром и тако причащаются святых таин»*¹⁶ (ср. 96 пр. 6-го Всел. собора). Как видим, указанные правила, говоря о принятии еретиков чрез миропомазание, не упоминают о том, рукополагались или нет впоследствии присоединившиеся к

Церкви еретические и раскольнические клирики. Умолчание правила о столь важном обстоятельстве дает повод апологетам австрийской иерархии утверждать, будто бы вышеозначенные правила только объясняют или дополняют 8 правило 1 Вселенского собора, повелевающее оставлять неправославных клириков по переходе в православную Церковь в прежних степенях священства. Но на самом-то деле всё заставляет нас думать иначе, именно, что как лаодикийский поместный собор, так и Вселенские 2-й и 6-й соборы нашли неудобным принимать еретических и раскольнических клириков тем чином, какой определен был в 8 правиле 1 Вселенского собора, а потому и установили иной способ чиноприятия. Мы знаем, что в различное время способы принятия еретических и раскольнических клириков в православную Церковь были не одинаковы; не может быть ничего удивительного и в том, что 1 Вселенский собор установил не тот чиноприем, какой был определен на последующих соборах. Говоря так, т. е., что 8 правило 1 Вселенского собора не служить дополнением 7 правила Лаодикийского собора, 7 правила 2 Вселенского собора и 96 правила 6-го Вселенского собора, мы в то же время утверждаем, что последние правила несомненно определяют тот чиноприем, по смыслу которого неправославные клирики, принятые при переходе в православную Церковь чрез миропомазание, должны быть снова рукополагаемы в священные степени. Доказать справедливость данного положения мы можем, пользуясь соображениями отчасти догматического, а отчасти канонического характера.

По учению ап. Павла, миропомазание «известует нас во Христе» (2Кор.1:21), т. е. утверждает нас во Христе, укрепляет наши духовные силы; отсюда сие таинство столь необходимо для человека, что, по учению св. отцов, не миропомазанный не может даже именоваться христианином; удостоившись святого миропомазания, «вы, – говорит св. Кирилл иерусалимский оглашенным, – нарицаетесь христианами, оправдывая возрождением и самое имя: ибо прежде, нежели вы сподобились оные благодати, вы сего наименования собственно достойными не были, а стремились к тому, чтобы быть вам

христианами».¹⁷ Симеон Солунский, изъясняя слова молитвы: «во еже быти тым (принявшим помазание мира) пред Тобою знаемым, домовным гражданином... И познаваемым чрез святое сие знамение от святых ангел и архангел и вся небесныя силы», говорит: «этим выражается, что чрез мир мы делаемся подобными ангелам и чрез него ведомы им». «Смотри, – продолжает Симеон Солунский, – как мы, верные, делаемся чрез божественное миро чем-то новым: «Да будут Тебе, говорит (молитва), род избранный, царское священство, народ святой те, мои запечатлены сим пречистым миром Твоим», т. о. чрез сие мы приемлем на себя печать Св. Троицы; а кто не помазан сим божественным миром, не имеет сей печати. Но какой еще величайший дар дает нам молитва, которую я изложил всю, чтобы мы узнали дары, подаваемые чрез миром? «И имели, говорит, Христа Твоего, освящаясь в жилище Тебе – Богу и Отцу во Святом Духе». Вот чрез него и Христос в сердцах наших и мы соделываемся жилищем и храмом Бога Отца и Сына Его Иисуса Христа и Святого Духа. Т. о. миром сим довершается крещение, и мы делаемся чрез него храмами Троицы. Поэтому оно преподается после крещения и низводит на нас Духа, что явил над собою и Спаситель, когда крестился во Иордане. Чрез сие же миром мы делаемся духовными и облагодатствованными и запечатленными печатью Божественные Троицы: так как мы освящаемся, очищаемся и возрождаемся в святой воде Её именем, а чрез миром приемлем печать Её и дары, и как не крещенный остается нечистым и не возрождается в жизнь вечную, так не помазанный после крещения не имеет печати и знамения Св. Троицы, не приемлет и благодати Духа».¹⁸ Если т. о. по смыслу священного Писания, учению Кирилла Иерусалимского и Симеона Солунского, миропомазание довершает крещение, а не миропомазанный не может даже именоваться христианином, то трудно предположить, чтобы человек, не сподобившийся таинства св. миропомазания, мог получить благодать хиротонии, – чтобы несовершенный христианин мог сделаться раздателем благодатных даров верующим. Св. ап. Павел заповедал ученику своему Тимофею рук не возлагать ни на кого поспешно (1Тим.5:22), и это,

конечно, потому, что дары священства приличествует раздавать лицам, наиболее способным к сему великому, трудному и ответственному служению людям, не только испытанным в слове и учении, но и могущим быть *«образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте»* (1Тим.4:12), а все сии качества, потребные для кандидата священства, не иначе могут быть внедрены в душе последнего, как при помощи подаваемой в таинстве миропомазания благодати Духа Святого, немощная врачующей и оскудевающая восполняющей. Отсюда прямой вывод тот, что не миропомазанный не имеет права быть клириком церковным и тем более достигать высших ступеней церковной иерархии, а потому необходимо думать, что правила церковные, повелевающие миропомазывать приходящих к Церкви неправославных клириков, тем самым не дозволяют оставлять их в прежних степенях иерархии, а повелевают вновь хиротонисать. «Как скоро Церковь принимает кого-либо из еретиков чрез миропомазание, говорит проф. В. Соколов, то не может быть речи, чтобы они сохраняли в этих случаях принадлежащие им иерархические степени. По самому существу таинства священства и миропомазания первое не может быть признано действительным у того, кто не считается правильно сподобившимся благодатных даров миропомазания, а потому, когда Церковь принимала ариан, македониан, навациан, и др. «запечатлевая, то есть, помазуя св. миром», она несомненно уже не признавала действительными их священных степеней.¹⁹ «Епископы, пресвитеры и диаконы, которые принимаются в Церковь чрез миропомазание, — замечает арх. Сергей, — должны быть вновь возводимы в священные чины, если признаются того достойными».²⁰ Но мы имеем и прямое доказательство того, что в древности (в половине V века) неправославные клирики, принятые в православную Церковь чрез миропомазание, рукополагались вновь в священные степени. Доказательством сим служит послание константинопольского собора к патриарху антиохийскому Макарию, которое, как имеющее решающее

значение в занимающем нас вопросе, приводим в оригинале и переводах

...Ἀρειανούς καὶ Μακεδονιανούς καὶ
Νουατιανούς... δεχόμεθα... ...Арианы, Македонианы и
Новацианы... приемлюще...
χρισμένους πρῶτον τῷ ἁγίῳ помазуем их первее святым
μύρῳ... καὶ μετὰ ταῦτα, ὡς миром... и потом тщаливии
σπουδαῖοι λαϊκοί, χειροτονοῦνται мирстии человецы
ἐκεῖνοι, οἱ ἦσαν παρ' αὐτοῖς τὸ поставляются в сан, в немже
πρότερον εἴτε πρεσβύτεροι, εἴτε беша, или презвитери, или
διάκονοι, εἴτε ὑποδιάκονοι, εἴτε диаконы, или ино что.²²
ψάλται, εἴτε ἀναγνώσται.²¹

...Ариан, Македониан,
...Arianos quidem, et Macedonianos, Новациан... принимаем...,
et Novatianos... recipimus... unctos помазуя их наперед святым
primum sancto chrismate... et миром... потом же, как
postea, ut probati laici, ordinantur illi, честные миряне,
qui inter eos prius sive presbyteri, рукополагаются они в ту
sive diaconi, sive subdiaconi, sive степень, какую имели, то
cantores, sive lectores fuerant.²³ есть, в пресвитера, или
диакона, или другую степень.

Послание написано вскоре после константинопольского собора (второго Вселенского), а посему с полным правом можно полагать, что оно дополняет и разъясняет чиноприем, который был определен 96 правилом 2-го Вселенского собора, в том смысле, что неправославные клирики, принимаемые в пр. Церковь, остаются в ней, как «честные люди», «потщаливии человецы», – «probati laici», «σπουδαῖοι λαϊκοί», то есть, как простые миряне, и потом уже рукополагаются в тот сан, в котором состояли в своих обществах. Как видим, «послание» в самом основании разрушает всё здание австрийской старообрядческой иерархии, так как по нему и Амвросий, принятый в общество старообрядцев Белой Криницы чрез миропомазание, должен считаться не епископом, не «митрополитом всех древлеправославных христиан», а «простолюдином», простым мирянином, а в таком случае – очевидно, и вся происшедшая от Амвросия, – «простолюдина»,

– «иерархия» должна считаться недействительной, мнимой, самозванной.

«Послание константинопольского собора к ант. патриарху Макарию», подрывающее в корне австрийское священство, апологеты австрийской Белокриницкой иерархии всячески стараются перетолковать в свою пользу, а то и прямо-таки отвергнуть его; так, один из них говорит: ««потщаливии мирстии человецы поставляются в сан, в немже беша» решительно нельзя понять. Если эти потщаливии – мирстии лица, к чему выражение в немже? А если это такие лица, которые уже были рукоположены в известные саны в своих обществах, то к чему выражение – мирстии? Такое смешение понятий мы, – заявляет апологет австрийского священства, – не можем однако приписать собору, это не более и не менее, как ошибка переводчика».²⁴ Но для всякого непредубежденного читателя «послания» ясно, что противоречия в нём никакого нет. Именуемые клирики являются после миропомазания в православной Церкви простыми мирянами и, как таковые, поставляются в те священные степени (недействительные с православной точки зрения), которые имели в своих еретических или раскольнических обществах.

Другой апологет австрийского священства и член одного о. Швецов, именуемый Арсений епископ Нижегородский, по поводу слов «послания» «потщаливии мирстии человецы...» говорит: «Здоровое понятие сих слов должно быть таково: слова «потщаливии мирстии человецы поставляются в сан» значат: «дозволяется присоединенных от ереси мирян поставлять в священный сан, не смотря на то, что раньше они пребывали в ереси». В какой же поставляются сан? в тот, «в немже беша», т. е. не в тот, в котором пребывали в ереси, ибо в ереси они были мирянами, а в тот, в который поставлены были некогда у православных миряне: «или пресвитеры, или диаконы, или ино что», но места которых за выбытием или смертью остаются теперь праздными. В этот именно сан, «в немже беша» у православных священные лица, оставившие теперь свои места праздными, и поставляются присоединившиеся чрез миропомазание миряне».²⁵ Но такое словоизвятие

раскольнического апологета не имеет никакой силы убедительности уже по одному тому, что им предполагается в «послании» пропуск («у православных» после слова «беша»), каковой не может быть допускаем в таком документе, как официальное послание целого собора, послание, написанное по очень важному вопросу, долженствующее по тому самому отличаться ясностью и точностью; притом же из самого текста «послания» нетрудно видеть, что глагол «беша» (ἦσαν) прямо и непосредственно относится к предшествующему выражению «поставляются в сан», следовательно, смысл рассматриваемого места «послания» будет тот, что простые миряне поставляются в тот именно сан, который они имели якобы в своих обществах.

В противоположность апологетам австрийского священства, многие ученые как древние, так и новые толкуют «послание» константинопольского собора п. Макарию в том смысле, что им повелевается инославных клириков, принятых в православную Церковь чрез миропомазание, снова рукополагать в священные степени. Севаст Арменопул в 4 книге своей говорит: «Некое разглаголение ми, боголюбезнейший пресвитер Антоний, о прилагающихся православию и части спасаемых от еретик, како приемлем сия? приемлем дающия книжицы и анафематствующия всякую ересь; печатствуемые или помазуемые первее святым миром, и посем яко тщаливии людины хиротонисуются во оное, еже беша у самих первее, аще диаконы, аще иподиаконы, аще же псалмочетцы». Захарий Копистенский пишет: «Синод никейский в правиле осьмом повелевает, посвятивши их (принять) чрез вкладание. Суд патриархов о том в Арменопули в книге 4-ой, а ставят они тако, а по сих яко гречнии ласкове рукоположиться имеют на он степень, на котором первее у своих были, либо пресвитеры, либо диаконы, или иподиаконы, или псалмочетцы. Есть-ли миром святым мировати велит собор, а яко на искоре снову потреба их хиротонисати». «Несомненно, говорит проф. В. Соколов, что в этом документе («послании») (второй половины 5 века) говорится о существовавшем тогда в константинопольской Церкви обычае принимать новацианских

клириков в церковное общение посредством миропомазания, после чего и рукоположения совершались над ними вновь».²⁶

Итак, на основании всего вышесказанного мы приходим к тому заключению, что те клирики, кои принимаются в Церковь чрез миропомазание, должны быть снова хиротонисаны, если пожелают сохранять за собою священные степени, полученные ими в неправославных обществах; посему и Амвросий (если допустить, что он перешел из ереси в православие) должен был быть снова возведен в Белой Кринице во все те священные степени, какие имел в греческой Церкви, в противном случае он является не иерархическим лицом, а простолудиною.²⁷

Остается нам решить вопрос, как смотреть на Аристиново толкование 8 правила 1 Вселенского собора, толкование, служащее единственным оправданием законности якобы того чиноприема, который совершен был над Амвросием в Белой Кринице. По мнению лучшего нашего канониста проф. И. Бердникова, Аристин в данном толковании смешал определения различных соборов; именно, к тому, что сказано о новацианах в 8 правиле 1 Вселенского собора, он механически присоединил то, что сказано о тех же раскольниках в определениях 2-го и 6-го Вселенских соборов; совершенно верно понимая 8 правило 1 Вселенского собора в том смысле, что им повелевается принимать новацианских клириков в их степенях священства, Аристин в дополнение и объяснение правила приводит совершенно иное постановление о тех же раскольнических клириках последующих соборов, чрез каковое смешение постановлений различных соборов и получился у него тот чиноприем, следуя которому старообрядцы, принимая в своё общество клириков православной Церкви, оставляли их в прежних степенях священства, хотя довершали над ними миропомазание, полученное в православной Церкви.²⁸

По мнению же проф. И. Нильского, Аристин превратно понял смысл слов правила: «по возложении рук» (χειροθετούμενους), именно, разумея под «возложением рук» миропомазание, которое в первые века христианства совершалось чрез возложение рук.²⁹

Наконец, нельзя оставить без внимания того примечательного явления, что наиболее благоразумные из самих старообрядцев в своё время ясно сознавали несостоятельность чиноприема, посредством которого принимались в их общество клирики православной Церкви. Даже сам учредитель старообрядческой иерархии – инок Павел, – человек, ревностно преданный расколу, долго не мог отказаться от той вполне справедливой мысли, что если приходящего в раскол клирика принимать в сущем сане, то уже не следует такового вновь миропомазывать, ограничившись только отречением от ересей. Так именно рассуждал Павел в Москве на соборе, созванном старообрядцами-поповцами для обсуждения возникшего у них вопроса о приискании «древлеправославного» архиерея. Тут Павел настойчиво указывал на необходимость принятия будущего «древлеправославного» архиерея третьим чином,³⁰ на что несогласны были другие поповцы, требовавшие чтобы будущий архиерей был принят вторым чином, и, что для нас важнее всего, в доказательство справедливости своего мнения указывали не на какие-либо каноны церковные, а на своих предков, которые приходивших к ним из Великороссийской Церкви попов принимали чрез миропомазание. Присутствовавшие на соборе должны были т. о. сделать одно из двух: или согласиться с основывающимся на церковных правилах мнением Павла, т. е. согласиться на принятие будущего архиерея третьим чином и в таком случае осудить с давних пор практиковавшийся в их обществе способ принятия беглых, от православной Церкви, попов, или последовать примеру своих предков, т. е. принять будущего архиерея вторым чином, но оставить в таком случае в небрежении церковные правила, противоречащие такому чиноприему. Старообрядцы решились на последнее, не желая осудить своих предков: «если ныне попустится по третьему чину принять епископа, говорили они, то уничтожится наше древлеблагочестивое, донныне неизменно влекущееся священство, и будет иное новое и неблагочестивое».³¹ Высказанное Павлом мнение о способе принятия еретического архиерея разделяли и старообрядцы,

жившие за границей. На соборе в Задунайском старообрядческом скиту 23 июля 1846 г. прибывшие из различных соседних селений старообрядцы-поповцы постановили, чтобы «греческого митрополита Амвросия, согласно 95 правилу 6-го Вселенского собора и 69 и 70 карфагенского, принять третьим чином», причем в оправдание такого чиноприема указывали на некоторые исторические факты: говорили, что на 7 Вселенском соборе патриарх Тарасий принял многих иконоборческих епископов третьим чином, что и в России Даниил епископ Беретенский, хиротонисанный митрополитом Исидором, ставленником римского папы, принят был киевским митрополитом Ионой третьим чином. Даже после принятия Амвросия в Белую Криницу вторым чином некоторые из старообрядцев, приемлющих австрийское священство, высказывались против совершенного над Амвросием чиноприема. Так, известный деятель в расколе, автор «Окружного послания», Иларион Ксенос, говорил своим единоверцам: «по моему мнению, не следовало бы митрополита Амвросия принимать вторым чином, а нужно бы принять третьим, как подцерковника. Это было сделано ради мира церковного. Ибо в противном случае многие старообрядцы, по своей закоренелости, не согласились бы признать его за истинного архипастыря».³²

При принятии Амвросия в Белую Криницу была допущена еще особенность, противная духу церковных канонов, на что старообрядцам австрийского согласия указывают противораскольнические полемисты. Эта особенность состоит в том, что Амвросий, – *митрополит* греческой Церкви – *принят был* в Белую Криницу *беглым попом* Иеронимом. В правилах церковных не находятся ясные указания на то, какое число епископов потребно в том случае, когда к Церкви присоединяется неправославный архиерей. Но из того, что 12 правило карфагенского собора повелевает одного епископа судить собору из 12 епископов, можно с полным правом заключать, что и принимать еретического или раскольнического архиерея может и должен только собор епископов, потому что как в первом случае, – т. е. когда судят епископа, – епископ

является лицом подсудимым, и собору принадлежит право оставить или не оставить за подсудимым его епископский сан, так и во втором случае, – когда неправославный архиерей присоединяется к православной Церкви, – по отношению к присоединяющемуся епископу собор епископов православной Церкви является высшей судебной инстанцией, и от него зависит решение принять или не принять приходящего епископа в сущем сани. Пресвитеру же правилами церковными давалось в древности право только на частной исповеди примирять с Церковью православных христиан, кающихся в своих тайных прегрешениях (52 апост. пр.); когда же исповедь и самые подвиги покаяния совершались открыто пред всею Церковью, то они совершались под личным управлением епископа. Сюда относились подвиги покаяния грешников, обличённых в явных и соблазнительных грехах, а также подвиги покаяния лиц, приносивших раскаяние в своём отступлении от Церкви и просивших принятия снова в недра её. *«Совершения мира и освящения дев, говорится в 6 правиле карфагенского собора, да не творит пресвитер. И примиряти с Церковью кающихся, открыто, на литургии, да не будет позволено пресвитеру».*³³ Амвросий, при переходе в Белую Криницу, торжественно, пред всем народом, приносил раскаяние в грехе, – принадлежности к греческой Церкви, – проклиная мнимые ереси православной Церкви; такое покаяние, как «совершенное открыто», должно было совершаться по правилу пред епископом, а не пред беглым попом.

Стараясь оправдать такой антиканонический поступок Амвросия, апологеты австрийского священства тщатся уничтожить всякое различие между архиереем и иереем в деле принятия в Церковь еретиков и раскольников, причем ссылаются на 46 правило лаодикийского собора, повелевающее, чтобы готовящихся ко крещению испытывали в знании символа веры и главных истин христианских как епископы, так и пресвитеры.³⁴ Говорят также, что священник может разрешить грехи епископа, а следовательно, может будто бы и принимать епископа от ереси.

Совершенно верно то, что священник может разрешать тайные грехи епископа, но тот же иерей не имеет никакого права распоряжаться архиерейским саном, каковое право принадлежит только собору епископов. Иероним (если бы только, конечно, он не был беглым попом) мог отпустить тайные грехи Амвросия, но он не имел никакого права «объявлять достоинство митрополита Амвросия», не имел никакого права принимать Амвросия в сущем сане. В этом последнем случае он предвосхитил недарованную ему власть, забыв слова апостола: *«кийждо в звании, в немже признан бысть, в том да пребывает»* (1Кор.7:3).

Забыл Иероним и 7 пр. карф. собора, повелевающее «примирять со олтарем», хотя и пресвитеру, но не иначе, как «с разрешения епископа».

Защитники австрийской иерархии по обыкновению стараются найти в истории церковной примеры, оправдывающие будто бы прием Амвросия митрополита одним иеромонахом; при сем указывают, между прочим, на препод. Савву и Максима, не имевших священного сана, но присоединивших будто бы к православной Церкви патриархов Иоанна и Пирра.

На это нужно прежде всего заметить, что препод. Савва и Максим имели возможность принять от ереси патриархов уже потому, что сами принадлежали к истинной Церкви, в которой сохранилась преемственно от апостолов идущая законная иерархия, от которой могли получить полномочие на принятие еретических архиереев в православную Церковь. Иероним же во всём мире не имел единомысленного с собою епископа, к которому стоял бы в подчинении и от которого мог бы получить то или иное полномочие. Посему первые, если даже допустить факт совершенного ими принятия еретических епископов, действовали согласно повелениям своей церковной власти, последний же при присоединении Амвросия в раскол действовал – если не самовольно, то по приказанию простых мирян, что служит еще к большему его осуждению.

Но препод. Савва и Максим не присоединяли к православной Церкви патриархов, а только убедили их оставить

ересь и войти в ограду Церкви Христовой, а кто присоединял их к Церкви, о том ясных исторических сведений нет. О патриархе Иоанне в Четьи-Минейх (под 5 ч. декабря) говорится: «Иоанн постыдися, вкупе же убояся толиких многих боговдохновенных отец, с святым Саввою пришедших, отвержеса Севира и вся ереси. И утишишася отцы святии». О патриархе же Пирре под 21 января говорится: «бывшу же собору богомудрый Максим одоле Пирру. Препрен убо быв Пирр, приста к правоверным и принят бысть от Церкви».

Итак, подводя итоги всему сказанному нами о чиноприеме Амвросия в Белую Криницу, мы должны снова повторить, что при принятии Амвросия в раскол допущена была важная погрешность против церковных правил, погрешность, состоящая в том, что «перемазанного» Амвросия оставили в сущем сане, тогда как по соображениям догматико-канонического характера неправославный клирик, принятый в Церковь чрез миропомазание, должен быть снова возводим во все свящ. степени.³⁵ Приняв Амвросия чрез миропомазание, с оставлением в сущем сане, старообрядцы сами произнесли тяжкий приговор над Амвросием и всей происшедшей от него «иерархией», так как принятый Иеронимом чрез миропомазание Амвросий должен считаться простым мирянином, а как таковой, он ни в коем случае не мог сделаться восстановителем в обществе старообрядцев истинного, хриstopреданного священства.

Свящ. Н. Попов
(Окончание следует).

О соблазнах полемической литературы. (По поводу опубликования «Ответа» графа Л.Н. Толстого) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 7–8. С. 45–61

В прошлой июньской книжке поместили мы статью «Новая исповедь гр. Л.Н. Толстого», в которой предали гласности и разобрали с точки зрения православия известный «Ответ» яснополянского ересиарха на синодальное о нём постановление от 22 февраля. Поступившие в редакцию отзывы от читателей разных классов вменяют «Миссионерскому Обозрению» в заслугу пред Церковью и обществом опубликование и разоблачение этого документа. – Все наши корреспонденты согласны в том, что в «Ответе» яснополянский лжеевангелист «собственноручно написал смертный приговор и ископал погребальную яму своему философско-богословскому суемудрию». «Миссионер. Обозрение», – пишет нам профессор Певницкий из Киева, – оказало большую услугу людям благомыслящим, раскрыв пред обществом грубые, кощунственные нелепости нового лжеучителя, который договорился до того, что когда явится антихрист, сын противления, то ему не останется говорить ничего более дерзновенного».

Важно опубликование «Ответа» и в том отношении, что он служит самую лучшую апологию справедливости и безусловной неизбежности синодального акта 22 февраля, который до этого огромной массе людей, не вполне знавших религиозные убеждения Льва Николаевича, казался несправедливым, излишним и несоответственным. А теперь даже некоторые из апологетов гр. Толстого становятся его обвинителями, откровенно заявляя, что не *прочитай* они «Ответа» никогда бы и *никому* на свете не поверили, чтобы могикан нашей литературы, великий мастер слова был способен дойти до *такого падения мысли и чувства*, – до такой религиозной нетерпимости и фанатизма: – «нельзя было и подумать, – пишет нам один почитатель графа, – чтобы из-под пера нашего талантливого художника могла вылиться такая поражающая злоба и пошлость, в отношении всего, что свято и дорого не родному только православию, а всему христианскому

миру, погрязшему, по безумному глаголу гр. Толстого, будто бы в обмане и колдовстве».

Мы предприняли напечатание «Ответа» и разбора его единственно в заботах о достодожном служении интересам миссии отечественной Церкви и, конечно, всесторонне взвесили и обсудили последствия, могущие произойти от опубликования святотатственного писания гр. Толстого в смысле вреда и пользы для общества и народа.

Конечно, редакция наша могла и ошибаться в понимании этого сложного, запутанного явления в нашей церковно-общественной жизни, но ведь «Миссионерское Обозрение» журнал подцензурный и едва-ли можно сомневаться, чтобы разрешившая нам напечатание «Ответа» духовная власть была не компетентна в решении вопроса о том, что полезнее для интересов Церкви, – опубликование «ответа» и открытое безбоязненное разоблачение религиозных лжемудрований яснополянского кумира нашей интеллигенции, или же умалчивание о его богохульствах.

Однако существует сомнение на счет целесообразности опубликования подобного рода документов и вообще пользе печатной полемики с разрушителями авторитета Церкви. Отголоском таких взглядов на данный вопрос служит дневник князя Мещерского от 22 июня в № 47 «Гражданина», где маститый публицист выступил с выражением опасений относительно соблазнов полемической литературы.

На возражении «Гражданина» можно бы и не останавливаться, если бы в нём не слышался голос издавна распространенного – и не у светских только людей – предубеждения против печатной полемики в вопросах веры, так что в дневнике ставится один из пререкаемых вопросов, на правильности решения которого покоится успех православной апологетики и полемики, – «о роли и о действии печати по отношению к разрушителям авторитета Церкви». А между тем почтенный наш публицист дает решение этому важному вопросу слишком одностороннее и далеко не соответствующее современным духовным потребностям чад Церкви и истинной религиозности.³⁶

Рассуждения князя Мещерского заключают в себе целый ряд недоразумений и отличаются тем, к сожалению, обычным у нас характером фарисейского мышления и отношения к вопросам веры и Церкви, при которых, под видом забот о Церкви, мы искони привыкли оберегать лишь свой личный душевный покой и религиозный мир, вздымаемый злохулениями еретиков, так как последним мы, маловерующие, бессильны противопоставить и свои скудные богословские знания, и свои слабые религиозные убеждения, и свою грешную жизнь. Отсюда и страх пред соблазном, опять-таки покоящийся на нашей лениности изучить пререкаемый вопрос, пересмотреть свой религиозный мир, изменить свою нехристианскую жизнь... Нам думается, что и Церковь, и народ тут ни при чем, – они за себя сами во всю нашу церковно-историческую жизнь стояли и будут стоять. А чего же смущаться тем, если козлица отделяются от овец теперь же, в недрах земной Церкви, страдающей от присутствия нехристей среди христиан более, чем от злохулений явных еретиков? *Подобает быти ересям*, – и Толстой явился, по попущению Божию, с его оскорбительным для нас богохульством, как мщение нам за нашу духовную беспечность... Зачем прятать эту кару Божию от верующих и неверующих? В Церкви должно быть всё – наго и объявлено...

Князь Мещерский говорит, что «есть *в настоящее* время мнение в высших сферах нашей церковной иерархии»... и проч... Но это – мнение не «настоящего» времени, – а *исконное*: Церковь никогда не секретничала с еретическими мудрованиями, а всегда со времени соборов, подробно и всенародно излагала их и опровергала, не боясь соблазнов. Иначе невозможна и борьба с лжеучениями, немыслима и подготовка воинствующих мечем слова Божия.

Это всякому должно быть известно, кто интересовался историей вековой борьбы нашей Церкви с расколом и сектами и заглядывает в современную полемическую литературу, где подробно излагаются и опровергаются еретические мудрования всяких лжеучителей, и никто еще не удостоверял того факта, чтобы печатная полемика порождала соблазн, или вредила интересам Церкви. Если угодно, то кощунственные

словоизвержения «Ответа» гр. Толстого, представляющего краткую выписку из его ранних сочинений, давно опубликованы и разобраны на страницах нашего же журнала и в других органах духовной печати. К сожалению, светское общество и печать не интересуются нашей литературой.

Далее: князь Мещерский слишком односторонне и неполно изложил «рассуждение иных наших иерархов», руководившее опубликованием «выдающихся нападок». Мотивы к этому гораздо сложнее и значительнее, чем полагает кн. Мещерский.

Так как статья «Гражданина» выпущена в качестве предостережения, на счет напечатания «Ответа» Толстого, то на мотивах к его опубликованию мы здесь и остановимся.

Прежде всего основанием к опубликованию «Ответа» гр. Толстого послужило особое, беспримерное положение яснополянского еретика и в Церкви, и государстве, и обществе, а затем широчайшее распространение «Ответа» в читающей публике, так что тут не может быть и речи об опыте *тайного* соблазна, – соблазн получился гораздо ранее печатного опубликования у нас этого документа и притом *самый явный*. При этом в обществе были уверены, что гр. Толстой, подобно супруге своей, направил «Ответ» членам Синода, и раз последовала отповедь графине Толстой, то люди обоих лагерей, естественно, с нетерпением ждали такой же отповеди и на ответ Льва Николаевича. А когда отповеди не появлялось, то порождались не только недоумение, но и соблазн... А что не мог Синод или его члены отвечать официально на подпольный документ, это, полагаем, понятно всякому. Между тем поклонники яснополянского хулителя Церкви старались внушать легкомысленным и немощным чадам Церкви, что «церковники молчат, потому что им нечего ответить, ибо Лев Николаевич сказал правду, прижал их к стене»... Можно ли было молчать, в виду возводимых гр. Толстым в его «Ответе» столь тяжких и несправедливых обвинений на церковную власть, как ложь, клевета, неправда?... Ведь это значить равнодушно мириться с явным оплеванием родной Церкви и её представителей, наших духовных отцов! Кому неизвестна пущенная еще во время апрельских смут среди молодежи нашей клевета, появившаяся

и в заграничной прессе, и в Толстовских листках, что де правительство выпустило на студентов казаков, а на Толстого – попов. Смута толстовского дела просачивается и в народ. Вот почему представлялось необходимым новую исповедь, так откровенно и решительно изложенную ересиархом Толстым в его «Ответе», – широко распространить в читающей среде и сделать её достоянием богословствующей мысли верующих, чтобы вызвать и их на духовную борьбу с выявившимся чрез дело о гр. Толстом огромным антицерковным течением в нашей интеллигенции. Наша Церковь располагает великими внутренними силами верующего чувства и разума, но силы эти дремлют, не одушевлены, не сплотнены, и именно, благодаря отсутствию в обществе верующих людей живого и деятельного отношения к церковным нуждам и религиозным опасностям, а равно и благодаря тому, что в нашей светской печати нет честного и трезвого сознания своего долга в отношении вопросов веры и Церкви.³⁷

Антицерковный либеральный лагерь не дремлет; он действует всеми устными и письменными средствами и «силами для пропаганды своих вредных для Церкви и государства учений, а мы, верные сыны Церкви, Царя и отчизны, в своём благодушии ничего не видим, ничего не знаем, и знать не хотим. У нас горсть толстовцев 8 тыс. духобор совратили, а мы хватились лишь по выезде этой массы несчастных за границу на явную погибель. Один английский ученый пишет, что «для англичанина и американца трудно понять, как это один лжеучитель может в России совратить 8 т. человек, а потому ему бесконечно более жаль того одного англичанина, который, прочитав «Евангелие Толстого» повесился, убедившись, что нет будущей жизни».

Иронический тон рассуждений о «конвоировании», «аккомпанементе морали» способен свидетельствовать лишь о *недоверии*, если не к истине исповедуемого автором дневника православного учения, то к силе и искусству наших пастыреучителей и апологетов Церкви. Иначе едва-ли можно так решительно утверждать, что будто бы «никакое опровержение не подействует на эти сотни тысяч русских

интеллигентов, прочитавших произведение гр. Толстого», или что «путь полемики в печати двух утверждает, а 200 соблазняет».

«Божия никто же весть, точию Дух Божий, и человеческое никто не знает, только дух человеческий», говорит Св. Писание. Почем знать, а может быть, слово правды церковной на кого-нибудь да и воздействует, не теперь – так после, а ведь и «о едином кающемся грешнике велия радость бывает на небеси». Душа человеческая – потемки.

Никак нельзя согласиться с предположением кн. Мещерского, решительно ни на чем не основанном, что «Ответ» будут читать, а опровержение, рядом предложенное, оставят без внимания. По себе никому о других судить нельзя, – психология же как верующей, так и отчаянной души человеческой говорит совершенно обратное. «Ответ» гр. Толстого написан тоном, столь вызывающим, оскорбительным как для всего христианского мира, так и для каждого просто порядочного человека, что, прочитав «Ответ», никак нельзя не заинтересоваться даже самому индифферентному человеку тем, «как же и что отвечают новому лжеевангелисту церковники». Для верующих и колеблющихся опровержение составляет насущную душевную потребность.

Тем же *недоверием*, дышит и то – оригинальное, остроумное, но не убедительное сравнение, где кн. Мещерский говорит, что будто бы, вследствие такой логики («иных наших иерархов»), «все печатающиеся за границей против Государя и Его правительства статьи должны быть перепечатываемы в «Правительственным Вестнике» и в «Губернских Ведомостях», но с сопровождением опровержений за подписью Губернаторов».

Не споря о том, насколько уместно допущенное здесь сравнение апостольской миссии и авторитета иерархов Церкви с ролью губернаторов, мы спросим почтенного публициста: а что, если бы какой-нибудь важный в государстве сановник, да еще и «властитель дум народных» – оказался бы фарисейским верноподданным; состоя на службе, он фактически изменил бы Царю и родине, занимался бы под сурдинку пропагандой

противоправительственных идей и распространением оскорбительных для Государя и отечества памфлетов, то ведь наверное было бы объявлено в «Правительственном Вестнике» о вероломных действиях и измене такого недостойного сановника, да еще с присоединением и мер законного взыскания? И никто бы ведь этим не соблазнился? Не это ли сравнение ближе подходит к Толстому? Ведь не подлежит сомнению, что гр. Толстой занял в обществе именно такое фарисейское вероломное положение, в силу которого он неуязвимо, уже много лет, ведет вредную, оскорбительную для всей св. Руси противоцерковную (о противоправительственной мы не говорим) пропаганду, числясь в то же время до акта 22 февр. православным, прячась за свою писательскую славу, выдавая себя за поборника и глашатая христианского учения и обольщая простодушных своим «фальсифицированным христианством?» Благодаря этому толстовская история создала то вавилонское столпотворение, ту психопатию поклонения графу, и именно, как борцу против Церкви, а не писателю; поклонение это распространяется, как протест против Церкви, в огромной части интеллигентного общества! Неужели Церковь должна молча сносить это?

В такой чрезвычайный момент в жизни Церкви для раскрытия правды в Толстовском деле, для успокоения общества, для рассеяния предубеждений против важного исторического акта 22 февраля, а равно и для рассеяния невольных заблуждений среди многих и многих, относительно религиозных воззрений яснополянского лжеевангелиста, единственно верною, испытанною мерою и является в данном случае широкое распространение в обществе критики лжеучения, основанной на собственном признании и *самообвинении* гр. Толстого во всех его преступлениях против Церкви. Обнародованием «Ответа» духовная власть исполнила свой долг пред истиной и обществом. И нам – мирянам надо всячески споспешествовать заботам архипастырей и пастырей наших, в деле духовного воинствования их с врагами родного православия и упрочения мира церковного. На этом мы и закончим нашу заметку по вопросу, затронутому «Гражданином,

уступая место поступившим в редакцию по данному же вопросу
нижеследующим письмам мирянина и священника.

В. Скворцов

Не знаю, русским ли только православным людям свойственно, или это – свойство большинства верующих людей нашего времени – укрывать свою веру в потаенных закоулках сердца, тщательно окутывая её и оберегая от всяких дуновений критической мысли? В самом деле, часто приходится встречать людей более или менее религиозных, которые боятся какого-либо прикосновения критики к сокровищнице их верующего сердца. Цenia сокровище, дорожа им, они словно не верят в его действительную прочность, думают, что чувство веры неизбежно иссякнет под действием анализирующего рассудка. Грустно бывает наблюдать это явление особенно тогда, когда робеющими и прячущимися оказываются люди с сознанием настолько развитым, чтобы не допускать этого раздвоения веры и мысли, этого боязливого отношения к запросам критики или к натиску голого отрицания. Невольно в таких случаях зарождается сомнение в доброкачественности самой веры таких людей, которая перед лицом сознания отказывается дать отчет в своём уповании.

Такое грустное чувство вызвала в нас статья Гражданина (№ 47), в которой автор дневника (кн. Мещерский) упрекает некоторых наших архипастырей за оглашение в печати резких нападок на Церковь. Автор приходит в смущение «от этой новизны во взглядах иных наших иерархов на вопрос о роли и действии печати по отношению к разрушителям авторитета Церкви». Речь идет о письме графини Толстой с ответственным письмом С.-Петербургского митрополита, об ответе гр. Толстого Синоду, о письме неизвестного к архиеп. Амвросию...

Что касается письма графини, а тем более ответа Толстого Синоду, то опубликование их было делом не только благоразумия, но и нравственного долга. «Бестактное» письмо графини, быстро расходившееся у нас в рукописи и распространенное печатно за границей, требовало отповеди, если не ради восторженных читателей его, то ради чад Церкви, коим приходилось выслушивать очень нелестные замечания по

адресу иерархов... Полный достоинства, ясный мудрый ответ митрополита Антония снял тяжкое бремя с множества верующих душ...

Не обратить внимания на ответ гр. Толстого было бы уже преступлением, так как в нём (не говоря о прочем) возводятся на Синод такие обвинения, которые, как мне достоверно известно, смущали преданнейших Церкви сынов... В данном случае пройти молчанием обвинение значило показать *равнодушие к истине* и презрение к целому сонму верующих, да и не одних верующих...

От частных фактов перехожу к некоторым общим соображениям. Неужели автор «Дневника» думает, что при таком всё усиливающемся напоре мысли, какой мы наблюдаем и в культурном обществе, и в простом народе, мы – православные можем, *смеем* ограничиться этой «*верой про себя*»? Сектантство, широкой волной разливающееся по лицу земли русской (см. всеподдан. доклад обер-прокурора Св. Синода), раскол, культурные *измы* всех сортов, – всё это с силой проторгается наружу, переполнив сердца и утробы своих исповедников. Одно сектантство с успехом опровергает рассуждения автора, полагающего, что укрывательством еретических писаний можно умалить соблазны (порождаемые, кстати сказать, главным образом «*жизнью не по вере*» самих православных). Это укрывательство лишь набрасывает тень на укрывателей, вызывая естественное сомнение в их духовной силе и стойкости, и – что печальнее всего – покрывает ржавчиной тот *духовный меч*, который вручен им Господом воинств. И не будет у нас тех «*сильных*» пастырей, которых желает видеть автор статьи, если им не придется воинствовать с облегающими нас соблазнами, уповая *на силу Божию, а не на ухищрения человеческие*. И тому почину в смысле открытого, безбоязненного объяснения с противниками Церкви, который сделал своим мудрым письмом Петербургский архипастырь, можно только радоваться. Еще больше нужно радоваться тому, что благое дело не ограничилось почином, а нашло себе достойных продолжателей среди тех же иерархов: появился ответ Толстого Синоду, сопровождаемый прекрасной статьей

другого иерарха епископа Сергея (ректора с.-петербургской академии). И в этом деле безбоязненной, открытой борьбы с заблуждением можно, славу Богу, – не говоря о дерзновении веры и уповании на Того, Кто, будучи Истиной, истине и споборствует, – можно опереться на факты русской действительности, достаточно осязательные и для не особенно внимательного к знамениям времени ума. Наряду с развитием и разлитием в обществе начал неверия и материализма со всеми неизбежными последствиями их сказывается и иное течение, не укрывшееся, конечно, от зоркого ока тех архипастырей, которые смело взглянули в глаза врагу и открыто выступили против него. Разумею тех «новых людей» земли русской, о которых предсказывал Достоевский и на которых указывает в своём последнем произведении Мережковской. Пусть этих людей немного, но они есть, и этого довольно, чтобы уповательно обращать взор на будущее нашей родной страны. Борьба закалит силы, а Господь умножит дарования, если мы не будем трусливо забиваться в угол и зарывать в землю уже полученные таланты, прежде всего при этом, конечно, помня, что Царствие Божие не в слове, а в силе (духовной), и что слово получает силу от «жизни по вере».

Да, наконец, пусть их противников будет много, пусть публикуемые еретические документы переведут в лагерь этих противников тех, кто раньше числился только среди чад Христовой Церкви! Чего же тут худого? Ведь пойдут туда только те маловеры и двоеверы, о которых Господь изрек: «Знаю твои дела: ты ни холоден, ни горяч, о если бы ты был холоден, или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Апок.3:15–16). Что же Церкви в этих людях с «двоящимися мыслями»? Они служат только нравственным балластом в церковном обществе... Да и для них самих лучше определиться даже в другую сторону (холода), чтобы впоследствии, может быть, уже сознательно и твердо вступить в ряды членов Церкви.

«Не мир пришел Я принести на землю», а меч, сказал Господь. «Ибо я пришел разделить человека с матерью его, и невестку с свекровью её. И враги человеку – домашние его»

(Мф.10:36). И пусть, пусть наступает это благословенное разделение, имевшее место в первые славные века христианства, когда Христос не был пустым звуком для носящих святое имя Его! И чем скорее наступит оно, тем лучше, ибо «какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным?» (2Кор.6:15). А мы по наущению духа лукавого нашли мерзкую в очах Господних общую почву, на которой сходится вера с неверием, где именующий себя христианином протягивает руку взаимообщения отрицателю Христа или двоедушному его исповеднику! Мы даже нередко хвалимся этой преступной *лжетерпимостью*, свидетельствующей не о нашем человеколюбии, а лишь о нашей *измене* Христу, – *в Ком единственно* и заповедано нам единение. Успокаиваясь своей сонной мыслью на опеке внешнего закона, мы сохраняем вид благочестия, отвергшись силы его, в коей уже не видим нужды. Что лучше для Церкви: малое, но верное стадо, или же стадо многочисленное, исполненное «волков в одежде овчей»? Но не умалилось бы и стадо (верное), а приумножалось бы непрерывно, если бы связь общения церковного зиждилась на живом и живительном начале христианской любви и свободы. Нет, замалчивание злохулений еретичества свидетельствовало бы лишь о недостатке дерзновения веры... А если проявляется недовольное дерзновение веры со стороны официальных охранителей веры, то как же остановить и в обществе тот дух неверия, которым обуреваются людские совести?

Не пререкания или упрека заслужил благой почин первосвященника нашей Церкви, а сыновней признательности и всяческого содействия от нас – духовных детей его.

Не с холодящим словом почтительно-иронического недоумения следовало бы обратиться к досточтимому архипастырю, а с ободрятельным и радостным возгласом: «Дерзай, Высокопреосвященнейший Владыко, ибо на св. Руси нас, правоверующих – не малое стадо, а Отец наш благоволил дать Царство (Лк.12:32) и малому стаду!»

М. А. Н-в

1 июля 1901 г. Вышний Волочек.

Не мало встречается ныне в обществе людей, коим очень не по вкусу опубликование во всеобщее сведение таких выдающихся по своей откровенной наготы произведений антихристианской мысли, как письмо графини С. А. Толстой или ответ Л. Толстого на послание св. Синода. Причин тому несколько. Для иных это невыгодно и нежелательно, как всякое разоблачение того, что выгоднее делать под сурдинку, под соблазнительным покровом «запрещения». Для других же такой «новый» прием борьбы «в открытую» просто неприятен, как всякое явление, нарушающее видимое спокойствие и тишину. Есть и такие, которые по принципу неодобрительно относятся ко всякой «новизне», где бы она ни проявилась.

Во всяком случае одно из этих настроений нашло свой отголосок в печати. Кн. Мещерский в *Гражданине* (№ 47) вооружается против принятого приема разоблачения лжи. В этом он видит *только* соблазн. Он пишет:

«Признаюсь, прихожу в глубокое смущение от этой новизны во взглядах иных наших иерархов на вопрос о роли и о действии печати по отношению к разрушителям авторитета Церкви... Их рассуждение такое: всё равно, запрещено или допущено чье-либо печатное нападение на Церковь, его все читают, даже более того, раз оно запрещено, его больше стараются прочитать, чем разрешенное; если это так, то не лучше ли вместо того, чтобы антицерковную статью, печатаемую за границей, читали без опровержений, печатать её у нас, но с тем, чтобы читающие её могли в то же время прочитать и возражение на эту антицерковную статью.

Повторяю, не нахожу способа мириться с такою логикой, вследствие которой, очевидно, все печатающиеся за границей против Государя и Его правительства статьи должны быть перепечатываемы в «Правительственном Вестнике» и в «Губернских Ведомостях», но с приложением опровержений за подписью губернатора»...

То, что очевидно для кн. Мещерского, ложно в самой своей основе. Так логически рассуждать может лишь тот, кто *смешивает* понятие Церкви и Государства, для кого нет различия между функциями того и другого учреждения. Логическая ошибка, характерная для многих так называемых консерваторов.

У Церкви и у Государства орудия борьбы с врагами их различны. Государство имеет в своих руках меч, Церковь же для отражения своих врагов может пользоваться только словом (мечем духовным), и только им одним. Это не освобождает христианское Государство от *обязанности* своим мечем ограждать Церковь от нападений, но это последнее обстоятельство в свою очередь не лишает Церковь присущего ей *права во всех* случаях пользоваться *своим* оружием в той мере, в какой это признается необходимым церковной властью.

Эти азбучные истины приходится напомнить, в виду приведенного кн. Мещерским сравнения.

Если губернатор будет печатать и опровергать революционные прокламации, – это будет очевидная для всех нелепость. Если же предстоятель Церкви возвышает свой голос, чтоб изобличить и раскрыть невидимую для многих ложь противоцерковной пропаганды, то для всех истинных сынов Церкви очевидно, что это не только право, но и обязанность того, кто поставлен «блюсти своё стадо».

Но, поясняя далее своё неудачное сравнение, кн. Мещерский переносит центр тяжести вопроса на почву обычного у нас страха перед соблазном.

«Логика такая, продолжает он свою речь: там, за границу, делается опыт по отношению к нам тайного соблазна; в ответ на него у нас будет сделан опыт явного соблазна, но с аккомпанементом морали»...

Для кого же соблазн? Есть люди, для которых учительное слово их архипастыря, в какой бы форме оно ни выражалось, есть ничто иное, как «*аккомпанемент морали*» и только. Это слово они и не читают;³⁸ может ли их соблазнить какая-либо кощунственная выходка? И есть люди, с любовью внимающие слову и указаниям своего архипастыря; в этом слове они видят

не аккомпанемент запрещенной статьи, а авторитетный суд представителя и предстоятеля Церкви, голос которого в известных, возмущающих церковную жизнь, случаях они жаждут слышать. И этих людей никогда не соблазнит неприкрытая нагота антихристианской мысли; она способна внушить им ужас и отвращение к себе, способна усилить в них чувство любви и привязанности к матери-Церкви.³⁹

Для этих людей, верующих, покорных Церкви и её уставам, послушных Богом установленной иерархии, представляет опасность соблазн иного рода: соблазн *молчаливого* попустительства и бездействия церковной власти по отношению к лицам и идеям, подтачивающим здание Церкви. Но о таком соблазне теперь не может быть и речи.

Если хотите, есть еще один вид соблазна, более опасный даже, чем предыдущий. Это *соблазн лжи*, сознательно или бессознательно распускаемой всюду о Церкви и о церковной иерархии и никем не опровергаемой. Вот самый яркий пример тому. Когда ответ Л. Толстого св. Синоду ходил в рукописи по рукам, что в нём более всего соблазняло истинных сынов Церкви? То место в ответе, где граф заявляет, что Церковью не принималось никаких мер увещания по отношению к нему. Смущение людей православных усиливалось тем более, что неоткуда было ждать авторитетного опровержения того, что распространялось всюду, но только привилегированным, нелегальным путем. Положение невыносимое, способное принести Церкви вреда в тысячу раз больше, чем какое угодно печатное издевательство над ней. И только теперь, когда ответ Л. Толстого напечатан, стало возможно рассеять тот истинный соблазн, который смутил многих и многих православных людей. Это и сделал авторитетный голос митрополита Антония.

Всё это упускают из виду или не хотят видеть защитники системы молчания. Их смущает только соблазн небывалого прежде, открытого глумления над Церковью, что во всяком случае составляет меньшее зло и менее опасно для Церкви, чем иные указанные нами виды соблазна.

Свящ. И. Фудель

10 июля 1901 г. Москва.

Из миссионерских запросов

В. Я-ч. Должно ли погребать по чину православной Церкви лиц, крещенных в православии, но затем уклонившихся в раскол? // Миссионерское обозрение 1901 г. № 7–8. С. 62–65

Дать вполне определенный и прямой ответ на поставленный вопрос, как по отсутствию точных на сей предмет указаний в законе, так и по крайней сложности самого вопроса, весьма трудно. Нужно различать в сем вопросе две стороны: внешнюю – формальную и внутреннюю, касающуюся существа дела. 1) Статья 209¹ Улож. о наказ. (по прод. 1891 г.) воспрещает, под угрозой строгой ответственности, погребать христиан без соблюдения христианского обряда. Статья же 196 того же Уложения (по прод. 1895 г.) говорит, что раскольник, дозволивший себе совершать духовные требы для лиц православного исповедания, подвергается наказаниям, в сказанной статье определенным. Так как засим лица, родившиеся и крещенные в православной вере, а потом уклонившиеся в раскол, как по точному смыслу всех до настоящего предмета относящихся узаконений (т. IX Зак. о сост., изд. 1899 г. ст. 947; т. XIV Уст. о пред. и прес. прест., изд. 1890 г., ст. 56; ук. Прав. Сен. 11 дек. 1891 г. № 14740, по вопросу об условиях записи раскол. брак. в полиц. метрич. кн. – см. Мисс. Об. 1900 г. Дек. стр. 778–779; реш. Прав. Сен. по делу Лециуса. 1891 г. № 10, – о том, что самовольный переход из православия в какое-либо вероучение не может создать законной принадлежности к сему вероучению и т. п.), так и действующей практике, не признаются принадлежащими к расколу, то казалось бы, что на основании приведенных статей 209¹ и 196 Улож. о нак. надобно допустить, что эти лица, в случае смерти, должны быть погребаемы православными священниками по чину православной Церкви. Некоторые епархиальные начальства, придерживаясь такого понимания сказанных статей закона, возбуждали уголовное преследование против раскольнических требоисправителей, погребавших по раскольническому обряду уклонившихся из православия в

раскол лиц. Но судебные места, исходя из той мысли, что погребение по раскольническому обряду подобных лиц составляет лишь одно из последствий уклонения их в раскол, а такое уклонение не подлежит преследованию в уголовном порядке, прекращали возбуждаемые епархиальными начальствами дела. Если же таким образом нет гарантий в успешном преследовании раскольнических требоисправителей, погребающих уклонившихся в раскол православных, то и не может быть речи об обязательном погребении сих лиц по православному обряду. При таком положении дела, какие бы понудительные меры ни употребляли православные священники, к тому, чтобы уклонившиеся в раскол отпеваемы были и погребаемы по чину православной Церкви, их старания будут втуне; заблуждающиеся родные умерших всегда будут обращаться с просьбою об их погребении к своим требоисправителям.

2) Но допустим, что сказанные родственники обратятся с просьбою о погребении уклонившегося в раскол к православному священнику. Должен ли он будет исполнить эту просьбу? «Бывших в расколе, говорится в Высочайшем повелении 3 ноября 1838 г., не возбраняется погребать отпеванием священническим, по установленным правилам, в предположении, что или сами они пред смертью раскаялись в своём заблуждении, или родственники их будут о том просить, согласно с желанием умершего присоединиться к Церкви, предупрежденным смертью». Закон таким образом не возбраняет погребать по чину православной Церкви лишь тех умерших в расколе, которые пред смертью принесли раскаяние в своих заблуждениях. Не раскаявшихся же, значит, погребать по сему чину не следует. И такое требование закона вполне отвечает существу дела. В требнике Петра Могилы, в статье, носящей заглавие: «*Наказание о памятех усопших*» находятся следующие места. «О еретиках же, непокаятельно отшедших, не молимся, о сих бо Господь рече: иже восхулит на Духа Святаго не имать отпущения в веки, но повинен есть вечному Суду (Мк. гл. III, зач. 14)»... «Согласно превелиции божественнии вселенстии учителя поучают, яко и от апостолов

святых преданы и душе полезны и спасительны суть *в правой вере отшедшим* церковные молитвы, божественные литургии и милостыня»... «И действительно, отпевание уклонившихся в раскол и умерших без покаяния и приобщения св. Таин в православных храмах и по чину православной Церкви, от которой они отпали, благодатную помощь которой отвергли, как не верующие в её святость и спасительность её молитв, разве не противоречило бы достоинству этой Церкви»... «*Есть грех к смерти: не о том, глаголю, да молится*», говорит св. апостол Иоанн, друг и наперсник Христов (1Ин.5:16). А нераскаянность что же иное есть, как не грех смерти? И эти слова принадлежат тому апостолу, который проповедовал любовь! «Церковь, пишет высокопреосвященный Антоний, митрополит С.-Петербургский, благословляет именем Божиим все значительнейшие моменты человеческой жизни: рождений, браков, смертей, горестей и радостей людских, но никогда не делает она этого и не может делать для неверующих, для язычников, для хулящих имя Божие, для отрекшихся от неё и не желающих получить от неё ни молитв, ни благословения, и вообще для всех тех, которые не суть члены её» (ответ графине С. А. Толстой 16 марта 1901 г.).

Пастыри церковные, коим Христом Спасителем дана великая власть вязать и решить (Ин.20:22 и 23), должны помнить, что они призваны руководить верующих к их духовному совершенству, к единству веры, к святости жизни и вечному спасению (Еф.4:11–13), и что в этом своём служении они отдадут пред судом Божиим самый строгий отчет, ибо кому много вверено, с того больше и взыщется (Лк.12:48). На их обязанности лежит посему вечно быть на страже стада Христова, проповедовать слово, настоять во время и не во время и т. д. (2Тим.4:1 и 2). Лишая уклонившегося в раскол погребения по чину православной Церкви, они всегда должны думать, не были ли они виновниками его уклонения, принимали ли ответственные меры к предупреждению такого несчастья и т. п. Что скажет им их совесть? Престарелый апостол Иоанн, забыв немощи и старость свою, предпринимает путь в горы к разбойникам, чтобы спасти из бездны греха и гибели одного

юношу, проповедью апостола обращенного ко Христу. Трогательно и полно притягательной силы сказание о сем. Апостол бежит за юношей, падает пред ним на колена, целует ему руки, умоляя возвратиться в недра Церкви. И юноша покаялся и душевно возродился.

В. Я-ч

Булгаков Н. Спб. епарх. миссионер. Имеет ли право судебный следователь в воскресенье вызывать священника к допросу? Священник К-ой епархии Н-в. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 7–8. С. 65

По данному вопросу существует определение гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената от 6 марта 1878 г. за № 8746; означенное определение Правительствующего Сената состоялось в виду того, что мировой судья 2-го ялтинского округа вызвал к допросу в свою камеру во вторник первой недели великого поста двух иноков Херсонесского монастыря. После надлежащих сношений по сему делу со Святейшим Синодом, Правительствующий Сенат определил: «разъяснить судебным местам и лицам, что духовных и монашествующих лиц не следует вызывать ни в качестве тяжущихся сторон, ни в качестве свидетелей, *в те дни и часы*, когда ими по своему званию исполняется церковное богослужение, а *в первую и последнюю недели великого поста* они вовсе освобождаются от призыва в суд. Лицам этим не следует также ставить в вину неявку в суд в тех случаях, когда причиною такой неявки было исполнение ими, в назначенное для явки время, обязательных духовных треб».

Спб. епарх. миссионер Н. Булгаков

Из миссионерских дневников, летописей и записок

По поводу ответа Св. Синоду гр. Л.Н. Толстому //
Миссионерское обозрение 1901 г. № 7–8. С. 66–105

I. Мысли Высокопреосвященнейшего Антония, митрополита С.-Петербургского и письмо гр. Бобринского

Еще в апреле месяце пущенный графом в публику ответ его Синоду появился, наконец, с небольшим и несущественным сокращением, в печати («Миссион. Обзор.» июнь, стр. 806–814). Возможно стало сказать теперь по поводу его несколько слов.

В своём ответе граф в сущности вполне подтверждает справедливость постановления о нем Синода, хотя и делает против него некоторые возражения. Возражения эти отлично разобраны в трех прекрасных статьях, напечатанных в «Миссионерском Обзрении» вместе с ответом и принадлежащих: а) ректору здешней академии епископу Сергию, б) В.М. Скворцову и в) М. А. Н-ву.

В одном из этих своих возражений граф Толстой с беззастенчивою смелостью называет лживым утверждение Синода, что в отношении к нему со стороны Церкви были делаемы попытки его вразумления, не увенчавшиеся, однако, успехом. В упомянутых статьях и еще в брошюре московского протоиерея И. Соловьева: «Послание Св. Синода о графе Льве Толстом» в опровержение этого обвинения сделаны вполне верные указания. Я же в настоящей своей заметке хочу лишь дополнить эти указания свидетельством лица стороннего, к числу «церковников», в смысле толстовском, совсем не принадлежащего. Разумею печатаемое ниже письмо ко мне графа Владимира Бобринского. Граф Бобринский мне совсем неизвестен, и письмо своё написал ко мне под тяжелым впечатлением прочитанного им ответа Синоду графа Толстого. Недавно я испросил разрешение обнародовать это письмо. Своё согласие на это граф Бобринский выразил в своём втором ко мне письме в следующих словах:

«Если вы, Владыко, найдете нужным для пользы Церкви, сослаться на мое письмо и даже опубликовать его, то я на это вполне согласен, так как это согласие есть долг мой пред правдой и перед св. Церковью, которая особенно мне стала

дорога по прочтении грубых и необстоятельных нападок Льва Николаевича» (Письмо от 12 июня, из Богородицка, Тульск. губ.).

Во имя долга пред правдой и Церковью и я признал нужным обнародовать это письмо, чтобы подтвердить неправду графа Толстого. Вот текст этого письма:

Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивый Архипастырь.

Вчера вечером я прочитал ходящий по рукам ответ тр. Л.Н. Толстого на послание Синода, и в первых строках меня болезненно поразило заявление Льва Николаевича о том, что Церковью не принималось никаких мер увещания по отношению к нему. Лев Николаевич даже называет лживым утверждение о сем Синода.

В виду этого резкого и серьезного, по существу дела, упрека, я считаю долгом своим сообщить Вашему Высокопреосвященству то, что я слышал от самого гр. Л.Н. Толстого по данному вопросу.

Около года тому назад я был у Льва Николаевича и, зная, что его несколько раз посетил в Ясной Поляне священник тульской тюрьмы, я между прочим спросил его, какое на него произвел впечатление этот священник. В ответ Лев Николаевич сказал мне, что тюремный священник, по-видимому, вполне хороший и искренно верующий человек, и что он с удовольствием с ним беседует, но удовольствие это для него отравляется сознанием, что он присылается нашим архиереем для его увещания. Я решаюсь о сем сообщить Вам не из полемических целей, а ради правды. Если бы я умолчал, то совесть мучила бы меня, и я постоянно чувствовал бы, что убоялся гения и всемирной славы великого писателя и не исполнил своего долга для восстановления истины.

У вас, Владыко, вероятно, имеется много веских доказательств по вопросу, которого я коснулся, но мне кажется, что приводимое мною свидетельство самого Льва Николаевича имеет в данном случае большое значение. Это обстоятельство извинит меня за непосредственное и непрощенное обращение мое к предстоятелю русской Церкви.

Считаю долгом оговориться, что я позволил себе коснуться дела Л.Н. Толстого лишь в виду счастливого исключения, в котором находится этот писатель в смысле отсутствия карательных мер со стороны властей.

Испрашивая себе святительского благословения, остаюсь Вашего Высокопреосвященства, Милостивого Архипастыря, покорный слуга

Граф Владимир Бобринский

Москва, 23 апреля 1901 года.

Положительная часть ответа графа Толстого, изложение его веры, читается с чувством ужаса и глубокого к нему сожаления. Историю о воплощении Христа, учение об Искуплении и признании Христа Богом граф Толстой считает «величайшем кощунством», значит, зачеркивает совсем христианство. Когда я прочитал всё это, прочитав еще сделанное мне сообщение о его заявлении, что «если бы ему разрешили напечатать все его сочинения о религии то от православной Церкви в короткое время остались бы одни клочья», меня объял страх за этого несчастного человека. Пронеслась пред мыслью моею личность Юлиана Отступника, хотевшего стереть с лица земли учение Христа из Бога развенчанного им в простого человека-галилеянина, вспомнились его конечная гибель и исторический позор, прозвучали слова пророчества Исаиина на царя вавилонского: «на небо взыду, выше звезд небесных поставлю престол мой, буду подобен Вышнему»... и это пророческое *temento*: «ныне же во ад снидеши и во основания земли»... От безумного богохульства графа сердце мое болезненно сжалось. Ведь это богоборство и объявление войны Самому Христу, Сыну Бога Живаго, Судии живых и мертвых!... Всегда с недоумением читавшиеся мною доселе грозные слова апостола Павла: «Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маран-афа» (1Кор.16:22) вдруг как-то прояснились для меня. Да, кто отрекся от Господа Иисуса Христа, тот не любит Его. Кто отрекается от Христа, от того и Христос отрекается (Мф.10:33; 2Тим.2:12). Отречение от Христа, как Бога, с утверждением, что признавать Его Божественное достоинство есть кощунство, равносильно, в сущности, произнесению на Него анафемы, и есть в то же время

как бы самоанафематствование, отлучение себя от Бога, лишение себя жизни Божией, Духа Божия. «Никто не может назвать Иисуса Господом, говорит апостол, как только Духом Святым, и никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса» (1Кор.12:3).

Граф же Л.Н. Толстой такую анафему произнес. Не Духом Божиим, очевидно, говорит он.

Митрополит Антоний

1901 г. Июня 30.

II. Суждения о еретичестве гр. Л.Н. Толстого в католическом мире

На торжестве посвящения католического епископа графа Шембека его дядя гр. Георгий Мошынский произнес знаменательную речь, в которой высказал следующие достойные внимания суждения о еретичестве гр. Л. Толстого. Приводим выдержки из этой речи.

«Ты, наверно, преосвященный отче, не обманешь возложенных на тебя надежд, ибо тыходишь «чрез двери в овечье стойло», ибо ты знаешь, что Христос есть «дверь для овец» (св. Ев. от Иоанна, гл. X). Ты не должен забывать и о том, что на пастырском пути твоём ты повсеместно встретишь затруднения и опасности. Ты не можешь забыть о том, что старый враг Господа Бога и Церкви Христовой ныне открыто ведет войну против авторитета истины откровения Божия. Несмотря на поверхностные *разницы* во взглядах людей на истину и жизнь, – взглядах, обусловливаемых чаще всего требованиями общественного или же официального положения данного лица, – взгляды эти, в сущности распадаются на две только категории. Так, с одной стороны, видна вера в личного, единого во Троице Святой Бога, вера в бессмертие души человеческой, в свободную волю человека и ответственность его за его деяния; с другой – отрицание Бога, отрицание бессмертия души, свободной воли и ответственности человека. Богом у этих апостолов прогресса не является Существо совершеннейшее и могущественнейшее, но неумолимая логика исторических фактов. Согласно их учению, как закон, так и нравственность и религия не вытекают из Божественного Откровения, но являются лишь результатом накопленного в течении веков опыта, венцом чего *до настоящего времени* служит христианство.

Казалось бы, что мы приближаемся к моменту, когда многие «лжепророки предстанут и многих прельстят» (Ев. Мф., гл. XXIV).

«Только через Польшу поляк может заслужиться и спасти свою бессмертную душу». Так говорили отцам нашим лжепророки польской поэзии, забыв о том, что «Христос есть дверь для овец», и что «нести под небесами другого Имени, в котором мы могли бы найти своё спасение». Апостолы либеральной литературы уверяют нас теперь, что, будучи людьми XIX века, они «привыкли обходить религиозные начала, как предметы неподвижные, как памятники старины и как дело личных убеждений того или другого человека». Легче, однако, обойти религиозные начала в стилистической работе, чем убедить людей, что неподвижным предметом, памятником старины и делом личных убеждений является то, что от сотворения мира составляло, главным образом, содержание жизни, движения и развития человечества и останется этим до конца

Религия является в процессе развития человечества фактором настолько необходимым, что общество, выбросившее из души и совести человеческой Бога, вынуждено изваять себе Его из камня, слепить из глины или же из исторической эволюции, как это сделали варшавские католики-консерваторы, уверяя нас, что «христианская культура должна быть почитаема лучшим цветом европейской цивилизации». Религия является потребностью человеческого сердца настолько необходимою, что общество, пренебрегающее заповедью Христа – «если кто хочет следовать за Мною, пусть отречется от самого себя, возьмет крест свой и поступает, как я поступаю», – что общество, не усматривающее нравственной правды в единственном её источнике святой-вселенской Церкви и пренебрегающее её апостольством, – что такое общество вынуждено всегда, в конце концов, искать этой правды у апостолов гордыни, лжи и тщеславия, о которых Христос Бог говорит: «кто не дверью входит в стойло овечье, но другим путем, тот – вор и убийца». Общество, которое устанет в прославлении во Св. Троице Единого Бога, вынуждено бить поклоны перед «глашатаями истины», для которых театральные подмостки или же эквилибристика составляют единственное поприще для самопожертвования, красивая фраза является

единственную нравственную заслугой, а Богом – национальное прошлое, которому они и отдают божескую честь, восклицая в религиозном экстазе: «тебе великое святое прошлое, тебе, кровью искупленное, – да будет слава и честь на все времена!» Не забудем, что Слово Божие является единственным источником святости, что в Слове Божиим, а не в прошлом заключается живот – свет человеческий. Не забудем, что «кто приложил руку к сохе, но оглядывается назад, тот не достоин Царства Божия». Поэтому, кто из прошлого делает национальную святыню, кто идеал свой ставит за своими плечами, тот сегодня не сумеет указать народу другого пути, как путь бессмысленного прозябания или же отчаяния, завтра же не будет в состоянии поставить другого указательного на его пути столба, как безнадежное сомнение о будущем. Мы должны иметь в виду, что ни карманных, ни политических прорех нельзя заплатать прорехами совести, а последних – патриотизмом. Нам не нужны другие святыни и другие идеалы, кроме тех, которые нам предлагает святая вселенская Церковь, которая в источнике своей всеобщей любви к пастве Христовой черпает тоже, как любовь ко всем созданным Божиим Провидением народам, так и признание их природных прав, не забывая никогда о том, что первым проявлением благодати Духа Святого по отношению к апостолам было наделение их различностью языков, дабы каждый человек *«из всякого народа»* мог быть поучаем в его природной речи. Увы и идеалы вселенской Церкви Христовой оказываются недостаточными для наших «апостолов» литературной нравственности, признающих только одну вселенскую солидарность лжи против правды и один только нравственный союз человечества – *бунт человеческой гордыни против Божьего Откровения*. Поэтому, присоединяясь к общему поклонению Европы таланту графа Льва Толстого, наши католические литераторы объявили его самым выдающимся представителем общечеловеческой правды, – правды полной и безусловной, проявляющейся, по их мнению, во внутренней жизни творческого духа!

Польша связана ныне с Россией не только механическими узами администрации и политики, не только силою штыков, но

еще – и несравненно притом сильнее – бесчисленными жизненными артериями, соединяющими польский народ, как славян, с народом, являющимся единственным представителем славянства в ареопаге европейских держав, ибо один только русский народ сумел создать политическую силу и обеспечить себе действительную независимость. Поэтому, разбирая опасности, угрожающие нашему христианскому развитию, мы не имеем права упускать из виду зловещих туч, собирающихся со стороны русского общества. Одним из наиболее грозных бедствий, угрожающих нам с этой стороны, нужно счесть появление в русской литературе графа Льва Толстого. Оставив твердую почву правды Откровения, пренебрегши апостольством Церкви Христовой, отвергнувши Божественность Сына Господня, осмеявши установленные Спасителем св. Тайны, он употребил во вред России и всего человечества весь громадный запас благороднейших стремлений своих и прошел через русское общество, как зловещий ураган, как полчище татарское, разрушая направо и налево всё, что составляет нравственную, политическую и экономическую суть жизни человеческой, оставляя после себя разрушение, пустыню и безнадежность... Всякая власть, как светская, так и духовная сделалась для него разбоем, а св. Тайны – обманом. Умный человек не должен, по его мнению, переступать верой своей тесный круг чувств своих и своего ума. Человеческое бытие начинается и кончается тленной жизнью. Безсмертным является одно только человечество, и в нём только человек бессмертен, как окончательный результат его прошлого и как один из факторов дальнейшего его развития в будущем. В этом учении нет места ни для личного Бога, ни для свободной воли и ответственности человека. Непротивление злу сделалось поэтому последним словом распространяемого графом Львом Толстым нравственного учения. Эта пагубная теория ведущая к уничтожению всех условий общественного строя и вытесняющая из души человеческой понятие о свободной воле, а поэтому подрывающая в корне необходимый фактор человеческого творчества, – теория эта сделалась отражением понятий громадного большинства русской

интеллигенции, обладающей в большинстве случаев поверхностным религиозным образованием. Даже признающие Церковь православную моралисты часто не знают того, что «вера без деяний – мертва», что нельзя удостоиться отпущения грехов независимо от поступков своих, раз для этого нужны: покаяние, исповедь и удовлетворение. Они как-бы не знают, что закоренелых лжецов и преступников сам апостол исключил из среды верных, говоря: «а кто бы Церкви не послушал – да будет, яко язычник и мытарь». С чувством национального превосходства хвалятся серьезные русские мыслители тем, что русский человек «существо и цель веры своей полагает не в практической жизни, а в душевном спасении и любовью церковного союза ищет обнять всех – от живущего по вере праведника до того разбойника, который, несмотря на его дела, прощен был в одну минуту». Они именуют без колебания единственно *логичным и правильным* взгляд, что человек, «живущий в праздности, бесчестии, лжи, разврате и беспорядочности», а следовательно человек, ведущий грешную и не христианскую жизнь – «является язычником, а не христианином». Они уверяют нас даже, что грешники, упорствующие во лжи и преступлении, по словам Спасителя якобы, «предваряют нередко церковных праведников в Царстве Божием». Даже серьезные русские мыслители не могут понять того, «как можно согласить милость с негодованием – с тем, что считается пороком, преступлением, нарушением закона?» И гордятся они тем, что русский не различает понятия о преступлении, составляющем результат злой воли человеческой, от понятия о преступлении, являющемся независимо от этой воли – Божиим попущением. Часто русские мыслители забывают о том, что понятия о добре, зле, правде и лжи не зависят от переменных условий времени и места, но незыблемо покоятся на постоянной основе Божественного Откровения. Поэтому, со спокойной совестью, они мирятся с фактом, что «каждому из таких слов, – как долг, закон, порок и преступление, – каждая партия в каждую минуту придает особенное значение, и что между людьми сегодня называют правдою и доблестью то, за что завтра казнят, как ложь и

преступление». Иначе, впрочем, и не могут говорить в обществе, которого, опять-таки, – наиболее серьезные мыслители, вместо того, чтобы искать начало Церкви в постановлениях Спасителя, – смотрят на неё, как на историческое произведение народного духа, и утверждают, что старые учреждения «освящены в народном мнении тем авторитетом, который дает история и... одна только история».

«Поэтому, вместо того, чтобы признать правду Откровения главным содержанием Церкви, выдающийся русский моралист учит своих соотечественников, что «существенное в каждом вероисповедании едва-ли возможно выразить, выяснить на бумаге или в определенной формуле; самое существенное, самое упорное и драгоценное в Церковном веровании – неуловимо, недоступно определению, подобно разнообразию света и теней, подобно чувству, сложившемуся из бесконечного ряда последовательных ощущений, представлений и впечатлений; самое существенное связано и сплетено множеством таких тонких корней с психической природою каждого племени и с общими сложившимися в нём началами нравственного мирозерцания, что невозможно отделить одно от другого». «Всякая форма, исторически образовавшаяся, – говорит тот же русский моралист, – выросла в истории из исторических условий и есть логический вывод из прошедшего, вызванный необходимостью». Естественное дело, что там, где историческая необходимость составляет высшее право, – там не может быть и речи ни о безусловной правде веры, ни о свободной воле человека, ни об его ответственности. Поэтому, в силу естественной последовательности, знаменитый русский моралист должен был прийти к теории о «непротивлении злу», что он и сделал действительно, выразив это наиболее рельефно следующими словами: «сохрани Боже, порицать друг друга за веру; пусть каждый верует по своему, как ему сроднее». «В этом искреннем признании заключается публичное самообвинение в незнании основных начал христианского катехизиса, согласно которым человек вовсе не рождается в вере, но во грехе первородном; вера же в святую, неизменную, всегда и для всех одинаковую, правду Откровения Божия,

вовсе не природна ему и не берет своего начала в его уме, но нисходит на него только благодатью Таинства Крещения.

Русский епископат не согласился с мнением, что не следует порицать человека за его веру, и не только осудил графа Льва Толстого за его, – в силу первородного греха врожденные ему, – материалистические верования, но, что еще более, применил к нему самое высокое наказание, каким располагает Церковь, а именно: исключил его из среды верных, став таким образом на одну почву с католическими епископами. – Еще несколько лет тому назад покойный епископ Новодворский первый забил тревогу, указав в целом ряду замечательных статей, напечатанных в польском «Католическом Обзрении», на нехристианское и материалистическое направление взглядов знаменитого и популярного русского писателя. Поступив в данном случае вопреки мнению почти всей русской интеллигенции, православный епископат фактически доказал неправильность суждения, выраженного четыре года тому назад одним известным русским мыслителем, утверждавшим, что православное духовенство неспособно подняться выше уровня русского народа и что, вышедши из последнего, оно не отличается от него ни образом жизни, ни добродетелями, ни даже недостатками, и что оно «с народом стоит и падает». (С.-Петербург. Вед. № 182).

III. Голоса из среды мирян

1) Письмо в редакцию

Ваш отец диавол, и вы хотите исполнить похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи (Ин.8:44).

Эти грозные слова нашего Спасителя невольно пришли мне на память при чтении грубо-дерзкого и кощунственно-пошлого «ответа» Льва Толстого на послание Синода о нём. В самом деле, как иначе назвать ту богохульную, чуть не площадную брань по адресу православной Церкви и её спасительных благодатных установлений, – брань, которую уснащает своё произведение «великий писатель»? Кто читал подпольные издания Льва Николаевича Толстого, тот уже давно перестал верить в существование у прославленного писателя самого обыкновенного чувства уважения к убеждениям людей противоположного лагеря. В данном же случае дело идет и не об убеждениях, а о том, что дороже всяких убеждений, что выше всех земных сокровищ (Мф.6:19–20; 13:45–46), – что составляет жизнь многих миллионов православных людей. И вот это божественное достояние, эту святую веру, принесенную нашим Христом Спасителем с неба, аристократ-граф, вельможа православного русского государства, обливает грязью хуже всякого грубого и необразованного сектанта-мужика, пылающего ненавистью к православию.

Возражать ли графу Толстому по поводу его кощунств в «ответе» на послание Синода? Но разве можно говорить с человеком, который не понимает вашего языка!... Ведь граф измыслил своё собственное евангелие и не хочет знать того благовестия, которое признается верующим православным миром. Ясное дело поэтому, что увещание его теперь с православно-евангельской точки зрения было бы «метанием бисера»; *поучающий кощунника*, – говорит премудрый, – *наживет себе бесславие, и обличающий нечестивого пятно себе (Притч.9:7)*. Поэтому лучше всего оставить, в силу этих слов св. Писания, на ответственности Толстого все его

ругательства против православной Церкви, которым сделают надлежащую оценку беспристрастная и неумолимая история и здравое общественное мнение. Если и стоит что возразить прославленному богослову из Ясной Поляны, так это только указать на неправду и на те противоречия, которыми исполнен его настоящий «ответ».

Толстой считает постановление Синода о нём незаконным, умышленно-двусмысленным, произвольным, не основательным, неправдивым, клеветой и подстрекательством к дурным чувствам и поступкам. Граф на эпитеты подобного рода вообще не скупится; не даром один из его безрассудных поклонников, возражая г. Мережковскому, называет Толстого «мужиком, выковавшим русское государство». Но в таком случае как назвать с беспристрастной точки зрения «ответ» самого Толстого? Ведь *idée fixe* Толстого составляет непротивление злу. Если же, по взгляду графа, священнослужители православной Церкви являются гнусными обманщиками и гипнотизерами (*sic!*), и все их церковные действия, а в частности послание Синода, представляют одно сплошное зло, – то зачем же граф восстает, вопреки своим основным принципам, против этого зла, зачем он с такой мрачною злобой и в таких непозволительных выражениях обрушивается на служителей Христовых и домостроителей Таин Божиих (1Кор.4:1)?

Обругивая послание Синода, Толстой для своей брани не представляет решительно никаких оснований. Он голословно утверждает, что послание Синода «не удовлетворяет тем церковным правилам, по которым может произноситься такое отлучение». Какие это церковные правила, граф благоразумно умалчивает, опасаясь, вероятно, чтобы не оказаться таким же канонистом, каков он, как экзегет и богослов.

Забывая всякую сдержанность, Толстой говорит, что послание «представляет из себя то, что на юридическом языке называется клеветой, – так как в нём заключаются заведомо несправедливые утверждения»... Ниже Толстой, вопреки этому заявлению, блистательно доказывает, что в послании Синода о нём не было не только никакой клеветы, а наоборот, одна вопиющая на небо правда. Нужно быть глубоко благодарным

высшему иерархическому правлению нашей Церкви за то, что оно сняло овечью шкуру с хищника, губителя многих человеческих душ: благодаря посланию Синода о Толстом и «ответу» на него графа, теперь всякий может увидеть всю его кощунственную неприкровенность. Спрашивается теперь, кто же в этом деле является клеветником и притом нагло извращающим факты?

Далее Толстой жалуется, что послание Синода «вызвало у людей *непросвещенных* (толстовством?) и *не рассуждающих* (как Толстой?) озлобление и ненависть» к нему, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых им, гр. Толстым, письмах. Что же это значит? Ведь читающей публике, конечно, известно вызывающее письмо, которое графиня Толстая в феврале месяце этого года послала Высокопреосвященнейшему Антонию, Митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому, где она заявляет, что распоряжение Синода вызовет «негодование в людях и большую любовь и сочувствие Льву Николаевичу. Уже мы получаем, – добавляет безапелляционно графиня Толстая, – такие изъявления и им не будет конца от всего мира». Теперь же из уст её супруга мы слышим совершенно противоположное: графу Толстому, оказывается, пишут озлобленные письма, дышащие угрозами и убийством. Кому верить? Если говорит правду графиня, то не прав граф; а если правдиво пишет граф, то в таком случае искажает истину графиня. Едва-ли можно считать это обстоятельство маловажным: неужели можно стать настолько мелким, чтобы допускать в серьезных вещах неправду, столь ясно бросающуюся в глаза? Но допустим, что и граф, и графиня пишут правду, т. е. первый получает письма враждебные, а вторая – сочувственные. Все-таки и при таком положении вещей Лев Толстой никоим образом не может утверждать, что именно послание Синода вызвало к нему озлобление и ненависть в людях *непросвещенных и нерассуждающих*. Со стороны графа утверждения подобного рода суть ничто иное, как недобросовестная натяжка. Нет, не послание Синода озлобило против графа нас, людей верующих, а сам он вызвал это озлобление у нас своими грешными и

кошунственными писаниями о религии, в которых с сатанинской дерзостью обругивает самые священные верования православных христиан и осмеивает дорогие для верующего сердца имена; да, всякому терпению бывает предел, и в воплях негодования против Толстого исключительно виноват сам он. Теперь, стоя на краю могилы, граф только пожинает плоды своей противохристианской и анархической деятельности. И совершенно напрасно граф указывает на то, что письма, направленные к нему, наполнены неприличными ругательствами: подпольные писания самого Толстого так неприкровенны, оскорбительны и грубы, что пред ними бледнеет всякая ругань; только христоненавистные богохуления еврейского Талмуда могут соперничать с толстовским кошунством. Граф дал в этом отношении плачевный пример и, указывая на сучек в глазе ближнего, не замечает в то же время у себя целого бревна. Сам же Толстой в «ответе» поучает, что люди должны поступать с другими так, как они хотят, чтобы с ними поступали, а сам же первый не следует этому божественному правилу. Становясь на его точку зрения, нужно признать, что эти ругательства суть «простые и объективные» названия вещей и предметов их настоящими именами. И во всяком случае, что извинительно человеку непросвещенному и нерассуждающему, то не извинительно человеку просвещенному и талантливому, который свои богодарованные способности употребляет на то, чтобы священные для всего христианского мира верования поносить «гнилыми словами» (Еф.4:29). Затем, нужно быть слишком наивным, чтобы не понять, с какою целью Толстой пишет «ответ» на постановление Синода о нём; этот его «ответ», как и прежние писания на ту же тему, в частности и письмо графини Толстой, именно и являются самым ужасным подстрекательством к дурным чувствам против богопоставленных пастырей Церкви.

Толстой уверяет, что он «никогда не заботился о распространении своего учения», – но непосредственно затем ослабляет своё уверение, признаваясь, что он «сам для себя выразил в сочинениях своё понимание учения Христа и не скрывал (sic!) эти сочинения от людей, желавших познакомиться

с ними, но никогда сам не печатал их; говорил же людям о том, как я понимаю учение Христа только тогда, когда меня об этом спрашивали. Таким людям я говорил то, что думаю, и давал, если у меня были, мои книги». Можно ли писать более умышленно двусмысленным образом? Граф, очевидно, потерял всё гражданское мужество и начинает в оправдание своего недостойного и преступного поведения говорит явно несообразные вещи. Что собственно означает объяснение Толстого, что он писал свои сочинения сам для себя? Если бы Толстой действительно не желал распространять своего зловредного учения, то он имел все средства сделать это; каждый автор за печатание и издание своих произведений посторонними лицами, не испросившими у него предварительно согласия на издательство, всегда может привлечь виновных к законной ответственности. Между тем Толстой не только не поступал так, а наоборот, предоставил широкое право печатать свои сочинения, причем, чрез посредство близких себе лиц, взимал с издателей довольно значительные деньги. Столь лицемерное поведение Толстого нельзя даже и объяснить его учением о непротивлении злу, а просто тонкой хитростью и желанием скрыться за спиной других на случай ответственности пред законом за распространение учений, подрывающих государственную религию. Как бы там ни было, но такой образ действий нельзя назвать благородным: истинные учителя мира так не поступали.

Толстой, называя постановление Синода произвольным, недоволен тем, что относительно всех других образованных неверующих людей не издано такого же постановления Синода, какое сделано о нём. Но в данном случае граф рассуждает вопреки самым элементарным требованиям здравого смысла. Нельзя всех больных лечить одним и тем же лекарством; эта истина справедлива в отношении болезней телесных и духовных. Неверие есть духовный недуг. Бывает неверие по легкомыслию, от духовной неразвитости, из желания порисоваться, – и бывает неверие отчаянно-сознательное, когда человек не вследствие страстного какого-либо увлечения отрицает Царство Божие, а наоборот, в силу дьявольской

гордости не хочет подчинить спасительной вере своего ума, плененного сатаной, – и не только не хочет верить, но и находит демоническое удовольствие в том, чтобы колебать веру в других людях. Само собой понятно, что Церковь в своих заботах о спасении вверенных ей чад не может одинаково относиться ко всем этим неверам: к одним она может отнестись более снисходительно, а к другим – менее. И апостол говорит: *к одним будьте милостивы с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня (Иуд.1:22, 23).*

Толстой считает постановление Синода неосновательным, так как главным поводом его появления «выставляется большое распространение моего, совращающего людей, лжеучения, тогда как мне хорошо известно, что людей, разделяющих мои взгляды, едва-ли есть сотня, и распространение моих писаний о религии, благодаря цензуре, так ничтожно, что большинство людей, прочитавших постановление Синода, не имеют ни малейшего понятия о том, что мною писано о религии, как это видно из полученных мною писем». Но граф, очевидно, забыл известную историю о закавказских духоборах, где не сотня, а несколько тысяч людей погибли, заразившись его лжеучением. Граф Толстой со своими приспешниками просто смеется над цензурой, и его писания в огромном количестве расходятся среди нашего отечества подпольными и запрещенными путями. Притом известное учение можно распространить без всяких писаний чрез одну устную проповедь; Чертков, Хилков, Бодянский и К° прекрасно доказали эту истину над несчастными духоборами-постниками, превратив покорных дотоле правительству людей в озверелых анархистов. Тлетворная зараза толстовства прямо, так сказать, носится в воздухе и отравляет все классы общества. Неужели у Толстого совесть совсем сожжена (1Тим.4:2), и не дрожит его сердце при мысли о том, чему он учит и куда ведет тот народ, единение с которым будто бы ему так дорого? Трусами будет устлана, слезами и кровью полита та страна, где толстовцы успеют свить себе революционное и разрушительное гнездо.

Нет, малодушною ложью и противоречиями исполнены нападки Толстого на постановление Синода о нём! Оправдывая

своё отступление от православной Церкви, Толстой положительно начинает путаться. «По некоторым признакам усомнившись в правоте Церкви, я посвятил, – говорит он, – несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение Церкви». Как же граф, спрашивается, исследовал учение Церкви? Ответ на это Толстого весьма интересен и поучителен. «Теоретически я перечитал, – пишет Толстой в своём «ответе», – всё, что мог, об учении Церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие, практически же строго следовал, в продолжение более года, всем предписаниям Церкви, соблюдая все посты и все церковные службы». Неизвестно, что читал об учении Церкви и как изучал граф Толстой догматическое богословие, – несомненно одно, что это чтение и изучение было чрезвычайно односторонним и потому недостаточным. По крайней мере, из писаний Толстого о религии видно, что он плохой догматист, мало знающий церковный историк и весьма неудовлетворительный экзегет. За доказательствами ходить далеко не нужно. В том же «ответе» на синодальное послание Толстой, напр., утверждает, что молитва общественная в храмах прямо запрещена Христом, причем в доказательство ссылается на Мф.6:5–13. Если бы граф получше вдумался в этот текст, то понял бы, что Христос Спаситель запрещает здесь молитву не храмовую, общественную, а молитву тщеславную, совершаемую для того, чтобы видели посторонние люди и прославляли молящихся. Если и в комнату войдешь для молитвы и затворишь за собой двери, – то коль скоро сделаешь сие по тщеславию, затворенные двери не принесут тебе никакой пользы (Св. Златоуст). При изгнании торжников из храма, событии, которое признает и Толстой, Господь Иисус Христос торжественно объявил, что дом Отца Его (храм) назовется домом молитвы у всех народов (Мф.21:13). Непосредственные очевидцы и слушатели Христа Спасителя во всяком случае лучше понимали Его учение о храмовой молитве, чем понимает это учение граф Толстой; а они, по свидетельству евангелиста Луки, пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога (Лк.24:53), то есть возносили общественные

благодарственно-хвалебные молитвы Богу за Его великие милости к роду человеческому, проявленные в искупительном подвиге Сына Божия. В таком же роде и прочие мнимобиблейские доказательства, которые Толстой приводит против существующего строя православной Церкви. Если игнорировать библейскую историю и археологию и не подчинять разнузданного разума правилам строгой герменевтики, то можно дойти в толковании священного текста до всевозможных нелепостей. Научным бессилием Толстого объясняется отчасти, по нашему мнению, то отчаянное и ослепленное озлобление, с каким он устремляется на утвержденный семью благодатно-таинственными столбами Дом Божий (Притч.9:1), которого не могут поколебать все силы ада. Восемнадцативековая слишком история воинствующей Церкви Христовой могла бы сказать графу в этом отношении весьма много назидательного. Прекрасная литературная форма, в какую Толстой воплощает свои антихристианские сочинения, не делает их более доказательными; отвратительное кушанье останется отвратительным, хотя бы оно было подано на самом художественном золотом блюде. И читая толстовские религиозные писания, невольно вспоминаешь философа Диогена, который, увидя красивого юношу, произносившего срамные слова, воскликнул: «Как тебе не стыдно вынимать свинцовый меч из ножен слоновой кости!?»

«Практическое исследование» учения Церкви Христовой Толстым заключалось в том, что он строго следовал в продолжение более года (выше граф говорит, что он посвятил на это «несколько лет») всем предписаниям Церкви, соблюдая все посты и все церковные службы. Граф сознается, что он начал изучать теоретически и практически учение Церкви потому, что усомнился по некоторым признакам (каким?) в её правоте. Не трудно предвидеть, чем должно было окончиться «практическое изучение» православия Толстым при его душевном настроении. *Сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой. Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа (Иак.1:6–7).* В существе дела граф в своём строгом следовании всем

предписаниям Церкви просто на просто злостно лицемерил: он, быть может, спешил к началу всякого церковного богослужения, усердно языком вычитывал церковные молитвы, и в та же время его сердце, омрачаемое неправыми умствованиями (Прем.1:3), далеко отстояло от Господа и от Христа Его.

Может ли такой пост быть благоприятен Господу, когда человек по внешности как будто смиряет себя и говорит, что он первый из грешников, а внутренне не знает меры своим мнимым достоинствам, *ставит себя в мыслях выше всех*, творит из себя судию вселенной, готового судить и пересуждать всех и всё? Но со страхом ли Божиим и смиренною верою граф приступал к божественной чаше, не с предательским ли намерением «поведать святую тайну» врагам Христовым? Давая Иудина лобзание нашему Спасителю, граф в то же самое время, может быть, обдумывал, как искуснее предать в своих литературных произведениях Сына Божия современным духовным иудеям для нового распятия? При таком душевном настроении Толстому, конечно, нестерпимо тяжело было оставаться вместе с другими учениками Христа за трапезой Господней; он не чувствовал животворных волн благодати Божией и не допустил в свою горделивую душу Христа, Бога нашего. Ведь известно, как Иуда предатель вместе с куском от божественной трапезы принял в себя сатану (Ин.13:26–27); не случилось ли того же и с нашим несчастным богоотступником в тот год, когда граф производил свои эксперименты над святынею Господнею? О, тогда понятно, почему он так вероломно начал свою богоборную деятельность, почему графу Толстому так ненавистен православный требник, где содержатся молитвословия для отражения диавола и злых действий его!

П. И. Б-в

25 мая 1901 г. Спб.

2) Открытое письмо гр. Л.Н. Толстому

Вы, Лев Николаевич, начинаете гневаться и даже похвалиться, что можете из христианства сделать «одни ключья». Вы больше сделали на этом вами избранном пути. Вы сняли со Христа самую багряницу, то есть, сделали больше, чем Его мучители. Но ведь и Юпитер бывает неправ, когда входит в гнев. На что же гневаетесь и чем похваляетесь? Вам не нравится культ христианства? Вы воюете против выработанных в Церкви форм богопочтения? Вам противен этот живой храм, храм столь благоуукрашенный? Охотно верим и даже прямо видим ко всему этому ваше нерасположение до раздражения. О вкусах, говорят, не спорят. Но война, граф, по вашим собственным убеждениям, есть насилие, есть варварство, есть бессмыслица? Итак, начав свою проповедь миру внушением мира и любви, вы ныне выступаете Наполеоном I и далеко не первым Донкихотом! Не так ли? *A parvis magna comparentur*. Положим, вам не нравятся, граф, современные наряды, как глупо выработанные формы, и вы вправе ходить стоящим ближе к природе крестьянином. Но, согласитесь, осуждая формы в других, вы подчиняетесь же форме и не хотите жить хотя бы Диогеном?! Но, воля ваша, даже своим крестьянским нарядом вы уже далеко ушли от циника, например, или первобытного человека и логически вправе те предки осудить вас за вашу культуру. Но вам можно ли воевать против форм, когда они плод культуры? Можно ли воевать против усовершенствованного земледелия?! Если нет, если об усовершенствовании сохи, бороны, плуга, цепа, граблей, веяльной лопаты и т. под. можно, с вашего позволения, заботиться, то ужели незаконно, ужели глупо употреблять усовершенствованные формы в своём обиходе только человеку?! мне не нравится пестрядь, глаза мои не выносят красной рубахи, для старых моих плеч тяжел армяк, а ваши лапти совсем не греют ног, особенно в грязную осеннюю пору. Позвольте же мне одеться по своему и как требует того мое звание! От этих реальных картин вашей философии перейдем

же, граф, теперь к вашей вере, опубликованной в последнем № 27 «Церковного Вестника». Суди вас Бог ваш, в ней оказываются пробелы под давлением той же вашей философии и допущены в жару такой же войны за простоту нагого человека. В ней недостает прежде всего понятия вашего о личности Бога с Его свойствами и действиями, как Существа живого, в общении с Которым вы питаете надежду жить за гробом. Выработайте себе такое понятие для полноты ваших убеждений в вере, хотя бы ради того, что вы её создали умом, живущим логически верною истиною. Если же вы стоите против понятия о Боге личном, о существе живом, то в таком случае вы поклоняетесь идее, а эта вне мышления ничто. Чему же тут поклоняться?! Видимое дело, вы не в силах освободить свою мысль от идеи Бога и, как человек притом нравственный, не можете сказать с безумными: *несть Бог!* Но повторяю, можно ли поклоняться идее да еще с надеждою за то получить от неё блаженное существование хотя бы только в бытии духа, без соединения его с телом? Нет, граф, вам необходимо выработать себе понятие о существе Бога живаго, а не хвататься за тень мышления, если не хотите принять его, как данное из книги природы и из Божественного Откровения. Это вам совсем необходимо, чтоб видеть, насколько вы правы в поднятой вами брани против Церкви с установившимся в ней от дней древних Богопочтением. Я разделяю, граф, вашу веру в Бога, как Духа, и с вами исповедую в Нём свойство любви. Но с такою верою я прямо нуждаюсь в решении неотразимо поднимающегося вопроса о взаимоотноении между Богом Духом, притом существом любящим, и человеком, фактическая мизерность которого так всеобща и жалка! и вы, граф, ставите себе этот вопрос, но решить его детально как будто боитесь и только отталкиваете от себя, отрицая установившиеся формы богопочтения. Это, глубокомыслящий граф, новый пробел в вашей вере от ума. Вы не хотите верить в богоустановление Церкви! Пусть будет по вашему разуму! Но хотя бы от разума укажите мне формы спасительного взаимоотноения между Богом-Духом и человеком духо-плотью, между Богом-Любовью и человеком – существом всяческой брани, в нём самом

гнездящейся! Укажите мне формы отношения такого Бога и к такому человеку! Укажите мне формы отношения такого жалкого существа, как человек, к Богу – существу для человеческого ничтожества недостижимому?! Быть может, не так беспомощны в человеческом роде гении, таланты, великие мыслители, что могут воспарить к Богу Духу? А масса-то, граф, масса-то, при своём физическом, умственном и нравственном бессилии ужели затем только приходит в мир, чтобы полюбоваться на счастливых и вечно оставаться в тьме кромешной, то есть, вне блаженного общения с Богом-Любовью?! Пожалейте, граф, вашего покорнейшего слугу! Нет, если вы не решите моего назойливого вопроса о форме взаимодействия между Богом и человеком, тем более, когда вы своею проповедью против Церкви будете смущать меня, тогда *убийственна* ваша вера от ума, зла в лице своих исповедников, как война Бонапарте, и бессмысленна в самом широком смысле этого слова! В вашей брани, граф, есть прямое бессилие. Бог Дух, а человек – духоплоть. Теперь, приступаю к вам, начертите вашим тяжеловесным пером формы отношения между такими существами! Когда вы из вашей веры такие формы исключите, то между Богом и человеком выроете бездну и не дадите места никакому взаимодействию между ними. Если, напротив, признавая нужду в таком общении, попытаетесь заполнить ту бездну, тогда неизбежно придете к историческому факту религиозного культа у всех народов. Молитвы и священнодействия в религиозных культах не имеют ничего общего ни с суеверием, ни тем более с понятием о колдовстве. Вот, пять-шесть человек, один после другого, пришли со своими нуждами к господину Льву Николаевичу Толстому и каждый на свой манер выражает нужду, изливая свою душу. Где же тут суеверие? Где же тут колдовство? Ни того, ни другого здесь нет, хотя бы все просители и суетно пришли к графу со своими нуждами. Когда человек изливает так или иначе свою душу перед Богом, то разнится факт такого взаимодействия его с Богом от взаимодействия с людьми только тем, что господин осязаем, а Господь – Дух. В этом различии, граф, соблазн ваш, притом высказываемый к соблазну всего мира да еще с

ожесточением, совсем излишним для Юпитера. Объяснимся дальше. Вся Богослужебная обрядность Церкви – это формы духа, облеченные в плоть, потому что человеку без плоти ни плакать, ни радоваться нельзя, ни тем более вознестись хотя бы только мыслью и сердцем на небо, ибо эти в теле и телом проявляют своё бытие, потому что сам Дух воплотился, чтобы спасти живущих во плоти; одним словом, формы богочтения в Церкви неизбежно нужны потому что одни они в возможности для человека, а в том числе и символически выражаемые. Спаситель осуждал в фарисеях исключительность формы, но, проповедуя поклонение Богу духом и истиною, Сам и постился, и молился, и храм посещал, и праздники чтит. В мышлении человек любит рогатый силлогизм и на деле увлекается сильными ощущениями крайних положений, забывая, что *medio tutissimus ibis*. Не так ли граф?! Если вы не отвергнете исторический факт религиозного культа у всех народов, неотразимо покоящийся в самом человеке, вашей могучей мысли останется тогда легкая задача избрать для своей веры, – который лучше, разумнее, который вернее может даровать вам блаженное общение с Богом за пределами могилы.

П. В-й

Кострома. 12 Июля 1901 года.

3) О главном сомнении гр. Л.Н. Толстого

«Я не понимаю таинстве, в них нет смысла, они суть колдовство». Так сказал гр. Толстой в своём ответе Св. Синоду. Справедливо, что он их не понимает, ибо их никто не понимает, от этого и называют их *таинствами, тайным, непостижимым*. Что же он хочет сказать? Всё равно, как если бы кто сказал: «я не хочу геометрии, потому что она есть геометрия».

«— Они — колдовство», утверждает он. Значит, он признает, что они *есть*. Можно ли назвать каким-нибудь именем и даже определить качества того, *чего нет*, не существует?! Итак, по его же признанию в христианстве содержатся тайные вещи, именующиеся у христиан *таинствами*. Только он их не хочет и порицает («колдовство»), христиане же их хвалят и хотят. Еще что сказал он с них, и даже что он единственно о них сказал? То, что они суть *колдовство*. Радует, что суть их, как непостижимости, он схватил в этом слове, но какие он приписал им качества? Колдовство есть *злое, ко злу направленное и чрез злого человека*. Но таинства — все «во врачевание души и тела» и, кажется, совершаются чрез добрых людей. Он не видит колдуна, а толкует о колдовстве; не видит вреда (врачевательство) и всё же кричит о колдовстве. Он хочет кричать. Ну, добрая воля. Кричи, — пожалуй, твой крик уже безвреден...

Но, может быть, его задача показать, что таинство с *виду* похоже на колдовство и так же ничего не содержит в себе, как и подлинное колдовство, что таинства суть пустые бессодержательности, немощные вещи? Таковая мысль содержала-бы рационализм и утверждала бы неверие его собственно не в христианские таинства, но вообще во всё чудесное и таинственное в мире. «Ничего нет, кроме Иловайского, Иловайский же достоверен». Это есть *построение* ума, *предрасположение* ума, на которое можно ответить только: «у меня не такое». Кто любит капусту, а кто — суп с картофелем; один читает Иловайского, другой — Пушкина. Толстой так не любит всё чудесное, что в переделываниях Евангелия даже не

остановился вниманием на чудесном, сверхъестественном *Откровении* (Апокалипсис) Иоанна Богослова. На он хочет чуда? Согласен указать его: такое чудо есть творческо-художественный гений самого отрицателя чудес. Вполне чудо, что я не имею такого. Ведь зачаты-то мы с ним довольно одинаково, и родители наши были довольно равные люди; те и другие – обыкновенные, серенькие люди. Считая «по обыкновенному», все без исключения люди должны бы родиться приблизительно одинаково и разниться не более, чем березы в березовой роще. Но какая между ними разница! Мне под 50 лет и хоть я пытался писать повести, но даже и малой повестушки не вышло. А он, глядь-ко, в двадцать слишком лет написал вдохновенное «Детство и отрочество». И вот, его дар сравнительно с моим великое есть чудо, и он есть чудо по необъяснимости происхождения и необъяснимой природе.

Не боишься ли ты Бога, что, получив от Него чудесный дар, с магическим действием на души человеческие, ты его употребил на отрицание всех прочих чудес Божиих, которые предназначены служить людям в скорбях их и в бедах, для утешения и для поддержания.

Мирянин

4) Открытое письмо гр. Л.Н. Толстому

Я, как познакомился с вами, Лев Николаевич, по вашим писаниям видел, что вы сначала искали истину, затем, когда вам не могли ответить на ваши вопросы, вы обрушились на тех, кто не мог вам ответить и последовали за сектантами, засевшими где-то на Дону, затем обратились за ответом к буддистам. Я слышал, что вы увлекались общей молитвою сектантов, а теперь высказываетесь против общей церковной молитвы, основанной на словах Христа: «если два или три собрались во имя Мое, там и Я посреди вас». Одним словом, вы шатались во всю свою жизнь, отыскивая истину и, не отыскав её, обрушились не на исполнителей, а на учение Христа, которым вы пользуетесь во всех своих писаниях, как истинным. Отказавшись от истинного учения Христа, переделав его так, как вам хотелось, вы так и останетесь и будете неустановившимся человеком до дня своей смерти, так как вы отказались от истинного Бога, сказавшего: «Я и Отец одно и то же, Я жизнь и истина». Вы говорите, что любите истину больше всего на свете, но ведь Евангелие всецело истинно, и искажать его, ради вами выдуманной истины, нечестно. Вы говорите, что вы желаете служить всеми силами души Господу, а Того Господа, Которого христиане признают, вы не признаете; но интересно было бы подробнее знать, какого вы нашли *нового* бога теперь, на котором и успокоились на склоне дней.

Вы писали мне как-то, что я обладаю искренностью убеждений и вот теперь, когда вы задумали пошатнуть те искренние убеждения, которые для многих служили и служат основой жизни, позвольте и мне изложить вам мои искренние убеждения. Я не мог согласиться со многими писаниями, которые были направлены против вас: масса из них была бессодержательна, неубедительна, являлась не опровержением вашего учения, а самозащитой, пустым набором слов, а между тем немудрено доказать ложь ваших писаний, если бы все говорили искренно и не называли бы лжи истиной в угоду развращенному человечеству. Я с вами буду говорить по

простоте так, как я сам убежден, и буду говорить про вашу неправду не потому, что это ложью считают другие, а потому, что вы неправы – по моему глубокому убеждению. Хороши ваши писания против разврата: Крейцера Сонета, Воскресенье, изданное в России: они сослужили службу человечеству, но ваши религиозные писания, ваши нападки на Церковь христианскую возмутительны и лживы.

Да, я искренно убежден, что вы, увлекшись бичеванием плохих последователей Христа, обрушились на самую веру христианскую, *не зная её* и толкуя по-своему то, что для вас не ясно, что вы не могли уразуметь по своему самомнению и гордости. Сознаться, Лев Николаевич, что вы страшно сомнительны и не любите, если с вами не соглашаются, а это уже указывает на заблуждение. Не радуйтесь тому, что вам аплодирует мир, в грехе лежащий, мир продажный, развращенный, так называемые образованные люди, люди, не знающие горя, сытые, живущие на чужой счет. Все последователи исчезнут, как дым, истает слава эта, как воск пред лицом огня. Вы не признаете Христа так, как признают Его истинные последователи, и не хотите делать того, что Он нам велел творить в Свое воспоминание, не признаете того, что Он Своим последователям велел блюсти всё, что заповедовал, – учить лишь тому, чему Он учил... Вы говорите, что вы должны обличать религиозный обман, потому что вы веруете в Бога и христианское учение, но в последнее, то вы не верите, как следует, и знаете его так же, как сектант-иконоборец и духоборец, но не как верный христианин. Можете вы сколько угодно злобиться на называющих себя христианами и не исполняющих этого учения, можете указывать на их недостатки, но порицать Церковь, установленную Христом, все Им установленные таинства и молитву общую – постыдно, бесчестно!!

Весь христианский люд смотрит на Евангелие, как на истину, и всецело признает его, а вы признаете только то, что вам нравится, что вы понять могли, хотя говорите, что видите весь смысл жизни в исполнении воли Божией, выраженной в христианском учении. Но в нём ведь решительно сказано, что

второе пришествие Христа будет; в Евангелии запрещается осуждать других, что вы делаете; в нём сказано: просите и дано будет вам; в нём не уничтожается брак, а дозволяется; в нём предлагается прощать согрешившим несчетное число раз... Где же ваше исполнение воли Божией?

Я говорю это, как христианин, имеющий веру меньше горчичного зерна, убедившийся, что все дела мои и жизнь моя на благо ближнего принадлежат Христу, Который познается только людьми, знающими горе, знающими тяжелый труд, имеющими понятие о голоде, но не разжиревшими от безделья, пресытившимися благами жизни на чужой счет.

Если плохи исполнители, то плохо и самое дело. Вот ваш вывод. Можно ли его назвать разумным? Я понимаю и скажу спасибо, если вы будете порицать меня, как христианина, за то, что я не исполняю заповедей своей веры как следует, но несправедливо порицать самую веру. Нужно отличать дело от исполнителей, Церковь от людей, к ней принадлежащих, веру от исповедующих её. Я могу с убеждением сказать, что вы не могли знать Бога, потому что вы всю вашу жизнь со дня рождения были сыты до отвала, вы не имеете понятия о том, что значит быть голодным, что значит быть в безвыходном положении, не знаете безысходного горя, от которого нет возможности избавиться собственными своими силами, а кто это испытал, тот скажет, что истинный Бог Тот, Который сказал: «всё, что просите во имя Моё с верою, дастся вам», Тот, Который сказал: «по вере вашей будет вам», и вот кто получал от Него по вере просимое, знает Его... Нужно ли вам было просить, нужно ли вам было верить? Нет! За вас приказывали, а затем вы приказывали, и все вам исполняли ко вреду души вашей.

Постыдным считается брать чужое орудие и употреблять его против того, кого обезоружили, а вы во всех ваших писаниях приводите истины, сказанные Христом, на них основываете свои писания, а Давшего эти истины вы унижаете в глазах людей не крепких верою и даете силу врагам учения Христа, которых всегда было много. Отнимать последнюю укрепу в жизни человека грешно, а вы отнимаете и якорь, и руль, и весла

от той утлой ладьи, которую представляет собою человек нашего времени, и бросает её (ладью эту) в бурное море жизни для гибели. Человечно ли это?

Какой Бог дал вам это право? Скажите вы, стяжавший славу великого писателя земли русской? Вы, отбирающий якорь и руль у слабого, ломающий по-своему учение Христа? Но что вы пред силою креста, если дух зла бежит от него! – Ничто: но мне жаль вас, как силу и талант, жаль, как христианина, бросившего свою веру, жаль потому, что горе и ответственность великие ждут вас, как соблазнителя «сих малых». Неужели, по вашему, Христос лжец и обманщик, как говорили евреи, распявшие его? Но не забывайте, что Он сказал, что Церковь, которую Он стяжал Своею кровью, не одолеют и врата ада...

Вас, Лев Николаевич, «опьяняет» поклонение и всяческие славословия безбожных, пристрастных современников, которые в вас опознали себя, но вам, а равно и вашему потомству дорого должно быть одобрение грядущих поколений, и знайте, что сознает верующее грядущее поколение всю вашу неправду, и тогда память о вас будет недобрая, и пошлет вам грядущее поколение проклятие за то, что вы талант, – данный вам от Бога, направили на зло человечеству, стремясь пошатнуть вашими богохульными писаниями основную веру русского народа, в которой он еще не окреп, потому что мало истинных христиан в среде старших братьев и масса таких учителей, как вы – хромающих на обе ноги.

Вы говорите, в конце вашего «ответа» Св. Синоду, что исповедуете христианство, и в той мере, в какой исповедуете его, спокойно и радостно живете и спокойно и радостно приближаетесь к смерти. Значит, вы своё спокойствие возлюбили больше всего на свете и можете сказать, что *счастливы*, следовательно, вы обрели своё собственное личное спокойствие, но люди истины и чести тогда бывают счастливы и спокойны, когда счастливы будут все окружающие их люди, а *сытого* счастья очень много на русской земле, и не дай Бог быть таким счастливецом, ибо эта животная добродетель ничего общего не имеет с христианским учением, и дойти до такой добродетели не значит найти истину. Христианство без Господа

Христа не может называться христианством; это какая-то новая секта, подходящая под ваши истины, и ясно, что вы не христианин. В своём «Ответе» вы противоречите себе на каждом шагу; то говорите, что верите в христианство, а то говорите, что можно полюбить истину больше, чем христианство, и потому, значит, христианство не истина; таким образом вы исповедуете христианство в той мере, как оно вам по вкусу, не противоречит вашему умствованиям. Лев Николаевич, вы готовитесь идти к тому Богу, от Которого вы изошли, значит, веруете в вечную жизнь души, но не верите в истину, сказанную Христом; «верующий в меня не погибнет и будет иметь жизнь вечную», а потому будет ли иметь её ваша душа?... По истине ужасно то, что вы для того, чтобы выместить злобу на тех, кто с вами не согласен, делаете ужасное зло, искажаете истину, данную Христом. И вам были сказаны слова Христа: «горе человеку тому, чрез которого соблазн приходит»... Вы со своими религиозными писаниями напоминаете мне кабатчика, который, держась либеральных идей, раскинул по нескольким губерниям кабаки, в которых забирают водку за мужицкие зипуны. Вы говорите, что вы не печатаете своих произведений; но ведь это, Лев Николаевич, ложь. Ведь вы печатали для публики в заграничном издании своё «Воскресение», где насмехаетесь над святейшим таинством, утвержденным Самим Господом Иисусом. По вашей вере вы называете себя верующим, но, право, это самообман и вашей вере ничтожная цена.

Деятель
Казань.

5) Письмо в редакцию по поводу письма графини С.А. Толстой

Достоуважаемый господин редактор.

Вскоре по появлении в печати письма графини Толстой к владыке митрополиту Антонию и ответа его на письма её у меня явилось большое желание по поводу содержания письма графини излить свою душу, да и трудно было оставаться равнодушным, чувствуя обиду, наносимую порицанием графиней Толстой нашего духовного православного строя. Написав своё письмо я решил отправить его в какую-либо газету или журнал, но, сообразив, что молчат по сему вопросу все публицисты, я бросил мое решение: нечего – мол-де разговаривать с господами редакторами, не напечатают.

В настоящее время, с жадностью прочтя три трактата по делу Толстого в июньской книжке редактируемого вами журнала, я вспомнил о своём отзыве и решил препроводить его вам на усмотрение ваше, и просить вас напечатать и мое мнение, как члена Церкви, так жестоко оскорбляемой Толстыми.

* * *

По прочтении опубликованного письма графини Толстой к высокопреосвященному митрополиту Антонию, от 26 февр. с. г. и его ответа от 16 марта, я, как член Церкви, считаю себя вправе отнестись с порицанием к написанному графиней. В этом письме высказались всё её неведение, вся скудость религиозного образования её; но кроме того она крайне заблуждается, думая, что акт Святейшего Синода по отношению к мужу её вызовет негодование во многих. Напротив, всякий не отщепенец от веры православной, хотя и грешник, от нихже первый есмь аз, получил чувство удовлетворения от сознания того, что стоящие на страже православия и церковного благочиния, в широком значении этого слова, отсекают непотребный член от стада Христова в устранение того, чтобы и другие пасомые не блазнились. Следовательно, отдельные случаи несочувствия и негодования к этому законному и справедливому деянию собора архипастырей нашей св. Церкви

есть только знамение того, что Толстой, к большим слезам матери-Церкви, не один, а таковых, может быть, и много. Что делать, по ниве Божией от древнего века бродит князь мира, собирая жатву свою, но стражи должны – по возможности, исторгать злое семя, дабы не заражалось и всё поле; наступит еще тягчайшее время, когда силе князя мира трудно будет противостоять. – Кто постигнет, кто познает это грядущее.

Смешно желание графини, и из какого источника истекает оно: понадобилось ей непременно, по кончине мужа, отпевание тела его священникам в храме.⁴⁰ На что это нужно такому человеку, как Лев Николаевич? Для глаз света, для людей, чтобы не оставались на век памятными в потомстве черные годы осужденной деятельности умершего? Но ведь такое желание есть тоже проявление кощунства? А это угроза, подкупа священника? Тут уже приходится только руками развести и недоумевать: хорошо же понятие у графини о содержании, значении и цели обряда и отпевания умерших. Так сосуд скудельный, долго надержанный пахучим содержимым, сам уже от себя, от своих краев начинает издавать тот же аромат или смрад... Если муж своими влиянием и примером увлек в соблазн протеста (столь впрочем по содержанию своему жалкого) жену свою, то, как знаменитый писатель, разливая в творениях своих яд заманчивый и оболстительный, он увлечет и отравит много и много нестойких умов, склонных к глумлению, кощунству и к отрицанию. Хорошо и уместно по поводу сейчас сказанного вспомнить басню Крылова о разбойнике и писателе, попавших в ад: адский костер под разбойником давно потух, потому что разбойник отнял у убитого им лишь несколько лет жизни, и с кончиною разбойника кончились и злодеяния его; но вот от яда вреднейшего по направлению писателя зло широко разлилось по свету и до сих пор расплывается по лицу земли, а потому и костер под этим писателем не потухает, но еще более и более разгорается.

Очень жаль, что графиня не посоветовалась с мужем относительно содержания письма к митрополиту;⁴¹ несомненно, что он не одобрил бы такое содержание письма. Графиня Толстая всю свою выходку с письмом живо напомнила нам

ту библейскую женщину, нетерпеливую и азартную, которая в истерическом порыве просила мужа своего изречь хулу пред лицом Бога и умереть. Жаль, что супруг-то графини Лев Николаевич ни мало не похож на многострадального праведника Иова. А жены их, право, подобны друг другу в том отношении, что ни та, ни другая не потщились влить в сердце мужей утешение в скорбях их, не призывали их смириться пред попущением Божиим, не брали на себя желания разделить несчастья мужей, напротив, одна вызывала мужа на хулу пред Богом, а другая по поводу хулы мужа повела какой-то лепет о брильянтах и звездах; право, здесь, в последней речи слышится что-то крайне мещанское!

Оканчивая наш беглый взгляд на неуместное письмо графини, по существу нескромное для автора и обидное для читателя православного, остается только преклониться пред методичностью в действиях Св. Синода. Предварительно Св. Синод обращался к «еретику-человеку с неоднократным наказанием» т. е. увещанием, наставлением; но эти наказания не коснулись души глубоко падшей в тину ожесточенного отрицания, и тогда только Св. Синод «поведал всем братьям Церкви» об отпадении одного из членов её, а за тем и остановился в дальнейших мероприятиях своих, ожидая покорности со стороны непослушного брата, а в конце концов, если неправый, а тем более вредный не изберет пути правого, то, конечно, св. Церкви придется признать в Льве Николаевиче язычника «и мытаря».

В заключение не можем удержаться, чтобы не вспомнить самим же яснополянским отступником написанное поучительнейшее именно для него же самого произведение «Власть тьмы», где «мудрость мира сего находит себе осмеяние, а высокое и великое открывается младенцам»; пусть граф Толстой вспомнит выведенного в этой драме мужичка Акима, простота которого соединяется с удивительным величием христианина; преступный сын его Никита просит во имя Христа прощения у отца своего в совершенных злодеяниях, и христианин-простец с умилением спешит ответить преступному сыну: «Бог простит, Себя не пожалел, Он тебя

пожалееет, – Бог-то, Бог-то! Он – во!» Какое в этом простеце упование, какая вера в «Спасителя Христа. О, если бы такое же покаянное дерзновение ко Христу осенило и грешную душу великого творца этого типа.

Московский врач Ф. Н.

Москва 30 мая 1901 г.

IV. Историческая справка

По городу ходит Апология графа Л.Н. Толстого (от 4 апреля 1901 года).⁴²

Эта Апология подтверждает лишь известное Толстовское вероучение, отрицающее святую Соборную и Апостольскую Церковь Христову с её благодатными таинствами, божественными догматами и священными обрядами.

Прослушав этот катехизис, мне представился евангельский волк хищник в одежде овчей. Слово Божие предостерегает нас: *Внемлите же от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы (Мф.7:15).*

Невольно мысли переходят к другому совопроснику века сего, – А.И. Герцену... Но какая разница между тем и другим!

Покойный Л.Н. Майков свидетельствовал, и его свидетельство врезалось в мое сердце, что в бытность свою в Лондоне, в начале 60-х годов, он посетил с одним из своих соотечественников Герцена. Спутник Майкова, желая блеснуть своим образованием пред тогдашним кумиром, стал говорить ему, что Россия погрязла в самом грубом суеверии, и для примера привел богомольное поклонение верующих чудотворной иконе Божией Матери, – этой «доске» (!) в Казанском соборе.

К величайшему изумлению «образованного» человека, Герцен, выслушав его, так разразился:

«Какое вы имеете право, милостивый государь, глумиться над тем, что составляет святыню для миллионов, и оскорблять их самые высокие чувства. Если мы с вами потеряли веру, то это наше несчастье».

Приведенное свидетельство Л.Н. Майкова вполне подтверждает и сам Герцен. Вспомним, как скорбел, он о том, что его отделяет от И.В. Киреевского *церковная стена*, и как умирительно передает Герцен, в своих воспоминаниях, следующий рассказ И.В. Киреевского:

«Я раз стоял в часовне, – говорил Киреевский Герцену, – смотрел на чудотворную икону Богоматери и думал о детской

вере народа, молящегося Ей; несколько женщин, больные, старики стояли на коленях и, крестясь, клали земные поклоны. С горячим упованием глядел я потом на святые черты, и мало-помалу тайна чудесной силы стала мне уясняться. Да, это не просто доска с изображением... Века целые поглощала она эти потоки страстных возношений, молитв людей скорбящих, несчастных. Она сделалась живым органом, местом встречи между Творцом и людьми. Думая об этом, я еще раз посмотрел на старцев, на женщин с детьми, поверженных во прах, и на святую икону, тогда я сам увидел черты Богородицы одушевленными. Она с милосердием и любовью смотрела на этих простых людей... И я пал на колени и смиренно молился Ей».

Этот трогательный до слез рассказ Герцена о Киреевском, помещенный в книге *V Жизни и Трудов М.П. Погодина* (стр. 472), уладил последние дни жизни Царственного Страдальца, Наследника Цесаревича Великого Князя Георгия Александровича.

17 мая 1899 года я имел счастье получить из Аббас-Тумана, за подписью Свинына, следующую телеграмму:

«Наследник Цесаревич с глубоким вниманием прослушал незабвенные строки в память Киреевского и Герцена. Спасибо, спасибо вам».

Аббас-туманскою телеграммой я поделился с преосвященным Назарием и с С.А. Рачинским, и последний 26 мая того же 1899 года из своего Татова писал мне.

«Очень вам благодарен за весточку про Аббас-Туман: О Царственном страдальце, обреченном недугом на постоянное изгнание, мы слышим так мало! Дай Бог, чтобы закат Его юных дней продолжали озарять его высокие думы о вечных вопросах, разрешение коих, увы, для него приближается».

Наконец, как трогательно, например, описание Герцена похорон его друга и родственника Вадима Пассека! в Симоновом монастыре:

«В Симонове, – повествует Герцен, – покойника встретил сам архимандрит Мельхиседек, бывший приятелем с Вадимом,

и эта дань уважения была хороша. Когда гроб опустили в могилу, архимандрит подошел ко вдове и сказал:

«– Довольно, это не наше, в церковь за мной, молиться Богу.

И мы взошли в церковь уже без покойника, уже он стал совершенно прошедшее. Вот где крепость религии. В эти минуты человек всё готов сделать, чтобы найти выход и примирение. Религия врачует всё. Когда мыслитель, гражданин говорит о подчинении индивидуального всеобщему, на них смотрят, как на людей без сердца; когда художник или ученый скажет, что звук его лиры, его кисть утешительница в его горести – назовут эгоистом. А когда религия резко говорит: «оставь, это моё, идем молиться, покоряйся безропотно», тогда всё покоряется и склоняет колена, без рассуждений, повинуюсь слепо».

Не суетное авторское тщеславие (ибо в сей *Справке* являюсь лишь *тростью книжника скорописца*) руководило мною, но упование, что содержимое в «Исторической Справке» *доброе и полезное* может запасть в душу кому-либо из юных, которые в настоящее время составляют предмет серьезной заботы Правительства нашего.⁴³

Николай Барсуков

V. Московское общество трезвости и граф Л.Н. Толстой

Московское общество трезвости, по предложению гг. Ворсуняка и Замятина, поддержанных священником В. Любимовым, в противность мнению своего председателя доктора Коровина и вице-председателя Ветчинкина, большинством $\frac{7}{8}$ всех членов, исключило из своих списков, как почетного члена общества, графа Л.Н. Толстого.

То общество, которое большинством $\frac{7}{8}$ всего состава своих членов не пожелало иметь Л.Н. Толстого своим членом – вполне вправо. Такова среда. Таково мнение. В этой среде мнение такого большинства, как $\frac{7}{8}$ всего состава общества – безусловно должно быть уважаемо. Очевидно, что гг. Ворсуняк, Замятин, о. В. Любимов – люди убежденные, верующие и их убеждение и веру принимают $\frac{7}{8}$ всего общества трезвенников. Они не хотят быть в обществе с гр. Л.Н. Толстым. Ну, пусть и не будут. Толстой, очевидно, должен уйти.

Теперь частью лже-либеральные, частью жидовские русские газеты начинают осмеивать и общество трезвости и гг. Ворсуняка, Замятина и о. Любимова, говоря, что они такие-то и такие, и один-де «портной», а другой «свечник». Выставляются они и невежественными, и смешными за то, что не захотели быть в одном обществе вместе с Л.Н. Толстым.

Вот как, напр., в «С.-Петербург. Вед.» рассуждает В. Авсеенко:

Что этот факт принадлежит к области тьмы, и тьмы сугубой – о том, кажется, одинаково с нами мыслит вся русская печать. Следовательно, о чём же спорить? Тьма проявилась грубо и самоуверенно, в тоне вызова, обращенного к величайшему из современных русских писателей, и к тем, кто считает его таковым. Для гр. Толстого, быть может, это безразличию, хотя трудно думать, чтобы при его слабом здоровье подобные печальные инциденты проходили, не оставляя впечатления. Но во всяком случае для литературы, для интеллигенции, для просвещения факт имеет несомненно прискорбное значение.

Мы огорчились им именно потому, что факт указал на тьму, существующую даже в столичном мещанстве. Автор упомянутой статьи находит, что эта тьма «не так уже темна», как нам кажется; мы же, напротив, думаем, что эпизод в обществе трезвенников показал её очень темною, и даже злокачественною, так как она ищет схитрить и прикрыться. Она выдвигает на вид сомнения православно-верующих, но делает это так неумело, что весьма явственно выступает наружу враждебность темных, но очень самоуверенных и довольных своей темнотой людей против интеллигенции вообще.

Справедливую отповедь дает гг. поклонникам Толстого газета «Свет».

Непонятно одно, за что и почему, спрашивается, гг. Ворсуняка и К° клеймят просвещенные люди невежественными представителями тьмы? Что они чуждаются Толстого, как еретика и ругателя дорогой для них матери Церкви? Войдите же в понимание душ этих оскорбленных Толстым людей, у которых отношение к святыне веры другое, чем у интеллигентных. Последней досадно, что Ворсуняк ей не сочувствует и не поклоняется её кумирам, за то он невежа. Вот вам и свобода убеждений!

Но свобода, так свобода не для одного Толстого, а я для всего общества. Дайте же право каждому думать и чувствовать.

Граф Л. Толстой давно уже, добрые 20 лет, начал рассказывать о «своей вере». Все слушали, – и веротерпимость была полная, даже проявляли индифферентизм. Ему никто не мешал. Мало-помалу от «своей» веры он перешел к «нашей» вере. Он стал нападать на православие, глумиться над ним, кощунствовать над «нашими» верованиями, т. е. граф Л.Н. Толстой нарушил все условия веротерпимости и уважения к чужим верованиям. Только тогда, когда уже стало нестерпимо от нападок, заявили во всеуслышание, что Л.Н. Толстой отпал от православия. Заявили в форме в высшей степени мягкой, заявили только факт.

Заявить об этом было обязанностью всех и каждого. Как же было не сказать, что человек, «действующий» против православия, «нападающий» на него, «клеветующий» на него

направо и налево, «унижающий» российскую православную Церковь по всему миру и распространяющий против неё хулы в сотнях тысяч экземпляров – не принадлежит более к православной Церкви. Не требовали ни кар, ни преследований. Чего же больше? Это и есть полная веротерпимость: «твое» при тебе, а «моего» не тронь.

Тогда граф Л.Н. Толстой написал своё последнее письмо от 4 апреля, которое разошлось по рукам в сотнях тысяч экземпляров, имеется теперь чуть не в каждом доме, потому что оно, составляя курьез дня, не велико и легко списывается; и напечатано к тому же с некоторыми сокращениями в журнале «Миссионерское Обозрение», следовательно, получило полную, унижающую (так оно недостойно по тону и замыслу великого писателя) Толстого гласность. В этом письме граф Толстой глумится, как сорвавшийся школьник, над православием и христианством. Это не речь умного, здорового атеиста, это речь бессмысленного, захудалого, озлобленного, 17-ти летнего нигилиста-гимназиста. Разум всей мировой истории, разум всего человечества сказался в христианстве. Худо оно или хорошо, но земля пока не дала ничего высшего. Православных надо считать на земле до 250 миллионов, а всех христиан, прибавляя к православным римско-католиков, англичан и лютеран – свыше 800 миллионов. Все эти христиане стоят во главе человечества и во главе земной жизни. И вот всему этому христианству граф Л.Н. Толстой бросает свою дерзкую проповедь: что христианство – шарлатанство, а таинства – колдовство. Что же на это сказать? Можно только пожалеть, что мальчик (хотя ему и 70 лет, но так говорить может только ребенок) сам не знает, что он говорит. Мы совершенно уверены, что очень, очень близко время, когда над всею этой историей с верою графа Л.Н. Толстого и верою графини Толстой, над всеми этими онучами, поддевками, переодеваниями в мужика, шутками богача-барина, который с голыми ногами пародирует мужика и пашет землю, гордеца-вельможи, который, зорко охраняя свои имущественные интересы, проповедует нищенство и коммуны – будут хохотать, взявшись за бока. Все это очень, очень смешно. Не смешно только, а серьезно в этом

одно: каким образом возможно в России, что гениальный художник, гордец, самолюбец, барин, место которому по его талантам в первых рядах своего народа и своего государства, мало-помалу затирается, не уважается и в то время, когда всякая бездарность лезет вперед, он, мало-помалу, влекомый жаждой деятельности, популярности, общественности, сродных каждому гению, находит исход своему гордому и непреклонному самолюбию, не в общей сфере здоровой государственной жизни, а в исключительных условиях загнанности, мщениия, глубокой обиды и озлобления. Когда мы исследуем этот вопрос, мы поймем, чем мы виновны перед нашими великими людьми, и многое, многое простим им.

Но пока всё это разберется, и пока мы только видим со стороны Толстого одно озлобление и одно грубое кощунство, против святейшего достояния, которым владеет русский народ, против веры православной, как же можно порицать гг. Ворсуняка, Замятина, о. Лебедева, что они не хотят быть в обществе с лицом, которое глубоко оскорбляет их самые святыя верования? Желая свободы для господина Толстого, мы еще более должны желать свободы и притом правильной, добытой большинством голосов, для целого общества.

Скворцов В. Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение 1901 г. № 7–8. С. 105–109

Написано не чернилами, но на скрижалях сердца плотяных (2Кор.3:3).

Надеюсь, что будет также обращено внимание и на усиление религиозно-нравственного воспитания нашего юношества

Эти слова Венценосного Вождя православной России, собственноручно начертанные 11 июня на Всеподданнейшем докладе нового, маститого министра народного просвещения об основах реформы нашей средней школы, как светлое сияние красного, солнышка, озарили наш заволоченный грозowymi тучами духовный горизонт. Они рассеяли тот мрак, который угрожающе стоял над благодетельным начинанием назревшей школьной реформы... Не одни церковники, но многие и многие недоумевали, не видя в выработанных основах школьной реформы, особых забот о религиозно-нравственном воспитании молодого поколения. Печать, заполонившая страницы и столбцы всевозможными проектами, как бы намеренно замалчивала этот, казалось бы, коренной вопрос реформы, – о религиозно-нравственных христианских началах школьного обучения и воспитания. Грехи реформируемой теперешней школы, сухой, *мертвящей* и материализирующей душу молодого поколения, коренятся не в одном только уродливо поставленном классицизме, а и в том, что наша школа, всё обучение и воспитание в ней были незначительны, относительно христианских вообще и в частности наших исторических, исконных православно-русских начал, а университетская наука, – прямо или косвенно, – не только противоцерковна, но и *атеистична*... Отсюда прошедшее чрез эту школу и науку молодое поколение, составляющее ныне нашу молодую интеллигенцию, соль современного общества, в подавляющем большинстве или индифферентно к вопросам веры и Церкви, или прямо враждебно. Отсюда симпатии к сектантству, увлечение всяким уродливым нововерием, вроде толстовства, блуждание религиозной мысли и нравственное слабосилие... Несправедливо было бы обвинять в этих грехах школы одно законоучительство, ибо может ли быть значительным руководящее влияние одного пастыря-священника в заведении,

где ему отведено для уроков Закона Божия ничтожное время и узкие рамки чуть-ли не последней спицы в колеснице, и где и само начальство-то бывает из иноверцев...

Прискорбно, что выработанные комиссией основы также обошли этот краеугольный камень, на котором должно покоиться истинное образование и воспитание будущих русских граждан – христианство, религиозность и нравственность. А потому среди радостных упований на благоплодность задуманной реформы, невольно подрывалась вера в зиждительность новых основ...

Нет, наша реформируемая ныне средняя школа должна стоять не только на выработанных министерской комиссией генерал-адъютанта Ванновского многообещающих основах, но и на «недвижимом, Христе, камени заповедей Твоих», как учить сему Церковь в одном из своих чудных песнопений; этого требует наша русская историческая правда, наша самобытность, этого желает Царь, Венценосный Выразитель народных дум и чаяний.

Сыновний поклон до земли от русских православных отцов и матерей Благочестивейшему Царю нашему за слова спасительного для России завета *об усилении* в реформируемой школе *религиозно-нравственного воспитания* нашего юношества.

Прекрасные и полезные соображения по поводу царского завета нашли мы в «Гражданине» (№ 50).

Многие из русских православных людей будут долго вспоминать охватившее их души волнение при чтении сообщения «Правительственного Вестника», от 23 июня 1901 г. о предстоящем преобразовании средней школы, – пишет один родитель (В. Задонский). Они испытали в обратном смысле Гетевское «Himmelhoch. jauchzung, zum Tode betrübt», т. к. не конец, а начало наводило смертельную скорбь. Как! – думал нетерпеливый читатель, – мертвечину мертвых языков заменяют другой мертвечиной и только? Из массы приобретаемых свободных часов уделяют все часы *полностью* «второстепенному», а о Слове Божиим – опять ни звука; опять скупятся уделить Ему хотя одну лишнюю минуту?! Но тут же,

при дальнейшем чтении сообщения, возмущение души внезапно заменяется таким миром, такой радостью и утешением, каких русские люди уже давно не испытывали! Этот мир навеяли слова нашего Государя: «Надеюсь, что будет также обращено серьезное внимание и на усиление религиозно-нравственного воспитания нашего юношества».

Раз убрали из школы «мертвое» и приобрели чистое, свободное место, то не впадайте вновь в пагубную ошибку и заполняйте теперь это свободное место живым! Но живое и единое на потребу человеку – это Слово Божие. Поэтому вы должны дать слову Божию *первенствующее* место в вашей новой школе. Т. е., вы должны: 1) сильно расширить программу преподавания Закона Божия. Кроме строгого требования от ученика знания истории ветхого и нового заветов, знания катехизиса, знания богослужения и молитв, ученик должен изучить на уроках Закона Божия: 2) само Священное Писание, 3) Историю Церкви, так же подробно и так же основательно, как историю своего отечества. Ученик должен изучать 4) житие святых, 5) вместо языческих философов – творения великих наших учителей Церкви и главных апостолов. И, наконец, 6) ученик должен пройти курс Богословия настолько подробно, чтобы, по выходе из школы, он имел твердое и ясное знание своей православной веры. Благодаря этому знанию, он сумеет понять тупость и ограниченность современных лжепророков и философов, а следовательно сумеет и не поддаться их пошлomu пустословию.

Вот какой курс Закона Божия необходим в средней школе. Русский ученик – прежде всего христианин, а христианин прежде всего должен знать, и хорошо знать, – Закон Божий. И только при этих условиях из ученика может выйти честный и полезный гражданин своей родины, т. е. то, к чему школа его готовит.

Не беспокойтесь: включение в программу этих важнейших для человека предметов изучения не займет места, нужного для расширения занятий по другим полезным отраслям знания. Пусть живой Закон Божий, сверх уделенных ему часов, занимает место только мертвой латыни. Место же мертвого греческого

языка в старой программе – достаточно крупное, чтобы вполне удовлетворительно заполнить его свежими, хорошими предметами обучения общеобразовательного свойства.

Ведь ваша задача, по слову нашего обожаемого Государя, – «обратить *серьезное* внимание на религиозное воспитание юношества». Так вот: основательное изучение Закона Божия, ознакомление с могучими примерами безупречной жизни наших святых подвижников, чтение дивных речей и сочинений, полных правды и мудрости, наших учителей Церкви, вникание в глубокие доводы апологетов в защиту христианства, сумевшие одолеть предубеждения таких сильных умов, какими были древние греки и римляне, – всё это «воспитывает» юную душу, углубляет её, просвещает, приглашает к подражанию по мере сил. А потому и не жалейте, что надо расширить преподавание Закона Божия именно до упомянутых размеров». Да простят благомыслящие педагоги это слово отца, которому дорого и близко христианское воспитание детей.

Мы глубоко убеждены, что привели единственный способ правильного решения вопроса о преобразовании нашей средней школы. Враги *христианского* воспитания юношества будут осмеивать этот способ. Они скажут, что из средней школы хотят сделать духовные академии, что из одной крайности впадают в другую, что детей собираются мучить философскими тонкостями (будто христианская истина!), или скажут что-нибудь подобное.

Но пора не обращать внимания на остроумие врагов Церкви, пора знать их избитые приемы, пускаемые ими в ход, чтобы «испортить» всякое благое начинание и пора, перекрестившись, взяться за дело – твердой рукой.

Изложенные соображения г. Задонского заслуживают серьезного внимания. Можно не соглашаться с деталями его проекта, но точка зрения и основная мысль автора безусловно правильная. Как не знать образованному молодому человеку, будущему гражданину, отцу семейства, истории судеб своей матери-Церкви! А питомцы ныне реформируемой средней школы и, конечно, университетов безусловно не знают её. Лучше поступиться в программе закона Божия разными

богословскими и катехизическими тонкостями, ибо вера не от знания, – но усилить преподавание церковной общей и русской истории, которая есть лучшая учительница веры. Наша нынешняя интеллигенция в школе не приобретает *никаких*, напр., сведений по истории русского раскола и сект и пробавляется во всю жизнь летучими сведениями газетных историографов о верованиях и жизни многих миллионов русских людей. Отсюда поверхностность и извращенность взглядов у нашей интеллигенции на раскол и секты и на борьбу с ними Церкви, нисколько не оправдываемые самой историей. А ведь из этой интеллигенции наши администраторы, судьи, писатели...

Утешительно, что разрешение великой царской задачи об усилении религиозно-нравственного воспитания передано министерством в руки таких авторитетов, как высокопреосвященный митрополит Антоний и г. обер-прокурор Св. Синода.

* * *

Надеемся, что читатели не посетуют на нас за то, что и в настоящей книжке мы отвели много места толстовской эпопее. Мы считали долгом дать возможность мирянам высказать свой взгляд на это дело. Читатели сами видят, как велики скорбь и негодование мирян по поводу «Ответа» гр. Толстого. Мы не сочувствуем резкости тона некоторых писем, но и не считали себя в праве подделывать язык сердца. Напрасно графиня Толстая хвалилась, что её супругу *все*, кроме «Москов. Вед.», сочувствуют... Далеко не все...

В. Скворцов

Из миссионерской полемики

**Боголюбов Д. Беседа в штундо-баптистами о суде
Церкви над грешниками // Миссионерское обозрение
1901 г. № 7–8. С. 110–125**

В селе Дубоватке, – тихом и мирном православном уголке, – в последние годы «завелись» штундисты. Они принесли с собою споры и сомнения в вере. Вследствие их «толков», многие дубоватцы стали колебаться в истинах православной Церкви; еще более объявилось таких, которые негодовали на сектантов и с нетерпением ожидали приезда в их село миссионера.

Я был в селе Господском, когда ко мне привезли письмо от дубоватского батюшки. В письме батюшка просил меня приехать в его приход и помочь людям разобраться в пререкаемых истинах веры.

Я поспешно направил в Дубоватку. По приезде в село, меня тотчас же окружили ревнители православия. В их сообществе, по указанию батюшки, пошли мы в земское училище. Народ там поджидал нас большой толпой. В училище же находились местные штундисты. Ими «заправлял» Андрей Кривой. Он, уже по уходе в секту, научился грамоте. Читать он начинал без букваря, по старым газетным листкам, которыми была оклеена изба его. Естественно, Андрей мало был начитан в Слове Божиим; плохо понимал его, но самоуверенностью отличался страшною. Он воображал, что, вместе с буквами, он постиг «всю евангельскую истину», – и это придавало ему гордости пред народом.

Едва я вошел в училище и установился за столом, Андрей грозно подступил ко мне с вопросом:

– Это почему вы вчера не приехали к нам? Мы вас ждали, ждали, – все глаза проглядели. Только обеспокоили нас напрасно...

Я пристально всмотрелся в лицо Андрея: оно выражало детский задор и напускную гневливость. Я решил «мирно» уладить дело. Я сказал:

– Простите, братцы, Христа ради, что я запоздал у наших соседей, в Господском. Целых три дня прожил там. Дел было много. Я еще вчера приехал бы к вам, если бы был свободен. –

С другой стороны, до нынешнего дня я не приказывал вам собираться. Это вы по собственной воле прождали меня... Во всяком случае поверьте, что не по лени до сих пор я не являлся к вам; было некогда...

Андрею стало стыдно, что он «с грубостью» подступил ко мне. Он совсем изменившимся голосом произнес:

– Ничего, ничего, не беспокойтесь! Я только к слову помянул, что мы вас долго ждали...

Православные грамотеи возревновали за меня. Один из тих сказал:

– Видишь ты, птица, к слову позволяет себе с грубостью обращаться к ученому человеку!... Не приехал и не приехал: значит нельзя было. А то ломается.

Я попросил всех не терять спокойствия и благодушия. Пропели молитву. Потом, желая дать сектантам ход, я спросил Андрея:

– Как случилось, что ты, друг, человек степенный, рассудительный ушел из Церкви православной и пристал к каким-то *новым* людям, которых не знали благочестивые отцы наши? Это меня удивляет...

– Не удивляйтесь моему уходу от православных. Были на то важные причины.

– Расскажи, Андрей, про это подробнее. Мы с интересом послушаем.

– Послушаем! – заголосили в народе. Правда, интересно. Расскажи, Андрей, мы сообразим, что к чему...

Андрей не без важности осмотрел «собрание». Потом с достоинством заговорил:

– Из Церкви православной вышел я года три, – вот с тех пор, как занялся чтением Евангелия. Вычитал я в Библии, что людям надо жить по Божьи; посмотрел на мир, на наши порядки, – и рассуждал, что мы живем не по Евангелию. И заболело у меня сердце. И решил я поступить по слову: «*выйдите из среды*» таковых (2Кор.6:17). И я вышел. Вот и весь сказ...

Андрей остановился, обтерся платком и пристально всматривался в народ.

Я переспросил его:

– Так ты, друг, вышел из Церкви Христовой. Куда же ты пришел?

Андрей улыбнулся:

– Я вышел из Церкви Христовой? В ней я и не был до последнего времени. Разве Церковь может состоять из пьяниц, воров, блудников, ругателей?

– Конечно, воры разбойники и пьяницы, *одни* не составляют *всей* Церкви Христовой. Но разве в Церкви православной все плохие члены? Разве мало у нас праведников?

– Что толку в ваших праведниках. На одного хорошего человека у нас придется сто дурных. Разве это – Церковь?

И Андрей хитро посмотрел на своих братьев. Те охотно принялись «чернить» Церковь православную.

Я остановил хулителей.

– Пойдите, сказал я. Если мы будем пальцами указывать на грешников, – мы их лишь раздражим. Не лучше ли нам оторваться от этой обыденной жизни и начать говорить от *Слова Божия*. Покажите, в самом деле, *где написано*, что грешники не могут быть в Церкви Христовой?

– Какое место грешникам в Церкви Христовой? завопил Андрей. Разве затем Спаситель искупил нас, чтобы мы продолжали валяться в грязи?...

Я ответил:

– Без сомнения, Христос искупил нас честною Своею кровью затем, чтобы мы были святы и непорочны пред ним (Еф.5:25–27; 1:17–18; 1Кор.1:30). Но имеем ли мы силу твердо стоять в своём звании? Ужели людям, по немощи согрешающим, *нет* места в Церкви Христовой? Где это сказано?

Андрей не перебивал меня; я продолжал свою речь:

У ап. Павла читаем: *«В большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении»* (2Тим.2:20). Видим отсюда, что в «большом доме» Божиим – Церкви, есть люди *разных* качеств. Никого Бог от Себя не отвергает, если люди сами не бегут от него. – Так и Христос

учил. Своё земное царство или Церковь он уподоблял полю, засеянному пшеницей, на котором, по злобе врага рода человеческого, выросли плевелы; сравнивал Христос Церковь с *неводом*, захватившим рыб всякого сорта, и с десятью девами, которые все были не без порока пред своим женихом (Мф.13:24–51, 25:1–13). – Не ясно ли из этих сравнений Господа, что земная Церковь всегда, рядом с праведниками, терпит у себя дурных людей, и эти дурные люди святости Церкви *не порочат*, потому что Христову Церковь даже врата ада не одолеют (Мф.16:18)? А если так, – зачем было сектантам уходить от нас? Неужели, друзья, выйдя из среды нас, вы пришли в такое общество, где члены *безгрешны* пред Господом?...

– Что говорить, ответил Андрей, люди – все со грехом, как написано: *«если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас»* (Ин.1:8, 10).

– Вот видишь, друг Андрей, каким ты благоразумным человеком бываешь, когда захочешь! Это – правда, что на свете безгрешных людей нет; нет, стало быть, их и в новом вашем обществе. А если так, – зачем ты забежал в него?

– Забежал я к новым своим друзьям потому, что заметил у них больше евангельской *строгости* в жизни. И у нас есть грешники, в этом нужно признаться, махнув рукой, сказал Андрей. Ну, только своим грешникам мы поблажки не даем. Церковь у нас строго судит их по написанному: *«если согрешишь против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного, или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи Церкви; а если и Церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь»* (Мф.18:15–17).

Видите, как Христос постановил: грешников надо обличать, вразумлять; а если не слушают, отдавать их суду Церкви; а если и Церковь не слушает, то для нас они становятся мытарями и язычниками. А у вас, в православной Церкви, *никакого* суда над грешниками нет. Это – не по Евангелию...

– Остановимся, друг, внимательнее на прочитанных тобою словах Господних. Разберем их и тогда уж посмотрим: правда ли у православных нет евангельского суда над грешниками? Начнем читать из Евангелия Мф.18:14: *«нет воли Отца вашего небесного, чтобы погиб один из малых сих»*. Так: Господь и в мир пришел для того, чтобы грешников спасти (Мф.18:11; Ин.12:47; Лк.19:10). И этих кающихся грешников он от Себя не гонит (Ин.6:37); не должна и Церковь *губить* их, быть жестокой в обращении с ними. Потому все свои сношения с грешниками Церковь должна направлять к тому, чтобы привести их к *раскаянию*, к сокрушению о грехах, а не к ожесточению и отчаянию (Мф.18:14). Вот почему судом, данным Церкви над грешниками, злоупотреблять нельзя. Его надо *строго* производить по Евангельским правилам. А по этим правилам *кто* должен творить суд и расправу в Церкви над грешниками? Вот *первый* вопрос, который мы с тобой, друг Андрей, должны разрешить.

– Что за вопрос? ответил Андрей. Написано: *«скажи Церкви»*...; значит, вся Церковь должна судить согрешивших братьев.

– Ответ не ясен и не точен, – сказал я. Церковь состоит из *многих* людей. Есть в ней пастыри и учителя (Еф.4:11); есть *«простолюдины»*, по выражению апостола (1Кор.14:16). Так кому же принадлежит право суда в Церкви?

– В своём обществе, – ответил Андрей, – мы все судим грешников. И это, по нашему убеждению, согласно со словами Господа (Мф.18:17).

– Меня удивляет, возразил я, что вы все присвояете себе право суда над грешниками. Этого права нам, *простым христианам*, Господь не дал. В Евангелии от Иоанна он говорит апостолам:... *«примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»* (Ин.20:22–23). Смотри, друг: не всем христианам, а только апостолам передал власть *«прощать»* и *«вязать»* грехи людям. Значит, и над Церковью, в Ев. Мф.18:17, надо разуместь апостолов же. – Каким же родом, вопреки Писанию, вы все попали в апостолов (1Кор.12:29)?

– Мы не выдаем себя за апостолов, ответил Андрей, а только усматриваем из свящ. Писания, что и «простолюдины» могут *прощать* согрешающих братьев. Вон у ап. Павла написано: *«если кто огорчил, то не меня огорчил, но частью (чтобы не сказать много) и всех вас. Для такого довольно сего наказания от многих, так что вам уж лучше простить его и утешить»...* (2Кор.2:5–7). Из этих слов апостола мы усматриваем, что «многие» могут наказывать и могут прощать грешников. Так у нас и делается...

– Как у вас делается, – это для нас, православных, не имеет обязательной силы, сказал я. Но что вы искажаете святое Писание, – это мы сейчас вам покажем.

Ап. Павел, правда, говорит, что коринфский кровосмесник «огорчил» всех христиан. Каким образом? Ответ на этот вопрос дает сам же апостол. Он учит, что во Христе все мы составляем *единую Церковь Божию*. Эта Церковь по своему составу подобна телу человеческому (ср. 1Кор. 12 гл.). Как в теле, когда *«страдает один член, страдают с ним и все члены»* (1Кор.12:26), – так и в Церкви: появляется один грешник, с ним наносится оскорбление или укор всем верующим. Все мы виноваты, что не могли брата нашего удержать от греха, и это доставляет нам печаль, скорбь, обиду. – Своё огорчение на грешников мы выражаем тем, что, по заповеди апостола, *«держим их на замечании»* (2Сол.3:14). Наблюдаем за жизнью грешников, сокрушаемся об их беззаконии; молимся за них Богу (Мф.5:44; Ин. 16); но, как братья, в душе прощаем им грехи их (2Кор.6:10). – В этой скорби о грехопадениях наших ближних, в *воздержании* от дружеского общения с ними и состоят в *сущности* все наши права над грешниками. Огорчаться ими мы можем и *должны*; однако, по заповеди Христовой, мы обязаны прощать людям согрешения их против нас до *«седмижды семидесяти раз»*, то есть без конца (Мф.18:21–22). А отсюда сам собой следует вывод, что *право* удерживать на грешниках вины их *пред Богом* принадлежит не нам, а преемникам апостолов – пастырям Церкви.

В этом убеждаемся мы, помимо Евангелия, из учения ап. Павла. Если бы *вся Церковь* могла судить согрешающих

братьев, то он *так бы* и говорил, как имеющий «ум Господень» (1Кор.2:16). А то он пишет Тимофею: «обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях. Согрешающих обличай пред всеми, чтобы и прочие страх имели» (1Тим.5:19–20). Ясно отсюда, что власть суда в Церкви ап. Павел передает своему ученику и сотруднику Тимофею; прочим же христианам, в согласии с заповедью Господа (Мф.18:15–16), он предоставляет право быть лишь «свидетелями» на согрешающих братьев, – дает им возможность высказывать свой *совещательный* голос за или против подсудимых, но *судить* и *рядить* в Церкви – этого права «простолюдинам» не предоставил. Значит, если вы, сектанты, поступаете иначе, то только потому, что вы разрушили апостольский строй в Церкви и делаете то, что каждому *кажется* «справедливым» (Ср. Суд.17:6), за отсутствием у вас *правильных*, Богом поставленных пастырей. Не так ли?...

– Разумеется, не так, – ответил Андрей. Вы умаляете право верующих. Апостол всей Коринфской Церкви писал «извергнуть развращенного из среды» себя (1Кор.5:13), а вы все *полномочия* отдаете одним пастырям. Это – не по Слову...

– Да, мои речи не совпадают с вашими сектантскими словами; но *Словом Божиим* они подтверждаются. – В самом деле, что означают слова апостола: «извергните развращенного из среды вас» (1Кор.5:13)? О каком «извержении» пишет апостол?

– Вот чудной вопрос задаете вы нам! воскликнул Андрей. Вы – человек русский; небось, понимаете, что значит слово «извергнуть»...

– Я-то, благодарение Богу, понимаю; да хочу увериться, что и вы-то, сектанты, понимаете значение этого слова.

Андрей сказал:

– «Извергнуть» грешника из Церкви – значит *выгнать* его вон из общества христиан.

– Разберем, друг, твой ответ. Во-первых, ты *ни одним* словом не сказал мне, *кто же* имеет власть *извергать* грешников из Церкви? А я тебе уже показал от Слова Божия, что эта *власть* принадлежит *одним* пастырям, а не всем

«простолюдинам». – Затем *не ясно* из твоих речей, что значит «изгнать» грешника из общества христиан. Значит ли это грешного человека *совсем* выгнать из города или слободы куда-нибудь в чистое поле, или как иначе надо понимать твои слова?

– Разумеется, из слободы грешников гнать не нужно, – ответил Андрей. Довольно их из Церкви выпроводить...

– А что значат, по твоему выражению, *выпроводить* кого-либо из Церкви? Должны ли мы такого человека *не пускать* в церковные собрания, – запретить ему слушать Слово Божие и проповеди пастырей Церкви, или по другому прикажешь понимать твои слова?

– Нет, в раздумье сказал Андрей, от Слова Божия и от церковных поучений грешников отрывать не следует. Пускай себе ходят вместе с верующими молиться; только *есть с ними вместе не надо* (1Кор.5:11).

– Опять, Андрей, ты не заплатил мне своего *долга*: ты так и не показал, что *все* христиане могут судить грешников пред Богом. Здесь, для ясности, оговорюсь: под словом «судить» я разумею не *обличение*. Обличать друг друга за проступки мы *все* обязаны (1Кор.5:12; 12:24). Я спрашиваю: *откуда* вы достали себе *право удерживать грехи* на ближних пред Богом? Ты мне на это *ничего* не отвечаешь. Значит, чувствуешь, что вы *самозванствуете*, когда *судите* в своём обществе *всё*. – Теперь ты еще прибавляешь, что, по учению апостола, с пьяницами, блудниками, ворами, христиане не должны *есть* вместе. Рассмотрим, понимаешь ли ты и эту заповедь апостола?...

По просьбе батюшки, мы прервали беседу. Пропели «Отче наш», «Под твою милость»... Потом я напомнил слушателям, до чего мы дошли: власть вязать и решить грехи в Церкви принадлежит не всем верующим, а только пастырям, как преемникам апостолов (Ин.20:22–23).

Андрей перебил меня:

– Да хоть бы пастыри-то судили у вас кого-нибудь. А то в православии мы *никакого* суда над грешниками не видим. Это – уж слабость и ведет к распущенности...

Я возразил:

– Неправду ты сказал, Андрей, что в православной: Церкви *никакого* суда над грешниками нет. Церковь наша, как любящая мать, все способы употребляет, чтобы *искоренить* зло и грех из среды детей своих и *наказать* более порочных и упорных из них. В этих видах она *наставляет* и *убеждает* верующих жить достойно своего звания (1Тим.5:1–2; 2Тим.4:2); «грешников *призывает*» примириться с Богом (1Кор.5:20); *обличает* их кротостью (2Сол.3:18), а упорных из них – *со властью* и *строго* (1Тим.5:20; Тит.1:13; 2:15)...

– Только обличает да обличает, заметил Андрей. Одним словом многого не сделаешь. Нет, вы бы *знали* от себя грешников; поступали бы с ними, по заповеди апостола: «*Кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником, с таким даже и не есть вместе*» (1Кор.5:11). Вот так бы поступали, вас грешники боялись бы. А то вы распустили народ...

– Прости, Андрей, но в тоне твоего голоса слышится фарисейство. Ты думаешь, что особую чистоту пред Богом проявишь, если в *телесных* делах не будешь общаться с грешниками. Ты хочешь быть *святее* самого Христа. В самом деле, Христос не гнушался входить в близкое общение с падшими людьми, чтобы привести их к покаянию. Вот, по свидетельству ев. Луки, в доме Симона Фарисея он ублажил

грешную женщину, которая возлила ему на ноги *алавастровый «сосуд с миром»* (Лк.7:37–48). Он сказал этой кающейся грешнице: *«прощаются грехи её многие за то, что она возлюбила много»* (– ст. 47). Событие для нас весьма назидательное: Христос не убоился внешнего общения с грешницей, – чего же нам бояться кающихся братьев, – грешников, подобных нам?

Припомните и другой подходящий к нашему разговору евангельский рассказ. Пришли в храм два человека помолиться – фарисей и мытарь. Фарисей считал себя праведником, а мытарь сокрушенно лишь твердил: *«Боже! будь милостив ко мне грешнику»* (Лк.18:10–14). Что же? *грешный* мытарь не осквернил святого храма и молящихся в нём; напротив, Господь оправдал этого кающегося мытаря, а гордеца фарисея осудил. На этом основании и мы, православные, не боимся, когда на молитву к нам приходят грешники. Мы знаем, что коль скоро они пришли молиться, – так ничего дурного в храме не сделают; *внешним* же прикосновением к нам они не осквернят нас, – как не осквернила Христа грешница, слезами омывавшая Ему ноги и волосами головы отиравшая их (Лк.7:43–48)...

– Про евангельскую грешницу, слезами омывавшую ноги Спасителя, сказал Андрей, толк другой. Мы говорим ведь про людей, которые «называются братьями». С *такими* грешными христианами нам не надо есть вместе...

– А как же мы читаем в Евангелии, возразил я: когда апостолы *«возлежали и ели, Иисус сказал: истинно говорю вам, один из вас, ядущий со Мною, предаст меня»* (Мк.14:18). Замечаем отсюда, что предатель Христа ел *вместе* с апостолами, но не осквернил их общества, хотя и был им *братом* по призванию. – Значит, одною едою или питьем *никто* осквернить нас не может. – Да и Господь грешника, преслушавшего Церковь, не называл *скверным*, а повелел его только считать за язычника и мытаря (Мф.18:17). С язычниками же и мытарями Господь не чуждался *есть вместе* (ср. Мф.10:10–11; Лк.7:34–36).

– Так, по вашему понятию, заметил Андрей, ап. Павел *ошибся*, когда не велел христианам «даже есть вместе» с

тяжкими грешниками из братьев?

– Нет, друг, апостол не ошибся, а ты не умеешь понимать его Писаний. Припомни, что сказал о пище апостол коринфянам: *«пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем»* (1Кор.8:8). Отсюда следует, что чрез еду, саму по себе, мы не можем сродниться с ближними или отдалиться от них. Не можем посредством *одной* еды стать участниками в чужих грехах (Мф.10:11). Всё зависит от того *расположения душевного*, с которым мы приступаем к пище: если, вкушая трапезу с тяжкими грешниками, мы тем хотим выразить им нашу любовь и сочувствие, – мы грешим против Бога, как участники в чужих грехах (1Кор.8:12); а если мы едим в кругу грешников-братьев по *необходимости*, – мы остаемся чистыми и неповинными: пища сама по себе нас не оскверняет (Рим.14:20)...

– Вообрази, Андрей, что грешником является муж какой-либо бедной женщины, у которой есть малые дети. Этот грешный, грубый муж *силой* заставляет жену и детей есть *вместе* с ним. Жена повинуется мужу, по *необходимости* разделяет с ним трапезу, хотя и *не сочувствует* грехам его. Что, эта женщина идет против Евангелия? А не бывает ли так, что жена своим терпением и любовью *спасает* грешного мужа (1Кор.7:16)?... Да. Не о простой *тленной* пище, не о простых обедах говорит апостол в посл. к коринфянам. Он имеет в виду *главным образом* ядение нами Тела Христова и питье Его Крови. Вот если кто к хлебу Господню и к чаше Его приступает без рассуждения, – тот тяжко согрешает. Ибо Христос сказал: *«Ядущий Мою Плоть и Пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, а Я в нём»* (Ин.6:56). Так обр. через вкушение Тела Господня и Питье Крови Его мы *теснейшим* образом соединяемся со Христом, – становимся *одним телом* с Ним (1Кор.11:23–29). Понятно, кто, не искусив себя довольно, осмеливается приступить к хлебу Господню, – тот есть и пьет осуждение себе, как кощунник, как Иуда предатель. Грешат и все другие христиане, когда *равнодушно*, без *душевной скорби* приступают к чаше Господней вместе со *злостными* грешниками: через то

они, делаются как бы *сообщниками* этих грешников, приобщают их вместе с собою к святому Телу Господа, – что Богу противно (1Кор.10:21). Потому-то апостол Павел и возбраняет верующим «есть вместе» с тяжкими грешниками, – разумеется, есть не простую, *неосвященную* пищу, а прежде всего – *Тело и Кровь* Господню.

Далее, запрещение апостола относится и к так называемым в древние времена «вечерям любви» или «вечерям Господним» (ср. 1Кор 11:20). Эти вечера устраивались христианами после причастия из остатков принесенного для причастия хлеба. Вкушавшие святые остатки выражали сердечную любовь ко Христу и друг к другу: этим они внешне показывали своё братство во Христе. Разумеется, тяжких грешников до таких священных вечеров нельзя было допустить, – и их не допускали.

В настоящее время «вечери Господни» в Церкви Христовой прекратились, по множеству верующих. Нельзя стало с должным благоговением кормить огромную толпу людей: ибо при апостолах и то случались беспорядки на вечерах Господних (1Кор.11:20–22). Потому грешники, в наши дни, даже если бы хотели, не могут присутствовать за священной едой. Следовательно, и заповеди апостола о неядении на вечерах любви совместно с грешниками *мы не нарушаем*.

Из сказанного еще раз убеждаемся, что христианских грешников не нужно «вон гнать» из Церкви, – не нужно обходить их назиданием и своею любовью. Напротив, их-то особенно надо привлекать к богослужениям. Только без должного раскаяния тяжких грешников не нужно допускать до Св. Причастия. – Это и означает заповедь апостола в 1Кор.5:11.

– Но какой же страх христианам от такого лишения чаши Господней? возразил Андрей. Кто будет знать, что, положим, я отлучен от причастья, если я про то никому не скажу?... По нашему, строже бы надобно обходиться с грешниками...

– Вижу, друг, что ты весь еще в узах фарисейских. Тебе не нравится, что у нас отлучают «от чаши» *тайно*. А между тем наш порядок основан на словах Христовых. Господь говорил: «не судите по наружности, но судите судом праведным»

(Ин.7:24). Этим «праведным» судом у нас и судят. В нашей Церкви избегают такого порядка, при котором каждый судил бы и рядил о моих духовных делах. Возможно, что нашлись бы люди, которые насмеялись бы над ближним, поругались бы ему. Вот, для избежания таких печальных явлений, у нас делают всё *тайно*... Ты боишься, Андрей, что это не строго, – другие о том не узнают? А Бог-то узнает всё! Чего же страшнее быть отлученным Церковью от любви Божией, от благодати Христовой? Разве *человеческий* суд может принести людям какие-нибудь более тяжкие лишения?

Одумайся, Андрей, пойми, *отлучение от причастия* есть самое тяжелое и *страшное наказание для христианина*. Это отлучение в православной Церкви применяется нередко. Только *посторонние* люди о том не знают. – Значит, ты *неправильно* выразился, когда сказал, что в нашей Церкви *никакого суда над грешниками нет*...

Андрей задумался; потом сказал: – все-таки *полного* отлучения грешников от Церкви у вас не бывает...

– О каком *полном* отлучении говоришь ты? Если пастырь Церкви лишил христианина причастия Тела и Крови Христовых, – этот христианин *тем самым* удален от теснейшего общения со Христом. А без Христа, без Божией благодати люди – то же, что сухие ветви. Правда, и ветви сухие висят на дереве, пока их не сломят, и отлученный от причастия христианин *наружно* пребывает в Церкви. Но что в том? Без благодатных даров Св. Духа люди – что *онемелые* члены: висит, напр., иссохший палец на руке, но жизни в нём нет, – и этому пальцу кровь, текущая в жилах руки, не помогает. – То же бывает и с отлученными от причастия христианами, в случае их *нераскаянности*...

– А не бывает у вас так, – растерянно спросил Андрей, – чтобы какого-либо грешника *навсегда* изгоняли из Церкви, и это изгнание совершали бы *торжественно, всенародно*?

Я ответил:

– *Навсегда* мы *никого* не изгоняем из Церкви: изгнанные *ныне* грешат, а завтра могут покаяться и *опять* прийти ко Христу. Христос же приходящих к Нему по изгоняет вон (Ин.6:37). Как же мы будем знать их?...

Что же касается *торжественных* отлучений от Церкви, – то они, временами, у нас совершаются. Напр., ежегодно, в *неделю Православия*, у нас анафематствуют, или отлучают, от Церкви, всех еретиков-лжеучителей.

Андрей заметил:

– Однажды я слышал это отлучение, когда был за обедней, на архиерейском служении, в губернском городе. Только я не слышал, чтобы тогда *по именам* кого отлучали. А без имен какую силу имеет отлучение от Церкви?

– Полную силу имеет и то отлучение от Церкви, которое произносится без имен, – ответил я. Ведь над людьми царствует Господь. Он видит дела наши и распределяет всех по достоинству, – кого направо, кого налево (Иов.34:11; Иер.17:10; Мф.16:27; Рим.2:6; Откр.20:12, 13). Если какой брат ложно учит о Боге, о Церкви – и не кается в своём заблуждении, – такого члена Церковь *торжественно* отлучает от общения с собою. И пусть этот *заблудившийся* христианин *наружно* будет считать себя сыном Церкви: Господь *духовно* отсечет его от Себя, как сухую ветвь, и сочтет в Церкви Своей членом *омертвелым*. (2Тим.2:19; 1Тим.5:24–25; Кол.3:25). Значит, для правды Божией не обязательно нужно, чтобы тебе *отдельно* сказали, что ты – не в Церкви. Если ты имеешь ум, – ты сам сообразишь, где ты; Бога же своим лицемерием в обман не введешь...

– Всё это так, возразил Андрей. Только из Писания мы не видим, чтобы при *апостолах* кого по вашему обряду отлучали...

– Если хорошенько вникнешь в Писание, – там увидишь отлучения, подобные нашим, – ответил я. – В послании к коринфянам ап. Павел, напр., пишет: «*кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маран-афа*» (1Кор.16:22). Смотри: апостол никого не называет по имени, а всяк сам соображай: любит он или не любит Господа? Если не любит, – так он *отлучен* от Церкви апостольским судом, хотя ему об этом суде никто не говорил *лично*.

То же находим мы в послании к галатам. Апостол пишет: «*кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема*» (Гал.1:9). Опять рассуждай, христианин, как ты учишь – Если – *против* Евангелия, *по-сектантски*, – не так, как

Церковь Христова *всегда* учила, – то ты уже под анафемой апостольской; ты – уже *отверженный* член Церкви (Тит.3:10). – В *таком* смысле исключены из Церкви, *впредь до раскаяния*, все еретики, лжеучителя-сектанты. А ты, Андрей, говоришь, что у нас *никакого* суда Церкви над грешниками нет?

– Да я не слыхал про такой суд; потому и говорю...

– Если не слыхал, так я объявляю тебе от имени Церкви: *ты и братья твои, как лжеучителя, искажающие истину Христову, уже отсечены от общения с Господом, пока не раскаетесь...*

В толпе православных слышались скорбные восклицания:

– Боже милостивый! Какой страх... Побойся Бога, Андрей!... Женщины набожно крестились.

Я продолжал речь:

– А чтобы *осязательно* показать, что в Церкви православной отлучают тяжких грешников и по *именам* даже в наши дни, – я сошлюсь на недавно изданное послание Святейшего Синода. В этом послании епископы православной русской Церкви произносят суд над лжеучениями гр. Толстого. Толстой – великий еретик. Он исказил всё Св. Писание. Он не верит во Христа, как Бога, не признает Девы Марии Богородицей и многие другие ереси содержит. За все эти заблуждения Св. Синод признал его *отпадшим* от Церкви и распорядился, без раскаяния Толстого, даже не хоронить его, в случае смерти. – Вот вам и *поименный* суд православной Церкви над грешниками-еретиками! Суд строгий, тяжкий, но вполне заслуженный графом...

– Против этого суда над графом по Евангелию мы *ничего* не возразим, сказал Андрей. Это – по Божьи. Знамо, коли не хочешь быть в Церкви, – ступай, куда знаешь!...

– Вот то-то и есть, друг! А ты говоришь, что у нас *никакого* евангельского суда над грешниками нет? – Теперь знай, что *есть* этот суд в православной Церкви, и ты *первый* осужден уже, как лжеучитель...

Если же мы *кратко* поступаем с верующими, но согрешающими христианами, – так это потому, что Христос

велел *щадить* кающихся грешников (Лк.6:37; 1Кор.4:5). Этих грешников *по именам* у нас не предают всенародной огласке – в надежде, что они *сами собой*, под воздействием Церкви, покаются.

Андрей обдумывал своё положение и более не возражал мне. Я сжато *повторил* то, о чём мы беседовали. – Христос грешников в Своей Церкви велел *судить*. Но суд этот производят *не все верующие*, а только *пастыри Церкви*. Верующие при этих судах выступают лишь в качестве «свидетелей», *советников* пастырей.

В чём же должен состоять самый суд церковный?

– В *обличении и увещании* грешников прежде всего; потом в отлучении *тяжких* из них от св. Причастия. А если и эта *строгая* мера не подействует, напр., на лжеучителей, сектантов, – их *вовсе*, впредь до раскаяния, *исключают* из состава Церкви. Такое исключение *упорных* грешников *ежегодно* производится у нас в *неделю Православия*; но бывает оно и в других важных случаях, напр., по делу писателя графа Толстого.

А отсюда следует такой вывод: нам – христианам не должно бояться *наружно* вступать в житейские сношения с грешниками. Такие сношения нас не осквернят. Надо лишь помнить, что *дружбы, приятельства душевного* с людьми, осужденными Церковью, водить не следует. – Поэтому и за сектантов будем усердно молить Господа, чтобы Он сжалился над ними и призвал их снова в Свою святую православную Церковь. От дружбы же с ними и братского единомыслия будем уклоняться.

Д. Боголюбов

**О. К. Московские собеседования с старообрядцами
// Миссионерское обозрение 1901 г. № 7–8. С. 126–
133**

Собеседование 4 Февраля

Догматическое заблуждение попа Никиты о тайне Тела Христова. Свящ. С. Муретов.

Первоучителя раскола говорили про Никона, что он прилепился к римскому костелу, исполняет постановления нечестивых латинских пап и вводит латинство: троеперстие, трегубую аллилуиа, четвероконечный крест, архиерейское благословение по трисвятом, замену слова Херувимской песни «приносяще» на «припевающе». – Ложность и несправедливость этого обвинения будут вполне очевидны, когда мы обратим внимание на учение самих первоапостолов раскола о тайне Тела Христова, учение, несомненно, латинского происхождения и содержания. Обвинение падает на главу обвинителей и обличает их ложь и пристрастность в отношении к п. Никону. Поэтому о. референт справедливо нашел полезным говорить «о заблуждении первоучителей раскола о тайне Тела Христова» в особом реферате после собеседования 2-го Февраля, специально посвященного догматическим заблуждениям глаголемых старообрядцев.⁴⁴

Что в вопросе о времени пресуществления св. даров, говорил о. референт, первоучителя раскола стоят на почве латинского заблуждения, в этом мы убедимся, сопоставив воззрение латинской Церкви, православной и, наконец, «столпов» старообрядчества. Повествование евангелистов и ап. Павла об установлении Евхаристии Христом, с заповедью «творить сие в Мое воспоминание», служило для восточных и западных христиан первых веков основанием к совершению сего таинства; тогда все верили, что хлеб и вино пресуществляются в Тело и Кровь Христову, и никто не задавался вопросом о времени пресуществления. Только схоластические богословы средних веков, измыслившие для каждого таинства материю (вещество) и форму (слова), в первый раз задумались над вопросом: какими словами пресуществляются св. дары на литургии? Решение католической Церкви известно: тайнодейственную силу она приписала

словам Христа. Против этого возражал еще Николай Кавасила (14 в.), утверждая, что творческая сила слов Христа приводится в действие лишь по молитве священника. Разногласия повторились на Флорентийском соборе (15 в.); во время прений обнаружилось, что и греки в молитве о ниспослании Св. Духа, и латиняне в молитве о вознесении даров в пренебесный жертвенник видели только прошение о благодатных плодах св. Таин для причащающихся, а не прошение о пресуществлении. В 15-же веке греческие богословы пришли к мысли, что словам Христа принадлежит освятельная сила только в связи с молитвою священника о ниспослании Св. Духа на дары, а в 17 веке всё значение признали только за этой молитвой, а за словами Христа оставили лишь значение основания для призывания Св. Духа. Такова история вопроса, важного не только в теоретическом, но и практическом отношении, ибо таким или иным решением его устанавливался момент, с которого Телу и Крови Господней подобало воздавать боголепное поклонение. Но ни латинские богословы, усвоившие силу пресуществления только словам Христа, ни греческие – только молитве священника, не справедливы. Истина в середине и настоящее решение вопроса таково: освящение даров начинается благодарственной молитвою к Богу Отцу за творение и искупление, продолжается повторением слов Христовых при установлении Евхаристии и кончается молитвою священника о ниспослании Св. Духа на дары с благословением их крестным знамением. Это – православное решение вопроса, имеющее для себя оправдание в учении св. о.о.: Василия Вел., Ефрема Сирина, Кирилла Алекс., Григория Нисского, Нила Синайского и мн. др.

Первоучителя раскола решили вопрос в латинском духе: диакон Феодор весьма определенно выражается об этом так: «о преложении св. даров Христовыми словесы верую быти и исповедую..., а до того времени прост хлеб и вино пребывает в приносе» (посл. из Пустозерска к сыну Максиму). По свидетельству того же диакона Феодора, Аввакум и Лазарь мнят неподобно, будто бы дары освящаются и преллагаются еще на проскомидии, до начала литургии, Аввакум и Лазарь

действительно, держались такого мнения, что видно из «росписи...» Лазаря и 2-го посл. Аввакума к боярыне Морозовой. С ним единомышленным был и поп Никита Пустосвят, откровенно заявивший в челобитной царю Алексею Михайловичу, что хлеб и вино пресуществляются от начала литургии, когда священник готовится учинить заклание агнца, по тропаре «Искупил ны еси». Образовалось подобное учение под влиянием латинян, упрекавших греческую Церковь в тройственном приношении и освящении даров на проскомидии, великом входе и во время слов: «и сотвори убо хлеб сей»... Правда странность его была замечена еще диаконом Феодором, написавшим в опровержение целую книгу (до нас не дошла). Полное обличение этого заблуждения мы находим у Симеона Полоцкого в его «Жезле Правления».

Таковы учителя раскола, совершавшие таинства и не понимавшие их, «желающие быть законоучителями и не понимавшие «ни яже глаголят, ни о нихже утверждают» (1Тим.1:6–7). «Оставьте этих лжеучителей, закончил о. С. Муретов словами Симеона Полоцкого, и возвратитесь к Матери вашей Церкви, истинное учение которой, как солнце на небе, сияет».

Заранее можно было предвидеть, что возражений по поводу читанного не последует со стороны старообрядцев: требовалось очень основательное знакомство с историей предмета, а против приведенных свидетельств и соображений о. С. Муретова возразить было нечего. Г. Дегтерев (старообрядец) посему ограничился лишь выражением благодарности о. референту, распространился о хороших сторонах реферата, поставив последний образцовым, и в заключение спросил: «добрую ли цель преследовали вы, о. С.? Вы знаете, что теперь никто из старообрядцев так не учит; не хотели ли вы только упрекнуть нас этим заблуждением?» Получив успокоительный ответ, г. Дегтерев еще раз благодарил о. Муретова. Благодарили референта и православные, прося почаще выступать на кафедру.

Собеседование 11 февраля

Разбор воззрений старообрядцев на изменения в обрядовой стороне церковного богослужения. Свящ. Разумовский.

Возражений против обрядовых изменений старообрядцы выставляют много; собрать и разобраться в них – дело кропотливое и нелегкое. О. Разумовский с любовью отнесся к своему труду, и недоумения разрешил прекрасно. Правда, реферат его получился несколько обширен для данного места, но своих достоинств чрез это не потерял и утомителен не был. Передать содержание его в порядке развиваемых лектором мыслей – трудно; мы наперед извиняемся пред читателями и ограничимся сообщением лишь следующего: старообрядцы обвиняют Никона за исправление книг, чинов и обрядов; здесь видят они искажение православия, уклонение от древнего благочестия и здесь же находят достаточный повод к отделению от Церкви. Ссылаясь на Никона Черногорца и Максима Грека, они говорят: Церковь изменила предания и чрез то впала в ересь, – но не хотят понять того, что разумели указанные лица под преданиями. Без сомнения, предания догматические, ибо, по Васил. В., еретик только тот, кто «верою чужд». Признаком же веры, понимаемой как «уповаемых извещение, вещей обличение невидимых», является невидимость, – таковы догматы православной Церкви, за ними и нужно признать неизменяемость. Всё же, что видимо, – не вера и подлежит изменению. Старообрядцы, смешав догмат с обрядом, провозгласили последний неизменяемым и чрез то стали в противоречие с церковной практикой. Ап. Павел, хотя и говорит, чтобы в Церкви было всё «благообразно и по чину», но чинов не установил; их устанавливает Церковь по дарованной ей власти, притом постепенно совершенствуя их на лучшие. Отсюда понятно разнообразие чинов и обрядов в древней Церкви (изменения в чине литургии, времени празднования Пасхи и др.). Старообрядцы говорят, что это было давно, но они забывают, что Церковь никогда не стареется, но вечно юнеет.

Кому же принадлежит право изменения чинов и обрядов? Церковной власти, – но старообрядцы ошибаются, утверждая, что Церковь учащая изменила православие на еретичество. Так говорят они только потому, что православие полагают в двуперстии, а ересь – в троеперстии, хотя каждому известно, что обряд еретичества в себе заключать не может. Без церковной власти и её руководства ничего изменять нельзя, по 64 пр. VI в. с. Старообрядцы говорят, что православные злоупотребляют понятиями догмата и обряда, но злоупотребляют скорее они, называя догматом то, что не более, как обряд. Наконец, говорят они, что православные, выражаясь об обрядах, как «о ненужных», тем самым низводят значение их, но они забывают, что «ненужными» мы называем обряды только по сравнению с догматами, отделяя таким образом существенное от несущественного. Итак, старообрядцы обвиняют нас в ереси, но сами отвергли иерархию, седмичное число таинств, признали Церковь одоленную, восхитили себе право учительства, наконец, порвали с нами общение только из-за различия в чинах и обрядах, хотя это различие было и в древней Церкви, но единение там не прерывалось. В заключение о. референт приглашал раздорников соединиться с Церковью и восстановить нарушенный мир.

О. Мина. – Имеет ли Церковь право изменять обычаи и обряды? Не желает ли кто из старообрядцев побеседовать об этом?

Дегтярев (стар.) – Вопрос ставить так нельзя, но коль скоро он поставлен, делать нечего, отвечаю: имеет. Беда в том, что о. референт назвал старообрядческую церковь еретической; не поговорить ли нам посему о догматических заблуждениях, а не об обрядовых разностях. Ведь не стоит оцезивать комара, верблюда же поглощать.

О. Мина. – Об этом беседовали в прошлый раз. Скажите лучше, П. Тр., на каком существенном основании отделились от нас старообрядцы?

Дегтерев. – Пусть рассудит нас в этом деле вселенский собор. Вы желаете его?

О. Мина. – Желаю, только тогда вот какое недоразумение произойдет: соберется собор, обратимся к нему мы, вы, окружники, беглопоповцы, противоокружники, а потом придет безпоповец, да и скажет: оо. патриархи, вас нужно сначала перекрестить! Как же тогда быть, для кого собор составится? Ну, Василий Пименыч (стар.), вы желаете вселенского собора?

Вас. Пим. – Никогда.

О. Мина. – Петр Тр., вы говорите не дело. (Обращаясь к Вас. Пим.) – Скажите, В. П., может Церковь изменять чины и обряды?

В. Пим. – Может изменить от предположенного порядка, но ничего противного не внося. Вы похулили имя Царя Славы, назвали Его равноухим. Признаете ли Его Богом? Вы приняли новое Евангелие с двумя ижами и впали в сугубый порок. У вас воцарился антихрист; об этом пишет даже и ваш Степан Яворский: «антихрист священство истребит».

О. Мина. – Он не мог этого говорить, потому что сам был епископ. Без священства Церковь быть не может, и верующий только в крайней нужде, в темнице и т. п. может обойтись без священника, уповая на милосердие Божие. У вас такой нужды нет. Потом: или будет уничтожено священство, тогда уничтожатся и таинства, а если уничтожатся таинства, тогда откуда будем ждать помощи? Припомни-ка притчу о плевелах, да и поразмысли над ней.

На этом кончилось собеседование. По православному обычаю, о. прот. К. И. Богоявленский после объяснения Евангелия просил прощения у слушателей: «может быть, говорил он, кого-нибудь оскорбил необдуманном словом, или неосторожно, – простите меня! Вас же осеняю святым Евангелием, призывая благословение Божие». За ним прощались и другие руководители бесед.

О. К.

Собеседование со старообрядцами 18-го марта

О таинстве причащения – против безпоповцев. Священник В. Быстрицкий.

Определив сущность причащения, как таинства, в котором верующий под видом хлеба и вина невидимо приобщается Тела и Крови Господней, о. лектор обратил особенное внимание на важность сего таинства. Как для тела, говорил он, необходимы свет, воздух, пища и питье, так и для души необходимы особая пища и питье, могущие укрепить её и возрастить в жизнь вечную. Истинное брашно и питье души – Тело и Кровь Господня, по слову Спасителя: «Я – хлеб небесный... Плоть Моя – истинная пища и Кровь Моя – истинное питье... кто съест от хлеба сего, жив будет во веки..., если не будете вкушать Плоти Сына человеческого, – живота не имеете в себе»... Т. о. в таинстве крещения мы соединяемся со Христом, делаемся единокровными Ему (Кирилл Иерусал.); это единение очищает душу от грехов и телу дает в хлебе залог будущего прославления (Ириней Лионский); причащение согревает нас теплотою любви, укрепляет силу доброй воли, умножает добродетели, душу утучняет (Больш. Катехиз.); посему-то и приступать к сему великому таинству нужно со страхом и трепетом, искушая себя, дабы не оказаться ядущими и пьющими недостойно.

Таинство причащения всегда признавалось и существовало в Церкви. Отрицать его могут только лишенные разума враги Божии (см. соч. И. Златоуста, Кирил Иерус.), забывшие заповедь Христа – совершать сие таинство в Его воспоминание и наше спасение (кн. о Вере). Безпоповцы заблуждаются говоря, что можно спастись и без причащения, добродетельным житием, как святые подвижники. Ничто не может заменить евхаристической жертвы, и никакая другая жертва не чиста пред Лицом Божиим (Толк. Апостол). Что касается святых подвижников, то о некоторых из них известно, что они причащались в ближайших Церквах (у Ефрема Сирина), другие брали запасные дары (у Василия В.), а если про остальных и не

говорят писатели житий, что они причащались, то исключительно потому, что об этом и говорить не следовало, ибо без причащения не только подвижником соделаться, но и христианином никто нарецися не может (Иосиф Волоцкий). Заблуждаются безпоповцы и в том, что с лет Никона патриарха антихрист потребил истинную жертву, – нет, она будет и при антихристе, верные будут причащаться её и получают помощь и спасутся в горах и в вертепах (Ефрем Сирин – слово об антихристе).

Я обращаюсь ко всем старообрядцам со словом Христа: «аще не снете Плоти Сына человеческого и не пиете Крове Его, живота не имате в себе». Покайтесь и обратитесь к Матери нашей Церкви!

Устное собеседование было непродолжительно. На поставленный о. Быстрицким вопрос: могут ли показать нам безпоповцы своё упование на спасение? – Василий Пименович (стар.) отвечал: наша надежда от Евангелия от Матфея и Иоанна, где говорится: если учителя твои неправы, то Бог тебе – Учитель, и, если ты был дивен в житии, то великая тебе похвала, хотя и не имеешь ты учителя (толкования из кн. Маргарит). О. Пр. Виноградов и о. Христофор Максимов разъяснили старообрядцу, что таких слов в Евангелии совсем нет, что тут идет речь об учительстве, а не о таинстве причащения, и что, если их учитель Бог, то они ослушались Его, ибо Господь говорит: «аще не снесть Плоти Сына человеческого..., живота не имате в себе».

На этом последнем собеседовании оо. миссионеры прощались со своим сотоварищем иером. Миною, получившим назначение настоятеля Гуслицкого монастыря. Выяснив важность и значение миссионерских трудов о. Мины, преосвященный владыка Парфений благословил его на прощание иконою Спасителя, пожелав ему добрых плодов и на новом поприще служения.

О. К.

Миссионерство, секты и раскол (хроника)

Боголюбов Д. Харьковский епархиальный миссионер. Благодетельские миссионерские съезды в Харьковской Епархии // Миссионерское обозрение 1901 г. № 78. С. 134–148

Живое сознание духовенством Харьков. епархии потребности и пользы миссионерских собраний; свои преимущества благодетельских и уездных миссионерских съездов. Духовная чуткость села и восприимчивость народа к пропаганде лжеучений. – Предъявляемые нашей современностью новые задачи пастырской миссии и необходимость миссионерского саморазвития. – Программа вопросов обсуждаемых на благодетельских съездах Харьковск. епархии. – Общее состояние православных приходов с религиозно-церковной, нравственно-просветительной и общественно-бытовой сторон. – Движение сектантства. – Как ведутся доклады пастырями о годовых трудах и плодах своей миссии среди сектантов. – Главный принцип и единообразие способов борьбы с народным вольномыслием и с заблуждениями расколо-сектантства. – Постановления о том, как должно вестись проповедничество церковное и внебогослужебное, и школьное обучение Закону Божию. – Как относиться приходским пастырям к отпавшим, какие беседы рекомендуется им вести с заблудшими. – Организация библиотек. – Способы и меры к возвышению нравственного уровня православной приходской среды. – Заключение.

Благодетельские миссионерские съезды в Харьковской епархии существуют лет пять. Они собираются ежегодно, осенью, во всех округах. На них участвуют все священники, за исключением тех, которые остаются в известных приходах, по очереди, для требоисправления. Нужно сказать, что потребность в этих съездах с каждым годом чувствуется духовенством осязательнее. В текущем году были съезды, как первый Сумской, на которых присутствовали поголовно все священники округа. Это явление само уже свидетельствует, как жаждут пастыри взаимных свиданий, – дружеских разговоров

по поводу состояния своих паств и духовного воздействия на них.

То же обстоятельство лучше всего говорит, насколько мудро поступил маститый Харьковский архипастырь Амвросий, узаконив для *всей* епархии благочиннические миссионерские съезды. – Жизнь требует именно больше всего *благочиннических* собраний духовенства. На эти собрания *ближе и удобнее* являться священникам округа. На благочиннических съездах священники друг другу все *известны*. Это обстоятельство облегчает для них взаимный обмен мыслей, – делает их более откровенными и общительными.⁴⁵ Если же на каком-либо съезде принимаются *оригинальные*, полезные, но неизвестные другим постановления, – эти постановления в следующий год делаются достоянием других съездов епархии. Их своевременно оповещает по всем благочинническим округам Епархиальный Миссионерский Совет, который для всех съездов служит объединяющим и направляющим центром.

Таким образом, благодаря благочинническим съездам духовенства, в Харьковской епархии *твердо и неуклонно* преследуется миссионерское развитие всех священников. На этих съездах, сколько возможно, бывает епархиальный миссионер. В 1900 году он посетил, напр., 17 съездов. Везде он старался пробудить в священниках жажду миссионерских познаний; везде делился со своими собратьями и соработниками выводами миссионерской науки и практики по поводу тех или других жизненных явлений. И надобно было видеть радость священников, когда они, чрез обмен мыслей, разрешали наболевшие у них недоумения. Надо было видеть, как торжествовали скромные деревенские пастыри, сознавая, что в великом доме Божиим и они оказываются *сознательными* деятелями.

Нельзя не возблагодарить Бога за то, что Он *благовременно* посылает делателей на жатву Свою. Эта жатва так волнуется *свирепыми* ветрами, что требует *немедленной* и тщательной обработки своей. Современная жизнь духовная характеризуется *неустойчивостью*, сомнением, которые

проникают даже до дна народного. Люди на наших глазах делаются полуграмотными. Они читают книжки, умственно просыпаются и невольно, озираясь кругом, спрашивают себя: так ли они живут? Почему, на каком основании, существует у них то или другое?...

Это явление в народной жизни надобно бы признать *желательным*. Но беда в том, что полуграмотные крестьяне за разрешением своих недоумений *не всегда* обращаются к своим пастырям. Часто кто побойчей из них, зазывает к себе в хату слушателей и начинает, по образному выражению малороссов, «крутить мозгами» по поводу разных предметов веры и жизни. Толкование получается уродливое, дикое, порою ни с чем несообразное. Но невзыскательные слушатели довольствуются и им. И вот на селе уже готово ложное мнение. Оно поддерживается и распространяется в *тайне*, как святыня. Оно мутит умственно-религиозный покой обывателей.

Это явление создает особого рода *чуткость* духовную на селе. Зараженные такою чуткостью всё рассматривают с точки зрения своей идеи. Они делаются *восприимчивыми* ко всякой пропаганде. И беда, если люди, потерявшие духовное равновесие, попадут на юг к немцам колонистам, или в экономии богатых штундистов, вроде братьев Мазаевых. Там из их колеблющегося состояния разработают настоящую штунду. Человек вдруг потеряет дружелюбное расположение к старинному своему быту, к верованиям православной Церкви. На всё обыденное смотрит, как на обман, и воображает себя мудрецом, постигшим «тайну от века»... И что хуже всего, – такой *самообольщенный* человек заразу души своей, свой критицизм болезненный постарается всеми силами привить к родичам, к друзьям и знакомым. – Так штундовый пожар появляется там, где о нём и не думали. Поэтому он застаёт *врасплох* и пастырей, и крестьян. Все теряются. Не знают, что предпринять против *неожиданного* зла. А зло это, пользуясь временным замешательством окружающей среды, быстро крепнет и становится на ноги. Тайно, а иногда и явно, его поддерживают известные штундовые вожаки. Они *фанатизируют* своих последователей, поселяют в душе их

злобу и недоверие ко всему, – что делает крайне затруднительным пастырское воздействие на них духовенства.

При таких печальных жизненных явлениях, естественно, духовенству надобно стоять на страже, во всеоружии миссионерского знания и опыта. То обстоятельство, что сектантство в епархии проникло далеко не во все уезды, не должно усыплять пастырей Церкви. Раз на селе горит один дом, то искры от него могут поджечь и самый отдаленный конец построек. Надобно всем стоять с препоясанными чреслами, готовыми встретить разбушевавшуюся стихию должным отпором. А это сравнение штунды с огнем не должно считать преувеличением: по умственному *переходному* состоянию своему и вследствие постоянного взаимообщения, народ наш представляет удобную почву для сеяния среди него всяких лжеучений. Тут и штунда гнездится, и хлыстовство проникает в дома, под видом *черничества*, а недавно на одном благочинническом собрании было доложено, что в хутор Благодатный, Богодуховского уезда, прислано письмо какого-то *иеговиста*. Было пред всеми прочитано это письмо. Какие бредни может проповедовать человек, до какого явного *анархизма* он подчас доходит, наученный не менее дикими и невежественными вожаками!...

Итак, Церковь Христова в наши дни, несомненно, переживает тяжелое испытание. Враг усиленно сеет плевелы среди русского народа. Вырывать эти плевелы, помимо божественной благодати, требуется человеческое *искусство*. А откуда оно явится у сельских смиренных батюшек? – Со школьной скамьи они не могли его вынести. В школе всем нам даются *начатки* познаний. Эти начатки, без возделыванья, от времени исчезают, и мы стоим пред Господом «*и несчастны, и жалки, и нищи*»... (Откр.3:17). Господь однако не отталкивает нас от Себя. Он зовет всех духовных деятелей «*купить*» у него «*золото огнем очищенное*». – И вот Церковь святая учит нас прежде всего просить у Бога премудрости – благодати, нас вразумляющей и наставляющей на всякую истину. Затем св. Церковь велит нам всем «*познать истину*». В частности, пастырям она приказывает чрез апостола «*вникать в себя и в*

учение; заниматься сим постоянно» (1Тим.4:16). Так поступая, пастыри будут истинными духовными *врачами*, способными целить духовные недуги своих пасомых.

Но вникать самостоятельно в учение Христово, без особого дарования и руководства, невозможно: дар истолкования Слова Божия дается не всем (1Кор.12:10). Тем более не все умеют *«наставлять противников»* (2Тим.2:25). Для того требуется дар Божий, опытное руководство и личное усердие к изучению свящ. Писания и различных религиозных заблуждений. – В этих видах желательно, чтобы более опытные, более одаренные от Бога пастыри делились бы сокровищами своих познаний со своими братьями и соработниками. Тогда будет исполнен закон Христов (Гал.6:2), и древнее Писание найдет свое приложение: *«железо железо острит, и человек изощряет взгляд друга своего»* (Притч.27:17). – Но если всякому человеку важно и нужно *«изощрять»* свой взгляд на вещи, тем более это необходимо для священников, духовных *врачей*, которым приходится лечить болезни новые, еще недостаточно обследованные. А такой *новой* болезнью и надобно признать те сектантские веяния, которые теперь усиленно распространяются среди русского народа.

С другой стороны, поприще духовного делания необычайно тернисто, требует много воодушевления и веры в дело. К пастырям Церкви предъявляются разнообразные требования. Пастыри должны быть и *учителями* народа, и *воспитателями* его в доброй жизни, и *проводниками* в народную среду всяких начальственных распоряжений. И всё это пастыри должны выполнять не чрез полицию, а мерами нравственного воздействия, духом любви и кротости. Понятно, что для того требуется *выдающаяся* энергия, могучая вера и пастырское призвание. Этими качествами, к счастью, и обладают многие наши пастыри. Среди них не мало людей, которые души свои полагают за овец своих... Но ведь и стальные ножи притупляются. И такие светочи добродетели, как св. ап. Петр, в иную минуту могут колебаться и претыкаться о «камень преткновения». Тем более подвержены искушениям *обыкновенные* пастыри, плоть от плоти нашей и кость от костей

наших. А что сказать про людей слабых, с недостаточно закаленным характером? Такие люди часто имеют нежное сердце: болят о недугах своих пасомых; сокрушаются по поводу своей слабохарактерности; усердно просят Бога о помощи и, как утопающие, беспокойно смотрят по сторонам, ища для себя опоры и воодушевления. Для всех таких людей съезды, братские совещания являются кладом, источником мужества и воодушевления. На съездах менее искусные в пастырском делании приобретают нужные им указания; на съездах люди закаляют свою энергию и приобретают побуждение к новым трудам. Кто из деятелей миссии не встречал таких людей, не слышал их слезных признаний по поводу своей немогущности, не был свидетелем тех обетов, которые давались ими пред лицом своих собратий.

Миссионерские съезды в Харьковской епархии ведутся по очень широкой программе. На съездах состояние приходов подвергается обсуждению с разных сторон. В то же время на заседаниях съездов тщательно обсуждаются *пастырские мероприятия* по поводу тех или иных печальных сторон в жизни прихожан. – Лучше всего однако с занятиями благочиннических миссионерских собраний в Харьковской епархии можно ознакомиться чрез рассмотрение их программы, – которая представляет для интересующихся делом миссии несомненное значение. Вот эта

**Программа вопросов, подлежащих обсуждению на
благочиннических миссионерских въездах
Харьковской епархии**

1) Общее состояние прав. приходов округа с религиозно-церковной, нравственно-просветительной и общественно-бытовой сторон

а) Отношение прихожан к храму Божию и богослужению. Ревнуют ли они о благолепии святыни церковной? Исправно ли говеют и причащаются ежегодно? Почитают ли церковные праздники и день воскресный отдыхом от работ? Охотно ли и благоговейно принимают у себя священников с молебнами и др. требами? Как относятся крестьяне к добрым старинным обычаям освящения домов, колодцев (криниц) и т. п.? Развита ли в приходах поминание усопших и поставление свечей пред св. иконами? Соблюдаются ли церковные посты и уставы, в частности касательно ежедневных домашних молитв? Не заметно ли каких-либо сектантских суждений среди прихожан о православном религиозно-церковном строе жизни?

б) Благочестивы ли вообще прихожане? Какие христианские добродетели процветают между ними? Развита ли скромность, целомудрие, трезвость, милосердие, приветливость и почтительность к пастырям и начальству? Какие грехи и порочные наклонности распространены в народе? Сокращаются ли они постепенно или с годами увеличиваются?

в) Много ли грамотных в приходе? Где и как они обучались? Что читают и откуда берут книги? Любят ли назидаться в Слове Божиим и участвовать на внебогослужебных беседах? Расположены ли к школе и охотно ли посылают в неё детей? Правильны ли и насколько осмысленны суждения прихожан о Боге, святых Его, о значении церковных таинств и обрядов? Не осталось ли каких-либо суеверий и языческих понятий в народе, вредно отражающихся на его христианской жизни?

г) Сообразен ли склад народной жизни с учением Церкви и Евангелия? Характеристика общественных и семейных нравов. Взгляд народа на «мирские» повинности, на женщину, детей-работников, на нищих и сирот. Облагораживается ли постепенно этот взгляд или грубеет – и вследствие каких обстоятельств? Не существует ли каких-либо пагубных и соблазнительных обычаев

в приходе, сопровождающих празднование великих церковных праздников, а также совершение браков, погребения, крещения, молебствий и проч.?

д) Соображения о мерах к усилению истинной церковности в народе, евангельского благочестия и разумной грамотности. Меры для искоренения суеверий и развития в народе добрых нравов и обычаев. Пастырское церковное и внецерковное учительство. Его желательный характер, в зависимости от современного состояния крестьянской жизни и в виду распространяемых в народе сектантских лжеучений. Существуют ли в округе какие-либо церковно-миссионерские библиотеки и пополняются ли они новыми книгами? Какие книги и печатные периодические издания надобно считать особенно пригодными для служителей Церкви? – Общие итоги пастырской деятельности в приходе за год.

2) Движение сектантства в округе

а) В каких селах округа и какие сектанты (раскольники – какого толка?) существовали в истекшем году? Не появилось ли где новых сектантов? Каковы их руководители, вероучение и образ жизни? Чем вызвано появление этих сектантов? Каковы их руководители, вероучение и образ жизни? Чем вызвано появление этих сектантов? В старых сектантских селах не изменилось ли вероучение и нравоучение отступников церковных? Не замечалось ли между ними каких-либо волнений, опасных для Церкви православной, и не было ли событий, возбуждающих фанатизм в сектантах? Какие причины того и другого? Не приезжали-ли в округ сектантские вожаки из соседних губерний или с Кавказа? Что известно о цели и результатах этих посещений. Устраивали ли сектанты богослужебные собрания в истекшем году? Кто были руководителями этих собраний и не присутствовали ли на них православные христиане? Известно ли об этих собраниях гражданскому начальству? Какие меры оно принимало к прекращению их? Достигли ли эти меры своей цели? Если нет, то почему? Что в особенности удерживает ныне сектантов в их заблуждениях? В каком состоянии находится их внутренняя организация? Авторитетны ли их вожаки и какими средствами они достигают влияния на народ? Существует ли между сектантами взаимопомощь, и в чем она проявилась в минувшем году? Нет ли каких-либо признаков начинающегося разложения сектантских общин? Не заметно ли с их стороны желания сблизиться с Церковью православною? Как вообще относятся ныне православные к сектантам? Продолжается ли в округе сектантская пропаганда? Насколько она опасна, кем и какими средствами ведется? Общее число в каждом приходе сектантов (или раскольников мужского и женского пола, и сколько не крещенных детей) с краткой характеристикой наиболее упорных из них и влиятельных в своей среде.

б) Какие пастырские меры были принимаемы для борьбы с сектантством в истекшем году? Что сделано для возвышения

благолепия церковных служб и для распространения полемических сведений в народе? По какой системе и как именно велась проповедь Слова Божия? В каком духе преподавался Закон Божий в школах? Бывали ли особенные беседы с сектантами? Где, когда, при каких обстоятельствах, о чём, и каковы их результаты? Заведена ли при церкви *летопись* более важных событий из жизни прихода и сектантства? Что особенно вредит ныне делу пастырской миссии в приходе? – Общее состояние этой миссии; её успехи за год, и ближайшие задачи в будущем.

* * *

Из рассмотрения изложенной программы легко заключить, что в Харьковской епархии для *всех* благочинических съездов указана самая серьезная и нужная работа. Там, где нет раскола и сектантства, священники исследуют состояние своих приходов с тех сторон, которые наиболее способствуют зарождению по селам расколо-сектантства. В этих видах тщательное внимание обращается на уровень религиозных познаний в приходах, – на то, соответствует этот уровень православному учению, или нет?

Помимо состояния вероучения в народе, съезды много внимания уделяют *нравственному* быту своих прихожан. Обсуждаются хорошие и дурные стороны в жизни крестьян, – то, чем порождаются эти стороны, и какое влияние они имеют на благосостояние Церкви Божией в данной местности.

Если в округе есть сектанты, – священники докладывают собранию об их вероучении, быте, влиянии на православных, – о том, какие пункты вероучения и жизни сектантами особенно истолковываются и распространяются в среде православных?

Затем съезды заслушивают рассказы священников о том, *что ими сделано* в обличение сектантов и в ограждение православных от уклонения от Церкви? Этот отдел *наиболее интересует* членов съездов. Все священники с напряженным вниманием следят за тем, как ведется в данной местности проповедь; о каких вопросах и как она трактуется; когда и какие беседы батюшки устраивали с сектантами и т. д. При этом замечено, что если доклады делаются в *общей форме*, без

указания *точного* хода рассуждений по известному предмету, – то такие доклады выслушиваются без удовольствия, по необходимости и даже со скукою. Чтобы устранить со съездов подобные недостатки, а вместе чтобы придать совещаниям характер в полном смысле *школы взаимного обучения*, – епархиальный миссионер *повсеместно предлагал священникам с Библией в руках рассказывает о своих проповедях и противосектантских беседах.*

Трогательно было видеть, как в кругу своих собратьев батюшки вели повесть о своих трудах в приходах, иногда сильно зараженных заблуждениями раскола или штунды. Чаще всего, при начале дела, докладчики сильно стеснялись. Епархиальный миссионер и члены съездов братски ободряли их, давая им понять, что здесь происходит не *казенный* допрос, а именно дружеский обмен мыслей. Поэтому стесняться нечего, так как доклады своим авторам *никаких формальных* неприятностей принести не могут. Это заявление ободряет священников, и они уже *спокойно* начинают рассказывать, как они пастырствовали и миссионерствовали в приходах за год. Выяснялось, что батюшки неленостно проповедуют за богослужениями; нередко говорят на противосектантские темы, случается, лицом к лицу беседуют с сектантами. Но на съездах же обнаружилось, что *немногие* священники имеют представление собственно о *миссионерских беседах* с сектантами и раскольниками. Это объясняется тем, что такие беседы стали устраиваться в епархии лишь за последние годы. Однако и своими *личными* силами сельские священники успели во многих случаях приобрести себе необходимые сведения и кое-какой опыт для обличения отступников церковных. В тех же случаях, когда вопрос самими докладчиками не мог быть разрешен удовлетворительно, они прямо заявляли о том епархиальному миссионеру и просили его помощи и содействия. Так было на Белопольском съезде, когда шел вопрос о войне с христианской точки зрения и о присяге. Также происходило на других собраниях, когда поднималась речь о *святости Церкви*, о крещении младенцев, об иконах и других оспариваемых сектантами предметах. Во всех этих случаях съезды

обращались в глубоко осмысленные аудитории, в которых епархиальный миссионер докладывал слушателям выводы православного Богословия и миссионерской практики по известному вопросу. Батюшки слушали докладчика и здесь же делали ему свои замечания по поводу того, что казалось им неясным или слабо обоснованным. В конце концов собрания съездов принимали характер *дружеских совещаний*, на которых каждый чувствовал себя, как дома, я говорил то, что подсказывали ему ум и сердце...

Было одно и такое заседание миссионерского съезда (Богодуховское 1-е), на которое приглашались сектанты. Батюшки общими силами делали им пастырские увещания. Сектанты остались непреклонными. Но члены съезда лично увидели, что такое русская штунда, как велико её упорство, насколько трудна борьба с ней; а потому как *осторожно* всем священникам надобно совершать своё пастырское делание.

На благочиннических миссионерских съездах Харьковской епархии установлены более или менее *однообразные* способы борьбы с народным вольномыслием и с существующим среди крестьян расколо-сектантством. Эти способы борьбы – по преимуществу *пастырского* характера. В большинстве они являются *применением* к Харьковской епархии тех мер, которые выработаны на Казанском Всероссийском миссионерском съезде и на двух местных епархиальных съездах. Это потому, что всю задачу своих изысканий наши благочиннические миссионерские съезды полагают в том, чтобы *сознательно* и *убежденно* усвоить себе то, что рекомендуют для борьбы с расколо-сектантством известные деятели всероссийской миссии. В этих видах, на благочиннических миссионерских съездах священники особенно стараются сделать постановления, *предупреждающие* появление там и здесь сектантства. Таким краеугольным постановлением, от применения которого зависит *вся судьба* миссии, повсеместно признается изречение Христа Спасителя: «*овцы Мои слушают голоса Моего... и они идут за Мною*» (Ин.10:27). Пастырю надобно быть во *всех отношениях* образцом веры и жизни для своих пасомых; тогда они *устыдятся* бежать от него. А если и

при хорошем пастыре кто-нибудь заштундует, то это уже воля Божия: и от Христа ушел Иуда и погиб позорной смертью. Добрый пастырь должен оплакать погибшую овцу; но он должен всячески остерегать других овец от гибели. С этой целью ему надлежит, как учит Святейший Синод, *благоговейно и неспешно* совершать церковные богослужения; сопровождать эти богослужения *проповедью*, по возможности, *живою*. В проповедях надо изъяснять прежде всего евангельские и апостольские чтения, *применительно* к народным нуждам.

Необходимо изъяснять верующим и порядок богослужения, чтобы по возможности все понимали, что они видят и слышат во св. храме. Затем, так как все наши богослужения сопровождаются пением, и от хорошего пения зависит чаще всего соответствующее настроение молящейся души, то нужно *всемерно* стараться об изгнании из Церквей дьячковского унисонного пения. Желательно в этих видах привлекать на клиросы школьников, так как их согласное пение более всего может радовать сердца родителей и придавать благолепие церковному богослужению.

Эти *непреложные* истины на съездах никогда не встречали *никаких* возражений, и только речь шла о том, как достичь всесторонней красоты богослужения при бедности многих Церквей и при недосуге многих священников? Решено, что добрый благочестивый пастырь *всегда* найдет время истово отправить богослужение; а школьники своими прекрасными голосами помогут ему обставить это богослужение особой торжественностью и задушевностью.

Пение школьников хорошо еще и тем, что оно заметно привлекает весь народ к *дейтельному* участию в богослужениях и отгоняет от рассеянных скуку, на которую жалуются порою сектанты, как на что-то будто бы свойственное нашему богослужению. Школьники, со временем, будут взрослыми людьми. Они, конечно, запомнят то, чему их обучали в училище, и таким образом незаметно, но верно привьется по деревням *общецерковное* пение, о котором так много заботятся высшие власти.

Так как, далее, с развитием грамотности усиливается любознательность в народе, желание всему найти смысл и *библейское* основание, то пастыри не должны ограничиваться одною церковною проповедью. За церковным богослужением всего нельзя сказать; с другой стороны, многие благочестивые души, особенно в праздники, жаждут усиленного богомыслия. Поэтому на съездах постановлено *повсеместно* совершать воскресные вечерни и сопровождать их *внебогослужебными* беседами. На этих беседах необходимо в *системе* и раз, и два, и более разобрать с *положительной* стороны все те пункты, которые пререкаются сектантами и которые смущают иных православных. При этом рекомендовано, без *крайней* нужды, не излагать сектантских возражений, а иметь их проповеднику в голове. Народу же сообщать выводы, которые разрешают в православном смысле то или другое сектантское возражение.

Постановлено также, чтобы священники *тщательней* готовились к внебогослужебным беседам; чтобы они вели их непременно на *заранее* обдуманые темы, – в виду того, что слушатели могут делать пастырю возражения или заявлять о своих недоумениях. И, конечно, будет весьма печально, если пастырь не ответит вопрошающим, и тем ввергнет их в совопросничество и сомнение.

Для довершения учительства в приходах, священникам на съездах вменено в обязанность Закон Божий в церковно-приходских школах проходит в смысле *библейско-апологетическом*. Особенно это необходимо, по распоряжению Св. Синода, делать в селах, где есть штундисты или раскольники. Как и почему в школах Закон Божий надобно проходить *апологетически*, – на это, во время заседаний съездов, епархиальным миссионерам делались пространные указания. Было говорено, что современная русская жизнь характеризуется развитием грамотности в народе и значительным передвижением рабочих сил из одного места в другое. Эти обстоятельства развивают в народе *пытливость*, – стремление знать, почему люди живут так, а не иначе. Такая сама по себе прекрасная черта в направлении народной мысли становится источником многих бед для православной Церкви,

вследствие малограмотности народа и крайней его неразвитости в религиозно-нравственном отношении. Людей пытливых, случайно попавших на юг России, ловко вербуют хитрые сектанты, давая им известного рода книжечки и поселяя в головах их мучительные вопросы о церковно-религиозном строе жизни православных. Возвращаясь на родину, эти затуманенные сектантскими вопросами рабочие приносят с собой яд сектантского вольномыслия и тем готовят удобную почву для развития среди русского народа сектантства.

С указанным злом трудно бороться епархиальной миссии. Скрытые в начале, а после закоренелые сектанты *почти* не поддаются миссионерским увещаниям. Да и мудро миссионерам гоняться за распространителями сектантского вольномыслия. В деле борьбы с этим вольномыслием могут и *должны* епархиальной миссии оказать свою помощь *церковно-приходские школы*. Они вызваны к жизни для насаждения в народе православного образа мыслей, – для противодействия развивающемуся в народе ложному рационализму. – Этой цели церковно-приходские школы удобно могут достичь чрез целесообразное преподавание Закона Божия ученикам. Необходимо, чтобы преподавание Закона Божия детям имело в виду укрепить в их сознании законность и необходимость тех православно-церковных порядков, в которых они растут и крепнут. А для сего мало указывать детям, особенно в сектантских селениях, *что такое* иконы, как с ними надо обращаться, или *для чего* мы ставим свечи перед св. образами. Надо, по *теперешним жизненным требованиям*, еще показать: откуда взяли начало иконы? как учит о них Слово Божие, или на каком основании ставим мы свечи перед св. образами? Ответы на эти вопросы *безусловно необходимо* прочитывать по Библии не раз и не два, а *много* раз, как только позволят обстоятельства. Тогда дети со школьной скамьи узнают, что наши порядки *заимствованы или основаны* на Библии. Лучшие из учеников запомнят даже библейские места, говорящие в пользу того или другого церковного учения.

И это – не праздная мечта. Интересы Церкви требуют *неотложного* применения указанной постановки преподавания Закона Божия. С другой стороны, опыт показывает, что во многих сектантских приходах священники с успехом применяют *библейско-апологетический* способ преподавания Закона Божия. Автору лично приходилось видеть школы, где дети свободно отыскивали по Библии свидетельства в пользу того или другого церковного учения. Правда, таких школ немного; но пора, *давно пора*, всем церковно-приходским школам перейти от разговоров к делу, от проектов к настоящему *библейско-апологетическому* преподаванию Закона Божия. Тогда церковная наша миссия в школах найдет лучших себе сотрудниц и в народ внесен будет тот свет, о котором давно хлопочут миссионеры.

Итак, жизнь требует, чтобы церковные школы были не просто рассадниками *безразличной* грамотности, а чтобы они были *питомниками* строгого и чистого православного христианства. Для сего Закон Божий необходимо поставить на ту высоту, на которой он должен стоять по требованию современности.

К утешению священников, должно сказать, что им не придется много раздумывать над вопросом: *как поставить преподавание Закона Божия в библейско-апологетическом смысле?* Вопрос этот обсуждался на 3-м Казанском миссионерском съезде. Один из членов съезда, наблюдатель церковно-приходских школ и миссионер Полтавской епархии свящ. И. Ольшевский, обработал и программу преподавания Закона Божия в указываемом выше направлении. Эта программа напечатана в известных «Деяниях съезда» В.М. Скворцова. В ней *всё* указано, *где и на что* нужно обратить внимание законоучителям. И, конечно, эту программу всякий священник может применять по своему усмотрению. Законоучитель *особенно* должен изучать те пункты, которые волнуют данную местность. Но *непременно* нужно, чтобы эти пункты в *старших отделениях*, при повторении уроков *особенно*, проходились по Библии. Разумеется, законоучителям

придется основательно ознакомиться с опровержением различных сектантских мудрований.

При этом необходимо добавить, что законоучителя при преподавании должны *избегать* произношения слов: «сектанты учат», «штундисты думают» и т. п. Нет: пусть, *без крайней необходимости*, и имени сектантов не будет произносимо, чтобы преждевременно не заинтересовать детей ложными учениями. Можно достигать цели законоучительства и в том случае, если батюшки у себя в голове будут держать известные сектантские возражения, а на них в *положительной* форме давать ответы. Напр., при ознакомлении детей с устройством скинии, – внушать, что скиния была первым храмом; её велел устроить Сам Бог. В скинии были *изображения* херувимов. Эти изображения (иконы) освятил Сам Господь. Пред ними люди кланялись. Христос, приходя в храм, учил почитать храмовую святыню. Апостолы тоже молились перед ней (Деян.22:17). В этом смысле надобно пройти с детьми, *при повторении в старшей группе*, учение и о других пререкаемых штундистами предметах в развивающейся ныне миссионерской литературе.

Что касается сел с раскольничьим населением, то, при преподавании Закона Божия, там нужно иметь в виду программу свящ. Плотникова, напечатанную в «Миссионерском Обозрении». А пособием для прохождения курса по этой программе может служить учебник по обличению раскола того же автора.⁴⁶

Конечно, порядок преподавания Закона Божия, рекомендуемый здесь, потребует *времени и труда*. Это известно. Но несомненно и то, что обстоятельства времени требуют от всех церковных деятелей *неустанных усилий* и хлопот. Дело преподавания Закона Божия важнее ремесел, вышивания и др. *прикладных* знаний. Поэтому священники и должны принять к сердцу те советы, какие предлагает им миссия.

Этот доклад епархиального миссионера, разъясняемый на съездах *всесторонне*, батюшки везде принимали к сведению и обещались, по возможности, осуществлять его в церковных школах.

Таким образом, по постановлениям благочиннических миссионерских съездов, священники харьковской епархии должны питать народ духовною пищей и в церквах, и по домам, и в школах. Везде они должны преследовать одну цель – укрепить в православии своих овец и оберегать их от уклонения в сектантство или раскол.

Что же касается расколо-сектантов, то оставлять их без пастырского воздействия *никак не должно*. Надобно употреблять все *духовные* меры для завязыванья дружеских сношений с ними. Это не значит, однако, чтобы священники, подражая епархиальному миссионеру, устраивали публичные беседы с церковными отщепенцами. Нет: на съездах постановлено, чтобы *таких* бесед священники *избегали*, так как среди них мало лиц, подготовленных к ведению публичных бесед. Кроме того, расколо-сектанты могут слишком глумиться над священниками, что в интересах Церкви не может быть желательным. Священники *публично* поучают народ в *положительной* форме. Допускаются при этом *сдержанные* и *скромные* вопросы, а не споры. Частно же, по домам, полезно с сектантами или раскольниками вступать в *дружеский* разговор по поводу известного разногласия. Причем, хотя бы священника оспаривали, ему необходимо проповедуемую истину отстоять от Библии или старопечатных книг до конца и всесторонне. Если же церковные отщепенцы избегают встреч со священником, полезно влиять на них чрез миссионеров-сотрудников, людей *твердых в православии и благочестивых*. Таких людей надобно всемерно изыскивать и готовить в приходе, а также за труды поощрять их, по усмотрению и усердию священников.

В помощь себе, кроме православных сотрудников, священники употребляют *церковно-миссионерские библиотеки*. Они составляют по личным соображениям пастырей и по указанию, в случае нужды, епархиального миссионера. В таких библиотеках, во всяком случае, *должны быть все издания* журнала «Миссионерского Обозрения». Для распространения в народе это – самый подходящий материал. Из более же крупных изданий постановлено в миссионерские библиотеки приобретать книгу Оболенского «Критический разбор

вероисповеданий русских сектантов рационалистов», – как сравнительно позднюю, по времени появления, и содержащую в себе почти всё, что можно сказать в защиту того или другого православного учения. – Кроме названной книги, рекомендовано приобретать в церковные миссионерские библиотеки и другие богословские сочинения, смотря по средствам и нуждам выписывающих.

В обличение же раскольников решено приобретать мелкие издания Братства Петра Митрополита, сочинения проф. Н.И. Ивановского, Архим. Павла и учебник свящ. Плотникова по обличению раскола. Выписки Озерского есть во всех раскольничьих приходах. – Этих руководств достаточно *на первый раз* для обличения наших малограмотных раскольников.

Не ограничиваясь одними церковными библиотеками, миссионерские съезды постепенно *во всех округах* открывают *благочиннические* миссионерские библиотеки. В состав этих библиотек входят книги по разным отраслям богословских наук; в этих библиотеках, ежегодно пополняемых новыми книгами, можно найти всё, что потребуется священникам. Такие библиотеки *основаны* уже и успешно действуют в 5-м Старобельском округе, в 1-м Старобельском, в 4-м Изюмском и в др. округах.

Помимо рассуждений о том, *какие* знания необходимы как и *откуда* их почерпать пастырям Церкви для утверждения в вере своих пасомых и для обличения «противящихся», – на съездах самое серьезное внимание уделялось *нравственному* состоянию приходов. Дознано, что многие люди бегут из Церкви православной потому, что не находят христианской жизни среди своих единоверцев, или поражаются черствостью и бессердечием многих православных богачей.

Для борьбы с этим злом постановлено, чтобы священники чаще, по всякому *подходящему* случаю, изображали православным евангельский образ жизни и нравственного поведения. Тогда никто не скажет, что Церковь *потворствует* беззаконникам и закрывает глаза на их поступки.

Для поддержки же бедняков в приходах и для оказания помощи пострадавшим от разных напастей рекомендовано

делать пастырские воззвания прихожанам о помощи. Эту помощь отовсюду надо приобретать и деньгами, и хлебом, и холстом, и другими пожертвованиями. В то же время пастырям Церкви необходимо брать на себя ходатайства о пристроении калек и увечных по богадельням. – Такое отношение священников к обездоленным членам приходов *неизбежно* поднимет авторитет их в глазах народа и послужит лучшим противодействием распространяемому сектантами мнению о священниках, что они будто бы заботятся только о себе, а не о вверенных их попечению духовных детях.

Делались на благочиннических миссионерских съездах и другие постановления, которые, по сравнению с изложенными, имеют местное значение и носят частный характер. Мы не будем поэтому приводить их в *общей* характеристике съездов. Скажем в заключение, что на съездах ни *одной* нужды приходской не оставлялось без внимания. Всё обсуждалось, всему указывалось должное направление. Вот почему съезды так и дороги духовенству, что они устраиваются в его интересах, для пополнения его познаний и для укрепления пастырской энергии в добре. – Эти же съезды и для епархиальной миссии служат лучшим подспорьем и утешением. Когда становится очевидным, что те вопросы, над разрешением которых, полагаются силы епархиальных миссионеров, дороги и духовенству, – тогда невольно прибавляется веры в миссионерское дело и хочется душу положить за родную нашу Церковь в её борьбе с внешними и внутренними врагами...

Харьковский епархиальный миссионер Д. Боголюбов

**Е. А. Е. Из жизни инославия и из мира заграничного
сектантства // Миссионерское обозрение 1901 г. №
7–8. С. 149–156**

Новая папская булла. – Порядок и формула отлучения еретиков в англиканской церкви. – Ислам и бабизм.

Из Рима в «Neue Freie Presse» сообщают о папском послании, написанном и разосланном Львом XIII генералам и приорам духовных орденов и учреждений. Тяжелые оскорбления, нанесенные некоторым орденам и другим духовным учреждениям, поразили папу глубокой печалью. Права Церкви нарушены, её деятельности нанесен удар, потому что нападки на духовенство оскорбляют в то же время и Церковь. Папа напоминает, что он испробовал все средства, чтобы удержать нации, виновные в этих недостойных преследованиях, спасти их от тяжелых последствий их собственного безумия. «Но мы напрасно льстили себя надеждой», пишет он дальше, «что наши жалобы будут услышаны». Именно тот народ, который всегда пользовался особенным благоволением и заботливостью папы, принял на днях законы, против которых св. отец еще так недавно его предостерегал. Во имя своих священных обязанностей и по примеру своих знаменитых предшественников, папа торжественно отвергает эти законы, противоречащие евангельским правилам и всем традициям Церкви, её исключительному праву основывать духовные учреждения для своей защиты. Такие законы могут быть внушены только ненавистью к Церкви, а их истинная цель – искоренение в обществе живительного действия учения Христа. Далее папа воздает хвалу добродетелям всех членов орденов, как мужских, так и женских, добродетелям, которые не спасли их, однако, от преследований. Он указывает на множество учреждений, созданных духовными орденами и заслуживших уважение и признательность со стороны общества; в особенности ценит он заслуги тех религиозных обществ, которые всегда повиновались его воле, хотя бы и с опасностью жизни, как это было во время

китайских событий прошлого года. Чтобы укрепить мужество духовенства, папа указывает на тот факт, что среди выдающихся личностей последнего столетия было не мало беспристрастных умов, отдававших справедливость деятельности духовных орденов и защищавших неприкосновенность их свободы. Если Господь допускает такие страдания, то только для того, чтобы укрепить мужество духовенства, нередко дремлющее в периоды безмятежного спокойствия. Вот почему папа советует духовенству удвоить рвение в делах веры, молитвы и благотворительности. Пусть оно вспомнит о великих и достойных подражания примерах своих предшественников, переживавших такие же печальные времена. Необходимы люди, исполненные великих добродетелей, обладающие апостольской чистотой сердца, чтобы спасти и привести к стопам Спасителя нынешнее слабое и испорченное поколение. Дай Бог вам быть именно такими людьми! Христианская любовь к ближним предписывает орденскому духовенству хранить твердость духа, чувство собственного достоинства и в то же время кротость и снисхождение. «Вспомните, говорит папа в заключение, великие слова. *Vince in bono malum!* и повторяйте со Христом: *Pater dimitte illis!* Уповайте на Бога! Папа за вас, и весь католический мир с вами!»

* * *

Д-р Сент-Джордж Майварт в очерках своих «преемство католицизма» и «новейшие апологеты», напечатанных в 1900 г., доказывал, что католику позволительно придерживаться некоторых отрицаемых Римом мнений и все-таки не опасаться быть признанным за это еретиком. Таковы, например, вопросы относительно бессеменного зачатия Иисуса Христа и приснодевственности Пресвятой Девы, относительно евангелического рассказа о воскресении Иисуса Христа и о действительной передаче потомству первородного греха; об искуплении, как действительном удовлетворении за грехи, о вечных муках грешников, о боходухновенности и подлинности св. Писания, о праве автентического истолкования Католическою Церковью св. Писания, о неизменности

разумения Церковью основных догматов своего учения и т. под. Как в учении этого ученого иноверного нам еретика, так в отношении к нему католической Церкви много сходства с нашим еретиком гр. Толстым.

Когда статьи эти дошли до сведения папского представителя в Англии архиепископа Вестминстерского кардинала Вогана, то он обратился к д-ру Майварту с требованием отречься от своих заблуждений. Майварт отказался исполнить это требование, не смотря на троекратное напоминание, и тогда архиепископ разослал подчиненным ему священникам послание, в котором, перечислив погрешности учения д-ра Майварта, заключает: «так как он сим сделал свою ортодоксальность сомнительной и укрепил это подозрение, уклонившись подписать исповедание веры, трижды посылавшееся ему мною, то я ныне считаю своим долгом приступить к дальнейшим действиям и сим воспрещаю ему приближаться к дарам, а священникам – давать ему причастие, доколе он вновь не докажет своего возвращения к ортодоксальности». Далее архиепископ прибавляет: «д-р Майварт утверждает, что существуют лица, называющие себя католиками, однако придерживающиеся указанных еретических воззрений; если это верно, то им необходимо помнить, что они в действительности уже перестали быть католиками (отпали от Церкви), и если они принимают причастие, то совершают это в нарушение законов Церкви, кощунственно и на погибель своей души». К циркуляру этому приложена формула отречения, составленная архиепископом для еретика, которую последний, однако, подписать не пожелал.

Вот эта формула, которая по существу изложенного в ней догматического учения настолько ортодоксальна, что может быть полезна и для наших миссионеров при полемике с толстовцами.

«Сим свидетельствую, что, признавая католическую Церковь верховной и непогрешимой хранительницей христианской веры, я подчиняюсь ей в моих суждениях, веруя во всё, чему она учит, и осуждая всё, что она осуждает. И в частности я твердо верую и исповедую, что Господь наш Иисус

Христос, единородный Сын Божий, рожденный от Отца прежде всех век в полноте времени, ради людей и нашего спасения, сошел с неба, был зачат Святым Духом и рожден Девой Марией, т. е. что отцом Иисуса Христа был не человек, и что св. Иосиф не был Его действительным, но только названным или приемным отцом.

Посему я верую и исповедую, что Благословенная Дева Мария зачала и родила Сына Божия несказанным образом по действию Святого Духа и положительно без потери или повреждения своего девства, и что она действительно и во истину, как называет её справедливо католическая Церковь, «Приснодева», т. е. что она была Девой до рождения Христа, пребыла Девой во время рождения и осталась Девой после того, неизменно сохраняя своё святое и непорочное девство от начала и навеки.

Я осуждаю и отрицаю поэтому, как ложное и еретическое, мнение тех, кто сомневается или отрицает девственное рождение Христа и вечное девство Благословенной Марии, Матери Бога, и утверждаю, что такое мнение теперь и всегда будет существенно противно учению святой католической Веры (Никейский и Апостольский символ веры, конституция Павла IV «Cum Quorundam» и Климента VIII «Dominici Gregis»).

Верую и исповедую, что Господь наш Иисус Христос, после Своего рождения и погребения, восстал из мертвых и что Тело Его, прославленное Воскресением, то же самое, в котором Он пострадал и умер за нас на кресте. Я отвергаю и осуждаю мнение, как ложное, еретическое и противное святой католической вере ныне и во веки, мнение, что Тело Христово сгнило в могиле или подверглось там тлению.

Твердо верую и исповедую, в согласии со святым Брентским собором, что первый человек Адам, нарушивший заповедь Божию в раю, немедленно утратил свою святость и праведность, в коих был сотворен, что этим прегрешением он вызвал гнев и осуждение Божие, что это прегрешение Адама поразило не только его самого, но и его потомство, и что грехом этим святость и праведность, полученные им от Бога, были

утрачены не только для себя одного, но и для нас (Тридентский Собор, заседание V).

Твердо верую и исповедую, что Господь наш умер на Кресте не с тем (как учил Социн), чтобы только дать пример или «наглядный урок» верности до самой смерти, но что он действительно отдал себя как «искупление за всех», «вознеся грехи наши в Своём Телe на древо», т. е. дав истинное и полное удовлетворение оскорбленному правосудию Божию за первородный грех и за грехи всех людей, и что грехи эти сняты не иным чем, как заслугою «Единого Посредника, Господа нашего Иисуса Христа» (1Тим.2:5), примирившего нас с Богом Своею Кровью и «сообщившего нам праведность, освящение и искупление» (1Кор.1:30; Трент. Соб. Засед. V).

Я осуждаю и отрицаю, как ложные и еретические, все учения, которые отрицают реальность и передачу по наследству первородного греха и полную достаточность той жертвы, которою человек примирён с Богом в виде Крови Христовой.

Твердо верую и исповедую, что души людей после смерти будут судимы Богом, причем оправданные «пойдут в жизнь вечную», а обвиненные «в вечную муку» (Мф.25:46). Я отвергаю, как ложные и еретические, все доктрины, которые учат, что души, находящиеся в аду, могут эвентуально спастись, или что состояние их в аду может быть чем-либо иным, а не мукой (Конституция Латеранского Собора IV).

В согласии с св. Тридентским и Ватиканским Собором, я принимаю все книги ветхого и нового завета со всеми их частями так, как они установлены на IV заседании Тридентского Собора и содержатся в древнем латинском издании Вульгаты, и твердо верую и исповедую, что названные Писания священны и каноничны вовсе не потому, что будучи старательно составлены одним только человеческим прилежанием, они затем были одобрены авторитетом Церкви, и не просто потому, что заключают в себе откровение без всякой примеси заблуждения; но потому, что будучи написаны по внушению Святого Духа, они составлены таким образом Самим Богом и, как таковые, посланы Церкви. Вследствие этого во всех вопросах веры и морали, относящихся до построения христианского учения, я

верю, что истинный смысл св. Писания тот, который установила и устанавливает св. наша Матерь Церковь, которой принадлежит окончательное решение об истинном смысле и истолковании св. Писания (Трент. Соб., засед. IV. Ватик. Собор. Догматич. Учрежден. Католич. Веры, глава II кан. 2).

Твердо верую и исповедую, что откровенное Богом учение веры было дано не как философская система, подлежащая усовершенствованию человеческой изобретательности, но что оно дано, как Божественное приданое Христовой Невесте, чтобы верно соблюдать его и неизменно исповедовать, и что, вследствие этого, тот смысл священных догматов, который установлен однажды нашею Св. Матерью Церковью, должен сохраняться на все времена, и что не позволительно уклоняться от этого смысла под предлогом или притязанием более глубокого уразумения их. Я отвергаю, как ложное и еретическое, утверждение, что по мере успехов знания будет возможно когда-либо дать доктринам, исповедуемым Церковью какой-либо иной смысл, кроме того, какой им придан и придается Церковью, и что вследствие сего смысл и разум её учения когда-нибудь будет изменен или обращен (Догм. Учр. Ватикана о Кат. Вере, гл. IV, кан. IV).

Сверх того я осуждаю и отрекаюсь от всех прочих слов и положений, которые в статьях, напечатанных мною в «Двухнедельном Обзрении» и «XIX веке», или в иных моих писаниях будут найдены противными в отношении веры и морали учению св. католической Церкви согласно определению апостолической епископии, и во всех таких случаях подчиняюсь суду сказанной епископии, принимая всё то, что она приемлет, и осуждая то, что она осуждает.

* * *

Выступая с преодолевающей – хотя бы и до времени – силою против христианства в Африке, ислам породил в самом сердце своём новое учение, угрожающее его мощи и подрывающее самые жизненные его источники. Этот враг мусульманства – бабизм; место возникновения его – Персия.

Из 7 миллионов персов 3 принадлежат ныне к этой секте, широко распространившейся также по Кавказу, Бухаре, Средней

и Малой Азии, где число последователей её достигает 2 миллионов человек.

Персы принадлежат к шиитской ветви ислама и исповедуют, что «после 12 имамов (мусульманских первосвященников) дверь познания истины закрыта для людей». Это учение, таким образом, становится на пути всякого искания истины, утверждая, что двери познания её раз навсегда закрыты Аллахом, и что поиски её, следовательно, являются преступным бунтом против воли и велений Бога. Вражда ко всякому научному исследованию, ко всякой перемене в чём бы то ни было, презрение к иностранцам и иностранному, умственный, нравственный, общественный и государственный застой и проч. – всему этому Персия обязана в значительной степени именно этой, освященной исламом, доктрине «закрытой двери».

Как протест против неё и возник бабизм. Основателем его был Мирза-Али-Магомет, родивший в Ширазе в 1819 году и обезглавленный в 1852 году по повелению покойного шаха персидского Насреддина. Названием своим бабизм обязан следующему. Однажды, во время проповеди, какой-то шиитский улема произнес обычную формулу, что двери познания истины закрыты. Присутствовавший в мечети юный Мирза-Али-Магомет внезапно воскликнул: «Нет, дверь познания истины всегда открыта, и я – эта дверь». Дверь по-персидски баб. Это событие имело место 12 мая 1844 года, – и послужило днем порождения новой мусульманской секты, бабизма, последователи которого и по настоящее время ежегодно празднуют этот день.

С этого времени юный реформатор был назван Дверью (Баб), через которую Бог открывает людям знание и истину, столь долго находившиеся в пренебрежении. Бабу было тогда 25 лет от роду. И все, кто, изнемогая под моральным гнетом ислама, жаждал услышать живое слово Аллаха, устремились к новому махди (пророку) со всех концов Персии. Движение быстро возрастало и ширилось. Под влиянием шиитского духовенства, Мехмет, шах персидский, для подавления ереси решил прибегнуть сначала к миролюбивым средствам: он послал в Шираз главу шиитского духовенства Великого

Тегеранского мушдегида со свитой искусных шиитских богословов, с приказом вступить с Бабом в публичное состязание. Шах не сомневался, что на первом же словопрении вожди мусульманства докажут народу, что Баб – ложный махди, лже-пророк, обманщик, вероломный отрицатель священных доктрин ислама, заслуживающий от народа только побиения камнями. Каково же было всеобщее изумление, когда после немногих публичных бесед с Бабом, мушдегид торжественно объявил, что Баб настоящий махди, действительный посланец Божий, пришедший проповедать истину.

Немедленно вслед за этим мушдегид отказался от своего звания и стал странствовать по всей Персии, проповедуя всюду новую религию, которая быстро стала привлекать к себе лучшие силы страны. В виду того, что новая ересь казалась опасною для государственного спокойствия, а секта принимала угрожающие размеры, правительство задержало Баба, и он был отвезен в Тарвиз и посажен там в тюрьму. Но через короткое время сам смотритель тюрьмы вместе с тюремною стражею обратился в последователя учений своего арестанта. Тогда Баба перевели в Макон. Здесь, в тюремной келье он написал свои учительные священные книги.

Арест Баба поднял на ноги всех его последователей. Они стекались в Макон со всех концов Персии, чтобы только взглянуть на него. Всяду начались смуты и волнения, потекла кровь. Ежедневно происходили схватки между правительственными солдатами и вновь обращенными, и убитые считались тысячами. В конце концов правительство решило покончить с пророком и предписало убить его; 27-го июня 1852 года пророк был обезглавлен в Таврисе.

Смерть махди дала движению новый могучий толчок. Тогда против бабистов начались жестокие, беспощадные преследования. Шах Насреддин решил затопить движение в крови; но это не удалось ему. В конце своего царствования он, по совету русского и британского посланников, прекратил гонения сектантов. Ныне царствующий шах не следует примеру своего родителя, и бабизм, оставаясь официально воспрещенною ересью, на деле молчаливо терпится.

Посмотрим теперь, в чём заключается учение этой ереси.

Баб не мог сполна отрешиться от традиций ислама. Да он и не желал заменить ислам новой религией; он хотел лишь преобразовать его. Преемник же его, Бега, произвел настоящий переворот. Он подорвал самые основания мусульманства, пропитав своё учение широким духом свободы. Он пытался преобразовать бабизм так, чтобы он мог стать естественным, неизбежным завершением всякой вообще религии. Хотя это и не удалось ему, однако учение его, действительно, исполнено духа высокого самоотречения.

Согласно священным учительным книгам, написанным Бегою, величайшая благодать состоит в единении и всеобщей гармонии человеческого рода. Бабизм стремится при этом не к политическому господству, а к обладанию человеческими сердцами. Вследствие этого он отвергает всякое насилие и завоевание. Все люди равны и братья, нет ни малых ни великих, ни знатных ни черни. Все люди – дети одной великой родины-матери земли, почему разделение на государства не имеет важности. Всякий народ хорош пред лицом Аллаха, нет ни избранных рас, ни избранного народа. Все человеческие племена – белое, черное, желтое – без различия – равны. Необходимо уважать женщину; у неё есть свои неотъемлемые права; нельзя брать её в жены без её согласия. Бабизм проповедует единобрачие. Он разрешает взять вторую жену только в том случае, если первая жена неплодна; но и это не должно служить для её унижения. Воспрещается брать наложниц. Если муж собирается путешествовать, то должен получить для этого согласие своей жены; если же он уедет помимо её согласия, то жена, в случае невозвращения его в течение 9 месяцев, в праве выйти замуж вторично. Она вправе требовать развода, если муж не остается ей верен. Жена может иметь своё собственное отдельное имущество. Бабизм устанавливает также особую форму наследования: в случае неявки надлежащего наследника, доля его поступает в распоряжение особого судилища, которое ведает общественные дела, тяжбы и воспитание бедных детей и сирот.

Браки допускаются без различия вероисповеданий и национальности. Бега говорит: «Нет для вас особого отечества; отечество ваше – вся вселенная, ибо все плоды и ветви одного и того же дерева». Рабство и работорговля воспрещаются самым решительным образом. Занятие науками и изучение иностранных языков признаются необходимыми.

Фатализм в том смысле, как он понимается исламом, отрицается. То, что подчинено законам природы, неизменно и непоколебимо, человек же, поскольку он стремится к свету и истине, может изменяться и преуспевать.

Последователи бабизма обязаны уважать законы той страны, где они живут; но за наилучший образ правления признается республика, или такое государственное устройство, которое обеспечивает всем равные права. Всякий обязан работать, но немощные и бедные должны получать помощь от общины, почему каждый бабист должен вносить для этой цели средства от трудов своих. Война, за веру (yilâd), должна исчезнуть, и Бега указывает на третейский международный суд, как на способ разрешения всяких международных распрей.

Таковы в кратких чертах заповеди бабизма относительно общественно-государственной жизни. В области личной нравственности он воспрещает ложь, лицемерие, аскетизм, безбрачие и проч.

В области обрядов бабизм не знает ни исповеди, ни крещения, ни посредничества святых. Обрезание предписывается частью как гигиеническая мера, частью ради избежания преследования со стороны мусульман. Молитва необходима, но не обязательна каждый день... Бабисты собираются вместе в каком-либо доме, произносят краткую молитву, затем поют священные гимны и читают учительные книги Баба и Беги.

Вот главная молитва бабистов: «Исповедую Господи, что ты открыл мне свет истины. Свидетельствую, что нет истины, кроме неё. Верую, что никто не в силах ни воздать тебе достойной хвалы, ни даже вообразить Тебя. О, Господи, Боже мой, не отврати от лица Твоего человека, который в Тебе одном положил всё упование своё».

Бабисты признают трех пророков Божиих: Моисея, Иисуса и Магомета. Паломничество к святым местам и молитвы за умерших они считают излишними; Бега советует жертвовать в пользу немощных и сирот те деньги, которые предназначаются для путешествия ко святым местам. В течении года установлено 19 дней, в которые обязательно поститься. Бабисты верят в загробную вечную жизнь, но не признают ни рая, ни ада. Каждый получит от Бога воздаяние по делам его, но людям не открыто от Аллаха, в каком виде всё это осуществится.

Такова новая религия, которая стремится преобразовать всю Персию сверху до низу, и свободный и гуманный дух которой резко отличает её от ислама.

Е. А. Е.

Библиография

**Орлов А. [Рец. на] Записка о заседаниях
Харьковского Миссионерского Совета 18–20 августа
1899 г. с участием священников из зараженных
сектантством селений. В. Давыденко //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 7–8. С. 157–160

Харьковская епархия принадлежит к числу немногих епархий, в которых дело противосектантской миссии наиболее правильно и прочно организовано. Сектантство здесь с первых дней своего появления встретило дружный и энергичный отпор со стороны приходского духовенства, руководимого своим высокопросвещенным архипастырем. По мере развития сектантства усиливались и меры противодействия ему. В настоящее время приходская и благочинническая миссии в Харьковской епархии, объединяемые под руководством Миссионерского Совета, как главного общепархиального миссионерского органа, представляет собою уже значительную силу. Но и сектантство не дремлет, а изыскивает всё новые и новые средства совращения, опираясь на своих вожakov, в лице которых духовенство видит теперь пред собою не невежественных крестьян, а искусившихся в полемике пропагандистов, получивших даже образование в высших учебных заведениях и специальных штундовых семинариях. Поэтому пастырям и миссионерам надлежит еще теснее сплотиться, внимательнее следить за деятельностью врага и всё более и более усовершенствоваться в приемах борьбы с ним. В этих видах и признано было необходимым устраивать, хотя в три года раз, заседания миссионерского совета с участием священников из зараженных сектантством селений, чтобы пастыри-миссионеры могли здесь проверять свою деятельность примерами других и к личному опыту присоединять руководственные указания авторитетных деятелей миссии. Описанию первого такого миссионерского съезда и посвящена вышеозаглавленная книжка г. Давыденко. В *первой* главе книжки излагаются совещания и решения съезда по вопросам о внешних и внутренних условиях правильного и успешного

ведения бесед с сектантами, в частности по вопросам о способах привлечения сектантов на собеседования о способах противодействия со стороны приходских пастырей сектантской пропаганде, о месте, времени и методе собеседования с сектантами. В виду того, что вожаки сектантов, боясь на беседах публичного посрамления, стараются отвлечь от публичных собеседований своих темных последователей, для чего внушают им, что священники и миссионеры суть агенты полиции, привлекающие штундистов к судебной ответственности за одно участие в собеседованиях, съезд признал в высшей степени вредным для дела миссии прибегать к содействию полиции для привлечения сектантов на беседы, как рекомендовал это Казанский миссионерский съезд в согласии с 186 ст. улож. и 5 § постановлений епископов Юго-Зап. края. В деле миссии, более чем в другом каком, нужны меры терпеливой кротости и евангельской любви, поэтому, по мнению съезда, в случае недействительности обычных мер привлечения сектантов на беседы – каковы: объявления чрез волостные правления, чрез благочинных, становых, сотских, церковный благовест и проч., должно – прибегать к внебогослужебным собеседованиям и к частным беседам в домах сектантов. Пастырь, противодействуя в своём приходе сектантской пропаганде утверждением в вере православных и предохранением их от заблуждений, не должен, по мнению съезда, уклоняться и от открытой и непосредственной борьбы с воинствующим сектантством, поэтому он не должен ограничиваться церковным учительством в форме положительного выяснения истин православного вероучения, а должен прибегать и к собеседованиям с сектантами публичным и частным. – Методы и приемы правильной постановки публичных собеседований были предметом тщательной разработки съезда как путем теоретических суждений, так и путем живых, устных бесед по различным вопросам веры, пререкаемым сектантами.

Во *второй* главе «записки» излагается представленный съезду епархиальным миссионером Боголюбовым очерк появления и движения штундизма в Харьковской епархии в

связи с историей этой секты вообще, с наименованием главных пропагандистов и вожаков каждой отдельной общины епархии и с характеристикой религиозно-нравственного состояния и внутренней организации штундистских общин. Здесь приводятся в известность пункты, зараженные сектантством, указываются имена и фамилии вожаков сектантства и совращенных ими лиц, чем дается знать, с какой стороны угрожает враг, кого следует более опасаться и на ком – миссии – останавливать особое внимание.

В *третьей* главе излагается представленное съезду епархиальным миссионером Боголюбовым вероучение штундистов и суждения членов съезда по главным вопросам веры, пререкаемым и извращаемым сектантами. Вопросы эти были взяты непосредственно из опыта и в своём решении были направлены к обличению сектантов, причем не ставилось целью входить в основательное выяснение всех сторон вероучения штундистов и не имелась в виду излагать все их возражения, а преследовалась лишь та цель, чтобы ознакомить духовенство с лучшими методическими приемами собеседований с заблуждающимися. Предметом особенно тщательного обсуждения были вопросы: о свящ. Предании, о поклонении Богу духом и истиною, о молитвенном призывании святых, о почитании мощей, о богослужебных молитвах и о почитании св. икон, причем, кроме общих теоретических суждений, по некоторым из означенных вопросов участниками съезда были проведены примерные беседы.

Четвертая и пятая главы представляют краткий очерк возникновения и современного состояния толстовщины в Харьковской епархии, с чем ознакомил съезд протоиерей Т. И. Буткевич, бывший руководителем совещаний по вопросу о мерах борьбы с этим видом сектантства. По наблюдениям о. Буткевича, посетившего в 1899 многие селения Харьковской епархии, зараженные толстовщиной, секта эта в настоящее время заметно утратила свой острый характер и не проявляет открыто своей прежней фанатичной ненависти к православной Церкви и духовенству, но это объясняется отчасти тем, что толстовцы в настоящее время совершенно утратили интерес к

религиозным вопросам, а всё внимание сосредоточивают на социальных вопросах. Не надо начальства, войны, судов, не нужно платить податей, отбывать сельские повинности, – вот о чём главным образом мечтают в настоящее время толстовцы.

В 6, 7, 8, и 9 главах «записки» излагаются суждения съезда о хлыстовщине и скопчестве в их прошлом и настоящем развитии в Харьковской епархии с наименованием приходов зараженных этими видами сектантства, с изложением вероучения этих сект и с разбором главнейших пунктов лжеучения скопцов.

В *десятой* главе излагаются краткие сведения о состоянии раскола в Харьковской епархии.

В *одиннадцатой* главе излагаются суждения съезда о мерах поднятия религиозно-нравственного уровня в православном населении и – борьбы со злейшим врагом Церкви штундо-толстовщиной.

Таким образом, как можно видеть из этого краткого очерка содержания «Записки» г. Давыденко, суждения Харьковского миссионерского съезда имеют не узко только местный интерес; в них затрагиваются и решаются существеннейшие вопросы всей вообще миссионерской практики. Решение же этих вопросов под руководством таких известных деятелей миссии, как протоиерей Т. И. Буткевич и епархиальный миссионер Д. И. Боголюбов, служит лучшим ручательством, что в «Записке» г. Давыденко каждый пастырь и миссионер найдет много полезного и поучительного для себя. В то же время епархиальные миссионерские съезды в столь обстоятельном и содержательном отчете о харьковском съезде должны найти наилучшую программу и руководство для своих занятий.

А. Орлов

А. Ф-н [Рец. на] К. Сильченков. К вопросу о психологических основах христианства: о возможности и значении научно-художественного изображения Господа нашего Иисуса Христа. Сергиев Посад 1897 // Миссионерское обозрение 1901 г. № 7–8. С. 160–164

В виду того, что в интеллигентном обществе широко распространяются разные антихристианские доктрины, а низшие народные слои большею частью пребывают в религиозном невежестве, – богословская наука и литература поставлены в необходимость вести упорную борьбу ради защиты и сохранения в неприкосновенной неизменности драгоценнейшего достояния человечества – учения Господа Иисуса Христа. Какой же характер должна по существу своему носить эта защита? Г. Сильченков в выше названном сочинении справедливо находит, что в богословско-литературных трудах последнего времени весьма слабо раскрываются положительные стороны христианства, и что в самой богословской науке значительно преобладает полемический элемент, в ущерб положительному выяснению христианского идеала. Такое положение дела автору представляется ненормальным; да и в богословской литературе всё более и более укрепляется мысль о преимущественной необходимости полного и всестороннего разъяснения именно положительных основ христианского вероучения. Но едва-ли можно вполне согласиться с мнением г. Сильченкова о ненужности – и даже некотором вреде – самой широкой разработки отрицательно-апологетического элемента в современном богословии. Правда, что становиться в борьбе с антихристианскими и антицерковными писателями на их точку зрения – значит, если воспользоваться допущенным г. Сильченковым сравнением, – «выступить, покидая свои неприступные твердыни, на борьбу со врагами в заранее избранное, в качестве, конечно, наиболее для них удобного, и занятое ими поле, – где успех борьбы с

ними более сомнителен» (2). Но ведь и сидение за прочными стенами неприступной крепости еще не дает победы над врагом; напротив, оно дает ему повод считать себя непобедимым и поощряет его к еще большей дерзости. Кроме того, богословская наука и литература ставят себе целью не только охранение истинных религиозных понятий среди верующих, но и вразумление заблудших, а также и приобретение возможно большего числа новых членов для Церкви Христовой. А для этого уже недостаточно только положительного выяснения христианского вероучения, – что существенно необходимо для духовно-нравственного развития всякого уже истинно-верующего человека, твердо исповедующего Христово учение; – для просвещения же заблуждающегося или колеблющегося, нетвердого в вере Христовой необходимо рассеяние его сомнений, полное опровержение его ложных религиозно-нравственных убеждений. Таким образом широкая и целесообразная постановка этого чисто миссионерского дела требует и широкого развития богословско-полемиической и апологетической науки и литературы. При таком только условии возможна победа над врагами христианства и Церкви и на том поле, которое они сами выбирают для борьбы. После этого необходимого замечания переходим к анализу сочинения.

Основная идея христианства, которая отвечает самым глубоким стремлениям человеческого духа, и которая именно и дала христианской вере ту, поистине чудесную, до сих пор различно (и часто превратно) объясняемую победу над неверием и скептицизмом древнего мира, – есть *идея о Богочеловеке*, идея совершенно новая для древнего человечества, ярко и несравнимо отличающая христианство от всевозможных религиозно-нравственных и философских учений всех времен и народов. В частных чертах христианского вероучения, правда, можно заметить некоторое *внешнее* сходство с разными философскими и религиозными системами древнего мира, и это сходство богооткровенной религии с чисто-человеческими измышлениями указывает только, что в христианстве нет ничего чуждого и противоречащего

человеческой психике, и что оно во всей своей целостности находится в строгой гармонии с ней. Но ни в каком человеческом учении нельзя встретить идеи о Богочеловеке. Эта идея, осуществленная в новозаветной истории человечества, произвела радикальный переворот в умственном и нравственным состоянии древнего мира и дала человеческой культуре новые основы и новые средства для её существования и развития. Частнее, – на идее о Христе-Богочеловеке, представляющем Собой безгранично высокий идеал человеческих совершенств, основано учение о живой и деятельной любви к ближнему, и это учение, взятое без отношения к его Божественному Учителю, уже утрачивает свою жизненность, делаясь теоретическим, мертвым и только *похожим* на учение Христа «лишь по внешнему виду, как труп походит на человека». Всё, что было истинного в философских и религиозно-нравственных учениях древнего мира, не могло в силу одной только своей истинности прочно привиться и войти в сознание народных масс до пришествия Спасителя; но с Его пришествием те же отвлеченные, мертвые истины были одухотворены, оживлены силой Христовой веры, «стали дорогою собственностью человечества, сделались доступными для всех, проникли в народные массы: чрез христианство они легли в основу умственного и нравственного перерождения человечества» (19).

Какой же смысл имеет идея Богочеловечества для нашего разума, и в чём заключается всё великое значение её осуществления для направления человеческой деятельности? Спаситель мира явился на землю как Бог и в то же время как человек, и таким образом дал человечеству полную возможность 1) удовлетворить исконному, коренному своему стремлению приблизиться к Богу, познать Его, насколько позволяют это ограниченные силы человека, и 2) направить свою деятельность на осуществление истинного человеческого идеала, недостижимым Выразителем которого был Сам Христос.

Всё нравственное учение христианства основано на любви к Богочеловеку, а любовь к Нему невозможна без *познания* Христа, как *человека*: «в степени действительного познания и

понимания Христа возрастает любовь к Нему человека» (24). Но познание Его «всего менее может быть отвлеченным»; оно совершается чрез приближение к Спасителю, чрез уподобление Ему, чрез совершенствование собственной человеческой природы. Это – основной путь познания Христа, доступный всякому человеку, требующий для своего совершения совокупной деятельности всех духовных сил его, хотя и с преобладанием его личной *воли*, направляющей эту деятельность. Работа, совершаемая таким образом, является более всего *личным* достоянием человека. Но такое познание Христа, хотя и наиболее полное, не является, однако, исключительным. У человека есть полная возможность участвовать в *общечеловеческой* работе созидания образа Спасителя, – воспринимать от ближних и сообщать им со своей стороны то, что достигается личным духовно-нравственным трудом. Средством к тому служат наука и искусство, как более специальные функции *ума* и *сердца* человека. И действительно, «история христианской науки, литературы и искусства представляет лам целый ряд опытов воспроизведения Лица Богочеловека; не было другого предмета, который бы привлек в этом отношении столько внимания» (25).

Переходя затем к главному предмету своего сочинения, г. Сильченков прежде всего выясняет смысл и значение научно-художественного воспроизведения Личности Спасителя.

Полное и всестороннее познание бесконечного идеала Богочеловека, само собою разумеется, недостижимо для ограниченных сил человека; в его познании образ Христа отражается не во всей своей полноте, познание Христа является неизбежно субъективным, индивидуальным, а потому более или менее односторонним и недостаточным. А если таково человеческое познание Богочеловека, то, естественно, таково же должно быть – и на самом деле есть – и изображение Его в человеческих произведениях – научных и художественных. Полнейшее и единственное достойное Божества изображение Богочеловека, – именно, в св. Евангелии, – принадлежит Божеству – Св. Духу; св. Евангелие дает нам всё необходимое для уразумения Личности Сына Божия. Отсюда мы видим, что

задача познания и изображения Богочеловека побуждает нас «углубляться в черты евангельского повествования о Христе, изучать их, разбирать, сопоставлять, прояснять данными самонаблюдения, за краткими указаниями усматривать и чувством близкой Спасителю своему души угадывать многое, что не сказано» (31), всегда при этом имея в виду «создавшийся уже и общий для всей Церкви Христовой образ Его». Деятельность человека в этом направлении не имеет границ, так как св. Евангелие дает бесконечное обилие материала для воссоздания образа Спасителя, а св. Церковь, только нормируя эту деятельность, отнюдь не стесняет её. И в этой общечеловеческой деятельности заключается проявление братства людей и истинный залог их единения.

Наконец, обращаясь к решению вопроса об условиях и границах познания и изображения Богочеловека, г. Сильченков доказывает, что человеческий разум никогда не может достигнуть *адекватного* познания, а потому и полного, *реального* изображения Личности Христа, ибо человек может изобразить только *человеческое* естество Сына Божия, но не может изобразить Его *Божеское* естество. Таким образом, с одной стороны, мы видим постоянное и неискоренимое стремление человека к *антропоморфическому* изображению Божества и Божие соизволение на это, выразившееся главным образом в сошествии Сына Божия на землю и принятия Им именно человеческого, наиболее понятного человеку, естества, а с другой – невозможность точного и полного (реального) представления Богочеловека. Как же гений человека может достойно разрешить эту трудность? В ответ на это г. Сильченков цитирует слова проф. М. Д. Муретова: «Христос может быть изображаем символически и условно, в виде ли монограммы, или аллегорической фигуры, или наконец, православной иконы греческо-русской... Истое Православие знает только образ или икону Христа, а не картину или портрет». Православная Церковь, согласно духу христианского вероучения, не стесняя религиозно-художественного творчества человека, лишь налагает на него известные нормы, т. е. не вводя во всеобщее церковное употребление каких-либо раз навсегда.

утвержденных образцов для воспроизведения с них неизменных, точных механических копий, дает только необходимый для искусства закон, каковым и является вышеуказанный *символизм*. Он состоит в употреблении в словесных произведениях известных принятых Церковью научно-богословских терминов и формул, а в произведениях художественного творчества – особых иконописных символов, каковы, напр., нимб или сияние вокруг Лица Спасителя.

Сходясь в своей задаче, христианская наука и искусство приобретают могущественное влияние на духовную жизнь христианского общества, а эта жизнь знаменуется великим делом созидания Христа в сердце человека, противопоставлением христианского идеала всем ложным идеалам, порожденным в современном человечестве неверием, материалистическими доктринами и разного рода религиозными лжеучениями.

Сочинение г. Сильченкова касается вопроса, мало еще разработанного в богословской литературе, – вопроса об отношении христианского вероучения к художественному творчеству человека.

Что касается изложения г. Сильченкова, то оно, не отличаясь, правда, изяществом и легкостью стиля, местами проникнуто сильным религиозным воодушевлением, вполне искупающим недостатки тяжеловатого изложения. Мы рекомендуем читателям это произведение, так как оно, уже по самому предмету своему, расширяет религиозно-нравственный кругозор читателя, стремясь внести свет богословской науки в такую область человеческой деятельности, которая до сих пор весьма редко подвергалась научно-богословскому рассмотрению. Книжка эта в кругу интеллигентных читателей антицерковного направления может иметь миссионерское, *подводящее* значение.

А. Ф-н

Леонович М. [Рец. на] Соборное послание св. апостола Иакова. Опыт исагогико-экзегетического исследования. Иеромонаха Георгия (Ярошевского). Киев. 1901. 1–VIII+299+1–XVII // Миссионерское обозрение 1901 г. № 7–8. С. 165

Почти о каждом новозаветном документе на Западе написаны целые десятки и даже сотни ученых исследований. Не то у нас, в России. Еще доселе о некоторых посланиях и даже Евангелиях нет ни одного цельного и солидного сочинения. Но мало-помалу этот прискорбный пробел русской богословской науки восполняется. Пред нами книга, принадлежащая перу молодого ученого и представляемая им в качестве магистерской диссертации, посвященная всестороннему историко-критическому и экзегетическому анализу соборного послания св. апостола Иакова. Это первый в нашей литературе серьезный опыт научного исследования этого замечательного, в высшей степени поэтического, апостольского творения. По своему содержанию, названное сочинение распадается на две части: исагогическую и экзегетическую. Первая посвящена вопросам о подлинности послания, писателе, месте и времени написания, поводе к написанию, читателях послания и т. д. Автор основательно разбирает современные возражения против апостольского происхождения (Шпиттле и др.). Он старается доказать, что писатель послания – Иаков, брат Господень, лицо отличное от Иакова Алфеева, апостола из 12. Напрасно автор усиливается отнести появление послания ко времени до апостольского собора: никаких чисто-иудейских церквей не существовало и до этого времени, ибо прозелиты из язычников появляются в самое раннее время даже в Иерусалимской Церкви.

Что касается экзегезиса, то толкование текста ведется автором связно и обстоятельно. Он хорошо изучил лучшие западные комментарии, а по местам представил самостоятельные объяснения. Вообще сочинение о. Георгия может быть весьма полезным для занимающихся св. Писанием

и в частности для миссионеров. Послание ап. Иакова затрагивает, или лучше сказать, решает многие боевые в миссионерской полемике вопросы, которые превратно толкуются современными рационалистами. Таковы вопросы об оправдании, о законе, о суде, о клятве, о таинстве елеосвящения и т. д. Правда, не все эти вопросы одинаково обстоятельно освещены в сочинении о. Георгия, но тем не менее желающий найдет много новых и дельных суждений.

Михаил Леонович

**Миссионерский Вестник // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 7–8. С. 166–184**

Возрождение иконописи

И отдельным людям, и целым народам необходимо знать и бережно охранять источники, которыми питается душа. За долгий период, ознаменованный прививками западных начал, в большинстве языческих, затуманились многие основные понятия, пошатнулись многие зиждительные устои русской жизни; в особенности так называемое образованное общество утратило не только общие руководящие жизненные начала, но и способность правильно оценивать те или иные наглядные явления. Так дальше дело идти не может, и всестороннее оздоровление русской жизни грозно выдвигается самою жизнью на очередь, как вопрос неотложный.

К счастью, потребность в жизненной правде и чувства народного самосохранения нашли пламенный отклик в некоторых слоях нашего образованного общества. Создалось «Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III», закипела работа нескольких духовно-просветительных братств в разных местностях России; наконец, недавно учредилось «Русское собрание», многосторонняя программа которого посвящена выяснению и осуществлению исконных русских творческих начал.

Главное зиждительное начало русской жизни – наше родное православие: без него Россия утратила бы свой самобытный смысл и народ наш превратился бы в стадо западноевропейское или азиатское, смотря по внешним обстоятельствам. Благороднейшие усилия просвещенных классов к тому, чтобы выполнить долг перед многомиллионным кредитором нашим, – русским народом, должны быть направлены к поддержанию веры, составляющей основу нашей жизни. Кто знает? Быть может, недалек уже день, когда с этим вопросом, коренным из коренных для всего человечества, будет связан вопрос о самом существовании святой Руси, которой придется грудью отстаивать небесную истину на земле против целого союза народов, на деле впавших уже в язычество!...

У нас ошибочно принято считать Церковью только одно духовенство, – и темные стороны церковной действительности вменять в вину одному этому сословию. Между тем, и по учению свящ. Писания, и по жизненной правде, мы все несем нравственную ответственность за положение Церкви, и служить ей должны все, кто не отпал от неё. Если этого не понимают опьяненные малым знанием или непомерною гордынею люди, считающие себя образованными, то глубоко сознают эту правду и сыны народа, и Отец народа – русский Царь.

На днях, с высоты Престола раздался призыв к работе в одной из существеннейших сфер нашей веры, – в области религиозно-художественной. Весьма знаменательны в своей краткости слова этого Высочайшего указа:

«Благолепие храмов Божиих и украшающих оные святых икон издревле составляет предмет душевной потребности православного русского народа. В Монарших заботах о процветании русской иконописи и охране в ней плодотворного влияния художественных образцов нашей старины, признали Мы за благо учредить, под непосредственным покровительством Нашим, комитет попечительства о русской иконописи».

Комитет состоит под председательством члена государственного совета, графа С.Д. Шереметева, управляющим делами назначен известный ученый, академик Н.П. Кондаков, а членами комитета – представители Святейшего Синода и министерств Императорского Двора, внутренних дел, финансов, народного просвещения, земледелия и государственных имуществ. Кроме того, будут привлекаться специалисты по разным отраслям иконописного дела. Комитету предоставляется открывать иконописные школы, содействовать учреждению артелей иконописцев, издавать руководства и пособия для иконописцев и образцовые снимки с православных икон, имеющих наибольшее религиозно-художественное значение (лицевой подлинник), содействовать сбыту икон, устраивать музеи и собрания.

Возвращение святейшего Иоакима III на Константинопольский патриарший престол и послание Антония Еп. Уфимского

По поводу радостного для всей Церкви возвращения Свят. Иоакима III на Константинопольский патриарший престол, в уфимском кафедральном соборе было отслужено преосвященным Антонием благодарственное молебствие после воскресной литургии (3 июня); пред молебном Владыка в прочувствованном слове разъяснил значение события. – Затем владыка, как личный знакомец патриарха, приветствовал его нижеследующим посланием, начинающимся обычным на Востоке обращением к блаженнейшему.

Всесвятейший мой повелитель и владыка, вселенский патриарх, божественнейший, богоблагодатнейший и всякое, какое только есть для меня, божественное и высокое имя и предмет.

Как свет быстро восходящего солнца, озаряя поверхность земли, радуется всю живую тварь, так легкокрылая весть о твоём возвращении на важнейший престол церковный заставила радостно вострепетать не только великую Церковь Царя-Града, но и всю правоверующую вселенную. Поистине мы дождались как бы возвращения тех дорогих христианскому сердцу времен древности, когда паства искала себе учителем мужа святого и умела находить его в далеких пустынях, когда иерархи Церквей ничего не знали, кроме общего спасения душ и, пребывая телом на земле, умом своим не оставляли неба; когда чуждые всякого земного расчета и страха, спокойно шли они за истину в изгнание и на смерть и, молясь о людях, вопияли с Моисеем: *«прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей»* (Исх.32:32).

Думали мы с печалью, что навсегда прошли те времена, но вот снова возвеличивается смиренномудренная святость. Афанасий торжественно возвращается в Александрию, храм Анастасии оглашается вновь словом богоглаголивого Григория, Златоуст восторжествовал над мысленною Евдоксией, и

ликующая паства лобызает края его пустынноческого хитона. Обогащается вновь священная столица от далекой пустыни, но и пустыня Афонская не обнищает, потому что дух твой, о красота Вселенской Церкви, по прежнему остается чужд мира и того, что в мире, и по прежнему лобызает священные высоты Афона, возносясь от них к высотам небесных престолов в умиленном славословии Искупителя и в пламенной молитве о благостоянии святых Божиих Церквей и соединении всех.

Там радуются святые ангелы, хранители Церквей, здесь благодарственно молятся люди, видя на вершине церковных престолов святого пустытника, а долу слышится жалобный вопль искусителей демонов, низвергаемых в тартар твоею святительскою молитвой и далеко отгоняемых от Церкви, как некогда второй Афанасий, тот адамант горы Афонской, гнал их от своей обители вопивших: о горе, побивает нас Афанасий своею молитвой.

Да умножается же, владыко, и да украшается твоя архиерейская власть. Будет ли твоё правление долголетно и богато внешней славой, – тогда оно обогатит духовно вселенную, как правление Великого Василия, ибо в славе своей ты научишь обуявший род человеческий вере, смиреномудрию и воздержанию. Будет ли твоё правление полно скорбей и препятствий для всяких внешних преобразований, но тогда, подобно Феодору Студиту, как добровольный мученик обогатишь ты дух наш примером дерзновенного исповедания и надолго умножишь в людях упование на Христа и презрение к благам внешним.

Да славится в тебе и эллинская народность, да умножается в ней и чрез неё в прочих православных народах древний дух христианского церковного, а не внешнего и правового общежития (politismos), да дарует оно снова разным народам проповедников Евангелия, обличителей лжи, учителей постного подвига.

В этом благородном и самоотверженном первенстве да познается её сила, взамен политических интриг, к сожалению, обуявших православные народности в последнее время и уподобивших Христово достояние западным еретикам, которые,

говоря так много о человеколюбии, обнаруживают лишь животную борьбу за богатства мира и жажду наслаждений.

Сие печальное растение ты уничтожишь, как целитель ослабевшего народа, Великий Моисей; ты возвратишь нам соревнование только в том, чтобы приобретать Христа, Которого благодать отпечатлена на твоём преподобном лице. Всем христианам православным ты напомнишь собою, своею равноапостольною жизнью и громоносным словом, что мы первее всего сыны Вселенской Церкви, нити нешвенного хитона Христова, члены Его Пречистого Тела.

Печально наше время: умножились страсти, померкла вера, но никакая тьма не может воспрепятствовать горящему светочу и никакое заблуждение времени не может воспрепятствовать действию благодатной силы, которую стяжал подвижник Божий молитвою и постом. Ты прославишь снова святую Церковь и возвратишь время соборов, время чудес, время забвения людьми земных преград и время общего их единения в Церкви Вселенской. Духом своим слышу я *«громкий голос как бы многочисленного народа, который говорил: Аллилуия! спасение, и слава, и честь, и сила Господу нашему! Ибо истинны и праведны суды Его!»* (Апок.19:1). Молитва твоя да совершить сие, а от твоего раба прими сие орудие молитвы, именуемое духовным мечом.⁴⁷

Смиренный Антоний, Божиею милостию Епископ Уфимский и Мензелинский

Торжество закладки храма и Общеeparхиального дома в Москве

14 июня сего 1901 года состоялась закладка храма во имя св. Благоверного Князя Владимира, устраиваемого при обширном и весьма важном по цели – здании для многообразных церковно-епархиальных нужд Московской епархии. Здание воздвигается на земле Петровского монастыря, что в Лиховом пер., в Каретном ряду. Здание будет в два больших этажа и третий полуподвальный.

В первом этаже будут находиться: Православное Миссионерское Общество, Кирилло-Мефодиевское Братство, Духовно-цензурный Комитет, Попечительство о бедных духовного звания, Церковно-археологический музей и помещения для продажи духовно-нравственных, учебных и противосектанских книг отделом Общ. Люб. Дух. Просв. по распространению духовно-нравственных книг, Братством св. Петра Митрополита, Кирилло-Мефодиевским Братством и для торговли свечами и деревянным маслом. Во втором этаже, в самом центре здания, будет устроен храм во имя св. Благоверного Князя Владимира, а в непосредственной близости с ним, и как бы его продолжение, поместится обширный зал (на 1500 чел.) для богословских чтений, образцовых собеседований с народом, а также для торжественных собраний обществ и братств. Тут же будет другое, меньшее зал для очередных собраний разных отделов Общества Любителей Духовного Просвещения и других учреждений, – обширные и безопасные в пожарном отношении помещения: для ценной Епархиальной Библиотеки с бесплатной читальной залой, для библиотеки братства св. Петра Митрополита, для Правления эмеритальной кассы для духовенства Московской епархии и, наконец, квартира для священника церкви св. Владимира. Устройство этого здания обязано инициативой высокопреосвященному митрополиту.

Церковно-епархиальные учреждения доселе были разбросаны по разным, нередко довольно отдаленным местам;

иные из них человеку, случайно поимевшую надобность в котором-либо, трудно было даже и найти. С постройкой настоящего Общепархиального здания все эти неудобства раз навсегда исчезнут, и все церковно-епархиальные учреждения Москвы будут объединены в одном здании.

В своей прекрасной речи при закладке владыка митрополит выяснил, что, помимо этого чисто внешнего удобства, объединение в одном здании всех главнейших просветительных учреждений является делом, исполненным глубокого внутреннего смысла и миссионерского значения, – и потому в высшей степени отрадным.

Церковь – учреждение Божественное; она вечна и незыблема, ибо основана на твердом незыблемом основании и руководится вечными и непреходящими, высшими религиозно-нравственными целями. Но, будучи таковою, Церковь не сторонится от обществ человеческих и их состояний; она, напротив, сама идет навстречу тем особенным запросам, которые в каждом религиозном обществе в известное время сказываются с наибольшею настойчивостью. Это особенно приложимо к столичному населению, как наиболее образованному и скорее отражающему на себе веяния данного времени. Так, напр., нельзя не отметить, что настоящий век характеризуется, по преимуществу пред всяким иным периодом, необыкновенным подъемом и развитием веры в чистый разум, желанием всё понять и уяснить своим собственным умом, – и в то же время дерзновенным отрицанием того, что несогласно или необъяснимо естественными законами мышления. Умственная гордость, вместе с развитием самолюбия, само собою, исключает проявление живой сердечной веры. Холодный рассудок погашает в душе человека всякие искры веры. Поэтому многих из современных интеллигентов уже не удовлетворяют указания на авторитет и необходимость веры для их жизни. Личное «я» – вот для них авторитет и предмет поклонения. И немудрено поэтому слышать даже от титулуемых «великими» писателей фразы, указывающие на самообожание («я в Боге и Бог во мне» – выр. гр. Л.Н. Толстого).

Было бы несправедливо говорить, что современные интеллигентные люди не интересуются вопросами высшего порядка и особенно религиозными. Религия прирождена человеку, и он не может изгнать из своей души религиозных стремлений. Но, не имея правильных понятий о вере и религии, – он шатается в религиозных вопросах, хватаясь за всякое новое – модное учение, особенно с рациональной окраской. Подобное состояние представляет весьма удобную почву для сеяния на ней разного рода лжеучений и антихристианских направлений легкого рационалистического характера, чем и объясняется появление всяких самовольных – непризванных учителей и их успех. Церковь Христова в лице своих пастырей, особенно столичных городов, должна помочь светскому обществу разобраться в той массе всякого чуждого наслоения на чистоту христианского вероучения, каким характеризуется «дух нашего времени», и показать этому обществу учение веры Христовой, которое содержит православная Христова Церковь, во всем её непререкаемом величии. Кроме того, колеблющихся нужно удерживать в ограде Церкви, сомневающимся утвердить, ищущих истины наставить, а уклонившихся опять возвратить на путь спасения. Для своевременного и энергичного действия в этом направлении необходимо организовать внутреннее миссионерство. А устроить эту внутреннюю миссию только и может тесный, братский союз всех деятелей духовного мира с архипастырями во главе. Вот это-то внутреннее объединение и сплочение всех наличных сил духовенства с вышеуказанными целями и имеется в виду епархиальной властью Москвы, которая задалась целью сосредоточить все церковно-просветительные свои учреждения в одном месте.

Да благословит же Бог Церковь Московскую на её новые и трудные подвиги. Пусть это здание, увенчиваемое куполом церкви во имя Равноапостольного Просветителя древней земли Русской, явится символом братского объединения с просветительными целями не только Москов. столичного духовенства, но и всех тех, кому дороги бесценные заветы Христовой веры и святой Церкви!

Торжество закладки общепархиального дома приурочено было ко времени епархиального съезда благочинных всей московской епархии, которые, в числе более ста душ, приняли участие в крестном ходе на место постройки нового здания.

После молитвенного торжества, в митрополитанских покоях Чудова монастыря предложена была владыкою митрополитом трапеза всему московскому духовенству и депутатам съезда. Присутствовавший в числе почетных гостей чиновник особых поручений при г. Обер-Прокуроре Св. Синода, редактор нашего журнала В.М. Скворцов сказал речь (экспромт) приблизительно следующего содержания.

«Высокопреосвященнейший владыка и досточтимые отцы сего освященного собора московской Церкви!

Благое дело, коему положено сегодня начало, близко соприкасается с задачами миссии, скромным служителем которой состою и я, а поэтому благословите приобщиться к вашему знаменательному в настоящем, многообещающему в будущем торжеству своим миссионерским словом приветия и благожелания.

Простите, если начну издалека, – с бесспорных истин: Москва – сердце России. Сердце – главное сосредоточие жизни каждого организма, а следовательно, и нашего церковно-государственного... По вековой народной мудрости сердце – не камень, а и камень капля долбит... Нечего удивляться, если тлетворные веяния нашего лукавого времени болезненно отражаются и на сердце России, выражаясь в неправильном биении, в слабых тонах... Врачи, когда приступают к лечению немотствующего организма, прежде чем предписать те или другие средства лечения прислушиваются к состоянию сердца. Присматриваются, прислушиваются к сердцу России и деятели миссии, врачующие современные духовные недуги, которыми одержимо наше русское общество и народ: а что Москва? коснулись ли её и в какой мере недуги нашего времени, как и чем она отражает эпидемию, ограждает себя от прирождения болезненных поветрий?

Прислушиваясь к голосу и настроению провинции, я должен, необинуясь, доложить её думы о Москве, как о духовно

немотствующей и даже страждущей, едва-ли не более, чем все другие центры нашей церковно-государственной жизни: в интеллигентных классах общества бушуют огромною волною всякие *измы*, в народных массах крепнут раскол и секты. Угнездившееся в Москве вековое зло – раскол в последние годы ухитрился создать распорядительный центр.

Подступила к сердцу России и окраинская лютая немощь – штунда. В Москве главный поток и того лжеучения, которое так дерзновенно восстало на Господа и на Христа и на Его св. достояние, – Церковь Божию! Всё это недуги изнурительные, болезненно отражаясь на сердце России – Москве, они способны расслаблять и весь наш церковно-государственный организм.

И вот в такое-то страдное время, переживаемое духовным настроением современной России, благодаря чуткой отзывчивости к духовным потребностям своей паствы высокопреосвященного первосвященителя Москвы, сердце России заявляет свою жизнедеятельность усиленным биением пульса: открыта целая сеть систематических внебогослужебных праздничных бесед для народа, организованы богословские чтения для интеллигенции, проектируется учреждение специальной кафедры миссионера-проповедника, а вот устраивается общепархиальный дом и Церковь и главным образом для целей миссии.

Когда Петербург, а затем и Киев учреждали свои многополезные религиозно-просветительные общества, устроили здания для народно-просветительных целей, взоры ревнителей православия обращались и на Москву, а что же де Белокаменная? Но Москва подражать не любит, она – самобытна, а если что она предпринимает, то и осуществляет в большом, в московском масштабе – и созидает нечто неподражаемое. Таким является и созидаемое ныне здание *общепархиального дома*, грандиозного по плану, величественного по идее и назначению. Ничего подобного нет в России среди епархиальных сооружений и быть не может нигде помимо Москвы. Этот рукотворенный памятник забот епархиальной власти о преуспейании современной духовно-

просветительной миссии пусть же будет и символом воссоздания в сердце России – Москве образцового состояния внутренней миссии, дабы Москва служила примером и опорой для внутренней миссии других епархий, так чтобы «настоящий дом» был в широком смысле *общеепархиальным*.

Посещая Москву и изучая в этом «средоточии» и епархиальные и миссионерские учреждения иноепархиальные посетители пусть и поучаются здесь всему образцовому, а наипаче же искусству поборония врагов Церкви оружием неподкупной правды, щитом непреоборимой веры, силою духовного меча – Слова Божия, «во славу Божию и на пользу св. Церкви».

После речи В.М. Скворцова архидиакон провозгласил обычное многолетие.

Здание вчерне предполагается окончить в этом году. Предполагается, что настоятелем новой Церкви будет миссионер.

Обряд возведения на кафедру католического митрополита

10 июня в Петербурге в римско-католической церкви св. Екатерины происходила редкая церемония – присяга католических епископов и вручение папского паллиума (т. е. возведение в сан архиепископа) Болеславу Клопотовскому, епископу луцко-житомирскому, бывшему некогда инспектором Императорской римско-католической духовной академии в Петербурге, назначенному теперь архиепископом могилевским, митрополитом римско-католических церквей в России.

Множество богомольцев переполнило церковь, куда пускали по билетам.

Богослужение началось в 10 час. Открытый алтарь утопал в тропической зелени пальм и латаний. В белых стихарях по обеим сторонам престола стояли здесь клирики и студенты духовной академии, в бархатных фиолетовых одеждах профессора академии и в цветных сутанах члены могилевского капитула – каноники и прелаты, в числе их первый член, папский протонотариус ксендз Мацулевич, инспектор академии Ретке и пр. Тут же находились места для почетных лиц и прихожан. Официально присутствовали: директор департамента духовных дел иностранных исповеданий т. с. Мосолов, вице-директор камергер Альбединский и некоторые чиновники, а также привезший из Рима папские буллы г. Манасевич-Мануйлов.

В числе присутствовавших находились главноуправляющий ведомством Императрицы Марии ген.-ад. граф Протасов-Бахметев, генерал Жилинский, д. с. с. Ивашкевич и др.

Встреченный торжественно всем клиром, при звуках органа и пении хора, епископ Клопотовский вошел в храм с Невского проспекта главным входом. Он был в красном одеянии (кардинальный цвет, присвоенный могилевской архидиоцезии), с драгоценным Высочайше пожалованным при назначении архиепископским перстнем на руке.

Митрополит Клопотовский занял место у решетки алтаря против престола, окруженный членами капитула. Из ризницы в облачении вышел в это время с посохом в руке ректор католической духовной академии епископ-суффраган Карл Недзялковский с священниками и стал у престола. Митрополит Клопотовский у престола прочитал тогда присягу Государю Императору, которую и подписал на поставленном столике. Присягу митрополита скрепил т. с. Мосолов. Епископ Недзялковский совершил мессу, в конце которой митрополит снова подошел к престолу. Здесь были прочитаны папские буллы инспектором духовной академии папским прелатом Ретке (о назначении епископа Клопотовского архиепископом-митрополитом) и каноником Малецким (о предоставлении паллиума и разных прав архиепископской власти).

После торжественного облачения в священные одежды митрополита Клопотовского епископ Недзялковский возложил на него Pallium. Pallium – это белый шерстяной неширокий шарф, полоса белой материи с черными крестами, Ежегодно в день св. Агнесы 9 февраля нов. ст., папа в латеранском соборе освящает двух совершенно белых без пятнышек ягнят, которых, разукрашенных лентами, представляют ему каноники латеранской базилики. По освящении ягнята поручаются попечению сестер монастыря св. Агнесы, на которых уже целые века лежит обязанность ухода за такими ягнятами и стрижка с них шерсти, из которой ткут паллиумы. Прежде это была мантия, а теперь род воротника, лежащего на плечах, с короткими концами, падающими на грудь и на спину.

Другой внешний знак архиепископского сана – преднесение креста с распятием во время богослужения.

Пока митрополит принимал поздравления от официальных лиц, прелатов, профессоров и студентов академии, подходивших под благословение, епископ Недзялковский удалился в ризницу разоблачаться.

В полном облачении, окруженный атрибутами своего сана, митрополит Клопотовский в свою очередь принял присягу епископа Недзялковского, назначенного епископом луцко-житомирским. Прочитана была присяга Государю Императору,

затем профессор каноник Тепляк прочитал папскую буллу, и епископ Недзялковский, стоя на коленях, принес присягу папскому престолу, после чего митрополит Клопотовский приступил к совершению торжественной первой своей архиепископской мессы. После евангелия ксендз Чечетт с кафедры оповестил по-польски, по-французски и по-немецки перевод папской буллы о назначении митрополита Клопотовского, а затем митрополит обратился со своей кафедры с красноречивым словом к своей пастве, убеждая её быть твердой в вере и послушании Церкви и проводя ту мысль, что та только наука истинна, которая освящена верою. Митрополит приветствовал также свой клир и академию и затем благословил паству. После литургии было воспето *Te Deum*, прекрасное исполнение которого закончилось молитвою за Государя и Царствующий дом.

Витебский миссионерский епархиальный съезд

4–9 июня в Витебске, с благословения местного преосвященного епископа. Тихона, происходили заседания витебского первого миссионерского съезда. В состав членов съезда входили местные деятели миссии, во главе с епархиальным миссионером (о. Антоний Сченснович), приходские священники, преподаватели семинарии, несколько учителей народных школ, во главе с епархиальным наблюдателем (о. Н. Серебрянниковым), всего до 40 членов. Председателем съезда избран был законоучитель полоцкого кадетского корпуса свящ. о. Н. Околович. Руководителем съезда был редактор нашего журнала В.М. Скворцов, командированный г. обер-прокурором Св. Синода для участия в совещаниях съезда и обревизования миссионерской деятельности местного братства и консистории.

Занятия съезда отличались большим оживлением и принесли несомненную пользу делу местной миссии. Одно из заседаний съезда посвящено было публичной беседе с раскольниками. Закончился съезд публичной лекцией В.М. Скворцова на тему о том: «когда и как отпал от Церкви гр. Л.Н. Толстой и его последняя исповедь». Лекция привлекла огромную массу слушателей разных классов общества.

В ознаменование столетия со времени учреждения единоверия съездом постановлено создать церковь в м. Режице, – центре местного раскола. На это св. дело откликнулись присутствовавшие на съезде купцы-единоверцы Кузнецов и Никонов щедрою жертвою по 1,000 р. каждый. Подробности совещаний и постановлений Витебского съезда сообщим в следующей книжке.

Памяти почившего миссионера

28 июня внезапно скончался известный в борьбе с расколом деятель-миссионер из мирян-начетчиков, Егор Антонович Антонов, трудившийся не только устно, но и письменно. Проф. Н.И. Субботин в «Моск. Вед.» посвятил теплые строки памяти почившего достойного ратоборца. Покойный был крестьянином Тверской губернии. Еще в детстве, вместе с родителями, уклонившимися от православной Церкви, он был «перемазан» в австрийский раскол. Грамоте обучила его мать; потом он выучился хорошо писать по-уставному и, по поручению тогдашнего раскольнического архиепископа Антония Шутова, занимался у себя в деревне перепиской раскольнических сочинений, которые Антоний усердно распространял для поддержания раскола, а затем поступил уже в писцы к Антонию в его канцелярию, где и начал служить вместе с явившимся тогда же в Москву Онисимом Швецовым, нынешним лжеепископом раскольников.

Это было в шестидесятых годах, во время возбужденных в австрийском расколе изданием *Окружного Послания* интересных и замечательных движений. За всеми тогдашними событиями в расколе молодой писец Антония следил с живейшим участием; как человеку выдающихся способностей и умевшему грамотно писать, ему поручили даже составление разных бумаг (между прочим, он составлял благодарственный адрес раскольников известному Верховскому за его благоприятствующие расколу сочинения); но как именно разумный и притом беспристрастный человек, он не мог не усмотреть, в какие противоречия запутались раскольники австрийского согласия, споря из-за *Окружного Послания*, и начал питать сомнения относительно правильности и законности австрийского священства, даже стал читать, без предубеждения и охотно, православные сочинения против раскола, за что его товарищ Швецов, сильно негодовал на него. Окончательно же решимостью оставить раскол он был обязан

встречам и свиданиям с отцом архимандритом Павлом (Прусским).

В 1876 году, по поручению Антония и по собственному желанию, он присутствовал на замечательной в своём роде, происходившей в доме старообрядца Жарова, беседе отца Павла со Швецовым, кончившейся посрамлением этого последнего, и потом на его же беседе у А.В. Смирнова с Иваном Зыковым, кончившейся также решительным поражением этого безпоповщинского наставника. На Егора Антоновича эти беседы произвели такое сильное впечатление, что вскоре же он явился к отцу Павлу в Никольский монастырь и, побеседовав с ним, остался здесь навсегда. Пред обращением к Церкви, вернее, пред возвращением своим в православную Церковь, в которой был крещен, написал он, по совету отца Павла, и подал Антонию свои известные, сильно смутившие старообрядцев, вопросы о Церкви и иерархии, неоднократно потом изданные братством св. Петра Митрополита.

Для братства покойный был неутомимейшим и полезным слугой, сначала в должности продавца при братской книжной лавке, где вел нередко и беседы со старообрядцами, а с не очень давнего времени в должности заведующего Хлудовскою библиотекой, книжным братским складом и рассылкой братских изданий. Многие и из ученых, посещавшие Хлудовскую библиотеку для занятий, без сомнения, хранят о нём добрую память за его приветливость, внимательность и готовность, с какими он исполнял их требования.

Всё время, остававшееся от этих трудных по братству занятий, посвящал покойный сочинениям против раскола, которые, можно сказать, и составляют главный подвиг его жизни, которыми и воздвиг он себе достойный памятник.

Видя склонность и способность Егора Антоновича к литературным занятиям, приснопамятный отец архимандрит Павел старался поощрять его к этим занятиям, помогая своими советами и указаниями, особенно поручал рассмотрение новейших раскольнических сочинений, которых в последнее время стало являться очень много. Им действительно

разобраны и весьма основательно опровергнуты сочинения самых видных нынешних раскольников писателей – Швецова, Перетрухина, Леханикова и др. Наиболее ценным из этих трудов его были *ответы на 105 вопросов*, поданных раскольниками австрийского согласия на беседах, происходивших в доме Шумова.

К составлению этих ответов покойный приступил по поручению отца Павла, который находил, что вопросы нельзя отставить без ответа. *Ответы* Егора Антоновича вызвали весьма обширное раскольниковое сочинение, изданное под заглавием: *Разбор ответов на сто пять вопросов*, над составлением которого трудились все наилучшие раскольниковые писатели (с помощью и нераскольниковых), и в котором излита вся злоба раскола на Православие.

В последнее время Егор Антонович был занят рассмотрением этого *Разбора*, и одна часть этого труда его, первоначально напечатанная в *Братском Слове*, была издана год тому назад, а вторая, печатавшаяся в *Душеполезном Чтении*, только что явилась в прошлом месяце. Все его сочинения составляют ценный вклад в противораскольническую литературу и служат весьма полезным пособием для противораскольнических миссионеров.

Братство св. Петра Митрополита и вообще миссионерство против раскола понесло в его лице тяжелую потерю. Все противораскольнические деятели, без сомнения, со скорбью прочтут известие о неожиданной кончине этого горячо преданного Церкви ратоборца против враждующего на Церковь раскола и помолются об упокоении его кроткой и смиренной души.

Немецкая газета «Tägliche Rundschau» об о. Иоанне Кронштадтском

В одном из последних номеров названной газеты помещена статья, проникнутая искренним восхищением светлой личностью русского пастыря. Автора этой статьи поражает удивительно простой и скромный наружный вид человека, которого глубоко чтят многие миллионы. «Отец Иоанн, – говорит он. – который выслушал покаяние миллионов людей, находился у кровати тысяч болящих и умирающих, видел, выслушал и успокоил многие множества труждающихся и обремененных, который одинаково чувствует себя как во дворце, так и в грязнейшей хижине последнего бедняка; который для всех всё, – он везде не только утешитель, но и действительный помощник. Не пересчитать тех денег, которые проходят через его руки на различные добрые дела. Многочисленные полезные учреждения, больницы, приюты, благотворительные общества, церкви и т. п. содержатся или поддерживаются помощью кронштадтского пастыря. А там, где не нужны деньги, является на помощь превосходная душевная диагностика отца Иоанна, который никогда не откажет в добром совете, в утешении, благословении, совместной молитве – сегодня в Кронштадте, завтра в Петербурге, а через два, три дня после того, быть может, уже за тысячи верст оттуда. Приходится положительно удивляться, – замечает автор статьи, – откуда у семидесятипятилетнего старца берется сила, чтобы выдержать этот постоянный сверхчеловеческий труд». В заключение своей характеристики кронштадтского пастыря автор статьи, перечислив разнообразные труды его, говорит: «Всё это происходит благодаря его бодрости духа, которую русский человек повсюду ищет, и которую он обрел в отце Иоанне царящей над его немощною плотью».

От редакции. Вынужденное объяснение

В «С.-Петербургских Ведомостях», в № № 182 и 189 помещены *два письма* за подписью гг. Костюкова и Ожигова, по поводу напечатания редакцией «Миссионер. Обозрения» объявления в № 9023 «Нового Времени».

Суть упомянутых писем вкратце такова:

Усмотрев в означенном нашем объявлении «усиленную», почему-то «странную» рекламу июньской книжки нашего журнала, за счет будто бы помещенного в этом выпуске «Ответа» гр. Л.Н. Толстого Св. Синоду, авторы объявили «Миссионер. Обозрение» *органом официальной Церкви*, наделенным поэтому «свободой обсуждения чего угодно и как угодно» и владеющим *всеми* способами к распространению критических статей против «великого писателя» (до даровой раздачи их в храмах включительно). При этом в письмах выражены не то упрек, не то недоумение по поводу понижения нами цены июльскому выпуску и по поводу того, почему де журнал наш не прибегает «к такой же широкой огласке» своих статей, обличающих учения *других* врагов Церкви.

Соль же этих писем заключена в последних строках первого письма: «какие странные сплетения преследуют порой русского писателя: темные русские люди, в лице портных и лавочников, подвергают его остракизму, а противники его лжи, рукоположенные носители догматов Церкви, торгуют его именем».

Отнюдь не имея в виду входить в полемику с авторами изложенных писем, а лишь *по долгу пред правдой* мы, к сведению редакции «С.-Петербургских Ведомостей» и других (немногих впрочем) газет, перепечатавших эти письма, считаем нужным разъяснить следующее:

1) «Миссионерское Обозрение» никогда не имело и не имеет приписываемого ему г. Костюковым значения и назначения – *официального органа Церкви*. Наш журнал – *частное, подцензурное издание*, 6 лет назад нами основанное и лично руководимое. Отсюда само собой, полагаем, ясно,

насколько справедливы рассуждения г. Костюкова «о рукоположенных носителях», о «свободе, способах» проч...

2) Объявление наше было *обычным*, ничего общего с «торговлей именем великого писателя» не имеющим, редакционным оповещением о *продолжении издания* нашего журнала в наступавшем новом полугодии, а не об *июньской* только книжке с «Ответом» гр. Толстого. На статью «Новая Исповедь», а не на «Ответ» указано в объявлении, как на выдающуюся и ярко характеризующую направление и живое содержание «Миссионер. Обозрения».

3) Понижая обычную при розничной продаже книжек журнала цену июньского выпуска, мы этим преследовали уж, конечно, не *коммерческие* цели, а *миссионерские*, имея в виду облегчить возможность интересующимся познакомиться во всех подробностях с делом отпадения от Церкви гр. Толстого и с *обличением* его лжеучения (а не с «Ответом», который давно известен всем интересующимся помимо «Миссион. Обозр.»), тем более, что эти подробности не сделались достоянием общей печати.

4) «Широкую огласку» полемических и апологетических статей журнала, обличающих лжеучения «других» врагов Церкви, каковы раскольники и сектанты, редакция, по мере возможности, производит, но не через газеты, конечно, так как последних отщепенцы из народа не читают, а путем издания и распространения копеечных выпусков «Народно-Миссионерской библиотеки».

В заключение два слова по поводу упрека второго письма, почему-де мы не заявили в объявлении, что «Ответ», гр. Толстого сокращен у нас на сто строк. Но ведь мы и не объявляли, что «ответ» напечатан *полностью*? Да по существу он и не сокращен, а лишь в конце ругательно-отрицательной части *нецензурные*, оскорбительные для всякого христианина фразы и выражения изложены в примечании *in extenso*. Но в том-то и дело, что не в «Ответе» главный интерес и цель нашего объявления.

P. S. Надеемся, что почтенные редакции, познакомившие своих читателей с письмами гг. Костюкова и Ожигова, не

откажут в интересах беспристрастия, перепечатать и наше настоящее объяснение.

Редактор-издатель *В. Скворцов*

Опечатка. В июньской книжке на стр. 869 в 10 строке вместо невозможное следует читать новозаветное.

К сведению настоятелей церквей и монастырей, епархиальных братств и свечных заводов

Прискорбная, но неоспоримая правда, что ныне чрезвычайно трудно даже в больших городах приобрести чистое оливковое деревянное масло для возжигания лампад в храмах Божиих и в домах набожных христиан и в св. обителях, для снабжения освященным маслом благочестивых паломников.

Лампадное масло для России покупается за границей (в Италии) несколькими оптовыми торговцами-спекулянтами, которые перепродают его менее крупными количествами мелким перекупщикам, от последних уже масло идет в продажу по мелочным лавкам. Переходя из рук в руки, переливаясь из посуды в посуду, лампадное масло подвергается таким превращениям (фальсификации), от которых становится неузнаваемым, хотя тщательно украшается этикетками *Галлипольского*, т. е. самого лучшего.

Несмотря на то, что покупаемое для церквей оливковое лампадное масло проходит чрез руки целого ряда спекулянтов-торговцев, торговля каждому из них оставляет известную долю пользы и все-таки торговля в раздробь, ведется не только не *дороже*, но иногда и *дешевле*, чем покупается масло оптовыми торговцами от заграничных фирм. Это обстоятельство наглядно указывает существование примесей (фальсификацию) в продаваемом церквам масле дешевых негодных веществ. Такие подмеси сообщают маслу дурные свойства, каковы: образование значительных осадков при отстое, нагар на фитиле, треск при горении, зловоние и копоть. От последней чернеют и портятся живопись икон и позолота в украшениях храмов, не говоря о заражении в них воздуха. Образование же осадков, негодных для питания пламени лампад, дает ощутительный убыток, доходящий до 10 процентов.

Но кроме приведенных недостатков фальсифицированного масла, оно прямо невыгодно, так как оно сгорает *быстрее чистого масла*, благодаря примеси веществ, содержащих легко воспламеняемые тела; а потому в одинаковый срок горения

такого масла требуется значительно более, чем масла чистого, а при одинаковой цене обоих продуктов, ясно, что это делает чистое масло более выгодным. При этом следует отметить, что чистое масло горит более ярким и ровным пламенем.

Такое положение дела с фальсификацией продукта, имеющего столь важное, святое назначение создало давно назревшую потребность, чтобы православное духовенство взяло *в свои руки приобретение лампадного масла из первых и надежных* рук и обставило сбыт по церквам епархии такими условиями, которые бы служили ручательством за доброкачественность продукта, оставляя в пользу потребителей, т. е. православных церквей и монастырей те выгоды, которые ныне совершенно напрасно остаются в руках бесчисленных перекупщиков-спекулянтов.

В нескольких епархиях местные епархиальные братства и свечные заводы сделали почин, взяв уже в свои руки это доброе и многопользное дело. Приобретая из *первых* рук, у оптовых торговцев, деревянное масло, они и снабжают им церкви епархии теми же путями и способами, которыми храмы снабжаются и церковными свечами.

Известный не только в Европе, но и Америке своим производством деревянного оливкового масла и хлебную торговлю наш Торговый Дом Иосиф Пиньоне и сыновья в Генуе, имеющий свои фабрики в Генуе и в Самньердарене (близ Генуи) для производства и очистки деревянного масла, – с прошлого года решил пойти навстречу благим начинаниям православного духовенства в деле борьбы с вредною эксплуатацией в торговле фальсифицированным лампадным маслом.

Наш Торговый Дом уполномочил своего товарища А.Ф. Ботту (бывшего русского вице-консула) войти в непосредственное сношение с духовенством по снабжению православных Церквей чистым лампадным маслом прямо с нашей фабрики и складов, минуя всякие посредства спекулянтов-перекупщиков, что даст возможность в интересах церквей удешевить продажу. Гарантируя чистоту и доброкачественность нашего масла, мы предоставляем

покупателям возвращать за наш счет любой бочонок, если бы масло оказалось не соответствующим образцу (марке), по которому затребован продукт. Относительно сроков уплаты денег, доставки, возмещения возможной утечки масла в пути и проч. делается всё возможное во благо потребителей, т. е. православных церквей. Образцы масла по первому же требованию высылаются бесплатно. Приобретать масло можно бочонками разного веса.

Первые же опыты снабжения церквей и монастырей, начатые нами только в этом году, доставили полное одобрение маслу нашей фабрики, как *прекрасному*, и вполне исправной доставке на место.⁴⁸

С требованиями обращаться по адресу: г. Ростов на Дону, А.Ф. Ботта.

Сентябрь

Слюсарев Л. Свящ. До каких пагубных и нелепых верований доходят сектанты, оставив веру Церкви⁴⁹
// Миссионерское обозрение 1901 г. № 9. С. 185–199

Господь наш Иисус Христос, проповедуя людям спасение, говорит: *Я – свет миру (Ин.9:5); Я есмь путь, истина и жизнь (Ин.14:16)*. Сказал ли Он это только о Своем Лице? Нет, Он сказал это и о Своем слове – учении и о той жизни, какую дал верующим в Него и о всём деле, какое совершил на земле (Ин.17:4). Поэтому слово Его есть истина (Ин.17:17): *Я, говорит Спаситель, на то и родился, на то и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине (Ин.18:37)*. Слово Его есть свет, который светит всему миру (1Ин.2:18; 2Пет.1:19). Жизнь, какую Спаситель дал верующим, состоит в познании Его: *Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя Единого Истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа (Ин.17:3)*. Знаем, говорит св. апостол Иоанн Богослов, что *Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем во истинном Сыне Его Иисусе Христе, Сей есть истинный Бог и жизнь вечная (1Ин.5:20)*.

Где же ныне хранится эта истина Христова? Где сосредоточивается и продолжается эта спасительная жизнь Христова после вознесения Его на небо? Она – в Церкви Христовой. Спаситель, вознесшись на небо, не оставил на произвол людей ни Своего учения, ни всего дела Своего, ради которого и нисходил на землю, т. е. спасения мира. Он учредил на земле Церковь и ей-то оставил Свое слово, Ей поручил продолжать и дело спасения людей до скончания века. И Церковь сильна совершить это дело и сохранить Его слово в неповрежденности, потому что Спаситель не отделился от неё, но невидимо пребывает с нею, как Глава, и потому также, что в ней пребывает Дух. Святой. Церковь поэтому живет и действует силою Главы – Христа и силою Духа Святого. Такова и есть православная Церковь, потому что она от времен апостольских преемственно и неповрежденно сохраняет св. веру Христову, священноначалие, св. таинства и всё прочее. Поэтому тем,

которые спрашивают: где ныне хранится истина Христова и жизнь Христова? мы отвечаем – в православной Церкви Христовой. В ней и ныне свет учения Христова светит, – и тьма не объяла его (Ин.1:5); истина сохраняется и благовествуется; жизнь Христова продолжается и утверждается. Можно еще сказать, что истина Христова написана и сохраняется в Евангелии. Но кто само Евангелие сохранял в грешном мире и будет сохранять до скончания века? Церковь, конечно. Поэтому ап. Павел и говорит о Церкви, что она есть столп и утверждение истины: *сие пишу тебе, говорит он Тимофею, надеясь вскоре прийти к тебе, чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины* (1Тим.3:14–15). В этом изречении апостола заключаются следующие частные мысли. Апостол Павел, в виду опасности разномыслия между христианами и совращения неутвержденных в вере, выражает заботу о хранении верующими истины евангельской. Не только должно знать и хранить истину, но и жить по ней; ибо истина Христова и жизнь Христова неразделимы. Апостол при этом не указывает на училища, на учителей, на мудрецов, у которых также ищут познания истины; а указывает на Церковь Божию, в которой хранит истину Сам Дух Святой (Ин.14:16, 26). Только Церковь апостол признает верною и надежною хранительницею истины, потому и называет её столпом и утверждением истины. Условием же познания и усвоения сей истины он ставит постоянное, неуклонное пребывание в Церкви Христовой: необходимо *жити в дому Божию*, т. е. жить по руководству Церкви, – тою жизнью, какую указывает Церковь. Таким образом, по мысли апостола, чтобы сохранить правую веру Христову, Его учение и чтобы жить истинно Христовою жизнью, – должно жить в Церкви со всеми членами её одною общею церковною жизнью и не уклоняться от неё, иначе утратишь и жизнь истинно христианскую и самую истину Христову.

Св. Ириней Лионский (во 2 в.) говорит об этом следующее: «Не должно искать истины у других, которую легко получить от Церкви; ибо апостолы, как богач в сокровищницу, вполне положили в неё всё, что относится к истине; так что всякий

желающий берет от неё питье жизни» (Против ересей кн. III, гл. 4). «В Церкви Бог положил апостолов, пророков, учителей и все прочие средства действия Духа, Коего не причастны все те, которые не согласуются с Церковью, но сами себя лишают жизни худым учением и самым худшим образом жизни. Ибо где Церковь, там и Дух Божий, и где Дух Божий, там Церковь и всякая благодать, а Дух есть истина» (там же гл. 24).

Поэтому не хранят веры те, которые отделяются от Церкви. «Можно ли думать тому, кто не придерживается единства Церкви, что он хранит веру? – спрашивает св. Киприан, еп. Карфагенский. Можно ли надеяться тому, кто противится и поступает наперекор Церкви, что он находится в Церкви?... Неужели, собираясь, они думают, что и Христос находится с ними, когда они собираются вне Церкви Христовой? Да хотя бы таковые претерпели и смерть за исповедание имени, – пятно их не омоется и самую кровию; неизгладимая и тяжкая вина раздора не очищается даже страданиями. Не может быть мучеником, кто не находится в Церкви; не может достигнуть царства, кто оставил Церковь, имеющую царствовать» (Из слова о единстве Церкви).

Это сказано о всех вообще уклонившихся от вселенской Церкви Христовой, в какой бы стране они ни были. Это же справедливо и относительно наших русских сектантов, кто бы они ни были и каким бы именем ни назывались; ибо, отделившись от православной русской Церкви, этой части вселенской Христовой Церкви, они отделились и от сей последней. Они имеют у себя Евангелие и думают, что могут познать истину из Евангелия, независимо от руководства Церкви. Но, как сказано выше, само-то Евангелие нельзя правильно понять и истолковать без руководства Церкви; нельзя постигнуть истину Христову, не живя жизнью Христовою в Церкви.

Что наши сектанты идут путем заблуждения, – мы не будем этого доказывать на основании свящ. Писания. Путь их, или правильное, – многие пути их достаточно уже открылись в истории, и история есть лучший обличитель их. Мы предлагаем посмотреть, до каких заблуждений дошли сектанты, идя своим

путем. Сектантство – явление сложное, в нём есть элементы – религиозный, моральный, семейный, общественно-бытовой, государственный. Мы остановимся собственно на религиозной стороне его и посмотрим, до каких пагубных и нелепых верований доходят сектанты, оставив веру Церкви.

Когда люди удаляются от Церкви, то они уносят с собою в руках Евангелие, а в сердце недовольство; иногда прямо-таки ожесточение против православной Церкви и стремление толковать Евангелие произвольно, в духе своего настроения, а не по руководству Церкви. Можно ли ожидать, чтобы под влиянием этих побуждений могло явиться у них доброе учение, согласное с духом Евангелия? С чего они начинают? Прежде всего стараются выискать в Евангелии побольше мнимых обличений против православной Церкви, и это для того, чтобы оправдать своё отделение от неё и успокоить свою совесть, ибо отделившиеся никогда не бывают, по крайней мере на первых порах, спокойны в душе за свою участь и уверены в своей правоте. И вот по их произвольному толкованию выходит, что православная Церковь это – Церковь языческая или иудейская. Каким образом? Читают они в свящ. Писании, положим, известные места об идолах и толкуют, что это – иконы; капища – это храмы православные; начертание антихриста, о котором говорится в Откровении Иоанна Богослова, это – крестное знамение; книжники и фарисеи это – священники; саранча, вышедшая из кладезя бездны, «и волосы у ней, как волосы у женщины» (Откр. 9 гл.) – тоже священники и т. д. До каких нелепых толкований доходят сектанты, – можно видеть из следующего. В Откровении написано, что Иоанн Богослов в видении видел, как явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами её луна, и на главе её венец из двенадцати звезд (Откр. 12:1). Кто же – эта жена? Это, объясняют сектанты, Киево-Печерская Лавра с двенадцатью куполами! Еще дальше идут они, когда приправляют текстом Слова Божия самые хулы свои на Церковь и св. таинства, – такие хулы, о которых *не лезть есть глаголати*. Вот первые опыты самовольного толкования Слова Божия; это – первые, ближайшие результаты отделения от Церкви. Не будем

удивляться сему, если примем во внимание слова Спасителя: народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце своё (Ин.12:40). Когда человек дойдет до такого состояния, то он и с Евангелием в руках, видя, не видит и не разумеет подлинного смысла Евангелия.

Но всё же нужно признавать, что уклонившиеся от Церкви хотят верить и ищут спасения. Но как веровать и как спастись вне Церкви? По Евангелию, говорят. И вот люди, оставившие веру Церкви, стремятся определить свои верования на основании только Евангелия и устроить своё спасение по руководству одного Евангелия, без руководства Церкви. Что же из этого может выйти? Всегда из этого выходит следующее: когда человек отринул Церковь, тогда он или говорит себе: «не нужно мне никакой Церкви; я – сам себе Церковь; Христова Церковь не вне, а внутри, в сердце», или же, отвергнув Церковь православную, устрояет свою особую якобы настояще-апостольскую Церковь. В первом случае человек хочет спастись сам собою, без всякого внешнего руководства, хочет иметь общение с Господом непосредственно и получить Духа Святого без посредства таинств и вообще каких-либо внешних учреждений. «Буду, говорит, жить по духу, а не по плоти». В зависимости от этого настроения такой человек и Слово Божие склонен понимать и объяснять «по духу», т. е. в переносном (иносказательном) смысле. Во втором случае отделившиеся понимают, что спастись можно только в Церкви апостольской, ищут её и, так как православную Церковь не признают за таковую, то создают свою особую Церковь, со всеми внешними учреждениями и обрядами, какие находят в Евангелии, и уверены, что эта их Церковь и есть настоящая апостольская Церковь. Слово Божие они объясняют не только духовно, но и буквально. Таким образом, хотя у тех и других Евангелие одно, но каждый обращается с ним по своему и каждый создает свою особую веру по своему настроению и разумению. В этих двух направлениях развивается всё сектантство: одни хотят содержать веру духовную, без пресвитеров, без таинств, обрядов и всяких внешних учреждений (это – мистическое сектантство); другие хотят создать Церковь мнимо-

апостольскую с учреждением пресвитерства, некоторым подобием таинств, с обрядами (рационалистическое сектантство). Но те и другие одинаково уклонились от смысла и духа Евангелия и доходят в конце концов до таких верований, которые ничего евангельского уже не содержат в себе. Скажем сначала о первых.

Сектанты исходят из того положения, что для спасения нужна одна вера. «Чтобы быть спасённым, буквально, напр., говорят пашковцы, стоит только веровать и быть убеждённым, что ты спасён» (Секта пашковцев. Терлецкий, 1891 г., стр. 15). Единственным наружным средством, содействующим спасению, признается Слово Божие. Не нужно, говорят они, Церкви, не нужно руководителей, пастырей, священников: все – священники; не нужно никаких таинств, обрядов, постов и т. д.

«Но позвольте, скажете вы, как же не нужно, когда об этом говорится в Слове Божием?» На это те сектанты, которые менее последовательны в развитии своего принципа, скажут вам: «Да, говорится; но всё это не нужно для спасения. Ни восприятие св. таинств, ни символ веры, ни что даже сама Церковь не может спасти тебя» (там же 50 стр.). За те другие, которые проводят принцип духовного понимания Слова Божия более последовательно, каковы, например, духовные штундисты, скажут вам: «Нет, то, о чём говорится в Евангелии, нужно понимать духовно; ибо Слово Божие есть Дух и жизнь. Напр., говорится о том, что при апостолах христиане крестились водою; это они крестились Словом Божиим: вода, – Слово Божие. В Писании сказано, что Иисус Христос взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: «приимите, ядите: сие есть Тело Мое»; это Спаситель преподал им духовный хлеб – слово Своё. Сказано далее: и взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: «пейте из неё все, ибо сие есть Кровь Моя»; чаша эта не есть наружная, а духовная, чаша страданий» и т. д. всё духовно. – Но чем же вы уверены, что правильно понимаете Слово Божие? опять спросите их. Чем уверены? Сам Дух Святой непосредственно наставляет нас и открывает нам разумение Слова Божия, ибо Слово Божие есть Дух. «Читая свящ. Писание, говорят пашковцы, мы не одни: Господь с нами; Он с нами говорит, и мы с Ним можем беседовать» (там же стр. 61). И вот сколько ни говорите с ними по Евангелию, всё у них выходит духовно: хождение Иисуса

Христа и ап. Петра по водам – это хождение, т. е. наставление Петра по Слову Божию; насыщение 5 и 4 тыс. человек хлебом – это насыщение их Словом Божиим; исцеление сухорукого – это исправление человека, который был нечист на руку; воскрешение мертвых – это воскрешение грешников Словом Божиим, т. е. обращение их к вере; исцеление слепых – это исцеление слепых умом, т. е. уразумение ими Слова Божия и т. д. Вы видите, что тут совершенно превращается Евангелие. Благодаря такому «духовному» перетолкованию Евангелия и вере в непосредственное мнимое озарение от Духа Святого у сектантов получается удивительная путаница религиозных понятий, искусственность доказательств, полнейшее смешение истины с вымыслами. И всё это выдается за непосредственное внушение от Духа Святого. И это, говорим, не есть толкование, принадлежащее двум-трем лицам, надуманное на досуге: из таких толкований складываются верования целой группы тех сект, которые хотят понимать христианство исключительно духовно.

Впрочем, одни из них, напр., штундисты, молокане, пашковцы принцип духовного понимания Евангелия не проводят последовательно до конца; они стоят на половине своего пути. Именно у них еще пощажена от «духовного» перетолкования значительная часть евангельской истории. Иисус Христос, апостолы, Богородица у них еще признаются реальными историческими лицами, жизнь и деятельность их признается историческим фактом, бывшим XIX веков назад. Но спрашивается: где же граница духовному перетолкованию Евангелия? Почему и что именно должно понимать духовно, а что буквально? Почему за одно уж не понимать духовно все чудеса Христовы и самое лицо Его, – Его рождение, преображение, смерть, воскресение и вознесение и не стать бы толковать, что Христос и ныне как-нибудь духовно рождается, преображается, умирает, воскресает, возносится? Почему не толковать духовно всегда того, что сказано в Евангелии об апостолах, Пресвятой Богородице и других?... Так как необходимое в этом случае руководство для правильного понимания Евангелия может дать только Церковь, а она

отвергается, то, очевидно, у людей, желающих понимать Евангелие и всё христианство духовно, нет границы «духовному» перетолкованию Евангелия, нет верного руководства, которое предохранило бы их от дальнейшего заблуждения. – Опять, когда человек думает быть в непосредственном общении с Господом помимо Церкви и воображает, что получает озарение непосредственно от Духа Святого, то что удержит его от дальнейшего заблуждения и помешает дойти до того момента, когда он вообразит, что достиг уже общения с Господом и скажет: Христос уже во мне! Я – Христос! Дух Святой во мне действует; я – пророк, апостол, и станет выдавать не только свои объяснения Евангелия, но все свои речи за откровение от Духа Святого?... Говорим это к тому, что путь, которым идут сектанты, и принцип, которым они руководствуются, логически ведут к этим последствиям. И действительно, мы видим на деле, что сектанты, наприм, хлысты, скопцы, малеванцы, духоборы, идя последовательно своим путем, договорились именно до этого безумия. Благодаря своей вере в непосредственное общение с Господом и Духом Святым, они не могли остановиться на полпути, на одних только пунктах заблуждения, но идут дальше, перетолковывают «духовно» всё Евангелие до конца и создают такие верования, которые ничего евангельского уже не содержат в себе, а в конце концов отрицают и самое Евангелие, которым на первых порах по отделении от Церкви еще думали спастись.

Смотрите, во что веруют хлысты. Лет 200 назад в Стародубской волости, в приходе Егорьевском, на р. Вязьме, Ковровского у., Владимирской губернии, на гору Городину, среди ангелов и архангелов, херувимов и серафимов, в огненных облаках, на огненной колеснице сошел с неба во славе Своей Сам Государь Саваоф. Силы небесные вознеслись на небо, а Саваоф остался на земле в образе человеческом, приняв тело Данилы Филиппова, – крестьянина, бежавшего из военной службы и бродяжничавшего по разным местам Костромской, Вологодской и Нижегородской губернии. Этот-то Данило Филиппов стал для своих многочисленных последователей «живым богом». Около него вскоре объявился сын божий Иван

Тимофеев Суслов, крестьянин Муромской области, Стародубской волости, деревни Моксаковой. Вслед за ним является лжебогородица, дочь посадского человека из Нижегородской области, села Лендука. Лжехристос окружил себя 12 апостолами и стал принимать от людей божеское поклонение. Данило Филиппов умер, а по верованию его последователей вознесся на небо, 1 янв. 1700 г. Суслов умер 16 лет спустя. Но после них явления новых лжехристов не прекратились в сектантстве. После Суслова сектантская среда выделила из себя лжехриста Прокопия Лупкина. а жену его Акулину Иванову стали почитать за Богородицу.⁵⁰

В Оренбургской губернии в 80-х годах объявились христами братья Иван и Семен Утицкие, главари хлыстов. Ив. Утицкий в молодости вел себя плохо, занимался воровством; но потом приубожился и стал доказывать, что на него находит благодать свыше, что он имеет дар откровения и творит чудеса; наконец объявляет себя христом и распинается на собрании: при пении собравшихся он раскинул руки по сторонам и стоял без движения, то закрывая, то открывая глаза, – стоял так с вечера до полуночи; одни поддерживали его за руки, другие – за бока, а женщины заливались слезами, думая, что Утицкий и вправду за них распинается; так продолжалось до тех пор, пока лжехристос свалился на пол. Семен Утицкий также выдал себя за христа, а одного старика Сергея за Бога Отца; также распинался, прижавшись к стене и раскинув руки по сторонам; а люди рыдали, веруя, что это Христос распинается за них («Мисс. Об.» 1897 г., июль, кн. 1, стр. 583–586).

В настоящее время поволжские хлысты имеют своего бога саваофа, –крестьянина лет 60; жена его почитается за богородицу; три сына его – за евангелистов; деревня их служит для хлыстов землей обетованной. Лжехриста представляет другой крестьянин, лет 40; место жительства его почитается Иерусалимом. Есть у них евангелисты Иоанн Богослов – молодой парень и ап. Иаков, брат Господень; есть лжепророки и лжепророчицы. Последователи их веруют в них слепо. «Цари и князи, говорят они, и все люди желали видеть и слушать христа;

но не видели; а мы малые только подумали, и он сам явился к нам» («Мисс. Обзор.» 1899 г., май, стр. 535).

В нашем крае в самое последнее время объявил себя «царем над царями, богом, во плоти пришедшим» Кондрат Малеванный, Таращанский мещанин, и увлек массу последователей. После его явился новый лжехристос – Иван Лысенко, кр. с. Вербова, Сквирского уезда.

Было бы очень долго перечислять всех этих лжехристов, явившихся в сектантстве. Довольно сказать об этих явлениях словами сектантов.

«Он – Христос пречистой плоти Своей подвиг земной кончил; а в других плотях избранных Он еще кончает; а в иных плотях избранных еще начинает» (Ивановский. Секта хлыстов. 1898 г., стр. 9).

«Дух Христов, говорят сектанты, и теперь живет в нас. Но так как дух не может жить без плоти, то он вселяется в верных своих. Поэтому мы поклоняемся живому богу. Души апостолов, как и дух христов, также переходит от плоти в плоть» («Мисс. Об.». 1900 г., июль-авг., 145).

Что же нужно, по верованию сектантов, для того чтобы в человеке воплотился Христос?

На это сектанты отвечают:

«Бог тогда Христа рождает,
Когда всё в человеке умирает».

Другими словами: чтобы и ныне Христос воплотился в ком-нибудь, объясняют хлысты, необходимо умереть для греха и воскреснуть для духа. «Всё от себя отрекись и предайся воле Божией. Таинственная смерть – состояние бесстрастия и святости» (Ивановский, 10 стр.). Когда таким-то духовным образом человек умирает, тогда в нём Христос воскресает. Так, напр., превратился из хлыста в христа поволжский крестьянин Кожевников в 80-х годах. На собрании после пения стихов Кожевников начал неистово визжать и бесноваться; а братия пели пасхальные стихи до тех пор, пока тот успокоился. Это успокоение означало, что Кожевников переродился уже в христа и как бы воскрес. Он тут же стал пророчествовать, прозревать, тут же избрал 12 апостолов. Между тем толпа, стоявшая вне

избы, плакала и молилась новому лжехристу на дворе, пока он, сжалившись над ними, сподобил допустить к себе в избу и принять в своё царство. Тогда толпа, ликуя, повалила в избу с пением: «воскресение твоё видевшие» («М. Об.». 1897 г., июль, стр. 586–587). Так хлысты превращаются в христов; а как порождаются у них богородицы, это объяснил один лжепророк: «пришел я вот хотя бы к Ефросинье Ефремовне; она меня приняла, обогрела, накормила и упокоила, значит, она как бы обновила или прямо сказать – родила меня, ну и почитается за богородицу» («М. Об.». 1899 г., май, 542).⁵¹

В общем до таких же верований дошли и духоборы, которые идут тем же «духовным» путем. По их верованию, Иисус Христос был простой человек. «Христос был Сын Божий в таком же смысле, в каком и все духоборы называются сынами Божиими». «Он родился от Божией Матери, говорят они, как рождаются и у нас. Творил ли он чудеса телесные, т. е. воскрешал ли мертвых, давал ли слепым зрение, глухим слух и проч., мы того не знаем; но веруем, что сами были грехами мертвы, слепы, глухи, а Он нас оживил и грехи простил. Он распался плотию, воскрес же духом; а плотию воскрес ли и какую, – того не знаем, и знать нам не нужно». Ясно, что духоборы не признают Иисуса Христа вторым Лицом Пресвятой Троицы, Икупителем в истинном смысле. То, что говорится о Христе в Евангелии, то самое, по их представлению, совершается в душе каждого духобора. Поэтому в душе каждого духобора совершается духовное рождение и воскресение Христа и воспроизводятся все чудеса в духовном смысле.⁵²

Вы видите, что здесь уже нет веры в Единого Господа Иисуса Христа. Люди, оторвавшись от Церкви и поэтому самому отпавши от Христа, идя своим путем, дошли до того, что стали искренно верить во многих христов, воплощающихся по временам в разных лицах. Здесь мы видим веру в перевоплощение Христа, видим, как сектант, потеряв Христа – Сына Божия, превращается сам для себя в Христа. В этом пункте люди дошли до самообожания. Как это с ними случилось? Это объясняется тем путем, каким идут сектанты: задумав спастись вне Церкви, они начали с духовного

перетолкования Евангелия. Это с психологической необходимостью повело их далее к тому, что они постепенно извратили всё Евангелие, потеряли подлинный исторический смысл его, вложили в него свой смысл и значение соответственно своему заблуждению. В результате получилось то, что они постепенно потеряли веру в евангельскую историю, а потом и в Самого Иисуса Христа, о Котором повествует Евангелие. На место Иисуса Христа сектант поставил самого себя; стремясь достигнуть общения с Богом непосредственно, вне Церкви, он постепенно приходит к мысли, что Дух Св. уже обитает в нём, что от Него он непосредственно получает внушения, а от этого момента много ли осталось до того, когда такой человек скажет: я-то и есть Христос; я – пророк Духа Святого; я – апостол. Достаточно только незначительного повода или случая, который направил бы сбившуюся с пути мысль в эту сторону. Так-то люди, оторвавшись от Церкви, *остались без Христа, отпали от благодати* (Гал.5:4), и дошли до изобретения своих христов, апостолов, пророков и богородиц.

Спрашивается, что же в конце концов осталось у этих людей от Евангелия, на котором они, по-видимому, так твердо желали стоять по отделении от Церкви? Что осталось от св. таинств, от Церкви, от всего, о чём повествует Евангелие? Ничего, кроме одних наименований Христос, апостол, Богородица, пророк, которые они взяли из Евангелия, но в которые вложили свой смысл. Поставив на место Господа лжехриста, люди вместо Евангелия стали руководствоваться собственными измышлениями, а Евангелие отвергли. Хлысты о свящ. Писании открыто говорят, это «тенета, которые опутывают людей» (Ивановский, стр. 13); а духоборы Библию называют хлопотницей. Лжебог Данило Филиппов признал книги свящ. Писания ненужными для спасения, сложил их в мешок и бросил в Волгу. Вместо них дал своим последователям известные заповеди.

Что осталось у сектантов от Церкви? Когда спрашивают их о Церкви, они говорят: «где Христос (разумеется лжехристос сектантский), там и Церковь; а где собрались саваоф, Христос,

богородица, апостолы, пророки (разум. сектантские), то здесь уже составляется соборная апостольская церковь». Этой-то церкви передана тайна (т. е. истинное учение); «миру же тайна не дана, не дана потому, что в нём живет сатана» («М. Об.». 1899 г., май, 540).

Св. таинства заменены у них кощунственными обрядами. Что, напр., совершается вместо таинства св. причащения? В одних местах сектанты на собраниях едят хлеб и пьют квас и это вменяют себе, как причастие, в других – причащаются водою и хлебом, по местам – кусочками калача и изюмом. Самарские хлысты глотают пламя и дым от зажженной свечи; оренбургские причащаются слюной лжехриста (Ивановский, стр. 23–25).

Духоборы, отвергнув Евангелие, руководствуются так называемую у них «животную книгою», которая представляет смесь псалмов Давида, искаженных библейских повествований с бессмысленными измышлениями руководителей; смесь эта в виде стихов и сказаний составлялась в течение целых поколений и устно передается из рода в род среди духоборов. Эти-то сказания и почитаются у них за истинное учение Христово. О Церкви духоборы говорят: «наша Церковь построена не на горах и долинах, не в селах и городах; наша Церковь построена в душах и сердцах». О причащении говорят: «мы причащаемся Словом Божиим, – причащаемся, когда без страха, с дерзновением исповедуем Слово Божие пред людьми». Прочие таинства, воскресение умерших, будущую жизнь отвергают и ничему этому не верят. Вот что осталось у них от Евангелия, от Церкви, от св. таинств.

Мы сказали, что сектанты напрягаются достигнуть непосредственного общения с Духом Святым. Легче всего воображаемое получение Духа достигается на собраниях. Здесь они «набираются» или «напоются» Духа разными способами: иногда лжепророк дует на присутствующих, и те воображают, что получили от него Духа. Когда бывало Семен Утицкий дунет на кого-либо, тот, уверяли сектанты, ясно чувствует, что получил от него дар духа. Большею частью сектанты рыдают, бегают «на кругу», вертятся, в судорогах корчатся и т. д., пока дух не

обнаружится в них воображаемым пророчеством или странными языками, на самом деле бессмысленными глаголами. До каких уродств доходят сектанты в своём напряжении получить духа, это показывает особая секта «сопунов», названная так потому, что этого рода сектанты, чтобы передать друг другу духа, сопят и фыркают друг на друга. За то сектанты из лиц образованных возбуждают в себе духа более приличным образом. Известный Пашков дает такое наставление своим последователям. «Вы, говорит он, все оправданы, искуплены, освящены, одним словом – спасены. Итак, радуйтесь всегда о Господе! Если вы получили Духа Святого, а вы Его получили, если вы чувствуете Его присутствие в себе, если вы уверены, что Он – в вас, то вы не требуйте, чтобы кто учил вас. Что такое значит радоваться о Господе? Это означает поклоняться Богу в духе и истине, погружаться в созерцание. Что касается до меня, то я делаю это так. *Сажусь в кресло и погружаюсь в это созерцание.* Вот что значит поклоняться Богу в духе и истине, поясняет Пашков, и вот каких поклонников Отец ищет себе»!! (Секта пашковцев. Терлецкий, 14–15 стр.).

Но самообольщение сектантов не ограничивается этим. Вера в непосредственное, помимо Церкви, общение с Духом Святым естественно ведет к тому, что они все поступки свои дурные и хорошие приписывают Духу, который будто бы действует в них. Вот как они учат об этом: «В таинственно воскресшем человеке (разумеется, сектанте) вселяется Дух. И тогда человек, что ни делает, делает уже не он, а Дух; и во всех вещах своей воли не имеет. Мы и сами знаем, что иные наши поступки не сходны с писанным законом, и нам тяжело и скорбно так поступать. Что же нам делать? Своей воли не имеем. Сила, во мне действующая, не дает мне покою ни днем, ни ночью, водит меня туда и сюда. Вы скажете: как можно Духу Святому тобою действовать, толикий грешник! Кто вам сказал? Вы скажете: сами знаем твой грех. Грех знаете, но милость Божию со мною не знаете. Неужели я вас прельщаю и обманываю» (Ивановский, 11 стр.). Здесь уничтожается различие между добрым делом и худым; ибо то и другое приписывается Духу Святому; с человека снимается

ответственность за его поступки; уничтожается нравственная вменяемость; дается простор всякому непотребству под прикрытием того, что всякое действие человека – от Духа Святого. Этим освящается в сектантстве сознательный разврат, и нам становится понятным, почему сектанты придают священное значение своим ужасным развратным радениям, о которых они выражаются так, что это «работа Господу». Тут уже разврат возводится в культ.

После всего сказанного узнаёте ли в лице этих «духовных» христиан последователей Господа Нашего Иисуса Христа и Его Евангелия? А ведь они, отделяясь от Церкви, весь мир уверяют, что хотят служить Богу по Евангелию. Таков конец «духовного» сектантского пути. На них исполняются слова ап. Павла: *как они не заботились иметь Бога в разуме, то и предал их Бог превратному уму – делать непотребства* (Рим.1:28). Таким образом сектантский путь по своим принципам есть путь нравственного разложения, а конец Его – гибель (Флп.3:19).

Свящ. Л. Слюсарев
(Окончание следует).

Ивановский Н. Профессор. Уральские иеговисты⁵³ //
Миссионерское обозрение 1901 г. № 9. С. 200–216

Кто как верит в Бога, кто какую признает свою веру, – легкой или трудной, а тем более у кого какие мечтания в воображаемом будущем, это, могут сказать, совсем не важно и только разве любопытно. – Пусть верят, как хотят, и бредят, чем хотят; это нас не касается и никакого практического значения для нас не имеет. Так!... Но позволим заметить, что это составляет основу и почву для выводных заключений, имеющих прямо уже жизненный характер и практическое и для нас всех значение. Спустимся поэтому и мы с высоты отвлеченных верований и из области мечтаний к жизни действительной, от будущего мечтательного царства к действительному государству, в коем живем и мы, и они – иеговисты. Являются вопросы: как относятся они к православной Церкви и к существующему общественному строю, и до чего доходят в порыве своих фантастических бредней. В ответ на эти вопросы картина получается совсем другая: детская, по-видимому, наивная идиллия сменяется тяжелой драмой, на языке – грязный пасквиль, а на деле – проявление неудержимой злобы и фанатизма, так что и малейшие капли положенной в основу учения любви совершенно испаряются, о ней и помина даже нет.

Обращаемся снова к основателю секты. Отношение Ильина не только к православной Церкви и её таинствам, но и к святому Евангелию и всему христианству – кощунственные до цинизма, возмутительным образом действующие на религиозное чувство. Новый завет сектатор называет костью, брошенную для раздора, всех православных называет детьми Езавели (нечестивой еврейской царицы), волко-агнцами, талмудистами, эгоистами, сатанистами, ошуйными, отмеченными числом имени антихриста 666; православные храмы называет капищами, святые иконы – простыми досками, священников – торгашами. С не меньшим ожесточением восстает он и против правительства: Синод и Сенат считает за

сонм губителей, царей – за деспотов, за сынов тьмы и на троны их вопиет о мщении, «чины и красные штаны – за дурь и прелесть сатаны, защиту вер – войной, гоньбой, – за зверство, за разбой». Далее, в сочинениях Ильина достается и ученым, и журналистам, и медикам, и мелким чиновникам, и солдатам, и купцам, и мужикам, и частным лицам. «Где разногласие, пишет он, противоречия, соборные споры и вздоры, инквизиция иль бесчеловечие, грехоискупление или грехопотачка, талмудные разные обряды, обливание, купанье, масляницы или разгулы, дворянства, крестьянства, ранги, саны, гильдии, сиятельства, блистательства, святейшество, супер-инте-ейшество, прео-обер-протоархие-священно-мандритство или загонянье в рай и ад, панство и чванство, расстрелы, повесы, каторги, кнутобой, палкодер, канканные, шулерские и пушечные игры, табачная, кабачная, сифилитическая и свиная мерзость, отшельничество, или мошенничество, или вериги, баронство, фанфаронство, ненависть и злость, – там кинута адская кость». «Я вижу, что сатана три великие чуда сотворил: христиан во псов, гейденов в зверей, а жидов в сатаническое сонмище превратил». «Радуйтесь и веселитесь, еговисты, когда возненавидят и погонят вас сатанисты. Возрадуйтесь еговисты, когда завоюют все сатанисты, когда восстанут войной на Егову жида, христиане, магометане и буддисты, но когда мечем Еговы, голодом, язвами, травлями, градом, бурями, холодом, засухой, потопами, обвалами, провалами и огнем истребятся все бесчеловечные жида и двуногие псы или сатанисты» («Дивные предсказания Еговы», рукоп. наш. библи.).

«Ну, так слышишь ли ты, православный, доскопоклонный сатанист (у раскольничьих или дониконианских святых) Ивановский, что я не самозванец, а возвеститель в мире вещания Бога моего Еговы, а не свои вымыслы и не молокан и не создатель еще новой секты, а разрушитель всех сект в человечестве. А из сего ясно следует (!), что никакими твоими изрыганиями на сии вещания Еговы чрез меня не защитить тебе матушку вторую дочь всемирной христианской блудницы» (Первая дочь, по Ильину, римская Церковь). *«Моя молитва к Егове по случаю лжесвидетельства и адских небылиц,*

возведенных на меня доскопоклонным сатанистом Н. Ивановским в С.-Петербурге» (12 лет назад была прочитана там нами публичная лекция). «Возлюбленный мною друг (?), отец, царь и Бог мой Егова! Если по плану Твоему в сей последней битве Твоей с сатаной надо, чтоб двуногий пес Н. Ивановский лаял и изрыгал бы на меня всяк зол глагол из-за Тебя, то пусть изрыгает еще, а если же не надо, то наложи на него намордник на всю нескончаемую вечность. Аминь». («Эссенция из чудо книжки Божией»).

Но не в лицах, конечно, главный интерес дела, а в огульном осуждении всего общественного строя и всех людей не иеговистов, в государстве живущих. Лучшею иллюстрацией этого осуждения служит «Эпитафия на православных кладбищах, из разговора Езавели с Уранией (небесной, бессмертной), гимн двухорный». *Надмогильные надписи:*

Езавель.

Сей царь велик в наземном царстве был. Дела отдал в Синод, в Сенаты, а сам все пушки, бомбы лил. И каждый день играл в солдаты. Настроил уз и крепостей, наставил множество судей и всех сковал он деспотизмом. Дела его все прелихие.

Урания.

Презверские и препустые. И великий сей монарх превратился в смрадный прах, иль в мерзость в позлащенном гробе.

Езавель.

А сей мертвец был славный генерал, украшенный крестами; он каждый день в бостон иль в вист играл, и семь раз в год священ попами; и дисциплину соблюдал; того он гнал и погублял, кто глас его не чел за свято. Служил он так, как православный.

Урания.

Как с властью плут, разбойник явный, сей деспот, шарлатан, иль черт из христиан стал смрадный прах и ком навоза.

Езавель.

А сей мертвец был бравый офицер, усердный к выправке солдатской; маршировал он в тот самый манер, которым шел начальник хватской. Причастье каждый год глотал. В бильярд, и

в вист, и в штосс играл, ел колбасу и в пост, и в святки, жил так, как барин просвещенный.

Урания.

Лаодикийст обуморенный! И военный вертопрах превратился в смрадный прах и стал ничтожный ком навоза.

Езавель.

А сей мертвец был нижний чин, солдат, штыком колол он вражью спину, как фронтовик, ходил в развод, в парад и слепо верил командиру. Молился он на барабан; грехи с него снял поп-болван и в рай отправлен по приказу, как воин веры православной.

Урания.

Но не пророков, а химерной. – Не Христов он воин был, зверству, диаволу служил и превратился в прах, как зверь же.

Езавель.

А сей мертвец ученый человек, наукою служил он миру; над химией корпел он весь свой век, искал от смерти эликсиру. Хоть не нашел он эликсир, за то открыл премного сил меркурных, фосфорных, магнитных, и в рай отправлен был попами.

Урания.

Лежит на веки с мертвецами. Как не пил он воды живой, превратился в смрадный гной и стал ничтожный ком навоза.

Езавель.

А сей мертвец был славный журналист, писал он критику, романы, хоть ложь внушал, как хитрый атеист, но просвещались им болваны. Особо дам он восхищал, когда тремблянство прославлял, завязку львиц, тигриц со львами, и в рай снесли его с крестами.

Урания.

Те мертвецы, что стали псами. Как мешал он свет со тьмой, превратился в смрадный гной и стал ничтожный ком навоза.

Езавель.

А сей мертвец из медиков был хват, с латынью полной семинарской, от немощей он знал весь аппарат и был с доскою христианской. Всех бедных даром он лечил, по табелям и в храм ходил и, помирая, причастился. – Пошел на лоно к Аврааму.

Урания.

В подземную сырую яму. Не Христу служил цельбой, превратился в смрадный гной и стал ничтожный ком навоза.

Езавель.

А сей мертвец управой управлял, блюл благочиния порядок, и только доброхотный дар он брал, нахопом вовсе не был падох. Закон в крючки не превращал, того отнюдь не погублял, кто в праздник не дал поздравленья.

Урания.

Сего не может быть явленья. Но, положим, был таков, все-ж не был раб Христов, и стал ничтожный ком навоза.

Езавель.

А сей мертвец чиновник штатский был, во всем в покорности начальству, окладом и наградой только жил, и взятки все дарил капральству. Как мало образован был, то и к заутрени ходил, курил немножко пред причастьем, – и в мясопуст он заговлялся.

Урания.

С любовью-ж Божьею не знался. И чиновник полмонах превратился в смрадный прах и стал ничтожный ком навоза.

Езавель.

А сей мертвец был лавочник-купец, вел торг свой праведно, с излихвой, знал правила святых отец и к ним он прибегал с молитвой. Попа он славно угощал, а тот грехи ему прощал, святил его водой и маслом и в рай отправил с подорожной.

Урания.

Но с семиглавой или ложной. Не в Христовых был торгах, превратился в смрадный прах и стал ничтожный ком навоза.

Езавель.

А сей мертвец был мастер цеховой, трудами жил, кормил семейство, не склонен был на плутни, на разбой и проклинал войну, злодейство. Иконы златом обложил, по праздникам и в храм ходил, певал Владычицу басисто и в поминаннике записан.

Урания.

Но в книгу жизни он не вписан. Не в Христовых был трудах, превратился в смрадный прах и стал ничтожный ком навоза.

Езавель.

А сей мертвец пречестный мужичек, в ватаге не был он бурлацкой, хранил себя и каждый пяточок от грешной прелести кабацкой. Грехи исправно все сдавал, попам яиц, колбас давал, служил молебны Голендухам и всем мощам творил поклоны.

Урания.

Чтил демонов и с них иконы. И как слепец ходил впотьмах, превратился в смрадный прах и стал ничтожный ком навоза.

Езавель.

Сей патриарх святитель церкви был, блюл семиглавые уставы; он крестных ходов много учредил и жил, как столбняки и аввы. Духов нечистых изгонял, велики знаменья являл и чудотворные иконы. Дела его суть все святые.

Урания.

Пресуеверные, пустые. И язычник-иерарх превратился в смрадный прах и стал ничтожный ком навоза.

Езавель.

А сей мертвец святитель-архиерей, светил свечами и крестами, мог текст развить на сто проповедей и барынь привлекал словами. Пил только херес да чихирь, дарил иконы в монастырь. Слыл свят и ездил на шестерке; пред смертью сорок раз пил тайны.

Урания.

И сорок тысяч сдер с Украйны. И как бредней талмудист, хитротайный атеист, стал смрадный прах и ком навоза.

Езавель.

А сей мертвец был православный поп, расколу не давал потачки, иконоборцев жег, влагая в сноп и раздирал на конской скачке. И есть предание о нем, что черта сделал он конем и, сев верхом, на нём катался. Сей поп святой уж, нет сомненья.

Урания.

Проклятый из всего творенья. – Мест нет ему в мирах; он засох, как гной и прах и будет ввержен в огонь на вечность.

Езавель.

А сей мертвец – монах из столбняков. Достигший святости великой посредством редьки, пареных грибов, и в жизни в

юдоли с веригой. Хоть поп его не причащал, за то уж ангел посещал и приносил дары из церкви на день святые пасхи.

Урания.

Все это ложь, чуха и сказки. Сей монах язычник был, и, как дикарь, в болоте жил и в ад отправился, как лживый.

Езавель.

А сей мертвец мучитель зверский был, иль инквизитор полатыни, он склепы, узы строил, заводил везде в монашеской святыни. И в них раскольников давил во имя благодати Господней, за что и стал из всех святейшим.

Урания.

Исчадьем тьмы, из всех мерзейшим. И антихрист сей святой будет ввержен сатаной в склеп огненный и ад крошечный.

Езавель.

А сей мертвец обер-палач презлой, иль инквизиторский помощник. Святым он стал за тот поступок свой, что склепных мучить был охотник. Он пьяница прегорький, на мученья очень бойкий. Сивуху ж всю в нём освятили.

Урания.

И черти хором загладили: со клятыми упокой, в темном аде, под землей Обер-нашего дружочка.

Езавель.

А это кровь. Тут мучен, поражен отступник, еретик завзятой, небесной книгой был он заражен, и братским равенством объятый, каких-то трех зверей нашел, от православия ушел путем страдальческим или третьим, и сгиб с ученьем извращенным.

Урания.

Воскрес и взят к преображенным, ибо пил воды живой, знался с светом, а не с тьмой, и на коне с Христом приедет.

Мы привели полностью эту примечательную в своём роде, весьма характерную «Эпитафию», чтобы показать, до какого фанатически-ненавистного глумления доходил уже родоначальник секты иеговистов над теми, кто не носил этой клички, – от царя и до солдата, от патриарха до «попа», от

купца до цехового и мужика, – и что завещал он своим последователям.

Но глумление – глумлением, а есть и нечто более активное, при чем фанатизм переходит, или, по меньшей мере, направляется к тому, чтобы действовать, а не сидеть, как говорится, сложа руки. Ильин является и проповедником борьбы с «сатанинским миром». Вот «Утренняя заря в воженных лагерях царя святых».

Повестка.

«Эй, дружки и друзья, божья братская семья! Пробудитесь все спокойно, нарядитесь, как пристойно. Уж взошла наша заря на восточный небосклон, где стоит гора Сион. Нам пора пред ним явиться, от него благословиться и начать его дела, взять в десницу его меч, и врагов рубить и сечь и направо, и налево, по примеру нам Халева, не щадя уж никого.

– Кафолический Талмуд, артикулы сект и смут, атеизм, плутизм неверья, все химеры суеверья, иль дела чертовских рук. В ночь могли мы отдохнуть, а теперь опять марш в путь, по колючкам и по терну, чрез злодеяния, живодерню, – прямо в царствие любви, в мир бессмертных там людей, наших братьев и друзей. Там нас примут с торжеством, с ними ж в равенстве простом, расцелуют и обнимут, тленные лохмотья скинут и оденут нас в виссон; на главы навьют венков, в знак веселья в век веков. И введут в дворцы в палаты, угостят всем, чем богаты от всей искренней любви. Там мы станем поживать. Город с неба ожидать, тот, что спустится от Бога, после Гога и Магога, – Новый Иерусалим. – Аминь».

А вот и «Призыв братьев к сражению», – петь на голос «чижик, где ты был»

«Бросим, братцы, всё земное, всё ошуйное, пустое, станем тленность скидывать, а бессмертье надевать. Оторвемся от Урала, чтоб печаль сердца не жала, а пойдем теперь вперед, куда Агнец поведет: – хоть чрез Ирода Преторью, чрез Синод и Консисторью, седмиглавью в зубы впасть, в Инквизицию попасть, в когти панской пропаганды, в арестантские команды, в заточенье в монастырь, под Родэновский костыль (кнут). Ибо Бог дал повеленье, чтоб мы начали сражение в самой адской

стороне, средь столицы при Неве. А как эта битва с тьмою будет страшною, большою и в неслыханный пример для народов и для вер, то небесный Бог всемогущий, дал и меч нам двоеострый, артиллерию свою с чудо бомбами в строю, крепкий щит из вечной веры, отражать все лжи химеры, шлем спасения надел из его премудрых дел, – чтоб одних на смерть сразили, из вселенной истребили, а в других же смерть изгнать и бессмертие им дать. И велел нам храбро драться, вспять нейти и не сдаваться, волко-агнство побеждать... Присмотр делать брат за братом, не в грехах, а чтоб был хватом, в битве храбр, иль не хромал. Для любви-б (!) всё оставлял: чин, богатство, честь и славу, всю ошуйную державу, дом, жену, детей, отцов, или мертвых – мертвецов. А кто станет братом ложным, счесть того не сыном Божиим, из бессмертных исключить и вновь к смертным приобщить. Кто-ж окажется Иудой, с седмиглавой тайной блудой, иль изменит в сей войне сдать живого сатане. Если враг начнет кориться, иль захочет извиниться, то решать Христу давать (?), на себя же власть не брать: «не в моей власти спасенье, у Христа проси прощенья», – «в огонь поди ты от меня, говорит Господь, не – я (?)». Так должно врагу ответить, и не льстить, и не приветить, – чтоб антихрист мог понять, сколь грешно на нас восстать. Если-ж враг в войне устанет и в отряд же наш пристанет, то товарищем принять, братом же его не звать. Где-ж придется нам так жутко, что на ум нейдет уж шутка, то на помощь Бога звать, руки к небу простирать. За победу-ж – малу-ль, многу – с музыкой петь славу Богу, танцем Божиим плясать, Господу ура кричать».⁵⁴

В добавление ко всему есть и «предсказание на последнюю седмину», относящееся к нашему именно времени и даже прямо к минувшему году. «В 1870 году будут по всей земле сильные мятежи; в 1873 году упадет комета; в 1892 году воскреснет король Матвей (?); в 1896 г. упадут с небес луна и звезды и, наконец, в 1900 году последует страшный суд. Впрочем, во всех городах, с 1870 по 1900 г. будут происходить страшные возмущения, войны за веру, собрание израильтян в их обетованную землю и потом пришествие Антихриста», – значит, последняя брань с «сатанинским миром».

Таково отношение Ильина к Церкви, государству и обществу, ко всему, что выходит за пределы его «новозаветного иудейства». И как бы ни понимали мы его борьбу за Уралом, или на берегах Невы, его «бомбы» и «артиллерию веры», во всяком случае то – несомненно, каким возбуждающим образом могло всё это действовать на сердца и умы людей необразованных и не могущих отличить образной формы выражений от внутреннего смысла, который под этим скрыт, с какой силой могло и может оно фанатизировать их и, под видом любви и равенства, вести к ожесточению и изуверству. При этом и упоминаемое имя Халева есть историческое, и его «направо и налево» хорошо известно.

И на самом деле, что было еще несколько прикровенно у основателя секты, то стало ясно у современных его последователей. Напитавшись духом своего первоучителя, они с открытою уже наглостью обнаруживают свои, фанатизма исполненные, отношения и к вере христианской, и к существующему общественному строю, и к частным людям, – ведя как-бы действительно *последнюю брань* с «сатанинским» миром и не стесняясь при этом никакими средствами. Здесь безбожие соединяется уже прямо с анархизмом, и *секта иеговистов* является, под покровом веры, *партией анархистов*.

Описание их отношений начнем опять с частных лиц. Полтора года назад мы лично столкнулись с иеговистами на беседе, в Нижнем Тагиле. Там нам показали тетрадку, написанную некоей Марьей Михайловой Ручьевой (бывшей тут же на беседе, во главе других, – девицей по виду лет 30) и присланную Екатеринбургскому миссионеру (г. Романовскому), под названием: «Разговор уральских иеговистов с достопоклонным миссионером г. Екатеринбурга, которого сатана избрал для поддержания всех 666 христиан его». На беседе с нами Ручьева постоянно говорила нам: «вы все талмудите, вы всё талмудите»... «Досталось Романовскому, достанется и вам; иеговисты не молчат». И, действительно, досталось. Месяца два-три спустя, мы получили письмо из завода Кушвы, подписанное 43 лицами. Озаглавливается оно так: «Послание иеговистов Его

Превосходительству, Профессору, Доктору смертной заразной богословии, Езавелиной медицины г. Ивановскому». Содержание письма следующее: «Ну-ка, Пан-Шайтан, Доктор волшебной медицины, сыми-ка вековые бельма с глаз твоих, и ты ясно увидишь, что Егова, а не умерший капитан (Ильин) повелел нам не слушаться того богословия, о котором Егова говорит, что он глух, слеп, с медным лбом, с каменным сердцем принял богословское учение от волшебной Езавели. Попробуем-ка выбить из ушей твоих седмиглавые заклепки 7 ударами 100-пудовым молотом, и ты услышишь, что Егова проповедует мир, свободу и благоденствие всем народам (?) на тысячу лет, а не секту какую-то, как ты смолол, похожую на духоборческую. А так как мы есть сильнейшие борцы за Егову, защитники Его от всякого изрыгания и хулы на Него, посылаем тебе «кол в горло», дабы ты мог подавиться. Мы, нижеподписавшиеся, уверены, что если сей кол остановится в гортани твоей, то он не даст более изрыгать всякую ложь и хулу на Егову и Его еговистов. Ей, истинно, аминь». – «Хвались же ты, мудрец, что лгать ты молодец. А если в Книге с неба (3, 17–18) ты прочтешь, то за истину почтешь, что ты слеп и наг с богословией твоей. Хвались же, дуралей, и хвастай, всем крича: «виват!» Что сумасброд твой сей тебя навеки ввергнет в ад». Подписали: Николай Дм. Кузнецов, Федор Кон. Гущин, Иван Ив. Слободчиков и другие, в числе 45 человек. При письме приложена тетрадка, под названием: «Кол в горло, вбиваемый 7 ударами 100-пудовым молотом истины». В нём примечательна ругань уже на всех и на все. «Удар III. Известно даже китайцам, что каждая из 666 блудных дочерей сатанински-христианской религии утверждает своё адское блуждение текстами священного Писания (на что и иеговисты не скупы), – то неужели такое адское разногласие в христианском писании от Еговы, а не от сатаны?» «Удар V. Заруби на нос всякому философу и талмудисту, что человечество идет вперед, ибо сзади черт пушками оное прет... Без люциферова просвещения люди превращаются в диких зверей, а с его просвещением в красиво-нарядных чертей или в двуногих псов, адски-трансцидентально суеверных попов и чудотворных талмудистов сатанинских

перегородок в человечестве»... «Все гимназии, семинарии, университеты и академии (духовные и брюховные) Люцифер для того создал, чтоб многие миллионы людей попали в огненный провал»... «Под именем поклонения Христу Адонаю и Брамуту (основателю Буддизма) весь мир поклоняется исконному плуту. Кн. С. 13, 38. Лк. 4:6–7. 2Кор.4:4. Кн. С. 12, 9. 20, 2. 1Пар.21 и 22:1» Далее, в упомянутых мною в начале присланных тетрадках, написанных на гектографе, – то же глумление над Церковью и христианством. Несколько картин представляют изображение «ошуйного христианства» и Церкви, – в виде женщины, сидящей на семиглавом звере. Вот одна из подписей под картиной, над которой надписано: «Божья загадка за 1870 лет, а ныне очевидная истина». – «Благочестивый читатель или читательница! Помажь очи твои Келуррием Христовым, и ты ясно увидишь, в какой православной вере сидит баба на Седмиглавом Зверстве, которая облечена в царскую порфиру и червленицу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держит золотую чашу или большой бокал в руке своей, наполненную сифилитической мерзостью блуда её, и на челе её написано имя *Таинство, Вавилон Великий, Порождательница блудниц и мерзостей земных*... Итак, кто не совсем еще оглох, или ослеп от поповских очарований сего седмиглавого блудилища, от их пушечных громов, многозвонов, толстобасных и сладкогласных катавасий, торжественных загоняний в рай кровопийц, мошенников и пьяниц..., тот должен вострепетать и немедленно отпасть от союза с ней, сжечь все её священное Писание и все талмуды и уставы её и пристать к братопророческому и клеветаноангельскому братству Христову»... Но мы должны воздержаться от сообщения всех мерзко-пакостных выражений последователей этой «клеветано-ангельской (!) веры», которые просто мутят душу... Кто составлял эту возмутительно-пасквильную «Божью загадку», – неизвестно, но свидетелями, подписавшими её, поименованы 37 человек; поименованы и «распространители сего вопроса», указан и адрес, куда и к кому обращаться, – именно в Баранчинский завод такому-то. Наконец, по Верхотурскому делу братьев Уфимцевых

обнаружены такие кощунственные богохуления, прямо Христа Спасителя и Его Пречистой Матери касающиеся, – что их совершенно невозможно передавать.

Всё, доселе сказанное, касается Церкви и религии, а вот и нечто другое. «Удар VII» тетрадки «Кол в горло» озаглавляется: «Символ общечеловеческой братопророческой, клеветоангельской или Иисусовой религии»... «Заживо мертвые или осатанелые прокуроры, судьи и чудотворные талмудисты адских перегородок в человечестве. Если это наше благовестие (!) не от Егovy, то докажите нам, что оно от сатаны... Но как сатана не позволит вам оправдать нас, то поэтому мы теперь требуем суда Кесарева» (следует цитаты из священных книг).

Это требование «суда Кесарева» оканчивается уже официальными заявлениями, с угрозами начальствующим лицам, – причем задевается местами и самое имя Кесаря. – 1898 года, марта 18 дня два иеговиста (Мечев и Кривощоков) представили следующее «Объявление свидетелей Апокалипсической Иисусовой истины». «Всем друзьям смертного или сатанинского мира сего и в особенности принадлежащим к *Верне-Туринскому Волостному Правлению*». – «Мы, нижеподписавшиеся обыватели, отказываемся от всех ваших общественных податей и постановленных сборов и возлагаемых обязанностей. Потому что мы не желаем пользоваться никаким вашим заведением и учреждением, или церквями и её торжественными обрядами, нарядами и красивыми или презабавными процессиями»... «Деспотическая власть сама вынуждает противиться повелению Кесаря» (!)... «Итак, скажите нам, хотя по Алеутской совести, от Бога ли эти власти? Если вы признаете их от Бога, Егovy или Иисуса Христа, то почему же вы не желаете исполнять повелений Его в «Книге с Неба» присланной, поверить словам Его, сказанным: 17, 4–5. 19, 8, – что с этою блудницею, которая сидит на Седмиглавом Зверстве, блудят не только все народы и племена, но даже и цари земные, и упиваются её блудным вином все живущие на земле. Но мы еще раз повторяем, что с сих пор мы решительно отказываемся от всех ваших

учреждений, повинностей и деспотических постановлений, а также не желаем быть зачисленными ни в какие дела смертных царей ваших». Подобное же объявление послано и в «*Баранчинское Волостное Правление, старшине Соловьеву, с пояснением, что они, иеговисты, отказываются платить и на Христолюбивое воинство, в защиту оной православной матушки блудницы Езавели*» (№ 13-й). Далее идет «*Ответ на злодейский умысел земского начальника Метаньева*». – «По объявлении нам вашего дьявольского постановления, чрез верного слугу Соловьева – (сей пес К. С. 22, 15 пролаял на нас за то, что мы на сели в его заразительную нечистотою камору), – в котором ты высказываешь свою самовластную дерзость и со страшною хулою отверг миротворческие повеления бессмертного Царя царей, Егова, и признал их за бессмыслицу, заарестовал нас за то только, что мы неопровержимо доказали изречениями Егова, что вы суть слуги сатаны... А поэтому, никакой образованный человек не согласится признавать вас здравомыслящими. Если и 100-пудовым молотом невозможно пробудить, как мертвеца, спящего непробудным вечным сном», то вот «*Побудка*»: «Из человеколюбия нашего даже и ко врагам нашим предостерегаем вас ходить. Что если вы не перестанете гнать и изрыгать хулу на апокалипсические глаголы Егова, то будете истреблены Еговою, как порождение Ехиднино, или как адски-хитрые защитники матушки Езавели-мамзели, и будете взорваны динамитом всемирных истребителей рабства и грабительства. Ей, истинно. А посему ждем ответа, не тяни до лета! Боже Егова, если и сей злодей утаит нам отзыв свой, с намерением всячески издеваться над нами, и не доведет до сведения Государя Императора Николая Александровича (ибо мы теперь требуем суда Кесарева), то такому злодею давай уже смертный толчок в шею». – Опять следуют подписи 10 лиц. Еще и молитва к Егове: «Возлюбленный Бог мой Егова, поражай беспощадно тех сатанистов, кои восстанут на уничтожение, или на утаение призыва Твоего». Действительно, нельзя не пожалеть, что учение и деяние иеговистов не были доведены путем официальным до сведения кого следует, что и на многочисленные их произведения, и на открытые заявления

посмотрели легко, как на бред только фантазии. Теперь оказывается, что и слово динамит произносилось не даром, аллегория переходит в действительность и к этому страшному средству начинают прибегать на деле, – о чём в самом начале мы и сказали. Этого довольно: слово сказало и дело делается...

* * *

Изложенного материала, полагаем, совершенно достаточно для того, чтобы получить ясное представление об основанной Ильиным секте «Десного братства» или «Иеговистов». Секту эту можно охарактеризовать двумя-тремя словами так: это – с одной стороны, безбожие, с глумлением над священными лицами и предметами соединенное, а с другой – социальный анархизм, на почве фантастических бредней о полном равенстве и благополучии в воображаемом земном царстве каких-то бессмертных и нестареющих людей.

Остается в заключение последний вопрос: как со всем этим быть? Чем считаться с религиозным и общественным безобразием? Когда дело идет о какой бы то ни было секте, то прежде всего указывают на миссионеров, как на людей, призванных к словесной борьбе с нею. В данном случае, – сказать по правде, – эта борьба, прямо для уяснения в глазах заблудившихся, едва ли и возможна, так как трудно найти в ней точку соприкосновения; мы и они точно на двух полюсах живем, или даже на двух планетах, и в наших понятиях, и в нашем даже языке общего мало, и идеалы наши тоже слишком далеко расходятся. Мы совсем не думаем, да и представить не можем никакого тысячелетнего царства, никакой Иерусалимской республики с городскими улицами, вымощенными драгоценными камнями на 2000 верст в длину, широту и высоту, железной дорогой от Иерусалима до Кантона и многого тому подобного. И на самом деле, что вы будете говорить, например, о Боге, когда в сущности иеговист никакого Бога и не признает, а признает только какого-то «человеко-бога», или иначе «бессмертного человека», при общей всем людям смертности? Разве только то можете сказать, что *рече безумен в сердце своем: несть Бог* (Пс.13:1). Что вы будете говорить о поставлении рядом Моисея и Сулова, Или и донского казака

Замолвкина, – учителя Пифагора, Матери Христа и Елизаветы Криднер, Евангелия и буддийского богословия? Как вы объясните всю нелепость подобных сопоставлений? Что вы скажете о Иерусалиме, с неба спущенном, и о людях с других планет? Разве то только, – что опять мы и говорили, – что ярая иеговистка и пропагандистка Ручьева со своими друзьями, – выходит, не о себе заботятся и о своём спасении, а о каких-то неведомых, воображаемых только людях. Какая же им-то от этого польза?

Что вы будете говорить про Божественное откровение, в священном Писании заключенное, когда иеговисты всю Библию признают испорченной, кроме «Книги с неба», и говорят о какой-то своей библии, – имея, вероятно, в виду сумасбродные тетрадки Ильина? Каким путем будете вы опровергать эти сумасбродства фанатиков, вообразивших себя бессмертными, – «таинствами природы просвещенными» людьми, – которых так легко вызвать на прямые богохуления?... Видится, что миссионеру требуется здесь крайняя осторожность, чтобы не отяготить слух свой и других и не поставить себя в положение весьма затруднительное и совсем неудобное... Но всё это не освобождает, конечно, и миссионера от всяких забот, но забот другого рода. Если трудно бороться непосредственно с иеговистами, пропитанными уже фанатизмом, то задача его состоит в том, чтобы влиять на православных, имеющих с ними соприкосновение, – дабы они не увлекались их красивыми словами о равенстве, свободе и полном земном счастье. Для этого-то и необходимо, – разъясняя истинные о сем понятия с христианской точки зрения и неосуществимость со стороны социальной, – ознакомлять в тоже время со всеми сумасбродствами сектантов и с их неверием в Бога и полным материализмом и возмутительными глумлениями. Прямо к безбожию никто не пойдет, а от глумления отворачивается всякий, не до конца испорченный. А что до любви, то не трудно объяснить, что любить друг друга можно и помимо иеговизма, во имя Христа, Единородного Сына Божия, душу Свою за нас положившего. И эта любовь выше и самоотверженнее любви иеговистов только к самим себе, любви *эгоистической*.

Но раз мы видели, что под завесою религиозного сектантства кроются тенденции чисто социальные, на почве безбожия водружается знамя анархизма, то и центр тяжести в борьбе с подобным явлением переносится уже на других лиц, и ослабление и прекращение его становится задачею тех, кто призван блюсти внешний порядок и охранять строй государственной жизни, – да и мы проживем тихое житие. Но не здесь, не в этой зале входить в обсуждение способов к ослаблению с этой стороны общества иеговистов, а равно и других, кое в чём на них похожих, – также под маскою веры скрывающих земные социалистические цели: – также проповедующих уничтожение полиций и судей, при непротивлении даже злу, – хотя инстинктивно всякий из них этому противится и в обиду себя не дает,⁵⁵ – также при этом восстающих и на Церковь, глумящихся над её таинствами и отвергающих Божество Господа Иисуса Христа.

Профессор *Н. Ивановский*

Лисицын М. Свящ. Религиозно-нравственные воззрения Л. Толстого в молодости и в старости. (По поводу книги Д.С. Мережковского: «Толстой Л.Н. и Достоевский») // Миссионерское обозрение 1901 г. № 9. С. 217–232

До самого последнего времени – до издания известного синодального послания – одни из громадного большинства читающей публики знали Л.Н. Толстого, как талантливого беллетриста, как известного автора «Анны Карениной», «Войны и Мира» и проч.; другие – зачитывались и восхищались его философско-богословскими произведениями последних лет. Послание синодальное, привлекая всеобщее внимание к Толстому, довело его до высокой степени напряжения; вся читающая Россия заинтересовалась им и стала знакомиться с сочинениями не одного только периода его писательства: читаются и перечитываются ныне произведения гр. Т-го во всей их совокупности. У таких читателей невольно возникают теперь вопросы: один ли и тот же Л.Н. Толстой, как автор романов и как автор последних по времени его произведений? Что за душевный переворот, происшедший у него? Вопросы эти вполне естественны и законны. Ответ на них дает в книге своей Д.С. Мережковский: «Христос и Антихрист в русской литературе. Л. Толстой и Достоевский». Книга эта в высшей степени важна и тем еще, что в ней автором дается полная, всесторонняя характеристика Л.Н. Толстого, как религиозно-нравственного мыслителя. Автор – г. Мережковский – светский писатель, далеко не церковный мыслитель. Поэтому в каком-либо пристрастии его к «клерикализму» заподозрить не может даже самая придирчивая критика. Значит, все суждения почтенного автора о Л. Толстом и характеристику последнего должно почтить не иначе как за результат одного только всестороннего изучения произведений самого Л. Толстого и литературы о нём.

Свою речь о Л. Толстом г. Мережковский начинает с констатирования факта, что «в русском обществе, отчасти и в критике, утвердилось мнение, будто бы в конце семидесятых, в

начале восьмидесятых годов с Л. Толстым произошел глубокий нравственный и религиозный переворот, который в корне изменил не только всю его личную жизнь, но и умственную и писательскую деятельность, как бы переложил его существование на две половины: в первой он – только великий писатель, может быть и великий человек, но все-таки человек от мира сего, с человеческими и даже русскими страстями, скорбями, сомнениями, слабостями; во второй – он выходит из всех условий исторического быта и культуры; одни говорят, что это христианский подвижник, другие – безбожник, третьи – фанатик, четвертые – мудрец, достигший высшего нравственного просветления, как Сократ, Будда, Конфуций, – основатель новой религии». Сам Л. Толстой как бы подтверждает своё перерождение. «Пять лет тому назад, писал он в 1879 г. в своей «Исповеди», со мною стало случаться очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать. Эти остановки жизни всегда выражались одинаковыми вопросами: зачем? Ну, а потом? Я будто жил-жил, шел-шел, и пришел к пропасти; я ясно увидал, что впереди ничего нет, кроме гибели. – Я всеми силами стремился прочь от жизни. – И вот я, счастливый человек, прятал от себя шнурок, чтобы не повеситься на перекладине между шкафами в своей комнате, где я каждый вечер бывал один, раздеваясь, и перестал ходить с ружьем на охоту, чтобы не соблазниться слишком легким способом избавления себя от жизни». Л. Толстой стал жить тогда в общении с рабочим народом, и вот с ним случился переворот. «Жизнь нашего круга – богатых ученых – не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука, искусство – всё это предстало мне в новом значении. Я понял, всё это – одно баловство, что искать смысла в этом нельзя. – Я возненавидел себя и признал истину. Теперь мне все ясно стало». Этот переворот в жизни Толстого подтверждается и всеми близкими к нему людьми. Брат его жены, между прочим, писал, что «изменилась не только его, Л. Н., жизнь и отношение ко всем людям и ко всему живому, но изменилась и вся мыслительная его деятельность;

что *весь Лев Николаевич сделался олицетворенною идеею любви к ближнему*».

Жена же его писала брату в начале 1881 г., что Л.Н. Толстой «стал христианин самый искренний и твердый».

Несмотря на такие ясные, искренние свидетельства, Д.С. Мережковский не видит в духовной жизни Толстого такого глубокого переворота. Он обращается к произведениям самого Толстого, которые все представляют точнейшую его автобиографию, его внутренние переживания. В «Детстве, отрочестве и юности» 24-х летний Толстой вспоминает мысли и идеи 14–15-ти летнего возраста, когда он стремился уяснить себе вопрос о назначении человека, о бессмертии и будущей жизни; вспоминает, как он, помогая однажды слуге выставлять рамы в окнах, почувствовал умиление христианского самопожертвования и хотел «измучиться, оказывая эту услугу Николаю», как он решил тогда «скорей-скорей, сию-же минуту сделаться другим человеком и начать жить иначе» и как сожалел, что «дурен был он прежде», и радовался тому, как он может быть хорош и счастлив в будущем. Тогда же он решил исправить себя и всё человечество. С этою целью для себя он написал на разлинованном листе обязанности к Богу и к ближним, решив непреклонно выполнять их. Вследствие одних и тех же мыслей о смерти и будущих муках, он однажды, «чтобы приучить себя к страданию, несмотря на страшную боль, держал по 5 минут в вытянутых руках лексиконы Татищева, или уходил в чулан и веревкой стегал себя по голой спине»; другой раз, наоборот, под влиянием тех же мыслей он бросил уроки и дня три «занимался тем, что, лежа на постели, наслаждался чтением какого-либо романа и едою пряников с кроновским медом». Один Толстой, сознательный, смиряется и кается, другой – бессознательный, злой и сильный – «воображает себя великим человеком, открывающим для блага всего человечества новые истины и с гордым сознанием своего достоинства смотрит на остальных смертных», испытывая утонченное, сладострастное, горделивое наслаждение даже в самоотвращении. Который из двух Толстых более искренний?

Если мы сопоставим взгляд самого Л. Толстого из разных эпох его жизни, то увидим, прежде всего, что молодое стремление его к добру («Детство, отрочество и юность») было только умствованиями; первая попытка начать практически осуществлять добро окончилась разочарованием и неудачей, так как при разлиновке бумаги для записи его обязанностей к Богу чернила размазались в продолговатую лужу. Это разочарование с возрастом усиливается, и Нехлюдов (в «Воскресении») уже называет «глупостью всё то, что он знал и чему он верил и что любил; любовь, самопожертвование – вот одно истинное, независимое от случая счастье», думал он, но и они в действительности дали ему, как он заметил через год одно «сухое, разумное довольство». Нехлюдов убеждается в конце концов, что он не умеет делать добро людям, и что мужики тоже недоверчиво смотрят на добродетельные попытки барина. Другой герой – Оленин, сознающий себя безгранично свободным и не успевший еще разочароваться, так как любил себя (и только себя) и верил в себя, видит правду и счастье жизни в сближении человека с природой и опрощении себя, а потому презирает своих московских приятелей, живущих иною культурною жизнью. Больше всего воплощает в себе этот философски-цинический взгляд на жизнь толстовский Ерошка, тоже любящий свободу, желающий жить вне человеческих, культурных понятий о добре и зле, законы которых он выводит для себя из природы. «По моему всё одно. Всё Бог сделал на радость человеку. *Ни в чем греха нет.* Хоть с зверя пример возьми. Он и в татарском камыше, и в нашем живет. Что Бог дал, то и лопают. А наши говорят, что за это будем сковороды лизать. Я так думаю, что *всё одна фальшь.* Сдохнешь, – трава вырастет, *вот и всё*»... Любовь к живому как будто сближает с христианством чувства Ерошки, как и Оленина в другом случае, когда он тоже чувствовал любовь ко всему; но в сущности это – язычество, соприкасающееся с христианством настолько, насколько могут соприкасаться две противоположные крайности. Добродетельные стремления, вытекающие из этой языческой мудрости, терпят неудачу, так как не имеют основы во внутреннем человеке. Оленин, как Иртеньев и Нехлюдов,

также испытал это. Пожертвовав своею любовью к женщине, он потом даже понять не мог, как «мог дорожить таким односторонним, холодным, умственным настроением», а отсюда следовало, что самоотвержение – вздор и дичь и совершенно излишне, так как в душе *искренно* чувствуется только одна *любовь к себе*. Вот в этом *действительно искреннем* сознании героев Толстого (иначе – его самого) и заключается начало и *корень* всех воззрений и выводов толстовского учения; *любовь к себе* или, наоборот, *ненависть* – это две главные пружины, на которых все движется в сочинениях Л. Толстого.

Есть и другое начало, которое движет героями повестей Толстого, это – честолюбие; Оленин мечтает о флигель-адъютантстве подобно тому, как сам Толстой, по собственному признанию, мечтал о георгиевском кресте. Неудовлетворенный в своих желаниях, по нерасположению одного из начальников, он вышел в отставку, и в своих произведениях всегда мстит типу таких начальников. В год освобождения крестьян он намеревался выдвинуться на идейном поприще, работая для крестьян в качестве мирового посредника, но как прежние его попытки делать добро, так и эта «были только любительством, охотою». Женитьба – вот первый серьезный шаг в жизни Л. Толстого. С этого времени у него начинаются заботы об устройстве дома, семьи. Даже свой писательский талант в то время он употреблял, как средство для благоустройства своего дома. Все свидетели этого времени, а также и собственные письма Толстых, говорят о домашних его заботах. Здесь выразилась у Толстого любовь к жизни вообще. С этой стороны он достиг полного счастья и осуществления своих идеалов, так что говорил гр. Соллогубу: «если бы пришла волшебница и предложила мне исполнить моё желание, я бы не знал, что сказать». Но, достигнув этого безотчетного, непосредственного благополучия, он вдруг вздумал заглянуть в потустороннюю долину, и здесь он испытывает, как и Соломон, суету и томление духа. «Я как будто, говорил он, жил-жил, шел-шел и пришел к пропасти»; «я испытывал ужас перед тем, что ожидает меня... ужас тьмы был слишком велик и я хотел поскорее избавиться от

него петлей или пулей». Этот страх смерти был не более, как обратной стороной любви Л. Толстого к жизни.

Разбирая взгляды Толстого на смерть, можно видеть, что на смерть он смотрит, как на *уничтожение* всего, как на переход в абсолютное *ничто*, за которым ничего *нет*; взгляд этот, конечно, языческий, приводящий к нирване буддистов. В этом отношении даже великий язычник нового времени, Гете, стоит ближе к христианству, ибо он говорит о цели жизни делать *преходящее непреходящим*.

В таком духе Толстой пишет о смерти брата своего Николая, который, по его словам, пред смертью вскочил и с ужасом прошептал: «что это? – это, замечает Л. Толстой, он увидел свой переход в *ничто*». Мережковский справедливо сопоставляет этот взгляд Толстого на смерть и будущую жизнь со взглядом еретиков жидовствующих (XVI в.), которые говорили: «А что то царство небесное? А что то второе пришествие? А что то воскресение мертвых? Ничего того несть. Умер кто, – ин по та места и был». А Ерошка у Толстого еще прямее говорит: «умру – трава вырастет». Взгляд – чисто языческий. Тертуллиан, говорит г. Мережковский, утверждает, что душа человека по природе христианка, но, кажется, у Л. Толстого она урожденная язычница. «Если бы, продолжает он, глубина его сознания соответствовала глубине его стихийной жизни, он понял бы, наконец, что ему нечего бояться и стыдиться своей души язычницы, что она дана ему Богом».

Во второй половине своей жизни Толстой рассмотрел эту свою телесную стихийность и решил подчинить её сознанию, как нечто «преступное, злое, то, чему не следует быть». Он решил, по замечанию Мережковского, «до конца возненавидеть душу свою, чтобы спасти её». Теперь он уже всю культурную жизнь обозвал «баловством», и ему, по собственному признанию, «стало все ясно».

«Но 3–4 года спустя это ясное снова затуманилось», говорит Д.С. Мережковский, замутилось, в частности, когда в 1882 во время московской переписи он убеждал богатых людей соединиться для совместной благотворительной деятельности и спасти сначала Москву, а потом и всю Россию. Здесь, по

собственному признанию, Толстой чувствовал некоторую фальшь и неловкость (стр. 52). Настоящий взгляд на частную благотворительность открылся Толстому из простого арифметического подсчета. Он видел, что его работник Семен подавал нищему 3 коп. и просил у него 2 сдачи, но когда у него двух копеек не оказалось, то Семен, перекрестившись, оставил ему Господа ради все 3 коп. Толстой знал, что у Семена сбережений 6 р. 50 коп., а у него, Толстого, 600 т. р.; отсюда следовал вывод, что Толстой должен был бы единовременно подавать нищему по 3 тыс. руб., но он вдался в софизмы. Если, говорил он сам себе, если я и 100 т. р. дам, то не буду еще в состоянии делать добро, ибо у меня останется еще 500 т. р. Вот когда, говорил он, я всё отдам, разорву «слабую паутину» собственности, тогда я буду в состоянии делать добро, иначе же «я, та вошь, пожирающая лист дерева, хочу помогать росту и здоровью этого дерева и хочу лечить его». Он понял, что не возненавидел себя, когда оставил у себя деньги, и вот он решил освободиться от них, освободиться от собственности.

Бытописатель Толстого Берс говорит, что предположение, будто он умолчал о том, что было не в пользу Л.Н., неверно, потому что в жизни Л.Н. *нет даже ничего такого, что приходилось бы скрывать*. У величайших святых были минуты паденья, справедливо замечает Д.С. Мережковский, над апостолом висит грех отступничества, а здесь вдруг такая непорочность, что даже сам Толстой возвестил, что у него тайн нет, «и пусть все знают, что он делает». Но каков же в данном случае Толстой, с такою смелостью заявляющий о своей чистоте, и кто он, – святой или бесстыдник, презирующий людей? – До вопроса о раздаче имущества имеется подробная его исповедь, но с этого момента он вдруг умолкает – и навсегда. Из писем Берса мы узнаем, что он решил непременно раздать имущество, но встретил протест со стороны жены, которая хотела даже учредить опеку над имуществом. Предстояло, таким образом, принести Толстому величайшую жертву, о которой говорит Спаситель: *«уже любит отца, или мать, или жену... паче Мене, несть Мене достоин»...*; «врази человеку домашние его»; слабая паутина оказалось

крепко сотканной на плоти и крови. Св. угодники Божии, напр., Алексей человек Божий и др., в данном случае всё оставляли для Господа; недаром чтит их народ, как своих не только святых, но и героев, богатырей духа, разорвавших узы плоти. Близок сердцу народному дядя Влас, который «роздал всё имение, сам остался бос и гол и собирать на построение храма Божьего пошел»; близок был бы народу и сделался бы народным героем, – теперь лишь *костюмирующийся* в народную одежду – Л. Толстой. «Вот, что должно было бы совершиться, – говорит Д.С. Мережковский, – великий писатель русской земли должен был сделаться *подвижником* русского народа, – явление небывалое, единственное в нашей культуре». – Недаром взоры всего народа устремлены на Толстого и не только на то, что он пишет, но и что делает. Но того, чего можно было ожидать, не случилось: Толстой *действительным* подвижником народа не сделался, а лишь рисуется таким у своих почитателей (последний портрет Репина). Не желая противиться жене насилием, говорит Берс, Л.Н. стал относиться к своей собственности так, как будто её не существует, и отказался от своего состояния, стал игнорировать его судьбу и *перестал* им *пользоваться, если не считать* того, что он живет в яснополянском доме. Вышла новая фальшь: Л.Н. вознамерился, оставаясь верблюдом, пролезать в ушко иглы, оставаясь богатым, «не брать денег в руки, не носить их при себе», – одним словом, не противиться злу, присев у дороги, отдохнуть, быть только наблюдателем жизни, свалив всю тяжесть её и черную работу на других, в частности на жену. Так же, как на отношение к имуществу, народ обращает внимание на другие стороны жизни Толстого, – его домашнюю обстановку, пищу, одежду и работу.

Все наблюдатели отмечают «выдержанность и солидность старинного барства» в доме Толстых и «неуловимую благородную простоту». Л. Толстой не пользуется услугами лакея, он сам убирает свою комнату, напоминающую простотою кабинет Паскаля, сам даже возит на себе воду. Эту свою комнату Толстой не позволил перестроить, уверяя жену, что многие деятели живут и работают в несравненно худших

помещениях, чем он. Но, замечает Мережковский, едва ли многие деятели пользуются такой комнатой, как кабинет Толстого. Он уединен, лишен украшений, но за то ничто не развлекает внимания Толстого, ни даже какая-нибудь безделушка, ни какой-либо звук с улицы. За это спокойствие, «располагающее к размышлению», можно отдать многое. «Это – блаженство и глубокая *нега*», замечает Мережковский, и как она редко, как трудно достижима в больших городах. Рабочая комната в Ясной Поляне еще удобнее. Она в затишье старинного парка из вековых берез и в ней прохладно, как в погребке. «И всё в доме соответствует благородному утонченному вкусу хозяина, его любви к *роскошной простоте*».

В отношении пищи Толстой вегетарианец. Но можно из писем и слов жены его и родных видеть, чего стоит этот стол. Ведь Толстой не постничает так, как вегетарианствовали святые, или даже как наш бедный русский мужичек. Нет, графиня Толстая сама сознается, каких усилий стоило ей достигнуть того, чтобы стол был почти настолько же разнообразен, изыскан и вкусен, как и мясной. Опять *роскошная простота*. «Если бы, говорит Мережковский, Толстой, подобно дяде Власу, ходил по большим дорогам, или, как он это советовал старшему сыну, нанялся в батраки к мужику, ему не удалось бы с такою точностью соблюдать вегетарианский пост, может быть, даже пришлось бы поневоле съесть запретную «убоину», какую-нибудь селедку или печенку со Смоленского» (стр. 65). – Одежда его проста, как и пища, но она сшита, опять-таки по особо выработанному графиней покрою, так удобно, что гости Толстых охотно променивают свои сюртуки и пиджаки на блузы Л.Н. И в этой одежде свойственно ему даже некоторое щегольство, замечает Д.С. Мережковский. «В юности огорчился он тем, что лицо у него «совсем как у простого мужика». Теперь он этим хвастает. Он любит рассказывать, как на улицах и в незнакомых домах принимают его за настоящего мужика иди даже за бродягу». В юности он мечтал получить Георгия, теперь он интересуется более современными знаками отличья, но не всё ли равно какими, говорит Мережковский. Толстой любит запах навоза, но и любит французские духи. В белье у него

всегда лежит саше. «Так Л.Н. изобрел новый утонченный способ наслаждаться ароматами: после навоза запах цветка и духов еще упоительнее» (стр. 68). Точно также физической работой Л.Н. поддерживает аппетит, чтобы после работы блюда всегда делались вкуснее.

Еще одну весьма характерную черту отмечает Д.С. Мережковский у Л. Н., – это любовь к своему *телу, плоти*. Описывая еще первые смутные впечатления детства при купанье в корыте, Л.Н. говорит, что «в первый раз заметил и *полюбил своё тельце*». Вронский тоже испытывал радостное *сознание* своего *тела*. «Кажется, говорит Мережковский, ни в ком эта чистая животная радость плотской жизни, знакомая древним, теперь сохранившаяся только у детей, не выражалась с такою откровенною, первобытною и невинно-бесстыдною обнаженностью, как во Л. Толстом». К старости эта плотность ничуть не уменьшается у Толстого. Готовясь к смерти, он больше думает о плотском, о славе и земном бессмертии. Кто не был у Толстого, начиная от великих писателей, кончая разбойником Чуркиным? «Радостно узнавать про влияние на других людей, потому что только тогда убеждаешься, что огонь, который в тебе, – настоящий, – настоящий, если зажигает», – вот его слова. Или: «Я не заслужил генерала от артиллерии, за то сделался генералом от литературы». «Так сумел он соединить утонченнейшую роскошь и *негу плоти* с последней роскошью и *сладострастьем духа* – *славою*. Где же, однако, заповедь Христа об отречении от собственности, о совершенном смирении и совершенной бедности, как единственном пути в царствие Божие? Где этот соединяющий путь, как бы мост, перекинутый над пропастью, которую вырыли между нашей верою и верою русского народа преобразования Петра? Где великий писатель земли русской в образе великого подвижника?» – с горечью вопрошает Мережковский (стр. 75).

Самые добрые дела Толстой творит не без плотского удовольствия. Погоревший мужик просит лесу для постройки. Л.Н. с Берсом сам отправляется рубить его. Мужик уныло глядит издали. Л.Н. и Берс работают с увлечением. «Л.Н., замечая мою радость, говорит Берс, нарочно уступал мне

работу, как будто этим он хотел мне открыть новые *ощущения*». Когда мужик был отправлен, Л.Н. сказал: «Разве можно сомневаться в необходимости и *удовольствии* такой помощи?» Мужики, по признанию самого Толстого, смотрят на него только, как на рог изобилия, а на его работы, как на господскую забаву. Точно также в «Детстве и отрочестве» Л. Толстой, чтобы услышать похвалу, чтобы найти удовольствие, рассказывает извозчику, как он однажды, забыв сказать один грех духовнику, вторично поэтому поехал к нему и окончил исповедь; и когда вместо ожидаемой похвалы себе Толстой услышал от возницы: «А что, барин, ваше дело – господское?» – то ему сделалось стыдно. Так всю жизнь боролся, мучился этот человек, но не одержал последней победы, не разрушил, как ему казалось, «слабой паутины» собственности, плоти и крови, не сделался народным подвижником, а наоборот, погряз в этой плоти, прикрывшись от неё чужим именем.

Толстой был одинок, как человек, он не приобрел друга. Ни Фет, ни Тургенев не были дружны с ним до конца дней своих. Единственно о смерти кого из писателей пожалел Толстой, – это о Достоевском, с которым он не был лично и знаком. После смерти его он говорил, что «*опора* какая-то отскочила от меня»; Толстой почувствовал, что это был «самый близкий, дорогой, нужный ему человек». Достоевский с его верующим сердцем и гениальным умом действительно мог бы быть им для Толстого. Но с другой стороны – Достоевский во всём представляет яркую противоположность Л.Н. Толстому. Для лучшей обрисовки последнего укажем немного на умственное развитие и на писательский талант их обоих.

Толстой главное внимание сосредоточивает на *внешности*, на *плоти* предметов и её подчеркивает. Чрез внешнее он стремится проникнуть во внутреннюю сторону душевной жизни своих героев. Вот он, напр., подчеркивает «верхнюю губку» на ротике Болконской, по его мнению, характерную; тонкую шею у Верещагина, белую ручку у Наполеона и т. д. Внешние, телесные описания ему и удаются гораздо лучше, чем выяснение внутренних, духовных причин. Каждый его герой так описан, что стоит перед нами, как живой; его поступки до того

ясно объяснены у Толстого из внешних причин, что это искусство можно назвать у него *ясновидением* плоти. По разделению человека ап. Павлом на три части: дух, душу и тело, Толстого можно назвать изобразителем телесно-духовного, или душевного человека, т. е. «той стороны плоти, которая обращена к духу, говорит Д.С. Мережковский, и той стороны духа, которая обращена к плоти, – таинственной области, где совершается борьба между зверем (животной стороной) и Богом в человеке». Эта борьба есть собственная трагедия Толстого. «Он, ведь, сам по преимуществу человек душевный, ни язычник, ни христианин до конца, а вечно воскресающий, обращающийся и не могущий воскреснуть и обратиться в христианство, полу-язычник, полу-христианин» (стр. 197).

Замечательно то, что когда Толстой выходит из пределов описания телесно-духовной природы, душевного человека, талантливость его уменьшается, а есть такие места в его произведениях, где талант его как будто иссякает. Это там, где ему приходится описывать самые внутренние, глубокие духовные причины, а не телесно-душевные. Напр., отношение к болезни Наташи отца её графа Ростова и сестры Сони Толстой описывает так: «как бы переносил граф болезнь своей любимой дочери, *ежели бы* он не знал, что *ежели* она не поправится, то он не пожалеет еще тысяч и повезет её за границу... Что бы делала Соня, *ежели бы* у неё не было радостного сознания *того*, что она не раздевалась три ночи *для того, чтобы* быть наготове исполнить в точности все предписания доктора и *что* она теперь не спит ночи *для того, чтобы* не пропустить часы, в которые нужно давать пилюли... И даже ей радостно было то, что она, пренебрегая исполнением предписанного, могла показывать, *что она* не верит в лечение». Или вот пример в таком же роде: «досадуя на жену за *то, что* сбывалось *то, чего* он ждал, именно *то, что* в минуту приезда, тогда как у него сердце захватывало от волнения при мысли о *том, что* с братом ему приходилось заботиться о ней *вместо того*, чтобы бежать тотчас же к брату, – Левин ввел жену в отведенный им номер». Это – топтание на месте шепелявого старца Акима,

метко подчеркивает Мережковский. Есть в таких случаях прямо грамматические неправильности, которые мог бы исправить любой учитель. Напр., «ему и в голову не приходило, *чтобы* такое веселое для него препровождение времени *могло бы* быть для кого-нибудь не весело». Этого двойного повторения *бы* не допустит и порядочный ученик. Но удивительно то, что эта небрежность объясняется из телесно-душевного склада писателя, становящегося слабым даже в стиле, когда он начинает трактовать о вещах духовных. Замечательно также то, что эти шероховатости стиля остались после семикратной переписки произведений Толстого его женой и его собственных корректур. Чем ближе Толстой к телу, тем глубже и вернее его психология.

Вследствие этого же телесно-душевного склада писателя, у Толстого нет изображения духа эпохи, в которой вращаются его герои. В «Анне Карениной», по-видимому, романе 60-х – 70-х годов, нет духа эпохи, не говорится ничего об идеях, которыми жило общество, его герои – сами по себе. В «Войне и Мире» опять, кроме внешних черт, нет никакой историчности эпохи. Жизненную программу любого из героев этого романа, его интересы можно перенести в какую угодно эпоху.

Из этого же склада Толстого можно объяснить и его взгляды на мир и религию. Везде герои его проповедуют своё тожество и одинаковость с животным миром и даже больше: превосходство последнего. Ерошка говорит, что зверь «умнее человека... *он всё знает*». Это смешение человека со зверем, как известно, было с незапамятных времен у всех язычников. Наоборот, семиты выработали идею Божества, недоступного людям, Бога-ревнителя, Бога огнем поедающего, откуда проистекали и нравственные, по мнению Мережковского, выводы отречения от мира, умерщвления плоти и т. п. Но это семитическое веяние не уничтожило зверя и плоти; мало того, у христианского человечества есть идея о святой плоти. Эта-то идея об «образе зверином» в образе человеческом, в «образе и подобии Божии» и составляет родник творчества у Толстого; «тут, думает Мережковский, у него просвет и выход в какую-то другую бездну, в другое небо» (стр. 254). Эти семитические и арийские

взгляды сквозят в рассуждениях Толстого. «Добродетель несовместима с бифштексом», – это такой же рабский и плотский закон, говорит Мережковский, как и тот, который повелевал умиловать Бога кровавыми жертвами. Но и у семитов древний пророк Исаия возгласил свободный принцип: *милости хочу, а не жертвы*. Если и перестанут люди вкушать от убоины, то потому, что *захотят* это сделать. Из жалости Толстого ко всякой «Божьей твари» (отсюда вегетарианство) вытекает не нравственное действие (которое тогда нравственно, когда *свободно*), а в сущности ветхий завет, религиозное созерцание.

Л. Толстой стремится заглянуть в бездну. Его интересует вопрос, когда он начался («Первые воспоминания»), и он приходит к выводу, что от пятилетнего ребенка до него один шаг, от новорожденного до пятилетнего страшное расстояние, от зародыша до новорожденного пучина, а от несуществования до зародыша уже непостижимость. В эту бездну плоти никто из писателей не заглянул так глубоко, как он. Мережковский полагает, что Толстой «в наш век всеобщего идолослужения пред безумной плотью, хотя и смутно, но предчувствовал ту глубину религиозного созерцания, где открывается в религии, так же как древним открылась в искусстве, – святость всякого тела, духовность всякой плоти. Иуда, объясняет он, потому не принял таинства крови и плоти, что для него, истого иудея с представлением о Боге поядающем, как огонь, было кощунством подумать, что Бог Сам становится жертвой. «Он не понял, что Дух и Слово может быть плотью и кровью. Другие приняли, но тоже не поняли, что кровь и плоть может быть Духом и Словом» (стр. 269).

Мережковский уверен, что Толстой в «пучине» и «непостижимости» всего живого увидел тот свет, который ведет к выходу в другую половину мира, в другое небо. «Еще бы один шаг, говорит он, и Толстой бы узнал, что небо внизу и небо вверх (земного шара) одно и то же небо». Но он этого шага не сделал. Небо подземное ему показалось язычеством, и он устремился к небу надземному, которое он одно признал христианским.

Герои Достоевского, в силу преобладания в писателе духовных начал, все отличаются развитием личности (из «я»). «Я обязан заявить *своеволие*», говорит Кириллов. Они стоят за свою истину, за своего Бога. По этой же причине у Достоевского нет эпоса, а скорее трагедия; у него не узнаешь по внешней стороне речи, кому она принадлежит, – Карамазову-отцу или старцу Зосиме, но по звуку, по внутреннему звучанию речи это всегда можно сделать. Оттого же Достоевский, в сравнении с Толстым, мало описывает внешность своих героев; их обрисовывают звуки их голоса. Все действия своих героев Л. Толстой объясняет внешне, физиологически; наоборот, у Достоевского преобладает духовная сторона. Раскольников стоит на лестнице, ожидая, пока сердце не перестанет биться, но оно, не переставая, билось всё сильнее и сильнее. – «А тела своего он почти и не чувствовал на себе». То же чувство бесплотности испытывается в известные моменты и всеми другими героями Достоевского.

Но если Достоевский мало занимается внешностью своих героев, то он подробно зато описывает внутренние их состояния и, что еще замечательнее, он с такою же мелочною, реальною подробностью описывает привидения, являющиеся его героям, с какою Толстой описывает физиономику своих действующих лиц. В этом отношении особенно поразительно описание привидения в образе скорпиона, виденного чахоточным Ипполитом («Идиот»), а также длинный разговор Ивана Карамазова с чертом (у Толстого привидений нет).

«Таким образом Толстой, замечает Д.С. Мережковский, – величайший изобразитель человеческого тела в слове; он первый (после скульпторов) дерзнул обнажить человеческое тело от всех культурно-исторических покровов; снова задумался арийскою думою о соединении образа Божьего и звериного в образе человеческом, – о Боге-звере. Вместе с тем над всеми произведениями Толстого веет еще и семитский ужас пред этим зверем, отвращение и ужас пред обнаженным телом, перед человеческим «мясом». Но вместе с тем Л. Толстой первый, хотя еще и слишком смутно, предчувствовал возможность окончательной победы над этим ужасом, возможность уже не

бесплотной святости, а святой плоти, не бестелесной духовности, а духовного тела, – более духовного и более святого, чем даже во времена самого доныне совершенного из всех обожествлений плоти, – древнеэллинского».

«Так же, как Л. Толстой в бездну плоти, заглянул Достоевский в бездну духа и показал, что верхняя бездна равняется нижней, что одну ступень человеческого сознания от другой, одну мысль от другой отделяет иногда точно такая же «пучина», «непостижимость», как «человеческий, зародыш – от небытия». И он боролся с не меньшим, чем ужас плоти, с ужасом духа, – слишком яркого и острого сознания («слишком сознавать – это болезнь»), – с ужасом всего отвлеченного, призрачного, фантастического и в то же время *беспоощадно-реального, действительного*... Достоевский показал, что человеческое сознание подобно направленному лучу в ночное небо самого яркого света; пока земные туманы и облака все еще покрывали небо, луч света ими задерживался, и людям казалось, что у неба есть дно, что свету сознания идти дальше некуда; но когда облака рассеялись, и за ними открылось темное ясное небо, то управлявшие светом увидели, что чем ярче и длиннее луч, тем глубже мрак неба, и что у этой глубины нет вовсе дна. Достоевский один из первых понял окончательно, что между разумом и сердцем есть согласие, соединение, что лишь высшая ступень научного сознания может дать людям высшую степень религиозного чувства».

Свою характеристику Л. Толстого г. Мережковский обобщает в одном метком и совершенно справедливом названии его «тайновидцем плоти». Плоть, плотность, душевность и совершенное отсутствие высшей духовности – вот основа жизни и деятельности героев его повестей и главное содержание, а равно и основное начало его философско-богословских писаний. При таком взгляде на Л. Толстого, – он для нас становится понятным и не самопротиворечащим, объяснимыми являются происхождение и содержание его юношеских беллетристических и старческих богословских противохристианских сочинений!

Свящ. М. Лисицын

И. П. Насколько правды в статье г. Шарапова: «Где правда?»⁵⁶ // Миссионерское обозрение 1901 г. № 9. С. 233–248

Г. Шарапов известен, между прочим, как верный, истинный друг старообрядцев, приемлющих так называемое австрийское священство. Последователями поповщинского раскола он, можно сказать, прямо восторгается, восхваляет их, ставит в разных отношениях в образец православным. Превозносит г. Шарапов и раскольническую духовную литературу. «Я, говорит он, прочитал много старообрядческих полемических книг, был поражен глубокой ученостью и великолепной эрудицией их богословов».

Необходимо, однако, заметить и твердо помнить, что г. Шарапов любит и защищает не всю австрийщину, а лишь как называемых *окружников*. Об этом ограничении объекта своих симпатий он неукоснительно заявляет и со всею решительностью.

В своём ответе на письмо епископа Антония (Храповицкого) г. Шарапов писал: «Русский Труд» проводит строгую между раскольническими группами разницу. Подразделяя раскольников по общепринятому порядку на поповцев и безпоповцев, г. Шарапов в том же своём ответном письме, между прочим, говорит: «старообрядцы поповцы делятся по отношению их к господствующей Церкви на три группы. Во-первых, австрийцы, или австрийское согласие, основавшее свой особый церковный центр в Белой Кринице, в Австрии. Огромная часть этих старообрядцев молится за Государя, поминая Его имя на проскомидии, и присоединилась к «окружному посланию», смысле коего тот, что господствующая Греко-Российская Церковь сохраняет таинства и благодать апостольского преемства, но общение с нею невозможно, во-1, из-за её обрядов и новшеств, во-2 и главным образом, из-за канонических отступлений по-никоновского периода. Другая, меньшая часть, неокружники или противокружники отвергли «окружное послание» и остались на почве старой нетерпимости

и фанатизма. По их верованию, русская «никонианствующая» Церковь лишена благодати, предалась антихристу и т. д. С этой группой разговоров быть не может, да и серьезных элементов здесь нет» (третья группа беглопоповцы).⁵⁷ Итак, только «окружников» г. Ш-в считает «истинно-доблестными, истинно-церковными и истинно-русскими людьми».⁵⁸ «Окружники», по своим догматам, чисто православные люди. Никаких даже «мнений», отличных от Церкви, т. е. несогласных с канонами и преданием церковным, у них нет. Разделяют их с нами единственно их непокорство русской церковной власти и обряды.⁵⁹ К «окружному посланию» присоединилась, по словам г. Шарапова, огромная часть поповцев. Количество их он считает целыми миллионами.⁶⁰

Решительно и очень самоуверенно подразделяет г. Шарапов раскольников на группы и с видом настоящего знатока современного раскола характеризует нравящуюся ему группу «окружников», состоящую из нескольких миллионов. Но так ли всё это? Не подновляет ли в данном отношении г. Шарапов тип Дон-Кихота, хотя, так сказать, и с другого конца? Тот сражался с мельницами, а этот не защищает ли призраки? Посмотрим.

О разделении раскольников на группы вот что, напр., говорится во всеподданнейшем отчете г. Синодального Обер-Прокурора за 1891 год (стр. 169–170): «раскольники, приемлющие австрийскую и белокриницкую лжеиерархию, подразделяются на две партии. Делиться они начали со времени издания (в 1862 году) так называемого окружного послания, творцом которого был приобретший большую известность в истории раскола старообрядец Иларион, по прозванию Ксенос. Окружное послание вызвало нескончаемые споры, пререкания и раздоры, в которых приняли участие все старообрядцы по австрийскому согласию, – и духовные, и миряне, разделившись на противокружников и окружников, а последние, в свою очередь, на истинных окружников и мнимокружников. Наиболее многочисленную партию составляют мнимокружники, хотя формально и принимающие окружное послание, но совершенно не дорожащие им. Для заведования внутренними и внешними своими делами они

имеют в Москве «Духовный совет», состоящий, главным образом, из мирян. Номинальным главою мнимоокружников считается лжеархиепископ московский Савватий,⁶¹ а действительными заправителями и вершителями всех дел в этой партии являются светские члены совета, богатые московские коммерсанты, у которых духовные его члены и сам Савватий находятся в беспрекословном послушании. – Во главе партии истинных окружников стоит братство Честного Креста. Хотя это братство учреждено в подражание и по образцу православных братств, однако учредители его, должностные лица и члены – все миряне.

Сопоставляя речи г. Шарапова о делении раскольников на партии с сейчас приведенною выдержкою из всеподданнейшего отчета г. синодального Обер-Прокурора за 1891 г. (изд. 1893 г.) касательно того же предмета, видим, что г. Шарапов, по незнанию, а может быть и намеренно, не договаривает очень важного и существенного. Он умалчивает о делении окружников на действительных последователей окружного послания и на мнимых приверженцев его, называемых также лжеокружниками. Этих последних, как замечается и во всеподданнейшем отчете, между окружниками наибольшая часть. Казалось бы, почитателю раскола не знать этого деления непростительно, а знать и умалчивать об этом – еще того более.

Мнимоокружники, как сказано о них во всеподданнейшем отчете, лишь формально принимают окружное послание, на деле же совершенно не дорожат им. Но сказать про лжеокружников, что они совершенно не дорожат окружным посланием и лишь формально принимают его, мало: они в расчетах на тот или другой интерес для своей партии всегда готовы даже совсем отказаться от него. И было уже несколько случаев, когда лжеокружники формально отказывались от окружного, предавали его уничтожению и даже проклятию. Из этих случаев скажем здесь о том, который имел место в половине восьмидесятых годов и который нам более известен.

Ближайшею причиной, побудившею лжеокружников формально отказаться в указанное время от окружного послания и предать последнее уничтожению, было тогдашнее

внутреннее состояние противокружнической партии, точнее же говоря, иерархические в этой партии неустройства.

Как известно, у окружников и у противокружников есть свои епископы. У противокружников к 1884 году освободилось место московского епископа. Естественно, что каждому из противокружнических иерархов желательно было занять богатую московскую кафедру. И вот из-за желания обладать этою кафедрою началась между противокружническими епископами вражда, взаимные препирательства, безобразные ссоры, доходившие до проклятий друг друга. У каждого из епископов были приверженцы, питавшие друг к другу не меньшую вражду и ненависть, как и их духовные владыки.

Возмущенные этими безобразными ссорами, некоторые противокружники (в числе пятидесяти), 10 октября 1884 года, подали московскому архиепископу окружников Савватию прошение, в коем высказали желание соединиться с обществом окружников и изложили условия, на которых могло бы произойти это соединение. Главным из этих условий они поставили общесоборное уничтожение окружного послания. Савватий ничего не мог ответить на их просьбу, а обещал лишь предложить оную на обсуждение духовному совету.⁶² Духовный совет, мечтая о водворении мира в старообрядчестве и вовсе не дорожа посланием, готов был согласиться на его уничтожение, или точнее, на подтверждение прежде изданных (1863, 1864 и 1868 г. г.) актов об уничтожении послания. Но нужно заметить, что за каждым уничтожением послания, изданным от того или другого епископа или от собора, следовало обыкновенно восстановление и подтверждение послания теми же епископами и тем же собором. Против уничтожения окружного восстали – было светские раскольнические власти из купцов и Пафнутий, лжеепископ казанский, некогда и прежде сильно ратовавший за окружное послание. Но скоро светские верховные решители старообрядческих дел по своим дипломатическим соображениям, в виду чаемого слияния партий и ожидаемых отсюда благ для старообрядчества, изъявили благосклонное согласие на издание духовным советом грамоты в желаемом

противоокружниками смысле. Равным образом и Пафнутий казанский, как оказалось, некогда ратовал за окружное послание совсем не по убеждению, а только по вражде к Антонию Шутову, которого ненавидел за его безпоповские убеждения и лично, как соперника, предвосхитившего себе честь первенства между старообрядческими епископами. Теперь, когда Антония не существовало, он не затруднился пожертвовать окружным посланием. Итак, Савватий со своим духовным советом и с согласия почти всех епископов-окружников, 1 декабря 1884 года, снова предали окружное послание уничтожению.

Отрекаясь же от окружного послания, Савватий и его духовный совет, очевидно, отрекались и от изложенных в оном учений и, следовательно, принимали противоположные им, т. е. противоокружнические. А противоокружники проповедуют и исповедуют, что под именем *Иисуса* Великороссийская Церковь верует в иного Бога, что крест четвероконечный есть печать антихриста, что молиться и приносить просфору за предержавшую власть не должно. Таким образом, уничтожая послание, Савватий и его духовный совет навлекали на всё старообрядчество великий позор, ибо являлись восстановителями старых нечестивых, возмутительных раскольнических учений, которые достопочтенный автор окружного (Иларион Ксенос) с таким тщанием, со столь великими, хотя и тщетными, усилиями старался опровергнуть и исторгнуть из старообрядчества.

Всё это, полагаем, не безызвестно г. Шарапову. Зачем же он тогда утверждает, что окружники – чисто-православные люди не только «по своим догматам», но у них нет никаких даже и «мнений», отличных от Церкви? Но скажут, это – мнимые окружники, лжеокружники. Конечно, это так; но г. Ш-ву следовало бы это самому оговорить и со всею определенностью, и – повторяем – странно, что он этого не делает. Ниже мы будем иметь случай сказать: насколько чисто-православные люди по догматам своим и старообрядцы партии истинных окружников. Теперь же скажем о том, к каким

ближайшим последствиям привело уничтожение окружного послания.

Уничтожение окружного послания возбудило в этой партии споры и несогласия, внесло беспорядок туда, где до того все казалось стройным и, по-видимому, прочно организованным, следовательно, послужило к существенному вреду самой партии.

У окружного послания нашлись защитники, из коих главным явился епископ Сильвестр Балтский, ученик и друг автора послания (Ксеноса) и непоколебимо верный этому посланию. Он вскоре же по издании духовным советом акта об уничтожении окружного прислал в Москву решительный протест против всяких уступок противокружникам и умолял всех окружников не срамить себя пред миром уничтожением окружного послания. Грамота Сильвестра с любовью принята была ревнителями послания. Вслед за Сильвестром и некоторые попы стали отрицать правильность действий духовного совета касательно окружного послания. Искренние окружники в особенности смущаются тем, что уничтожителей послания сам учредитель их нынешней иерархии, митрополит Амвросий, в грамоте от 28 октября 1863 года, предал проклятию, которое поэтому всею тяжестью своею легло и на новых уничтожителей послания.

Когда дело об окружном послании приняло острый характер, окружниками решено было созвать нарочитый собор своих епископов, который, действительно, и состоялся в сентябре 1885 года. На собор прибыло пять раскольнических епископов и в числе их Сильвестр Балтский. Последний, прослышав, что на соборе И. Шибаетов, купец, влиятельнейшее лицо в лжеокружной партии, и Савватий замышляют подвергнуть его суду за распространение послания, пригласил с собою в Москву двух известных в Стародубье начетчиков, готовых твердо стоять за окружное послание, – Е. Бушева и Г. Максимова. Собралось также не мало раскольнических попов. Собрания собора, открытые 9 сентября, происходили в обширной квартире Савватия.

Еще ранее первого собранного заседания вышеупомянутые стародубские начетчики Бушев и Максимов имели продолжительные препирательства с некоторыми из защитников изданного духовным советом подтверждения прежних уничтожений окружного послания. Эти последние утверждали, что духовный совет и после сего подтверждения вполне признает истинность учения, изложенного в окружном послании. Бушев отвечал, что долг истинных пастырей требует учить тому, что признают за истину. Защитники духовного совета представляли еще в его оправдание, что будто бы он признал только, что прежние соборные уничтожения окружного были действительно изданы, но с этим, будто бы, отнюдь не соединял признания правильности означенных определений. Бушев отвечал: «Полно-те, отцы, оправдывать то, чего нельзя оправдать! Ложь духовный совет говорит, когда утверждает, что будто бы прежние соборные определения об уничтожении послания доселе не были отвергнуты. Никто из истинных окружников их не признавал и не признает, а считает грязными бумажонками». Бушев прямо заявил, что когда на соборе дело коснется окружного послания, то говорить правду в его защиту он не побоится не только Шibaева, но и самого Солдатенкова, – Шibaев и Савватий с духовным советом поняли, что с такими настойчивыми людьми, как Сильвестр и Бушев, спорить опасно. Поэтому признали за лучшее совсем не возбуждать на соборе дела об окружном послании и о рассылке Сильвестром посланий в его защиту; даже просили чрез некоторых лиц и самого Сильвестра с его спутниками, чтобы они на соборе не возбуждали этого дела. Последние согласились.

Между тем, Шibaеву со сторонниками все-таки хотелось открыть сношения с противоокружниками и открыть, для большей авторитетности, от имени собора. Но не было надежды, чтобы Сильвестр согласился допустить эти сношения на желаемых Шibaевым условиях, т. е. с отречением от окружного послания. Придумали было поэтому издать от собора только письменное поручение духовному совету, что бы он по соборному уполномочию открыл сношения с противоокружниками о примирении. Составлено было в таком

смысле соборное постановление, где с намерением не упоминалось ни единственным словом об окружном послании, равно как не говорилось и о том, на каких условиях собор желает устроить примирение. Но хитрость эта не удалась. Сильвестру разъяснили лукавую цель определения и действительный его смысл, и он потребовал, чтобы в определении было упомянуто, что причиною разделения обеих, ищущих соединения сторон, служит окружное послание, а также и о том, на каких основаниях может быть восстановлено желаемое соединение. Решено было сделать Сильвестру уступку и исправить определение в удобном ему смысле, имея в виду, что по отъезде его из Москвы можно будет не стесняться этими поправками: важно то, чтобы иметь от собора поручение и действовать именем собора. Поручение это подписал и Сильвестр.

По отъезде Сильвестра, Шибает с Савватием и прочими членами совета, действительно, стали распускать слухи, что последний собор, значит и Сильвестр, признал, согласно грамоте, изданной духовным советом 1 декабря 1884 года, действительными и имеющими силу акты об уничтожении окружного послания: ибо – де и сам Сильвестр на соборе не признал нужным восставать против законности изданной советом грамоты об уничтожении окружного послания. Мало того, начали даже говорить, что Сильвестр не только отрекся от окружного послания, но и просил у собора прощения за давнее несогласие с прочими епископами. Вот к чему привели, как и можно было предвидеть, малодушие и уклончивость Сильвестра, согласившегося на льстивые просьбы Шибаета – не возбуждать на соборе вопросов об окружном послании!...

Духовный совет лжеокружников не замедлил воспользоваться данным ему от собора поручением – войти в сношение с противокружниками по вопросу о примирении. В 1885 году в ноябре месяце был в Москве собор и противокружнических епископов. К этим-то епископам, по приказанию Шибаета, и написано было «приглашение» и, разумеется, совершенно не в том духе, как требовалось в «поручении» собора от 9 сентября: в «приглашении» ни разу не

упоминалось ни об окружном послании, ни об условиях примирения. Однако хитроумный Шibaев со своим духовным советом очень ошибся, думая фразами провести противокружников. Противокружники всегда хорошо понимали выгоды своего положения относительно окружников, — они и теперь знали, что эти последние, отрекаясь от окружного послания после того, как 20 лет имели из-за него распрю и вражду с противокружниками, этим самым отдают себя им в руки, запутываются в противоречиях и не могут требовать с их стороны никаких уступок или условий, а должны, как повинившиеся в своей окружнической ереси, только искать у них прощения и подчиниться чиноприятию, какое им предложат.

На «приглашение» противокружники сначала послали письменный, искусно составленный ответ, в котором ярко были выставлены те противоречия, в каких запутались окружники. Вскоре после письменного ответа противокружники два раза являлись к Савватию для устных бесед; но оба раза были не приняты и им даже пригрозили дворниками, если опять явятся.

Итак, игра с противокружниками никакой пользы лжеокружнической партии не принесла. А между тем последние своим заискиванием пред первыми сделали вызов и истинным окружникам: распря в окружнической партии поднялась с новой силой. Слух, который Шibaев и Савватий всюду распространяли относительно Сильвестра, что и он будто бы на соборе отрекся от окружного послания и просил у собора прощения за бывшее несогласие с прочими епископами и за распространение своих писем в защиту послания, дошел до Сильвестра и возмутил его своей несправедливостью.

Для защиты послания от нападков духовного совета истинные окружники составили в Москве особое братство, или вернее, возобновили существование прежде учрежденного братства. Об этом-то братстве Сильвестр писал (в 1885 г.) своим московским друзьям: «благодарение Богу, что братство наше *возобновляется*». Вступить в члены этого братства и постоять за окружное послание изъявили готовность даже некоторые духовные лица, не взирая на то, что этим должны навлечь на себя гнев Савватия и духовного совета, именно: поп

Константин, архидиакон Исихий, будучи еще письмоводителем духовного совета и главным секретарем при Савватий, и диакон попа Епифана Василий. Первое собрание возобновленного братства (во имя Честного Креста) состоялось еще в ноябре месяце (22 ч.) 1885 года. В собрании этом была отслужена панихида по авторе окружного послания Иларионе Георгиевиче, чем собравшиеся хотели именно заявить духовному совету и всем лжеокружникам – гонителям и уничтожителям послания, что не признают произнесенных ими незаконных уничтожений знаменитого произведения Илариона Георгиевича. Панихиду совершал упомянутый поп Константин с дьяконами Исихием и Василием; пели общим хором все ревнители окружного послания, коих набралось более сорока человек. После панихиды было прочитано несколько избранных мест из окружного послания и др. сочинений Илариона. При чтении произнесена было много восхвалений последнему, – говорили: он отделил нас от безпоповцев и освободил от их заблуждения, а духовный совет и сам впал, и других толкает в это заблуждение. Немало также произнесено было осуждений Шибаеву с духовным советом, что они, числясь окружниками и даже находясь во главе их, тщатся уничтожить окружное послание и истребить его из памяти.

Достойно примечания следующее. На собрании братства (22 ноября) присутствовали некоторые из лжеокружников и азартно спорили с истинными окружниками. При споре один из лжеокружников (Инвалидов), вынув из кармана книжку *«Братского слова»* и держа её в руках кричал: «вы собираетесь служить по отступнике! Ведь автор окружного послания похвалял великороссийскую Церковь и называл её соборною Церковью!» Случай этот, говорил в своё время достопочтенный Н.И. Субботин,⁶³ любопытен в том отношении, что подтверждает наше соображение о том, почему Ксенос, при всём своём расположении к православной Церкви, не решился на присоединение: если и теперь одни только известия о его расположении к Церкви приводятся врагами окружного послания в доказательство, что послание, писанное мнимым «отступником», подлежит осуждению, – то как бы он уронил

авторитет послания в глазах раскольников, если бы действительно присоединился к Церкви, т. е. сделался, по мнению раскольников, действительным отступником? Уронить своё послание он боялся всего больше на свете, и эта боязнь погубила его, – заставила умереть на пороге Церкви, но не в Церкви...

Не смотря на гонения, воздвигнутые духовным советом на членов братства, имеющего своею задачею отстоять окружное послание, в январе месяце 1886 года было второе собрание братчиков в квартире Боева. На собрании этом признали нужным обратиться с вопрошениями к противокружническому московскому епископу Иову: находить ли он в окружном послании какие-либо ереси? если находит, то какие именно? а если не находит, то правильно ли он отделяется от них – окружников? Такие же точно вопросы, за подписом Боева, Бриллиантова, А. Егорова и др., – всего пятнадцати человек, – разосланы были и другим противокружническим епископам, а также многим влиятельным лицам в среде противокружников. На некоторых вопросы произвели впечатление в пользу примирения с окружниками; но впечатлению этому много повредило то обстоятельство, что сами же окружнические епископы неоднократно уничтожали послание. А потом явились и ответы, составленные одним из противокружников, совсем подорвавшие силу вопросов.

Ответы написаны очень резко, но за то и очень ярко выставляют противоречия, в которых запутались окружники. У противокружников, как уже и замечалось выше, весьма твердая почва для борьбы с окружниками. Они всегда могут ответить последним: «обратитесь с вашими вопросами прежде к своему духовному совету, – спросите его, какое он имеет понятие о послании; если он скажет вам, что признает послание справедливым, то спросите его, почему он уничтожает послание; если же скажет, что признает послание несправедливым, то спросите, почему он находится в разделении с нами, отвергающими его»? Эти мысли, обыкновенно высказываемые противокружниками, ставят искренних окружников в безответное положение, коль скоро они

не порывают еще окончательной связи своей с духовным советом лжеокружников.

В сентябре 1887 г. в Москве был собор лжеокружнических архиереев по делам двух запрещенных из их партии епископов (Силуана донского и Алексея самарского) за разные безобразные деяния последних. На этом же соборе фигурировал в качестве обвиняемого и Пафнутий казанский. У него к тому времени особенно обострилась вражда к Паисию саратовскому.

Пред самым закрытием этого собора на имя его поступила от противоокружников очень неприятная для лжеокружников бумага, озаглавленная «извещение». В «извещении» этом противоокружники, между прочим, писали: «(с нашей стороны) подано было (в ноябре 1885 г.) Савватию (письменное) разъяснение (неправоты окружного послания); но к удивлению, ни Савватий, ни духовный совет в течение 15 месяцев не могли дать никакого возражения. И затем в истекшем феврале месяце сего 1887 года от нашей худости в духовный совет было подано шесть вопросов с просьбою разрешить заключающиеся в них сомнения о правоте состояния общества окружников и доказать правоту послания божественным писанием. И с подания наших вопросов протекло уже немало времени, а никаких ответов не последовало. Секретарь духовного совета Перетрухин всем похваляется, что составил на наши вопросы ответы, но нам не вручает их; мы его о сем несколько раз просили, но он только хвалится. Он имеет значение среди вас, окружников, вместо профессора, а ответов нам никаких не дает. Это, значить, пустой похвальбишка, который за мзду что угодно готов написать, а против правды у него и слов никаких нет». Изложив несостоятельность окружников в сношениях с противоокружниками, авторы «извещения» делают следующее весьма неприятное для окружников заключение: «Всем ясно видно, что ложное учение (окружного послания) вы не в силах оправдать, потому что лжи нет никакого оправдания. И вы хотели себя оправдать уничтожением, которое вами совершено было три раза, а Анастасий, ваш епископ, со своими попами на соборе в Кишиневе⁶⁴ окружное не токмо уничтожению, но даже

и проклятию предал, а Сильвестр балтовский, напротив, уподобляет (окружное) даже Евангелию Христову. О, увы, вашего безумия!... О, вашего непостоянства и коловратности!... У еретиков того не было, что ныне у вас содевается! Метаются, яко рыба на суше: то уничтожают, то крепко его держатесь!»...

Так язвительно характеризуют противоокружники лжеокружников, и у последних, действительно, «нет никакого оправдания». Таковыми безответными за своё позорное отношение к окружному посланию должны, конечно, казаться лжеокружники и другу раскола г. Шарапову. Между тем, из таких-то лживых почитателей окружного послания и состоит, можно сказать, почти вся окружническая партия. Их, действительно, громадное количество, начиная с московского архиепископа и духовного при нём совета. Москва – главнейший центр современного раскола, и на Москву устремлен внимательный взор всего старообрядческого мира. В ней и законоположники и верховные вожди раскола.

Но г. Шарапов, как надо полагать к его же чести, дружит не с лживыми почитателями окружного послания, так позорно ему изменяющими, а с искренними его последователями. Предположить противоположное значило бы прямо оскорбить почтенного публициста.

Но как ничтожно количество искренних окружников, по крайней мере, в главнейшем центре раскола, – Москве, можно судить по следующему явлению. Представителями истинных окружников в Москве, как и нам известно, являются члены московского так называемого «Братства Честного Креста». Они, т. е. члены братства, имеют обыкновение в некоторые нарочитые дни собираться, между прочим, для служения панихиды по авторе окружного послания, Иларионе Ксеносе. Собирались они и в 1886–1887 гг. Заблаговременно они обращались к московским духовным властям с просьбою о присылке им, братчикам, попа для служения панихиды по Ксеносе и прочим ревнителям окружного послания. Но московские власти, поголовно принадлежащие к лжеокружникам, не дозволили ни одному попу отслужить для братчиков панихиду, и панихида служилась без попа. Факт очень

красноречивый!... Вот до чего дошла вражда к драгоценному творению Ксеноса, к его пресловутому «окружному посланию» у московских лжеокружников!... Только крайняя близорукость или намеренное закрытие глаз могут не замечать такой фанатической вражды последних к творению Ксеноса и расточать громкие похвалы окружникам, ненавидящим окружное послание, отмечающим его.

Заслуживают, однако, справедливого упрека и сами истинные окружники и притом за измену тому же окружному посланию. Действительно, они мужественно защищают это последнее и готовы считать оное чуть не Евангелием; но тем удивительнее, что они далеко не во всей полноте содержат изложенное в нём учение. Они не дорожат и самым существеннейшим в этом учении. В доказательство этого мы укажем на следующее.

В половине 80-тых годов бывший в то время еще раскольническим священно-иноком Арсений (Онисим Швецов) особенно ревностно распространял им же восстановленное и развитое лжеучение Павла Белокриницкого о подвременном рождении Сына Божия. В октябре 1888 года окружнические архиереи для суда над еретиком Швецовым собрались в Москве. Пред собором этим Швецов повинился в своей ереси и дал очень тяжелое для его самолюбия, при его известности в расколе, обязательство – не издавать никаких богословских сочинений, так сказать, без предварительной цензуры духовного совета и епископов, вполне им, однако, презираемых.

К великому позору окружнической партии, на соборе выяснилось, что в еретичестве повинен не один только Швецов, и что у последнего находятся соучастники и защитники даже из числа именуемых епископов. В числе соучастников Швецовской ереси оказались и «братчики», выдающие себя ревнителями окружного послания, с их владыкой Сильвестром во главе. Последний под давлением членов братства, зачитывающихся сочинениями Швецова, на соборе показал себя двоедушным. На первом заседании собора Сильвестр был против Швецова, а уже на втором – повел иную тактику. Он заявил, что с пререкаемым вопросом вовсе незнаком и поэтому отказывается

входить об нём в какие-либо рассуждения. «Признание поистине неожиданное и позорное для раскольниковского архиерея!» – справедливо говорит Н.И. Субботин. Хорош же архиерей, не понимающий, кто прав, – тот ли, кто, по символу, исповедует Сына Божия рожденным от Отца «прежде всех век», или тот, кто, вопреки символу, учит и доказывает, что Сын Божий родился вместе с веками? Чему же научит своих пасомых раскольниковский архиерей, не имеющий понятия даже об основных догматах православной веры?!...»

Своим соучастничеством в ереси Швецова «братчики», выдающие себя ревнителями окружного послания, – повторяем, – навлекли на себя великий позор. «Окружное послание и белокриницкий устав! Ксенос и Швецов! Что тут общего? – спрашивает Н.И. Субботин. И не оскорбляют-ли именуемые «братчики» память злополучного Ксеноса, соединяя его безукоризненное имя с именем Швецова, защищая в одно время и изложенное в окружном послании учение и еретические измышления швецовских сочинений! Бедный Ксенос! восстань, и виждь, и внемли, что творят, и как безумствуют глаголаные защитники твоего достолюбезного послания, выдающие себя за твоих единомышленников и почитателей. Ты готов был до пролития крови защищать «гонимого Иисуса» Сына Божия, иже от Отца рожденного прежде всех век, прежде всех мгновений времени, «ибо, – говорил ты, – никогда не было ни одного секунда, в который бы Отец не имел Сына», а они, эти глаголемые твои почитатели, и Сильвестр, на которого возлагал ты столько надежд, проповедуют вместе с Швецовым, что Сын рожден от Отца «в первом изречении: да будут вещи», а дотоле Отец не имел Сына, что «рождение Сына и исхождение Св. Духа совершилось с настанiem веков, во главе которых стоит (какой-то) век Божия днесь»...

Как сказано выше, Швецов в ересях своих повинился пред собором окружнических архиереев (в октябре 1888 г.) и просил у собора прощения. Оказалось, однако, что покаяние Швецова было фальшивое. Впоследствии он издал сочинение под заглавием «Исповедание веры», в котором «предает проклятию

и анафеме» всех тех, кто мудрствует не так, как он («Миссионер. Обзор.» 1901 г. Апрель, стр. 576).

И. П.

(Окончание следует).

Из миссионерских дневников, летописей и записок

**Еще по поводу «ответа» гр.. Л.Н. Толстого Св.
Синоду // Миссионерское обозрение 1901 г. № 9. С.
249–266**

1) Справедливо ли учит гр. Толстой, что любовь приобретается «молитвой, состоящей в восстановлении и укреплении в своём сознании смысла своей жизни и своей зависимости только от воли Бога»? (Открытое письмо к бывшему единомышленнику графа Толстого М. А. Н-ову)

Дорогой М.! Поставленный выше вопрос, ты согласишься, очень важен для каждого человека, жаждущего иметь любовь в себе! И потому для такого человека весьма интересно и важно знать, прав ли граф Толстой, указывая жаждущим в этом отношении свой путь спасения?

В июньской книжке «Миссионерского Обозрения» я прочитал ответ гр. Л.Н. Толстого на постановление о нём Св. Синода и замечания на этот ответ преосвящ. Сергия, епископа Ямбургского, и твои. Всё, написанное вами, очень хорошо и справедливо и проникнуто духом христианского благожелательства к Толстому. Но и преосвящ. Сергей, и ты мало остановились на разборе того именно пункта в учении гр. Толстого, который указан мною в заглавии письма и который нельзя оставить без тщательного рассмотрения. Ведь гр. Толстого многие почитают учителем духовно-нравственного возрождения, а на самом деле его учение о возрождении оказывается очень жалким и скудным, и если сравнить его с учением таких наших подвижников православия, как известные тебе оптинские старцы Леонид и Макарий, то оно покажется даже проси детским лепетом. Однако, прежде чем подробно разбирать отмеченный мною пункт ответа гр. Толстого на постановление Синода, для большей цельности изложения, я коснусь несколько самого ответа графа в его целом. – В своём ответе Лев Николаевич как бы подвел итог своей последней 20-летней деятельности, – в немногих, но вполне определенных словах выразил сущность своих суждений о Церкви, Евангелии и вере православной. Это – как бы символ его собственной веры. И он уверен, что его отношение к православной вере и

Церкви «разделяют почти все образованные люди». Мало того – он даже решается сказать, что и сам Синод лишь «говорит, что он верит» в истины православия. Такую уверенность в обвинении оставляю на совести гр. Толстого, – она ему нужна, вероятно, для того, чтобы самому тверже чувствовать под собою почву, или просто для успокоения смятенной души. «Символ веры» гр. Толстого сводится к следующему: Во 1-х, он не верит в Пресвятую Троицу, в божественность Иисуса Христа, в грехопадение и искупление человечества, в благодатные Дары Св. Духа, в Страшный суд, в рай и ад; во 2-х, он верует в Единого Бога-Духа, Бога-Любовь, в бессмертие души (что видно из его слов «я должен делать усилия, чтобы не желать плотской смерти, т. е. *рождения к новой жизни*, и верю, что всякий добрый поступок увеличивает благо *моей* вечной жизни, а всякий злой поступок уменьшает его, – непонятно только, почему граф не хочет назвать это «раем» и «адам»?), верит в то, что смысл жизни каждого человека заключается только в увеличении в себе любви, и что для преуспевания в любви есть только одно средство – молитва..., состоящая в восстановлении и укреплении в своём сознании смысла своей жизни и своей зависимости от воли Бога.

Отрицание божественности Христа и Его искупительного подвига – не ново, конечно. Еще фарисеи и саддукеи, Ирод и Пилат, языческие ученые глумились над этою основною истиною христианства. Прочти, напр., IX главу Евангелия от Иоанна, да и другие главы того же Евангелия. Гр. Толстой только дополнил собою сонм этих отрицателей.

Отчего это многие не могут никак принять «Христа, пришедшего во плоти», – вопрос очень интересный. Зависит это во всяком случае не от умственного развития их, – но я сейчас не буду касаться его, чтобы не отклониться от своего главного предмета.

И так, обращусь к тому пункту учения гр. Толстого, что смысл жизни каждого человека заключается только в увеличении в себе любви и что для преуспевания в любви есть только одно средство – молитва, состоящая в восстановлении и

укреплении в своём сознании смысла своей жизни и своей зависимости только от воли Бога.

Пункт этот очень слаб, а несостоятельность его подрывает и всё прочее в учении гр. Толстого и отнимает у него всякое жизненное значение. Дело в том, что гр. Толстой указывает человеку чрезвычайно высокую задачу жизни, а средство для её осуществления предлагает самое жалкое и несоответствующее цели.

Цель заключается в достижении любви, а средство состоит в постоянном напоминании себе, что любовь – есть смысл жизни, и что мы зависим только от воли Бога. И во 1-х, почему это напоминать себе о смысле своей жизни – граф называет молитвой и утверждает, что именно такой молитве учил нас Господь Иисус Христос? Но кто же даже из малых детей не знает, что молитва – это есть наша беседа с Богом, наше обращение к Богу с мольбой, с благодарностью, с прославлением, а никак не «напоминание себе самому» о чём бы то ни было! Толстой верует в Бога-Духа, в Бога-Любовь... Любовь может быть только у Любящего. Любящий не может не быть существом разумным, внимающим и понимающим. А если так, то почему бы гр. Толстому не допускать возможности молитвы в общепринятом значении этого слова? Ведь этой же именно молитве учил нас Иисус Христос, когда, обращаясь к Отцу Небесному, восклицал: «Слаблю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам», и потом при воскресении Лазаря: «Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня!»..., и потом в саду Гефсиманском: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия»... и, наконец, на кресте: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают»! и во многих других случаях.

Но этой освященной примером Христа и естественно вытекающей из верующего сердца молитвы граф не признает, молитвою же именуется какое-то «напоминание себе». И вот он учит, что этим, «напоминанием себе» можно увеличивать в себе любовь, мало того, – это есть единственное средство для возрастания в любви. – Такое утверждение противоречит всему опыту человечества. Многие люди обладали и обладают

любовью, но кто же из них приобретал её тем, что постоянно *напоминал* себе, что в любви заключается смысл его жизни?

Неужели этим напоминанием можно победить свои греховные страсти и привычки? Неужели оно одно может ободрить, утешить, успокоить, очистить и обрадовать наше сердце? Да наконец, что нас может побудить постоянно напоминать себе, что в любви смысл нашей жизни, если мы не верим в существование живого личного Бога, не чувствуем своей ответственности пред Ним, не считаем себя обязанными исполнять Его заповеди?

Не так просто приобретается любовь в действительности, как изображено это в теории гр. Л.Н. Толстым.

Кто хочет приобрести любовь, тот не может ограничиться одним напоминанием себе, что в любви заключается смысл его жизни. Он должен много потрудиться и поработать над собой, а главное – воспринять в себя благодать Господа Иисуса Христа и Святого Его Духа, без которой невозможно усвоение совершенной любви. Л.Н. Толстой полагает, что настроение любви создается самим человеком, а на самом деле оно создается в нём действием Божиим под неперменным условием и его личных усилий. Бог есть не идея, как ты хорошо сказал, а живая сила, живая и действующая на нас и в нас, при нашем на то произволении. И эта-то сила и создает нашего внутреннего человека.

Здесь я должен оговориться. Не оспаривая того, что смысл нашей жизни заключается в любви, я должен прибавить, что любовь составляет лишь частичное содержание смысла нашей жизни. Полный же истинный смысл жизни, по христианскому учению, состоит *в достижении святости*, т. е. такого состояния сердца, при котором оно наиболее уподобляется Богу и которое и есть то царствие Божие, которое находится внутри нас... При этом состоянии сердца, чистом, мирном и светлом, человек испытывает живое и радостное ощущение своего общения с Богом, Христом, всеми праведниками, всеми людьми, всем миром. Это есть предвкушение того блаженства, которое ожидает по смерти каждого праведника. И конечно, любовь составляет необходимый и высший элемент этого блаженства.

Но любовь эта – не беспредметная, а имеющая своим объектом вполне определенные Существа – Бога, Христа, святых и проч.

Вот это-то состояние сердца и достигается великою борьбою, о которой ты, читавший Исаака Сирина, имеешь, конечно, ясное понятие. Но для гр. Толстого вся эта область внутренней жизни как будто не существует. Он как будто хочет приобрести любовь *логическим*, а не психологическим путем, если можно так выразиться.

Я не буду подробно распространяться о том, какую борьбу приходится выдержать человеку, прежде чем, он достигнет христианского настроения сердца. Борьба эта, как известно, очень мучительная, очень трудная, требующая большого внимания и искусства. Сердце – то же поле. Его необходимо очищать от греховных навыков и влечений, засеменять добрыми привычками исполнения заповедей Христовых. Работа эта медленная, кропотливая, утомительная, да и бесплодная, если Бог не освежит сердце дождем Своей благодати. А дождь этот для верующего несомненно посылается Богом и прежде всего в таинствах, над которыми так глумится, не понимая силы их, гр. Л.Н. Толстой. Но кроме таинств есть еще одно необходимейшее условие для христианского усовершенствования нашего сердца; это – живое и постоянное общение с живым и всемогущим Искупителем и Спасителем нашим – Иисусом Христом. Только любя Его, только веруя в Его постоянное при нас присутствие, только возлагая на Него всю свою надежду, только молясь Ему непрестанною молитвою о помощи, мы можем побеждать самих себя, сохранять бодрость духа, не впадать в малодушие и отчаяние, не чувствовать себя одинокими. Он слышит нас, Он жаждет нашего спасения, Он протягивает нам руку помощи, Он, пострадавший за нас, с бесконечною любовью берет на Себя все наши немощи и исцеляет их, – так верует православная Церковь, так и бывает на самом деле. И вот эта-то сила всемогущего Христа и созидает в нас настроение любви, а не то жалкое «напоминание себе о смысле своей жизни», в спасительность которого так верует гр. Толстой!

Но если и Христос с его всемогуществом столь часто оказывается бессильными пред злою волею человека, то какую

пользу принесет человечеству проповедуемое Толстым средство укрепления в любви? Оно останется пустым звуком, и только!

Вот то немного, что я хотел сказать и высказал – сознаю, что неполно – относительно учения Л.Н. Толстого о способе приобретения любви. Его учение об этом предмете слишком отвлеченно и не обосновано на нравственном опыте жизни. Христианства он совсем не понял, – он представил его себе отвлеченною идеею добра, тогда как на самом деле христианство есть *святая жизнь*, создающаяся и в душе отдельного человека, и в истории всего человечества. И в христианстве важно не столько учение Христа, сколько Сам Христос, Сын Божий, за нас пострадавший и нас спасающий, с нами пребывающий и имеющий пребыть до скончания века.

Одним словом, христианство есть взаимодействие живых, реальных сил, – нашей души, Пресвятой Троицы и святых угодников Божиих, – взаимодействие, имеющее своею задачею воссоздать в нас новое сердце, чистое и святое, по образу Божию, и еще здесь на земле возрастить в нём царствие Божие. Вот что следует помнить нам, православным, и, не обольщаясь пустою и бесплодною философией гр. Толстого, в уме и сердце и на устах иметь одно – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, имиже веси судьбами, спаси мя недостойного»!

Священник Сергий Четвериков

Оптина пустынь. Июля 5-го дня 1901 г.

2) Письмо в редакцию от бывшего единомышленника гр. Толстого

Милостивый государь г. редактор.

Узнав себя в «пламенном последователе» гр. Л.Н. Толстого и издателя брошюры «Николай Палкин» («Мисс. Об.» июнь, стр. 804), я счел своим нравственным долгом сказать несколько слов по поводу вспоминаемого Вами инцидента с названной брошюрой.

Предоставляя всякому, на основании известных ему фактов, так или иначе оценивать утверждение Л.Н. Толстого, что он никогда не заботился о распространении своего учения, – я, со своей стороны, должен сказать, что в данном случае брошюра «Николай Палкин» была издана мною по собственному побуждению, хотя и не против желания Льва Николаевича.

Так мною было показано (устно и письменно) и на допросе (1890 г.). Что для Льва Николаевича дело кончилось благополучно, этого, я думаю, нельзя ставить ему в вину.

К моей участи Лев Николаевич далеко не был равнодушен. Когда я сидел в тюрьме, он несколько раз навещал моих родных; искал (но безуспешно) и свидания со мной... По его просьбе посетила меня в тюремной больнице попечительница оной. Наконец, Лев Николаевич хотел взять меня на поруки, но, не смотря на предложенную им крупную сумму, требуемую от поручителя, ходатайство его относительно меня было отклонено.

Затем, как ни неприятно мне касаться личных отношений к графине, едва ли требовавших огласки и едва-ли что важное уясняющих, но раз вы заговорили о них в печати, то и я вынужден откликнуться на ваши слова, Графиня, действительно, была враждебно настроена ко мне из-за «Николая Палкина», и после издания этой брошюры мы видались с Л.Н. не у него в доме, как прежде, а у общих наших знакомых. Но в 1891 г. между мною и графиней произошло примирение...

Считаю нелишним отметить еще одну черту в этом деле. Когда я, по выходе из тюрьмы, свиделся с Л.Н., он с большим вниманием расспрашивал меня о моих переживаниях в заточении и выразил особенную радость, увидав, что у меня не было никакого озлобления против заточителей.

Я надеюсь, что в интересах истины вы не откажетесь дать место в вашем журнале этому моему разъяснению. Если нужно быть справедливым относительно соратника, то тем более по отношению к противнику.

М. А. Н–в.

Вышний Волочек, Тверской губ. 1-го июля.

3) Еще убежденное слово одного из раскаявшихся последователей гр. Л.Н. Толстого

«Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Мене, яко *кроток есмь и смирен сердцем*, и обрящете покой душам вашим: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть» (Мф.11:28–30).

Мы все – рабы Божии, купленные *дорогою ценою*, – кровью Владыки; поэтому и самый гордый из нас должен смириться и изъявить полную готовность стать в ряды рабов Божиих и взять на себя исполнение воли Божией. Сказал Господь: «*игло Мое благо и бремя Моё – легко*». Сказал: «*игло и бремя*», – оттого, что послушание заповедям не легко для плотского человека, для грехолюбивой нашей плоти (которая есть «*ветхий Адам*», истлевающий в похотях), ибо плоть – *седалище самолюбия (эгоизма), лени, сонливости, похоти блудной и чревной*. Но Спаситель сказал: «*игло Моё – легко и благо*», ибо кто взял искренно *игло Его, т. е. крест свой*, решился жить в кротости, долготерпении, смирении, *люблении врагов*, – тот скоро ощутит в себе *духовную сладость* от исполнения заповедей и узнает *по опыту*, что сладость эта, нисходящая свыше, несравнимо выше всех благ земных. *Земные блага и наслаждения все, без исключения, скудны, скоропреходящи, или прямо приводят скоро к сытости и горечи*. В самом деле, – вот земная слава, – что это за жалкая выдумка дьявола, чтобы отманить душу человека от неувядаемой славы духовной, – неувядаемой от того, что она, – если до конца, до исхода из тела, преследовалась *через крестный подвиг*, – идет вслед за человеком *в вечную, загробную жизнь*. А земная слава! Её и сами люди часто признавали за *ложь, призрак ума, т. е. просто за мираж, кажимость, обман*. Бог бесчисленно изобличал перед людьми этот *подлый обман дьявола*: сколько развенчанных честолюбцев и героев, – Наполеонов, Македонских Александров, Навуходоносов! (Особенно это очевидно в

бессилии нынешних мелких честолюбцев: поэтов, кропателей бумаги, слепцов, ведущих других слепцов в ямы).

Женская любовь, т. е. *плотская* любовь (не супружество)⁶⁵ – давно самими миролюбцами проклята, ибо добрая половина горя земного: преступлений, жестокостей, слез, разорений, безумств, самоубийств – происходит из-за похоти нашей плоти. И моё самоубийство приуготовлялось на почве (так называемой) «романической», попросту говоря, – на почве злых похотений плотских, хотя в корне обуславливалось отсутствием веры (вера не могла, как чистая голубица, низойти в сердце, опоганенное страстями, о которых и говорить непристойно: так они представляются мерзкими, из них же *мерзейшие своеволие и блуд*).

Богатство! но не даром сказано (Иаковлево послание, V глава): «послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше *сгнило*». Горе богатым не только потому, что им трудно⁶⁶ «внити в царство Божие», но и на земле им *плохо*, ибо жестокосердие – обычное последствие роскоши, а *жестокосердие есть великая скорбь и теснота сердца*. Не захочет быть богатым тот, кто понимает цену чистого, безмятежного и любящего сердца.

Зачем же человек прилепляется сердцем своим к этому лживому и суетному миру? Возьмите на себя иго Христово – благое и легкое; от Него научитесь кротости и смирению и обрящете душевный покой.

Что же остается за вычетом «похоти плоти, похоти очей и гордости житейской» (послание 1Ин.2:16), т. е. плотской любви, славы и богатства? Женское тело умирает, и *из красавицы делается смердящий, кишащий червем, труп*. Слава человеков – преходит, обманывает, заводит в страсти ненасытимые и жестокие: зависть, ругательства, злобу, убийства. Явно, что слава, как и похотения, – обманы дьявола-невидимки, и оного «человекоубийцу и отца лжи» узнаем наилучше «по плодам». Богатство – то уже явно ничтожность, ибо не уносится в могилу: еще слава длится несколько мгновений. Но что значит 10,000 лет сравнительно с вечностью, в которую идем и о которой «*не знать*» не почитаем для себя ущербом, унижением своего

человеческого достоинства. Богатство – что может быть презреннее его? От того-то сребролюбие хуже и неисцелимее и блуда, и честолубия, ибо безумнее этих последних страстей, хотя и последние приводят к безумствам и к потере ума (сумасшествию).

Что же остается еще в этом мире суетном, где господствует свирепо и безжалостно «князь тьмы», диавол?

Ах! вот что: «гуманность», «свобода, равенство и братство», пантеизм, социализм и еще несметные «измы». Этими «измами», как микробами, заражены умы современных людей. Но всё это, всё огульно, есть *дребезги* единой целостной истины, а по тому самому – *ложь* и *ложь* тем более опасная, что она имеет благовидность. Все эти умственные ветры, которые, как сквозняки, дуют сквозь умы, вышедшие из послушания вере истинной и единой (православной). *Ложь* каждого из этих «измов» можно *доказать*, да она уже доказана и *опытами истории*, что особенно назидательно, и влиянием их на души: *всегубительность* этого влияния, *помимо прочего и специального*, наилучше выражается в *нервности* и в нервных болезнях людей, зараженных «измами». И я, пока был в «измах», был психопат, неврастеник, всячески блудствовал, т. е. был жертва того же дьявола, «отца лжи». Когда же Господь даровал мне блаженство веры, я пришел в *целость* (из *дребезгов*), *здравость* (из *нервности*), получил силы для борьбы с диаволом, *силища* которого, как *бесплотного*, и хитрость и злоба, как твари разумной, огромны. Итак, опять *по плодам* можно видеть, что все «измы» – *ложь*, и распространять «измы» – значит сеять *ложь*, соблазны, и что вера – благо драгоценнейшее и безусловное. Поэтому, кто, как Толстой, мой бывший лжеучитель и кумир, подобно Арию, портит чистоту веры Христовой и сеет безверие, тот – «лучше бы ему не родиться», ибо, отнимая веру, он отнимает здоровье, здравомыслие, бодрость и жизнь, и что всего страшнее, вводит человека в область сатанину, где он становится жертвою «отца лжи» и гибнет душой для вечности. Так погиб из-за Толстого и его *седмижды проклятого учения* – Евдоким Дрожжин и расстригшийся священник Аполлов, да и они ли одни!! Злая,

многострадальная смерть Аполлова особенно явно обнаружила, что его покарала десница Божия за отступление от благодатной истины ко лжи явной – толстовству.

Плакать и рыдать надо о Толстом тем, кто его любит, а не рукоплескать ему, ибо эти рукоплескания одурманивают его.

М. С-ко

4) Письмо гр. Л.Н. Толстому по поводу его отлучения от Церкви

Какая, польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?

Или какой выкуп даст человек за душу свою? (Мк.8:31, 37).

Какая неожиданность постигла вас, граф! Вас, которого безбожная, зараженная ложными материалистическими идеями интеллигенция (дети, братья и сестры ваших героев баричей, которых вы верно оценили) превознесла до небес, которому собираются ставить после смерти памятник превыше всех памятников, чадолубивая православная Церковь исключила из числа своих членов, заявила публично, что не желает иметь с вами никаких сношений впредь до вашего покаяния. За что же это? За то, что вы отреклись от благодати Божией, признаете Христа человеком, а не Богом, Церковь обманщицей, а всё то, что она предлагает и проповедует, великой и далеко не невинной глупостью. За что превознесла вас интеллигенция? За то, что вы с великой художественностью проповедуете высшую нравственность, непротивление злу, за вашу жизнь и добрые дела.

Кто же прав? Вы описали в лицах всю ложь человеческих отношений, но вы просмотрели, что вся эта ложь есть продукт маловерия и неверия, т. е. того, что вы проповедуете, и что на вере прежде всего зиждется увлекающая вас правда народная. Разве Корчагины и им подобные есть истинные члены Церкви Христовой? Разве не сделала их такими гордость, честолюбие, чревоугодие, блуд и прочее, что признается Церковью величайшими из пороков. Вы говорите: посмотрите, какие безнравственные эти люди; но зачем жить иначе, если Христос только великий человек, и если нет воскресения и загробной жизни. Ведь великий для вас, а для меня более великий Будда, Магомет, или кто-либо из философов; и не всё ли равно, как жить в этой кратковременной жизни, если всё это окончится вечной смертью. Зачем я буду себя стеснять, подчинять каким-то принципам, которые выдумал какой-то Христос, и не всё ли

равно, если мои братья от этого тоже начнут делать гадости и даже погибнут; конечный удел всех одинаков. «Станем есть и пить, ибо завтра умрем», – иронизирует апостол Павел (1Кор.15:32). Да и послушают ли люди тогда вашей проповеди о нравственности? Нет. Поговорят, как это хорошо; ради самолюбия и тщеславия сделают даже доброе дело, даже уйдут в народ, а лучше все-таки не будут, что и докажут потом на деле. Будут говорить о непротивлении злу, а сами первые воспротивятся; будут делать добро одним и вредить другим, кто будет говорить им правду в глаза и заденет их самолюбие; потому не будут нравственны, что всё это бессмыслица без общего воскресения и загробной жизни. Взгляните-ка поглубже в свою душу, не то ли самое окажется и на её дне?⁶⁷ Нет, граф, не правы вы, – Христос-Бог, воскресение и загробная жизнь должны быть; об этом говорили пророки, об этом говорил Сам Христос, об этом говорили Его ученики, об этом говорит разум человеческий, и только эта уверенность может явиться достаточным стимулом для *истинного* совершенствования и *истинных* добрых дел; разрушите эту уверенность, разрушится и нравственность, не будет и добрых дел; останется одна ложь, зло, тьма и смерть. И какими добрыми делами можно загладить то великое преступление, если соблазнить хотя бы единого из братьев своих, лишить его св. веры и ввергнуть здесь в тьму и ложь, а там в муку вечную. Одна душа дороже тысячи тел; гибель одной души нельзя искупить спасением тысячи людей от голода, болезни и даже смерти телесной. А вы своими лжеучениями погубили тысячи душ! Не разрушайте же этих основ; вы очень умны, но вы и очень горды, душевные очи ваши помрачены; помните, что вы человек, а человеку свойственно ошибаться, и что многие великие умы на склоне своих лет признавали своё заблуждение и приходили к тем взглядам, которых держится наша мать и наставница, святая Соборная и Апостольская Церковь. Отказавшись от благодати Божией, вы очутились во власти великого греха и заблуждения, во власти дьявола, и не отделаться вам от неё собственными человеческими силами; и только те средства, которые указал Бог и святая Церковь для успешной борьбы с врагом рода

человеческого, могут помочь вам в этом. Средства эти – единение с Церковью, молитва, таинства и пост, пост не потому, что человек не имеет права отнимать жизнь, – ведь и растение живет, а страдание при помощи науки можно свести до минимума, – а потому, что пост изменяет функцию мозга и делает его более восприимчивым к познанию абсолютной истины.

Известный вам врач Апраксин
Нижний Новгород.

5) Открытое письмо Толстому от любящего читателя

Дорогой и неоцененный, бывший брат мой по вере, Лев Николаевич!

Скорбит св. Русь по тебе, скорблю и я, как бывший брат твой по духу. Мы были в недрах одной и той же матери Церкви, питались одними и теми же дарами благодати и проникались одною и тою же верою, надеждой и любовью. Возрастая, мы вели с тобой дружбу и единение; и невинны и чисты были наши отношения. Бывало, начнешь ты свои сердечные рассказы, – с каким удовольствием я слушал тебя и восхищался твоей поэзией, этим Божьим даром! Я говорил: «о, если бы Всевышний развил и укрепил твой дар к общей пользе... Да не коснется злой рок твоего сердца и не угасит золотых искр небесного дара». Прошло время, а ты поддался злему веянию... Оно росло, и ты удалялся от меня, не смотря на мой призыв не покидать меня. Что мои мольбы, что мои советы?! «Я сам отвечаю за себя и знаю, куда иду», говорил ты мне на призыв мой. И вот, ты ушел от меня в далекую сторону... О, как не скорбеть мне! Я плачу и рыдаю по тебе, и сердце мое трепещет жалостью, при воспоминании о тебе... Я рвусь к тебе... А ты... Бог тебе Судья! Одна надежда на Него... Он, Творец наш, всё видит: Он видит и тебя, и твои тайные мысли, и видит, куда ты пришел... Неужели ты не слышишь голоса Его и не внимаешь, – как Он, не хотяй смерти грешника, дает тебе отсрочку за отсрочкой, призывая под благодатную сень Церкви Христовой?! Вернись, дорогой брат мой: вспомни золотое время! Неужели поздно?! Ты говоришь издалека: «нет мне возврата к тому, от чего оторвался я с такою болью». Правда, тяжело и больно расставаться со своими кумирами, но неужели же нет возврата? Отец замотавшегося в чужой далекой стороне сына всё же не теряет надежды на его возвращение, и эта надежда ободряет и поддерживает его в тоскливой разлуке. И тем радостнее, тем живее бывает минута свидания с возвратившимся, казалось, погибшим сыном. Вспомни, брат, притчу Христа. Да, представляю, как трудно тебе расстаться с

тем, что ты изобрел, как истину. Но милый, былой друг мой! Истина одна и та же от века. Она – светлее солнца, неизменна, вечна. Пред нею должны склониться все заблуждения человеческого гения: она – не от людей, а от Творца. Она – отвергнутый тобой Христос Богочеловек! Итак, прочь все заблуждения! Через них я потерял любимого брата; и стоит он вдали, у края стремнины, а между тем душа его дороже мира. Брат мой! Дай место святой, божественной истине: да воссияет она и в твоём ослепленном уме во всём своём блеске и величии! Да погибнет ложь и заблуждение!... Дорогой брат мой! Я плачу и томлюсь по тебе: душа моя рвется к тебе на встречу во Христе и Церкви. Вернись же, любимый мой; вернись в прежней простоте, искренности и любви... Воскресни душой! Я простираю к тебе руки издалека; прости и ты... Приди, единым сердцем и усты прославим милосердного Бога, и обнимем друг друга с любовью, припадем друг к другу и выплачем бывшее горе и радость свидания!... И какая то будет радость мне и братьям моим!

О, Боже! Возврати на путь истины и спасения дорогого брата!

П. П. Т.

1901 г. 8 августа.

С берегов Черного моря.

6) Раскольник старообрядец о Л.Н. Толстом

Как-то однажды прошлой зимой посетил меня один видный в расколе начетчик – мой знакомец. По обычаю – о многом мы с ним побеседовали. А в конце беседы он передал мне о своём знакомстве с Л.Н. Толстым. Рассказ об этом он начал с укоризн православию. Вот это его повествование...

– Вам, о. Константин, своих-то, церковных, надо бы утвердить покрепче, а то они ничего не знают. Просто иной лба перекрестить не умеет, не только молитвы читать. У нас как-то лучше: всякий свой обряд знает, а у вас нет. Намедни я как-то ехал с одним помещиком, человек видно ученый, много читал и говорил обо всём так хорошо, а как коснулось дело до религии, – ничего ровно не знает. Чай, говорит, я не поп, знать-то мне об этом. Ну, какой же он христианин после этого! Толстого мне книжку тычет и возводит его чуть не в Златоуста. Вот, говорит, почитай, как умные-то люди толкуют и пишут. Я говорю: барин, сам видел этого твоего Толстого и говорил с ним, и потому хорошо знаю его писание. Твой Толстой и в Христа-то не верует, как должно, а разводит свои рацеи и своё поучение излагает народу, которого не дай Бог держаться и лихому татарину. Еретик он и богохульник!

– А вы действительно были у Л.Н. Толстого? прервал я старообрядца.

– Как же, был; нарочно ездил к нему в Ясную Поляну.

– Что же вас интересовало видеть Толстого?

– Да просто пригласил он меня к себе, ну я и поехал. Дай, думаю, побеседую с ним, какой он человек.

– Значит, вы знакомы были с ним?

– Совсем нет, а вышло это так, случайно как-то. Приехал я в Москву, – во Владимире до этого был; подошел праздник, я и пошел за службу. Служил еще владыка архиепископ Савватий тогда. Постоял я до кафизм и вышел охолодиться из моленной. Вижу: подходят к моленной 4 человека, из них один одетый как-то просто, по-мужицки, а трое в шляпах, с тросточками и совсем кургузые по одежде-то. Подошли они ко мне и спрашивают:

можно, говорит, посмотреть нам вашу службу? – «А вы кто будете такие?» – спрашиваю я их. – «Мы, говорят они, пришли полюбопытствовать, как у вас совершается богослужение». – «Да кто же вы доподлинно-то будете такие, спрашиваю я: российские, или еще какой другой веры»? – Один из них сказал мне: «Я – Толстой, русский; а это мои спутники – французы». Вот, думаю себе, не знаю, зачем принесло смущать наших богомольцев. Погодите, говорю им, я сейчас доложу о вас. Вошел я в моленную, дошел до клироса, вижу, – стоит Климент Афиногенович Перетрухин.

В то время при Савватии он был у нас его секретарем в духовном совете. Я и говорю ему, что какие-то чужестранцы пришли и хотят видеть наше богослужение. Один назвал себя – Толстым, а другие три с ним тощенькие на вид. Перетрухин вышел со мною к ним, спросил их кое о чём, как и я, а потом велел им подождать, пока он доложит о них архиепископу Савватию. Пока он ходил в моленную и советовался с архиепископом, Толстой спрашивал меня: давно ли началась служба, и долго ли еще будут служить? Всегда ли так подолгу служат? часто ли архиепископ служит такие долгие и утомительные службы? и пр. в этом роде; я отвечал ему на его вопросы. Потом Толстой и говорит французам: «они служат по древнему чину, так, как у нас на всей Руси служили до патриарха Никона все архипастыри, начиная с патриархов. Этот древний порядок богослужения только у них одних сохранился. У них и книги старые, не те, что теперь существуют в православных церквах». В это время пришел Перетрухин и передал позволение нашего архиепископа впустить Толстого с французами в моленную, но с тем, чтобы они стояли и не молились. Толстой со спутниками вошли в моленную, постояли около часа и отправились к выходу, я и Перетрухин пошли их проводить; на дворе они остановились, хвалили нашу службу, пение, порядок. Толстой выразил желание видеть у себя архиепископа Савватия и просил Перетрухина передать Савватию его желание. При этом он просил и Перетрухина приехать к нему, и меня, за компанию с ними. Конечно, я не поехал бы к нему – чего с еретиком толковать! – но когда потом

владыка Савватий с Перетрухиным поехали к Толстому и пробыли у него часа три, разгорелось и у меня желание съездить к нему, и я нарочно ездил. Вот как я узнал этого барина, и вот почему я попал к нему в дом.

– Какое же впечатление вынесли вы и Савватий от посещения графа Толстого? – Дурное или хорошее?

– Не знаю, что и сказать, о. Константин. Туманное какое-то свидание произошло. Высит себя он высоко, говорит слова какие-то несуразные, не подходящие. При мне у него были какие-то люди, которые и по-русски, и еще на каком-то языке говорили с ним. По моему, о. Константин, Толстой совсем не церковный человек и в учениях св. отец вовсе не начитан. У него какая-то своя особенная вера, не христианская, которую он и распространяет между простаками, несведущими в Писании. Ничего хорошего я не нашел у него. А владыка Савватий так отозвался о нём: «дурит, говорит, барин. Возмечтал о себе, что он всё знает и лучше знает всех, а в самом христианстве на вершок не хватает». И верно, о. Константин! Коли Толстой всё знает и всякие книги читал, почему же он ни разу не перекрестился, когда мы сели чай пить и обедать? Сел и ест себе, точно татарин. И другие все за ним также. Сейчас видно, что он или вовсе не читал поучения св. отец о крестном знамении, или же читал, да отметаёт его и ни во что поставляет предания св. отец. Какой же он учитель после этого?! А слушали его при мне пришедшие, точно оракула или какого пророка. По моему, его учение по нраву только несведущим в религии лицам. Вот я ехал с помещиком, он ничего не знает, для него это подходяще, а нам его слова, что вода по течению. Хвалят его на все лады и повсюду, а вот как я посмотрел на него, да послушал его речей, – пустота одна выходит. Нам, христианам, научиться у него нечему. Сам он никогда Богу не молится, св. книг у него и в заводе нет на столе, причащения не признает, – да ничего у него нет христианского. Мутит народ своими пустыми речами и только. А еще предложил мне записаться в члены какого-то своего общества и 50 руб. выложить ему на стол. Как же! Такому человеку да такую сумму денег и не знай на что вручить, это надо быть слабоумным.

– Словом, Л.Н. Толстой не понравился вам?

– Да нечему и нравиться в нём! Я думал, он хорошо начитан св. отец писания и хорошо толкует его по всем статьям христианского закона, а у него ничего этого нет, он, вместо этого, свои *нагие слова* проповедует людям. Смутьян он, по моему, и предтеча антихриста. Безпоповцы и говорить-то с ним не стали бы, не то ехать к нему и тратиться на это. А сколько ведь, о. Константин, разных простаков почитают его да приводят его слова и писание насупроть даже Евангелия Господа нашего Иисуса Христа. Прямо очумелые эти люди! Не знаю, за что и преклоняются перед ним. Конечно, слепота и неведение их в этом.

Так закончил мой собеседник свой отзыв о Толстом и его почитателях.

Пензенский епарх. миссионер свящ. К. Попов

Бронницкий С. Разговоры среди друзей по поводу романа «Воскресение» Л.Н. Толстого⁶⁸ (Картинка с натуры) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 9. С. 267–273

Вопрос о водворении свободных братских отношений между людьми, – сказал бледнолицый господин, – кажется вам неразрешимым потому лишь, что вы упорно держитесь своего взгляда на законы царящего в мире зла, для уничтожения или ослабления какового будто бы необходимы известные сдерживающие начала в виде церковной дисциплины и государственных репрессий, т. е. должна быть известного рода узда. Всё это чистейшая выдумка: Толстой страшно верит в силу добра; он думает, что люди более добры, чем злы, зло что-то призрачное, созданное нашим больным воображением. В действительности, по мере того как мы освободим себя от подобной иллюзии, зло не будет иметь родового значения для людей.

– Однако из романа этого не видать, чтобы зло было призрачно в жизни людей. Напротив, при описании мрачной стороны последней, Толстой убеждает нас в том, что зло действительно царит в мире, и что поэтому на наши добрые наклонности приходится полагаться с крайней осторожностью. В особенности резко подчеркивает Толстой последнее, когда рассуждает о совести и разуме, – этих, по его мнению, источниках добра.

«Обыкновенно думают, – пишет Толстой в рассматриваемом нами романе, – что вор или убийца, признавая свою профессию дурною, должен стыдиться её. Происходит обратное. Люди, судьбою и своими грехами и ошибками поставленные в известное положение, как бы оно ни было правильно, составляют себе такой взгляд на жизнь. Вообще, при котором их положение представляется им хорошим и уважительным». Или выше читаем: «Всякому человеку для того, чтобы действовать, необходимо считать свою деятельность важною. И потому, каково бы ни было

положение человека, он непременно составит себе такой взгляд на людскую жизнь вообще, при котором его деятельность будет казаться ему важною и хорошею» (166 стр.).

Значит, не совесть руководит поведением человека, не совесть вменяет субъекту совершенные против неё проступки, а общественное положение, занимаемое человеком. Это уж совершенно новая точка зрения даже и в том случае, если бы речь шла о степенях развития совести у человека и при этом приводилась бы в указание жизнь дикаря, у которого совесть находится на самой низкой степени, который считает хорошими поступки, по нашему понятию (при оценке совести) глубоко безнравственные, а равно, если бы имелась в виду мертвая или сожженная совесть, каковая бывает у закоренелых преступников. Но ведь Толстой толкует вообще о совести человека, – о совести судии, тюремщика, блудника, убийцы и т. д.; он говорит о совести христианина, восстановленной благодатью крещения, совести значительно более развитой, чем совесть дикаря. И что же оказывается: совесть эта настолько эластична, что легко приспособляется ко всевозможным условиям жизни человека и даже контролируется этими последними. Естественно, что при таком взгляде на совесть, люди известного круга не только могут держаться своих преступных профессий, ничтоже сумняся, но еще считать их «важными и хорошими». Хорошо вору воровать, разбойнику убивать, хорошо судье или чиновнику взятки брать.

Наше, следовательно, установленное веками понятие о совести совершенно неприложимо в данном случае, и такие моменты действия последней, как «проснувшаяся совесть», «мучительный голос совести» раскаявшегося преступника, по Толстому, не должны иметь существенного значения. Остается только добавить, что совесть есть один из тех предрассудков человечества, которые, вместе с религией, должны пасть впоследствии, расшатанные наукою и просвещением, как думают об этом позитивисты.

– Толстой не может этого думать, Игн. Ив., коль скоро пробуждение совести в Нехлюдове послужило поворотным пунктом в направлении всей остальной его деятельности. Кроме

того, на совести, при указании разума, Толстой, как видно, и желал бы обусловить новую жизнь, открекшись ют старых условий, развитых на почве закона, принудительных и стеснительных для совести.

– Другими словами, на полной анархии? На безусловной свободе личности, даже в нравственных её чувствах? – сказал Игн. Ив.

– Я вас не понимаю, – заволновался в свою очередь бледнолицый господин. Толстой проповедует о подчинении воли человека воле Божией, а если для вас необходима еще узда, так следуйте христианскому учению, следуйте Тому, Кто исполнял волю Бога.

– Прекрасно, но ведь учение Христа налагает всё же известное бремя на людей. Для верующих оно есть тот же закон, требующий безусловного подчинения. Оно есть «путь, истина и жизнь», как сказал о себе Христос, – спасающий и возрождающий человека к новой благодатной жизни. Человек, как несовершенное существо, способен уклоняться от своего естественного закона – веления совести, причем в его ограниченном сознании могут развиваться совершенно ложные, превратные представления о жизни. И вот, чтобы предупредить человека от этих превратностей и чтобы сделать его совесть живою, одобряющею в благих поступках и укоряющею за дурные, – Бог дал человеку закон в виде откровения. Закон или заповеди, – Божии веления, данные для нашего руководства в жизни. Лишь при свете закона человек может знать, какие его поступки важны и хороши, а какие, напротив, дурны. Сам собою человек оценивать их не может. Оценка совести, исключительно опирающаяся на неё, приводит к страшным заблуждениям. Относительно законов или заповедей Божиих, данных для нашего руководства в жизни, мы, между прочим, можем вынести поучительный для себя урок из следующего евангельского повествования. Когда один богатый юноша спросил Христа, что ему нужно делать для того, чтобы наследовать жизнь вечную, Господь ведь не сказал ему: слушайся голоса своей совести, живи по указаниям своего разума, – нет, а обратил его внимание на исполнение заповедей

Божиих. «Сия вся сохраних от юности моя», – ответил искренно юноша. И Господь возлюбил его за эту искренность. Но юноша просил большего у Небесного Учителя, – просил указать ему идеал жизни, которого еще не ведал подзаконный народ. «А если хочешь быть совершен, – говорит Спаситель юноше, – иди, продаждь имение своё и даждь нищим и иди вслед Мене», т. е. возьми крест, чтобы иметь сокровища на небеси.

– Но представьте себе, – сказал Влад. Ник., что для нас современные внешние условия жизни – то же, что для евангельского богача богатство, преграждающее ему путь ко спасению. Толстой так и думает и потому-то говорит, что если мы не порвем связи с данными условиями жизни, то закабалим себя в рабство «грехам и ошибкам». И действительно, на чём зиждутся интересы нашей жизни, как не на том, что составляет благо животной личности, что относится к служению мамоне. Заедает и поглощает нас «общество», которое в виде неумолимого деспота тяготеет над «человеком общества», заедает бездушный формализм, который преимущественно царит над служилыми людьми; заедает нас внешний лоск и светское приличие, заменившее прямоту и искренность; заедают чины и ранги, сделавшиеся вывескою порядочного человека; заедает карьеризм, проникший даже в педагогику, даже духовенство заботится не о погибающих в невежестве, а бредит наградами – камилавками и крестами; заедает нажива, погоня за рублем, – вот идеалы, лучше сказать грехи нашего времени, в которых не может не задыхаться мало-мальски чуткая человеческая душа, и с которыми разорвал разумно связь кн. Нехлюдов, отдавшись всецело новой идее – служения людям.

– Положим разорвать связь с нашими несовершенными внешними условиями жизни, вроде того, что не служить нигде, не принимать участия в усовершенствовании данных условий жизни – еще не столь трудно, улыбаясь, говорил Андрей Петрович, мужчина лет 38, до сего момента лишь наблюдавший за ходом прений. В особенности легко для человека, незнакомого ни с каким серьезным делом, как кн. Нехлюдов,

весь интерес жизни которого сосредоточивался в пустых светских развлечениях; напротив, для такого человека весьма трудно приняться за настоящее дело, определить своё истинное назначение в жизни. Фраза, брошенная вами, Вл. Ник., насчет служения людям, фразой и останется, коль скоро человек не знает, что ему предпринять потом, «куда идти»? Жить ли своим трудом, т. е. сесть на землю, или примкнуть к какой-нибудь земледельческой колонии?

– Оказывается, что ни того, ни другого сделать не удалось, – заметила вторая курсистка, а не удалось потому, что уж больно крепко вросли в нас корни барства, привычка жить на чужой счет, – на счет народа.

– Я нахожу ваше замечание довольно удачным; действительно, барства много в Нехлюдове. Чувство самодовольства, любоваться своими поступками и считать их хорошими – это черта не смиренного простолюдина, знакомого со всевозможными лишениями в жизни, это чисто барская черта, это духовная гордость – возвеличение себя перед другими. Этим же отчасти объясняется и оптимизм толстовской морали.

Человеку, вкусившему доступные ему блага жизни и незнакомому с нуждами её, легко заключить, что жизнь дана нам для радостей. Идея креста, борьбы со страстями, сознание греховности своей природы – отсюда глубочайшее смирение у этих лиц обыкновенно только на умственных счетах значится и решается всегда в примирительном духе, чтобы, так сказать, не портить хорошего радостного настроения. Отсюда понятно, почему для Толстого приятнее, что человек «чаще бывает добр, чем зол, чаще умен, чем глуп, чаще энергичен, чем апатичен» и т. д. Точно также приятно сказать ему, что «природа (красота мира Божия) дана нам для блага всех людей, – красота располагает к миру, согласию и любви». Всё это, повторяем, приятно, и даже, пожалуй, выгодно для Толстого утешать читателя в сладких грезах о жизни, в каких пребывают невинные дети. Но только всё это, отлично мы знаем, далеко от действительности: в действительности, напротив, гораздо меньше радости, чем горя, меньше удач, чем неудач, меньше

хороших наших действий, чем дурных и т. д., что же касается природы, то и в неё, по толкованию св. отцов, вторгся грех человеческий и произвел всякие нестроения. Так, вражда, свойственная людям, «живущим страстями и похотями», – не чужда и неразумным тварям. Уже на самой низкой ступени животной жизни идет беспощадное истребление сильнейшими слабыми. В более высших существах практикуется нечто вроде систематических войн для истребления в массе себе подобных.

Грозные явления природы по временам сопровождаются страшными бедствиями для людей, в виде засухи, голодовок и мора.

Если солнце признается источником органической жизни, то с другой стороны оно же служит и причиной смерти, убивая тьмы живых существ своими жгучими лучами и иссушая влагу. Сам же Толстой приводит несколько случаев смерти арестантов от солнечного удара.

Из всего сказанного нами видно, насколько односторонен взгляд Толстого на природу: в природе нет полного мира.

В самом деле, каким резким противоречием идее мира является настоящая англо-трансваальская война! А равно, как далек от мира современный милитаризм Германии! Может быть внутреннее состояние общества более мирно настроено. Увы! в том же романе Толстого мы встречаем противоречия этому на каждой странице. Вот и извольте при этих данных жизни лелеять розовые мечты, предаваться непонятным восторгам радости, как это делает Нехлюдов.

– А по моему лучше беспричинно радоваться («непрестанно радуйтесь», говорит ап. Павел), чем впадать в уныние и хандрить, чем пребывать в том пессимистическом настроении, которое переживает в настоящее время интеллигентное общество, разнервничавшееся до крайней степени. Толстой, как художник, уже давно познакомил нас с этой странной болезнью, имя которой *упадок духа*. Болезнь эта тем особенно вредна, что она многих впечатлительных личностей, утративших веру, привела к самоубийству. Толстой и сам когда-то был на пути к самоубийству. Пережив благополучно опасный для себя кризис и оглядываясь назад, он, конечно, не может не жалеть

малодушных людей; он глубоко скорбит о всём, так сказать, строе нашей мысли и деятельности. К тому-ж последняя, будучи не в силах, как было выше замечено, облагодетельствовать человечество путем разных реформ, путем экономического подъема, путем распространения естественно-научных знаний, как бы атрофировалась, – получилась известная реакция, упадок духа. Толстой, как реформатор, указывает совершенно новые пути жизни, хотя уж известные людям почти 2000 лет назад, – это возврат к христианству, искание правды Божией прежде всего. Христианство одно способно вдохнуть энергию в расслабленную нашу мысль и нашу деятельность. Для Нехлюдова, как представителя известного общества, то «воскресение» тем более должно быть знаменательным событием в его жизни, что он прежде не верил ни в добро, ни в правду, и вдруг попал на след истины – познал Бога. В нём проснулся духовный человек с присущими ему чисто духовными радостями, и Нехлюдов возрадовался, как приведенный в Евангелии купец, обретший драгоценную жемчужину, которую отчаялся найти, как блудный сын, возвратившийся после долгих мытарств порочной жизни под кров любящего отца; он, наконец, возрадовался вообще, как всякий идейный человек, взлелеявший свою идею с болью в сердце. Отсюда все действия Нехлюдова сопровождаются чувством как бы непрерывной радости.

– Много же, однако, вы приписываете Нехлюдову, – сказал Игнатий Иванович, – но собственно нечему особенно радоваться, так как из дальнейших действий Нехлюдова, вполне заурядных, не видать, чтобы он или Толстой, указали миру, как вы думаете, какие-то новые пути жизни. Посмотрим всё же на эту деятельность, или как Толстой любит называть, «дело жизни».

С. Бронницкий

(Окончание следует).

Огибенин М. День в раскольническом скиту.⁶⁹ (Из моих путевых воспоминаний) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 9. С. 274–290

О. Паисий предложил мне осмотреть «обитель». Тот же послушник отворил нам дверь, которая из общей молельни вела налево в другую келью; здесь одни монахи отправляли вечернее правило, а другие уже спали на койках. Монахи в этой келье были почти все – дряхлые старики, по слабости своей неспособные жить в отходных кельях. Они-то, во время богослужения, приходили молиться через дверь, которою и мы вошли. Из этой комнаты о. Паисий с тем же послушником повел меня в помещавшееся у восточной части молельни училище, «идеже обучаются дети христолюбивых и благоговейных мужей из разных весей: чтению, пению по крюкам, письму по церковно-славянски и всякой древле-отеческой премудрости».

В то время, когда Мы вошли, известный читателю начетчик о. Досифей занимался с двумя учениками. Увидев нас, он встал и низко поклонился.

– Не обессудьте на наш беспорядок! промолвил он. Убранство училища было не богато: в переднем углу, на полке, стояла икона настолько темная, что я никак не мог рассмотреть её лика, перед ней висела фарфоровая лампадка; в углу – битая из глины, небольшая печь, один большой некрашенный стол, несколько табуреток и шкаф с книгами, в кожаных переплетах, – составляли всю обстановку, а висевший в заднем углу кельи чугунный рукомойник с деревянной лоханью под ним довершали убранство этого «храма старообрядческих наук». На столе лежали азбуки и псалтири Почаевского издания, возле которых валялись длинные деревянные указки, тут же разбросаны были в беспорядке какие-то тетрадки, писанные учениками церковнославянскими буквами, и две какой-то странной формы чернильницы, из которых торчали гусиные перья.⁷⁰

Меня удивило то обстоятельство, что так поздно происходили занятия о. Досифея с учениками.

– Почему это, о. Досифей, вы так поздно занимаетесь? спросил я его.

– А вот почему: это – лукавые и неключимые рабы, сиречь лентяи, – при этом он показал рукою на сидевших за столом за раскрытыми книгами мальчиков, – которые, по небрежению и лености своей (продолжал он), не смогли изучить данного им урока, а посему они и сидят до поздней ночи, и аз тщетно тружуся с ними.

– Ну-ка, Феодор, прочти, обратился он к одному из учеников, да смотри – благозвучнее и не борзяся, а то как раз кума в гости пожалует!

– Какая кума? спросил я его.

– А вот какая! показал он на висевшую на крючке двуххвостку, сделанную из толстой сыромятной кожи.

– Для чего же это нужно?

– Какой же вы несведущий, коли таковых вещей не понимаете! Смотрите! показал он пальцем на прибитую к стене бумажку, на которой крупными церковнославянскими буквами было написано: «Зачало премудрости страх Господень»... «Аще любиши сына, наказуй его жезлом почасти, и рука, бьющая его, да не ослабеет». Вот это и есть орудие, снова показал он на плеть, внушающее страх Господень.

Ученик, боясь, как бы «кума не пожаловала», прокашлялся и медленно, нараспев, начал читать 38 псалом в Псалтири, водя указкой по словам: «От всех беззаконий моих избави мя: поношение безумному дал мя еси. Ослаби ми да почию», дочитывал он псалом, «прежде даже не отъиду»...

– Тыква! неожиданно вскричал о. Досифей, мальчики оба вздрогнули, так что у них и указки выпали из рук.

– Лжеши, самарийское отродье! Не смей по-никониански читать: «не отъиду», а читай по древнему преданию: «не отъиду», при этом о. Досифей на букву «и» так и взвизгнул. Мальчик поправился и прочитал сквозь слезы: «Ослаби ми да почию, прежде даже не отъиду, и к тому не буду». Он еще прочитал какой-то псалом и, кончив его, остановился.

– Добре, Феодор! Иди с миром почивай, – видимо за него заступаясь, сказал ему о. Паисий. Мальчик, сделав три земных поклона сперва учителю, а потом столько же о. Паисию, вышел из кельи.

– А эфто́т како́во занимае́тся? спросил о. Паисий, показывая на мальчика, который остался в школе и сидел за раскрытой книгой.

– Зла злейшее, прости, отче, Христа-ради! Этот «углан» в учении и чтении зело косноязычен... А ну-ка, мытарев сын, прочти хоть по складам свой урок! приказал ему о. Досифей. Мальчик тотчас же начал:

– «Глаголь – слово – добро – ердь, *Господь*, покой – рцы – он – ро, *про*; слово – ве́ди – ять – *све*; просве; ща – есть – *ще*, просвеще, наш – иже – ние, *просвещение*, мыслете – он – мо – е, *мое*, и – слово – покой – слово – иже – си, и спаси, твердо – есть – те, и спасите, люди – ерль, *и спаситель*, мыслете – он – мой, *мой*; како – он – ко, глаголь – он – го, кого, слово – я – ся, *когося*, у буки – он – бо, – ю, *убою*...

– А прочти-ка по верхам! приказал вторично мальчику о. Досифей.

– Господь... просвещение... мое и спаситель мой кого...ся «убью».

– Кого ты убьешь? Читай: «убою!» поправил его учитель. – Ну, читай дальше, «невеглас!»

– Господь зашу... заши... защу... путался ученик, не зная, как выговорить трудное для него слово и трясся, как в лихорадке, боясь «кумы», которая висела прямо перед его глазами на крючке.

– Дурак!! прогремел о. Досифей, но за плетку взяться, как видно было, постеснялся меня.

– Тыква! Сиречь глупая голова, перевел он, наконец, непонятное для меня слово. Читай: Господь защититель животу моему...

– Наказание мне с ним, обратился учитель к о. игумену, который всё время сидел у стола, перебирая лестовку, словно бес лютый обуял им.

– Надо завтра Евангелие прочитать над ним, авось нечистая сила его и оставит, – сказал о. Паисий. Да и Михайло Максимыч посмотрит на это. Ведь ты не видал, как это делают? спросил он меня.

– Нет не видал, – отвечал я.

– Да где вам видать в вашем Вавилоне!⁷¹ Нешто ваши попы знают, как изгнать беса нечистого! – Где им! пренебрежительно воскликнул он и при этом так заносчиво посмотрел на меня, что по одному его взгляду можно было подумать, что о. Паисий уже не с первым бесом имеет дело и что он так же легко может выгнать беса из человека, как кухарка из кухни блудливую кошку, за хвост да и на мороз: ступай, мол, проветрись.

– А что, «отчинька»,⁷² читать мне или уж довольно? обратился к своему учителю мальчик. О. Досифей, как бы не слыша мальчика, с важностью молчал.

– Отпусти его, отче! сказал о. Паисий. – Ему надо завтра, пораньше встать да помолиться, чтобы подготовиться к слушанию св. Евангелия.

– Добре! Ступай, юнец, почий! сказал о. Досифей. Мальчик очень истово помолился на образ и сделавши, как и Феодор, тому и другому старцу по три земных поклона, повернулся к двери.

– Стой! закричал на него о. Досифей. – Куда повернулся? К бесу! Из тебя хотят изгонять его, а ты сам к нему поворачиваешься! Иди и «вставай на поклоны!». Возьми лестовку, да во славу Божию откланяйся «четыредесят»⁷³ поклонов.

Мальчик послушно встал пред образом, положил перед собой подручник и со слезами на глазах начал неторопливо откланивать поклон за поклоном, а чтобы он не обманул и вместо сорока не откланялся бы тридцать, для этой цели о. Досифей сел на табурет и по своей лестовке сам проверял число поклонов.

– Чередом клади на себе крестное знамение! – Не жалея своих, – постукивай...⁷⁴ А то смотри, хоть и зла «кума», но она даст ума! начитывал провинившемуся мальчику о. Досифей.

Я никак не мог понять, как этот мальчик мог повернуться к бесу и, не желая помешать производившему контроль над поклонами о. Досифею, а потому и обратился с вопросом к о. игумену.

– Скажите, пожалуйста, о. Паисий, за что же на этого мальчика о. Досифей наложил епитимью?

– Никаких же вы христианских порядков не знаете! упрекнул меня о. игумен. – Никола, уходя отселева, повернулся, на левую руку, а на левой, известно, бес сидит, а на правой ангел. За это его и заставили помолиться, а ежели не учить их христианскому житию, что из них выйдет?! – Онодысь приехал к нам его отец, богатеющий человек и шибко богобоязненный, привез даже бадейку меду в обитель для братии, спаси его Христос! Поклонился этак мне в ноги, батюшка, говорит, о. Паисий, научите вы, говорит, моего Николку уму-разуму, да страху Божьему, да пуще всего чтению, у нас, говорит, наставник наш Иван Семеныч ничего не умеет читать – прости Христа-ради! Найдет ему «головщик» Евангелие, чтобы он заранее вытвердил; уж он твердит-твердит и то путем прочесть не умеет. «Головщик» подскажет, когда кончить Евангелие, – кончит, а не подскажет, так он и до доски прочитает. – Одно слово – бестолковый! Племянника я, говорит, недавно женил, венчал Иван Семеныч. В часовню-то много понабралось народа-то, «антиресно» ведь «каждому» посмотреть на богатую «свальбу»; тут и нikonьяне должно были. Начал он читать Евангелие, да так-то громогласно! Надо полагать, себя показать перед нikonьянами захотел, что де не все одни попы да дьякона бывают громогласны, думал он, а мы хотя мол и мужики, но тоже не лыком шиты и в грязь лицом, не ударим. «Бысть брак», загремел он, тут надо сказать: «в Кане», а он сдуру-то да и брякни: «в бане», а народ, известно, дикой! Ну, прыскать да смеяться во всех углах. Поговорил я ему опосля-то: не совался бы, ты, говорю, Иван Семеныч, со своей шубной грамотой-то, лучше бы было, – право!

– Прости, говорит, Христа-ради, не разглядел! Буква то «како», вишь на «буки» то уж очинно смахивает, а очки то я, говорит, у себя дома на «божничке» забыл.

А что очки? Отговорка одна! Хоть десяток навесь ему, говорит, на нос-то, всё равно не лучше прочитает – знаем! Поговорил я ему порядком, а смеху-то не убавилось: от никониан-то нам срам один! А чтобы этого не было, отец-то Досифей и старается просветить их светом учения, спаси его Господи и помилуй, проговорил о. Паисий и при этом набожно

посмотрел на стоявший в углу образ. – Правда, он строгонек маленько, да что поделаешь, на то и в Писании сказано: «Зачало премудрости страх Господень».

Пока мы разговаривали, сопровождавший нас послушник приготовил для меня постель, состоящую из кошмы, обшитой белым холстом и подушки с какой-то неопределенного цвета ситцевой наволочкой.

Поговоривши кое об чем житейском, о. Паисий предложил мне на завтрашний день съездить к «матушкам» в скит, который находился всего в двух верстах от мужского, но я отклонил его предложение, ссылаясь на оставленные стада баранов и недостаток для них корма. О. Паисий, пожелав нам спокойной ночи, ушел вместе с послушником; о. Досифей занялся чтением, а я, утомленный, скоро заснул.

Спал я довольно крепко, но меня разбудил какой-то необыкновенный звук, похожий на то, как будто ломали что-то. Мне пришло в голову, уж не ворота ли у конюшни какие-нибудь бродяги разбивают, чтобы увести скитских и наших лошадей. Вскочив с постели, поспешно одевшись, я вышел из училища, направляясь к западной стороне молельни, откуда происходили эти необыкновенные звуки. Скоро мне представилась следующая картина: на двух столбах с перекладиной висела на веревке, судя по звуку, хорошо просушенная деревянная доска, аршина полтора длиною и вершков десяти шириною. Какой-то монах, с зажженным пучком лучины в зубах, со всего плеча, и со всем усердием, молотил дубиной по этой доске; от этих ударов, казалось, весь лес трещал, но «звонарь» не унимался. Когда я увидел эту импровизированную колокольню, опасение моё за кражу лошадей само собою рассеялось.

Монахи, услышав призыв к молитве, шли один за другим в молельню: одни – с лучиной, а другие – ощупью. Сон мой был уже нарушен, и я, движимый любопытством, вошел в молельню, в которой горело всего три лампадки, отчего повсюду царил полумрак. Монахи, спавшие в молельне,⁷⁵ вставали: первые из них умывались, другие одевались, а некоторые уже клали «начал», так что о. игумен едва успевал каждому сказать: «Бог простит, Бог благословит».

Когда братия были все готовы, о. Паисий произнес:

– Извольте класть начал!

По окончании коего, он, обернувшись лицом к братии, сказал:

– «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Простите мя отцы святии и братия!»

– «Аминь, Бог простит, отче святой!» отвечала вся братия в один голос.

– Господи Иисусе Христе. Сыне Божий, помилуй нас. Благословите!

– Аминь, Бог благословит, отче святой!

При этом и братия кланялись игумену с теми же словами. После этого о. игумен, сделав перед иконами три поясных поклона, провозгласил:

– «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Благослови, о. Мельхиседек, замолитвовать!»

– Аминь, Бог благословит, отче святой!

– «Замолитв святых отец наших», и проч., а пока о. игумен замолитвовал, один старичок-монах, взяв подручник с той же молитвой «Исусовой», поклонился в ноги о. игумену:

– Благослови, отче святой, прочести полунощницу!

– Аминь, Бог благословит, отче, потрудись Христа ради во славу Божию! чуть слышно проговорил последние слова о. Паисий.

Голос чтеца плавно и четко раздавался в мрачной молельне: он прочитал всё, что полагалось по уставу, а также и 17-ю кафизму целиком, но к аналою не подходил и книги не открывал; оказалось, что этот монах был совершенно неграмотный, не знавший, как говорится, «аза – в глаза», но он довольно порядочно читал, почти всегда верно делал ударения и останавливался на точках; он жил в скитах уже более 30-ти лет, наизусть знал всё старообрядческое пение и числился в «обители» не последней спицей в колеснице, а в страдную или в другую рабочую пору, когда другие грамотные монахи были на работах, был просто незаменимым помощником в молении о. Паисию.

Когда была окончена полунощница, о. игумен с теми же благословениями, молитвами и замолитвами начал служить утреню. Зажгли свечи и лампы. Экса-псалмы⁷⁶ читал сам о. игумен, которое и прочитал безукоризненно. Я уже после узнал, что у старообрядцев шестопсалмие всегда читают сами настоятели.

Пропели «Бог Господь» и начали читать кафизмы. Когда чтец дочитывал последнюю славу последней кафизмы, о. Ефрем (он был в сане подыгумена) испросил у о. Паисия благословение «кадильницу раздуть».

Нужно заметить, что старообрядцы, когда кадят иконы, держат кадильницу не просто в руке, как попало, а в «кресте», как они говорят. Представьте себе, что о. Ефрем сложил персты (двухперстным сложением) как бы для изображения на себе крестного знамения: в трех перстах, большом, безымянном и мизинце он держал самый конец ручки, а указательным и средним поддерживал ручку снизу и таким образом выходило, что он действительно держал кадильницу в двухперстном сложении.

Когда о. игумен запел «Хвалите имя Господне», о. Ефрем, вставши на середине молельни, сделал перед Распятием три поясных поклона и испросил у игумена благословение «иконы покадить». Он прежде всего покадил Распятие, перед которым клал поклоны, а потом стал кадить и другие иконы. Покончивши с каждением икон, он зашел и на кухню, где покадил квашню, как видно поджидавшую его и уже стоявшую раскрытой, горшки, припасы и овощи, принесенные для приготовления на кухню, не забыл также покадить и в печь, в которой в то время горели сухие березовые дрова. Когда он вышел из кухни, «отцы и братия» стояли уже с расстегнутыми рясами,⁷⁷ подрясниками и даже рубашками. Приготовившись, таким образом, они держали в руках тельные кресты, преимущественно кипарисовые, оправленные медью или оловом, величиною от одного до двух вершков. Импровизированный дьякон, как и следовало ожидать, покадил крест прежде у о. настоятеля, а потом у монахов и послушников. Дошла, наконец, очередь до старичка-монаха, который сидел в кресле, им самим устроенном и, навалившись

на печку, крепко спал. Подошедши к нему, о. Ефрем очень неделикатно дернул старца за «каптырь» и закричал ему в самое ухо:

– О. Иринарх! Крест покадить!

О. Иринарх, не расслышав, как следует, для какой дели его будят, и, не вставая с кресла, начал спросонья спешно класть поясные поклоны.

– Эва, принялся молиться, когда не требуется! – Крест добывай, тебе говорят! закричал на него о. Ефрем, не обращая внимания на происходившее богослужение. Понял, наконец, должно быть, о. Иринарх, для чего его разбудили, забормотал что-то себе под нос и, не торопясь, начал заскоруждыми руками расстегивать свою рясу, чтобы достать для каждения свой громадный кипарисовый крест.

– Охти – мне грешному! воскликнул о. Ефрем. – Скамейка у тебя была, так ты падал с неё, неудобно, вишь, тебе спать-то было, а теперь на-ко пойд! Кряслы устроил, чтобы за службой спать; как «янарал» какой развалится, да и храпит на весь «храм Божий»! Неча сказать, «улеботворил» сонному бесу; это ему, окаянному, чай по губе!

Покончив с каждением креста у «янарала», он отошел от него на левый клирос, чтобы поставить кадильницу на прежнее место.

– Ты, дяденька, наверно, не знаешь, кто такой сонный бес? спросил меня мальчик лет 15-ти, одетый в черный подрясник, старший и лучший из учеников о. Досифея, певец и будущий поборник «древнего» благочестия.

– Нет, не знаю! Объясни пожалуйста!

– А об этом в Патерике писано, понизив свой голос до таинственного шепота начал повествовать мальчик: там говорится, что один святой и прозорливый старец молился в церкви и видел, что бес ходил между братией со склянкой и перышком, помазывая очи инокам, отчего те предавались сну и уже не слушали церковного пения и чтения. Вот этот бес и о. Иринарху мажет очи, чтобы он крепче спал, до того ведь он – окаянный усыпит его проклятым своим снадобьем, что у него и слюна выйдет на мантию – ей-ей! А в носу то у него сопит, яко

кимвалы доброгласны! хихикнул мальчик в кулак, видимо довольный своей остротой, отошел от меня и мимоходом дернул за бороду успевшего уже уснуть о. Иринарха.

Мальчик этот жил в скиту уже 7 лет, звали его Иоанном, но сверстники, его соученики, забывая церковно-славянский выговор, которого так строго придерживался их учитель о. Досифей, часто, по деревенской привычке, называли его Иваном и даже Ванькой, за что и получали от строгого ментора удары двухвостки, или же подвергались епитимьи от 40 до 100 земных поклонов.

Служба шла обычным порядком. Грамотных монахов и послушников было достаточно, а потому чтецы часто сменялись один за другим. Каждый раз тот, которому приходилось читать, брал «подручник», кланялся в ноги о. игумену и испрашивал благословения «прочести». О. Паисий всегда неизменно отвечал монахам: Аминь, Бог благословит, «брате», а послушникам: «чадо». Когда, например, читали каноны на утрене, то после каждого ирмоса читал новый чтец, и все они довольно сносно читали, а если который ошибался, тогда о. Досифей без церемонии громко замечал.

Тот самый мальчик Иоанн, который рассказывал мне про сонного беса, благословившись, начал читать: «Хвалите Господа с небес».

Первый час читал о. Мельхиседек.

– Позовите-ка о. Евфросина! приказал о. игумен. О. Евфросин, старший повар, немедленно предстал перед о. Паисием.

– Вот что, брате Евфросине, громко начал говорит о. настоятель, – ты сегодня рыбки-то свари получше, да манной каши не забудь сварить, да смотри, пироги пропекай, как следует, а то ты «обнаковенно» всегда её засушишь, как на сухари. Гость-то у нас, сам знаешь, небывалый.

– Добре, отвечал ему о. Евфросин.

– Ступай, Бог благословит. А сам начал читать молитву по окончании первого часа:

«Христе, Свете истинный, иже просвещающий и освещающий всякого человека, грядущаго в мир... Нашим рыбакам теперь

должно не до рыбы, прервав чтение, посматривая в окно, промолвил о. Паисий. Да знаменается на нас свет лица твоего, Господи... Вишь, дождь какой пошел! Яко да в нем ходяще узрим свет... Если бы балаган то был, так хорошо бы им было; сожег какой-то негодяй! Неизреченные твоя славы, яко благословен еси и т. д.

Когда окончили первый час, о. Ефрем громогласно провозгласил:

– «Спаси, Господи, и помилуй раба своего черноризца Паисия о Христе с братиею!» (поклон). Братия все в один голос речитативом начали читать:

– «Избави его, Господи, от всякие скорби, гнева и нужды, от всякие болезни душевные и телесные (поклон), и прости ему всякое согрешение (поклон) вольное и невольное (поклон), и нас помилуй милости твоя ради, яко благ и человеколюбец (поклон).⁷⁸

Игумен, обратившись лицом к братии, приложил руки к сердцу и сделал им поясной поклон с словами:

– «Спаси вас, Господи, и помилуй!»

После этого уже сам игумен начал всех поминать по имени. Когда братия говорит этот стих «Избави его Господи», лицо, за кого молятся, кланяется с ними вместе и шепчет про себя: «Услыши, Господи, молитву раб своих молящихся Тебе», после окончания сказанного стиха, берет «подручник» и кланяется в ноги игумену, говоря:

– Господи, Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Бог спасет, отче святой, на святой молитве, – а также и братии кланяется.

– А Митрея Филимоныча, отче, забыл помянуть? Он недавно нам елею прислал, спаси его Господи! сказал молодой монашек, исправлявший должность помощника «головщика».

– Ой! простите Христа-ради! Забыл, грешный я человек, нашего благодетеля! как бы извиняясь, воскликнул о. игумен.

За то, что забыли за него помолиться, или уж он особенный был щедрый жертвователь, который обыкновенно ежегодно елею по 4 пуда и свеч восковых по 3 пуда, жертвовал в

«обитель», за него вместо одного «стишка», прочитали три. Эта честь выпадает на долю только одним именинникам.

Независимо от заздравных стихов, молятся они и за упокой. Заупокойный стих начинается следующими словами:

– Покой, Господи, душу усопшего раба своего (имя-рек) (поклон). Братия в один голос читают (тем же речитативом, как и заздравный стих):

– «Елика в житии сем яко человек согреша, ты же яко человеколюбец Бог прости его и помилуй (поклон), и вечные муки избави (поклон), небесному царствию причастника учини (поклон) и душам нашим полезное сотвори» (поклон).

Кланяться и благодарить за молитву считается у них обязательным, а потому вместо умершего кланяется его родственник или знакомый.

Когда совершено было заздравное и заупокойное моление, вся братия в один голос с игуменом во главе начали читать: «Богородице Дево радуйся» и после каждого тропаря поясной поклон (в посты земной), прочитав «Богородице Дево радуйся» 10 раз, а в 11-й «Отче наш», тоже с поклоном. Таким образом, 50 раз прочитают «Богородицу» и 5 раз «Отче наш»,⁷⁹ а чтобы не смешаться в счет, для этой цели у каждого монаха и послушника есть специальная лестовка, называемая «богородичною». Шитьем лестовок занимаются в «женской обители матушки». Для стариков «ступеньки» на лестовке делаются более крупными, чем у молодых, в виду того, что у старых людей не так уже чувствительны руки к осязанию, и вместо одной «ступеньки» другой старик пожалуй начнет отмахивать сразу по 2 да по 3 штуки.

Не отдыхая нисколько, «отцы» начали служить часы. После псалма «Благослови душе моя Господа», о. Досифей, благословившись, вышел на средину молельни читать апостол. Когда он читал, мне показалось, что он свой нос ватой заткнул, до того он старался гнусить, видимо находя в этом какую-то особенную прелесть и удовольствие.

После прочтения апостола, о. игумен вышел на средину кельи, где на особом аналое лежало Евангелие. Во время пения

«Слава тебе Господи», он поклонился о. Ефрему в ноги с молитвой Исусовой, говоря:

– Благослови, отче святой, «прочести» Евангелие на изгнание духа нечистого, гнездящегося в рабе Божиим Николе!

– Аминь, Бог благословит, молитвами евангелиста Луки, отче святой! отвечивал о. Ефрем.

О. игумен очень осторожно снял с Евангелия покрывавший его шелковый платок и еще осторожнее начал разворачивать его, так как кроме покрывала оно было завернуто еще в голубой шелковый же платок. Евангелие было в бархатном переплете, издание Филарета Патриарха, совершенно чистое и почти как новое.

О. Досифей махнул рукой своему ученику, который, по их мнению, был одержим лютым бесом. Мальчик был бледен и дрожал всем телом. Ему страшно было от того сознания, что он, по словам таких популярных старцев, коим нельзя не поверить, имеет в себе беса, а потому он и был так расстроен и взволнован. Когда он склонился у аналоя, как бы изображая собою живой аналой, зубы его стучали, как в лихорадке. О. игумен, взяв Евангелие, положил его на спину мальчика и начал читать медленно, а мальчик так дрожал, что лежавшее на его спине Евангелие, так и прыгало, несмотря на все усилия о. игумена удержать оное. От сильного дрожания мальчика он с трудом мог разбирать слова, несмотря на крупную печать в Евангелии.

– Вишь, нечистая сила! Евангелие-то должно быть не по силам тяжело супостату. Нет, губитель, сколько ни крепись, а супротив о. Паисия тебе не устоять! Вражеская сила! злобно острил, по адресу беса, сидевшего в мальчике, какой-то старичок, твердо веривший, что де если уже о. Паисий взялся выживать врага рода человеческого, то против его не только какой-нибудь там маленький бесишка, а сам сатана и тот спасовал бы.

Евангелие, наконец, было прочитано. Мальчик выпрямился весь в слезах и бледный, как скатерть, стоял, нервно перебирая лестовку. О. Паисий приказал ему поцеловать ту строку в Евангелии, где кончалось прочитанное зачало. Мальчик,

перекрестившись, поцеловал, затем дрожа и шатаясь, отошел от аналоя в сторону.

Во время пения шестой песни молебнов слышался за дверями мужской голос, говоривший молитву Иисусову.

– Кто-то «молитствуется!» зашептали монахи между собою – и один из них так же, как и нам вчера, отворив дверь, сказал:

– Аминь, святой молитве!

В келью вошел какой-то крестьянин, помолился на иконы три поклона и встал, как вкопанный. О. Паисий, увидев его, подошел к нему.

– А! Данило Тимофеич! Милости просим! Крестьянин, как и мой Терентий, начал ему класть в ноги три земных поклона.

– Прощенье бы мне прочитать надо, отче! сказал он.

– Только на тебе одёжа-то не христианская, промолвил о. Паисий, оглядывая крестьянина с ног до головы. – Сними «спинжак» то свой басурманский, ведь их немцы носят, немецкая эта одёжа. По настоящему-то в ней не полагается к нам и ходить-то даже.

– Да я коней пошел искать, мы тут на «Липовой» дороге уголь жгем, да я и не думал, что к вам дойду, так невзначай пришлось побывать, оправдывался мужик, которому видимо очень хотелось прочитать у о. Паисия прощение и очистить себя от грехов и «замирщения» хоть сколько-нибудь.

– О. Герасим! обратился он к одному средних лет хромому монаху. – Нет-ли у тебя какого кафтанишка? Дай, Бога ради, мне только прощенье прочитать! В «спинжаке» то грешно, сказывает о. Паисий.

– Кафтана-то нету, а ряса есть: она у меня в своей кельи, нешто тебе долгонька разве будет?

– Ничего, как-нибудь ладно! успокоил его жаждавший искупления грехов крестьянин.

– Ну, так я, Данилушка, сбегая за ней, и о. Герасим заковылял, выходя из молельни, желая угодить знакомому человеку; он скоро сходил к себе в «отходную» келью, неся в руках старенькую черную рясу.

– Вот, Бог благословит, родимый, надевай, подавая рясу крестьянину, промолвил о. Герасим. – «Бытто» настоящий «из

пустыни старец», шутил простодушный монах.

Крестьянин надел рясу, которая волочилась по полу на целую четверть. Ребята, увидев комичного нового монаха, прыснули со смеху, но о. Досифей, покосившись на шалунов, погрозил им своей громадной лестовкой, согнутой вдвое. Крестьянину прочитано было такое же прощение с молитвами и поклонами, как и вчера Терентию. О. Паисий велел ему дожидаться обеда.

– «Спинжак-то» вынеси в сени; не подобает ему здесь быть! строго сказал о. Паисий.

Крестьянин безропотно исполнил приказание о. игумена и, заметая пыль подолом своей рясы, вышел в сени, чтобы повесить там негодную в скиту «немецкую одёжу».

Служба затянулась до половины девятого. Я, желая проверить свои часы с скитскими, посмотрел на висевшие на заборке старинные часы в корпусе; они показывали половину четвертого. Я удивился, что так врут они. От наблюдательного взора о. Досифея не скрылось моё удивление по поводу разницы в часах и, когда кончилось богослужение, он подошел ко мне с книгою в руках.

– Я заметил, начал он говорит чисто по-русски, – что вы удивились, видя разницу ваших часов с нашими. У нас они идут совершенно верно: ваши часы идут по уставу Петра Великого, а наши по уставу св. отцов. Которые верней? – Скажите! Не дожидаясь ответа, он раскрыл книгу, в которой прочитал: «Во осьмой час ночи параклесиарх⁸⁰ клеппет в великое било, еже собиратися братии и начати утрення». Разве бывает в восьмой час ночь по вашим часам? Бывает утро или вечер, и что бы вышло, если бы мы начали по вашим часам служить в восьмой час утреню?! Она у нас продолжается восемь часов; следовательно, мы бы окончили её в три часа дня. При этом начетчик расхохотался, обнажив свои испорченные зубы. – Теперь поймите, продолжал он, что во времена до-петровские ровно в полночь было шесть часов и ровно в полдень шесть, а потому и разница во времени в шести часах. Мы же, во всем последуя древне-отеческому законоположению и преданию св. отцов, и этого не смеем нарушить, потому и заводим свои часы

по установленному чину, не согласуясь с временем «антихристовым». Так-то, Михайло Максимыч! – и при этом о. Досифей потрянул своей кудластой головой и, повернувшись, пошел от меня, чтобы положить на место книгу.

Я подозвал к себе Терентия и сказал ему, что нужно ехать к стаду. Ему видимо не хотелось уезжать от «старичков», а поэтому он ничего на это мне и не ответил, а только лениво чесал за ухом. О. Паисий, услышав, что я собираюсь ехать, подошел ко мне и громко запротестовал:

– Что вы, Михайло Максимыч, трудились-трудились, стояли всю службу, да голодом от нас и поедете? – Нет, мы без обеда вас не отпустим, да и лошадей ваших вам не отдадим, усмехнулся он, а вот пока на столы накрывают, так лучше идите-ка послушайте нашего слепца, время-то за беседой и пройдет для вас незаметно. Слепой тут же сидел в молельне, рядом с о. Иринархом, одержимым сонным бесом, ворочая бельмами своих безжизненных глаз. Одет он был в черную рясу. Верхушка его головы была гладко выстрижена, а лицо его все изрыто было оспой, от которой он еще в детстве потерял зрение.

– Потрудишься, брате Ларион, повеждь нам Господа ради о последнем времени и соблазнах антихристовых! обратился к слепому о. Паисий, а потом, обернувшись ко мне, сказал на ухо так громко, что слепой не мог не слышать: воистину сладкоглаголив, а наипаче и памятен; добре рек царь и псалмопевец Давыд: «Господь умудряет слепца». Книг не видал, а книжного поучит, да и разум св. Писания весть (знает).

М. Огибенин

(Продолжение будет).

Из миссионерской полемики

**Боголюбов Д. Беседа со штундо-баптистами о
Христовом священстве // Миссионерское обозрение
1901 г. № 9. С. 291–301**

Была глухая осень. Дождь лил, как из ведра. Дул пронзительный, холодный ветер. – В такую пору я заехал в одну штундовую деревню. Быстро узнали, что приехал «минсинер». Ко мне на квартиру стали стекаться любопытные и скучающие от вынужденного безделья крестьяне. Все старались узнать: скоро ли будет беседа с сектантами?

Появились, под вечер, штундисты. Они пожелали «ознакомиться» со мной. Ими руководил молодой еще пресвитер, Алексей Парфеныч. Это был худощавый, бледный, со впалыми глазами человек. Он говорил с весом; волноваться напрасно не любил. Здоровья был плохого.

Войдя в дом, он важно поздоровался со всеми. Мне едва кивнул головой. Нас познакомили. Хозяин усадил всех за чай. Разговорились.

Алексей Парфеныч находил, что православная Церковь поступила «мудро», заведя миссионеров. Тьма на деревнях стоит страшная. Народ волнуется разными религиозными вопросами. Кто успокоит взволнованные умы? «Священники поработаны *своими* делами»...

Здесь Алексей Парфеныч остановился и пристально посмотрел на моего соседа – батюшку.

– Да, у священников много служб церковных; им даны школы. Надо «по земноте» хлопотать. Что говорить? – Все мы – люди...

Алексей Парфеныч, на удивление, рассуждал благоразумно и беспристрастно. Я это высказал ему. Он слегка наклонил голову и продолжал:

– Ну, и то сказать, в нашем округе нет священников – знатоков Писания. Все они не могут разрешить наших сомнений. Они сами неопытны в защите своей Церкви. Вот тут миссионеры и необходимы. Это – клад для православных...

– А давно вы служите? – спросил меня Алексей Парфеныч.

– Совсем еще не служил. Только выхожу на делание...

– То-то вас не видно было в наших местах!

И Алексей Парфеныч с любопытством посмотрел на меня, как бы желая определить, что я за человек?

– О чём же, позвольте узнать, вы хотите побеседовать с нами? – спросил он пред уходом.

– Да о Церкви Божией думал я поговорить с вами. Ведь это – срам: все мы – русские люди, а сколько у нас споров о вере!...

– О Церкви... как-то рассеянно протянул Алексей Парфеныч. Церковь – дело большое. Обо всём сразу не переговоришь. Надо или о *составе* Церкви беседовать, или о суде церковном, или о *святости* Церкви. Это всё – отдельные вещи...

Я понял, что собеседник мой был прав. Мне стало стыдно за свою неопытность. Я охотно согласился с высказанным мне замечанием. Мы решили, с утра, беседовать о составе Церкви Христовой, или точнее – о первой её половине, *пастырях*.

Когда штундисты ушли, квартирный хозяин поучительно заметил мне:

– Вы, господин, не смотрите, что сектанты наши, на вид, такие рассудительные да тихие. Не даром у них – синяки под глазами. Я так полагаю, – это от внутренней злости. Сердиты они на всех, – и на власть, и на мир, что их не слушают да ходу не дают им. Вот они и прикидываются пока – что овечками. А дайте им волю, власть, – они нас живьем в могилу закопают!... Знаю я этих блаженных людей.

Я чувствовал, что хозяин мой говорил не без основания; но опытно я еще не знал настоящего характера штундистов. Потому и решил беспристрастно и лично ознакомиться с сектантами и «пока-что» – наблюдать, соображать и всё записывать себе на память.

Утром дождь не переставал лить, часов с 10, народ уж толпился у «въезжей». Не замедлил туда прийти и я. Людей было много и в комнате, и в сенях. Меня поджидали. С трудом протискался я к столу. Всё разом смолкло. Пропели молитву «Отче наш». Прямо против меня установились сектанты во главе с Алексеем Парфенычем. У многих из них в руках были карманные евангельца.

Я стал говорить о том, как Господь пострадал и искупил людей от грехов и от гнева Божия. ИскуПЛенные кровию Спасителя и по милости нашего Господа, люди, составили из себя *святую Церковь* (Деян.20:28; Еф.5:25, 26, 27). В эту Церковь Господь положил всё, что нужно нам для спасения (Еф.1:22, 23; Ин.7:37–39). Кто хочет быть сыном Божиим, – приходи в Церковь и облакайся в Божию благодать (Ин.7:37, 38). А кто же из христиан не хочет быть в общении с Богом и не жаждет спасающей благодати? – Вот почему всем нам *прежде всего* надобно *испытать*, где находится эта святая Церковь Божия? И испытать это надо на основании Слова Божия, – по тем признакам, какими наделил Бог Свою истинную святую Церковь. Мы веруем, что *такую* Церковь является в мире Церковь *православная*...

– Пойдите! – решительно перебил меня Алексей Парфеныч. – Вы не говорите нам *ничего* против Писания. Из Слова Божия мы усматриваем, что есть Церковь *Христовая*, есть *христиане* (Деян.11:26); про *православие* же мы нигде ничего не находим...

Я был изумлен поступком Алексея Парфеныча. Я ждал от него большей сдержанности. Я надеялся, что меня выслушают до конца. Но я увидел, что сектанты ничего так не жаждут, как «уловить» меня на словах и уронить в глазах народа значение моей проповеди...

С грустью я ответил Алексею Парфенычу.

– Хорошо сказал премудрый Сирах: «*прежде нежели выслушаешь, не отвечай, среди речи не перебивай*» (Сир.11:8). Вы, Алексей Парфеныч, не слушаетесь голоса премудрого и не даете мне *вполне* высказаться. За это – грех на вас. – Но обращаюсь к вашему возражению: *первые* христиане именовались, действительно, просто *христианами* (Деян.11:26). Тогда в Антиохии их общество только еще нарождалось; между ними не было разделений. А то ли мы видим теперь? Теперь христиан на земле много; одни из них зовутся католиками; другие – лютеранами; иные – молоканами, баптистами, штундистами. Видите, сколько толков появилось в христианстве? Поэтому мы, *истинные* последователи Христа, в

отличие от всех других христиан, усвояем себе имя *православных*. И название это мы выдумываем не «от себя», а берем его из свящ. Библии. В Пс.32:1 мы читаем: *«радуйтесь, праведные, о Господе: правым прилично славословить»*. Итак, по словам прор. Давида, есть *«правое славословие»* Господа. В сокращении и по-славянски «правое славословие» заменяется одним именем *«православие»*. Отсюда и Церковь наша называется *«православною»*, т. е. Церковью *право*, верно преподающею и содержащею *«слово истины»* (2Тим.2:15).

Слушатели православные одобрительно загудели. Они требовали, чтобы «штундисты» не перебивали меня, а ждали бы своей очереди говорить.

И я продолжал речь:

– Итак, всем христианам необходимо точно знать, где на земле существует истинная, *правая* Церковь Божия? *Первою* приметою такой Церкви апостолы считают существование в ней истинного, *правого* священства...

Алексей Парфеныч, не дождавшись вопроса, опять заговорил:

– Не могу терпеть. – Вы всё не по Библии говорите. Про какое-то Христово священство толкуете... Да разве у Христа есть священство?

Я уже не удивлялся возбужденности Алексея Парфеныча. Я насторожился и ждал от него «перебивок». Поэтому я спокойно ответил:

– Есть, друг, и у Христа священство. В посл. к Евреям мы читаем: *«Сей, как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее»* (Евр.7:24). Видите, у Христа есть даже «непреходящее священство»! Другими словами: священство Аарона было *временное* (Евр.7:11, 12); Христово же священство – *вечное*. От Христа это священство, чрез апостолов, передано служителям Его истинной, правой Церкви. У ап. Павла мы читаем: *«напоминаю тебе, – пишет он Тимофею, возгревать дар Божий, который в тебе чрез мое руковозложение»* (2Тим.1:6). Этот «дар» или «дарование», по словам того же апостола, передается верующим *«с возложением рук священства»* (1Тим.4:14). Значит, и после Христа, в Церкви Его

есть *священство*, которое передается чрез *правильное*, преемственное руковозложение. Это священство в Слове Божиим именуется иначе *пресвитерством*. Так мы и читаем в кн. Деяний Апостольских: «*рукоположивши пресвитеров к каждой церкви, Павел и Варнава помолились с постом и передали их Господу, в Которого уверовали*» (Деян.14:23). О пресвитерах же многократно говорит в посланиях ап. Павел (1Тим.5:17; Тит.1:5). Убеждены ли вы, что без *истинных* пресвитеров Церковь Божия не может стоять на земле?

– Да, убеждены, веруем в это... У нас в Церкви есть *истинные* пресвитеры, – те самые, про которых написано в 1 посл. ап. Павла к Тимофею 1Тим.3:1–7.

Я возразил:

– У ап. Павла в прочитанном вами месте не о пресвитерах говорится, а о *епископах*. Это – не одно и то же...

– По нашему убеждению, епископ и пресвитер – одно и то же...

– Неправда. В посл. к Коринфянам апостол пишет: «*сколько, напр., различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения*» (1Кор.14:10). Это замечание апостола истинно, а, следовательно, истинно и то, что епископ и пресвитер – не одно и то же. Иначе бы они назывались *одним именем*.

– А как же, возразил Алексей Парфеныч, пресвитеры иначе именуются у апостола *предстоятелями*? Да и вы назвали их *священниками*? Значит, можно давать им разные имена...

– Можно, без сомнения, но только такие, которые описывают *права* или *обязанности* именно пресвитеров, а не смешивают их с другими должностными лицами. Пресвитеров апостол называет «*предстоятелями*», потому что за службой они стояли *впереди* христиан и во всех делах, где не было епископов, *председательствовали*. А назвал ли апостол пресвитеров хоть однажды *диаконами*? – Нет: пресвитер есть пресвитер, а диакон – диакон. Как у вас: староста –сам собой, а десятники – сами по себе...

Последнее сравнение было особенно понятно народу. Послышались голоса:

– Вишь, епископ и пресвитер – одно и тоже... Много чести! – Небось, десятский и земский – разные лица!...

– Путаются! – промолвил ближайший мой сосед, православный начетчик.

Я продолжал утверждать, что епископ и пресвитер – не одно и то же.

– В посл. к Филиппийцам, говорил я, мы читаем: *«смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас»* (Флп.3:17). Какой же «образ» имела Церковь Христова при апостолах? В ней *впереди* всех находились апостолы (чит. особ. Деян. 15 гл.). За ними стояли пресвитеры (там же, Деян.14:23 и др.) и уже потом диаконы (Деян. 6 гл. и др.). Были, значит, в апостольские времена *три* степени (ср. 1Тим.3:13) служителей алтарей Божиих. Эти *степени* – апостолов, пресвитеров и диаконов – должны быть и в наши дни. Только, из смирения, преемников апостольских Церковь именует «епископами», «блюстителями», а не апостолами. Остальных же лиц она называет прежними именами. А если *истребить* апостольскую степень из среды верующих, – тогда христиане будут жить не по образу Апостольской Церкви, а по своим вымыслам, – что – грех (Кол.2:18; 1:8; ср. Гал.1:9).

Наконец, и в посл. к Евреям написано: *«без всякого прекословия меньший благословляется большим»* (Евр.7:7). А в посл. к Титу читаем: *«для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал»* (Тит.1:5).

Ясно отсюда, что Тит должен был *«поставить»* или *«благословить»* во все города Крита пресвитеров. А как бы он это сделал, если бы он был тоже пресвитером? Тогда выходило бы, что *равный благословляет равного*, а это – против Писания (Евр.7:7). Значит, Тит был выше простого пресвитера; но не был он в *точном* смысле апостолом. Он был *сотрудником, сподвижником* ап. Павла (2Кор.8:23), или по другому названию – епископом в Церкви Критской.

Вот на основании этих соображений и необходимо признать в Церкви Христовой *три священных степени* служителей Божиих, а не две.

– Допустим, – упавшим голосом заметил Алексей Парфеныч. Но мне непонятно: как же епископ епископа может ставить, когда высший должен благословлять низшего?

– Так, ответил я, как рассказано в 1-й гл. кн. Деяний об избрании в апостолы св. Матфея. – В Церкви православной не один епископ ставит епископа, а собор святителей Христовых избирает и поставляет в епископы достойных лиц. Такой порядок согласен со Словом Божиим.

– Так! – рассеянно протянул Алексей Парфеныч. – Но каким же манером вы истолкуете слова ап. Павла: *«епископ должен быть одной жены муж»*..., а у вас архиереи не женаты. Разве это по Писанию! – И думаю я, что тут речь про пресвитеров...

– Ап. Павел не обязывает всех людей непременно жениться. Правда, он пишет: *«епископ должен быть одной жены муж...»* (1Тим.3:2). Но это не значит, что епископ *обязательно* должен жениться, а значит только то, что епископ, по еврейскому обычаю, не мог *одновременно* на двух женах жениться или, в случае *вдовства*, повторить свой брак. Апостол даже от простых христиан не требует, чтобы они все были женаты. В посл. к Коринфянам девство он ставит для всех *желанным* состоянием. *«Желаю, говорит он, чтобы все люди были, как я»* (1Кор.7:7), т. е. *не женатые*. Как же после того он стал бы *насиловать* произволение епископов?

И в Церкви православной, на первых порах, допускались к служению женатые епископы. После же, когда жизнь стала трудней и ревность по вере у христиан ослабела, – стали ставить в епископы только людей не женатых или вдовцов. – Какой в этом грех? Какое нарушение апостольской заповеди? А вы лучше, Алексей Парфеныч, сознайтесь, что, во 1-х, вы поступили против Писания, уничтожив в Церкви служение епископское; а во 2-х, докажите, что ваши пресвитеры – не самозванцы, а настоящие, *правильные* «предстоятели» Церкви, от самих апостолов получившие на то власть...

Алексей Парфеныч стих. – Он задумчиво сказал:

– Слышно, что и у нас хлопочут об епископах...

– Хлопотать вы хлопочите, только заранее знайте, что хлопоты ваши пропадут по пустому. Если загасить в комнате

огонь, а спичек и огнива нет, – так огня опять не зажжешь. Вы оторвались от апостольской Церкви, – нет у вас и правильного, *преемственного* руково^зложения над пресвитерами.

– Как нет? Мы пресвитеров избираем по Писанию – *трезвых, честных, целомудренных, учительных...*

– Против этого я, пожалуй, спорить не буду, хотя нужно еще очень доказать, что ваши пресвитеры *все* честны, – не воры, не пьяницы, не блудники. Но *правильно ли* они поставлены на дело? *Кто* их рукоположил быть пресвитерами в Церкви? – Вот важные вопросы...

Алексей Парфеныч молчал. Он, видимо, усиливался понять суть моих вопросов. В ожидании ответа и чтобы не томить людей молчанием я попросил слушателей православных пропеть «Верую во Единого Бога, Отца Вседержителя...». Пели дружно, складно. Я отдыхал от напряженной беседы и от духоты. Сектанты между, собою совещались.

По окончании пения Алексей Парфеныч переспросил:

– Так вы желаете знать, каким манером мы ставим себе пресвитеров?

– Да.

– По апостольским правилам.

– В том-то и вопрос весь, чтобы вы разъяснили мне эти правила, – сказал я. Вы слышали уже, что в Церкви Божией должно быть *непрерывно-преемственное*, от апостолов идущее руковозложение над пастырями. Это значит, чтобы вы показали нам, как благодатная струя священства, от *какого* апостола и *каким* путем течет на ваших пресвитеров?

– Хитрую задачу вы мне задаете! – пожав плечами, сказал Алексей Парфеныч. Едва ли это нужно для спасения...

– Напрасно вы так думаете? – ответил я. Если бы священство не нужно было христианам для спасения, – Христос и апостолы не заводили бы его в Церкви. А если они его завели, – ясно, что оно *необходимо* нужно всем христианам. Но мало ли кто может *присвоить* себе честь священническую? Однако никто не может быть священником, а только званный от Бога, как Аарон (Евр.5:4). Итак, покажите, от *какого* апостола и *через* *каких* преемников ваши пресвитеры получили честь священническую?

– Это вы хотите, чтобы мы историей доказывали истинность своих пресвитеров? – обиженно заметил мне Алексей Парфеныч. Истории мы не верим и доказывать ею *ничего* не будем...

– Напрасно вы так сердитесь на историю, – сказал я. Ап. Иоанн пишет: *«если мы принимаем свидетельство*

*человеческое, свидетельство Божие больше...» (1Ин.5:9). Отсюда видно, что христиане свою веру должны доказывать прежде всего «свидетельством Божиим». Но апостол говорит, что мы «принимаем свидетельство человеческое». Свидетельством Божиим мы уже доказали вам, что вы разрушили апостольский строй Церкви, ибо у вас нет *трех* степеней священнослужения. Теперь постарайтесь нам доказать, что хоть две-то степени вы сохранили от апостолов...*

– Из нового завета мы не видим нужды в таких доказательствах, – гордо возразил мне Алексей Парфеныч.

Очевидно, он чувствовал затруднительность своего положения и решил упорством прикрыть свою пустоту. Я усиливался сдвинуть его с ложного пути. – Я сказал:

– В новом завете как раз *есть* пример тому доказательству, какого я требую от вас. Вот ев. Матфей, желая убедить христиан, что Спаситель наш *по плоти* произошел из рода Давидова, составляет, *на основании истории*, целую родословную Его (Мф. 1 гл.); также и Лука поступает, возводя родословие Христа до Адама и даже до Бога (Лк.3:23–38). Покажите же вы, подражая евангельскому примеру, от какого апостола взяли начало ваши пресвитеры?...

Алексей Парфеныч хитро улыбался. С видом непобедимого книжника рылся он в Евангелице. Наконец громко и как-то особенно возбужденно прочитал: «*отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Ефесе, и увещевать некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры, нежели Божие назидание в вере*» (1Тим.1:3–4). Вот вам и родословия! Апостол не велит христианам заниматься ими...

– Да, *бесконечными* родословиями, которыми занимались люди, стараясь доказать своё происхождение от разных ангелов, ап. Павел не велит нам заниматься. Но я прошу вас указать мне *конечную* родословную ваших пресвитеров, по подобию евангелистов Матфея и Луки. Разве это трудно? Разве «за углом» протекала прошлая жизнь вашей общины (ср. Деян.26:26)?

– Ну, и въедливый вы человек! шутливо сказал Алексей Парфеныч. Разве вы не понимаете, что люди мы неученые и историй не знаем? Однако слышал от наших руководителей, что наши пресвитеры взяли своё начало из *англиканской* церкви. А у англичан их пресвитеры – от апостолов. Вот вам и «человеческое» доказательство!»...

– Так бы давно и говорили! облегченно заметил я своему собеседнику. А то – «человеческим историям не верим»... Это – праздные слова ваши. Если бы история Церкви говорила в вашу пользу, вы бы на память заучили её. А теперь пред историей вы оказываетесь в положении раков на мели. Положение жалкое и незавидное!... Вы цепляетесь за англичан. Чем вы докажете, что от них именно, а не от немцев позаимствовали вы свою веру? Это во 1-х. А во 2-х, и англичане – плохая для вас опора. У них самих дело *нечистое*. Они прежде всего не считают священства *таинственным* и *благодатным* действием (см. 25 член их вероисповедания). А без Божией благодати какое значение для христиан имеет священство? Вот почему Слово Божие нас учит, что в священстве человек получает благодать Божию, помогающую ему «достойно» пресвитерствовать (1Тим.4:14; 2Тим.1:6; Деян.20:28 и др.). Англичане этой веры в священство не содержат, а потому самое пресвитерство их *безблагодатное*, *не евангельское*. Затем, англичане целых 112 лет, с 1549 по 1661 г., не признавали в сущности епископства, как чина высшего над пресвитерством. Стало-быть, благодатный источник для священства они, подобно вам, утратили. После его неоткуда было достать им самим. Как же они могли сообщить его вам?... Таким образом ваша зацепка за англичан – суетная. Напрасно вы хотите опереться со своими пресвитерами на английскую церковь, которая сама подлежит осуждению за свои лжеучения...

– Про англичан я только между прочим упомянул, – конфузливо заметил Алексей Парфеныч. Правда, в истории я ничего не понимаю и не могу от истории оправдать своего пресвитерства.

– То-то вот и есть! – наставительно заметил я Алексею Парфенычу. От Слова Божия мы видели, что вы неправы, когда уничтожили в Церкви епископство, которое заменило нам апостольство. То же Слово Божие требует, чтобы пресвитеры и диаконы имели *правильное, преемственное апостольское* руковозложение. Вы попытались доказать это голословной ссылкой на англичан. Ваша ссылка на «человеческое свидетельство» нисколько не помогла вам: англичане сами не правы пред судом Слова Божия и пред историей истинной Церкви Божией. Куда же после того обращаться вам? – Господь наш *един, едина* вера в Него; *одна* должна быть *истинная* Церковь на земле (Еф.4:5). Эта Церковь и есть наша *общая родная* мать – православная Церковь. Бросьте свои заблуждения и с искренним раскаянием припадите к ней. Она, милостивая, пожалеет вас и матерински заключит в свои святыя объятия...

* * *

Беседа наша на этом закончилась. Православные громко благодарили меня. Сектанты стояли удрученные. Алексей Парфеныч с напряженным вниманием рассматривал списки епископов, действительно, ведущих своё начало от апостолов. Эти списки, приложенные к церковной истории Робертсона, произвели на сектантов сильное впечатление...

Д. Боголюбов

Миссионерство, секты и раскол (хроника)

Беляев В. Делопроизводитель съезда. Витебский епархиальный миссионерский съезд и главнейшие из его постановлений // Миссионерское обозрение 1901 г. № 9. С. 302–312

Как уже известно читателям «Миссионер. Обозрения», с 5-го по 9-е июля сего года в г. Витебске происходил епархиальный миссионерский съезд, устроенный по инициативе нового преосвященного полоцкого Тихона. Событие это, без сомнения, займет одну из самых светлых страниц в летописях местной церковно-епархиальной жизни, так как съезд этот – еще первый только за всё время существования полоцкой епархии. Говорить же о значении этого события для дела полоцкой миссии, конечно, нет нужды: стоит только принять во внимание то обстоятельство, что съезды епархиальные всегда являются лучшею практической школой для миссионеров и самым естественным средством духовного единения деятелей миссии, столь необходимого в их трудной борьбе с врагом Церкви православной.

Состав участников миссионерского съезда заранее был определен полоцким противораскольническим комитетом: обязательное участие на съезде принимали – председатель комитета и его помощник, епарх. наблюдатель, два преподавателя семинарии – члены комитета, епархиальные миссионеры – противораскольнический и латышский, законоучитель полоцкого кадетск. корпуса, бывший епарх. миссионер и 20 местных миссионеров, в числе которых были священники, учителя народных школ и крестьяне-начетчики, всего около 30 человек. Приглашены были к участию и единоверческие священники.

Еще до открытия съезда противораскольнический миссионерский комитет, выработав программу вопросов, подлежащих обсуждению на съезде, предложил всем участникам съезда и лицам, интересующимся делом миссии, представить ему свои соображения по поводу всех или некоторых вопросов программы. Вот эта программа.

1. Современное внутреннее и внешнее состояние раскола в епархии и способы собирания сведений о расколе и сектантстве. 2. Духовно-нравственные меры, употребляемые духовенством епархии к ослаблению раскола и сектантства. 3. Препятствия, встречаемые духовенством епархии в деле миссии, и способы к их устранению. 4. Предохранительные меры к ограждению православных от заражения расколом и сектантством и способы увещания отпадших. 5. Обсуждение распоряжений высшей власти по делам миссионерским с целью выработки способов для проведения их в жизнь. 6. Собеседования публичные и частные, их значение в деле миссии и лучшие способы ведения бесед. 7. Решение недоуменных вопросов из миссионерской практики. 8. Отношение школы к миссии. 9. Когда и как пользоваться содействием гражданской власти в отношении к раскольникам и сектантам.

Первый миссионерский съезд Полоцкой епархии. (Снимок сделан во время занятия съезда)

5-го июня утром участники съезда, представившись преосвященному и получив от него благословение на предстоящий труд, собрались в семинарской церкви, где о. протоиереем Соколовым в сослужении с 16 священниками был

совершен молебен. На молебне присутствовал командированный из С.-Петербурга чиновник особых поручений при г. обер-прокуроре Св. Синода и редактор «Миссион. Обозрения» В.М. Скворцов. Из церкви все перешли в образцовую школу, где и должны были происходить заседания съезда, и здесь выбрали председателя съезда (о. прот. Околович) и делопроизводителей (преподаватели семинарии Беляев, Слезкин и Никифоровский). Пред началом заседания прибыл в залу преосвященный Тихон, и после пения всеми присутствовавшими тропаря «Днесь благодать св. Духа» владыка объявил съезд открытым, предложив приступить к занятиям, причем архипастырь указал о. о. и г. г. членам на В.М. Скворцова, как на лицо испытанной опытности в делах миссии, и просил его принять на себя руководство съездом при обсуждении вопросов, намеченных программой.

После этого преподавателем духовной семинарии по кафедре раскола и сектантства В. В. Беляевым была произнесена речь⁸¹ на тему «Сравнительная малоуспешность современной борьбы с русским расколом и главнейшие причины её». В своей речи г. Беляев, указав на несомненный для всех факт сравнительной малоуспешности современной миссии, все причины последней разделил на две категории: одни из них заключаются в самом расколе, как болезни крайне сложной, упорной и заразной – это *невежество* раскольников, религиозный *индифферентизм* в расколе и *давность* существования раскола, другие причины заключаются в самой борьбе с расколом, или точнее в современном положении миссионерского дела, требующем устранения некоторых весьма серьезных препятствий в деле успешного развития миссионерства, – это *малочисленность* миссионеров, их тяжелое *одиночество* в деятельности, при холодной безучастности приходского духовенства и общества к интересам миссии, и полная материальная необеспеченность миссионеров.

После речи г. Беляева на кафедру взошел В.М. Скворцов и произнес речь приблизительно такого содержания.

«Явившись на ваш съезд по поручению высшего начальства, я не исполнил бы своего долга, если бы не приветствовал открывшегося съезда пожеланием ему успеха. После обстоятельной речи г. Беляева, речи многогранной, я не буду утомлять внимания собрания своим словом, а после объяснений, которые вы слышали от преосвященного владыки, мне немного придется говорить и *pro domo sua*... Из слов архипастыря явствует, что я являюсь среди вас в роли испытанного деятеля миссии, я же с своей стороны лишь долгом считаю предупредить членов съезда, что на меня надо смотреть, как на друга миссии и вашего покорнейшего слугу. За сим я должен сказать два слова, почему и зачем сюда послан. Ваш съезд есть первый почин не только для епархии, но и для всего северо-западного края, и высшая власть, в лице г. обер-прокурора Св. Синода, командировала меня содействовать по мере возможности вящему успеху первого опыта. Северо-западный край давно обращает на себя внимание тем, что здесь в деле миссии царит тишина, тогда как по соседству, на юго-западе, в центральной России, во Пскове, не только нет тишины, но там бывают бури как среди отщепенцев, так и среди верных сынов Церкви. Эта тишина смущает, так как она бывает всякая: есть зловещая тишина перед бурей, есть такая тишина, которая свидетельствует о тихой пристани, наконец, тишина может быть и кажущаяся от нечувствительности к бурям... Когда было напечатано извещение о съезде, на него нельзя было не обратить внимания, так как загадка о тишине разрешалась. Самая лучшая разгадка её в живом обмене мыслей. Для последней цели и созван ваш съезд, который является наилучшим средством к поднятию миссионерского духа в деятелях и к оживлению самого дела. Но миссионерское дело в епархиях, чтобы идти успешно должно быть поставлено в тесную связь с братствами и консисториями, как административными центрами, которые должны способствовать делу миссии, а кроме того еще и с кафедрой раскола. Если же эти четыре силы, т. е. миссионерство, братство, консистория и кафедра раскола, будут находиться в взаимодействии, тогда миссия будет поставлена правильно и достигнет благих

результатов. В этих видах высшее начальство, поручив мне принять участие в совещании съезда, возложило на меня в то же время исследовать миссионерскую деятельность местного братства и консистории, а также и постановку кафедры раскола. Таковы мои обязанности.

Обращаясь опять к задачам съезда, я к тому, что сказано в предшествующей речи, прибавлю две черты. Ваш съезд обращает на себя внимание еще и в том отношении, что происходит после двух важных событий в жизни русской Церкви, – после празднования 100-летия единоверия и после акта Св. Синода о гр. Толстом, который объявлен отпавшим от Церкви. Эти же события обратили на себя общественное внимание, и съезду нельзя не остановиться на них. Единоверие должно быть предметом ваших занятий. До речи г. Беляева я не знал, что витебская губерния по числу раскольников занимает шестое место, и что в ней 100 тысяч раскольников. При таком количестве последних нельзя не обратить особенного внимания на единоверие, которое является одним из могучих средств для ослабления раскола. Взгляд общества, а к сожалению, иногда и самого духовенства на единоверие, как на нечто низшее сравнительно с православием, как на «ступень» и «унию», ложен. Св. Синод посланием своим по поводу юбилея единоверия уничтожил самое название «единоверие» и разделение на «мы» и «вы», признав единоверцев чадом единой православной Церкви, содержащими старые обряды, и нам, миссионерам, единоверие должно называть православным старообрядчеством. Вопрос о состоянии единоверия в полоцкой епархии должен быть поднят на съезде, и необходимо выяснить, как действовать православным и единоверцам совместно, чтобы единоверие росло.

За сим может ли Витебский миссионерский съезд, если только он желает стоять на высоте своих задач, пройти молчанием столь захватывающий всё наше так называемое интеллигентное общество, вопрос об отпадении от Церкви нашего знаменитого писателя гр. Л.Н. Толстого и о борьбе с его лжеучением? В течение долгих лет яснополянский учитель распространял своё пагубное суемудрие подспудным,

подпольным путем, выдавая его под обольстительною личиною «истинного христианства». Синодальный акт 22 февраля снял фарисейскую маску с этого непризнанного лживого пророка, всенародно назвав собственным именем и самого графа, как еретика и отступника, и учение его, как богохульную ересь, ниспровергающую все основы христианской веры. Теперь граф, раздосадованный, уязвленный в самую главу мужественным высокосправедливым деянием высшей нашей власти, в своём «Ответе» Св. Синоду, забыв своё смиреннолукавое учение о непротивлении, открыто и безбоязненно бросил дерзкий оскорбительный вызов всему христианскому миру, а своими безумными богохульными глаголами зачеркивает всё христианство, как сплошную религиозную ложь, обман и колдовство. «Ответ» представляет квинтэссенцию всего того, что было высказано яснополянским проповедником в разных его трактатах на разные манеры в течении 20 лет отступничества от Церкви. Напряженная общественная мысль либеральных антицерковных слоев с жадностью подхватила новую исповедь гр. Толстого, как вещее слово лжепророка. «Ответ» широкою волною распространяется в читающей и мыслящей среде, захлебываются им и наши сектанты, – молокане и штундисты. Но вот вопрос: «Ответ» читали ли и знают ли пастыри? А между тем каждому из пастырей и миссионерствующей братии нужно быть готовым дать ответ вопрошающим по поводу открытых злохулений гр. Толстого на Христа и Церковь Его.

Не только земской врач или начальник, но и сельский писарь, и фельдшер, и прибывший из столицы лакей или кучер знатного барина – и те не преминут хвастнуть пред сельским пастырем своим знакомством с новомодным вопросом о толстовском деле и еретическим мудрованием яснополянского учителя. Что же и как отвечать пастырю на эти вопрошания, вот вопрос настоящей миссионерской нужды. Миссия должна теперь же для воинствования против толстовства вооружить своих деятелей острым мечем слова истины. К сожалению, и в полемической литературе, и в миссионерской практике у нас мало чего сделано для противотолстовской миссии. Наш орган

спешит прийти на помощь миссии в этой новой её борьбе с опаснейшей из всех наших сект, напечатанием в имеющей на днях выйти июньской кн. «Миссионер. Обзор.» Ответа Толстого и разбора его. А здесь на съезде, если угодно будет, поделимся нашими посильными соображениями и наблюдениями по данному вопросу.

В заключение своей речи В.М. Скворцов выразил признательность Владыке, как инициатору первого в северо-западном крае съезда, и всеми присутствовавшими. Его Преосвященству было дружно пропето «многая лета».

По отбытии преосвященного из зала съезда, о. председатель в кратких чертах представил историю постепенного развития миссионерства в полоцкой епархии. Далее, в нескольких заседаниях были заслушаны представленные оо. миссионерами письменные доклады и устные сообщения о состоянии раскола и сектантства и миссионерской деятельности в различных округах епархии. После этого съезд приступил к выработке постановлений по всем пунктам программы. Отметим из них наиболее существенные и имеющие общий интерес в епархии. Относительно состояния расколо-сектантских съездов, между прочим, установлено следующее. Начало раскола в витебской губ. относится к первой четверти XVIII в., когда раскольники, выходцы из Великороссии, спасаясь от преследований, нашли себе хороший приют в Польше, в состав которой входили и все настоящие белорусские губернии. Точное число всех раскольников не установлено, так как все практиковавшиеся способы собирания сведений не достигали цели; оно колеблется между 90,000 и 100,000. Подавляющее большинство раскольников – федосеевцы, разделяющиеся на «слабоверов и крепковеров»; встречаются также филипповцы и поморцы; есть также и беглопоповцы, управляемые за неимением попов головщиками (особенно в г. Витебске и уезде); наконец, среди некоторых раскольников замечается тяготение к австрийскому священству. – Что же касается до внутреннего состояния раскола полоцкой епархии, то признано постепенное ослабление прежнего фанатизма раскольников и заметное по

местам сближение их с православными; но в общем же раскол полоцкой епархии представляет из себя еще крепкую силу. – Съезд предложил миссионерам заняться наиболее тщательным изучением верований и внутренней жизни раскола, а также составлением возможно точных списков раскольников, при этом постановил просить преосвященного ходатайствовать пред гражданской властью о содействии со стороны сельских, общественных и полицейских управлений духовенству в составлении списков раскольников, доставлением статистических данных. Оживленные прения вызвал вопрос об организации местной миссии, причем выяснилось, что главнейшим препятствием, встречаемым духовенством епархии в деле миссии, является именно недостаточность существовавшего доселе устройства миссии. Между деятелями миссии нет живого общения, нет также и руководящего распорядительного центра. До настоящего времени дела миссии ведаются частью духовной консисторией, частью противораскольническим комитетом, открытым при Витебском Св. Владимирском братстве в 1894 г. С братством комитет не имеет никакой органической связи, а сфера деятельности консистории и комитета не разграничена. Состав комитета состоит из лиц, практически и жизненно не связанных с миссионерством. Окружные миссионеры в своей деятельности не имеют организованного плана и инструкций; не получают они и никакого вознаграждения за свои труды, и их материальная необеспеченность должна была неизбежно отражаться и на энергии их деятельности. На съезде постановлено было увеличить содержание миссионера епархиального до 2000 р., учредить должность второго епарх. противораскольнического миссионера, назначить не менее 10 окружных миссионеров из числа приходских священников, с содержанием по 300 руб. в год, и несколько миссионеров-сотрудников. Для руководственного объединения деятельности всех миссионеров и священников в борьбе с расколом съезд признал необходимым сосредоточить всё миссионерское дело в миссионерском комитете, как руководящем и распорядительном центре местной миссии, при чем был выработан и проект

реорганизации комитета. В основу его легли правила херсонской миссии с тем изменением, что большинство возложенных там на епархиального миссионера, как центральное звено в местной миссии, распорядительных обязанностей здесь возложено на комитет. В состав комитета в качестве обязательных членов входят епархиальные миссионеры и наблюдатель, член консистории по миссионерскому столу, преподаватель по кафедре раскола, член от братства, председательствует в комитете председатель братства. Для вспомоществования обращающимся из раскола и для выдачи пособий миссионерам-сотрудникам съезд постановил образовать особый фонд миссионерский и источниками для сего указал: 1) сбор в церквах в день св. Троицы и св. Духа; 2) часть прибыли свечного епарх. завода (единовременно 1000 р. и ежегодно 800 р.); 3) пожертвования от монастырей; 4) пожертвования от церковно-приходских попечительств. Затем, съезд предложил ввести изучение раскола в число предметов всех женских духовных училищ, и медицину – в дух. семинарии, имея в виду возможность сближения духовенства с раскольничьей массой чрез врачевание их телесных недугов. Особенное внимание съезд обратил на школы в центрах раскола. В витебской епархии, благодаря почтенному наблюдателю о. Нилу Серебренникову, бывшему миссионеру, установилось вполне живое взаимоотношение между школой и миссией, что, к сожалению, не везде достигается в других епархиях. Съездом приняты меры к увеличению числа церковно-приходских школ и школ грамоты и к изысканию средств на содержание их. Предположено открыть новые школы в 37 пунктах епархии и на содержание их назначить из казенных средств по 500 р. церковно-приходской школе и по 150 р. – школе грамоты. Затем, съезд предложил ввести преподавание истории и обличения раскола (в кратком виде) во второклассные школы и озаботиться об открытии возможно большого количества женских ц.-приходских школ в епархии, в противовес тайным раскольничьим школам.

По вопросу о мерах к ограждению православных от заражения расколом на съезде выяснилось, что случающиеся соращения в раскол происходят: 1) путем брачных сожительстве раскольников с православными; 2) вследствие неправильной записи в раскол детей, рожденных от незаконного сожительства раскольников с православными; 3) вследствие найма раскольниками в услужение православных рабочих и 4) вследствие зазорных поступков в жизни православных мирян и духовенства. Для устранения случаев соращения в раскол православных съездом приняты соответственные меры.

С достодолжным вниманием съезд остановился и на вопросе о *единоверии* в полоцкой епархии; при этом на съезде выяснилось следующее: всех единоверческих приходов в полоцкой епархии – 8, общее же число единоверцев простирается до 3000 челов. Единоверцы, как это видно из донесений образованной на съезде комиссии единоверческой, в общем соблюдают синодальные правила единоверия, считают себя единоверными православным, присутствуют на миссионерских беседах и охотно посещают школу. Миссионерская деятельность единоверческого духовенства незначительна, что зависит от материальной его необеспеченности и от отсутствия при единоверческих приходах, крайне бедных, хороших пастырей. На съезде, между прочим, было постановлено открыть *два новые единоверческие прихода* – в г. Режицах и деревне Липушках. На закладку режицкого единоверческого храма единоверцы – купец Иван Мокеевич *Дюбин*⁸² и владелец имения «Зоско» Кирилл Николаевич Кузнецов, по личной просьбе Вас. Мих. Скворцова и о. председателя съезда, изъявили согласие пожертвовать по 1000 р. Съезд признал благополезным предполагаемый храм устроить в память исполнившегося 27 окт. 1900 г. столетия единоверия.

По вопросу о сектантстве на съезде было выяснено, что в полоцкую епархию начинает проникать из соседней псковской штундизм. Съезд постановил предложить всему духовенству епархии зорко следить за временно прибывающими в их приходы сектантами и всеми известными мерами

противодействовать усилению в епархии сектантства. Кроме того, решено было учредить должность епарх. противосектантского миссионера, совместив её с должностью латышского миссионера.

В заключение на съезде было признано необходимым устраивать возможно чаще епархиальные миссионерские съезды, в виду их несомненной пользы и, кроме того, ходатайствовать пред начальством о командировании на епарх. съезд в г. Орле 16-го сентября обоих епархиальных миссионеров и одного из окружных.

Всех заседаний съезда – утренних и вечерних было 9.

7-го июня пред началом заседаний в семинарской церкви была совершена о. ректором арх. Кириллом в сослужении 14 иереев торжественная панихида по случаю первой годовщины смерти киевского митрополита Иоанникия и по усопших деятелях местной миссии, – архиепископах Василии и Савве, епископах: Викторине и Александре, священноархимандрите Павле, иеромонахе Мелитоне, о. Константине Голубеве, преподавателе духовной семинарии И.Т. Никифоровском и скончавшемся в этом году окружном миссионере Невельского уезда о. Иоанне Габовиче. На панихиде присутствовали: В.М. Скворцов, участники съезда и воспитанники семинарии во главе с г. инспектором В.А. Демидовским. Перед началом панихиды В.М. Скворцов произнес прочувствованную поминку, произведшую глубокое впечатление на всех присутствовавших. Воспроизводим эту речь почтенного оратора приблизительно.

«Возлюбленные отцы и братья! Сегодня исполнилась первая годовщина со дня смерти приснопамятного иерарха русской Церкви, первенствующего члена Св. Синода, преосвященнейшего Иоанникия, митрополита киевского. Участникам съезда пришла благая мысль совершить в этом св. храме молитву об упокоении души усопшего иерарха, и не вотще: приснопамятный митрополит очень и очень много потрудился в деле борьбы с расколом в империи. Его имя, как миссионера, должно быть поставлено, на ряду с незабвенными святителями – Филаретом московским, Григорием петербургским и Платоном Левшиным. На мою долю выпало в

течение 10 лет быть ближайшим сотрудником покойного Иоанникия в его многотрудной борьбе с штундой в юго-западном крае. Мало того, я близко знал покойного вообще: я видел его труды, поучался у него, переживал тяжкие дни последних страданий святителя и был при его кончине. Он был суров видом; редко он поднимал всегда опущенные долу ресницы, но когда в оживлении речи открывал свои замечательные молниеносные глаза, в них светились такой ум, такая энергия, такая проницательность, что нельзя было выдержать этого взгляда тому, у кого хоть несколько была нечиста совесть. По внешнему величию он был именно таким, какими искони привык видеть русский народ своих архипастырей. Но под эту суровость скрывалось необычайно доброе, золотое сердце, хотя в деле он был весь законность неумолимая, справедливость неподкупная. О любви его много говорить не нужно: о ней говорят рукотворные и нерукотворные памятники, во множестве рассеянные во всех местах его архипастырского служения. Кому не известны устроенные им приюты для бедных духовного звания, его заботы об улучшении быта семинаристов и т. д. Среди многих его правил одним, которому он не изменял во время своей общественной деятельности, было – никогда не увеличивать меры наказаний, налагаемых определениями консисторий. Но для нас, участников съезда, особенно дороги его заслуги в деле православной миссии: ему первому принадлежит идея о том, что бороться с расколом и сектантством нужно не одному, а соединенными силами пастырей и мирян; он первый призвал к жизни такие важные миссионерские учреждения, как церковные братства, из которых первым является основанное им в Саратове Крестовоздвиженское братство; он первый признал необходимость миссионерских кружков и осуществил эту идею; он сам лично принимал участие в беседах, отправляясь на них без панагии и знаков архиерейского достоинства. Мне лично приходилось слышать от него много интересных рассказов о его чисто семейных беседах с раскольниками, и я очень жалею, что они своевременно не были мною записаны. Он первый призвал к жизни теперь всеми признанные миссионерские съезды,

первый такой съезд был в Киеве в 1894 году. Эта его идея в настоящее время осуществляется, крепнет, расширяется и приносит несомненные плоды. Помолимся же да упокоит Господь в селениях праведных душу иерарха, всю жизнь, все средства отдавшего на благо Церкви, на поддержание духовенства, сословия бедного, много трудящегося, забитого.

Вместе с покойным Иоанникием помянем в нашей молитве иерархов полоцкой епархии, потрудившихся на том же поприще – архиепископа Василия, епископов Викторина и Александра. Они, как известно, обратили в лоно православной Церкви сотни заблуждавшихся, и не их вина, если обращенные вновь возвратились к прежнему мраку. Как молодое, пересаженное на новую почву, дерево требует особенно тщательного ухода со стороны садовника, так и новообращенные нуждаются в сугубо внимательном попечении со стороны миссионеров. К сожалению, последняя идея не привилась еще вполне к жизни. Молитвенно помянем и покойных миссионеров полоцкой епархии и хорошо вам известного преподавателя местной семинарии Ивана Тарасовича Никифоровского. Он возжег светоч миссионерства в епархии, он, можно сказать, живот свой положил на это дело. Его нет уже между нами, но труды его не умерли. В наших собраниях чувствуется его дух среди пастырей, бывших его учеников. Недолго пришлось ему поработать, и Господь отозвал его в свои обители. Если бы он был жив доньше, миссия в епархии была бы в полном расцвете. Особенно приятно видеть в этом молитвенном собрании воспитанников, будущих пастырей Церкви, так как деятельность пастыря есть по преимуществу деятельность миссионерская. На вас мы смотрим с надеждою; вас мы ждем на ниву миссионерскую. Пусть помянутые деятели будут для вас примером, вашими светочами. Свет их пусть увлекает вас, и дай Бог вам идти в сиянии этого света. Итак, братия, помолимся».

9-го июня в 12 ч. дня все участники съезда собрались в семинарской церкви, куда прибыл и преосвященный Тихон. После благодарственного молебна епарх. латышский миссионер о. Петр Лепин поблагодарил Владыку за устройство первого

епархиального миссионерского съезда, указывая на важное значение съезда и выражая надежду на улучшение дела местной миссии. Затем, о. председатель съезда обратился с речью к В.М. Скворцову и выразил ему благодарность за живое участие и опытное руководство на съезде и при этом поднес от лица участников ему икону Спасителя. Затем, в квартире епархиального наблюдателя о. Нила Серебренникова, состоялась скромная братская трапеза, во время которой лились самые искренние и душевные речи деятелей миссии, вошедших между собою в братское общение. Особенно много сказано сердечных слов дорогому гостю В.М. Скворцову, от лица всех участников съезда преподавателем семинарии Д.Т. Никифоровским была поднесена на память фотографическая группа деятелей съезда. Под живым впечатлением благотворного участия на съезде В.М. Скворцова постановлено было просить Его Преосвященство выразить г. Обер-Прокурору Св. Синода благодарные чувства съезда за милостивое его внимание к делам местной миссии. Желание съезда Владыкою было удовлетворено.

Вечером 10-го июня в 7 час. вечера в открытом заседании съезда В.М. Скворцовым была предложена беседа на тему: «когда и как отпал от православной Церкви граф Л.Н. Толстой и его последняя исповедь». Громадная зала была переполнена собравшимися слушателями из интеллигентной публики, которая с большим вниманием выслушала длившуюся до 10 часов оживленную беседу лектора. Преосвященный, присутствовавший на беседе, по окончании её благодарил В.М. Скворцова за предложенный им обстоятельный разбор лжеучений графа, заметив, что все присутствовавшие на беседе, без сомнения, уже не могут увлечься учением Толстого. Затем, Владыка предложил пропеть ирмос «Утверждение на Тя надеющихся», и огромная зала огласилась громогласным пением.

Так закончился первый полоцкий епархиальный съезд, и все участники съезда, не только ободренные, но и одушевленные, разъехались по своим местам, чтобы с новой энергией приняться за свое трудное дело.

Можем смело надеяться, что, если добрые постановления съезда будут осуществлены на деле, местная миссия пойдет вперед с гораздо большим успехом и скоро даст видные благие результаты.

Делопроизводитель съезда В. Беляев

**К. П. Борьба с сектой странников Олонецкой
епархии // Миссионерское обозрение 1901 г. № 9. С.
313–316**

Село Шунга не безызвестно в истории раскола: оно дало одного из основателей Поморского толка, Данилу Викулина, по имени которого и самый толк называется еще даниловским. В последнее время некоторые из жителей Шунги, а также и ближайших к ней приходов, стали давать приют последователям секты странников, бегунов. Ютясь в домах пристанодержателей, последние начали совращать в свой толк и православных. Зло распространялось, охватило восемь приходов и пытается заразить своим тлетворным ядом и другие густонаселенные приходы Заонежья. Поэтому епархиальное начальство и миссия обратили на него особенное внимание и стали принимать разные меры.

В 1899 г. в Шунте, во время крещенской ярмарки впервые открыты публичные беседы с раскольниками. В этих беседах принимают участие епархиальный миссионер, два окружных и один помощник миссионера. Приезжали послушать и принять участие некоторые из соседних священников. Были беседы и в настоящем году (6 и 7 января), только имели специальный характер, – направлены были против странничества. Вот программа, по которой они происходили. 1) Кто такие скрытники (местное название) или странники? когда они появились? чему учат? как живут? полезны или вредны они для Церкви и государства? 2) можно ли спастись в мире или нет? удаляются ли скрытники от мира и по-иному ли живут? Можно ли спастись в вере скрытников? 3) Предтечи второго пришествия Христова на землю – Енох и Илия. Когда они явятся? в каком виде? долго ли будут жить на земле и приходили ли они вторично на землю или нет? 4) Кто такой антихрист? когда он явится и долго ли будет царствовать? Есть ли он теперь в мире? – Трудно судить, какую пользу принесут беседы, произведенные по этой программе, но несомненно, что они произвели доброе впечатление на слушателей: особенно сильно

поразило их учение странников об антихристе и распутная их жизнь.

Вопрос о борьбе со странничеством был поднят затем на 2-м и 3-м съездах миссионеров Олонецкой епархии, бывших в г. Петрозаводске в 1899 и 1900 г. Наконец к обсуждению его решено было привлечь самих священников, в приходах которых есть странники. Поэтому, с благословения бывшего преосвященного Назария, бывшим епарх. миссионером, священником К. Плотниковым, были приглашены в Шунгу на 8 января сего 1901 г. 13 священников, а 14-го преосвященный послал лично, так что всех участников шунгского миссионерского собрания вкупе с миссионерами было 18 человек.

После молитвы, пропетой всеми участниками собрания, епархиальным миссионером было прочитано следующее воззвание преосвященного епископа Назария:

«Священникам заонежских приходов, возлюбленным о Христе братьям.

В некоторых приходах нашей епархии иереи Божии с великою пользою ведут борьбу с расколом. Нужно ли говорить, что миссионерский труд приходского пастыря в пределах вверенной ему паствы – самый святой, самый достолюбезный, самый надежный труд? Кто лучше может знать, чем кто болен, в чём кто нуждается в приходе, как не пастырь добрый – приходский священник! От вас, други мои, зависит главный успех и епархиальной миссии. Помогайте миссии, давая ей необходимые сведения о положении в ваших приходах раскола; миссия поможет вам своею опытностью в борьбе с ним, своими знаниями, своею нравственною поддержкою; помогите вы друг другу, – и Господь будет вашим помощником и водителем.

В настоящий раз я приглашаю вас собраться в Шунгу и здесь совместно с епархиальным миссионером и другими миссионерами обсудить меры для борьбы со странничеством, гнездящимся во многих приходах Заонежья, а равно и другие вопросы, соприкосновенные с расколом. Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святого Духа буди со всеми вами».

После прочтения этого воззвания епархиальный миссионер обратился к присутствующим с краткою речью, в которой выяснил причины и цель созвания их в Шунгу и просил высказать откровенно свои мысли по имеющим быть предложенными вопросам и указать меры, принимаемые каждым в борьбе со странничеством. Быть может, говорил он, какая-либо из этих мер будет пригодна и для других иереев, борющихся с тем же злом. В ответ на это один из участников собрания заметил: «как же узнать и где найти странников? Ведь они скрываются». Когда же епархиальный миссионер сказал, что кроме скрытников в подлинном смысле есть еще пристанодержатели, которые живут в обществе, исполняют общественные повинности и т. д., – то о.о. собрания не удовлетворились этим и продолжали настаивать на указанном вопросе. Поэтому прежде обсуждения вопроса о мерах борьбы со странничеством был поставлен вопрос: *каким образом можно узнавать пристанодержателей и странников?* Ответ был дан такой: пристанодержателей можно узнавать, главным образом, по слухам, исходящим от благонадежных мирян-соседей, и по религиозным убеждениям подозреваемых в пристанодержательстве лиц, а также по устройству домов, характерные особенности которых следующие: а) внутренние ставни в окнах домов, устраиваемые с тою целью, чтобы лучше скрыть действия скрывающихся в комнате лиц, б) двойной вход в дом, в) в комнатках иконки на восточной стене, закрывающиеся дощечкой как ставнем, г) почти всегда, т. е. днем и ночью, открытые, а если запертые, то не заложенные двери на скотный двор, д) если есть тайник на чердаке, то имеет два окна с внутренними ставнями и е) проведенный снизу звонок. Действительных же странников можно узнавать по внешнему виду, так как крайне отрицательный и враждебный ко всему миру характер учения их налагает на своих последователей особый отпечаток: последователь странничества всегда почти угрюмого вида, глядит исподлобья, сторонится от людей и ходит не по дороге, а сторонкой.

Решив таким образом поставленный вопрос, о.о. собрания занялись обсуждением *мер для борьбы со странничеством.*

Так как странники редко попадают на глаза священникам, то беседы с ними могут быть случайные. Но пристанодержатели всегда на виду, да они-то и придают обществу странников твердость и устойчивость; поэтому с ними и нужно прежде всего бороться. Правда, пастырские убеждения мало действуют на пристанодержателей, так как они часто держат странников из-за материальных выгод; однако неуспех этот не должен ослаблять пастырской ревности. Беседуя с пристанодержателями, необходимо беседовать с колеблющимися и всеми склонными к странничеству, а равно и православными прихожанами, разъясняя им неправоту учения странников и излагая православное учение, при чем стараться не только укрепить их в православии, но и приготовить из них борцов против странничества. Затем оо. собрания признали полезным давать для чтения и раздавать бесплатно прихожанам книги, брошюры и листки, направленные против странничества. Но так как таких сочинений напечатано очень мало, то епархиальный миссионер пригласил участников собрания к составлению их, на что некоторые и изъявили свое согласие. Далее собрание признало полезным пользоваться рознью и враждою, существующею между раскольниками разных толков, и с этою целью решило натравлять их друг на друга, так чтобы они сами обличали друг друга и таким образом ослаблялись. Наконец, в противовес уверениям странников что они проводят иноческую, воздержную жизнь, оо. собрания признали необходимым указывать на беседах и в частных разговорах нравственные недостатки и вообще раскрывать всю их нравственную грязь.

После решения вопросов о странничестве участники собрания занялись обсуждением некоторых вопросов, встретившихся в их приходской миссионерской практике.

1) *Доносить ли епархиальному начальству о всяком отдельном случае соращения в раскол, как это требуется § 4, п. 6 инструкции приходским священникам Олонецкой епархии?* Из высказанных по этому вопросу мнений оказалось, что священники, боясь ответственности, затрудняются выполнить этот § инструкции. Напрасно епархиальный

миссионер ссылался на недавние указы Св. Синода и духовной консистории, на примеры некоторых священников, – ничто не помогло: почти все остались при своём мнении.

2) В виду того, что некоторые хозяева училищных квартир от земства не позволяют производить противораскольнические чтения и собеседования в этих квартирах, оо. собрания признали необходимым ходатайствовать пред уездными земскими управами, чтоб они сделали зависящее распоряжение по этому вопросу.

3) *Делать ли в метрических книгах запись о смерти раскольников, если в погребении их причт не принимал участия?* Ответ: записи не делать, а о каждом подобном случае сразу же доносить епархиальному начальству.

В заключение оо. собрания признали необходимым из числа мер, полезных в борьбе с расколом, но еще не вошедших в приходскую миссионерскую практику, непременно ввести следующие: а) произносить за богослужением проповеди, направленные к раскрытию раскольнических заблуждений, не менее одного раза в месяц; б) на религиозно-нравственных чтениях читать статьи и противораскольнического содержания; в) в миссионерских дневниках приходского духовенства помещать сведения о всём выдающемся в жизни местного раскола, о затруднениях, встречающихся при исполнении миссионерских обязанностей и т. д., о чём до этого времени в них не сообщалось; г) так как низшие члены причта, не смотря на постановление 2-го съезда миссионеров Олонецкой епархии, еще не принимают участия в приходской миссии, то постараться привлечь их к этому и д) хотя на 1-м съезде тех же миссионеров было постановлено заводить приходские противораскольнические библиотеки, но до сих пор в большинстве случаев это постановление не приведено в исполнение, то поэтому озаботиться о скорейшем его выполнении.

Таковы постановления *первого* миссионерского собрания, бывшего в Олонецкой епархии. Немного этих постановлений, но они сделаны самими священниками и вызваны жизнью, поэтому

скорее и охотнее будут приводиться в исполнение, что в высшей степени и желательно.

К. П.

Библиография

**Чельцов М. [Рец. на] Голубинский Е. К нашей
полемике со старообрядцами. М. 1896 г. 49 стр. ц. 50
коп. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 9. С. 317–
318**

Книжка эта как-то замолчана нашей печатью. О ней упомянул, или – вернее говоря – по поводу её поговорил лишь г. Добромыслов в «Мисс. Сборн.» за 1896 г. № 2–3. Причина этому, вероятно, та, что её отождествили с теми статьями проф. Е. Голубинского, которые с этим же самым заглавием печатались в 1892 г. в журнале «Богосл. Вестн.» Эти же статьи г. Голубинского имеют не совсем-то приятную известность; отсюда – нежелание говорить и распространять и вышеназванную брошюру. – «К нашей полемике с старообрядцами», разумеется, имеет общее со статьями г. Голубинского «Богосл. Вестн.»: оно входит лишь как одна часть и при том незначительная тех статей, но представляет не выборку из них, а отдельный целостный оттиск из напечатанного автором в чтениях общества истории и древностей российских при Московском Университете за 1895 г.

В этой книжке своей г. Голубинский сказал в начале, что «раскол старообрядчества возник у нас из-за того, что предки наши приравняли обряды и обычаи церковные к догматам веры, и что это приравнение дало им основание думать о позднейших греках, будто греки эти отступили от чистоты православия древних греков»...; устанавливает то положение практического значения, «что в полемике со старообрядцами подлежит доказывать несправедливость приравнения обрядов и обычаев церковных к догматам веры, и что вместе с этим будет доказана и несправедливость мнения о позднейших греках, будто они отступили от чистоты православия древних греков».

Важность выяснения старообрядцам выставленных автором положений признают и миссионеры, и не раз, конечно, на беседах они и делали это выяснение; т. об. Голубинский не новое что-либо говорит им. Они бы хотели выслушать, как поставить дело и что бы предпринять, чтобы это выяснение

приводило старообрядцев к желаемому признанию; но Голубинский ничего об этом не говорит, да едва-ли что и можно сказать основательное: Голубинский ограничивается более скромною задачею, – он доказывает неосновательность 1) мнения русских о греках, как допустивших у себя еретические новшества, 2) приравнения обрядов к догматам и 3) выясняет, откуда произошли разности в наших богослужебных книгах сравнительно с греческими. Таким образом, Голубинский берется за дела обличения раскола. Обличение это он ведет чисто историческим путем. Целым рядом документов и свидетельств он основательно изобличает старообрядцев. С этой-то стороны его книжка для миссионера приобретает немаловажное значение. В ней он найдет доказательства самые решительные, что греки после Флорентийской унии не только не усвоили латинских ересей, но и не могли их воспринять, найдет разбор противных сему мнений. Вторая глава обогатит читателя свидетельствами из святоотеческих писаний и исторических книг, что обряды и обычаи в древней Церкви были очень разнообразны и из-за разности в них никто не отделялся; из этой же главы читатель извлечет, что единоверие, как церковное единение в вере при разности богослужебного текста и обрядов, имеет своё основание в практике древней Церкви. – Среди приводимых автором соображений и свидетельств есть и новые; а присущий ему критический анализ заставляет доверяться его положениям и выводам.

В виду этого всего мы смело можем порекомендовать эту книжку автору всем миссионерам; можем посоветовать давать её для чтения и раскольникам тех местностей, где «носятся с Голубинским», и где вопросы о греках поднимаются на беседах. То же, что книжка вышла из светской цензуры, должно придать ей в глазах раскольника еще большую силу убедительности.

М. Чельцов

Леонович М. [Рец. на] Отношение богословской науки к всемирным задачам Богочеловека. (Вступительная лекция проф. богословия свящ. А.М. Клитина, читанная 24-го Января 1901 года в Императорском Новороссийском Университете). Одесса. 1901 // Миссионерское обозрение 1901 г. № 9. С. 318–320

Борьба человека против Бога (знаменательный образ которой дан нам в таинственном борении патриарха Иакова), стремление его стать независимым ни от кого владыкою вселенной, примирение человечества и Божества во Христе и созидание Царства Божия возглавленным во Христе человечеством – такова глубочайшая тема истории, рассматриваемой с религиозной точки зрения. Вся мировая жизнь в христианском освещении сводится к этому одному глубочайшему принципу – Богочеловечества. В нём находят свой высший смысл и действительное значение все стороны человеческой деятельности: наука и культура, мораль и право, искусство и цивилизация. Задача богословской науки состоит в том, чтобы выяснить связь между всеми этими родами человеческого творчества и возвести их к одному принципу, создать высший христианский синтез, где идея Богочеловечества служит мостом от царства человеческого разума к царству Божией правды. Блестящую попытку такого синтеза представил покойный Вл. Соловьев. На ту же точку зрения становится и свящ. Клитин в своих лекциях. И нельзя не признать основательности такого взгляда. Со времени блестящих культурных успехов, гордое человечество хочет создать своё, чисто-земное мирозерцание. Отвергнув потустороннее существование, оно думает ограничиться землей; мысли о небе мешают этому, поэтому прочь всякий идеализм, всё трансцендентное! Для богословской науки предстоит, таким образом, нелегкая апологетическая задача: показать суетность этой новой вавилонской башни до небес и

бессмысленность жизни без Бога. Такова объективная сторона дела. Но автор должен еще иметь в виду и считаться с субъективными условиями преподавания, применяться к своим слушателям. «Время жизни нашей учащейся молодежи есть самое дорогое время жизни человечества. Это время развивающихся идеалов, основ и устоев жизни, время борьбы с собою, самоопределения в действиях, стремлений к самообразованию, время колебаний и сомнений, горячих увлечений, это время пробуждения и значительного подъема всех духовных и физических сил человека... Здесь потребны тонкая наблюдательность и чуткость к разного рода процессам духовно-физической жизни, энергия и твердость духа и глубокий, всесторонний анализ внутренней борьбы... Чем разрешится борьба плоти и духа? Какой ряд идей утвердится в духе и определит его содержание? Куда пойдет молодая душа? Здесь решается судьба всех надежд будущей истории данного народа. Отсюда-то и открывается великое служение богословской науки в отношении к высшим запросам человеческого духа в период особенно сильного их возбуждения». Только она может дать человеку самостоятельные убеждения. «Только христианская наука указывает неиссякаемый для всего мира источник живых сил во Христе, который есть путь, истина и жизнь. Кто жаждет, пусть идет ко Мне и пьет (Ин.7:37), – так зовет к Себе Спаситель всякую душу, жаждущую высших убеждений, ищущую истины. Такой воды, такого источника жизни не может дать никакая философия». «В круге высших христианских идей и событий получают свою правильную оценку все философские учения и современные идеи».

Пожелаем же почтенному автору полного успеха на новом поприще! Молодежь чутка ко всему высокому, её свежие силы восприимчивы ко всему идейному. Нужно только суметь затронуть лучшие струны её души...

Михаил Леонович

**Н. Ш. [Рец. на] Александр Аннинский. История
Армянской Церкви (до XIX века). Кишинев.
Николаевская ул. № 106. 1900 г. Цена 2 р. //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 9. С. 320–322

Доселе в нашей литературе появлялись отдельные статьи и целые сочинения лишь по частным вопросам армянской церкви и не было полной её истории. Настоящий почтенный труд автора представляет полную обстоятельную историю армянской церкви. Руководящая идея этого труда заключается в том, чтобы на почве истории решить вопрос: православна ли армянская церковь, откуда происходят наблюдаемые теперь её особенности, и были ли клеветами те обвинения, которые выставляли против армян греки.

Обозревая историю армянской церкви, автор делит её на пять периодов. Первый период простирается от обращения армян в христианство, относимого к 317 или 318 году, до отделения армянской церкви от вселенской, всецело и резко обнаружившегося в постановлениях Довинского противохалкидонского собора 527 г., когда армянам было запрещено путешествовать в Иерусалим на богомолье и входить в общение с греками и когда было решено армянского католикоса титуловать патриархом. Названный исторический период армянской церкви характеризуется направлением вполне православным. Хотя армянские иерархи и не были на 2-ом вселенском соборе, однако символ армянский составлен был в духе никео-цареградского. Богослужение армянской церкви до Исаака Великого было греческое и совершалось по греческим книгам. В совершении таинств нет никаких признаков присутствия тех особенностей, важных по своему внутреннему смыслу, которые замечаются в армянской церкви позже. Были лишь отступления частные, не касавшиеся сущности вероучения. Церковное управление Армении имело тот же строй, как и в других церквах Востока того времени. Второй период, начинающийся Довинским собором 527 г. продолжается до 859 года, когда Армении была дана автономия. Довинский

собор полагает такую резкую грань, которая делит всю историю армянской церкви собственно на два периода, – все остальные, указываемые автором, – 3-й, 4-ый и 5-ый периоды составляют в сущности лишь видоизменение 2-го, под влиянием тех или иных политических обстоятельств. На соборе в Довине уже видно извращение вселенского учения касательно лица Иисуса Христа. Собор постановил признавать в Христе одну природу и, чтобы нагляднее выразить мысль об этом единстве, подтвердил праздновать Рождество Христово и Богоявление в один день, 6 января, постановил совершать таинство евхаристии на пресных хлебах и на одном вине, без примеси воды, и другое. До крайнего обособления достигла армянская церковь в 552 г., в каковом на соборе было установлено для армян новое летосчисление и составлен особый армянский календарь, и в 726 году, когда на соборе Маназкертском была произнесена анафема на собор Халкидонский и на всех, «кто говорит, что Христос был человеком по природе, и творением и тленным по плоти и подверженным страданию и смертным по природе человеческой». В течение второго периода истории армянской церкви выяснились догматические разности её вероучения, вызвавшие отделения многих её единомышленников (католикосов Агвании, Грузии и др.), и армянская иерархия получила своё полное устройство.

Третий период истории армянской церкви простирается от восстановления армянского царства до покорения его турками, окончательно завершился в 1071 году. Означенный период не представляет по существу чего-либо нового в развитии вероучения. Армяне то входят в тесное сближение с церковью греческою, то обостряют свои отношения до того, что не считают даже христианами приемлющих Халкидонский собор, и, по приказанию католикоса Анонии, устанавливают вторичное крещение для последователей Халкидонского собора; то во главе иерархии вновь являются лица с православным образом мыслей, сочувствующие грекам, но не достигающие единения с ними. В таком двусмысленном и колеблющемся состоянии армяне попадают под власть турок-сельджуков. Отсюда начинается четвертый период истории армянской церкви,

продолжающийся до 1440 г., когда на соборе в Эчмиадзине был решен вопрос о перенесении кафедры католикоса с окраины, из Киликии, во внутрь восточной Армении, в древний центр церковного управления Эчмиадзин. В этот период произошли очень важные перемены в направлении армянской богословствующей мысли. Вследствие перенесения церковного центра на окраину Армении, высшая армянская иерархия вошла в ближайшее соприкосновение с греками, лучше познакомилась с их вероучением и таким обр. перестала проявлять фанатическую ненависть к греческому исповеданию. С другой стороны, благодаря крестоносцам, армяне входят в близкие отношения с западными христианами, проникаются уважением к латинской вере, благоговением к папе, теряют самоуверенность в непогрешимости своей церкви, проявляют сознание в своих заблуждениях и обнаруживают самое искреннее стремление к единению с Церковью вселенскою. Хотя попытки к этому единению не привели ни к каким осязательным результатам, но они отличаются совершенно другим характером, чем прежде. Мы уже не видим того религиозного фанатизма, самоуверенности и задора, как в предшествующие периоды, а видим самое искреннее желание познать истину.

Возвращением кафедры католикоса в Эчмиадзин начинается 5-ый и последний период истории армянской церкви, рассматриваемый автором, простирающийся до начала XIX столетия. Этот период характеризует автор, как время самых позорных иерархических смут и унижительной зависимости от мусульман. Раздираемые борьбою личных интересов, высшие армянские иерархи потеряли сознание высоты и ответственности своего служения, заглушили стремление к познанию Божественной истины, и сами дошли, и свою паству довели до поразительно низкого нравственного уровня. Теснимые то мусульманами, то персами, армяне обращали свой взор на запад и писали жалобные послания папам, прося защиты и доказывая согласие веры армянской с латинской, а некоторые даже принимали унию с латинцами, но всё это было скорее делом внешней необходимости, чем плодом живого сознания истины. С начала 18-го столетия

армянские католикосы обращаются за покровительством к России, отнесшейся к ним очень сочувственно. К концу столетия успех этих сношений был столь велик, что в 1796 г. рескриптом гр. В. Зубову, назначенному главнокомандующим персидской экспедицией, предписано было, между прочим, и восстановление армянского царства, осуществлению какого плана помешала смерть Екатерины.

По смерти католикоса Гукаса Россия в первый раз приняла участие в избрании эчмиадзинского патриарха, выставя своего кандидата, и с этого времени начинается новый период в истории армянской церкви.

Н. Ш.

**Миссионерский Вестник // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 9. С. 323–336**

Предостережение г. Министра Вн. Дел старообрядцам

Во время пребывания своего в Нижегородской губ. г. Министр Вн. Дел обратился к старообрядцам в Городце с речью, которая изложена в *Прав. Вестнике* так: «Я очень рад был услышать от местных властей, что вы не допускаете отступлений от закона 1883 года, по силе которого вам дарованы некоторые права и возложены на вас известные обязанности. Согласно данным мне Государем Императором указаниям, предупреждаю вас, что при условии спокойного и закономерного пользования вами этими правами и точного исполнения лежащих на вас обязанностей вас никто из местных властей не будет преследовать, но малейшая попытка ваша выйти из тех рамок, в которые вы поставлены законом 1883 г., немедленно повлечет за собою самое строгое воздействие».

Глубокий интерес и внимание, проявленные г. Министром при путешествии его по Волге, к местным историческим церковным памятникам, подробные расспросы о храмах и религиозном состоянии и воспитании населения, а также высокое уважение высокого сановника к православному духовенству (министр всегда брал у священников благословение и диаконам подавал руку), проявлявшееся везде при посещении православных храмов и учреждений г. Министром Внутренних Дел, егермейстером Д.С. Сипягиным, – дали основание местному духовенству и обществу быть убежденными, что православное и религиозное воспитание населения нашего отечества составляет одну из важнейших государственных забот ближайших исполнителей державной воли нашего Государя Императора, и что тщетными должны остаться все ухищрения и вождедения раскола занять незаконное, дерзающее положение относительно господствующей Церкви.

Некролог

Видимо редееет слишком немногочисленная наша дружина «воинствующих мечем Слова Божия»!... Одни, не устояв под тяжестью миссионерского крестоношения, сами уходят с этой чреды служения Церкви и народу на иные поприща, других отзывает в Свою пренебесную «страну далечу» Начальник жизни и смерти... Давно ли мы на страницах «Мисс. Обзор.» помянули добрым словом почившего доброго деятеля в миссионерском вертограде Егора Антоновича Антонова, ныне предлежит нам печальный долг заносить в Миссионерский синодик новую невознаградимую утрату во истину славное имя приснопамятного *о. протоиерея Иоанна Григорьевича Виноградова*, скончавшегося 14 июля. Кто из миссионерствующей братии и из среды воссоединившихся с Церковью не знал и не любил *о. Иоанна Виноградова*, как пленительную красу миссии, как дивный образец истинного миссионера-пастыря! *О. Павел Прусский* и *о. Иоанн Виноградов* – эти два незабвенных имени стоят рядом, как московские светила миссии, воженные рукою великого Филарета, как два непреодолимых в борьбе с московским могучим расколом столпа. Оба из безвестной среды, – первый из раскольничьих тущоб, второй – из пономарских низмин, – без высшего образования, скромные, смиренные по характеру, стяжали себе всероссийскую известность исключительно благодаря лишь самоотверженному подвигу миссионерского служения. Почивший *о. Иоанн* всю свою долгую жизнь (он скончался на 73 году жизни и на 53 году священства) посвятил неустанной пастыре-миссионерской проповеди Слова Божия и св. подвигу привлечения в ограду Церкви заблудших, коснеющих во тьме раскола. Бесконечная из года в год летопись воссоединённых в лоно Церкви *о. Виноградовым* неопровержимо свидетельствует о замечательной успешности и благоплодности миссий этого приснопамятного пастыря-миссионера. Но как *о. Иоанн* поборал упорство раскольников, чем пленял в послушание Церкви сердца и волю отщепенцев и возрождал во Христе этих

многочисленных своих духовных чад? Вот глубоко-интересный для миссионеров вопрос. Исследование и характеристика миссионерской столь поучительной и практики, и литературной полемической деятельности приснопамятного о. Иоанна должна составлять одну из ближайших задач близко знавших почившего деятеля миссии, здесь же мы можем ответить на этот вопрос одно: – любовью, терпением и кротостью, убеждением побеждал о. Иоанн врагов православия и водворял строптивых овец в церковную ограду. Кто хоть раз лично видал о. Иоанна и беседовал с ним, тот сразу поймет, в чем сила обаяния пастырской личности и слова проповеди почившего незабвенного о. миссионера. Открытое, ласковое лицо, тихий кроткий взгляд очей, приветливая улыбка уст, внимание, сострадательная отзывчивость ко всем требовавшим его духовной или материальной помощи, искренняя участливость ко всякому без лицеприятия и лицезрения и в скорби и радости, умная, ясная, мягкая, снисходительная к ошибкам заблудших и потому благодушная, задушевная, убежденная беседа без гнева и раздражения невольно привлекали сердца всех и каждого и внушали безусловное доверие к слову пастыря-миссионера. Эти свойства его чистой души и ангельского характера сделали покойного миссионера одним из известнейших и любимых пастырей во всей Москве, а в то же время и законоучителем в лучших по педагогическому строю московских учебных заведениях, – каковы лицей, женская классическая гимназия Фишер.

По окончании курса в Вифанской семинарии первым студентом, о. Иоанн по семейным обстоятельствам не пошел в академию, а принял сан священства и начал пастырскую и вместе учительскую службу в г. Коломне, и оттуда через 9 лет переведен в Москву, сначала к Тихвинской, а потом Параскевиевской церкви, что в Охотном ряду, а затем Сергиевской. Здесь в полной мере развернулись недюжинные таланты почтенного иерея, как проповедника, законоучителя и борца против раскола. О. Иоанн первый не только в Москве, но и вообще, с благословения м. Филарета, положил почин заведению внебогослужебных собеседований с народом и

раскольниками. Тогда это дело было и новым, и крайне трудным, при отсутствии выработанных методов и полемических пособий. О. Иоанн владел даром живого импровизированного находчивого слова и не оставлял слушателей без проповеди ни при одной праздничной службе. Вместе с тем о. протоиерей оставил миссии ценные литературные работы. Так еще в 70 годах напечатано было им объемистое исследование. «О Феодоритовом слове», известны также его ценный ряд других работ по разным вопросам расколоведения и миссионерской практики. При Сергиевской Церкви, где почивший служил последние 13 лет, о. Иоанн оставил по себе рукотворенный памятник, – прекрасную аудиторию для миссионерских собеседований. Почивший пастырь-миссионер состоял почетным членом московской академии, что для приходского пастыря без высшего образования составляет редкую честь.

Чувствуя старческие немощи и слабость сил, о. Иоанн готовился к переходу в иной мир, как глубоко верующий христианин. За три недели до смерти он пособоровался, а последние 13 дней ежедневно приобщался Св. Таин. Все предсмертные распоряжения сделаны им с радостным спокойствием духа и живою верою и светлыми чаяниями жизни будущего века. Так живут и умирают истинные миссионеры и мужественные борцы за правду веры православной! Да послужит же светлый образ почившего о. Иоанна и образцом, и утверждением для миссионерствующей братии, которая да вознесет теплые свои молитвы об упокоении праведной души незабвенного своего старшего соратника; миссия же сохранит о нём вечную память!

В. Скворцов

Миссионерский синодик

Прекрасный обычай стал входить в жизнь миссионерских наших съездов. Это совершение молитвенного поминовения по всем почившим деятелям миссии. В Витебске совершалось такое поминовение служением панихиды, а в Нижнем Новгороде миссионерским съездом, состоявшимся 20–25 августа, – совершена была литургия, а после панихида по всем усопшим «проповедникам веры православной», начиная с патриарха Никона и кончая новопреставленными протоиереем Иоанном и раб. Георгием (Антоновым). На том же съезде преосвященным Назарием подана благая мысль составить общий миссионерский синодик всех почивших известных деятелей всероссийской миссии. Судя по наскоро составленным синодикам на Витебском и Нижегородском съездах, число известных деятелей-миссионеров незначительно, а, следовательно, составить общемиссионерский синодик не представит особых затруднений. Наш журнал, как орган миссии, долгом считает пойти на встречу в деле осуществления этой прекрасной идеи. Долг миссионеров местных составить по каждой епархии такой синодик, с кратким описанием жизнедеятельности и заслуг на поприще местной миссии почивших деятелей. Списки эти редакция наша долгом сочтет напечатать на страницах «Мисс. Обзор.» и издать особо. Так объединится в духе и молитве семья нынешних миссионеров с почившими собратьями. Да будет!

В. С.

К вопросу об увековечении памяти почивших миссионеров. (Письмо в редакцию)

Досточтимый г. редактор! Из августовской книжки журн. «Миссионерского Обозрения» узнали мы в «Стародубье» о смерти Егора Антонова. Не стало еще одного борца в рядах миссионерствующей братии. С великою скорбью встретило наше «Стародубье» эту трудно-вознаградимую для миссии потерю, но «аще и весь мир приобретаем, и тогда во гроб вселимся», – неизбежный удел нашего земного бытия. Хотя и незнаком нам лично почивший труженик, но мы всегда имели с ним духовное общение, когда в руках наших был меч его произведений и разборов, которыми мы часто вооружались для борьбы с враждующим расколом.

Насколько сильны и незаменимы были для дела миссии его разборы, считаю долгом рассказать об одном весьма недавнем случае, имевшем место в нашем центре «Стародубья» – п. Клинцах. Один из местных раскольников А. Б-в, под влиянием чтения полемики и бесед усомнился в правоте раскола и решил принять православие. Желая удержать А. Б-ва в расколе, присные его направили колеблющегося южика к белокриницкому уставщику Е. Борисову, который увещевал Б-ва и дал ему для прочтения заграничную брошюрку Швецова «Показания». Прочитав эти «Показания», А. Б-в отложил своё присоединение к Церкви и, придя однажды в братскую лавку, заявил, что теперь лишь он понял, как обманывают их, старообрядцев, и при этом Б-в сослался на Швецовскую книжку «Показания». Не желая разубеждать А. Б-ва, сиделец лишь просил его прочесть разбор этих «Показаний», который и дал ему на дом для чтения. Недели через две А. Б-в отправился с разбором к Е. Борисову – уставщику и сказал ему «вот лжет же твой Швецов в «Показании», да и не только лжет, а еще и тексты св. Евангелия по своему переделывает и при этом показал замеченные места. Проверив указанные места по Евангелию, уставщик Борисов был крайне смущен и в свою защиту сказал лишь, что это

наверно вышла опечатка в Швецовской книжке. Вскоре после этого А. Б-в присоединился к Церкви.

Помянув молитвенно усопшего новопреставленного раба Божия Георгия, обращаемся к вам, г. редактор, с всепокорнейшею просьбой, возьмите на себя труд открыть при редакции сбор пожертвований на учреждение в память почившего какого-либо доброго дела (что вы найдете лучшим и смотря по собранной сумме). Письму же этому не откажите дать место в «Мисс. Обзор.» не откликнутся ли на призыв нашего сердца и другие собраты – труженики миссионеры? Пусть наши скудные лепты будут венком на свежую могилу почившего соработника-миссионера.

Прилагаемая же более чем скудная лепта пусть будет началом предполагаемого сбора.

Псаломщик единовѣрч. церкви *Иван Чередников*

19 августа 1901 года. П. Клиницы

* * *

Р. С. Редакция с полным сочувствием отзывается на этот благой призыв в деле увековечения памяти скромных по положению, но великих по идее своего служения деятелей миссии. Нет более забытых в обществе и обездоленных в Церкви и государстве служения и служителей, как миссия и миссионеры. Так, напр., среди современного потока благотворительных щедрот на всевозможные учреждения, дела и начинания, слышал ли кто, чтобы были пожертвования на нужды противосектантской и противораскольнической миссии, в пользу св. дела обращения коснеющих во тьме и сени смертных грехов и заблуждений? Не говорит ли это об упадке духа ревности по вере в нашем обществе христиан и о недостатке сознания важности миссионерского служения в Церкви. Будем же, по крайней мере, сами-то мы, миссионеры, дружно нести тяготы и памятовать друг о друге и при жизни, и по смерти. Охотно открываем прием пожертвований на увековечение памяти приснопамятных миссионеров не только Егора Антоновича, но о. протоиерея Иоанна Виноградова. Для обсуждения вопроса, как и чем увековечить их память, – предоставляем в журнале место для заявлений и возбудим этот

вопрос на предстоящем окружном Орловском съезде, имеющем состояться с 16–23 сентября.

Редакция в основу жертвы в память новопреставленных кладет и свою лепту, в сумме 50 руб.

Возражение на статью «Современные пропагандисты раскола»⁸³

В январской и февральской книжках «Миссионерского Обозрения» за текущий год помещена статья – «Современные пропагандисты раскола», в которой автор г. Вельский описывает историю построения в посаде Мелекесе, Ставропольского уезда, Самарской епархии, храма во имя св. Бл. князя Александра Невского, «появление и усиление раскола Федосеевского (безбрачного) толка, борьбу с этой вредной сектой бывшего Самарского епископа, ныне Московского митрополита Владимира, и последующую борьбу православия с Марковским толком». Кто такой г. Вельский, – мы не знаем, – да это и неважно; а важно то, что г. Вельский в указанной статье всё, касающееся построения в посаде Мелекесе нового храма, усиления, якобы, раскола Федосеевского безбрачного толка, а равным образом и о борьбе с расколом, сообщил в превратном, искаженном виде и своею неправдою нанес оскорбление не столько Марковым, сколько православной Самарской миссии. Имея под руками подлинные дела из Самарской Духовной Консистории о построении в посаде Мелекесе нового храма во имя св. Бл. князя Александра-Невского, а также дело из канцелярии г. Самарского губернатора, который, по поручению г. обер-прокурора Св. Синода, производил негласное дознание в посаде Мелекесе по жалобе жителей посада Мелекеса – Сироткина, Таратина и Сорокина на неправильные, якобы, действия Мелекесского городского головы Маркова по делу о постройке храма, – равным образом имея под руками записку Преосвященного Гурия, который принимал близкое участие в построении в посаде Мелекесе нового храма, нравственным долгом почитаем разоблачить неправильные сведения г. Вельского о положении православия в Самарской епархии вообще и в частности в посаде Мелекесе. Долгом почитаем сказать, что Преосвященный Гурий, спустя почти год после моего перехода из Саратова на должность Самарского епархиального миссионера, нарочито для изучения состояния

раскола в Мелекесе и для борьбы с ним – командировал меня в посад Мелекес, где я, пробыв более 2-х месяцев, изучил Мелекесский раскол на месте и могу тоже правдивое слово сказать против статьи г. Вельского.

Итак, изложим сначала (на основании дела Сам. Дух. Консистории 1890–1894 гг. № 392, отношения Самарского губернатора обер-прокурору Св. Синода от 29 октября 1892 г. № 1323) историю построения в посаде Мелекесе нового храма во имя св. Бл. князя Александра Невского. Жалобы Сироткина и Таратина на неправильные, будто бы, действия по постройке церкви в посаде Мелекесе начали поступать со второй половины 1890 года, а между тем дело построения Мелекесским посадским обществом каменного храма во имя св. Благоверного князя Александра Невского начато и последовательно велось посадским управлением с марта 1881 г.

8-го марта 1881 года в Мелекесской думе был возбужден, а 2-го апреля 1881 года решен утвердительно вопрос о сооружении в память мученической кончины Государя Императора Александра II-го каменного храма, посвященного имени святого Благоверного князя Александра Невского, а предварительно небольшой часовни в честь того же святого. Постановление это, доведенное чрез Министра Внутренних дел до Высочайшего Его Императорского Величества сведения, удостоилось изъявления Высочайшей благодарности, объявленного в посадской думе 5-го Мая 1881 г. В исполнение означенного постановления Мелекесская посадская управа в 1882 г. окончила постройку часовни, израсходовав на этот предмет 1469 р. 12 коп. Засим посадское общественное управление озаботилось собиранием средств для постройки храма, отпустив единовременно на этот предмет 3000 руб. и определив делать с 1882 г. отчисления из общественных сумм по 500 р. ежегодно. Благодаря таким отчислениям, увеличенным с 1883 г. до 1200 рублей, а с 1887 г. до 1700 руб., уже к 1886 г. составилась капитал в 7000 р., а за всё время с 1883 г. по 1891 г. посадское общественное управление, посредством указанных отчислений и сбора добровольных

пожертвований собрало сумму в 19393 руб. 20 коп. С весны 1887 г. начата заготовка кирпича и 11-го сентября того же года думой принят для сооружения церкви проект академика Шервуда. – Представлением от 21 мая 1888 г. за № 439 Мелекесский посадский голова ходатайствовал пред Преосвященным Серафимом о разрешении на постройку двухпрестольного каменного храма по проекту академика Шервуда, вместимостью на 1200 человек. Проект этот, требовавший для своего выполнения около 150,000 рублей и составленный, очевидно, слишком роскошно и совершенно несоответственно потребностям и средствам посада Мелекеса, был впоследствии оставлен, и 9-го февраля 1890 г. посадская дума решила, взамен первого своего ходатайства, просить разрешение на постройку каменного храма с одним престолом в честь св. Благоверного князя Александра-Невского. Проект церкви с исчислением сметы на сумму 25000 рублей составлен Самарским епархиальным архитектором Хилинским, который и имел наблюдение за производством постройки. Это ходатайство было представлено Преосвященному Серафиму отношением посадского головы от 17 марта 1890 года за № 270, взамен первого ходатайства от 21 мая 1888 г., которое еще оставалось неразрешенным со стороны Самарской Духовной Консистории. В промежуток времени между этими двумя ходатайствами посад Мелекес был постигнут бедствием: 19 июля 1889 г. пожар истребил половину посада, причем сгорела и старая деревянная Никольская церковь. В церковной ограде был сложен заготовлявшийся для постройки церкви кирпич. Чрез несколько дней после пожара в Мелекес прибыл Самарский вице-губернатор (ныне Самарский губернатор) и подал совет обратить заготовленный кирпич в продажу частным лицам. К такому решению представлялось двоякое основание: постройку церкви, в то время еще не разрешенную, во всяком случае приходилось отложить на год, между тем как погорельцы сильно нуждались в строительных материалах и кроме того кирпич, который был бы оставлен еще в течении целого года без употребления, на открытом воздухе мог испортиться. И действительно, заготовленный на церковь кирпич, 3 года

простояв на открытом воздухе и подвергнувшись разрушительному действию пожара, не был пригоден на постройку храма; к тому же в общественных кирпичных сараях в то время имелось свежеизготовленного кирпича до 300,000 шт., что вполне было достаточно для закладки храма.

Таким образом продажа заготовленного кирпича была разрешена Самарским губернатором, да им же, а не Марковым и не самовольно, и подан был совет продать кирпич, – и по причинам довольно уважительным. А г. Вельский пишет, что «православные увидели своими глазами, что строители-раскольники издеваются над православием и из церковного кирпича строят не церковь, а конюшни, кабак» и др. Говорили, что заготовленный кирпич на церковь был лучшего качества, а поставленный новый и купленный плохого качества и разной меры. Но по заключению заведующего постройкою храма, епархиального архитектора Хилинского, который всё время наблюдал за постройкой, – новый кирпич был не хуже прежнего и признан был вполне пригодным для этой постройки. (См. дело стр. 62.)

Далее, протоколом Самарской Духовной Консистории от 25 мая 1890 г., утвержденным Преосвященным Серафимом 6-го июля того же года, последовало разрешение на постройку каменного храма на месте сгоревшей деревянной Никольской церкви. При этом в 3-м пункте консисторского определения было постановлено: «в состав комиссии по постройке церкви, каковая имеет быть утверждена думою, от духовного ведомства назначить священника Старо-Никольской церкви (сгоревшей) Андрея Иванова». 22 июля 1890 г. местным благочинным, священником Люстрицким, была произведена в посаде Мелекесе, на месте сгоревшей церкви, закладка каменного храма; при чем благочинный, донося консистории о совершении закладки, в рапорте своем от 28 июля 1890 г. за № 247 – писал, что им «произведена закладка нового каменного храма во имя св. Благоверного князя Александра Невского». – В это самое время, когда после 9-летних подготовительных хлопот Мелекесское посадское управление, с головою Марковым во главе, приступило к действительному выполнению своего

постановления, начинает поступать ряд жалоб и доносов, направленных к тому, чтобы всеми средствами опорочить Маркова в глазах гражданского и епархиального начальства и заставить устранить его от дела постройки церкви. – Первая жалоба недовольных, поданная Преосвященному Серафиму в виде безымянного доноса, подписанная «православные жители посада Мелекеса» и помеченная числом 25 июня 1890 г., была препровождена Преосвященным к Самарскому губернатору при отношении от 24 августа 1900 г. за № 7265. Засим в течение 1890 и 1891 гг. последовал целый ряд жалоб, поданных по тому же предмету Преосвященному Сергию, епископу Чебоксарскому, временно управлявшему епархией, а затем и Преосвященному Владимиру. Под всеми этими прошениями во главе подписавшихся стоят имена: врача Сироткина и купца Таратина, т. е. тех самых лиц, которые в 1892 г. обратились с жалобой к обер-прокурору Св. Синода. Содержание всех этих жалоб сводится к следующим обвинительным пунктам: Марков, будучи, по заявлению жалобщиков, закоренелым раскольников и врагом православия, самовольно стал во главе постройки церкви, незаконно продавал и присвоил себе церковный кирпич, учредил без надлежащего разрешения кружечный сбор и подписки, самовольно распорядился страховою премией в 6000 рублей, полученною за сгоревшую церковь и, наконец, самовольно, будто бы, заложил храм во имя св. Благоверного князя Александра Невского, между тем как со стороны консистории разрешение на постройку церкви последовало под условием освящения её во имя Святителя и Чудотворца Николая. Вследствие этих жалоб Преосвященный Владимир отношением от 5 июня 1891 г. за № 5871 просил Самарского губернатора сделать распоряжение о том, чтобы всё дело постройки церкви было изъято из ведения комиссии, составленной посадскою думою и передано строительной комиссии, составленной распоряжением епархиального начальства под председательством местного священника. В виде мотивов к такой просьбе было приведено, что Его Преосвященство, согласно с заключением консистории, находит: во 1-х, действия учрежденной при посадской думе

комиссии и в частности действия председателя сей комиссии посадского головы Маркова во многом неправильными и самочинными и во 2-х, что такая передача необходима для более успешного хода сей постройки. – Вследствие сего Самарский губернатор Свербеев предложением от 15 июля 1891 г. за № 807, предписал Мелекесской посадской управе о передаче дела и капиталов по постройке церкви, согласно требованию Преосвященного Владимира.

На это предложение посадский голова представлением от 30 июля 1891 г. за № 666 довел до сведения губернатора, что имеющая быть учрежденною от епархиального начальства строительная комиссия еще не составлена, и что по учреждении таковой и по получении от неё требования о передаче вышеуказанного дела, вопрос об этой передаче будет безотлагательно внесен на решение думы. Затем, как видно из копии журнала заседания Мелекесской посадской думы от 29 октября 1891 года, представленной Самарскому губернатору при отношении от 6 ноября 1891 г. за № 887, дума, по обсуждении этого вопроса, уклонилась от исполнения обращенного к ней требования и сделала следующие постановления, клонившиеся к тому, чтобы оставить ведение строительного дела на прежних основаниях в своём заведовании. Нигде не выражая прямого отказа исполнить это требование, но имея в виду, что старый состав думы, ведший дело постройки, вскоре должен передать свои полномочия новому составу думы, и что работы по постройке храма уже прекращены на зимнее время 1891 г., почему и не представляется надобности в спешном решении вопроса, посадская дума постановила вопрос о передаче дела, по сооружению нового каменного храма оставить открытым и своевременно внести на решение нового состава думы. Отсрочив, таким образом, передачу строительного дела, дума в том же заседании уполномочила посадскую управу на покупку строительных материалов, которые потребуются в 1892 г., мотивируя это постановление тем соображением, что для дальнейшего безостановочного ведения постройки благовременная заготовка строительных материалов

необходима, безразлично, будет ли в дальнейшем заведовать постройкою комиссия, избранная думою, или же епархиальная комиссия. – Войдя затем в обсуждение вопроса о законности дальнейшего существования и действий учрежденной ею строительной комиссии, дума постановила, что эта комиссия должна существовать, вести порученное ей дело и все её действия в пределах предоставленных ей полномочий должны почитаться законными до тех пор, пока не будет разрешен новым составом думы отсроченный вопрос о передаче строительного дела. Приведенное постановление Мелекесской посадской думы, состоявшееся 29 октября 1891 года, представлено было на усмотрение губернатора. Такое постановление Мелекесской думы Самарским губернатором отменено не было, и вот в 1892 г., трудами учрежденной думою строительной комиссии, церковная постройка закончена была вчерне.

После Свербеева – вице-губернатор Брянчанинов по вступлении в должность Самарского губернатора, не признал полезным настаивать на устранении Мелекесской посадской думы и головы Маркова от постройки церкви, что объясняется тем, что, по ближайшем рассмотрении дела, губернатор пришел к убеждению, что 1) жалобы, подаваемые с 1890 года, вытекают не из чувства искреннего религиозного рвения, а являются только средством борьбы мелких личных интересов, чуждых делам веры, 2) что, за исключением некоторых неправильностей, которые укажем ниже, обвинения возводимые на Маркова, являются неосновательными, 3) что приостановка деятельности существующей строительной комиссии в самый разгар постройки отдалило бы её окончание по крайней мере еще на один год, и 4) что поэтому для успешного и мирного окончания дела, начатого и почти уже доведенного до конца Мелекесским посадским общественным управлением, желательно дать этому делу совсем иное направление, чем то, которое дано ему со стороны Самарской Духовной консистории.

Посадский голова, Константин Григорьев Марков, представитель богатой купеческой семьи, весьма влиятельный в посаде Мелекесе, занимает должность посадского головы уже в

течение 18 лет. Отец Маркова и его родня принадлежат к старообрядчеству, но сам Марков приписан к Самарской единоверческой церкви. Судить, насколько искренно его присоединение к единоверию, я не берусь; но во всяком случае – говорить, что он враг православия, что он содействует укоренению раскола в посаде Мелекесе и его округе, – совершенно будет ложно: данных для этого нет никаких. О людях нужно судить по их делам, и я думаю, что закоренелый раскольник и враг православной Церкви едва-ли взял бы на себя почин и деятельное участие в деле построения православного храма, которое Марков вел неустанно с 1891 г. и с многими для себя неприятностями. – Большие денежные средства Маркова и «личная неопороченная репутация» (слова губернатора) ставят его выше подозрений в каких-либо корыстных денежных интересах в бывшем деле или в расхищении церковного имущества, в чём и противники его не обвиняли. – Побуждения, заставлявшие Маркова так дорожить своим участием в этом деле, объясняются, по моему мнению, очень просто. Построение храма в честь св. Благоверного князя Александра Невского в посаде Мелекесе было с самого начала поведено, как дело общественное, долженствовавшее ознаменовать в глазах местного населения память о мученической кончине покойного Государя.

При самом возникновении этого предположения, когда дума располагала еще весьма гадательными средствами для его осуществления, она поспешила довести о своём намерении до Высочайшего сведения, за что и удостоилась изъявления Высочайшей благодарности. Марков, как человек, любящий почет, привыкший занимать первое место во всяком общественном деле посада, чванливый, как большинство лиц, вышедших в люди благодаря своему богатству, естественно дорожил тем, чтобы крупное общественное дело, начатое им и на которое, по его мнению, обращено Высочайшее внимание, было окончено под его руководством; а с тех пор как проявились попытки устранить его от этого дела, он, естественно, смотрел на него – как на дело личного самолюбия. – Главные его обвинители, врач Сироткин и купец А. Таратин,

питают к нему личную вражду. Сироткин, бывший прежде врачом при посадском общественном управлении, но затем из-за чего-то рассорившийся с Марковым, питает к нему непримиримую вражду и с 1890 г. неустанно преследовал его газетными корреспонденциями и жалобами. Таратин – зажиточный купец, добивающийся преобладающего влияния в посаде, не может достигнуть его, пока не сломит значения Маркова, с которым он по богатству и влиянию тягаться не может. Вот настоящая личная подкладка тех настойчивых, но по большинству неосновательных обвинений, к рассмотрению которых мы и перейдем.

Самарский епархиальн. миссионер свящ. *Д. Александров*
(Окончание следует).

Миссионерские новости

Миссионер *Олонецкой* епархии священник о. Константин Плотников оставил, по семейным обстоятельствам, миссионерское служение, и должность эта в означенной епархии числится вакантною. Олонецкий миссионер получает из сумм Св. Синода 2000 р.

Вакантными состоят должности миссионеров в *Оренбургской* (миссионеры требуются, по желанию местного преосвященного, в священном сане) епархии и *Тамбовской*.

В *Казанской* епархии на должность противораскольничьего миссионера назначен кандидат казанской академии г. Василевский.

Именные иконы

Афонский Ильинский скит, сочувствуя делу утверждения в вере православного русского народа, с благословения высокопреосвященного Иустина, архиепископа Херсонского и Одесского, вследствие ходатайства херсонского епархиального миссионерского съезда, предпринял издание именных икон, под руководством епархиального миссионера М. А. Кальнева. Цель издания – сблизить народ, особенно молодое подрастающее поколение, со Св. Церковью, возбудить в православных людях чувство благоговения к святым, имя которых они носят, и к их священным изображениям, научить народ молиться своим святым покровителям, знать их жизнь и труды, дабы, взирая на кончину их жизни, подражали вере их (Евр.13:7). Значение именных икон, которыми пастыри будут снабжать каждого крещаемого младенца, более подробно объяснено в статье «Именные иконы», помещенной в № 24 «Церковных Ведомостей» за 1901 год.

Именные иконы, наклеенные на толстом и прочном картоне, издаются в 12 красок, величиной в 3х4 вершка; внизу лицевой стороны каждой иконы напечатан тропарь святому, на оборотной стороне иконы напечатаны житие святого и форма выписи акта о рождении новокрещенного. Пока издано до 150 икон святых, имена коих более употребительны в народе; но Ильинский Афонский скит приложит все заботы к дальнейшему дополнению издания иконами и других святых православной Церкви. Питая полную надежду на сочувственное отношение к этому святому делу со стороны приходских пастырей, Ильинский Афонский скит нашел возможным издавать именные иконы по следующей, вполне доступной для народа, цене: от 1 до 10 по 5 к.; от 10 до 100 – 4½ к.; а от 100 до 1000 и далее по 4 коп. за каждый экз. без пересылки, расход на которую, соответственно почтовому и железнодорожному тарифам, будет исчисляться на счет покупателей. – Заказ можно получать и наложенным платежом.

Со всеми требованиями обращаться: Одесса, в Афонское Ильинское подворье. Пушкинская улица.

Октябрь

**Лисицын М. свящ. Лжехристианство Толстого пред
судом светской критики // Миссионерское обозрение
1901 г. № 10. С. 337–352**

В 6 книжке журнала «Мир Искусства» напечатан доклад Д. С. Мережковского, читанный им в литературно-философском обществе 6 февраля 1901 г. Читатели наши в своё время ознакомлены были с кратким содержанием этого доклада, а также с некоторыми обстоятельствами, сопровождавшими чтение его в обществе.⁸⁴ Теперь, в виду появления в светском журнале этой весьма важной для наших апологетических и полемических целей светской критики религиозных воззрений яснополянского проповедника, мы считаем полезным подробно остановить внимание читателей наших на этом произведении Д. С. Мережковского, сказавшего столь известное и правдивое слово о догматике и религии гр. Толстого.

Д. С. Мережковский в своём докладе задевает самую Ахиллесову пяту всей толстовской догматики, мутный источник её, из которого вытекает и «непротивление злу», и представление о Боге, о благодати, о таинствах и цели существования человека.

Автор доклада прекрасно выражает всю сущность толстовства следующими словами проф. Амиеля.⁸⁵

«Когда не мечтаешь уже о том, что имеешь перед собою свободными десятки лет, год, месяц, когда считаешь уже десятками часов, и будущая ночь несет в себе угрозу неизведанного, очевидно, что отказываешься от искусства, науки, политики и довольствуешься беседой с самим собой, а это возможно до конца. Внутренняя беседа эта – одно, что остается приговоренному к смерти, казнь которого откладывается. Он, этот приговоренный, сосредоточивается в себе самом. – Он уже не действует, а созерцает. – *Как заяц, он возвращается умирать к своему жилищу*, и жилище это – есть совесть, его мысль. Пока он может держать перо и имеет минутку уединения, он сосредоточивается перед этим отзвуком самого себя и беседует с Богом. – Это, впрочем, не

нравственное исследование, не покаяние, не призыв. Это только *«аминь» покорности*. – «Дитя моё, отдай мне своё сердце». – Отречение и согласие мне менее трудны потому, что *я ничего не хочу. Я бы желал только не страдать*. Христос в Гефсиманском саду просил о том же. Сделаем же то же, что и Он. «Впрочем, пусть будет не моя воля, но Твоя», – и будем ждать».

Страх смерти и чувство неизбежности её – вот основной камень толстовского представления о Боге. Бесконечная покорность и страх умирающего зайца, отвечающего на последний смертельный удар охотника: «да будет воля твоя» – вот источник толстовской морали, доведенный им до последней крайности. Но как это далеко от христианской любви к Богу. *Любовь до того совершенства достигает в нас*, говорит ученик Иисуса, возлежавший на груди Его, – *что мы имеем дерзновение*. – *В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение, боящийся же не совершен в любви»* (1Ин.4:17–18). Могут ли стать рядом с такими словами нравственные взгляды Толстого? Имеет ли его любовь «дерзновение» и изгоняет ли она страх? «Нет, справедливо говорит Мережковский, сама она вся – от страха, от «мучения страха», от последней степени этого мучения, которая есть даже не просто страх смерти и страдания, а *страх страха*... «Дитя, отдай мне твоё сердце», говорит Господь. «На, возьми, да будет воля Твоя», а в тайне мысль самая страшная: я знаю, что ты господин жестокий, – жнешь, где не сеял, собираешь, где не рассыпал; если я тебе и не отдам моего сердца, – ты всё равно возьмешь его, возьмешь насильно: так на же, возьми, «да будет воля Твоя». – Не отделяет ли здесь один волосок величайшую покорность от величайшего бунта? – справедливо замечает Мережковский.

«Смерть и страдания, как пугала, со всех сторон ухают на человека и загоняют на одну открытую ему дорогу человеческой жизни, подчиненной своему закону разума и выражающейся в любви». «Пугала смерти и страданий насильно загоняют человека, как зверя, как того кабана, которого травит дядя Ерошка,⁸⁶ – в капкан любви, в закон любви». Невольно при этом

припоминается «первая ступень» Толстого, где он со свойственной ему пластикой описывает, как загоняют быка на скотобойне в стойло, где его и убивают. Также пластично и в тех же самых образах рисует Толстой и смерть Ивана Ильича. В предсмертных мучениях Иван Ильич «бился, как бьется *в руках палача приговоренный к смерти*, зная, что он не может спастись. Он плакал о беспомощности своей, о своём ужасном одиночестве, о жестокости людей, о *жестокости Бога*». Тайна смерти, тайна Бога и есть та «черная дыра», чёрный узкий мешок, куда «сует с болью» умирающего Ивана Ильича,⁸⁷ «всё дальше просовывает и не может просунуть сила невидимая, непреодолимая», нечто безобразное и безобразное. Такой Бог – даже не *Он*, а *Оно*. В предсмертном бреде князя Андрея⁸⁸ «за дверью стоит *«Оно»*. Что-то ужасное, уже надавливая с другой стороны, ломится в дверь. Что-то нечеловеческое – смерть ломится в дверь».

Такой Бог лишает человека достоинства, низводит на степень животного, ставит в самое унижительное положение человеческую душу и тело.

Ужас, животный страх и печаль – вот те чувства, которые должно возбуждать такое представление о Божестве. Андрея Болконского пред Аустерлицким боем – *страшит и печалит* мысль, что его, может быть, завтра *не будет*, что тело его выбросят, как падаль.

«Меня не будет – вот крик только животного себялюбия пред смертью, крик только обнаженного человеческого тела, даже не тела, а «мяса». И «дальше и кроме этого ничего не было».

«Есть ли это, однако, последнее освобождение, победа духа над плотью?» – основательно ставит вопрос Мережковский. «Ведь нечто новое, решающее здесь произошло сначала в теле; душа только отражает то, что уже произошло в теле; только объясняет слабость тела, как «слабость любви», как сознание своего страшного одиночества и беззащитности; но собственно *от себя* ничего не прибавляет. И здесь, как везде, как всегда у Л. Толстого, не тело следует за душою, а наоборот, – душа за телом: что сначала в теле, то потом в душе. Телесное

первоначально, духовное, или, лучше сказать, «душевное» – производно. Душевное вытекает из телесного, как следствие из причины. Тело уходит из жизни в не-жизнь, опускается в «черную дыру», – и душа влечется за телом; тело тянет душу. Воскресение духа есть только умирание тела, не начало чего-то нового сверхживотного, а только конец старого, животного, – отрицание плоти – одно отрицание, без утверждения того, что за плотью.

Здесь происходящее в душе так связано с происходящим в теле, что одно невозможно без другого, одно исчезает за другим. Если бы Брехунов не замерз, та просто не сумел бы вспомнить своих любовных мыслей о Никите⁸⁹ и, по всей вероятности, остался бы таким же кремнем, каким был до замерзания, телом бы воскрес, а духом снова умер бы. Эта любовь не в жизнь, а из жизни».

И действительно, и у князя Андрея только тогда началось «пробуждение от жизни», когда болезнь его приняла дурной характер, а он в бреду увидел себя умершим. После этого любовь к жизни и к людям показалась ему далекою и чуждою, слишком живою. «Тогда он еще жалел жизнь, хотел вернуться в жизнь, думал, что жизнью можно утолить бесконечную жажду любви: теперь он понял до конца, что жизнь не нужна для любви, так же как любовь не нужна для жизни, что сама любовь есть только отрицание всей земной жизни. – Всё, всех любить, – думает князь Андрей – значит никого не любить, значит не жить этою земною жизнью». «И чем больше – прибавляет Л. Толстой уже от себя, – проникался он этим началом любви, тем больше он отрекался от жизни и тем совершеннее уничтожал ту страшную преграду, которая, когда у нас нет любви, стоит между жизнью и смертью». – «Всех любить – значит никого не любить» – вот любовь для нас, живых, непонятная, и страшная, страшнее всякой ненависти. Нам кажется, замечает Мережковский, что это вовсе не любовь, а скорее отсутствие любви.

И действительно, взгляд князя Андрея на всё живое становится «холодным, почти враждебным». Наташа, Марья робеют под этим взглядом, чувствуют, что он больше не любит

их и что их любовь ему не нужна... И эта-то ужасающая насмешка мертвого над живыми, этот отталкивающий холод, это бесконечное презрение и вражда ко всему живому, по мнению князя Андрея, по мнению Л. Толстого, *и есть именно «та любовь, которую проповедовал Бог на земле».*

Эта любовь делает кн. Андрея холодным и бессердечным к своим сестрам и безучастным к сыну своему Николушке. И как странно для нас тут еще его воспоминание об Евангелии! – «Мари, ты знаешь Еван...» – но он вдруг замолчал.

– «Что ты говоришь?

– Ничего. Не надо плакать здесь, – сказал он, тем же холодным взглядом глядя на неё.

Когда княжна Марья заплакала, он понял, что она плакала о том, что Николушка останется без отца... «Да, им это должно казаться жалко, – подумал он. А как это просто! «Птицы небесные не сеют, не жнут, но Отец ваш питает их», сказал он сам себе и хотел тоже сказать княжне: «но нет, они поймут это по своему, *они не поймут! Этого они не могут понимать, что все эти чувства, которыми они дорожат, все эти мысли, которые кажутся нам так важны, что они – не нужны. Мы не можем понимать друг друга!*» – и он замолчал».

«Доныне казалось нам, живым, справедливо замечает Мережковский, что Христос пришел проповедовать учение Своё не мертвым, а живым, и что живые могут понять Его. Но вот оказывается, что это ошибка, что всё живое для Христа *«не нужно»*, – между Христом и жизнью нет никакого соединения; – «мы не можем понимать друг друга». Только умирающие, почти мертвые могут Его понимать. Князем Андреем и Л. Толстым окончательно отвергнуто это слово: «Бог не есть Бог мертвых, но живых», – «у Бога все живы»; для кн. Андрея и Л. Толстого Бог есть Бог только мертвых, – у Бога все мертвы. «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов»? – Нет, – «пусть мертвецы хоронят живых»; Христос не «смертью смерть», а смертью жизнь поправил. Для кн. Андрея и Л. Толстого не смерть есть жизнь, а жизнь есть смерть. «Да будет *и на земле, как на небе, воля Твоя*»? – Нет, у князя Андрея и Л. Толстого молитва иная: да будет воля Твоя на небе, только на небе, потому что на

земле её вовсе быть не может, потому что вся земля есть то, что против воли Твоей, и воля Твоя в том, чтобы земли вовсе не было».

– «Мари, ты знаешь Еван...» – но он вдруг замолчал». – «Мы не можем понимать друг друга». – Какое страшное молчание! Сколько в нём жестокости! Была ли вообще на земле большая жестокость, большее проклятие жизни? И в этом-то проклятье, которое ведь в конце концов есть, может быть, лишь обратная сторона цинического, животного себялюбия – «всё это ужасно просто, гадко; – все вы живете и думаете о живом, а я...» – заключается, по мнению Л. Толстого, вся «благая весть» Евангелия. – Полно, не злая ли весть? – метко замечает автор доклада.

Бог есть «Ничто», какое-то безличное Оно, сила неопределенная, неумолимая; к ней не только нельзя обращаться, но даже нельзя выразить её никакими словами. Такому Богу нельзя молиться, потому что между ним и живыми людьми не может быть никакого общения.

«Всякое понятное воображение о том, что я познаю Бога – например, что Он творец, или милосерд, или что-нибудь подобное – удаляет меня от Него и прекращает моё приближение к Нему», – говорит Л. Толстой в заграничной брошюре «Понятие о Боге» – *Concept de Dieu*, Geneve 1889. – Ежели эту логику довести до конца, то неминуемо получится та самая трагедия, которую переживает умирающий князь Андрей; никакими мыслями, никакими чувствами живые люди не могут приблизиться к Богу, Который есть само отрицание всего живого, всего существующего, есть последнее Ничто, – любить Бога значит любить Ничто, погружаться в Нирвану, в небытие. – «Мари, ты знаешь Еван...» – да нет, не стоит с живыми говорить об этом, – всё равно не поймут, не услышат: – «мы не можем понимать друг друга»; надо молча до конца проклясть всех живых и умереть, чтобы соединиться с Богом. «Местоимение «Он» уже несколько нарушает для меня Бога; «Он» как-то умаляет Его», – продолжает Л. Толстой в той же заграничной брошюре, как будто доканчивая мысли князя Андрея.

«Не через свободную, бесстрашную сыновнюю любовь к Отцу Небесному, а разве только через животный Ерошкин ужас, ужас голого человеческого тела, человеческого мяса, через «аминь» последней покорности, аминь дрожащей твари можно приблизиться к *такому* Богу, делает вполне прямой вывод Мережковский. Будь только Л. Толстой до конца последователен, он и пришел-бы к этому неизбежному выводу, он сказал бы себе: кому я стану молиться: Господи, помилуй меня? кому я скажу: «Отец мой Небесный»? Мне этого некому сказать, потому что всякое понятие о Боге, а следовательно и то, что Он Отец, «прекращает моё приближение к Нему». Ведь Бог для меня не «Он», а «Оно», я могу только бояться Его, как умирающий заяц боится охотника или того зверя, который гонится за ним. Я не могу верить в Отца Небесного, Которого проповедовал людям Христос. Я не знаю, кто я, но, *во всяком случае, я не христианин*. – И когда, замечает Мережковский, Л. Толстой сказал бы это себе, началась бы великая трагедия уже не только в его бессознательной стихийной жизни и художественном творчестве, но и в его религиозном сознании, – *наша трагедия*».

Но Л. Н. боится этого крайнего, неизбежного вывода и отступает перед ним на любимую дорогу срединных наставлений, вроде отречения от имущества, вегетарианства и непротивления злу.

«Христианство, – говорит Л. Толстой, – представляется людям в виде сверхъестественной религии, тогда как *в нём нет ничего таинственного, мистического, ни сверхъестественного*, а оно есть только учение о жизни, соответствующее той степени *материального* развития, тому возрасту, в котором находится человечество. И для доказательства этой именно мысли об отсутствии в «истинном христианстве» чего бы то ни было мистического, сверхразумного пишет свою главную религиозную книгу: «*Царство Божие внутри вас, или христианство, не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание*», – можно бы сказать опять-таки проще, откровеннее: как новое не религиозное, а *практическое жизнепонимание*».

Далее Д. С. Мережковский отмечает ряд противоречий в догматике Толстого. Религия, по выражению последнего, есть учение об отношении человека к *первопричине* мира – к Богу. А Бог для него – Нечто далекое, чуждое, неумолимое, непонятное. С другой же стороны в христианстве нет ничего непонятного, следовательно относящегося к Богу; значит, по Толстому, *христианство есть религия без Бога, – религия без религии*.

Из этого противоречия Толстой выбрался опять своим срединным путем. Он не захотел, как логически того требовал разум, вывести, что Бог есть Ничто. Он не все и не ничто, а ни то, ни се. Это не Бог живых и даже не Бог мертвых, а Бог полуживых, полумертвых, современных полуберов, для которых в сущности даже не интересно, есть Он, или нет Его, не интересно это и для Толстого. В своём практическом христианстве, он может обойтись и без Бога, имя Которого, по собственному признанию, почти не употребляет отдельно, а лишь в выражениях – «жить по Божьи» и т. п., так что Бог является здесь даже не существительным, а лишь *прилагательным*.

Вот почему и не церемонится Толстой с учением о Боге, о св. Троице: – ведь это только прилагательное. Догмат о св. Троице, по нему, *«ни для кого и ни для чего не может быть нужен – нравственного правила из него вывести невозможно никакого»*. Таким образом, справедливо заключает Мережковский, «Бог у Толстого есть удобный и условный математический знак, x в нравственных уравнениях.

Когда уравнение решено, x становится добром, и даже не бескорыстным добром, а определенной, насущною полезностью a , b или c : «любовь к ближнему, – говорит Л. Толстой с поразительною даже у него беззастенчивостью, – есть *выгодное, полезное дело*». И еще грубее, еще циничнее: «Христос учил людей не делать глупостей». Всё учение Христа оказывается только учением здравого смысла, общедоступного, как дважды два четыре, подсчитывание человеческих польз, нечто, может быть, в высшей степени практическое, но ведь и

несомненно же дешевое, коротенькое, как трехкопеечная арифметика для сельских школ.

Раз вступив на эту большую дорогу религиозного опошления Л. Толстой неминуемо должен был дойти до того же, до чего теперь доходят все идущие по религиозным большим дорогам, – до почти сознательного безбожия.

И ежели тут сохраняется «почти», ежели всё еще называет он своё безбожие религией и не говорит в сердце своём с окончательным цинизмом: «нет Бога» (кто знает, впрочем, – может быть, уже и говорит?), – то только потому, что так мало думает о Боге, так забыл о Нём, – что не удостаивает он эту жалкую метафизическую развалину, «тень тени» даже последним великодушным ударом, последним отрицанием.

Вот весь пройденный Л. Толстым религиозный путь относительно догмата о Боге вообще: начал он тем, что поверил в ничто, кончил тем, что не верит ни во что; начал с незапамятно-древнего буддийского нигилизма; кончил даже не вчерашним, а третьегодняшним, отрыгнувшимся русским базаровским нигилизмом».

«То же самое, что с Богом-Отцом, говорит далее автор, произошло у Толстого и с Сыном Божиим».

«Сын знает Отца; раб не знает Господина; работник отчасти знает, отчасти не знает хозяина; он больше умствует, хвастает тем, что знает барина: «я знаю, что Ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, собираешь, где не рассыпал, вот же Тебе Твой талант». Это расчет хозяина и работника. Работник не может «войти в радость господина своего», а разве только в прибыль хозяина. – «Мужиков надо держать вот как!» – говаривал, показывая свой крепкожатый кулак Николай Ростов, тоже хозяин. И небесный Хозяин у Л. Толстого держит работников своих «вот как»: он загоняет их, как зайцев, ухающими пугалами смерти и страданий «на дорогу любви». Какая же однако любовь, какая свобода, ежели «пугали»? – «Я как-то думал, – признается Л. Толстой, как больно, что люди живут не по Божьи, и вдруг мне стало ясно, что как бы человек ни жил, он всегда живет так, что закон не будет нарушен, только проигрыш остается за человеком. Он же не исполнил, как

человек – исполнил его, как животное, как, еще ниже, кусок разлагающейся плоти. Для меня это стало ясно и утешительно, говорит Толстой. Страшная ясность, невероятная утешительность, замечает Мережковский. Ведь не может Л. Толстой не сознавать, что от начала мира до возникновения толстовской религии, никто, или почти никто, даже сам он, Л. Н-ч, закона любви так, как он его понимает, сознательно не исполнил. И, следов., почти всё человечество, не более, как «разлагающаяся плоть», смрадная падаль. И это-то находит он с точки зрения той самой любви, которую проповедовал Бог на земле, не только ясным, разумным, справедливым, но и «утешительным». – Господь не хочет гибели грешных, но чтобы все спаслись. «Истинно, истинно говорю вам, ангелы на небесах радуются о едином грешнике более, нежели о десяти праведниках». Так для Бога, так для Сына Божьего.

Но не так с хозяйской, толстовской точки зрения. «Их надо держать вот как!» Почти всё живое погибнет, туда ему и дорога... Было ли, справедливо замечает Мережковский, когда-либо вообще произнесено не более жестокое, а только более жесткое, грубое, холодное «нехристианское» слово о христианской любви. «Этот человек никогда никого не любил, вспоминается слово Тургенева и слово князя Андрея: «всех любить, значит никого не любить». «Вот, что такое эта любовь – не любовь свободная, любовь из под палки, из под плети, из-под ухающих пугал. «Дитя моё, отдай мне своё сердце, – ведь всё равно, если не отдашь, проигрыш за тобою, ты будешь куском разлагающейся плоти». Но, заканчивает Мережковский характеристику учения Толстого о любви, «ежели я не могу быть сыном Отца Небесного, то не хочу быть и «работником» такого Хозяина – пусть уж лучше я буду по прежнему рабом, дрожащею тварью, даже «куском разлагающейся плоти» – это все-таки менее позорно и жестоко».

Слишком религиозное, евангельское понятие о сыновности людей Богу в конце концов оказывается не удобным для «христианства» Л. Толстого, и он всеми силами старается вытравить это понятие из Евангелия. В книге «Учение 12

Апостолов», переводя греческий подлинник, повсюду тщательно заменяет он слово «Сын» словом «отрок», вместо «Иисус, Сын Божий» – «Иисус, отрок Божий». Мало того: против всякой очевидности, с непостижимым цинизмом, он утверждает, что Христос никогда не считал себя единокровным Сыном Божиим. «Иисус, уверяет он, считал себя таким же человеком, как и другие люди». – В опровержение этого Мережковский указывает на след. места Евангелия: *«дана мне всякая власть на земле и на небе. Я и Отец – одно»*. Это ли еще не прямо, не ясно? Да за что же наконец и распят был Иисус? – «И встав, первосвященник сказал Ему: что же ничего не отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют? – Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? – Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы и грядущего на облаках небесных. – Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! – Как вам кажется? – Они же сказали в ответ: повинен смерти» (Мф.26:62–66). После таких свидетельств – утверждать, будто бы во всём Евангелии нет ни одного места, из которого следовало бы заключить, что Христос считает себя «не человеком, как все», а Сыном Божиим, – едва ли возможно, по выражению Л. Толстого – «без дурного желания».

О Третьей Ипостаси Св. Троицы – Духе Святом, Толстой не любит говорить. Она для него не существует, как не признает он и благодати Духа Святого.

«Итак, христианство – не только без Бога Отца, но и без Сына Божьего, христианство без Христа, включает обозрение догматики Толстого автор доклада. «Соль – добрая вещь, но если соль потеряет силу, чем исправить её?» Ни в землю, ни в навоз не годится; – вон выбрасывают её». Кажется, толстовское «христианство» и есть именно эта самая пресная из всех пресных вещей, – эта соль, переставшая быть соленою, которая ни в землю, ни в навоз не годится, и которую «вон выбрасывают».

Религиозное опошление, ложь до умопомрачения, сведение всех слишком опасных бесплодных вершин и глубин к одной практически полезной сельскохозяйственной плоскости – вот прямые результаты учения Толстого.

После обозрения догматической части учения Толстого о том, что есть Бог, о Боге Отце и Боге Сыне, отношении Бога к человеку следует у Мережковского вытекающий из догматических положений разбор нравственного учения Толстого. Если *так* верить, то как же жить?

Здесь Толстой, оказывается, тоже идет своим срединным путем между евангельским «не печетесь» и ветхозаветным «в поте лица твоего снеси хлеб твой, дóндеже возвратиши в землю»...

Л. Толстой, говорит Мережковский, по своему обыкновению, чтобы соединить оба предела, оскопляет, притупляет их религиозные, слишком для него острые жала. Того и другого берет понемножку: немножко робкого буддийского «неделания», вместо слишком смелой евангельской беспечности, немножко практической англосаксонской дарвиновской борьбы за существование, вместо слишком грозного ветхозаветного, «в поте лица твоего ешь хлеб твой», – и получается благоразумная обеспеченность, всеобщая сытость.

«Попробуй кормиться, одеваться, отопляться и кормить, одевать, отоплять других, – в статье «Трудолюбие или торжество земледельца» соблазняет Л. Толстой человека, и ты почувствуешь, что ты дома, что тебе свободно, прочно, *идти больше некуда*». – «Исполнять закон жизни – значит «выпускать заряд энергии, принимаемый в виде пищи, мускульным трудом». – *«Человек прежде всего есть машина, которая заряжается едой для того, чтобы кормиться»*. Четыре действия машины – «четыре упряжки: 1) до завтрака; 2) от завтрака до обеда; 3) от обеда до полдника, и 4) от полдника до вечера». Машина заряжается, чтобы кормиться, кормится, чтобы снова заряжаться – и так без конца, – *«идти больше некуда»*. Бог и человек – не Отец и Сын, не Господин и раб, даже не Хозяин и работник, а только механик и машина, вроде сельскохозяйственных машин новейшего устройства под

фирмой «Трудолюбие или Торжества Земледельца», паровых американских молотилок и веялок. Зарядил, пустил в ход, и готово, – человек работает, исполняет «четыре упряжки, – выпускает «мускульным трудом» и евангельскую любовью «заряд энергии, принятый в виде пищи».

С такую же легкомысленною грубостью русского нигилиста шестидесятых годов, как живую душу Евангелия – учение о Боге и о Сыне Божьем, – умерщвляет Л. Толстой и живое тело христианства, – таинства и обряды.

«В условиях земного мира, справедливо замечает Мережковский, не может быть души без тела, разума без плоти, – не может быть и религии без таинства. Обряд в таинстве – это прозрачно-стыдливый покров, покрывающий наготу слишком священного, слишком страшного в «духовном теле» – в таинствах религии. У машинной религии Л. Толстого нет живой души, живого стыдящегося тела, и потому она не требует никаких покровов, никаких обрядов, она совершенно голая, бесплотная и бездушная. Обряды всякой религии – это те ступени, по которым миллионы и миллионы, века и века восходили к Богу; пусть древние ступени обрушились, заглохли, заросли сорными травами, так что теперь уже я не могу по ним восходить; я все-таки их чту, я плачу над ними, я их целую, как самые святые воспоминания, как мертвое и однако всё еще для меня живое, потому что слишком родное, тело. Пусть мать моя умерла, но и мертвое тело её для меня не менее, а, может быть, даже именно в минуту последнего целования еще более свято, чем живое».

«Вовсе не надо быть верующим, не надо понимать таинственной символической музыки обрядов, надо только иметь уважение к самым дорогим воспоминаниям своего детства, своего народа, да наконец и всего человечества, к этим древним ступеням, ведущим к Богу – для того, чтобы почувствовать в издевательствах Л. Толстого над христианскими таинствами и обрядами нечто возмутительное. Ведь стоит прочесть лучшие страницы Л. Толстого, описание похорон матери, говения, исповеди, причащения, в «Детстве и Отрочестве», чтобы увидеть, до какой степени православная

Церковь и для него была матерью. Пусть он думает теперь, что она умерла. Неужели это дает ему право кощунствовать – обнажать мертвое тело матери и ругаться над ним? Это стыдно, страшно, этого нельзя вынести», справедливо заключает Мережковский. «Неужели, продолжает он, после Тюбингенской школы могло бы прельстить самых желторотых материалистов остроумие, вся соль которого заключается в том, чтобы вместо слова крестить, употреблять слово «купать», вместо причащаться, «съесть с ложки хлеба с вином» и т. п. Ведь это напоминает *барскую брезгливость* наших крепостных времен к вере *«подлого народа»*.

Православное учение включает еще в себе учение об окончательном своём идеале, о царстве славы, о торжестве добра над злом, о будущем блаженстве, которое наступит в этом царстве после кончины мира. Какой же окончательный идеал дает своим последователям Толстой?

В последнем романе Толстого «Воскресении» есть попытка указать такой идеал. Толстой выставил фарисейски-мертвую фигуру англичанина, также мертво проповедовавшего «глаголы жизни вечной», и результаты от такой проповеди – наглый смех рабочих над «Словом жизни», не возбудивший в сердце Нехлюдова, воскресающего героя Толстого, никакого возмущения ни на мертвенную проповедь англичанина, ни на животный цинизм каторжных; он сам на стороне этих людей, хохочущих над словами Евангелия. В его жалобе – эгоистической семьи, приличной человеческой жизни – тот же ответ англичанину одного из каторжников: «он-бы сам попробовал (подставить щеку)! Не сон ли это души *вместо воскресения*, справедливо замечает Мережковский. И Л. Толстой, по-видимому, не оставляет в этом сомнения. Нехлюдов у него ходит за англичанином, *как во сне*, садится на скамью *машинально* и также *машинально* открывает Евангелие и после (машинального?) прочтения XVIII гл. Мф. *воскресает*, по словам Толстого, «засыпая, потому что ему и делать больше нечего». «Давно не испытанный им восторг охватил душу и он (Нехлюдов) понял, что исполняя люди это учение и на земле

установится Царствие Божие, и люди получают наибольшее благо, которое доступно им, понял всё это и воскрес».

«Но что же собственно произошло в Нехлюдове»? – спрашивает Мережковский, а с ним и всякий читавший роман Толстого и вдумывавшийся в воскресение Нехлюдова. Какой же восторг? «Именно религиозного восторга ни капли, живого огня ни искры; таким же холодом, «тлетворным духом» веет от умствований Нехлюдова над притчей о виноградарях, о Хозяине и Работнике, как и от практических правил американца Симонсона для топки печей с «наименьшей тепловой энергией», или от мерзостного воляпюка англичанина – апостола русских варваров. Чем утолил Нехлюдов свои угрызения и свой стыд в деле Масловой, чем заглушил хохот каторжных над словами Евангелия?» Если весь роман направлен был к тому, чтобы показать, как Нехлюдов постепенно умирает, засыпает – на основании последних, самых слабых и незначительных во всём произведении, *семидесяти строк*, мы должны поверить, что он все-таки воскрес? – Или совершилось тут чудо Божие, подобно воскрешению мертвеца Лазаря? «Благодать», как сказали бы верующие, сошла на Нехлюдова? Но Толстой сам не верит в такие чудеса». И, хотя он и уверяет на 70 строках, что Нехлюдов все-таки воскрес, всякий правдивый читатель не видит этого воскресения, а, напротив, догадывается, чувствует, что от Нехлюдова, как от четырехдневного мертвеца, «уже смердит», и что никогда не выйдет он из гроба.

Но если верно свидетельство великого писателя, что «единственное отношение самой даровитой, самой сильной части русского народа ко Христу – зверский хохот, и если это не клевета, то, значит, погиб русский народ и умер второю смертью, как и Нехлюдов. Прав князь Андрей, что жизнь – есть смерть, а благая весть Христова – «воскресение» есть отрицание жизни, буддийская нирвана, которая и есть собственно конечный идеал Толстого. Но какой идеал? – Сон, мертвость, ничего неделание, непротивление, погружение в себя и в самое необходимое. Нет ничего жизненного в этом учении, и Толстовским последователям, вполне усвоившим такой идеал, останется одно самоубийство.

Итак, вот общие выводы делаемые Мережковским из учения Толстого. «Л. Толстой не верит в Бога, не верит в Сына Божьего, не верит во Христа Спасителя мира, не верит даже в «самого мудрого и праведного из людей, человека Иисуса» – не верит ни во что». (Недаром еще Тургенев назвал его нигилистом). «Л. Толстой хотел отделить нравственность от религии (от догматического христианского учения); но когда порвал их живую связь, то и нравственность, как религия, в руках его истлела – и от христианства ничего не осталось».

Еще только один человек в современной Европе дошел до такого же богохульства, как Л. Толстой, – это Фридрих Ницше.

Религиозные судьбы Л. Толстого и Ницше поразительно противоположны и подобны: оба исходят они из одного и того же взгляда на учение Христа, как на буддийский нигилизм, как на вечное *нет* без вечного *да*, – умерщвление плоти без воскресения, отрицание жизни без её утверждения. Отсюда обе трагедии – и Л. Толстого, и Ницше, с тою разницею, что у первого слепая и ясновидящая бессознательная стихия шла против сознания, а у второго наоборот – сознание шло против бессознательной стихии. Это-то противоречие и довело обоих до богохульства, которое оба они старались принять за религию. Ницше – тайный ученик, явный отступник; Л. Толстой – явный ученик, тайный отступник Христа.

На них оправдалось слово Достоевского, что «природа человеческая не выносит богохульства и, в конце концов, сама же себе всегда и отомстит за него». Ницше отомстил себе ужасным; Л. Толстой – смешным; Ницше – религиозным самоотрицанием, безумием; Л. Толстой религиозною серединою, пошлостью, неудачными усилиями мертвого старца Акима воскреснут, – смешным, которое в таком человеке, может быть, страшнее страшного.

Свящpodpis. podpisMpodpis. podpisЛисицын

Терлецкий В. «Каковы дела, такова и вера». (К миссионерской методике) // Миссионерское обозрение 1901г. № 10. С. 353–360

Очень часто от штундистов и других сектантов и даже от суемудрствующих интеллигентов приходится слышать такое возражение: «каковы дела, такова и вера». Возражение это обыкновенно сектантами высказывается в ответ на приглашение православного миссионера возвратиться и присоединиться к истинной вере православной, а интеллигентами при защите сектантства. «Вы оставили, – приблизительно так говорит миссионер, – веру истинную, православную и этим лишили себя надежды на спасение. Нет иного имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись, кроме имени Иисуса Христа, нашего Спасителя (Деян.4:12). Нет иной веры, исповедание которой доставило бы человеку возможность спасения, кроме истинной веры христианской православной. Поэтому, если вам дорого спасение вашей души, если вы искренно хотите познать истинную веру и перестать блуждать в потемках сектантского суемудрия, вы должны возвратиться к оставленной вами вере православной, вере ваших отцов и дедов, вере единой спасительной»...

Штундист, обыкновенно, перебивает и возражает: «вы хотите, чтобы мы возвратились в православие, это значит – чтобы мы опять стали такими же порочными, такими же пьяницами и пр., какими мы были раньше и каковы доселе православные? Напрасно вы называете свою веру истинной; дерево узнается по плодам: «не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые» (Мф.7:18). Каковы дела, такова и вера: православные делают худые дела, ведут жизнь порочную, значит, и вера их худая, неправая, неистинная... Да и что такое вера? В послании ап. Иакова, в вашей же славянской книге, в Иак.1:27, сказано: «вера чистая и нескверная пред Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира».⁹⁰ Кто имеет такую истинную веру, тот

и знает Бога, как сказано в послании 1Ин.2:3–4: «а что мы познали Его, узнаем из того, что соблюдаем заповеди Его; кто говорит: «я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец и нет в нём истины», и еще в 1Ин.3:6 сказано: «всякий согрешающий не видел Его и не познал Его», и в 1Ин.4:8 «кто не любит, тот не познал Бога». Вот мы, когда начали вести новую жизнь по Евангелию, тогда и познали Бога и истинную веру, а православные, которые всё еще остаются великими грешниками, доселе не познали Бога и не имеют истинной веры. И почему вы не явились к нам со своею проповедью тогда, когда мы валялись по шинкам? Идите туда, там вы своих православных много найдете, их и обращайтесь к истинной вере».

Нетрудно видеть, что возражение это основано на смешении различных понятий, соединяемых со словом «вера». Штундисты имеют спутанное, сбивчивое, неясное понятие о вере, они не различают, не представляют ясно и отчетливо различных значений слова «вера» и смешивают понятия: «вера» и «дела», а также – «вера, как вероисповедание» и «вера, как внутренняя сердечная уверенность». Поэтому, ответ православного на приведённое выше возражение прежде всего должок состоять в разъяснении и разграничении тех понятий, какие обозначаются словом «вера».

Слово «вера» употребляется в двояком значении: собственном (субъективном) и несобственном (объективном). В собственном смысле вера есть известное внутреннее психическое состояние, состояние внутреннего убеждения, уверенности в истинности чего-либо. Понимаемая в этом (субъективном) смысле, вера бывает *теоретическая* и *практическая*. Первая состоит в холодном доверии, признании и принятии нашим умом известных истин. Вторая представляет собою глубокое, сердечное усвоение принятых умом истин, *всецелое проникновение* ими, выражающееся в практическом их осуществлении. В несобственном (объективном) смысле верою называется религия, вероисповедание, вероучение; так, напр., мы говорим: вера христианская, еврейская, магометанская, языческая и т. д., обозначая при этом словом «вера»

совокупность истин (предметов, объектов веры), составляющих известное вероучение.

Это разграничение понятий необходимо сделать для того, чтобы выяснить правильный смысл суждения: «каковы дела, такова и вера», приводимого сектантами в качестве возражения. Суждение это может быть признано правильным и неправильным, смотря по тому, какой смысл соединяется со словом «вера». Если под верой разуместь веру в смысле субъективном, веру, как внутреннее, личное, живое, сердечное убеждение, то означенное суждение будет совершенно правильно. В этом случае оно имеет такой смысл: чем глубже, сильнее, сердечнее у кого-либо вера, тем больше она будет выражаться и проявляться в добрых делах, в добром поведении; следовательно, здесь дела являются показателем степени и силы личной субъективной веры каждого. Но сектанты, приводя это суждение в качестве возражения, под верой понимают религию, вероисповедание православное христианское и толкуют: «дела православных нехороши, следовательно и вера их неправая». Понимаемое в таком смысле, суждение это совершенно неправильно, потому что можно быть исповедником истинной религии, но плохим, который, принимая истины известного вероучения холодным умом, плохо усваивает их сердцем и слабо проявляет в жизни. Истинность вероучения не зависит от хорошей или худой жизни исповедников его; нравственный уровень исповедников служить только показателем степени усвоения ими истинного вероучения, но не определяет собой достоинства самого вероучения.

Однако же сделанное разъяснение для штундиста будет малоубедительно. Доводы от разума он неохотно принимает; будучи не в состоянии что-либо возразить, он в таких случаях обыкновенно замечает: «это вы говорите от своей головы», и приглашает собеседника «не мудрствовать сверх того, что написано» (1Кор.4:6). Единственным источником и руководством в вере и жизни штундист признает одно только св. Писание, ему одному он доверяет, на нём старается утвердить всё своё учение. Поэтому и православный миссионер для того,

чтобы доводы его были убедительны для штундиста, должен все ранее высказанные суждения обосновать на св. Писании.

Прежде всего нужно показать, что и в св. Писании слово «вера» употребляется в разных смыслах, в смысле религии, вероисповедания и в смысле внутреннего сердечного убеждения. В первом смысле это слово употребляется в послании к Еф.4:5: «*один Господь, одна вера, одно крещение*», в 2Пет.1:1: «*принявшим с нами равно драгоценную веру*», в послании Иуд.1:3: «*подвизаться за веру, однажды преданную святым*», Иуд.1:20: «*назидая себя на святейшей вере вашей*».

Во всех этих местах при слове «вера» стоят определительные слова, которые показывают, во 1-х, что здесь вера употребляется в смысле вероисповедания, религии, вероучения; во 2-х, хотя религий есть много на земле, но истинная религия, истинная вера православная христианская «одна», «драгоценная», «святейшая», «однажды преданная святым», её-то и нужно исповедовать для спасения.

Гораздо чаще встречается в св. Писании слово «вера» в смысле субъективном, как внутренняя уверенность. Нет нужды приводить всех этих мест, достаточно указать несколько таких, из которых наиболее ясно можно усмотреть различие между верой субъективной и верой в смысле религии. Так в Ев. Лк.17:5 и 6 ст. читаем: «и сказали апостолы Господу: *умножь в нас веру*. Господь сказал: если бы вы имели веру в зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы». Господь Иисус Христос, удивляясь вере сотника Капернаумского, сказал: «истинно говорю вам, и в Израиле не нашел я *такой веры*» (Мф.8:10), а женщине Хананеянке, просившей об исцелении бесноватой дочери, отвечал: «о женщина, *велика вера твоя*» (Мф.15:28). Из приведенных мест, где слово «вера» употребляется в субъективном смысле, ясно видно, что личная субъективная вера у каждого бывает различна; она может умножаться, может, подобно зерну горчичному, сначала быть маленькой, едва заметной, а потом возрасти до необычайной силы, может, следовательно, в большей или меньшей степени проявляться и обнаруживаться в делах. Об этой именно вере и можно сказать:

«какова вера, таковы и дела», а не о той, которая – «одна» и «однажды преданная святым».

Говоря о различии веры теоретической и веры практической, или *веры* и *дел*, следует сослаться на послание Иак.2:14–26. Читая это место, православный должен обратить внимание штундиста прежде всего на то, что здесь ясно различаются «вера» и «дела», между тем как ранее штундист, на основании Иак.1:27, смешивал эти понятия и всё твердил: «вера состоит в том, чтобы посещать сирот и вдов в их скорбях и себя хранить неоскверненным от мира». Затем нужно выяснить, в каком смысле употребляет апостол здесь слово «вера». Под верой он понимает веру теоретическую, сухую, состоящую в холодном признании и принятии нашим умом истин веры. «Ты веруешь, что Бог *един*», говорит апостол, указывая этим предмет веры теоретической. Для выяснения того же понятия о вере, можно привести слова ап. Павла из посл. к Евр.11:6: «без веры невозможно угодить Богу, ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он *есть*, и ищущим Его *воздаст*». Правда, одной веры теоретической, сухой, холодной, для спасения недостаточно, ибо «какая польза, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет; может ли эта вера спасти его» (ст. 14), и «бесы веруют и трепещут» (ст. 19). Но для спасения необходима совместно с добрыми делами и истинная вера. «*Без веры*, сказано у ап. Павла, *невозможно* Богу угодить». «Видите ли, говорит ап. Иаков, что человек оправдывается делами, а не *верою только*» (ст. 24); отсюда видно, что оправдание достигается делами и верою. В акте нашего спасения вера и дела также должны быть неразрывно связаны и неотделимы, как сила неотделима от действия; одно обуславливается другим, – вера делами и наоборот, – и взаимно усовершенствуется. «Видишь ли, говорит апостол, неосновательный человек, что вера его (Авраама) содействовала делам и делами вера достигла совершенства» (ст. 22). Эту-то истинную веру, содействующую добрым делам, и должны принять штундисты для спасения.

Важное значение при обличении штундистов, смешивающих веру с делами и всё спасение полагающих в одних только

делах, может иметь указание на то, что добрые дела были и у язычников. Апостол говорит, что «язычники, не имеющие закона, по природе законное делают», и этим «они показывают, что дело закона у них написано в сердцах: о чём свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим.2:14–15). Однако же добрые дела не могли их спасти и оказались недостаточными для спасения. Это ясно видно из примера Корнилия Сотника, история обращения которого излагается в X гл. кн. Деяний апостольских. Корнилий был муж «благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу (ст. 2)». Но для спасения ему этого было мало, нужно было еще познание истинной веры. Поэтому в видении ему было приказано позвать Симона Петра, который, «скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой» (ст. 6).

Раскрывая ту мысль, что истинность и достоинство вероисповедания не зависят от такой или иной жизни исповедников его, что истинное вероучение не может ручаться за всецелую святость, содержащих это вероучение, можно указать на религию ветхозаветную иудейскую. Религия эта была истинная, богооткровенная, но она не могла насильственно охранить иудеев от маловерия и беззакония. И не смотря на всеобщую развращенность и упадок народа иудейского ко времени пришествия Сына Божия на землю, Господь не уничтожил истинного вероисповедания иудейского. Он никогда не говорил, что оттого сделался развращенным народ иудейский, что вера его не хороша. Ап. Павел, изображая в посл. к Рим.3:17–25, как иудеи, хвалясь законом, являются на деле преступниками и нарушителями его, говорит: и так что же? Если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию. Никак (Рим.4:3–4). «Ибо мы знаем, говорит он далее, что закон свят и заповедь свята, и праведна, и добра, а я плотян, предан греху» (Рим.7:12–14). Поэтому, если православные, содержащие истинную православную веру, не всегда живут по вере и иногда погрешают, то это должно быть поставлено им в вину и отнесено на их счет, но нисколько не

относится к их вере, которая всегда остается истинной, «драгоценной», «святейшей» верой. «Если, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть слуга греха? Никак. Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником» (Гал.2:17, 18).

Что касается ссылки штундистов на Иак.1:27, который они читают по славянскому переводу, и который служит основанием для смешения веры с делами, то православному достаточно в этом случае тот же стих прочитать по русскому переводу, где вместо слова «вера» стоит «благочестие». Если бы штундисты могли пользоваться подлинным текстом греческим, то увидели бы, что стоящее в греческом подлиннике слово *θρησκεία* правильно переведено по-русски словом «благочестие», чем по-славянски «вера»; последнее есть перевод греч. слова *πίστις*, в подлиннике в данном месте отсутствующего.

Относительно же ссылки на 1Ин.2:3–4; 3:6; 4:7–8, где говорится: «а что мы познали Его, узнаем из того, что соблюдаем заповеди Его» и «всякий согрешающий не видел Бога и не познал Его», то здесь нужно обратить внимание на слово *познать* и выяснить, в каком смысле оно употребляется. Познание может быть теоретическое и практическое; можно познать одною только мыслью, но можно познать и опытно, самым делом. Когда в 2Кор.5:21 Иисус Христос называется «не знавшим греха», то здесь, очевидно, имеется в виду познание практическое. Христос не знал греха не в том смысле, что Он не имел о нём понятия, а в том, что Он его не делал, был греху непричастен. В таком же смысле слово «познать» употребляется и в приведенных местах первого посл. Иоанна; им обозначается *близкое и тесное общение с Богом человека, который соблюдает заповеди Божии, и наоборот, удаление, отчужденность от Бога всякого грешника*. Кто соблюдает заповеди Божии, любит брата своего, тот не только имеет теоретическое познание о Боге, но он и опытно знает Бога, так как испытывает на себе действие благодатной силы Божией, помогающей ему в совершении добрых дел. Грешник же, хотя и знает Бога, т. е. имеет понятие о Нём, но своими грехами он

«далече Его творит от себя», в момент совершения греха он вне общения с Богом, ибо «кое общение свету ко тьме» (2Кор.6:14)?

Наконец, по поводу язвительного упрека штундиста и совета обратиться с проповедью об истинной вере к православным, ведущим порочную жизнь, можно указать на слова апостола: «кто ты, осуждающий чужого раба? Пред своим Господом стоит он или падает. И будет восстановлен, ибо силен Бог восстановить его» (Рим.14:4). То, подлинно, нехорошо, что некоторые из православных ведут жизнь порочную, но если спросить такого православного, хорошую-ли он жизнь ведет, то он скажет, что нехорошую, и будет винить себя лишь одного и будет каяться, подобно мытарю, в надежде, что Бог, Которому он служит, восстановит падшего. А штундисты, которые обвиняют во всём православие и православных, которые хвалятся тем, что они не пьянствуют, не ссорятся, не бесчинствуют, и надеются на свои внешние дела благочестия, не подобны ли евангельскому фарисею? Может быть, в очах людей фарисей и лучше мытаря, но в очах Божиих мытарь, по неложному слова Спасителя, оправдится больше, нежели фарисей (Лк.18:14). Православные по естественной человеческой немощи (1Ин.1:8) иногда погрешают, допускают грехи нравственного падения, в которых они каются, врачуются Божественной благодатью в таинстве покаяния и постепенно усовершенствуются, а штундисты сознательно и намеренно впадают в тяжкий грех против веры, грех отделения от веры и Церкви и хулы на Духа Святого, выну пребывающего в Церкви, – грех, который «не простится, по слову Спасителя, ни в сей век, ни в будущий» (Мф.12:32).

В. Терлецкий

И. П. Насколько правды в статье г. Шарапова: «Где правда?»⁹¹ // Миссионерское обозрение 1901 г. № 10. С. 361–371

В своей статье: «Где правда?» г. Шарапов объясняет, за что именно он симпатизирует старообрядцам. Старообрядцы, – пишет он, – «цельные, коренные люди... истинно доблестные, истинно церковные и истинно русские люди»... «Посреди всеобщего разложения церковного, гражданского и бытового, – продолжает он, – эти несколько миллионов русских людей держатся твердо, недоступные никаким соблазнам (отдельных людей не считаю), хранят русские предания, даже истинную церковность в её внешнем проявлении, её древнем богослужении, обрядах, традициях»... «Они сохранили русскую церковную обстановку, у них уставность богослужения, правильные отношения клира и народа, истовое благочестие, крепкая церковная и бытовая связь».

В своих замечаниях и возражениях на статью г. Шарапова редакция журнала «Миссионерское Обозрение» достаточно раскрыла, как беспочвенны и не заслуженны комплименты, высказываемые г. Шараповым по адресу старообрядцев.

Почитать старообрядцев за цельных, коренных, доблестных русских людей за то, что они твердо хранят «внешнюю церковную обстановку», может лишь до крайности предвзятая мысль. Конечно, и г. Шарапову известно, что *доблесть русская* древней Руси состояла не в хранении только церковной обстановки, и думать иначе, действительно, было бы обидно для древней Руси. Затем, в древней Руси устав богослужебный был другой, чем какого теперь держатся раскольники. Последним нравится только тот церковный уклад, который сложился в XVII веке со второй его половины. Устав же богослужебный, который принят был у нас при кн. Владимире, нынешние раскольники и признавать не хотят. Совершенно также справедливо замечает «Миссионер. Обозрение», что, «придавая столь существенное, «коренное» значение «церковной обстановке», г. Шарапов должен volens-nolens

признать за «целостных, коренных, доблестных христиан четыредесятников, новациан, донатистов и др. древних раскольников, ратовавших за «церковную обстановку»... Он должен воспеть хвалебную песнь и фарисеям, из-за охранения «церковной обстановки» постоянно обличавших Христа, как нарушителя её».

Восхваляет г. Шарапов раскольников за «уставность у них богослужения». На эту сторону в современном расколе чаще всего указывают апологеты раскола и мнят, что это такой аргумент в пользу раскола, против которого православным, якобы, и возразить нечего. Но беспристрастный наблюдатель должен признать справедливость замечания «*Миссион. Обозрения*», что при обычном старообрядческом богослужении уставность и истовость его отсутствуют.

Мы и имеем в виду привести здесь свидетельство того, насколько современные раскольники «цельные, истинно доблестные и истинно церковные люди», насколько «недоступны они никаким соблазнам, хранят русские предания, истинную церковность в её внешнем проявлении, в её древнем богослужении, обрядах и традициях», – свидетельство, представляемое такими авторитетными с точки зрения апологетов раскола.

Свидетельство это может быть названо целым, хотя небольшим, сочинением и озаглавливается оно так: «В Московский духовный совет от московского старообрядческого братства имени честного и животворящего Креста Господня всенижайшее предложение».

Сочинение это издано названным братством и перепечатано в «*Братском слове*» г. Субботина (1889 г. № 8). Позволяем себе надеяться, что г. Шарапов не посетует на нас, если мы приведем «всенижайшее предложение» братчиков с комментариями на оное Николая Ивановича.

Сочинение братчиков начинается выписками свидетельств из св. Писания и отеческих творений о том, что необходимо следует иметь всякое тщание о соблюдении священных правил, и что на всех, «в небрежении полагающих священные правила», от св. отец изречена страшная клятва. Затем именуемые

братчики, обращаясь к духовному совету, говорят: «Но у нас, т. е. в обществе старообрядцев, соборные правила св. апостол и св. отец *ни во что не вменяются*, не токмо мирянами, но и некоторыми пастырями нашими; обряды и предания св. древнеправославной Церкви *едва, ли не везде разрушаются* и в грех не вменяются (братчики, конечно, хотели сказать, что *разрушение* обрядов и преданий «в грех не вменяется, а по недостатку грамотности сказали нелепость, что «и в грех не вменяются» самые обряды и проч.); уже божественная служба во многих священных храмах с некоторым нарушением церковного устава совершается, конечно, по собственному произволу причта и сильных людей нынешнего мира, прилежащих более к угождению плоти, а не ко спасению души. А всё это происходит, ово от неведения писания и божественных законов, ово от насилия инославных властей, ово же от ухищрения новых учителей, которые извращают во многом божественное писание в своих новейших книжках, каковы книжки Павла Прусского с его учениками, *имже не мало ныне безусловно последуют из наших христиан*. А более всего сия вся проистекает от нерадения и совершенной беспечности наших духовных властей, и неции от сих сами болят сим недугом, и более из них пекутся не о спасении своих и наших душ, а о приобретании временных сластей и богатства. И того ради ныне прилично есть к ним изреши пророческое речение сие: «и жрецы Его (Господни) отвергошася закона моего, и оскверниша святая моя, между святым и сквернавым не различаху, и между нечистым и чистым не разделяху» (Иез. гл. 22)...

Останавливаясь на этом вступлении в «предложение», Н. И. Субботин делает следующие справедливые и весьма горькие для раскольников замечания. Известно, говорит он, что раскольники особенно сильно нападают на православных вообще и на православное духовенство в частности за не вполне истовое отправление церковных служб, за нарушение постов и другие отступления от церковных правил и уставов и в этом именно поставляют одну из главных причин своего отделения и отчуждения от Церкви, своих же «христиан» и

особенно своих пастырей наипаче восхваляют за истовое, точное соблюдение всех «древлеправославных» уставов и святоотеческих канонов, поставляя своё духовенство в пример православному. Никогда не думая, – продолжает Николай Иванович, – защищать слабости и недостатки, замечаемые в православном обществе и в православном духовенстве, доказывая только, что вины частных людей никак не могут быть поставляемы в вину всей Церкви и служить предлогом к отделению, мы обыкновенно замечаем старообрядцам, что они тем менее имеют право указывать на недостатки православных и православного духовенства в оправдание своего от Церкви отделения, что в их собственной среде и особенно в среде их именуемого духовенства примечаются не меньшие недостатки и несомненно большие нарушения существенно важных церковных правил. Замечания эти, разумеется, принимались раскольниками с недоверием, считались чуть не клеветой, хотя они основывались на несомненных примерах и событиях. Но вот теперь сами старообрядцы, – не один кто-нибудь из старообрядцев, а целое общество, целое «братство», – свидетельствует, и свидетельствует пред своими духовными властями, пред своим духовным советом, что в их старообрядческом обществе «соборные правила св. апостол и св. отец ни во что не вменяются не только мирянами, но и некоторыми пастырями, – «обряды и предания их древлеправославной Церкви едва-ли не везде разрушаются», и это разрушение древлеправославных обрядов и преданий даже «и в грех не вменяется», что даже и божественная служба «совершается с нарушением церковного устава». Нужно ли искать лучшего свидетельства о том, что наши старообрядцы, кичащиеся строгим соблюдением своих уставов и обрядов и поставляющие это соблюдение сущностью самой веры, в действительности разрушают их «едва ли не везде» и в самой даже «божественной службе», когда это именно они сами о себе свидетельствуют? Правда, и тут они желают часть вины сложить, по пословице, с больной головы на здоровую, – говорят, что причиною «разрушения» в старообрядчестве древлеправославных уставов и обрядов служат, между прочим,

«насилие инославных властей» и «ухищрения новых учителей, которые извращают (!) во многом божественное писание в своих новейших книжках, каковы книжки Павла Прусского с его учениками». Но нелепость этого объяснения очевидна сама собою. Ну, каким образом «насилие инославных властей» может внести в старообрядчество «разрушение уставов и преданий»? Когда и существовало «насилие», оно только побуждало раскольников еще крепче держаться своих уставов и обрядов. А теперь, где это насилие? Но стыдно ли особенно говорить о «насилии инославных властей» старообрядчеству в Москве, которую, разумеется, «предложение московских братчиков имеет в виду по преимуществу, когда всякому известно, что в Москве раскол пользуется даже особым покровительством «инославной» власти, и благодетельная полиция тщательно ограждает разных Савватиев во время совершения их торжественных служений? Еще нелепее указание на православных писателей и преимущественно на о. арх. Павла, что будто они виноваты в том, что современное старообрядчество повсюду «разрушает» древлеправославные уставы и обряды. Где же эти писатели, и особенно о. Павел, учат нарушать церковные уставы и обряды? Пусть укажут это гг. братчики. И как православные писатели могут иметь влияние на то, что творится в старообрядческом обществе? Братчики проговорились, что «книжкам Павла Прусского и его учеников» ныне многие старообрядцы «безусловно последуют». Но эти лица, безусловно последующие сим книжкам, не могут уже считаться старообрядцами; поэтому братчики напрасно и говорят об них. Они изволили упомянуть еще, будто православные писатели «извращают во многом божественное писание в своих книжках». Но если им понадобилось упомянуть о развратителях божественного писания, своими книжками еще более сворачивающих старообрядчество с правого пути, то они должны бы назвать своего Швецова, открытою главою проповедующего в своих сочинениях злые и нечестивейшие ереси, которыми он погубляет души своих читателей и почитателей. Видно, впрочем, что и сами братчики, упомянув здесь о «насилии инославных властей» и о книжках

православных писателей, чувствовали, что говорят неправду, ибо вслед затем с похвальной откровенностью признаются, что главные виновники развращения в современном старообрядчестве – сами старообрядческие духовные власти. «А более всего (пишут они) сия вся проистекают от нерадения и совершенной беспечности наших духовных властей, и неции от сих сами болят сим недугам, и более из них пекутся не о спасении своих и наших душ, а о приобретении временных сластей и богатств». Так вот истинные развратители старообрядчества, – и вот рекомендация, данная самими старообрядцами их духовенству, которое некоторые близорукие люди даже из православных хотят поставить в пример православному духовенству.

Вслед за вступлением в «предложении» исчисляются *некоторые из важнейших* нарушений церковных уставов и канонов, примечаемые братством в современном старообрядчестве и поставляемые на вид духовному совету.⁹² «Предложением» братчиков указывается на десять следующих нарушений:

1-е нарушение. У нас ныне иноки и инокини живут по многим местам без надзора духовных высших властей в полном самоволии и бесчинии, среди всех соблазнов мира, и не имея у себя ничего общего и законного монастырского порядка... И сего ради житие (монастырское) до конца растлевается и разоряется, и руганию достойно является пред всем миром, и страшному поруганию подвергается.

2-е нарушение «предложение» видит в общении с еретиками и прежде всего, конечно, с православными.

3-е нарушение – в несоблюдении постов.

4-е нарушение... У нас многие ныне не только миряне, но и иноки и причетники, о, коль со многим бесстрашием стоят и празднословят и на смех друг друга подвизают во св. храме, даже и в алтаре, и входят и исходят отовсюду весьма безвременно; а к тому же неции и крестное знамение полагают на себе не истово, но махающе семо и овамо, не на спасение себе, а на радость бесам...

5-е нарушение... У нас ныне многие священнослужители всенощное бдение совершают вечером... А по окончании всенощной мнози ужинают, а потом служить обедню не алчны...

6-е нарушение... У нас многие, вместо храмов Божиих, посещают капища Бахуса, училища разврата, кабаки и трактиры, и погибают, как скоты и звери, без христианского напутствия...

7-е нарушение... У нас многие не обращают внимания на строгое запрещение всем христианам власы брад своих постригати или брить... Кстати сказать и о женских излишних и бесчинных украшениях и одеяниях, как свойственных мужам, которые 62-м правилом шестого вселенск. собора строго осуждаются; а особенно чуждо и богомерзко есть в иностранных и пышных одеждах ходить во св. храм для молитвы всем мужам и женам, потому что здесь мы должны Бога молить, а не людей блазнить и привлекать на себя взоры немощных. Но у нас многие ныне, – о, коль дерзостно! – нарушают сей благочестивый обычай христианский, не лучше нечестивых в сем беззаконном и блудолюбном обычае упражняются, и с немалым трудом стоят и кланяются, как окованные узники в этих страшных и непристойных христианскому роду костюмах... Кроме сего, женский пол невозбранно допускается в храмы Божии, с надетыми на головах шляпами и шапками, чем весьма возмущается христианская совесть. И всё это остается без малейшего замечания от наших пастырей, по их излишней доброте, или потому, что у некоторых есть свои дети, и домашние их прежде других являются поругателями священных сих законных и богоугодных преданий св. Церкви и её неперменного устава.

8-е нарушение указывается в несоблюдении требований относительно чиноприятий приходящих в их общество как от православной Церкви, так и из других раскольниковских толков.

9-е нарушение (укоренившийся) проклятый обычай, во еже со псами во единой храмине христианам жити и ясти всякую скверну, а особенно курить табак... Многие ныне не ходят во св. храмы молиться Богу, потому что без курения табака они не могут пробыть и единого часа. А некоторые из причетников и

дети наших некоторых пастырей сами занимаются этой мерзостью. Может быть, поэтому они и небрегут ни о чём, и ускоряют службу церковную, и совершают безвременно, поют и читают небрежно, оставляют поучение, благословение хлебов и маслопомазание... Некоторые духовные отцы наши впали в сластолюбие и безвременное некоторых напитков употребление...

10-е нарушение. Правилами вселенских соборов строго воспрещается епископу, пресвитеру и диакону и всем инокам и причетникам, не имущим своих жен, иметь сожительствующих жен у себя в одном доме. Но у нас ныне правила эти нарушаются без всякого страха Божия, а особенно они разрушаются посредством таких мирских людей, которые, не зная закона Божия, и очернивше свою совесть бесчестными страстями, и не стыдясь своего недостойнства (очень смелый намек, – замечает г. Субботин, – на одного властного мирского члена в духовном совете), дерзают поставлять худую свою волю выше благоизволения всех духовных наших властей, которые нередко, как пленники, ныне у нас находятся в зависимости у сильных людей мира сего. А посему наша св. Церковь не утверждается, но паче разоряется от таких неправильных деятелей...

Таковы погрешности, недостатки и пороки, существующие в хваленном старообрядческом обществе и с такою откровенностью обличаемые г. г. братчиками в их «предложении» духовному совету. Нельзя не заметить, говорит Н. И. Субботин, что в этих обличениях они представили чрезвычайно мрачную картину религиозно-нравственного состояния, в каком, по их признанию, находится современное старообрядчество и особенно старообрядческое именуемое духовенство. Мы, продолжает г. Субботин, – не станем говорить подробно о нравственных недостатках, хотя г.г. братчики, отличающиеся, должно быть, высокими качествами нравственности и непричастные никаким порокам, отзываются чрезвычайно резко о нравственном состоянии старообрядчества, утверждая, что нынешние старообрядцы, «вместо храмов Божиих», любят посещать капища Бахуса,

училища разврата, кабаки и трактиры, и погибают, как скоты и звери, без христианского напутствия, что сами духовные отцы их «впали в сластолюбие и безвременное некоторых (?) напитков употребление», что у них нарушаются даже правила, возбраняющие епископам «иметь сожительствующих жен у себя в одном доме»... Пусть во всём этом обличают раскольнических владык, попов, причетников и мирян хорошо знакомые с ними и, должно быть, признающие себя в праве обличать их, г. г. Боевы, Бриллиантовы, Антоны Егоровы...

Но всего примечательнее и всего важнее, – продолжает г. Субботин – указанные в обличениях г. г. братчиков поистине удивительные «нарушения» современными старообрядцами «древлеправославных» обрядов и церковных уставов, в соблюдении которых они, однако, полагают самую сущность веры и за мнимое нарушение которых именно и отделяются от Церкви. Минуя указанное братчиками и давно известное общее расстройство так называемого церковного порядка и управления, особенно у нынешних поповцев, имеющих свою иерархию, – расстройство, достигшее до таких крайностей, что их монахи и монахини составляют позор и поругание пред всем миром, – и что сами их «владыки» находятся, – как «пленники», в руках «мирских людей», не знающих закона Божия и очернивших свою совесть бесчестными страстями, – мы укажем собственно на расстройство в богослужении, чинностью и строгою уставностью которого старообрядцы по преимуществу кичатся,⁹³ расстройство, какого трудно было и ожидать. Оказывается, по свидетельству братчиков, хорошо (а не так, как г. Шарапов) знающих дело, что у нынешних старообрядцев всенощные бдения совершаются не утром, а с вечера, вообще церковные службы отправляются «безвременно и ускоренно», «поют и читают небрежно, оставляют поучение, благословение хлебов и маслопомазание», словом, произвольно делают всякие отступления от церковного устава; оказывается, что у них, не смея сделать поклона якобы в неуставленное время, «не только миряне, но и иноки и причетники, со многим бесстрашием стоят и празднословят и на смех друг друга подвизают во св. храме, даже и в алтаре, и входят и исходят

отовсюду весьма безвременно». О безвременных шатаниях раскольников во время службы и о бесчинном стоянии в церкви, правда, было известно и прежде; но вот что поистине поразительно и неожиданно: по свидетельству таких достоверных свидетелей, как раскольнические братчики, нынешние старообрядцы даже «и крестное знамение полагают на себе *не истово*, но махающе семо и овамо, не на спасение себе, а на радость бесам». Итак, основной догмат старообрядчества – крестное знамение – нынешние старообрядцы не оставили без «нарушения»! Ужели после этого старообрядцы не прекратят своих укоров православным за некоторые отступления от церковных уставов⁹⁴ и, сами так открыто нарушая эти уставы, будут по-прежнему указывать в них отступления якобы законную причину своего отделения от Церкви? Имея в руках «предложение» раскольнического братства раскольническому духовному совету, ведь каждый православный имеет право сказать обличителю-раскольнику: врачу! исцелися сам!

«Предложение» своё братчики не только представили духовному совету, но и разослали в копиях ко всем старообрядческим «владыкам», послали даже в Белую Криницу к Афанасию. Некоторые из этих «владык» прислали братству благодарственные письма за его ревность по «древлеправославию».

Г. Шарапов, как мы имели уже случай высказать, утверждает: «между (раскольническими) епископами и священниками, из которых я многих знаю, есть люди истинно огромной нравственной величины и духовного подвига»... «Я прочитал много старообрядческих полемических книг, был поражен глубокой ученостью и великолепной эрудицией их богословов»...

«Миссионер. Обзорение» спрашивает г. Шарапова, где он обрел в расколе епископов и священников «огромной нравственной величины и духовного подвига» и старообрядческих богословов «великолепной эрудиции»? Кто эти великаны? Уж не Арсений ли Швецов с Картушиным? Ведь

мы тоже их знаем и сочинения читали и лишь можем удивляться доброте и дружеской щедрости на похвалы нашего публициста».

На предложенные г. Шарапову вопросы последний, – нам думается, – непременно должен ответить. Иначе его речи о великанах между раскольническими именуемыми епископами и богословами должны будут оказаться ничего не выражающими пустыми звуками, по меньшей мере не приличествующими серьезному публицисту. Вон и раскольники с презрительными насмешками относятся к голословным, утверждениям, к не выполняемым обещаниям. Противооппозиционеры, как об этом говорилось уже у нас, в своём поданном (в 1887 году) в духовный совет «извещении» между прочим писали: «секретарь духовного совета Перетрухин всем похваляется, что составил на наши вопросы ответы, но нам не вручает их, мы его о сем несколько раз просили, но он только хвалится. Он имеет значение среди вас, оппозиционеров, вместо профессора, а ответов нам никаких не дает. Это, значит, пустой похвальбишка, который за мзду что угодно готов написать, а против правды у него и слов никаких нет».

Значит, всякий хорошо понимает, что недостаточно что-либо сказать, а надо сказанное и доказать. Поэтому и вам, г. Шарапов, непременно следует *доказать*, что в своей статье «*Где правда!*» вы говорили правду.

И. П.

Из жизни безпоповцев за последние десятилетия // Миссионерское обозрение 1901 г. № 10. С. 372–380

От редакции. О безпоповцах, о их жизни и треволнениях за последнее время очень недостаточно известно. Причина этого заключается, конечно, не в том, что жизнь их текла и течет мирным безмятежным руслом; нет, – а в том, что безпоповцы живут сравнительно замкнутою жизнью, обделывают свои дела и делишки в тиши и не любят шуметь, кричать, волноваться на глазах пред другими, особенно православными. А жизнь их мятежна и теперь, каковой она была и в прежние столетия. Об этом с наглядностью свидетельствуют те их собрания, съезды, которые очень нередко устраиваются по местам и на которых составляются разные постановления, решения и т. под. В нашей редакции в настоящее время имеются постановления и решения, сделанные на собраниях 1888 г. петербургских безпоповцев, 1890 и 1892 гг. сибирских и 1897 г. донских. Постановления петербургских и сибирских собраний сообщены нам о. В. А. Прозоровым, а донских о. Евг. М. Овсянниковым. В виду важности этих постановлений мы с величайшей охотой помещаем их на страницах «Миссион. Обозр.», в уверенности, что они охотно прочтутся нашими подписчиками.

Печатая в подлинниках эти постановления, мы не нашли нужным делать к ним подстрочных примечаний: таковые требовались разве только для раскрытия того, что все те цитаты, которые приводятся в постановлениях из старинных книг, не подтверждают желательного составителям постановлений. Так для обоснования правильности своих *безпоповщинских* собраний и их различных прав ссылаются на правила соборов, трактующих о соборах *епископов*; для установления прав для своих *наставников-мирян* приводятся правила, регулирующие отношения *епископов и пресвитеров* и т. под. Раскрыть эту ложь безпоповщинских постановлений и цитат легко сделать всякому, да она и сама по себе ясна: ни одна старопечатная книга не содержит в себе ничего такого, что бы направлялось к упорядочению и узаконению различных

сторон жизни безпоповцев, – не содержит потому, что каждая из этих книг трактует о порядках и правилах Церкви Христовой и православных христиан, живущих с епископами и священниками и седмеричным числом таинств.

Печатаемые нами материалы, надеемся, пополнят в достаточной степени ощутительный пробел в литературе о расколе старообрядства, – как бы опущение из внимания жизни немалой части в расколе, – жизни безпоповцев.

* * *

а) Соборному совету С.-Петербургских христиан поморского согласия, в составе шести настоятелей и семи попечителей молитвенного новооткрытого дома на Лиговке, происходившему 10-го мая 1888 г., предложены на обсуждение следующие вопросы:

1-й вопр. Каким законным порядком выбирать отца духовного на управление духовных треб?

Отв. Указанное лицо на отечество следует объявить его отцу духовному, и ежели отец дозволит к выбору на отечество, тогда предложить обществу.

2-й вопр. Каким порядком указанное лицо должно получить благословение на отечество?

Отв. Назначенное лицо с согласия общества и при отце его духовном и еще двух отцах духовных, на основании свят. апост. пр. 1-е лис. 1-й, и при целом обществе благословить с целованием Евангелия, так как поступает к делу служения благодати; при этом должен высказать: должен хранить своих прихожан по закону доброго пастыря; в случае общество разделится на две партии, то по большинству голосов должен быть выбор отца, или, помолившись Богу, метнуть жребий, по правилу свят. апост. (Деяний зач. 2-е) и четь-минеи 13-го сентября и 15-го августа; в случае нужды может и при одном отце и при обществе благословить на отечество, но дополнить подпись удостоверения заочными двумя отцами, и новоблагословенному отцу выдать удостоверение, за подписью трех отцов и попечителей; прописать в этом удостоверении, что избранный такой-то отец, для исполнения навсегда духовных

треб, крещения, покаяния, и на соборную молитву, или избран по нужде исправлять только такие-то требы.

3-й вопр. Как поступать с такими отцами, которые благословятся без ведома общества келейно и единолично?

Отв. Такое самочиние противно 23-му прав. собора антиохийского и Иер.23:21: «не посылах пророки, а они течаху». Запретить отечествовать, а ежели окажется достойным, то за неведение дать малую епитимью, и допустить на отечество.

4-й вопр. Как поступить с теми настоятелями, которые получают благословение при двух или трех свидетелях без согласия общества?

Отв. Также прав. корм. 23-е антиохийского собора. Такового настоятеля не признавать, как не имевшего удостоверения на отечество, а по расследованию, ежели окажется достойным, и с согласия общества дать малую епитимью и выдать удостоверение на отечество.

5-й вопр. Которые отечествуют и исполняют духовные требы, не имея нужды, самовольно и без благословения?

Отв. При состоянии законно имеющего настоятеля самовольно отечествуют, таковые уподобляются Корею, Дафану и Авирону. Действия их всегубительства (Чис.16:32) да уцеломудрят самочинников на страх Божий и на послушание, по апост. заповеди: вся благообразно и по чину да бывают. Не внимающие повинны церковному отлучению, и тому же подлежат и все с ними общающие в молитве (10-е и 2-е прав. свят. апост.); восхищающие недарованное отлучить от сообщения с верными; а примут покаяния и смирят себя, допустить в сообщение, но на будущее отечествовать запретить и не благословлять, яко тать, и не имея страху Божьего.

6-й вопр. Которые окажутся настоятели, скажут, что они благословение получили от умершего отца и другого верного доказательства не представят, а общество желает принять на служение, требуется вновь благословить на основании Корм. прав.?

Отв. Следует благословить вновь, как бездоказанное благословение. Кор. пр. 85-е 6-й всел. соб.

7-й вопр. Которые настоятели мудрствуют при молении, крестное знамение в молитве переносят Сына Божия на левое плечо, какому подлежат наказанию?

Отв. Вразумить бесчинные по апостолу (зач. 272-е); не послушают – подлежат отлучению, и с таковым развратником, упорником, блазнителем закона Божия не сообщаться ни в молении, и питии и ядении, дóндеже покается, но во отечество не поставлять; крайне постыдно избранным христианам иметь настоятелем столь грубейшего невежду.

8-й вопр. Как принимать в сообщение Федосеева и Филиппова согласия?

Отв. Сих согласий Свят. Дух обличил устами Павла апост., которые возбраняют жениться, лжесловесниками, отступниками веры и учением бесовским (зач. 284-е), и не внидет во град Божий всяко скверно, и творяй мерзость и лжу (Откр.21:27); но по снисхождению для любви христианской приходящего в сообщение подробно расспросить, не имел ли хулы, ругательства брака; ежели не окажется, дать малую епитимью отцу духовному, а оказавшего по невежеству лицемером, ругателем, учителем, т. е. Ересиархом, такого подвергнуть исправлению, не менее шести месяц поста с 1000 правилом.

9-й вопр. Как принимать, которые брачились у инославных?

Отв. Принять в руководство поморский Епитимейник, в коем подробно объясняется.

10-й вопр. Можно ли принять в общение лиц, которые имеют отцов духовных другого по вере согласия?

Отв. Бог вселяет единомысленные в дом (67-й псал. и 9-е прав. сардийск. собор.), неприобщенному приобщаясь сам не приобщен, желающие войти в общение непорочной Христовой Церкви и отрешиться от учения слеповодов и беспутников. Таковых христиан увещевать, чтобы имели отцов своих духовных своего согласия, а по трикратному увещеванию окажется ослушник, такового отлучить от общения.

11-й вопр. Можно ли допустить при крещении восприемником Федосеева и Филиппова согласия?

Отв. Кто порицает брак и обяывает девствовать (таковое девство свят. Златоуст сквернейши блуда сознал,– г. 9-я о

девст.), с таковыми не повелевает ясти, пити и молитися, не точию духосовершенство таинства, и таковых допустить нельзя.

12-й вопр. Которые христиане не признают за грех сообщение с инославными в питии и ядении и исправиться не желают, т. е. (допускают) закореневшее бесстрашие и тяжкое преступление закона Божия?

Отв. Такие вольномыслители, рабы страстей, ложно именуются христианами. Св. пр. Иоанн Лествичник заметил, что христианин есть тот, который подражает Христу, сколько силы человеческого естества подражать позволяют словами, делами и помышлениями (степен. 1-й стих 4-й); вышедшие из ограды спасительного ковчега блуждают, яко скот (свят. апост. зач. 68-е и 78-е), и свят. Иоанн Златоуст сознал врагами Божиими, повинными общему с зловерными гневу и мщению (маргар. о лжеучит.). Преподоб. Феодор Студит применил их траве, дровам, соломе (2-й части посл. 32-е). По свят. Евангелию считаются соблазнителями, т. е. соблазняют других в это сквернение. Посему без боязни себя пасущие обличаются не оправданными блазнителями и сквернящимися; и да возмется нечестивый и да не видит славы Господней. Совершенно таковых отлучить от сообщения христиан, и приноса не принимать, и в дома их не входить, как ослушников закона святоотеческого, которых проклятию предают.

13-й вопр. Которые христиане ходят со своими сосудами к родным или знакомым в гости, к инославным и в трактиры, в клубы, – как поступить с таковыми?

Отв. Свят. отцы воспретили не одно общение в питии и ядении, но и дружелюбное единение, особенно с отступившими в зловерие; не возбраняется посещать инославных в видах душеполезных разъяснений: да даст благодать слышащим (зачал. 226-е); в публичные заведения вход допускается странникам, для чего и устраивались таковые заведения, местные жители, посещающие публичные заведения со своими сосудами, представляют из себя бесстрашных невоздержников, пленников бесчинных похотей и соблазnotворцев, – применять в руководство поморский Епитимейник и Мониинской устав.

14-й вопр. Как поступить с такими христианами, которые являются в моленную в течение всего года только на Пасху в первый день и на Рождество Христово?

Отв. Грядущего ко мне не изжену вон (Иоанн зач. 21-е), и применить прав. 6-го вселен. собора, отлучающего от соборной молитвы; от сообщения с верными в молитве отлучить до исправления; на таковых изречение Христово: тако убо ни тепл, ни студен, изbleвати тя от уст моих имам (Откр.3:16).

15-й вопр. Как принять в сообщение явных блудников и прелюбодеев?

Отв. Отлучить от сообщения в молении, и питии и ядении, приносов от них не принимать и в дома их отцу духовному и причту не входить; покаются и себя смирят, принять в сообщение, применяясь правилам Василия Великого (22, 38, 59, 77, 88 и 6-го вселенск. собора прав. 87-е), – Феодор Студит подтвердил. Есть божественные законы и правила, которыми руководствуется всякий благочестивый и нельзя ни прибавить и ни убавить что-нибудь.

16-й вопр. Которые в родстве сочетались браком, или без брака сошлись по согласию, как с ними поступить, и следует ли от них детей крестить?

Отв. В законновоспрещенном родстве сочетавшиеся повинны бракорасторжению, по прав. 6-го вселен. собора, 53 и 54, Васил. Велик. 11-й ответ, и 78-е прав.; посему брачующих в родстве – отлучить таковых от сообщения верных, дóндеже разойдутся и покаются, а до их исправления, приносу в Церковь не принять, и в дома их не входить исправлять требы, и на покаяние не принять, разве при смертном случае, младенцев от них крестить в притворе моленной, а где нет моленной, – в другом доме христианском.

17-й вопр. Который отец тайно брачит кроме моленной Федосеевцев, Филиповцев, а также и своего согласия, какому подлежит наказанию?

Отв. Добр закон есть, еще кто его законне творит (зач. 279-е), следовательно, должен всякий настоятель способствовать делу, закону; но в разномысленных, требующих только форму, вопреки прав. 10-го свят. апост., таковым настоятелям строго

запретить впредь не делать; не послушают, – отлучить, применяясь прав. Корм. подцерковному 2-го чина ереси, и от отечества отлучить до исправления (лист. 411 на обор. пр. 27. Градск. зак.) и бракосопращения единовѣрных в частных домах при имеющемся молитвенном доме считать неуместными и неблагообразными.

18-й вопр. Можно ли совершить брак верного с неверной?

Отв. Строго воспретить по прав. Корм. 6-го вселенск. собора 72.

19-й вопр. Который настоятель совершит брак верного с неверной, чему повинен?

Отв. Отлучению и запрещению отечествовать до исправления; ежели таковой настоятель и потом будет совершать таковые браки, отлучить навсегда от отечества, и от сообщения в молении, как сотворившего вопреки прав. 6-го вселен. собора 72.

20-й вопр. Можно ли допустить верного с неверной для сожития единым родительским благословением?

Отв. Беззаконное дело привлекает не благословение, а клятву, которой причастны и родители, беззаконно благословившие; посему строго воспретить, а родителей подвергнуть за таковое преступление шестинедельному посту с 1000 поклонами и вменить в обязанность родителям обратить неверную в правоверие.

21-й вопр. По нужде можно ли крестить обливанием?

Отв. За великую нужду совершить трикратное поливание с произношением богословской троичной молитвы и допускается при смертном случае, где невозможно совершить погружения, т. е. нет близко воды или сосуда, или находится в инославных, или в больнице, но отнюдь да не служит в обычай по примеру западных, на безнужные действия крещения обливанием.

22-й вопр. Следует ли христианину иметь отца духовного?

Отв. Иже кто в мире живет, а отца духовного не имеет, несть тот христианин, по прав. сына церковного обязательно внушить прихожанам.

23-й вопр. Которые не имеют отцов духовных, как с таковыми поступить?

Отв. Внушить, чтобы озаботились иметь отца духовного; не послушают, подлежат отлучению до исправления.

24-й вопр. Кто не был на исповеди много лет и помрет без исповеди, можно ли по нём петь погребение и поминать?

Отв. Два случая внезапной смерти: первый живет человек, трудится, торгует, работает и получает внезапную смерть, – хотя бы долгие лета не исповедался, таковых нельзя лишать поминовения: дело исповеди есть средство покаяния самому себе, Ефремом Сириным изъясненное. В подобных случаях следует усугубить заупокойные пособия. Второй случай, аще ли кто идет, или в доме своём, или в публичном месте в бесчувственном пьянстве, блуде, прелюбодеяниях, т. е. явных безбожников, чуждых благодати, и случится им внезапная смерть, таковых не поминать.

25-й вопр. Кто у инославных бывает восприемником лично или по его согласию записан в метрики, какому наказанию подлежит?

Отв. Отлучению до исправления и 6 недель посту; в случае, если записан в инославную метрическую книгу, без согласия и ведома его, наказанию подлежит.

26-й вопр. Кто бреет или стрижет бороду, как с таковыми поступать?

Отв. Воспрещенное законом Божиим и свят. Церковью предано проклятию, лишаются соборного христианского погребения, и таковых отлучить от общей молитвы, а в случае смерти и с покаянием, погребение петь заочное, а в молитвенный храм тело не вносить.

27-й вопр. Развратившие христиане на курение или нюхание табаку какому наказанию подлежат?

Отв. Естестворугательные табачные похотники, равные по вине с брадобритием, отлучить с верными в молитве, и ежели не оставят это пристрастие, то и на покаяние не принять; Иоанн Злат. естественный закон сознал равно за Божий закон.

28-й вопр. Кто стрижет голову не обычно, т. е. придерживаясь обычая или моды инославных, как мужчины, так и женщины, какому подлежат наказанию?

Отв. Мужской пол увещевать, – не послушают, то в моленной поставить позади всех, чтобы не соблазнял братий своих, и позволить обще молиться, а женский отлучить от сообщения в молитве до исправления (прав. 15-е Корм. лист. 43-й, – жена стригушая власы проклята есть, и книга Лев.19:27).

29-й вопр. Кто дерзает произносить хулу на святые иконы, книги и проч., а также на духовных отцов?

Отв. Хула на два рассуждения: 1-е, – хула на книгу и икону и утварь церковную в работе мастерстве изображений следует вразумлению, 2-е, – хула на святое писание, икону и прочее, охулившего на Дух святыни, таковых продержателей отлучить в молении и не сообщаться в питии и ядении, не принимать их в дом, и в их не входить, и приноса не принять, яко ругателей святыни, и хулителей на Дух святой, по 73-му прав. свят. Василия Великого.

(Продолжение будет).

Стеллецкий Н. свящ. Болгарская ересь богомилов⁹⁵
// Миссионерское обозрение 1901 г. № 10. С. 381–388

Если болгарская ересь или секта богомилов, сильно зараженная духом пропаганды, распространилась в своё время во многих государствах, то естественно было предположить, что она не минет и пределов России. И это тем более вероятно, что между Церковью русскою и болгарскою очень рано установились тесные отношения. Болгария, будучи просвещена православною верою раньше России, по своему родственному с русским языку и славянской письменности, сделалась естественною и лучшею посредницею между русскими и греками; из Болгарии явились к нам и славянская грамота, и церковные книги, и богослужебные напевы, и первые христианские учителя и священники. По свидетельству Якимовской летописи, болгарский царь Симеон посылал в Россию «иереи учены и книги довольны и дьяконов и демественников». Поэтому неудивительно, что современные религиозные движения, происходившие в болгарской Церкви, так или иначе отражались и в русской. Между пришедшими к нам из Болгарии священниками весьма легко могли оказаться и последователи возникшей там секты богомилов. Всего вероятнее они-то и были первыми насадителями на русской почве сектантского вольномыслия в виде богомильской ереси. Чрез 60 лет после крещения Руси, следовательно, еще при жизни св. князя Владимира, один из таких ересеучителей был осужден в Киеве. Это был монах, скопец Адриан, который, по известию Никоновской летописи,⁹⁶ в 1004 году, явившись в Киеве, начал хулить православную Церковь, её уставы и обряды, а также епископов, пресвитеров и иноков. Тогдашний митрополит киевский Леонтий, по происхождению грек или воспитанный в духе греческой Церкви болгарин, естественно не мог терпеть такого учения, которое греческая и болгарская Церкви отвергли, как еретическое, и потому восстал против Адриана со всею пастырскою ревностью. Еретик был обличен, отлучен от Церкви, заключен в темницу, где он сознал наконец свою вину и раскаялся. Вот первое лицо с характером еретика

или сектанта в истории русской Церкви, не отмеченное, впрочем, в летописи названием еретика, вероятно, потому, что еретик раскаялся! В 1123 году, по свидетельству той же летописи,⁹⁷ явился в Киев другой еретик – Дмитр. На этот раз летописец не говорит, в чём состояла ересь Дмитра, и только называет его злым еретиком. Историограф Татищев⁹⁸ замечает, что Дмитр отвергал церковные уставы, за что киевским митрополитом Никитою и был сослан в город Синелец и заключен в темницу.

Из приведенных известий о первых еретиках, явившихся в русской Церкви, можно видеть, что Адриан и Дмитр имели некоторые общие еретические воззрения; но отсюда еще не видно, какой именно ереси они держались. Во всяком случае, эти воззрения не могли возникнуть среди собственно русских христиан. В России, в XI веке, могли явиться враги всех церковных установлений, но, как мы имели случай говорить, только из язычников, а не из христиан. Притом же Адриан и Дмитр восставали против установлений православной Церкви, а в первые времена христианства в русском народе скорее могли явиться ревнители церковного благоустройства, нежели враги; простое чувство любит внешность, и русский народ искони любил внешнее благоустройство церкви. Под названными двумя еретиками обыкновенно разумеют богомилов, пришедших к нам из Болгарии, с которой Россия, как сказано, находилась в самой тесной связи.⁹⁹ Если наши летописцы, упоминая об Адриане и Дмитре, не излагают догматических или теоретических оснований их богомильской ереси, а указывают только на отступления их от внешнего церковного благоустройства, т. е., другими словами, только выставляют на вид практические последствия, вытекающие из основной мысли богомилов, не приводя этой последней, – то в объяснение этого следует заметить, что для простых наблюдателей жизненных явлений, какими были наши летописцы, прежде всего бросается в глаза несообразность воззрений, относящихся именно к внешней жизни, внутренние же основания этих воззрений или совсем бывают недоступными для них, или мало обращают на себя их внимание. А что

Адриан и Дмитр действительно были богомилы, это доказывается сличением богомильского учения с воззрениями наших еретиков. Немного сказано у летописцев о воззрениях Адриана и Дмитра, но это немногое совершенно сходно с тем, что мы знаем из учения богомилов. Адриан был скопец, и богомилы допускали оскотление; он был монах, и богомилство среди монашествующих евхитов или мессалиан нашло себе хороший прием;¹⁰⁰ наконец, оба еретика отвергали всё внешнее благоустройство церкви, а это одна из главных особенностей богомильской ереси, хотя и внешняя только, а не внутренняя.

Кроме приведенных двух случаев богомильской пропаганды на русской почве, к сожалению, наши летописцы почти больше не упоминают о ней. Но из этого еще не следует, что этой пропаганды не было и в действительности. Как на своей родине, в Болгарии, так, разумеется, и у нас в России, богомилы, при всём противодействии русской церковной власти, продолжали распространять своё учение, но по всей вероятности с величайшей осторожностью и скрытностью, чем и объясняется молчание об этом летописцев. Что богомильские идеи пропагандировались среди русских не только в XI–XII веках, но и в последующие столетия, и таким образом получили среди них большое распространение, – это подтверждается сохранившимися у нас от древних лет памятниками некогда бывших на Руси богомилов.

Сюда прежде всего относятся списки обличительной «Беседы Козьмы пресвитера на новоявившуюся ересь Богомилу», как кажется, известные у нас еще в XI веке. В одной Кормчей, писанной в XV или XVI веке, изложены, хотя в кратких, но довольно определенных чертах, все главнейшие пункты богомильской ереси.¹⁰¹ Очевидно, всё это делалось в видах предостережения русских людей от еретиков, пропагандировавших среди них своё учение.

Всего легче богомильские идеи проникали в Россию путем так называемой «апокрифической» или «отреченной» литературы. Некоторые произведения из этой литературы, о которой многие на Руси говорили, что она наполнена «болгарскими баснями»,¹⁰² очень рано стали переходить к нам

из Болгарии. Уже Авраамий Смоленский, живший в конце XII или в начале XIII века, читал глубинные книги, т. е. апокрифическую книгу «глубина». В XIII и XIV веках к переводным апокрифам присоединились апокрифические сказания русского сочинения, появлявшиеся под влиянием первых. К XV столетию апокрифические произведения до такой степени умножились, что митрополит Киприан признал необходимым составить список как истинных книг, признанных Церковью, так и «отреченных». С этих пор список отреченных книг, также как и истинных в русской Церкви, получил как-бы каноническое значение, потому что вносился в церковные книги, напр., в молитвенники и уставы, с целью предохранить духовенство и народ от чтения апокрифов.¹⁰³ Несмотря на то, не только народные грамотеи, но и духовные лица с особенною любовью читали апокрифические сочинения. Церковные дьяки, в роде Семейки Григорьева, держали у себя для чтения «книги недобрыя, ересныя, да приговоры и рафли, тетради гадательныя». Апокрифические сказания вносились в церковные сборники и помещались здесь рядом со статьями, принятыми Церковью. Иногда даже апокрифы, особенно нравственного содержания, бессознательно помещались в сборниках святоотеческих творений, в «измарагдах», «златоустах» и «торжественниках», имевших церковное употребление.¹⁰⁴

В дошедших до нашего времени древних рукописях находится немало апокрифических сказаний с богомильским содержанием. Приведем некоторые из них.¹⁰⁵

В одной статье Соловецкого сборника, под заглавием: «сказание о семи планитах», говорится, что в тот день, когда Бог сотворил солнце, луну и звезды, «испаде от славы сатана». Увидя небо и землю украшенными, Сатанаил задумал устроить и устроил себе престол на облаках, вознесся на небо и сделался воеводою ангельскому чину. Бог велел архангелу Михаилу свергнуть противника – Сатанаила долу. Михаил, видя в нём печать великого Божества, сначала не осмелился было даже посмотреть на него; и только когда Господь снял с него Божество, Михаил свергнул Сатанаила, как уже простого

человека, с неба со всеми его силами. С этого времени он начал называться сатаной или дьяволом. Господь снял с него – *ил* и дал его ангелам и архангелам; Мих стал именоваться Михаилом, и дал ему Господь старшинство над всем небесным воинством. Когда небеса утвердились, сатана прошел землю и поселился в аде под землею; другие же злые духи частью остались на земле, а частью обитают в воздухе и творят всякое зло людям.

Связь этого сказания с учением богомилов очевидна и не требует подробного аналогического сближения. Как по богомильскому учению, архангел Михаил является победителем, низложителем Сатанаила и за то, по воле верховного Божества, отнимает от его имени священное окончание *ил*, так точно рассказывается и в приведенном апокрифе.

В рукописном сборнике Пермской духовной семинарии, известном у томских старообрядцев, под названием «Христов дневник», сообщается одно космогоническое предание, в котором тоже находим довольно ясные следы богомильских воззрений. «Когда не было ни неба, ни земли, гласит это предание, было одно море Тивериадское. На этом море плавал гоголь (в образе птицы – гоголя является здесь Сатанаил). Бог повелел гоголю достать со дна моря два камня. Гоголь достал, Бог начал бить камень о камень, и у Него явились ангелы. Гоголь также ударил камень о камень, и у него явились ангелы – десятый чин, – его собственный. Далее – гоголь этот снес яйцо, на этом яйце отразился Бог – второе Лицо. Бог велел гоголю принести пять земель, гоголь принес, и из них Бог сотворил человека. Сотворивши человека, Бог скрылся; дьявол воспользовался этим случаем и создал людей уродливых. Бог прогневался на Сатанаила, отнял у него *ил* и отдал его вождю своих небесных сил *Михе*. Таким образом, стали враждебные силы – сатана и Михаил».

В списке апокрифической беседы трех святых передается следующее. «Прежде земли пребывал Господь Саваоф, безначальный Отец, «в трех комарех на воздусех». И отрыгнул Он от сердца и родил возлюбленного Сына Божия, Господа

нашего Иисуса Христа, а из уст Своих испустил Духа Своего Святого в образе голубине. Затем словом Своим Господь создал небо хрустальное на столбах железных, озера, облака, звезды, свет, ветры, рай, мороз, гром, молнию, солнце и море Тивериадское. И сошел Господь по воздуху на море Тивериадское, увидел на том море гоголя (известный образ сатаны в мифологической космогонии) плавающего и спросил его: «кто ты?». Гоголь отвечал: «я сатана». Господь повелел сатане погрузиться в море и вынуть оттуда землю и камень. Камень Господь переломил надвое, одну половину камня из левой руки дал сатане, а из другой ударом жезла сотворил архангела Михаила, Гавриила и ангелов. Сатана же иссек из камня бесовскую бесчисленную силу богов».

Сличая содержание и этого апокрифического сказания с учением богомилов, мы замечаем в нём весьма явственные оттенки богомильских дуалистических воззрений. Таково сказание о безначальном Боге Отце, пребывавшем прежде земли в трех комарех на воздушных, отрыгнувшем от сердца Своего Сына Божия, испустившего из уст Своих Духа Святого, – таково особенно представление о сатане, как участнике в творении мира и творце отдельного, сатанинского царства существ.

Путем такой именно апокрифической письменности богомильские идеи от русских книжников проникали и в простой народ. Богомильский дуализм и до сих пор живет среди русского народа. Известны, например, народные сказания о происхождении гор от сатаны, во время творения мира Богом, о происхождении мошек от сатаны, о собрании Богом птиц (известно космогоническое значение тех или других птиц), для содействия Ему в творении рек и озер¹⁰⁶ и т. п. В некоторых местах, (например, в Нижегородской губ., в селе Павлове) нередко можно слышать в народе чисто богомильские мнения о двух царствах – Божиим и сатанином, о Боге Саваофе, как «старшем» Боге, и об Иисусе Христе, как «младшем» Боге, о создании человеческого тела сатаню, души же – Богом.¹⁰⁷ Богомильские дуалистические воззрения так глубоко вкоренились в народном сознании, что доныне составляют даже

нравственно-догматическую основу миросозерцания некоторых раскольнических толков. Например, толк бегунов, или странников, возникший около половины XVIII века, весь мир разделяет на два царства: Божие и сатанино.¹⁰⁸

Все приведенные нами данные дают полное право заключать о широком распространении в России богомилства, а вместе с тем и о влиянии его на образование русских религиозных сект. Хотя на этот последний предмет нет почти никаких прямых исторических указаний, при посредстве которых можно было бы проследить постепенный переход учения богомилов в учение русских сектантов, тем не менее весьма значительное сходство и даже тождество, замечаемое между теми и другими, утверждает нас в справедливости сделанного заключения.

Обилие апокрифических книг с богомилским содержанием, в связи со многими другими благоприятными для порождения антицерковного движения условиями, способствовало появлению и распространению в России разных «ересей и шатаний». Конечно, где больше совмещалось этих благоприятных условий, там сектантское своемыслие сильнее и раньше обнаруживалось и скорее проникало в народ. В XIV и XV веках в Пскове, враждовавшем с Новгородскими владыками-архиепископами,¹⁰⁹ и в Новгороде, отличавшемся исстари духом мятежной вольности, боровшемся за церковную независимость с Московскими митрополитами и наиболее подверженном либеральному западноевропейскому влиянию, – впервые открываются те противочерковные движения, которые перешли и в последующие столетия. Разумею ереси или секты стригольников и жидовствующих. В учении этих сект весьма заметны следы богомилских идей.

Священник Н. Стеллецкий
(Окончание следует).

Из миссионерских запросов

**Должно ли детям раскольников и сектантов
беспрекословно и слепо слушаться своих
родителей в вопросах веры и совести? //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 10. С. 389–392

Прошедшие школу дети старообрядцев и сектантов нередко сознают правоту греко-российской православной Церкви, но медлят присоединиться к ней, а иногда и совсем остаются коснеть в душепагубном расколе, ссылаясь в своё оправдание на то, что они живут по родительскому благословию, что родители *благословили* их умирать в той вере, в которой родились, или что они не смеют преступить родительского благословения. Мы – дети должны слушаться своих родителей и боимся родительского гнева и проклятия. Что на это должен ответить пастырь или миссионер по руководству свящ. Писания и учения св. отцов? Вопрос этот, так часто встречающийся миссионерам, затронут на страницах одного епархиального органа. Пастырь или миссионер должны разъяснить, что *почитать родителей*, слушаться их – дело благое и полезное: тому учит слово Божие. Пятая заповедь данного на Синае закона Божия повелевает нам: *Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет, и да долголетен будешь на земли* (Исх.20:12). Премудрый говорит к чадам: *делом и словом почитай отца твоего и мать, чтобы пришло на тебя благословение от них, ибо благословение отца утверждает дома детей, а клятва матери разрушает до основания* (Сир.3:8–9).

В новом завете – Сам Христос Спаситель, отвечая на вопрос одного богатого юноши: *что благо сотворю, да имам живот вечный*, между прочими заповедями подтвердил и сию: *чти отца и мать* (Мф.19:19).

А о том, как исполнять эту заповедь, поучает нас избранный сосуд божественной благодати, св. первоверховный апостол Павел, говоря: *чада, послушайте родителей своих во всем: сие бо угодно есть Господеву* (Кол.3:20). Но слова св. апостола отнюдь не означают того, чтобы всегда и во всём, даже если бы

нам приказывали сделать что-либо и худое, неприличное, безнравственное, исполняли волю родителей. Св. Златоуст на приведенные слова апостола дает следующее толкование: «Если же апостол Павел многое заповедует о родителях и велит *во всём* им повиноваться, ты не дивись. Он велит им повиноваться только в том, *что не противно благочестию*; ибо святое дело воздавать им всякое иное почтение. Когда же потребует себе более надлежащего, не должно им повиноваться» (Св. Злат. Бесед. на Ев. Матф. бес. 35).

Как известно, раскольники-родители брачат своих детей «по родительскому благословению» сводным браком, неведомым св. соборной и апостольской Церкви, брачат по самоизмышленному при пении канонов обряду, а не по чиноположению церковному, – следовательно, творят то, что противно благочестию, жертвуя целомудрием и честью своих детей. Очевидно, этому не учил св. апостол, когда говорил он детям: *чада послушайте родителей своих во всём?* Ибо он не мог поучать идти против установлений святой Церкви: ясно, что детям слепо исполнять советы и приказания родителей, благословляющих на блудническое сожитие, т. е. на сводный брак, ни в каком случае не следует.

Не обязаны заповедью Господнею дети слушать и такие наставления, как например, не ходить в церковь к божественной службе, удаляться от хриstopреданного священства, не принимать церковных таинств, коими освящаемся, – ибо всё это советы не богоугодные, душепагубные.

Таким образом, все наставления и советы родителей дети должны принимать с полной покорностью им в тех случаях, когда эти советы и наставления даются о *Господе* (Еф.6:1), – те же приказания родителей, которые противны вере и нравственности, законам церковным и гражданским, *для детей к исполнению не обязательны*.

Чада, послушайте своих родителей о Господе, сие бо есть праведно (Еф. зач. 232). Вот как тот же св. апостол понимает сказанное им: *послушайте во всём*. Это значит – *послушайте о Господе*; св. Иоанн Златоуст объясняет это: апостол сказал: «о Господе», то есть, – в чём не окажешься

противником Богу. Если язычник будет или еретик отец твой, более повиноватися не подобает: сие дело не будет уже о Господе (Бес. апост. ст. 1798 Ефес. бес. 21).

Итак, Златоустовы уста – Христовы и Павловы уста отверсты в наше назидание и поучение: мы должны оказывать родителям послушание и повиновение только в том, что не противно Богу, что не противоречит учению св. Евангелия.

Согласно этому и в Толковом Евангелии, печатанном при патриархе московском Иосифе, читаем: «Егда убо вреждают на добродетель и благочестие или отец, или мати, или чада, или братия, или друзи, тогда оставити их подобает, и не токмо же оставляти, но и ненавидети, яко враги истины и яко супротивники закону Христову» (Поуч. в нед. 2-ю по вс. св. л. 170 об.).

Не мните, глаголет Господь, яко приидох вовреши мир на землю: не приидох вовреши мир, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дочь на мать свою, и невесту на свекровь свою. И врази человеку на домашние его (Мф.10:34–36). Толкование: «Не везде бо есть добро соединение, но бывает иногда и разделение добро; ниже всякое умирение похвально, не бывает множицею и мира на повреждение, и далече божественная любве отгоняющ: егда убо миримся о разрушении истины, прегрешно есть и неподобно зело. Таковый бо мир не прииде Христос вложить, но супротивное паче хочет нас друг от друга добраго ради отлучатися. Не всякое бо мирование и совокупление добро, но бывает, егда и распря, и разлучение – велие и божественно дело. Никто же убо сим образом любовию да прилежит к лукавым, ниже мира имети с ними; но аще отец, или мати, аще братия супротивни обрящутся закону Христову, сопротивимся им яко врагом истине».

Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин. «Не яже к роду отчуждение и омерзение приводя сия глаголет, ниже родителя и чада ненавидети законит, но множае оних того любити. Не повелевает бо Христос сих всех ненавидети, понеже и се зело жестоко есть: но егда хотят множае паче Христа любити их, и егда повреждают нас и

отлучают от любви Божия, тогда ненавидети их подобает. Еже бо любити родители и чада паче Христа – в беды нас приводит и в глубины погубления» (Толк. Еванг. гл. 165 и 166).

Отсюда ясно, что нерассудительно поступают те, кои, например, присоединившись и повенчавшись в Церкви, снова уходят в раскол или секты, ссылаясь на то, что на повенчание их в Церкви не было благословения родительского. Такие люди тяжко согрешают. *Лучше бы им не познать пути правды, нежели познавши возвратиться назад от преданной им святой заповеди (2Пет.2:21).* Такие люди волю родителей неправоверующих ставят выше благой и всесовершенной воли Господа. *Судите, справедливо ли пред Богом слушать их более, нежели Бога? (Деян.4:19).*

Что касается того, что некоторые из детей раскольников в деле обращения в православие не столько боятся лишиться благословения родителей-старообрядцев, сколько подпасть под их проклятие, то следует выяснить, что страх этот не у места. Премудрый Соломон говорит на это: *как воробей вспорхнет, как ласточка улетит, так незаслуженное проклятие не сбудется (Притч.26:2).* Вспорхнул воробей, улетела ласточка – и след простыл, так и суетная клятва, каковою в данном случае нельзя не признать и клятву родителей, которая потому и не должна быть страшною для детей. Иисус Христос говорит: *уже любит отца или мать паче Мене несть Мене достоин (Мф.10:37).*

Чижевский И. протоирей. Историческая справка //
Миссионерское обозрение 1901 г. № 10. С. 393–397

Таинство брака должно быть совершено в приходской церкви жениха (т. X, ст. 25 Свод. зак., изд. 1887 г.), хотя Кормчая книга позволяет совершать бракосочетание и в той церкви, в приходе которой живет невеста. Если жених и невеста живут в разных приходах, то троекратное оглашение делается в обеих церквях, и если никто не объявит никаких препятствий, то причт выдает жениху или невесте для представления тому причту, который имеет совершать таинство брака, так называемое «предбрачное свидетельство», или же уведомляет об объявленном или другом каком-либо препятствии (там же ст. 26 и 27). Но что делать, если жених или невеста, а часто и тот, и другой не принадлежат и не пишутся в исповедных росписях ни в каком приходе?

В настоящее время все лица, поступившие в гражданскую и военную службу, не пишутся уже в исповедных росписях того прихода, из которого они поступили на службу и в котором родились; не пишутся также ушедшие из прихода и в течение нескольких лет не возвращавшиеся. В больших городах много проживает лиц и семейств, которые и родились, и выросли в данном городе, но, не имея собственных домов, переходят, иногда даже несколько раз в год, из квартиры на квартиру и, следовательно, из одного прихода в другой, почему не пишутся ни в каком приходе. Исполняют ли долг исповеди и причастия св. Таин такие лица, никому неизвестно. Хотя, конечно, исполняют, но не все;¹¹⁰ так, многие св. долг сей исполняют в той церкви, в приходе которой в великий пост придется им квартировать и, хотя некоторые и записываются в исповедную тетрадь, но не вносятся в «исповедные росписи». Все такие лица, желая вступить в брак, не могут ни от какого бы то ни было причта получить «предбрачное свидетельство». А потому, получивши от всех причтов отказ в повенчании их, многие вступают в незаконное сожительство, в так называемый «гражданский брак», или вступают в секту штундистов. А

потому, в видах поднятия нравственно-религиозного состояния православного народа, как всему духовенству, так и миссионерам, при помощи гражданской власти, необходимо принять меры к тому, чтобы 15–18 ст. Уст. Дух. Конс., 18–23 Уст. о пред. и пресеч. прест., т. XIV Свод. зак. изд. 1890 г., ст. 207–210 Улож. о наказ. изд. 1885 г. не на бумаге только существовали, а были бы исполняемы в точности. Наши миссионеры должны помнить слова, сказанные Спасителем книжникам и фарисеям (Мф.23:15).

Во всех наших светских учебных, как мужских, так и женских заведениях все воспитанники и воспитанницы исполняют долг исповеди и причастия св. Таин в церквах, состоящих в тех заведениях, в которых они учатся; некоторые же, с разрешения своего начальства как и те, где нет церквей в тех учебных заведениях, где они учатся, говеют в приходских церквах, о чём и представляют своему начальству свидетельства от приходских священников. Не знаем, представляют ли такие свидетельства учителя и воспитатели. Все, состоящие в военной службе, говеют в своих полковых церквах, а все те, которые по каким-либо причинам исполняли этот св. долг в приходских церквах, представляют своему начальству свидетельства от приходских священников. Такие свидетельства следовало, бы представлять своему начальству и всем состоящим на коронной службе и по найму. В прежнее время следовательно, при допросе подсудимого и свидетелей спрашивал, бывают ли они ежегодно у исповеди и причастия св. Таин, а в настоящее время об этом не спрашивают. Спрашивается, будет ли правдивым, по совести христианской, тот свидетель, который, быть может, несколько лет не исполнял этого св. долга. Как будет обсуждать проступок подсудимого присяжный заседатель, тоже не исполнявший этого св. долга в течение нескольких лет. Не говорим уже о защитниках, делающих часто из черного белое! По указу Св. Синода 23 августа 1857 г., все купцы при объявлении капиталов представляли от причтов свидетельства о принадлежности своей к православной Церкви и об исполнении ежегодно св. долга исповеди и причастия св. Таин, и это не стесняло их.

В Высочайшем рескрипте, данном 13 мая 1866 г.¹¹¹ на имя председателя комитета министров князя Гагарина, между прочим, сказано: «православному русскому духовенству в предоставленном ему кругу деятельности предлежит наипаче послужить к охранению православного народа русского от вредных лжеучений и обнаружившихся в последнее время стремлений и умствований, дерзновенно посягающих на всё искони священное для нашего отечества, на учение веры, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уважение установленным властям»... Но одно духовенство, без содействия гражданской власти и гражданских чиновников, не в силах всего исполнить, и потому в том же рескрипте Государь Император благоволил указать «те главные начала, которые, при твердом и неуклонном соблюдении их начальствами всех частей государственного строя, положат предел дальнейшему распространению зла».

Пора уже нашему гражданскому начальству и гражданским чинам заодно действовать с духовенством по охранению господствующей православной христианской веры и религиозно-нравственного состояния русского народа; первее всего необходимо *восстановить законное значение прихода*, а духовенство восстановит тогда и значение «исповедных росписей».

По духу и смыслу наших, доселе не отмененных, церковно-гражданских постановлений, каждый приход должен иметь свои пределы-границы; каждый православный христианин должен *непременно* принадлежать к какому-нибудь приходу, и все требы, если такой прихожанин живет в своём приходе, должны быть исполняемы его приходским священником.

Именным Высочайшим указом от 4 февраля 1734 г. (Поли. собр. зак. 16 апр. № 7226) повелено, чтобы все православные, начиная с семилетнего возраста, в великий и другие посты, ежегодно исповедовались и приобщались св. Таин в своих приходских церквах. Кто же в течение года будет вне своего прихода в отлучке, тот обязан исполнять христианский долг исповеди и причастия св. Таин в церкви того прихода, в котором он будет проживать и в удостоверение того, что это им

исполнено, должен представить своему приходскому священнику свидетельство от того священника, у которого он исповедовался и св. Таин приобщался. В том же указе в пункте 3-м сказано: «Понеже многие, как о том неизвестно есть, приходские всяких чинов люди исповедываются не в тех приходах, в коих жительствоуют, у священников, но иные в соборных, иные же в других приходах, того ради, как тем соборным, так и прочим других приходов священникам, абие же по исповеди сообщать за своими руками именные расписки, по которым в тех настоящих приходах приобщив их, кто удостоен будет св. Таин в церкви пред всеми, вписать в роспись исповедавшихся, и для того никто не должен и никому отнюдь не попускать приобщаться при другой церкви, кроме своей приходской, чтобы из этого не могли укрыться и от двойного окладу избегать раскольники».¹¹² На этих указах основаны статьи Свод. зак. 18–23, Уст. о пред. и пресеч. прест. т. XIV изд. 1890 г., 207–210 Улож. о наказ. изд. 1885 г. и ст. 15–18 Уст. дух. конс.

Восстановить значение прихода, прихожанина и прихожан его следовало бы так. Всякий православный христианин, проживающий в известной местности, должен избрать себе известный приход, и писаться в «исповедных ведомостях» этого прихода, пока не заявит местному причту о своём желании перечислиться в другой какой-либо приход. Но до такого перечисления, хотя бы они по собственным делам, по службе или по каким-либо другим причинам отлучались в разные места империи и даже за границу, должны числиться и писаться в исповедных росписях того прихода,¹¹³ ежегодно представляя причту свидетельства об исполнении св. долга исповеди и причастия св. Таин и о переменах в семействах. Избравши же другой приход, должны заявить своему причту, который выписку из своих росписей препроводит к причту избранного ими прихода, а у себя исключит их. Полагаю, что только при соблюдении упомянутых постановлений, исповедные росписи приходских церквей могут, на основании 265 и 268 ст. Уст. дух. конс. и 1356 ст. т. X. ч. II изд. 1876 г., служить подкреплением доказательств рождений и браков в случаях пропусков и ошибок

в метрических книгах. Исповедные же росписи о состоящих на службе по отбытию воинской повинности церковью армии и флотов и церковью, состоящих при казенных, учебных и благотворительных заведениях, суть только списки, удостоверяющие, что записанные в них лица исполнили св. долг исповеди и причастия св. Таин.

Если бы всё вышесказанное исполнялось на деле, то не было бы свидетелей, нарушающих присягу, и наши присяжные заседатели и защитники добросовестно, по чистой христианской совести, исполняли бы свои святые обязанности. Также точно все бы, желающие вступить в брак, свободно получали, в случае нужды, предбрачные свидетельства, от тех причтов, в приходе которых они записаны в исповедных росписях, и священники свободно совершали бы браки, не боясь никакой ответственности.

Протоиерей *подпис* *Иоанн Чижевский*

Из миссионерских дневников, летописей и записок

Бронницкий С. Разговоры вреди друзей по поводу романа «Воскресение» Л. Н. Толстого.¹¹⁴ (Картинка с натуры) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 10. С. 398–411

Деятельность свою Нехлюдов начал проявлять, как мы знаем, с того момента, когда с ним произошел «благодетельный кризис», т. е. когда он убедился (?), что суды, тюрьмы – зло, что служить, где бы то ни было, – значит участвовать в общем насилии. Деятельность эта началась с его ходатайства за «отверженных» пред сильными мира сего, пред людьми, строго охраняющими сословные интересы, и для которых «служба» особенно дорога и выгодна.

Читатель, привыкший ждать новых слов и новых дел от всех известных ему героев, разумеется, рассчитывал, что и Нехлюдов, как прозелит, станет развивать среди своего круга эти новые идеи; но расчет читателя оказался неверен: Нехлюдов смотрит с высоты своего нравственного превосходства на общество, не желает расточать бисера пред людьми, погибшими в кастовых предрассудках.

В чём же, однако, выражается нравственное превосходство Нехлюдова пред последними? В том, что он, как человек богатый, пожертвовал своим кошельком и нанял ловкого адвоката для защиты подсудимой Масловой. Адвокат этот, по отзывам присяжных, может всё сделать: и черное обелить, и белое очернить, – человек, следовательно, с низким уровнем нравственности. Ясно, что Нехлюдов в этом случае ничем не выделялся из своей братии богатых влиятельных людей; напротив, он с ними совершенно слился, в особенности, когда прибегнул к всесильной протекции, – к помощи кузин, тетушек. Положим, всё это делает Нехлюдов, движимый состраданием к несчастным, но делает не прямым, открытым, честным путем нравственного влияния на лиц своей среды, путем убеждения и т. под.

Нет, подумает читатель, Нехлюдов – не новый человек. Он не может служить образцом идейной молодежи, которая

восторгается прямою и искренностью всех излюбленных её героев. Кому, в самом деле, из последних можно уподобить Нехлюдова. Решительно никому. Он не произносит пылких обличительных речей, как Чацкий, напр., вызывающий этими речами большое смущение в обществе. Он не блещит красноречием, как Рудин, заставляющий юных слушателей переживать сильные волнения под впечатлением новых, хотя и неопределенных, нарождающихся идей. Он не находит себе поклонников, как Базаров, или как Райский, у которых подобные идеи вылились в более конкретные, чем у первого, формы. Нет, Нехлюдов, скажет читатель, посредственная личность, шаблонный герой. Своим разглагольствованием о «страданиях» он подчас наводит зевоту на веселое общество, портит аппетит гастрономов. Одна лишь Мариетта из кокетства проделывает с ним комедию. Все же остальные отнеслись к его новому мировоззрению даже как-бы с сожалением и вовсе не придавали его проповеди того важного значения, которое приписывает ей сам автор, видя в переделанной им христианской морали толчок к возрождению общества от «грехов-ошибок».

Вот первый дебют Нехлюдова в роли новатора толстовского учения. Но всего интереснее, насколько ему удастся приложить к жизни это учение в дальнейшей своей деятельности.

Мы уж видели, что по означенному учению Нехлюдов не признает никакого смысла в наказании преступников, хотя бы мерами лишения их свободы совершать преступления. Он мотивирует свой взгляд тем, как мы знаем, что многие из преступников не суть порочные члены, какими считает их общество, – многие из них даже выше самих судей; во-вторых, многие осуждаются невинно, и в-третьих, есть люди, «воспитывавшиеся в известной среде, где совершаемые ими поступки не считаются преступлениями», словом, нет преступников, а есть только, пожалуй, ненормальные личности, в ненормальности которых виновато само общество, и, следовательно, лишать таких свободы, дело несправедливое и потому нежелательное. Так это значит на умственных счетах

Нехлюдова; но в действительности у того же Нехлюдова значится иначе: в действительности у него преступники и есть преступники, порочные члены общества. И он поэтому старался положение Масловой устроить так, чтобы оградить её от дурных влияний развращенных каторжников, с этой целью он сблизил её с лучшими из приговоренных к ссылке и, главным образом, с невинно осужденными. Во-вторых, он ввел её в общество совершенно невинных младенцев. Нечего говорить, насколько важно в нравственном отношении для Масловой было это сообщество детей. Вот почему нельзя не пожалеть, что Маслова, вследствие разных интриг, лишилась потом своего места больничной сиделки. Тогда Нехлюдов исходатайствовал позволение причислить Маслову к кружку политических ссыльных, которые, по образованию и по нравственным качествам, с точки зрения Нехлюдова, «были выше самих судей» и занимали привилегированное положение в тюрьме.

Все эти меры, конечно, делают честь воспитательным способностям Нехлюдова; но в общем они противоречат созданной им на умственных счетах теории жизни.

– Я не вижу никакого противоречия в действиях Нехлюдова, – сказал бледнолицый господин. – Раз он признает, что в преступлениях «отверженных» виновато общество, то отчего-ж в самом деле не создать для несчастных новую среду. Нехлюдов так и делает, когда вводит Маслову в среду более или менее здоровых людей.

– Это уж другой вопрос, Андрей Михайлович, чем должна быть тюрьма, чем общество в отношении названных преступников, вопрос этот не касается нашего обсуждения, да не думаю, чтобы и Нехлюдов имел его в виду в данном случае. Он просто делал то, что делали до него люди и что будут делать. Он желал оградить Маслову от развращающего влияния порочных людей; так и должно быть по логике здравого смысла; он желал влияния на неё оздоравливающего труда – и подыскал этот труд. – Что-ж, значит, нового сделал Нехлюдов?

– По-моему всё старое, – ответил кто-то из компании. Что тюрьмы развращают преступников, т. е. не тюрьмы, а среда более развращенных преступников развращает менее

развращенных, и что преступники развращают друг друга, – об этом писалось давно, это можете знать по известным «запискам из мертвого дома» Достоевского. А равно нет ничего нового в том, что тюрьмы должны представлять собою род исправительных заведений, в которых преступники нравственно дисциплинировались бы. Однако по Толстому оказывается, что подобные институты невозможны. «Усовершенствование тюрем, говорит он, стоило бы дороже того, что тратится на народное образование», это уж, действительно, ново, хотя опять в теории. На практике же Нехлюдов и здесь погрешает или совершенно путается, не зная, как выйти из противоречий прочитанных им теорий. Нужно заметить, что Нехлюдов вообще был склонен действовать быстро, под впечатлением разных теорий, в суть которых, по-видимому, он мало вникал. А потому и впадал в разные курьезы, как, напр., это вышло, когда он вздумал проповедовать мужикам теорию Г. Джорджа, вздумал на основании этой теории устроить нечто вроде земельной общины. Но попытка его оказалась весьма неудачна.

– Да, Нехлюдов в этом отношении слишком поспешил, – заметил студент. Можно ли, в самом деле, пред безграмотными мужиками пускаться в разъяснения каких бы то ни было современных теорий, которых у нас столько, что и по названиям трудно перечесть. Кроме того Нехлюдов отступал от данной теории, думая применить её на частном случае. Собственно говоря, как я понимаю, Г. Джордж является одним из сильных сторонников государственности, тогда как Нехлюдов по своим воззрениям анархист, враг всяких общественных союзов и коопераций. Г. Джордж проповедует национализацию земли, что само собою предполагает тот или другой государственный строй жизни. Землю он ставит собственностью государства, и только при этом положении теория его имеет смысл. Следовательно, попытка Нехлюдова ни в каком случае не может служить в пользу рассматриваемой теории. Со своей землей он, конечно, мог что угодно делать, но только, как филантроп. Это самое и поняли мужики непосредственным чутьем своего здравого смысла.

– «Да отдай мужикам (землю), вот и всё, – сказал беззубый старик на объяснения Нехлюдова». И сколько Нехлюдов ни бился растолковывать мужикам свои мысли, они остались при своём мнении, или будь как филантроп, или отдай землю в аренду по подходящей для мужиков цене, – но со своим уставом в чужой монастырь, мол, не суйся.

– Из предыдущих наших рассуждений видно, – начал Игнатий Иванович, – что Нехлюдов действовал вообще поспешно и во многом противоречил своим воззрениям на жизнь. Подчеркивая этот факт, я нахожу, что Нехлюдов далеко не воскрес в смысле толстовского учения, хотя он и силится убедить нас, что будто бы покончил со своим прошлым и с барством по преимуществу. Но это неправда: барство глубоко пустило в нём корни. Стоит, напр., возвратиться в Петербург, как эта старая жизнь барства снова забирает его в руки: «В эту среду, говорит Толстой, влекли Нехлюдова его привычки, влекли и родственные, дружеские отношения. Не смотря на всё своё *отвращение* к этой среде, – среде, где, по его мнению, «так старательно сокрыты были страдания, несомые миллионами людей, для обеспечения удобств и удовольствий малого числа, что люди этой среды не видят и не могут видеть этих страданий и потому и жестоки, и преступны в своей жизни», не смотря и на то, что сам Нехлюдов достаточно насмотрелся на человеческие страдания и, движимый состраданием, отказался от «обеспеченных удобств» жизни, – не смотря на всё это, так глубоко презируемая им среда, в которой он воспитался, была всё же мила Нехлюдову, и только в ней он чувствовал себя свободным человеком.

Описывая это душевное состояние своего героя, Толстой высказал глубокую мысль. А именно то, что грехи человека, под разными видами страстей и привычек, будут мучить этого человека при всяком положении его жизни, так как окончательная победа над ними зависит от воли Божией; но человек собственными усилиями, без помощи благодати Божией, никогда не освободится из-под власти тяготеющего над ним зла.

С точки зрения своей новой веры, Нехлюдов, видимо, отрицает закон зла, противоборствующий закону духа. Последним, между прочим, и объясняется его Нехлюдовское самодовольство, самолюбование «хорошими» своими поступками и отсутствием в нём христианского смирения. Теперь интересно бы узнать, в чём состоит эта его новая вера, и есть ли она в самом деле у Нехлюдова? На такой важный вопрос Толстой, по обыкновению, дает неопределенные туманные ответы. Влагая в мысли Нехлюдова следующие насчет веры соображения, он говорит: – «Дело, которое делается нашей жизнью, – всё дело, весь смысл этого дела непонятен и не может быть мне понятен. Всё это понять, понять всё дело хозяина – не в моей власти. Но делать его волю, *написанную в моей совести*, – это в моей власти, и это я знаю, – несомненно, и когда делаю, я несомненно спокоен».

Подумайте, друзья, что это за определение веры у Толстого, на которой желает обосновать свою жизнь Нехлюдов! Если это говорится в отношении Бога, как Творца и Промыслителя, то, конечно, планы Его домостроительства нам неизвестны: «Не ваше дело знать времена и сроки, которые Отец положил во Своей власти, говорит Спаситель. Но что касается воли Божией, которую мы должны исполнять, и которая так ясно, определенно выражена в жизни и учении Иисуса Христа, то мы не можем не знать её. Иначе как же исполнять то, чего не знаешь»? Толстой ищет определения воли Божией в нашей совести. Но о совести у нас была речь, и мы убедились, что по Толстому совесть не может быть безошибочным указателем наших поступков. И преступник, совершая свои преступления, не чувствует иногда угрызений совести и бывает спокоен, как спокоен Нехлюдов, занимаясь делами филантропии. Кто же из двоих исполняет волю Божию?

– Философия Нехлюдова насчет веры, – сказал Владимир Николаевич, – потому и неясна, что он сам еще не был твердо уверен ни в своей деятельности, ни в том, что в нём произошел благой кризис. Определеннее он начал рассуждать о вере значительно позднее и, главным образом, с того момента, когда «машинально открыл подаренное ему англичанином

Евангелие». Собственно Евангелие было главной причиной его духовного пробуждения, определением смысла его жизни, а то, что раньше с ним было, послужило лишь преддверием к последнему. «В этом всё, – думал Нехлюдов, – я жил и все мы живем в нелепой уверенности, что мы сами хозяева своей жизни, что она дана нам для нашего наслаждения. А ведь это очевидно нелепо. Ведь если мы посланы сюда, то по чьей-нибудь воле и для чего-нибудь. А мы решили, что мы, как грибы, родились и живем только для своей радости, и ясно, что нам дурно, как будет дурно работнику, не исполняющему воли хозяина. Воля же хозяина выражена в учении Христа. Только исполняй люди это учение, и на земле установится Царствие Божие, и люди получают наибольшее благо, которое доступно им. *Ищите Царствия Божия и правды Его, а остальное приложится*». Не то же ли вы говорите, Игнатий Иванович, – заключил Владимир Николаевич, что воля Божия определена учением Христа?

– Да, учением и жизнью Христа, – сказал я, причем разъясняю, что как во взгляде на лицо Христа, так и на Его учение, – я расхожусь с Толстым. Христос прежде всего Богочеловек. Его учение есть откровение воли пославшего Его Отца. Только Единородный Сын, равно вечный Отцу, послан Отцом в мир, – мы же не посланы, а рождены во времени. Посему выражение Толстого «послан», относящееся ко всякому человеку, надо считать ложным; ибо этим выражением он нас ставит как бы в равновечность Христу, что, между прочим, и разъясняет Толстой в своём сочинении «О жизни».

– И мне думается, что у Толстого много странностей, – слышался голос одного из собеседников, человека довольно зрелых лет. И в проповеди, и в частных разговорах с Толстым мне приходилось замечать, что он отрицает божественность Христа, словом, отрицает догматическую часть христианского учения. Но вместе с тем он же говорит, что воля Бога выражена только в учении Христа; и что если бы люди исполняли это учение, – царствие Божие водворилось бы на земле.

Одно из двух: если Толстой должен признать учение Христа за откровение от Бога, или же считать его за плод человеческого

разума, за произведение мудреца, моралиста-философа и т. п., которое, как таковое, всегда должно быть несовершенно. Двоеверие же Толстого, какая-то недосказанность совсем непоследовательны и вредят делу; раз учение Христа – истина (как думает и Толстой), то все другие учения, как то: философские, моральные, научно-социальные и т. д., – будут лишь относительно истинны по степени приближения к данной истине, и даже ложны, если противоречат истине. Далее, если людей, как творцов названных учений, мы величаем мудрецами, философами, мировыми гениями и воздвигаем в честь их памятники, то Христа с Его божественным учением мы должны прославлять, как Бога, воздавать поклонение и молитвы ему в храме своего сердца и быть членами Церкви, которую Он установил, живя на земле.

Вот к чему приводят наш разум и совесть в деле искания истины. А двоеверие, как у Толстого, не может быть оправдано ни совестью, ни разумом.

– Держась одинакового с вами образа мыслей в вопросе о вере, говорил Игнатий Иванович, я позволю себе резюмировать ход наших разговоров. Из всего сказанного выяснилось, что поголовное отрицание Толстым существующих успехов жизни, её законов и идеалов ни на чём не основано. Безусловный индивидуализм и анархия в сущности враги прогресса и жизни, так как идут против её естественного течения и развития. Прогресс жизни или то, что называется Царством Божиим, разумеется, не может быть без участия людей, как сынов этого царства. Участие наше должно выражаться в активной деятельности на пользу общую, на достижение высшего блага. Притча евангельская, которую Толстой приводит в конце романа, служит наглядным доказательством того, какой смысл мы должны придавать своей службе и чем должны руководствоваться в общей, так сказать, мировой работе.

Из той же притчи мы можем видеть, что Царство Божие или жизнь во Христе в сущности предмет наших упований. Это основанное Христом царство далеко не водворилось среди всех людей, а не водворилась потому, что мир еще во зле лежит.

Поэтому-то мы, все верующие христиане, просим в молитве Отца Небесного: «Да приидет царствие Твоё».

Оно не водворилось и потому, что не все люди ищут его. Большая часть из нас, как справедливо думает Толстой, заняты исключительно собственным благополучием, холят и лелеют свои страсти и тем только увеличивают зло. А есть и такие, которые хотя и борются со злом, но способом не действительным для зла. Я понимаю собственно тех наших альтруистов, которые сосредоточили мысль исключительно на материальном благе, делая его основой для нравственности.

Таким образом мечта о золотом веке, которою заняты были еще древние мудрецы, и пророчества Исаии о том, что мечи раскуют на орала, что агнец возляжет рядом с волком, – остается пока и теперь мечтою. Человечества в лучших своих представителях, мы видим, давно искало пути, жаждало, так сказать, водворения Царства Божия на земле, а Христос говорил, что оно уже приблизилось для отдельных личностей, для большей или меньшей группы людей, оно и в наше время есть среди истинных последователей Христа. Но среди христианских народностей (не говоря уж о человечестве в его целом) оно далеко не водворилось. И это, не смотря на все блестящие победы современной науки, которая, с пользою для человека, открыла многие неведомые ему прежде законы природы, которая утилизировала силы последней, облегчила средства путей сообщения и тем послужила хотя к внешнему объединению разноплеменных народностей, которая при посредстве печатного станка установила обмен мыслей, сгладила национальную обособленность, сроднила, так сказать, людей друг с другом, – всё это, бесспорно, огромные завоевания ума человеческого, и тем не менее всё это относится лишь к внешнему, мишурному счастью нашему; тогда как внутренний строй жизни людей, область нравственных чувствований остается почти без изменений. С одной стороны, при всех благах культуры, большая часть людей совершенно удалена от этих благ и пребывает в бедности, коснеет в невежестве, которое нередко влечет многих в преступления и пороки. С другой стороны, и сами обладатели означенных благ

не могут сказать, что они счастливы. Напротив, если верить Толстому, эти люди, пребывающие в довольстве и роскоши, чрезвычайно бедны духом, Где-ж в таком случае наше истинное счастье, где покой душам нашим? В соблюдении заповедей Христовых, отвечает Евангелие, в отречении от себя и следовании за Христом, Который Своею безгрешною жизнью соделался для нас вечным идеалом. Но заповеди отречения вовсе не налагают на нас обязательного удаления от мира со всеми его соблазнами, чего требует Толстой от своих последователей, причем к числу соблазнов относит всякого рода государственную и общественную службу. Мы видим, что этого безусловного отказа от службы не должно быть, на основании высшего блага. Хотя с другой стороны нельзя не согласиться и с Толстым в том смысле, что многие гражданские обязанности сопряжены с большим соблазном и поэтому требуют от нас борьбы. Но ведь борьба, в некотором смысле, есть тот же закон жизни. «Царство Небесное нудится», говорится в Евангелии, и только при усилении восхищают его. Чтобы называться последователем Христовым, – нужно объявить открытую войну всем соблазнам мира и тьмы, да послужить светочем каждый своей среде.

Особенно тяжелый подвиг налагают на христианина обязанности начальника. «Начальствующий (поется на стихире в Великий вторник) должен быть, как подначальный»; быть начальником значит быть меньше всех, всем служить. Болий вас, говорит Христос, да будет всем слуга. И Господь за тем пришел, чтобы всем служить и «положить душу Свою за многие души». Несомненно, что этот подвиг, окруженный массою соблазнов, для смиренного христианина, наиболее тяжел, в виду чего многие из таких смиренных людей отказывались от роли начальника. Так, например, преп. Сергей долго не хотел принимать сан игумена, а св. Тихон Задонский тяготился омофором епископа. Отсюда опять не следует, что существующие должности и власти должны быть устранены, а следует лишь то, что на означенные должности желательно иметь истинных христиан, каковы были названные святые и

множество других праведников, оставивших по себе память добрых начальников и мудрых правителей.

Равно также весьма желательно, в интересах высшего блага, иметь в подчинении достойных христиан. Это тем более важно, что при настоящих условиях жизни гораздо больше является желающих начальствовать, нежели подчиняться.

Стремления подобного рода и желание «властвовать друг над другом» могло развиваться в каждом из нас от нехристианского взгляда на цель жизни и в ложном понятии, что будто бы легче управлять, чем быть управляемым. Всё это противоречит идее Царствия Божия. Как же избежать подобных противоречий? Избежать это можно воспитанием христианской воли в себе. Это, по-моему, один из наиважнейших современных вопросов жизни.

Проведите христианские начала прежде всего в семью, затем в школу и, наконец, в общество, с тем, чтобы эти начала были душою прогресса. И все ненормальности семейного и школьного воспитания, с его эгоизмом и карьеризмом во главе, отпадут.

При этом необходимым условием успеха семейного воспитания является непосредственное дружественное общение родителей с детьми; посредство нянек, бонн, гувернанток и гувернеров должно быть изгнано. Подобная же близость должна существовать между учащими и учащимися в школе. А так как школа должна быть помощницей семьи и собственно должна пополнять пробелы воспитания последней, то между нею и семьей непременно должен быть заключен тесный союз под знаменем воспитания христианской воли в человеке.

Итак, гг., – обратился Игнатий Иванович к компании, – вот, по моему, задачи жизни или очередные вопросы нашего времени, призывающие людей на общее плодотворное дело. Из нас, собравшихся здесь, быть может, кому-либо придется занять роль воспитателя детей. В более глубоком смысле воспитателем может быть каждый человек по отношению друг друга и в свою очередь быть воспитываемым этим другим. Или, как говорит апостол языков: «друг друга тяготы носите и тако

исполните закон Христов». Притом мы все, по милости Божией, занимаем ту или иную общественную должность, т. е. служим. Служим мы, правда, по необходимости, – из-за куса насущного хлеба. Последнее, по-моему, опять зло, хотя, быть может, и меньшее, чем из-за карьеры и чинов, но всё же зло. Однако из этого не следует, что мы должны бросить занимаемые нами должности, напротив, должны служить и служить по долгу совести, служить людям, потому что, служа, мы как бы невольно связаны со всеми делом взаимопомощи, несением общей тяготы. Служить, главное, Богу, служить Ему со страхом и радостью, служить человечеству для водворения Царства Божия на земле. Но при этом не надеяться исключительно на свои силы, не думать вместе с Толстым, что человек *может*, – нет, а вверять себя помощи Божией, подчинять себя Богу. И вот такая-то наша служба наиболее достойная и необходимая в винограду Христу.

* * *

– Игнатий Иванович! вы...

И молодой человек задумался, когда они остановились вдвоем на повороте к какому-то переулку, где должны были разойтись в разные стороны.

– Да вам собственно куда? – спросил учителя Игнатий Иванович.

– Мне на М-ую.

– В таком случае до свидания: мне на В-ую, – впрочем надеюсь завтра с вами видиться.

– Непременно. Уж слишком много разных, серьезных вопросов затронуто было ныне на собрании. Знаете, надо обдумать, очень, очень много, – волнуясь, говорил учитель, устремляя свои мечтательные глаза на Игнатия Ивановича.

– Что-ж, очень рад буду, – приходите. И дружески пожав руку учителю, с обычной торопливой походкой ринулся вдоль переулка.

Молодой человек, медленно, понутив голову шагал по большой улице. Он, действительно, был взволнован и рассеян. Он как бы не замечал сильного уличного движения и неловко на ходу толкался с публикой. Тем не менее, подойдя к храму

Христа Спасителя, он снял шапку, перекрестился, вздохнул и на минуту остановился, собираясь с мыслями.

Был такой час ночи, когда со всех увеселительных мест: театров, клубов, маскарадов, загородных таинственных гостиниц, вроде Яра и Стрельны, – возвращалась подгулявшая праздная публика. Всевозможные экипажи, от извозчичьих саней до карет включительно, сновали по улицам и переулкам, особенно много их скопилось на главных улицах. Скрип полозьев по замерзшим мостовым, беспрестанные окрики возниц: «стой! держи направо! налево!» – сливались в один общий гул. Молодой человек, погруженный в свои думы, не замечал, что происходило вокруг него, не слышал ни тех окриков, которыми предупреждали неосторожных пешеходов возницы, перебегавших через улицу, ни того, как чей-то грубый голос вдруг крикнул почти над самым его ухом: «Эй! посторонись! пьяный что-ли?!» И в тот же момент лихая пара, покрытая попоною, пронеслась близ его плеча. Он даже чувствовал теплое дыхание на себе разгоряченных лошадей, так что малейшее неловкое движение молодого человека могло бы грозить ему гибелью. И это заставило его на минуту прийти в себя.

«Однако мне надо позаботиться о ночлеге, – подумал учитель, ведь сегодня и мне негде главы приклонить. Вот здесь, помнится, где-то были недорогие номера гостиницы». Молодой человек перешел на противоположную сторону улицы и остановился возле небольшого двухэтажного дома, одной стороной выходившего на бульвар, а другой, большой, тянувшейся по переулку. Вход в номера был с переулка, тускло освещенный висячим над дверью фонарем. Также слабо была освещена и лестница, ведущая во второй этаж дома, куда и поднялся молодой человек.

– Коридорный! есть свободные номера? – крикнул он довольно громко.

– Есть, пожалуйста! слышался чей-то хриповатый голос. И темная фигура, поднявшись во весь рост, зашумела в углу, где, вероятно, дремала перед тем сидя на табурете, поджидая запоздалых гостей.

– А документы с вами? – спросил, подойдя к учителю, черноватый высокого роста, средних лет человек, с бледным лицом и с покрасневшими от бессонницы глазами.

– Документов со мной нет, – отвечал учитель.

– Без документов нельзя-с.

– Да ведь мне только ночевать, каких-нибудь 3–4 часа провести здесь.

– Невозможно-с, ни под каким видом-с, больно строго стало, – нас штрафуют-с оченно.

– Странно! как же быть, не ночевать же на улице!

– Не можем знать-с. Потому начальство не приказывают никого пущать без документа-с.

Молодой человек взглянул на часы. Было в начале третьего утра. Как раз через два с половиной часа должен отправляться поезд. «Самое лучшее ехать на вокзал, подумал он спускаясь назад по лестнице. Жаль только, что завтра не увижусь с Игнатием Ивановичем, ну да время еще впереди побеседовать о всяких интересных для меня вопросах, если на то будет воля Божия».

На улицах стояла тишина и учитель удивился, что он дремал, сидя в санях и разбуженный извозчиком лишь у самого вокзала.

С. podpisБронницкий

**Скворцов Д. препод. Тульск. семинарии.
Наблюдения и впечатления миссионера. (Из
отчета г. Тульского миссионера) // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 10. С. 412–425**

Резолюцией преосвященнейшего Питирима, епископа Тульского, от 4-го октября 1900 года, я был назначен исполняющим обязанности Тульского епархиального миссионера. Так как я прибыл на службу в г. Тулу (на должность преподавателя по кафедре раскола) только дней за 5 до сего назначения (28 сент.), то понятно, что состояние Тульского раскола и сектантства было для меня – почти *terra incognita*. Но раз состоялось определение меня на такую нравственно-ответственную должность, я счел своею обязанностью немедленно ознакомиться по крайней мере с общим состоянием расколо-сектантства в епархии, насколько подобное ознакомление было доступно для меня, с одной стороны на основании имеющейся (конечно, очень небольшой) печатной литературы о местном религиозном разномыслии, и с другой стороны путем собрания сведений о нём от лиц, прикосновенных к сему делу.

В последнем отношении я оказался сравнительно в благоприятных условиях, потому что не задолго (менее, чем за год) до моего прибытия в Тулу миссионерское дело в Тульской епархии, благодаря инициативе и попечениям преосвященнейшего Питирима, начало становиться на более твердую почву. При Тульском епархиальном братстве было организовано специальное миссионерское отделение, и в помощь епархиальному миссионеру назначены два помощника из священников местностей, наиболее зараженных расколом и сектантством (кроме еще единоверческого священника г. Тулы). Скоро я узнал, что расколо-сектантство в Тульской епархии, хотя и не представляет собою какой-нибудь грозной и опасной силы, но тем не менее по временам прорывается наружу в более или менее подозрительных и вызывающих на предосторожность явлениях. К последнему заключению меня

привели скоро особенно два обстоятельства. Одно из них заключается в том, что в ноябре месяце прошлого года я был приглашен в качестве эксперта к судебному следователю на делу известного местного безпоповщинского расколоучителя Дениса В. Ботова, из коего (дела) я узнал, что в лице Ботова Тульский раскол имеет очень видного и упорного своего представителя и пропагандиста путем литературным – путем распространения подпольных раскольнических сочинений, наполненных ругани и хулы на православную Церковь. Другим же обстоятельством и было то, что как из дел совета братства, так и от одного своего помощника, я осведомился, что в Тульскую епархию начинает проникать один из опаснейших видов современного сектантства – *штунда*. Выходя из общего положения, что яд всякой заразы, начавшейся в организме и благовременно не захваченной, постепенно отравляет организм, а также на основании своих личных наблюдений за распространением современного рационалистического сектантства (штунды и пашковщины) в двух епархиях (Тверской и Черниговской), я придавал последним сведениям весьма важное значение и потому решил начать свою миссионерскую деятельность (если не громко так будет выразиться) с ознакомления с зачатками штундизма в епархии и борьбы с ним. С этою целью я решил посетить ту местность, в которой проявился штундизм. Владыка, которому я сообщил о своих намерениях, вполне одобрил их, при чем ободрил меня и благословил, заметив, что вожди рационалистического сектантства опасны, как волки для мирного стада пасомых. Но прежде, чем повествовать о начале своего дела, скажу еще несколько слов о современном расколо-сектантстве в Тульской епархии. Хотя расколо-сектантство в епархии не представляет собою, как сказано немного выше, какой-нибудь грозной и опасной силы, но все-таки оно имеет здесь представителей самых разных сект и направлений. Здесь имеются и раскольники-старообрядцы, с подразделением их на поповцев и безпоповцев (с дроблением в свою очередь этих на более мелкие толки), и сектанты-мистики, каковы хлысты и скопцы, и, наконец, сектанты-рационалисты, каковы недавно

проявившиеся штундисты.¹¹⁵ Раскольники-старообрядцы проживают преимущественно в двух уездах – Каширском, в котором их насчитывается 165 человек, и Алексинском, где их 293 человека, – следовательно, в обоих уездах 458 человек, из коих безпоповцев 388 человек, поповцев по австрийскому священству 70 человек. Кроме того, немалочисленное общество старообрядцев находится в самом гор. Туле. Сектанты-мистики проживают в Одоевском и Белевском уездах; всего их 356 чел., из коих 291 *хлыстов* (32 чел. в Одоевском уезде и 259 в Белевском) и 65 скопцов – все в Белевском уезде. Сектанты-рационалисты (разумею штундистов) зародились в с. Афанасьеве, Алексинского уезда; о них сейчас и будет подробное повествование на основании сведений, собранных на месте.

* * *

13 января 1901 года, вечером, я отправился в с. Афанасьеве, куда и прибыл 14 числа утром, переночевав в г. Алексине. С. Афанасьеве находится в 20 верстах от г. Алексина. Прихожан этого села насчитывается до 1400 человек обоего пола. Кроме земледелия, многие из прихожан занимаются отхожими промыслами – слесарным, столярным, плотничным, печным, работают на фабриках и заводах. Такой характер промысла и был одной из главных причин, – почему в с. Афанасьеве занесен был штундизм. Некоторые афанасьевские крестьяне, как известно, ходят на промыслы, для работ на фабриках, в г. Харьков, где штундизм и вообще рационалистическое сектантство свило себе уже довольно прочное гнездо. Один из таких крестьян был Косьма Степанов Игнаточкин, который и явился виновником занесения штунды в с. Афанасьеве, а в настоящее время стоит во главе соблазнившихся, именуясь даже пресвитером. О нём, как виновнике возникновения штунды в означенном селе, мы узнали следующее. Когда Косьме Игнаточкину было только 15 лет (т. е. приблизительно в 1875 году), он ушел в г. Харьков, где поступил рабочим на кафельный завод; случилось так, что владельцами этого завода были немцы, каковое обстоятельство является главною причиною его отпадения от православной

Церкви. По крайней мере местный священник с. Афанасьева, о. Митрофан Пашковский, определенно заявил, что Игнаточкин заразился в г. Харькове от немцев. Проработав в Харькове 15 лет, он вернулся на родину и скоро поступил на кафельный же завод в г. Тулу. Лет 7 тому назад (т. е. в 1893 году) он начал было свои сектантские убеждения, вынесенные из г. Харькова, распространять среди афанасьевских крестьян, но не имел успеха, одною из причин чего было и то обстоятельство, что сам он был поведения зазорного, причем еще был беден и потому не мог оказывать какого-либо влияния на своих односельчан. Но года два тому назад (т. е. в 1898 г.) случилось обстоятельство, поднявшее авторитет Игнаточкина в глазах его односельчан, — именно: он получил наследство от тетки в сумме 1000 руб. Тогда он начал устраивать у себя собрания, на которых читал и объяснял Евангелие в сектантском направлении. Крестьяне посещали эти собрания сначала из любопытства, а Игнаточкин пользовался этим и задавал им вопросы, особенно смущающие совесть верующих; мало этого: он стал раздавать им брошюры сектантского характера. Особенно часто он вступал в беседу с местным волостным писарем, чрез которого, думается, надеялся более верно вести свою сектантскую пропаганду. Таким образом, действуя в продолжение целого лета, Игнаточкин успел возбудить интерес к себе. Проживши лето 1898 года в с. Афанасьеве, он опять отправился в Тулу, где на кафельном заводе Ратаевой, что в Гончарах, продолжал свою сектантскую деятельность, устраивая даже беседы с некоторыми заводскими рабочими. Среди этих рабочих были и афанасьевские крестьяне, один из коих и сделался скоро первую жертвою сектантской деятельности Игнаточкина. Таковою жертвою сделался крестьянин *Захар Баранов*. Увлеченный в штундизм, Захар Баранов скоро сделался довольно фанатичным его последователем, так что начал совращать свою жену в штунду, но когда та оставалась непреклонною, то он стал притеснять её и бить, но, благодарение Богу, пока эта невольная страдалница остается верною православной Церкви. Хотя Баранов в прошлом (1900) году и приобщился Св. Таин, но сделал это совершенно по-

сектантски, не ради исполнения долга христианского, но ради надругательства над св. Таинством, потому что в тот же день он напился пьяным. Как более выдающийся сектант, он среди своих одноверцев именуется диаконом. Кроме Баранова, поддались некоторому влиянию Игнаточкина и еще несколько его односельчан, работавших вместе с ним на кафельном заводе, каковы: Захар Слепов, Василий Жаров, Феодор Слепов; но они еще не уклонились совершенно в штундизм, а находятся в некотором колебательном состоянии и обнаруживают своё неуважение к православной Церкви, напр., в том, что не снимают шапки пред христианской святыней. Понятно, эти лица требуют особенно бдительного внимания со стороны местного священника. – Что касается семейства самого Игнаточкина, то жена его Степанида Васильева вполне увлеклась учением мужа, а дети его еще малолетние (старшему – 12 лет, другому 7 и третьему 1 год), хотя уже, по словам священника, второго сына можно назвать «маленьким штундистом», а первый учился в земской школе и пока ничем не обнаруживает сектантского влияния на него отца. Сам же Косьма Игнаточкин открыто и без всякого стеснения заявил о своей принадлежности к сектантству в прошлом 1900 году, в праздник Богоявления Господня. Когда священник в этот день был со св. крестом в доме Игнаточкина, то последний не хотел целовать св. креста, – и на вопрос священника, почему он не подходит ко кресту, – ответил: «крест – духовный, мы – баптисты».¹¹⁶ Это обстоятельство вызвало священника на продолжительную беседу с Игнаточкиным, в которой он еще более обнаружил свои вполне сектантские убеждения. По показанию крестьян, у Игнаточкина, во время побывок его в деревне, а также и у Захара Баранова нередко собираются все совращенные или еще только увлекающиеся его учением, для чтения Евангелия и для молитвы. Как сделалось мне известным (совершенно случайно, именно при беседе с Барановым), у них совершается даже своя Евхаристия, что показывает, что в Афанасьеве организуется уже довольно правильная сектантская община. Принимая во внимание, что общее религиозно-нравственное настроение афанасьевских крестьян стоит весьма не высоко,

нужно очень опасаться, что сектантская пропаганда сумеет свить себе здесь довольно прочное гнездо. По отзыву местного священника, афанасьевские крестьяне в религиозном отношении довольно индифферентны, о предметах веры судят легко, в церковь ходят довольно редко, особенно мужчины. Такое религиозно-нравственное состояние их объясняется, между прочим, тем, что многие из них отправляются на отхожие промыслы в г. Харьков. Но те, которые ходят на заработки в Москву, очень религиозны. Но при всём том, пока еще общее настроение, – настроение, так сказать, массы в Афанасьевском приходе, – не в пользу штундистов. Об этом довольно ясно свидетельствует следующее обстоятельство. Накануне моего приезда в Афанасьево, именно 13-го января сего 1901 года, здесь был сельский сход. На этом сходе крестьяне заявляли священнику, что Игнаточкин, несомненно, совратил в штунду Захара Баранова и продолжает распространять её среди афанасьевских крестьян, о чём они согласны составить приговор, с просьбою, куда следует, о выселении Игнаточкина из Афанасьева. Кроме того, еще в прошлом году, некоторые из крестьян, работавших вместе с Игнаточкиным, заявляли Тульской полиции о попытках его к совращению своих односельчан. В настоящее время Игнаточкин проживает в г. Туле на кафельном заводе Ратаевой.

Таковые сведения о штундизме в с. Афанасьеве собраны мною на месте от священника и других лиц в день моего приезда в означенное село.

На другой день приезда, т. е. на 15 число, в 9 часов утра назначена была беседа в храме, о которой чрез местное волостное правление сделано было оповещение афанасьевских крестьян и других соседних. По удару колокола, стали в храм стекаться довольно многочисленные слушатели. Подходя к храму и войдя в него с чувством искреннего желания послужить по силе св. делу разъяснения Христовой истины против заблуждений штундизма, я невольно и с тоской на душе припомнил вышеприведенный отзыв местного священника об афанасьевских крестьянах, что они «в религиозном отношении индифферентны, о предметах веры судят легко и в церковь

ходят довольно редко», вспомнил особенно потому, что как на подтверждение этого отзыва я обратил внимание на скудную церковную обстановку храма, который при полуторатысячном населении прихода мог бы благоукрашаться очень благолепно. – Предметом беседы был избран такой пункт учения православной Церкви, который наиболее подвергается нападкам со стороны рационалистических сектантов, – и особенно со стороны штундистов, именно: «о почитании и призывании в молитвах святых и о святых иконах». Соответственно такой теме, пред началом беседы был отслужен молебен Пресв. Богородице и всем святым. К моему утешению, на беседу набралось народу довольно много (человек до 300). В начале беседы были сделаны предварительные краткие замечания о недругах русской православной Церкви – расколе и сектантстве, а затем сообщены более подробные сведения о штундизме, его происхождении, с присоединением характеристики штунды, как веры «немецкой» – и уже по одному этому чуждой православной русской душе. После этого были указаны главные пункты заблуждений штундизма, – и наконец уже подробно опровергнуто штунд. заблуждение, заключающееся в отрицании религиозного почитания святых и призывания их в молитвах. Необходимость религиозного почитания святых была выяснена на основании Слова Божия и из истории ветхозаветной и новозаветной Церкви. По окончании разъяснения этого догмата было предложено всем, имеющим какое-либо сомнение, или колебание, или даже простое недоразумение относительно него, высказаться, чтобы чрез живой обмен мыслей еще более выяснить со всех сторон это учение. – Довольно долго продолжалось молчание, и я уже намеревался закончить свою беседу благодарственной Господу Богу молитвою. Но вот среди слушателей послышались слова: «Захар, а Захар, что-ж ты не выходишь, ведь это тебя касается, против твоей веры». В народе произошло движение, и глаза всех устремились в одну, сторону, где был тот, которого именовали Захаром. Я, конечно, тотчас же догадался, что этот Захар – никто иной, как именуемый штундистский диакон, Захар Баранов, совращенный

Игнаточкиным. Мне весьма захотелось видеть его и побеседовать с ним, как видным представителем зарождающегося в Афанасьеве штундизма, в присутствии многочисленных слушателей; но не совсем-то, как видно, хотелось этого самому Захару Баранову, потому что, не смотря на приглашение народа, а затем и моё – побеседовать, он не выходил. Но слушателям, очевидно, весьма было желательно послушать, как будет Баранов защищать «свою» веру, – и поэтому они начали его выдвигать из толпы вперед. Тут я нашел благовременным заметить, что хотя и мне самому желательно поговорить о вере с Захаром, но ведь невольно его заставить нельзя, потому что это дело совести, свободы: желает беседовать, пусть выступит, а если не желает, то нужно оставить его в покое, может быть, он побеседует со мною один на один – на дому. С одной стороны, может быть, вследствие такого моего предложения, а с другой побуждаемый народом, Захар вышел, а вместе с ним и жена Игнаточкина – Степанида. Штундистский диакон – высокий, худощавый крестьянин, с довольно истощенным лицом и блуждающими глазами. Когда он подошел к аналою, то я спросил его:

– Согласен ли ты с учением православной Церкви, что нужно почитать и призывать в молитве святых?

На этот вопрос, очевидно, все еще желая уклониться от дальнейшей беседы, Захар ответил: «мы со всем согласны», а на моё замечание, что все указывают на него, как несогласного с верою православной Церкви: «ведь почему-нибудь да указывают», – он ответил: «не знаем, почему, мы веры христианской».

– Да ведь и мы веры христианской – православной, а потому ходим в христианский православный храм, где совершаются службы Господу Богу и приносится бескровная жертва, а ты, говорят, не ходишь – и давно. Правда-ли это?

– Да не хожу более года, я молюсь дома.

– Почему не ходишь туда, где «едиными усты и единым сердцем прославляется и призывается Бог и един ходатай Бога и человеков – Господь Иисус Христос?»

– Да потому, что я в церкви ничего не понимаю, что там читают и поют, там все по-славянски, а я не понимаю.

– Правду ли ты говоришь?! В церкви нашей совершается богослужение на таком языке, который весьма близок нам и в большей части понятен. Ну, напр., неужели ты не понимаешь, когда поют «Отче наш», «Верую во единого», или «Достойно есть», «Господи помилуй» и другое многое, многое?!

Захар, помолчав, сказал: «но многое и непонятно, а я дома читаю Евангелие на русском языке».

– А что услышишь непонятного, да захочешь понять – о том спросил бы своего священника, который для того и поставлен к своей пастве, чтобы учить её.

– Да не спрашиваешься, а дома-то молимся по Евангелию и по-понятному, а церковь там, где два или три собораны во имя Христа.

– «Во имя Христа», т. е. кто собирается, веруя и исповедуя *все то*, чему учил И. Христос; разве будет значить собираться во имя Христа, если собирающиеся будут прямо отрицать его учение. Так И. Христос ясно учил, что «аще не снете Плоти Сына Человеческого и не пиете Крови Его, живота не имате в себе»; затем заповедал совершать апостолам и их преемникам святейшее таинство евхаристии, в которой преподается истинная плоть и истинная кровь Христова и без которого никто не может спастись. А это-то святейшее Таинство и совершается только в православной Церкви. Вы же, не ходящие в церковь, лишаетесь этого таинства и, следовательно, не можете иметь надежды на спасение.

– И у нас совершается евхаристия, и мы вкушаем хлеб и вино «в воспоминание».

Из этих слов я и узнал, что у афанасьевских штундистов совершается «своя» евхаристия.

– Да вы и можете на своей незаконной и неистинной евхаристии вкушать только хлеб и вино; тогда как И. Христос заповедал своим верующим вкушать Тело и Кровь Свою, и как Сам Он сказал Своим апостолам: «сие есть Тело Мое», «сия есть Кровь Моя», так и в православной Церкви, под видом хлеба и вина, преподается истинное Тело Христово и истинная

Кровь Его, указывая на что, священник обыкновенно и произносит: «приимите, ядите, сие есть Тело Мое, пейте от нея вси, сия есть Кровь Моя Нового Завета».

– И. Христос дал ученикам хлеб и вино, а не Тело и Кровь, и велел делать это «в воспоминание», а у вас во оставление грехов.

В ответ на эти слова собеседника пришлось подробно разъяснить беседу Иисуса Христа «о хлебе животном» (Ев. Ин. 6 гл.), где с такою поразительною ясностью говорится, что для вечной жизни и спасения, а след. и во оставление грехов, необходимо есть Плоть и пить Кровь Христа, а также несколько раз ссылаться на повествования евангелистов об учреждении таинства евхаристии, где Иисус Христос ясно говорит: «сие есть Тело Мое, сия есть Кровь Моя».

Беседа о таинстве евхаристии продолжалась довольно долго, и я прекратил её только тогда, когда слушатели заявили, что для них всё понятно и в заключение сказал: Спасителю нашему нужно верить и Его словам, а не словам каких-то новых учителей. Я был доволен, что как-то сам собою предметом беседы со штундистским диаконом сделался такой важный вопрос – о св. евхаристии, и потому не только не сетовал, что вопрос этот не входил в избранную мною для беседы тему, но даже воспользовался случаем раскрыть со всею возможною обстоятельностью православное учение о св. таинстве причащения.

Что же касается самого предмета предложенной мною беседы, то Захар по поводу его почти ничего не возражал (помнится только, кажется, сказал: «что-ж мы святых почитаем, но они бессильны»), но начал говорить об иконах. Возражения его по этому вопросу были слишком обычны, т. е. говорил, что иконы в православной Церкви ничто иное, как идолы, кумиры, которым запрещено поклоняться. В ответ на это приходилось (как и всегда в таких случаях) разъяснять православное учение об иконах, в отличие от идолов и кумиров, но как-то вообще этому разъяснению мало внимают упорные рационалистические сектанты, всякий раз повторяющие все места книг ветхого

завета, направленные против кумиров и идолов, относя их к иконам. То же было и в настоящий раз.

– Найди, говорил Захар, обращаясь ко мне «Список Иеремиин», там о ваших иконах говорится.

Сказав Захару, что книги с таким названием в Библии нет, я, подавая ему Библию, сказал: найди сам, что тебе нужно. – Но Захар сказал, что он по «нашей» Библии не знает, а «своя» у него дома (с собою же Захар захватил только Евангелие на русском языке). Я заметил, что Библия – одна и та же; впрочем, если ему хочется читать по «своей», то пусть пошлет кого-нибудь за нею домой. Но Захар продолжал настаивать, чтобы я прочитал нужное ему место. Хотя я догадался, что под «списком» Иеремииным Захар понимает «Послание Иеремии», но все-таки счел нелишним заметить, что как же я могу знать, что ему нужно. Наконец, я исполнил желание Захара и прочел ему несколько строк из 1-й главы Послания Иеремии. Здесь, между прочим, говорится: «вы увидите в Вавилоне богов серебряных и золотых и деревянных, носимых на плечах, внушающих страх язычникам» (ст. 4.). Прочитав это, я заметил: «Захар, да ведь здесь об иконах христианских ни слова не говорится, а говорится о *богах языческих*, а мы разве говорим, что иконы – боги, совершенно напротив: мы утверждаем, что иконы – не боги. Почему же ты просил меня прочесть это место?»

Еще несколько времени велась беседа в том же роде. В конце её Баранов как-то вскользь заметил, что он верит Писанию и «духу», который живет в верующих.

– Когда же и где ты получил этого духа? Мы, православные, веруем, что дары Св. Духа сообщаются нам в таинствах, которые совершаются уполномоченными на **то** лицами, получившими на это власть от св. Апостолов, исполненных Духа Святого чрез сошествие Его в виде огненных языков. Всё это ясно и обо всём этом говорится в Писании.

– И мы по Писанию и по духу.

– Но ведь это одни слова. Я тебе скажу, что все еретики, все заблуждающиеся, сколько их ни было в христианской Церкви, тоже ссылались на Писание – и однако сильно-сильно

заблуждались. А причиною этого было то, что они самовольно и по своим прихотям понимали Писание. Писание нужно понимать под руководством Церкви или, как говорится в 19 прав. VI всел. собора, «якоже святии отцы достигоша». А то ты, Захар, будешь понимать так, а другой какой-нибудь Кузьма или Иван иначе... и т. д. Что же тогда выйдет?! Слишком смело и дерзостно надеяться на свой разум в таком великом деле. Это самохвальство, восхищение на себя недарованного права быть учителем. Если мы в житейских делах и рассуждениях о мирских предметах не надеемся только на самих себя, а слушаем людей более разумных и рассудительных, и более того, руководимся голосом народа и общества, то тем более в вопросах веры и спасения должны слушаться голоса Церкви, в которой выну пребывает Дух Святой, – и богопросвещенных её пастырей, которые целую жизнь проводили в служении Богу и разъяснении Божия Слова.

Такими приблизительно словами я закончил беседу, присовокупивши к ним еще несколько слов назидания (обращенных ко всем слушателям) о необходимости пребывать всегда верными православной Церкви и вере, – той вере, которой держались наши предки, той вере, которою спаслись многие русские св. князья, цари, святители, подвижники, преподобные, мощи коих нетленно почивают в разных местах русской земли и тем наглядно свидетельствуют о истине и непоколебимости православной веры, – той, наконец, веры, которою русская земля была сильна в самые тяжелые для неё дни испытаний, напр., во дни смут, самозванщины, во дни 12-го года и т. п.

По окончании беседы было пропето несколько церковных песнопений и в заключение «Достойно есть». Когда я выходил из св. храма, то некоторые из слушателей благодарили меня за беседу искренним русским «спасибо», что было для меня лучшею наградой за мои труды. На это «спасибо» я отвечал им своим «спасибо» за то, что они пришли послушать меня и пожеланием, чтобы беседа моя принесла им пользу и предохранила от увлечения в сети новоявленных афанасьевских лжеучителей-штундистов. Но с другой стороны

одно обстоятельство слегка и огорчило меня. Один крестьянин, подошедши ко мне уже на улице, около храма, спросил меня: «когда же их (т. е. штундистов) выселять-то от нас, нельзя ли поскорее». Очевидно, крестьянин этот (а таковых, думается, немало) взглянул на меня, как на человека, власть имущего «высылать» а, может быть, даже как на чиновника, посланного в Афанасьево с этой целью. Я ответил, что не о том нужно прежде заботиться, чтобы выселить или просто выгнать заблудших из своего общества, а о том, чтобы вселить в них утраченную ими истину нашей православной веры; но когда окажется это недостижимым, и заблуждающиеся своим учением будут вредными для православного общества, тогда и о выселении их позаботятся те, коим на то дана власть. А наше дело – только «Божие дело».

В доме радушного священника о. Митрофана я провел после беседы еще несколько времени преимущественно в разговоре с ним о возможных мерах воздействия на заблуждающих и охранения от них православного населения. Между прочим, о. Митрофан выразил сожаление о недостатке при церкви пособий для ведения беседы о штундизме и со штундистами. Я пообещал ему походатайствовать пред Советом Тульского Братства св. Иоанна Предтечи о безмездной высылке для церковной библиотеки с. Афанасьева наиболее важных пособий для обличения штундизма.

Затем распростившись с гостеприимным хозяином и от души пожелав ему успеха в трудной борьбе с сектантством, я выехал из с. Афанасьева, погруженный в глубокие думы о том, какими разнообразными и мало заметными струями может просачиваться сектантство в самые отдаленные и глухие уголки Руси. С грустью вспомнил я дорогою о несчастном штундистском «диаконе» Захаре Баранове. Что он такое, как не несчастная жертва, попавшая в сети, неведомую для него рукою расставленные?!

Все время переезда от с. Афанасьева до ближайшей железнодорожной станции «Даниловка» (в расст. 20 верст) шел снег и свирепствовала сильная метель (так что была даже опасность сбиться с пути), что, конечно, только могло усиливать

грустное настроение, а на станции в ожидании поезда пришлось мне натолкнуться на дикую сцену, как один пьяный молодой крестьянин в присутствии небольшой толпы порицал наших священников, пересыпая свои слова самою площадною руганью, причем стоял в шапке вблизи св. иконы. Наверное, это – будущая новая жертва сектантства, с грустью подумал я.

Так закончилась моя первая миссионерская поездка по Тульской епархии.

Препод. Тульск. Семинарии Д. Скворцов
(Окончание следует).

**Шмаков С. Автобиография и краткая исповедь
беглопоповца // Миссионерское обозрение 1901 г. №
10. С. 426–434**

Родился я в посаде Лужках, Черниговск. губ., Стародуб. уезда, в 1864 г. Отец мой служил в регулярных полках, был в Польской кампании. 4-х лет меня родители вывезли из родной страны в благословенную тогда Донщину. Лужки – это вроде Иерусалима старообрядческого: туда стекались богомольцы со всех сторон – с Дону, Кавказа, Таврии и других мест. Шли пешие и ехали на подводах целыми валками (обозами). Особенный наплыв бывал во время великого поста. Квартыры древлеправославными паломниками разбирались нарасхват. Такие-то квартиранты порассказали о привольном житье в Донской области; рассказали также и то, что христиан (т. е. старообрядцев) там очень много, а письменных людей почти нет. Немудрено, что мать, увлеченная этими рассказами и желая мне доставить на будущее время обеспеченный кусок хлеба, меня, 4-х летнего мальчика, посадила зимой 1869 г. учить азбуку, а весной того же года мы уже отправились в благословенный край. Ехало нас 6 семей. Родители мои поселились в х. Малом Титове, Богоявленской станицы. Здесь в кельях жила моя родная тетка, девица (беличка) Анна Васильевна с подругой Анной Григорьевной Земляновой. Они пользовались большим почетом всего округа. Меня, конечно, поскорее посадили твердить азбуку, которую я почти забыл в пути. Здесь на первых порах моим родителям не понравилось. Надо было привыкать к обычаям казаков. Мне же было не весело от насмешек сверстников – детей казаков. Дело в том, что по правилам лужковцев я носил длинные, подстриженные в кружок волосы и имел маковку выстриженной. Таков обычай считался великим признаком христианства. Но казачата смеялись над моей головой и допускали многие неприятные мне шутки. Шутки эти были для меня хуже, чем наказание кнутом, и я попросил одного дяденьку остричь меня. Увидя меня наголо остриженного, моя мать разгневалась до того, что

целую неделю я не мог к ней показаться на глаза: как увидит, так чем попало бьет, считая меня уже за еретика без маковки. В то время почему-то думали, что христианина только и можно узнать, если выстрижена маковка, без которой не пустят и в Царство Небесное. Поэтому и трудно было уговорить мою мать не безобразить меня, а покориться обычаю страны. Через год мы переселились на х. Кагальницкий; там я еще выучил два канона за единоумершего и за умерших как необходимо нужные для панихид; учила меня начетчица Устинья Григорьевна. Скоро я и сам набрал школьников: 7 лет от роду я учил сам псалтирь и обучал мальчиков азбуке; учащихся бывало от 12 до 20 с лишним, с них родители мои брали по 1 руб. в месяц. 8–9 лет я уже мог служить молебны, панихиды, умел петь. Часто я отлучался за 8 верст на х. Дурновский, Константиновской станицы; там служил уставщиком И. Я. Шмаков, мой двоюродный брат и крестный отец. И. Я. славился по всему округу знанием церковного устава и весьма красивой службой, которую он совершал неспешно, с выдержкой. От него я многому научился как по гласице, так и по уставу. Часто ходил и на х. Пирожок, Богоявл. ст., в котором в то время служил уставщиком Евтихий Иванович Холостов (ныне окружной миссионер), от которого я старался понять крюковое пение и толковать прочитанное, как Евт. Иван. Подражая ему, и я читал старикам и старухам Златоуста, пролог и др. выписки из книг, объяснял по-своему, как мог; за эта я был в большом уважении у наставника Никиты Яковлевича, с хут. Титова, человека малосведущего и крайне смиренного, у которого я был все...: что Федюшка скажет, то Никита Яковлевич исполнит. Конечно, мои родители были очень довольны мной и находили меня вполне выученным. Но сильно возбраняли мне читать гражданские, как еретические, книжки, до которых я был большой охотник. В хуторе в то время и можно было прочитать только такие книжки, как: Вова Королевич, Еруслан Лазаревич, Андрей Победоносцев и другие подобные. Но и эти книжонки, если попадались в руки моей родительнице, то она, не говоря ни слова, бросала их в печку и жгла без милости. В виду этого мне приходилось уходить в степь и там читать. Однажды

пронеслась весть, что о. Павел Прусский приедет на хут. Пирожок и будет беседовать о вере. Пошли толки, говорили все, что кто мог и как умел. Большею частью говорили, что это посланник Антихриста, едет веру Христову истреблять. Другие говорили, что это сам Антихрист из немецкой страны. Я, как мальчик, слушал и тоже по своему рассуждал, представлял себе о. Павла Прусского в большой высокой шапке, под которой имеются рога. Хотя со страхом, а всё же решился непременно сходить на беседы и воочию убедиться: есть рога у него или нет?... Когда я прибыл вместе с моими родителями на х. Пирожок, народу было множество. Беседа велась в моленной, в доме Ильи Михайловича Гаврилова. Я поставил табурет и чрез головы многочисленного народа смотрел и слушал беседу. Увидел я о. Павла и о. Иоанна иеродиакона, сидевших за столом с непокрытыми головами. Личность о. Павла сразу меня расположила к себе, и я болел сердцем, что поверил слухам и сам чаял видеть рога дьявола у человека, так тихо и кротко беседующего с народом. Во всех движениях о. Павла проглядывала любовь к ближнему и желание смиренно выяснить евангельскую истину. Беседу о вечности Церкви Христовой я не понял, да много и не дослышал, как самый задний. На другой день я приспособился опять так же, как и вчера, но, к сожалению, всего не помню, о чём шла речь, только остался навсегда в моей памяти следующий случай: о. Павел говорил о крестном знамении, объясняя народу, что крест на себе можно изобразить одним пальцем, пятью пальцами, кулаком и изображение креста будет одинаково. Не поняв хорошенько сказанного о. Павлом, я вообразил, что о. Павел учит молиться кулаком. По моему разумению, это было вовсе не по-христиански. Поэтому, ревнуя о правде, я предстал пред лицо о. Павла. Народ почти весь уже разошелся. Я взял за полу рясы о. Павла и потерел его, чем и обратил его на себя внимание. Обращаясь ко мне, он спросил: что тебе нужно? Я немного замешался, с дрожью, в голосе, но с сердцем сказал: батюшка, как же ты говоришь, что молиться можно кулаком, разве Господь и святые угодники молились когда кулаком?! Он посмотрел пристально на меня и обратясь к о. Иоанну сказал:

отец Иван, погляди-ка, какой собеседник-то явился, а, пожалуй, он и докажет нам, как нужно правильно молиться. И, обратясь ко мне, добавил: что же ты тогда не выходил, когда я вызывал доказать о крестном знамении? а теперь видишь, народ-то уж разошелся, слушать некому, ну да все одно, объясни нам вот с о. Иваном, мы послушаем, в чём наша ошибка. Нутко скажи, как Господь-то молился? Я сложил двоеперстие и сказал: вот так Господь молился, и все верующие в Него должны молиться так же. – А чем ты это докажешь? Я обратился к образу Спасителя и сказал: вот написана икона Господа Вседержителя. У него рука сложена так же, как показал и я. Постой, постой! ведь ты молоденький, у тебя глазенки быстрые, а я без очков мало вижу. О. Иван! нутко зажги свечу; посмотрим, правильно ли говорит наш собеседник-то. Подошли к образу со свечей, смотрят. «А ведь и вправду, о. Иван, у Спасителя-то персты сложены двуперстно; ну, вот ты одно доказал, что Спаситель молился так же, как и ты. Ну, а которые же угодники так молятся? Я повел их в угол правой стороны моленной; там стоял образ угодника Божия Николая Мир-Ликийского Чудотворца, к которому я питал великую любовь, часто читая чудеса из его жития; указывая на образ, я сказал: вот видишь, Николай угодник Божий так же держит крест (я тогда так понимал), как и Господь Вседержитель! А ты говоришь, что можно молиться одним пальцем или кулаком!... О. Павел взглянул на меня светлым радостным взором с улыбкой и, обратясь к диакону, сказал: вот видишь, о. Иван, мальчик-то нам и доказал, как нужно молиться, а ведь сколько было стариков, полна моленная, и никто не доказал нам. Обратясь ко мне, он погладил меня по головке и, потрепав по плечу, со словами: молодец, молодец! ты будешь православный! приходи, завтра, вот мы тогда и побеседуем с тобой, я тебе книжечек подарю. Отправился я на квартиру, но спать мне не хотелось; я стал обдумывать подробно разговор наш с о. Павлом. В ласковой улыбке и в словах: «никто не мог доказать из стариков, а вот ты доказал, как нужно молиться» я увидел насмешку; я думал: в самом деле, никто не мог объяснить о. Павлу из такого многочисленного собрания, а я-то и сумел доказать? Когда я

сообразил, что смеялся о. Павел, мне сделалось стыдно и досадно, что я сконфузил сам себя пред о. Павлом. Ну, думаю, слава Богу, что никто не слышал, засмеяли бы! Тогда пропала моя слава, как очень письменного человека, а я тогда весьма этим дорожил. Поэтому, как ни заманчиво было для меня получить в подарок книжки от о. Павла, которых жаждала душа моя, однако я подумал не показываться на глаза о. Павлу. Если же он не будет меня вызывать на беседу, тогда я постараюсь, когда все уйдут, напомнить о книжках. Почти всю ночь я не спал.

С тяжелой головой после обеда пошел на беседу. Народу было опять полно. Я приспособил себе по обычаю табурет и, уже не показывая себя, около дверей слушал беседу. О. Павел объяснял что-то народу, а затем стал приглашать возражателей. У меня сильно забилося сердце: вот, думаю, дойдет очередь до меня. Оглядываясь на все стороны, я примечал свободный проход, по которому в случае мог бы уйти. Моя предусмотрительность была не напрасна; скоро отец Павел начал говорить, что сожалеет он о неразвитости народной, что вчера и сегодня никто не является возражателем. «Неужели у вас, братие, нет письменных людей, с которыми можно бы разумно побеседовать?...» Кругом тишина и молчание. Тогда о. Павел, возвысив голос, сказал: «А где же мой вчерашний большой собеседник, ну-ка, выходи сюда! – вот, теперь мы с тобой потолкуем, а старики послушают». Я скорее долой с табурета и около двери в последний раз услышал голос о. Павла. «Иди, мальчик, не бойся». Оглядываясь семо и овамо, как бы меня не задержали, я бежал, что духу было, домой, на Кагальницкий хутор, 10 верст от Пирожка.

После сего события я постоянно думал об отце Павле; мне почему-то стало его жалко, и если кто говорил о нём нехорошо, я вступался за него, оправдывал его, за что, конечно, переносил и сам оскорбления. Особенно начетчица Устинья Григорьевна с невыразимой злобой останавливала меня: молчи, щенок! Еще губы не умеешь утереть, а туда же лезешь рассуждать. Кто хвалит еретиков, тот с ними и отправится в адскую пропасть. Я покорялся на время. Но только уходила эта старушка, как я опять пред собранием оправдывался и восстанавливал свой

авторитет, якобы вполне правильно рассуждающего человека. Если же некоторые роптали на меня, я начинал читать им выписанное мною из какой-то рукописи «Хождение по мукам Пресвятой Богородицы»; тогда неприятное сглаживалось само по себе и забывалось.

Время шло, я жаждал нового чего-нибудь. Мне хотелось видеть свет, посмотреть, как живут люди в других местах, но что я мог сделать сам по себе? а родители ни за какие деньги меня не отпустили бы от себя. В это самое время в Аксайской станице умер богач Д. Мухин. К нему-то в дом и пригласили уставщика Шмакова. Последний, чтоб показать себя пред богатыми, пригласил и меня, как способного помощника. Он, жена его, Пелагея Евстафиевна, и я составили хор. Стали на неугасимую, за упокой Дмитрия Мухина; купцы были весьма довольны службой, оставляли Иуду Яковлевича служить у них навсегда; но он, отстояв две неугасимых, уехал, а я остался на третью. Здесь я выучился петь по крюкам, приобрел кое-какие гражданские книжки и читал их тайно. Тут же познакомился я с иконописцем-уставщиком, которого Петр Д. Мухин выписал из Москвы. Это был турецкоподданный Максим Иванов Исаков, из некрасовцев. Этот-то человек сделался моим другом, многое мне объяснил, чего я совершенно и не знал; он выписывал журнал «Нива» и имел порядочно книг, которыми я в свободное время пользовался. Сему-то человеку я многим обязан; он научил меня относиться к св. храму с почтением: будучи в Ростове-на-Дону, я ходил с ним в собор и знакомился с обрядностью и различием уставов церковных. Только одно я не мог тогда понять: почему Максим Иванович, одобряя православие и молясь в православном соборе, служил у старообрядцев и мне запрещал говорить о том, что мы с ним вместе ходили в церковь. Вскоре приехал еще один уставщик, мой земляк из посада Лужков, Яков Козьмич Фетов (ныне сын православной Церкви), чтец и певец примерный, известный беглопоповщинскому миру под именем Кривого уставщика, – кличку эту дали ему за его физический недостаток (он кривой). Фетов был также другом Максиму Ивановичу; поэтому мы и заключили союз, поклявшись пред образом, чтобы постараться

сойтись где-нибудь в одном месте служить. – Вскоре Я. К. Фешов приглашен был служить с беглым попом в Оренбургскую губ.; я к этому времени уже умел переплетать книги, знал крюковое пение, мог писать; поэтому на предложение Фешова я охотно согласился сопутствовать ему. По пути мы заехали в Саратов, побывали здесь в соборном храме за обедней, прослушали прочитанное евангелие протодиаконом. Народу было очень много. Эта торжественность и благолепие храма навеяли на меня грусть; я сравнивал старообрядческие моленные и сей храм и подумал про себя, что старообрядцы наверно погрешили пред Богом и за то лишены сей торжественности. В Самаре мы также посещали храмы и старообрядческие часовни. В Оренбурге, прожив около двух недель, побывали везде. Тогда еще соборного храма там не было, а стоял временный деревянный. У беглопоповцев моленной не было, собирались у торговца в доме Калашникова и молились. Службой правила у них девица из Хвалынского уезда, Ирина Гавриловна, она же обучала чтению и пению девушек Калашникова. Здесь и мы отправляли службу соборне, по-своему, с хором девиц, которые и за обедом в наше утешение и радость домохозяина прокричали несколько стихир 1-го гласа по солям. Отсюда мы отправились в деревню Родник, на речке Чибенька, в 70 в. от Оренбурга. Там нас приняли радушно. Познакомились с беглым иеромонахом Иларием, бывшим казначеем оренбургского архиерейского дома. При нём мой товарищ и остался служить в качестве дьячка. Было время рабочее. В деревне народу, кроме старых да малых, не было видно. Мой товарищ начал скучать, захворал лихорадкой и чрез месяц уехал в Москву. Оставшись один, я начал почаще посещать о. Илария, вошел к нему в доверие, и он мне порассказал многое такое, что наверно мне и во сне бы не приснилось. Я тоже описал ему приволье, богатство и усердие беглопоповцев Донской области; предложил ему перебраться на жительство туда; он, увлеченный привольем, на Дону, которое я сулил ему, изъявил своё желание уехать туда. Тогда я написал письмо в Аксай купцу Мухину, а Иларию оно подписано. В ответ на письмо прибыл

посланный от Мухина старик Василий Яковлевич для личных переговоров. Ему переговорить с Иларием пришлось только чрез три дня по приезде, так как священно-инок Иларий целый месяц пьянствовал.

С Иларием он условился относительно времени, в которое я лично мог бы с удобством его украсть и увезти на Дон. После этого я перебрался в Оренбург. Получив деньги, потребные на расходы (250 р.), я отправился с заранее нанятым извозчиком воровать попа. Приехали в Родник в полночь; время было зимнее, мороз. В квартире попа я не нашел, только попался мне парик его, – верно, впопыхах забыл, – тут же были два сторожа, кои объяснили, что о. Иларий раскаялся пред обществом и решил не оставлять их. Тут я понял, что Иларий обманул нас. Ему жалко было расстаться с Аннушкой, которая ему прислуживала вместо экономки. Я поспешил скорее выехать из деревни, потому что моя жизнь находилась в опасности. Я по молодости не сознавал, что, решившись украсть попа, я рисковал жизнью. Извозчик мой, будучи на дворе, впрочем, слышал кое-что... и перепугался до того, что его начала трясти лихорадка. Он, как только поехали из деревни, сказал мне: готовят лошадей верховых, нас хотят догнать в дороге и убить. Такие новости и на меня нагнали морозу, по спине забежали мурашки. В пути скоро позади себя услышали мы шум и крики, – наверно, охотники спешили. Проехав мимо последней хаты, я, не сознавая сам, что делаю, выхватил револьвер и начал стрелять в воздух. Лошади, испугавшись, понесли, а охотники, услышав выстрелы, в свою очередь оробели и дальше 100 сажен не поехали; таким образом мы избегли верной смерти. Положение моё было довольно неприятное. Обо всем этом я написал моему доверителю и получил от него приказание ехать опять в деревню и предложить обществу от 1000 до 1500 р. за попа. Я с большой тугой в душе отправился опять в Родник, но уж не как вор, а как посол от именитого донского купца и уже не на частном извозчике, а с почтовым, чтобы придать больше важности себе.

Как только прогремели колокольчики, разом вся деревня поднялась на ноги. Попа запрятали в баню, думая, что приехал

становой... В одну минуту площадь около моленной переполнилась народом, зверски глядевшим на меня. Пришел попечитель (державец) Иван Кондратьевич Кадысев, которому я передал письмо от Мухина и коротко сказал, что о. Иларий сам просил меня, чтобы я за него похлопотал пред нашими донцами, дабы они его взяли к себе, так как он каждую минуту опасается здесь за свою свободу, при чем поставил на вид, что, как посланный для переговоров, я не должен слышать оскорблений со стороны собравшихся, кои в это время шумели на разные лады. Кадысев приказал им замолчать, объяснив, что я прислан с письмом. Пользуясь тишиной, я в свою очередь коротко, но ясно высказал им, что наше общество просит уступить нам о. Илария, за что дает им 1000 р. на приобретение себе нового попа, белого, да кроме того обильное угощение миру. Услыхав сие, эта толпа сразу переменила тон с угрожающего на заискивающий... Моя миссия не удалась. Хотя общество и отпускало о. Илария, но сам он не пожелал ехать и меня поговорить с ним не допустил. Так я и уехал обратно. О. Иларий после сего события начал пить мертвую; если же хотели его остановить, то он грозил бросить их и уйти на Дон, чем и смирял своих пасомых...

С. Шмаков

(Продолжение будет).

Из миссионерской полемики

Боголюбов Д. Беседа со штундо-баптистами о фарисеях и книжниках (по 23 гл. Ев. Матфея) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 10. С. 435–453

Штундистский пресвитер, Алексей Парфенович, находился в возбужденном состоянии. Он был недоволен, что в беседе со мной о Христовом священстве ему не удалось доказать, что у штундистов есть пресвитеры, поставляемые по Евангелию. Мы нашли, что эти пресвитеры не имеют на себе *преемственного* апостольского руковозложения: их поставили на служение люди, сами не имеющие благодати священства. Потому всё штундовое пресвитерство лишено Христовой благодати и *самозвано*...

Напрасно штундисты, во главе с Алексеем Парфенычем, поздно вечером устраивали *чрезвычайное* собрание. На этом собрании они ничего не могли придумать в свою пользу. Это обстоятельство раздражало сектантов и заставляло их изыскивать какой-нибудь выход из своего затруднительного положения. Такой выход нашел Алексей Парфеныч. Он, по совету со своей братией, решил «представить» мне «загвоздку», от которой – как хвалились штундисты – православным священникам «не поздоровится»...

Слухи о коварных намерениях сектантов быстро разнеслись по селу. Дошли они и до нас. Я недоумевал, какую бы «загвоздку» могли преподнести нам штундисты?...

Понятно, с каким волнением встретили мы сектантов, пришедших к нам на беседу. Все напряженно следили за Алексеем Парфенычем. Едва успели мы пропеть молитву, – он твердым голосом заговорил:

– Вчера вы утесняли нас насчет нашего пресвитерства. Вы требовали от нас доказательства: от *какого* апостола и *чрез каких* преемников достали мы себе пресвитеров? Мы сказали вам, что этого не *знаем*. За это наших пресвитеров вы назвали *самозванцами*. Приравняли их даже к Корею, Дафану и Авирону... К кому хотите приравнивайте нас всех, – это ваше дело. Но мы вам должны сказать, что и вы не можете хвалиться

той ниткой, какую ваши священники будто бы тянут от апостолов... – Что это за нитка? – Правда, *вы её не перервали*; она у вас цела. Но эта *священническая нитка* в вашей Церкви *вся* покрылась грязью... Нет никому пользы от этой нитки. Господь увещевает нас *не поступать* по стопам ваших священников... Значит, если, по вашим словам, *плохо* дело у нас, то не лучше оно и у вас. И вы не торжествуйте...

Алексей Парфеныч остановился, чтобы перевести дух. Он был возбужден; даже Евангелие тряслось в его руках, и листы священной книги плохо переворачивались под его пальцами. Воспользовавшись молчанием, я решил «ответить» собеседнику. Я сказал:

– Успокойся, друг мой, Алексей Парфеныч. Не я приравниваю ваших пресвитеров к Корею, Дафану и Авирону, а само слово Божие наводит нас на это сравнение. – В самом деле: как назвать нам тех людей, которые восхищают *недарованное* им священническое служение и поставляются на своё дело *не по-евангельски*? – Самое лучшее сравнение для этих людей с Кореем, Дафаном и Авироном. Они тоже *пытались* восхитить не принадлежавшее им священство (Чис. 16 гл.); но за свою *дерзость* были тяжко наказаны Богом. – И я радуюсь, что это сравнение доходит до твоего сердца...

Во 2), спасибо тебе за признание, что – как ты сказал – благодатная «нитка священническая» *не перервалась* в нашей Церкви. Это нас утешает и ободряет. Если нитка цела, а только загрязнилась, то грязь, при помощи Божией, можно с неё *смыть*, нитку же употребить в дело. – Так мы и поступаем: где видим дурных пресвитеров, нерадящих о стаде, – там мы привлекаем их к суду епископов (1Тим.5:19). Епископы исследуют вину пресвитеров; невинных *оправдывают*, на виновных же возлагают *наказание*. А священство Христово от того *не прерывается*, – как не прервалось апостольство через то, что в числе *ближайших* учеников Господа оказался Иуда-предатель. Вот плохо тем людям, у которых Христово священство совсем прекратилось, как в вашем обществе!...

Но потребуем от тебя ответа, Алексей Парфеныч, за другие твои речи. Ты сказал, что Христос не велел нам поступать по

следам наших священников. Где это нашел ты такую заповедь Господню?

Алексей Парфеныч, улыбаясь, заявил:

– В ответ на ваш вопрос я прочту 23 гл. Евангелия Матфея. Пожалуйста, не перебивайте меня, – дайте мне прочитать *всю* главу.

И Алексей Парфеныч, оправившись и осмотрев всё наше собрание, ровным голосом начал читать: *«на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи»*... Дойдя до ст. 5, он с особою силою произнес: *«расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих»*... А когда дошел до ст. 8, то стал уже прямо выкрикивать: *«а вы не называйтесь учителями, ибо один у вас учитель – Христос, все же вы братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо Один у вас Наставник – Христос»* (Мф.23:8–10).

После этих слов в избе поднялся шум. Штундисты кричали:

– Вот вам и нитка священническая! Ваши священники грязью её обмазали!...

Очевидно, это выражение было придумано сектантами на чрезвычайном собрании. Они теперь с любовью повторяли его.

– Да, – слышалось из толпы, – Христос говорит про фарисеев, что они *«расширяют»* одежды свои, – и ваши священники носят *длинные* рясы с *широкими* рукавами... Христос запретил христианам именоваться *учителями, отцами, наставниками*, – а вы своих священников зовете *«батюшками»*, *«отцами духовными»*, *«наставниками»*...

– Пропавшее дело! – шумел кузнец-штундист.

Алексей Парфеныч с трудом «утихомирил» свою братию и заставил её молчать. Потом продолжал чтение. На стихе 14 он опять «налег» голосом: *«горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение»*...

Штундисты поняли выразительный «намек» своего пресвитера и снова зашумели:

– И ваши священники *«поедают дома вдов»*... За всякую требу берут, всё собирают с народа. Как же они – не фарисеи?

Алексей Парфеныч делал вид, что «сдерживает» свою братию, а явно было, что ему *нравились* крики штундистов. Несомненно, всё это было условлено у них заранее. Он молчал, смотря в Библию. Тогда я попросил народ *не шуметь* и умолял выслушать *всю* главу. Алексей Парфеныч *покорно* зачитал дальше. На словах: *«горе вам»*... речь его крепла; а когда зачитал он ст. 19 и дальше, – голос его стал словно *обрываться*: очевидно, про храм иерусалимский штундистам неприятно было читать, особенно такие слова Спасителя: *«клянущийся храмом клянется Им и Живущим в нём»*...

При этих словах один православный начетчик не выдержал и ядовито спросил:

– Чтой-то, Алексей Парфеныч, тут написано?... Будто дело идет *про рукотворенный* храм, – и вдруг Сам Христос заявляет, что *Господь живет* в нём. Это как будто против вас...

Штундисты яростно закричали:

– Молчите, не перебивайте нашего брата!

– А, не перебивайте! ответил начетчик. А как *всей толпой* вы перебиваете нашего брата-миссионера, – это ничего? Видно, не любите, что против вас!...

Я прекратил народную распрю и Алексей Парфеныч зачитал: *«горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина»*... (ст. 23).

На ст. 34 я попросил слушателей заметить, что *не всяких* книжников, или образованных людей, осуждает Христос, – а только *фарисейских*. Вон написано от имени Господня: *«Я посылаю к вам пророков и мудрых книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город»*.

– Видишь ты! протянул православный начетчик. Книжник книжнику – рознь. Тоже какой книжник: есть и у Христа свои книжники!...

Алексей Парфеныч дочитывал главу: *«се оставляется дом ваш пуст. Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен грядый во имя Господне»*.

Все умиленно склонили свои головы. Потом вопросительно устремили глаза на Алексея Парфеныча. Я тоже ждал от него «толкования» прочитанной главы. Но он беспечно возился со своим платком.

Тогда я *вынужден* был спросить:

– Так где же, Алексей Парфеныч, в 23 гл. Матфея говорится про *православных* священников?

– Разве вы не слышали? полунасмешливо ответил он.

– Не слышал *ни слова*. Всё только Господь обличал книжников и фарисеев.

– А, книжников и фарисеев! А к нам эти слова не доходят? Как будто и у нас нет *своих* фарисеев?...

И Алексей Парфеныч, злорадствуя, повернулся к своим братьям. Те в ответ закричали ему:

– И ныне есть фарисеи и книжники, да еще сколько их!...

– Где же они? спросил я.

Тогда Алексей Парфеныч снял верхнюю одежду и неторопливо заговорил:

– Где ныне фарисеи? Да там, где носят длинные и широкие одежды, – где за всё берут с народа, – что ни шаг, то плати...

– Это не ясно, ответил я. Посмотри на народ: сколько здесь людей в длинных и широких зипунах, – разве они фарисеи?...

– Нет, Господь не про всякие длинные одежды говорит, а только про *священнические рясы*.

Где же это написано, что Господь обличал именно *православных* священников?

– Да всё в той же 23 гл. Ев. Матфея, – насмешливо ответил Алексей Парфеныч.

– В каких именно стихах?

Алексей Парфеныч внимательно стал пробегать глазами 23-ю гл. Матфея. Другие штундисты помогали ему. Общими силами они указали стихи 5, 6, 7, 8, 9, 10, 14, как «прямо» будто бы относящиеся к нашим священникам.

Я переспросил:

– А *на строке* не написано в 23 гл. Матфея, что там обличаются *православные* священники?

– *На строке не написано*, ответил Алексей Парфеныч, а *«чтоуций да понимает»* (Мф.24:15).

Я поставил на вид слушателям признание штундистов. А «разумеют ли они, что читают»? (Деян.8:30) добавил я, – это мы сейчас основательно рассмотрим.

Я объявил перерыв беседы. Отворили дверь, чтобы освежить избу. Запели «Спаси, Господи, люди твоя»... Потом я стал говорить, при напряженном внимании слушателей.

Я сказал:

– Запомните, друзья мои, что ответили мне сектанты. Они признались, что в 23 гл. Ев. Матфея *на строке не написано*, что в ней обличаются православные священники. Это только враги Церкви Христовой *так* думают. А правильно ли они думают? – Судите сами, на основании того, что я скажу вам.

Господь Иисус Христос говорил: «*на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи*»... Обратите внимание на слово «*сели*». Оно показывает, что уже *при Христе* книжники и фарисеи *сидели* на Моисеевом седалище. Значит, они тогда *были* на свете. – Что же это за люди – книжники и фарисеи?

Нам сейчас говорили, что это – православные священники. Если это – правда, выходит, что при Христе уже *были* православные священники. А мы знаем из Евангелий, что *никаких* священников или пресвитеров у Христа, во время Его земной жизни, не было. Были лишь апостолы – 12 и 70 (Мф.10:1–4; Лк.6:13; 10:1 и др.). Значит, из одного этого видим, что в 23 гл. Матфея обличаются не *православные священники*: их тогда еще в мире не было, – а именно книжники и фарисеи.

Видим это и из выражения: «*на Моисеевом седалище сели*»... Ясно, что здесь обличаются люди, которые учили *только по Моисееву закону*, – ветхозаветные книжники. Наши же священники, если и сели, то *не на Моисеево*, а на *Христово* седалище. Таким образом не про священников *христианских* Спаситель говорил.

Но я скажу еще больше: в 23 гл. Матфея Христос не только не имел в виду *православных* священников, но говорил вообще не про священников, хотя бы ветхозаветных. Это вытекает из 23 ст. той же главы. Здесь мы читаем: «*горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина*»...

Из этого стиха следует, что книжники и фарисеи, которых обличал Господь, *давали десятину по закону Моисееву*. А по этому закону *кто кому давал десятину*: священники – народу, или народ – священникам? Ап. Павел пишет: *«получающие священство из сынов Левиных имеют заповедь – брать по закону десятину с народа, хотя и сии произошли от чресл Авраамовых»* (Евр.7:5; Чис.18:21).

Итак, само слово Божие свидетельствует, что священники *никому никаких* десятин не платили; по 23-же стиху 23 гл. Матфея книжники и фарисеи *дают* десятину с аниса, тмина и мяты: стало быть, они *не были* священниками. А, следовательно, и вся 23 гл. Матфея *к священникам не относится*. Это вы, друзья, только по злобе на нас так толкуете её, – обратился я к штундистам.

– Нет, не по злобе, – ответил Алексей Парфеныч. Слово Божие доводит нас до того.

– Сейчас мы и перейдем к рассмотрению тех стихов из 23 гл. Матфея, которые вы *особенно* толкуете в приложении к нашим священникам. Вот мы и увидим: *«разумеете ли вы, что читаете?»*

Начнем своё рассмотрение со ст. 3-го: *«всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте, по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают»*.

Так учил Иисус Христос о фарисеях. Мы уже видели, что это – не были священники, Богом *призванные* учителя. Это были самозванцы, гордецы, хищники. Они лезли на Моисеево седалище, хотя их никто туда не звал. Они учили народ заповедям Божиим, выдумывали *произвольные* толкования на эти заповеди, а сами перстом не двигали для того, чтобы жить по Закону Божию. – Что же Христос? Не велит *вовсе* слушать таких учителей? Нет, – слушать их голоса Он приказывает: *«всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте»*. Господь запрещает своим ученикам лишь подражать гордости, лицемерию и самозванству фарисеев. Бежать же из Церкви ради фарисеев он никому не приказывал.

Так и вы должны поступать, братья! Если видите пастырей, учителей, поставленных в Церкви Самим Богом, – если видите,

что эти пастыри и учителя ленивы, небрежны, – не соблазняйте их примером. Принимайте *в кротости* учение, ими проповедуемое. Оно *должно быть* согласно с Евангелием; по делам же их не поступайте. За дурные свои дела ленивые пастыри сторицею ответят на страшном суде Христовом. Церкви же Божией такие пастыри осквернить не могут, как не осквернил её Иуда-Христопродавец: Церковь Свою блюдет в чистоте Сам Господь наш (Мф.16:18, 28:20).

Из примера того же Иуды поучаемся, что и чрез недостойных пастырей, пока они не извергнуты из своего сана, Господь посылает людям благодать. Вот у Ев. Мк.6:13 про *всех* (ср. ст. 7) апостолов написано, что они «*изгоняли многих бесов, и многих больных мазали маслом, и исцеляли*». В числе этих чудотворцев-апостолов был Иуда; а он, по свидетельству Ев. Иоанна, был «вор» (Ин.12:6). Как же он мог творить чудеса? – Не своею силою, а *силою Божией*. Сила же Божия, для пользы Церкви, действует вообще и через немощных служителей, – чрез «*глиняные сосуды*» (2Кор.4:7). – Так, из Евангелия мы видим, что первосвященник Каиафа даже пророчествовал силою Божией, потому что, не смотря на своё нечестие, был в народе израильском *законным* первосвященником (Ин.11:49–51). – Если же Господь столь милосерд был к людям прежде, то почему Он будет к нам относиться с меньшею любовью?... Поэтому веруем, что и чрез недостойных пастырей Господь посылает нам все благодатные дары Свои до тех пор, *пока эти пастыри не лишены* своего священного звания.

Но имейте в виду, братья, это всё я говорю о *недостойных* пастырях, только приспособляясь к пониманию сектантов. А разве в самом деле православных пастырей можно уподоблять ленивым фарисеям, которые перстом не хотели двинуть для исполнения заповедей Божиих? Сколько в числе наших пастырей было великих угодников Божиих, прославившихся святою и чудодейственной жизнью? Да и теперь – кто не слышал про священника Божия, о. Иоанна Кронштадтского, епископа Феофана и старца Амвросия? Всё это – ведь пастыри прав. Церкви, прославленные Богом на всю Русь; а сколько

между ними Христовых угодников, не прославленных в народе? – Один Господь знает число их...

Но продолжим истолкование 23 гл. Матфея:... *«расширяют хранилища свои, и увеличивают воскрися одежд своих»* (– ст. 5).

Так делали самозванцы-фарисеи. Они не довольствовались общепринятою одеждою, а, *без позволения Церкви*, шили себе особую одежду – для самозванства, чтобы отличиться в народе (ср. Чис.15:38–39). Разве на основании этого всех людей, которые носят длинные и широкие одежды, мы должны называть фарисеями? Сохрани нас Господь! – Из слова Божия мы знаем, что *длинную* одежду, которая в Библии именуется «милотью», носили святые пророки – Илия, Елисей (4Цар.2:13) и другие; длинные же одежды носили апостолы, напр., св. Павел. Своему ученику Тимофею он пишет: *«когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа»* (2Тим.4:13). Фелонью в древности называлась длинная одежда. В такой длинной одежде ходил Христос (Ин.19:23). Вот, в подражание Христу, апостолам и пророкам православная Церковь и *заставляет* своих пастырей носить длинные и широкие священные одежды. Эти одежды для наших пастырей служат формою. Как солдатам не велят ходить в зипунах и тулупах, а надевают на них мундиры и шинели, так и священникам нельзя быть без ряс. Это для них – своего рода мундир. Они носят рясы *не из гордости*, а по *обязательному* приказу Церкви. – Какое же тут фарисейство? Если так рассуждать, тогда всех сектантов назовем фарисеями. Почему? Потому что фарисеи ходили на *двух* ногах, – и наши сектанты ходят на *двух* же. Но это сходство чисто внешнее, ничего не доказывающее; также *ничего* не доказывает против православных пастырей то, что они носят длинные одежды, подобные которым носили фарисеи. – И пророки, и апостолы носили длинные одежды, а их Господь за это нигде не обличал...

Однако довольно о длинных одеждах. Прочтем другие слова Господа в обличение фарисеев: *«любят предвозлежания*

на пиршествах и председания в синагогах, и приветствия в народных собраниях» (ст. 6, 7).

Из слов Господа видно, что фарисеи «председали в синагогах». Синагогой называется молитвенный дом у евреев. Значит, верно, что я сказал выше: Господь не христианских пастырей обличал в 23 гл. Матфея, а ветхозаветных книжников и учителей. Эти книжники, не призванные Богом, требовали от народа почета: хотели в собраниях занимать первые места и везде председательствовать.

Нельзя ли, однако, вместе с сектантами, и наших священников обличать за то, что на богослужениях они стоят *впереди* верующих и в собраниях христиан председательствуют?

Нет. Наших священников нельзя обличать за то, что они в духовных делах председательствуют среди верующих. Уже из 1Кор.14:16 видим, что при апостолах за богослужениями христиане размещались в известном порядке. Были места, занимаемые «простолюдинами»; а другие места занимали пастыри (1Сол.5:12). Что же? Прилично ли «простолюдинам» стоять впереди, а пастырям – у дверей? Кто тогда будет поучать и направлять богослужение? – Явно, что в Царстве Божием всё должно быть благообразно и по чину (1Кор.14:40). А по этому чину нельзя допустить, чтобы пастыри в Церкви были незаметными привратниками. Они должны быть *впереди* верующих, как пастыри ходят впереди стада овец. Они должны постоянно занимать *первые* места, при совещаниях о духовных и церковных делах. Это ясно следует из заповеди апостола христианам. Он пишет: *«просим вас, братия, уважать трудящихся у вас, и предстоятелей ваших в Господе, и вразумляющих вас, и почитать их преимущественно с любовью за дело их...»* (1Сол.5:12,13). Ясно отсюда, что у христиан всегда были и будут «предстоятели» за богослужениями, т. е. люди, стоящие *впереди*, пастыри. Этих пастырей, «за дело их» апостол велит держать в *почете*. Потому своих священников мы и сажаем везде на *первые* места. И нам такой порядок приятен, как приятно детям с любовью почитать своих плотских родителей...

Может быть, вы утомились, – спросил я слушателей – и хотите отдохнуть?

Одни закричали, что «пора отдохнуть», другие требовали продолжения беседы. Алексей Парфеныч выступил в качестве примирителя сторон. Он сказал:

– Хоть у ев. Матфея в 23 гл. про *волоса* ничего не написано, а вы все-таки поговорили бы нам о них. Что это Павел апостол пишет: *«не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него»* (1Кор.11:14); а у вас священники все *растят* себе волосы? Написано также (уж коли говорить – так говорить!): *«муж не должен покрывать голову»* (– ст. 7); а у вас пастыри надевают скуфьи, камилавки, митры за богослужениями? Это что-то сомнительно: Вы нам все это растолкуйте, а тогда хоть и перерыв...

– Растолкую с удовольствием, сказал я. Слушайте, братья! – и все притихли.

– У греков и римлян не было обычая растить волосы. По этому обычаю надо было всем мужчинам стричься; но находились люди, которые хотели носить длинные волосы. Им апостол запрещает это новшество. Однако на основании чего запрещает? *Не от слова Божия и не на основании заповеди Господней*, а чрез указание на *природу* или греко-римский обычай. Само собой ясно, что если бы кто, вопреки голосу апостола, стал растить волосы, – он поступил бы не хорошо, как непослушный ученик; но *таких* людей Павел не называет грешниками пред Богом, – не грозит им анафемой, как лжеучителям. Он пишет им только: *«если бы кто захотел спорить (о волосах), то мы не имеем такого обычая, ни Церкви Божии»* (– ст. 16).

Какая снисходительность у апостола к ращению волос! Он не хочет только «спорить» с нарушителями принятого обычая. А так ли он поступает с еретиками и лжеучителями, искажающими христианские истины? Нет, – о таких людях он говорит: *«кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема»* (Гал.1:9). Отсюда, друзья мои, заключайте, что ращением или не ращением волос евангельская проповедь

сама по себе никак не искажается. – Однако почему же своим священникам Церковь православная *велит* растить волосы?

Потому прежде всего, что запрещение апостола растить волосы она относит только к непосвященным Богу мирянам. Для людей же, посвященных Богу, ращение волос *никогда* не составляло бесчестья. Вспомните, что говорил Господь Моисею: *«во все дни обета назорейства бритва не должна касаться головы назорея, свят он: должен растить волосы на голове своей»* (Чис.6:5). Разве ап. Павел не знал этого священного закона Божия? Знал, без сомнения; а, следовательно, он *не мог* думать, будто назореи *бесчестят* себя, растя волосы во славу Божию.

И в откровении Иоанна Богослова читаем про явившегося Христа: *«глава Его и волосы белы, как белая волна»...* (Откр.1:14). «Волна» означает прядь *длинных* волос. Стало быть, в откровении Христос описывается с *длинными* волосами. Вот, посвящая своих пастырей на служение Богу, как назореев, и подражая Христу, – св. Церковь *заставляет* их носить длинные волосы, как и длинные одежды. Значит, по нашим законам, и длинные волосы составляют для священников *форму*, которая не ими выдумана, и которую они отменить не могут. Что же в этой форме фарисейского, противного Евангелию Христову?...

То же надобно сказать про *головные покрывала*. Для священников Сам Бог установил их в ветхом завете (Исх.28:40)...

– То в ветхом завете! – возразили штундисты.

– Да, в ветхом, – а вот и в новом завете написано:... *«на престолах видел я – говорит тайнозритель Иоанн – сидевших двадцать четыре старца, которые облечены были в белые одежды и имели на головах своих золотые венцы»* (Откр.4:4). Это венцы старцы то скидают (– ст. 19), то имеют на головах своих и поют песнь Агнцу (Откр.5:8–10). – Ап. Павел велит нам *«о горнем помышлять»* (Кол.3:2). Вот размышляя о небесном служении Богу праведников, наше священноначалие и на земле своих *«предстоятелей»* заставляет надевать священные покрывала *«для славы и благолепия»* (Исх.28:40).

Итак, и ращением волос, и покрывалами головы наши пастыри не уподобляются фарисеям, ибо не для самохвальства они это делают, а «для славы и благолепия», по слову Писания и по приказанию Церкви.

Затем мы устроили обещанный перерыв беседы. Православные восторженно пели священные песнопения, а штундисты поверяли те места из Слова Божия, которые я приводил в защиту православных пастырей.

Отдохнув и освежив воздух в избе, я продолжал толкование 23 гл. Матфея. Я прочитал: фарисеи любят, *«чтобы люди звали их: учитель! учитель! А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас учитель – Христос, все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас наставник – Христос»* (– ст. 7–10).

– Эх, святые слова! – воскликнул старик кузнец-штундист.

– Да, слова святые, – сказал я, – как и всё, что выходило из уст нашего Господа. Надобно только «свято» толковать слова Господни. Об этом мы и постараемся, основываясь *во всём* на писаниях апостольских.

Итак, что же? – Господь запрещает *всем* людям именоваться учителями, когда говорит: *«а вы не называйтесь учителями»*? – Смысл этих слов мы поймем чрез снесение их с другими словами Самого Господа и Его святых апостолов. В Ев. Матфея Господь говорит Своим ученикам: *«идите, научите все народы... уча их соблюдать всё, что Я заповедал вам»* (Мф.28:19, 20). В согласии со Христом ап. Павел пишет: Господь *«поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых»*... (Еф.4:11). Отсюда ясно можно видеть, что Сам Христос послал в мир Своих апостолов затем, чтобы *учить* людей. Поэтому и апостол про Христа пишет, что Он *«поставил... учителей»*. Значит, в истинной Церкви Христовой есть ученики, несведущие в слове правды (Евр.5:12, 13), и есть *учителя*, которых Сам Бог *поставил* на дело.

Теперь – этим *учителям* как же именоваться, когда бы **они захотели** обозначить своё положение между братьями? Если бы христиане *все* назывались просто «братьями», тогда бы нельзя было определить их взаимного различия по *правам* в Церкви. Вышла бы *путаница*. А если бы, избегая названия «учитель», люди, учащие в Церкви, стали бы присваивать себе другие имена, – вышел бы *обман*. Поэтому с *несомненностью*

можно сказать, что *Господь только в обличение фарисеев людям, Богом не призванным учить, запретил называться учителями*; а кто поставлен быть учителем в Церкви, – тот и должен так называться, как говорит Слово Божие (Еф.5:12, 13; 1Кор.12:28, 29). – Этот порядок и поддерживает Церковь православная.

«И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах».

Так учил Господь наш; так проповедали апостолы. Св. Павел, напр., пишет; *«я преклоняю колена пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле»* (Еф.3:14, 15). – Последние слова апостола изъясняют речь Господа, приведенную в 23 гл. Матфея. – Да, у людей отец в собственном смысле – один Бог, от Которого мы получили и Которым поддерживаем свою жизнь. Но этот Бог Отец чрез Сына Своего даровал людям *пастырей и учителей*. Они заботятся о душах верующих; насыщают их от Бога получаемой благодатной пищей. Потому такие пастыри в слове Божиим называются *отцами*. В послании ап. Павла мы читаем: *«хотя у вас тысячи наставников во Христе, но немного отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием»* (1Кор.4:15).

О каких «немногих» отцах говорит св. апостол? – Конечно, не о *плотских* отцах: таких отцов у тысячи людей много. Речь здесь о *духовных* отцах, каковых *немного*, и из которых первым отцом, кроме Бога, ап. Павел именует себя.

И в посл. к Галатам он пишет: *«Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос»* (Гал.4:19).

Если апостол именует христиан *детьми*, то за кого сам себя он почитает? Как *обратно* ученики должны называть его? Дядей, дедушкой! Нет: если мы *дети* апостолам, – явно, что они для нас *отцы*.

Это свидетельство находим особенно у евангелиста Иоанна (см. 1Ин.2:1, 12, 18).

Итак, у христиан *источник* для всякого отечества находится в Боге Отце; но от Бога даруются нам попечители о нашем

спасении. Этих попечителей Апостолы именуют «отцами». Потому и мы, православные, своих пастырей зовем «батюшками», «отцами духовными», – и это согласно со свящ. Писанием.

Но обратимся к дальнейшим словам Господним: *«и не называйтесь наставниками, ибо один у вас наставник Христос»*.

Эту истину мы принимаем от всего сердца. Мы веруем, что *начало* наставничества у христиан – в Спасителе пашем; но от Него *поставляются* братья наши в Церкви *наставниками*. Ап. Павел пишет: *«повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших»*... (Евр.13:17). И в другом месте он говорит: *«поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие»*... (– ст. 7).

Ясно отсюда, что в *истинной* Церкви Христовой посреди общего братства воздвигаются люди, которые в слове Божиим именуются *наставниками*. Нечего удивляться, если *таковых наставников* мы находим и в православной Церкви.

Алексей Парфеныч, как выразился православный начетчик, был разбит «на всех пунктах». Он *не мог* ничего возразить мне от Писания. Он мрачно лишь заметил:

– Значит, Христос – по-вашему – ошибся? Он не велит людей звать отцами, учителями, наставниками, а вы их называете так?

– Нет, мой милый, сказал я: не ошибся Христос, а ты не «разумеешь, что читаешь». Спаситель свою речь в 23 гл. Матфея держал ведь в обличение самозванцев фарисеев. Тем, *кого Господь не призвал*, нельзя именоваться в Церкви отцами, учителями, наставниками *на фарисейский* образец. А кто Богом поставлен *питать, учить* и во всём добром *наставлять* верующих, – почему *таким* благодетелям не называться в Церкви отцами, учителями, наставниками? Ведь, называя так нашу старшую братию, мы не забываем, что во главе спасения нашего стоят все-таки не люди, не пастыри немощные, а Христос Господь. – Познай же это, Алексей Парфеныч, и, как Савл, не иди против рожна (Деян.9:5)...

Объясним и 14-й ст. 23 гл. Ев. Матфея.

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение».

Опять Господь грозно обличает фарисеев за показную святость. Эти люди на площадях и возле храма долго молились лишь затем, чтобы *похвалиться* пред народом своею праведностью. В душе же, в сердце фарисеи не имели истинных Божиих добродетелей: суда, милости, и веры (– ст. 23). Потому они праздно жили, не стыдились последнее брать даже у вдов – женщин беспомощных. Вот за это *лицемерие и жадность* Господь строго и обличает фарисеев...

Как же не страшатся люди этот стих относить к православным священникам? – Правда, и они часто «долго молятся». Но Христос ведь заповедал нам *усиленно* молиться и бодрствовать (Мк.13:33; 14:38; Лк.21:37: ср. Еф.6:18; 1Сол.5:17).

И кто при этом возымеет дерзость сказать, что пастыри наши *лицемерно* молятся? Нет: они стараются исполнить волю Божию, – *искренно* молятся, сокрушаются о своих грехах, призывают и нас к покаянию, как о. Иоанн Кронштадтский. А если иные из них ослабевают, малодушествуют, – так ведь этим слабостям подвержены были апостолы, во время земной жизни Христа Спасителя (Мк.14:37, 88). Важно, что наши пастыри исполнены *смирения, самоукорения и жажды во всём* быть полезными Церкви Христовой. От нас, от наших молитв зависит, чтобы пастыри наши были по сердцу нашему. – Будем же, братия, прилежнее молиться, чтобы Господь утвердил в добре наших «отцов духовных» и помог им «право править слово истины» Божией!...

А тем смущаться не следует, что пастыри наши за свой труд пользуются от нас подаяниями. Это – закон Христов. Ап. Павел пишет христианам: *«разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? Что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника! Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования»* (1Кор.9:13, 14).

Итак, Сам Христос «повелел» нам *кормить и поить* своих пастырей. Потому ап. Павел в другом послании говорит: «*наставляемый словом делись всяким добром с наставляющим*» (Гал.6:6). – В древней Церкви так и было: пастыри христианские никогда ни в чём не нуждались. Верующие сыновне заботились об их обеспечении. Но с *ослаблением* у христиан усердия к Церкви, с развитием среди людей *жадности, скупости, корыстолюбия*, – должны были завестись в Церкви такие порядки, что верующие своим пастырям стали давать *определенную* плату за различные услуги. Этот порядок *повсеместно* принят в нашей Церкви. При таком порядке никому не обидно, потому что все платят священникам за труды *поровну*, от своего усердия...

– Кабы от усердия! заметил Алексей Парфеныч. А как я бедный и у меня нет денег?

– Тогда тебе священник окажет *снисхождение*. Ему должна быть известна твоя бедность...

– Да, снизойдет. Нет, он до *последней* копейки потребует!...

– А если потребует, – ответил я, – значить, он знает, что ты *можешь* заплатить, сколько принято; только по скупости не платишь...

Потом я добавил:

– Друзья! Вопрос о плате священникам за требы – самый больной у нас вопрос. Конечно, мы все были бы рады, если бы священники могли нести свою службу, *ни с кого и ничего* не получая за труд, как чиновники. Но ведь *определенного* жалования священникам от государства не положено. Дел по приходу у них столько, что им некогда заниматься домашним хозяйством. Что же остается делать? Остается жить так, как *указывает слово Божие*, то есть, – пользоваться за служение приходу «всяким добром» от верующих. – А так как теперь в изобилии заводятся такие «мудрецы», которые ничего не хотят платить священникам за труд, то *по неволе* везде принято за этот труд получать *определенное* вознаграждение. Это – единственный способ существования священников в Церкви Божией. Разве он несправедлив?

– Как несправедлив! зашумели в толпе. Так, без денег, никто ничего не сделает священнику. Поломайся у него шкворень в телеге, – и то без денег кузнец не починит шкворня. А где священнику достать денег? Знамо, от народа!...

– Это со злости штунды кричат, что священники за всё много берут, – заметил православный начетчик. Наш батюшка, дай ему Бог здоровья! – бедно живет, а лишнего с христиан никогда не положит...

Голос начетчика, поддержали другие православные. Вопрос о плате священникам за требы разрешался сам собой. Свящ. Писание велит христианам *во всём* довольствоваться своих пастырей; значит, и наши священники не согрешают, когда со *смирением и благодарностью* пользуются всяким довольством от верующих...

* * *

Наша речь о книжниках и фарисеях по 23 гл. Матфея могла быть закончена. Всем стало очевидно, что под фарисеями, которых изобличал Христос, нельзя разумеать священников. Это только сектанты называют священников фарисеями за то, что наши пастыри носят длинные одежды, именуются батюшками, учителями, наставниками и получают вознаграждение с христиан за требы. – Из Слова Божия видно, что и пророки, и апостолы носили длинные одежды; а разве они были фарисеями? Из того же Слова Божия усматриваем, что в апостольской Церкви были отцы, учителя, наставники. А можно ли этих почтенных людей звать фарисеями и лицемерами? – Нет; это было бы дерзкой клеветой на них. Подобным образом видим, что апостолы за свой труд получали от верующих вспомоществование (напр., Флп.4:14–16), и этот порядок узаконили для всей Церкви Христовой: неужели за это своих пастырей мы будем называть фарисеями; поедающими «дома вдов»? – Сохрани Бог!...

Кого же после того справедливо было бы счесть современными фарисеями и книжниками?

– Тех людей, которые без Божьего призвания дерзают *учить, наставничать* среди братьев, – которые похваляются своими *наружными* добродетелями и порицают от Бога

поставленные власти. Этих *самозванных наставников* мы видим среди наших сектантов под разными именами: «старших братьев», «диаконов», «пресвитеров», «евангелистов»... Горе этим лживым учителям, если они не раскаются и не познают своих заблуждений!...

Я кончил беседу и в изнеможении опустился на лавку. Голова у меня болела; в висках стучало.

Народ посматривал на сектантов, громко дивясь их жестокосердию и упрямству.

Штунды, грустные и мрачные, стояли молча. Алексей Парфеныч, наконец, от имени своих «братьев» поблагодарил меня «за тихую беседу» и первым пошел из избы. За ним двинулись сектанты.

– Темная ночь! произнес православный начетчик и, махнув рукой, тоже потянулся к выходу...

Д. Боголюбов

27 марта 1901 г.

Миссионерство, секты и раскол (хроника)

А. О. Церковно-приходские миссионерские братства. – Миссионерские фонды. – Миссионерский отдел на педагогических курсах для учителей церковно-приходских школ. – Новые секты в молоканстве. – Сектантство в Прибалтийском крае. – Характер современной раскольнической литературы // Миссионерское обозрение 1901 г. № 10. С. 454–465

В настоящее время, когда религиозно-нравственное состояние русского народа представляет самую безотрадную картину, когда в простом народе наряду с набожностью господствуют – полная духовная темнота, пороки и грубость нравов, а в образованном обществе – полное отчуждение от веры и Церкви, со стороны пастырей требуется особенное напряжение сил для духовного воздействия на пасомых и для подъема церковно-религиозной жизни приходов. Сблизить народ с Церковью, провести в жизнь его нравственные начала христианства, оградить его от лже-учителей, вразумить заблудших, восстановить нравственно падших – вот те многосложные обязанности, вся тяжесть которых лежит на приходских пастырях и только на них одних, так как не только миряне, но даже и низшие члены клира в большинстве случаев не разделяют этих забот их. А между тем, по учению слова Божия, Церковь Христова есть нераздельное тело, все члены которого должны одинаково заботиться друг о друге (1Кор.12:12–13, 25). Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены (26). Следовательно, ни миряне, ни низшие члены клира, как члены Церкви Христовой, не могут в настоящее время оставаться равнодушными и бездеятельными, видя братьев своих по вере, блуждающих во тьме религиозного невежества и подвергающихся многоразличным опасностям и искушениям со стороны многочисленных в настоящее время лжеучителей, обильно сеющих плевелы ересей и расколов. Поэтому Св.

Синод и призывает к внутренней миссионерской деятельности не только всех членов клира, но и всех благочестивых мирян, настоятельно рекомендуя епарх. преосвященным для противодействия сектантской пропаганде содействовать учреждению в приходах, зараженных расколом и сектантством, братств, или обществ ревнителей православия. И там, где приходские пастыри с должным усердием обращаются с этим призывом к своим прихожанам, призыв их не остается без ответа, – вокруг них группируются лучшие силы прихода, образуют братства, деятельность которых сопровождается самыми благими результатами не только в борьбе с расколом и сектантством, но и вообще в деле оживления церковно-религиозной жизни приходов. Таково, например, братство любителей духовного просвещения, учрежденное при соборной Чудо-Михайловской Церкви гор. Ольгополя, Подольской епархии. Оно имеет целью распространение в народе образования в духе православной Церкви и русской народности, для чего открывает и содержит вечерние классы для взрослых, воскресные школы, народные библиотеки и читальни, устраивает чтения для народа и пр. Таково же открытое в конце прошлого года Колунецкое общество ревнителей православия, в Казанской губернии. Главными членами его являются лица, способные беседовать с раскольниками. Вступают в общество и другие лица, которые, при меньшем знакомстве с полемикой, всё же могут принести Церкви пользу. Количество всех членов уже возросло до 50. По уставу общества, члены его каждый месяц, по воскресным и праздничным дням, сходятся на собрания, где каждый сообщает о своих беседах со старообрядцами, передает собранные им сведения о расколе и высказывает предположения относительно мер воздействия на раскольников. Сообщающий об этом местный миссионер-священник полагает, что не только противораскольническая деятельность членов общества, но и заседания его благотворно будут действовать на население. С миссионерскою же целью общество намерено выдавать небольшие пособия бедным людям, обратившимся из раскола, так как они, порвав связь с расколом, большею частью

оказываются в затруднительном материальном положении.¹¹⁷ В Астраханской епархии, в большом пригородном селе Пришибе, Царевского уезда, недавно возникло церковно-школьное братство, также имеющее своей целью развитие и поддержание в приходе народного образования в духе православной Церкви. При открытии братства из одних только членских взносов образовалась сумма в 300 руб. Кроме этого крестьянское общество приговором постановило отпускать на нужды братства по 180 руб. в течение 6 лет и 500 руб. ассигновало на церковно-школьный хор. Пример и успех братства в Пришибе воодушевил и других деятелей в некоторых местах Царевского уезда. Такие же братства открылись в селе Заплавном и поселке Таловке, благодаря усердию местных священников. Влияние этих братств на население оказалось в высшей степени благотворительным. Так в с. Пришибе, где еще недавно молокане весьма враждебно относились к православным, особенно к духовенству, теперь существуют церковно-приходские школы, т. наз. молоканские – мужские и женские, в которых учатся до 150 детей молокан. Пришибинские молокане выразили даже желание жертвовать на школы хлебом и на молитвенном собрании своим решили послать одного из своих братьев собирать хлеб (Астрах. Еп. Вед.). – В Полтавской епархии в ведении епархиального Св. Макарьевского братства имеется до 40 церковно-приходских братств, которые, кроме забот о приходских церквях, о церковных хорах, о школах, о братских читальнях и книжных лавках, принимают на себя наблюдение и за поведением прихожан. С этой целью из братчиков избираются почетные и пользующиеся в приходе общим доверием лица, которые удерживают старых людей от разгула, а молодежь – от собраний накануне воскресных и праздничных дней и следят за их поведением в дни праздников. Братчики оказывают на соприхожан доброе влияние и собственным добрым примером. Далее, братства помогают нуждающимся деньгами, хлебом, личным трудом, выдачею ссуд без процентов или с небольшими процентами (Полт. Епарх. Вед.). В недавно появившемся отчете одного из сельских братств, Симбирской епархии, указано на заведенную этим братством небольшую

аптечку с необходимыми медикаментами и на большую пользу, приносимую этою аптечкою (Церк. Вести.). Таким образом церковно-приходские братства, охватывая в своей деятельности все стороны приходской жизни, являются надежными помощниками священников в их пастырских трудах. Приходский пастырь, на обязанности которого лежит быть строгим блюстителем нравов своего прихода, один не в силах предусмотреть все те ненормальности и отклонения от доброго пути, какие могут проявиться в жизни его пасомых. Лучшими в этом случае помощниками для него являются братчики из прихожан, которые могут сообщить самые верные сведения об общих недостатках местного населения, указать на кого прежде всего нужно обратить внимание и как легче воздействовать на тех или других лиц применительно к их нравам и характеру. Окружающему населению они могут более удобопонятно разъяснить правила жизни и нравственности, а священнику своевременно сообщать о том, – что читает его паства, и какие лжеучения распространяются среди неё пропагандистами. Особенно полезна деятельность братчиков в последнем отношении в настоящее время, когда соблазны обильно сеются на святой Руси и притом такими людьми, в лице которых, по-видимому, трудно и предполагать сеятелей плевел на ниве Христовой, когда в роли пропагандистов сектантства являются и книгоноши, и благотворители-интеллигенты и даже сельские учителя. – Преосвященный Самарский Гурий находит в высшей степени полезным привлекать грамотных братчиков даже к участию в религиозно-нравственных чтениях для народа. «Желательно, говорит он в одной из своих резолюций, чтобы сельские священники отыскивали в своих приходах грамотеев – любителей чтения, которым бы и поручали, для блага Церкви Божией, устраивать у себя в домах или у соседей собрания для душеполезных чтений, доставляя им нужные для этого книги и по временам наблюдая за ходом этих чтений и пения...

Можно наблюдения эти поручить кому-либо из членов причта или заслуживающим доверия благочестивым грамотным прихожанам, особенно из членов братств, где таковые учреждены. Мне приходилось быть свидетелем подобных

чтений среди народа в разъездах по епархии, когда группами останавливались для прочтения мною раздаваемых книжек и брошюр: без умиления не мог я видеть, с каким интересом читались оные, причем одни вздыхали, а другие утирали слезы от умиления, слушая медленное речитативное чтение, каким обыкновенно читают наши крестьяне... такое чтение действует обаятельно на слушателей даже и не из простых. Я совершенно уверен, что если бы в наших селах и деревнях, равно и в городах, где жизнь сложилась более или менее просто, побольше устраивалось частных чтений в духе народном, с прямою целью духовно-нравственного просвещения и частью доставления общепользовательных сведений, под руководством духовенства, народ наш легко отвлекся бы от пьянства и других безобразий, каким он предается в праздничные дни от безделья,... особенно если бы чтения эти сопровождались общим пением церковных песнопений, к каковым замечается в русском народе особенная любовь» (Самар. Епарх. Вед.). – Миссионерский комитет при братстве св. Дмитрия Ростовского в г. Ярославле, признавая приходские братства наилучшим средством к оживлению внутренней миссионерской деятельности в приходах, выработал следующие правила для этих братств. Приходские миссионерские братства, говорится между прочим в этих правилах, состояются из православных лиц обоего пола и всех званий, изъявивших желание содействовать приходскому духовенству в борьбе с расколом, и могут быть открываемы в каждом приходе, с разрешения епархиального преосвященного. Принимая на себя святую обязанность вразумления заблудших, члены братства должны обладать добрыми душевными качествами, ревностью о спасении ближних и быть сердечно преданными служению св. Церкви. Все члены миссионерских приходских братств состоят в ближайшем общении со своим приходским священником, который есть неременный руководитель приходского братства, ответственное лицо за всю его деятельность. Все занятия собраний должны быть чужды всяких формальностей и носить характер братских бесед. Приходские братства ни в каком случае не могут возбуждать судебного преследования

раскольников и вообще искать вмешательства гражданской власти в дела внутренней приходской миссии, но во всех сношениях с раскольниками должны руководиться духом христианской любви и уважения ко всякому, хотя бы и заблудшему человеку. Так как благотворительность может оказать весьма важное содействие миссионерской деятельности приходских братств, то последние должны изыскивать способы оказания материальной помощи бедным лицам, обращающимся из раскола в православие, или удерживаемым в расколе по причине бедности (Яросл. Епарх. Вед.). – Самым верным средством для достижения этой последней цели братств, как показывает опыт некоторых епархий, может служить образование специальных «миссионерских фондов», мысль об учреждении которых была высказана еще третьим всероссийским миссионерским съездом. С учреждением, напр., миссионерского фонда при церковном братстве святого праведного Симеона, Верхотурского Чудотворца, Екатеринбургской епархии, местная миссия, по наблюдению деятелей её, приобрела новое сильное средство к ослаблению раскола в епархии. Прежде деятельность миссии носила несколько односторонний характер. Путем публичных и частных миссионерских собеседований с раскольниками и распространения среди них брошюр и книг, направленных к раскрытию неправоты раскола, миссия стремилась и стремится рассеивать мрак заблуждений и возвращать заблудших в лоно православной Церкви. Но одного умственного и нравственного воздействия на заблудших иногда бывает недостаточно. Не каждый раскольник и сектант, даже убедившийся в правоте православия, решится окончательно порвать со своим старым верованием и присоединиться к православию. За время довольно еще непродолжительной миссионерско-просветительной деятельности братства св. Симеона, Верхотурского Чудотворца, было два случая, когда присоединившиеся из раскола к Церкви оказывались в самом бедственном положении, вследствие того, что с переходом в православие, они лишались не только материальной поддержки со стороны своих прежних одноверцев, но даже возможности

получить у них какую бы то ни было работу. При таких условиях переход из раскола или сектантства безопасен только для людей материально обеспеченных; для бедняков же, находящихся в полной материальной зависимости от одноверцев-богачей, он может сопровождаться лишением даже дневного пропитания. Своевременно прийти на помощь таким людям православная миссия только и может при существовании специально предназначенных для этого фондов, повсеместное учреждение которых в настоящее время является вполне назревшей потребностью.

Церковно-приходская школа, имеющая свою целью религиозно-нравственное просвещение народа и утверждение в нём православной веры, является естественною союзницею миссии, следовательно и учителя церковно-приходских школ должны быть ближайшими помощниками приходских пастырей в их миссионерской деятельности. Но чтобы быть полезными в этом отношении, они должны знать сущность вероучения сектантов и обладать хотя элементарными познаниями и навыком в деле ведения беседований с ними. Добрый почин в деле ознакомления учителей церковных школ с сектантским вероучением и способами обличения его положен в Полтавской епархии. Здесь, по мысли и указанию преосвященного Илариона, на педагогических курсах учителей церковно-приходских школ в м. Карловке, Константиноградского уезда, с 15 августа по 15 сентября 1900 г. было устроено и миссионерское отделение, ведение которого поручено было епархиальному наблюдателю о. Иустину Ольшевскому; он в целом ряде бесед достаточно ознакомил курсистов с историей возникновения и распространения штунды, с сущностью вероучения её и главными направлениями в понимании его, с обличением заблуждений штундистов и с необходимыми приемами ведения полемических бесед с ними, а также с должной постановкой миссионерского преподавания закона Божия в школах среди сектантского населения. Но, к сожалению, пример Полтавской епархии в этом отношении является только счастливым исключением. При повсеместном распространении в настоящее время педагогических временных

курсов для учителей церковно-приходских школ, при разнообразии предметов (не исключая и ремесел), с которыми на них знакомят курсистов, совершенно забыли о самом главном, забыли о должной постановке на этих курсах миссионерского дела, о необходимости ознакомить учителей (по крайней мере, в местностях, зараженных расколом и сектантством) с характером местных сект, с сущностью их вероучения и с главнейшими способами и методами борьбы с ними. А между тем главнейшие цели, преследуемые церковно-приходскою школою, – цели чисто миссионерские...

Борьба православных миссионеров с сектантством и расколом с каждым днем всё более и более осложняется, требует от них всё большего и большего напряжения сил и постоянного неусыпного бодрствования на своём посту. Особенно это нужно сказать относительно борьбы с рационалистическим сектантством, стремящимся всё к большим захватам из православия. Правда, в жизни современного рационалистического сектантства приходится отмечать очень много фактов, свидетельствующих о распадении старых сект... Но на месте разлагающихся сект вырастают новые, еще более злокачественные и фанатичные, еще более беззастенчивые в выборе средств к нападению на православную Церковь и к защите своих лжеучений. Даже в одряхлевшем молоканстве за последнее время замечается некоторое оживление. Так в недавнее время молоканство было взволновано решением вопроса о крещении, к чему вызвано было, с одной стороны, проповедью православных миссионеров, а с другой – пропагандой баптизма. В последнее время кавказские молокане селений Воронцовки и Ново-Михайловки, Тифлисской губернии, разделились на две враждующие партии, одна из которых (преимущественно старики) отстаивает «святое лобзание», а другая, ревнуя своих жен, порицает обряд целования во время молитвенных собраний по воскресным дням. «Целовальники», как особая секта, явление, строго говоря, совершенно новое в нашем русском сектантстве и свойственное исключительно пока Кавказу. Основателем кавказского «целовальничества» является некто Лукьян Петров, человек развратного поведения,

который проповедовал духовную любовь, ходил с девушками в баню... и ему верили, нисколько не колеблясь, и вера последователей пошатнулась тогда только, когда из девушек две родили.

Впоследствии Лукьян Петрович перешел в прыгуны, и многие из прыгунов по настоящее время ожидают его второго пришествия судить живых и мертвых.

Сектанты-целовальники основывают своё учение на словах священного Писания: «целуйте друг друга лобзанием святым» (Рим.16:16) и потому свои обрядовые поцелуи называют не «серафимовскими поцелуями», а «святым лобзанием» и в подтверждение того, что именно необходимо целоваться во время общественного моления, приводят следующие примеры из священного Писания.

1) Встреча Исава и Иакова, по возвращении Иакова из Месопотамии, когда братья обнялись, поцеловались после долгой разлуки и плакали (Быт.33:4).

2) Встреча Моисея с Аароном, по возвращении из Мадиамской земли, когда Аарон поцеловал Моисея (Исх.4:27).

3) Из нового завета приводят то обстоятельство, что когда женщина-грешница в доме фарисея Симона облила ноги Господа драгоценным алавастровым миром и начала омыwać ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, то Иисус сказал Симону: «ты целования Мне не дал, а она с тех пор, как Я пришел, не перестает целовать у меня ноги» (Лк.7:45).

4) Когда апостол Павел после трехлетней проповеди в Азии, в городе Милете, обратился к Ефесским пресвитерам с прощальным словом и объявил, что он по влечению духа идет в Иерусалим, где узы и скорбь ждут его, то растроганные словом ап. Павла, прощаясь, все подняли плач и, падая на выю Павла, целовали его, скорбя особенно от сказанного им (Павлом) слова, что они уже не увидят лица его (Деян.20:37–38) (Дух. Вестн. Груз. Экзарх. 1901 № 6–7). Обозревая состояние сектантства в Тамбовской епархии, местный епархиальный миссионер, между прочим, пишет, что молоканство там распадается на две до крайности противоположные группы. Первая – это молокане, еще верные заветам Уклеина. В своих

отношениях к православной Церкви они не проявляют той фанатичной ненависти, какая присуща штундистам. Дух прозелитизма если и присущ им, то исключительно на религиозной почве, чуждый социальных тенденций. Вера в божество Иисуса Христа и богодухновенность св. Писания непоколебима. В нравственной жизни они подходят под общий уровень с православными. Вторая группа – это молокане только по имени. Отвергая Божество Иисуса Христа, признавая его простым человеком – сыном Иосифа и Марии, они и учение его ставят не выше учения Будды и Л. Толстого. Писания апостольские признают искаженными и полными взаимных противоречий, поэтому Библией пользуются лишь в тех случаях, когда она якобы оправдывает их учение; всё же, что не согласуется в ней с их взглядами, не только отрицается ими, но даже кощунственно осмеивается. Своё учение они почерпают из разных подпольных брошюр, в роде «Хитрой Механики» из сочинения Хельницкого («Сеть веры»), Э. Ренана («Жизнь Иисуса») и особенно из подпольных сочинений Л. Толстого, которые с быстротой телеграфа доставляются им. Так, не успел последний роман Толстого «Воскресение» появиться в печати, как уже некоторые главы его, не пропущенные цензурой, особенно касающиеся учения православной Церкви, читались этими сектантами в рукописях. Приходя путем чтения этих книг к полному атеизму, заражаясь идеями социалистическими и анархическими, они фанатично стремятся проводить их в жизнь. Прозелитизм этой партии молокан не уступает прозелитизму штундистов. В нравственном отношении они отличаются крайнею распущенностью: пьянство, воровство, разврат, поджоги, убийства – явления, далеко не редкие в их быту. Старомолокане, глядя на бывших своих собратий, с грустью покачивают головами и сторонятся от этих новаторов, справедливо называя их «безбожниками» и «толстовцами» (Тамб. Епарх. Вед.).

Особенно сильным сектантским брожением охвачен за последнее время Прибалтийский край. Нигде не возникает так много новых самых диких и изуверных сект, как там. В 1900 г. в г. Вейсенштейне явилась секта, «пророки» которой проповедуют

уже не «перекрещивание, как бывшие здесь прежде баптисты, а «перепразднование» воскресения. Ссылаясь на ветхий завет, они утверждают, что Бог создал для отдыха седьмой день, а поэтому празднуют не воскресенье, а субботу. Последователи этой секты не признают ни Церкви, ни иерархии и учат, что всякий может проповедовать, лишь только почувствует в себе присутствие «духа». Толкуя св. Писание под влиянием этого духа, сектанты впадают в большие странности. Так один из «пророков» секты, переходя из г. Вейсенштейна в Гапсаль, бросил сапоги и кошелек и пошел далее в одних чулках, так как «дух» будто бы открыл ему, что нельзя носить с собою «мамоны». Бездеятельная жизнь считается у сектантов за великую добродетель. – В Лифляндской губернии явились проповедники, убеждающие крестьян не строить больше домов, так как скоро будет светопреставление; если у кого есть деньги, то проповедники принимают их «на хранение». Некоторые же из проповедников этих, возвещая о скорой кончине мира, советуют остающееся время проводить в оргиях. – В Риге появилась изуверная секта самосожигателей. Одна из последовательниц её, явившаяся потом за медицинской помощью, сожгла себе на свече пальцы левой руки, причем самосожигание она производила из дня в день, сжигая по одному пальцу ежедневно. Секта, к которой принадлежит несчастная, носить странное название – «Спасителя желудка». – На страницах «Миссионерского Обозрения» нами было уже отмечено появление в Прибалтийском крае целых обществ так называемых «вольноверцев», или «чтецов», которые, не имея ни своего определенного вероучения, ни обрядов, ни правильной организации, представляют самую благоприятную почву для развития всевозможных сектантских бредней. В Эстляндии общества «чтецов» охвачены в настоящее время сильным мистическим движением. Собрания сектантов, происходящие по ночам в душных избах, сопровождаются радениями, доводящими участников их до экстаза и галлюцинаций. Особенно сильному религиозному экстазу подвергаются женщины. Зрители, заражаясь нервным возбуждением, становятся невольными участниками

сектантских радений. На этой почве являются разные нервные болезни: истерика, меланхолия и даже умопомешательство, поэтому и число душевнобольных в Эстляндии за последнее время увеличивается. Это сектантское движение расстроило много семейств и разорило много хозяйств. Жены бросают дома для радений и доводят себя до расстройства физического и душевного; мужья бросают занятия, продают имущество и тратят деньги на содержание учителей-проповедников. Лютеранские пасторы на своём собрании объявили это движение делом Духа Святого и в некоторых местах приняли его под своё руководство, чем сообщили ему более правильное и спокойное течение. Но в большинстве случаев это не удавалось, и сектантство продолжало вносить в народ все свои вредные последствия. Когда это сектантское движение стало проявляться в нарушениях общественного порядка, и гражданская власть вследствие этого стала ограничивать ночные сходы сектантов и бродяжничество их пророков, тогда часть сектантов вступила в дозволенное законом общество баптистов, а другая, большая часть, вошла в состав лютеранских приходов, продолжая свои действия под защитой лютеранских пасторов. В течение недели им проповедуют ирвингиане, меннониты, адвентисты и др., а в воскресенье они с увлечением слушают своего пастора, которого вчера жестоко порицали. Таким способом сектанты избегают вмешательства полиции, не имеющей права касаться домашних дел лютеранских обществ. По сообщению Эстонской лютеранской печати, многие, утомленные бесплодными поисками истины в различных сектах, ищут в православии удовлетворения своих религиозных запросов и нравственного успокоения.

В жизни современного старообрядческого раскола обращают на себя внимание новые способы и приемы, употребляемые вожаками его в защите своих лжеучений и в нападении на православную Церковь. В этом отношении они существенно отличаются от своих предшественников. Тогда как прежние раскольнические писатели и начетчики почерпали свои доказательства в защиту раскола и возражения против православной Церкви исключительно из старопечатных книг,

предпочитая их даже свящ. Писанию, нынешние вожаки раскола не считают этих книг непреложно-нужными и ищут себе помощи не только в сочинениях светских и духовных писателей «никонианской» Церкви, но даже в книгах иностранных, – католических и протестантских и даже в подпольных изданиях. Напр., о раскольниках Кишиневской епархии местный миссионер сообщает, что они даже на публичных беседах не стесняются защищаться подпольными изданиями, напечатанными за границею апологетами раскола. В селе Куничном, Сорокского уезда, на беседах в мае и октябре, раскольнический начетчик Николай Кавунов почерпал свои доказательства из «Краткой истории древнеправославной Российской Церкви священства», изданной раскольниками в Яссах, а Грубенские начетчики Сергей Яблочников и Лев Дубовяков защищались 2-м томом «Исторических исследований» жида Карловича и книгою заграничного же издания, содержащую критический разбор окружного послания. Между бессарабскими раскольниками обращается немало и других книг заграничного издания, написанных в защиту раскола и против православной Церкви. Одни из этих книг напечатаны, а большинство литографированы. Больше всего распространены в северной Бессарабии следующие раскольнические издания: 1) «Беседы Мельниковых в посаде Городне с Гомельским миссионером о. Алексеем» (сочинение Феодора Мельникова); 2) «Беседа в Москве, 2-го декабря 1839 г. старообрядцев, приемлющих окружное послание, с никонианскими миссионерами» (его же); 3) «Апология С.-Петербургской беседы»; 4) «Ответ обвиняющим в богословской ереси устав Белокриницкий и мою защиту оному» (сочин. Швецова, эта книжка, имеет дату: октября 22 1892-го года); 5) «Показание всеобдержности двуперстного сложения в древней православной Церкви и погрешностей противу святого Евангелия в новообрядствующей Греко-Российской Церкви» (Яссы, 1888 г.); 6) «Ложный обвинитель старообрядствующей иерархии безпоповец К. Голубев»; 7) «Другопреемство рукоположения, нисходящего от святых апостолов в старообрядствующей иерархии»; 8) «Книга об антихристе и о

прочих действиях, иже при нём были хотящих» (Яссы, 1888 г.); 9) «Жизнь Амвросия, митрополита Белокриницкого» (сочин. Василия Мельникова); 10) «Жизнь архиепископа Антония Московского» (сочин. Швецова); 11) «Очерк на разбор М. Шустова апологии старообрядствующей иерархии А. Швецова», 12) «Разбор письма Трофима Виссарионовича Альгина» (сочин. Василия Мельникова); 13) «О сущности и свойствах Церкви Христовой, исповедуемой в православном символе веры» (сочинение Арсения Швецова и Василия Мельникова; издано ноября 18-го 1894 г.); 14) «О падении Восточной Церкви»; 15) «Ответы старообрядцев миссионеру господствующей Церкви В. Агапову, Ярославской епархии»; 16) «Ответы на вопросы безпоповцев-отрицанцев першинского толка» (сочин. Швецова); 17) «Три письма Иллариона Георгиевича, автора Окружного послания»; 18) «Инок Нила краткое сказание о изыскании ко вдовствующей многолетно святой Церкви без епископов, о убеждении во истинном благочестии митрополита Амвросия, о водворении и священнодействии его в Белой Кринице, и о изгнании его в заточение и блаженной кончине его жизни» и мн. другие (Кишиневские Епарх. Вед.). Немало подпольных изданий распространено и среди раскольников других местностей. Например, среди донских старообрядцев известно до 60 названий подпольных сочинений, большая часть которых принадлежит перу Василия Механикова, бывшего лжепопом в Ростове на Дону и – безпоповщинского начетчика Батова.

Самую примечательную особенность новейших раскольнических писателей, по замечанию известного расколоведа Н. И. Субботина,¹¹⁸ составляет господствующая в их сочинениях озлобленная и крайне дерзкая брань на православную Церковь, её священноначалие и защитников, подвизающихся в борьбе с расколом. В этом сходство современных апологетов раскола с прежними, некоторые же из них превзошли своею дерзостью в этом отношении даже знаменитого протопопа Аввакума...

А. О.

В-ов Алексей. Московский раскол // Миссионерское обозрение 1901 г. №10. С. 465–471

Хлопоты заправил раскола о возвращении изгнанного Картушина и управление делами без него. – Собор по поводу подписки Картушина. – «Исповедание веры» Арсения Уральского и попа Механикова. – Возвращение Картушина. – Прерванный собор. – Дворник – кандидат в копы за рассудительность и длинную бороду. – Жизнь раскольничьего архиерея. – Судьба Апухтинки. – Соборы.

Чтобы пополнить перерыв в наших сообщениях о жизни московских раскольников, нам придется вернуться несколько назад и начать повествование с того момента, как самочинный раскольничий архиерей, Иоанн Картушин, волей или неволей покинул Москву Белокаменную.

Так как ходили слухи, что владыка раскольничий Иустин удален из Москвы властями предержащими, то столпы и адаманты московского раскола в лице толстосумов-купцов начали всюду хлопотать, чтобы «оборудовать» возвращение в Москву изгнанного донского казака Иустина Картушина, а пока что, со всеми текущими делами по раскольничьей «епархии» было приказано обращаться к попам Алексею Новикову из Каринкинской моленной и Варфоломею из Шibaевской. Частью дела, вершились на общих собраниях, созывавшихся названными попами, частью же отсылались для резолюций покинувшему Москву лжеархиерею.

В начале октября дело «о возвращении» в Москву заправилам раскола в Москве показалось настолько подвинувшимся, что они нашли своевременным отправить к Иустину Картушину депутацию с г. Мусориным во главе. По возвращении депутации (в половине октября прошлого года) было объявлено, что «владыка» скоро возвратится и будет якобы восстановлен во всех своих правах.

Такое известие, однако, смутило некоторых из проживавших в Москве раскольничьих архиереев, и по их почину в квартире Ф. С. Рахманова был созван собор, который должен был

решить, можно ли принять в прежних правах Картушина, после того, как всем известно, что и он, подобно своему предшественнику, покойному Савватию, дал полицейским властям подписку не именоваться архиепископом московским. Хотя аргумент этот и был весьма весок, тем не менее, собравшиеся на собор попы и лжеархиереи раскольничьи были убеждены Ф. С. Рахмановым, что следует принять владыку, ибо без такой подписки едва ли кому и другому из архиереев старообрядческих можно будет впредь проживать в Москве; «да и что же такое подписка, – говорил оратор, – подписка эта вынужденная, её, пожалуй, ведь можно и не исполнять». На том и порешили, тем более, что возвращение в Москву первого по важности занимаемого места архиерея раскольничьего было весьма желательно, чтобы созвать собор для суда над пресловутым Арсением, старообрядческим епископом уральским и временно нижегородским, которого известный в расколе поп-писатель Василий Механиков обозвал в своём сочинении еретиком, за то, что Арсений, он же Онисим Васильевич Швецов, держится учения Павла Белокриницкого о подлетном рождении Сына Божия, в своём «Исповедании Православной веры».

Для решения вопроса о том, кто прав – Онисим Васильевич или его оппонент, Василий Механиков, в конце октября и в начале ноября прошлого года состоялся целый ряд соборных заседаний в разных местах, то у Мусорина, то на Рогожском кладбище, в квартире попа Елисея...

Заседания эти закончились обоюдным соглашением Арсения и Механикова, выраженным ими в нижеследующем исповедании веры, подписанном тем и другим.

«Вследствие происшедших между нами нежелательных пререканий по вопросу о единоначалии Божества и Троичности лиц, мы, при личной беседе, по довольном обмене мыслей, пришли к одному убеждению, что по вере во святую Троицу мы оба православны. Посему, в прекращение между нами пререканий, сим объявляем, что сочинения наши: моё – священника Василия «Критический разбор защиты Белокриницкого устава» в двух редакциях (1892) и моё –

епископа Арсения «Исповедание веры» (от 20 октября 1899 г.) отселе считаем недействительными. При том, если кому кажутся мои – епископа Арсения, в рассуждении о богословии Белокриницкого устава выражения неточными, из коих и я сам некие признаю таковыми, пусть тот, не придавая им никакого значения и считая их как бы не существующими, следует св. Писанию и учению святых отец. В удостоверение же того, что мы сохраним Православную веру, помещаем здесь ежедневно читаемый нами символ православной веры, еже есть».

(Следует полностью Символ веры в старообрядческой, конечно, редакции).

«В согласность же сего истинного и спасительного исповедания православной веры, купно со св. Григорием Фессалоникийским глаголем: «Един Бог, Иже прежде всех, и над всеми и во всех, и паче всего в Отце, и Сыне и Святем Дусе, от нас веруемый и поклоняемый, Единица в Троице, неслиянно соединяема и нераздельно разделяема. Единица тожде и Троица всесильная, Отец безначален, не точию яко безлетен, но по всякому образу неповинен; едина вина, корень и источник, еже в Сыне и Св. Дусе, зримого Божества, едина вина предначинательная бывших. Не Един Содетель, но Един Единому Сыну Отец и Единому Духу Святой Предложитель. Больши Сына и Духа, точию сим яко виновен, ина же вся тожде и тем единачастен. Его же Сын – Един, безначален, убо яко безлетен; не безначален же Сын, яко начало и корень и источник имый Отца; от Него же Единого прежде всех век, бесплотен, неизменен, бесстрастен, рожден, происхожден. Не разделися Бог-Сын от Бога; не ин, убо по Ему же Бог, ниже по Ему же Сын, но присно Сын сый и точию яко присно в Бозе неслиянен Сын сый, а не вина и начало еже в Троице разумеваемого Божества; но яко от вины и начала сый от Отца, вина же и начало всем Сын, яко тем вся быша. Духа Святого собезначальна суца Отцу и Сыну, яко безлетна; не безначален же, яко и той корень и источник и вину имый от Отца, не яко рожденне, но исходне; от Отца, бо и той прежде век, неизменен, бесстрастен, не рожденне, но исходне пройде, нераздельна суца. Отца и Сына, яко от Отца происходяща и на Сыне

почивающая, неслиянне соединение имея и нераздельное разделение». (Кн. Кирилла Иерусалимского гл. 37, первое послание Мелетия, ст. 413, 414).

Вместе с сим приемлем всё священное Писание и учение свв. отец, которым мы всегда следовали и следуем, во славу Святыя Единосущныя и Нераздельныя Троицы. Аминь, 10 ноября 1900 года.

Подлинное подписали: смиренный Арсений старообрядческий епископ уральский и временно нижегородский, старообрядческий священник Василий Механиков.

Исповедание сие к прекращению пререканий между епископом Арсением и священником Василием Механиковым принял смиренный Иоанн архиепископ старообрядческий».

Таким образом прекратилась давнишняя распря между двумя раскольническими писателями, не мало смуты наделавшая в среде их собратий.

Как мы видели Картушин принимал уже деятельное участие на вышеуказанных соборах, но тем не менее по возвращении своём в Москву, он приехал к себе на подворье, а проживал сперва то за Москвой-рекой у Екатерины Егоровны, то за Семеновской заставой у Пелагеи Ивановны Миловановой; к этим ревнительницам древляго благочестия ездили и попы с делами, и так, повидать владыку, который окончательно водворился в свой рогожский на Николо-ямской улице тупик лишь после Николина дня,

29-го декабря прошлого года состоялся раскольничий собор на Немецком рынке, в квартире попа при Шibaевской моленной. Собрание было весьма шумное и многолюдное, толковали и рядили по поводу затеянных Картушиным противоправославных братств. Но в самый разгар собрания оно было прервано неожиданным визитом полиции.

Заметив большой съезд экипажей и освещение чуть ли не «а giorno», местный полицейский позвонил дворника и потребовал объяснения от него, что бы всё сие значило.

Дворник сообщил, что к хозяину приехали в гости зятья, да владыка с секретарем ненароком завернули, а освещение, мол,

почти постоянно такое бывает.

Так отрапортовал дворник о своём разговоре с околоточным надзирателем собору.

Не зная, удовлетворился ли полицейский страж таким объяснением дворника, или, быть может, стал лично дожидаться разезда – многие из присутствовавших на соборе-заблагорассудили остаться ночевать, а лжевладыка Картушин, преподав благословение дворнику, сумевшему ловко ответить полицейскому, дал ему пятирублевый золотой, похвалил его верность и произрек: «верные люди нам нужны».

Последствием этой фразы было то, что уже на другой день находившийся в Москве раскольнический лжеархиерей Иона Смеленский испытывал шибеевского дворника: не годится ли он в попы, предложив ему читать вечерню.

Симен Гордеев, так звали шибеевского дворника, оказался, правда, не очень искусным в чтении, но, принимая во внимание, что у него «большая борода», следовательно, осанка поповская, да к тому же в молодых годах и сам Иона не знатного был рода и с Гордеевым делил компанию, – принимая, говорим, всё это во внимание, – лжеархиерей Иона решил попробовать отправить в Калугу на испытание к тамошнему попечителю Кожевникову.

Сказано – сделано, снарядили Гордеева и в Калугу отправили, но там и борода не вывезла, не понравилось его чтение, и его прислали, не солоно хлебавши, назад в Москву. Так и провалилась кандидатура дворника в попы.

Пока Картушин проживал у ревнительниц «древляго благочестия», его поклонники и почитатели, подготавливая раскольничье население Москвы к публичному появлению лжеархиерея в моленных собраниях на богослужениях и проч., распускали деятельно слухи, что Картушин признан властями предержащими в своём сани и теперь ему, якобы, безвозбранно разрешено проживать в Москве под именем архиепископа старообрядческого. И сам Иустин-казак подкреплял подобные слухи, рассказывая при каждом удобном случае, как много пришлось перенести и пострадать ему за своё архиепископство и как теперь всё это уладилось.

После Николина дня Картушин, водворившись к себе в Рогожский тупик, зажил как и до отъезда своего из Москвы, занимаясь текущими делами, объезжая моленная, совершая торжественные службы по приглашению и по собственному желанию на старом пепелище старообрядческих московских архиереев – на пресловутой Апухтинке.

Вообще за последнее время Картушин что-то очень полюбил Апухтинку, да и самое это архиерейское подворье стало теперь неузнаваемо все благодаря тому же Иустину казаку.

Произошло обновление Апухтинки следующим образом. Однажды, совершая здесь богослужение, Картушин обратился к собравшемуся народу с трогательной речью о значении этого гнезда московского раскола для старообрядцев.

«Православные христиане, – говорил раскольничий оратор, – всякий русский от Москвы и до Сибири знает, что в московском кремле находится храм Успения Богоматери с его святынями... Мал и невзрачен наш храм тоже во имя Успения Богоматери, в котором ныне мы молимся Господу Богу (на Апухтинке), но велик он и известен не только в России, но и за границу по своему внушительному значению для древле-православной церкви!»

«Сколько святителей, архиереев и иереев вышло из этого храма, потрудившихся и поработавших на пользу нашей церкви древле-православной. По истине можно сказать, что храм сей является как бы хранителем апостольского и святых отцов Церкви учения, как светоносный столб во мраке никонианских заблуждений!»

«К сожалению, внешний вид столь дорогого нам храма не соответствует столь великому его значению. И, вот, я решил обратить внимание на его благолепие, а посему предлагаю вам избрать из своей среды попечителей сего храма и возложить на них обязанность расширить и украсить сей наш храм и привести его в вид, какой и подобает дому Божию!»

Так говорил нарядившийся в архиерейское облачение казацкий урядник Иустин Картушин и тронул он сердца молящихся. Потекли из очей у них слезы умиления, а из туги

набитых бумажников пожертвования на обновление Апухтинской моленной, которая, к слову сказать, до сих пор уж действительно плачевный вид имела, до того плачевный, что Ф. С. Рахманов отзывался о ней, что это-де не храм, а «коптелка» какая-то.

Теперь для Апухтинки настала новая эра. Избранные для её обновления попечитель П. Д. Шелапутин и поп Антон, приходящийся, кажется, каким-то родственником лжевладыке Иоанну, деятельно принялись за исполнение возложенных на них обязанностей. Прежде всего были выбраны внутренние стены в моленной, прорубили потолок и устроили в нём подобие купола, высотой до шести аршин, вместо походного иконостаса поставили новый капитальный, весь золоченый.

Видя такой грандиозный ремонт в раскольничьей моленной, соседи православные только руками разводили, как может зайти нахальство раскольников, что они даже в столицах игнорируют предписание, запрещающее им поновлять старые моленные и возводить новые. Но вот, к великой радости православных, прошли слухи, что на страстной неделе являлась на Апухтинку полиция и составила протокол по поводу её обновления. Но радость была не продолжительна: или слухи эти оказались неточными, или другие какие-либо произошли обстоятельства, но только Апухтинскую моленную старообрядцы доделали, освятили теперь по-прежнему безвозбранно совершают в ней свои службы.

После пасхи раскольничий архиепископ выехал на дачу, где собирал, как и в прежнее время, собрания, заседания совета и проч., ездил Картушин по «епархии»; словом, казалось, жизнь лжеархиерея вошла в прежнюю колею, и лишь время от времени правильное её течение нарушалось вызовами Картушина в сыскное отделение московской полиции. Повидимому, не очень-то страшился Картушин этих поездок, так как все текущие дела продолжал безостановочно и не стеснялся созывать заседания советов не только на даче, но и в самой Москве.

Последними из этих заседаний были: одно 21-го июня в доме Шибаева на Пустой улице и другое под его

председательством после Казанской, в июле месяце. Заседания эти были очень интересны, но что на них происходило – это мы сообщим в следующей книжке.

Алексей В-ов

Библиография

**Э. О. Летопись духовной печати по вопросам
миссии и расколо-сектантства // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 10. С. 472–476**

Идеалы православного инородческого миссионерства (Прав. Соб., июль-сент.). Значение Церкви в жизни христианина (Странник, апрель-август).

В *Правосл. Собес.* продолжается печатанием исследование иером. Дионисия – «*Идеалы православно-русского инородческого миссионерства*». Автор в главе третьей своего труда характеризует душевную настроенность миссионера, его отношения к инородцам и взаимные отношения миссионеров между собою. – Миссионер, как и всякий пастырь Церкви, по утверждению автора, должен быть прежде всего *человеком идеи* (курсив всюду автора), чтобы ни на минуту не покидать того знамения христианской истины и добродетели, которые проповедовать и защищать он призван. Твердость и величие духа, т. е. *исповедническое* настроение миссионера поддерживают и ободряют новообращенных, и благоприятно воздействуют на непросвещенных еще. Напротив, неубежденность проповедника, его колебания смущают слушателей, соблазняют их. И для самих же проповедников их всецелая преданность воле Божией, трудное упование на и Бога и вера в Его о нас промышление необходимы и потому еще, что всё это, делая их великими исповедниками за имя Христово, укрепляло их и давало им силы к перенесению и нравственных страданий, и чисто физических трудов и опасностей. – Отношения к инородцам должны быть основаны на любви и сострадании к ним. Все благовестники наши были людьми отзывчивыми к ближним, мягкими, снисходительными. Эта любовь их была тем сильнее к людям, чем люди эти, с которыми им приходилось иметь дело, были грешнее и испорченнее и, след., более нуждались в нравственном врачевании. Само собой понятно, что невозможны были, конечно, со стороны их никакие насилия, притеснения, вымогательства, а тем более – истязания инородцев. Не

внешнею силою, не логическими доказательствами, не красноречием своим приводили они темные языческие массы ко Христу, а своим *непосредственным* добрым влиянием на них, своею любовью к ним, заставлявшей трепетать и биться их грубые сердца. Лучшим нравственно-воздействующим проявлением этой любви служила молитва миссионеров о заблудшихся. – Во взаимных отношениях миссионеров должны быть сердечное расположение одного к другому, взаимная братская любовь, исключаящие всякую среди них зависть и соперничество, недружелюбие и раздоры.

В главе четвертой автор рассуждает о способах воздействия на язычников: о начале сношений с инородцами, о проповеди, о храмах и богослужении, о школах и просвещении. – Все православные благовестники, прибыв на место своего служения, не сразу же приступали к прямой проповеди, а сначала завязывали с инородцами чисто-бытовые, житейские сношения, начинали знакомиться с ними, приучали их к себе и настолько входили к ним в доверие, что делались для них необходимыми в их же собственном сознании! В это же время они изучали их язык, верования, нравы, весь общественный и семейный их быт. После этого они приступали уж к прямой проповеди среди язычников. По характеру своему проповедь миссионера представляет *общепонятную* для народа беседу; тон её – мягкий, кроткий, дышащий любовью; содержанием её были существенные истины христианской веры и нравственности. На вопрос о том, нужен ли в миссионерской проповеди *полемический* элемент? – автор отвечает двояко: в проповеди среди *язычников* этот элемент он признает необходимым; а в проповеди среди *мухаммедан* полемику признает излишней и бесполезной. Эти, по словам автора, как и наши старообрядцы, очень неискренни, а вследствие своего фанатизма и нравственного расслабления сводят, обыкновенно, разговоры и рассуждения к софистике и диалектическим спорам. – Пред крещением инородцев автор сильно настаивает на самом тщательном испытании твердости и искренности их веры и присоединять к Церкви без всяких наград и подарков, расслабляющих и развращающих невежественный народ. –

Богослужение для крещенных инородцев и школы для них и для некрещенных автор признает настолько необходимыми, что отказывается представить и самую миссию без них. Но богослужение, как и обучение в школах, необходимо должно вестись на инородческих языках. Эту свою мысль автор весьма подробно и толково обосновывает и выясняет – данными психологии, свидетельствами истории и ссылками на авторитетных представителей миссии и науки.

В «Страннике» заканчивается печатанием статья г. Кремлевского «значение Церкви в жизни христианина». Выяснив понятие о Церкви и показав необходимость благодати Божией человеку от самого начала его христианской жизни до самой смерти, автор старается доказать, что человеку, существу психофизическому, для его спасения нужна еще особая руководящая ко Христу церковная внешность. – Человеку-христианину прежде всего необходимо нужно принадлежать к обществу подобных ему христиан. Эта принадлежность облегчает ему непосильную для него одну борьбу с его личными страстями и соблазнами мира, помогает ему достигать цели его – не только личного нравственного совершенства, но и быть «солью земли», «светом мира».. Внутренним объединяющим началом для всех членов в обществе, в Церкви, с объективной стороны является Сам Христос Спаситель и Дух Божий, – а с субъективной – единый дух веры и любви, связующий всех в одно духовное тело. Но так как всякое общество, при одном чисто внутреннем духовном единении, без внешнего объединения, неизбежно должно распадаться на единицы, то и Церковь не может обойтись без внешности, без видимого устройства и форм. Внешность же эта определяется психофизической природой человека. Религиозно-нравственное чувство человека, если оно питается только внутри человека, не получая впечатлений совне и само не обнаруживаясь чрез тело, никогда не будет иметь достаточной энергии и силы; для его воспитания и сохранения необходима особая религиозная внешность, церковные формы, – эта атмосфера, которой дышит христианское чувство. Отсюда автор выводит необходимость для христиан – храма с его устройством и богослужением и

неизбежную естественность молитвы его к Богу, как главного выразителя религиозного чувства и самого высшего проявления духовной жизни христианина.

Выяснив и обосновав необходимость и естественность церковной внешности в жизни христианина, автор решает возражения против неё. Возражают прежде всего против обилия и общеобязательности церковной внешности, требуя свободной молитвы и ссылаясь на слова Спасителя о тайной молитве «в комнате», без «говорения лишнего» (Мф.6:6–7). Г. Кремлевский доказывает, что Господь не против общественной молитвы, а против злоупотреблений ею. Остроумными сопоставлениями автор выясняет, что под «комнатой» нужно разумеать сердце человека, а под «говорением лишнего» – говорение или обращение к Богу с молитвою, которая недостойна Его, – прошение у Бога того, что не на пользу человеку. И Сам Господь, и Его апостолы, и Его великие подвижники никогда не обходились без молитвы церковной и готовых форм её. Церковная внешность, что школа, даёт систематическое церковно-христианское воспитание; поэтому христианин сам, внутри себя, чувствует и находит потребность в общей церковной молитве, особенно во время переживаемых им горя или радости. Свободы же духовной церковная внешность не нарушает. Свобода в Церкви не есть личный произвол, а добровольное освобождение себя от уз себялюбивой гордости, когда христианин самоотверженно приносит себя в жертву и охотно подчиняется Церкви. Притом Церковь не навязывает, а лишь предлагает готовые формы, формы для молитвы, наилучшие формы, созданные свободным произволением христианского духа. Эти формы суть показатели и выразители беседы, общения христианина с Богом. Без них Церковь скоро утратила бы своё единство, распавшись на отдельные единицы. Без внешнего единства не может существовать и внутреннее единство в духе. Поэтому за утратой церковного общения обыкновенно всегда следует потеря религиозного чувства, а вслед за тем происходит и упадок христианской нравственности. – Но так как церковная внешность есть и во всех сектантских обществах, то автор задается вопросом:

можно ли приписывать нашей церковно-богослужебной внешности безусловно важное значение? Рассмотрев немного богослужение сектантов, главным образом мистиков, автор приходит к тому выводу, что в их богослужении нет и духа, и тем более истины. Истинная же религиозная внешность должна быть, во-первых, одна для всех христиан и не только настоящего времени, но и всех времен; во-вторых, она должна соответствовать человеческой природе и отвечать здоровому религиозно-нравственному чувству. Такова только наша церковная внешность.

Второе возражение против церковной внешности то, что она ведет к пустому безжизненному формализму, который вредит христианской жизни. Автор соглашается с тем, что многие к вере относятся формально, что веру полагают в обрядах и т. п., но винит в этом не Церковь, а самих людей, которые не хотят исправить своей жизни, не хотят быть христианами на деле. Отрицать же из-за этого церковную внешность так же не резонно, как нельзя отрицать необходимости в таинстве крещения из-за того, что и после крещения все грешат? Эти свои мысли автор разъясняет и доказывает весьма подробно.

Возражают еще, что церковная внешность нужна только для слабых и необразованных, а не для сильных духом людей. Автор выясняет, что никто из людей не может почестся за сильного духом, потому что падали даже и апостолы, и потому что идеал совершенства слишком высок, а соблазнов в плоти и мире очень много; да и у сильных духом их духовная жизнь всегда требует оживления, которое может быть почерпнуто по преимуществу из церковной внешности, и без которого они могут стать мертвыми духом.

Заканчивает автор своё исследование вопросом о том, нужны ли для христианской жизни специальные, так сказать, средства благодати – таинства церковные. В решении этого нового автор ничего не говорит. Он не признает только за обстоятельство важное, что в св. Писании не для всех таинств находятся ясные указания в установлении их Иисусом Христом. По сему «предание установило семь таинств церковных», но это установление не есть дело человеческое. Дух Св., который

постоянно пребывает и действует в Церкви Божией, наставляет её на всякую истину. Поэтому, что делает Церковь, делает под руководством Божественного духа и согласно с волею Спасителя; и поэтому, далее, всё, что приняла и установила христианская история, т. е. вся Церковь, мы признаем за истину, вполне согласную с божественной волей.

Э. О.

Булгаков Н. [Рец. на] Свящ. Иуст. Ольшевский, епархиальный наблюдатель церковных школ и миссионер Полтавской епархии. Борьба со штундой... Полтава. 1901 г., стр. 51 // Миссионерское обозрение 1901 г. № 10. С. 476–479

Настоящая брошюра священника Ольшевского представляет из себя краткий конспективный обзор бесед о штундизме, веденных автором при педагогических курсах в м. Карловке, Константиноградского уезда, Полтавской епархии, в сентябре 1900 г. В настоящее время, когда идут заботы о привлечении к внутренней миссии не только низших членов клира (диаконов и псаломщиков), учителей церковно-приходских школ, но и простецов-мирян, брошюра о. Ольшевского, написанная весьма живым и вразумительным языком и сообщаящая существенные элементарные сведения о штунде и о средствах успешной борьбы с этим злом, явится важным подспорьем для лиц, непосредственно руководящих нашей приходской противосектантской миссией.

Всех бесед в брошюре о. Ольшевского семь. В первой беседе автор трактует о происхождении и распространении штундизма. Штундизм есть наносное явление в жизни русского народа; первоначально он появился в Херсонской губернии среди русских рабочих в немецких колониях, а отсюда был занесен в Киевскую губернию; в обеих губерниях штундизм сразу привился, встретив весьма снисходительное отношение к себе со стороны местных властей и суда. Среди ста тридцати миллионов населения русского государства штундистов в настоящее время насчитывается около тридцати пяти тысяч. – Во второй беседе о. Ольшевский излагает сущность заблуждений штундистов. Штундизм не имеет своего определенного и точно выраженного положительного вероучения; произведенные разными вожаками его и графом Львом Толстым попытки к катехизическому выражению и объединению ереси оказались безуспешными. Разнообразие в разумении св. Писания и основных догматических истин

вызвало среди штундистов разнообразие в разрешении практических вопросов, а всё это по необходимости вызвало и разные течения в развитии штундистской мысли. Однако при всем разнообразии, которое замечается в веропонимании штундистов, можно усматривать в этой ереси следующие главнейшие основные направления: а) штунда плотская, штундо-баптисты, штундо-пашковцы – перекрещенцы и штундо-молokane, – б) штунда духовная и штундо-пашковцы – не перекрещенцы, – в) штундо-субботники и штундо-жидовствующие, – г) штундо-малеванцы и д) штундо-толстовцы с штундо-духоборами. Русские сектанты, именующие себя *баптистами*, суть те же штундисты, ибо русских баптистов не знает ни наша история, ни наше законодательство. – Третья беседа посвящена обзору пастырско-миссионерских средств в борьбе со штундизмом. Миссионерство, как охранение православных от ереси и как вразумление заблудших, есть простой долг местного приходского пастыря. Ближайшие помощники миссионерствующего пастыря суть: диакон, псаломщик, учитель церковно-приходской школы и избранные прихожане; весьма полезна пастырю помощь женщин, они в своём усердии могут сильно воздействовать на мужей и на детей. При этом Церковь в своих пастырских мерах по отношению к заблуждающимся располагает одними нравственными средствами; что касается внешних гражданских мер, то они суть дело государства. В четвертой беседе довольно подробно говорится о миссионерской проповеди в приходе. Чтобы приготовить себя к веропроеповедническому делу, пастырь и его сотрудники должны обстоятельно изучить Слово Божие и ознакомиться с литературой штундизма; противоштундистский миссионер непременно должен быть библеистом по духу и по букве. Самое удобное средство к изучению св. Писания – это неизменно ежедневное чтение его, при утренней и вечерней молитве или в другое время, сколько возможно в порядке св. книг; всем пастырям необходимо иметь обязательную привычку ежедневно читать по порядку новый завет. – В конце беседы указаны наиболее существенные и полезные пособия для истолкования св. Писания нового завета

и ознакомления с учением и обличением штундизма. – Пятая и шестая беседы обозревают миссионерское дело в церковных школах приходов, зараженных штундизмом. Церковно-приходская школа есть могущественнейшее средство для проведения церковного влияния в народную среду, – поэтому она есть и могущественнейшее миссионерское средство. Для миссионерских целей нужно, чтобы при обычном прохождении положенного курса священной истории и катехизиса законоучитель обратил особое внимание и утвердил в сознании детей те положительные православные истины, которые оспариваются сектантами; приведение и разбор сектантских заблуждений не должны иметь места на уроках; только по прямому вызову со стороны детей законоучитель может и должен разобрать и опровергнуть указанное ему сектантское лжеучение. Миссионерская программа преподавания Закона Божия, составленная о. Ольшевским (бес. 6-я), была принята 3 Всероссийским миссионерским съездом (Деян... изд. 2. Киев. 1898 г., стр. 281–289) и 1 чрезвычайным собранием училищного совета при Св. Синоде; в некоторых епархиях она уже введена в школе (напр., в Харьковской и Воронежской епархиях). Беседа 7-я озаглавляется «*Миссионерская Библия*». В ней о. Ольшевский приводит в двух параллельных столбцах библейские тексты, на которые ссылаются штундисты при отрицании ими истин православия, и тексты, утверждающие эти истины и тем обличающие заблуждения штундистов; в столбце текстов, приводимых штундистами, поставлены в скобках тексты, способствующие правильному истолкованию приводимых сектантами мест. Этот отдел труда о. Ольшевского нуждается в пополнении некоторыми весьма важными местами св. Писания; так, в рубрику о «*Достоинстве ветхого завета*» нужно внести 2Пет.3:2, – Рим.15:4, – 1Кор.10:11; в числе текстов, указывающих на необходимость св. Предания, о. Ольшевский почему-то не упоминает Деян.20:85 и Еф.5:14; против ссылки штундистов на Мф.18:20 (о Церкви Христовой) с большим успехом можно приводить Мф.25:11–12, Ин.2:23–24, Деян.19:13–16 и Притч.28:9; чествование св. икон поклонением и возжиганием пред ними лампад основывается на Исх.27:20–21,

Лев.24:1–4 и Нав.7:6–9, которые также опущены нашим автором и т. д. Мы не указываем всех «пропусков» в миссионерской Библии, так как думает, что они сами собой легко будут замечены со стороны всякого руководителя нашей приходской миссией при пользовании книгою почтенного миссионера.

Заканчивая свою заметку о брошюре о. Ольшевского, мы не можем не выразить сожаления, что автор, кажется, не намерен пускать её в продажу; для миссионеров-простецов такие книги безусловно полезны.

Н. Булгаков

Чельцов М. [Рец. на] Еп. Виссарион. О расколе и по поводу раскола. Семнадцать проповедей. Изд. 2. СПб. 1901 г. стр. 178. ц. 80 коп. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 10. С. 479–480

Семнадцать проповедей, содержащихся в названной книге преосвященного автора, произнесены им в течение 1872–1888 годов на годовичных торжественных празднествах братства св. м. Петра, в Москве. Время и повод произнесения их предуказывают уже нам содержание и главное направление их. Как произнесенные на торжествах братства, имеющего своею целью борьбу с расколом, проповеди еп. Виссариона с одной стороны имеют своим предметом раскрытие православного учения о Церкви и её свойствах, а с другой – изобличение раскола. Поэтому о чём бы в проповеди автор ни говорил, он непременно старается сначала разъяснить учение Церкви Христовой, а потом показать, что такое представляет из себя раскол. Хотя взгляды на раскол и не новы, но в виду высоты положения преосвященного автора и его авторитетности в духовном мире, мы несколько остановимся на них.

«Раскол старообрядчества, по автору, столь распространенное зло, что частные усилия для борьбы с ним оказываются недостаточными» (стр. 11). «Раскол есть не только заблуждение, но и превратное сердечное настроение» (стр. 13). Он «есть рождение грубого невежества и суеверия и поддерживает невежество и суеверие с таким упрямством, которое потому только не кажется нам умственной болезнью, что мы присмотрелись к нему» (стр. 22). В доказательство последнего взгляда на раскол написана целая даже проповедь под заглавием: «суеверие и раскол». Раскольники, как отказавшиеся от Церкви, «походят на камни, выпавшие из стен здания» (стр. 73). Они, как преслушавшие Церковь, суть язычники и мытари в полном смысле этих слов (см. проповедь «наши язычники и мытари»). Всё, что ни проповедуют раскольничьи учителя и вожаки, все «благовидные речи лжеучителей» – «есть сплетение лживых мудрований» (стр. 79),

так что и самый раскол «есть не что иное, как собрание гнилых слов» (проповедь «Гнилые слова» стр. 102). – От Церкви раскольники отступили и продолжают отступать «из-за одного каприза: разве не каприз, наприм., упрямая вражда против имени Иисуса»? (стр. 90); а причина упорного противления Церкви заключается «главным образом в высокоумии, обладаемые которым одних себя почитают обладателями истины, одних себя умниками, – прочие все недобросовестны и глупы» (стр. 110 в проповеди «Высокоумие отторгшихся от Церкви»). Поэтому наши раскольники – это «сыны противления», это «наши самаряне» (см. проповеди под этими заглавиями), а по их темной пропаганде их лжеучения, по их темным делам и проступкам – это «татие и разбойницы» (см. проповедь). – В силу такого своего взгляда на раскольников преосвященный автор призывает к противодействию расколу не духовных только лиц, но и гражданское начальство. Поэтому в первых же двух проповедях «О необходимости и способах противодействия расколу» и «Толки ревнителей полнейшей свободы раскола» он указывает, в чём должно выражаться противодействие расколу со стороны духовных лиц и светских властей, и разбирает основательность возражений от ревнителей полнейшей свободы совести и, след., полнейшей свободы пропаганды раскольниками их учения.

Средствами ко вразумлению раскольников автор признает беседы с ними, распространение среди них брошюр и книг, добрую жизнь православных и молитвы о них пред Богом, дабы благодать Божия коснулась слуха, их и смягчила их ожесточенные сердца.

Таковы главные мысли, раскрываемые преосвященным автором в его семнадцати проповедях. При этом необходимо заметит, что каждая проповедь имеет своё особое законченное содержание и повторений одного и того же у автора нет. План проповедей у автора таков: поставив во главе проповеди какой-либо текст св. Писания, автор сначала раскрывает его содержание, изъясняет его смысл; а потом уже делает применение выводов из него к той или другой стороне из

учения, жизни или воззрений раскольников; натяжек или искусственности при этом автором не допускается нигде.

Изложение в проповедях отличается простотой и ясностью. Лишних слов нет. Ясная, светлая мысль автора передается прозрачно-ясным словом, а поэтому усваивается читателем легко и быстро. Язык точный, выработанный.

Книжка автора всяким, интересующимся нашим расколом, прочтется с удовольствием. Многие из его проповедей могут быть произнесены с церковной кафедры даже и теперь.

Мрорpis. *Чельцов*

**Миссионерский Вестник // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 10. С. 481–496**

Памяти в Бозе почившего Высокопреосвященного Архиепископа Харьковского Амвросия

Быстро заполняются новые страницы миссионерского синодика!... Еще нет и трех месяцев, как належит печальный долг вписать *третье* бесценное имя новопреставившегося деятеля внутренней миссии Церкви и на этот раз – доблестного миссионера-архипастыря. Угас яркий светильник Церкви, замолкли уста российского Златоуста, не стало архиепископа Харьковского Амвросия! Какая тяжкая, невознаградимая утрата не только твердого, зоркого стража Церкви, но и одинаково мужественного апологета – ратоборца с лжеучениями как религиозными, так и социальными.

Сложна и многостороння церковно-общественная деятельность приснопамятного иерарха. Но из всех видов этой его деятельности для нас должно быть вечно-памятным его живое попечение об успехах внутренней миссии, получившей в Харьковской епархии образцовое устройство и проявившей себя чрезвычайно жизнедеятельно и благоплодно. Из юбилейной нашей статьи читатели знают о заслугах почившего иерарха пред миссией, как «архистратига воинствующих мечем слова Божия». Но почивший архипастырь является несравненным миссионером среди нашей интеллигенции, как проповедник – публицист и апологет и как талантливый, отзывчивый служитель интересам и потребностям нашего просвещения, в частности просвещения христианско-философского.

Профессор А. Введенский (в «Моск. Вед.») говорит, что, всматриваясь пристальным взором и вслушиваясь чутким ухом во всё то, что совершается в нашей умственной жизни, высокопреосвященный Амвросий, – этот несравненный наблюдатель-апологет, приходил в великое смущение. Он видел, как волны мысли, живущей по «стихиям мира» и по «преданиям человеческим», поднимаясь из седой древности и с Далекого Востока, переходя затем чрез мир классический и отражаясь в западном язычествующем сознании, достигают и

до нашего образованного или, точнее, полуобразованного общества, производя здесь великую смуту.

Он видел, что поклонники безбожного прогресса, исключаящего будто-бы всякую мысль о Боге-Творце и Промыслителе, материалисты, открыто провозглашающие культ плоти и т. д. и т. д., – что все эти враги христианской мысли и христианского просвещения легко находят у нас адептов и последователей, которые тем более опасны, чем более, вследствие своей духовной близорукости и слепоты, они фанатичны.

Он слышал, как они, разумные адепты заемной мудрости, начинают, по слову Писания, «злословить то, чего не понимают», – начинают порицать, отрицать, отвергать всё то, на чём держится жизнь и мысль христианская, и всё это, в большинстве случаев, с чужого голоса, вовсе и не подозревая того, под чьим влиянием стоят и на кого работают.

Он следил с тоской и страхом за тем, как вследствие этого всё ставится у нас, в нашем полуобразованном обществе, под вопрос, как «воскресают» и множатся у нас эти новые «совопросники», гораздо более опасные, чем те, от которых в своё время предостерегал великий «апостол языков», ибо наши совопросники не встречают уже отпора в сознании современных христиан, – увы, сознании слабом и вялом, – как встречали его совопросники времен апостольских, Церкви первенствующей, и потому гордо носят свою голову и громко о себе заявляют...

Он, отзывчивый и чуткий, видел и слышал всё это и скорбел скорбью неизреченною, переполнявшею его сердце: «мы можем смотреть на это», – говорит он в одной из своих проповедей, – «не иначе, как с величайшею скорбью, потому что не к торжеству над ними, этими совопросниками, мы стремимся, а готовы сами подчиниться им». Ибо, – поясняет он свою мысль, – велика сила обольщения ложною философией: как змей хитростью прельстил Еву, так и ложная мысль повреждает умы, уклоняя их от простоты Христовой и возбуждая в невинной и неопытной душе неосмотрительные порывы к совершенству знания ложным обещанием: *будете яко бози, ведяще доброе и лукавое...*

И вот таким именно миссионером и стражем зорким и неусыпным был почивший святитель. Он не только изобличал современные заблуждения в своих, полных глубины мысли и философского значения, проповедях, но основал с тою же целью и специальный богословско-философский журнал (*Вера и Разум*), в котором вторая половина каждой книжки предназначается специально для трактатов философских.

Это – великое дело почившего, великая его заслуга пред Церковью и историей нашего просвещения!

В прекрасной надгробной речи, профессор Университета прот. Т. В. Буткевич, характеризуя деятельность в Бозе почившего архипастыря на харьковской кафедре, свидетельствует, что она была необычайно плодотворна и разносторонняя. Более, чем где-либо, он учил здесь, как власть имеющий, как смелый и не умолкающий обличитель

современных заблуждений и пороков. – Он учил у нас своим живым и действенным словом неопустительно при каждом своём священнослужении, говорил проповедник. – Но не мы одни были его слушателями. Его голосу внимала вся Россия. Его проповеди и речи были читаемы в самых отдаленных уголках нашего обширного отечества и – не только православными, но и иноверцами. И повсюду одинаково они воспламеняли религиозное чувство, будили живую мысль, вызывали общественное движение, споры и разделения, открывали друзей и врагов нашей св. Церкви и нашего народа. Последние противились его учению; но он нисколько не смущался их криком и раздражением. В этих случаях он обыкновенно говорил: «Славу Богу! борьба возгорается: будет когда-либо и победа! Не доживем до неё мы, – доживут другие». Он не боялся борьбы; ибо торжествующая Церковь, говорил он, на небе, на земле Церковь – воинствующая! Он не боялся борьбы, – ибо пред его духовными очами всегда предносились слова Спасителя: «Огонь пришел Я низвесть на землю, – и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» «Не мир пришел Я принести, но меч!» (Мф.10:34). Даже при наречении своём во епископа он говорил пред лицом Св. Синода: «Церковь во внутренней своей жизни никогда не имеет совершенного мира; борьба с врагами спасения рода человеческого – её призвание, в борьбе обнаруживается её сила, в победе – её торжество и преуспевание. И не страшно, когда много у неё врагов, даже когда враги её особенно сильны, – за неё борется и побеждает Господь всемогущий».

Как и свойственно лжи, враги Церкви Христовой и русского народа, не имея возможности бороться с приснопамятным архипастырем оружием правды, постоянно обращались к средствам гнусным и недостойным честных людей: они всячески клеветали на него, бросала в него грязью, осыпали его анонимными ругательными, письмами не только из различных русских городов и городков, но и из швейцарских трущоб эмигрантов. И святитель Божий всё это терпел и переносил с удивительным мужеством и поразительным хладнокровием. Мало этого, – он даже душевно радовался, претерпевая эти

несправедливые оскорбления, ибо он был уверен; что не будет оставлен милостью Божией, ибо он знал, что страдает за честное служение правде, истине, делу Божию, за свою безграничную любовь к Церкви Христовой и русскому народу. «Плохо было бы, говорил он, если бы все люди стали говорить о нас хорошо; прискорбно было бы, если бы враги наши молчали и оставили нас в покое; когда же они кричат и в бессилии своём отвечают лишь бранью – значит, – они сознают свою неправоту, значит, – их больно бьют наши удары. Надо работать; не следует упускать этого важного момента!» Он умер, как истинный ратоборец Христов; он умер, стоя в переднем ряду честных борцов и выдерживая своею грудью все натиски и самые сильные удары врагов; он пал, сраженный смертью на самом поле битвы, в момент разгоревшейся борьбы. Перо из его рук вырвала и могла вырвать только одна смерть да воля Божия!

Он умер, но нам остались его заветы и назидания, вытекающие из его жизни и деятельности. Его заветы просты и немногосложны; но они в высшей степени спасительны и плодотворны. Вот они: не жалея себя трудиться во славу Божию и во благо ближних, прежде же всего – на благо своего великого народа; хранить нерушимо учение православной Церкви и свято чтить её уставы; с благоговением и безграничною преданностью преклоняться не только пред волею, но и самим именем русских царей, как истинных помазанников и избранников Божиих; всегда стремиться к умственному и нравственному совершенству, не увлекаясь ложными философскими учениями Запада; дорожить благочестивыми обычаями и нравами, унаследованными от предков, и не менять их без нужды и легкомысленно на несвойственные русскому народу и губительные для его благосостояния обычаи иноземные; быть русскими и больше всего любить Россию; предпочитать, благородную простоту разорительной роскоши; воспитывать детей в страхе Божиим и охранять чистоту семейной жизни; бороться с общественными заблуждениями и пороками не только словом, но и делом; не бояться злобы врагов и

мужественно идти своим путем, веруя, что от Господа стопы человека исправляются.

Он горячо любил нашу православную Церковь и нашу Россию; а любовь, как говорит апостол (1Кор.13:8), не прекращается даже и тогда, когда умолкают уста и упраздняются знания.

В последнее время своей, жизни усопший святитель особенно часто любил повторять предсмертные слова великого святителя православной Церкви – Иоанна Златоуста: «Слава Богу за всё!» Последуем же и мы его примеру. Скорбя о потере и молясь о блаженном упокоении усопшего в селениях праведных, возблагодарим вместе с сим Пастыреначальника православной Церкви – Господа нашего Иисуса Христа, ниспославшего нам в потребное время доблестного архипастыря и сделавшего его орудием Своего промысления о нас. Он дал, Он и взял его. Слава Богу за всё!

Так закончил своё горячее слово любви почтенный Харьковский проповедник и любимый соратник в Бозе почившего. К этому нам остается добавить, что о почившем архипастыре, как о великом служителе слова проповеди и убеждения, миссия сохранит вечную и признательную, молитвенную память.

В. С.

Неслыханное изуверство сектантов, как плод толстовского просвещения

В Харьковской губернии есть слобода Павловка. В этой слободе еще с 80-х годов истекшего столетия сильно развилось толстовство. Насадил его здесь князь Хилков, богатый помещик. Последователи князя образовали из себя совершенно дикое общество. Они мало толковали о Боге в христианском смысле и о загробной жизни. Все помыслы свои сосредоточивали на устройстве счастливой жизни здесь, на земле. А так как на этой земле существующие порядки не благоприятствовали их мечтаниям, то сектанты страшно ненавидели всех и всё. Особенно они восставали против святой Церкви. На неё толстовцы смотрели, как на опору всего злого порядка в мире. Они заявляли: «як бы не було попив, то не було б и царив, не було б ни вийска, ни судив, ни справныкив, ни губернаторив. Не брали бы з нас и гроший на подати».

Отсюда видим, что по своим основным понятиям павловские толстовцы – совершенные нигилисты, отчаянные и необузданные. Свою дикость они неоднократно уже проявляли в жизни. То они, к соблазну верующих, жгли иконы на площади; то с криком врывались в св. храм, то делали грубые дерзости властям. До крайней степени своего нигилизма павловские сектанты однако не доводили, за выселением князя Хилкова за границу. Они, по-видимому, даже притихли и с каждым годом численно сокращались. Но в душе от своей веры не отступали. Собранные в толпу, они в присутствии командированного из Петербурга чиновника прямо говорили: «нам бы какой бы царь ни был – черный или белый, себ был милостивый!» Этими словами павловские сектанты наглядно подтвердили, что никакого патриотизма они не имеют; готовы переселиться куда угодно, даже в Америку, лишь бы там «не драли з них гроший на подати».

Выселение в чужие земли павловцам не удалось, они остались под властью белого царя. Но с тех пор затаили злобу против всего, что препятствует им осуществить в жизни их

нигилистические чаяния. Так дело продолжалось до сентября месяца 1901 г. В сентябре в Павловку приехал какой-то проходимец-сектант, назвавшийся Моисеем Наумовым Федосиенком. Этот сектант выдавал себя за важного человека. Он говорил мужикам, что вместе с царем копал бураки. При работе о многом разговаривали. Царь давно думает отнять землю у панов, да Сенат мешает... Но скоро все порядки изменятся. Скоро этот мир кончится, – и всё пойдет по новому: земли будут отняты у господ; ни войны, ни судов, ни начальников не будет. Наступит истинный рай для сектантов-праведников!...

Пред последним концом мира придут пророки. Он, Федосиенко, есть Моисей пророк. Его дело – дать возмездие нечестивым людям за их злодеяния. После придет Илия пророк, а там и Христос – судить мир. Всему близится конец! Бросайте, люди, работу, одевайтесь в праздничные одежды, идем разрушать неправду на земле: Христос Воскрес! Так безумствовал Федосиенко. Слова его огнем жгли сердца павловцам. Они внушали им дерзкие надежды на будущее. Федосиенко уверял, что на подмогу павловцам из Киева приедут два вагона братьев. Тогда, говорил он, «мы разнесем всё». «Доберемся до Петербурга. И дом Романовых раскассируем».

Сектанты окончательно заволновались. Начались торжественные хождения по слободе. Местный урядник, человек зоркий и деятельный, отозван был в Белополье на ярмарку. Следить должным образом за Федосиенком и его работой было некому. Правда, власти его арестовали. Отправили его к становому, а тот к исправнику. Но потом Федосиенко вернулся в Павловку, в сопровождении душ сорока толстовцев. Устроил здесь 15 сентября тайную вечерю; выбрал себе преемника – пророка Павленка, а сам исчез...

Тогда, в воскресенье, 16 сентября, Павловские толстовцы решили разгромить свою слободу. Они постановили «начать дело с церкви-школы». Они задумали войти во время обедни, убить там служившего священника, всё разрушить и двинуться

на каменную церковь. После с разных концов зажечь село и начать всеобщее избиение грешников.

16 сентября сего года, по колокольному благовесту к утрине в каменной церкви, сектанты собрались огромной толпой. Идя по дороге они кричали: «Христос Воскрес!» «Правда наша!» Дойдя до церкви-школы, они встретили здесь двух (только) сотских и запертые двери. Сторожей сотских они откинули в сторону; разбили замки на наружных дверях, ворвались в церковь и принялись с изуверством всё ломать и разбивать...

Иконостас в школе был закрыт ширмовой перегородкой. Эту перегородку сектанты отодвинули, разбив на ней замок; вбежали в алтарь, распахнули царские двери, сдвинули престол с места... При этом, рассказывают, Павленко-пророк и две девки залезли на престол и с него кричали: «кто здесь стоит? – Правда. – На чём она стоит? – На неправде», шумел народ.

– Так ломайте же неправду! – скомандовал Павленко, – и сектанты яростно бросились сокрушать всё. Жертвенник они повалили на бок; за престольный крест поломали и выбросили из окна. Потом, как звери, выбежали из алтаря и стали бить (палками) по иконам... Две иконки в царских дверях совсем выдавили, попортили и двери. Изломали и погнули подсвечники, паникадило разбили; стекла в окнах все побили палками, партами и железными кружками... Словно в средние века дикие варвары, ворвались в св. храм и произвели в нём неистовые опустошения!...

К счастью, Бог спас от поругания антиминос: он упал с престола на пол и не был замечен озверелыми сектантами. В дарохранительнице, по милости Божией, не было на этот раз запасных даров.

От церкви-школы, в сопровождении жен и детей, также собравшихся зрителей, сектанты двинулись к каменной церкви. Их встретили становой, урядник и немного полицейских. Станового сектанты смяли; порвали на нём погоны и начали тискать его ногами. Урядник был на лошади и счастливо ускользнул из толпы. Дальше сектантам уже расстился гладкий путь. Препятствий не было. С криком «ура!» они кинулись на каменную церковь. Священник, начавший было

совершать проскомидию, успел прекратить службу, запереть храм и уйти домой. Около запертых дверей храма остались в большом количестве православные хуторяне. Они-то и постояли за святыню Божию...

Подойдя к двери каменного храма, сектанты стали бить её палками, камнями, которые они отламывали от карнизов. Но тут православные забили в набат, вооружились кольями и началась драка, продолжавшаяся минут сорок. Сектанты были смяты и избиты сильно. Они пустились бежать из ограды, оглашая воздух криками: «За правду! ура!...» Православные преследовали беглецов и били их. Картина ужасная: крики, стон, маханье палками, кровь!... Всё это трудно описать. Да, был денек! Очевидцы его и сейчас находятся в болезненном нервном возбуждении...

По окончании свалки, буянов почти всех арестовали и отправили в тюрьму. На место происшествий выезжал губернатор. Были командированы для расследования дела судебные чины, член консистории и миссионер.

Бунт кончился, но навсегда ли? Страшно даже думать об этом. Толстовство, по самой своей природе, секта анархическая, безбожная. Её последователи лишь под давлением нужды молчат и *прикидываются* страдальцами. В душе же они настоящие человеконенавистники. Они представляют из себя подобие *порохового склада*, готового взорваться при первом поджоге. Нет основания поэтому думать, что павловский бунт – *случайное* дело, – дело, *исключительно* созданное каким-то злополучным Федосиенком. Этот Федосиенко – не больше, как *спичка* для порохового погреба. Он ничего бы не поделал со своей проповедью в православном селе, а среди толстовцев его сочли за Моисея пророка и по его указанию произвели страшный бунт...

Поэтому – *caveant consules!* Пусть гражданские власти не усыпляют себя при наблюдении за сектантами. Толстовский бунт в Павловках – серьезное предостережение всему православному русскому обществу. – Говорят, Федосиенко заражен малеванскими бреднями и взялся откуда-то из Киевской губернии. В Киевской губернии – масса штунды. Это –

тоже благоприятная почва для всякой экзальтированной и психопатологической пропаганды...

Будем же *все* стоять на страже с препоясанными чреслами, с мечем Слова Божия в руках (Еф.6:11, 13, 17), – при *непременном* однако содействии гражданской власти, которая в корне отрицается раздраженными сектантами.

Д. Боголюбов

21 сент. 1901. Харьков.

Комиссия при Учебном Комитете

Во второй половине августа, как известно, при Учебном Комитете работали комиссии над рассмотрением программ семинарского курса. Комиссия по пересмотру программы учения о русском расколе состояла из председателя члена учебного комитета прот. И. Я. Образцова и членов: священника Казанского в г. С.-Петербурге собора о. В. Ан. Прозорова, из преподавателей Московской дух. семинарии Д. А. Некрасова, Тульской – Д. И. Скворцова, Черниговской – М. М. Леоновича. Затем к участию в занятиях её были приглашены Чиновник, особых поручений при г. Обер-Прокуроре Св. Синода В. М. Скворцов, С.-Петербургский противораскольнический миссионер М. П. Чельцов.

Новая газета

Небезызвестный публицист по церковным вопросам в светских газетах, сподвижник раскольников по прошлогодней их экспедиции в Константинополь для старых розысков о м. Амвросии – Н. Н. Дурново, с августа предпринял в Румынии издание на русском и французском языках газеты «Православный Восток», поставившей своею целью заботиться о сближении России с православным Востоком.

Миссионерские новости

На должность Ярославского епархиального миссионера назначен кандидат Казанский академии г. Беляев. Екатеринославский миссионер А. Я. Дородницын согласно прошению, назначен преподавателем по кафедре раскола в Черниговскую духовную семинарию.

Миссионерские епархиальные съезды в Орле и Новгороде

Миссионерские съезды в епархиях быстро пробивают себе путь вперед, делаясь явлением «обдержным» в современной церковной епархиальной жизни, чему много содействует прошлогодний указ св. Синода, рекомендовавший епархиальным преосвященным устроить такие съезды, как учреждения «многополезные». При этом в последнее время замечается возрастание живого интереса к деятельности и совещаниям миссионерских съездов как со стороны наиболее чуткой части приходского духовенства, так и людей из светского общества. Наглядный пример этого отрадного явления можно было наблюдать на Орловском миссионерском съезде, состоявшемся 16–24 истекшего сентября. Съезд этот во многих отношениях является *знаменательным* и должен занять в истории нашей миссии выдающееся место.

Начат был миссионерский съезд при той величавой, торжественной обстановке, которая способна бодрить унылый дух забытых, обездоленных, тружеников миссии, а в то же время внушать интерес к делу миссии «внешним», чуждым и чуждающимся её.

16 сентября в кафедральном соборе совершена была литургия епископом Никанором, в сослужении многочисленного сонма миссионерствующих пастырей. Теплое и наставительное слово «о миссионерском долге христиан» произнесено было противораскольничьим миссионером о. Львом Адамовым. После литургии на средину обширного храма в парчовом облачении разных цветов вышло более ста священнослужителей. Епископ Никанор обратился к собору отцов и братьев миссионеров с одушевленным архипастырским наставлением о достодолжном прохождении апостольского подвига миссионерского служения. Затем был совершен молебен Св. Троице.

В час дня, под сводами домового Церкви архиерейского дома (алтарная часть отделена была завесою), состоялось

первое торжественное заседание съезда. Секретарь братства прочитал указ Св. Синода об учреждении съезда; преосвященный Никанор, объявив съезд открытым, произнес речь «о школьном религиозно-нравственном воспитании», как главной основе успехов внутренней миссии. В многосодержательной речи просвещенного архипастыря слышались и чуткая, проникновенная отзывчивость к современным религиозно-нравственным веяниям и недугам и попечительная забота о жгучих духовных нуждах нашей современности. Командированный на съезд чиновник особых поручений при Обер-Прокуроре Св. Синода, редактор нашего журнала, В. М. Скворцов, произнес речь на интересную тему «о господствующим в светском обществе и печати предубеждениях против миссии и миссионеров». Преподаватель местной семинарии, – живая душа местной миссии и главный, сколько способный, столько же преданный её деятель, А. И. Георгиевский сказал речь, в кратких, но ярких чертах охарактеризовавшую современное состояние раскола и сектантства в Орловской епархии. Далее произнесены были весьма тепло и сердечно членами съезда из приходских священников (о.о. В. Попов, Азбукин, Петров) приветствия своему архипастырю и местным деятелям миссии. Во время акта хор архиерейских певчих исполнил концерт. Миссионерское собрание почтили своим присутствием и. д. губернатора В. В. Бельгард, губернский предводитель дворянства М. А. Стахович, бригадный генерал А. А. Коссович, начальники светских учебных заведений и др., многочисленный сонм духовенства, собравшегося на епархиальный и миссионерский съезды.

После акта владыкой предложена была трапеза почетным гостям, старейшим представителям городского и сельского духовенства и иноепархиальным и местным миссионерам.¹¹⁹

К участию в совещаниях съезда вызвано было из Орловской епархии до 80 лиц, – священники, клирики, учителя церковных школ и начетники, среди коих два миссионера-книгоноши. Кроме того прибыли на съезд многие священники по собственному желанию, а равно охотно посещали

миссионерские заседания и члены общего епархиального съезда.

В высшей степени знаменательно, свежую и новую чертою, характеризующую не столько Орловский съезд, сколько духовное настроение нашего времени, представляется то обстоятельство, что в состав миссионерского съезда включили себя светские образованные люди, из коих одни явили отрадную ревность поборников веры и Церкви, другие доверчиво внесли на авторитетное разрешение представителей миссии свои церковные думы и религиозные сомнения.

В числе таковых светских участников в съезде отметим *прибывших*: (из Петербурга) В. А. Тернавцева, (из Твери) М. А. Новоселова, (из Курска) Ар. В. Алехина (помощника городского головы), – *местных*, губернского предводителя дворянства М. А. Стаховича, уездного предводителя – Быховецкого, помещика С. А. Цурикова; усердным посетителем заседаний съезда был также почтенный бригадный генерал А. А. Коссович и некоторые из светских членов братства.

Обширная программа съезда обнимала собою в основных чертах весь курс истории и обличения общего и местного расколо-сектантства со всеми главнейшими недоумениями, существующими в миссионерской теории и практике. Предполагалось, что съезд будет носить характер кратких курсов, а занятия его ограничатся формою сжатых лекций, содержащих последнее слово миссионерской науки. Для сей цели руководителями занятий приглашены были известные специалисты расколоведения проф. Н. И. Ивановский и сектоведение В. М. Сковрцов.

Но неожиданный приток новых людей и выдающихся сил из деятелей иноепархиальной миссии, новые жгучие запросы, и духовные нужды, повелительно предъявляемые к современной миссии, в силу особого настроения нашего тревожного времени, – невольно заставили раздвинуть и самые рамки занятий, так что из элементарных курсов совещания съезда по характеру и содержанию обратились в оживленные академические диспуты, сколько глубокоучительные для деятелей местной миссии, столько же и важные для принципиального выяснения многих

назревших в миссионерском деле вопросов, так что по составу членов съезда, характеру занятий, а равно и по плодам своим, Орловский съезд должен быть признан не местным только, но вторым *областным* миссионерским съездом (первый был в Одессе в 1898 г.).

Вот как отзывался печатно об Орловском миссионерском съезде сторонний, зоркий наблюдатель за его занятиями, – М. А. Стахович (в искренности *этих именно* слов его мы не имеем основания сомневаться).

«Как общественный деятель, я знаю, как много было жаждущих просветиться, услышать от достоверных авторитетов сущность и оценку всяких лжеучений, расколов, ересей, сектантств, нарушающих величавый мир нашей церкви, смущающих и пугающих богословскую темноту её смиренных сынов.

Они бы, как я, воочию увидали, что вы научно и практично, колебимо и гуманно, так умело и просто раскрывали нам далекие корни этих острых болезней, этих ужасных страданий множества русских людей и, поставив убедительный диагноз, все сообщая, старательно, внимательно перебирали методы лечения и лекарства.

Причины исторические, этнографические, социальные и сословные поочередно проходили перед нами всегда старательно обдуманно и блестяще изложенные.

Громко свидетельствую – как ни ничтожно моё свидетельство – что, слушая вас, я был поражен тем, как вы много знаете, как много добросовестного труда, старательных исканий и обдумываний было вами положено на это, очевидно, дорогое вам дело, как трудолюбиво и тщательно строите вы своё огромное здание, где всё обдуманно и предусмотрено».

Это сказано было Орловским предводителем дворянства в последнем дополнительном заседании 24 сентября, в предисловии к столь пререкаемому ныне его докладу «о свободе совести и отмене законов по преступлениям против веры». Комментарии излишни...

Глубокопризнательное, сыновне почтительное чувство вынесли все – и духовные, и светские, и свои местные, и чуже-

епархиальные участники Орловского съезда к преосвященному инициатору и попечителю этого съезда, епископу Никанору, который живым попечением о миссии и личным участием деятельно руководил занятиями съезда, а отеческой простотой и отзывчивым просвещенным словом своим одушевлял и сплотнял всех собравшихся из разных мест в одну миссионерскую семью.

Почти все иноепархиальные миссионеры и светские ревнители православия нашли приют под кровом архиерейского дома, где в духовном общении с милостивым архипастырем хозяином проведено много незабвенных часов.

Все лица и учреждения Орловского епархиального ведомства, особенно же Семинария, во главе с почтенным о. ректором, прот. Сахаровым, отнеслись к первому миссионерскому съезду с достодолжным вниманием, как выдающемуся событию в епархиальной жизни. Каждое заседание посещали воспитанники старших классов семинарии по наряду и вели дневники слышанного; участвовали также ученики на беседах. По окончании съезда, В. М. Скворцов посетил уроки по кафедре раскола, а затем имел в течение часа беседу с учениками V и VI кл. по вопросам миссии.

Занятия съезда происходили утром (от 9½–2 ч.) и вечером (от 6–9 ч.). По отделу истории и обличения раскола сообщил ряд сжатых, но картинно-ясных и занимательных очерков почтенный проф. Н. И. Ивановский. По сектоведению, под общим руководством и при деятельном участии В. М. Скворцова, сделаны ряд обстоятельных сообщений – исследователем местного сектантства и миссионером А. И. Георгиевским (о местном сектантстве и о хлыстовстве и др.), А. Я. Дородницыным (о штунде), Д. И. Скворцовым (о пашковщине), о. Сав. М. Потехиным, Т. С. Рождественским, Г. И. Айвазовым – (по обличению сектантства), М. А. Новоселов (бывший последователь гр. Толстого) внес доклад о забытом пути богопознания (внутренний опыт и истинно-христианский мистицизм). Доклад вызвал оживленные прения главным образом по вопросу о догматизме и отличии болезненного и ложного мистицизма от истинного.

Прибывший из Москвы свящ. о. Иосиф Фудель представил на обсуждение съезда доклад по чрезвычайно важному предмету – «о миссии среди современной интеллигенции».

В. М. Скворцов посвятил один из своих докладов памяти недавно почивших деятелей миссии и внес предложение об увековечении последних. На съезде была высказана мысль об учреждении братства или союза миссионеров, который бы сплотнял разрозненную ныне миссионерскую дружину и служил опорой деятелям миссии в минуту жизни трудные. Проект передан для разработки и осуществления самому же докладчику. При этом внесены и пожертвования на дело увековечения памяти почивших миссионеров Еп. Никанором, М. А. Стаховичем и некоторыми из миссионеров.

22 числа вечером совершена были панихида по почившим миссионерам.

23 числа торжественным заседанием братства св. Петра и Павла (которое с выдающеюся энергией ведет дела миссии, под председательством почтенного о. прот. Рождественского и при деятельном сотрудничестве А. И. Георгиевского), согласно утвержденной программе, официально заканчивался миссионерский съезд, – фактически же, с благословения епископа, назначено было два дополнительных заседания, из коих одно – самое последнее – посвящено было заслушанию и обсуждению выше упомянутого доклада М. А. Стаховича, ранее предложившего свои услуги сделать сообщение по отделу программы о применении мер административных и законодательных к преступлениям раскольников и сектантов. Несмотря на совершенную неожиданность для членов и руководителей съезда как новой темы доклада (об отмене уголовных законов), так и эксцентричного предложения г. Стаховича, доклад его вызвал серьезные возражения и оживленные прения, которые начал Еп. Никанор. За предложение никто из присутствующих не высказался, и оно естественно оказалось отклоненным, как невозможное по существу и как совершенно не соответствовавшее задачам местного миссионерского съезда. Отвечая на возражения, г. Стахович согласился, что он ошибся в своих предположениях,

внося на миссионерский съезд свой доклад. Собрание считалось закрытым, а потому, казалось, что и самый доклад, и прения не будут достоянием гласности, между тем на другой же день и, опять-таки совершенно вопреки ожиданиям съезда, доклад появился в печати в подцензурном издании – «Орлов. Вестнике», со всеми нецензурными подробностями, возражения же г. Стаховичу остались не оглашенными. В следующей книжке мы дадим отчет и об этом докладе г. Стаховича и о прениях, а равно и о важнейших постановлениях Орловского съезда.

25-го, по приглашению местного военного начальства, в офицерском собрании, в присутствии собравшейся в огромном числе избранной публики Орловского бомонда, В. М. Скворцовым сделано сообщение о лжеучении гр. Л. Толстого.

Во время съезда профессор Ивановский провел в храме Св. Михаила беседу со старообрядцами, в другой раз сделал там же сообщение «о пути спасения»; миссионер г. Рождественский провел беседу с сектантами.

* * *

С 2–6 октября состоялся миссионерский съезд в Новгороде, под председательством викарского епископа Арсения, при участии известного бывшего синодального миссионера, иером. Арсения. Приглашенный к участию на этом съезде В. М. Скворцов не мог прибыть, будучи задержан делами службы в центральных губерниях.

Э. Я.

Возможно-ли?

Из *Петрозаводска* нам сообщают, что исправление вакантной ныне должности епархиального миссионера (после о. К. Плотникова), принял на себя о. *кафедральный протоиерей Надежин*, который в тоже время состоит членом консистории, председателем и членом разных епархиальных учреждений.

Важное для миссии распоряжение

В «Церк. Вед.» опубликовано важное для успеха миссии определение Св. Синода, коим слагается с преподавателей семинарии по кафедре раскола и сект обязанность по заведыванию семинарскими библиотеками. Это распоряжение имеет в виду дать возможность преподавателям посвятить свободное от занятий время миссионерской практике и ведению полемических бесед.

Ужасные последствия сектантского побоища

Нам сообщают из Харькова, что на другой день после вышеописанного побоища, учиненного толстовцами с. Павловки, умерли: церковный староста 80 летний старец, защищавший дверь Церкви; его хватил колом по голове сектант, – родной племянник. Кровь раздробленного черепа брызнула на стену храма и тогда православные ринулись на изуверов-сектантов, и начали их бить их же оружием. На другой же день от побоев скончался сектант К., а позже еще двое.

В то время, как одна часть бунтовщиков ринулась на Церковь, другая направилась разносить дома священников. Жена одного священника, накануне только разрешилась от бремени и буйство сектантов на другой день свело несчастную молодую женщину в могилу!

Детей и жену другого священника православные успели вывести из дома, при чем матушку спрятали в овине, где она пробыла 8 часов, в страхе за мужа, которого, как священнослужителя заперли крестьяне в храме, и за детей, уведенных за реку. Перенесенное матушкой потрясение отразилось страшным расстройством нервной системы и в настоящее время она помещена в больницу для душевнобольных.

О продолжении издания журнала «Миссионерское Обозрение» в 1902 г.

В новом 1902 году «Миссионерское Обозрение» вступает в седьмой год своего издания и по своему направлению и характеру остается неизменно-зорким и убежденным стражем интересов внутренней миссии, в широком значении и понимании этого святого дела.

Являясь единственным в нашей журналистике сколько специальным, столько же и популярным, печатным органом внутренней миссии православной Церкви, «Миссионерское Обозрение» будет по прежнему посвящено всестороннему исследованию и обличению как русского сектантства, во всех его толках (молоканства, духоборчества, штунды, пашковщины, толстовства, шалопутства, скопчества и др.), так равно и расколо-старообрядчества.;

Вместе с тем Редакция в новом году издания отведет на страницах «Миссионер. Обозрения» видное место для апологетических и полемических статей по выяснению и опровержению господствующих в известной антицерковной части так называемого интеллигентного общества религиозно-нравственных лжеучений и заблуждений.

Посвятив в истекающем году целый ряд статей по обличению модного толстовского лжеучения, в новом году редакция будет продолжать всестороннее раскрытие неправды толстовской доктрины.

Между прочим, по толстовскому вопросу, и другим жгучим современным церковно-общественным запросам, будут напечатаны монографии г. Григорьева на тему: «Государство и христианство по воззрениям гр. Л. Толстого», г. Кохомского – «Царствие Божие по Евангелию», иером. Михаила – «Любовь или ненависть, христианство или буддизм проповедует гр. Л. Толстой», Английского писателя Лонга «Гр. Л. Толстой как мыслитель и деятель» С. Бронницкого – «вопросы религии в обсуждении светских людей. О нравственных устоях современного интеллигентного общества» и др., а также – ряд

писем и трактатов образованных светских людей, тяжким опытом жизни без Бога и вне Церкви познавших тщету неверия и животворящую истину и силу христианства.

В новом 1902 г. книжки журнала выйдут в значительно увеличенном объеме.

С разрешения Св. Синода с нового 1902 года подписная плата на «Миссионерское Обозрение» *остается одна – в шесть руб., Заграницу 9 руб.;* подписка на неполное издание (в 5 р.) *не будет приниматься.*

В новом 1902 г. «Миссионерское Обозрение» выходит к 10 числу каждого месяца в следующем составе и порядке:

1) *12 ежемесячных выпусков журнала*, в объеме от 10 до 15 печатных листов. (Одна книжка журнала в вакационное время выйдет сводною: июль-август).

2) *2 книжки Приложения.*

3) 6 выпусков проповеднических Приложений (двухмесячники), под заглавием Проповеди «Миссионерского Обозрения», с миссионерскими при них листками, в форме ответов из «Слова Божия».

Все отделы приложений к журналу «Миссионерского Обозрения» главным образом *предназначены для православных чад Церкви*, а потому «Миссионерское Обозрение» является органом интересным и полезным не только для приходов с расколо-сектантским населением, (как многие ошибочно предполагают), но и для всех читающих православных людей, не зараженных религиозными лжеучениями века сего, да и в самом журнале многое, прямо необходимое по нашим духовно-смутным временам, особенно-же для миссии среди интеллигенции, найдут для себя и пастыри, и пасомые.

Все статьи в «Мисс. Обозр.» отличаются жизненным содержанием, научно-популярным изложением и небольшим объемом.

Программа книж. журнала «Миссионерского Обозрения» остается прежняя. Между прочим, в отделе сектоведения будут помещены интересные *«очерки русского сектантства и его социально-политических воззрений»* профессора Лейпцигского университета доктора богословия Иоанна Геринга, в переводе

проф. Харьк. универ. прот. Буткевича. В отделе миссионерской полемики будет вестись (К. Н. Плотниковым) критическое обозрение печатаемых в епархиальных органах бесед с раскольниками и сектантами. Особенное внимание обращено также и на летопись духовной и светской печати.

В проповеднических выпусках «Миссионерского Обозрения» будет напечатано 80 поучений прот. о. Николая Русанова, представляющих собою историю нового завета, изложенную в пастырских поучениях расположенных в кругу церковного года.

Священная история служит у автора основой каждого поучения, далее берутся из богослужебных песнопений доказательства при раскрытии истин веры, нравственные наставления везде жизненны, просты; все поучения содержательны, не многоглаголивы и кратки. Поучения о. Русанова будут печататься особым счетом страниц, так что из них составитя в конце года отдельная книжка под заглавием «Свящ. История в пастырских поучениях».

Вместе с тем в проповеднические выпуски «Миссионерского Обозрения» войдут: I. Слова и беседы на воскресные и праздничные дни (выбранные и примененные к современным запросам жизни и среды) из святоотеческих творений и из проповедей знаменитейших витий отечественной Церкви. II. Катехизические поучения о богослужении православной Церкви. III. Церковные миссионерские проповеди в ограждение чад Церкви от раскольничьего и сектантского суемудрия.

IV. *Ответы из слова Божия* вопрошающим (как темы и пособие при составлении проповедей).

В проповедническом приложении 1902 г., особым счетом страниц, будет продолжено печатание *церковных слов* заслуженного ординарного профессора Киевской духовной Академии, *В. Ф. Певницкого*, издавна пользующегося почтенною известностью знаменитого церковного витии.

В течение 1902 г. предположено издать 2-й том проповедей маститого профессора на пассии.

Книжки приложения представляют собою *сборники* статей *экзегетических* (будет в 1902 г. дано миссионерское изъяснение соборных посланий), *святоотеческих* и *апологетических*,

(главным образом из отдельно не изданных трудов проф. Певницкого). Отдел для народного чтения в семье и школе – *духовные стихотворения, священно-исторические очерки и беллетристические рассказы из жизни и быта раскола и сектантства.*

Редакцией издается православный миссионерский календарь, который, в качестве бесплатного приложения к журн. «Мис. Обзор.», в начале нового года будет разослан нашим подписчикам (вместо объявленного в прошлом году стенного вечного календаря, – издание которого встретило непреодолимые препятствия). Миссионерский календарь представляет собой первый опыт подобного издания, в него войдут: I. святцы, – с краткими описаниями тех черт жизнедеятельности святых угодников Божиих, которые поучительны и в миссионерском деле.

II. Мысли о миссии и миссионерах, заимствованные из творений Св. Отцов, из наставлений святителей и апологетов русской Церкви и из сочинений русских мыслителей.

III. Устройство и правила миссии. Миссионерские советы (опыт инструкции) пастырям Церкви и мирянам. Миссия устная и литературная. Библиографический указатель главнейших и нужнейших сочинений по расколо-секто-ведению и обличению.

IV. Характеристика раскольничьих толков и сект рационалистических и мистических.

V. Православному мирянину, живущему среди отпадших от Церкви, наставления о догматах веры и обрядах церкви, пререкаемых расколо-сектантами.

VI. Ответы из слова Божия вопрошающим о догматах веры, с миссионерским сводом текстов, нужных в полемике с сектантами.

VII. Церковные, юридические и статистические сведения о расколе и сектах о воссоединениях и личный состав епархиальных миссий.

Цена календарю в продаже будет не менее 1 руб.

При «Миссионерском Обзоре» будет продолжаться также и издание «Народно-Миссионерской Библиотечки» и подписчикам будет дано свыше 50 экз. (вновь изданных и

пересмотренных исключительно для Библиотечки) отдельных выпусков, состоящих из следующих отделов: а) Ответы из слова Божия; б) Святоотеческие наставления об основных истинах веры; в) Духовно-беллетристические и религиозно-бытовые рассказы и очерки из жизни сектантов и раскольников. Цена 2 р. Присылающие требование при подписке на журнал прилагают только 1 р. 50 к.

Всероссийский миссионерский съезд признал «Миссионерское Обозрение» изданием необходимым для церковных библиотек приходов Империи, зараженных заблуждениями сект и раскола, а также для *благочиннических и епархиальных* библиотек. Училищный Совет при Св. Синоде рекомендовал миссионерский журнал для приобретения в библиотеки церковно-приходских школ в особенности же тех местностей которые заражены расколом и сектантством, а Учебный Комитет При Св. Синоде рекомендовал «Миссионерское Обозрение» для приобретения в библиотеки духовных семинарий.

Оставшиеся в незначительном количестве издания журн. Мис. Обозр. за прежние годы можно выписать из Конторы Редакции – за 1896, 1898 и 1899 по 4 р., 1901 г. по 5 р., за 1900 г. (неполное издание) – 3 р. Пересылка по весу.

Адрес Редакции: С.-Петербург, Литейный, № 34.

Подписка принимается в известных книжных магазинах столицы и всех городов.

Редактор-издатель В. М. Скворцов

Ноябрь

**Фудель И. Свящ. Миссия среди интеллигенции.
(Доклад, читанный в Орловском миссионерском
съезде) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С.
497–501**

«Бых немощным яко немощен, да немощные приобретаю»
1Кор.9:22.

Религиозное настроение русского так называемого интеллигентного общества, крайне печальное с точки зрения православного христианина, в переживаемое нами время, кажется, ничем *по существу* не отличается от того, каким оно было 20–40 лет тому назад. Ибо при всей разнохарактерности увлечений общества модными теориями и веяниями, при видимом разнообразии тех идолов, коим оно поклонялось в последнее полустолетие, одна общая черта присуща всем этим увлечениям и объединяет их в одно целое, – это уклонение от Истины и блуждание по распутиям мира вне Церкви. В этом последнем заключается существенный характерный признак настроений наибольшей части русского общества во все периоды его жизни.

В последний период эта черта общего настроения стала более резко выделяться среди других побочных, несущественных признаков, и это кладет свой отпечаток на наше время. Мы переживаем период особенной напряженности противоцерковных и противорелигиозных стремлений крайних элементов нашего общества, стремлений, граничащих с открытой борьбой. По крайней мере никогда еще у нас не выражалась так открыто, так *цинично* страшная хула на всё то, что дорого и свято каждому христианину без различия вероисповеданий. И никогда еще в обществе не наблюдалось такого холодного, циничного равнодушия, как теперь, к тому, что, казалось бы, должно вызвать крик общего единодушного негодования. Эти два явления находятся между собой в некоторой связи. Цинизм отрицания действует на массу средних людей растлевающим образом. Голый соблазн привлекателен

для полуобразованных, полуневерующих, полумыслящих людей. Но, к счастью, есть и обратная сторона тех же явлений.

Цинизм отрицательной пропаганды, как и всякий голый цинизм, действует отрезвляющим образом на лучших, более чутких, более искренних людей общества; перед фактом циничного надругательства над тем, что свято, если не для них, то для их отцов, матерей, братьев и миллионов иных людей, они останавливаются... и задумываются. Вот почему именно теперь так часто встречаешь людей, хотя бы и неверующих, но в то же время не уклоняющихся от умственного общения и откровенной беседы с искренно-верующими. Тогда как недавно еще это было невозможно вследствие крайней исключительности и нетерпимости к чужому мнению со стороны последователей господствующего мировоззрения. Теперь же многие, из увлеченных общим потоком неверия и отрицания начинают *прислушиваться* к голосу веры. Многие для них в этом голосе еще непонятно, но отраден уже самый факт, важно то, что это новое настроение *создает* благоприятную *почву* для личного сближения с людьми неверующими и личного воздействия на них. Было бы непростительно с нашей стороны и во всяком случае грешно не воспользоваться этим благоприятным для нас моментом.

Но каким путем, какими приемами возможно достигнуть в этой области благоприятных результатов? Здесь пред нами вырастает во всю величину громадной важности вопрос о *миссии среди интеллигенции*. Вопрос не нынешнего дня, вопрос старый, но настойчиво требующий своего практического осуществления именно в наши дни.

Во всём своем объеме вопрос этот охватывает великое разнообразие отношений личных, церковно-общественных и даже государственных и вмещает в себе множество частных вопросов, освещающих те или другие стороны жизни, как например: об устранении или хотя бы смягчении розни между обществом и духовенством, о пользовании печатью, как орудием миссии, об устройстве публичных собеседований и лекций, о лучшей постановке церковного проповедничества и

законоучительства в школе, об устройстве кружков ревнителей веры, союзов христианской молодежи и т. д.

Не берусь и не пытаюсь в настоящее время своими слабыми силами осветить этот вопрос во всём его объеме. Но, имея в виду те признаки благоприятного для нас настроения среди интеллигенции, о коих я только что упомянул, считаю своим долгом указать лишь на то, что составляет первейшее и необходимейшее *условие* всякой серьезной попытки личного воздействия как со стороны пастырей и миссионеров, так равно каждого верующего христианина на неверующего или полуверующего брата своего.

Условие это заключается в чувстве той *скорбящей сердечной любви* к погибающему брату, которая одна обладает способностью *понимания* чужой души и воздействия на неё. Только с этим чувством возможно подойти к ней ближе, возможно и заглянуть в тайники её, другому чувству недоступные, и дожидаться добрых плодов от общения с ней. И наоборот. Отсутствие в нас чувства братской снисходительности к немощи других ставит такое неодолимое препятствие на пути взаимного общения, что устраняет всякую мысль о какой-либо *миссии*, о каком-либо воздействии на других.

Мне приходилось не раз наблюдать очень грустное явление. Многие пастыри (не знаю – как присяжные миссионеры) при встрече с интеллигентом, о котором они имеют какое-либо основание судить, что он неверующий, сразу становятся к нему в предвзято-враждебное отношение. В лучшем случае они к нему просто холодно-равнодушны. Он для них человек чуждого мира. И если его душа томится и мучится в неразрешимых вопросах, это томление и мука им странны, непонятны, а в глазах иных даже преступны. «Какое там неверие, говорят они, какие запросы, просто блажь одна!»... «Если же ты мучишься какими-либо сомнениями, – читай Слово Божие; так все сомнения разрешаются. А если не веришь и Слову Божию, тогда с тобой и разговаривать нечего!»...

Если *такое* отношение в интеллигенции есть общее явление, тогда нечего удивляться замкнутому, холодному отношению её к нам – пастырям Церкви, тогда станет понятным

и тот факт, что за разрешением своих религиозных томлений эта же интеллигенция идет или к *своим* учителям, как Ф. Достоевский и Влад. Соловьев, или в единичных случаях к таким высоким светильникам веры, как почивший Оптинский старец о. Амвросий, в сердце коего было не тесно всем без исключения.

Счастлив тот, кто условиями своего рождения, домашнего воспитания, обучения, был спасен от жала неверия, чья душа никогда не смущалась никакими сомнениями. Милость Божия охранила такого человека от великих искушений. Но, если он пастырь, то он должен знать, что эти искушения существуют, и что те несчастные, кои страдают от них, заслуживают не меньшей в себе жалости, чем голодные и нищие. И тот, кто проходит мимо этих несчастных с самодовольным спокойствием, не подобен ли тому, кто вкладывает в протянутую ему руку камень вместо хлеба?

Ведь надо же согласиться, что неверие бывает разное, по различию производящих его причин. Есть неверие от жестокосердия, от гордости и кичливости ума, от извращенности и грубости нравственного чувства, и есть неверие от соблазна, от увлечения чужим примером, духом времени, общим течением. Есть неверие книжников и фарисеев, и есть неверие апостола Фомы. Разве мы можем к тому и другому неверию относиться одинаково безразлично или одинаково сурово.

«Во времена преобладающего неверия, писал недавно Вл. Соловьев, важно различать, с *каким* неверием имеешь дело. Есть ли это неверие грубо-материальное, скотоподобное, не способное возвыситься до самого понятия об истине, – о таком бесполезно рассуждать; или это есть неверие лукавое, сознательно злоупотребляющее разными полуистинами из враждебного страха перед полною истиною, – за этою змеею необходимо следить, без гнева и боязни раскрывая все её ухищренные извороты; или, наконец, мы имеем дело с чисто-человеческим, добросовестным неверием, жаждущим только полного и окончательного удостоверения в совершенной истине. Это неверие типа апостола Фомы имеет все права на нравственное наше признание, и если мы не можем, подобно

Христу, дать этим людям требуемое ими удостоверение истины, то ни в каком случае не должны мы осуждать и отвергать их»...¹²⁰ Мало того, скажу я. Не только не должны отвергать или осуждать их, но *теперь* именно, когда решение религиозных вопросов обострилось до высшей степени и стало для очень многих искренних натур делом жизни и смерти, нам надо идти *навстречу* малейшему наклону в нашу сторону людей колеблющихся. И это есть долг не только призванных миссионеров, не только пастырей Церкви, но и каждого христианина, как выражение его живой веры и не менее живой любви. Теперь именно более, чем когда-либо, неуместна гордая исключительность и фарисейское равнодушие к положению немощных по вере собратий.

Побольше сердечной *жалости* и. снисходительности к ним, побольше серьезной *вдумчивости* в их положение и запросы души, – это и есть одно из первых условий, без соблюдения коих нельзя созидать великое дело миссии среди интеллигенции.

Свящ. И. Фудель

Чельцов М. Единоверие и уния // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 502–512

Единоверие и уния – эти два слова не мыслятся в сознании большинства из нас с определенным, каждому из них лишь свойственным, содержанием; а поэтому русское единоверие и западно-католическая уния, как церковно-исторические явления, плохо нам известны со стороны пунктов их сходства и различия. Мы склонны иногда их смешивать, а иногда, пожалуй, и отождествлять. А между тем такое смешение в результате своём вредно для единоверия и, следовательно, для Церкви православной и полезно только лишь раскольникам. Неудивительно поэтому, что этими последними оно давно уже выставлено и с усердием распространяется в их письменных произведениях и на беседах.¹²¹ Отсюда естественно желание, хотя во втором столетии существования единоверия, освободить его от напрасных и для него обидных смешений и сопоставлений его с унией.

Единоверие, как показывает самое название, есть единение в вере, т. е. единение в делах и отношениях не внешних – экономических, социальных или политических» а в делах, относящихся к главной внутренней, духовной потребности и стороне существа человеческого – к вере, к религии, ко спасению. Поэтому и источником происхождения своего единоверие может иметь не столько запросы пытливого ума, сколько потребности религиозно-настроенной души, верующего сердца. Уния, по переводе с латинского языка, будет означать просто единство, единение, без обозначения предмета, на который оно простирается. Ничто иное, как уния, суть единения в целях чисто экономических, когда, допустим, два конкурирующих общества, при взаимных друг другу уступках, сходятся к соглашению для общей материальной пользы. Унию заключают между собой различные социальные и политические партии для достижения тех или других своих выгод у правительства. Ничем иным, как унией, был и так называемый концерт держав в Китае во время последних смут там. Унией называется и религиозное объединение разных вероисповедных обществ. Таким образом, уния мыслится нами с характером чисто внешнего объединения и источником своим имеет соображения главным образом практического направления и свойства. Выводным же отсюда различием между единоверием и унией будет то, что единоверие есть искреннейшее «желание, да обрящемся точно друг другу единоверцы по вере истинной, православной, чистой, непорочной, от Господа Спасителя через святых апостолов и богоносных отцов преданной, и непрерывным и неизменным преданием и до нас достигшей»;¹²² а уния – это компромисс между интересами, хотя бы и религиозными, входящих в унию сторон. Что верно представлено нами различие в содержании, мыслимом в словах единоверие и уния, это подтвердит дальнейшее рассмотрение того, что такое русское единоверие и западно-католическая уния, как церковно-исторические явления.

Единоверие – это единение наших старообрядцев с православною Церковью в вере, таинствах и священноначалии, под условием сохранения у них старых церковных обрядов и богослужебных книг. Уния же – это единение восточных христиан-греков XIV в. или юго-западных русских XVI в. с латинами-католиками в вере, в догматах, но с различием не только в церковной обрядности, но и в таинствах и священноначалии. Чтобы нагляднее определить единоверие и унию, приведем здесь условия единения в единоверии и условия единения в унии.

В основание единоверия положены, как известно, следующие условия московских старообрядцев с замечаниями на них м. Платона от 1800 г.

1. Дабы Св. Синод разрешил преждеположенные клятвы на двоеперстное сложение и другие подобные сему обряды.

Замечание м. Платона, на 1. От клятв, прежде на них возложенных, разрешить: ибо, хотя церковь на них оные возложила праведно, что они и сами признают, почитая ими себя связанных, и от оных просят разрешения; но как ныне они сближаются, или паче соединяются с церковью, и истину её, и таинство, и священство её признают действительными, то и потребно сие разрешение, и не должна более теми клятвами их совесть быть отягощаема, под каковыми отторгающиеся от церкви имеют и впредь состоять праведно. А чтобы сие разрешение было открытие и их более успокаивающее, то над каждым принимаемым к дозволяемой им церкви прочесть епископу или пресвитеру с возложением руки следующую разрешительную молитву: «Господь наш Иисус Христос, благодатью Своею и человеколюбием, да разрешит тя, к церкви святей обращающася, от всех клятв, имже от церкви отторжением от нея подвергся еси. И аз недостойный архиерей или иерей (имя рек), властью от него мне данною, разрешаю тя раба Божия (имя рек) от оных клятв и всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь».

2. Да благоволит ваше преосвященство избрать священников и диаконов, кои по собственному желанию согласятся быть в старообрядчестве, и по желанию прихожан.

Если же таковых не окажется, то хиротонисать по прежде печатным книгам избранных вашим высокопреосвященством священников и по согласию прихожан. Также священников, уклонившихся в старообрядчество доныне, если они окажутся беспорочны и явятся к вашему высокопреосвященству с истинным смирением, таковых разрешить и благословить отправлять службу Божию и требы христианские; отлучившиеся же таковые священники без воли своего епископа впредь к старообрядческим церквам принимаемы не будут.

2) Вторую статью во всей её силе, по снисхождению, дозволить: но с тем, чтоб определить вновь священников по избранию прихожан и по рассмотрению и рассуждению епископа, а прежних их попов, яко беглецов и предателей церкви, совести и сана своего, к таковой церкви не определять.

3. Дабы Св. Синод и ваше высокопреосвященство благословили старообрядческим священникам службу Божию, таинства и требы христианские совершать по прежде печатанным книгам при всероссийских патриархах Иове, Ермогене, Филарете, Иоасафе и Иосифе, чему следовать должны диаконы и церковнослужители.

3) Третью статью также дозволить: ибо хотя в книгах, ими употребляемых, и находятся некоторые погрешности, но не в существенных веры догматах, а в словах и обрядах, и что приобретение мира церковного есть важнее сего.

4. Церкви для старообрядцев освятить вашему высокопреосвященству по старопечатным книгам, или по благословению вашего высокопреосвященства старообрядческим священникам, и да будут антиминсы, освященные, при вышеименованных патриархах, или вновь освящены быть имеют вашим высокопреосвященством по старопечатным книгам и изображены так, как показано в старопечатном Потребнике.

4) На четвертую статью можно преподать согласие.

5. Старообрядческих священников не требовать в Греко-российскую церковь к соборным молениям, как-то: в крестные ходы и тому подобное, а отправлять им по благословению вашего высокопреосвященства в церквах старообрядческих

оние соборные моления: также не принуждать старообрядцев к допущению на общие моления знаменующихся тремя персты, брады бриющих и прочие имеющих несогласия с древними обычаями, выключая высочайших особ. Старообрядцам, хотя и не записным, но издавна удалившимся от сообщества Греко-российские церкви, таковым не возбранять присоединиться к церкви старообрядческой.

5) Также. Но что надлежит до недопущения им в церковь некоторых ими объясненных особ, на сие согласиться предосудительно: а предоставить сие благорассуждению определенных к ним священников с наставлением епископа. А чтобы не возбранять присоединяться к церкви, ими просимой, и другим не записным, но издавна удалившимся от сообщества Греко-российской церкви, сие не иначе дозволено быть может, как по исследованию от епископа, что он никогда дотолѣ в церковь православную не ходил и таинств её не принимал и то, нашедши его таковым, при принятии к церкви, прочесть над ним вышеписанную разрешительную молитву. А в церкви нашей православной доселе бывших, никак до такового присоединения не допускать.

6. Старообрядческим священникам и приемлющим сие священство старообрядцам по духовным делам быть под судом и в полном ведении у вашего высокопреосвященства: по делам же, принадлежащим до старообрядцев, благоволите чинить разбирательство и суждение чрез старообрядческих священников, выключая таковых дел, кои требуют законного следствия: но в чём надлежит оным священникам относиться к Св. Синоду и вашему высокопреосвященству, на то иметь особого письмоводителя, с производением платы от общества старообрядческого.

6) Сию статью можно принять.

7. Старообрядческие священники да будут снабжены святым миром от вашего высокопреосвященства.

7) Приемлется.

8. Старообрядческих священников не принуждать исповедь иметь, кроме старообрядческих же священников.

8) Оставить сие каждому священнику на совесть.

9. Благоволите ваше высокопреосвященство благословлять священников и старообрядцев, слагая два перста по обыкновению древле бывшему в России.

9) Сие предоставить благоразумию и совести каждого епископа, однако предохраняя других от соблазна.

10. Священнодействия, доныне старообрядческими священниками учинённые, как-то: крещение, бракосочетание, монашество (если к сему не окажется со стороны светского правительства препятствия) и другие требы христианские, да будут оставлены в существенной их силе и не повторять оные, разве токмо окажется каковой-либо из оных старообрядческих священников, бывших доныне, самозванец, или правильно изверженный, священнодействия оные совершал. Также и старообрядческие священники, определяемые ныне к старообрядческим церквам, не должны исправлять приемлемые старообрядцами от Греко-российской церкви священные тайны, как-то: хиротонию, крещение, миропомазание, брак и проч.: не принимать оные в действительной их силе.

10) Приемлется.

11. Если кто из сынов Греко-российской церкви пожелает приобщаться святых тайн от старообрядческого священника, таковому не возбранять. – Равно же если и старообрядец пожелает приобщаться святых тайн в Греко-российской церкви – не возбранять оному.

11) По сей статье, сын православной Греко-российской церкви не иначе может иметь дозволение, разве то в крайней нужде, в смертном случае, где б не случилось найти православного священника и церкви, а старообрядцу позволять то без всякого затруднения.

12. Если учинит старообрядческий священник преступление, достойное извержения, таковой представляется суду вашего высокопреосвященства. А если ж в таковой вине окажется, за которую только временно должен понести наказание, таковой епитимийствуется при церквах старообрядческих по рассуждению вашего высокопреосвященства.

12) Приемлется.

13) При старообрядческих церквях иметь троечастные книги. – Но во время святых постов, если кто из старообрядцев, по каковому-либо встретившимся обстоятельствам, на исповеди и у причастия святых тайн не будет, таковых ко взысканию с них штрафных денег не выписывать, и о том никуда не представлять: но да судят о том духовные их отцы по священным правилам. Если ж кто по нерадению, или пренебрежению, или другим незаконным причинам уклоняться будет от оных святыни, таковых записывать в особые книги и наказывать епитимьею и другим духовным исправлением.

13) Хотя на сию статью и можно согласиться; но как деньги штрафные собираются в казну, то сие зависит от благоусмотрения Св. Синода. А ежели б и все православные от одного штрафа были освобождены, а наказываемы б они были за духовное преступление духовными епитимиями, сие бы сходственнее было с духовным прегрешением.

14. Если случится быть браку состоящему одной половины Греко-российской церкви, а другой старообрядческой, таковых венчать по общему согласию или в Греко-российской, или старообрядческой церкви.

14) Сию статью принять можно.

15. Священники старообрядческие во всех служениях имеют приносить моление о высочайшем здравии и благоденствия Его Императорского Величества, Супруги Его Императорского Величества, Наследника Его, всей Высочайшей фамилии, и прочих кого следует, по данной от Св. Синода форме.

15) Сие необходимо потребно.

16. Распри, раздоры и хулы ни с единыя стороны да не слышатся за содержание разных обрядов и разных книг, употребляемых для богослужения: ибо таковая обосторонняя разность, как не принадлежит до сущности веры, то и да пребудут старообрядцы и сынове Греко-российские церкви в мире, любви и соединении, яко чада единыя святыя соборныя и апостольския церкви.

16) Требование благое и достойное, чтоб оное было от всех сохраняемо в точности.

На каких условиях заключена была уния юго-западных русских¹²³ с Римом, это лучше всего видно из одного наказа юго-западных епископов, заключавших унию, где эти условия точно ими формулированы в следующих «артикулах».

1) «Чтобы церкви главные, епископии наши остались навеки нерушимо в своих набожествах и церемониях.

2) Владычество и церкви русские, монастыри, имущества, пожалованья и всё духовенство должны оставаться навеки в целости, по стародавнему обычаю, под властью, благословением и жалованием епископским, во всяком послушании обычном.

3) Все дела церковные, служба Божия, церемонии и обряды остаются нерушимыми и отправляются по старому календарю.

4) Чтобы был нам на сейме почет и место в раде, дабы, находясь под благословением святейшего пастыря римского, мы тешились и веселились.

5) Чтобы проклятие патриархов (восточных) нам не вредило.

6) Чтобы монахи из Греции, которые приезжают сюда грабить нас и которых мы признаем шпионами, никакой власти больше над нами не имели.

7) Чтобы уничтожены были все привилегии, данные патриархами братствам и другие, ибо чрез их размножились разные секты и ереси.

8) Каждый новый епископ посвящается митрополитом киевским, а митрополита посвящают все епископы, с благословения папы Римского и без всякой платы.

9) Чтобы все эти артикулы королевская милость подтвердила нам своими грамотами»¹²⁴...

Сопоставим теперь пункты единоверия с условиями западнорусской унии; что же мы найдем? Да то, что между ними нет почти никакого сходства, никаких пунктов соприкосновения. Единоверие заключается русскими людьми одной веры, разнящимися лишь в обрядах и тексте богослужебных книг; унию заключают православные русские с католиками, т. е.

люди, сильно расходящиеся в вере. Дело о единовении ведется самим народом и по желанию народа; уния заключается епископами и вопреки желанию народа. Мотивом к единовению было сознание невозможности спастись без епископов и священников; вопрос об унии возник вследствие желания епископов улучшить своё материальное благосостояние и независимое положение в государстве и среди народа.¹²⁵ Вступающие в единовение говорят в своих пунктах лишь о вопросах веры и церковной внешности; заключающие унию только в 1, 3 и 8 условиях касаются вопросов веры, а в остальных шести пунктах обуславливают своё экономическое и государственное благополучие. Первые заботятся, главным образом, о том, чтобы клятвы и порицания на старые обряды более не слышались и чтобы брадобрийцы и крестящиеся троеперстно не допускались совместно с ними к богослужению; вторые обеспечивают себе почет и богатство в государстве и безопасность от греческих патриархов и монахов и от всех русских религиозных братств. Такова, так сказать, внешняя сторона единовения и унии. Сходства между ними, как видим, здесь нет никакого. По-видимому, сходство единовения с унией нужно ожидать в тех пунктах их, которые касаются веры и церковной внешности; но и это лишь только по-видимому. Единовенцы, признавая русскую Церковь за православную и входя в покорность ей, нового в своё религиозное мировоззрение не привносят: они изменяют лишь им чуждое, наносное мнение раскола конца XVII и всего XVIII веков на древнерусское, общее всем русским убеждение, что Русь – православная страна. Они, таким образом, возвращаются, подобно блудному сыну, на отчее лоно, к матери Церкви. Униаты признают римское католичество за православное и отдают себя в покорность папе, как главе вселенской Церкви. Ни того, ни другого не знала никогда ни русская, ни древнегреческая Церковь; значит, униаты вводят в своё религиозное мировоззрение новые, чуждые русским людям, пункты учения. Они, также подобно блудному сыну, с полученным ими от матери их русской Церкви богатством отходят в страну далече, для приумножения славы мира сего,

чтобы снова через несколько веков возвратиться в дом отчий.¹²⁶ Далее – униаты признают главенство папы, но желают ли входить с ним в общение духовное и принимать от него рукоположение? Однако осьмое из условий унии говорит, что «каждый новый, т. е. униатский, епископ посвящается митрополитом Киевским, а митрополита посвящают все епископы, с благословения папы Римского». Таким образом униаты не хотят иметь общение с католическим духовенством в деле рукоположения им епископов; они хотят иметь своё собственное духовенство, рукополагаемое своими же епископами. За папой оставляют лишь чисто внешнюю прерогативу – благословение на рукоположение. А между тем единство иерархии, единство источника благодати хиротонии, а чрез неё и благодати таинств церковных вообще, есть наиважнейший признак всякого религиозного единения верующих, есть необходимое требование для всякого совокупного пребывания во единой Церкви, естественное условие принадлежности к единому телу церковному. Где нет этого единства во иерархии т. е. в источнике благодатных удов церковных, там нет и не может быть внутреннего, жизненного церковного единения. Поэтому и юго-западные униаты в первое время заключения унии далеко не едино были с католиками: уния была и жила сама по себе, католицизм – сам по себе, – как два самостоятельных вероисповедных общества, как две Церкви. Поэтому-то католики, сознавая ненормальность такого порядка вещей, с самых первых лет существования унии стремились, как увидим ниже, к уничтожению его и к слиянию унии с католичеством. – Не то видим в единовении: здесь единение с Русскою Церковью не только в епископстве, но и в других степенях иерархии: здесь полное единство в священстве и дарах благодати Божией, чрез священство на верующих изливаемой.

Единение единоверцев с православною Церковью, помимо единства их иерархии, выражается еще между прочим в единстве их таинств. Еще первые возбудители дела о единовении в п. 11-м просили, чтобы как единоверцы в православных Церквях, так равно и православные в

единоверческих одинаково допускались к принятию Св. Таин Тела и Крови Христовых. Это и практикуется в настоящее время вполне свободно. – Обращаясь ж унии, мы встречаемся с просьбой первых униатов, чтобы «служба Божия, церемонии и обряды отправлялись у них по старому календарю» т. е. по греко-восточным обычаям и правилам, и, действительно, как знаем, таинства у униатов отправляются по греко-восточным установлениям. Иначе и быть не могло, раз у униатов сохранилась их собственная, от католиков отдельная иерархия. Эта русская иерархия и могла совершать и таинства только по русским потребностям. А отсюда получалось то, что удалившиеся от католичества чрез сохранение своей собственной иерархии, униаты удалялись от него еще далее, сохраняя за собой русские правила и установления в совершении таинств. Насколько же важно удаление это, можно судить по тому, какое учение существует у католиков и у православных относительно таинств вообще. У католиков относительно таинства существует теория о так называемом «opus operatum», т. е. дело сделанное. Они согласно ей учат, что раз таинство совершено законным образом, законно для того поставленным лицом, то оно непременно спасительно безотносительно к вере, к душевному расположению и даже желанию приступающего к этому таинству. Вся сила этого последнего, вся его спасительность полагается не во внутренней его сущности, а вовне – в совершителе таинства, в священнике. Раз этот – законный, и по установленному чину совершил он таинство, то хотя бы приступающий к нему и не желал его, оно его спасает. Русская же православная Церковь для спасительности таинства требует непременно соответствующего душевного расположения от приемлющего его, и раз этого последнего не будет, то и законно совершенное таинство не только не спасительно, но оно служит в суд и осуждение. Как видим, во взгляде на таинства между католичеством и русскою Церковью громадная и существенная разница. Униаты, пожелавшие остаться с их епископами и таинствами, чрез это самое, следовательно, не признали учения католиков о таинствах. Значит, удаляясь от католиков в общении в таинствах, униаты

удалялись и от их учения о них; значит, разошлись не только в службе, обрядах и церемонии, но и в самой вере с католиками.

Итак, сходство единоверия с унией лишь видимое сходство по внешним признакам, а не по внутренней их сущности. По этой последней единоверие и православие – одно и то же: различие их лишь в обрядности и притом не большее, чем различие в том же между, допустим, греческой и русской православными Церквями. Уния же отличается от католичества по самой своей сущности, – отличается во всём, кроме одного пункта: признания главенства папы. Сходясь с католиками в этом, униаты не хотели иметь общий с ними источник благодатных даров, – не хотели иметь единую иерархию и таинства. Эту сторону в унии не могли не заметить даже и раскольники. Более беспристрастные из них прямо засвидетельствовали разницу между единоверием и унией с этой стороны. Лжеепископы раскольнические Антоний Московский, Пофнутий Шутов в одной тетрадке против единоверия писали: «Униаты, соединившись с западным костелом, дали Римскому папе обязательство быть с ним согласными в исповедании веры, а потому и все латинские догматы признали отцепеданными и действительными, однако с тем, чтобы причащение Тела и Крови Христовой, чин Крещения и прочие обряды и церемонии совершать по преданию Восточной Церкви и, наконец, самим поставлять и епископов, по своему избранию, не относясь о том к папе Римскому. И, кажется, только в сем последнем случае русские соединенцы от тех рознятся, что и священством им от той же Церкви, с которой они соединились, без всякого различия непосредственно заимствуются»... Хотя и не в этом одном пункте рознятся единоверцы от униатов, но если бы только и в нём, и то, как мы видим, разница была бы между ними настолько велика и существенна, что сближать их нет основания. Так говорить могут лишь люди, которые, как автор вышеприведенных слов, не знают всего значения для единства верующих единения их во единой иерархии и таинствах. Таким образом и раскольники, хотя и не сознавая того, сами определили и выставили всю разницу между единоверием и

унией; только они не сумели оценить этой разницы и придать ей надлежащее значение. Это может сделать лишь знание католичества и беспристрастие к единоверию, чего и не достаёт раскольническим писателям.

М. Чельцов

Тернавцев В.А. I. Вопрос о свободе совести на Орловском миссионерском съезде. (По поводу доклада г. Стаховича) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 513–528

Между 16-м и 24-м сентября нынешнего года в г. Орле, по почину епископа Никанора, состоялся епархиальный съезд миссионеров. Что потребность в подобном съезде была действительно велика, видно из того, что на него собрались деятели миссии со многих концов России, так что съезд получил уже характер скорее областного. Всех принимавших участие в заседаниях было человек около 90: на некоторых заседаниях председательствовал Орловский епископ Преосвященный Никанор, священников было около 60, главным образом сельских, несколько низших членов клира, профессор Казанской Духовной Академии Ивановский, редактор «Миссионер. Обозрения» (по обязанностям службы при Св. Синоде) В.М. Скворцов, преподаватели местной семинарии, 7 миссионеров с высшим богословским образованием, миссионеры – простецы-книгоноши, несколько лиц из бывших сектантских и раскольничьих учителей и, наконец, несколько частных лиц. Заседания происходили в здании церковно-приходского училища.

Я был допущен на настоящий съезд в качестве частного человека.

По долгу совести моей свидетельствую, что характер, общее настроение и ход совещаний съезда заслуживали глубокого уважения. Желание доброго было движущим началом его.

Секты, их учения, жизнь, взаимные отношения, связь с условиями историческими, – всё это здесь было представляемо не как стан врагов, в тайне сердца ненавистных и проклинаемых, а с любовью, которая «не ищет своего, и всего надеется» (1Кор.13:4–7). Очень понимаю, что подобное отношение к сектантам – дело не легкое, оно – обязанность, но

и подвиг, ибо трудно говорить без раздражения о тех, с кем изо дня в день приходится бороться, надрывая душу.

О сектантских движениях было сказано много замечательно верного, и притом с внутренней, труднее всего постигаемой, стороны, которая открывается не иначе, как во Христе.

Важно и достойно замечания для будущих съездов, что учения различных сект не рассматривались отдельно от нравственной стороны их. Об этих учениях рассуждали не как талмудисты, змеями проползающие сквозь теснины буквы Писания, а с живым участием к нравственному недугу их как ближних, и со вниманием к их бытовым особенностям. Если и было высказываемо что-либо в ином духе, – (таковое все-таки было, как во всяком человеческом деле, совершаемом среди многолюдного собрания) – всегда одерживало верх только светлое. Трубчевская история, например, была выслушана со стыдом и мукой.

И именно в силу смирения и простоты, а также в силу исторически сложившихся в России отношений Церкви к светской власти, миссионеры не входили в область вопросов общегосударственного значения. Храня по отношению к власти апостольские заветы послушания, они видимо, верят, что остальное совершит Сам Бог...

Потому речь М.А. Стаховича, которую он сказал на последнем заседании, оказалась в глубоком разладе с духом съезда.

Стахович предложил Орловскому епархиальному миссионерскому съезду провозгласить, во имя совершенного отделения Церкви от государства, полную свободу совести, ходатайствовать об отмене во всём русском государстве каких бы то ни было уголовных кар за отпадение от православной веры и за соращение других.

Это предложение Стаховича, по-видимому, не было принято.

Призыв Стаховича, может быть, и возбудил бы доверие, если бы то положительное, что он говорит о Церкви, показывало в нем сына её. Его призыв вытекает из ложного понимания природы Церкви и её священных задач.

Все люди сознательной веры в наши дни чувствуют, что положение теперешнее трудно, что одна охранительная политика по отношению к Церкви недостаточна, что необходимо искание новых путей, что в самое воспитание и в нашу общественность необходимо положить начала веры. А для этого нужны люди, соединяющие с высшим образованием ревность к вере, как к делу общественному.

Но разве это то, к чему призывает г. Стахович? Разве та мысль о Церкви, которая ему предносится, как цель и задача преобразования, – есть истина? Задача понимается им ложно, потому и предлагаемые средства возбуждают одно лишь горькое недоумение.

Вопрос, так решительно поднятый М.А. Стаховичем, значителен: ему было тесно в скромных стенах церковно-приходского училища. Вопрос этот неразрывно связан с общим положением о нашем государственном устройстве; отдельно взятый, он, если и мог быть обсуждаем на подобном съезде, то совсем в иной постановке.

Речь Стаховича имеет собственно политическое значение, ей бы место в каком-либо собрании государственных чинов России. Сказанная смело, сильно и с горячим одушевлением, она представляет собою верное выражение мыслей известной, деятельной и влиятельной части нашего общества, – так к ней и надо отнести. Но речь эта волей-неволей должна была остаться на съезде почти без обсуждения, и прежде всего потому, что сказана была в последний день, когда время подымать вопросы столь принципиальные уже прошло, а настал час подводить лишь скромные итоги всему сделанному. Этот вопрос потребовал бы еще по крайней мере пять-шесть новых заседаний, а священники были утомлены, и срок их отпусков истек, дела отзывали их на места прерванного служения.¹²⁷

Среди толков по поводу речи Стаховича неоднократно приходилось слышать, что заниматься подобными вопросами не дело миссионеров, что это дело одного только законодателя. С этим нельзя согласиться. Ведь миссионеру с возражениями против учения Церкви о власти, с упреками в мучительстве приходится постоянно встречаться, – и это не только со стороны

сектантов, не только со стороны людей равнодушных к вере, но ревнивых в отстаивании известного общественного идеала, но, и что важнее, со стороны людей богословски-образованных, говорящих от имени Церкви, и даже внутренне не чуждых ей.

Что должен отвечать миссионер, если он действительно «воин Божий», поставленный «защищать благовествование», если он вестник свободы Христовой, призванный служить бродилом всегда новой святой жизни? А быть таковым ему настало время!

Миссионеру, а не кому-либо другому, всегда будет суждено брать на себя всю горечь и тягость противления как личного, так и общественного. Ни епископу-монаху, ни священнику, ни профессору академии, ни преподавателю семинарии, никому из них не приходится тут же на месте отвечать за то, чему они учат. Отдавая на жертву общественному равнодушию самое святое из своих верований и убеждений, миссионер не может не быть мучеником. И если он не мученик, – миссионер ли он?

Конечно, миссионеры не компетентны в вопросе, поднятом г. Стаховичем, в том же смысле, в каком законодатель; но есть и иная компетенция... Сообразить общими силами, что можно выставить против этих упреков, указать границы, до которых они действительно имеют основание, переставить вопрос на почву, более свойственную вопросам веры, обсудить, как каждый должен проповедовать в своей епархии, чтобы в учении и действиях всех было единство не заговора, а истины, – это, думается, святое дело и прямая обязанность миссионерских съездов вообще, и только можно пожалеть, что Орловский съезд не мог этим заняться, как следовало бы.

На одном из заседаний съезда говорилось о неизбежности миссии среди образованных классов нашего общества. Эта мысль была встречена горячим сочувствием. Скажу прямо. Никакая миссия среди интеллигенции невозможна, если в учительном содержании проповеди вопрос о свободе совести не будет решен в духе Церкви Христовой. Иначе упреками в гонительстве, как камнями, будут побивать проповедника.

Не могу не привести один типический рассказ г. Новоселова, сообщенный им на съезде. Когда Новоселов

сказал кому-то из своих сектантствующих знакомых, что он, может быть, станет миссионером, тот его со скорбным вздохом прервал: «еще одним гонителем больше»! Что отвечать?

Прежде всякого объяснения по существу не могу не высказать некоторого недоумения. Вся речь г. Стаховича от начала до конца проникнута двойственностью, и это не случайно. Двойственность эта на каждом шагу умерщвляет убеждающую силу той правды, которую хотелось бы видеть в его словах.

Сначала г. Стахович почтил съезд отменными похвалами и тут же сейчас унижает его участников до степени и забывших «единое на потребу».

То он сам сознается, что главная мысль его представляется ему лишь, как «непосвященному мирянину», – и вдруг «непосвященный мирянин» выделил себя из братского «мы», резко стал против собравшихся, как обличитель, сам неповинный в общей беде.

То Церковь он понимает столь святою, столь недостигаемо-духовной и на ряду с этим провозглашает союз её с мирскою и в сущности революционную свободу.

То Церковь он совершенно отделяет от государства, то она призывается ходатайствовать у государства же об освобождении от своих «скорби и тесноты».

То ему до цивилизации и прогресса нет дела, то, если разобрать по настоящему, только во имя этих цивилизаций и прогресса он требует безнаказанности совращения не то, чтобы «единого от малых сих», а хоть бы и всех их.

То государство в праве верить, чему хочет, то Церковь призывается обратить всех и все, значит, и государство.

Так вот в чём находит свою развязку всемирная трагедия христианства после 19 веков воздействия на род человеческий!

Будем предполагать лучшее, будем верить, что для самого г. Стаховича всё это так и стоит во взаимных противоречиях, и сила нападения его проистекает только от непонимания их.

Да не подумают, что призыв г. Стаховича остался непонятым в силу своей высоты, широты и смелости; он не имел сочувственного отклика в силу своей ложной правды.

В основе главных положений доклада лежит неверное понимание свободы Христовой; не только слова свободы, а самого дела её. На языке св. Писания и в опыте Церкви под свободой разумеется нечто совсем другое.

Истинную свободу дает Христос. «Истина свободит вы», «Я истина», открывает Он о Себе. Грех Адама всечеловечен, смерть противоестественна и победима; победа над грехом и смертью – во Христе, – это и составляет освобождение, свободу Христову. Содержание её – вечное – блаженство, которого теперь мы и представить себе не можем.

Другую, ложную свободу восхищает человек себе сам. Гордая самодостаточность человека по отношению к Богу возводится в истину. Смерть естественна и неизбежна. Вечность только в наследиях среди потомства. Конечный вывод – сверхчеловечество.

Первая свобода мистична, или лучше, она есть «тайна благочестия», как говорят св. отцы. Она неугасима никакими внешними бедствиями. В ней, как в высшем благе нового порядка и нового измерения, упраздняются все различия гражданского и политического состояния (Кол.3:11), «где нет раба и свободного, но всё и во всем Христос».

Вторая – внешняя, мирская, посюсторонняя, – внутреннюю, нравственную сторону человека оставляет неизменною. Она падает при всяком политическом перевороте. Человек, освобожденный в каком-либо одном отношении, порабощается здесь еще горше в другом.

Первая есть откровение в человеке нового внутреннего человека. Она устремляет его к новому небу и новой земле, как к подлинным пристанищам. Всеобщее воскресение – вот пророчесственная песнь истинной свободы.

Вторая всё это отвергает, а ветхого человека распаляет ложной надеждой, открывая для его гордости просветы на новые торжества. Эта земля – единственное поприще всякой жизни.

Эти две свободы, из иных источников истекающие, с разным содержанием, разно истолковывающие смысл жизни,

каждая по своему переустраивает человека, каждая к иным целям устремляет.

Эти две свободы прямо противоположны. Несколько раз в истории они сталкивались явно, тайная же борьба их в сердце каждого никогда не прекращается.

Г. Стахович спрашивает: «Идеже Дух Господень – ту свобода. Значит ли это, что где по *нашему*.¹²⁸ Дух не Господень – там не должно быть свободы?»

Нет, не значит, – отвечаем от лица съезда миссионеров. Ибо вопрос о пребывании Духа Господня среди данных сектантов решается не «по нашему», не по случайным усмотрениям, а по указанию Церкви, святых Христовых. Где святость Церкви отвергается по причине личных немощей её служителей, где католический догмат, таинства, священное Предание и Писание отрицаются и хулятся, где это отрицание ставится, как знамя общественного движения, где обманчивому призраку новой жизни, вытекающей из этого движения, усваивается значение истинной святости, – да, там нет Духа Божия.

Что же касается связи миссии с полицейскими мерами принуждения, то об этом говорилось на съезде искренно, просто и верно и совсем не в том духе, который г. Стахович приписывает съезду и на который возражает.

Новоселов прямо говорил, что миссии необходимо оставить всякую связь с насилием, что только меч духовный её настоящее оружие, что принуждение парализует действие проповеди. Новоселова поддерживали громко и решительно.

Как мог Стахович не слышать этого?

При этом указывалось на нечто важное и положительное. Указывалось, что после обращения своего в православие, прежние сектанты испытывают особую тоску, что тоска эта – правда пред Богом.

Пока они были в сектах и ложной вере, у них было твердое общественное мнение, религиозное отношение друг к другу, постоянное обращение с св. Писанием, проповедь и, главное, взаимопомощь.

Измученные жестокими «бедами лжебратства» в сектантстве, они обращаются снова к истинной вере, но истинного братства среди нас не находят. Это драма.

Вне храма, где мы слушаем трогательнейшие священные песни, мы чужды друг другу. Общественные сходбища православных – на них пустота, скука, сплетни и пьянство. Существующая связь между священником и народом, самое содержание этой связи уже недостаточно для людей, переросших свою среду.

Взаимопомощь в православной среде почти отсутствует. При этом говорилось, что среди самих православных необходимо проповедовать новую общественность, устроят её, что миссионер должен служить бродилом в этом новом нарождающемся движении. Всё это принималось было участниками съезда с горячим сочувствием и воодушевлением. Верю, что слова эти остались не тщетными. Я сужу так по тем сердечнейшим раздумьям, на которые они наводили и которых мне приходилось быть свидетелем.

Всё, что возможно было сделать на съезде, оставаясь верным его первоначальным задачам и не вовлекая его на путь политики, – сделано.

Упрек, что забыто «единое на потребу» вековое, мне представляется глубоко несправедливым.

Когда г. Стахович налагал на деятелей съезда бремя такого упрека, помнил ли тогда сам он «единое на потребу» – Христа? О тягостных недосмотрах и устарелостях наших законов против сектантства говорилось и без г. Стаховича. О том, что устав духовных консисторий пересматривается, – об этом упоминалось с надеждою.

И если бы г. Стахович не нарушил общего духа съезда, то наверное было бы сказано и по вопросу о законах против сектантов много ценного в смысле милосердия и смягчения. Священники, это люди, в которых вера в Бога порождает любовь к отечеству, связь с высшим откровением – истинную трезвость. Я убежден, что как священники Бога Живаго, они при всей робости своего публичного слова, сказали бы много верного.

Вместо старой лжи – мертвящей опеки государства, г. Стахович предлагает другую ложь: разрыв с государством, полную свободу отпадения и совращения. Что горше, кто знает?

Далее г. Стахович говорит: «где нет свободы, там нет и Духа Господня, без Которого православие не может творить ничего».

Верно. И если бы в православии не было этой свободы Христовой, оно давно уже стало бы «долиною смерти», ибо условия, среди которых ему приходится существовать, судя по-человечески, прямо губительны.

Но свобода Христова в православии есть, и из всех вероисповеданий, быть может, в нём одном в такой дивной мере. Носители её суть святые Церкви, и образами их населена совесть и историческая память народа. Свобода эта вспыхивает то там, то здесь и теперь среди верующих. Новоселов в докладе своём на одном из заседаний съезда предложил длинный ряд свидетельств об этом внутреннем состоянии величайших подвижников Востока: Исаака Сирина, Симеона – Нового богослова, Иоанна Лествичника; а также бесценные показания современных нам людей о том же: затворника Феофана, графа Сперанского и других. Единство переживаний, при разности в степенях, – чудо, ибо на расстоянии веков та же радость, то же освобождение, то же ведение, те же предощущения. Тою же свободой был отчасти свободен и Хомяков, о ней же всю жизнь томился и писал Достоевский.

Когда апостолы проповедовали, то это освобождение от уз прежней жизни, как молния с небес, ударяло в обнищавшие души слушателей. Новая жизнь охватывала их существо ошутительнее судороги. Когда апостол «еще продолжал эту речь, Дух Святой сошел на всех слушавших слово»... (Деян.10:44).

Не эту свободу *верить, во что хочешь*, хоть в дьявола, принес на землю Спаситель, не она благословляется Церковью. Не могу не сделать здесь одного замечания. Вера – это совсем не «изволение духа», как говорит г. Стахович со слов словянофилов. Как-то по-дворянски и ложно звучит: «изволение духа», «изволили уверовать во Христа», «соблаговолили

причаститься Св. Таин»... Ложь. Верить – это дар Бога Живого Своему погибающему творению. Все «от фараона до скота», пред Богом нищие и в позоре падения.

В голом праве верить, во что хочешь, не заключается самого главного, – искания Лица Божия, и веры в Него. И замечательно, если человек ищет Бога, найдет и свободу, ибо только в Боге свобода.

Если же человек ищет права верить – не верить, – права, как Бога, или скорее, как кумира, – не найдет ни Бога, ни свободы. И это везде и во всей своей истории.

Свободу от уз греха и неведения обращаемые первых веков ощущали каждый на самом себе. Это же освобождение они видели и друг на друге. Даже враги могли видеть эту свободу их. Апостол Павел пишет, что «лжебратия приходили *подсмотреть* за нашей свободой, которую мы имеем во Христе» – выражение замечательной показательной силы. Эта свобода – несомненный факт. *На эту*, а не на какую-нибудь другую свободу натолкнулись власти языческого Рима со всего размаха своего дотоле непрерываемого мировладычества. Произошла трагедия, внутренняя сущность которой до сих пор нами мало понята. По независимости от всякого мистицизма, по трезвому памятованию границ возможного, власти римской империи стоят вне сравнения: они менее всего способны были вступать в борьбу с призраками. И вот, «свобода, которую мы имеем во Христе», и была для них камнем, о который сокрушились все их могущество и реализм.

– Поклонись богам! обращались к христианам на судилище.

– Христу поклоняемся! Видим небеса отверстыми!... О, если-б ты знал!... восклицали христиане, как повествуют их мартирологи.

Судьи пытаются выманить их из христианства обещанием всяких благ, *своей* свободы... Христиане отвергают всё. Судей раздражало не то, что христиане не поклоняются богам, которым сами судьи не верят, а именно эта неуязвимость христиан, их «свобода» среди самых мучений. И эта свобода христиан то пугала их, то приводила в отчаяние, именно тем, что она не самообман, а факт. Власти разрывались от муки и

бессилия, вся незыблемая трезвость их должностного самочувствия падала, и испуг свой заглушали они лишь в новых припадках ярости; и нападение своё завершали уже, как одержимые. А христиане на их глазах, полные свободы, сияли ведением и блаженством.

Об этой ли свободе говорит г. Стахович, когда продолжает, что «где нет свободы для слова, свободы для мнения, свободы для сомнения, свободы для исповедания, – там нет места и для дела веры, там не повеет и Дух Господень, там пребудут бессильными все старания, всякое рвение»?

Думаем, что здесь г. Стахович говорит об иной свободе: у него «свобода Христова» ставится, лишь как один из видов свободы мирской и внешней.

Во время гонений свобода Христова была, Дух Божий очевидно для всех веял среди христиан, а свободы мирской не было, напротив, – притеснения и мучительство.

После Константина Великого исповеданию веры дана полная мирская свобода, а Духа того уже не видно среди христиан, о временах гонений они говорят уже, как о славном утраченном прошлом. «Какая-то печальная темнота объяла и покрыла всё, – гораздо тягостнее девятой египетской казни», говорит Григорий Назианзин, в своём слове на Втором вселенском соборе.

На «Западе в наши дни свобода мирская, «свобода верить, верить различно, или вовсе не верить», «это отныне господствующее явление, к которому должно прилаживаться», а Дух Божий угасает всё больше и больше, отступление разгорается всё смелее, проникает все сферы жизни, все слои общества и облегло всё наследие Христово.

Нет, отношения между веянием Духа Божия и внешней свободой не такие, как полагает Стахович.

Место, приводимое Стаховичем из Гизо, замечательно. В него следует вдуматься.

Гизо говорит, что Церковь после гонения подпала под охрану гражданского закона, а теперь она «живет пред лицом и в присутствии свободы»... «Свобода религиозная, т. е. свобода верить, верить различно, или вовсе не верить, еще не вполне

принята. Она стоит в связи с великою умственной и социальной революцией, которая после многовекового брожения разразилась и завершается в наши дни. Дух науки, преобладание демократического начала и политической свободы – вот существенные черты и неотвратимые влечения этой революции. Эти новые могучие власти уже окончательно утвердились в современном обществе. Это те отныне господствующие явления, к которым должны будут прилаживаться все политические учреждения, и с которыми всем нравственным властям надо жить в мире». Так.

Но Церковь разве политическое учреждение? Христианство – разве простая нравственная доктрина? Разве оно может прилаживаться к требованиям духа явно противорелигиозного? Для Церкви была гибельна своекорыстная опека государства, и это потому, что государства не ставили себе задачей социальное исполнение заветов Христовых. Рабствуя веку сему, может ли государство опекать святыню? Церковь – закваска положенная, чтобы вскисло всё, значит, и государство.

И союз Церкви с атеистической и революционной свободой не будет ли для Церкви постыдным любодеянием? И провозглашать его от имени Церкви будет ложью. Сама Церковь этого никогда не сделает. Могут говорить люди, *от имени Церкви*, но это будет обман, который сам отомстит за себя.

Если в учении о свободе Церковь должна прилаживаться к движениям и духу времени, то тем более в учении: о Боге, как Троице Животворящей, в учении о Христе, как Богочеловеке, в учении о воскресении мертвых, страшном суде, таинствах? Ибо всё ведь это для господствующих мысли и просвещения – суть химеры, отсталые и непростительные.

Гизо говорит, что господствующее направление века утвердилось прочно. «Остается только примириться с ним». Не верим. Ибо видим, что всё там шатается и стоит точно на вулкане. Призрак мирской свободы целое столетие манил своею кажущейся человечностью и истиной. Несколько раз среди восстаний, гражданских переворотов, с этой свободы спадала маска и открывались явно для всех зверочеловеческие черты её безбожного и богохульного облика. Эта свобода,

провозглашенная, как настоящий исход против дворянской католической монархии Бурбонов и её бесчинств, сама оказалась бесчинством, всюду всех обманула и из «свободы совести» обратилась в «свободу от совести». Она не имеет теперь ни своих энтузиастов, ни вождей. Её добиваются лишь как средства и под её знаменем проводят дело партий и национальных ненавистей. Что, кроме горькой усмешки, может вызвать такая проповедь в лучшем случае?

Положение Церкви трудно во всём мире. Кто из верующих не видит, что Христианство, судя по-человечески, изнемогает. Наука со своею космологией, теоретическая и практическая политика, все общественные движения, семейное право, культура со всеми своими победами над природой, – всё это оказывается в глубочайшем противоречии с Христианским Откровением. И дело веры во всех вероисповеданиях терпит потерю за потерей.

Философия Ницше, подводит неотвратимые итоги нравственному сознанию отпадающего человечества, его доходящая до мистических окрылений вражда к христианству и самому Христу и, наконец, то нравственное светопреставление, которого он явился всемирным провозвестником и вождем, – страшно всё это. Какая-то бездна разверзается под ногами. «Однако, где та молния, что лизнет вас своим языком? Где то безумие, что нужно привить вам? Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он – эта молния, он – это безумие», восклицает Ницше.

Кровавый потоп все предчувствуют, вопрос только в дне и поводе.

Владимир Соловьев прямо говорил, что наступают времена сверхисторические. Плохо веря в силу православия, в его величайшие залого, он впадал то в отчаяние, то в пустые надежды на Рим и кончил, во всяком случае, знаменательным словом об антихристе. Каким-то буревестником прокричал он над землею.

То же чувствуют и в католичестве. Лев XIII в своей аллокуции от 15-го апреля настоящего года говорит, что «события наших дней суть печальные показания для будущего,

они заставляют предсказать со всяческой вероятностью, что за временами бедственными наступят времена еще более бедственные».

О всеобщем, «ошеломляющем недоумении» говорит сам Стахович.

По-видимому, в наши дни что-то завершается в судьбах человечества, какой-то великий круг времен смыкает свою линию. Думаем, что «оканчиваются времена язычников»...

В пророческом слове ученикам Своим Спаситель говорит, что верующим придется быть зрителями ужаснейших исторических потрясений. Он заповедует верить в Него и Его победу над миром, «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте... в мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир».

Эту свободу, нехристианскую со всем бессердечием её опьяняющего воодушевления, Стахович обставил текстами из слова Божья: «где Дух Господень...». За этим обманчивым призраком он призывает пойти православных священников, обещая сдвинуть тягу зла. Но в зависимости от такого понимания свободы извращается и самое представление о Церкви и её священной загадке. Является общий взгляд на государство и Церковь, как на две отдельные, несоизмеримые области, из которых каждая имеет свою судьбу, свои мерилы должного и доброго, свою совесть.

Печальный факт, всех удручающий, всех изморивший, возводится в принцип.

Принять это – значит восстать на всё прошлое, на весь подвиг русского благочестия, поднявший на свои рамена труднейшее бремя христианской государственности: девять веков терпения и надежды растоптать, как обман, ни к чему не приведший. Один ведь нераздельный человек действует, как в Церкви, так и в государстве. За те и другие дела он явится к ответу в день суда. Пока жив будет человек, в нём не угаснет стремление к нравственной цельности, и до тех пор подобное разделение будет служить источником жесточайших страданий. Противоречие между верою частного человека и безбожием общественного деятеля раздирает жизнь как государства, так и

Церкви, ибо вера здесь обращается в «огонь поядущий», и тогда нам лучше было бы не знать христианства совсем и не принимать крещения.

Г. Стахович говорит: «законодательство вправе говорить любому подданному: ты можешь верить, во что хочешь, – мне всё равно, только не смей в этом мне признаваться». Горе такому законодательству! Не сам ли г. Стахович называет такое отношение государства к делу веры «коварным»? И поскольку государство так действует, оно растлевает народную совесть, и подтачивает себя в корне.

На предложении Стаховича необходимо остановиться с большим вниманием потому, что, почти вся образованная Россия думает так же, как он.

На членов миссионерского съезда он наложил в глазах общества тяжкое бремя упрека в полной их непригодности для миссии, раз они не примут предлагаемого им пути.

Он притягивает их на суд пред лицо высшего идеала Церкви – апостольства.

Иногда пред человеком, каков он есть в его неприглядной данности, открыть всю содержательность, глубину и святую его христианского долга, – раздвинуть этот долг до его небесных ангельских исходов, – сделать это – иногда значит убить человека.

Апостол Павел говорит, – «Моисей полагал покрывало на лицо своё, чтобы сыны Израиля не взирали на конец преходящего». Так велик этот конец и так ослепителен обличительный свет его. Потому трудно всегда верится в доброжелательство того, кто, открывая долг, не в силах указать тут же пути к его исполнению. Мы говорим не о внешних указаниях громкими словами, а делом, жизнью и истиною.

Потому нельзя отнести к речи г. Стаховича иначе, как с горечью.

Если это не слова, не кимвал, бряцающий без любви, то Стахович должен был бы сам бросить всё, порвать с ветхим человеком, и сам, став в ряды проповедников, явить себя борющимся за дело Христово.

Г. Стахович призывает священников к великому делу. Воодушевленный идеалом Церкви, отторгшейся от государства, он призывает их взяться за духовный меч свой – слово и обещает полную победу.

Так ли это? Этот призыв не заключает ли в себе слишком многого? Не значит ли это сдвинуть с места всю Россию с её противоречиями, тяготами, надеждами и отчаянием, – Россию, в которой единственной теперь, быть может, сошлись все загадки, отяготившие христианство за 19 веков, – задача превышает человеческие средства. Но об этом, если Бог поможет, скажем в другой раз.

В.А. Тернавцев

II. Доклад М.А. Стаховича, читанный на Орловском миссионерском съезде // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 528–540

Ваше Преосвященство,
Дорогие Отцы и Братие!

С почтительным и глубокоблагодарным вниманием сосредотачивался я на занятиях миссионерского съезда, заранее предвкусив всестороннее удовлетворение моего одинокого пытливого, как и бессильного знания этих самых больных вопросов с тоской и тревогой переживаемого нами тяжелого времени. Обширность программы первая уже подсказала мне утешительную надежду. Она обнимала почти все оглашенные смущения последних годов, обещала облегчить или уничтожить недоуменное сострадание непроизвольно вызванное, неуверенно высказываемое при слухах о гонимых, высылаемых, приговариваемых людях за дикие изуверства, за отвратительные, а иногда умилительные, хотя и чуждые нам, их верования.

Отбыв весь ваш съезд, я горячо сожалею, отцы и братия, что ваше служительское смирение отозвалось сугубой скромностью в этой профессиональной области, к которой приобщены и мы, менее просвещенные чада православной Церкви. Что ваши в высшей степени наставительные собрания не получили достойной их огласки, что испытанное мною удовлетворение выпало на долю еще немногих, что званными были только избранные.

Как общественный деятель, я знаю, как много было жаждущих просветиться, услышать от достоверных авторитетов сущность и оценку всяких лжеучений, расколов, ересей, сектантств, нарушающих величавый мир нашей Церкви, смущающих и пугающих богословскую темноту её смиренных сынов.

Они бы, как я, воочию увидали, что вы научно и практично, неколебимо и гуманно, так умело и просто раскрывали нам далекие корни этих острых болезней, этих ужасных страданий

множества русских людей и, поставив убедительный диагноз, все сообща, старательно, внимательно перебирали методы лечения и лекарства.

Причины исторические, этнографические, социальные и сословные поочередно проходили перед нами, всегда старательно обдуманые и блестяще изложенные.

Громко свидетельствую – как ни ничтожно моё свидетельство – что, слушая вас, я был поражен тем, как вы много знаете, как много добросовестного труда, старательных исканий и обдумываний было вами положено на это, очевидно; дорогое вам дело, как трудолюбиво и тщательно строите вы своё огромное здание, где всё обдумано и предусмотрено.

Теперь, при конце наших занятий, я, допущенный оглядеть эти удивительные планы, не хочу оставить без обсуждения один мучивший меня всё время «недоуменный вопрос», скорее сомнение, которое я выскажу прямо, думая, что только полной откровенностью могу оплатить ваше искреннее радушие. Это сомнение моё следующее: – среди столь многого не забыто ли то, что мне, непосвященному мирянину, представляется единым на потребу? Не пренебрегли ли вы, умелые строители, случайно или невольно краевым угольным камнем?

Само вставало предо мною пропущенное в огромной программе, ни разу не произнесенное здесь, среди пылких, ученых, многосторонних и искренних прений, – вековое слово: *свобода совести*.

«Иде же Дух Господень – ту свобода». Значит ли это что где, по нашему, дух не Господень, там не должно быть и свободы? Или, м. б., это значит, что где нет свободы, там нет и Духа Господня, без которого православие не может творить ничего... Где нет свободы для слова, свободы для мнения, свободы для сомнения, свободы для исповедания, – там нет и места для дела веры, там не повеет Дух Господень, там пребудут бессильными все старания, всякое рвение!

Перед приведенной цитатой казалась бы излишней всякая другая, меньшая. Но идея тоже нуждается в брэнном воплощении и, как тело в одежде, нуждается в мотивировке.

Вот как лет 40 тому назад писал об этом Гизо, которого так же трудно не признать христианином, как не признавать великим государственным мудрецом.

«В течении 18-ти веков, – говорит Гизо, – христиане были поочередно то гонимыми, то гонителями; гонимыми, как христиане, – и гонителями нехристиан, или даже друг друга, между собою, внутри пределов христианского общества. Преследование было, смотря по месту и времени, более или менее непреклонное, более или менее действительное, – но, несмотря на всё различие церквей, государственных форм и наказаний, на преобладание строгости или мягкости в приложении, – принцип однако же оставался один и тот же. Претерпев мученичество и гонение под скипетром языческих императоров, христианская религия жила, в свою очередь, под стражею гражданского закона, защищаемая оружием светской власти.

Она живет теперь перед лицом и в присутствии свободы.

Она имеет дело со свободною мыслью, со свободным суждением. Ей приходится теперь защищаться уже самой, самой охранять себя, свидетельствовать непрестанно, и против всякого встречного, свою истину нравственную и историческую, своё право на разум и душу человеческую. Католики, протестанты, жидаы, христиане и философы, – все теперь, по крайней мере, между нами (во Франции), ограждены от всякого преследования; наружное выражение верования равно свободно для каждого. Свобода религиозная, то есть свобода верить, верить различно, или вовсе не верить, еще не вполне принята и обеспечена в разных государствах, но очевидно, что она более и более становится всеобщим фактом и станет отныне обычным правом просвещенного мира. Одна из причин, дающих такое могущественное значение этому факту, – та именно, что он не одинок; он состоит в связи с великою умственною и социальною революцией, которая, после многовекового брожения, разразилась и совершается в наши дни. Дух науки, преобладание демократического начала и политическая свобода – вот существенные черты и неотвратимые влечения этой революции. Эти новые могучие

власти могут впасть в громадные вины, совершив громадные ошибки, за которые им всякий раз придется жестоко расплачиваться, но они уже окончательно утвердились в современном обществе. Это те отныне господствующие явления, к которым должны будут прилаживаться все политические учреждения, и с которыми всем нравственным властям нужно будет жить в мире. Христианская религия не избавлена от этого испытания, она преодолевает его, как преодолела множество других.

Дело крайней важности и необходимости, чтоб христиане не обольщались на счет предстоящей им борьбы, на счет её опасностей и тех орудий, которые им возможно будет употребить в дело... Нападение, направленное теперь на христианскую религию, – нападение пламенное и совершаемое то с грубым фанатизмом, то с хитрым искусством, – то во имя самых низких страстей, то во имя самых искренних убеждений; иные (на Западе) оспаривают её, как лживую, другие отвергают её, как слишком требовательную и стеснительную, – большая часть страшится её, как тирании. Не скоро забываются несправедливый суд и страдания, не легко излечиваются от боязни, воспоминания о религиозных гонениях, еще живы и еще продолжают питать во множестве умов злые предубеждения и жгучие опасения. Христиане, со своей стороны, с трудом допускают новое социальное положение и с трудом прилаживаются к нему; они на каждом шагу чувствуют себя оскорбленными, раздраженными, испуганными – от мыслей и речей, раздающихся в обществе. Не легко перейти от привилегии к общности права, и от господства – к свободе. Нельзя, видно, без особенных над собою усилий покориться свободе дерзкого противоречия и необходимости постоянно защищаться, постоянно одолевая. Действия свободы еще страстнее и чувствительнее в области религиозной, чем в политической; верующим еще труднее сносить неверующих, чем правительствам оппозицию. И однако-же они к тому вынуждены обстоятельствами, – они уже нигде, как только в свободе суждения, и воспользовавшись всей полнотой своей собственной свободы, могут обрести нужную им силу, чтоб

возвыситься над опасностями и сделать тщетными нападения своих яростных противников.

И.С. Аксаков так отзывался об этом мнении Гизо. – «Если вместо выражения: христианская религия мы поставим Церковь, в смысле иерархического правительственного института и в смысле внешнего авторитета, – или же, наконец, и самую религию будем здесь разуместь в том виде и на той степени развития, как она проявляется в обиходном сознании большинства (как духовенства, так и мирян), то нельзя не признать, что Гизо с поразительной верностью определил настоящее положение дела, настоящие опасности, грозящие торжеству христианской истины, и, так сказать, ткнул пальцем в самые болезненные места современного христианского общества. В самом деле, победа может остаться за христианской истиной только тогда, когда защитники этой истины будут вполне ей верны и будут защищать её единым соответственным её достоинству орудием, когда они убедятся, что только в свободе суждения, в свободе совести, и воспользовавшись всею полностью собственной свободой, они могут обрести необходимую им силу для победы над могуществом лжи и мрака, для одоления своих многочисленных и искусных врагов.

Что выражается требованием свободы совести? Для кого и для чего оно нужно? Для торжества ли лживых и суеверных учений? Выражается ли этим требованием сострадание к расколу или простое увлечение современными либеральными требованиями цивилизации, прогресса и проч.? Ничуть не бывало. До цивилизации и прогресса нам и дела нет, ибо превыше всякой цивилизации и прогресса – идеал, препоставленный человечеству Христом, и требование свободы совести опирается лишь на самое Слово Божие. Требование свободы совести – есть требование свободы для самой Церкви, – эта свобода необходима для её собственной жизни духа, для её торжества, для её побед.

Итак мы видим, что рядом с историей внешних событий есть история внутреннего развития. Иначе и быть не может. Это предвечный закон. Человечество не топчется на одном месте, а

растет, по слову апостола, «в меру возраста и исполнения Христова». Забывать об этом – ошибка; игнорировать – ложь, которую никакими строгостями не сделать правдой. И оттого-то я считаю, что именно вам, миссионерам, разносителям вечной правды и заботникам о больных и об отпавших по немощи ума и воли, Вам надлежит прежде всего указать на эту старую ересь, на этот государственный грех, на отсутствие свободы совести в стране – носительнице православия.

Вы лучше всех знаете, что проповедь православной истины не возбранена и не гонима в других иноверческих странах. Что 50 лет тому назад в Париже начал издаваться журнал «Union Chrétienne», который редактировал отец Владимир Геттэ, перешедший в православие из католических священников, и в нём изобличавший неправду и ложь папизма, изобличавший открыто, резко и не стесненно. В Англии стал с 1867 г. выходить журнал «The Orthodoxy Review» – орган англичан, принявших и проповедующих православие. В Германии пастор Овербек издал брошюру «Ex Oriente Lux», в которой провозглашал православную – единой католической Церковью, сохранившей от апостолов истинную веру. В наши дни ту же проповедь и ту же задачу преследуют так называемые старокатолики невозбранно, во всех странах при участии наших богословов. Итак, схизматики и еретики Франции, Англии, Германии, Австрии смелее и справедливее относятся к иноверным христианам, нежели православие.

У нас уверяют, что есть свобода верования, только нет свободы исповедания... Вот эту-то ошибку, выдаваемую врагами за прямой обман, следует раскрыть ближайшим ревнителям о Церкви и дать ей властно высказать, что без последней не может быть первой.

Вера есть союз совести человеческой с Богом. Он в сердце зарождается и в нём обитает, зажигая и вдохновляя его. И сердце человеческое расширяется её бытием. Сердце человеческое восторженно подчиняется наитию веры. «От избытка сердца уста глаголют». Можно ли запечатать их на живом образе человеческом, не превратив веры в изуверство или не вытравив её совсем из сердца.

Думаю, что нельзя.

Законодательство вправе говорить любому подданному: «Ты можешь верить, во что хочешь, или совсем не верить, – мне всё равно. Только не смей в этом признаваться ни мне, ни другим». Но Церковь не может повторять за ним тех же слов. Больше – она не может не сказать государству: Нет! Предоставь мне, – мне, единой на то уполномоченной, ведать дела совести, и я исцелю или убежду всякого очевидностью истины, которая во мне и на которой я созиждена, и которой не одолеют не только разные уклонения слабого ума человеческого, но и сами врата адовы. Меня научил апостол «в союзе мира блюсти единение духа», а не в союзе запрета, со строгой карой. Если оно временно нарушено, Церковь восстановит его, но убеждением, а не суровостью угроз. Уже в самом понятии «убеждение» очевидно заключено понятие и права «зablуждения».

Церковь так же не может запретить заблуждаться, запретить терять веру, как никто не может сознательно отказаться от истинной веры, которая приносит человеку спасение в ужасе смерти и свет в потемках жизни, особенно в наши дни мучительного, ошалелого недоумения. Среди нас есть несколько (м. б. и много) заведомо бывших еретиками и сектантами. Скажите, не радостно ли обрели вы истину православия, не свободно ли к ней вернулись? Помогал ли вам принять и примкнуть XV том?

Меня спросят: – Чего же вы хотите? Разрешения не только безнаказанного отпадения от православия, но и права безнаказанного исповедания своей веры, т. е. совращения других? Это подразумевается под свободой совести? Особенно уверенно среди вас, миссионеров, я отвечу: да, только это называется свободой совести. Только при этом может жить и действовать, спасать и спасаться, вера истинная и неистинная, обращаемая и обращающая. Запретным пусть будет не вера, а дела; не чувство, а поступки, ущербы, изуверство, всё то, что уголовный закон карает во всех, не спросясь Церкви, независимо от вероисповедания, за что уходит в тюрьму и ссылку всякий православный.

Меня сейчас же переспросят, ссылаясь на темноту простого народа: как? – не карать за проповедь, за соращение?

И я опять отвечу: за проповедь перед взрослыми, за соращение сознательных людей – нельзя и бесцельно карать. Нельзя потому, что если допустить, что темные люди бросают православие невольно и не сознательно, то я раньше должен признать, что они невольно и не сознательно пребывают в православии. Тогда – это только принадлежность к культу без принадлежности к Церкви, и выражается она не верой, а суевериями, близкими к язычеству, и равнодушием, далеким от всякой философии и науки. Этим нечего дорожить, ни беречь.

Бесцельно карать потому, что наказание за веру, которую считаешь истинной, пугает только самых робких проповедников, а они не опасны, как плохие апологеты.

«Орудия Церкви, – говорит Аксаков, – могут быть только духовные, способные соблюсти свободу совести человека в самом послушании веры, в самом плену истины. Если-же Церковь в деле веры прибегает к орудиям не духовным, к грубому вещественному насилию, то это значит, что она отрекается от своей собственной духовной стихии, сама себя отрицает, перестает быть «Церковью», – становится государственным учреждением, т. е. государством, «царством от мира сего», – сама обрекает себя на судьбу мирских царств»...

Таким образом закон гражданский невольно, вместо охранения Церкви, только растлевает её духовную целостность. Если Церковь верует в свою внутреннюю духовную силу, то не нуждается она в содействии земной силы. А если нуждается, то не свидетельствуется ли сим недостаток дерзновения веры?... А если проявляется недовольное дерзновение веры со стороны официальных охранителей веры, то как-же остановить и в обществе тот дух неверия, которым обуреваются совести, оскорбленные в своём святом праве свободы?...

Теперь остается еще определить: кто же запретил свободу совести в России и кто карает? Разобравшись в законах, выходит, что карает гражданская власть вместе с духовною. При этом они не только соединились, но и перепутали свои несовместимые области. Тот же Аксаков насчитывает более

1000 отдельных статей в т.т. II, особенно XIV, XV, XVI св. зак., которыми на полицейские власти возложено ограждать душеспасение и руководить самой совестью православных. Чего-чего там только нет? Указано, как начальству наблюдать за бытием подчиненных на исповеди и св. причастии, наблюдать, как стоять в Церкви с благоговением и без усилия, какие иметь в домах образа – искусной резьбы, как позволять, по рвению верующих, приносить святые иконы в дома, но не иначе, как на руках, или в каретах.

Каких только не слышишь оскорбительных курьезов! Да возьмите сейчас в миссионерской библиотеке Братства справочную книжку о законах, и вы прочтете, что одна и та же 783 ст. II т. I ч., среди забот станового об искоренении дуэлей, пасквилей, пьянства, неправильной охоты, совмещения мужского пола и женского в торговых банях, поручает ему наблюдение за спорами против догматов веры православной и совращением православных в иную веру или раскол.

Гражданская власть, забрав опеку над областью духа, установив строгие кары по делам веры, в то же время коварно возложила нравственную ответственность за них на власть духовную. Ст. 1006 т. XVI говорит: «предварительное следствие по делам о совращении из православия или отступления от веры христианской начинается не иначе, как по требованию духовного начальства».

И вот нам невольно вспоминается, как за последние годы часто поступали эти требования духовного начальства. Мы боимся надеяться, что с установлением и развитием миссионерства прекратится обращение к материальной власти в этой области убеждения и воздействия на душу, хотя ни на ком в России не лежит более, чем на миссионерском съезде, долг провозгласить необходимость свободы совести, необходимость отмены всякой уголовной кары за отпадение от православия и за принятие и исповедание иной веры. И я предлагаю орловскому миссионерскому съезду так прямо и высказаться, и возбудить это ходатайство пригодным порядком.

Только тогда миссионерство будет вправе говорить, что оно ведет борьбу за православную веру совсем иными средствами,

чем та трубчевская деревня, о которой здесь было рассказано одним из батюшек. Вы помните? С согласия и ведома и священника, и начальства заперли заподозренных штундистов в церкви, принесли стол, накрыли чистой скатертью, поставили икону и стали выводить по одному: «Приложись!» – Не хочу прикладываться к идолам... «А!» – пороть тут же. Послабже которые, после первого же раза, возвращались в православие. Ну, а которые до 4 раз выдерживали.

Только тогда у миссионера, у священника не сойдет с языка тот ответ, который мы тоже здесь слышали: – Вы говорите, батюшка, их было вначале 40 семей, а теперь 4. Что ж остальные? – А милостью Божьей сосланы в Закавказье и в Сибирь. Я приглашаю съезд так высказаться, несмотря на то, что в изданной на днях миссионерской «Памятке» после упреков приходскому духовенству за равнодушие, доходящее до предубеждения, к миссионерской деятельности, после уговора действовать на заблудших милосердствующей отеческой любовью, но никак не угрозой наказания, мерами суда и полицейской расправы – тюрьмой, ссылкой и пр., после упоминания, что так как полицейские меры – *не меры Церкви*,¹²⁹ то священник, по миссионерскому принципу, не должен бы совсем входить в непосредственное сношение с гражданской властью; после этих несомненных и прекрасных рассуждений в следующем же § (18) предписывается: возбуждать судебные дела против раскольников, не только если они позвонят в колокол во время собраний или допустят публичное пение при погребении умершего, или если раскольник публично наденет клобук, рясу или монашескую одежду, а предписывается возбуждать уголовные дела, когда священник заметит и убедится в действиях, могущих производить соблазн среди православных, *каковы всякие действия*, противные православной вере, и в особенности публичные хулы и насмешки над правилами и обычаями православной Церкви и *над теми, кто их соблюдает*.

Да извинят меня составители этой «Миссионерской Памятки», но я более сочувствую тем попущениям, за которые они попрекнули наших простых сельских батюшек, чем

преподаваемому ими ревнительству. Скажу еще. Я считаю первое более согласным с долготерпением и достоинством православной Церкви... Я не одинок. Я нахожу всё у того же замечательного русского человека подтверждение моей мысли.

«Совращение членов, – говорит Аксаков, – господствующей Церкви в иноверное учение, – не путем насилия, а. свободного убеждения, есть ли само по себе, в существе своём, деяние преступное? Совершила ли преступление русская Церковь, когда посягнула на совращение католического аббата и французского подданного Геттэ в православие? Скажут ли: *нет* потому только, что французские законы не считают этого деяния преступным? Однако же такое совращение признано преступлением в России и по государственным законам подлежит тяжкому наказанию. По этим законам отец Васильев, русский священник при посольстве в Париже, совративший аббата Геттэ, должен-бы быть подвергнут французским судом заключению в тюрьме или ссылке (Улож. о нак. ст. 187 и 188). Если же это деяние само по себе не преступно, ибо было делом не насилия, а мирного проповедования со стороны совратителя и искреннего согласия совести со стороны совращенного, – то почему же при тех же условиях, такое деяние преступно в России, почему допущены разные ему оценки и мерки? Потому ли, что наша вера истинная, а всякая другая вера ложная? Но потому именно, что наша вера истинная, – она и должна быть истинной верой, т. е. свободным изволением духа, как и учит православная Церковь: она не может требовать со своих чад иного убеждения, как искреннего, т. е. вполне свободного, а не лицемерного?...».

Откроем Хомякова, этого столпа православия, Киреевского, Юрия Самарина и так недавно еще и так безвременно ушедшего к Богу Влад. Соловьева, которого «Миссионерское Обозрение» совершенно справедливо оплакивало и назвало великим сподвижником Церкви православной. Разве они не скажут того же самого? Да наконец, разве не чувствуют это, хотя не смогут выразить многие и многие простые русские люди?

Я же вам это высказал не только потому, что могу опереться на такие авторитеты, но и потому, что для думающего так высказать долг совести, которого не вправе замолчать ни из скромности перед вашей ученостью специалистов, ниже по робости перед не сочувствием гражданской или духовной власти. Ведь самый последний и ничтожный из нас не только принадлежит к Церкви, на тоже составляет Церковь, ту совокупную Церковь, которая есть от Бога установленное общество человек, соединенных православною верою.

Не именем духовного начальства, не от имени духовенства, а во имя Церкви надо высказать, что насилие над совестью бесовственно, что где нет свободы, там нет искренности, что где нет искренности, – нет веры правой и неправой. Церковь может сказать, что область совести и веры – её область. Она одна в ней властна. Она может сказать Кесарю: Оставь, это не твоё, это – Божье в вечности, это моё на земле! Мне, мне единой дана власть вязать и разрешать, дана без права передоверия прокурорам и судьям. Я одна могу судить живым и живительным началом любви.

Уже 366 лет духовная и гражданская власти с земными законами и материальными средствами в руках борются с расколом, и не дал им Бог поборения. Я не знаю, сколькими миллионами сосчитаны отпавшие дети православия, но я знаю, что не считаны большие миллионы оставшихся за это время суеверными до язычества, равнодушными до отчаяния! 366 лет плачет православная Церковь от этого раздиранья! 366 лет от мучительства и отчаяния страдает многое множество русских людей. Не столько при ссылке и в темнице, сколько страдает от сомнений, колебаний, искания и жажды истинной веры... За 366 лет из одного раскола стало 118 расколов, ересей, сект. Разве это не грех всех? Разве это не общее горе? Разве это не наказание нам? «Всё за то, что Церковь Божью святотатственной рукой приковали мы к подножью власти суетной, земной!» И только когда она, матушка, примется лечить духом и истиною все нужды и грехи нашей совести, своей любовью будет сама и одна вязать и разрешать их, только тогда может исполниться ежедневная молитва, и дух истины, это

сокровище добрых, придет и вселится в нас и очистит от этой скверны, и спасет души наши...

Мих. Стахович

(Орлов. Вестн. № 254, 1901 г.).

Никанор, еп. III. Свобода совести, как христианская основа // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 540–545

Свобода совести имеет в христианстве значение весьма ограниченное и даже ничтожное, так как здесь сочетаются понятия не соответственные между собой и для христианства малопригодные.

Ибо что такое совесть?

Совесть есть внутреннее душевное чувство, которое, как показывает и самое слово (на греческом, славянском и др. языках), слагается из двух явлений или элементов.

С одной стороны, совесть есть закон (внутренний), определяющий делать одно, как доброе, и не делать другое, как злое, а с другой стороны – совесть есть судия, который внутренне судит человека, не давая ему покоя за совершение злого и тем наказуя его, или радуя за совершение добра¹³⁰...

Ни в первом, ни во втором проявлении совести свобода не имеет никакого значения, ибо понятие свободы совсем из другой области явлений душевной жизни, а именно из области воли, которая действует свободно или несвободно.¹³¹

В этом заключается существенный характер и особенность воли, тогда как существенный характер совести заключается в её чистоте и порочности, или в святости и греховности, из коих от вторых нужно освободиться, а первых достигать, так как в порочности и греховности заключается не достоинство совести, а в её чистоте и святости, открывается её совершенство.

Свобода, как стремление действовать независимо ни от чего и не от кого, неприложима к совести, как закону и судии, потому что этот закон есть, так сказать ограничение её, противоположение ей, стеснение её.

Где закон, там свободе положены пределы. И пределы эти тем сильнее, и непреодолимее, чем основательнее, тверже и несокрушимее закон. А закон совести один из самых несокрушимых законов. Его нельзя ни заглушить, ни вытравить ничем.¹³²

Можно на время отрешиться от закона совести, сделаться свободным от совести, но она, будучи на время подавлена, вскоре явится вновь и заговорит тем с большею силой, чем с большею силой она была подавляема. Вот почему бессмертный А.С. Пушкин совершенно верно сказал о совести братьев-разбойников:

В их сердце дремлет совесть:

Она проснется в черный день.

Здесь выступает совесть, как судия, который тоже не может потворствовать свободе, а напротив, тоже должен стеснять свободу совести, чтобы не дать развиться явлениям, противным ей.

Рассуждая логично, можно говорить не о свободе совести, а об освобождении от совести, что и делают разного рода преступники, стараясь тщетно заглушить совесть и всячески освободиться от неё.

Но не одни разбойники желают освободиться из уз закона совести и её судилища.

Совесть нежеланна многим философам, а также и религиозным реформаторам и сектантам, из которых первые, вместо присущего каждому закону совести и её судилища, хотят поставить свои умствования, другие свою свободную, не ограниченную ничем волю, а третьи свои видения и чувствования, не столько действительные, сколько мнимые. Всех их стесняет закон совести и её судилище, и потому они охотно могут говорить о свободе от совести. И вот у философов получается различное отрицание закона, беззаконие (антиномизм),¹³³ у практических деятелей отрицание высших властей (анархизм), а у сектантов своезаконие (автономизм), самый опасный, самый ужасный разрушитель существующего порядка, во всех его началах, как общих, основных, так и частных, даже мелочных.¹³⁴ Разительный пример этого бурного применения сектантского автономизма представляет ужасный разгром толстовцами церкви-школы в селе Павловке, Харьковской губернии, где горсть изуверов разгромила церковно-школу, причем несколько человек вскочили на престол, попирая его прискакиваниями, с произношением разных ругательных

слов относительно всех святынь церкви, а другие в то же время разбивали иконы, рвали священные ризы. Вот полнота разнузданной совести, во всем её ужасе!

Нет, нет, не свободы от совести должно искать людям благомыслящим и не о свободе совести должно говорить людям, стремящимся ко благу России и твердому стоянию православной Церкви и живому действию её в среде своих членов и среди заблуждающихся, а об исправлении людской совести, об её упорядочении, просветлении и исправлении, ибо редко, очень редко можно встретить совесть добрую, а совести потемненные, порочные и даже сожженные встречаются постоянно. Не свободу дать этим испорченным совестям должно, но подчинить их высшим основам и правилам, более определенным и более твердым. Из таковых высших основ есть прежде всего откровенный закон Божий, данный во Христе Иисусе и содержимый в полноте в Церкви Божией, ведущей их полноту и понимающей их применение, как к отдельным явлениям жизни человеческой, так и к их жизненным соотношениям – семейным, взаимным, общественным и государственным.

Язычники изжили свою многовековую жизнь по руководству совести и не получили её свободы, свободы от греха, не достигли совершенства жизни по совести, ибо она изрекала законы и судила, а сил к исполнению сих законов не давала. И осуждая, повергала в безысходный мрак отчаяния, доводивший многих до самоубийства. А иные по совести своей говорили, что если бы мир людской имел одну голову, то они срубили бы её, чтоб одиноко царить над всем...

Но вот явился Спаситель человечества и указал новые основы жизни, и ожило, возродилось человечество. Он откликнулся и на стремление людей к дорогой для них независимости, к свободе. Только свободу он соединил не с совестью, а с другими основами жизни, более верными, более определенными, более надежными. Он сказал: *истина свободит вы*. Аще Сын вы свободит, во-истину свободни будете (Ин.8:32, 36), ибо Он есть путь, истина и жизнь (Ин.14:6).

А высшее состояние свободы есть пребывание в духе жизни по Христе, ибо *где Дух Господень, там и свобода*, говорит святой апостол Павел (2Кор.10:29). В свободе же совести нет ни истины, ни жизни правой, а возвращение ко всему тому, что пережил древний мир, особенно греко-римский языческий мир, мир плотской, суетный и погибельный, смененный христианством, как духом жизни наивысшей, спасительной.

Совесть, очищенная Духом Святым, может быть доброю (Деян.23:1) и непорочною (1Тим.8:9).

Но правую свидетельницей об истине она может быть только в Духе Святом (Рим.9:1), без которого она всегда будет порочною (Евр.10:22), оскверненною и даже сожженною (1Тим.1:15, 4:2), а следовательно, ненадежною и даже опасною, разрушительною, если дать ей полный простор, или то, что либеральные мыслители называют свободой совести, которая может быть хуже всякой неволи, в особенности же христианской, заключающейся в преданности Христу и всему тому, что Он установил для руководства людей с немощною совестью, как, например, Церковь, пастырей, начальников, судей, учителей, которые пребудут во веки, пока не придет небесная свобода славы чад Божиих (Рим.8:21). Тогда, в жизни будущего века, будет всяческая свобода. А в чём *закон свободы* (Иак.1:25) или, иначе говоря, истинная христианская свобода может выражаться теперь, о сем мы надеемся побеседовать в другое благоприятное время.

Епископ Никанор

Р. S. В заключение своего возражения на доклад М.А. Стаховича еп. Никанор сказал: не наше дело касаться политики, самим входить в обсуждение и обращаться к другим с ходатайством об отмене уголовных и гражданских законов по делам веры, – тем более, что в России свобода веры не стесняется, ужасы инквизиции у нас невозможны, и опасение их для нас даже непонятно. *Ред.*

Потехин С. Киевский миссионер свящ. VI. В чём находят себе оправдание меры государственного принуждения и воздействия на раскольников и сектантов // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 546–549

Я не могу не сказать, сколько правды, самой горькой для нас, миссионеров, правды, заключается в положении, что насилие в деле религиозного исповедания и проповедания вредит делу миссии. Административные и судебные по отношению к сектантам меры, если они идут впереди мер пастырских и миссионерских, или даже если они идут рядом с ними, и если они при этом дурно направлены, как это часто случается, то они не только не помогают делу миссии в отношении воздействия её на сектантов, но и прямо вредят ей. Сознательная своё назначение и свои силы миссия не будет искать в помощь своему спасительному назиданию Словом Божиим еще и содействия внешней физической силы. Но миссия не властна и отворотить эту помощь, когда она приходит, в силу ли закона, или своих исторических и государственных прав, или усмотрения власти, и вот, благодаря совместному действованию в борьбе с заблуждениями мер духовных и физических, – независимому друг от друга, пастырей Церкви и миссионеров считают виновниками насилия над совестью мерами физического принуждения и репрессий, клеймят именем гонителей веры, душителями свободы совести, новейшими инквизиторами. Самая миссия по этому самому возбуждает к себе среди сектантов и не знающей истинного положения дела интеллигенции ненависть, злобу, и нет силы, и нет слов выразить всю тяжесть ига миссионерского с этой стороны.

Но мысль о судьбах Церкви Христовой стоит выше личных чувствований и расположений, и я, не обвиняясь, утвердительно отвечаю на вопрос: нужно ли для Церкви нашей, в частности для духовенства, для иерархии содействие государственной власти в деле борьбы с раскольниками и сектантами? Да, оно нужно, да, оно полезно, да, оно законно, ибо оправдывается и Словом

Божиим, и всей историей Церкви. Оно нужно, ибо Церковь Христова, состоящая из людей, нуждается для своей жизни и в людских силах; оно полезно, ибо служило и служит для высшего блага своей Церкви. Наконец, у св. ап. Павла, в его втором послании к Солунянам, в том месте, где он говорит о будущих судьбах Церкви Христовой, содержится следующая мысль. Антихрист, как величайшее, так сказать, идеальнейшее воплощение зла и противления Богу, готов прийти: «Тайна беззакония уже в действии». Но что «не допускает открыться ему в своё время?» Апостол говорит: «тайна беззакония не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь, – и тогда откроется беззаконник» (2Сол.2:1–7). Многие из глубокомысленнейших толковников Слова Божия видят в этом «удерживающем» появление в мире и в Церкви Божией совершеннейшего беззаконника – именно закон, власть государственную, поставляющую препоны свободе совести, когда свобода эта переходит в пагубное своеволие, в свободу действия, препятствующую свободе исповедания, когда она переходит в свободу же проповедования. И я глубоко верую в то, что власть государственная в этом смысле и значении является оружием в руках божественного промысла о Церкви Христовой.

Даже в те времена, когда власть государственная была прямо враждебной христианству и Церкви Христовой, когда она, в лице своих правителей и своими законами стремилась уничтожить христианство, разрушить Церковь Христову, даже в те времена эта самая власть, в силу собственного своего принципа – *закономерности* обуздывала народное движение против христианства и не давала врагам его с *свободной совестью*, или, выражаясь словами св. апостола, «с послушествующей им совестью» (Рим.2:15), до конца губить Церковь Христову. Язычники, иудеи, магометане совне и бесчисленные еретики внутри Церкви, – все они, по человеческим соображениям, могли много раз разрушить Церковь Христову, и все они были сдерживаемы рано или поздно «законом», мерами власти государственной, которая сознательно или бессознательно – это другой вопрос, – в своих

собственных интересах или в интересах Церкви, сдерживала совершение величайшего, после грехопадения прародителей и распятия Христа на Кресте, беззакония – разрушения Церкви Христовой. Власть государственная не может не иметь провиденциального значения и, как таковая, со своим участием в судьбах Церкви не может быть противна христианскому мировоззрению.

Обращаясь в частности к нашей русской государственной власти и её отношению к Церкви Христовой, приходится чистосердечно признаться, что без помощи государственной власти русское духовенство в своём тяжелом, забытом и забитом нынешнем положении не может справиться с теми задачами, которые ему ставит настоящее время. Оно не достаточно еще сильно своим просвещением, миссионерским знанием и умением, чтобы одною своею духовною силою удержать пасомых от заблуждений, недостаточно авторитетно и властно, ибо находится в материальном гнете и рабской зависимости от пасомых, – чтобы охранить их от лжеучений, а потому и не достаточно любимо, чтобы не быть оставлено. И могло бы без сдерживающей силы государства, по естественному порядку вещей, случиться, как отчасти и случается, что многое множество сынов Церкви Христовой уклонилось бы от истины и предалось бы гибельным заблуждениям, пошло бы вслед за лжеучителями и отпало бы от Церкви Христовой. Это могла бы сделать проводимая в докладе Мих. Ал. свобода совести, свобода «безнаказанного отпадения от православия, свобода безнаказанного исповедания своей веры, т. е. соращения других». Кто верит в истину православия, тот не может не прийти в ужас от мысли об этой свободе, от этой опасности для многого множества православных сынов Церкви Христовой, виновных только в том, что они мало знают истину Церкви Христовой и мало просвещены и способны противостоять разрушительной проповеди сектантства. И мы благословляем государственную власть в России, которая, начиная от Помазанника Божия, благочестивого Царя нашего и кончая слугами его, всеми этими губернаторами, судьями, исправниками, становыми и

урядниками, так ненавистными «свободной совести» пропагандистов, идет на помощь Церкви, препятствует свободе отпадения и соращения и дает время пастырям и пасомым их оправиться и просветиться и укрепиться, чтобы они, наконец, вошли в свою силу и просвещали бы, и охраняли бы, и спасали бы сохраненное им стадо Божие.

Не примите за софизм, но пастыри-миссионеры не ищут кары сектантам, как мести, не радуются тем страданиям, тем гонениям, которым предает их закон, но они не могут не желать, чтобы там, где спасение не совершается благодатью, там, по апостолу, страхом спасались бы (Иуд.1:23), чтобы поставлена была препона наглому соращению и кощунству, чтобы «меч» государственной власти оставался бы предметом «боязни» и для злых врагов Церкви. И этого миссионеры желают, и от этого они не могут отказаться, хотя и трудно им выносить тяжесть непонимания, подозрительности, клеветы, злобы и злохуления.

Киевский миссионер свящ. *Савва Потехин*

**Рождественский Т. Воронежский епархиальный
миссионер. Свобода совести и русское
законодательство о расколо-сектантах //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 549–555

М.А. Стахович миссионерскому Орловскому съезду предлагает ходатайствовать, во имя *свободы совести*, об уничтожении всего законодательства о расколо-сектантах и о предоставлении им права открытой пропаганды и совращения православных.

Мы позволим себе высказать несколько соображений по поводу этого весьма интересного доклада.

Заметим, прежде всего, что всё уголовное законодательство по вопросам веры, все вообще меры пресечения и предупреждения преступлений имеют отношение *не к совести собственно*, не к внутреннему миру человека, который, по самой природе своей, свободен и контролю закона не подлежит, но к внешним проявлениям этого внутреннего мира, и притом к таким внешним проявлениям, которые, будучи направлены ко вреду окружающей расколо-сектантов среды, сами по себе стесняют свободу жизни и нормального нравственного развития людей, не принадлежащих к сектам.

Поэтому провозглашение свободы совести в том смысле, какое усвояет этому понятию г. Стахович, было бы допустимо в том только случае, если бы пропаганда и действия расколо-сектантов не вносили вреда и нестроений в жизнь общественную и государственную (не говорим уже о церковной) и сами не имели бы характера насилия. Не стоит призвать на помощь для решения вопроса самую жизнь, стоит обратить внимание на те прискорбные явления, какие в ней порождают заблуждения расколо-сектантов, – и тотчас станет очевидным, к какому печальному положению вещей привело бы осуществление проекта г. Стаховича.

Возьмем факты только последних дней.

16 сентября сего года в селе Павловках, Харьковской губернии, сектанты-толстовцы, последователи князя Хилкова,

не возбуждаемые никем из православных, разгромили церковно-школу, осквернили алтарь, надругались над священнейшими предметами православной веры и, не ограничиваясь этим, хотели разгромить и другую каменную церковь, поджечь с разных концов село и начать «всеобщее избиение грешников» (то есть православных); они и привели бы свою программу в исполнение, если бы не были остановлены возмущенною толпой православных крестьян.

В № 264 *С.-Петербургских Ведомостей* читаем про сектантов-иеговистов (Екатеринбургской епархии), которые, желая «разрушить христианство и сатанинское иудейство», средством для этого избрали динамит. Они стали рассылать разным лицам и разбрасывать по улицам так называемые адские машинки, начиненные динамитом, и взрывом одной из них был убит поднявший такую машинку полицейский.

Как относиться к подобного рода явлениям? Как поступил бы г. Стахович с человеком, совесть которого побуждает надругаться над христианскою святыней (как в Харьковской губернии), взрывать динамитом последователей православия (как в Екатеринбургской епархии), уродовать себя и других (как повсеместно в скопчестве), закапываться живыми в землю и зарывать с собою ни в чём неповинных детей (как в Тирасполе) и пр.? Неужели нужно допустить *свободу* обнаружения такой совести, свободу, – если не действий, то хотя бы *пропаганды* учения, которое в практических выводах ведет к таким возмутительным явлениям?

«Запретным пусть будет не вера, а дела, не чувства, а поступки, ущербы, изуверство» и пр., говорит г. Стахович.

Но вера и чувства, по природе своей, не могут подлежать каре закона, поступки же, подобные вышеуказанным, являются лишь неизбежным *следствием* пропаганды сектантского учения и, как совершившиеся факты, сами по себе непоправимы. Разумно ли карать за них, то есть признать их нетерпимыми, и в то же время разрешать, то есть признавать терпимую, пропаганду учения, которое служит их причиной? И что считать «запретным делом» в таком, например, часто повторяющемся, случае если вождь скопческой секты, не оскотелый сам (как

это весьма часто бывает) и не скопаящий никого лично, только склоняет к осклоплению других и, разжигая своим учением их фанатизм, направляет для совершения операции к специалистам этого дела? Кого считать тут причинившим «ущерб», «изуверство», и потому подлежащим каре закона: несчастную ли жертву дикого учения, уже и без того жестоко пострадавшую, оператора ли, совершившего, по желанию совращенного, осклопление более искусно, чем он мог это сделать сам, и тем, быть может, сохранившего ему жизнь, или же – причину всего, совратителя, *пропаганда* которого породила это зло?

Отстаивая свободу сектантской пропаганды, г. Стахович не знает, вероятно, что обычные приемы этой пропаганды сами по себе являются *насилием* над совестью, над святейшими чувствами православного люда. Достаточно раскрыть любое следственное дело о расколо-сектантах, чтоб убедиться в том, что постоянным, характерным признаком этой пропаганды служит крайняя нетерпимость к убеждению противника, злоба ко всему православному, кощунство и издевательство над всем, что дорого православному христианину. Не удивительно поэтому, если сектантская пропаганда доводит нередко православное население деревни до полного отчаяния, которое разрешается или слезною мольбой о защите к начальству, или, в случае неуспеха её, – крестьянским самосудом.

Вот, для образца, характеристика сектантства и сектантской пропаганды, какую дает крестьянское общество одного из сел Воронежской губернии в прошении, поданном на имя г. губернатора:

«Люди эти (сектанты-хлысты) крайне вредны для нашего общества... и для Бога, Великого Государя и всей нашей христианской жизни... Живя среди нас, приносят нашей православной Церкви и нашему тысячному населению крайнее развращение; исповедуя свою еретическую секту открыто, оскорбляют всё то, что свято для нас, и во что мы, наши деды и прадеды несколько сот лет истинно веруем, то есть в нашу мать – православную Церковь. Кощунствуя над св. храмом... таинствами... духовенством... нашу православную Церковь с её

тайнствами и духовенством хулят (мы пропускаем образцы возмутительно-кощунственных изречений). Совращая наших однообщественников православных христиан в свою ересь, они расстраивают наши целые семейства, отлучают жен от мужей и родителей от детей, устраивают ночные сходки, производят воровство, занимаются поджогами нашего имущества, через что мы вынуждены в рабочую пору, когда дорого для нас дневное время, а ночью нам нужен покой, отнимают у нас до шестидесяти человек для ночного караула... Эти враги открытые матери нашей православной Церкви, общества и семейной жизни не признают ни Бога, ни властей, Им поставленных, даже позволили себе оскорблять священную Его Императорского Величества Особу – Батюшку нашего Великого Государя такими еще неслыханными словами, которых мы здесь и не решаемся передать. Мы единогласно постановили настоящим приговором ходатайствовать пред его превосходительством Воронежским губернатором и просить со слезами законной защиты от вредных людей-хлыстов, защитить мать нашу православную Церковь от *нестерпимого* поругания ими, наше село от открытого разврата, наше имущество от разорения, вследствие истребления ими огнем... Мы согласны платить за удаляемых все подати, повинности и недоимки, мы принимаем на себя все расходы по пересылке удаляемых и их семейств».

Неужели можно равнодушно отнестись к этому слезному воплю православной крестьянской толпы, возмущаемой в своих лучших чувствах кощунственными речами сектантов, измученной постоянно тревогой за свои семьи, расстраиваемые сектантскою пропагандой, и – лишить её просимой «законной защиты»?!

Мы, полагаем, что пока существуют, пока возможны прискорбные явления, подобные вышеописанным, пока пропагандируется учение их порождающее, – современное законодательство и всевозможные «меры предупреждения и пресечения преступлений» *необходимы* с государственной точки зрения для охраны существующего общественного и государственного строя, необходимы они, во имя любви

христианской и гуманности, как для самих сектантов – для возможного ограждения их от губительных последствий их заблуждений, так и для защиты православного люда.

И достоинство Церкви, вопреки уверению г. Стаховича, нисколько не умаляется от того, что государственная власть охраняет её интересы. Хотя внутренняя мощь Церкви не зависит от отношения к ней государственной власти, и Церковь осталась бы непоколебимою в лице своих лучших членов даже при враждебном отношении государства, за что ручается и Сам Основатель Церкви, обещавший ей непоколебимость, и вся её история, особенно период гонений, – но отсюда отнюдь не следует ни того, что христианское государство должно отказаться от защиты интересов Церкви, ни того, что Церковь должна оттолкнуть протягиваемую ей руку помощи и пренебречь теми мерами охраны, которые могут спасти от соблазна и религиозного шатания не одну тысячу её членов.

Пользуясь защитой законов, Церковь не «прикована позорно к подножию власти суетной, земной», как выражается г. Стахович, но эта власть земная, «не без ума меч носящая», преклоняясь пред величием и святостью Церкви, кладет свой меч к её подножию, охраняя свободу христианского развития её членов от вредных посягательств на неё совне. И иного отношения к Церкви не может и не должно быть со стороны *православных* представителей власти, которые всегда признавали православную веру душою народной жизни и твердым оплотом государственного порядка, чем и в действительности она была всегда для русского народа.

Воронежский епархиальный миссионер *Т. Рождественский*

Кроме вышеприведенных возражений на доклад г. Стаховича, говорили по поводу его в том же духе и смысле Тамбовский священник о. Ремеров и военный – о. Серебровской.

Тамбовский миссионер г. Айвазов развил такую мысль: «Вопрос, затронутый Михаилом Александровичем, слишком серьезен и животрепещущ. Над разработкой этого вопроса трудились целые века. Мне думается, что наше помещение тесно для решения такого вопроса, и что самый доклад г.

Стаховича может быть принят лишь как воззвание «к чувству» миссионеров. Принцип отделения Церкви от государства, проведенный в докладе М.А., равносителен отделению деятельности мысли от деятельности тела. Такой принцип не может возбудить сочувствия с нашей стороны. Этот принцип в Северо-Американских Штатах привел к печальным результатам. Нужно провозгласить не принцип отделения, а принцип возможно большего влияния Церкви на государство.

Затем говорили кандидаты университета М.А. Новоселов и В.А. Тернавцев (автор вышенапечатанной передовой статьи).

Г. Новоселов развил ту мысль, что сами миссионеры не должны обращаться к гражданской власти за помощью, и что репрессивные меры вредны для миссии: 1) потому, что возбуждают нарекания на миссионеров, как на гонителей и преследователей, и заставляют сектантов уклоняться от бесед с ними; 2) потому, что преследования поднимают дух сектантов, поддерживают в них ненависть к Церкви. Это подтверждается, например, историей толстовского движения. Напротив, отсутствие преследований дало возможность некоторым толстовцам одуматься, сознать свои заблуждения и вернуться в лоно Церкви.

Для борьбы духовными мерами, по его словам, «можно привлечь много иных сил. Ведь у нас, например, студент-миссионер это то же, что на языке логики *contradictio in adjecto*; между тем как в Англии студенты принимают участие в миссии и оказывают ей большие услуги».

Г. Тернавцев сказал, что миссионеры «не должны безглаголиво чуждаться светской власти» и доказывал, что сектанты преувеличивают степень преследования, которому они подвергаются. Праведник всегда в тягость грешнику, напр., можно сказать, что не Саул гнал Давида, а Давид преследовал Саула своею праведностью. Для сектанта самый факт существования Церкви является тяжкою мукою; ему неприятно даже встретиться со священником. Переходя затем к вопросу об отношении Церкви к государству, г. Тернавцев высказать пожелания, чтобы гражданская и духовная власти действовали в полной гармонии и в духе истинно христианских идеалов.

Далее подробному разбору, занявшему более часа времени, подверг главные положения доклада г. Стаховича и его предложение редактор «Мисс. Обзор.» В.М. Скворцов. Замечания последнего касались юридической стороны вопроса и существа нашего действующего законодательства по вопросам раскола и сект, истории отношений нашей Церкви и государства и значения православия, как основы последнего, – мистически живущей в сознании народа идеи Царя, как Помазанника Божия, свыше посвященного на царственное Его служение в Церкви мерами государственного свойства и, наконец, – со стороны характера (темного, изуверного и агрессивного) нашего расколо-сектантства.

За недостатком места подробное изложение возражений В.М. Скворцова отлагаем до следующей книжки.

После замечаний со стороны г. Стаховича на возражения его оппонентов, епископом Никанором было предоставлено заключительное слово профессору Ивановскому, который кратко заметил:

«Вопрос о свободе совести яснее можно формулировать так: «как государство должно относиться к диссидентам?» Это – вопрос государственной важности, вопрос не новый и трудный, а потому разрешение его в один вечер на епархиальном съезде может вызвать лишь улыбку. Можно только обменяться мыслями. Вообще же нужно сказать, что критиковать законы легче, чем издавать.

В виду того, что доклад Стаховича был заслушан, как частное мнение, не входил в программу съезда и превышал его компетенцию, он не ставился на съезде к обычному определительному суждению, и потому никакого постановления по нему не состоялось.

Слюсарев Д. Миссионер свящ. До каких пагубных и нелепых верований доходят сектанты, оставив веру Церкви?¹³⁵ // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 556–564

II

Ранее было сказано, что другая ветвь уклонившихся от Церкви стремится создать свою особую церковь, якобы настояще-апостольскую, в которой будто бы только и можно спастись. Это – в собственном смысле сектантство рационалистическое, стремящееся толковать тайны Царствия Божия по началам разума, между тем как они удобоприемлемы прежде всего для веры: *если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царствие Божие (Мф.18:3)*, сказал Спаситель. Но если человек станет усвоить учение Христово только по началам разума и верить тому только в Евангелии, что понятно ему, то естественно, что всё, непонятное для его ума, он или извратит, или совсем отвергнет. Где ограничение такому произвольному толкованию учения Христова, ведущему к этим двум опасностям? Нужно опять сказать то же, что сказано о «духовном» толковании Евангелия, именно, что и у сектантов-рационалистов нет ограничения и руководства, которое предохранило бы их от заблуждений. И вот мы видим, что они, отпав от Церкви, не ограничиваются отрицанием некоторых только христианских истин, непостижимых для ума; а идут дальше и в конце концов доходят до отрицания всего Евангелия, всего учения Христова. – Посмотрим сначала, что это за Церковь их, якобы настояще-апостольская?

Пред нами лежит катехизис штундистов. Страница 103, член X, о Церкви Господней. Сказано: «Мы принимаемся в Церковь Христову на земле посредством крещения, которое Господь учредил для нас в средство благодати, согласно повелению Иисуса Христа и Его апостолов, также согласно примеру времен апостольских, и чтобы привести в исполнение все постановления нового завета». Стр. 107 о голосовании: «в собраниях общины все дела, насколько то возможно, решаются *голосованием*. При *голосовании* все члены имеют равные голоса и решение производится большинством голосов»... Та же страница – о принятии в общину: «принятие нового члена может состояться только по предварительном знакомстве с его

душевным состоянием и по личном исповедании им веры пред общиною. Принятие производится посредством *голосования*. При таком *голосовании* весьма желательно, чтобы состоялось единогласие». Стр. 108 – исключение членов: «Церковь, последуя правилу её Основателя, уполномочена и обязана таких её членов, поведение которых противоречит их исповеданию... исключать и лишать прав членов посредством обыкновения *голосования*». «Второе принятие исключенного бывает, как всякое другое принятие, *по испытании и исповедании грехов пред общиною, посредством голосования*». Вот она – Церковь, которую устроили отделившиеся от нас, – Церковь с голосованием! И этому голосованию подлежит здесь не только вступление и исключение членов, но и душевное состояние их, совесть, вера, покаяние! Скажите, походит ли эта новая церковь на ту Церковь апостольскую, о которой говорится в Евангелии, – которую Христос основал не на голосовании, а на вере: *Ты Петр*, сказал Спаситель о *вере Петра*, и на сем камне созижду Церковь мою? Разве по голосованию принимал Христос в Церковь Свою? Разве ап. Петр крестил и принял в Церковь один раз 5 тыс. уверовавших, в другой – 3 тыс. по голосованию? Евнух царицы Кондакий, которого крестил диакон Филипп, Корнилий с семейством, которого принял в Церковь ап. Петр, и многие другие – разве все они ставили на голосование свою веру, своё душевное состояние, исповедание и крещение?... В Церкви Христовой пребывает и действует Дух Святой; чрез кого же Он действует в штундистской церкви, – чрез большинство или чрез меньшинство, когда голоса разделились? Ведь те и другие – одинаково члены общины, а мнения их противоположны?... Ничего, подобного голосованию, в Евангелии не показано. Из Евангелия, напротив, видно, как Дух Святой непосредственно открывал дверь веры людям, и как они без голосования общины становились членами Церкви. Как мало походит штундистская община на Церковь Христову! На этой общине лежит печать мирской общины, а не печать Церкви Христовой (2Тим.2:19); от неё отдает мирским духом.

Чем люди думают спастись в этой новой церкви? Остановимся на самом важнейшем. Спаситель заповедал

Своей Церкви: Я – хлеб живой, сшедший с небес. Ядущий хлеб сей будет жить во век; хлеб же, который Я дал, есть плоть Моя, которую Я дам за жизнь мира. Истинно, истинно говорю вам, если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Идущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день (Ин.6:51, 53–54, 56). Это Спаситель сказал о силе, действии и значении в Церкви св. т. Причащения. Как веруют этому штундисты? Член IX стр. 77 – о св. вечере: «Сие, дарованное Господом Его Церкви, благодатное установление, состоит в том, что определенным на то в Церкви лицом, при изречении слов установления оно и после торжественной благодарственной молитвы, преломляется хлеб, который так же, как и вино, вкушаются членами Церкви. Сим возвещением каждый раз оживляется в их сердцах воспоминание о Сыне Божиим и, Он снова является их душе в Своей кровавой красоте. Искупленные Господом должны, по данному Им святому и благодетельному повелению, до второго Его пришествия возвещать сею вечерю Его смерть, как единственную причину нашего спасения. Мы веруем, что в сем святом знаке Христос дает верующим вкушать *духовным образом* Своё Тело и Свою Кровь».

Разве Христос апостолам на тайной вечере преподал Тело и Кровь *духовным образом*, а не реально? Или *духовным образом* отдал плоть Свою за жизнь мира?... Это таинство Он заповедал совершать не для воспоминания только Его смерти, как веруют сектанты, но и для того, чтобы Христос реально пребывал в нас и мы в Нём, для того, чтобы нам наследовать жизнь вечную. В Церкви Христовой, по Его обетованию, пребывает Дух Святой. Его-то невидимым действием и пресуществляется хлеб и вино в Тело и Кровь Христову, и таким образом чрез действие Духа Святого исполняются и будут исполняться до скончания века в Церкви слова Спасителя: *приимите, ядите, сие есть Тело Мое; пейте из нея вси; сия есть Кровь Моя; сие творите в Мое воспоминание*. Если же у штундистов хлеб и вино не пресуществляются в Тело и Кровь Христову, то этим доказывается, что их община –

безблагодатная; там, значит, нет благодати Духа Святого, пресуществляющего, во исполнение обетования Спасителя, хлеб и вино в Тело и Кровь Его.

Нужно ли говорить, что штундисты отрицают благодатную силу т. крещения, очищающего нас от первородного греха, и силу прочих таинств; отрицают, вопреки ясному свидетельству апостолов, союз Церкви земной с Церковью небесною, не почитают св. угодников и т. д.? Так-то, толкуя Евангелие по началам одного разума, они хотят верить тому только в Евангелии, что могут понять умом своим; а что не вмещается в их уме, что должно усвоить верою, то всё отвергают; таким образом, оторвавшись от Церкви и думая устроить своё Спасение по Евангелию, на самом деле искажают его, заблуждаются. – С нашими сектантами случилось то же, что с теми иудеями, которые, слушая слова Спасителя о Плоти и Крови, умом не поняли, верою не поверили и сказали: *Как Он может дать нам есть Плоть Свою? (Ин.6:52), – отошли от Него и уже не ходили с Ним (Ин.6:66).*

Весьма естественно поэтому то явление, что люди, идущие рационалистическим путем последовательно, не останавливаются на отрицании некоторых только евангельских истин, но доходят в конце концов до отрицания всего Евангелия, отрицают Христа и приходят к таким понятиям, таким учениям, которые ничего уже евангельского, кроме наименований, не содержат в себе.

Так петроостровские штундисты проповедуют о Христе, что Он – простой человек, хотя Он добрый, прямодушный и премудрый, но не чуждый однако еврейских предрассудков, от каковых не могли освободиться и апостолы. Чистую религию свободы проповедуют только они – штундисты («Мисс. Об.» 1899 г., окт., 308). В Чигиринском уезде, Киевской губернии, одно время существовала партия штундистов, которая признавала Евангелие таким же измышлением человеческим, каковы все другие человеческие писания, законы и установления; правилом веры и жизни должны-де служить законы природы. В самом Киеве на одном из публичных собеседований все слышали, как молодой собеседник,

ремесленник из сектантов – заявил, что он – человек *свободной религии*, ни Бога, ни души, ни бессмертия не признает, Евангелие признает за человеческое произведение и всему этому научился из чтения умных книг.

Штундисты Донской области говорят об Иисусе Христе следующее: Он был умный человек и только по уму стоял выше Своих современников. «Он был умный учитель, говорил передовой из сектантов, – но и я не хуже Его и Его учеников».¹³⁶ О сектантах Екатеринославской губернии пишут вот что:¹³⁷ было время (60–70 гг.), когда сектанты верили во Христа, почитали Его Икупителем, любили читать Евангелие и плакали над ним о грехах своих. Но теперешние сектанты говорят о Христе не как о Боге-Икупителе, а как реформаторе социально-политическом; они любят не евангельского Христа, а «своего», которого создало их воображение под влиянием впечатлений материальной жизни, придав ему черты социального реформатора («Мисс. Об.» 1900 г., май, 759), – это говорят те, которые еще недавно искренно веровали в Евангелие. – Вот во что вырождается вера нашего рационалистического сектантства! Думаете ли, что это – бредни? Или – это мечты отдельных личностей? Нет, отмеченные явления представляют собою логический конец рационалистического сектантства. Это именно и есть настоящие взгляды более последовательных из сектантов, которые не считают нужным прикрываться далее Евангелием, но говорят открыто то, что думают. Эти взгляды уже систематизированы в особое исповедание, которое усердно навязывается народу.

Пред нами лежит катехизис;¹³⁸ на лицевом листе его гектографировано: катехизис Иисусова братства по Евангелию (штунды).

Догмат братства: Бог дух = разум.

Бог отец = жизнь.

Бог сын = разум в жизни.

Три сия едино суть.

Что же представляет собою эта новая секта – «Иисусово братство по Евангелию»? Ответ находим на стр. 12: Вопрос: в чём – проповедь Иисусова братства по Евангелию? Ответ:

Иисусово братство по Евангелию воссоздает чистое учение Иисусовой веры на основании тех стихов Евангелия, которые заключают в себе поучения, указания или примеры жизни во исполнение воли отца. – Но как же это, спросите вы, разве чистое учение Христово до сих пор в течение 19 веков не было известно миру! Да – говорят – не было известно. Стр. 7. Вопрос: в чистом ли виде дошло до нас учение Иисуса? Ответ: Далеко нет. Об этом свидетельствует самое название «христианство», которое означает в переводе «наслоение», «штукатурка». Вы еще больше недоумеваете и спрашиваете: откуда же в Евангелии взялась штукатурка? Не написано ли оно ближайшими непосредственными учениками по внушению от Духа Святого (Лк.1:1–4; Ин.1:14; Деян.1:2–3; 1Ин.1:1–5; Ин.15:15–16, 26 и многие другие)? На это вам отвечают: её нужно отнести на счет неумелости евангелистов выразить всю божественно-идеальную характеристику Иисуса (стр. 7). «Наслоения эти доказывают только, до чего ничтожны и мелки были лучшие из провозвестников учения Христова» (стр. 17). Это – евангелисты-то, которых Сам Господь избрал, наставил, просветил Духом Святым, которым одним только доверил проповедь Своего учения во всём мире (Мк.16:15)?! В частности об ап. Павле новое братство имеет такое представление, что он самовольно присвоил себе звание апостола. Иисуса он в глаза не видал никогда, проповедь свою начал 5 л. спустя после смерти Иисуса. Стр. 11 вопрос: знал ли он духовную сущность учения Христова? Ответ: нет, не знал. «Учение Павла ничего общего не имеет с учением Иисуса» (стр. 12). – Вы видите, что тут нет уже веры в Евангелие, в Его богодухновенность; авторитет апостолов, непосредственных очевидцев и учеников Господа, ниспровергается; основатели лжеиисусова братства ставят себя выше апостолов, говорят, что они лучше знают чистое учение Христово и требуют от своих последователей верить им больше, чем апостолам, чем всей Церкви, идущей от времен апостолов. Лжеапостолы! Лукавые деятели, принимающие вид апостолов Христовых! (2Кор.11:13).

Итак, новое братство находит, что настоящее чистое учение Христово до сих пор никому не было известно, и только теперь,

спустя 19 веков, братство восстанавливает его. Каково же это учение в очистке заправил братства? На лицевом листе катехизиса написан догмат братства:

Бог Дух = Разум.

Бог Отец = Жизнь.

Бог Сын = Разум в жизни.

Что это означает, это объясняется в местах катехизиса. «Пойми, сказано на 36 стр., что жизнь твоя, что разум твой это – Бог», на стр. 41: – «Жизнь есть Бог». – Стр. 5 вопрос: что означают встречаемые в Евангелии выражения: «Сын Божий», «Сын Человеческий»? Ответ: «Иисус учит нас тому, что в Нём Самом и в каждом человеке есть два начала: начало жизни и начало духа или разума. Эти два естества он различает этими наименованиями. Бог – начало жизни в человеке, это и есть сын человеческий. Бог – начало разума в человеке, это и есть Сын Божий». Оказывается, что новые сектанты не верят даже и тому, что есть Бог вне человека и есть Сын Божий вне его. Когда их спрашивают: что есть Бог? – они отвечают: «Бог есть разум, Бог есть дух, Бог есть человек». «Когда мне говорят про Бога, поясняет родоначальник этой секты, гр. Л. Толстой, про его существо, его свойства, лица, – я уже не понимаю Бога, не верю в Бога. То же самое, когда мне говорят про душу мою, её свойства, я уже ничего не понимаю и не верю в эту душу... Когда мне скажут: Бог имеет 14 свойств, ум, и волю, лица, или – что Бог добр и справедлив; или – Бог сотворил мир в шесть дней, то я уже не верю в Бога» (Еп. Антоний. Полное собрание сочинений, т. III, стр. 271). «Разумение жизни стало вместо Бога. Разумение жизни есть Бог» (там же стр. 98). Бога поэтому нет вне людей, он в людях; люди – эти тот же Сын Человеческий, Бог; а каждый человек лишь момент Его жизни (там же стр. 118). «Христос – это то разумение, которое есть в нас» (там же стр. 98). Так поясняет веру нового братства гр. Толстой.

Не признавая Бога Отца, Сына Божия и Духа Святого, эти сектанты отрицают и всё то, что говорится в Слове Божиим о Пресвятой Троице, отрицают творение мира, грехопадение, искупление, ниспослание Духа Святого на верующих, самую Церковь. Всё это они считают штукатуркой на чистом учении

ХристовоМ.А каково же чистое учение? Оно – в пяти заповедях. Стр. 13 катехизиса, вопрос: Сколько заповедей завещал нам Спаситель? Ответ: пять. Какие? не гневайся, не прелюбодействуй, не воюй, не противься злу, не клянись. – Вот и всё, что осталось у этих сектантов от Евангелия; всё остальное отвергли. Да и этим пяти заповедям они придают совсем не евангельский смысл и орудуют ими не ради целей религиозных, не для спасения себя, а ради целей политических, – для ниспровержения существующего порядка общественной и государственной жизни: в рассматриваемом Катехизисе они объясняются в том смысле, что не нужно судов, войска, начальств, присяги. Стр. 4 вопрос: Какие цели преследует Бог – начало жизни? Ответ: Благо всех людей, благо, достигаемое братством, равенством, свободой. Вот настоящие цели «братства Иисусова»! Вот до чего договорилось наше сектантство!

Вы видите, что те сектанты, которые, оставив веру Церкви, руководствуются в религиозной жизни только разумом, которые идут рационалистическим путем, в конце концов приходят к отрицанию Бога, к атеизму. Отделившись от Церкви и принявшись толковать Евангелие по началам разума, они сначала отрицают только некоторые евангельские истины (в штунде, в баптизме); но потом, идя своим путем последовательно, отрицают, наконец, всё Евангелие и из сектантов религиозных, церковных превращаются в сектантов политических, государственных (в виде секты «Иисусова Братства по Евангелию» и толстовцев).

Таковы-то пути, которыми идут уклонившиеся от Церкви. Вы видели, с чего они начинают и чем оканчивают. Не доказывают ли они своим примером тех евангельских истин, которые мы изложили в начале, – именно, что вне Церкви не может быть ни истинной веры Христовой, ни истинной жизни Христовой, что даже понять учение Христово невозможно, если не жить жизнью Христовой в Церкви по руководству её; равным образом ни быть в общении с Господом, ни получить Духа Святого не возможно вне Церкви. Тот самый текст, на который ссылаются сектанты, именно, что слова Спасителя суть *дух и жизнь*, – ясно

показывают, что учение Его можно понять только жизнью, устроенною по Его слову, а таковая жизнь всецело осуществляется только в Церкви. Обыкновенную человеческую мудрость познают чрез одно только изучение рассудком, а познать учение Христово – учение «Духа и жизни» возможно не иначе, как верою и жизнью по этому учению. *Кто творит волю Отца Моего, говорит Спаситель, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно (Ин7:17)*. Недостаточно только принадлежать к Церкви Христовой и числиться в ней. Нет, вся жизнь христианина должна слиться с жизнью во Христе в Церкви. Только при этом условии можно быть и в общении с Господом, и получить Духа Святого. *Пребудьте во Мне и Я в вас; кто пребудет во Мне и Я в нём, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего (Ин.15:4–5)*. А это пребывание во Христе, т. е. жизнь во Христе, возможно только в Церкви.

Миссионер свящ. Д. Слюсарев

**Буткевич Т. Профессор прот. Секта хлыстов.¹³⁹ (По отзывам, главным образом, иностранных ученых)
// Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 565–573**

Сведения о секте хлыстов, их учении и религиозном культе можно приобрести I) путем изучения специальной русской литературы, в которой лучшими сочинениями по хлыстовству должны быть названы: 1) *И. Добротворского* «Люди Божии». Казань, 1869 г.; 2) *К. Кутепова* «Секты хлыстов и скопцов». Казань, 1882 г.; 3) *Маргаритова* «Руководство по истории и обличению русских рационалистических и мистических сект». Кишинев, 1894 г.; 4) многие статьи Кальнева и Ивановского в «Миссионерском Обозрении», и II) путем изучения иностранной литературы по русскому сектантству вообще и хлыстовству в частности; лучшими сочинениями здесь должны быть признаны: 1) *проф. Геринга* *Die Sekten der russischen Kirche (1003–1897)*, Leipzig, 1898 г.; 2) *А. Порицмайера* «*Die Gottesmenschen und die Skopzen in Russland*, Wien, 1883 г.»; 3) его же «*Die neuere Lehre der russischen Gottesmesnchen*, Wien, 1885 г.»; 4) его же «*Die Gefühlsdichtungen der Chlysten*, Wien, 1885». Затем сочинения по русскому сектантству таких писателей, как *Э. Пеликана, Диксона, Лероа-Болье, Кни, Каттенбуша, Иербел Эмбаха, Арндта, Гакстгаузена, Штраля, Долгорукова* («*La verité sur la Russie*»), *Франка* и др.; труды этих писателей, которых нельзя заподозрить ни в пристрастии к православной Церкви, ни во враждебности к русскому сектантству, заслуживают особенного внимания. На основании указанных источников можно составить себе следующее представление о хлыстовстве. Хлысты никогда сами не называют себя *хлыстами* и даже не любят, когда их называют этим именем другие, потому что это название (от слова – хлыст, бич, кнут) они считают для себя позорным и обидным. Народ же называет их не только «хлыстами», но и «шалопутами», «плясунами», «скакунами», «молоканами» (потому что в пост едят молоко), «богомолами» (в Симбирске), «монтанами» (в Самаре), «превозносящимися» или «молельщиками» (в Казани), «хлыстами» или «купидонами» (в

Саратове), «пустосвятами» (в Костроме), в других местах – «вертунами», «баклушниками» и т. п. Сами хлысты обыкновенно называют себя такими наименованиями: «Люди Божии», «Израильский род», «Зеленый Виноградник», «Стадо Христово», «Птицы Христовы», «Белые Голуби», «Сизые Голуби», «Белые Лебеди», «Соловыи», «Светлые или Ясные Соколы», «Белые райские птицы»; вожака своего хлысты зовут «Златокрылым Орлом», «Белым Орлом», «Райским Соловьем»; женщину пророчествующую – «Богородицею», «Пророчицею», «Ковчегом Духа Святого». Появление этой секты некоторые ученые относят даже к началу христианства в России, другие (Геринг) ставят её в связь с гностическими и манихейскими сектами древней вселенской Церкви, но большинство связывает появление её с 1645 годом и виновником её называют костромского уроженца (из деревни Старой, Юрьевецкого уезда) Даниила Филиповича, – первого хлыстовского «Саваофа». Впрочем, теперешние русские хлысты, по своему невежеству, не только не знают истории своей секты, но даже и имени её основателя. Но 12 пунктов его учения им известны и пользуются значением «заповедей» или «закона Божия». Вот эти пункты: 1) Я (Даниил) – Бог, предреченный пророками; я второй раз сошел на землю для спасения душ рода человеческого. 2) Кроме меня, нет Бога. 3) Нет другого учения, кроме моего, и никакого другого не следует искать. 4) На чём вы поставлены, на том и стойте (по другому варианту: «Оставайтесь, где вы есте, и что вы есте»). 5) Ничего опьяняющего не пейте и не желайте плотского греха. 6) Не женитесь, но кто женат, живи со своею женою, как с сестрою, на что указывается и в ветхом священном Писании: «не женатые не женитесь; а женатые отделитесь от своих жен». 7) Не произносите гадких слов и черных речей (по другому варианту: «Не проклинаяте и не называйте черта»). 8) На свадьбы и крестины не ходите и не участвуйте в обществе пьяниц. 9) Не крадите! А если кто украдет хотя одну копейку, то на страшном суде её положат ему на макушку головы, и когда эта монета растает в огне на его голове, тогда только он получит прощение. 10) Держите эти правила втайне и не объявляйте их даже отцу и матери. Даже когда вас будут бить

кнутом и жечь огнем, терпите; ибо тем вернее, по примеру древних мучеников, вы достигнете царства небесного и на земле – духовного блаженства. 11) Ходите один к другому, будьте гостеприимны, оказывайте любовь и следуйте моим заповедям. 12) Веруйте в Святого Духа. – Что эти заповеди в точности исполняются хлыстами в наше время, это видно уже из того, что они записаны Эмбахом (на немецком языке) со слов какого-то русского хлыста в 1888 году. Но последняя заповедь у хлыстов есть самая главная. По их учению, внушениям св. Духа, который вселяется в душу человека, должно следовать безусловно. Но для того, чтобы в человека вселился Дух Святой, необходимо умерщвлять плоть – не чрез самоизувечение, которое есть малодушие, а чрез строгий пост, воздержание от мяса, алкоголя и табаку, изнеможение плоти, половое воздержание, продолжительную молитву и особые «благочестивые» телесные упражнения или раденья. Чтобы сердце было обращено в храм Божий, – учат хлысты, – требуется далее – умертвить в себе всё земное, отречься от собственного лица, от всех естественных и божественных даров, подавить в себе всякую волю и земное желание и мечтать только о вселении божественной воли. Тот «человек Божий», который всё это выполняет, теряет свою волю, место которой у него занимает воля Божия. «Люди Божии», принявшие в себя св. Духа, получают при этом дар пророчества и называются поэтому «пророками». Человек состоит из души и тела; душа, по учению хлыстов, создана Богом, тело – дьяволом. Как дух, загнанный в нечистое тело, душа ведет борьбу с ним в течении всей земной жизни. Когда она побеждается, она становится добычей зла; но когда она побеждает, то она достигает уже здесь, на земле, того блаженного состояния, которое выражается в непосредственном общении с Богом. Но высшая степень совершенства состоит не в пророчестве, а для мужчин – *в достоинстве Христа*, для женщин – *в достоинстве Богородицы*. Ибо как Христос был простым человеком и однако же стал едино с Богом, так может достигать этого единства и каждый человек. В таких христах Бог уничтожает человеческую душу и Свой дух полагает на её

место, так что они становятся «живыми богами», которым приличествует наивысшее почитание. Трех Лиц в Боге, как Ипостасей, хлысты не признают; но нельзя утверждать, чтобы они признавали и существо Божие в смысле христианского учения, когда смертных людей они почитают, как наместников Бога или Его воплощения. *Иисуса Христа* они признают богочеловеком, – но только таким, как их христы; Он Сын Божий в том же самом смысле, как они называют себя «детьми Божиими». Многократно Он будто бы воплощался еще до Своего рождения от Пресвятой Девы Марии. Евангельские рассказы об Его чудесах, Его крестной смерти и Его воскресении суть для хлыстов не что иное, как *аллегории*.¹⁴⁰ *О таинствах* хлысты учат таким образом. «*Первое крещение* совершается водою (разумеется крещение в православной Церкви), *второе крещение* у нас совершается теперь Св. Духом, и кто не крещается этим вторым крещением, тот не может войти в царство небесное». Это духовное крещение получается чрез участие в радениях. При этом хлысты уверяют, что все отцы Церкви поступали так же, как они, и чрез это спасли свои души. Таинства *покаяния и причащения* православной Церкви они вообще отвергают; тем не менее в *некоторых «кораблях»*¹⁴¹ были известны подобные обычаи. Исповедуются хлысты в молельне пред «богородицею»; причащает их «богородица» крохами артоса и крещенскою водою, иногда (в Великороссии) – обыкновенным хлебом и квасом, в прежнее время – водою из колодца, находящегося на месте родины Даниила Филипповича. Прежде причащения хлысты становятся на колени пред кадкой, наполненною водою, и «духовно» каются в своих грехах. *Таинство брака* они отвергают, как грех; женатых они называют «птенцами» (но не птицами), а их детей – «щенками», «цуцынятами». Хотя для обмана полиции, они и венчаются у православных священников, но в действительности допускают *общение жен*. О том, что происходить на их *радениях*, не всегда легко узнать; но не подлежит сомнению, что раденья составляют особенно важную часть мистического культа этой секты, которая всячески старается доставить возможность своим приверженцам принимать участие в них, так как чрез них

только возможно (будто бы) достигнуть единения с Богом. Песни поются не одни и те же, но по возможности новые, так как петь одно и то же, говорят хлысты, дело мертвое, и Богу нужно «петь новую песнь» (Пс.95:1). По большей части раденья происходят таким образом. Вечером в субботу или в другие дни, напр., ночью со вторника на среду или с четверга на пятницу, по особому указанию «пророка», хлысты собираются в назначенную для того молельню. При вступлении каждый в отдельности клянется никому ничего не выдавать из того, что будет происходить в молельне, и перетерпеть все мучения «за веру». Когда все соберутся, пророки и пророчицы садятся на свои места в первом ряду, позади них на скамьях располагаются по правую сторону – мужчины, по левую – женщины. Празднование начинается пением, по большей части, церковной песни – «Царю небесный» или же следующей: Свят, свят, свят, Творец наш, свят, свят, свят, Искупитель наш, свят Дух, отец наш, вся Святая Троица, Тебе честь во веки. Аминь». Хлысты желают, чтобы эти песни, по возможности, пелись каждый раз на новый мотив. Затем читается отрывок из священного Писания и снова поются песни и псалмы. Бывает, что после этого совершается нечто похожее на причащение. Потом все поднимаются и танцуют вокруг стоящей посреди комнаты наполненной водою кадки; в известные промежутки времени они примачивают голову водою или прихлебывают её из руки; во время танцев и беганья хлысты обыкновенно машут белыми платками, – которые называют крыльями ангелов и архангелов. Усталость от танцев признается умерщвлением плоти. Пением песней и заканчивается эта часть хлыстовского богослужения. Около полуночи начинается «раденье» в собственном смысле. Мужчины и женщины одеваются в белые «раденческие» рубахи особенного покроя и надевают на ноги белые нитяные чулки и легкие башмаки. Эти белые рубахи, как думают, употребляются в память об Иване Суслове, о котором легенда «людей Божиих» рассказывает следующее: «Когда с него, живого, содрали кожу, некоторые девушки обвили его полотном. Это полотно вросло в его тело и стало его кожей». Впрочем, теперешние хлыстовские вожаки, ничего не зная об

Иване Суслове, большею частью учат, что белый цвет должен означать чистоту души «раденцев». Одевшись в белые рубахи, хлысты прежде всего кланяются «пророкам» и «пророчицам», целуют им руки и получают от них благословение. Затем, сидя, они начинают петь на мотив народных песен протяжным, жалобным голосом какую-либо песнь, в роде следующей: Святый Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас. Дай нам, Господи, Иисуса Христа, дай нам, Господи, сына Божия, и помилуй нас, Господи» и т. д. После этой или подобной песни, некоторые мужчины вскакивают, начинают прыгать и петь уже скорым темпом различные песни в «честь» «Искупителя своего с ангелами, архангелами, херувимами, серафимами и со всею небесною силою». В то время как некоторые поют «*протяжные песни*», часть присутствующих «для возбуждения Св. Духа» исполняет уже и так называемые радения. Раденья эти разделяются на три вида: «кружные», «кораблем» и «крестом». В кружном радении мужчины составляют круг, в котором становятся один возле другого. За кругом мужчин образуется второй круг из женщин. С пением песен и ударяя в такт ногами, хлысты начинают кружиться с возможной быстротой – мужчины по солнцу, женщины – против солнца. Это раденье у хлыстов называется Иезекииловым «коло в колеси». Когда от такого раденья хлысты почувствуют утомление, они для отдыха делают перерыв и выходят из круга, а отдохнув, чтобы не спутывать круга, каждый начинает вертеться сам по себе, отдельно от круга, мужчины, – в правую сторону, женщины – в левую. Верчение это обыкновенно уже исполняется с такою бешеною скоростью, что слышен только шум, а лиц различить уже нельзя, длинные же, широкие белые рубахи, развеваемые по воздуху, образуют как бы вращающиеся столбы. В середине круга вращаются, т. е. вертятся, пророк и пророчица, которые при этом беспрестанно кричат: «не жалеете тел, не жалеете Марфы!» Это кружное раденье продолжается до тех пор, пока у радеющих рубахи становятся от пота совершенно мокрыми, что и называется «банею возрождения». Отдохнув, хлысты опять продолжают то же самое раденье или начинают новое – «кораблем», или – что

тоже – «давидовское». Это раденье состоит в том, что хлысты составляют продолговатый круг и начинают бегать друг за другом (как бы гоняться) против солнца или по солнцу с пением песен и ударением в так ногами, причем обыкновенно бьют себя кулаками в грудь, постоянно говоря: «О Дух, Святой Дух!» и хлопают в ладоши. Раденье «крестом» состоит в том, что мужчины и женщины становятся по четырем углам комнаты по двое или по трое, вообще смотря по числу «раденщиков» и по размерам комнаты, и начинают, насколько возможно, быстро бегать от одного угла к другому, один на встречу другому, пока опять-таки вся рубаха не смочится потом. Вследствие таких насильственных и неестественных движений хлысты впадают в состояние сильнейшего нервного возбуждения или исступления и становятся способными к галлюцинациям. Что говорится в таком крайне ненормальном состоянии, то признается *пророчеством*. Вдруг кто-либо из присутствующих вскрикивает: «Вот, он идет! Вот, он идет! св. Дух идет! случилось, случилось!» Это значит, что св. Дух нисшел на весь «корабль» и в особенности на пророка и пророчицу. И последние начинают «пророчествовать». После этого все опять вскакивают и начинают прыгать и вертеться, и чем дальше, тем оживленнее, пока не доходят положительно до бешеного неистовства и затем в бессилии все падают в кучу друг на друга и через друга. В это время тушатся свечи и происходит то, примера чему, по словам немецкого ученого (Геринга), мы напрасно стали бы искать в язычестве у древнего мира. Мужчины и женщины предаются тому ужасному проявлению безнравственности, которое народ обозвал «свальнею», или «свальным грехом». При этом не принимается во внимание ни родство, ни возраст. Рожденные от этого греха дети считаются «зачатыми чрез изливание св. Духа». Они обыкновенно воспитываются под непосредственным руководством пророков и пророчиц и впоследствии должны занять их место. Хлысты называют их «христосиками». Интересен отзыв о наших хлыстах, сделанный немецким профессором Герингом («Die Sekten der Kirche», 1898, стр. 155): «Хлысты, говорит он, ни в каком случае не составляют той безвредной секты, какою иногда её признавали,

напротив, это – самый губительный яд, который в конце разрушает жизнь и силы народа. Но как ловко они умеют скрывать свои мерзости, доказывает следственная комиссия, учрежденная Александром I в 1818 году, которая засвидетельствовала, что «православная Церковь должна признать хлыстов и скопцов своими вернейшими и благочестивейшими овцами, в веровании которых нет ничего, заслуживающего порицания». И иначе быть не могло! Ведь к этой самой секте и принадлежали бывший с 1803 года обер-прокурор Св. Синода Алексей Голицын и министр внутренних дел, граф Кочубей». – И действительно, трудно в высшей степени узнать, что происходит у хлыстов на их «радениях»: двери молельни они обыкновенно запирают, окна занавешивают, за воротами двора держат караульных, во дворе – злых собак. Зачем все эти предосторожности, если бы у хлыстов, как они обыкновенно утверждают, не происходило на раденьях ничего дурного? Возмущение православных против хлыстов последние объясняют не развратом своим, а своим *отрицательным* благочестием (не пьют водки, не курят табаку, не ругаются и т. д.); но русский народ привык всегда и особенно благоговеть пред религиозным подвигом, благочестием и нравственными добродетелями; он требует этого от своих священников и монахов. В высшей степени трудно узнать, что происходит у хлыстов на раденьях еще и потому, что хлысты свято исполняют заповедь Даниила Филипповича (10-ю): «не открывать даже отцу и матери и терпеть, если бы их били кнутом или жгли огнем». Кроме того, пророки научают хлыстов лицемерить, и лицемерие они не признают грехом. Вследствие этого они крестят в церкви своих детей, венчаются, отпевают умерших; хлысты (особенно не обнаруженные судебным следствием) почти всегда первыми являются на церковные богослужения и вечерние собеседования в церквях; когда на этих собеседованиях приходский священник заводит речь о мерзостях хлыстовства, хлысты первые начинают вздыхать и возмущаться этими мерзостями; в обществе хлысты в особенности любят осуждать блуд и распутную жизнь. Будучи по внешности благочестивыми, хлысты чаще других становятся

друзьями дома своих приходских священников, и последние нередко только на судебном следствии узнают кто были их друзья, кого они уважали за благочестие и считали лучшими христианами в приходе! Даже лица, оставившие хлыстовство и возвратившиеся к Церкви, крайне неохотно говорили о том, что происходит на хлыстовских раденьях. Стыд ли за содеянные мерзости или страшные клятвы, данные хлыстам, стесняют их, – это трудно сказать. Впрочем, не подлежит сомнению, что характер хлыстов постоянно изменяется. Есть хлысты, которые сами возмущаются «свальным грехом»; вместо него эти хлысты, поклонившись пророку и пророчице, парами – мужчина и женщина – выходят из молельни и совершают свой «грех» в чуланах, на чердаках, под сараями и т. п. Не всякое радение непременно окачивается свальным грехом. Кажется, и сами хлысты не всегда могут наперед знать, чем окончится их моление; свальный грех у них бывает лишь естественным физиологическим последствием их неистовств. Во всяком случае, на законный брак они смотрят, как на самый тяжкий грех, ибо в нём проявляется не любовь, а эгоизм; блуд же они считают только случайным грехом, в котором можно всегда покаяться. Так как у хлыстов господствует стремление всегда «петь Господу новую песнь», то у них твердо установленного устава относительно их радений нет; неизменными признаками их остаются только песнопение, молитвы, чтение св. Писания, прыганье и беганье; порядок же радений и содержание песнопений почти всегда изменяются.

Профессор прот. *Буткевич*

Из миссионерских запросов

Булгаков Н. Как должно объяснять 22-й стих LXVII псалма? // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 574–576

Как должно объяснять 22-й стих LXVII псалма: «Бог сокрушит голову врагов своих, волосатое темя закоснелого в своих беззакониях?» Штундисты нашего прихода под «волосатым теменем закоснелого в своих беззакониях» разумеют духовных лиц, носящих длинные волосы.

Толкование на Псалтирь какого автора необходимо нам приобрести? Подписчик.

Псалом LXVII – самый трудный для истолкования. «В нём сколько стихов и слов, – столько же и целей, столько и лабиринтов: это крест для умов, укор толковникам». (August. Calmet. vol. IV, p. 383). В один из таких лабиринтов попадают штундисты, эти непризванные толкователи св. Писания, относя к православным духовным лицам 22 стих этого псалма. И прежде всего в 22 стихе о длинных волосах ничего не сказано, а упоминается о «*волосатом теменем закоснелого в своих беззакониях*». Затем, если бы даже ст. 22 прямо говорил о длинных волосах, то и в таком случае его нельзя исключительно относить к нашему православному духовенству: не все православные духовные лица обязательно носят длинные волосы; священнослужители, состоящие при наших заграничных церквях, напр., в этом отношении не выделяются от обыкновенных мирян. Между тем есть много светских лиц из числа занимающихся, так называемыми, свободными профессиями (художники, поэты, музыканты и т. п.), которые отращивают себе длинные волосы; длинные волосы носят также женщины (1Пет.3:3); можно идти в Румынию и пройти все Карпатские горы сплошь до Моравии и Венгрии, и везде крестьяне носят длинные волосы, которых никогда не стригут (Церковн. Вedom. 1889 г., № 47); о китайцах известно, что они со времени воцарения маньчжурской династии носят длинные косы, начинающиеся на теменем, брея в то же время остальную часть своей головы. Штундисты поступили бы, пожалуй,

остроумнее, если бы начали толковать, в виду современных политических событий, 22 стих в отношении к китайцам.

Нельзя 22 стих LXVII псалма относить к православному духовенству и по самому существу дела. В разбираемом стихе говорится, что *«Бог сокрушит голову врагов своих»*, причем выражение *«волосатое темя закоснелого в своих беззакониях»* составляет приложение к первой половине стиха. Но священнослужители православной Церкви – не враги Божии: они – вестники Господа (Мал.2:7) и поставлены Духом Святым в Церкви (Деян.20:28) для того, чтобы освящать благодатными таинствами верующих (Еф.4:12) и пасти стадо Христово (1Пет.5:2). Епископы православной Церкви непрерывно идут от самих апостолов, и эту непрерывную преемственность наших иерархов не в состоянии опровергнуть даже злейшие враги Церкви Христовой. Апостол Павел в послании к Филиппийцам приветствует вместе с другими верующими епископов и диаконов: *благодать вам, пишет он, – и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (Флп.1:2)*. Неужели св. апостол стал бы посылать такое приветствие епископам и диаконам, если бы они были врагами Господа? Видимое дело, что штундисты, усматривающие во *«врагах Господа с волосатым теменем»* Пс. LXVII православное духовенство, сознательно лгут; этою ложью они исполняют волю древнего клеветника, который, по учению Слова Божия, клеветает день и ночь пред Богом на братьев наших и их пастырей (Зах.3:1–3; Откр.12:10).

Как же понимать 22 стих LXVII псалма и в частности кого разуметь под врагами Господа?

Этот стих нужно рассматривать не отрывочно, а в связи с общим смыслом Пс. LXVII. Ключ же к уразумению этого псалма дает нам апостол Павел, который в послании к Ефессянам приводит из этого псалма ст. 19, как пророчество о вознесении Господа Иисуса Христа на небо после сошествия Его во ад для избавления пленников ада и о раздавании с небес благодати Св. Духа каждому из верующих в различной степени, причем одни в Церкви Христовой наставляются апостолами, другие – пророками, иные пастырями и учителями (Еф.4:7–11).

Руководясь этим учением ап. Павла, отцы и учителя Церкви толковали весь LXVII псалом в пророчески-прообразовательном смысле о Христе Спасителе и Его Церкви. Делают различные предположения о том, по какому случаю написан LXVII псалом; но одно несомненно, что в нём изображается торжественное, после какой-то победы, шествие ковчега завета на гору Сион, где при Давиде была поставлена скиния; другие горы земли обетованной враждебно и завистливо по Пс. LXVII смотрят на ту честь, которой удостоилась гора Сион (Пс.67:17). Как Всемогущий Царь, воцарившись вечно на Сионе, Господь поспешает на спасение своих верных слуг и поражает врагов Сиона, закоренелых в беззакониях. Под горою Сионом св. отцы понимают истинную (православную) Церковь Христову, которую Спаситель основал после победы над диаволом кровью Креста Своего; вечное обитание Господа на Сионе означает пребывание Спасителя в Своей Церкви во все дни до *скончания века* (Мф.28:20); под горами, завидующими Сиону, нужно разумеать врагов Церкви Христовой, т. е. еретиков-сектантов, появляющихся в различные времена и называющих себя истинными христианами. 22 стих, говорящий о поражении Господом своих врагов, пророчески указывает, что сектанты-еретики не поколеблют православной Церкви согласно неложным словам Самого Господа: *создам Церковь Мою и врата ада не одолеют её* (Мф.16:18); «волосатое темя» – поэтическое выражение, означающее зверонравный характер врагов истинной Церкви Христовой (ср. Дан.4:30).

Для толкования на псалмы нужно приобрести книгу преосвящ. Палладия, еписк. Сарапульского, под заглавием «Толкование на псалмы, составленное по текстам: еврейскому, греческому (LXX) и латинскому (Вульгате), по учению отцов и учителей св. Церкви и дополненное различными замечаниями. Москва. 1872 г.».

Н. Булгаков

Из миссионерских дневников, летописей и записок

Ивановский Н. проф. Имеет ли наше внутреннее противораскольническое и противосектантское миссионерство будущее? (По поводу одного из заседаний Орловского миссионерского съезда, 22 Сентября 1901 года) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 577–580

Милостивый Государь, г. Редактор.

О поводу напечатанного в вашем журнале сообщения (сентябрь) о кончине московского протоиерея Иоанна Григорьевича Виноградова, более 30 лет трудившегося в деле примирения раскольничающихся старообрядцев с православною Церковью, и энергичного, молодого сравнительно миссионера из простецов, Георгия Антонова, вы справедливо изволили высказать с сожалением, что редет наша миссионерская дружина: многие миссионеры, обремененные тяготами миссионерского труда, ушли с этой дороги, другие призваны Господом в Его селения. Да, по сущей справедливости, во многих местах миссионерские ряды поредели старыми деятелями, а Москва – центр борьбы, в коем сияли некогда славные в истории миссии имена, и совсем, можно сказать, опустела. Надежда теперь на трудников нового поколения. Эти трудники, конечно, во многих местах есть и их не мало, но они не имеют, одного, существенно важного для будущности миссии, – *сплоченной организации*, действуют особняком, единолично вынося на своих плечах тяжелые труды. Труды их, положим, оплачиваются, – но оплачиваются не равномерно, а главное – *положение их неопределенное*. Что они необходимы для епархий, об этом, пожалуй, уже теперь не спорят, по крайней мере, открыто, но что они такое в епархиальном управлении, чем гарантированы они в своей деятельности, какова их будущность после десятков лет тяжелой службы, об этом нельзя сказать ничего ясного и определенного; всё зависит от личных взглядов и отношений представителей епархиальной власти и других случайных

обстоятельств. И самая деятельность их недостаточно определена даже местными инструкциями, а общих инструкций и совсем нет. Это какая-то частная, наемная служба, зависящая всецело то от советов разных братств, то непосредственно от консисторских распоряжений. Не говоря о простецах, даже люди с высшим богословским образованием не имеют в своём положении ничего прочного, правого. Дьяконы и псаломщики имеют предоставленные им законные права, права голоса и защиты, выслуги и поощрения; миссионеры не имеют ничего, их заставляют писать отчеты о своей деятельности, иногда очень подробные, местами возлагают даже иного рода поручения, местами даже производства следствий; но все их постановления имеют какой-то участвующий, не более как только официальный характер, которым можно поэтому не придавать и никакого значения, а производство каких бы то ни было следствий едва ли возможно даже и поручать лицу, не занимающему никакого официального положения. Чтобы легализовать положение миссионера, иногда лица с высшим образованием, определяют простым псаломщиком к городским церквам. Вследствие такого неопределенного, бесправного положения миссионер переходит с места на место, поступая иногда после многих лет тяжелой миссионерской службы на соответствующие его образованию должности, без уверенности в том, зачтется ли миссионерская оставленная им служба, на которую он потратил молодые силы в лучшие годы своей жизни.

Если миссионер – священник, то он причислен или сверхштата к кафедральному собору, или к другой какой церкви и может надеяться на ничтожную пенсию после 35 лет службы, совершить которую на трудном миссионерском поприще, требующем крепких сил, при постоянном нервном возбуждении, он едва ли в силах. Если же силы его надломятся и его постигнут болезни и немощи, то и сам он, и семья его могут остаться без всяких средств к жизни. Смерть же его свергнет семью прямо в нищету.

Это одна сторона миссионерского служения, как оно до сих пор стоит. Но есть и другая. При сознании своего неопределенного, бесправного положения миссионеру остается

укрепить его на личных лишь отношениях к лицам, класть имеющим, дать почувствовать, что он по своей деятельности и полезен, и необходим. Этого, конечно, можно достигнуть неустанным трудом, терпением и выносливостью. Здесь представляется и не мало соблазнов поддерживать своё влияние и укреплять своё положение и иными окольными путями и приемами, выходящими за пределы миссионерской деятельности. И это тем более возможно, что самая деятельность миссионера близко соприкасается со многими сторонами церковной жизни и пастырской деятельности. При личных отношениях и при личной лишь начальственной опоре миссионер, вступивший раз на означенный путь, по необходимости должен подделываться под личные вкусы других влиятельных лиц и не в состоянии уже будет удержаться от того, чтобы не разменяться на мелкую, дешевую и неприглядную монету, поставив свою прямую почтенную деятельность на второй план. Всё это в конец может испортить надлежащее отношение к нему приходского духовенства, подорвать доверие и движение ближайших его соратников и сделать его миссию бесполезной. Запутавшийся миссионер, если и поймет своё положение, то ему трудно уже будет выпутаться из лабиринта пересудов и дурной, часто преувеличенной, молвы. От всего этого унижена будет и самая идея миссии, которую и теперь многие не высоко ставят.

Описанное существующее положение миссионера является, таким образом, вследствие неопределенности и беспорядка, беспримерным и весьма щекотливым и требует скорейшего выхода от понимающих дело радетелей миссии. Выход этот ясен: необходимо дать прочную организацию нашей внутренней миссии, определить, по возможности точно, права и обязанности миссионеров, создать ясное положение в епархиальной администрации и в отношениях к разным сторонам церковной жизни и в частности к приходскому духовенству, наконец, обеспечить его и на то время, когда силы его ослабеют, и он должен будет оставить своё служение. Вопросы эти, конечно, очень сложные, представляющие много разнообразных затруднений для их разрешения, но если нам

дороги целость и спокойствие Церкви, обуреваемой учениями лжеименного разума, с одной стороны, а с другой – требованиями необузданного чувства и подавленной буквою мысли и чрезмерно господствующей внешности, – то радетелям ли Церкви бежать от них? А что это обуревание видится и слышится от столичных городов до захолустьев деревни, и что эти обуреваемые подкапываются под самые основы веры, или разумного её понимания, а иногда и затрагивают основы жизни гражданской, об этом едва-ли нужно и говорить. Необходимы, значит, и специальные борцы для утишения этого обуревания, посвятившие себя делу миссионерского подвига.

Слышится одно возражение против особого миссионерского института, состоящее в том, что миссионерствование входит в прямые обязанности пастырства. По существу это, конечно, верно. Но один важный генерал, заинтересовавшийся делом миссии, напомнил нам следующее изречение великого завоевателя-стратега начала XIX века: «обстановка повелевает». И если мы посмотрим на обстановку, то увидим, что нам еще рано возлагать тяжелое бремя миссии на плечи одних пастырей.

Проф. *Н. Ивановский*

**Беляев В. К вопросу о положении преподавателей
духовных семинарий по кафедре расколо-
сектантства // Миссионерское обозрение 1901 г. №
11. С. 581–588**

Введение в духовные семинарии преподавания истории и обличения русского раскола и сектантства – дело сравнительно совсем недавнее. Казалось, новый предмет должен был занять одно из первых мест среди других семинарских наук, по возбуждаемому им интересу в питомцах духовной школы. В самом деле, изучать историю русского раскола, знакомиться с правилами и приемами для успешного обличения старообрядцев и сектантов, – это, по-видимому, изучать самую жизнь своего родного народа, стараться заглянуть в глубину его великой души, разгадать тайны его сердца, понять его заблуждения и их причины и найти средства к уврачеванию. Интереснее, жизненнее никакой другой науки, казалось бы, и быть не может. Сухая догматика, отвлеченная метафизика и прочие науки не могут быть и сравниваемы с наукой о русском расколе... Да, так казалось многим прежде, так, думают многие и теперь.

Но присмотримся к действительности. Вспоминаются мне сейчас наши хорошие товарищеские беседы на IV курсе академии. Каждый из нас мечтает о преподавательской службе и намечает предмет, который бы он более всего хотел преподавать. И странно – из 60 почти человек не находится ни одного охотника преподавать науку о расколе. Напротив, эта интереснейшая наука нами совсем игнорируется, её как будто даже не существует ни в семинарском курсе, ни в академическом. Только кто-либо из «историков»,¹⁴² отчаянно махнув рукой, с ужасом произнесет: «а что, как на раскол назначать меня?!» Слышится дружный хохот товарищей, а затем чуть не вопль: «Ни за что, братцы, не пойду; откажусь» сейчас же сбегу... Такое мнение о кафедре раскола существует среди академического студенчества. Это же мнение выносится из стен академии, и «раскол» для всех кандидатов богословия

представляется самым неудобным и даже ужасным предметом.¹⁴³ Они боятся назначения на раскол; получившие же назначение или спешат отказаться от него сейчас же, если имеют на что-либо надежду, или же чуть не со слезами принимают его, считая себя обиженными судьбой, и приезжают на место служения, имея в душе твердое намерение при первом же удобном случае бросить этот ненавистный предмет и перейти на другой. Одним это удастся скоро, и они, записав себя в разряд уже более счастливых, искренно жалеют тех из своих товарищей, которые получают назначение на раскол. Другие оказываются не так счастливы: прослужив с большим трудом 2–3 года и не получив нового предмета, они с отчаянием бросают свою педагогическую деятельность и уходят на «иную» совсем дорогу. И где вы не встретите бывших преподавателей семинарии по расколу: и в акцизе, и среди инспекторов народного просвещения, и среди неперменных членов по крестьянским делам присутствия и пр. и пр. А кафедра раскола, пустует и в некоторых местах чуть не каждый год, встречает нового преподавателя.¹⁴⁴

Нет сомнения, что указанное сейчас отношение к кафедре раскола как кандидатов богословия, так и преподавателей нуждается в объяснении.

Где же скрывается причина этой странной, по-видимому, антипатии к столь интересному предмету?

Ответить на этот вопрос, мне кажется, будет очень легко, если немного присмотреться к самому положению преподавателей по расколу.

Можно смело сказать, что «обличение раскола» составляет самый трудный из всего семинарского курса предмет. Трудность предмета чувствуют одинаково и ученики и сами преподаватели. История раскола в V классе, конечно, проходится легко, и пожалуй, с интересом. Но в VI классе ученики на первых же порах чувствуют, что «Обличение раскола» совсем не то, что история, – что «Обличение» гораздо «ехиднее» даже догматики, изучение которой требует крайнего напряжения памяти. Интерес вообще к предмету бесследно исчезает. После нескольких уроков, после недолгой возни с

громадными старопечатными книгами, ученики окончательно разочаровываются в предмете, который с каждым днем для них становится всё труднее и ненавистнее. Скоро начинают ими пускаться в ход всевозможные средства к облегчению ответа в классе, представляющие из себя, конечно, один обман, и иногда крайне возмутительный. Такое отношение учеников к «расколу» служит для преподавателя источником постоянных огорчений и неприятностей и делает его службу крайне тяжелой.

А сколько требуется от каждого нового преподавателя энергии, сил и трудов, чтобы более или менее достаточно изучить предмет. Мне не забыть того ужасного чувства, которое долго волновало меня в первое время службы, и источником которого было сознание своего бессилия овладеть всем богатым материалом предмета. Громадные фолианты старопечатных книг с содержащейся в них старинною мудростью, сочинения раскольнических писателей, произведения противораскольнической литературы, как древней, так новейшей, масса весьма важных брошюр и журнальных статей и т. п. – всё это наводило на меня прямо ужас, от которого я не освобожусь ещё долго. Чтобы овладеть всем этим материалом, по моему мнению, нужны многие годы. А без этого вести преподавание раскола невозможно. Отсюда естественно появление в душе преподавателя чувства неудовлетворенности и мучительного беспокойства, от которого свободны бывают другие преподаватели семинарии, находящиеся в более счастливом положении.

Но этого мало. Гораздо более трудную и особенно несимпатичную сторону нашего предмета составляют соединяемые с ним публичные беседы со старообрядцами, ведение которых возлагается на преподавателя. Что такое эти беседы и во что они обходятся преподавателю, это, вероятно, хорошо известно читателю нашего журнала. Мне кажется, что никакое дело не требует от человека такого страшного напряжения сил физических и душевных, как ведение публичных бесед с нашими раскольниками. Если миссионерское служение представляет самый тесный и тернистый путь в

жизни, то, без сомнения, самым страшным тернием здесь являются публичные беседы в силу их сценического характера.

Крайнее напряжение всей нервной системы, усиленная работа мысли, длинные речи и прения с упорными раскольниками, масса огорчений и издевательств со стороны невежественной толпы, искупляемое дорогою ценою искусственное спокойствие, которое должен хранить миссионер во всё время, самая строгая вежливость и внимательность к чуть не плюющим в лицо миссионеру крикунам, самое грубое упорство раскольников, сломить которое невозможно, наконец, строгий и часто несправедливый суд зрителей, большая часть которых, особенно в городах, смотрит на беседы, только как на «очень интересные и занимательные» зрелища, – вот что ожидает каждого миссионера на публичной беседе. Если же миссионером является преподаватель семинарии, то к указанному следует еще присоединить особый суд его учеников, у которых существует всегда своя оригинальная логика и критика, никогда почти не оправдывающая преподавателя. В деле же преподавания это обстоятельство имеет, конечно, весьма важное значение, так как оно близко касается вопроса об авторитете преподавателя и его влиянии на учеников.

Поэтому, чтобы вести публичные беседы с раскольниками, преподаватель должен непременно обладать, кроме обширных знаний, самым крепким физическим здоровьем, сильными нервами и счастливым темпераментом и, наконец, особым тактом, который большею частью представляет собою природный дар и, если и приобретается трудами, то во всяком случае в течение очень многих лет. Но много ли найдется среди педагогов вообще и преподавателей по расколу в частности таких счастливых натур, которые бы обладали указанными свойствами?! Если одна педагогическая деятельность в самое короткое время здорового человека делает совершенно больным, разбитым и никуда негодным, то в соединении с миссионерскою она прямо уже уродует и губит его. Поэтому, если преподаватель не хочет преждевременно загубить свои силы и здоровье, то ему остается только одно – оставить свою службу... Большинство, как известно, уже так именно и делают,

– не потому, что у них, нет желания и усердия, а потому что они не в состоянии так работать, потому что на них возложен прямо невозможный и превышающий их человеческие силы труд... Если же среди кандидатов богословия и преподавателей по расколу и оказываются такие редкие личности, которые при некотором влечении к миссионерской деятельности владеют хорошим здоровьем и характером, то таковые избранники не находят никакого смысла поступать или оставаться в семинарии на расколе, а совершенно разумно идут на должность епархиальных миссионеров, тяжелый труд которых все-таки хорошо оплачивается.

Преподаватель по расколу призывается и к некоторого рода административно-общественной деятельности. Разумею деятельность преподавателей в совете братства, в миссионерских или противораскольнических комитетах, где они являются по самой своей службе главными действующими лицами, совмещая нередко в своём лице и звание председателя и делопроизводителя и т. п. Участие преподавателей в этого рода деятельности, представляющей, конечно, лучшее средство к ознакомлению себя и учеников с местным расколом и состоянием епархиальной миссии, конечно, безусловно должно быть считаемо обязательным. Конечно, и здесь для преподавателя встречается много неприятностей, и здесь требуется от него много труда и сил.

Наконец, нужно заметить, что в настоящее время преподавателю по расколу положительно отказывается даже в отдыхе.

По распоряжению высшего начальства преподаватели по расколу в свободное от занятий время должны ездить с миссионерскими целями по епархии, знакомиться с расколом на месте и вести в некоторых пунктах беседы с раскольниками, приглашая с собой и учеников. Итак, простите, мои бедные коллеги, с каникулами, которые до сих пор составляли едва ли не единственную светлую сторону в нашей педагогической службе. – Кроме того, летом всюду по епархиям устраиваются чуть не ежегодно курсы для учителей церковно-приходских школ, на которые должен бывает оставаться и преподаватель

по расколу, чтобы читать лекции по своему предмету. – А затем, чтения по расколу теперь вводятся в воскресных школах, во второклассных, в женских духовных училищах и т. п. И везде должен быть и поспевать бедный преподаватель по расколу, занимающий по странной игре судьбы среди прочего преподавательского персонала совершенно исключительное и, по истине, ужасное положение.

Но о чём же мечтает теперь преподаватель по кафедре раскола? Не ждёт ли он чего-либо от предстоящей реформы духовных семинарий и училищ?

Конечно, мечтает он очень много, желает он очень многого для облегчения своего положения и уравнивания его по количеству труда с прочими семинарскими преподавателями... Но от реформы едва ли он может ждать исполнения своих мечтаний... По верным известиям, теперь предполагается – *обязательное* ведение преподавателем публичных бесед с раскольниками и сектантами...

Если эти беседы, как уже заметили мы выше, составляют для преподавателя самое ужасное бремя и положительно отравляют его жизнь, то ясно, что об облегчении службы нам нечего и думать. Мало того. Если доселе беседы эти практиковались только в некоторых и очень немногих семинариях опытными в деле преподавателями, то теперь они, кажется, должны получить безусловно-обязательный характер и вестись со всеми преподавателями без всяких отговорок...

Но меня в данном случае интересует совершенно другой вопрос, а именно: можно ли, законно ли и целесообразно ли требовать от преподавателей по кафедре раскола безусловно-обязательного ведения публичных бесед с раскольниками и сектантами?...

Нет сомнения, что призвание или внутреннее влечение к такого или иного рода деятельности имеет весьма важное значение в жизни человека. Призвание – это, так сказать, один из дивных путей Промысла Божия, указывающий человеку то, чем и как он может служить для славы Божией; это вместе с тем залог действительного земного счастья. И чем труднее и сложнее служение, тем важнее для человека вопрос о

призвании. Отсюда понятно, почему о призвании так много говорит «Пастырское руководство», почему вопросом о призвании занимается педагогика: пастырское и педагогическое служение без призвания для человека положительно невозможны... Но, кажется, еще большую важность имеет вопрос о призвании для кандидатов на миссионерское служение, которое по справедливости следует считать труднейшим...

Конечно, кандидаты богословия выходят из стен своей alma mater большей частью с желанием посвятить себя педагогической деятельности. Поэтому о призвании их не спрашивают: кандидат получает назначение и едет на место службы... Но мне кажется, что и здесь вопрос о призвании должен иметь место, хотя, конечно, в несколько особой форме. Дело в том, что в духовно-учебных заведениях существует, как известно, специализация предметов. Это обстоятельство имеет влияние и на характер подготовки студентов академии к педагогическому служению их в этих заведениях. Чуть не с первого курса большинство студентов свободно по влечению избирает какой-нибудь один или два предмета из академического курса и начинают уделять на изучение его гораздо больше времени и труда, чем на прочие предметы. А затем, и кандидатское сочинение стараются писать по более интересному и любимому для них предмету. Вот почему еще на последнем курсе в академии почти каждый кандидат уже ясно намечает себе те предметы из семинарского курса, которые более ему нравятся, по которым он имеет более совершенные познания, и на один из которых он желал бы более всего поступить в семинарию или училище. Как известно, жизнь самым безжалостным образом разбивает все эти студенческие мечты. При назначении кандидатов на места их не спрашивают о том, какой из предметов они изучили лучше и какой предмет желали бы преподавать... И кандидаты отправляются на места и кое-как принимаются преподавать предмет, к которому иногда имели прямо отвращение в академии... И случается, что магистр богословия, посвятивший все свои молодые силы на изучение догматики или истории, назначается на греческий язык

и скоро по нужде мирится со своим, по истине, горьким положением... Но если это примирение и возможно бывает при преподавании всех почти предметов, то, мне кажется, преподаватель по кафедре раскола, получивший место случайно и не имеющий решительно никакого влечения к своему предмету и соединенной с ним миссионерской деятельности, безусловно никогда не может примириться со своим положением. Миссионерская деятельность без призвания к ней положительно невозможна; здесь призвание и вытекающая из него любовь к святому делу составляют всё.

Поэтому мне кажется, что при назначении кандидатов на кафедру раскола необходимо обращать самое сердечное внимание на то, имеет ли человек желание послужить на миссионерском поприще, без чего возлагать на преподавателя безусловно-обязательное ведение миссионерских бесед положительно несправедливо.

В. Беляев

(Окончание следует).

Огибенин М. День в раскольническом скиту¹⁴⁵ (Из моих путевых воспоминаний) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 589–599

Было времячко, по истине сказать, благодатное! Вера в народе перед Богом, как свеча горела. Не было соблазнов и не было тех искушений, которые мы видим в настоящее время. Правду сказано про антихриста, что он – супостат сотворит «знамения и чудеса ложны». Возьми в пример св. отцов, которые ездили на бесах духовно, денег не платили, а ныне завелось бесовское ухищрение машины. Такая же диавольская быстрота, заплати денежки да и поезжай из конца в концы вселенные... Только нам грешно и страшно ездить на этом змие, которого по истине во всём можно уподобить огненному змию, извивающемуся по земли, в ночи имущему два ока огненные, адское шипение и презельный свист. – Слава тебе, Господи, хоть я избавился от этого искушения и сам себя не осквернил!... воскликнул слепой рассказчик. Такие мудрости выдумали, продолжал он, что ужасно и помыслить! Опутали всю землю железной проволокой и давай разговаривать на сотни верст, ведь и прозвали то басурмане не по-нашенски... мудрено как-то, никак не припомню. А кто там действует? Известно – нечистый! Случись, к примеру, гроза, у них дьявол служить-то и отказывается, пардону, значит, просит, боится, вишь, пророка Илии, а этот угодник, всем известно, им потачки не дает, он часто их столбы в щепочки превращает и осколки по сторонам разбрасывает, то-то, я думаю, в то время дрожит со страху нечистая тварь. Я хоша глазами и не вижу, а слышу очинно даже хорошо: проходишь иногда мимо этих столбов, то, так точно плачет кто-то или как будто волк воет – право! Я думаю, что бесам скучно заниматься эфтим рукомеслом, вот они и воют с тоски то благим матом... Мне один знакомый человек сказывал, что будто бы в Риме даже богатые люди читают исповедь по проволоке, а поп их, что и говорить, известен папешский, скажет: «Бог простит!». Да что об латынянах толковать! А вот я долго собирался самолично испытать силу бесовскую и как-то раз нарочито поехал в город с меньшим братишкой Митронькой, – одному мне слепому, сами знаете, не

только в городе ходить, но и в деревне неудобно, как раз где-нибудь об этот же вражеский столб голову разобьешь, или еще, того хуже, заблудишься. Оставили мы лошадку на постоянном дворе, а сами отправились на эту станцию... запомнил, как называется... знаю только, что как будто похоже на «еретичество» (т. е. электричество); да и впрямь еретичество; православный человек нешто согласится дружбу с бесом иметь. Пришли это мы с братом к этому дому, где сходятся все проволоки в одно место, которые держит диавол, сжав в кучу, в своих лапах, поднялись по лестнице во второй этаж. Там встретил нас дежурный, из отставных солдат, брадобривец, из уст его исходит дым смердящ; он постоянно тут находится, одному черту, вишь, нельзя доверять, как раз перевернет – пакостник. Поклонился я ему и говорю: так и так, мол, ваше почтение, Воскресну бы молитву прочитать! Как-то он окаянный передаст её?

– Каку-таку молитву? (известно басурманин, эвот дежурный! Где же ему знать Воскресну молитву?) Какой такой окаянный? Куда передаст? Допрашивал меня этот слуга бесовский, чтоб ему пусто было. Я как мог объяснил ему, зачем я приехал в город и что мне испытать бесовскую силу надобно.

– Александра Васильевна! Александра Васильевна! кричал он из всей силы, потом как захохочет, да как заржет, словно помешанный. На этот шум из другой комнаты вышла и Александра Васильевна, странно как-то одетая! Митронька мне потом рассказывал: волосы у ней, говорит, были собраны на макушке, в одну этакую «кулбышку», при этом он приложил кулак к затылку, показывая, как велика была «кулбышка» у Александры Васильевны и с этим большим «курдюком» (турнюр), – развел руками слепой неопределенное пространство величину «курдюка». Он хохотал и рассказывал ей мою просьбу, а она... бес её знает! Выслушала его, да давай-ка пуще его хохотать! Такой-то они сатанинский хохот подняли, что хоть святых вон понеси: он кричит изо всей мочи, да царапает брюхо «хо-хо-хо»! А она визжит «хи-хи-хи»! Мне даже жутко стало, вот я и думаю, как диавол-то их настроил! Я – грешный человек подумал, чтобы и с нами по силе вражеской

того не случилось, перекрестились мы этак с братом, да давай Бог ноги. Мы были уже на лестнице; тот же стрикулист, отворив дверь, кричал: «Да идите же, черти, уж так и быть передадим и «Воскресную молитву». Услышали мы это, что он зовет чертей, ужаснулись пуще прежнего, чтобы и в самом деле не увидеть их лицом к лицу и чуть не бегом, не обращая очи вспять, пустились бежать от этого чародейного дома.

Пришли мы на постоялый двор, ничего уж там не сказали, что с нами случилось и каких мы там страхов натерпелись. Хозяин постоялого двора предложил нам напиться чаю, слепой при этом улыбнулся. Вот тоже соблазн, начал он, нешто это было прежде, ну, где такую посудину найдешь, чтобы по краям вода была, а в середине огонь? Одно слово: антихристова утроба, эфто самый самовар! Тоже одно помрачение православным христианам. Возьми в пример чай: трава как трава, а расчет у идолопоклонников, а уж если здесь не растет, значит, Богу не угодно, чтобы мы её употребляли, а китайцы – что? Поганый народ! Там покропят её ихние то идольские жрецы змеиным жиром, да и отправляют по всему свету: кушайте, дескать, очинно освежительный напиток! От того то он и черный такой, что все пакости над ним проделают нехристи. Хитрый ведь антихрист-то! Не тем, так другим, а надо проклятому осквернить человека, и выходит так: нажрался если идоложертвенного – пропащий человек! Правду в наших цветниках написано: «аще кто пьет чай, тот отчаялся Христа Бога, трижды проклят!! А аще кто пьет кофей, в том человекеков и лукавство, – десять раз проклят»!!

Я заметил, что вокруг нас собралось довольно много слушателей: все они стояли в глубоком молчании, и лишь изредка покачивали головами в знак согласия слепому рассказчику и по временам из их старческих грудей слышались тяжелые вздохи, должно быть о неминуемой гибели рода человеческого, которую готовит антихрист в виде паровозов, телефонов, самоваров, чаю, сахару и других не менее вредных для души «средствий».

Раз я пошел на базар, продолжал слепой, дай, думаю, куплю медный чайник, все же когда в праздник побалуемся

малинкой, али смородинкой, али там травкой какой. Пришел в лавку да за два целковых и купил чайник, и только на «фатере» наши бабы разглядели, что я купил не чайник, а тайную ловушку! Рожок то у него оказался сделанным на подобие змеиного рыльца. Вот оно что: не пьешь из антихристовой утробы, не употребляешь травы идоложертвенной, окропленной змеиным жиром, так на-же вот пей свою хоть собственную со своего покоса траву из чайника, у которого рожок со змеиной головой, а поймать человека надо в свои сети. Ох, Господи, прости нас грешных! Нечего делать, – пошел я обратно в лавку. – Перемени, говорю, чайник, господин честной!...

– А чем этот не чайник? – спросил он меня.

– А вот, говорю, рыльце-то у него незаконно сделано.

– Как так незаконно? – усмехнулся он.

– Ладно, поищу, говорит, для тебя чудака с законным рыльцем. Чудаком даже назвал за правду-то. Уж он искал, искал, перебрал всю посуду, а с «обнаковенным» рожком не нашел, все, должно быть, чайники не без антихристовой хитрости делаются.

– Так не возьмешь? говорит он мне.

– Нет, не возьму.

– Да ты пойми, говорит он мне, ведь из этого рожка удобнее наливать.

Я не стал его и слушать, а от чайника наотрез отказался; не надо, говорю, и баста! Он швырнул мне деньги обратно, да и говорит:

– Я еще давеча тебя заметил, что ты из раскольников, вишь шапка-то на тебе четырехугольная кучерская, видать тебя по покрою, что ты принадлежишь к тем, которые во всём видят обман да печать антихристову. – Знаю я вас.

– У нас и шапка не спроста носится, сказал я ему. У ваших кучеров она кучерская шапка и только, а у нашей шапки четыре угла являют четырех евангелистов, а околыш – землю, по которой они проповедовали Евангелие. У нас и шапка святая, вот что, голубчик мой!

– Ну, мели, Емеля, твоя неделя! засмеялся купец и закурил папиросу. Я, чтобы не нанюхаться этого проклятого смраду,

вышел из лавки.

Пока слепой послушник рассказывал нам, в это время о. Досифей отсутствовал, да оно и понятно: они были соперниками в скиту по части всевозможных рассуждений, и слепой ему во многом не уступал, а поэтому они, имея одинаковый успех по своей профессии, один другого, как рыбака рыбака на плесе, ненавидели.

– Оскудела вера в народе, что и говорить! Во времена Иоанна Богослова Симон волхв поднимался на воздух и удивлял весь народ своим чародейством, но молитвами апостола сверзился таки с высоты, окаянный, и ныне, говорят, все летают на шарах, а веруют будто бы во Христа. Страшно и подумать, какая сила тут действует... Для нынешнего народа ничто не страшно. Вот тоже придумали ружья-то какие! Тик-так! И пошла душенька в муку вечную, а как «ослобониться»...

– Отец Паисий! сказал неожиданно вошедший о. Досифей, цотрапезовать надо, на столе уже все готово, да и гостей отпустить восвояси с миром. Лариона не переслушаешь! Мало ли чего на белом свете не бывает! Это и без него каждый знает! Тоже нашелся проповедник безграмотный, поучиться еще самому надо, не без злобы проговорил последние слова о. Досифей. Слепой повел в ту сторону своими бельмами, откуда он слышал голос о. Досифея. Ноздри его широко раздулись и видно было, что в нём бушевало оскорбленное самолюбие; но он удержался и ничего не сказал, только руки его нервно дрожали и перебирали ступеньки лестовки с таким ожесточением и быстротой, что она бедная так и трещала в его сильных руках. Все отошли от слепого рассказчика и встали в ожидании, пока поправится о. игумен.

Перед обедом всей братией была прочитана молитва Господня «Отче наш», после которой все уселись за стол согласно возрасту и чину. Во время трапезы тот же молодой монах, который за ужином показывал мне иконы, читал из пролога жития св. отцов. По окончании обеда, все монахи пропели на глас шестой «Достойно есть» и опять усердно помолились за своих «христолюбцев» жертвователей.

Терентий мой, сытно пообедавши, прочитал на дорогу «прощение» и опять начал раскланиваться «со игуменом и всей яже о Христе братиею», при этом каждого целовал в плечо, говоря: «Христос посреди нас, отче!»

– Смотри, Терентий, не блазнься в вере, напутствовал его о. Паисий, не смотри на тленный мир и живущих в нём, не ешь, не пей и дружбы не води с никонианами, и к австрийским попам ходить слушать службу не даю тебе благословения. Австрийские попы, что они такое? Самозванцы и больше ничего! Правду про австрийских попов пишет преподобный отец наш Максим Грек:¹⁴⁶ «Процветет Австрия, аки белая берлина, и проедет по всей России на седьмиглавом змие». – Так-то! Мало ли они соблазнили нашего темного народа! Ну, Бог благословит, ступай со Христом! Авось когда-нибудь еще к нам пожалуешь, а теперь тебе не «слободно», проговорил о. Паисий.

Когда мы вышли из кельи уже совсем готовые к отъезду, вся братия, точно рой пчел (их было до 30 человек), вышли провожать нас. О. Паисий был так любезен, что даже дал нам проводника, одного молодого послушника Алексея, который хорошо знал местность и обещал провести нас в нашу кочевку гораздо прямее и миновать грязи в осиновой роще. Простившись с радушными и гостеприимными скитниками, мы сели на своих лошадей и, напутствуемые всякими доброжеланиями, тронулись в путь.

Проводник наш был красивый парень лет двадцати, с едва пробивающейся растительностью на верхней губе.

– Хорошо ли тебе, Алексей, живется у старцев? спросил я его.

– Хорошо, очинно хорошо! Всего в волю, кормят сытно, только мяса – уж не прогневайся – нет. Когда я пришел сюда в келью, у меня, как есть, ничего не было, а теперь, слава Богу, всё есть; на днях я даже часы карманные купил. Иногда поезживаю в деревню к знакомым христороубам, там есть мясо, самовар и баня.

– А к матушкам часто бываешь? спросил я его.

– Кажинный день! отвечал он. У них, знаете ли, там коровы содержатся, – так за молоком все меня «отцы» и посылают.

– А молодые старицы тоже есть? полюбопытствовал я.

– Как же! К старым-то я бы и ездить не стал. Недавно одна из Златоуста приехала, еще не «накрытая» (накрытыми они называют тех, кто принял монашество). Ух, какая важная! Этой место бы и не здесь.

– Чем же она важная? спросил я его.

– Да что и говорить! Одно слово – всем: лицом, речью и поступью – одно искушение! Читать, петь, вышивать – на всё мастерица!

– Старая она или нет?

– Какое старая! Всего восемнадцати лет! вскричал возбужденный Алексей.

Терентий всё время ехал молча, понутив голову, а Алексей, как нарочно, не унимался: он рассказывал о жизни своей, о жизни своих монахов и монахинь и путем простодушной болтовни открывал мне неказистую скитскую жизнь.

Вдруг Алексей ни с того, ни с сего расхохотался: ха-ха-ха!

– Да вот какая штука, начал он, ныне летом, мы ходили за женскую обитель по грибы; нас было пять человек. Был с нами и о. Гавриил – этот святоша, видели, который читал во время ужина и обеда.

Походили мы этак несколько времени, я уже наломал целую корзину и собрался идти домой. Зову с собой о. Гавриила.

– «Нет, говорит, я еще пойду белых поищу»... и, укатил от меня. Я пошел домой. Подхожу это я к ложбине и гляжу, а на другом-то берегу, на колодинке, сидят о. Гавриил с матушкой Серафимой...

– Будет молоть-то, Алексей, грубо перебил его Терентий, только понапрасну язык чешешь, да Михайла Максимыча в соблазн вводишь! – Право! На Алексея эти слова подействовали отрезвляюще, и он сразу умолк, вполне сознавая, что слишком далеко зашел, разговаривая с мирским человеком, да к тому же и с «никоньянином». Остальное время мы ехали молча. Не доезжая с версту до нашей кочевки, мы увидели трех всадников, ехавших нам на встречу.

– Это... никак опять урядник едет с кем-то! с тревогой в голосе сказал Алексей.

– Он, должно быть, частенько посещает вашу обитель?

– Нет, он ездит-то хоть редко, да метко, загадочно промолвил Алексей. – Без оказии не уедет; от него каждому достанется, а что ты с ним поделаешь? Потому власть...

Не даром же скитники его не любили, думал я. Такой почтенный старец, как о. Паисий, вероятно, вследствие сильнейшей к нему ненависти, обозвал его вертлявым, непутным и слугой антихристовым.

Поравнявшись с нами, урядник остановил свою лошадь.

– Здравствуйте! сказал он, приподнимая фуражку.

Здравствуйте! отвечал я.

В это время Алексей, сняв шапку, подобострастно поклонился уряднику.

– В богоспасаемую обитель изволили съездить? Очень хорошо! говорил он. Насмотрелись на новые типы душевнобольных? Да! это очень поучительно! А познакомились ли вы с о. Досифеем, этим оригинальным профессором своеобразных старообрядческих наук? Этот человек, знаете ли, и между староверами редкий экземпляр! Он и по-русски то говорит очень редко, а всё больше по церковно-славянски в «смятку с русским».

Он не скажет: «садитесь на стул», а «сяди на седалище». Чудак! Правда, их там много таких чудаков... всех не перечтешь. В особенности интересно и очень поучительно для такого молодого человека, как вы, побывать у «преподобным матушек», в этом вертограде чистоты и невинности, смеялся он, и при этом не без лукавства подмигнул Алексею.

– Мне не пришлось, ответил я.

– Очень, очень жаль. Да, ты что это, Алексей, Божий человек, какой невеселый, да неразговорчивый сегодня? насмешливо спросил его урядник. Мне кажется, это не в твоём характере. Уж не случилось ли чего недоброго? А эта... как бишь её... из Оренбурга-то, здоровствует? назойливо допрашивал его неугомонный урядник,

– Какая из Оренбурга? как бы нехотя, спросил Алексей.

– Да помнишь, когда мы с тобой вместе были у стариц, она еще тогда «стихи» пела вместе с прочими девицами, краше всех она была, сколько их там есть.

– Она из Златоуста, сказал Алексей, догадавшись, о ком спрашивал урядник и потупил глаза в землю.

– Виноват! Я сам перепутал. – Так, значит, всё обстоит благополучно?

– Да что им сделается! Живут, молятся и больше ничего, сухо сказал Алексей, видимо не желая продолжать щекотливого для него разговора.

– Ну, слава Богу, промолвил урядник, едва сдерживая смех, знавший, вероятно, от того же Алексея всю подноготную скитской внутренней жизни.

– А вы куда же это поехали да еще и с сотскими? перебил я неприятный для всех нас, кроме урядника и его свиты, разговор.

– Да просто что-то соскучился и поехал посетить «матушек», так как летний путь скоро испортится, а поэтому я заблаговременно и собрался к ним съездить, схитрил урядник, не желая посвящать нас в свои тайны. Бывали и такие случаи, вновь начал он: прошлого года становой пристав командировал меня с целью произвести в здешнем женском скиту обыск. В одной деревне недалеко отсюда, знаете ли, жена от мужа «стрекача задала». Муж её, когда они жили вместе, хотя и поколачивал её по праву сильного, но после её исчезновения пришел в отчаяние: дом, хозяйство и всё прочее без жены пошло в разорение, а поэтому он во что бы то ни стало непременно желал отыскать беглянку. О. же Паисий и матушка Манефа, в большинстве случаев, очень охотно принимают таких женщин, которым нет счастья в узах «Гименея». Женщины, убежавшие от мужей, проживают под строжайшей тайной в обители матушки Манефы и, как всегда бывает, переходят в раскол, а впоследствии нередко принимают и монашество. Мне удалось-таки отыскать её в одной из келий; она сидела в углу за занавеской и вязала чулок. Увидев меня, она струсила так, что у ней и работа выпала из рук.

– Где у тебя паспорт? – строго спросил я её.

Почерпнувшая уже раскольнической цивилизации и наученная старицами заранее, она смиренно отвечала:

– Не имамы пребывающего града, но грядущего взыскуем, а «пачпорт» мой хранится в вышнем «Ерусалиме», в небесной «канцералии», в Сионском «фартале».

Я невольно расхохотался над бабой, как её в какие-нибудь два-три месяца «матушки» успели выдрессировать, что она узнала квартал и канцелярию в вышнем, Иерусалиме, где хранится её паспорт. За её излишнюю болтовню я погрозил ей кутузкой, и она после такого аргумента беспрекословно последовала за мной.

Когда я привез её к приставу, муж её уже дожидался нас, и когда он увидел свою жену в странном монашеском наряде, то от удивления не мог вымолвить ни слова, а только хлопал глазами, смотря на жену. Наконец он промолвил:

– Акулина! Неужто-ж это ты? – и подвинулся к ней, но она строго взглянув на него, сказала:

– Не прикасайся ко мне своими погаными лапищами! Я теперь чистая!

– Я-те вычищу, когда приедем домой! – дико сверкнув глазами, вскричал муж. – Я-те выбью всю «кержатскую пыль»! Вишь, «братец» ты мой, нашлась какая пустыница-бесстыдница! Погоди, родная! – скрежетал зубами расхोлившийся мужик.

– Мало ли чего раньше не бывало... – перебивая урядника, сказал Алексей.

– Погоди, не мешай! – строго остановил его урядник и, оборотясь ко мне, сказал:

– Поверьте мне, никак нельзя доверять этим «отчинькам» и «матушкам», у них уж такая мания покровительствовать униженным и оскорбленным, жаль только, что эта благотворительность и всеобщая любовь, проявляемая ими в большинстве случаев не без задней мысли, т. е. корыстолюбия, хотя бы и в очень дальней перспективе. Честное слово! – серьезно промолвил урядник. – А ты вот что, человек Божий в волчьей коже, – обратился он к Алексею, – как проводишь до стада Михаила Максимовича и сию же минуту являйся сюда.

Мы тебя здесь подождем. Тебе нельзя доверять, ты стороной успеешь нас обогнать и заранее своим «матушкам» отрапортуешь о нашествии иноплеменников, т. е. меня с сотскими, а потому ты должен ехать вместе с нами, чтобы приехать к ним внезапно, или как говорит ваш о. Досифей: «акитать в ночи»; понял?

– Как не понять, понял, – отвечал Алексей, почесывая затылке.

Распростившись с словоохотливым и шустрым урядником, мы поехали к стаду, а урядник с сотскими начали слезать с лошадей, чтобы дождаться тут же, на месте нашей встречи, Алексея.

Макарий Огибенин

**Шмаков Ф.С. Автобиография и краткая исповедь
беглопоповца¹⁴⁷ // Миссионерское обозрение 1901 г.
№ 11. С. 600–607**

Проживая в Оренбурге, я познакомился в первый раз в жизни с австрийщиной, бывал в моленной у них, читал и пел с ними, но не молился; старики приглашали меня присоединиться. Нашли уже и невесту, обещали место диакона при своей моленной. Это было зимой 1881 года. Мне льстило родство по невесте с богатыми купцами Беляевыми, а также и диаконство. Не усвоив же разницы между своей и их верой, я не решался, боясь попасть в ересь. Поэтому я просил их объяснить, каковую мы имеем разницу между собою. Мне отвечали, что без епископа церкви быть не может. А у вас епископ есть? – говорю им. Есть, – отвечают. Если хочешь, мы тебя сегодня же представим нашему владыке!... Как сейчас помню высокого уральца с большой благообразной бородой, с тихим, едва слышным разговором, – лжевладыку Виктора, который пожелал моего скорого соединения с ними и будущего семейного счастья..., сказав в заключение, что у них в епархии письменных мало, а наипаче крюковщиков скудно, поэтому он охотно даст мне хорошее место. В полемику вступить он отказался, жалуясь на нездоровье. По дороге от владыки, провожавшие меня старики обзывали меня дураком за то, что я и благословения не попросил от святого владыки, так милостиво принявшего меня: «право, дурак! да ты своё счастье от себя отбиваешь, а еще донец?!» Так и иначе упрекали меня во всю дорогу вплоть до базарной площади. Отстав от провожавших, я начал бродить по базару: моё внимание привлек человек, сидящий на базаре, пред ним 3–4 книжонки старые, которые он продавал. Слово за слово и мой новый знакомый пригласил меня к себе на квартиру пить чай. Я этому был рад; познакомившись, я узнал, что его зовут Иларионом Иудичем (фамилии не помню). Он был старообрядец, но недавно присоединился к св. Церкви. Показывал мне свои беседы и прошение на имя преосвященного (кажется,

Вениамина), прося места диакона в церкви в местности Форштат. Он познакомил меня с регентом любительского соборного хора. И я был приглашен в число любителей пения держать 2-го тенора. Это было постом на 6-й неделе. К австрийщине, после знакомства с Ларионом Юдичем, я стал питать явное нерасположение...

Скоро случай представился мне поступить в фотографии учеником, и это я сделал не без цели. Родители мои, а с ними и все старообрядцы нашего хутора говорили, что сниматься страшный грех, ибо там действует сатана. Когда я сам снимался, то примечал, как фотограф накрывал себя платком и в темноте что-то делал. Всё это порождало во мне любопытство и подозрение, и я, конечно, допускал, что снимают карточки с помощью нечистой силы. Поэтому я охотно поступил в ученики. Хозяин мой литвин-шляхтич, Гавр. Клим. Циолкевич, почему-то увидел во мне изгнанного студента, относился ко мне не как к ученику, а как к товарищу; за мою аккуратность и исполнительность он меня полюбил. Благодаря такой дружбе хозяина, я скоро узнал все предполагаемые мною сатанинские мудрости: ознакомился с химией, раствором солей для фотографии, с действием света и оптикой; моя группировка особенно хорошо выходила на портретах. Циолкевич, увидев мою способность, предложил мне по осени ехать в Литву; там он фотографию поручит мне, а сам будет жить в своём имении; я, конечно, обрадовался, что чрез полгода буду фотографом. Был май месяц. Желая поделиться моею радостью, я написал обо всём подробно моему другу иконописцу Максиму Ивановичу Исакову, в г. Боровске Калуж. губ. (он уже не жил у Мухина). Но Исаков присылает мне письмо с 25 р. и напоминает мне о данной клятве жить вместе, причем описывает в ярких красках еретичество поляков, упрекает, что я забыл Бога, ополячился, просит бросить всё и ехать к нему. Горько, досадно было, но я был не в состоянии изменить клятве, о которой было уже и забыл...

Я оставил фотографию и уехал в Боровск. В Боровске, после привольной и легкой фотографской жизни, мне было очень трудно с утра до вечера писать иконы, но делать, нечего:

вернуть то, что потерял, уже было невозможно. По открытии всероссийской выставки в 1882 г. мы с Исаковым отправились в Москву лицезреть русские искусства. 29-го августа близ Спасских ворот, у купца Я.Ф. Федорова, мы молились; я читал поучение о злых женах: «унее есть железо варити, неже злую жену учити» и о скверной плясавице Иродиаде. После часов мы были приглашены за хозяйский стол, за которым Яков Федорович расспрашивал меня, кто я и откуда, и тут же предложил мне послужить у них с беглым попом Петром 2-м Ремизовым, пока они приищут подходящего дьячка; я согласился. В сентябре месяце мы с попом поехали в с. Погорелое соборовать купца Ведерникова, чем я заработал, более 100 р. в какие-нибудь 3–4 дня. С этого-то момента, когда мною овладел бес тщеславия и честолубия, я начал свою жалкую, полную треволнений и превратностей жизнь в качестве агента, дьячка и представителя от московских попечителей. За время с 1882 по 1892 г. мне пришлось послужить в Москве с попами: Петром 1-м Щепетовым, Петром 2-м Ремизовым, Петром 3-м Смирновым, о. Феодором, провожал за границу, в г. Тульчу, о. Александра вдового, в Иркутск о. Алексия вдового – старичка, в Донскую область, на Медведицу, о. Дмитрия старика и пр., о них буду писать впоследствии...

Служба моя была тяжела и рискованна, но зато доходна и почетна. Мне, как молодому человеку, нравилось изображать из себя доверенного московских попечителей и решать дела духовные по своему усмотрению. В течение двух лет моей службы я побывал в Терской области у грбенских казаков на Тереке, где накоплялось духовных потреб очень много: крестин до 600, браков до 200, погребений до 200 и более. Почти столько же треб бывало и в Донской области, которую мы посещали раза 2 в год. Потом бывали в Курской губ., в первый раз покрестили более 1000 чел., браков более 600, тоже и погребений; в городе Рыльске Курской губ. где бывали ежегодно. Бывали также в Туле и Калужской губ., в городе Ржеве Тверской губ., городе Гжатске Смоленской губ., в городах Ростове и Романово-Борисоглебске, Ярославской губ.; в губерниях: Рязанской, Костромской, Владимирской,

Нижегородской, Тамбовской, Воронежской, в Хворостани и в других, где преимущественно совершалось крещение и бракосочетание, как необходимые нужды, погребение же часто брали с собой и отпевали в Москве человек по 100 и 150 в один раз. Плата за требы почти везде одинакова: за крещение 1 р., погребение 1 р., малое 50 к., брак от 8 р. до 10 р., сорокоуст (40 обыден) 400 р. и 600 р., одна обедня 10 и 15 р. Отсюда можно судить, каковы были наши доходы? Здесь-то я уже дал волю моей любознательности. Завел знакомство с бедными студентами, часто проводил с ними вечера. Помогал на книги и другие необходимые студенческие нужды. Бывал на лекциях, и часто просиживали у меня на квартире чуть ли не по целой ночи; разговоры шли более о том, что изучали студенты, и кому что более нравилось. О религии же очень редко заговаривали и то не с охотой. Один только студент медицинского факультета, уроженец Терской области, был видимо религиозен, он чаще других бывал у меня; и я более других к нему расположен был. Когда товарищи советовали познакомиться мне с сочинениями Дарвина и других заграничных писак, он наедине не советовал мне увлекаться естествоиспытателями, советовал приобрести книгу «Простая речь о мудреных вещах» (Погодина), в которой весьма ясно изобличаются индифферентизм и атеизм, советовал и других чисто-русских писателей прочитывать. За это я и по сие время искренно ему благодарен. В 1883 г. я состоял в добровольной охране Государя Императора Александра III при короновании. Вскоре за сим состоялся Всероссийский миссионерский съезд; я не упустил случая бывать там почти ежедневно: мне нужно было знать цель миссионеров, а также необходимым считал знать лично миссионеров тех областей, которые мы часто посещаем, чтобы при случае удобнее ускользнуть от преследования; здесь вторично я увидел, но уже председательствующим в съезде, незабвенного о. Павла. Хотя и стремилась душа моя поговорить с ним, но я почел за лучшее соблюсти до конца инкогнито и тем сохранить в целостности свои интересы, что мне и удалось вполне. После съезда, к осени, я побывал в кельи о. Павла. Когда напомнил ему, что я с ним уже знаком и вел речь о крестном

знамени на хуторе Пирожке, Донской области, он как бы помолодел; пристально посмотрев мне в глаза, он сказал: «теперь всё помню... Я, кажется, тогда обещал тебе дать книжек, а ты на другой день не явился. Ну, вот тебе обещанное». Вручая мне выписки Озерского, с многочисленными закладочками, добавил: «это моя книга, с которой я никогда не разлучался, но теперь скоро отпечатается 2-е издание этой книги, я себе возьму новую, а это тебе на память. Дай Господи, чтобы ты поскорее обратился с раскаянием к своей родной матери, св. православной Церкви, а мачеху оставил бы». С тех пор я часто бывал в единоверческом монастыре и всегда с печалью уходил нераскаянным грешником. Мне жалко было расстаться с моей ролью, какую я играл в мире беглопоповцев.

В Рогожской, в доме Шумова, открылись тогда собеседования со старообрядцами, которые я любил посещать, но это мне редко удавалось: дела было очень много. А тут еще была забота объединить свои общества, враждующие между собой: так называемые пунные, отделившиеся от московских за то, что москвичи дали подписку на Рогожском кладбище в царствование императора Николая II-го «впредь не принимать бежавших от Церкви попов». В этой подписке пуняки находили отступление от веры. Поэтому, когда в Лужки привезли попа, исправленного в Туле от указного попа Павла, то некоторые ревнители потребовали исправить как попа, так и привезших его. Большая часть не согласилась принять третий чин, начали молиться с новым попом (кажется Георгием) в зеленой моленной; тогда возгордившиеся отделились и стали собираться на молитву в пуню (сарай); поэтому их и прозвали пунными. Эта-то часть непокорных образовалась в Москве, в лице С.А. Третьякова у Красных ворот. Ему мирволили: Боровские, Гуслицкие, Егорьевские, и др. беглопоповцы. Вот я и хотел устроить мир и союз партий, враждующих между собой из-за одного каприза. В это самое время попечитель И.В. Карасев не хотел принимать 2-го Петра, с которым я служил, за то, что Петр Ремизов брал билет из Консистории, удостоверяющий его личность. А пунные в свою очередь не хотели принимать о.

Петра 1-го Щепетова за то, что Щепетов исправлен о. Филиппом в городе Саратове, а Филипп рукоположен от епископа Ириней, уроженца Киевской епархии. Они находили, что Петр Щепетов принят от обливанческой киевской хиротонии, а поэтому его и принимать не следует. Много мне было хлопот и трудов, и денежной траты, чтобы сблизить эти партии... Я хорошо понимал: если в Москве примирятся, то о провинции нечего и говорить. В 1885 г. осенью, в октябре месяце, состоялся собор на Большой Серпуховской улице, за Москвой рекой, в доме Ивана Петровича Преснякова, который продолжался два вечера. На соборе И.В. Карасев со слезами уверял, что очень большой грех брать билет из Консистории... но ему не поверили, а поставили на вид, что желают примириться только ради того, чтобы впредь священники были исправлены, а поэтому решили: о. Петру 2-му Ремизову, как исправленному на Ветке от Лужковского о. Николая, прочитать 3-й чин о. Петру 1-му Щепетову. А затем он же читает и всему собранию. По чиноприятии избрали попечителей: И.П. Преснякова и С.А. Третьякова к о. Петру Ремизову, И.В. Карасева и Я.Ф. Федорова к Петру Щепетову. На сем соборе уложили: австрийскую лжеиерархию признавать безблагодатною, самозванною. Таинства не принимать ни одного, кроме троекратного погружения. Хотя многие не довольны были подобной строгостью, за то пунные остались очень довольны. Кажется, всё устроилось хорошо: дурное проклинали, хорошее благословили, только оставалось благодарить Бога да молиться. Нет, не тут-то было, это не в обычае у старообрядцев, у которых религия сопряжена с денежными выгодами и коммерческими расчетами.

Скоро полиция за бесписьменность забрала о. Петра 1-го Щепетова, а чрез недолгое время взяли и о. Петра 2-го Ремезова в г. Царицыне на Волге. По обыкновению пошли сборы на выручку попов. По наведенным мною справкам, собрано Карасевым более 7000 руб., израсходовано же при личном моём участии 300 р. и попечителем единолично 400 руб. Но вдруг было объявлено, что оба священника отступили от веры, негодны. Я стал на сторону попов, оправдывал их. Мне

жалко было, что так самопроизвольно поступают с пастырями; требовал христианского суда над ними, на основании канонических правил, под председательством священников двух или трех. А до сего суда я советовал без сомнения исправлять у них нужды. За сие усердие я нажил себе сильных врагов в лице попечителей, кои рассылали письма и всячески ругали меня, что я вожу негожего попа, отступника. В виду этих неприятностей я решил уклониться от зла, предполагая, что попечители примирятся с попами. На свободе мне хотелось проверить себя, истинным ли путем я иду? правду ли я защищаю? Самопроизвольность попечителей возмутила душу мою; припомнились мне слова Писания: «Где раздоры и несогласия, тамо несть истины». Знакомства у меня было на Рогожском кладбище много: попы, дьяконы и певчие. Так как и наших покойников хоронили там же, то приходилось часто слышать укоризны от них, что мы неправы, что у нас нет епископа, что Церковь у нас безглавая. Вот я и решил теперь повидаться и поговорить с австрийскими мудрецами. Бывший наш прихожанин и товарищ Егор Николаевич Оленев, с великою радостью повел меня на апухтинку посмотреть архиерейское служение. Познакомил меня с Савватием, который мне посоветовал присоединиться к ним, как истинным древлеправославным архипастырям. Я просил указать мне правило, по которому принятый митрополит Амвросий мог единолично рукополагать епископов (я тогда допускал, что принять можно 2 чином по 8 прав. 1-го всел. соб., хотя бы и патриарха), Савватий засуетился: «Ништо, ништо, я дам тебе книжечку, а ты хорошенько просмотри и, если что не догонишь, обратись к секретарю нашему Клименту Афиногеновичу Перетрухину, он с тобой побеседует, а я устал, надо отдохнуть». – Позвольте еще когда прийти, Владыко?! – «Ништо, ништо, тогда скажут, Бог простит!...» Книжечка, которую мне дал Савватий, озаглавлена так: «Краткая История древлеправославной Российской Церкви благочестивого священства. Яссы 1878 г.» Прочитал я эту «книжечку» и задумался. Приводимые в ней свидетельства были для меня неудовлетворительны. Ссылки на события и святоподобия

древней Христовой Церкви не оправдывали поступок Амвросия. При свидании моём, Перетрухин постарался меня уверить, что правила в гонимое время применимы быть не могут (нужды ради и закона пременение бывает), поставил на вид случай из событий древней Церкви, во времена гонения арианского: Евсевий епископ Севастийский, от изгнания возвратившись, в Сирии и Месопотамии Церкви исправлял и епископов православных поставлял. Этим он как бы оправдал поступок Амвросия. А так как врожденная приверженность к обрядности и преданность к бывшим страдальцам за веру всегда возбуждала во мне сострадание и уважение к ним, то я скоро согласился с доводами Перетрухина и, взяв от него письмо, поехал в Богородск на фабрику к Арсению Ивановичу Морозову. Здесь я надеялся увидеть торжественность и стройность церковной службы, так как А. И. славился певчими из фабричных, которыми руководил регент. Приехал я под Вознесение, как раз ко всеобщему бдению. Служил стриженный в кружало поп. Видимо, он недавно рукоположен, ибо уставщик обучал его за службой поворачиваться по солнцу для благословения. Учил и другие приемы, потребные попу, с которыми он почти незнаком... Эта неуклюжесть и угловатость новоиспеченного пастыря до того мне не понравилась, что я не чаял, когда окончат всеобщую... Желание моё в знаменитой Морозовской моленной увидеть при торжественной службе священника и диакона высшей дрессировки, служащих при сознании своего достоинства, не осуществилось, и это к моему благополучию, иначе я остался бы там. И Бог весть может быть из меня сделался бы ярый защитник лжесловесности. С этого момента в сердце моём созрела мысль во чтобы то ни стало узнать и попытаться истины.

Ф.С. Шмаков

(Окончание следует).

И. Л., инженер. Размышления светского человека при чтении ответа гр. Толстого Св. Синоду. (Письмо в редакцию) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 608–617

«... Почти все образованные люди разделяют такое неверие». «Я верю в Бога, которого понимаю, как Дух, как Любовь, как начало всего». «Человек Христос». «Верю, что всякий добрый поступок увеличивает благо моей жизни, а всякий злой поступок уменьшает его».

Хотя приведенные фразы и весь цитируемый документ, принадлежащий перу гр. Толстого, направлены по адресу св. Синода, тем не менее эти фразы произвели на меня впечатление как бы непосредственно относящиеся и ко мне. Впечатление это было на меня так значительно, что оно вызвало в душе моей целый ряд сколько серьезных, столько же и скорбных дум. И я чувствую инстинктивный нокон, потребность поделиться этими впечатлениями и размышлениями с другими людьми.

Чтобы мне не влезать в чужую душу, я поведу речь о самом себе.

К первому, закравшемуся в меня еще на школьной скамье, религиозному сомнению я отнесся очень трусливо и долго боялся с кем бы то ни было поделиться, но любопытство превозмогло.

Мне непременно надо было знать, как и что думают мои товарищи по поводу этого странного разногласия между домом и школой. Я робко, издавека, начал заговаривать с некоторыми товарищами, причем одни как бы пугались моих слов и вопросов, другие разделяли моё мнение, а третьи шли еще дальше, чем я. Ко времени же приблизительно 16-летнего возраста преобладало большинство сомневающихся. Велись довольно громко целые диспуты по поводу религии, а особенно усердно осуждалось духовенство. Всегда находился какой-нибудь злой язык, который рассказывал «факт» о неблаговидной жизни кого-либо из духовных лиц.

Рассказывались самые непристойные анекдоты по поводу того же духовенства. Всё это, вместе взятое, развивало в нас отвращение к духовенству и усиливало наше неверие в Бога и религию. Я начал отрицать решительно всё: и Бога, и Евангелие, и Церковь, и обряды, и всё то, что называется учением о Боге и Церкви. Отвергнуть было очень легко и просто. Моему тогдашнему уму нужна была осязательная реальность, и я надеялся, что наука в конце концов мне откроет глаза на природу помимо всякой религии и «попов». Не смотря на такое решение, я чувствовал далеко, далеко, в тайниках моей души, существование какого-то темного пятнышка. Это пятнышко как-бы требовало, принуждало меня искать скорейшего объяснения всех явлений природы и томления моей души, принуждало ближе и скорее понимать всё происходящее и окружающее меня. Но я был бессилён.

Около двух лет во мне царил беспокойный дух. Я всё искал исходного пункта, искал объяснений многим загадкам. Скрытое пятнышко настойчиво требовало скорейшего решения. Тогда я стал искать Бога; начал его *создавать*, чтобы примирить душу с природой. Многое было передумано и переговорено с товарищами, пока *мой* Бог не *создался* в нечто, как мне тогда казалось, целое и определенное.

В 18 лет имя моему богу было «Всё», т. е. всё живущее, всё видимое и всё невидимое, – всё это, вместе взятое, было мой бог.

Он не нуждается ни в молении, ни в прославлении, ни в каком бы то ни было особливом внимании людей. Это «Всё» существует независимо само по себе, а каждый *организм* сам по себе, т. е. ему дана воля, дан инстинкт, которым он и должен управляться в продолжение своей жизни. Я помирился с жизнью, исходя из такого рассуждения: ведь меня не спрашивали при моём появлении на свет, меня же не спросят, когда я сойду со сцены бытия, поэтому буду слепо жить и повиноваться внушенным мне инстинктом правилам, как это и делают все остальные животные. *Создав* себе таким образом бога, я на этом успокоился на сравнительно долгий период

моей жизни, а на Церковь и духовенство продолжал смотреть как на предмет критики и насмешки.

Дальнейшее моё учение заключалось в изучении разнообразных законов природы и в применении этих законов к практической жизни, а остальное время было поглощено на удовлетворение разных жизненных потребностей юности, а вопрос о Боге и религии был окончательно забыт. Я весь окунулся в жизнь и в борьбу за существование. Когда же первые пылкие порывы и стремления юности были по силе возможности удовлетворены, когда с каждым днем жизнь стала всё менее и менее удовлетворять меня, тогда темное пятнышко снова и всё чаще и чаще начало напоминать о себе. Чаще стали появляться часы досуга, когда я мог отдаваться самому себе.

Эти часы начали делаться для меня тяжелой, гнетущей пыткой. Я чувствовал, что созданный юношеским недомыслием мой бог «Всё» меня не удовлетворял. Грандиозные законы природы и малейшая былинка земли одинаково мне твердили о существовании непонятной Разумной Силы.

Если мне случалось остановиться перед цветком, то долго в тупом недоумении я стоял, рассматривая и удивляясь его дивному устройству и его чудному аромату. Когда во мне возникало желание сорвать этот цветок, и рука направлялась к нему, тогда и этот мой жест казался мне чудом: как и каким образом моё желание, моя воля могли быть переданы моей руке?

Я начал всматриваться ближе в самого себя и чем внимательнее и подробнее я вникал в душу и в деятельность органов моего тела, тем более я становился загадкой для самого себя. Всё, что прежде считал обыденным, обыкновенным, теперь стало для меня казаться чудом. И вот я, образованный человек, прошел школу и житейский опыт, а в результате ничего не знаю и ничего не понимаю. Сколько я ни напрягаю свой ум, сколько ни призываю на помощь мои познания, но дело разъяснения окружающих меня загадок не подвигается ни на единую йоту... Вот передо мною грядка, на которой растут огурцы... Боже! Сколько тайного, непонятного, чудного в этом простом, избитом и обыденном явлении. Я взял

заваливавшееся семечко огурца, воткнул его в горсточку самой обыкновенной, глупой земли, и вот эта земля вместе с лучами солнышка творит передо мною удивительное чудо. Из зернышка вырастает куст, на кусте цветы, а из цветов появляются новые огурцы, в которых находятся сотни таких же зернышек, способных дать новую жизнь. Кто создал грандиозные законы природы? Кто дал им эту чудную гармонию? Кто повелел всему двигаться, кто повелел брошенному в землю зернышку брать от неё только то, что необходимо для его жизни. Нет, всё это не может происходить глупо, машинально! Тут должна быть *Разумная Сила*, Которая управляет и распоряжается всем этим. Мой прежний, старый бог «*Всё*» мне ничего не говорит, ничего не объясняет. А тайный внутренний голос моей души мне шепчет: Боженька создал! Боженька устроил! Боженька послал! Тот Боженька, о котором мне возвещали в златые дни проблеска первой пытливой мысли в один голос все незабвенные, дорогие сердцу, милые, добрые существа – мама, папа, бабушка, няня, – возвещали «тогда», когда гром гремел, дождик падал и при всех других выходящих из ряда явлений природы видимой. И начал я видеть всемогущую десницу этого доброго Боженьки на каждом листочке, на каждой травке, на каждой мельчайшей былинке земли. Этот забытый Боженька растёт у меня в грандиозном ореоле разума и света, Он рассыпан всюду, везде и во всём. Он велик, Он недоступен!

Кто меня научит, кто мне расскажет на нашем бедном человеческом языке про этого недосягаемого Вседержителя Вселенной?

Новая борьба души, новое испытание!

Неужели обратиться к Евангелию? Неужели я там найду что-либо новое, чего я не знал до сих пор. Ведь я Евангелие учил, ведь я его знаю. Там ничего нет такого, что бы непосредственно отвечало на мои вопросы; но внутренний голос непрерывно шепчет, непрерывно подталкивает: а ты вот теперь возьми да прочти повнимательнее, быть может найдешь, что ищешь. Я, скрепя сердце, со странным еще неиспытанным чувством беру Евангелие и читаю его. Чем больше и внимательнее я его читаю, тем лучше и яснее я его *понимаю*. Я

его прочитал и *понял*. В первый раз в жизни я сознал, что Евангелие не нужно *изучат*, а надо его *понимать* и не умом только, но и сердцем.

Описывать все пертурбации и эволюции моей души и разума считаю лишним, да и невозможным, поэтому ограничусь только словами: Бог мне помог, я Его *познал*.

«... Почти все образованные люди разделяют такое неверие».

Было бы желательно знать: имею ли я основание и право причислить себя к тому, что мы обыкновенно называем образованными людьми, или существует какая-нибудь специальная категория «образованных людей», разделяющих одинаковое мнение с гр. Толстым? Если же и я принадлежу к категории «образованных людей», то интересно было бы знать, в какой именно период жизни и развития я наиболее отвечал названию «образованный человек».

Судя по смыслу слов гр. Толстого, самым образованным человеком я был в возрасте 18 лет, так как в этом возрасте я не признавал, что я творение Бога, а сам себе создавал Бога. Обобщать понятия и их распространять на всех образованных людей, дело весьма рискованное, дело, доступное гордым и ослепленным умам. Я же со своей стороны позволю себе утверждать, что очень и очень мало среди *действительно* образованных людей найдется таких, которые по существу дела обращают внимание и придают значение писанию и басням гр. Толстого по вопросам веры и жизни.

Преимущественно же ему поклоняются и перед ним преклоняются не *образованные* люди, а только *полуобразованные*, которые не имеют ни умственной силы, ни достаточной подготовки, чтобы самим познать истинного великого Бога. Если мы и находим среди его поклонников действительно известных и популярных людей, а подчас людей занимающих видные государственные посты, то это надо приписать или слепой случайности, или тому, что эти люди так поглощены серьезными вопросами повседневной государственной и общественной жизни, что они не имеют достаточного времени, чтобы уйти в самих себя и глубоко и правдиво проанализировать свою душу и её запросы. Поэтому общественная культурная толпа, как и народная, прислушивается к чужому голосу модных идолов общественной

мысли, работающих головой за нас, и заранее принимает без критики и проверки за чистую монету всё, что этими идолами изрекается. Вот, собственно, что нужно сказать по поводу положения графа Толстого: «все образованные люди», а теперь вникнем в следующее.

«Я верю в Бога, которого понимаю, как Дух, как Любовь, как начало всего».

А где же разум? Позвольте вам сообщить, господин «учитель», что никто из верующих людей, ни из мыслящих не последует за вашим богом, пока вы не определите его в более ясной и удобопонятной форме. Ведь вы говорите, что ваш бог есть дух. Само по себе это ваше определение для нас, христиан, ничего нового не вносит, ибо и христианская Церковь учит, что Бог есть Дух. Но вы умалчиваете, какое отношение вашего Бога Духа к общехристианскому понятию о Боге-Духе, что нового, *вашего* вы мыслите в этом определении... Затем вы говорите: Бог есть Любовь. Опять не новое, не ваше понятие, а заимствованное из общего богословия. И тут вы умалчиваете, какая же такая Любовь? Ведь мы, смертные, выражаем этим словом отношения наши решительно ко всему, что нас окружает, что мы делаем в нашей жизни. Мы говорим – люблю Бога, люблю отца, мать, детей, сестру, брата, соседа; люблю лошадь, собаку, люблю чай пить и проч. Какое же из этих бесчисленных проявлений любви вы понимаете в применении к вашему Богу? И как и в чём проявляется эта Любовь, ваш Бог, в людях? Ваше определение Бога-Любовь, взятое отдельно от понятия о Боге, как Существе живом и премирном, решительно ничего ни уму, ни сердцу моему не говорит. Затем вы горите, что ваш бог есть *начала всего*. Как это выражение понимать? В 18 лет я тоже гордо пользовался этим выражением, но откровенно признаюсь, что я его не понимал, да и понимать в отдельности от учения общевселенского, христианского невозможно. Таким образом невольно удивляюсь, что вы нас учите не верить, во что мы верим, а взамен нам не даете решительно ничего ясного, определенного. Звучные, неопределенные слова никогда не могут удовлетворить человека.

«Человек Христос». «Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее выражена в учении человека Христа».

Мне желательно спросить гр. Толстого: были ли до Христа люди, равные Ему, или от Христа до наших дней? Я уверен, что и граф скажет: нет, не было! Была ли чья-либо жизнь и деяния подобны «Человеку Христу»? – тоже нет. Кто же Он такой? Ведь даже по понятию гр. Толстого его Бог есть высшая Любовь и Справедливость.

«Человек Христос был воплощением и Любви, и Справедливости», и этого граф не отрицает. Отсюда ответ один на вопрос: был ли Он просто человек или Богочеловек? Да, был Богочеловек! Но этого вывода гр. Толстой, вопреки здравой логике, не хочет сделать, хотя все свойства и качества Христа и признает премирными, божественными. Он не может допустить, чтобы «Бог вочеловечился», хотя и не может утверждать, что для него постижимы и понятны действия Промысла Божия, и все-таки дерзает отрицать в Иисусе Христе Богочеловека. Толстому непонятно, как Бог мог принять «зрак раба», сделаться человеком для того, чтобы научить людей, как жить и исполнять волю Божию. Так пусть же он вместе со всеми своими «образованными людьми» придумает другой способ или форму, в какой наилучше, по нашим человеческим понятиям, надлежало бы Богу передать людям Свою Волю. Мой бедный ум сколько ни работал, сколько ни напрягался, но решительно ничего не мог придумать. Пытался я представить его парящим в облаках, окруженным ореолом света и гласом велиим диктующим Свою Волю и Свои заповеди.

Я чувствую, что такое проявление Бога меня бы повергло в страх и трепет и окончательно лишило всякой свободной воли, а она в нас несомненно есть, но если бы, тем не менее, Бог проявил себя таким образом 19 столетий тому назад, то ныне для нас это бы отошло в область гадательных и сомнительных явлений, как у многих уже подорвано доверие к тому, что Бог самолично вручил десять заповедей Моисею. Следовательно, чтобы нам верить в Бога и Его волю, мы должны иметь повторение и напоминание о Нём. Но, если эти повторения и проявления Воли Божией стали бы проявляться часто, то кончилось бы тем, что мы бы и к ним привыкли, как к обыденному явлению грома и молнии или к чуду произрастания

огурца, и оно бы для нас утратило всякое значение. Следовательно, не познавать Бога, не быть в силе проникать в его тайный Промысл и проявления и в то же время дерзать и отрицать великое таинство Боговоплощения – есть высшая степень кощунства.

Да, отвергнув существование Св. Троицы, трудно постичь и понять Бога. Если верить Евангелию, то надо верить всему. Отвергнув же хотя малую его часть, всё остальное теряет смысл и значение. Наш язык беден, наш ум слаб, и что бы мы по существу в Евангелии ни изменяли, дополняли или сокращали, как делает и учит гр. Толстой, всегда получится абсурд, до которого и договорился яснополянский учитель.

IV

«Верю, что всякий добрый поступок увеличивает благо моей вечной жизни, а всякий злой поступок уменьшает его».

Не верю в загробную жизнь, а верю в вечную жизнь. Не верю в возмездие в вечной жизни, а верю, что всякий добрый поступок увеличивает благо моей вечной жизни, а всякий злой поступок уменьшает его. Это уж какая-то особая толстовская логика, которой мы, обыкновенные смертные, никак не можем ни понять, ни принять.

Здесь невольно вспоминается исторический анекдот о великом художнике и сапожнике.

Напомню: сапожник, проходя мимо выставленной картины, заметил, что сапог неверно нарисован, тогда он вошел к художнику и указал ему на замеченные неточности; художник поблагодарил и исправил. Но дело не ограничилось этим, сапожник на другой день входит к художнику и объявляет ему о недостатках лица и выражения. Тогда художник вывел его из мастерской и сказал: «Что было твоё дело, я тебя послушал, поблагодарил и исправил, а лицо уж моё дело».

Гр. Толстой рожден, вырос и воспитан в высшем обществе, и пока он нам сообщал и дивными красками рисовал свою сферу и близко знакомых ему людей, мы с восторгом и упоением читали и отдавались его произведениям. С каждым взмахом его могучей кисти он сам вырастал в недоступного гиганта, он давил нас мощностью своего гения и таланта. Действительно, как у нас, так и за границей, весь мыслящий и читающий мир был его и за него. Он был кумир: его любили, его почитали, его уважали, перед ним преклонялись.

Казалось бы, что же больше. Нет, слава его не удовлетворяла, он принялся искать вне Бога и Церкви смысла и цели жизни. Большинство людей решает эту задачу и ведут борьбу со своим неверием или маловерием внутри самих же себя, из боязни прийти к неверным и смешным выводам и смутить покой души других же; граф же Толстой, не дойдя до окончательных выводов и не думая о последствиях соблазна,

перенес из тайников сердца борьбу эту на бумагу к всеобщему сведению, рисуясь этим, подобно евангельскому фарисею. С трепетом и затаенным дыханием все читали, недоумевали и ждали, в какую же наконец форму выльется результат душевной борьбы знаменитого писателя земли Русской. И что же, теперь всякому беспристрастному наблюдателю должно быть ясно, что бедный граф пришел только к юношескому выводу отрицания и не создал ничего убедительного и обоснованного для утешения как себя, так и тех, которые жадно внимали его пророческому гласу.

Художественно рисовать героев в своих романах, их жизнь и поступки для него было делом легким и простым, что дало ему повод возомнить о себе и взяться за непосильную задачу громко решать веками стоящие на очереди неразрешимые для разума смертных вопросы вне христианства. Ведь написать несколько тетрадок пышных и звучных фраз, вольнодумничать, как многие, еще не значит решить вопрос по существу. Не уподобил ли себя Толстой историческому сапожнику, который хорошо знал склад и овал ноги, а потому решил, что может быть судьей живописи лица. Толстой взял свою кисть и начал, так сказать, без стеснения водить ею по лицу Того, Кого мы называем Бог. Уродливость полученного таким образом изображения наглядно видна из его трактата «в чём моя вера».

Было сообщено в газете, что граф после выздоровления от постигшего его недуга, сообщил окружающим, что умирать не только не страшно, но приятно и легко, и что если его жизнь продлится на более продолжительный период времени, тогда он напишет большой том, в котором сообщит людям, что умирать не страшно и легко. На это позволю себе заметить гр. Толстому, что если он напишет не только один том, но сто томов, то юношество всё равно ему не поверит. Что же касается нас, стариков, то мы и без гр. Толстого смело и спокойно смотрим смерти в глаза.

Гр. Толстой обещается также решать «рабочий вопрос».

Да, родиться графом и пролить всю жизнь графом – и решать такие вопросы, действительно, ему подстать! Легко

предвидеть, как будет близко и правильно поставлена и решена эта задача.

Граф! пощадите вашу старость.

Да, этот великий старец достиг того, что нам остается одно, с искренней душой помолиться за него Всевышнему, чтобы Он излечил его от беспокойного духа, который омрачает так светло, благородно и гениально начатую литературную и общественную жизнь.

Инженер И.Л.

Семипалатинск. обл.

Э. Я. Третье печатное заявление из семьи Толстых // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 618–621

Читатели помнят, конечно, заявление графини С.А. Толстой, супруги Льва Николаевича, в письме от 26 февраля на имя высокопреосвященного Митрополита Антония, где она говорит, что для отпевания своего мужа в Церкви и молитв найдет «или порядочного священника, который не побоится людей пред настоящим (?) Богом любви, или непорядочного, которого она подкупит (!) большими деньгами».

Сам же граф в своём «Ответе» Св. Синоду, от 4 апреля, заявляет совсем другое: «я написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей и мертвое моё тело убрали бы поскорее, без всяких над ним заклинаний и молитв».

Тут супруги Толстые явно противоречат в своих заявлениях. Графиня ли не знала воли своего супруга о погребении без церковнослужителей, когда писала своё письмо владыке митрополиту, или граф написал это завещание уже после её письма? Или же один из супругов просто сказал неправду?

Но вот в печати появилось третье заявление из семьи Толстых, – которое, вызывает еще большее недоумение и прямо недоверие к сообщаемым в ней обстоятельствам дела.

В 231 № «Новостей» сын Льва Николаевича, гр. Сергей Толстой, пытается доказать, что граф В. Бобринский, в известном нашим читателям письме на имя высокопреосвященного Антония, Митрополита Петербургского, «категорически, но голословно утверждает то, чего не было» – т. е., что будто бы Лев Николаевич не говорил тех слов по поводу бесед с ним тюремного священника, какие лично слышал от него гр. Бобринский: «удовольствие (от бесед графа со священником тюремным) отравляется сознанием, что он присылается нашим архиереем для моего увещания».

«Дело в том (пишет граф Сергей Толстой в «Новостях»), – что гр. Бобринский не один слышал год тому назад слова, сказанные Львом Николаевичем о тюремном священнике. При

этом присутствовал мой приятель и в то же время приятель гр. Бобринского, – г. Шарль Саломон, француз, хорошо говорящий по-русски.

Вот письмо, которое я недавно получил от него:

«Дорогой друг.

Вот то место из письма моего к Владимиру Бобринскому, которое вас интересует. Я ему сказал, что я собираюсь сообщить его вам. И вы с ним можете делать, что хотите:

«Дорогой Владимир, я нахожусь в Ясной Поляне и естественно я здесь слышал о письме, которое ты написал митрополиту; мне дали его прочесть. Я его прочел и не могу не выразить тебе моего сожаления о том, что ты напечатал его, а особенно о том, что ты его написал.

Я присутствовал в прошлом году при том разговоре твоём с Л.Н., которым в настоящее время хотят (?) воспользоваться, как оружием (!) против него.

И, если я не могу воспроизвести те самые слова, которые он сказал, я, однако, в случае надобности, могу утверждать, по меньшей мере, то, что память тебе изменила, и что граф при нас не говорил, что он *знает*, что священник был посылаем для увещевания. Он высказывался неопределенно, и теперь, по прошествии года, стараясь восстановить ту фразу, о которой идет речь, я мог бы её выразить в следующих словах: «Тюремный священник иногда приезжает видаться со мной. Зачем он приезжает? Не присылают ли его ко мне?». Прежде, чем написать твоё письмо, тебе бы следовало через посредничество Сергея Т. добиться объяснения кажущегося тебе противоречия.

И тогда ты бы этого письма не писал. Я слишком тебе друг, чтобы не высказать то, что думаю, и за это ты на меня не посетуешь.

Я сообщаю Сергею Т. это письмо и пр., и пр.

Шарль Саломон

* * *

Вышеизложенное письмо достаточно освещает сообщение графа Бобринского.

Однако, я не могу умолчать еще об одном обстоятельстве, графу Бобринскому едва ли известном. 28 июня сего года тюремный священник вновь посетил Льва Николаевича, до которого в это время уже дошел слух об увещательной миссии этого священника. Чувствуя себя в то время больным, Л.Н., тем не менее, принял его и прямо спросил, правда ли, что он присылается для его увещания. На это тюремный священник категорически (?) ответил, что он никем присылаем не был, а приезжает просто потому, что ему интересно бывает беседовать. Этот разговор слышали все присутствовавшие.

Итак, как оказывается, утверждение гр. Бобринского, что Л.Н. Толстой был увещаемым тюремным священником, отрицается как увещаемым так и увещателем. Единственное доказательство – показание гр. Бобринского о сознании самого увещаемого – опровергается показанием г. Шарля Саломона.

Предоставляю всякому судить, какое большое значение имеет сообщение гр. Бобринского.

Надеюсь, что другие газеты, напечатавшие письмо гр. Бобринского, не откажутся напечатать и настоящее моё письмо.

Сергей Л. Толстой

20 августа 1901 г.

* * *

Таково печатное заявление по счету третье, исходящее из семьи Толстых. Думаем, что читатель сам без комментариев оценит значение свидетельства француза, «хорошо говорящего по-русски, но не могущего воспроизвести слов», слышанных им при разговоре гр. Бобринского с Львом Николаевичем и пускающегося в рискованные догадки.

Заинтересовавшись этим новым инцидентом в толстовской истории, пишуший эти строки нарочно спутешествовал в Тулу для исследования на месте «пререкаемых обстоятельств дела», – беседовал с епископом Тульским Питиримом и священником, о. Димитрием Егоровичем Троицким, обзрел документы, к сему делу относящиеся. И вот результаты нашего исследования.

На первом документе (копия увещательного письма свящ. о. Троицкого на имя гр. Л.Н. Толстого, с которого и начинается

знакомство и живой обмен мнений по вопросам веры гр. Толстого с о. увещателем), написана рукою Еп. Питирима такая резолюция: «Бог Единый, в Св. Троице славимый, да даст силу и крепость доброму отцу, несущему погибающему сыну спасение. Благословляю на беседу с гр. Л.Н. Толстым. Еп. Питирим».

На последнем документе (рапорте) о поездке в Ясную Поляну, состоявшейся 28 июля, от 19 июля 1901 г., рукою епископа написано: «Благослови Бог».

О. Димитрий нам решительно заявил, что при первом же посещении дома Толстых граф Л.Н. Толстой спросил его, не от архиерея ли он послан, на что священник ответил, что без благословения епископа он не вправе ничего делать, что владыка его благословив посетить графа, но подвигнула его, о. Димитрия, взять на себя эту миссию искренняя любовь к Льву Николаевичу и желание спасения ему.

И о. Димитрий, – чудный иерей молитвенник, – искренно расположен к Льву Николаевичу, пламенно желает ему спасения и, что трогательно, – добрый пастырь-молитвенник не оскудевает в надежде!

В семье графа, сколько могу судить из беседы о. Димитрия, к нему относятся с доверием и уважением.

Последний раз о. Димитрий был в Ясной Поляне 3 сентября пред выездом Льва Николаевича в Крым. Таковы факты.

Отсюда сами, читатель, извольте судить, нужно ли было гр. Льву Николаевичу 28 июня спрашивать о. Димитрия, посылает ли его архиерей к нему, и мог ли 28 июня этот иерей Божий категорически отрицать участие архиерея в этом его деле, как об этом заявляет граф Сергей Львович?

Затем ни француз Шарль, ни гр. Сергей ничего не доказали и ничего не опровергли. Вопрос ведь идет «о попытках» увещания Льва Николаевича, одна из таких известна гр. Бобринскому и он её удостоверил. И попытка эта – факт неопровержимый, она была и продолжается со стороны о. Троицкого, чего не отрицают и возражатели. А что и как сказал когда-то Лев Ник. гр. Бобринскому это совсем не важно. А вот

важно то, что в семье яснополянского учителя *не одно* говорят,
да еще в печати...

Э. Я.

Из миссионерской полемики

**Боголюбов Д. Беседа со штундо-баптистами о
святом покаянии и помазании елеем //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 622–634

Я шел из церкви после беседы с штундистами. На душе у меня было тяжело, тоскливо. Сектанты сильно упорствовали в своих заблуждениях. Они, очевидно, старались лишь «постоять за себя», – покричать и поспорить.

Меня догнал Иван Петрович, – богатый и уважаемый штундист. Он раскланялся и приветливо заговорил со мной. Убедительно он приглашал меня «пожаловать» к нему вечером «в гости». У него на дому будут «друзья» да «кое-кто» из православных. Споров «резких» не будет; всё обойдется «чинно»...

Я охотно согласился; мне стало веселее на душе.

Едва стемнело, Иван Петрович на хорошей лошади приехал за мной. Я быстро собрал книги, и мы крупной рысью пустились по селу: в темноте нас едва ли кто рассмотрел...

В доме Ивана Петровича собралось человек десять гостей. На столе стоял большой блестящий самовар. Гости сидели за чаем. Посадили и меня «чаевничать». Стали «знакомиться». Припоминали бывшую беседу в храме. Хозяин и его гости осуждали «братьев» за грубость и крикливость. Они хотели теперь «от души» побеседовать о «новой вере», которую люди зовут *штундой*...

Я порадовался высказанному намерению. Мы начали прямо говорить о *лицемерии* и *наружной* святости сектантов. Мои собеседники не спорили, что среди них много «пустосвятов», – гордецов, фарисеев. Но и в православии, – говорили они, – много грешников. Что с ними делать?...

Я сказал:

– К грешникам *прежде всего* надо обращаться со словами Спасителя: «*покайтесь и веруйте в Евангелие*» (Мк.1:15) С этого призыва людей к *покаянию* Сам Господь начал Свою проповедь; таким же образом поступали апостолы. Они увещевали грешных иудеев: «*покайтесь, чтобы загладились грехи ваши*» (Деян.3:19).

– С проповеди о покаянии пред Богом и мы начинаем, – сказал Иван Петрович.

– Значит, ответил я, о *покаянии* евангельском мы и должны с вами начать беседу. Скажите, как вы каетесь во грехах пред Богом?

Наступило минутное молчание. Все углубились в данный мною вопрос. Потом Иван Петрович поднял голову и сказал:

– Мы *рассматриваем* грехи наши; сокрушаемся о них; даем обет вперед не грешить и обращаемся к Господу со словами Иисусовой молитвы: *«прости нам долги нам, как и мы прощаем должникам нашим»* (Мф.6:12). В этом состоит всё наше покаяние...

Я ответил:

– *«Бог, действительно повелевает людям всем повсюду покаяться»* (Деян.17:30). И мы должны *непрестанно* сокрушаться о грехах своих, потому что *«много все согрешаем»* (Иак.3:2). Но довольно ли для нас одного *такого* покаяния?

– Понятно, довольно – сказал Иван Петрович. Раз Господь повелел нам просить *только* у Бога оставления грехов наших, – значит, никакого *другого* покаяния быть не может...

Я возразил:

– Разумеется, *один* Бог может прощать грехи. Это исповедали даже иудеи. Они говорили: *«кто может прощать грехи, кроме Бога!»* (Мк.2:7). И апостолы в кн. Деяний засвидетельствовали:... *«Бог десницею Своею возвысил Христа в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов»* (Деян.5:31). Несомненно, таким образом, что грехи прощает людям *один* Бог. – Но может ли эти грехи *отпускать* нам Христос?

Иван Петрович, не задумываясь, сказал:

– Конечно, и Христос силен прощать нам грехи наши, потому что Он такой же Бог, как Отец Его. Вон у ев. Марка написано: *«чтобы вы знали, что Сын человеческий имеет власть на земле прощать грехи, говорит расслабленному... встань, возьми постель твою, и иди в дом твой»* (Мк.2:10, 11).

– Таким образом, заключил я речь Ивана Петровича, мы *согласны* с вами, что власть прощать грехи принадлежит Богу

во Святой Троице (Ср. Ин.20:22,23). Но от Имени Божия могут ли прощать грехи нам люди?

Иван Петрович и остальные собеседники штундисты в один голос заявили, что они «не признают» за людьми права «прощать» грехи «братьям»...

Я возразил:

– В слове Божиим Спаситель заповедует нам: *«когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш небесный не простит вам согрешений ваших»* (Мк.11:26,25). – Рассудите теперь сами, друзья мои, справедливо ли вы говорите. По вашему, «люди не имеют права» прощать грешников, а Христос нас *обязывает* к тому. Значит, вы идете против Христа...

Иван Петрович виновато заметил, что его «братья» *ошиблись*, когда сказали, что люди «не имеют права прощать грешников». Мы все *обязаны* не помнить зла, какое делают нам ближние наши...

Я сказал:

– Таким образом *надо признать*, что грехи прощает нам не только триединый Бог, но и люди друг другу. А могут ли люди *удерживать* грехи на братьях своих пред Богом!

Собеседники мои, наученные печальным опытом, безмолвно размышляли. На выручку их пришел Иван Петрович. Он сказал:

– Если за людьми признать власть *удерживать* на нас грехи, – это будет слишком много. Ведь Христос учил: *«если не прощаете, и Отец ваш небесный не простит вам согрешений ваших»* (Мк.11:26). По этим словам Господа, мы так веруем, что *нет* на земле власти, которая могла бы *связывать* нас пред Господом...

Я ответил:

– Действительно, ты *верно* сказал, Иван Петрович. Все мы – «простолюдины», рядовые христиане *обязаны* прощать грешников и молиться за них. Кто этого не делает, тот Христа не слушается... Но кто будет *только так* рассуждать о покаянии и остановится на *одних твоих словах*, – тот тоже *погрешит* пред

Богом. – В самом деле, имеет ли кто в Церкви Христовой, помимо Бога, власть *удерживать* грехи на людях? В Ев. от Иоанна мы читаем: *«Иисус дунул и говорит апостолам: примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся»*. (Ин.20:22, 23).

Из этих слов Господа вытекает, что не только Бог во Святой Троице, но и апостолы *имели право* «удерживать» на людях грехи их. Этого права, как мы читали (Мк.11:25, 26), Христос *всем* нам не передал, но пастырям Церкви, в лице апостолов, Господь оставил великую *судную* власть на земле...

Штундисты сосредоточенно обдумывали мои слова. Потом Иван Петрович заметил:

– Верно, надо сознаться, что, кроме Христа, в Церкви Его *имели* власть *удерживать* грехи людские апостолы. Но мы не можем допустить, чтобы *простые* люди, ваши пастыри, могли также *удерживать* на нас грехи пред Богом. Это уж чересчур...

Я ответил:

– Из Евангелия Иоанна мы видели, что Христос право *удерживать* грехи на людях передал апостолам. Также свидетельствует ев. Матфей (Мф.18:18). Но Матфей евангелист добавляет, что власть судить грешников Христос отдал Церкви Своей (Мф.18:17). А мы уже сказали, что в Церкви «простолюдины» не имеют власти вязать нам грехи наши. Значит, право суда над грешниками в Церкви Христовой принадлежало прежде *одним* апостолам.

После апостолов перешло ли это право к их преемникам?

Без сомнения, перешло. В Ев. Матфея Господь сказал ученикам: *«се Я с вами во все дни до скончания века»* (Мф.28:20). Апостолы, прожив на земле определенное время, умерли; а Господь сказал, что Он пребудет с ними *вечно*. Ясно, что *вечно* Господь пребывает с преемниками апостолов, – пастырями Церкви. К ним, следовательно, перешли *все права* апостольские по управлению Церковью Христовой. В частности, – преемники апостолов усвоили себе право *прощать и удерживать* грехи на людях. – Это видно из Деян.19:18. Там говорится, что Павел апостол, *не бывший в числе двенадцати*,

прощал от Имени Божия грехи людям. Тоже следует из 1Тим.5:19. Апостол пишет ученику своему: *«обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях»*. – Из этой заповеди апостола ясно, что Тимофей – преемник апостола Павла – мог «принимать» обвинения даже на пресвитеров. Мог, следовательно, он *оправдывать* их и *осуждать*. А Тимофей и его сотрудники были тоже не из двенадцати апостолов (2Кор.8:23).

Таким образом несомненно, что в *вечной* Церкви Христовой должны быть *вечные, полноправные* преемники апостольской власти (Мф.28:20). Значит, не подлежит сомнению то, что в *наше время* власть удерживать грехи на людях принадлежит *правильно* поставленным пастырям Христовой Церкви...

Иван Петрович и его «друзья» молчали; ждал и я определенного ответа на мой главный вопрос: *имеет ли кто власть в Церкви, помимо апостолов, удерживать грехи на людях?*

Наше молчание прервал Иван Петрович. Тихо, без озлобления, он произнес:

– Да, надо, друзья, признаться, что пастыри Церкви должны наследовать *все церковные права* от апостолов; а потому *эти пастыри могут удерживать грехи на людях*. Но только скажите нам ясно: *своею властью, или Христовой* развязывают грехи теперешние пастыри?

Я ответил:

– Конечно, *ни один человек*, будь он сам патриарх, *своею властью никого* не может простить. Всё от Духа Святого, как говорится в Ев. Иоанна (Ин.20:22).

– В *таком* случае мы можем принять ваши речи, заметил Иван Петрович.

Слова его подтвердили другие собеседники.

На время мы стихли и все принялись за чай, которым угощала нас гостеприимная хозяйка.

Один православный собрат наш уже напился чаю и теперь охотно говорил. Он сказал:

– Да, пастыри великую силу имеют в Церкви. Они могут прощать и могут удерживать грехи на людях. Это доказано.

Спасибо вам, – обратился он ко мне... Как надо после того *почитать* своего батюшку. А то мы наслушались штундовых речей – и голову перед ним не сгибаем. Грешно это!...

Чаепитье кончилось. Гости опять готовы были слушать беседу. – Я сказал.

– Ты, Иван Петрович, заявил, что ваше покаяние пред Богом состоит в том, что вы ему *одному* каетесь во грехах своих и пред Ним *одним* обещаетесь вперед не грешить. Я спросил тебя: *довольно ли одного такого* покаяния перед Богом? Ты на мой вопрос не дал *никакого* ответа...

– Да тут и отвечать нечего, заметил Иван Петрович. Вы уж нас извините. Мы даже допустить не можем, чтобы было *другое* какое покаяние во грехах...

– Обсуди дело хорошенько. Авось сам усмотришь *другое* покаяние, – ответил я. Ты уже пред всеми сознался, что, помимо Бога-Отца и Христа Его со Святым Духом, грехи людские, властью Господней, *могут* прощать апостолы, и их *правильные* преемники. Теперь сообрази: если этим преемникам апостольским люди не станут сказывать грехов своих, – как узнают тогда пастыри, в чём именно люди грешны и *какие* грехи им прощать?...

Сектанты молчали.

Я сказал:

– Ваше безмолвие обличает вас. Значит, вы чувствуете, что для вас нет отступления от правды божественной. Не так ли?...

Сектанты продолжали молчать. Я еще прочел им из 19 гл. Ев. Иоанна: «*кому простите грехи, тому простятся*». Потом спросил: скажите мне, *как* можно прощать грехи кому-либо?

Иван Петрович ободрился. Он сказал:

– Простить грехи человеку – дело простое. Возьми да и не помни, что сделал тебе брат дурного...

Я заметил:

– А чтобы не помнить зла, простить обиду, – надо нам знать об этой обиде?

– Знамо, так! – хором сказали сектанты.

– Значить, продолжал я, пастыри должны знать, кто и в каких грехах кается пред Богом. Иначе они не будут в состоянии

удерживать на нас грехов наших... А отсюда вытекает заключение, что в Церкви Христовой, помимо *сердечной, тайной* исповеди пред Богом, должно быть *другое* покаяние, которого ты, Иван Петрович, *по ошибке*, не хочешь допустить...

– Какое же это другое покаяние? Расскажите нам! – с любопытством спросили сектанты.

Я ответил:

– Прочтите друзья, из Ев. Мф.3:6. Там сказано, что иудеи приходили к Иоанну Крестителю, *«исповедуя грехи свои»*. Видим отсюда, что во дни Иоанна Предтечи была *гласная, открытая* исповедь грешников пред Богом. Эта исповедь состояла в том, что люди, сокрушаясь сердцем пред Богом, *«открывали»* дела свои Его посланникам...

– То было еще в ветхом завете, сказал мой сосед сектант. Кабы из нового что указали, – это было бы к делу.

– Я уже читал вам из нового завета, как Христос дал власть апостолам *«вязать»* нам грехи наши (Ин. гл. 19). Эта власть предполагает, что люди будут *«открывать»* апостолам грехи свои. И мы видим, что во дни апостольские такая *открытая* исповедь грешников, действительно, производилась. Посмотрите, что написано в кн. Деяний: *«многие из уверовавших приходили к Павлу, исповедуя и открывая дела свои»* (Деян.19:18). Ясно отсюда, что *«исповедовать»* и *«открывать»* пред пастырем *«дела свои»*, по словам кн. Деяний, – одно и то же. Стало быть, св. Церковь православная поступает богумудро, когда требует, чтобы грешники – её дети, – сокрушаясь перед Богом, в то же время священникам рассказывали о грехах своих. Это и есть та *другая* исповедь, которой требует Слово Божие, и которой нет у вас сектантов...

Иван Петрович сказал:

– Что же, по вашему, выходит: то Бог прощает людей, то священники. Это – путаница...

– Никакой путаницы нет, – ответил я. Грехи людям прощает один Бог; но это прощение Он дарует нам, по учению Евангелия, через Своих служителей – преемников апостольских. Пастыри Церкви, или священники, на исповеди христиан являются лишь *свидетелями* наших обещаний вперед не

грешить и показателями того, что эти грехи *прощаются* нам Богом... Вы напрасно, друзья, идете против Слова Божия, повергая исповедь перед священниками. Тем самым вы вводите в жизнь свои *новоизмышленные* порядки. Ваши порядки, по слову Писания, ничем другим нельзя назвать, как *бесчинием* (1Кор.14:40)...

В избе наступило долгое молчание. Я думал уже «кончать» вопрос, но Иван Петрович неожиданно спросил меня:

– А вы признаете, что надо *прямо* исповедовать Богу грехи свои?

– Признаю. Каждый ежеминутно кайся и плачь перед Господом. Но только помни, что *одного такого* покаяния *мало*. Господь велел апостолам *прощать* грехи людям. Стало быть, велел нам *открывать* тайны своего сердца, кому следует (Ср. Деян.19:18)...

Наступило опять молчание. Его прервал один почтенный старец-сектант. Он сказал:

– Каяться перед пастырями не трудно, да будет ли толк в том? Сами то пастыри – люди грешные. Как они станут прощать чужие грехи?

Я ответил:

– Этот вопрос стороной мы уже рассмотрели. Мы сказали, что власть прощать грехи принадлежит в *собственном смысле* одному Богу. Пастыри на исповеди – это *свидетели* нашего раскаяния и *показатели*, что Бог действительно прощает нам грехи наши. Конечно, они *не без грехов* (Иак.3:2). Но для нас это неважно: священники *не своей святостью* прощают нам грехи, а *властью Божией* (2Кор.10:6). Эту власть они получили от апостолов и хранят в своих глиняных сосудах (2Кор.4:7). Кто *правильно* поставлен на дело Божие, – кто *дверью* вошел во двор овчий (Ин.10:1–2), – тот имеет *от Бога* власть прощать нам грехи (1Тим.5:11).

– Да! Рассеянно протянул сектант, сидевший против меня. А вот деньги можно ли принимать за исповедь?

– За *благодать* Божию, прощающую нам грехи, денег не берут, ответил я (Деян.8:20). Но за *труды* надобно пастырей награждать деньгами. Так учили нас Христос и апостолы

(Лк.9:3, 4; 1Кор.9:13, 14). Неужели вам, братцы, жаль нескольких копеек, чтобы отдать их человеку, который низводит на вас благодать Божию.

– Нет, заметил Иван Петрович, – это брат наш напрасно приплел к разговору деньги... Знамо, *«служащие жертвеннику берут долю от жертвенника»* (1Кор.9:13).

Мы опять замолчали. Чувствовалось, что вопрос о покаянии был исчерпан до конца. По крайней мере, *главнейшие* разногласия наши с штундистами были рассмотрены...

Гости Ивана Петровича подумывали о покое. Время было и мне отправляться на ночлег. Но на прощанье я хотел задать сектантам еще одну «задачу». Я спросил:

– Как вы, вообще-то, все евангельские заповеди принимаете?

Сектанты оживились. Они стали в несколько голосов заверять меня, что Евангелие они берегут «пуще» глаза.

Я опять спросил:

– А исполняете вы, что написано у ап. Иакова: *«болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне, и молитва веры исцелит болящего»* (Иак.5:14, 15)?

Сектанты молчали, уставив глаза на стол. Я еще раздельнее повторил свой вопрос:

– Ап. Иаков велит болящих христиан мазать елеем и это помазание сопровождать «молитвой веры». Молитесь ли вы над болящими и мажете ли их елеем «во имя Господне»?

Иван Петрович сказал:

– Когда наши братья заболевают, мы творим над ними усердные молитвы...

– Апостол приказывает совершать не *одни* молитвы над больными, – заметил я. Он велит больных мазать еще *маслом*, или *елеем*. Исполняете ли вы эту заповедь апостола?

Сектанты притихли. Иван Петрович барабанил пальцами по столу. Молчал и я.

Наконец, Иван Петрович нарушил общую тишину. Он сказал:

– Нет, больных елеем мы не мажем. По крайней мере в нашей местности я не слыхал, чтобы какого болящего брата мазали елеем...

– Если больных своих вы не мажете елеем, – заметил я, – тем самым вы не храните заповеди апостола. А кто учит иначе, чем апостолы, тот – анафема (Гал.1:9). Какие же вы христиане?

А еще называете себя «евангеликами», почивающими на апостольских писаниях!...

Сектанты оказались в неловком положении. Православные с состраданием смотрели на Ивана Петровича. Тот сказал:

– Если судить по букве Писания, мы неправы. Но мы утешаемся тем, что ап. Иаков про *духовный* елей писал, – про *наши молитвы* к Богу...

Я ответил:

– О молитвах ап. Иаков говорит *отдельно*. Он заповедует *молиться* и при этом *мазать* больных елеем. А вы всё под один отдел подводите, – это ошибка.

Кроме того: если елей понимать *духовно*, – отчего и самих пресвитеров не брать в *духовном* смысле? Тогда уж всю заповедь ап. Иакова надо изъяснять в *духовном* смысле, а это – *явное заблуждение*...

Итак, апостол велит *настоящим*, а не *духовным* елеем мазать больных. Вы этой заповеди не храните; за это на вас лежит *анафема* апостольская (Гал.1:9)...

– Да ведь Иаков апостол не говорит, что больной выздоравливает от масла. Чудесную силу он приписывает «*молитве веры*», – возбужденно заговорил Иван Петрович.

– Точно, – ответил я, – апостол пишет, что «*молитва веры исцелит болящего*». Но если бы при этом не нужен был елей, он бы про него не говорил в стихе 14. А то молиться апостол заповедует *само собой*, а мазать больных елеем – *само собой*...

– Не усматриваем из Писания, чтобы для христиан *видимый* елей имел какую-либо силу, – в раздумье произнес Иван Петрович.

Я возразил:

– Вы не усматриваете из Писания значения *видимого, вещественного* елея потому, что не *хотите* этого видеть. А если в самом деле обратитесь к Евангелию, – там вы прочитаете: апостолы «*пошли и проповедовали покаяние, изгоняли многих бесов, и многих больных мазали маслом, и исцеляли*» (Мк.6:13).

Раздумайтесь над прочитанными словами из Евангелия. Апостолы, конечно, без елея могли исцелять больных. Но

сказано, что, врачую недугующих, они *мазали их елеем*. Почему? Потому, что люди не из *одной души* состоят, а вместе с душой облечены еще *телами*. Так вот – для души лекарством служит *молитва духовная*, а для тела – *также молитва, сопровождаемая помазанием елеем*...

Нечто сходное с этим заимствуем из жизни Самого Спасителя. Христос – Бог Всемогущий (Ин.17:3; 1Ин.5:20). Одним словом мог Он сотворить всё (Ин.1:3). Однако послушайте, что пишет ев. Иоанн: Господь «*плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому и сказал ему: пойди, умойся в купальне Силоам... Он пошел и умылся и пришел зрячим*» (Ин.9:6,7). – Спрошу я тебя, Иван Петрович: для чего Христу понадобилось «брение из плюновения»? Зачем исцеленного Он послал в купальню Силоамскую?...

– На то была воля Его! заметил Иван Петрович.

– Вез сомнения, – ответил я. Но Христос *лишнего, ненужного* ничего не делал. Значит, потребны были и брение, и купальня Силоамская для исцеления слепорожденного. А для чего? – Да для того, чтобы этот слепец *сильнее* запомнил совершенное над ним чудо, – чтобы рассказ об этом чуде *глубже* врезался в сознание людей...

Вообще же заметьте: «Господь и апостолы, при своих чудотворениях, употребляли *внешние* средства и действия, – напр., возложение рук, опоясаний, брение (Деян.19:12; 8:17; Ин.9:6), – потому, что всё это полезно для нашей телесной природы. Эту природу ни Христос, ни апостолы не забывали. Потому и заповедали христианам мазать больных *видимым* елеем...

– Ну, пусть мы согрешаем, что не мажем елеем больных, сказал Иван Петрович. Может быть, со временем, еще станем мазать их... Но и вы, православные, не по слову поступаете. Сказано: пусть больной «*призовет пресвитеров*», – а у вас *один* священник мажет маслом. Это неправильно...

Я ответил:

– Если бы православная Церковь *учила*, что помазание елеем или елеосвящение *должен* совершать *один* священник, –

она бы погрешила против апостола. А то она учит, что елеосвящение *обязаны* совершать собственно *семь* священников. Но где, напр., бедным крестьянам, живущим в глухих углах нашей родины, достать семь священников? Дай Бог ему *одного* привезти к больному...

Значит, только *по нужде*, вместо семи, при елеосвящении мы обходимся *одним* священником. Причем, чтобы не было даже *наружного* отступления от апостольской заповеди, – православная Церковь велит священнику болящего христианина мазать *семь раз*, – как бы от лица семи пресвитеров. – Таким образом мы *не разрушаем* апостольского учения. – По правам священники ведь *все равны* пред Господом: что может совершать один, – это дано и другому. Потому, когда *один* священник *семь раз* мажет больного, – сила такая снова остается *такою же*, как если бы елеосвящение совершали *семь* священников...

– Еще бы один вопросец предложил я вам. Можно? Спросил меня сидевший рядом со мной сектант.

– Конечно, можно – ответил я. Говорите ради Бога!...

– Почему у вас не над всеми больными совершают помазание елеем? Значит, над кем не совершат, тот погиб?

– Совсем *не значит*, ответил я. О елеосвящении, или помазании маслом, Христос не дал такой же заповеди, как о крещении. Про крещение сказано, что без него *нельзя* войти в царствие Божие (Ин.3:3); а про помазание елеем такой *решительной* заповеди мы не находим. – Это таинство в некотором отношении надо приравнять к браку.

Кто не захочет жениться, – над тем священнодействие брака *никогда* не совершится; однако такой холостяк *спасется*, если соблюдет евангельские заповеди. – Подобное этому надо сказать и про помазание елеем. Оно *необходимо* должно совершаться в *целой* Церкви Христовой; *частные* же или *отдельные* христиане, – к своему, разумеется, глубокому сожалению, – могут не принимать его. Это их лишение и скорбь духовная; но через то они не потеряют Царства Божия, в случае *праведной* кончины...

Я поставил на вид своим собеседникам, что они, хвалясь своей верностью Слову Божию, в *действительности* его разрушили и ложно перетолковали и мы мирно расстались.

Д. Боголюбов

Фиалковский Н. прот. Имел ли право М.Амвросий принять раскольническую паству без поручения её ему? // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 634–645

В прошлом году в д. Сукине, Нижегородской епарх. епархиальный миссионер вел беседу с раскольничьим начетником Усовым. Беседа велась о незаконном учреждении белокриницкой иерархии.

Миссионером было прочитано в начале беседы из Евангелия от Иоанна зачало 67 и истолкования на это зачало бл. Феофилакта: «Понеже убо конец имяше с ними обеду, *Петровы паству вселенныя овцам поручает*, не иному же, но Петрови сию дает, прежде убо яко всех лучшу же и мудрейшу, и яко всему лицу апостольску начальнику, потом же являя ему, яко достоин на се дерзати, зане по отвержении помилован» (Благов. лист 307). Прочитав эти слова, миссионер сказал: Господь отвергшегося апостола восстановил в лике апостольском и поручил ему пасти Своих овец. По мнению старообрядцев, Амвросий был в ереси, в отпадении от правой веры, поэтому спрашивается: *в обществе старообрядцев-раскольников, приходящему от ереси Амвросию, кто поручил паству, по каким правилам и кто возвратил ему благодать?*

В ответ на вопрос Усов сказал: «Почтеннейшие слушатели! я желаю сказать пред вами, правильно ли мы приняли митрополита Амвросия от еретической Церкви? Но прежде чем ответить на этот вопрос, я уясню, кто такой был Амвросий. История говорит, что Амвросий был добрым пастырем (читает «Историю австрийского священства». Субботина, стр. 363–367). Одна боснийская летопись отзывается об Амвросии так: «этот владыка был святой человек, он много заботился о бедных. Он вовсе не был сребролюбив и радел только о том, чтобы народу было спокойно, чтобы народ не терпел неправды». Защищая народные интересы, Амвросий вошел в столкновение с турецкими правителями Боснии; по их настоянию, в 1840 году он был отозван из Сараева в Константинополь («Истор. Белокр.

иер». Субб. том 1, стр. 367). Видите, заключил чтение Усов, самый злейший враг старообрядчества, г. Субботин, и тот свидетельствует об Амвросии, что он возведен в сан митрополита законно, собором архиереев греческой Церкви, что он был святой человек, и что совершенно невинно, за одно покровительство бедному народу, лишен был, по происку турецких пашей, Босно-сараевской кафедры, но епископского сана однако не был лишен. В Константинополь к нему прибыли иноки Павел и Алимпий и стали убеждать его перейти к старообрядцам. Он опасался изменить вере, спрашивал бывшего при константинопольской Церкви дидаскала о нашей вере; тот ему сказал, что эта вера отличается от нашей только тем, что в сложении перстов во образование Св. Троицы меньшим перстом старообрядцы уменьшают ревность Св. Духа. Амвросий после того совсем было отказался от перехода в нашу веру, но наши иноки, при содействии сына его Георгия, убедили его в правоте нашей веры, и он согласился оставить греческую веру и перейти в старообрядческую. Итак, Амвросий был искренно верующий человек; он, по своему убеждению, пожелал быть в нашей вере и был принят по 8 правилу 1-го вселенского собора и по 69 правилу собора карфагенского. По силе этих правил совершенно не нужно никакого поручения пасти паству. Теперь я вас спрошу: на основании каких свято-соборных правил ваша Церковь признает наших епископов самозванцами? Докажите, где написано, что епископ, приходя от ереси в Церковь, лишается сана?

Миссионер. Ив. Григорьевич считает совершенно не нужным поручение епископу со стороны высшей церковной власти паствы, а потому говорит не о вручении Амвросию паствы, а о том, что Амвросий был человек хороший и получил сан архиерейства в греческой Церкви, что он добровольно, по убеждению иноков Павла и Алимпия, перешел в раскол и там принят по 8 правилу 1-го всел. собора и 69 карфагенского, в сущем сани. Отсюда собеседник делает вывод, что Амвросий не самозванец, принят был старообрядцами законно и священства не лишился. Собеседник даже считает невозможной мысль, чтобы Амвросий лишился священства, а потому и

требует от меня доказательства того, что Амвросий лишился священства. На вопрос собеседника отвечаю: из 68 правила св. апостол ясно, что еретическое поставление не приемлется. Это первое; далее, Амвросий, перейдя от греческой Церкви к обществу людей, которые греческими и русскими патриархами и епископами объявлены раскольниками за неповиновение Церкви (Москов. соб. 1667 г.), лишился права священнодействия. Со времени его перехода все его раскольнические действия стали незаконны и безблагодатны. Восьмое правило 1-го всел. собора не оправдывает, а обвиняет Амвросия. Оно читается: *«Еретицы глаголемии чистии, приходяще к соборной Церкви, первое да исповедают, яко повинуются церковным законом»*. Амвросий пришел к обществу раскольников, а не к соборной Церкви. Далее, Амвросий дал подписку вопреки правил поставить себе наместника (Прав. св. ап. 76 и анкирск. собора 23 пр.) *и этой подпиской выразил обязательство не повиноваться Церкви*. Наконец, правило говорит, что православный епископ *«да вдаст ему (бывшему еретическому епископу) негде в селе епископию»*, т. е. поручит овец, как Господь поручил Петру, а Амвросию никто не поручал; впрочем наш собеседник говорит, что этого делать совершенно и ненужно, а правило говорит: *«да вдаст ему негде епископию»*, значит – нужно, а этого и не сделано при чиноприеме Амвросия. Правило нарушено.

Усов. Миссионер прочитал 68 пр. св. апост., но отвечает ли он на мой вопрос? Нет, не отвечает. Это правило говорит об еретиках первого чина, от которых ничего не принимается, а они наше крещение принимают. Правило надо различать, а миссионеры, как и безпоповцы, мешают всё в одно. Посмотрим, что содержится в 68 правиле. В нём запрещается принимать крещение и хиротонию еретиков, а господствующая Церковь принимает от нас крещение. И что же вышло? а вышло то, что этим правилом миссионер осудил себя и всю свою Церковь. Если нашу Церковь миссионеры признают самозваной, то зачем принимают от нас крещение? Это – не по правилам. Далее, митр. Амвросий пришел к нам по убеждению в правоте нашей веры. Это свидетельствуется подписанным им условием, где

говорится, что я, митр. Амвросий... не по нужди и ни по какой страсти, но по чистой совести согласился с вышереченными депутатами (Павлом и Алимпием)... Заблагодизволил поступить в староверческую религию в сущем звании митрополита (Условие на стр. 137).

К тому же, почтенные слушатели, миссионер по собственному разумению толкует 8 пр. 1-го всел. соб. Ведь вы сами видите, что в этом правиле ни о каком поручительстве не говорится. Собор определил, чтобы в том месте, где нет православных епископов, присоединенные оставались в том же достоинстве, по возложении на них рук, а под возложением рук разумеется миропомазание. Вот и Симеон Солунский говорит об этом¹⁴⁸ (читает 11 гл. в рус. переводе). В древности миропомазание совершалось чрез возложение рук, а потом заменилось миропомазанием. Да и толкователь этого правила – Аристин – разумеет под возложением рук миропомазание. Что же касается того, кто может принимать от ереси, это – и миссионеру известно, что может принимать священник. Так говорится об этом и в Больш. потребнике.

Миссионер Н.И. Гр. сказал от себя, будто 68 прав. св. Апост. говорит только об еретиках первого чина; ни в правиле, ни в толковании на него этого не сказано. Я снова утверждаю, что это правило говорится о всех еретиках, ибо «ересь отделяет от Церкви всякого человека», как сказали отцы 7-го всел. собора (Деян. 7 всел. соб. Том. 7, стр. 93). А что касается речи 68-го пр. о неприятии крещения у еретиков, то на это приведем слова Иоанна Златоуста; по его учению, в сонмищах еретических «тайны ни единыя несть, разве крещения святого от них, еже тако есть достойно, яко крещаемого от них, егда приходит к соединению Церкви, паки крестити нетребе, аще ли не приидет к Церкви ничесоже, ему несть полезно». (Апост. толк. зач. 150; л. 548 на об.). Если даже крещение еретическое «нетребе» повторять, то понятно, почему мы не повторяем вашего крещения, как священного в обществе раскольников, ибо крещение «от раскольника приятно», по словам Василия В. (Корм. л. 225, гл. 21); крещение ваше довершаем только миропомазанием, ибо считаем несовершенно крещенными вами

крещенных. Из прочитанного же собеседником условия М.Амвросия только видно, что Амвросий «согласился с депутатами поступить в староверческую религию», но наш собеседник умалчал о другом условии, где означено даже, за какую цену он подрядился вступить в раскол «в сущем звании митрополита». Поэтому напрасно он так решительно утверждает, что Амвросий пришел к ним по убеждению в правоте их веры. Нет. Павел и Алимпий утверждают, что Амвросий перешел *«по просьбе их»* и при условии: *«неотлагательно, по присоединении к расколу, поставить в наместники и другого епископа и получать жалованье по 500 червонцев в год»*. Не будь этого условия, то есть, платы 500 червонцев, Амвросий и не подумал бы идти в раскол, сколько бы его не уговаривали иноки; он так и объясняет это австрийскому правительству. Он говорит: константинопольские патриархи «*чрез целых пять годов не показали ко мне никакого человеколюбия, но оставили меня только на малой пенсии при патриархии, еще далее в ожидании вакансии»*, и во 2-м пункте говорит: патриархи не обращали никакого внимания на меня или подобных мне страдальцев, которых в Царь-граде есть довольно, и как (я?), не имея никакой «силы, или средства, терпят и страдают до сих пор» («Матер. для ист. Белокр. иерархии». 1899 г., стр. 236 и 237).

Наш собеседник утверждает, что в 8 правиле ничего не говорится о каком-либо поручительстве. Неправда. 8-е правило говорит о двух предметах: в начале сказало о чинопRIAтии, а в конце о поручении паствы. Ясно сказано: *«аще убо будет в коем граде истинный епископ града того, будет же и от сих, глаголемых чистии, другой епископ поставлен, или презвитер, в своем сану да пребывает, но обаче поставленный от чистых епископ, или яко презвитер, да имать честь; или аще хочет града того епископ, да даст ему негде в селе епископию, несть бо мощно двема епископома быти во едином граде»* (Корм. л. 38). Очевидно, здесь идет речь о поручении епископу паствы и решается такой случай: что делать, если случится в одной епархии два епископа, и разрешается так: православный епископ

позаботится устроить к месту епископа из новатиан, как хочет: или оставит его с именем епископа, но не велит ему делать ничего епископского, или, если хочет, устроит его «негде» в селе епископом. Значит, епископ из новатиан, по правилу, не иначе может получить паству, как по поручению от православного епископа. Но как должны были получить паству обратившиеся от новатиан епископу в тех епископиях, где не было православного епископа? Не должны ли были они оставаться прямо епископами? Конечно, они оставались епископами, но опять-таки по поручению православного епископа, в подчинении которого находилась епископия. На такое подчинение указывают прав. 6 и 7 того же собора; 30 и 31 прав. св. апостол. Даже на тот случай, если бы свободный епископ занял свободную епископию, есть указание, как это должно сделать. Это указывается в 16 прав. Ант. собора. В православной Церкви постановление о вручении паствы соблюдалось всегда. Пример такого вручения паствы мы видим и в Русской Церкви. Даниил епископ Владимирский, поставленный митроп. Исидором, по отступлении его от православия, у св. Ионы просил прощения и принятия в общение, и митроп. Ионою дана была грамота, в которой было написано:... «по челобитью, и по исповеданию, и по покорению и благопокорению, еже к Богу и к Церкви Божией и к нашему смирению, Даниила епископа владимирскаго и берестийскаго, мы простихом его и благословихом, со всеми нашими детьми и с служебники, с архиепископом и епископы рускими нашия митрополия, елиции в сие время прилучишася при нас, и поволихом ему и слитургисати с нами, он же и слитургисаше с нами в святей службе. Таче жь и отпустихом его, с духовною любовию, в прежереченную святейшую епископью владимерьскую и на весь предел той епископии. И того ради должен есть боголюбивый епископ Даниил, о Святем Дусе сын и сослужебник нашего смирения, творити в той своей епископии вся святительская церковная оправдания, якоже то издавна пошло. Еще же благословихом его и повелехом ему, потружения его ради еже к нам пришествия его, и в нашу митрополию, с протропми (протопопами) наместников наших киевскаго и наугородскаго, в дьяконы поставляти и в попы

свершати, и то учинихом по его челобитию. И сего ради дана бысть ему грамота сия нашего смирения, во утверждение его, на Москве, месяца»... (Руск. Истор. Библиотека часть I. СПб. 1880 г., стат. 72; стран. 589–590). Из грамоты видно, что св. Иона вручил Даниилу *«епископию владимерскую и весь предел той епископы» «творити в той своей епископы вся святительная церковныя оправдания» «и в дьяконы поставляти и в попы свершати»...* *«И сего ради дана бысть ему грамота сия нашего смирения, во утверждение его».* В утверждении Амвросия ничего такого не было сделано, да наш собеседник говорит: этого и не нужно, а церковные правила этого требуют.

Потом наш собеседник словами Симеона Солунского и Аристина доказывал, что под руковоплощением, о котором говорится в 8 пр. 1 вс. соб; нужно разуметь миропомазание. Посмотрим. Что миропомазание прежде совершалось чрез руковоплощение, это – правда, но в 8 правиле не об этом говорится. Тот же Симеон Солунский, на которого ссылается собеседник, утверждает: *«новосекут же иже миром в хиротониих законно мажеми латини»* (Гл. 75, л. 107.), значит, по мысли бл. Симеона, миропомазание для утверждения хиротонии есть нововведение латинян; кроме того, в прочитанном нашим собеседником месте доказывается та мысль: *«несовершенно кто крещен, иже и мира не приемый, а потому будет нужда сим (миром) печататися всякому верному в крещении, да и божественнейшее крещение всяк крестивыйся совершенно имать в себе»* (Гл. 43, 73 лист на об.). Значит, миропомазанием только дополняется крещение, – вот что доказывает Сим. Солунский, а не то, что миропомазание употребляется вместо возложения рук. Говоря о благодатных дарованиях каждого таинства, он так рассуждает: *«убо благодать есть Троицы в нас и подается нам сия от Отца чрез Сына, воплотившагося в Святем Дусе, того ради и различно в нас тая действует и оваго убо совершает и возрождает чрез крещение, оваго же мажет и печатствует миром, оваго же иерея хиротонисует, и сего же разно... Тем же не Ипостась есть Духа в нас, но в Дусе (Духом) общая благодать Троицы, и разная действия того ради ниже иже*

крещение приемный. Абие бывает иерей, ниже иже диакон быв, и пресвитера приемлет силу. Ниже иже пресвитер хиротонисовая, и епископа приемлет благодать. Но кииждо еже прия, прия» (На латыни гл. 32; л. 60-й). Итак, каждое таинство подает особливую благодать: миропомазание печатствует, но не хиротонисует. Наш собеседник приводит толкование Аристина на 8-ое правило и этим хочет доказать, что вместо возложения рук нужно употреблять помазание. У Аристина в толковании действительно говорится о миропомазании, но его толкование не соответствует мысли, содержащейся в 8 правиле 1 всел. собора. В 8 правиле собор сделал постановление о новатианах – принимать их в сущем сани, и указал, как принимать и как их распределять. Аристин рассуждает о трех чиноприятиях, о чём на I-м вселенском соборе и речи не было. Определенное правило о 3-х чиноприемах было высказано Вас. Великим (1 пр.), 2 всел. соб. (7-е) и 6 всел. соб. (95), а до того времени существовали правила неопределенные. Св. Вас. Великий в 47 прав. говорит: енкратиты, саккофоры и апотактиты подлежат тому же суду, как и новатиане. *О последних издано правило, хотя и различное...* И в конце правила говорит: «Почему, если угодно сие, то надобно собраться большему числу епископов и таким образом изложить правило, чтобы и действующий был в безопасности, и отвечающий имел достоверность, когда дает ответ о чём либо-подобном». (Твор. Вас. Вел. часть 7. Второе канонич. посл. к Амфилохию; прав. 47, стр. 61). Аристин, живший гораздо позже первого вселенского собора, к правилу, высказанному неопределенно, сделал толкование, имея в виду определенные правила, которых еще не существовало во время 1-го всел. собора, а были установлены позже, а потому и вышло толкование не соответствующее правилу, а раскольники и стараются выполнять то, что не согласно с 8-м правилом.

В данном же случае – в 8 правиле – под возложением рук нужно понимать не миропомазание, а благословение, это свидетельствуется практикой Церкви того времени. Из правил лаодик. собора – 19 и карфагенского – 52, – видно, что на кающихся была возлагаема рука епископа, об этом возложении, примиряющем с Церковью, и говорят отцы 1-го вселенского

собора. Так понимать это правило дает повод и председатель 7-го всел. соб., патриарх Тарасий, который на вопрос о рукоположении, сказал: «слово *рукоположение* может быть здесь сказано просто о благословении, а не о хиротонии» (Деян. 7 всел. соб. т. 7, стр. 93). Есть, далее, канонический ответ на вопрос: «отчего признается твердым рукоположение еретиков»? В ответе сказано, что «погрешительное в рукоположении еретика исправляется возложением рук», – и здесь слова «возложение рук» употреблены в значении «благословения». Ответ сей приписывают патр. Геннадию, жившему в V веке (О правилах и чинопоследованиях принятия неправославных христиан в православную Церковь. Сергия еписк. вятского. Изд. 3-е, стр. 144).¹⁴⁹

Таким образом из обычая употреблять возложение рук для примирения с Церковью можно удостовериться, что под «возложением рук» в 8 прав. действительно разумеется возложение рук для сообщения благословения, а не миропомазание.

Усов. Миссионер обвиняет нас за то, что мы Амвросия приняли в сущем сане чрез миропомазание, а сами они католиков принимают также чрез миропомазание и в этом противоречат даже греческой Церкви, которая католиков считает еретиками первого чина и на соборе 1756 года решила принимать их чрез крещение (Пидалион), а никонианская Церковь крещение католиков признает. Что же касается до того, что миссионер читал из книги Сим. Солунского, на это я скажу только то, что Сим. Солун. нигде не говорит, что миро враждебно хиротонии. Он же говорит и о католиках, что у них при каждом посвящении помазуют миром. Неужели же у них, как думают миссионеры, смазывается хиротония? да и собор 1667 г. определил католиков принимать чрез миропомазание, и патр. антиохийский Макарий шесть униатских священников принял чрез миропомазание (Истор. митр. Макария т. XII; 175 стр.).

Миссионер говорит одно: кто поручил Амвросию паству? Опять отвечаю: никакого поручения не требуется, а требуется только присоединение, и епископы должны исправлять все епископские дела без всякого поручения; ведь, когда человек

примет христианскую веру, не требуется ему поручать делать христианские дела – поститься, молиться, – и без того он должен делать, так и епископ, а что без всякого поручения епископы могут исправлять епископские дела, я скажу вам, что в древности в городе пакацианской Фригии, Синаиде, был епископ Феодосий; он неослабно преследовал находящихся еретиков и изгонял их; в особенности много пострадал от него их епископ Агапит, бывший предстоятелем македонианского вероисповедания. Для исполнения наказаний еретиков Феодосию казалось мало власти областных начальников: юн отправился в Константинополь и просил окружных указов. Покуда он там был, Агапит, посоветовавшись со всем своим клиром и созвав подчиненный себе народ, убедил его принять веру в единосущие и, когда достиг этого, тотчас занял престол, на котором восседал Феодосий. Спустя немного времени возвращается Феодосий, но он не был принят народом и опять отправился в Константинополь оплакивать пред Аттиком своё несчастье. Атик, рассудив, что дело произошло с выгодой для Церкви, утешил Феодосия словами, а Агапиту написал, чтобы он управлял епископиею, не опасаясь ничего неприятного от огорчения Феодосиева (Сократ, кн. 7, гл. 3). Агапит без всякого поручения принят был клиром и народом и стал управлять Церковью. Кроме Агапита, скажу еще пример: Петр Монг в 480 г. похитил самовольно престол Александрийский и предавал анафеме Халкидонский собор; он так и оставался Александрийским епископом.

Миссионер ссылается на другое условие, заключенное М.Амвросием; но оно подложно. Известно, что подлинное условие Пафнутий в 1858 г. изорвал в клочки. Откуда, же оно взялось? – Это – подлог. А что Амвросию выдавалось 500 червонцев, в этом беды нет никакой; ваши архиереи получают от 12 до 50-ти тысяч; 500 червонцев на наши деньги 1500 р.; у вас миссионеры получают по 1200 р., по определению Казанского собора 1885 г.

Миссионер сослался на слова Тарасия, что он сказал о рукоположении; это сказал Тарасий условно, – может быть, о благословении, а может быть и иначе.

Миссион. Собеседник упрекает нашу Церковь за то, что она принимает католиков чрез миропомазание и винит за то, что она не последует греческой Церкви, которая с 1756 г. постановила католиков принимать чрез крещение. Наши порядки и непорядки для старообрядцев не оправдание, не о них речь, а потому и не следовало бы говорить о них. Однако, чтобы не остаться безответным скажу: разнообразие в чиноприеме еретиков не нарушает православия нашей и греческой Церкви. Это было и прежде: армян принимали в великих и соборных церквях чрез миропомазание, а в других церквях чрез крещение, и однако-же в Кормчей по коему предмету сказано: «мы же сия вся разсматривше, должны есмы обычаю последовати ныне держащему в митрополиях и патриархиях» (Кормч. гл. 70; л. 637).

Напрасно винит меня собеседник в глумлении над миропомазанием, что я, будто бы, утверждаю, что миро смазывает хиротонию. Этого я не говорю, а только упомянул, что это *католический обычай – при хиротонии мазать миром*. Это сказано в той же главе, которая начинается словами: «Да преемство присно пребывает благодати от Христа в нас, ниже миро без мира совершается, ниже хиротония, кроме мира: тем же и священство миром бывает» (Сим. Сол. гл. 75; лист 103 на об. и 104), и однако в этой же главе сказано: «новосекут же иже миром в хиротониях законно мажемии латини». Значит, Амвросий миром помазан по обычаю – латин, вот на что я указывал, а не говорю, что миро смазывает хиротонию; я утверждаю, что в правиле не показано мазать миром, и в православной Церкви такого обычая для восстановления действия хиротонии не существует.

Собеседник обвиняет наших епископов, что получают более Амвросия, винит и миссионеров, что они по 1200 рублей получают, но сам же сказал, что не знает того, сколько получает наш преосвященный, да и о миссионерах тоже не имеет верных сведений, и всё это неверное говорит в оправдание Амвросия. То, что получают наши епископы и миссионеры, – много ли, мало ли, – не оправдывает Амвросия, а что он получает, это его обвиняет, потому что он сначала подрядился, что работать и за

какую цену, а потом по указанию нанимателей и стал работать, как ему приказывали, не понимая ни речей, которые он произносил, написанных греческими буквами, – ни языка, на котором его заставляли служить. Чувствовал он, что скверное дело делает, и за то требовал аккуратно денежки, а если не успевали платить, грозил анафемой. Наши архиереи таких интересов не имеют, а потому и указанием на их жалование Амвросий – наемник не оправдывается.

Патриарх же Тарасий действительно сказал: «слово *рукоположение*, может быть, здесь сказано просто о благословении, а не о хиротонии», но не сказал «о чём другом», как говорит наш собеседник. Св. Тарасий сказал эти слова на соборе, может быть, потому, что некоторые понимали под «возложением рук» повторение хиротонии; патриарх Тарасий и говорит: «здесь сказано просто о благословении». Однако, сколько мы ни говорили, а вопрос о том, кто Амвросию вручил паству, остается нерешенным.

Прот. Н. Фиалковский
(Окончание следует).

Миссионерство, секты и раскол (хроника).

**Обтемперанский Вл. Грузинский епарх. миссионер.
Русское сектантство и противосектантская миссия в
Закавказском крае // Миссионерское обозрение 1901
г. № 11. С. 646–655**

Желая познакомить читателей «Миссионерского Обозрения» с положением русского сектантства и противосектантской миссии в Закавказском крае, мы должны сознаться, что в здешнем сектантском мире, совершенно еще не исследованном, существует много тайников для юной здесь миссии, а поэтому и наше первое обозрение не будет отличаться всестороннею полнотою.

Трудно с точностью определить, в каком году появились первые русские сектанты в Закавказском крае; но с несомненностью можно утверждать, что время появления их здесь восходит почти к началу истекшего 19-го столетия, т. е. к первым годам присоединения к России Грузии. Еще в 1817 году 24 ноября, по поводу отказа духоборцев средней России давать присягу и поступать в военную службу, комитетом Министров было уже постановлено: «духоборцев принимать в военную службу без принуждения к присяге, отсылая их в отдельный корпус войск, в Грузии находящийся».¹⁵⁰ Одновременно с изданием этого постановления, или даже ранее его, духоборцев стали высылать из России в Закавказский край за разные преступления целыми семьями и обществами, так что в 1821 году в Ахалцыхском округе, Тифлисской губернии, их насчитывалось уже до 2,300 душ. Начальник этого округа доносил о них министру внутренних дел следующее: «духоборцы в Ахалцыхском уезде поселены целыми массами вместе со старшинами их, которые, имея дар слова, сильный характер и большое влияние на умы единомышленников, стараются внушить им, что преследование за веру должно еще больше укреплять их в ней».¹⁵¹ Так или иначе, высылаемые из России духоборцы и были, надо полагать, первыми русскими сектантами в Закавказье.

С 30-х годов, кроме духоборцев, появляются здесь и другие сектанты, как-то: молокане, иудействующие и раскольники старообрядцы. Высочайшим указом, от 20-го октября 1830 года, Закавказские провинции назначались местом ссылки для особенно вредных русских сектантов: скопцов, молокан, духоборцев и иудействующих, «изобличенных в распространении своей ереси и привлечении к оной других, а также в соблазнах, буйстве и дерзостях против Церкви и духовенства православной веры».¹⁵² Вследствие издания этого закона, в Закавказье потянулись целыми сотнями – религиозные отщепенцы со всех сторон: из Тамбовской, Воронежской,

Екатеринославской, Харьковской и др. губерний, с тихого Дона и с берегов Волги... Первые селения, образованные русскими сектантами, появляются в Ленкоранском уезде, Бакинской губернии: в 1824 году раскольниками-старообрядцами образовано было здесь селение Вель, в 1834 году иудействующими – селение Привольное, в 1839–40-х годах молоканами – селение Пришиб и Николаевка и т. п. В тех же 30 годах впервые являются русско-сектантские селения в Шемахинском, Геокчайском, Елисаветпольском и др. уездах. С этого времени количество сектантов в Закавказском крае с каждым годом увеличивается всё более и более; особенно же нужно сказать это о 40-х годах, когда целыми партиями были переселяемы в Закавказье таврические духоборы, образовавшие в Тифлисской и Елисаветпольской губерниях, а потом и в Карсской области свои обширные селения.¹⁵³

В самом начале 50-х годов среди Закавказских молокан возникают новые толки, каковыми являются сектанты «общие» или «акинфиевцы» и «прыгуны» или «сионцы». Секта «общих» распространялась первоначально в Бакинской губернии и была занесена сюда ссыльными саратовскими выходцами из молокан, среди которых находился и сам основатель секты Михаил Акинфиев Попов, переведенный впоследствии отсюда в Сибирь. Прыгунство же, выродившееся из секты «общих», представляет из себя явление чисто местное. Основателем его был делижанский крестьянин Лукьян Петров, а главным организатором и самым знаменитым наставником – житель селения Никитина, Александропольского уезда, Максим Рудометкин, по прозванию «Комар». Отличаясь мистическим характером, секта прыгунов получила большую распространенность среди здешних молокан, чем секта «общих», коммунистические начала которой оказались мало применимыми на деле.¹⁵⁴

С конца 60-х годов среди русского населения Закавказского края появляются представители секты, именующей себя «баптизмом». Первым баптистом из русских был здесь тифлисский житель Никита Исаев Воронин, природный молоканин, совращенный и крещенный в баптизм в 1867 году

тифлисским колонистом из немцев Мартыном Кальвейтом, при содействии евангелика Делякова. Ворониным были соращены в баптизм другие тифлиские жители, среди которых особенного внимания заслуживает его приказчик В. Г. Павлов, получивший затем специальное образование в гамбургской миссионерской семинарии и бывший, по окончании в ней курса, наиболее выдающимся баптистским миссионером в России. Тифлисскими последователями Кальвейта из русских баптизм и был распространен по всему Закавказью, где он насчитывает в настоящее время не одну уже тысячу своих последователей.¹⁵⁵

Девяностые годы обогатили и без того уже обильный сектантством Закавказский край новыми лжеучениями. В 1891 году из города Ставрополя высланы были сюда, административным порядком, под надзор полиции пять семейств адвентистов, которые и были водворены в селении Герюсах, Елисаветпольской губернии. В том же году состоялось распоряжение Министерства Внутренних Дел о высылке из Харьковской губернии в Закавказье под надзор полиции на пять лет, по обвинению в противорелигиозной пропаганде, отставного подполковника, князя Д. А. Хилкова, – а в следующем 1892 году из той же губернии, за то же самое преступление и тем же порядком выслан был дворянин А. М. Бодянский. Как кн. Хилков, так и двор. Бодянский принадлежали к последователям толстовской секты. И если пропаганда Ставропольских адвентистов, за всё время пребывания их в ссылке, не имела большого успеха среди русского населения Елисаветпольской губернии, а ограничилась только тем, что, под влиянием её, несколько семейств Бозарчайских прыгунов, оставив обряд прыгания, стали праздновать, вместо воскресного дня, субботу, – то наоборот, толстовская пропаганда, которую вели князь Хилков, дворянин Бодянский и добровольно прибывшие из внутренних губерний Империи их единомышленники, встретила себе большое сочувствие среди Закавказских духоборов и закончилась, как известно, печальной духоборческой эпопеей и переселением до 8,000 душ духоборов в Америку.

Так постепенно заселялся и до сего времени продолжает заселяться русскими сектантами Закавказский край. Если ко всему доселе сказанному мы прибавим еще то, что, кроме перечисленных выше сектантов, в числе ссыльных встречаются здесь также пашковцы, хлысты, скопцы и иеговисты, то без преувеличения можно назвать Закавказье самым крупным во всей России очагом рационалистического и мистического сектантства.

Общее число всех сектантов, проживающих в настоящее время в Грузинском Экзархате, можно представить в следующем виде: в Тифлисской губернии сектантов проживает до 12,027 душ обоего пола, – из них 5,919 душ молокан, 5,482 души духоборцев, 400 – баптистов, 169 – иудействующих и 57 душ прыгунов; в Карсской области насчитывается сектантов около 11,336 душ, – в том числе молокан – 7,420 душ, прыгунов – 2,756 душ, духоборцев – 710, иудействующих – 258 и иеговистов – 192 души; в Эриванской губернии – 5,666 душ сектантов, – из которых 2,928 душ молокан, 1358 – прыгунов, 1,342 – иудействующих, 25 – баптистов и 13 душ иеговистов; в Елисаветпольской губернии – 7,179 душ сектантов, – в числе их 3,210 душ молокан, 1,492 души духоборцев, 1,317 – прыгунов, 719 – баптистов, 387 – субботников, 43 – старообрядца и 11 душ хлыстов, и, наконец, в Бакинской губернии – 19,300 душ, – из них молокан – 13,807 душ, иудействующих и субботников – 3,845 душ, баптистов – 1,150, прыгунов – 295, раскольников старообрядцев – 199 и скопцов 4 души. В остальных губерниях, входящих в состав грузинского экзархата, русских сектантов не имеется, за исключением немногих душ скопцов, проживающих в городе Кутаисе. Таким образом, всех русских сектантов насчитывается в Закавказском крае до 55,508 душ обоего пола, которые подразделяются по толкам следующим образом: молокан и вместе с ними общих – 33,283, духоборов – 7,684, прыгунов – 5,783, баптистов – 2,294, иудействующих и субботников – 6,002, иеговистов – 205, старообрядцев – 242, хлыстов – 11 и скопцов – 4 души. При этом нужно заметить, что указанное число сектантов не вполне еще соответствует действительности, и что на самом деле количество их в

означенных губерниях гораздо более, чем показано. Сведения о них заимствовались нами в канцеляриях уездных начальников, участков приставов, в сельских волостных правлениях, а иногда и прямо от самих жителей того или другого селения. Но те и другие показания, при местном «подымном» способе исчисления населения, не могут быть названы безусловно верными; тем более, что сами сектанты часто нарочно скрывали от нас своё действительное количество душ, а иногда и прямо выдавали себя, как, напр., хлысты и скопцы, за православных. Кроме того, в некоторых губерниях Закавказского края не мало проживает сектантов временно по паспортам, арендующих землю у помещиков или же занимающихся различными промыслами и ремеслами, – определить численность этих сектантов не представляется никакой возможности, а потому они совершенно и опущены нами, как временно проживающие.

* * *

Мы видели, что в Закавказском крае, служащем до сих пор еще местом ссылки для русских сектантов, как нигде, можно встретить последователей всевозможных сект и толков: молокан, баптистов, духоборцев, прыгунов, общих, иеговистов, хлыстов, адвентистов, раскольников-старообрядцев и изможденных скопцов; здесь же, наконец, целые селения русских крестьян из Тамбовской, Саратовской и Ставропольской губерний под именем сектантов субботников и иудействующих, совершенно не к лицу изображающих из себя жидов с прицепленными пейсами, на подобие колтунов. Насколько ложны, мрачны, безнравственны и зловредны религиозно-нравственные воззрения всех перечисленных сектантских толков – это хорошо известно всем и каждому, а потому, не касаясь сущности вероучения их, отметим некоторые общие особенности их религиозно-нравственного состояния, наблюдаемые нами в их жизни и резко бросающиеся в глаза всякому, даже постороннему зрителю.

Первое, что обращает на себя внимание в религиозной жизни русских сектантов здешнего края – это внутреннее затаенное сознание ими ложности своего положения, что томит и мучает их, заставляя перебегать из одной секты в другую. Не

смотря на все старания их заглушить в себе этот внутренний голос истины, скрыть его от других и замаскироваться своею мнимую праведностью, он часто до того овладевает измученной и истерзанной душой сектанта, что последний начинает блуждать по всем сектантским дебрям, отыскивая для себя душевного успокоения. Более других многочисленные молокане служат лучшим и наглядным подтверждением этого. Неустойчивое молоканство породило множество новых толков, каковы, например, секты: общих, прыгунов, субботников и др., из молокан также вышли первые баптисты в Закавказском крае, и на счет молоканства же баптизм возрос здесь в целую секту, насчитывающую не одну тысячу своих последователей. В каждом почти молоканском селении можно встретить представителей других сект, особенно баптизма, и все они были ранее в молоканстве, не удовлетворившись которым и пошли по иному пути заблуждений.

Горделивые на словах, своею религиозною твердостью баптисты не всегда также оказываются последовательными и верными своему лжеучению на деле. В городе Шуше среди ссыльных баптистов адвентистская пропаганда распространялась во всей своей силе, и если бы случайные обстоятельства не прекратили её здесь, то с уверенностью можно сказать, что все баптисты города Шуши перешли бы в адвентизм.

О религиозной шаткости прыгунов и субботников наглядно может свидетельствовать хотя бы следующий случай. В 1895 году шестнадцать семейств прыгунов селения Бозарчая, Зангезурского уезда, отделившись от общего числа своих односельчан, перешли в субботники. Пробыв в субботниках несколько лет, шесть семейств из них, не удовлетворившись новым учением, снова возвратились в свою старую веру.

Большую, по-видимому, сравнительно с другими сектантами, религиозною устойчивостью отличаются духоборы, случаи перехода которых в другие секты весьма редки. Но начавшиеся в 1886-м году среди них беспорядки ясно показали, что единение духоборов основывалось не на религиозных устоях их секты, а на искусной политике их заправил, хорошо

умевших держать в подчинении себе темную духовоборческую массу. И в самом деле, едва только прекратилась у духовоборов, со смертью Лукерьи Васильевны, священная династия Калмыковых, как большая половина их не замедлила подпасть под влияние толстовской пропаганды, оторвавшей и погубившей их навсегда для Русского Государства.

Не отличаются, наконец, религиозным постоянством и раскольники старообрядцы – эти мнимые ревнители древнего благочестия. Временно проживавшие в Ленкоранском уезде старообрядцы Вятской губернии высказывали желание за надел земли принять единоверие или же перейти в какую-либо другую веру. Ссылный в 1891-м году в селение Герюсы, Зангезурского уезда, старообрядец Андрей Горячев в следующем же году, будучи переведен в город Шушу, совратился в баптизм, пробыв в котором несколько лет, сделался ревностным сторонником адвентизма, а в настоящее время он не принадлежит, по его собственному признанию, ни к какой вере и секте.

Переходя из одного толка в другой, сектанты часто руководятся при этом не религиозными побуждениями, а случайными и ничтожными обстоятельствами. Один, напр., потому ушел из молокан в субботники, что там нельзя играть на гармонике и бриться. Другой, наоборот, потому перешел из субботников в молокане, что не захотел больше оставаться жидом. «Всё же я какой ни на есть, да русский, значит, – говорил он, – а они что? переверотни! обезьяны! и царь у них не нашенский, какой-то там жид, говорят, в Англии; ему, сказывают, старики и подати шлют». Третий потому перешел из духовоборов в старообрядцы, что уже дюже больно приглянулась ему дебелая девка старообрядка, и он посватал её за себя, бросив при этом свою духовборку с двумя детьми, прижитыми им ранее в прыгунах. Впрочем, нужно заметить, что, перебегая из одной веры в другую, сектанты очень редко останавливаются на православной Церкви.

Нельзя не отметить также в религиозной жизни закавказских сектантов и той свободы, какую противозаконно пользуются они при отправлении своих богослужебных обрядов и церемонии при распространении своего лжеучения среди других. В каждом

сектантском селении у последователей того или другого толка, будут ли то молокане, баптисты, духоборцы, прыгуны и др., имеются свои особые наставники и отдельные молитвенные дома, с тем лишь различием, что у одних из них существуют таковые дома с разрешения начальства, а у других без всякого на то разрешения. В селении Ново-Саратовке, Елисаветпольского уезда, находится, например, целых пять сектантских молитвенных домов, из них два – молоканские, один – баптистский, один – прыгунский и один субботнический. В селении Ново-Андреевке, Ленкоранского уезда, имеется четыре молитвенных дома, – молоканский, баптистский, прыгунский и сектантов общих и т. п. Разобраться в том, какие из сектантских молитвенных домов построены с разрешения начальства и какие самовольно, нет никакой возможности, так как от самих сектантов трудно бывает в данном случае добиться правды, а справляться и запрашивать о каждом молитвенном доме подлежащее гражданское ведомство представляется весьма неудобным.

Беспрепятственно открывая молитвенные дома и самовольно устраивая в них свои собрания, сектанты также свободно совершают здесь до сего времени свои религиозные церемонии с пением на улицах. Нам не раз приходилось наблюдать, как они торжественно проносили своих покойников по всему селению на кладбище, или же возвращались из своего молитвенного дома, распевая на улицах свои религиозные псалмы и песни. Ново-Ивановские прыгуны, Елисаветпольской губернии, в самый день нашего приезда к ним, во время праздника их пасхи, целой толпой ходили по селению, распевая свои духовные песни и предаваясь своему безумному обряду прыгания. И это всё проделывается сектантами даже в тех селениях, где проживают, хотя в небольшом количестве православные, для которых подобное обнаружение сектантской веры является весьма соблазнительным.

Но еще более вредною и соблазнительною для православных является сектантская пропаганда. Правда, такой открытой сектантской пропаганды, каковая велась ранее, напр., тифлисскою, бакинскою и ивановскою баптистскими общинами,

в настоящее время уже не существует; но более видные главари сектантства и до сего времени продолжают еще свободно разъезжать по Закавказью, укрепляя своих в лжеучении и совращая других. Прыгунский пророк Эриванской губернии посетил, напр., в прошлом году почти всех прыгунов Елисаветпольской и Бакинской губерний, которые всюду оказывали ему радушный прием и устраивали для его приезда усиленные молитвенные собрания. Ново-Ивановский баптистский наставник, Елисаветпольской губернии, ездил с миссионерскою целью в город Баку, где и держал речи на собраниях баптистов. Ссылный из города Ставрополя адвентист Михайлов, вместе с женою своею Антонидой, не раз приезжали из селения Герюсов к Бозарчайским прыгунам, среди которых и проповедовали своё лжеучение; под влиянием проповеди их шестнадцать семейств прыгунов в селении Бозарчая перешли в субботники и т. п. Словом, сектанты Закавказского края пользуются слишком большою религиозною свободою. Не могут сектанты Закавказского края похвалиться высотой и чистотою своею нравственностію. Наружное благочестие их и видимая праведность, о которых они так много любят говорить, далеко не проводятся ими в жизни. Любовь к ближним всеми сектантами понимается слишком превратно и односторонне, именно, – трактуется в смысле любви к своим братьям по вере. К православным-же они относятся с крайнею ненавистью и враждою, считая их двоими первыми врагами, стараясь всячески запятнать и опозорить их, а при случае и совершенно избавиться от проживания в одних с ними селениях. Духоборцы селения Славянки, когда поднят был вопрос о водворении к ним, вместо выбывших в Америку, новых переселенцев из православных, приложили все старания и меры к тому, чтобы освободиться от поселения к ним кого бы то ни было и, не успев в этом, охотнее согласились принять к себе баптистов из селения Ново-Троицкого, чем вновь прибывших из России православных. Голицынские православные переселенцы, не смотря на их кроткий, миролюбивый и простой нрав, сделались тотчас же, со дня прибытия в Елисаветпольскую губернию, ненавистными для всех

окружающих их сектантов, которые не замедлили оклеветать их в пьянстве, развратной жизни, неспособности к труду и т. п. Всюду и везде, где только приходилось встречать нам в сектантских селениях православных, они жаловались на притеснения, ругательство и издевательство над ними со стороны сектантов.

Та-же нелюбовь и та-же ненависть лежат в основе взаимных отношений сектантов и между собою. Дмитриевские молокане, Шемахинского уезда, в видах общественного умиротворения, ходатайствовали о переводе в другое селение проживавших вместе с ними субботников, служивших причиной общественных раздоров. И нужно заметить, что не только сектанты одного согласия не уживаются с последователями других толков, но часто представители одной и той-же секты враждуют друг с другом. Дробление молоканства на мелкие толки произошло, напр., большею частью вследствие ссоры их наставников: не поладит молоканский пресвитер со своими помощниками, и они отделяются от него с частью своих сторонников, образуя особое собрание, а иногда и целый толк. В селении Саратовке, Елисаветпольской губернии, все жители которого были ранее молоканами, в настоящее время насчитывается целых пять различных сектантских молитвенных домов. Взаимная вражда сектантов одного и того-же согласия доходит иногда до крайних пределов и принимает весьма опасный оборот, как это наглядно можно видеть из следующего примера. Трое духоборцев селения Славянки, именно – братья Стреляевы, поссорившись с духоборцем Василием Беловьяновым, схватили колья и избили его до смерти; после Беловьянова остались жена и пятеро детей.

Трактуя о любви только на словах, на деле же гордые и самолюбивые, Закавказские сектанты не чужды и других пороков. Пьянство, за которое сектанты порицают всех православных, поставляя его как бы в связь с самою их верою, сделалось у них явлением весьма частым и обычным. Субботники селения Привольного, Ленкоранского уезда, почти все поголовно являлись на наши беседы в нетрезвом виде. У духоборов селения Славянки и Горелого. Елисаветпольского

уезда, имеются свои открытые «духаны», так как на стороне доставать им водку очень надоело. Молокане же, прыгуны и другие, хотя еще и считают употребление спиртных напитков запрещенным для себя, но дома украдкой уничтожают этого зелья не менее других.

Что же касается сектантской честности, то нужно заметить, что хитрость и обман, в особенности по отношению к православным, у них за грех не почитаются, как дело прибыльное и притом на счет «дьявольского семени», как они называют православных.

Свобода половых отношений – явление обычное не только среди сектантов, возводящих разврат в догмат, но даже и среди более других строгих молокан.

Не перечисляя других пороков Закавказских сектантов, заметим кратко, что и в нравственной их жизни, как и в религиозной, прежней строгости не стало, в их среду со всех сторон стал проникать растлевающий дух времени.

Грузинский епарх. миссионер Вл. Обтемперанский

**В-оВ.А. Московский раскол // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 11. С. 655–659**

Картушин председательствует последний раз. – Его громы и молнии на лжепопов. – Новая моленная. – Падение Картушина и отъезд в Тулу. – Соборы раскольничьих архиереев в Нижнем. – Неудавшаяся попытка учредить патриаршество. – Собор в Москве. – Провозглашение Онисима Швецова архиепископом и протест Картушина.

Последние дни в жизни московских раскольников отмечены весьма выдающимися событиями: лжеархиепископа Иоанна Картушина нет уже более в Москве, чуть-чуть не учредилось патриаршество, словом, реформы великие, – но будем последовательны в своем повествовании и передадим всё по порядку.

8-го Июля, в день празднования иконе Божией Матери Казанской, состоялось заседание раскольничьих попов под председательством самого раскольничьего владыки Картушина. Именующийся архиепископом казак Иустин обратился к собравшимся попам с горячею речью об их корыстолюбии. Тема избитая и уже не раз обсуждавшаяся на подобных собраниях. Дело всё в том, что раскольничьи попы исправно совершают требы только тогда, когда знают, что им хорошо заплатят, а человеку бедному можно как-нибудь. Вот о том, что не подобает так поступать и толковал Иустин Картушин, но конечно заранее можно сказать, что хорошие слова его останутся гласом вопиющего в пустыне, ибо горбатого могила исправит.

Далее Картушин разгромил специально вызванных им на это собрание раскольничьих попов Исаака, из Преображенской моленной и попа из Латрыгинской моленной, первого за то, что, как узнал лжевладыка, Исаакий в пятницу скоромного покусал, а второго за то, что допустил венчание своей дочери после четырех часов по полудни, а не утром, как то принято у старообрядцев. Слезно умоляли разгневанного лжевладыку провинившиеся попы и только под клятвенным обещанием не

повторять своих промахов получили отпущение содеянных ими прегрешений.

Когда Картушин поуспокоился и пришел в себя, к нему приступила депутация от прихожан Каринкинской молельни из Большого Вокзального переулкa с местным попом Алексеем Новиковым во главе, который в своей речи к лжевладыке высказал следующее: старообрядческое общество прихожан Каринкинской молельни или – как выражался поп Алексей – Храма Покрова Пресвятой Богородицы, в виду тесноты этой молельни просит разрешения у архиепископа старообрядческого Иоанна выстроить новую двусветную каменную моленную на приобретенной для этой цели земле в Вокзальном переулке. Земля для постройки моленной приобретена за 17000 рублей на имя купчихи Тимашевой, купцов Баулина, Антонова, крестьянина Борисова и брата попа Новикова. Помещаться моленная будет во дворе, а на переднем фасаде по улице будет выстроен дом для причта. Лжеархиерей Картушин выслушал депутацию и благословил начать постройку. К слову сказать, просители предупредили Картушина и здание для новой моленной еще до его разрешения вывели под крышу, но удастся ли им освятить эту моленную неизвестно, хочется думать, что труды их будут напрасными, ибо циркулярное запрещение раскольникам возводить здания для моленных на подобие храмов – в Москве еще не забыто.

День 12 августа останется надолго памятным в истории Московского раскола – в этот день произошло падение кафедры раскольничьего архиепископа в Москве. Случилось это так. Утром в этот день Картушин совершил богослужение в Апухтинской моленной, а когда он возвратился к себе домой в Тупик его уже дожидался посланный из участка, куда донского казака Иустина Картушина требовали немедленно для объяснений. Струхнул лжевладыка, почуяв что-то недоброе, но делать нечего, в участок отправляться надо. В участке Картушину объявили, что по предписанию подлежащих властей он обязан немедленно, в этот же самый день оставить Москву и отправляться на жительство в город Тулу, где и пребывать

безвыездно. Понял Картупиин, что такое грозное предписание было результатом того, что он не исполнил взятой с него подписки не именоваться «архиепископом Московским» – и что покинуть матушку Москву белокаменную должен он неминуемо.

По отъезде Картушина купцы-раскольники немедленно собрались для обсуждения, как быть и что предпринять и уже на утро послали вслед за Иустином казаком в Тулу курьеров за распоряжениями.

Лишь только разнеслась по раскольничьему миру весть об удалении из Москвы Картушина, со всех концов России посыпались в Москву послания раскольничьих архиереев и между прочим от Анастасия Измаильского, который писал на Рогожское кладбище, что в виду падения архиепископии старообрядческой в Москве необходимо созвать собор древлеправославных архипастырей, дабы обсудить положение вещей и просить указать место, где бы лжеархиереи могли съехаться.

Посудили и порядили влиятельные раскольники и порешили, что самозванным архиереям в настоящее время съезжаться на собор в Москве неудобно, а сочли за лучшее указать, как на место для собора, на дом купца Сироткина на Нижнем Базаре, в Нижнем Новгороде, куда обыкновенно в нужные минуты спускаются старообрядческие архиереи, чтоб под шумок решать свои противозаконные дела и делишки. Днем съезда было назначено 26 августа, а затем соборные заседания происходили здесь еще 27 и 29 августа. В числе прибывших на собор раскольничьих лжеархиереев находились известный Онисим Васильевич Швецов, именующий себя епископом Уральским и временным Нижегородским, Анастасий Измаильский, Иринарх Ярославский, выехавший из Ярославля на жительство в Нижний Новгород и многие другие. Председательствовал на соборе Онисим Васильевич. От изгнанного Картушина, в качестве депутата и представителя ех-архиепископа, был прислан его брат, поп Михайло Картушин, давно уже состоявший при своём влиятельном в раскольничьем мире брате в качестве духовного следователя.

Как известно, в некоторых газетах промелькнуло известие о том, что старообрядцы на своем съезде в Нижнем Новгороде постановили ходатайствовать об открытии школ и преподавания Закона Божия, – но это была уловка старообрядцев, съезд был созван совсем не с

этими целями, да и не съезд то был, а прямо-таки противозаконный собор, а чтобы прикрыть его деяния они и сообщили указанные сведения.

Не смотря на всю важность обсуждения положения дела московского старообрядческого архиепископа, тем не менее опять-таки, для отвода глаз, съезд сперва занялся делом учреждения противоправославных братств с целью пропаганды раскола; между прочим, на обязанность братьев возложено печатание раскольничьих подпольных изданий, для цензуры которых был избран особый комитет в составе купца Сироткина, монаха Феодорита из Безводного и некоего Липина.

Самым бурным вышло соборное заседание 29 Августа, бурным до того, что некоторые из старообрядцев сами хотели прибегнуть к помощи полиции. Дело заключалось в следующем: председательствовавший на соборе Онисим Васильевич сказал речь, в которой, между прочим, упомянул о недостаточности нравственного ценза в старообрядческом духовенстве, объяснение чему видел в том обстоятельстве, что еще бывшим московским лжеархиереем Савватием ставились люди, имевшие протекцию, а нужно ставить людей более достойных. В связи с этим Анастасий Измаильский предлагал выбрать наиболее достойного из всей раскольничьей иерархии, которому предоставить права патриарха. Мысль эта понравилась собору и выбор пал на Арсения Уральского, которому и предложили занять место «патриарха Всероссийского»... Донельзя польщенный Онисим Васильевич ради приличия стал было отказываться от столь высокой чести, говоря, что он недостойн, но поддаваясь усиленным просьбам всего собора начал было уже соглашаться, как вдруг вскочил со своего места поп Михайло Картушин и в самую торжественную минуту объявил, что если назначение Онисима Васильевича патриархом состоится, то он, Картушин, стулом разобьет окно, закричит

караул и откроет глаза полиции, что за заседания здесь происходят. «Забыли вы что ли циркуляр министра-то»! – кричал в азарте поп Михайло, негодуя, что его брат не будет более первым лицом в раскольничьем духовенстве и, не окончив своей речи, схватил шапку и убежал прямо на вокзал, сел на поезд и укатил в Москву, а затем в Тулу.

Тем не менее его горячая речь имела своё действие, – столь поспешно провозглашать патриарха собор раскольничьих архиереев поостерегся и решил дело это еще раз обсудить в Москве, куда в тот же день с этой целью и выехали из Нижнего Новгорода раскольничьи архиереи. По прибытии в Москву двое из них, Антоний и Иосаф, остановились в доме Рахмановой у Яузского моста, Анастасий Измаильский у Ныrkовых в Шелапутинском переулке, где 2 сентября служил обедню и произносил речь, а трое из лжеархиереев остановились в доме П. И. Миловановой за Семеновской заставой. Здесь 30-же августа состоялось снова заседание собора всех прибывших в Москву лжеархиереев и было постановлено командировать в Тулу к изгнанному раскольничьему лжеархиепископу Картушину лжепопа Димитрия Смирнова из Гжатского уезда и секретаря раскольничьего братства св. Креста М. И. Бриллиантова, которые повезли Картушину от собора письменное предложение признать Онисима Васильевича Швецова патриархом Всероссийским. Картушин такую бумагу подписать наотрез отказался и тогда, по возвращении М. И. Бриллиантова и попа Смирнова, снова состоялось заседание собора. Думали, гадали как быть и порешили предложить Иустину Картушину именоваться архиепископом Владимирским, что для него будет даже в некотором смысле повышением, так как кафедра Владимирская считается более древнею, а Онисима Васильевича – провозгласить архиепископом Московским.

Однако, Картушин и на такую комбинацию не согласился и объявил, что он хотя и терпит гонение от никониан и в Москве теперь жить не может, но всё же останется архиепископом Московским до самой смерти своей.

Такое его непреклонное решение и доложили возвратившиеся в Москву Бриллиантов и Смирнов. Тогда 2

сентября на Рогожском кладбище снова был созван собор, который и постановил признать Арсения (Онисима Васильевича) архиепископом Нижегородским и ему фактически предоставить все дела, которые до сих пор вершились лжеархиепископом Московским.

Весь собор приносил нововозведенному архиепископу поздравления, а он со своей стороны произнес речь, в которой благодарил за оказанную ему честь и доверие и обещал все силы свои употребить на пользу дела, которое возложил на него собор.

Так свершилась перемена в высших сферах раскольничьей лжеиерархии, которая должна наводить на многие размышления.

Алексей В-ов

Е. Е-в. Из жизни инославия и из мира заграничного сектантства // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 660–665

Вселенский методистский собор. Салютистские учреждения. Переход двух тысяч католиков в протестантство. Пропаганда наыворот. Новая секта в Англии.

Четвёртого минувшего сентября в Лондоне было первое заседание третьего собора методистской церкви. Первый собор происходил в 1881 г. также в Лондоне, второй в Вашингтоне десять лет тому назад. Собрание заключало в себе представителей от всех методистских церквей на земном шаре, представляющих в совокупности свыше 80.000.000 душ. Представители церквей распределились на два отделения – западное и восточное. Западное отделение заключало в себе 300 представителей, восточное 200. Западное составилось из различных ветвей методизма в Соединенных Штатах и Канаде; восточное – из представителей церквей Великобритании и стран, находящихся в прямом отношении с ней, включая сюда Европу, Африку, Австралию, Новую Зеландию и Полинезию. В соборе, т. обр., представлены сотни методистских конференций, принадлежащих почти к 20 отдельным методистским толкам.

Все 500 соборных методистских джентльменов распределяются так: методистов веслеян 86, ирландских методистов 10, новой отрасли методизма 10, первобытных методистов 34, библейско-христианских 10, членов соединенных методистских свободных церквей 20, веслеянской реформатской унии 3, независимых методистов 3, французских методистов 2, западно-индейских 6, членов австралийской методистской церкви 12, южноафриканской методистской церкви 10. Все эти лица образовали восточное отделение. Западное же составилось из 129 представителей методистской епископальной церкви, 70 м. епископального, 38 представителей канадской м. церкви, 18 африканской (т. е. негрской) м. епископальной церкви, 15 – африканской м. епископальной сионской церкви, 9 – цветной м. епископ. церкви,

9 – м. протестантской церкви, 1 – африк. соедин. м. протест. церкви, 3 – союзной америк. м. епископ. церкви, 1 – соединенной евангелической церкви, 1 – первобытной м. церкви, 1 – свободной м. церкви.

Не смотря на всевозможные прибавления и видоизменения, первоначальное название осталось всюду. Почти трогательно видеть, с каким упорством все эти отделения церкви стремятся сохранить имя, данное сначала в насмешку. Происходит это благодаря тому замечательному факту, что в доктрине этих различных церквей нет решительно никакого различия. В доктринальном отношении методизм не знает раскола. Объясняется это, само собой, весьма различным образом. Некоторые полагают, что учение методизма настолько совершенно, что не допускает улучшений. Но есть другое объяснение, которое выяснилось на последнем вселенском соборе этих церквей. Один из ораторов выразил мнение, которое одному из консервативных епископов показалось ошибочным. Этот епископ встал и при первой же возможности объяснил, что Джон Весли (основатель методизма) оставил «выход». В методистской церкви для священника, переставшего верить в её учение, дверь для выхода всегда готова. «Эта дверь», многозначительно прибавил епископ, – «открыта и теперь».

То, что сказал епископ, совершенно верно. Для методистского священника невозможно исповедовать доктрину, противную однажды признанной церкви, не нарушая своих священнических обетов. Священник рукополагается не раньше, как по обещанию, что в случае изменения своих учительных взглядов он немедленно оставит церковь. Методистская церковь снабжает другие толки значительным числом священников, но за то раскола в учительном содержании он никогда не знал.

В таком случае, почему же явились эти различные (свыше 20) методистские церкви? Все эти церкви, если ответить кратко, произошли благодаря разногласиям по вопросам церковной администрации. Сущность духовной пищи всегда оставалась одна и та же. Различны только были мнения, как её готовить

и подавать. Некоторые священники и миряне время от времени помогали большей свободы, нежели давала церковь, к которой они принадлежали, и они отделялись, чтобы получить эту свободу. Мало-помалу материнская церковь признавала те изменения в методах, которых помогали реформаторы. Но отделившаяся церковь становилась тем временем сильной и процветающей и уже не желала возвращаться в свой отчий дом. В результате получались почти совершенно тождественные церкви, с различными наименованиями и отдельным управлением.

Становится яснее с каждым годом, что многие из этих перегородок должны пасть. Существует сильное течение к объединению. В Канаде, например, почти одна церковь. Австралия следует примеру Канады. В трех из её 6 штатов уния почти уже осуществилась, а полная уния последует в наступающем году. По мнению оптимистов, методистские церкви Великобритании объединятся в ближайшем будущем.

Однако вопрос о методистской унии на соборе не только не обсуждался, но и не был поставлен. С другой стороны, все эти обособленные церкви находятся между собой в таких дружелюбных отношениях, что для них оказалось возможным образовать общее совещание. Единство этих церквей, т. о., в известной мере существует.

Собор этот не имел ни законодательных, ни административных функций. Он не мог уволить того или другого проповедника или сказать: делай то и то, или не делай того и того. Его определения имели характер пожеланий: «так кажется хорошо нам и Св. Духу» – и только.

Программа вопросов, подлежавших обсуждению собора, на первый взгляд кажется широкой и полной. Обсуждалось положение методизма, его влияние в деле установления международного мира, его отношения к новейшим евангелическим движениям и к вопросу о христианском единстве, его литературы, его общества юношей, вопросы о его духовной жизненности, его миссиях, денежных средствах, образовании; о секуляризме, неверии, индифферентности, апатии, протестантских принципах, сацердотализме и проч.

Но в этой программе нет таких важнейших в практическом и учительном отношении вопросов, – как, например, об отношении методизма в войне и к рабочему вопросу. Собор не решился поставить этих вопросов *прямо*, затрагивая их лишь косвенно. Так, вместо прямого вопроса об отношении методизма к войне поставлен вопрос о влиянии его на установление международного мира.

Это говорит далеко не в пользу нравственного мужества. 500 духовных и светских джентльменов, образующих вселенский собор, и даже некоторые члены самой методистской церкви скорбят при виде такой уклончивости своих вождей.

«Методистский священник», из статьи которого, напечатанной в Review of Reviews, мы заимствуем приводимые здесь сведения об этом соборе, заключает своё сообщение так:

«Невольно вспоминаешь последний памятный всем Вселенский Римско-католический собор, подтвердивший учение о папской непогрешимости. На нём участвовало 800 церковных чинов, в том числе 6 князей-архиепископов, 40 кардиналов и 680 архиепископов и епископов, при чём доктрина о папской непогрешимости получила 440 placet (согласий), 88 non-placet (несогласий) и 60 placet juxta modum (условных согласий). Совещание в Лондоне не отличалось таким блеском и помпой и не имело соответственной власти. Оно не покушалось давать определений какой-либо доктрине, новой или старой. Оно не было властно кого-нибудь приневолить к какому-нибудь новшеству. Тем не менее, методизм принадлежит к числу сплотненных, а потому могучих религиозных сил, работающих над изысканием способов сделать свою силу еще более деятельной, в смысле влияния и пропаганды не одних только нравственных христианских начал, но и своих сектантских воззрений, а потому собор этот не может не остановить на себе внимания представителей других церквей.

* * *

Некто Жорж Даниэль, бывший короткое время солдатом армии спасения, дает в le Progres краткое описание благотворительно-гуманитарных учреждений Армии.

Армия располагает 7.259 центрами проповеди, 14,700 офицерами, т. е. миссионерами, проповедующими евангелие на 30 различных языках в 47 странах; 50.000 унтер-офицеров; собирает в течение года 2.000.000 собраний, на которых присутствует 200.000.000 слушателей.

Надо заметить, что эти поразительные цифры точны и вполне соответствуют действительности.

Армия учредила и содержит:

11 убежищ для освобожденных арестантов, 91 дом для поддержания женщин, бросивших порочную жизнь, 158 ночлежных домов и народных кухонь, 37 даровых контор для найма, 60 рабочих мастерских, 11 земледельческих поселений, 17 сиротских домов, 39 больниц, лечебниц и т. п., 121 пост для временной помощи.

Всего же 545 учреждений, на фронте которых красуется надпись: «Нет более необходимости ни для кого голодать, нищенствовать, воровать или убивать себя; кто хочет работать, пусть обратится сюда».

«Общественный план» Армии соответствует усилиям, делаемым для евангелизации народных масс. Салютисты считают, что человеку, не имеющему работы и надежды на неё, не достаточно одних лишь утешений, предлагаемых религией, – нужно еще дать ему возможность зарабатывать себе свой хлеб.

Каждый вечер учреждения Армии дают временный приют свыше, чем 10.000 человек, мужчин и женщин; они находят кров и постель за 10 сантимов (около 4 к.) и отдельную комнатку за 60 сантимов (23 к.). Если кто не располагает и этой скромной суммой, тот может заработать её на утро после ночлега в мастерских Армии.

Дешевые кухни, учрежденные в бедных кварталах, дают обеды, цена которых изменяется от 5 до 40 сантимов (2–15 коп). При этом кушанья готовятся из свежих припасов и вкусно.

В истекшем году было изготовлено 2.542.897 обедов, и хотя эти дешевые кухни имеют целью доставить хоть временное облегчение, однако во время зимних холодов и рабочих кризисов они становятся жизненной необходимостью для многих семей.

В мастерских Армии, доставляющих помощь работой, еженедельно бывает занято 25.000 человек самыми разнообразными ремеслами и мастерствами: слесарным, столярным, мешочным, мебельным, матрацным, малярным, кузнечным, механическим, жестяным, тележным, пекарным, – рассылкой циркуляров, печатанием реклам и т. д.

В Лондоне 400 человек в течение одного года собрали свыше 300.000 пудов бумаги и тряпья и разобрали всю эту массу на 62 различных категории.

Около 1.000 кубич. сажен дерев было обработано и переделано в доски, ставни, двери и т. д.

Спичечная фабрика, устроенная так, что работа на ней совершенно безвредна для работающих на ней, произвела 6.000.000 коробок спичек.

Пекарни выпекли 4.000.000 фунтовых хлебов, другие отделения выпустили 6.600 пудов мяса, 15.000 пудов картофеля, 1.000.000 литров (литр – 1½ бут.) супа, 3.500 пудов варенья, 400 пуд. чаю.

Достойны всякого внимания и прочие учреждения Армии, вроде, например, посещения и дарового ухода за больными, даровых контор труда, домов для отдыха выздоравливающих, больниц и родильных приютов. Всё это вместе составляет огромный итог добрых дел.

В заключение стоит привести два отзыва о гуманитарной деятельности Армии.

В одной из своих речей «великий старец» Гладстон сказал: «Громко утверждаю, что в этой стране (дело идет об Англии) нет другого общества, которое, в вопросах благотворения и оказания поддержки падшим, сделало бы столько полезного, сколько Армия Спасения».

На всемирной парижской выставке 1900 года Армия Спасения получила золотую медаль «за учреждения для умственного и нравственного развития рабочих классов».

Деятельность Армии Спасения, если, конечно, отбросить её сектантское грубое богословствование, заслуживает всякого внимания всех, отдающих свой труд делу помощи страждущему человечеству.

* * *

В Турне, в Богемии, в сентябре месяце, перешло в протестантизм в один день 47 человек. В течение 18 месяцев в этом городке, состоящем из 3.000 душ, 1.114 присоединилось к евангелической церкви.

В Ауссиге, недалеко от Турна, во вторую треть текущего года перешло в протестантство 140 человек. К 21 июля этого года число лиц, перешедших в этом городке из римской церкви в евангелическую, доходило до 1.000. В числе обращенных находится, между прочим, племянник епископа Маршала.

Эти факты вновь подтверждает ранее высказанное нами наблюдение, что римская церковь, усиленно приобретая себе приверженцев *in partibus infidelium*, теряет их в странах исконного католического просвещения.

* * *

После включения Бирмании в состав англо-индийской империи, миссионеры всех сект Европы и Америки устремились в эту страну, жители которой исповедуют буддизм в столь же чистом виде, как в Сиаме и Цейлоне. Туда же явились три буддиста из Америки с целью удержать своих азиатских единоверцев от принятия христианства. Никогда еще, кажется, не бывало ничего подобного. Standart (в Чикаго) приводит выдержки из брошюр, распространяемых миссионерами этого небывалого сорта. «Неужели вы обратитесь в христианство, – говорится в одной из них, – как раз в тот момент, когда его не хотят более в самой Европе? И кроме того, какое же христианство вы выберете? К вам явились представители трех дюжин сект, пожирающих одна другую».

* * *

В конце сентября месяца в Лондоне разбиралось замечательное дело.

Пара американских проповедников, супруги Горас, несколько времени тому назад поселились в одном из домов в Чаринг-Кроссе. «Супруг – говорит New York Herald – выдает себя за основателя нового религиозного ордена «Теократическое Единство» и вдохновителя тайного общества «Лига чистоты». Жена помогает своему супругу в пропаганде нового учения о

единстве и чистоте. Супруги вербовали в последователи нового толка преимущественно молодых девушек, прибегая для этого к брачным объявлениям в газетах, при чем бедные овечки проникались убеждением, что супруги Горасы одарены божественною благодатью. Чтобы быть допущенным в орден Единства и «Лигу чистоты» неопитки должны были отдавать проповедникам не только все свои деньги и драгоценности, но еще и то, что для девушек составляет капитал. Две из девиц показали перед судом о подробностях, взятых как бы прямо из какого-нибудь хлыстовского процесса. Во время «инициации» жена «теократа» усмиряла в супружеской комнате упрямых адептов. Одна из них показала, что г. Горас в самый момент совращения приказывал ей читать молитвы...

Е. Е-в

Библиография

В. К-в. [Рец. на] Прот. И. Ил. Соловьев. Послание Св. Синода о графе Льве Толстом (опыт разъяснения его смысла и значения по поводу толков о нём в образованном обществе). 2-е дополн. изд. Москва. 1891 г. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 666–668

Небольшая по объему, беспристрастно правдивая и разносторонняя по содержанию брошюрка почтенного автора раскрывает перед читателем возможно полно истинный смысл и руководящую идею Синодального послания, как акта справедливости и любви к отпавшему от церковного единения графу Л. Толстому.

Послание Св. Синода, явившееся результатом печальной необходимости, вызванной самим графом, как известно, возбуждало отчасти недоумение, а отчасти негодование в светском обществе, так что среди именующих себя православными христианами оказалось не мало таких, для которых идея и права Церкви Христовой оказались совершенно неизвестными.

Мысль христианина должна останавливаться едва-ли не с большим сожалением перед этим явлением, чем перед самым фактом отлучения графа.

Поэтому книжка о. И. Ил. Соловьева, как отповедь апологета идеи православной церковности на обвинения, предъявленные представителям Церкви судьями непризванными и жалкими в своей духовной слепоте, заслуживает широкого распространения среди блзнящихся отпадением от общества спасаемых «великого писателя земли русской».

Пункты, по которым автор располагает свой «опыт разъяснения», намечены им в таком виде и последовательности: «Сочувственное отношение к графу и недовольство Синодальным актом некоторых из верных чад православной Церкви.

Раскрытие неосновательности и несправедливости рассуждений их о нецелесообразности акта по отношению к положению Церкви и незаслуженности и жестокости по отношению к графу. Краткий анализ Ев. Иоанна 6-й главы, в опровержение первого рассуждения. Выяснение неправильного понимания учения о христианской свободе и несовместимости разноречия с единством Церкви. Основной догмат веры православной Церкви.

Несогласные с ним лжеучения графа по посланию Св. Синода и краткому очерку литературно-публицистической деятельности графа. Указание критических разборов её и отношения к ним графа для определения законности его отлучения. Отсутствие жестокости в лишении христианского погребения отлученного от Церкви. Церковное анафематствование и страшное значение его для противляющихся ему. Выяснение пагубного действия способствующих этому противлению отлученного отношений к нему.

Выяснение значения отлучения не как суда карательного, а как меры исправительной, по посланиям ап. Павла (1 и 2 Кор. и 3 гл. 2 Сол.), по историческим фактам и «Последованию в неделю православия». Сопоставление этого последования с римско-католической формулой отлучения. Значение послания Св. Синода о графе Толстом, как церковного свидетельства об отлучении его. Заключительные выводы по отношению к верным чадам православной Церкви. *Pia desideria*».

Приводя согласно программе и основательно исчерпывая все доводы, по которым Толстой не должен более считаться истинным членом Церкви (Св. Писание, Каноны церковные и упорное отрицание их отлученным), автор останавливается, между прочим, и на том простом и ясном соображении, что Церковь, как и всякое общество с определенными уставами, имеет несомненное право требовать исполнения этих уставов от желающих считаться её действительными членами. Здесь обычно ставится вопрос о свободе. Но далеко не всякое восстание против какого-то бы ни было устава есть проявление любезной сердцу человеческому свободы: в данном случае это

своеволие и произвол тем более преступны, что отрицают самое основание устава. Если же истинная свобода согласуется с законами в обществах человеческих, то «посему иначе должно быть в Церкви Божией, как богоучрежденном обществе христиан?»... (стр. 10).

Переходя к отказу Церкви в совершении обряда христианского погребения над гр. Толстым, в случае его нераскаянности до смерти, автор доказывает, что обряд церковный, как и таинства, освящают и приносят свой духовный плод только по доброму желанию и вере в молитвы Церкви. Для графа обряд, кроме профанации его, будет не нужен уже просто потому, что по его мнению он не действителен.

Однако, отказывая отлученному в освященных обрядах и таинствах, Церковь не только не отказывается молиться за его спасение, но и нарочито усиленно, не смотря на упорное нежелание графа быть членом её, молится о его возвращении под свой кров, так как с этим возвращением вернется и несомненная действенность всех дальнейших молитв об отпавшем. Это должны иметь в виду и осуждающие церковную власть в одном из необходимых актов её жизнедеятельности. Их молитва для графа, как возможного члена Церкви, в настоящее время гораздо нужнее, чем пустое сожаление и необдуманное негодование, которое только способствует его озлоблению. Общий любовномолитвенный дух Церкви может оказаться сильнее злой воли отпавшего, способствуя не только смягчению его ожесточения, но и полному раскаянию. Такого заключительного *pium desiderium* автора; таковым оно должно быть и для каждого любящего и верного члена Церкви, скорбящего о заблудшем брате.

Эпически беспристрастный, а в известных частях полный глубокого сожаления и искренней любви тон «Разъяснения» делает все доводы его еще более убедительными.

Брошюра о. Соловьева по принесенной и приносимой ею пользе в острый период борьбы с общественными кривотолками, по поводу знаменательного акта Св. Синода от 22 февраля, должна занять, и по содержанию, и по значению

передовое место в современной противотолстовской апологетической литературе.

В. К-в

В. К. [Рец. на] Проф. А.А. Бронзов. «О христианской семье и связанных с нею вопросах». СПб. 1901 г. 56 стр. Ц. 20 к. «О любви к отечеству, по поводу взглядов гр. Льва Толстого». СПб. 1901 г. Ц. 20 // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 668–673

Автор задался целью осветить с христианской точки зрения смысл и значение семьи, как основной единицы общества, в которой воспитывается и зреет идеал всех грядущих отношений и союзов людских.

Библейское повествование дает нам отправную точку для определения этой единицы в союзе одного мужа и одной жены, скрепленном взаимной любовью супругов в нераздельное целое, в котором сглаживаются и исчезают границы власти и обязанностей каждой половины. Распадение освященного Творцом союза, выразившееся в виде деспотического эгоизма мужской половины и очень заметное даже и в избранном народе еврейском, снова скреплено заветом любви Христа. Этот повторенный завет должен остаться на вечное время единственной меркой союза мужа и жены: браки, основанные на других побуждениях, или уничтожающие весь смысл союза сожития полигамические и полиандрические – каковые *de facto* существуют даже и в христианских обществах – не должны иметь места, как преступления не только этические, но и социальные. Многоженство и многомужество, как результаты похоти, не только развращают брачующихся, не уничтожают плоды и цель брака, отнимая у нарождающегося поколения родителей, как естественных воспитателей, и руководителей, которые должны посвящать свои силы и способности прежде всего связанному с ними плотским родством потомству. Отрицание брака, как таинственного обязательства пред Церковью и обществом в видах эгоистических, приводит к тому же. Поэтому для каждого, имеющего возможность и права вступить в брак – последний обязателен, за очень немногими исключениями подвижничества или неспособности самой природы. Последняя как будто подчеркивает выводы разума и

благословение Божие соединяться именно *парами* почти равночисленным делением людей на мужчин и женщин.

Эстетическое чувство, играющее при заключении брака очень важную роль, должно отправляться от внутреннего к внешнему, а никак не наоборот. Необходимым условием брака, как «нравственно-доброе явление», приходится признать, кроме сродства душ, и приблизительное равенство общественного положения и возраста брачующихся. Результаты нарушения этих условий слишком плачевны и ясны, чтобы их перечислять.

Гражданский брак, не благословляемый Церковью, нося характер случайности, не только не гарантирует прочности союза, но исключает и всякое представление о супругах, как едином и нераздельном целом, не говоря уже о положении детей, рождающихся от такого брака.

Вопрос вдовства и повторных супружеств весьма ясно освещается церковным пониманием – первый, как испытание, второй – как снисхождение немощам плоти, к чему примыкает и необходимость воспитания осиротевших детей.

Переходя к модным в наше время «женской эмансипации» и «свободной любви», нужно заметить, что эти стремления покоятся на ложно обоснованных предположениях и забвении священных заветов и великих задач материнства: свободное сожитие делает женщину еще больше рабой случая и прихотей мужчины, а стремление во всём сравняться с сильной половиной рода человеческого разрушает в большинстве её личное счастье, мало улучшая и общественную жизнь. Против всестороннего практического образования женщины спорить нельзя, но оно должно находить приложение и сообразоваться с её деятельностью в семье. Крайность направления только уродует женщину, отвлекая от её естественного и великого назначения.

Рождение детей (под необходимым условием которого брак и может считаться союзом в собственном смысле семейным) сопровождается их воспитанием, каковое должно вестись в мудром сочетании начал строгости и не менее её действительной любви, так как лишь из этого сочетания

рождается и истинный родительский авторитет. При этом необходимо помнить, что педагогика обнимает не только «учение» в смысле приобретения теоретических познаний, но и воспитание (*disciplina*) воли, от того или иного развития которой зависит всё дальнейшее направление жизнедеятельности человека. Сообразно своей дисциплине семья награждает общество дурными или полезными членами. Переходом к общественному служению в широком и истинном значении этого слова является правильно поставленное отношение к родственникам и, так называемым, дружеским союзам и союзам гостеприимства. В этом случае особенно необходимо избегать низменно утилитарных целей, так как только при нравственно добром характере этих отношений осуществляется идеал единой общечеловеческой семьи...

Положения автора, покоящиеся на незыблемом основании Откровения и твердых принципах научной мысли, развиты с надлежащей подробностью, а живое и ясное изложение всей статьи вполне отвечает её первоначальной задаче «публичного чтения». Полезное, наводящее значение книжка может иметь и для миссии в полемике с сектантами-бракоборцами и либеральными проповедниками противосемейных начал жизни.

Предлагаемая вниманию публики вторая книжка, имея в виду разбор одного из заблуждений яснополянского лжеучителя, служит как бы непосредственным продолжением только что изложенного чтения того же автора о христианской семье.

Если семья, как основная единица государства, служит вместе с тем и его идеальным прототипом, то едва-ли какой здравомыслящей голове придет на ум опровергать, что единственным отношением каждого человека к своему государству может быть только отношение любви.

За непреложную истинность и законность патриотизма ручается не только наше нравственное сознание, но едва-ли еще не больше сама природа, вложившая в человека непреодолимое инстинктивное чувство привязанности к той местности и стране, где он родился и воспитывался.

Но к сожалению, в наши дни, отмеченные разрушением и переоценкой вечных идеалов, приходится проверять и

доказывать и подобные, слишком очевидные истины. В настоящем случае характер «переоценки» графа определяется придуманною им заповедью «о не противлении злу насилием», к которой он желает подогнать все житейские отношения.

Автор предлагаемой статьи на основании заграничных изданий Толстого формулирует отрицательное отношение последнего к вопросу о патриотизме в таком виде: 1) патриотизм – нечто *случайное* в человеке и отсюда – хуже эгоизма, как момента в человеке якобы прирожденного; 2) патриотизм – для нашего времени будто бы анахронизм; 3) он – зло, так как сопряжен с насилием, несовместим с миром и производит войны; отсюда 4) нам безусловно надлежит отказаться от него; 5) он не гармонирует даже с учениями Будды и Конфуция, а тем более 6) Христа, за Которым естественно должно нам – христианам – следовать.

Опровержение этих положений ведется автором в порядке их последовательности.

Странным является уже самое сравнение Толстым патриотизма и эгоизма, так как хуже последнего, как первоисточника всех бед и несчастий человека, едва-ли что может быть. Ложность предположения графа, что эгоизм имеет характер прирожденности, доказывается не только библейским повествованием о грехопадении первых людей, но и неудачными попытками модных теорий обосновать его «первичность» по сравнению с чувствами альтруистического характера, так что сопоставление эгоизма с истинной любовью к отечеству может быть смело вычеркнуто, как совершенно не идущее к делу.

Чувство патриотизма, как всеобщее и всегдашнее, не может быть уже по этому самому случайным, а за его естественность говорит, между прочим, и то, что все усилия поколебать в человеке это чувство (берем и Толстого) не достигают цели.

Отрицать патриотизм как «пережиток» на том основании, что он замечается у народов во времена их культурной дикости, а теперь является будто бы анахронизмом – значит опровергать только что высказанную самим графом догадку об искусственности любви к родине. Эта любовь – не анахронизм

потому, что она никогда не стареет и не уменьшается в своей интенсивности. Космополитизм циников, выросший на почве упадка политической жизни греческих городов и характерный в этом отношении, как крайность отчаяния, является гораздо большим анахронизмом в наше время, когда всякая попытка образовать былое «всемирное» римское господство вызывает взрыв патриотического негодования в других государствах. Здесь, конечно, не имеется в виду истинный христианский космополитизм, основанный не на неизбежности подчинения, а на свободном признании равенства людей по их человеческому достоинству.

Более основательной представляется на первый взгляд мысль, что патриотизм служит ближайшей причиной войн. Но в этом не трудно разобраться. Всё дело в правильном понимании патриотизма. Ведь и любовь вообще – может быть величайшим грехом, как направленная исключительно на себя – как эгоизм, но едва-ли нужно говорить, что христианство проповедует патриотизм основанный совершенно на ином понимании и складывается из нескольких мотивов и проявлений их во вне. На первом месте следует поставить патриотизм «оборонительный», который возникает из стремления сохранить святая-святых народной жизни, когда враг покушается на целостность религиозно-бытовой свободы родины. Если в этом случае не дать отпора – дерзость врага может обратиться в деспотизм и духовное порабощение.

Защищать попустительством такому злу едва-ли возможно. Наружный мир, который в лучшем случае может быть при таком отношении к дерзкому хищнику, только повторит пресловутый «рах Романа», державшийся на острие меча римского легионера. Развитие этого вида патриотического чувства в наши дни усиленного вооружения выразилось страхом Европейских государств вступить в международную войну и, следовательно, служит косвенным образом гарантией их мирных отношений. Эгоистическому стремлению одной нации к захвату насчет другой поставлена преграда. А если к этому прибавить, что патриотизм, постепенно одухотворяясь и захватывая большую и большую область, может привести и ко всеобщей солидарности

народов, то выражение – «вооруженный мир» уже не будет звучать насмешкой.

Направляя гром и молнии по адресу патриотизма «завоевательного», основанного на эгоистическом захвате чужой собственности, чему примером служит современная нам война Англии с Трансваалем, Толстой, что называется, ломится в незапертую дверь и повторяет азбучные истины, потому что какой же христианин может защищать патриотизм в таком его проявлении? Сами англичане, затеявшие этот разбой, стараются прикрыть его благовидными предложениями, но не смотря на это все христианские народы одинаково возмущены их поступками. С этим случаем нельзя лишь смешивать восстание одного народа на защиту другого притесняемого, христианский пример чего подала Россия в последнюю Турецкую войну. Выгода, которую получает такой народ от войны, равняется простой платой за труды. Насколько такое самовознаграждение согласно с законом бескорыстной любви – это к данному вопросу не имеет прямого отношения.

Спорить против патриотизма «удержательного», в смысле сохранения добытого упорным трудом или полученного добровольно, – тоже не приходится, так как время даровой работы на других от нас еще очень далеко и даже частная жизнь пока даёт тому слишком мало примеров. Только менее можно возражать против защиты и удержания под своей властью народов, отдавшихся в опеку добровольно (Россия – Грузия и Азиатские инородцы).

Патриотизм «восстановительный» имеет в виду возратить права, отнятые насильно, особенно если насильническое отношение к свободе и трудам покоренного народа сделалось обычным правом победителя. Героизм христиан первых веков едва ли может быть поставлен в пример, когда приходится рассуждать с точки зрения нравственной силы рядовых бойцов добродетели.

Если мы обратимся от Будды и Конфуция к более истинным и непогрешимым указаниям Библии, то увидим, что народ еврейский и его боговдохновенные пророки и бытописатели выступают перед нами с характером самого горячего

патриотизма: достаточно вспомнить хотя бы плач Иеремии и 136 псалом царя Давида. Вся земная жизнь и учение Богочеловека, не смотря на Его вечное и общечеловеческое значение имели ближайшей целью спасти и направить на путь истины родной Ему по плоти народ еврейский: Он проповедовал почти не выходя из пределов своей родины. Патриотизм Христа слишком ярко засвидетельствован, чтобы его нужно было искать и указывать в вечной повести Его земной жизни. И если граф Толстой желает отрицать патриотизм, как греховное чувство, – он должен уличить в противоречии Самого Искупителя, или заподозрить подлинность евангельского повествования, что впрочем Яснополянский мудрец не стыдится делать в видах утверждения придуманных им заповедей... Заканчивает автор известной характеристикой патриотизма, сделанной одним из видных противников Толстого на почве религиозной мысли.

Брошюрка почтенного профессора отличается теми же достоинствами, что и его чтение о семье: ясностью, доступностью и вместе разностороннею полнотой освещения. Все положения его отличаются доказательностью и разнообразием их аргументации.

Если же принять во внимание, что краткий пересмотр заблуждений Толстого в настоящее время более, чем когда-либо, необходим и уместен в видах разъяснения церковного к нему отношения, то предлагаемый очерк получает особенный интерес и цену в миссионерской полемике против лжеучения Толстовства.

В. К.

Н. Ш. [Рец. на] Протоиерей Г. С. Дебольский. Дни Богослужения Православной Кафолической Восточной Церкви, в 2-х т.; цена 3 руб. Издание 10-е. 1901 г. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 674

Хотя в последнее время мы не можем пожаловаться на недостаток литургических руководств, объясняющих установления различных богослужебных дней в православной Церкви всего годового круга; но настоящий почтенный труд автора, по обстоятельности, детальности и серьезности своего исследования, далеко оставляет все прочие позади и подобно «Пособию к изучению устава богослужения православной Церкви» протоиерея Никольского еще долгое время будет занимать одно из самых видных мест в нашей литургической науке. Предмет этого труда, – составляющий изъяснение всех праздников и дней богослужебных – церковных и гражданских, табельных и не табельных, преходящих и не преходящих, Господних, Богородичных и святых, – и содержание его достаточно известно многим, ищущим духовного назидания и просвещения.

Чтобы дать представление о характере и степени серьезности этого труда, лицам с ним не знакомым, укажем для примера на изъяснение праздника Рождества Христова. Сначала автор излагает событие Рождества Спасителя, на основании Евангелия, с приведением относящихся к этому событию пророчеств, поясняя непонятные места и слова мнениями св. отцов и учителей Церкви или выдержками из богослужебных песнопений; затем показывает древность и важность праздника, находя основания для его установления еще в постановлениях апостольских и приводя свидетельства о сем св. отцов, учителей Церкви и других богомудрых мужей, начиная со II века и до X непрерывно; далее весьма подробно излагает самое богослужение праздника и развивает ту мысль, что на ее богослужение православной Церкви, совершаемое ею с сентября до дня праздника, можно взирать, как на время ветх.

зав., в котором многие верно видели и ожидали Мессию, и доказывает эту мысль содержанием указанного богослужения; после сего раскрывает догматический и исторический смысл праздника; наконец, говорит о достойном поведении в этом празднике христиан в древнее и в наше время; и в заключение объясняет, что такое святки и как их надо проводить.

Ученым Комитетом Министерства Народ. Просв. труд автора одобрен для ученических библиотек средних и низших учебных заведений; Училищным Советом при Св. Синоде внесен в список книг для библиотек церковно-приходских школ.

Н. Ш.

**Миссионерский Вестник // Миссионерский вестник
1901 г. № 11. С. 675–689**

Распоряжение

Совет Братства Св. Дмитрия Ростовского вменил в обязанность сотрудникам и благочинническим миссионерам неопустительно вести миссионерские дневники-маршруты, в которых они должны вписывать свои миссионерские поездки, с указанием посещенных селений, количества верст и произведенных бесед (кратко). Дневники эти должны быть засвидетельствованы подписью священников, а за отсутствием их, кого-либо из членов причта или какого-либо должностного лица, – а чрез каждые три месяца надлежащим порядком (чрез Отделения или Епархиального миссионера) представляться в Совет Братства.

Отрадные вести

Из Тамбова сообщают нам отрадные вести об успехе миссионерского дела, которое за последние три года там положительно увидало свет. Местный преосвященный Георгий уделяет миссии редкое внимание. Не говоря уже о том, что во время разъездов по епархии он самым тщательным образом знакомится с делом миссии на месте, присутствует и участвует в публичных беседах с сектантами, как то было 17-го июня, он и самую миссию возвел на подобающее ей в епархии место. С ноября 1899 года епархиальная миссия, существовавшая в Тамбове уже 9 лет, впервые призвана к участию в местном Совете Братства, на правах полноправных членов последнего, а в текущем месяце октябре епархиальный миссионер назначен и в члены епархиального училищного совета.

Э. И.

Майноские единоверцы

Недавно в Москву прибыли единоверцы из селения Майнос, на берегу Мраморного моря, просить себе священника. Майноские единоверцы – это бывшие старообрядцы, которые с казаком Некрасовым переселились в селение Майнос еще до времен царствования императрицы Екатерины II. В 1879 году старообрядцы послали своих уполномоченных в Москву для исходатайствования у митрополита московского принятия их в общение с православной греко-российской Церковью по правилам единоверия, с подчинением их московскому митрополиту и власти всероссийского Св. Синода. Св. Синод, на рассмотрение которого было внесено означенное ходатайство московским митрополитом Макарием, по соглашению с патриархом константинопольским, изъявил согласие. Майносцы имеют деревянный храм, освященный архимандритом Павлом Прусским во время возвращения последнего из путешествия в Иерусалим. В праздники все единоверцы от мала до большого собираются в церковь на богослужение и поют общим хором, разделившись на два клира. Служба совершается строго по уставу, причем всенощная продолжается около пяти часов.

Церковь теперь пришла в ветхость, и у них уже заготовлен материал для возведения каменной церкви; для начатия работ стесняются в средствах.

Майносцы не смешиваются ни с турками, ни с греками; занимаются рыболовством, причем пятую часть улова, отдают султану, как подать.

Всего прибыло в Москву три лица, из которых двое уполномоченных, а третий кандидат во священника, Иван Игнатов (37 лет), избранный из своей среды на места умершего священника.

С разрешения Св. Синода и по благословению высокопреосвященного Владимира, митрополита московского, преосвященным Парфением, епископом можайским, Иван Игнатов возведен в сан священника.

Прибывшие майноские единовѣрцы хорошо говорят по-русски, пишут уставными (древними) буквами, так как, по их словам, скорописи некому их научить.

Православие в Персии

Православная миссия в Урмии устроила до 40 церквей, 60 школ и совершила присоединения в многих селах и деревнях. В православие перешли до 1700 Айсоров несториан в Тифлисе еще в 1898 году. Таким образом миссия начинает свою деятельность на почве распространения школьного образования среди Айсоров. Из последних многие обучаются в русских духовно-учебных заведениях, хотя не особенно охотно; по окончании, курса, возвращаются на родину, разыскивая службу в русских приходах. В виду этого, предполагается к существующим в Урмии начальным школам присоединить особое духовное училище с богословским курсом, в котором бы обучались будущие пастыри и учителя для новой православной миссии. Это тем легче осуществить, что Святейший Синод увеличил субсидию на нужды Урмийской миссии, являющейся влиятельным фактором русских тенденций.

Изуверство раскольников

Много, писалось об изуверстве и нетерпимости раскольников, но оно не прекращается и поднесь. Особенно достается православным молодухам раскольниковых семейств. Вот что пришлось переиспытать одной из таковых, по её рассказу приходскому священнику. В 1899 году она была повенчана с новообращенным из раскольников беглопоповщинского толка Захаром Артемьевым. Муж первые месяцы посещал аккуратно православный храм и жил с женою хорошо. Но он скоро захворал. Его болезнью воспользовались отец и мать его, раскольники, и стали говорить ему, что Бог наказал его болезнью за поругание «старой веры», и что он, чтобы изгладить своё преступление, должен опять возвратиться в раскол. При этом не обошлось без угроз, – что они выгонят его больного из дома, ничего не давши. Больной скоро сдался на их увещания и возвратился «к старой вере». Теперь свекровь, а за нею и свекор обратили внимание на православную сноху. Сначала убеждали сносными мерами, но когда она не сдалась на их увещания и угрозы, они прибегли к пыткам. По приказу отца и матери, муж начал бить жену без всякого повода с её стороны. Побой мужа она переносила терпеливо, никому не жаловалась и оставалась православной. Видя бесплодность этого насилия, а может быть, не доверяя усердию мужа, свекор и свекровь принялись сами за обращение. Начали её бить сами – и по одному, и по трое. Один раз свекор поднес к снохе плотничий наструг и грозил зарезать, она испугалась и три дня была больна (истерично); запирали её в холодную конюшню, где она и ночевала. 5 января сего года Прасковья Иванова собралась идти в церковь к вечерне, на неё бросились свекор, муж и свекровь, накинули подцепку на неё от телка и, сдавив горло, всячески били. С этих пор они начали ежедневно бить её, чтобы она обратилась в раскол. На её отказ они больше озлоблялись и еще более жестоко стали её мучить: так, один раз, повалив её в избе, стали бить; в это время вошел в избу их холостой сын и, сжалившись, сказал: что вы делаете? Они,

оставивши её, бросились на него и избили за то, что он заступился. С этих пор несчастную страдальцу никуда не выпускали из дому и насильно хотели на первой неделе поста увезти в Вольск и обратить в раскол. Вырвавшись из дома, она убежала и обратилась под защиту к приходскому священнику.

Теперь спрашивается, что же может и должен предпринять приходский пастырь в данном случае и вообще в подобных делах, чтобы защитить и оградить от насилия православную страдальцу? Конечно, обличать, увещевать озверелых изуверов, умолять и наставлять, о послушают ли? И пока слово увещания даст свой плод в черством сердце дикого человека, не изведут ли несчастную и за то еще, что дерзнула сор из избы вынести, – попу-никонианину пожаловаться? Заявить начальству? Но где свидетели истязаний? Во всяком случае, действуя убеждением, священник обязан обратиться к светской власти (земскому начальнику) и просить у них законной защиты истязуемой.

Священник *Симеон Магнусов*

Критика толстовства в Университете

«Киевская Газета» сообщает, что в текущ. учебн. году в университете св. Владимира в программу практич. занятий по богословию, проф. Ф. Светловым вводится изучен. иностран. и русской критич. богословской литерат. о гр. Л.Н. Толстом. Занятия эти имеют своей единственной целью ознакомить студентов с существующей литературой по этому предмету и её итогами. «Право на участие в занятиях обуславливается представлением реферата на одну из нижепоименованных тем»: 1) «Генезис идей Л. Толстого или источники его религиозно-философского мирозерцания»; 2) «Религия Льва Толстого»; 3) «Учение Л. Толстого о жизни»; 4) «Взгляд Л. Толстого по вопросу о бессмертии и загробной жизни»; 5) «Что сделано богословской критикой для оценки учения Л. Толстого о непротивлении злу»? 6) «О войне»; 7) «О клятве и присяге»; 8) «О суде»; 9) «Любовь к людям в учении Толстого»; 10) «Толстой, как моралист»; 11) «О евангелии Толстого»; 12) «Религиозный культ в учении Толстого»; 13) «Христианское вероучение в сочинениях Толстого и вопрос о христианстве его»; 14) «Учение Толстого в его влиянии на жизнь и о плодах учения Толстого по суду критики» и 15) «Толстой как моралист в воззрении духовной и светской печати».

К вопросу о несовместительстве должности епархиального миссионера

(Письмо в редакцию)

Милостивый Государь, Василий Михайлович!

Ваша пятистрочная заметка под заглавием: «возможно ли»? помещенная в октябрьской книжке «Миссионерского Обозрения», невольно побуждает меня, как бывшего Олонецкого епархиального миссионера, сказать несколько слов по затронутому вопросу, изменив его так: «можно ли поручить исполнение обязанностей Олонецкого епархиального миссионера лицу, занимающему другую должность, напр., кафедральному протоиерею, преподавателю семинарии и т. д.?»

Количество раскольников в Олонецкой епархии сравнительно не велико: по собранным мною и другими оо. миссионерами сведениям, их всего 5753 человека, обоего пола, и все они – безпоповцы, а всех миссионеров в епархии (вместе с епархиальным) 8 человек. Поэтому можно бы думать, что исполнение обязанностей Олонецкого епархиального миссионера не представляет никаких затруднений и может быть поручено не только свободному от других занятий лицу, но даже и занимающему какую-либо другую ответственную должность. «Можно, скажу словами покойного проф. И. Ф. Нильского, но осторожно», и вот почему.

1) Кроме указанного количества раскольников, в Олонецкой епархии много колеблющихся православных, которые при первом же удобном случае могут перейти в раскол, почему и требуют по отношению к себе большого внимания и немалых усилий к удержанию в лоне православия, тем более, что число их, даже по приблизительному подсчету, достигает свыше 11.000 человек.

2) «Обязанность Олонецкого епархиального миссионера состоит в объединении, проверке и руководствовании миссионерскою деятельностью окружных миссионеров с их помощниками и приходских священников, а равно и в

непосредственном ведении бесед с раскольниками» (§ 3 инструкции Олон. епарх. мисс.). Но проверять и руководить миссионерскою деятельностью указанных лиц, сидя в своём кабинете и лишь рассылая бумаги за №№ едва-ли согласится хоть кто-либо из епархиальных миссионеров, честно относящихся к своему делу, а Олонецкий миссионер не имеет даже и права поступать так, потому что в § 5 той же инструкции прямо сказано, что для лучшего ознакомления с расколом Олонецкой епархии и с миссионерскою деятельностью всех трудящихся в борьбе с расколом он должен посещать приходы, зараженные расколом. Между тем окружные миссионеры Олонецкой епархии и их помощники живут на дальнем расстоянии от места жительства епархиального миссионера (один только Петрозаводский окружный живет верстах в 50–55 да и то за Онежским озером); священники, требующие руководства и проверки миссионерской деятельности их, живут в 133 приходах, разбросанных на громадном пространстве Олонии, занимающей площадь, в 130719 кв. верст. Пути сообщения в Олонецкой губ., не смотря на усилия земств, неудовлетворительны, так что во многие приходы можно попасть только зимой, да и то с большим трудом. Но может ли епархиальный миссионер, занимающий какую-либо другую ответственную должность, проездить по миссии большую часть зимы без ущерба другим своим занятиям?

3) Как непременно член главного совета Александровского братства, которое в числе своих задач имеет и миссионерское дело, и член епархиального училищного совета Олонецкой епархии, миссионер должен не только участвовать в заседаниях этих советов, но и исполнять разные поручения их, на что нужно время.

4) Как главный руководитель миссии, он должен давать советы (нередко письменно, потому что иначе придется только ездить от одного миссионера и священника к другому) своим помощникам-миссионерам и приходским священникам, решать их недоумения и вообще «поддерживать с ними сношения неустанною перепиской без официальности», на что уходит, как знаю по личному опыту, очень много времени. А если еще к

этому прибавить, что иное недоумение требует многочисленных справок, что раскольники придумывают всё новые и новые возражения, что наука о расколе идет вперед и епархиальному миссионеру, чтобы стоять на уровне её, необходимо следить за литературой, то труды его значительно увеличатся и свободного времени у него останется немного.

5) Как лицо, специально занимающееся изучением раскола и борьбой с ним, стоящее во главе целой отрасли церковной жизни, он обязан давать консистории свои заключения по делам, касающимся раскола, входить к местному преосвященному рапортами об открытии новых приходов, о построении церквей в местностях, зараженных расколом и т. п., писать отчеты о своих поездках по миссии, читать отчеты окружных миссионеров и их помощников, составлять годовой отчет о состоянии раскола и действиях миссии в Олонецкой епархии и мн. др.

6) Для выяснения миссионерских нужд епархии, епархиальный миссионер обязан созывать съезды (§ 14 инструк. Олон. епарх. мисс.), а для увеличения сил миссии – устраивать миссионерские курсы для мирян ревнителей православия и т. п.

7) На обязанности Олонецкого епархиального миссионера лежит устройство и заведывание епархиальной миссионерской библиотекой (§ 10 той же инстр.).

8) Наконец, не может же епархиальный миссионер не делиться печатно своею опытностью, своими наблюдениями над жизнью раскола с другими деятелями.

Если таковы обязанности Олонецкого епархиального миссионера, то судите сами, можно ли поручить исполнение их не только такому лицу, как кафедральный протоиерей А. Н., который состоит штатным членом консистории, благочинным градских церквей, председателем совета Олонецкого епарх. жен. училища, преподавателем русского языка и словесности в том же училище, цензором Олонецк. Епарх. Ведом., цензором проповедей и т. д., но и вообще лицу, занимающему какую-либо другую ответственную должность, каков, напр., преподаватель истории и обличения раскола в духовной семинарии? По моему

мнению, ответ на этот вопрос может быть только отрицательный; говорю по опыту, ибо и сам я в течение одного года и 8 месяцев соединял в своём лице должность преподавателя местной семинарии по кафедре раскола и епархиального миссионера и по совести должен сказать, что даже при своём желании сделать всё, что требуется той или другой должностью, которое-нибудь дело должно страдать, почему и упросил бывшего преосвященного епископа Назария войти в Св. Синод с ходатайством об отделении должности епархиального миссионера от должности преподавателя семинарии по кафедре раскола, каковое ходатайство и было уважено.

К. Плотников

Возражение на статью «Современные пропагандисты раскола»¹⁵⁶

Маркову ставят в вину, что он самовольно стал во главе строительной комиссии. Из вышеизложенного ясно, что всё дело построения церкви велось на основании постановлений Мелекесской посадской думы, из которых ни одно не было отменено порядком, указанным в ст. 68 и 151 городского положения изд. 1870 г. Следовательно, постановление посадской думы, от 9 февраля 1890 г., коим учреждена строительная комиссия, применительно к ст. 73–75 городского положения, имело и имеет впредь до его отмены силу законного постановления. Такое учреждение особой строительной комиссии является совершенно согласным со ст. 73 город. полож., и последовавшими к сей статье разъяснениями правительствующего Сената.

Правильности и законности такой комиссии не отрицала и Самарская Дух. Консистория, которая в протоколе своем, от 25 мая 1890 г., разрешая постройку церкви, распорядилась назначить священника Иванова в состав комиссии по постройке церкви, каковая была учреждена думою. Хотя в ст. 75 городского положения указано, что учреждаемые городскими думами исполнительные комиссии состоят под председательством одного из членов городской управы, тем не менее нельзя признать противным закону то, что Марков, будучи председателем управы, принял на себя председательствование в комиссии согласно постановлению о том думы от 9 февраля 1890 г. – Но, во всяком случае, обвинять его в том, что он самовольно стал во главе комиссии, не представляется оснований, раз эта обязанность была им принята на себя по постановлению думы, законною властью не отмененному.

Если признать установленным, что Марков в качестве посадского головы по постановлению думы участвовал в учрежденной ею строительной комиссии, то следует также признать, что, согласно ст. 60 устава о предупреждении и

пресечении преступлений, изд. 1890 г., устранить его от этого проявления общественной деятельности не представлялось бы законных оснований не только как лица, приписанного к единоверческой церкви, но и в том случае, если бы он действительно был раскольников. ¹⁵⁷

По обвинению Маркова в продаже после пожара 1889 г. кирпича, заготовленного для постройки церкви, было уже сказано, что во избежание порчи этого кирпича Самарский губернатор сам советовал обратить его в продажу, и убыточного для постройки церкви в этом не было. Не обвинители не столько напирают на хозяйственную сторону этого распоряжения, сколько сетуют на то, что в продаже церковного кирпича на частные надобности было будто бы нечто оскорбительное для достоинства церкви. Такая постановка обвинения является столь явную натяжкой, которая даже едва ли нуждается в подтверждении. Поставлено в вину Маркову и благочинному Люстрицкому то обстоятельство, что посадская управа, получив страховую премию в размере 6000 руб., обратила эту сумму, своим распоряжением, в церковно-строительный капитал, а не представила этой суммы в распоряжение епарх. начальства. — Насколько нам известно, страхование церковных зданий производится редко, и в данном случае посадское общественное управление явило похвальный пример заботливости и предусмотрительности, застраховавши на свой счет Старо-Никольскую церковь. — Так как страхователем была управа, то по страховому полису премия могла быть выдана только ей, и управа распорядилась этою премией правильно, обратив её сполна на построение храма, воздвигаемого на месте сгоревшей церкви. Иного назначения эта сумма не могла получить и по распоряжению епархиального начальства.

Враги Маркова обвиняли его в том, что будто бы он при закладке церкви самовольно отступил от распоряжения консистории, заложивши церковь не во имя св. Чудотворца. Николая, а во имя св. бл. князя Александра Невского (см. журнал Сам. Дух. Консистории от 14 августа 1892 года). Но и это обвинение по меньшей мере неосновательно.

Прежде чем состоялось журнальное определение консистории от 25 мая 1890 г., коим разрешалась постройка. Мелекесской церкви, посадский голова представлением от 17 марта 1890 г. за № 270, – в отмену первоначального ходатайства о построении двухпрестольной церкви по проекту академика Шервуда, просил преосвященного Серафима разрешить на месте сгоревшей Старо-Никольской церкви построить каменный храм с одним престолом во имя св. бл. князя Александра Невского. Это вторичное ходатайство, представленное в отмену первоначального, и было заслушано в журнале от 25 мая 1890 г., коим консистория определила: 1) «Испрашиваемое Мелекесскою посадскою думою построение каменной церкви в пос. Мелекесе взамен сгоревшей деревянной и на том же месте, по утвержденному проекту, на средства думы, разрешить; 2) на сооружение церкви выдать храмозданную грамоту; 3) в состав комиссии по постройке церкви, каковая имеет быть учреждена думою, от духовного ведомства назначить священника Старо-Никольской церкви (сгоревшей) Андрея Иванова; 4) освящение места и закладку храма поручить благочинному; 5) ему же предписать о ходе работ по постройке церкви доносить Его Преосвященству. По первому и третьему пунктам сообщить Мелекесскому посадскому голове, с возвращением утвержденного проекта церкви; по пунктам 4 и 5 послать указ благочинному 2 округа». Из приведенного дословного текста определения легко усмотреть, что в нём нет ни одного слова об обязательном сооружении храма во имя Святителя и Чудотворца Николая. Отсюда следует заключить, что посадский голова, получив выписки 1 и 3 пунктов консисторского определения, а также утвержденный проект на сооружение храма, должен был по получении этих документов пребывать в убеждении, что разрешение Консистории последовало именно в том виде, как о том ходатайствовало посадское общественное управление пред его преосвященством представлением от 17 марта 1890 г. за № 270.

Таким образом и это обвинение на Маркова неосновательно.

Правда, указом от 1891 г. за № 5450 Самарск. Дух. Консистория упразднила бывшую комиссию, отрешив и благочинного Люстрицкого от должности. Во главе новой строительной комиссии стал иерей Старо-Никольской церкви, о. Андрей Иванов.

«Православное население Мелекеса было очень признательно преосвященному Владимиру за его высокое покровительство и отныне считало себя безопасным от всяких притеснений со стороны раскольников Марковского толка». Так пишет г. Вельский. Но не так сообщал член строительной комиссии священник Андрей Иванов. Рапортом своим от 7 апреля 1893 г. за № 32 на имя его преосвященства о. Иванов сообщил: «Православное население п. Мелекеса ожидает окончания постройки нового храма с напряженным нетерпением; раскольники же в виду многих родственных отношений с православными, и самое главное, в виду предназначения храма служить памятником Царю Освободителю, относятся к постройке такового с сочувствием и одобрением. Что касается строителя храма Маркова, то, по моей священнической совести и по долгу священства, смею объяснить Вашему Преосвященству, что все, за исключением лиц Таратина, Сироткина и др., относятся к нему, Маркову, с искренней признательностью и благодарностью, неоднократно выраженной ему населением публично... И по совести говоря, ежели бы не Марков, то нового храма, если не совсем, то весьма долго не было бы в Мелекесе, ибо он первый подал мысль о сооружении такового, он изыскал источники и собрал нужный капитал и исходатайствовал разрешение на постройку; он же начал и ведет и, можно полагать, с Божией помощью окончит всё сооружение храма. К сему уместным полагаю доложить Вашему Преосвященству, что, кроме сооружения храма, Марков и во всех других случаях оказал своё усердие к делам церкви и желание приносить в этом отношении пользу своему обществу. Так, между прочим, вследствие ходатайства прихожан закрытого и впоследствии сгоревшего деревянного храма, Марков исходатайствовал об учреждении при этом храме другого штата; по его же ходатайству, доходившему до

Св. Синода, возвращены в сказанный храм из новой иконы и церковная утварь, взятые туда по случаю упразднения деревянной церкви; по его же предложению эта деревянная церковь была в 1881 г. отремонтирована на средства городской кассы, и на эти же средства приняты были посадской думой страхование церквей, содержание приходского кладбища; по его же предложению была сооружена, в память мученической кончины в Бозе почившего Государя Александра II, каменная часовня; по предложению же Маркова сооружено думою несколько ценных икон, им пожертвованы облачения» и др.

Далее. В своей статье г. Вельский представил преосвященного Гурия таким легковерным и неосмотрительным, что можно со стороны подивиться его действиям и распоряжениям, касательно сооружения Мелекесского храма, чуть не в ущерб православию в Мелекесе, даже как будто на соблазн инородческого мусульманского населения, «с живым (?) интересом следящего за всеми фазисами борьбы православия с Федосеевской раскольнической сектой Марковского толка и с полным сочувствием и жалостью относящегося к угнетенному могущественной (?) сектой беззащитному православию».

Нигде во вверенной преосвященнейшему Гурию епархии, тем более в Мелекесе, не усматривается, чтобы православие находилось в «угнетенном» положении. – Благодарение Богу, при его содействии, православие всюду в епархии является великою силою во спасение всякому верующему, как и в Мелекесе, и в семействах бр. Марковых.

В Мелекесе живут три брата Марковых в отдельных домах, преосвященный несколько раз бывал у них и никогда не замечал ничего такого, что говорило бы не в пользу их отношений к православию...

Правда, отец Марковых вместе с сестрой своей, действительно, уклонились, и давно уже, от православия в раскол безбрачного толка, в каковом он и пребыл до своей смерти. Но сыновья его не были воспитаны им на строгих началах этой секты; напротив, с его благословения, вступили в браки с православными, присоединившись к православию на правах единоверия, и они нимало не сочувствуют какой бы то

ни было раскольнической пропаганде в среде православного населения, тем более Федосеевского толка, который у нас, в Самарской епархии, совсем почти не прививается к старообрядцам вообще – как в Мелекесе, так и в окрестных селениях, где, как и во всём Ставропольском уезде, главным образом распространен раскол толка «Спасова согласия».¹⁵⁸

Напротив, судя по некоторым данным (частью приведенным выше), можно с уверенностью думать, что бр. Марковы более сочувствуют православию, не говоря уже о женах (исключая одной) и детях. Надобно видеть их духовную радость, когда преосвященный посещал Мелекес: для них это большой церковный праздник. Все, даже малые дети, не смотря на продолжительность архиерейского богослужения, выстаивают их с терпением до самого окончания, причем молятся так, как и все. – Бр. Марковы весьма сочувственно относятся к нашим церковным нуждам... Так в Ставропольском уезде в селе Никольском, на реке Черемшане (имение бр. Марковых), потребовалось строить для священника новый дом, а места в селе нет, кроме площади против церкви (площадь принадлежит Маркову). В просьбе уступить место под дом священника на этой площади Марков обществу отказал; но просьбу об этом преосвященного с удовольствием исполнил. – Он же в этом же селе помог местному причту в построении церковной школы. – Понадобилась в их имении, в с. Мулловке, Ставропольского уезда, церковная школа; Марковы, по собственной инициативе, строят оную, не жалея ни строительного материала из своих лесов, ни денег.

Старший брат, Константин, состоя городским головою, не малое внимание и сильное содействие оказывает к существованию в Мелекесе церковных школ. Нужно ли еще прибавлять фактов для доказательства того, что Марковы не враги православия и не пропагандисты раскола, когда и указанных, по моему мнению, довольно для этого.

Обер-Прокурор Св. Синода вскоре, по вступлении преосвященного Гурия на самарскую кафедру, прислал ему из своей канцелярии дело о постройке храма в пос. Мелекесе, с жалобами на Маркова и просил его убедительно со всем

вниманием отнестись к нему, из опасения, чтобы при освящении сооруженного храма не возникло в народе волнения, именно по поводу посвящения его в честь Александра Невского, а не св. Николая.

Но прежде, чем получено было преосвященным это дело, его уже здесь – в Самаре – начали знакомить с постройкой храма в Мелекесе и именно в духе противников её... Кроме тех обвинений на Маркова, какие изложены в отношении епископа самарского от 5-го июля 1891 г. за № 5871, приведенных в статье Вельского, преосвященному говорили еще, что Марков, разобрав сгоревшую церковь, кирпич от оной употребил на постройку конюшен. – Преосвященный, пока еще ничего не зная (то было по его приезде в Самару), поверил было этому, но когда выяснилось, что старая церковь была деревянная, и сгорела она дотла, то преосвященный понял, что инсинуация против Маркова по постройке церкви зашла уже слишком далеко, что для достижения предначертанных недобросовестных целей, в отношении к нему, не стесняются прибегать даже к невозможным выдумкам.

Внимательное ознакомление с делом по сооружению храма в Мелекесе показало владыке путь к решению одного скорый и правый, а именно: из дела преосвященный усмотрел, что с самого начала проектировано было Мелекесской думой соорудить, в память мученической кончины Императора Александра II, храм в честь св. бл. князя Александра Невского, имя которого носил почивший, о чём в своё время доведено было до сведения Государя Императора Александра III, от которого последовало на это Высочайшее соизволение и благодарность. А потому консистория после этого не вправе была настаивать на том, чтобы храм был посвящен св. Николаю. Когда владыка высказал это секретарю консистории, последний, начал просить его окончить дело мирным порядком, сознавая допущенную им ошибку в ведении дела, – после чего преосвященный сдал предложение в Консисторию о восстановлении прежней строительной комиссии под председательством Мелекесского головы К. Маркова, – и о передаче в её распоряжение строительного капитала. Это было

в марте или апреле 1893 г., и работа быстро пошла в ход. – Начали потом доходить до преосвященного тревожные слухи, будто бы строящийся в Мелекесе храм дал весьма серьезные трещины, что заставило его ехать туда, чтобы лично осмотреть общую постройку храма и трещины. В августе преосвященный и был там. Как ни просили преосвященного на этот раз остановиться у Таратина или у Бурковых, но он, по некоторым соображениям, для пользы дела, предпочел остановиться у одного из местных священников, именно у о. Иванова, к которому, никуда не заезжая, прямо от всенощной и проехал. На другой день, совершив божественную литургию в старом Никольском храме, владыка внимательно осмотрел строящийся храм и снаружи, и внутри, причем его сопровождала масса народа. Осматривал преосвященный и трещины, не представлявшие никакой опасности зданию, ибо они свидетельствовали лишь о правильной осадке здания, например, трещины на стенах паперти. Осматривая здание и трещины, преосвященный высказывал свои суждения о них вслух всего народа, сопутствовавшего ему, объясняя, в каком месте и в каком направлении трещины могли бы действительно представлять опасность для здания, но таковых трещин в строящемся храме не оказалось, – а оказались лишь такие и в таких местах, какие неизбежны вообще в каменных зданиях. Всё это весьма успокоительно подействовало на народ. – По осмотре храма преосвященный счел долгом посетить местного протоиерея Люстрицкого, которого снова восстановил в должности благочинного, посетил и городского голову Маркова, присутствовавшего и при осмотре строящейся церкви.

При осмотре строящегося храма, последний оказался внутри отштукатуренным, и преосвященный застал кладку печей центрального отопления, из чего заключил, что храм к концу года может быть приготовлен к освящению, так как иконостас уже на половину был изготовлен, почему владыка и выразил желание приехать в декабре для его освящения, если не встретится еще каких-либо препятствий к окончанию внутренней отделки храма. – В декабре преосвященный собрался объехать Ставропольский уезд для обозрения церквей и приходов, при

чем назначил и день освящения Мелекесского храма 19 числа, получив донесение местного благочинного, что он к освящению приготовлен совершенно, но из «Мелекесских раскольников главарей» никто не являлся к преосвященному «со всяческим смирением и низкими поклонами просить его освятить новую церковь и никто из них не обещался ему перейти из раскола кто в единоверие, а кто и в православие»... Всё это происходило только в воображении Вельского, как и последующее его повествование о том, как «полицейские их клеветы как-то задворками провозили преосвященного прямо в хоромы раскольников Марковых, где будто бы ожидали его роскошный прием и царское угощение». – Ни для полиции, ни для преосвященного не было никакой надобности «пробираться задворками» в дом Марковых, где приготовлено было для него помещение. Преосвященный ехал по главным улицам Мелекеса открыто в своей «кошеле» с кибиткой без всякой помпы, причем свиту его составляли, как и всегда, один иподиакон и келейник, к «отменным кормлениям и даяниям благим» не привыкшие, за чем преосвященный весьма строго наблюдает. По поводу этого, в начале его служения в Самаре, им сделано было распоряжение, чтобы, отнюдь не давали «благодарностей» сопровождающим ему иподиакону и келейнику, и чтобы «отменных кормлений» отнюдь не допускалось. Сущую неправду говорит Вельский, будто бы на этот раз купцы Бурковы сделали обширные приготовления к приему преосвященного к себе... Этого не могло быть уже и потому, что им предстояла забота, принять преосвященного 19 декабря, в день освящения Мелекесского храма, вечером в с. Высоком-Колке, куда, владыка из Мелекеса должен был, по маршруту, отправиться также для освящения храма, в сооружении которого Степан Логгинович Бурков принимал деятельное участие.

На торжестве освящения Мелекесского храма никому не возбранялось быть – как православным, так и раскольникам. – Правда, полиция в предотвращение беспорядков, осторожно впускала в церковь народ, но преосвященный распорядился, чтобы предоставлена была полная возможность присутствовать в храме всем желающим, и храм был полон. Были ли при этом

Мелекесские раскольники, – не знаем; но православных не было никакой надобности на торжестве освящения храма «оттирать на последний план» как пишет Вельский.

С какой стати Вельский называет Таратина и Сироткина вождями православных, решительно не понимаем.... Для православных это оскорбительно, ибо они хорошо понимают, что вождями их могут быть только богопоставленные пастыри, а не светские и привилегированные особы, хотя бы и отличающиеся добрыми нравами... Но жаль, что гг. Сироткин и Таратин уехали из посада и не были на освящении храма.

Что касается Марковых, то они никогда не были и не состоят раскольничьими главарями, – и в этом как преосвященный, так и его ближайшие помощники в борьбе с расколом более и более удостоверяются, – и нимало они не действуют во вред православию; а посему преосвященный не имел ни малейшего основания «выражать духовным и светским лицам своё разочарование по поводу якобы неисполнения раскольничьими главарями обещания перейти в православие, прямо говоря, якобы, что раскольники Марковского толка со своими клеветами его обманули (?) и подвели (?)». Это дерзкая ложь в устах и Вельского, измышленная им, Бог знает, с какою целью, конечно, не с доброю только.

Последнее сообщение г. Вельского, как и вся статья, тоже не справедливо.

Г. Вельский пишет, что, тело умершей Бурковой (раскольницы издавна) «уложили раскольники в дубовое корыто», что они «нарочно понесли тело умершей кругом православного собора, – которого в Мелекесе нет, – причем раскольники будто бы «так неистово и громко гнусили, распевая свои песни, что совсем заглушили церковное пение».

В «дубовое корыто» раскольники не кладут тела умерших, а хоронят так же, как и мы; при погребениях «песен своих» не поют, а поют погребальные стихиры, ирмосы, что делается и у нас.

Посада Мелекеса иерей о. Высоков, по своей священнической совести, уверяет, что г. Вельский неправду

пишет, якобы раскольники своим пением заглушили церковное пение в храме.

Однако довольно надеемся, что читатели «Миссионерского Обозрения» убедились, как безбожно извращены все обстоятельства дела в лживой статье г. Вельского.

Самарский епархиальный миссионер, иерей
Димитрий Александров

Скворцов В. Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 690–704

Написано не чернилами, но на скрижалях сердца плотяных (2Кор.3:3).

Два слова к читателю. – Нижегородские впечатления и наблюдения. – Раскольничьи состязания и миссионерский съезд. – Достойное внимания письмо интеллигента. – Проект христианского союза духовной взаимопомощи. – О духоборах.

Наш отдел «Со скрижалей сердца», как видите, читатель, мы на этот раз помещаем не в обычном его месте (среди Дневников), а в конце книжки, в качестве как бы «редакционного послесловия». Здесь будем и впредь печатать наши беседы «по сердцу». И это вот почему. Трудно редактору найти свободный и спокойный час на составление затиснутого в средину книжки журнала отдела, посвященного животрепещущим темам, когда разгар работы редакционной машины поглощает всё внимание «кормчего», когда каждое утро властно повелевает вам делать то срочное и неотложное, что никак не предусматривалось вечером, а вечер диктует свои неотложные заботы завтрашнему дню; когда зорким оком нужно смотреть не только за каждою печатающеюся статьей, но и за каждою строкою, за каждым словом, памятуя неложное обещание Божественного Учителя, – «за каждое праздное слово потребовать ответа в день он» на страшном и нелицеприятном Его суде... И вот одно нужно пустить в печать, другое приостановить, третье заменить, иное сократить, а в этом добавить, тут пояснить, там осветить и проч.

А тут трудность согласования интересов редактора и издателя: как редактору, хочется и ту, и другую статью пропустить поскорее, и того, и другого автора не обидеть, утешить, поощрить, ответить на злобу дня; а как издателю, приходится то и дело считаться с объемом книжки, ибо каждый лишний новый лист влечет сотенные сверх сметы расходы, которые в год превращаются в тысячные.

И вот среди такой-то суеты время мчится... и незаметно подкрадывается срок выпуска книжки. Тогда приходится или

своею статьей задерживать номер, огорчая чрез это дорогих читателей несвоевременностью выхода «Миссионерского Обозрения», или же отлагать свою статью... А в этом случае остается без отклика сердца много такого животрепещущего, о котором, «если молчать, то ведь и камни возопиют»...

Другое будет дело, когда наши беседы пойдут, как сейчас, «послесловием», – в конце каждой книжки: тут уже жар нервного, напряженного труда сваливается с плеч редакционного кормчего, уже повеет прохладой душевного спокойствия, почувствуется отрада исполненного и пред читателями месячного долга... Здесь можно найти время и поразмыслить, и вспомнить «дни древние», и «поучиться «во всех делах» и прошлого, и настоящего.

Удобнее будет в конце книжки высказать свой взгляд и обратить внимание читателя на ту или другую из помещенных статей, кое о чём оговориться, кое-что восполнить из недосказанного, исправить недочеты в редакционном отношении и т. д.

Вот мотивы перенесения нашего отдела «Со скрижалей сердца» в самый конец журнала.

* * *

Мы так давно не беседовали с вами, читатель, и так много за это время молчания напечатлелось на «скрижалях» нашего сердца, что не знаешь – с чего начать, какую тему предпочесть... С особою любовью воспоминания наши останавливаются на наблюдениях и впечатлениях, вынесенных из Нижегородского миссионерского съезда; на нём мы и остановим ваше внимание; к тому же съезд этот остался как-то неотмеченным у нас на страницах «Миссионерского Обозрения».

Нижегородский съезд отличался скромною, бесшумною, почти что келейною обстановкой, замыкаясь более в круг своих местных интересов, ограничиваясь исключительно церковными народно-миссионерскими вопросами и дело нашей миссии казалось как-бы чуждым и для администрации, и для печати, и общества. Не было ни огласки об открытии съезда, ни оказательства его бытия и деятельности. Объясняется это

отчасти святительским смирением нового кормчего нижегородского церковного корабля, досточтимого епископа Назария, который любит творить все дела своего мудрого, любвеобильного управления в величавой простоте и тишине. С другой стороны, объясняется эта обстановка, при которой происходил нижегородский миссионерский съезд и протекает вся деятельность местной миссии, плодом отношений к ней со стороны тамошней администрации и особым настроением местного общества.

Нижний ведь родина не только старого славного героя – Минина-Сухорукого, но и новомодного Максима Горького с духовно-прокаженными босяцкими типами его литературы, со смердящею страшными греховными язвами философией его произведений...

Миссионер, если он хочет стоять на высоте своего положения и призвания, должен приобрести наблюдательность и способность проникновения в душу как отдельных людей, так и в окружающую духовную атмосферу...

Мы не претендуем на этот не только дар, но и искусство. Однако в духовном настроении общественной жизни Нижнего не могли не чувствовать новых веяний более, чем где-либо в другом провинциальном центре... Известная истина, что если лекторы и ораторы воздействуют на слушателей, то и настроение последних в свою очередь сообщается и первым.

Это ощущение мы пережили во время нашей лекции, посвященной критике лжеучения гр. Л. Толстого. Публикаций о лекции почти не было (раз напечатано была в газете), однако огромная аудитория была переполнена слушателями, и многим пришлось отказать. При зловещей тишине началась, продолжалась и закончилась беседа...

Состав публики был чрезвычайно разнообразный: начиная с архиерея со всем его воинством духовным (городским духовенством) и кончая местными заядлыми толстовистами. Один из них, убеленный сединами старец, бывший откупщик, как-то непокойно всё время переминался на стуле и, не дождавшись окончания первой части лекции, демонстративно вышел из аудитории, стуча по полу своим увесистым костылем.

Через день владыка Назарий получил от сего старца ругательное письмо, с эпитафией: «неведите бо, что творите»...

Другой пылкий толстовист стремительно подбежал к нам, едва окончили мы первую часть лекции, с нервным (но не грозным) предостережением, что де он следит за нами и сейчас пошлет отчет самому графу в Ясную Поляну. Мы поблагодарили за лестное внимание и, благословясь, со спокойной совестью... продолжали свою беседу, в конце которой удостоились от сего же агента Ясной Поляны аттестации в беспристрастии, и христианском отношении к «великому писателю»... Sapienti sat.

Однако, главный интерес наших наблюдений в Нижнем сосредоточивался не в новых веяниях и людях, а всё на том же старом расколе... Огромная численная его сила до (80 т.) здесь и в городе, и епархии; последняя является родиной трех столпов раскола: – закоснелого и неистового протопopa Аввакума, – сладенького хитроумного честолюбца – Арсения Швецова и ловкого дипломата Н. А. Бугрова (глава беглопоповщины). Во время, ярмарки Нижний искони служил всероссийским центром расколо-учительства: сюда съезжаются все прославленные в расколе апологеты и начетчики; здесь, под покровительством купцов-богатеев, устраивается своего рода словесный бой, – миссионерский турнир между представителями разных сект. Мы об этом давно знали, но надлежало не представляли, как это творится...

Однажды во время съезда местный миссионер, почтенный о. протоиерей Фиалковский говорит нам: «Как быть? Раскольники меня сегодня просили быть у них в 3 часа на беседе *посредником*, а нужно бы и на своей беседе по быть?...»

– Каким посредником? – спрашиваю я.

– Видите ли, вот уже целую неделю поморцы «режутся» со спасовцами и никак не могут «прикончить» прений, ну, вот и просят меня рассудить их, кто *правее*, да за порядком наблюсти, – так как страсти-то у них сильно, говорят, расходились, того и гляди в бороды вцепимся...

– Конечно, надо идти к раскольникам, благо зовут, да кстати проведите туда и меня.

– А если обидятся, скажут, зачем привел «чужестранного»...

– Ничего, ведь вы же «посредник», судия праведный...

– Нет, лучше я наперед спрошу, а то рассердятся, доверять перестанут; пойдем мы вместе, но я войду вперед, да и спрошу, можно ли, а вы посидите «у ворот».

– С удовольствием, – готов хоть и под подворотнею сидеть, лишь бы только проникнуть и заглянуть глазом исследователя на это сонмище. А сам себе я думаю, ведь это – редкость, диво: православный миссионер, протоиерей, убеленный сединами, – приглашается враждующими расколо-учителями *посредником*, авторитетным судьей... сказать своё слово правды... совсем новые горизонты... Какой момент для сеяния семян истины и мира... И понял я, почему этот скромный миссионер, совсем у нас не из словесных забияк, – так любим и ценится в епархии?... А потому, что сердце у него доброе и нрав хороший, открытый, благодушный, незлобивый, смирением и простотой богат он...

Сначала мы с о. протоиереем ехали, а потом шли пешком по разным переулкам, наконец, подошли к дому, куда в ворота и «нырнул» мой спутник. Я жду, смотрю, – на дощечке дома написана фамилия хозяина – еврея... Зачем, думаю, в Нижнем оказался домохозяин еврей, и как к жидовину попали староверы со своими беседами?... Недолго пришлось ждать «у ворот», какая-то чуйка скоро ввела меня в своеобразную аудиторию...

Едва проникли мы в подворотню, как будто из земли вырос пред нами четырехугольный квадрат – двор, кругом обнесенный высокими постройками. Вся площадь этого четырехугольника была до тесноты наполнена мужчинами разного возраста, – седыми с большущими бородами и юнцами безусыми, – все в черных длиннополых кафтанах и чуйках, в своеобразных высоких шляпах и картузах. На правой стороне вверху, над сараем, на помосте (подобие полатей в мужицкой избе) сидели отменные типы, – бородатые, почтенных лет люди, с седыми большущими бородами, всклокоченными волосами, с глазами устремленными вниз, на середину, с тетрадками и карандашами в руках... Люди эти то надевали свои высокие шляпы, то

снимали, отирая со лба пот большими полотенцами. Всё это «аввакумы», подумали мы... С трех других сторон из окон трехэтажного здания смотрели любопытные, но уже ягоды другого поля, – «стрикулисты и модницы никониане»...

Одна группа приютилась у стены на дровяном складе; здесь обращали на себя внимание два молодых человека, резко выделявшиеся среди других: они были одеты в модные, зеленоватого цвета пиджаки, в шляпах на голове венгерского фасона. Один плотный, высокий, рыжебородый, в золотых очках, с самодовольным видом, другой – небольшой, жиденький, черненький, как вьюн, – юркий и нервный.

– Что это за *венгры*, там вон, на дровах-то? – спросил меня сосед, подобно мне издали рассматривавший своеобразную публику.

– Сам первый раз здесь, – ответил я.

После узнали мы, что «венгры» эти – прославленные апологеты австрийской секты: Феодор Еф. Мельников (рыжебородый), редактор «Слова Правды» и Иван Григорьевич Усов...

День клонился к вечеру, погода стояла тихая, но свежая, однако от давки и скопления народа чувствовалась духота и в этой, с небесною крышей, аудитории, к тому же из-под сарая, где восседали раскольничьи Патриции – «аввакумы», – несло нестерпимой вонью...

Взоры толпы сосредоточивались на середине двора, откуда доносилась энергичная речь старческого, но резкого дребезжащего голоса: – «ваш Кузьма бродяга»... Там же восседал и наш о. «посредник»-миссионер... Стараемся протиснуться к центру. Тут картина, достойная кисти художника.

Как раз по середине двора-четыреугольника сомкнуто несколько столов, установленных великими и малыми «кожаными» книгами.

Друг против друга сидят два совопросника со своими ассистентами. Один – представитель, апологет и наставник «отче» поморской секты, другой – только апологет и начетчик Спасова согласия – нетовщины. Первый – коренастый старик лет 60, лысый, с густой длинной бородой, как у еврейского

цадика, с увесистыми очками на носу; угрюмый, суровый, спокойный вид и торжественный тон речи старца этого вещал, что он находится при отправлений священнодействия... Это был некто Надежин, измлада совращенный в раскол из причетнических детей, а теперь считается самым искусным начетчиком и защитником поморской секты. Около него, справа сидел рыжий, пухлый мужик, пред которым на столе лежала записная тетрадь, несколько карандашей и серебряные часы, – а слева от Надежина – провинциальный торговец в пиджаке, с бегающими и сверкающими фанатическим блеском глазами, с жестами человека, готового сейчас же кинуться на вас со словесными, а то и с настоящими пинками.

Это молодой, выбивающийся начетчик из каких-то провинциальных трущоб, он прибыл, чтобы попробовать свои силы и показать свои зубы на ярмарочном турнире собеседников.

Собеседников-поморцев окружает, сидя на скамьях, целая группа корифеев секты, многие с записными тетрадками в руках, все, как и начетчики, с непокрытыми головами.

Напротив поместился апологет спасовцев – небезызвестный слепец Коновалов; мужчина лет 40, рябоватый шатен, это новый в расколе тип адвоката-краснобая. Говорит Коновалов ровно, плавно, толково, без запальчивости, но кусательно и ехидно. Он считается «непреодолимым» защитником Спасова согласия, его вызывают даже в Сибирь на беседы. Коновалов, как слепец, поражает феноменальной памятью и знанием цитат, которые или сам наизусть декламирует, или, по его указанию, вычитывает состоящий при его особе «отрок»-раскольник и тоже типичный экземпляр, – будущий фанатик и начетчик-забияка. Слепца окружают спасовцы.

Беседы ведутся на установленных вперед условиях, – каждый начетчик говорит определенное время (кажется, полчаса, если не целый час), другой в это время слушает, записывает для памяти положения противника и уже не смеет перебивать, пока не «окончатся минуты», если же перебьет, то пропавшие минуты засчитываются.

Когда мы вошли и усаживались, – очередь говорить наступала слепца Коновалова, отрок его заявляет – «наши минуты пропадают».

– Ишь важность какая, испужался; что такое минута пред вечностью, – раздаётся голос со стороны поморцев.

– Нет, *ставь минуты* вновь, – требовательно заявляет Коновалов.

– Не спорь, – «ставь им минуты», пусть наши пропадают, эка важность, – несть спасения во многоглаголании, наставительно разрешает спор сам Надежин.

Прерванная беседа началась. Вопрос касался истории обеих сект и того положения, какая секта – Спасова или Поморская – ведёт непосредственное преемство от первоучителей – Аввакума, Неронова и др. Поморец Надежин доказывал, что Спасово согласие явилось позже Поморского на 150 лет и происходит от какого-то Кузьмы, безвестного, безграмотного пастуха и бродяги, а что-де их, поморцев, знает и история, и Царь, ибо на их имя были царские указы Петра, Екатерины об особом сборе за раскольников бороды и кафтаны, а на имя Спасовцев не было никогда ни одного царского указа... С гордостью опирался на эти документы Надежин. Казалось, Коновалов безответен должен бы быть.

Однако слепец искусно и любопытно отпарировал все нападки Надежина ссылками на новейших историков. И вот посыпались цитаты, и слышны знакомые всё имена: Стрельбицкого, Плотникова, Смирнова, Кожанчикова, Александра Бравковича (архиеп. Никанора), митрополита Макария... В конце концов слепец сделал выводы, что Кузьма чуть ли у Аввакума или Неронова не был дьячком и служил с ними вместе в Москве «на сушине».

Мы были два дня подряд на этих беседах, просиживая часов по 5. И вот слышали, как на первой беседе Коновалов соглашался, что основатель их секты, Кузьма, был неграмотный мужик, но в защиту своего родоначальника привел убедительную справку, что и в церковной истории известен патриарх неграмотный, 40 лет отлично управлявший епархией.

А на другой день слышим, Коновалов уже доказывал, что Кузьма был отлично грамотный и ссылался на историка (кажется о. Стрельбицкого).

– Смотри-ка, барин, за ночь слепой-то сделал Кузьму грамотным, – вот искусник-то, – шепчет мне сосед поморец, не даром он по сотне лупит за беседу-то...

Такие же состязания Коновалов-слепец вел с Мельниковым и Усовым, – ловкими адвокатами австрийской секты. Появлялся он и на беседах православных миссионеров.

Непосредственные наблюдения над нижегородскими раскольничьими беседами многое нам и *прояснили, и подтвердили*. Подтвердили прежде всего неосновательность мнений тех близоруких противников миссии, которые, как аргумент, пускают то соображение, что якобы миссионерские беседы только разжигают пытливость в спокойно дремлющей раскольничьей массе, создают в среде её защитников и апологетов, что будто бы видные в расколе современные ратоборцы созданы беседами православных миссионеров; а потому лучше-де не трогать раскол, пусть себе спокойно дремлет до страшного суда Христова. Всё равно-де никого вы не обратите... Какое и жестокосердие, и круглое невежество в деле расколоведения и миссии!... Раскол всегда переживал мучительное брожение и внутреннюю смуту, породившую такое множество сект, а мы, – православные пастыри, миссионеры, – всегда безмятежно предоставляли его себе самому и просмотрели много благоприятных моментов. Не дремлет и теперь раскол. Поглощающую другие толки пропаганду и упорную борьбу ведет австрийская секта, не отстают от неё и другие, а если у кого не ленивы и половчее начетчики, те имеют явный успех в свращении. Науку свою начетчики и апологеты получают совсем не в школе нашей православной миссии, скорее, наоборот, мы учимся у них вот на таких, как вышеописанные раскольничьи беседы. Не обинуясь скажем, что нам самим полезно поучиться приемам и методам... раскольничьих начетчиков, и я бы посоветовал каждому начинающему миссионеру август месяц провести в Нижнем, послушать хотя бы вот на этих задворках раскольничьи

состязания. Право, не пожалее: будет и полезно, и поучительно окунуться в этот для многих из нас неведомый лабиринт.

Прояснилось же нам на этих беседах отношение раскольников к истории своей; мы впервые воочию убедились, какую важность имеют детали исторические, которыми не дорожат, а иногда калечат и сами историки наши и наставники семинарий... Им вся эта история раскольниковой борьбы кажется мусором и хламом, а вот посмотрите-ка как каждой строкой о Спасовой секте, каждой ошибкой наших историков пользовался Коновалов и, как мозаику, возводил здание своеобразной своей истории секты... Врет, ведь, а выходит убедительно, его слушают, ему верят тысячи, за этим слепцом даровитым идут другие слепцы...

Надежин – поморец оказался слабым в состязании, т. к. он не знал новейших исследований по расколу и пользовался какою-то ветхою книжечкою Попова, которую Коновалов разбил на основании позднейших солидных исследований. Мы уверены, что Коновалов также посадил бы на мель и наших миссионеров, особенно из начетчиков-простецов, которые дальше старопечатных книг не идут. – Нет, раскол не дремлет... и не стоит в состоянии окаменелости прежней, нет, он копошится и роется в подземелье, как крот, – как паук, прядет он свои сети, едва заметные, особенно для близоруких...

Прояснилось нам также и то высокое, чисто всероссийское, миссионерское значение православных ярмарочных бесед, которые заведены в Нижнем около 20 лет, именно, как противовес подобным раскольничьим прениям.

Многим, даже власть имущим, издали кажется, что ярмарочные наши беседы дело скорее *обычая*, чем действительной нужды. Люди приезжают на ярмарку – «куплю деяти», а их думают завлечь на прения о вере, да еще в будние дни, какой может быть толк от этих бесед? – возражают скептики.

А вот находят же толк спасовцы с поморцами целую неделю «резаться», часов по 15 в сутки, и слушает же их жаждущая толпа человек от 100–200; из них десятка два

молодых начетчиков стоят и сидят с тетрадками в руках, жадно внимая каждому слову своих учителей...

Повторяем, Нижний во время ярмарки искони служит и *торжищем раскольничьей веры*.

Вы здесь можете приобрести невозбранно в особых магазинах любой из раскольничьих подпольных трактатов. В этом году раскольничьи затейщики, как какие-н. прокламации, разбрасывали в ярмарочном доме гектографированную брошюру «Раскольничья депутация в Ялте, для подачи всеподданнейшего прошения», а также копию секретного циркуляра министра, направленного в пользу раскольников, который, по наведенным нами справкам, оказался *подложным*. Вот какая в Нижнем идет пропаганда раскола!

Нет, нужно пожелать, чтобы православные собеседования ярмарочные были как можно лучше поставлены, так чтобы могли, действительно, привлечь к себе раскольников и вытащить их из жидовских трущоб на открытую борьбу. К сожалению, теперь нельзя похвалиться нашими-то беседами. Новый епископ Назарий озабочен их реформой и наилучшей постановкой. Прежде всего – нужно там другое место для бесед – собор совершенно неподходящая аудитория. Нужно на это время привлечь *извне* лучшие боевые силы, а местные сплотить, объединить в действиях и воззрениях на предмет той или другой беседы. Словом, нужны *спевки* и *дирижер*. Но об этом в другой раз побеседуем, а теперь скажем, что, слава Богу, и такие беседы существуют и приносят свой плод.

Теперь два слова о съезде миссионерском. Это уже не первый в Нижнем съезд; нынешний съезд был многолюднее прежнего, – в нём участвовали до 35 священников приходов, зараженных расколо-сектантскими заблуждениями, и до 15 миссионерских сотрудников из мирян-начетчиков. Боевые совещания касались положения единоверия, которое охарактеризовано удивительно мрачными чертами – чисто раскольничьего раздорничества в отношении православной Церкви.

Преосвященный Назарий сам председательствовал на этих совещаниях и убедился, как в Нижегородской епархии

ненормально стоит дело единоверия, и что так его нельзя далее оставить. Необходимо прежде всего действовать миссионерски (перевоспитывать) на единоверческое духовенство, которое само не очистилось от раскольничьих предрассудков, – виноваты здесь и наши миссионеры – руководители единоверческого духовенства... Но об этом больном вопросе тоже в другой раз.

На съезде выяснилось также, что лжеучение толстовства успешно пролагает себе путь в среду молоканства и прививается среди рабочих на фабриках. Есть новый очаг штундизма в пашковской оправе. Словом, плевел много в земле Низовской.

Съезд вел свои занятия под председательством одного из энергичнейших представителей местной миссии и духовенства, прот. А.А. Порфирьева, он же преподаватель семинарии по кафедре раскола. В качестве руководителя бесед и совещаний съезда по вопросам раскола – был приглашен епископом почтенный проф. Н.И. Ивановский.

Чтобы показать, как умеет маститый миссионер-профессор располагать сердца своих оппонентов-раскольников, отметим такой эпизод. Однажды рано утром в нижний этаж архиерейского дома, как-то крадучись, проник старичок с какой-то кадочкой. Келейные, приняв его за бродягу, хотели уже выпроводить старичка, который казался подозрительным своею какою-то таинственностью, недомолвками... Оказалось, – что это бегунский наставник Ермолаич, – разыскивающий проф. Ивановского. Николай Иванович охотно, как всегда и везде, со свойственной ему чисто миссионерской простотой принял бегуна в своих комнатах.

– Ты мне, Николай Иванович, антихриста-то в прошлогодней беседе, помнишь – нашел, успокоил меня, а я вот тебе за это липового медку принес, – извини Христа ради, – прими, не обессудь, – с чайком выпьешь...

– Спасибо, старинушка, за дружбу, только ты напрасно этим себя потревожил, мне тут архиерей дает медок-то, ведь у него своя пасека.

– Ничего, Николай Иванович, а ты и архиерея-то *моим* медком «попотчуй», – его «народ» и наши-то начинают «повождать», – уж очень ласков да доступен, говорят люди, когда ни приди, хоть ночью, с просьбою какою ни на есть, не прогонит, – угости ты его, Николай Иванович.

– Ну, раз уж ты хочешь архиерея угостить, – приму медок, да ты подожди-ка, архиерей-то сам скоро сюда придет чай пить; вот, ты ему и объяснишь, что мол мед-то, пополам нам нужно с ним съесть, да и благословение получишь, – шутил Николай Иванович.

– Нет, что ты, Николай Иванович! благословение-то разве могу я получить? Что ты, спаси тебя Христос, испуганно лепетал Ермолаич.

– А нам-то с архиереем мед-то твой можно есть?

– А Евстолюешка-то приедет в Нижний? Чай, совсем уж взрослая стала, – поспешил Ермолаич замять разговор о благословении и архиерее.

Евстолюешка – это своего рода «дочь бегунского полка», – воспитанница секты, которую Николай Иванович присоединил к Церкви и дал образование в епархиальном училище.

Рассказы этой девушки, бывшей бегунки, печатались у нас; теперь Елисавета Белякова поступила учительницей в раскольничье село и будет в то же время миссионерствовать.

* * *

Долгом считаем обратить ваше, дорогие читатели, внимание на вопрос огромной важности, который поставлен на вид к всестороннему обсуждению и должному разрешению в первой статье настоящей книжки.

Для иллюстрации того, насколько действительно назрела потребность в миссии среди интеллигенции, помещаем в дополнение к докладу почтенного нашего сотрудника о. Фуделя нижеследующее правдивое письмо неизвестного нам интеллигента. Очевидно, автор из числа тех людей нашего духовно-смятенного времени, которые жаждут и ищут «воды живой», но не знают, *как и откуда* подойти к тому заветному, но забытому нашей интеллигенцией вечно текущему кладезю,

который обретается «в Церкви Бога жива, яже есть столп и утверждение истины».

Письмо это интересно также и в том отношении, что является убедительной апологией высокого значения миссионерства вообще и в частности ничем не заменимой важности живого обмена мнений по вопросам веры, в форме миссионерских собеседований. Отрадно знать, что преимущество *миссионерского метода* церковного учительства начинает находить себе оценку и признание враждебной нам среды светского общества. Это одно в деле миссии составляет огромный шаг вперед.

Вот это письмо.

Милостивый Государь, Г. Редактор!

Прошу прощения, что обращаюсь к вам с письмом, не имея чести знать вас лично; но я знаю вашу деятельность и ваш журнал и хочу верить, что вы не вмените в вину светскому человеку его смелость. Позвольте мне сказать несколько искренних слов относительно «Миссионерского Обозрения» и его задач, какими они мне представляются.

Вы глубоко понимаете и принимаете к сердцу дело миссионерства; в журнале вашем даются полные отчеты, как дело это ведется среди сектантов из народа. Миссионер, приезжая в какое-либо место, вызывает представителя местной секты, и – не говорит ему проповеди, но *собеседует* с ним, при стечении слушающих, и дает ему свободу ответа, возражения, борется с ним разумным оружием слова. Если бы сектанту не предоставлено было права возражать, слова миссионера не были бы действенны для слушающих, которые вольны были бы предположить, что у сектанта имеются и веские возражения, – лишь не высказанные; сами сектанты этим молчанием своим, конечно, пользовались бы. Таким образом для слушателей многое осталось бы не разъясненным и не побежденным. Задачи «Миссионер. Обозр.» мне кажутся, потенциально, очень широкими. Миссионерство не может ограничивать свою деятельность рамками жизни народной: в нём нуждается также и теперешнее культурное общество. Чем оно, в громадном большинстве, отличается от сектантов? Лишь тем, что у

сектантов, хоть извращенная, хоть грубая, но есть какая-то своя вера; а у нас, интеллигентных людей, своей веры нет. Зато есть жажда веры, всё усиливающаяся в последнее время, охватывающая самые разнородные кружки – и не имеющая утолнения. Люди ищут «воды живой» – и не знают, где искать. Как и сектанту, каждому из нас нужна беседа, с правом ответа, с правом заявления своих сомнений, с возможностью возражать, чтобы получить разъяснение. Если бы «Мисс. Об.» открывало свои страницы не только людям одного единомысленного направления, людям, так сказать, готовым, нашедшим, – но равно и людям ищущим, – правда его была бы действеннее и победа правды явнее. Вы скажете, что для возражений, если точно есть в обществе интерес к религии, существуют другие журналы, светские; но позвольте мне быть с вами прямым. Вы знаете, что свобода возражать может быть дана лишь самим миссионером. Повторяю, религиозные запросы нынешней культурной среды растут; и надо идти на помощь, – как миссионеры ходят к людям простым, – всегда применяясь к данной среде и её умственному уровню. Вы, может быть, скажете мне: зачем писать? Кто сомневается, кто ищет, – пусть идет к наставнику-духовнику и говорит с ними наедине. Но из нас один, два пойдут, а третий, возможно, и не пойдет; и даже допустим, эти один, два и получают разъяснения, – все-таки другие-то останутся, как были, в тоскливом метании, в невысказанных сомнениях, без помощи. Миссионерство – не гласное ли, не общественное ли дело? Миссионер едет к сектантам, ищет их, говорит с ними при народе, слушает с кротостью их возражения, даже грубые иногда, благодаря неразвитости, – что, конечно, невозможно, если возражает человек культурный.

Печать, слово, журнал – вот форма миссионерского собеседования, нужная теперь, пригодная в обществе людей образованных. И, думается мне, что «Миссионерское Обозрение» могло бы сыграть роль той горницы, в которой православный учитель среди народа говорит с заблуждающимися, – если бы, конечно, оно захотело

распространить своё влияние и на жизнь современной культурной среды.

Примите и проч.

Окончивший СПб. университет А. М. Д.

Спб. 18 окт.

Со своей стороны ответим нашему корреспонденту, что редакция «Мисс. Обзор.» совершенно согласно с ним в понимании задач миссии, как дела *гласного и общественного*. Миссия и сама очень желает и всемерно стремится послужить не только народу, но и культурным слоям нашего общества. Не наша вина в том, если светское общество не хочет нас знать. Для письменного обмена мнениями у нас уже два года отведен отдел под заглавием: «Из миссионерских запросов». Сделайте милость, вопрошайте; поверьте, что мы, по завету апостола, всегда готовы дать посильный ответ вопрошающим об уповании.

Скажем более того: мы, поддерживаемые людьми, подобно вам, духовною жаждою томимыми, одушевлены заботою приобрести в столице прямо-таки настоящую «горницу», о которой вы говорите символически, т. е. приобрести право собраний для обуреваемых сомнениями в вере интеллигентных людей, совместно с апологетами и пастырями Церкви для живого, непринужденного христианского и братского обмена мнений по вопросам веры и знания, словом, создать *sui generis* христианский союз духовной взаимопомощи.

Грядите и вы к нам, если, Господу споспешествующу, благая идея эта найдет осуществление.

* * *

Два слова о *канадских духоборах*.

В некоторых газетах доселе продолжают сообщать сведения, усыпляющие чуткость русского сердца к судьбе злосчастных духоборов в Америке, благоденствие которых будто бы растет, и все недоразумения у них с правительством местным покончены.

Между тем мы имеем из Америки самые последние сведения из источника, идущего от самих же духоборов, что, наоборот, страшное недовольство и разлад растут между

сектантами, что всю осень лил непрерывно опустошительный для хозяйства Дождь, даже в Манитобе $\frac{2}{3}$ пшеницы осталось не вымолоченной, так как вся она проросла еще в снопах, а около Иорктона не пришлось собрать и зерна. Осенней работы не было никакой, и что было заработано летом, то уже проедено. На требования правительства о принятии правил о введении метрик и закреплении душевого надела земли за каждым собственником согласилось не более 1500 душ зажиточных духоборов, остальные – вся голь – около 5 т. безусловно отказались исполнять эти местные законы, и Канадское правительство решилось применить самые крутые меры против упорствующих русских поселенцев-сектантов и без всяких на этот раз послаблений.

Словом, положение несчастных духоборов, по нашим сведениям, совершенно безвыходное.

* * *

Спешим довести до сведения читателей, что «Харьков. Губерн. Вед.» официально опровергают сообщенные у нас сведения о смерти 4 лиц после Павловского сектантского побоища. Умер только один сектант Коваленко; церковный староста, слава Богу, жив, жена священника также жива.

Ну и слава Богу!... Неверность сведений, доставленных нам харьковским корреспондентом (только не *Д. Богомолым*, сведения которого, сообщенные в статье за его подписью, все подтверждаются и официальной реляцией о сектантском погроме), объясняется массой циркулировавших слухов и сплетен, вполне естественных в провинции, после такого страшного события.

* * *

Считаем нужным оговориться, что выше помещенные у нас по поводу доклада М.А. Стаховича. статьи Еп. Никанора и миссионеров о. Потехина и г. Рождественского представляют собою подробно развитые и обработанные авторами для печати те их возражения, которые кратко высказаны были ими в заседании 24 сентября.

В. Скворцов

Декабрь

Старобельский М. Библейское учение о Слове в современном его истолковании // Миссионерское обозрение 1901 г. № 11. С. 705–721

Весною прошлого года до нашей провинции дошла из Москвы весть о блестящем докторском диспуте профессора университета князя Трубецкого, написавшего огромную диссертацию под заглавием «Учение о Логосе в его истории. Философское исследование». – Слышно было, что докторант сравнивал на диспуте свою диссертацию с учеными творениями академических профессоров и со скромностью, свойственной истинному таланту, заявлял, будто его богословие относится к академическому так же, как химия относится к алхимии, или как астрономия относится к астрологии.

Не будучи поклонником современной академической науки вообще и библейской в частности, мы с нетерпением ждали самой книжки автора, но сперва получили только тезисы. Увы! эти тезисы сразу разочаровали нас в надежде найти у князя Трубецкого что-нибудь новенькое в методе исследования. Надеялись мы, что под академической алхимией и астрологией автор понимает теперешнее компилятивное, бездарно подражательное направление академической науки и её двусмысленное перемигивание с пресловутой и давно опровергнутой всем мыслящим людям Тюбингенской школой, которую так метко отделил и отхлестал ученый руководитель князя Трубецкого, Владимир Сергеевич Соловьев.¹⁵⁹ Мы надеялись, найти у ученика Соловьева по крайней мере знакомство с первоисточниками его исследования, *ну хоть с самой-то библией*, а затем и сколько-нибудь самостоятельное построение собственной теории; однако эти надежды, потрясенные прочтением тезисов автора, окончательно разрушились при чтении его книги. Именно по тезисам его мы увидели, что никакой самостоятельной мысли в построении князя Трубецкого ждать нечего. Его исследование о Логосе повторяет собою застарелое, истасканное, изгаженное положение Тюбингенской нигилистической школы, по которому

выходит, будто учение о Логосе выдумал греческий философ Платон, потом его переняли евреи в эпоху эллинизма; далее, Филон Александрийский из этой позднейшей литературы евреев, а равно и из Платона и из позднейшей греческой философии, соорудил своё учение о Логосе, которое затем перешло в Евангелие от Иоанна, быть может, составленное гностиками, а, быть может, сохранившее в себе остатки учения Христова и Иоанна Богослова, причем допускается мысль, что и Учитель нового завета и Его ученик были знакомы с Филоном, а, быть может, и с платониками. Такова эта теория во всей её наготе, но эта оскорбительная для христианского сознания нагота прикрывается как Тюбингенцами (из менее циничных), так и их новым русским популяризатором, князем Трубецким, различными, весьма темными и двусмысленными, или, лучше сказать, бессмысленными, с их точки зрения, терминами в роде: богосознание Христа, пророческое вдохновение, новозаветное откровение. Читатель и в особенности читательница, не привыкшие к подобным приемам протестантского иезуитизма, пожалуй, и не поймут, что христианство здесь представляется не более, как *человеческим вымыслом*, выродившимся на почве еврейско-греческого синкретизма, а с другой стороны и строгий критик-атеист не упрекнет автора за допущение сверхъестественного начала; таким образом всем угодишь и никого не рассердишь.

Но вот в руках наших и самая книга. К сожалению, она оказалась гораздо ниже и той неприглядной характеристики, которую мы сейчас предложили тезисам нашего автора: он не сумел даже их-то выдержать в своей пестрой компиляции и последняя – увы – далёко уступает академической алхимии и астрологии. Разве самые плохие академические диссертации, припускавшие по снисхождению, настолько уже пассивно воспроизводят разнообразные второисточники, что постоянно удаляются от своей темы и натаскивают в неё разнокалиберный ученый хлам, как в воронье гнездо, где можно найти и притащенную неизвестно для чего медную ложку, и стеариновый огарок, и арбузную корку. В академиях это случается с кандидатскими диссертациями, когда студентик,

стесненный сроком её подачи, не успел объединить множества прочитанных им на тему и не на тему немецких книг, и вот угощает профессора рукописью в 1000 страниц, где найдете речь обо всём и иногда ни слова на тему; но подавать подобный винегрет на доктора и шуметь с ним на всю Москву, – это возможно, где угодно, но не в академии. Поэтому мы вполне согласны с автором, что между его богословием и академическим существует огромная разница.

Судите сами. Автор взялся писать историю учения о Логосе у греков, евреев и христиан, и что же? Языческое учение о Логосе он кое-как еще изложил на первых двухстах страницах своей диссертации, хотя и размазал это учение многими не относящимися к делу статьями. Но посмотрите на вторую часть его сочинения, в которой заключается весь интерес его книги; здесь на 260 страницах в пяти обширных главах вы прочитаете о многом, но едва ли найдете хоть одну целую страницу о Логосе. 1-я глава этой части излагает мессианский идеал евреев (34 стр.), 2-я еврейскую идею о Боге (30 стр.), 3-я и 4-я, самые обширные и в высшей степени скучные, главы лишены уже всякой связи с темой автора и производят такое впечатление, как будто бы автор нашел две немецких брошюры: во 1-х – «Еврейская апокалиптика» и во 2-х – «Начатки гностицизма» и совершенно неизвестно для чего втиснул их в свою книгу, заняв ими целую четверть последней и целую половину её богословской части. Наконец, последняя глава диссертации, в которой заметны следы некоторой самостоятельности автора, надписывается у него *Христос*, но и эта глава, содержащая в себе попытку (довольно неудачную) изложить всю сущность Христова учения, к теме диссертации тоже не относится. С тяжелым чувством закончили мы чтение этой литературной компиляции и не знали, о чём более жалеть: об авторе ли, столь недобросовестно относящемся к своему труду, о русском ли читающем обществе вообще, или в частности об университетском ареопаге, который можно так смело и безнаказанно обманывать всякою компилятивною дребеденью, лишь бы только подкрасить её соусом богословского рационализма и несколькими трескучими

фразами о науке, о развитии идей и еще о чём-нибудь особенно малопонятном, чему русский простодушный читатель поклоняется с таким же благоговением, как баба-богомолка малопонятной схоластической проповеди, или сибирский инородец выкрикиваниям мудрого шамана.

Мы-то, грешные, надеялись, что автор по крайней мере оправдает свои тезисы, что он покажет, в каком именно отношении стоит евангельское учение о Логосе к филоновскому и библейскому ветхозаветному, что он возьмет на себя труд разубедить нас, простаков, в том, что будто ветхозаветное учение о Логосе на пятьсот лет древнее, чем платоновское, будто Исаия был один, а не два, будто притчи и ектlesiаст написаны Соломоном, будто второзаконие написано Моисеем, но он порешил все эти вопросы по-суворовски. Без всяких рассуждений и доказательств он отнес все эти священные книги ко временам после пленным, совершенно упустив из виду, что на русском языке еще не появлялось книг Вельгаузена, и справедливо уверенный в том, что робкий русский читатель даже и спросить не посмеет: «а все ли гг. Карл Ивановичи изволили согласиться между собою в том, что в нашей библии книги Моисея, Соломона, Исаии и Даниила надписываются так только по невежеству, а на самом деле составлены на пять сот лет позже еврейскими раввинами?» Особенно бесцеремонно автор угощает нас Второисаией, без всяких вводных сообщений о том, что по теории современных библейских нигилистов из немцев, а особенно жидов, последние 27 глав и некоторые другие в книге Исаии написаны после Вавилонского плена. Ведь об этом обстоятельстве следовало хоть вскользь упомянуть, списывая немецкие книжки в свою диссертацию, а то ведь не только обыкновенный читатель, а, пожалуй, и оппоненты, с недоумением растирали глаза при этом мудреном имени, которое вводится в диссертацию без всякого предупреждения, как нечто не только бесспорно решенное в науке, но и общеизвестное. Ну, а упоминать о том, что эта теория о Второисаии не есть беспристрастный научный вывод, а чисто априорная нигилистическая тенденция, опирающаяся на простое отрицание всякой возможности предсказывать будущее,

– этого автор, конечно, не счел нужным делать, как не счел нужным принести хоть кажущееся основание в пользу усвоенной им хронологии библейских книг. Что же касается до того, что эта тенденциозная нигилистическая хронология и в протестантской-то литературе вовсе не есть господствующая, этого, пожалуй, и сам автор не знал. Но мы, при всей антипатии к перечислению ученых авторитетов, все-таки назовем здесь ряд защитников подлинности и единства – ну, хотя бы книги пророка Исаии: Ян, Витринг, Клейнерт, Геферник, Кай, Генгстенберг, Дрекслер, Ган, Кейль, Руппрехт, Негельсбах, Кнабенбауер.¹⁶⁰ Право, это препочтенные немцы; многие из них еще здравствуют; советуем автору подарить им по своей книжке, да и их сочинения почитать при составлении следующей компиляции; зачем же уж одними-то Тюбингенцами пользоваться? Или уж если автор желает списывать непременно с отрицателей, то по крайней мере хоть с жидов-то и не списывал бы, как, например, с Греца, ведь уж это прямо неблагопристойно. Так, например, усвоенная автором мысль, будто бы предсказание Исаии и других пророков о страданиях Мессии имело в виду не Мессию, а страдающий народ еврейский, – это ведь толкование чисто жидовское, не имеющее за себя никаких твердых данных в библейском тексте.

Но автор, пожалуй, скажет в своё оправдание, что его вопрос не разработан в русской литературе, и что ему неизбежно приходилось руководиться немцами? Руководитесь, чем угодно, но, во-первых, приводите резоны в пользу ваших выводов, а во-вторых, не скрывайте своей зависимости, не представляйте себя автором новых откровений, пользуясь невежеством читателей в данной области. В этом-то вот и не следовало подражать вашему руководителю Владимиру Сергеевичу Соловьеву, который в семидесятых годах гремел на весь Петербург своими публичными «чтениями о Богочеловечестве», а в девяностом году в статье П.П. Соколова в «Вере и Разуме» было указано, что эти чтения недобросовестно списаны с Шеллинга.¹⁶¹ Да, только отсутствие самой первоначальной эрудиции помешало рецензентам князя Трубецкого заметить, что в русской библии и в русской

литературе нет ни Аристобула (91 стр.), ни Бетуила (120), ни Хизкии (242), ни Хеброна, Бетела и Берсееба, ни Баруха, ни Зерубабеля (в. часто) и т. д., и т. д., а есть Аристовул, Вафуил, Езекия (это знают в первом классе гимназии), Хеврон, Вефиль, Вирсавия, Варух пророк, и Зоровавель. Теперь, конечно, автор будет кричать, что он намеренно, а вовсе не по незнанию библии и истории, изменил эти еврейские имена на немецкий лад с греческого, но в таком случае приведите ваши резоны, да наконец оговоритесь, что вы разумеете вот кого и вот кого под этими страшными именами. Ну, а в греческом Аристобуле вы тоже не хотите признаваться, как господин Мережковский в том, что списал с немцев свою повесть об Юлиане Отступнике с Еффраимом, Гиларием, Ниобеей и т. п. искажениями известных и дорогих русскому сердцу имен?

Если не признаетесь, то отныне я буду вас называть не Сергием, и Сериусом, и даже не Трубецким, а Флейтовым. – Далее не будем уже толковать о нелепом и ненужном изменении имени Иегова на Ягве, что ввел в нашу литературу Соловьев, ни о том, что оставлять без перевода своё еврейское именование Господа так же неосновательно и тенденциозно, как, излагая историю нового завета, заменять слова Бог, Божий, на Феос и Феический; но вы, князь, списывали с немцев (разумая здесь и французов, как у Пушкина) уж настолько бесцеремонно, что совершенно не щадили и русского языка. Слышал ли ты, читатель, у русских авторов о «раннем (а не древнейшем или первоначальном) христианстве»? (161), об «интимном (а не сокровенном или приискреннем) Откровении» Отца чрез Сына (201 стр.), и, наконец, не знают ли твои дети, если им округлилось 16 лет, что истолковательная наука называется экзегезис, экзегетика, а не экзегеза, как искажается это греческое слово в немецкой речи – и в книге князя Трубецкого (209 стр.). Здесь уже не Эразм, ни Гезениус вас не выручат. В другой раз не будьте таким буквалистом и не переведите как-нибудь с немецкого: «*ich habe abgeschrieben*» – я имел списанное, или на французский с русского: я охотник до переводов «*je suis un chasseur jusqu'aux traductions*». Впрочем бывают у вас и обратного характера промахи: не надо б

переводить немецкого или французского слова, а вы переводили и получается несообразность; вы пишете на стр. 315: «учение о вечности Сына стало правилом веры христианской». Это что-то напоминает тропарь Николаю Чудотворцу, но, вероятно, не этот тропарь повлиял на вас, а вы без нужды перевели слово принцип: следовало перевести: принципом христианской веры. А сверх того цитатки-то не надо зря переносить из второисточников, если хотите, чтобы вам верили, будто вы их получили из первоисточников, а надо быть повнимательнее к этому делу. По принятому в науке обыкновению, вы цитируете библейские книги на отечественном языке, а апокрифы – обыкновенно на латинском. Прекрасно. Но если б вы не списывали с немцев даже библейских цитат (которые в немецких книгах указываются обыкновенно по-латыни), то вы бы не перепутали библейскую книгу Премудрости Соломоновой с апокрифом Псалмы Соломона и не процитовали бы изречения первой о том, что смерть вошла в мир завистью диавола, – Sap. Ps. Sol. – В книжке, с которой вы списывали, значится Sap. Sol. (Sapientia Solomonis), но вы думали, что это лишь иное обозначение только что цитованных Псалмов Соломона (Ps. Sol.), и для верностихватили зараз оба заглавия, как Гоголевский портной, колебавшийся между авторитетами европейских столиц и решивший не упускать ни той, ни другой: «Иванов из Лондона и Парижа».

Наш автор так слепо верит немцам, что жертвует ради них даже своими гимназическими познаниями в греческом языке. Только этим можем мы объяснить, что он подчеркивает в словах апостола Иоанна: «Слово было Бог» отсутствие грамматического члена при речении Бог и постулирует отсюда (394) к арианским выводам (что делали только оригенисты, не стеснявшиеся грамматикой). А грамматика-то ведь ясно вещает, что при сказуемом член не ставится, и что, например, при всей безусловной приложимости к диссертации автора понятия бестолковой компиляции, это понятие пришлось бы оставить без грамматического члена при переводе на греческий язык предложения: книга Трубецкого есть бестолковая компиляция.

Не посоветовать ли автору больше полагаться на свой разум, чем на немцев? Конечно, посоветуем, но под условием внимательного, а не верхоглядного отношения к делу, а пока он не отрешится от последнего способа писательства, то немногие попытки к самостоятельному изложению ввергают его в такие дебри, как, например, нижеследующие изречения: «Отец был Его (Христовой) пищей (389)». Пощадите, князь! не Отец, а исполнение Его воли (Ин.4:34). «Блаженны кроткие, потому что они Бога узрят (408)». Не кроткие, князь, а чистые сердцем, которые никого не обманывают. «И. Христос не постничал (399)». Нет, князь, постничал на ваше и всех протестантов горе: сорок дней ничего не вкушал и говорил, что пост, чуждый лицемерия, есть подвиг богоугодный (Мф.6:18), и что бесы (да князь бесы, а не падучая болезнь и не еврейский мессианизм – стр. 388) изгоняются только молитвой и постом, и что ученики Его будут поститься, когда отнимется от них жених. Далее, наименование того вероисповедания, к которому вы имеете неудовольствие принадлежат, встречается только дважды, сколько помню, в вашей книге, и притом с чем-то в роде *постоянного* эпитета – высокомерный. «Фарисеи с их высокомерным православием (385)». Фарисеи были высокомерны, но не правоверием своим, потому что тогда ведь не было еще Тюбингенского университета, ни Л. Толстого, ни Владимира Соловьева с их критиками, коих желает здесь уколоть наш автор, – а своею наружною добродетелью. В другом месте вы пишете: «фарисейское православие и старообрядчество» (107); а вот Л. Н. Толстой называет старообрядцами противников фарисейских – саддукеев. Где же правда? Не правда ли, князь, вы, напротив, думаете, что саддукеи – это рационалисты, в роде Штрауса? Но представьте, в этом пункте Л. Толстой дошел до немецкой науки лучше вас. По её заключениям (см., напр., сочин. проф. Хвольсона), саддукеи были буквалисты древнего закона, староверы, противники новейших идеалистических преданий; они хвалились именно своею верностью ветхозаветному закону; название их происходит от еврейского слова цадик, т. е. верный, праведный. Впрочем еврейский язык вам не дался,

хотя вы и любите пускать пыль в глаза еврейскими словами, выписанными из немецких книг, а читателю представляете дело так, будто они находятся в новом завете. Отчего же так не делать у нас? Ведь едва-ли один из ста ваших читателей знает, что весь новый завет написан был по-гречески. Но все-таки, уж если переводить его снова на еврейский, то переводить толком. Так еврейск. *anawim* значит просто бедняки, а не «нищие духом», как вам хочется (396); *am haarez* значит не «простой народ» (397), а народ земли, земщина, в отличие от воинов и придворных, а иногда и вообще народ, например, «*Авраам поклонился народу земли той*» (Быт.23:7); особенно часто выражения встречаются в книгах Царств. Слова Господни: «*Дух идеже хочет дышет*» (Ин.3:8) автор по странному недоразумению относит к ветхому завету (254). При всей своей неосвоенности с содержанием даже нового завета, вы однако нисколько не стесняетесь третировать его с легкостью любого Ренана. Вам дела нет до того, что Спаситель принимает повествование пророка Ионы за истинное происшествие (Мф.12:40), и вы без всякого стеснения называете его притчей (224), не затрудняясь тем, что и страдания Христовы в таком случае можно назвать тоже притчей; вам нет дела до того, что апостолы неоднократно изъясняют слова Давида: «*не оставиши души моея во аде, ниже даси преподобному твоему видети истления*» в личном смысле, и относите эти слова, вместе с толкователями – современными жидами, к потомству Давида (222), как будто у потомства одна душа, которая посылается во ад и снова возводится оттуда. Ведь вот до каких глупостей можно договориться, полагаясь на невежество читателей!

Наконец, вы навязываете писателю «Послания к евреям», коим вы не желаете считать апостола Павла (тогда объясняйте – почему; немцы все-таки честнее вас поступают), заимствования из апокрифов о безродности и сверхъестественном происхождении Мелхиседека. Но ведь, апостол вовсе не утверждает этого: он говорит на основании книги Бытия о неизвестности его родословия, на что и псалмы указывают. К чему тут толковать о заимствованиях из

апокрифов об Енохе, которые произошли, может быть, и после апостола Павла? А к тому, чтобы замарать апостольские послания, чтобы омрачить веру в их чисто христианское происхождение. – Вот вы бы лучше почитали русское исследование о книге Еноха прот. профессора Смирнова, давным-давно изданную (ок. 1890 г.).

Итак, автор, предоставленный сам себе, путается хуже, чем при списывании с немцев и жидов, которых он все-таки переводить толком не сумел, а уж согласовать то и вовсе не умеет и не заботится о том, чтобы не противоречить себе самому на каждом шагу, переписывая с различных ученых отрицательного направления их хронологические даты. Об этом скажем еще несколько слов. Протестантский библийский псевдорационализм, или вернее нигилизм, группируется в настоящее время около теории Вельгаузена и Штаде, которые, применяя к составу Библии пресловутую эволюцию религиозных идей, совершенно произвольно определяют в зависимости от последней и самую хронологию библийских книг. Чтобы разрушить учение о боговдохновенности Библии и представить её плодом постепенного религиозного развития еврейского народа, библийские нигилисты выдумывают, будто бы евреи долгое время были многобожниками и чтили богов своих и чужих; потом их народная исключительность, обусловленная историческими случайностями, заставила их вождей прикреплять религиозную жизнь народа к своему провинциальному Божеству Иегова, а затем, ко временам пророка Ионы, выработалась постепенно мысль о том, что Иегова есть единый Бог всей вселенной. Священные книги иудеев, составленные в разные эпохи их духовного развития, вмещали в себе все степени последнего, но при Ездre они подвергались тщательной переработке и дополнению. Всё, что есть возвышенного и всемирного в ветхом завете, составлено уже после Вавилонского плена, из которого вышли только лучшие передовые слои народности, а прочие её элементы слились с восточными варварами. Теория эта ничего за себя не имеет кроме привидений дарвинизма. У неё нет возможности ссылаться на общепризнанность какой-либо книги, на

отсутствие её в каноне (как это делают критики нового завета), потому что у нас нет ни одного библейского манускрипта дохристианской эпохи, а древнейшие рукописи ветхого завета суть греческие четвертого века. Однако это библейских нигилистов не стесняет. Они преспокойно кромсают Библию на куски, кусочки и даже отдельные стихи и все части её, не подходящие под их эволюционную точку зрения, относят к эпохе Ездры или даже после Маккавеев. Так, они единодушно относят сюда книгу Второзакония, половину книги пророка Исаии, множество псалмов и вообще почти все учительные книги. Им дела нет и до того, что Самаряне, прекратившие сношения с иудеями еще задолго до плена, имеют у себя Пятюкнижие со Второзаконием, а прочих книг ветхого завета не имеют. Да им и вообще нет дела до правды, до научной правды, прибавил бы я, если б за этим словом в последнее время не приходилось бы каждый раз подозревать желания прикрыть наглую ложь.

И вот из этого мутного источника почерпает своё учение князь Трубецкой, проводящий в своей книге все эти нелепые взгляды на Библию. Но он, как мы сказали, не сообразил того, что ведь его ученые руководители единодушны только в отрицании, только в яром противлении божественной Библии, а заменяя её своими произвольными измышлениями, они строят эти последние каждый по своему, так что едва ли не любую главу любого пророка, один немец относит ко временам Ездры, другой на сто лет позже, а третий ко времени Маккавеев. Наш автор не постеснялся списывать и то, и другое, и третье и таким образом рекламирует себя не только Лондоном и Парижем, но и Берлином, и Франкфуртом, и Саксен-Веймар-Эйзенахом и пр. и проч.

После совершенно произвольных заявлений о подлинности перевода ветхого завета с еврейского языка на греческий (стр. 79; причем автор считает и книгу Иисуса сына Сирахова частью еврейского канона Библии), автор говорит, что книга Даниила не могла быть переведена ранее Маккавейского периода, ибо она в это время только написана (205); а на 275 стр. автор списывает уже у другого немца, что книга Даниила составлена в конце Вавилонского плена. Эту главу он списывает у Шюрера. –

Не знаю далее, у кого автор списал мысль о том, что псалмы собраны при освящении второго храма (270), но в другом месте он относит древнейший Давидов псалом второй уже к Маккавейской эпохе (205, 206), а на 246 стр. у него за псалом сходит 27 глава пророка Исаии, которого он в листке опечаток даже забыл назвать Второисаией, что делают по отношению к этой главе все его отрицательные руководители. Еще менее похвалят они в своём большинстве нашего автора за то, что он написал (конечно списал) следующее: «еще до падения Иерусалима, в 621 г., при благочестивом царе Иосии священник Хелкия «нашел» (зачем эти кавычки, князь? вы хотите дать понять, что он составил, а не нашел) книгу закона (Второзаконие)». Нет, князь, уж врать, так врать. Если Второзаконие, содержащее наиболее возвышенное учение ветхого завета, написано до плена, то вся теория библейской эволюции падает. А почему вы думаете, что Хелкия нашел Второзаконие, а не Чисел, не Руфь и другие?

Впрочем мы теряем терпение продолжать. Трудно было читать эту странную книгу, но писать о ней еще противнее. Будем теперь выражаться конспективно о дальнейших вопиющих самопротиворечиях автора, зависящих от списывания с разных книг без согласования.

У автора после пленное состояние еврейской теократии представляется то формалистическим и бездушным, в противовес временам прежнего пророческого вдохновения (107), хотя, по мнению автора, именно в это время жили авторы книги Исаии, Даниила, Псалтири, всех книг Соломоновых и т. д., – то, напротив, исполненным нравственного подъема духа и религиозного энтузиазма (232). То в изречении ветхого завета о Слове Господа (автор этих изречений совершенно не знает, а потому в одном месте с изумительною бесцеремонностью говорит, что ему и знать не надо – стран. 236-я),¹⁶² он находит «указания на живую личность, на конкретное личное откровение Ягве» (259–262 стр.), – то говорит, что в ветхом завете нет учения о Слове, как личности (235), особенно как личности универсальной, хотя «в религии Израиля не было основания для всемирного мессианизма» (234). Подобное,

ничем не примиренное колебание между двумя противоположными взглядами на еврейство, проходит чрез всю книгу автора; оно не оставляет его и при суждениях о современниках Иисуса Христа. То они настолько подготовлены к принятию евангельской проповеди, что «после реформ Ездры» (270)... народ нередко зовет Его (Бога) тем именем, которое мы постоянно слышим в устах Христа: Отец наш Небесный (ссылка на Дальмана),¹⁶³ – то мы не найдем среди них ни одного (представления о Мессии), которое бы соответствовало христианскому идеалу. Сам Креститель *в смущении* (откуда вы взяли это слово? кто вам дал право его вставлять?) спрашивал Иисуса, тот ли Он, Которому надлежит прийти и т. д. Эх, князь, не знаете вы ни ветхого завета, ни даже Симеона Богоприимца, ни Захарии священника и его пророчества о Предтече, ни песни Елизаветы и Приснодевы, ни даже надежд Самарянки.

Не будем уже приводить всю путаницу противоречивых тезисов автора о *новых идеях* еврейской апокрифической апокалиптики о суде над народами, которые встречаются на самом деле в *Пятокнижии* и в *псалмах* (349), его произвольных и легкомысленных упоминаниях о еврейском якобы многобожии, которое он находит в поэтической речи Иова о волнующемся море (стр. 245, с таким же правом, как в словах Христовых к ветру и к смоковнице), и в названии звезд воинств небесных у пророков (стр. 248; почему же не в словах Христовых: «и силы небесные подвигнутся?»), и даже в видении Иезекиилем ангелов (257); здесь даже автор, не постеснялся подбавить цитату из апостола Павла. Неужели же и апостол был многобожник? До этого ни Ренан, ни Ницше, ни Л. Толстой еще не договаривались. Никто также не называл Климента Александрийского первым христианским литератором, ибо до него были и мужи апостольские, апологеты (стр. 54); никто не называл Оригена и Василия Великого, прояснивших в нравственном смысле обрядовый закон, представителями средних веков (стр. 93–94; ср. 114, где автор совершенно напрасно упрекает Филона в непонимании ветхого завета, сваливая с больной головы на здоровую); никто, конечно, не признавал Талмуд Вавилонский непосредственно следовавшим

за Ездрой по времени (стр. 78), ибо Талмуд начался чрез шестьсот лет после Ездры, и сомневаюсь, чтобы кто, даже из крайних отрицателей, утверждал, что учение о творении мира Единым Богом появилось в Библии после плена у Второисаии (стр. 240), ибо это учение, кроме Моисея и Давида, проповедует и Иов, несомненно, древнейший священный автор, живший до появления какой-либо государственности.

Зато многим библейским нигилистам свойственно и суждение автора о двух рассказах Библии о сотворении человека, основанное на глупой канцелярской придирке к повторениям в книге Бытия слов: «мужа и жену сотворили их» (стр. 143); почти всем им свойственно пантеистическо-эволюционное мировоззрение автора, к которому он хочет приклеить христианство, не как учение о воскресении и вечной жизни на небе, но как учение о земном благоустройстве совершенно чуждое Спасителю, Который учил, что Его последователи будут страдать всегда и особенно во времена последние, когда настанет власть нечестия и порока (стр. 3–8 и 416–422). Также многим библейским нигилистам свойственно толковать вместе с автором о том, что Иисус Христос считал необходимым для Себя страдать за спасение мира, приводить Его изречения о будущих страданиях Своих и умалчивать о *соединенных с ними словах Его* о воскресении, не идеальном, а действительном, трехдневном (стр. 448, 454, 455 у автора, где страдания Христовы толкуются в чисто лютеранском смысле). Особенно странно встретить такое двоедушное отношение к словам Христовым у автора, который признает (точнее – списывает), что учение о воскресении имели и ветхозаветные иудеи (299).

Автор при этом напускает туманных фраз о том, будто чудо в истории Иисуса Христа есть предмет веры, а наука не может ни утверждать, ни отрицать его (стр. 382–383). Подобные слова можно часто встретить в печати, но тогда отрицается, и вполне последовательно, и самая возможность научного исследования Евангелия и вообще Библии. Почему же наш автор находит возможным рассматривать с научной точки зрения одни слова и дела Христовы, даже допускать Его внутреннюю уверенность в

своём Божестве и в то же время обходить существеннейший вопрос, *для него совершенно неизбежный*; был ли Христос Чудотворец, воскресший из мертвых, или обманщик? *tertium non datur*, как справедливо признал Ренан в рассказе о воскрешении Лазаря. И, конечно, автор это прекрасно понимает, но боится раздражить либеральных гусей, и вот эта-то неискренность помешала ему дать какой бы то ни было определенный ответ на *главный вопрос* своего исследования, что значит *богосознание Иисуса Христа*?

На этом предмете следовало бы остановиться подольше, во я и без того почти болен от тяжелых чувств, внушаемых книгой князя Трубецкого, и потому постараюсь быть кратким. Откуда взялось это мудреное словцо «богосознание». Я бы объявил премию тому, кто сумеет его вывести из употребления в богословской литературе.

Термин этот богосознание может обозначать и что угодно, и ничего в частности. Так и у автора богосознание есть и у народа еврейского вообще (стр. 2, 196), и у Иисуса Христа, и у христиан. Иногда оно обозначает как будто бы просто чье-либо учение о Боге, иногда сознание себя Богом у Иисуса Христа (315), но тогда автор пугается либеральных гусей и изображает самосознание Иисуса Христа пантеистическим (382), каковое возможно и в простом человеке, а затем, надеясь, что заслужил от них пять по поведению, снова решается говорить, что Иисус Христос сознавал Себя лично Богом (433, 436–347), но здесь автор опять боится, что какой-нибудь Миусов из Достоевского сопричислит его к клерикалам, и спешит вопреки всякой логике заявить, что учение Иисуса Христа о Своей божественности было чуждо каких-либо догматических положений (431), и затем даже примыкает к чисто несторианскому учению о богочеловечестве (432).

Решительно не знаем, что думать о писателе, который так отвечает на самый интересный для читателя вопрос своей диссертации. Не удивимся отсутствию здесь честности; удивимся уверенности в том, что его книгу не изорвут, и не бросят ему под ноги вместо увенчания докторской степенью. И однако автор не

ошибся в своей уверенности. Бедная Русь! бедная наука! Как над вами издеваются!

Нам скажут, что мы останавливались на отдельных ложных тезисах автора, а не разобрали его теории, но теории у него и нет, как мы сказали. Его сочинение, взятое в целом есть: «Взгляд и нечто». Можно разбирать его тезисы, но не книгу. Можно разве противопоставить всей его теме о «происхождении идеи Логоса в греческой философии и её усвоении христианскою мыслью, обогатившею её новым христианским содержанием» (стр. 10), – теме, автором не разработанной и не выясненной даже, вот какую *истинно-библейскую мысль*. Мысль эта будет совершенно новая в нашей богословской литературе, но мы твердо её будем отстаивать против не Трубецкого только, но против векового заблуждения европейского и русского богословия,¹⁶⁴ находящего сродство новозаветного учения о слове с Платоновским. Мы хотим сказать, что 1) евангельское и апокалипсисово слово вовсе не обозначает *разума*, как и Платоновский Логос не обозначает *Слова*; 2) учение апостола Иоанна о слове целиком взято из ветхого завета (где она было задолго до Платона) и затем *приурочено* к воплощению Сына Божия; 3) в ветхом завете слово обозначается речением *мемра*, и разум речением *яда*, так что там и речи не может быть о синонимичности этих понятий; 4) современные ученые не знают этого сродства Иоанновского Логоса (слова) с ветхозаветным *мемра*, потому что изучают Библию не целиком, а кусочками, а если б изучали всю Библию, то увидели бы, что 5) понятие Слова (глагола, а не разума) есть главная проблема ветхого завета и притом не метафизическая и этическая, и что именно такой-же смысл сохраняет это понятие в завете новом; 6) что поэтому Платон и Филон не имеют никакого сходства с новозаветным, а с ветхозаветным – лишь то, что Филон писал под его влиянием; 7) что христианские апологеты, писавшие о Логосе в Платоновском смысле, поступали только *ad hominem*, как и в других случаях когда они сближали Библию с греческими мифами, гномами и философемами; 8) что древнейшие переводы нового завета всегда брали Логос в смысле слова, а не разума.

Первые пять положений мы раскроем в особой статье, если получим досуг её написать. Свои заметки на книгу князя Трубецкого мы написали в паровой каюте после долгих и тщетных ожиданий, что на эту неосновательную и дерзкую книгу отзовутся преподаватели библейских наук в духовных академиях. Удивляемся и печалимся об их молчании, а пишущий эти строки человек должностной, не обладающий ни досугом, ни возможностью подкрепить свою память новыми справками.

Мы удивлялись молчанию академических ученых после дерзкой, вызывающей статьи князя Трубецкого в «Вопросах философии» за 1898 г., где он писал (т. е. списывал) о мессианских чаяниях иудеев, а их теперешнего безмолвия мы и в толк взять не можем.

М. Старобельский

Айвазов И. Епархиальный миссионер. Несколько критических замечаний на доклад г. Стаховича о «свободе совести» // Миссионерское обозрение 1901 г. № 12. С. 722–745

В вечернем заседании Орловского миссионерского съезда, 24 сентября, как известно, был заслушан доклад г. М. А. Стаховича о «свободе совести». Присутствуя на съезде в качестве члена одного, я имел возможность тогда же высказать несколько слов по существу содержимого в докладе. Но так как вопрос о «свободе совести» никаким образом не может быть отнесен к числу тех, кои решаются *ex abrupto*, то я искренно скорблю, что, при полном желании «отплатить» со своей стороны г. Стаховичу за его просвещенное и «братское» участие в занятиях съезда, не мог хотя бы с мало-мальски достаточной полнотой и ясностью *в один момент*¹⁶⁵ разрешить «мучивший его всё время недоуменный вопрос», притом еще – «единый на потребу... краевый угольный камень»!... С другой стороны, полная невозможность уловить течение мыслей искусного оратора, пестрота и обилие в докладе цитат, которые громко и неоспоримо свидетельствуют о неисчерпаемой эрудиции лектора, поразительное умение последнего проникать в самый корень вещей и от своих щедрот дарить слушателей богатством посылок, удивительным сочетаньем мыслей и фактов и еще более неожиданными выводами из них: всё это ошеломяло меня, и невольно приходило мне на мысль, что для почтенного лектора поставленный им вопрос *давно решен*... Но всё же, сказав несколько слов в заседании съезда, я считаю долгом, хотя отчасти, дополнить наскоро данный ответ.

Доклад г. Стаховича, за исключением обычного салонного пустоцвета – вступления, представляет собой: во 1-х, дословную – почти $\frac{2}{3}$ текста – выдержку из IV т. сочинений И. С. Аксакова, откуда почерпнуты ссылки и на других писателей, как-то: Гизо, Геттэ, Овербека etc...; во 2-х, крайне неудачную и поразительно скучную перифразировку не более двух-трех выводных суждений И. Аксакова; в 3-х, вольный пересказ с

комментариями текста «Миссионер. Памятки» и слов о. Переверзева и, в 4-х, далеко не оригинальный заключительный пафос.¹⁶⁶

«Иде же Дух Господень – ту свобода», так начинает оратор ряд доказательств в пользу «свободы совести» и далее спрашивает: «Значит ли это, что где дух не Господень, там не должно быть и свободы? Или, может быть, это значит, что где нет свободы, там нет и Духа Господня?»

Отвечаем: целью доклада поставлено решение вопроса не о «свободе» вообще, а о «свободе совести», посему оратору необходимо было привести библейские доказательства в пользу именно «свободы совести», чего он, к сожалению, не сделал... Приведенный же им из послания ап. Павла текст говорит не о «свободе совести», и даже не о «свободе» вообще, а, как видно из контекста речи, о свободе от рабства Моисееву закону!...

Быть может, г. докладчик возразит: «без решения проблемы свободы нельзя говорить о свободе совести, потому что прежде необходимо определить и согласиться в том, что разумеет под свободой?» Вполне соглашаемся с таким существенным возражением. Но тогда спросим, почему же оратор не выяснил понятия *свободы*, я не говорю с чисто философской,¹⁶⁷ но с богословско-православной точки зрения?! Он взял слово «свобода», как нечто весьма определенное, неоспоримое и общеизвестное, и в поисках за библейским авторитетом пристегнул к нему отрывочно взятый из апостола текст, нисколько не заботясь о том, что могло выйти и действительно вышло не лучше того, как «Петербургские Ведомости» (№ 267) требовали признания свободы слова на основании евангельского текста: «в начале бе Слово и Слово бе к Богу и Бог бе Слово»!... Между тем, по выражению Ю. Ф. Самарина, «слово *свобода* – самое неопределенное»... И действительно, понятие свободы, как чисто формальное, само по себе пусто и бессодержательно; отсюда в требовании свободы могут сойтись и действительно сходятся люди самых различных верований, направлений и убеждений, не исключая и отставного ген.-лейтен. И. Филипенко («Петерб. Ведом.» № 284). Посему нельзя употреблять слово *свобода* в поставленных докладчиком

вопросах, прежде чем не выяснено, с какой точки зрения смотреть на свободу и что под ней разуместь? Если, например, отвечать на приведенные нами вопросы оратора с христианской точки зрения, то необходимо признать, что «где Дух не Господень, там нет истины, нет и свободы, а царит рабство лжи и греха; или, где нет свободы от рабства лжи и греху, там нет и Духа Господня» (сравн. Ин.8:32–34; 1Ин.2:21). Совместность свободы с Духом Господним обязательна лишь при христианском понимании свободы, ибо «какое согласие между Христом и Велиаром?» Или какая совместность Духа Господня со свободой атеистов, революционеров и пр.? – Ясно, что о положительном значении требования свободы можно говорить лишь тогда, когда установлена точка зрения на самую свободу, определена её цель и содержание и, смотря по тому, какова эта цель или содержание, самая свобода получает с известной точки зрения далеко не одинаковое достоинство. Но, к сожалению, оратор предпочел более легкий и скорый, хотя и более скользкий путь. В попытках оправдать себя библейским текстом он к словам апостола «ту свобода» произвольно подставил всего лишь несколько своих слов и, по-видимому, достиг искомой цели, – получилось, что «где нет свободы для слова, свободы для мнения, свободы для сомнения, свободы для исповедания, – там нет и места для веры, там не повеет Дух Господень»! Очевидно, пылкий оратор забыл, что «Слово Божие острее всякого меча обоюдоострого», и что, следуя его примеру, или, точнее, произволу, мормон вправе сказать: «ту свобода» не слова, не мнения, не сомнения, а полигамии, хлыст – свального греха, скопец – оскотления, г. И. Филипенко – «религиозной эволюции» («Петерб. Вед.» № 284), а пылкий француз давно уже воскликнул: «ту свобода» революции и начертал её на знамени последней и возвел её в девиз террора, анархии, тирании... А, как то водится, не так уж исстари, вслед за французом и «наши антиподы западного либерализма» провещали: «ту свобода» всего, свобода ради свободы и из-за последней, чуждой и тени религиозных принципов, приняли под своё особенное покровительство разные расколы и секты, забыв, что в конце концов и сами

придут к той же западной тирании, которой, по словам И. С. Аксакова, кончается «всякий либерализм». Впрочем, «либерализм» – либерален на чужое и строгий консерватор на своё!...

Не только не выяснив, но даже исказив идею свободы у ап. Павла, г. Стахович спешит заявить, что эта идея «нуждается в брэнном воплощении и, как тело в одежде, нуждается в мотивировке». Думаю, что почтенный оратор крайне неудачно сравнивает потребность идеи в мотивировке с потребностью тела в одежде, так как между отношением тела к одежде и идеи к мотивировке самая пылкая фантазия может открыть сходство лишь в том, что оба они, т. е. тело и идея, *нуждаются*... Но всё же согласен, что для брэнных целей несравненно лучше искать воплощения в брени, чем в тексте св. Писания!... Такое «воплощение» идеи свободы г. Стахович находит, прежде всего, в двух выдержках из сочинения Гизо: «*Méditations sur l'essence de la religion chrétienne*», процитированных им по И. С. Аксакову (т. IV, стр. 28–32). Сущность первой выдержки такова: «христианская религия, претерпев мученичество и гонение под скипетром языческих императоров, в свою очередь жила под стражею гражданского закона, защищаемая оружием светской власти. Но ныне, вследствие великой умственной и социальной революции, существенные черты которой: дух науки, преобладание демократического начала и политическая свобода, ей приходится иметь дело со свободной мыслью, свободным суждением и защищаться уже самой, самой охранять себя и свидетельствовать неустанно и против всякого встречного свою истину, нравственную и историческую, своё право на разум и душу человеческую. Католики, протестанты, жидаы, христиане и философы, – все теперь, по крайней мере, во Франции, ограждены от всякого преследования; наружное выражение верования равно свободно для каждого. Правда, свобода религиозная, т. е. свобода верить, верить различно, или вовсе не верить, еще не вполне принята и обеспечена в разных государствах, но, очевидно, что она более и более становится всеобщим фактом и станет отныне обычным правом просвещенного мира. Все политические учреждения должны

будут прилаживаться к этим фактам и все нравственные власти жить с последними в мире. Христианская религия также не избавлена от этого испытания, но она преодолет его, как преодолела множество других».

Казалось, оратор должен был показать и доказать, что пророчество Гизо исполнилось, что действительно во Франции и других просвещенных странах *de facto* существует такая «религиозная свобода»¹⁶⁸... Между тем он берет мнение и даже проект доктринера Гизо на полную веру и приводит их в докладе за жизненную аксиому!... Далее, процитировав Гизо по Аксакову, г. Стахович должен был оговориться, что Аксаков не вполне согласен с мнением Гизо. Но почему-то и этого г. Стахович не сделал и, опустив возражения Аксакова, тотчас цитирует вторую выдержку из Гизо и затем мнение Аксакова – последней приводит, как якобы относящееся к первой и второй!... Между тем, в виду поразительно-сильного авторитета, каким пользуется не только мнение, но и буквальный текст Аксакова в докладе г. Стаховича, там же необходимо было выяснить, что, вопреки Гизо, Аксаков не только не противопоставляет христианской религии приведенные факты умственной и социальной революции, как что-то от неё совершенно отдельное, независимое, что-то ей чуждое, с чем ей, как-бы *волей-неволей*, приходится считаться, но производит их от напора христианской идеи, которая нередко прорывалась в людях к жизни путем извращенным, не христианским, путем отрицания, насилия и революции. Не раз Аксаков вспоминает о выставленном на знамени первой французской революции девизе: «свобода, равенство, братство», который дан миру Евангелием, и сожалеет, что смысл этого девиза исказили революционеры, вложив в него своё суждение и безумно неистовствуя против Евангелия!... Если бы оратор привел это мнение Аксакова, то стало бы ясным, что, вопреки Гизо, по Аксакову, христианской религии не только не нужно «преодолевать» различные проявления свободы, или же делать им такие уступки, чтобы «жить с ними в мире», но что «свобода есть самая стихия жизни Церкви Христовой», которой посему необходимо отстаивать лишь *христианское* понимание

свободы, чтобы под видом последней не было предложено христианам что-либо *открыто* враждебное Христу, или же искусно скрытое под христианским *обличьем*, но также противное свободе, возвещенной Христом. Еще рельефнее станет различие между взглядом на «свободу» у Гизо и Аксакова, если обратимся к другим сочинениям Гизо. Так, в «Истории цивилизации в Европе» читаем: «страсть к личной независимости есть само по себе благородное чувство, почерпающее свою силу из нравственной природы человека: это – удовольствие сознавать себя человеком, это – чувство личности, самостоятельности человеческой в свободном её развитии... Но это чувство личности, чувство *свободы* (индивидуума) было внесено в европейскую цивилизацию *варварами*; оно не было известно ни римскому миру, ни христианской Церкви, ни большей части древних цивилизаций. Если вы и находите в древних цивилизациях свободу, то свободу политическую, свободу гражданина. Там человек заботится не о личной, но о гражданской своей свободе, он принадлежит к известному обществу, посвятил себя ему, готов пожертвовать ему собой. То же самое было и в *христианской* Церкви: и там господствовало чрезвычайно сильно развитое чувство привязанности к христианской *общине*, преданности её законам, живая потребность расширить её владычество; или же религиозное чувство вызывало сильную реакцию человека против самого себя, своей души, внутреннее стремление *ограничит* свою свободу и подчиниться требованиям веры; но повторяю, – чувство личной независимости, стремление к свободе не было знакомо ни римскому, ни христианскому обществу. Оно было внесено и положено в колыбель европейской цивилизации *варварами*». Между тем, по учению славянофилов и в частности И. С. Аксакова (в данном случае согласного с западниками, напр., с Кавелиным), принцип свободы личности впервые возвещен был и установлен христианством, и в этом заключается главное значение последнего. При таком взгляде И. С. Аксакова на «свободу личности» у пей не остается ничего общего, кроме названия, со «свободой личности» у Гизо. В то время как первый считает

«свободу личности» и по названию, и по содержанию главным элементом христианства, второй признает её вкладом в европейскую цивилизацию от варваров и посему чуждой христианской санкции. Но «человеческая личность, говорит Аксаков, как скоро познала и вкусила однажды данного ей христианством значения и свободы и затем совлекла с себя христианское освящение (какова свобода варваров), претворяется всегда не во что иное, как в самый дикий, разнузданный эгоизм!»... Таким образом подкреплять в докладе требование «свободы» двумя диаметрально противоположными взглядами на «свободу» равносильно уничтожению самого требования, а санкционировать мнение Гизо о свободе согласием Аксакова отнюдь нельзя.

Если теперь обратимся ко второй выдержке из Гизо, то опять увидим, что, подтверждая смысл её мнением Аксакова, г. Стахович должен был сделать весьма существенные оговорки, чтобы не ввести слушателей в заблуждение относительно полной солидарности Аксакова с мнением Гизо. Сущность 2-ой цитаты из Гизо такова: сказав, что христианская религия преодолевает уже известные нам испытания, Гизо продолжает: «дело крайней важности и необходимости, чтобы христиане не обольщались на счет предстоящей им борьбы, на счет её опасностей и тех орудий, которые им возможно будет употребить в дело. Нападение, направленное теперь на христианскую религию – нападение пламенное и совершаемое то с грубым фанатизмом, то с хитрым искусством, – то во имя самых низких страстей, то во имя самых искренних убеждений; иные (на Западе) оспаривают её, как лживую, другие отвергают её, как слишком требовательную и стеснительную, – большая часть страшится её, как тирании. Христиане, со своей стороны, с трудом допускают новое социальное положение и с трудом прилаживаются к нему. Не легко перейти от привилегии к общности права и от господства к свободе. И однако же они к тому вынуждены обстоятельствами, – они уже нигде, как только в свободе суждения и воспользовавшись всей полнотой своей собственной свободы, могут обрести нужную им силу, чтобы возвыситься над опасностями и сделать тщетными нападения

своих яростных противников»... И. С. Аксаков согласен, что Гизо «с поразительной верностью определил настоящее положение дела, настоящие опасности, грозящие торжеству христианской истины... и что победа может остаться за христианской истиной только тогда, когда защитники этой истины будут вполне ей верны и будут защищать её единым соответственным её достоинству орудием, когда они убедятся, что только в свободе суждения, в свободе совести и воспользовавшись всей полнотой собственной свободы, они могут обрести необходимую им силу для победы над могуществом лжи и мрака, для одоления своих многочисленных и искусных врагов». Но и сейчас Аксаков, вопреки Гизо, верит, что «свобода суждения», «свобода совести» и вообще «полнота свободы» – единое *соответственное* достоинству христианской религии орудие в борьбе с врагами, а не *противное* ей, к которому она лишь волей-неволей должна прибегнуть, вследствие изменившегося социального строя. Ей необходимо заботиться лишь о том, чтобы это орудие было *христианским* не по названию только, а, главное, по цели его употребления и содержанию. Все приведенные нами оговорки считаем существенно необходимыми, чтобы не отождествить (как сделал то г. докладчик) два противоположных взгляда на «свободу» Гизо и Аксакова и не пользоваться ими, как солидарными, для подтверждения своих требований свободы. Нельзя не заметить, что Гизо принадлежал к протестантскому семейству, сильно пострадавшему от религиозных гонений прежнего режима и от ужасов революции. Всё это вместе с современной ему религиозно-политической жизнью Запада и отразилось на его учении о свободе. Он видел, что «католики слишком трусят свободы, протестанты слишком трусят авторитета», что в политической жизни также идет сильная борьба между началами свободы и началами строгого порядка, и вот вместе с Ройе Колларом создает во Франции школу доктринеров, которая доказывала возможность совмещения полной свободы со строгим общественным порядком. Но что легко было начертить в кабинетном докладе, то оказалось невозможным провести в жизнь, и школа Гизо падает, просуществовав не

более 30 лет. Думаем, что совершенно иного взгляда держался бы Гизо и на христианство, и на свободу, если бы знаком был с религиозной жизнью Востока. По крайней мере, другой протестант, современник Гизо, профессор и доктор богословия и философии Овербек, в своей брошюре, изданной в 1865 г.: «Ex oriente lux!» говорит: «если бы Лютер принадлежал к Церкви Восточной, то он не имел бы причины оставлять её, потому что первоначальные обвинения, справедливо возведенные им на Римскую Церковь, не нашли бы себе места по отношению к Восточной Церкви. Дух православного кафоличества – есть вера, любовь, убеждение, свобода, благочестие, движение вперед!»... Если теперь обратимся к свидетельству современной исторической науки, то и с точки зрения последней, Гизо не достаёт строгой объективности, всюду проглядывают его предвзятые идеи и принципы, навеянные духом того бурного времени, которое переживала Франция в 30-х и 40-х годах прошлого столетия.

Невольно приходит на мысль, что если апостольская идея свободы и «нуждается в бренном воплощении и мотивировке», взятых у Гизо, то лишь для того, чтобы «апостольское» исказить или предать забвению, а под видом, «апостольского» «бренное» провести в жизнь!...

Но пойдём далее. Почтенный оратор буквальными словами И. С. Аксакова задаёт от себя целый ряд вопросов. «Что выражается требованием свободы совести?» – спрашивает он. Отвечаем: у кого? Если у вас, то, к сожалению, ещё не знаем, так как доселе вы привели и слили воедино лишь два диаметрально-противоположных чужих взгляда на «свободу!»... – «Для кого и для чего оно нужно? Для торжества ли лживых и суеверных учений? Выражается ли этим требованием сострадание к расколу или простое увлечение современными либеральными требованиями цивилизации, прогресса и проч.? Ничуть не бывало»... – отвечает оратор. Но позвольте: всё это одни слова, одни излияния чувства, а где же доказательства? Вы говорите: «ничуть не бывало», а я скажу: нет, бывало и теперь бывает. Вспомните слова хотя бы И. С. Аксакова: «весь христианский мир на Западе охвачен теперь борьбой с врагом,

которому ходячее имя: современный прогресс; это бой на жизнь и смерть с Церковью, бой во имя культуры, цивилизации, всяческой свободы и общественных благ. Этот бой начинается и у нас, каждый день умножая противников Церкви, каждый день увлекая под знамя «прогресса» множество молодых... Ибо это знамя «равенства и братства», «свободы, знания, мысли и совести», и т. д. и т. д.¹⁶⁹ Все эти либеральные принципы, сдвинутые с основы христианского мирозерцания, логически приводят к абсурду: *прогресс*, в конце концов становится *регрессом*; цивилизация завершается *одичанием*; свобода – деспотизмом и рабством... По этим-то «либеральным» принципам, чуждым христианской основы, и наши поборники либерализма, в лице известной части прессы и вообще всех поклонников европейского прогресса, приняли под своё особенное покровительство и ратуют за всяческие расколы и секты... Мы говорили, что конец этого «либерализма» – тирания, и видим это, например, во Франции, где государство, под предлогом «свободы совести», принудительною властью создает в христианской стране для масс христианского народа, новую *обязательную* школу без всякой идеи о Боге, заменяя в учебниках самое слово *Бог* словом *натура*, т. е. *навязывает* насильно, согласно с «последним словом прогресса», своего рода *сектантство*. Не похожее ли на это стремились провести в жизнь и наши «либералы» в министерство Головнина и позже бар. Николаи, когда и министерство, и «либеральная» пресса предприняли крестовый поход против духовенства и «церковщины», и когда, с помощью казенных, т. е. народных денег, целый легион передовых педагогов сочинял народные азбуки, в которых вместо старинного: Аз – А – Ангел, ставили: А – Арбуз; вместо: Буки – Б – Бог, ставили: Б – Баран!... И все ликовали, что нанесли удар «клерикализму»,¹⁷⁰ а «Страна» гудела хвалебным басом, ожидая себе благодарности от отечества!...¹⁷¹

«До цивилизации и прогресса нам и дела нет, говорите вы, ибо превыше всякой цивилизации и прогресса – идеал, препоставленный человечеству Христом, и требование свободы совести опирается лишь на самом Слове Божиим»... Но

позвольте, опять: слова, слова и слова... Почему же вы своё требование «свободы совести» не обосновали на фундаменте из слов Христовых и апостольских? Почему не раскрыли *истинно-христианский* смысл понятия: «свобода совести»? Вы привели всего лишь один, да и то отрывочно взятый и к данному вопросу не относящийся, библейский текст!... Вы говорите, что идеал Христа «*превыше* всякой цивилизации и прогресса», но превосходная степень: «превыше» – здесь неуместна, ибо идеал Христа и «современная цивилизация и прогресс» – две величины не сравнимые, а диаметрально-противоположные: первая влечет человека в мир горний, от земли, а вторая приковывает его к земле!...

Не стану останавливаться на вашем утверждении, что схизматики и еретики Франции, Англии, Германии, Австрии смелее и справедливее относятся к иноверным христианам, нежели православие, потому что утверждение это скорее наивно, чем серьезно, ибо обосновано лишь на том, что за границей издаются два православных журнала, да выпущена лет 35 тому назад брошюрка: «*Ex oriente lux!*»... Нет, для подобных утверждений мало процитировать только IV т. Аксакова, да и в последнем найдется много данных против себя!

«У нас уверяют, говорите вы, что есть свобода верования, только нет свободы исповедания». Между тем «без последней не может быть первой. Вера в сердце зарождается и в нём обитает. И «от избытка сердца уста глаголют». Можно ли запечатать их на живом образе человеческом, не превратив веры в изуверство или не вытравив её совсем из сердца? Думаю, – отвечаете вы, – что нельзя».

Между тем в следующих за сим строках вы сами признаете за государством право требовать от своих подданных, чтобы последние отнюдь «не смели признаваться в своей вере ни ему, ни другим»?! Но ведь «признание» в вере есть то же, что внешнее проявление её, или исповедание: словом – устами, делом и пр.?! Значит, и вы: допускаете возможность «веры» и «веры свободной», без открытого или свободного исповедания её!? Значит и по вашему «запечатание» исповедания веры не

есть еще «превращение веры в изуверство или вытравление её»?! Тогда с кем же вы спорите и кого поучаете, если волей-неволей и сами впадаете в тужу «ошибку», которую якобы враги Церкви «выдают за прямой обман»?!

Но остановимся на вашем заявлении: «законодательство вправе говорить любому подданному: «ты можешь верить во что хочешь и как хочешь, или совсем не верить, – мне всё равно. Только не смей в этом признаваться ни мне, ни другим». Но Церковь не может повторять за ним тех же слов. Больше: она не может не сказать государству: Нет! Предоставь мне, мне единой на то уполномоченной, ведать дела совести»...

Итак, значит, по новым законам, проектируемым вами, государство и Церковь две совершенно отдельные области, не имеющие между собой ничего общего, и даже первое преследует вторую. Церковь ведаёт только совесть человека и притом совесть внутреннюю, а государство – внешние проявления мысли, сердца и воли человека. В своей жизни первая руководится чисто-божескими законами, а второе – чисто человеческими, или, так сказать, чисто-юридическими, не только чуждыми какого-либо влияния религии, до которой им нет никакого дела, но и преследующими её, как скоро она из сердца человека переходит в область государственную, или чисто-внешнюю.

Ничего подобного не только не говорили, но и думать не могли излюбленные нами авторитеты и, в частности, И. С. Аксаков. Напротив, в биографическом очерке Ф. И. Тютчева Аксаков вполне соглашается с мнением Тютчева, что «образ государства, совершенно отвергающего всякое высшее освящение, всякое отношение к какому-либо *сверхчеловеческому* нравственному началу, государства, объявляющего себя бездушным, а если и с душою, так не знающею никакой веры, впервые предложен революцией.¹⁷² Но это притязание на *нейтральность* не есть дело серьезное и искреннее со стороны революции. Она слишком хорошо знает, что в отношении к её противнику такая нейтральность невозможна: «кто не со Мною, тот против Меня». Уже для того, чтобы обратиться к христианству с предложением

нейтральности, надобно было перестать быть христианином. Для того, чтобы такое *безразличное* отношение было не ложью или западней, нужно бы, чтобы государство согласилось отнять у себя всякое значение *нравственного авторитета*, низвело себя на степень простого полицейского учреждения, простого материального факта, неспособного по самой своей природе выражать какую бы то ни было нравственную идею. Но, впрочем, революция и не думает вовсе довольствоваться для государства, ею созданного по своему образу и подобию, таким смиренным положением, ни осуждать его на бездушие. Она изгоняет из государств признанные господствующие религии только потому, что заменяет их своей революцией, т. е. религией безверия» (La question Romaine et la papauté – Ф. Тютчева). К этим словам Тютчева Аксаков, между прочим, добавляет: «христианское *общество*, для которого государство служит внешним покровом, средством и формой общежития, не может допустить со стороны этой формы такого отношения к высшим нравственным целям своего общественного существования, которое не хотело с ними считаться, не может в своём общественном организме, облеченном в государственную форму, признать другой души, другого *нравственного* идеала, кроме той души и того идеала, которые оно само влагает, не может дозволить, чтобы эта форма, это государство творило бы само себя кумиром.¹⁷³ Начало государственное должно в *общественном сознании* состоять в отношении нравственного подчинения к духовному, высшему для человека началу»... В приведенных словах И. С. Аксакова нельзя видеть смешения «Божеского», или церковного, с «мирским», или государственным. Необходимо помнить, что Аксаков признает как бы две Церкви, или, точнее, две стороны одной и той же Церкви: во-1-х, Церковь внешнюю, или историческую, взятую и понимаемую со стороны обращенной к истории человеческой и, во-2-х, Церковь внутреннюю, *не опознаваемую внешними признаками*, но пребывающую в церкви исторической и саму о себе, как истина, свидетельствующую, вечную Церковь Христову, сохраняющую для мира, для всех веков и народов, и возносящую *над ним* идеал христианский во всей его чистоте и

неумолимой строгости. Последняя-то Церковь и стоит вне действительной жизни; но Церковь историческая никогда не стояла вне действительной жизни. С воцарением христиан на троне кесарей ей потребовалось установить *modus vivendi* с государством, а «это такая задача, которую даже теоретически разрешить *не могло* человечество и до сих пор». И. С. Аксаков согласен с мнением о. Иванцова-Платонова, что «Церковь в государстве есть *самостоятельный духовный организм*», но также согласен с о. Ив.-Платоновым и в том, что «из этого не следует, чтобы между государством и Церковью не было никакой связи, никакого взаимообщения, как то пытаются установить на Западе»... «*Фактически никак нельзя* провести решительного разобщения между Церковью и государством, когда Церковь и государство имеют своими членами *одних и тех же живых людей*. Напротив, *желательно*, чтобы между Церковью и государством существовало возможно близкое взаимообщение, чтобы Церковь и государство помогали друг другу в осуществлении задач и в достижении целей того и другого». «Русское государство, говорит тот же Аксаков, лучшими сторонами своего бытия, своим *внутренним единством*, целостью и крепостью *духовной* обязано именно Церкви и иерархии православные были в то же время и главными зиждителями нашего *государственного* строя и величия, но им противно было *политическое* властолюбие». И такой порядок И. С. Аксаков не только не осуждает, но, напротив, считает его согласным с духом Церкви Христовой и залогом дальнейшего преуспевания России. «Наши цивилизованные «националы», – говорит он, – стыдятся эпитета «Русь *святая*» и всячески «стараются доказать, что этого эпитета не существует!!!» Но вот что пишет германский профессор Овербек: «упрек, делаемый России в том, что у русских *народность* и *Церковь* сливаются вместе – утверждение довольно правильное; но это вовсе не может быть поставлено ей в упрек, а в *преимущество*. Что именно безотрадно для нас, бедных германцев, это то, что наше народное чувство пристегнуто к какому-то отвлеченному, безжизненному понятию: «Германия». И этот конгломерат

раздельных частей еще *раздвоен сердцем – в религии!* Первое условие для единства Германии – есть *единство веры...* Мы охотно готовы допустить, что в России много недостатков, что она нуждается еще во многих преобразованиях, – но она – с *религией тесно связанное государство*, и это её *превосходство*. Государство чтит религию, религия чтит государство, и *их интересы взаимно сливаются*. Франция обладает сильным чувством национальности, но она зиждется не на религии, а на *gloire* (славе)! Англия обладает сильным чувством национальности, но и она зиждется *не на религии*, а на *идее свободы!* Россия же зиждется на вере, – оттого и великою будет её будущность»... «И это говорит, – добавляет И. С. Аксаков, – немец, профессор, протестант напечатано это по-немецки, в Галле! Не то же ли это самое, что высказывается во всех сочинениях Хомякова, К. Аксакова, Киреевского, как голос народного самосознания, что подавало и еще подает такой обильный повод к глумлению в нашей цивилизованной публике?» Эта связь Церкви с государством в России настолько велика, что «православная вера в ней есть *общественное и бытовое начало* и проникает собою *историческое бытие* русского народа; без разумения духовно-исторического элемента России невозможно ясное разумение самой России и её, по-видимому, чисто внешних, даже политических обстоятельств». Таким образом И. С. Аксаков, вместе с другими славянофилами, *ратует за тесную связь* Церкви с государством, без нарушения самостоятельной той и другого, видит в этом залог будущего процветания России и русской Церкви. При таком взаимоотношении Церкви и государства между последним и его подданными существует единение не только внешнее, чисто-юридическое, так сказать, «за страх», каково единение государства с иноверными подданными, но внутреннее, духовное – «за совесть»! И, думается, нет необходимости доказывать важность и преимущества именно последнего единения и его полное согласие с учением Христа. Не то же ли самое говорил и почивший В. С. Соловьев: «чтобы возродить все человечество, христианство должно проникнуть не только его личные, но и *общественные* стихии.

Богочеловеческая связь должна быть восстановлена не только индивидуально, но и *собираательно*. Как божественная стихия имеет своё собирательное выражение в Церкви, так чисто-человеческая стихия имеет подобное же выражение в государстве и, следовательно, богочеловеческая связь выражается собирательно *в свободном сочетании* Церкви и государства, причем это последнее является уже как христианское государство». ¹⁷⁴

Ну, как же г. Стахович назовет то государство, которое его же словами скажет своим подданным: «ты можешь верить, во что хочешь и как хочешь, или совсем не верить, – мне всё равно. Только не смей в этом признаваться ни мне, ни другим?!» Я думаю, что отнюдь не «христианским» и даже вообще не «верующим», а «безверным», – и трудно понять, каким образом г. Стахович в своих суждениях опирался на авторитеты славянофилов и В. С. Соловьева!... Невольно приходит на память г. Григорий Градовский в связи со славянофильской статьей, напечатанной в № 57 «Русь» за 1881 г.!

Но если государство г. Стаховича не «христианское», то какое же? Ответ найдем в словах того же И. С. Аксакова: «известно, пишет он, что по новейшим западным теориям, ¹⁷⁵ затверженным и повторяемым слово в слово и нашими антиподами западного либерализма, – «религия есть только личное, субъективное чувство», до которого не только государству, но и обществу никакого нет дела, так как государство по существу своему безверно, а общество-де, как общество, не должно иметь никакого вероисповедания: религиозные интересы касаются лишь отдельных лиц, которые, пожалуй, могут, ради их слагаться в некоторые группы, – но всё же эти интересы принадлежат к категории частных, а не государственных и не общественных интересов»... Не то же ли самое говорит г. Стахович? Да, отвечаем, тоже и даже еще строже: западные теории допускают («пожалуй могут»...), а он говорит: «не смей признаваться»!... К чему же играть в прятки и расточать фальшивую словесность: на словах кричать: «до цивилизации и прогресса (разумею *западных*) нам дела нет, а в

сущности доводить требования этого «прогресса» до логического конца! Или это также в духе западной «свободы совести»? Не лучше ли говорить прямо, чего хотите? Вот г. Н. Дурново откровенно сознается, что ненавидит он духовенство за то, что государство якобы стремится сменить упавшее дворянство духовенством и, отняв у дворянства власть над крестьянами, отдало последних якобы в материальную кабалу духовенству?!... При такой откровенности ясны и вылазки г. Новикова против церковных школ,¹⁷⁶ да и вообще против русской Церкви!...

Но продолжим логический вывод из теории «государства», предлагаемой г. Стаховичем. На столь любимом им Западе «государство, по словам Аксакова же, далеко не безверно. Как ни бьется оно, – всё же оно не в силах вполне освободить себя от стихии религиозной, хотя бы в *отрицательном* смысле. Оно – вероисповедное государство, но исповедует веру в *атеизм*, творит себе кумиром себя самого и себе поклоняется. В языческом мире не существовало, *вне государства*, высшего идеала общежития; государство было для него выражением высшей истины. Само в себе имеющее цель, само для себя существующее, само олицетворенное божество, такое государство (каковым был Рим) стало уже немыслимо в мире христианском. Христианство, открыв человеку и человечеству высшее призвание *вне* государства и высший идеал вселенского единства в Церкви, отвело государству настоящее, подобающее ему место, ограничило его значение значением «царства от мира», указало предел воздаяния «кесарю», одним словом, поставило над кесарем Бога и провозгласило то высшее, божественное начало, которому подчинена личная совесть и правящих и управляемых, а следовательно, *подчинено нравственно и государство* и всякий иной вид человеческого общежития. В наши дни, именно на Западе, мы видим попытку «кесаря» (этот образ лишь олицетворение идей государства) раздвинуть пределы того, что ему отведено, и захватить то, что принадлежит «Богowi». Он не мирится с мыслью, что над ним есть Бог – Царь царствующих; он не терпит над собою никакого высшего начала и стремится поэтому вытеснить Бога, Церковь,

а с ними и душу и совесть, заменить их исключительно «правовым порядком»¹⁷⁷... внести правовое, юридическое, государственное начало повсюду».

Такое же государство в его отношении к Церкви рекомендует нам и г. Стахович, волей или неволей подражая и другим «нашим легкомысленным либералам». Последние очень часто и не отдают себе полного отчета в значении этого явления на Западе. Им кажется даже, что почва у нас для такой проповеди вполне благоприятная!... И вспоминаются здесь слова в Бозе почившего В. С. Соловьева: «народ сам по себе всегда относился правильно и к Церкви, и к государству, и к другим классам; он всегда исполнял своё назначение, возделывал землю для общей пользы, сохраняя вполне свою солидарность с высшими религиозными и гражданскими интересами, а лучшие люди – общественные деятели и вожди народа, показатели пути – вместо того, чтобы быть свободными служителями государства и Церкви, слишком часто хотели быть господами во всём и над всем»!...

Но пойдем далее. «Меня спросят, говорит оратор: чего же вы хотите? Разрешения не только безнаказанного отпадения от православия, но и право безнаказанного исполнения своей веры, т. е. совращения других?»¹⁷⁸ И я (т. е. оратор) отвечу: «да. *Только это называется свободой совести*».

Как, однако, г. Стахович почти на каждом шагу противоречит себе? Только что он говорил, что государству нет никакого дела до внутренней веры своих подданных, и что последние даже «не смеют признаваться в своей вере ни государству, ни другим», а теперь требует от того же государства: во 1-х, *разрешения* всем подданным безнаказанно *исповедовать* свою веру; во 2-х, безнаказанно «*совращать*» *других*, не исключая и тех, кои объединены со своим государством внутренне, духовно – т. е. одной верой и, в 3-х, безнаказанно *переходить* из одной веры в другую, не исключая и перехода из православия в иные веры!... Но опустим эти частности, хотя и немаловажные. В общем, государство г. Стаховича сохраняет свой прежний тип: это – государство *нейтральное*, т. е. *одинаково*, или *безразлично* относящееся к вере своих подданных. Мы уже

говорили, что такой тип стараются принять, хотя и безуспешно, западноевропейские государства и указывали последствия таких стремлений. Теперь же добавим, что там – на Западе – такие стремления вытекают из *чисто-юридического* взгляда на государство, как на институт исключительно внешне-правовой, который в своём законодательстве преследует правду только формальную – чисто человеческую, чуждую каких-либо религиозных элементов. Но так как ни один юридический вопрос или отношение нельзя себе представить без лежащих в его основе *нравственных* элементов, то и государство, будучи юридическим институтом, в то же время есть и *нравственный* институт. А если даже такое государство чуждо религии, то и нравственность его опирается не на религии, а на основаниях чисто натуралистических, каковой и является нравственность, предлагаемая «либералами» и г. Стаховичем!¹⁷⁹ Но можно ли рекомендовать *христианскому* государству обосновывать свои отношения к подданным на требованиях натуралистической нравственности? Да и можно ли требовать от подданных-христиан подчинении такой нравственности? Ответ на это можно найти в уже приведенных нами словах И. С. Аксакова, по которым, не государство, а «христианское *общество*, для которого государство служит внешним покровом, средством и формой общежития», вправе требовать от своего государства признания именно его души, его нравственного идеала, а не другого»... «Христианство, – говорит В. С. Соловьев, – придя в мир, чтобы спасти мир, спасло и высшее проявление мира – государство, открыв ему истинную цель и смысл его существования – это добровольное служение высшей цели – т. е. Царству Божию. Оно призывает государство к борьбе со злыми силами мира *под знаменем Церкви* и требует, чтобы оно проводило в *политическую и международную жизнь* нравственные начала, постепенно поднимало мирское общество до высоты церковного идеала, пересоздавало его по образу и подобию Церкви Христовой. Представитель власти в христианском государстве не есть только обладатель *всех прав*, как языческий кесарь, – он, главным образом, есть носитель всех обязанностей христианского общества по отношению к

Церкви, т. е. к делу Божию на земле. А Церковь должна освящать и *чрез посредство христианского государства* преобразовывать всю *естественную, земную жизнь народа и общества*». Если же *христианское* государство немислимо без *христиански-нравственного* элемента, проникающего его законы, то само собой понятно, что оно не может быть «*безразличным*» и к источнику христианской нравственности – христианской вере и к хранительнице веры – св. православной Церкви. Напротив, эта Церковь должна пользоваться *полною свободой* в своей деятельности и самым широким покровительством православного государства и вправе требовать от последнего, чтобы её интересы отнюдь не были чуждыми и посторонними для него. Отсюда уже ясно, как *христианское* государство должно относиться к тем, которые всячески стараются «*совратить*» в иные веры его подданных, объединенных с ним одною верою, и тем причинить ущерб ему,¹⁸⁰ Церкви и даже совращаемому; ясно и то, как то же государство должно относиться и к тем, кои *лицемерно*, и к тем, кои *искренно* пребывают в *духовном* общении с ним – отрицаться *такого* общения с первыми и укреплять его с последними; ясно, наконец, и то, как *христианское* государство должно относиться и к тем своим подданным, которые *исповедают* иные веры – предоставить им *свободу исповедания*, но без всякого ущерба своим христианским и государственным интересам и без всякого содействия их собственно религиозным нуждам, как, напр., содержание на государственный счет католического высшего и низшего и протестантского высшего духовенства, служителей Магомета, еврейских раввинов и пр...

Но пойдем далее. «Только при разрешении безнаказанного отпадения и безнаказанного совращения других», не исключая и православных, может «жить и действовать, спасать и спасаться, вера истинная и неистинная, обращаемая и обращающая» – говорит г. докладчик.

Каким образом может спасать и спасаться вера «*неистинная*», в чём тогда отличие веры истинной от неистинной, в чём – самое спасение и, наконец, нужна ли тогда

и самая вера?! – вот вопросы, невольно и строго логически вытекающие из приведенных слов оратора!... Мы знаем, что «несть бо иного имени под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам», кроме имени Иисуса Христа и что «спасен будет» лишь тот, кто «веру имеет в Него и крестится», – так учит нас Слово Божие!... Знаем и то, что не так учит «современный прогресс» или «либерализм». Последний не допускает в государстве какой-либо *господствующей* религии и вытекающей из неё нравственности, потому что считает совершенно излишним для государства сохранение тех воззрений, чувств и нравов, которые образовались и поддерживаются в его подданных этой религией. Он не признает эти воззрения *истинными* и эти нравы *добрыми*. А так как он далее требует от того же государства *одинакового* отношения ко *всем* религиям, то, следовательно, и все религии он не признает истинными. Всякая религиозная вера, с точки зрения «либерализма», есть суеверие, обман, заблуждение, и потому нужно стремиться к тому, чтобы всякая религия утратила, наконец, свою власть и господство над умами. Лично же для «либерализма» нет никакой веры, а, следовательно, нет и спасения в религиозном смысле! Таким образом, мы видим, что г. оратор остался верен всё тому же «либерализму» и во взгляде на отношение Церкви к государству, и во взгляде на религию. Казалось бы, что если «вера *неистинная* может жить и действовать» лишь при «разрешении ей *совращения* других», то ревнителю «веры истинной» остается логически признать необходимость *запрещения* такого «совращения». Но не так рассуждают «либеральные» ревнители «веры истинной» и ссылаются в своё оправдание на «либеральный» принцип «свободы совести» и с той же целью отождествляют «исповедование» веры с «совращением» в неё других!... Sapienti sat!...

Далее, г. Стахович предлагает уголовному закону «карать проступки», совершенные по мотивам «вероисповедным» или религиозным, не обращая внимания на религиозную психику преступника!... Но ведь это было бы равносильно возврату ко временам варварства, когда внутренние мотивы преступления

не были известны языческому миру, и закон карал лишь голый факт преступления!... Не в том ли достоинство христианской юриспруденции, что последняя, при оценке преступления, открыла новый источник его, целый мир – мир внутреннего человека?! Не об этом ли мире чувств, мире сердца, мире верований говорят лучшие юристы на судах, когда пред лицом судей стоит загадочный преступник?! Разве справедливо будет, когда уголовный закон станет равно наказывать и того, кто оскорбил другого по чувству мести, и того, кто сделал то же, но по чувству религиозного фанатизма?! Прочтите, г. Стахович, внимательней В. С. Соловьева – и вы увидите, что его замогильный голос вопит о том же!...

Вам не нравится ст. 1006-я XVI-го т.: вы видите в ней «коварство» гражданской власти по отношению к духовной и с целью оправдать себя привели лишь *отрывок* из этой статьи! А на самом деле здесь не «коварство» и не «власти суетной, земной», а искреннее братство и власти Божьей, и Руси святой!... Из *полного* текста означенной статьи усматривается, что «*преследовать за сектаторство*», равно и *производить предварительное уголовное следствие* по этим делам может и должно одно только *судебное ведомство*. Если же «*начатие*» следствия судебным ведомством зависит от требования духовного начальства, то это потому, что «не может быть речи о *начатии* уголовного следствия, когда даже приблизительно не решен вопрос, преступно ли самое событие, о котором идет речь», т. е., есть ли в известном случае сектантство. Отсюда, духовное начальство является здесь лишь *экспертом*, к содействию которого прибегает гражданская власть, и отнюдь не считает себя в положении «коварно» обманутой последней, тем более, что и «кары по делам веры» налагает не она, а судебное ведомство и по своему усмотрению! Такой *экспертный* характер права, представленного духовному начальству 1006 ст., подтверждается и следующей 1007 ст., по которой и «*начатие*» предварительного уголовного следствия по указанным в 1006 ст. делам, но носящим в себе *явные следы преступления*, как, напр., *скопчество*, зависит от судебного ведомства.

Я не буду останавливаться на разборе непростительно извращенных в докладе г. Стаховича слов о. Переверзева и выдержек из «Миссионерской Памятки». То, что было в 80-м году, г. Стахович приписал современному миссионерству и притом там, где о миссионерах не было еще и слуху, да и факт самый искажил!... Далее § 18 из «Миссионерской Памятки» имел целью *устранить* священников от сношений с полицейскими властями по судебным делам против раскольников и поставить их в непосредственное сношение по сим делам с епархиальным начальством, почему в том же § и поставлено курсивом: «*только чрез епархиальное начальство*», – г. Стахович намеренно перенес центр тяжести на другие слова, и получилось у него, что «Миссионерская Памятка» «предписывает *возбуждать* судебные дела против раскольников»?!! Но sapienti sat!...

Епархиальный миссионер *Иван Айвазов*

**Чельцов. М. Единоверие и уния¹⁸¹ // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 12. С. 746–751**

II

Чтобы полнее представить и всесторонне раскрыть истинный смысл и содержание единоверия и унии, как церковно-исторических явлений, чтобы вернее указать пункты их сходства и различия, необходимо еще обратиться к их истории. Эта откроет нам, с одной стороны, как относилось к единоверию русское церковное правительство, как оно смотрело на него, и с другой – как смотрело и относилось к унии католичество. Из этих отношений и взглядов для нас ясно будет, что такое единоверие для русской Церкви, и что такое уния для католичества? Самостоятельные ли они церковно-исторические явления, сами в себе, при одном лишь благодатно иерархическом единении с русской Церковью или с католичеством, носящие условия своего благодатного существования, или они только переходные ступени от несовершенного к совершенному?

Шестнадцать пунктов единоверия, обуславливавших единение единоверцев с русскою Церковью, как известно, в некоторой степени ограничивали самостоятельность и независимость единоверия, а в глазах некоторых даже и набрасывали нежелательную и неприятную речь на единоверие. Такое ограничение было делом на первых порах существования единоверия естественным и неизбежным, когда многие из искавших единения с Церковью искали его неискренно, когда они стремились добиться лишь иерархии себе, чтобы потом не признавать за русскою Церковью, ни истины православия, ни авторитета для себя, когда они сами на единоверие смотрели лишь как на ступень, на средство к тому, чтобы, заручившись законной иерархией, зажить хотя и спокойной, но незаконной канонически жизнью. Но вот, когда сами единоверцы начали изменять своё прежнее лицемерное отношение к русской Церкви, когда, они стали мало-помалу становиться истинными единоверцами, начали увеличиваться и расширяться права их и полномочия церковно-религиозные. Русским церковным правительством за столетний период существования

единоверия издано с этою целью не мало распоряжений и изъяснений. Все их можно подразделить на два разряда: одними утверждались права и привилегии, уже дарованные в пунктах 1800 г., но со стороны кого-либо нарушавшиеся, другими – расширялось прежде данное и приобреталось новое.

Когда в 1807 г. тверской епископ Мефодий вознамерился было потребовать от старост единоверческих церквей той же отчетности, какую обязаны сдавать старосты православных храмов, потребовал, конечно, в интересах самих, же единоверцев, – Св. Синод, по донесению единоверцев, указом от 26 июня 1808 г. отклонил это требование преосвященного и изъяснил, что он «полагает оставить единоверцев на том же основании, на коем они ныне находятся». В 1836 г. опять от Св. Синода дано было знать епархиальным архиереям, «чтобы благочинные ни под каким предлогом не стесняли внутреннего богослужения единоверческих церквей... и чтобы в отношении заведывания сих церквей преосвященные сообразовались с Высочайше утвержденными в 1800 г. правилами митрополита Платона о единоверцах». В 1845 же году права и привилегии единоверцев были подтверждены весьма обширным указом. В нём читаем: «Подтвердить всем епархиальным начальствам, чтобы касательно способа управления единоверческих церквей наблюдали они непременно и со всею точностью за исполнением Высочайше утвержденных в 1800 г. правил митрополита Платона, чтобы посему ни в богослужении единоверцев, ни в церковно-хозяйственном порядке, ни вообще в обычаях, Церковью дозволяемых, не допускалось никакого им стеснения и не делалось было никаких нововведений, чтобы в делах единоверческих церквей не было допускаемо никакого участия духовных консисторий, ни других духовных начальств, кроме одного преосвященного, и чтобы преосвященный все таковые дела непременно разрешал сам; для исполнения же своих распоряжений и для ближайшего надзора за единоверческим духовенством и паствою назначал благочинного из среды того же духовенства».

Распоряжения русской церковной власти, расширявшие права и полномочия единоверия, также были двоякого рода:

одни касались внешней стороны, другие – внутренней жизни в единоверии. Из первых должно отметить следующие: в 1847 и 1853 гг. единоверческое духовенство в его правах и положении в государстве уравнено было с православным. На построение единоверческих церквей с 30-х годов XIX столетия выдавались немалые субсидии из государственной казны. В 1818 г. разрешено было единоверцам устроить в Москве свою собственную типографию для печатания только в ней одной и под высшим только наблюдением московского митрополита богослужебных и других книг издания первых пяти патриархов. Наконец, единоверцам позволено было иметь свои собственные единоверческие школы для обучения в них их детей по старопечатным книгам, с соблюдением всех особенностей и различий в молитвах и песнопениях, какие встречаются в тех книгах.

Мероприятия духовной власти, касающиеся внутренней стороны жизни единоверия, направлялись к расширению того, в чём выражалось со стороны русской Церкви ограничение или даже недоверие к единоверцам. Такими пунктами были пятый, дозволявший присоединение к единоверию только для раскольников от рождения, и одиннадцатый, ограничивавший возможность приобщения св. Таин для православных в единоверческих церквях случаями крайней необходимости. Об ослаблении этих пунктов единоверцы начали ходатайствовать едва ли не с первых же лет существования единоверия. И церковная власть с 30-х годов, мало-помалу, по степени удаления единоверцев от раскольнических воззрений, расширяет эти пункты и упраздняет их ограничение. И вот, в 1881 году Св. Синод особливим определением сделал уже следующие дополнения к пунктам 1800 г.: 1) он предоставил детей, рожденных от браков православных с единоверцами, крестить по желанию родителей в православной или единоверческой церкви; равным образом и другие таинства принимать в той и в другой церкви; 2) 5 пункт правил 1800 г. дополнил разъяснением, что разрешил присоединение к единоверию тем из записанных православными, кои не менее пяти лет не были у исповеди и не приобщались св. Таин в

православной Церкви; 3) не встретил он препятствий и к тому, чтобы православные обращались к единоверческим священникам для исполнения христианского долга исповеди и св. причащения, хотя, впрочем, и ограничил это обращение особо уважительными случаями и с тем притом, чтобы подобное обращение не служило поводом к перечислению в единоверие.

Оставленные в этом определении Св. Синода некоторые незначительные ограничения для единоверцев, на практике, в жизни, почти нигде не соблюдаются. Теперь православные и единоверцы так близко стоят в их взаимоотношениях, что посещение ими тех или других храмов, участие в таинствах их есть вопрос лишь только благоустройства жизни приходской, и где эта последняя не страдает, там оно практикуется в самых широких размерах.¹⁸²

Итак, чем более жило единоверие, тем всё более и более расширялись его права и преимущества, тем всё более и более восстанавливалось духовное общение и родственная связь у старообрядства с русскою Церковью, что была потеряно им чрез раскол XVII столетия. Русская же церковная власть, допуская и разрешавшая эти расширения и дополнения, тем самым ясно свидетельствовала, что она далека от желания уничтожения единоверия, как старообрядчества времен патриарха Иосифа, и слияния его с собою через единство в обрядах, книгах и т. п. Значит, по её взгляду, засвидетельствованному вековой жизнью единоверия, это – не есть лишь ловушка или переходная ступень от неистинного и ложного к истинному и спасительному; по её взгляду, единоверие само по себе поскольку оно пребывает в благодатно-таинственном и иерархическом общении с русскою Церковью, включает в себе возможность получения спасения для чад его, – одинаково спасительно пребывание в единоверии православном, как и в Церкви православной, потому что первое не есть отдельное что-либо от второго, а та же православная Церковь, только с иными обрядами и богослужебными книгами.

Что же теперь мы находим в истории унии! В каких отношениях к ней находилось католичество? Какими взглядами

на неё руководствовалось оно?

Условия, на каких была заключена уния, представляли, как мы видели, слишком много свободы и отдельности от католичества для унии; единым у них было почти одно признание главенства папы. Но вся история унии есть показатель постоянного, хотя и постепенного, ограничения этой свободы, всё большего и большего приближения унии к католичеству до желания слияния с последним.

Заправлявшие унией иезуиты, католические епископы и польские короли поставили униатам прежде всего епископами и митрополитами чистых католиков по вере и убеждению. В помощь таким епископам был учрежден базилианский монашеский орден, построено несколько базилианских монастырей, в которые поступали те же иезуиты. Они строили школы, в коих воспитывали будущих священников униатских так, что те забывали язык свой родной и славянский, говорили по-польски, служили по книгам, часто писанным латинскими или польскими буквами вместо славянских. Проповедь уже начинали произносить по-польски, церковные акты вести на польском языке. Для таких священников не трудно было и богослужебные книги изменять: в них делались латинские вставки. В символе веры вставили ложное учение об исхождении Св. Духа и от Сына, изменили Херувимскую песнь. Церкви переделывали на костелы; по бокам в них, у стен ставили исповедальни, престолы, – совершали в них тихую (читанную) мшу (обедню), как в костеле; иконостасы уничтожили; заводили органы, колокольчики, скамейки и, таким образом, старались, чтобы не было никакой разницы между костелом и Церковью, и между верой униатской и католической!

Униатских епископов и митрополита король польский и паны не пускали в сенат, как было обещано ранее. А латинский синод в Красноставе 1643 г. постановил, чтобы униатские епископы не назывались преосвященными. Посты униатские считались жидовскими, календарь – неистинным. Церкви униатские назывались синагогами, таинства, как совершаемые женатыми священниками, скверными. В 1720 г., с разрешения папы, состоялся в Замостье духовный собор, под

председательством папского нунция Гримальди и в присутствии униатских митрополита и епископов. Собор этот признал законными все латинские вставки в богослужебных униатских книгах и все католические изменения в униатских церквях. Во исполнение его постановлений униатские епископы стали одеваться подобно католическим и брить бороду. Детей всюду стали крестить в католическую веру. Прежние имена и фамилии униатов при записи на исповеди и при венчании браков переделывали в католические и польские. Результатом всей этой насильственной латинизации мало стало униатов греческого закона: по нужде они делались латинниками-униатами или прямо чистыми католиками.¹⁸³

Таким постепенным, но настойчивым ограничением прежних широких прав и привилегий унии, таким последовательным приведением унии к единению с католичеством до уничтожения самой унии, католичество ясно проявило свой взгляд на унию. Уния для него была чем-то низшим и даже прямо не спасительным; уния – только ступень к истинному христианству – к католичеству.

Итак, историческая жизнь единоверия и унии приводят нас к тому же выводу, к какому привело нас рассмотрение пунктов сходства и различия между ними по их сущности, по условиям их единения первого с русской Церковью, а второго – с католичеством: между ними нет ни одного пункта, в котором бы они существенно сходились; всё сходство их – чисто внешнее; а поэтому и сопоставлять их может или только невежество, или пристрастное отношение к одному из них лиц недобросовестных.

М. Чельцов

Попов Н. Антикано́нический характер австрийской иерархии¹⁸⁴ // Миссионерское обозрение 1901 г. № 12. С. 752–770

III. Антиканонические действия Амвросия в Белой Кринице

Избрание и поставление Кирилла во «епископа». Поставление Амвросием преемника себе при своей жизни. Определение Кирилла «епископом» селения Майносского.

Как только Амвросий, принятый в старообрядческий раскол, как еретик второго чина, принял звание «митрополита всех древлеправославных христиан», старообрядцы Белой Криницы стали деятельно готовиться к выбору будущего преемника Амвросия и наместника Белокриницкой митрополии. Для избрания достойного кандидата на епископскую степень составлен был собор из старообрядцев Белой Криницы и других близ расположенных австрийских поселений; кандидатами были намечены три лица: Геронтий, настоятель Белокриницкого монастыря, инок Алимпий и диак Киприан Тимофеев; избранным по жребию оказался природный липованин диак Киприан Тимофеев, в иночестве Кирилл, которого 6-го января 1847 г. Амвросий единолично рукоположил во епископа селения Майносского. Если мы теперь рассмотрим эти последние действия Амвросия в Белой Кринице, т. е. единоличное поставление им Кирилла во епископа селения Майносского, на основании канонов церковных, то найдем, что как избрание, так и поставление Кирилла во епископа было совершено противоканонично.

Церковь Христова с самых первых времен своего существования строго требовала, чтобы епископы как избирались, так и поставлялись не одним епископом, а целым собором епископов. Такое требование Церкви находит для себя твердое основание в священном Писании. Ап. Павел в послании к Тимофею пишет: *«не неради о своём даровании, живущем в тебе, еже дано тебе бысть пророчеством с возложением рук священничества (πρεσβυτερίου) (1Тим.4:14)»*. Златоуст, толкуя последние слова апостола, говорит: «не о пресвитерах говорит здесь, но о епископах, ибо не пресвитеры епископа поставляют». Блаж. Феодорит в толковании

означенных слов апостола замечает, что под «священничеством» нужно разумеать удостоенных апостольской благодати, т. е. епископов. Из сих слов апостола Павла и толкований на них Златоуста и Феодорита видно, что уже в апостольской Церкви существовало точное и определенное правило, требовавшее, чтобы епископы поставлялись не одним епископом или апостолом, а собором (πρεσβυτέριον) епископов или апостолов. В подтверждение сего можно привести из истории апостольской Церкви несколько примеров. Так, апостолы Павел и Варнава на дело служения Церкви были определены и поставлены не одним каким-либо апостолом, а несколькими апостолами: *«когда они (верующие вместе с апостолами) служили Господу и постились, говорит священный дееписатель, Дух Святой сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому я призвал их. Тогда они, совершивши пост и молитву и возложивши на них руки, отпустили их»* (Деян.13:2–3). Чтение о том, что епископа должен поставлять собор епископов, находит для себя защиту в древней святоотеческой литературе. Укажем, напр., на Киприана Карфагенского, который в письме к клиру и народу испанскому писал: «тщательно надобно хранить и соблюдать то, что по божественному Преданию и апостольскому примеру и соблюдается у нас и почти во всех странах: для правильного поставления (епископа) все ближайшие епископы должны собраться в ту паству, для которой поставляется предстоятель, и избрать епископа в присутствии народа, вполне знающего жизнь и ознакомившегося с делами избираемого чрез своё обращение с ним».¹⁸⁵ На ряду с такими ясными указаниями священного Писания, священного Предания и святоотеческой письменности относительно способов избрания и поставления епископа, и правила церковные точно определяют, что епископ избирается и поставляется собором, состоящим не менее, чем из двух или трех епископов. Апостольское правило 1: *«Епископа да поставляют два или три епископа»*. Карфагенского собора правило 60: *«да соблюдается древний чин: менее трех епископов, как определено в правилах, да не признаются довольными для поставления епископа»*. I вселенского собора

правило 4: «Епископа поставляти наиболее прилично всем той области епископом. Аще же сие не удобно, или по надлежащей нужде, или по дальности пути, по крайней мере три во едино место соберутся, а отсутствующие да изъявят согласие посредством грамоты и тогда совершати рукоположение. Утверждати же таковые действия в каждой области подобает её митрополиту». Антиохийского собора правило 19: «Епископ да не поставляется без собора и присутствия митрополита области. И когда сей присутствует, то лучше есть купно с ним и всем той области сослужителем; и прилично митрополиту созвати их чрез послание и аще соберутся все: лучше есть. Аще же сие не удобно, то большая их часть не отменно да присутствуют, или грамотами да изъявят своё согласие, и тако, или в присутствии, или с согласием большего числа епископов, да совершится поставление. Аще же иначе, вопреки сему, поступлено будет: да не имеет никакой силы поставление».¹⁸⁶ Подобного рода постановления неоднократно определялись на западных поместных соборах. 3 карфагенского собора правило 89: «Должно соблюдать постановление божественного закона, чтобы один епископ не восхищал себе права посвящения, дабы не казалось, что благодеяние получено воровски».¹⁸⁷ Арелатского собора правило 21: «О тех, которые восхищают себе право одним (solī) только посвящать епископа, угодно было (постановить), чтобы никто не брал это (дело) на себя, прежде чем не возьмет с собою других семь епископов. Если-же не могут (взять) семь, то без трех товарищей не смеют делать посвящение».¹⁸⁸ 4 карфагенского собора правило 2: «Когда посвящается епископ, два епископа кладут и держат кодекс евангелистов на голове и шее его, и после того как один совершит над ним благословение, остальные все присутствующие епископы прикасаются руками своими к его голове». 3) Наконец, «постановления апостольские» согласно с правилами восточных и западных соборов говорят о том, что рукополагать епископа должны два или три епископа. «А рукополагаться повелеваем епископу от трех или по крайней мере от двух епископов, поставляться же

вам одним епископом не позволяем: ибо свидетельство двоих или троих тверже и несомненно».¹⁸⁹ «А я, Симон Кананит, постановляю, сколькими должен рукополагаться епископ. Епископы да рукополагаются тремя или двумя епископами. Если же кто рукоположится одним епископом, то да будет извержен и он, и рукоположивший его. А если рукоположиться ему одним епископом заставит необходимость по невозможности присутствовать большему числу епископов во время гонения, или по другой подобной причине, то да представит он согласие на то большего числа епископов».¹⁹⁰ Так единогласно восточные и западные соборы свидетельствует о том, что избрание и поставление епископа в древней христианской Церкви совершалось не единоличной властью епископа, а целым собором епископов. Многочисленность свидетельств подобного рода с необходимостью заставляют нас предположить, что указываемый сими соборами способ избрания и поставления епископов был обычным в Церкви. Вот почему мы видим, что всякое сколько-нибудь несогласное с сим порядком поставление во епископа считалось незаконным, антиканоническим. В доказательство справедливости последнего положения приведем несколько исторических фактов единоличного поставления во епископа, при чем обратим внимание на то, как смотрела на подобные случаи в лице своих представителей Церковь вселенская, строгая блюстительница и хранительница соборных канонов. Церковный историк Феодорит, говоря о занятии Евагрием епископской кафедры в Антиохии, замечает: «последний (т. е. Евагрий) получил это место вопреки церковному законоположению, так как его поставил один Павлин, нарушивший тем многие правила, которые не позволяют умирающему рукополагать кого-либо вместо себя, а повелевают собираться всем епископам той епархии, и возбраняют совершать хиротонию епископскую менее, чем двумя епископами».¹⁹¹ Отмечен, далее, историей факт единоличного поставления Сидерия Филоном Кирским. Но Синезий ясно называет такой поступок Филона антиканоническим: «еще когда был жив Орион, предшественник, так повествует Синезий о Филоне, то он один и только один

поставил епископа, но это незаконно, даже более – это противно всем законам. Ибо ни в Александрии, ни здесь не был посвящен трем, хотя возможность посвящения с той стороны и была предложена. И только один блаженной памяти Филон товарища своего провозгласил епископом. Ибо он был во всём, что касается управления и повиновения, гораздо более смелым, чем консервативным. Он один пришел и блаженного Сидерия избрал и на трон поместил».¹⁹² При константинопольском патриархе Михаиле Оксите, около 1170 года, даже низложены были епископы Климент и Леонтий, так как рукоположение, совершенное над ними единолично их митрополитом, признано было антиканоничным.¹⁹³

Не смотря на то, что Церковь всегда, как видим, ясно выражала своё неодобрение по поводу некоторых случаев единоличного поставления во епископа, признавая такие поставления незаконными, старообрядцы австрийского согласия, дабы оправдать факт единоличного поставления Кирилла Амвросием, утверждают, что Церковь иногда признавала такие поставления законными. Как на пример, защитники Австрийской иерархии ссылаются на Четьи-Минеи, где под 22 июня Евсевий Самосатский говорит о себе, что, «он в лютое время обхождаше Сирию, Финикию и Палестину, утверждая христиан в святой вере: идеже аще обреташе церковь без служителей, поставляше иереи, и диаконы, и прочие клирики, а инде и епископов постави от тех, ихже обрете отめщущих ариевы догматы, мудрствующих православно». В сем сказании хотят видеть случаи единоличного поставления Евсеем епископов. В таком именно смысле объясняет это место из Четьи-Миней Иродион Ветринский, который говорит об Евсее Самосатском, что «в Сирии, Киликии и других местах, которые исчисляет Феодорит, рукополагал он (Евсей) епископов».¹⁹⁴ Для того, чтобы решить, действительно ли в данном месте из Четьи-Миней говорится о единоличном рукоположении Евсеем епископов, приведем из истории Феодорита то место, которое служит основанием для сказания Четьи-Миней. «Этот Евсей, – говорит Феодорит, – узнав, что многие церкви лишены пастырей, облекся в одежду воина,

возложил на голову тиару и в таком виде прошел Сирию, Финикию и Палестину, рукополагая пресвитеров и диаконов и пополняя духовенство другими чинами, а когда встречал единомысленных с собою епископов, то делал их предстоятелями тех церквей, которые имели нужду в предстоятеле». Из этого последнего рассказа мы видим, что Евсевий рукополагал только пресвитеров и диаконов, но не епископов; он, по выражению Феодорита, «делал единомысленных епископов» только «предстоятелями церкви», а не рукополагал их впервые. Можно думать, что, путешествуя по различным странам М. Азии в смутное время для Церкви, Евсевий находил многие церкви без своих предстоятелей; чтобы устранить такое ненормальное явление, Евсевий утверждал в звании предстоятелей церкви тех епископов, которые были с ним единомысленны, т. е. православные.¹⁹⁵

После всестороннего исследования данных по вопросу о том, как решался Церковью теоретически и практически вопрос о способе избрания и поставления во епископа, можно видеть, как незаконно, неправильно происходило в Белой Кринице избрание и поставление Киприана Тимофеева во «епископа Майносского». О каком-либо соборе епископов во главе с митрополитом там не могло быть и речи. Единственное лицо, носившее, по мнению старообрядцев, епископский сан, – Амвросий, не принимал никакого участия в деле избрания будущего «архиерея», к тому же Амвросия об этом никто и не просил, а посему избрание достойного наместника Белокриницкого митрополита совершилось сбором простых мирян, управляемых беглыми попами.¹⁹⁶ Избранный вопреки церковным правилам, Кирилл и рукоположен был одним Амвросием, т. е. в противность очень многим правилам Церкви, так что в конце концов всякий знакомый с канонами церковными вынужден вместе с приснопамятным Филаретом м. Московским снова повторить, что старообрядческого «архиерея» «Кирилла, который, в противность первому апостольскому правилу, рукоположен одним епископом, и притом не имевшим права рукополагать, православная Церковь не может признать

истинным епископом, а вследствие сего и всех рукоположенных им епископов и священников».¹⁹⁷

Не согласуется со священным Писанием и строго запрещается церковными канонами и то действие Амвросия в Белой Кринице, по которому он поставил Кирилла в преемники себе еще при своей жизни. Слово Божие свидетельствует, что Сам Дух поставляет во епископа (Деян.20:28), и Сам Господь разделяет различные должности в Церкви (1Кор.12:9); посему в высшей степени несправедливо было бы собственность Божию делать предметом человеческого пристрастия, что, конечно, имело бы место в том случае, если бы епископ сам лично ставил себе преемника при своей жизни. Избрание достойного кандидата на епископскую кафедру представляет в высшей степени важный момент в церковной жизни общества, так как само собою понятно, что на высшую степень церковной иерархии должно быть возводимо лицо, вполне достойное сего высокого поста, а вполне удачный выбор такого именно человека возможен только в том случае, когда делом избрания достойного кандидата на епископский сан будет заниматься целый собор епископов, который, будучи чужд лицепрятия и руководствуясь одним только желанием блага Церкви, конечно, изберет на епископскую кафедру достойнейшего человека, между тем как один епископ, хотя бы находящийся при смерти, всегда может избрать преемника себе по человеческому пристрастию к нему, а не в силу его личных заслуг. Всем этим объясняется строгое отношение правил церковных к тем епископам, которые сами себе поставляют преемников. Апостольское правило 76: *«Яко не подобает епископу из угождения сродников поставлять в достоинство епископа кого хочет. Ибо несправедливо творити наследников епископства и собственность Божию даяти в дар человеческому пристрастию. Аще же кто сие сотворит: поставление да будет не действительно, сам же отречением наказан да будет»*.¹⁹⁸ Вальсамон в толковании сего правила замечает: «Хотя бы епископ передал епископство и не родственнику своему, а чужому, должно быть то же самое (т. е. хиротония делается недействительною), ибо установлено,

чтобы епископы были поставляемы собором. Посему-то и покойный славный митрополит Филиппольский, когда отказывался от своей митрополии под тем условием, если св. собор митрополитом Филиппольским вместо его поставит эконома его, не был удовлетворен, но получил такой ответ: если имущество, приобретенное епископом после хиротонии из церковных доходов, он не может дарить или передать, кому хочет, «тем паче епископство».¹⁹⁹ Наш отечественный канонист преосвященный Иоанн Смоленский разделяет это мнение Вальсамона, когда замечает, что «хотя апостольское правило говорит собственно о наследовании в родстве, смысл его, очевидно, простирается и вообще на всякое произвольное передавание кафедры от одного епископа другому... Епископ умирающий, или по немощи оставляющий свою кафедру, конечно, может указать достойного себе преемника, но только указать, предоставив действительное избрание и утверждение его в сане власти законной, и тогда это не будет противоречить церковному правилу».²⁰⁰ С 76 апостольским правилом согласно 23 правило антиохийского собора, в котором читаем: *«Епископу не позволяется вместо себя поставляти другого в преемники себе, хотя бы он был и при кончине жизни; аще же что таковое соделается, будет недействительно, но да соблюдается постановление церковное, определяющее, что епископа должно поставлять не инако, разве с собором и по суду епископов, имеющих власть произвести достойного по кончине преставльшегося»*.²⁰¹ Понятно отсюда, почему бл. Августин, которого епископ Иппонский Валерий еще при жизни своей поставил епископом с назначением в преемники себе, сознавался, что Валерий так сделал только «по незнанию правил Церкви».²⁰²

Кирилл, как мы сказали, поставлен был епископом селения Майносского. Определение епископа не в город, а в незначительное селение вызвано было тем обстоятельством, что в пределах австрийской монархии не было такого города, в котором проживало бы достаточное количество старообрядцев австрийского согласия, так как эти последние ютились в отдаленных от больших городов селениях; приняв же во

внимание, что правила церковные (4 всел. соб. пр. 6 и др.) запрещают ставить клириков без обозначения того прихода, к которому они рукополагаются, старообрядцы вынуждены были, наконец, поставить Кирилла епископом селения Майноса. Между тем правила церковные запрещают ставить епископа в селение и вообще в небольшое населенное место. Сардикийского собора правило 6: *«Отнюдь не следует поставлять епископа в какое-либо село, или малый город, для которого и одного пресвитера достаточно, не следует туда поставлять епископов для того, чтобы не унижить имени и власти епископов; но епископы области должны поставлять епископов в те города, в которых и прежде были епископы»*. Лаодикийского собора правило 57. *«В селах или деревнях должно поставлять не епископов, но периодевтов»*. Общество селения Майносского никогда не имело своего епископа, между тем 98 (111) правило карфагенского собора говорит о том, что *«общинам, не имевшим своих епископов, отнюдь не давать его (епископа), разве с разрешения целого собора каждой области и первенствующего её епископа и с согласия того епископа, под управлением которого состояла прежде эта Церковь»*.²⁰³ В силу сих церковных правил поставление Кирилла епископом селения Майноса противоканонично 1) потому, что Майнос не город, а селение, и 2) потому, что жители Майноса, как не имевшие никогда своих епископов, могли получить епископа только с разрешения собора епископов их области, чего у старообрядцев, как мы знаем, не было.

Наконец, можно заметить еще одно нарушение церковных правил при поставлении Кирилла Амвросием, нарушение, состоящее в том, что новонареченный епископ Кирилл быстро прошел все низшие степени церковной иерархии, что запрещено 10 правилом Сардикийского собора, которое гласит: *«Подобает со всею точностию и тщанием наблюдать, да от светского служения кто-либо удостоиваемый быти епископом, не прежде поставляется, разве когда совершит служение чтеца и диакона и пресвитера, дабы проходя чрез каждую степень, аще достойным признан будет, мог взыти на высоту епископства. Очевидно же, что для каждой степени чина*

должно быть предоставлено не слишком малое время, в продолжение которого могли бы быть усмотрены его вера, благонравие, постоянство и крепость. Ибо неприлично, дерзновенно и легкомысленно есть с поспешностью поставляти епископа, или пресвитера, или диакона: ни знание, ни повеление не дает на сие права. Понеже такового по справедливости почли бы весьма новым (1Тим.4:6) и не утвержденным, наипаче когда и блаженнейший апостол, который учителем языков был, является возбраняющим скорые поставления в церковные степени: поскольку дознание в должайшее время достовернее показати может и поведение, и нрав каждого». ²⁰⁴ Правило сие, требующее, чтобы кандидат архиерейства не слишком скоро проходил низшие степени церковной иерархии, тем сильнее обличает Амвросия с его паствою, что общество старообрядцев Белой Криницы не имело сколько-нибудь основательной причины спешить с хиротонией Кирилла, так как Амвросий после известного чиноприема перешел навсегда в раскол, находился в полном подчинении у старообрядцев и, следовательно, мог хиротонию Кирилла совершить по точному смыслу церковных правил.

Заключение

Общий вывод из рассмотрения канонического достоинства австрийской (старообрядческой) иерархии и замечание о существующем в православной Церкви способе принятия «клириков» австрийского толка.

Аркадий Славский, лжеепископ австрийской секты, 18 октября 1861 года писал Кириллу: «владыко святой, если бы на сей хартии открыл вам Амвросиевы недостатки... но открыть не на пользу, разве когда потребуется надобность. Амвросий принят по великой нужде, а не по обдержным правилам, если по обдержным правилам поверять всех (наших) святителей достоинства, то затворите церкви все..., покойный Павел (Белокриницкий) на вопрос об Амвросии не дал ответа: и теперь лучше молчать».²⁰⁵ «Церковь наша вся на случайных обстоятельствах, писал тот же Аркадий попу Каменскому Василию, и врат не имать, то есть, обдержные правила празднуют. Рассмотря самый корень Амвросия: не вратами вошел, но теснотою, с великою нуждою».²⁰⁶ Так, по воззрению самих старообрядцев, притом приемлющих т. наз. австрийское священство, Амвросий, основатель Белокриницкой иерархии, вошел в старообрядческое общество не по правилам церковным, а «по великой нужде», «теснотою». Подробное и обстоятельное рассмотрение всех антиканонических действий, допущенных Амвросием до перехода, при переходе и после перехода в Белую Криницу действительно приводит неизбежно нас к этому безотрадному для старообрядцев заключению о каноническом достоинстве австрийской иерархии. История христианской Церкви, повествующая о многообразных нарушениях различными иерархическими лицами канонов, определений и постановлений соборных не представляет столь беспримерно дерзкого нарушения церковных канонов, каковое было допущено при основании австрийской иерархии. Не говорим о деятельности старообрядческих депутатов, склонивших Амвросия к переходу в Белую Криницу и добившихся того, что Амвросий был утвержден австрийским

императором в качестве митрополита всех «древлеправославных» христиан, обман, подкуп, политические хитрости и уловки, – всё было пущено с тем, чтобы достигнуть хитро задуманной цели,²⁰⁷ крайнюю же степень дерзости проявили искатели «древлеправославного» архиерея в то время, когда для достижения своей преступной цели не открыли Амвросию того, что общество старообрядцев Белой Криницы, приглашавшее к себе Амвросия, не составляло Церкви Христовой и не входило в состав, напр., Константинопольской патриархии, а давно состояло под клятвою состоявшегося под председательством восточных патриархов собора 1666–67 гг., так что Амвросий должен был посему переходить в такое общество, которое было осуждено самою же греческою Церковью. Но, понятно, все эти хитрости и явные обманы, допущенные старообрядческими депутатами, мало оправдывают антиканонические действия Амвросия, так как свидетельствуют только о его слабости, способности продать себя и свой сан первому попавшемуся проходимцу, от чего тяжесть совершенного им преступления не уменьшается. Вина же Амвросия, как мы видели, заключается во-первых в том, что он без ведома и позволения константинопольского патриарха, своего ближайшего начальника, решился занять никем не врученную ему епископскую кафедру, с каковою целью тайно бежал от к. патриарха в Белую Криницу; далее, – совершивши постыдное бегство от своего патриарха в раскол, Амвросий постыдно же унизил себя в Белой Кринице тем, что допустил беглому попу перемазать себя, или иными словами допустил подвергнуть себя такому чиноприему, при котором осудил своего патриарха и всю греко-восточную Церковь в еретичестве, не смотря на то, что сам был убежден в православии своего патриарха, не «зазрев» его в ереси; наконец, допустив перемазать себя беглому раскольническому попу, став раскольническим «архиереем», Амвросии по требованию старообрядцев единолично поставил Кирилла «епископом» Майноса, определив еще при своей жизни наместником своим, каковым антиканоническим поступком закончил цикл допущенных им при переходе в раскол правонарушений. Если

же корень новоизмышленной австрийской «иерархии» гнил, то могут ли быть здоровы ветви, или отпрыски его? И можно ли после сего назвать законною, правильною, «каноническою» ту «иерархию», основателем которой допущено было столько и столь важных правонарушений? Глубокий знаток всей печальной истории происхождения т. наз. австрийского священства, проф. Н. И. Субботин, делает такой отзыв об основателе австрийской, лжеиерархии. «Если бы он (Амвросий) самовольно, без ведома и дозволения своего патриарха или собора епископов ушел даже к православной пастве и, будучи принят ею, как православный епископ, стал посвящать для неё священников, и тогда по силе церковных канонов (апост. пр. 14 и 36. особенно антиох. соб. пр. 13 и мног. др.) он подлежал бы извержению из сана, а совершенные им рукоположения были бы недействительны. Амвросий же не только без ведома своего патриарха, но и тайком, переряженный в казацкое платье, – к кому бежал и как был принят? Бежал к обществу, канонически отлученному от Церкви, и принят был в это общество, как еретик, под исправу второго чина, причем должен был не только отречься от православной Церкви, но и предать её проклятию за небывалые, яко бы содержимые ею ереси, – и всё это исполнил к своей гибели и вечному позору».²⁰⁸

Вполне справедливо посему православная русская Церковь, имея в виду, с одной стороны, те правонарушения, которые были допущены самим основателем австрийской иерархии, с другой, – те опасности, коими угрожает малопросвещенному народу австрийский раскольнический толк с его якобы «древлеправославной» иерархией, постановило за правило принимать обращающихся из австрийской секты вторым чином, то есть мирян чрез миропомазание, а «иерархических» лиц чрез миропомазание с лишением священных степеней, полученных в расколе.

Считаем не лишним в заключение своего сочинения посылить ответ на те возражения, которые делаются теперь по поводу существующего в нашей Церкви способа принятия приходящих от австрийской секты «клириков». Возражения идут не только со стороны старообрядцев австрийского толка, что

вполне понятно, но и со стороны некоторых православных расколофильствующих лиц.

Говорят, будто православная Церковь чрез допущение означенного чиноприема стала в противоречие сама себе, так как, с одной стороны, она принимает крещение, совершенное принадлежащими к австрийской «иерархии» лицами, без повторения, считает это таинство истинным, с другой – считает недействительными совершаемые теми же лицами другие таинства (напр., таинства покаяния и священства), так как снова рукополагают тех лиц австрийской «иерархии», которые пожелают остаться в священном сане и по переходе в православную Церковь. «Если кто может крестить, говорит один из апологетов австрийской лжеиерархии, и крещение его приемлется за крещение без повторения, то может он и отпускать грехи; отпускать же грехи могут только епископы и священники, имже дана от Господа благодать рукоположением апостольским. Ибо так определили богопроповедники св. апостолы. След., принимая крещение, совершенное старообрядческими священниками, за действительное, господствующая Церковь необходимо должна посему, – заключает раскольник. апологет, – уже признать за действительное и их рукоположение».²⁰⁹ Это возражение не имеет убедительной силы. Правда, православная Церковь принимает крещение, совершаемое австрийскими попами, считает его истинным, но та же православная Церковь в исключительных случаях допускает совершать таинство крещения даже мирянину (под тем неременным условием, чтобы крещение, совершенное мирянином, дополнено было священником, если младенец останется жив), однако отсюда еще не следует, что православная Церковь чрез то должна позволять тем же мирянам совершать другие таинства, напр., таинство покаяния. Делая чрез признание за истинное крещения, совершаемого мирянином, снисхождение в отношении совершения таинства крещения единственно с тою целью, чтобы не оставить вне спасительного корабля Христова тех больных младенцев, которые почему-либо не могли быть окрещены лицом священным, православная Церковь никогда не

допускала подобного снисхождения к совершению других таинств, считая недействительными, не имеющими никакой силы все те таинства, которые совершались когда-либо людьми, не имевшими потребных для совершения сих таинств иерархических степеней. Посему сначала следует доказать, что лица, принадлежащие к австрийской «иерархии» суть члены иерархии канонической, иерархии, ведущей своё начало от св. апостолов, а не суть – «простые миряне», и тогда только можно будет с полным правом утверждать, что «Церковь необходимо должна признать за действительное их (австрийских «архиереев») рукоположение», История христианской Церкви свидетельствует, как мы видели, что, принимая крещение от еретических и раскольнических обществ, православная Церковь не всегда признавала в таких обществах преподаваемое таинство хиротонии. «Если мы знаем, говорит профессор В. Соколов, что крещение, совершенное в том или другом не православном обществе, Церковь признает и не повторяет, – это совсем еще не дает нам права заключать, что она также принимает и преподаваемые в этих обществах рукоположения».²¹⁰

Другое возражение против употребляющегося ныне в православной Церкви способа принятия клириков австрийской лжеиерархии, возражение, предъявляемое и со стороны некоторых православных лиц, сводится к следующему: православная Церковь, говорят, признает общество старообрядцев, приемлющих австрийское священство, раскольническим обществом, а раскольнических клириков древняя Церковь иногда принимала в сущем сане, т. е. с оставлением в тех степенях священства, которые получены были ими в раскольнических обществах; следовательно, заключают, и клириков австрийской раскольнической лжеиерархии следует принимать в сущем сане.

Заметим на это возражение прежде всего, что вопрос о таком или ином способе принятия в православную Церковь клириков не православных обществ не принадлежит к числу вопросов догматического характера, относительно которых должно существовать одно, раз установившееся, определенное

мнение. И мы уже видели, сколь разнообразны были на протяжении всей истории христианской Церкви способы принятия в Церковь не православных клириков, что однако нисколько не препятствовало и доселе не препятствует единению частных Церквей между собою, так как Церковь Христова, в силу данной ей Основателем Господом Иисусом Христом власти вязать и решить грехи своих членов, может, руководствуясь своими соображениями, употреблять в различное время то один, то другой чиноприем, в одном случае смягчая строгость своих отношений к своим отступникам, в другом – усиливая таковую, неизменно преследуя одну определенную цель, – то, что св. Василий Великий называет «общим благосозиданием».²¹¹ И нам кажется, что в настоящее время православная Церковь не иначе должна принимать членов австрийской лжеиерархии, как только в качестве простых мирян, т. е. вторым чином. Причину такого отношения к клирикам австрийской секты мы усматриваем в следующем. Образование сей лжеиерархии совершилось еще так недавно, можно сказать, на наших глазах, что память о всех канонических отступлениях, связанных с историей происхождения её, еще не успела совершенно изгладиться из памяти очень и очень многих истинно благочестивых русских людей, до глубины души возмущенных сим явным попранием святоотеческих, апостольских и соборных правил. Теперь снисхождение к сей лжеиерархии (которое выразилось бы в принятии клириков её в сущем сане) не было ли бы для многих соблазнительным, не подало ли бы повода «неможным» из христиан смотреть на церковные правила так, как смотрели на них старообрядцы при принятии Амвросия в своё общество, не унизило бы тем в глазах сих «неможных» авторитет церковных правил? Строго справедливое же отношение нашей церковной власти к лжеиерархии австрийской, выражающееся в том, что все таинства, совершаемые членами сей лжеиерархии, признаются (за исключением крещения) недействительными, с одной стороны, поддерживает высокий авторитет церковных правил, «изложенных», как говорят отцы 7-го вселенского собора, «трубами Духа, святыми, всеславными апостолами и шестью

святыми и вселенскими соборами, а равно соборами, поместно собиравшимися для издания таких заповедей, и наконец святыми отцами»,²¹² с другой – невольно побуждает богобоязненных старообрядцев австрийского толка после тщательного и беспристрастного рассмотрения недостатков своей безблагодатной иерархии искать спасения в единоспасающей греко-восточной Церкви православной, где уже и обрели себе тихое пристанище лучшие старообрядцы австрийского толка, как миряне, так и бывшие «клирики».

Своим отношением к обществу старообрядцев австрийского толка православная Церковь научает верных своих чад смотреть вместе со святыми отцами на раскол, как на явление в высшей степени печальное, неблагочестивое и чаще приводить на память слова св. Иоанна Златоуста, который вещает: «Если хотим получить Духа от главы, будем в союзе друг с другом. Ничто не может столько производить разделения в Церкви, как любоначалие: ничто так не оскорбляет Бога, как то, когда кто производит в ней разделение. Хотя бы мы совершили тысячу добрых дел, подвергнемся осуждению не меньше тех, которые терзали тело Его (Иисуса Христа), если будем расторгать целость Церкви».²¹³

Св. Василий Великий, рассуждая о том, почему следовало принимать кафаров-раскольников в качестве простых мирян, в своё время писал: «кафары были из числа раскольников, однако угодно было древним, как то – Киприану и нашему Фирмиллиану, единому определению подчинити всех сих кафаров, энкратитов, идропарастов и апотоктистов. Ибо, хотя начало отступления произошло чрез раскол, но отступившие от Церкви уже не имели на себе благодати Св. Духа; ибо оскудело преподавание благодати, потому что пресеклось законное священство. Ибо первые отступившие получили освящение от отцов и чрез возложение рук их имели дарование духовное. Но отторженные, сделавшись мирянами, не имели власти ни крестити, ни рукополагати и не могли преподавать другим благодати Св. Духа, от которой сами отпали».²¹⁴ На основании сих рассуждений богомудрого отца, мы веруем, что митрополит Амвросий, как отступивший от православной Церкви, уже не

имел на себе по переходе в Белую Криницу благодати Св. Духа, как «отторженный» от Церкви, сделавшись чрез то мирянином, не мог, следовательно, сделаться родоначальником «законной австрийской иерархии». К этим авторитетным словам св. Василия Великого нам остается прибавить немного, а именно 4 правило 2-го вселенского собора, которое читается так: *О Максиме Кинике и о произведенном им бесчинии в Константинополе: ниже Максим был или есть епископ, ниже поставленные им на какую бы то ни было степень клира: и соделанное для него, и соделанное им, все ничтожно.*²¹⁵ Вот какой суд изрекает соборное правило на православного епископа, совершившего противоканонические действия.

Таким образом, на основании священного Писания, священного Предания, учения св. отцов и учителей Церкви, истории христианской Церкви, церковных правил, постановлений и определений соборных мы приходим к тому выводу, что *Амвросий должен быть признаваем самоотлученным (ὁπάρχει καθάρετος), а совершенные им хиротонии недействительными (ἄκυρωθέναι), а потому и вся происшедшая от него «иерархия» есть иерархия самозваная, незаконная, антиканоническая.*

Николай Попов

**Стеллецкий Н., свящ. Болгарская ересь
богомилов²¹⁶ // Миссионерское обозрение 1901 г. №
12. С. 771–794**

Ересь стригольников в первый раз становится известною в 1371 году. Вождями её были некто Карп стригольник²¹⁷ и диакон Никита.²¹⁸ Сначала они действовали в Пскове, а потом перешли в Новгород. По примеру богомилов, стригольники начали с того, что указывали и нападали на беспорядки духовенства и за беспорядки совсем отвергали церковную иерархию. Как и богомилы они говорили о всех духовных лицах, как о «поставленных на мзде»; поэтому христианские священники суть недостойные, недействительные пастыри и не имеют благодати священства, так как благодать Св. Духа не может быть приобретена за деньги. Но как плату берут рукополагающие священников епископы, а епископы платят митрополитам, митрополиты же патриарху, то все они незаконные архиереи; незаконна и вся существующая иерархия, русская и греческая включительно до патриарха и собора. Затем, переходя к разбору жизни духовенства, стригольники подобно богомилам находили, что «архиереи и монахи собирают себе много имения, а священники – что это за священники и учителя? – едят и пьют с пьяницами, взимают с них золото и серебро, берут порты (поборы) с живых и мертвых», таким образом незаконно поставленные пастыри являются недостойными и по своей жизни. Если так, то значит недействительно и всё совершаемое церковными пастырями; не должно поэтому слушать их учения и принимать от них таинств; не должно петь над умершими, «ни поминати их, ни службы по них творити, ни приноса за мертвые приносить в церкви, ни пиров творити, ни милостыню давати за душу умершего».

Признав всех священнослужителей недействительными, стригольники по примеру богомилов естественно должны были право религиозного учительства и священнодействия предоставить мирянам при чем они ссылались на слова ап.

Павла, заповедующего учить и простым людям, как духовным священникам. Как и богомильские учителя вожаки стригольнической ереси в своём учительстве думали держаться только новозаветных писаний. Впрочем, Карп, как главный вожак секты, в дополнение к ним, составил еще какое-то своё «писание книжное на помощь своей ереси», которое показывал и читал всем. Это писание, без сомнения, было тем, чем были подобные нелепые апокрифические писания или сказания и богомильских ересеучителей.

Устроив у себя учительство, стригольники должны были устроить свои моления. Видимые церковные храмы они, подобно богомилам, отвергали, неразумно ссылаясь на слова свящ. Писания, что «Вышний не в рукотворенных храмах живет». Было ли у них св. крещение – неизвестно; вероятно, было. Но относительно таинства евхаристии есть указание, что они его не совершали и вслед за богомилами понимали его в смысле духовного общения верующих со Христом. Вместо исповеди у священников, как духовников, они учили каяться самому, припадая к земле.²¹⁹ Значит, церковная практика относительно таинства покаяния признавалась ими, как и богомилами, ненужною.

Нравственные начала стригольнической секты тоже могли быть отголоском практического учения богомилов. Стригольники, подобно богомилам, проповедовали нестяжательность, воздержание, трезвость и проявляли эти черты в своей жизни, с целью противопоставить их духу стяжания и невоздержности современного им духовенства. Этими качествами они привлекали даже на свою сторону некоторых православных, говоривших о стригольнических учителях, что «они не грабят имения и не собирают». По примеру богомилов, стригольники, кроме того, подолгу молились, строго постились, имели вид печальный, угрюмый и вообще отличались аскетическим образом жизни.²²⁰ Говоря об этом аскетизме стригольников, православные обличители объясняют его фарисейским лицемерием, свойственным и богомилам, которое рассчитано было на обольщение простодушных.²²¹

Таким образом ересь стригольников во всех существенных пунктах своего учения довольно сходна с ересью богомилов, а это сходство заставляет нас допустить, что первая образовалась не без влияния со стороны последней.

Стригольническая секта просуществовала в России не более 50 лет. После 1427 года о стригольниках уже не слышно, но поднятое ими антицерковное движение, поддерживаемое продолжающими жить в народной памяти идеями богомилов, не исчезло, и, как сейчас увидим, вскоре снова возникло в другой, еще более опасной, ереси жидовствующих.

Спустя около 35 лет после прекращения ереси стригольников началось и опять в Новгороде новое религиозно-сектантское движение, известное под именем *ереси жидовствующих*.²²² Эта ересь, начавшая и продолжавшая своё дело тайно, имела большой успех среди русских,²²³ хотя сравнительно и недолго. Хотя название своё ересь получила от своего основателя жида Схари или Ерихоны, прибывшего из Литвы в Новгород около 1471 года,²²⁴ и элемент жидовства действительно в учении этой ереси довольно заметен, однако название «жидовствующие» далеко не выражает содержания самого учения их. Иудейство или жидовство участвует в учении этих сектантов только в виде случайного, внешнего возбуждения, преследуя здесь не столько цели чисто религиозной пропаганды, к которой, с появлением христианства, оно утратило и способность, и желание, сколько цели материальные или, точнее сказать, торгово-промышленные. В возникновении антирелигиозного движения, называемого ересью жидовствующих, гораздо более заметно участие сектантских идей богомилов, под влиянием которых образовалась и предшествующая ересь стригольников. Сам архиепископ новгородский Геннадий, один из строгих обличителей жидовствующих, прямо говорил, что в учении этих еретиков участвует не одно жидовство, что они содержат ересь христианскую, сходную с древнею, давно известною ересью мессалиан,²²⁵ элементы которой в богомильстве, как мы имели случай говорить, весьма заметны.

Таким образом, после ереси стригольников древнее богомилство снова отразилось в другой ереси – жидовствующих. Но если стригольники в своём учении преимущественное внимание обращали не столько на догматические или теоретические основы богомилской секты, сколько на видимые практические следствия, вытекающие из этих основ, отрицательно относясь больше к внешнему строю церковной жизни, чем к внутреннему, то жидовствующие главным образом старались воспроизводить внутренние основы богомилства; отрицательное направление этих последних преимущественно простиралось на догматико-теоретическое учение православной Церкви, сказываясь, впрочем, в конце концов и отвержением внешнего церковного благоустройства. Значит, ересь жидовствующих начала с того, чем кончила стригольническая ересь, а именно – с полного отрицания православно-христианского вероучения, поведшего потом к гораздо более широкой и дерзкой критике (чем это было у стригольников) и всех существующих в Церкви учреждений, уставов, порядков.

В одной летописи, по-видимому близкой ко времени жидовствующих,²²⁶ между прочим рассказывается, что эти еретики про Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия говорили: «Како может Бог на землю явиться и от Девы родиться, яко человек? но не есть тако, но яко Пророк бе подобен Моисею.²²⁷ И не вероваху еже от Пречистыя Девы Богородицы рождеству Его, ни воскресению Его, ни на иконах написанному образу по человечеству Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия не поклоняхся, ни Пречистыя образу, ни Святым Его угодникам; но хуляще и ругающесе глаголаху: то суть дела рук человеческих, – уста имут и не глаголют, и пр. такоже и Божественную службу совершающе ядше и пивше, и тело Христово ни во чтоже вменяюще, яко просто хлеб, и кровь Христову, яко просто вино, и иныя ереси многи творяще, противно правилам св. апостол и св. отец; но большее ветхого закона державхуся, по-иудейски (т. е. по иудейскому календарю) пасху праздноваху, в среду и пяток масло ядяху и млеко, *иныя*

дела неподобные еретические творяху,²²⁸ ихже не мощно списанию предати».

Таким образом, как видно из приведенного летописного известия, жидовствующие, по примеру богомилов, отвергали Божество Иисуса Христа, не допускали возможности Его воплощения, не верили воскресению Его из мертвых, не чтили св. икон, ни св. угодников Божиих, не признавали в таинстве Евхаристии тела и крови Христовых и смотрели на неё, как на образ самый простой, и пр.

Однако-же не у всех жидовствующих отрицание доходило до одинаковых размеров: одни, напр., допускали поклонение иконе Спасителя, другие были решительными иконоборцами; одни только умеренно либеральничали, другие держались сродных жидовству крайне материалистических представлений о значении и цели религии и Церкви, как средствах к устранению всеми правдами и неправдами земного, чувственного благополучия, с полнейшим равнодушием к тому, что будет за гробом. В наиболее же резкой форме доктрина жидовствующих выразилась у симоновского архимандрита Зосимы, которого не напрасно сектанты возвели на Московскую митрополию. Зосима, называясь митрополитом, совершая богослужение, созывая соборы против жидовствующих, в то же время самым кощунственным образом говорил: «Какой же это Иисус Христос? Что то царство небесное? Что то второе пришествие? Что то воскресение мертвых? ничего того нет. Умер кто ин, то умер, – по та места и был». Затем следовали не менее кощунственные сцены: издеваясь у себя дома над церковною святынею, Зосима полагал св. кресты в нечистых местах, сжигал св. иконы, обзывая их, подобно богомильским ересеучителям, болванами или идолами; дни и ночи проводил в беспутстве и пьянстве, чем, наконец, выдал себя и за что был низложен.

При показанном сходстве ереси жидовствующих во многих пунктах учения с древним богомильством, вполне естественно допустить, что на образование этой ереси в известной степени влияли незабываемые народом сектантские идеи богомилов.

Ересь жидовствующих продолжалась не более 70 лет и была подавлена, но чрез 30 лет сменилась ересью или сектою *Феодосия Косого*.²²⁹ Находясь в непосредственной связи с ересью жидовствующих, новая эта ересь пошла еще дальше и представляет поразительное сходство с богомилством. *Феодосияне* не ограничивались уже отрицанием Божества Иисуса Христа, Его воплощения, почитания святых, икон, креста, чудес, церковной иерархии, таинств и т. п., а вслед за богомилами склонялись даже к революционному отрицанию государства и повиновения всяким земным властям. Далее некуда было идти, и русское религиозное сектантство, всё время поддерживаемое богомилством, закончило первый период своего исторического развития.

IV

В последующее время древнее богомилство более или менее откликнулось в так называемых мистико-рационалистических или тайных сектах хлыстов, скопцов и молокан.

По общераспространенному у *хлыстов*²³⁰ преданию, не чуждому некоторого вымысла, их общество получило начало в первой половине XVII века, в царствование Алексея Михайловича, когда одни «умные люди», пораженные оскудением в мире чистоты и благочестия, собрались на святое место и своими молитвами «созвали с неба на землю» Господа Саваофа, в лице одного беглого солдата Данилы Филиппова, крестьянина Юрьевского уезда, Костромской губернии, который, после нескольких лет своей проповеди, даровал им сына своего, Христа, в лице Муромского крестьянина Ивана Суслова, вознесся на небо, т. е. умер. Лжехристос Суслов завел себе богородицу и 12 апостолов и в сопровождении их распространял своё учение преимущественно в нижегородских пределах. Похождения Суслова кончились в 1716 году, когда и он тоже вознесся на небо, как рассказывают хлысты, для соединения со своим отцом. После этого Христом объявил себя стрелец Прокопий Лупкин, жену свою Акулину Ивановну назвавший богородицей. Своё учение он распространял в губерниях Нижегородской, Ярославской и в самой Москве. Лупкин пользовался среди хлыстов таким же почетом, как и Суслов; при встрече ему кричали: «царь, царь», крестились на него, кланялись ему в ноги и целовали руки. В 1746 году в Москве объявился новый лжехристос, юродивый Андреян Петров, слывший за блаженного и предсказателя не только в простом народе, но и среди многих из московской знати. Благодаря влиянию этого юродивого хлыстовщина получила такое распространение, что, по словам белого калужского священника Сергеева,²³¹ она не страшилась становиться не раз даже на месте святе, «в лице самых служителей алтаря Господня». При всех суровых преследованиях, которым

неоднократно подвергалась хлыстовщина, она продолжает тайно существовать и доселе во многих губерниях.²³²

Русский человек есть по преимуществу человек чувства, а в преобладании чувства над мыслью и содержится источник так называемого мистицизма, характеризующего хлыстовщину. Вот почему мы думаем, что хлыстовщина в известной степени, представляет собою явление самобытное, русское; образование её стоит в некоторой связи со складом духовных сил русского простолюдина, с нашим народным характером, с историческими и бытовыми условиями русской жизни. Но в то же время нельзя не видеть в хлыстовщине повторения, так сказать, на русской почве и явления общеисторического, так как в учении её есть много аналогичного или даже тождественного с учением многих сект западных²³³ и особенно восточных, с которыми в своё время боролись великие отцы Церкви во всеоружии тогдашней эллинской и христианской учености. Из восточных сект ближе всех хлыстовщина стоит к богомилству, занесенному к нам из Болгарии еще при св. Владимире. Поэтому более чем вероятным представляется мнение некоторых почтенных исследователей²³⁴ относительно влияния на образование хлыстовщины секты богомилов. Весьма большое значение в смысле мнения этих исследователей имеют следующие факты. Ио словам св. Димитрия Ростовского, о лжехристе Суслове говорили, что он родом из Турции,²³⁵ очевидно на том основании, что Суслов был, как и его преемник Лупкин, беглый солдат, и оба они участвовали в походах против турок, следовательно, были в Болгарии или вблизи её и могли там познакомиться с остатками богомилства. В этом случае не мешает еще сослаться на показание одной хлыстовской богородицы, записанное священником Вазерским, о том, что «секта хлыстов происходит от запорожских казаков», бежавших в турецкие владения. Там они имеют главного настоятеля секты, в виде Христа.²³⁶ Все эти и подобные факты не могут не говорить о большем или меньшем заимствовании хлыстами своего учения от богомилов.

Мы сказали, что из всех сект христианского востока хлыстовщина всего ближе стоит к болгарской секте богомилов.

И действительно, сличая учение хлыстов с богомилским учением, находим между ними во многих частях значительное сходство и даже тождество.

Хлысты учат, что существует небо и земля, мир духовный и материальный. Небес семь. На седьмом небе обитает: Святая Троица, Богородица, архангелы, ангелы и святые угодники. Но что такое Троица, архангелы и ангелы, сектанты не разъясняют. Можно думать, что под этими названиями они понимают не лица, но только различные силы и образы проявления в природе и человеке одного и того же божественного существа. Таким образом хлыстовщина также отвергает истинно-христианское учение о троичности Лиц в Боге, как и богомилы.

По словам свящ. Сергеева, хлысты «не признают того, что Иисус Христос, совокупив в особе своей оба естества – Божеское и человеческое, в самом деле принял на себя содействием Святого Духа от Пресвятой Девы Марии плоть нашу и благоизволил родиться из Неё истинно, яко совершенный человек, во всём, кроме греха, с другими человеками соестественный»; они учат, что Сын Божий, сошедши на землю, *«Духом Своим Святым вселился в чужую душу и плоть прежде зачатого и рожденного по общим законам природы человека»* Иисуса Назорея, – вселился на 13-м году Его жизни, *«ради беспорочности Его жизни, чистоты сердца и святости дел»*. С этого времени Человек Иисус стал Христос, т. е. помазанником, по причине духовного помазания, сообщенного Духом Святым, т. е. чрезвычайного дара учения и пророчества. «И так, продолжает Сергеев, у них Иисус Христос есть не больше, как первоначальный учитель, Сын Божий не по естеству, а по благодати, причастию и вселению в Него Духа Святого». Совершенные Им чудеса, по мнению хлыстов, нужно понимать духовно. Ходить по водам, яко посуху – значит жить в мире и не касаться его соблазнов; исцелять расслабленных – подкреплять маловерных; восставлять болящих от одра – ободрять унывающих; давать слепым прозрение – научать истинной вере и проч. Таков взгляд наших сектантов на Иисуса Христа, или «старого Христа», как они выражаются. Нельзя не видеть весьма близкого сходства такого взгляда с учением

многих восточных сект, в том числе прежде всего секты богомилов, по известным обстоятельствам более всех знакомой нашему народу с первых времен русского христианства.

Но то, чего удостоился Иисус Назорей, продолжают хлысты, может быть приобретено и другими избранными людьми. Иисус сделался Христом, в нём воплотился Сын Божий единственно ради его естественной святости и чистоты жизни; но нет ничего невозможного в том, чтобы и другой кто-либо из людей достигал той же степени нравственной чистоты, какой достиг родившийся от Иосифа и Марии; следовательно, и другие избранные люди могут удостоиваться воплощения в них Сына Божия – делаться христами. «Он, Христос, пречистой Своей плоти подвиг земной кончил, а в других плотях избранных Он еще начинает», поют наши сектанты на своих радениях. Отсюда у них целый ряд «открывшихся» или «изобретенных» христов, начиная с Суслова. Начало таких верований в возможность воплощения Бога в человека и отождествления человека с Богом восходит к древнейшим верованиям восточных народов – индийцев и персов. В древнехристианской Церкви эти языческие верования отразились в ересьх манихеев, павликиан и в образовавшейся под влиянием этих последних секте богомилов. Несомненно, что эти верования имеют связь с учением русских хлыстов, хотя проследить эту связь в настоящее время и нет возможности.²³⁷

Каким же образом достигается то нравственное совершенство, при котором человек отождествляется с Богом, делается Христом? Ответом на этот вопрос служит нравственное учение хлыстов, в основе которого лежит дуализм и тесно связанный с ним аскетизм. В этом пункте учения хлыстов, по нашему мнению, нельзя не видеть самой близкой аналогии с учением богомилов. Те и другие смотрят на тело, как на злое, сатанинское начало в природе человека, которое нужно стараться всячески умерщвлять. Отсюда одинаково суровая мораль у тех и других. Как и богомилы, хлысты должны воздерживаться от супружеского сожития. Впрочем, эта заповедь исполняется ими формально: осуждая церковный брак, они в то же время имеют духовных жен, которые даются им христами или пророками на радениях, якобы для забот о

хранении целомудрия этими женами. Кроме того, хлысты, подобно богомилам, стараются воздерживаться от употребления хмельного, ибо в вине, по апостолу, есть блуд (Еф.5:18). Из понятия о необходимости умерщвлять плоть вытекает также хлыстовское учение о посте, состоящее в постоянном удалении от употребления в пищу мяса. То же аскетическое значение имеют и хлыстовские радения, соединенные с самоистязаниями. Радения наших сектантов, служащие внешнею формою богослужения их, составляют явление родственное богослужению византийских евхитов или мессалиан, влияние которых на образование богомильства, как мы видели в своём месте, не подлежит сомнению. Подобно тому, как в секте евхитов, беганья и верченья хлыстов на радениях, часто доходящие до полного иступления и изнурения, делаются с целью умерщвления плоти. Помимо радений к очищению и совершенствованию духа, по мнению хлыстов, может служить частое повторение молитвы Иисусовой. Молитве – этому «Богу всех добродетелей и дарований благодатных» – хлысты, вслед за богомилами, придают особенно важное значение. Поэтому наши сектанты в некоторых местах называются *богомолами*,²³⁸ подобно древним *богомолам-евхитам* и родственным им богомилам.

По примеру богомилов хлысты разделяются на отдельные общины, известные под названием «кораблей». Они управляются особыми лицами, которые, являясь как-бы носителями благодати и совершителями богослужения, образуют из себя таким образом нечто в роде иерархии. Первое и главное место в этой иерархии принадлежит «кормщику» корабля, иначе называемому «учителем», «апостолом», «пророком» и др. Когда еще были у хлыстов «изобретенные» христы (в настоящее время, по-видимому, место христов заступают пророки), при каждом из них, как и при богомильских учителях или епископах, большею частью было 12 апостолов, которые помогали ему «уловлять вселенную». Теперь, хотя у наших сектантов и нет христов, тем не менее чрезвычайные благодатные дарования Церкви первобытной, апостольской существуют у них (как они в этом убеждены) в полной мере: и

теперь овому дается духом пророчество, иному дар языков, иному сказание языков.

Во всём расходясь с православною Церковью, хлысты, как и богомилы, естественно, не признают этой последней. По словам свящ. Сергеева, православная Церковь в их глазах «есть учреждение, ничем не отличающееся от ветхозаветной синагоги и других языческих собраний и только предзнаменующее их духовную Церковь. Таинства они, по примеру богомилов, отвергают на том основании, что по совершении их, с теми, над кем они совершены, не происходит будто бы никакой перемены, ничего подобного тому, что испытывают сектанты во время своих радений. Особенно они издеваются над священством. «С насмешкою говорят, будто вся духовность священного сана переродилась в чувственные знаки. Оком зависти взирая на святительские светлые, блистательные украшения, говорят, что вся благодать церковная окаменела и обратилась в дорогие камни, золото и серебро, которое могло бы многих бедных пропитать... Священников именуют сопатыми ослиами» (слова Сергеева). Истинные христиане, духовные, каковы хлысты, не имеют надобности в чувственных знаках, какие составляют принадлежность церковных таинств: только сущий по плоти, говорят они, плотская мудрствует, а иже по духу – духовная, а идеже дух, там и свобода. Подобно богомилам, православных икон они не почитают, говоря, что гораздо разумнее поклоняться живому существу, в котором, может быть, неведомо для поклоняющегося обитает Бог, нежели неодушевленному дереву.

Впрочем, на практике хлысты, по примеру богомилов, в отношении к православной Церкви допускают крайнее лицемерие. Им не воспрещается, для избежания подозрения в принадлежности к секте, наружно принадлежать к господствующей Церкви и оказывать усердие к православным храмам. Точно также, питая в душе сильную ненависть к православному народу и особенно духовенству, хлысты однако иногда заповедуют почитать священников и весь причт церковный любить, потому что они – служители Бога Вышнего. Последнее говорится тем, которые еще не вполне посвящены в

тайны хлыстовщины. Отвергая почитание икон, наши сектанты в то же время охотно смотрят на них во время молитвы и даже поклоняются им и т. п.

Наконец, хлысты, как и богомилы, не хотят признавать никакой правительственной власти; они, по своему лжеучению, должны быть совершенно свободны и независимы; если же исполняют предписания начальства, то ради страха человеческого. «Дух Святой, говорит один лжехристос хлыстовский, поставил меня выше всякого начала и властей». «Бог на меня не гневается, говорит другой лжехристос, я всё равно – как верный и любимый сын, исполнивший волю Отца и за то имеющий во всём, свою волю. На мне отец уже взыскать ничего не хочет, да и не может».

Таким образом, в учении хлыстов есть много аналогичного и даже тождественного с учением древних богомилов; а это, помимо вышесказанного, еще более утверждает нас в мысли о генетической связи и исторической преемственности этих сектантских учений.

Если сходно и близко учение хлыстовщины с учением богомильской ереси, то еще ближе и сходнее стоять к этой последней вышедшее из первой *скопчество*. Обособившись во второй половине XVII века от хлыстовщины в отдельную секту, *скопчество* удержало однако-же всё её учение и обряды; единственное отличие его составляет оскотление, которого отнюдь не хотят допустить хлысты: не трудно бороться с умерщвленным врагом, а ты поборись с живым, возражают они скопцам.

Основателем *скопчества* считается Селиванов.²³⁹ Раньше принадлежал он к хлыстовской секте и в одном из многолюдных кораблей Орловской губернии, где богородицей была, Акулина Ивановна, объявил себя «сыном Божиим», искупителем (оскотителем). Желая вернуть хлыстовщине забытый ею идеал нравственной чистоты,²⁴⁰ здесь он, оскотившись сам, начал свою проповедь о необходимости оскотления или «убеления», как наилучшем средстве уничтожить плотские влечения; здесь же нашел себе ревностного помощника в крестьянине Тульской губернии Александре Иванове Шилове.

Этот последний признан скопцами за предтечу искупителя. «Удаляйтесь лениности (сладострастия), проповедовал Селиванов с Шиловым. Змею бить, так бей её поскорее до смерти, покуда на шею не вспрыгнула и не укусила». Слова эти означали то, что для сохранения чистоты надо оскотиться. Распространившееся еще при жизни Селиванова во многих губерниях скопчество, по смерти его,²⁴¹ так широко раскинулось в пределах России, что едва ли в настоящее время можно найти губернию, где бы его не было. При императоре Николае Павловиче оно было признано самою вредною сектою, так что за простую принадлежность к ней грозило преследованием. Такою признается она и доныне. Вследствие такого строгого отношения правительства скопцы уходили за границу и селились большею частью в Румынии и Турции. В 1872 году в Румынии, близ Галаца, среди скопцов объявился «второй искупитель и царь» в лице московского крестьянина Лисица, который. приговором суда был сослан в каторжные работы.

Внутренний дух и характер учения скопцов, как и хлыстов, совершенно согласен с существом богомильского учения.

Подобно богомилам, скопцы, вслед за хлыстами, учат о перевоплощениях Сына Божия. В духе богомильского учения они утверждают, что Иисус Христос ни страданий, ни смерти на земле, как повествуется об этом в Евангелии, не испытывал; Он только терпел «гонения от жидов» и умер естественною смертью, после чего душа Его вместе с Божеством вознеслась на небо, а тело предалось в земле тлению. Когда мир снова погряз в «лености», Искупитель вторично явился на земле в лице Селиванова. Подобно первому Христу, Селиванов страдал от гонений. В новом искупителе Лисине скопцы признают третье воплощение Сына Божия.

По примеру богомилов, скопцы отвергают все церковные таинства; крещения водою у них нет; покаяние совершается чрез исповедание грехов друг другу. Как и богомилы, они ненавидят и ругаются над пастырями Церкви, называя их фарисеями, жидами. В отношении к церковным установлениям скопцы, по примеру богомилов, крайне лицемерны. Молитвенные дома их украшаются иконами Спасителя,

Богоматери, Николая Чудотворца и другими. Эти иконы даже ставятся ими в переднем углу. Но православное почитание св. икон наши сектанты, подобно богомилам, считают идолопоклонством. Как и богомилы, никакой власти они не признают; если же исполняют правительственные распоряжения, то только ради страха наказания.

В основе нравственного учения скопцов лежит дуалистическое воззрение богомилов, по которому дух есть начало доброе, а тело – начало злое. Наши прародители, говорят сектанты, были сотворены бесплотными, т. е. не имеющими половых органов. Последние явились только тогда, когда люди, по наущению диавола, согрешили. Вместе с этим они предали себя «лености». Чтобы предохранить себя от неё, необходимо достигнуть такого состояния, при котором уже фактически невозможно грешить. Эта невозможность и достигается чрез оскотление, состоящее в уничтожении или, по крайней мере, повреждении половых органов. Только при оскотлении возможно достигнуть нравственной чистоты. Отсюда у скопцов, как и у богомилов, в принципе отрицается брачная жизнь.

Вообще скопчество во многих частях своего учения до такой степени близко и аналогично с учением богомилов, что в нём как бы снова ожило и воскресло богомилство, И потому нельзя не признать, чтобы богомильские идеи, живущие в сознании русского народа с первых времен христианства, не имели никакого влияния на образование у нас секты скопцов.

На том же самом основании мы не можем не видеть следов богомилства и в весьма распространенной в России²⁴² секте *молокан*,²⁴³ которая была организована во второй половине прошедшего столетия крестьянином Тамбовской губернии, Борисоглебского уезда, Семеном Матвеевым Уклеиным. И действительно, если сравним молоканское учение с богомильским, то найдем между ними поразительное сходство; это – как бы одна и та же никогда не прекращавшаяся ересь или секта.

Согласно верованиям богомилов, молокане говорят, что отцы Церкви и вселенские соборы произвольным толкованием

свящ. Писания извратили христианство и смешали его с иудейством или язычеством. В настоящее время, по их мнению, истинную церковь составляют лишь они – «духовные христиане», которые не приемлют ни преданий, ни соборных постановлений, а исповедуют только то, чему учит Библия.

Об Иисусе Христе молокане в духе богомильской ереси учат, что Он для спасения людей принес с неба плоть, – не действительную человеческую, а лишь мнимую, т. е. такую, какую, напр., имел архангел Рафаил, сопутствовавший Товии, – вселился с нею в утробу Девы Марии и бессемено родился от неё. Отсюда они не признают действительными ни Его страданий, ни смерти.

Во имя мнимой духовности христианства (Ин.4:24) молокане, подобно богомилам, проповедуют поклонение Богу одним духом и отвергают всякое внешнее богочитание с почитанием креста, икон, которые называют они «идолами», мощей, храма, ангелов, святых и пр. Церковные таинства они, вслед за богомилами, понимают духовно, а именно: крещение, как научение от слова Божия, – покаяние, как сокрушение сердца только пред Богом и исповедание грехов друг пред другом, – причащение, как принятие учения Христова и исполнение Его заповедей и т. д.

Во имя неправильно понятой евангельской свободы (2Кор.3:17) молокане, как и богомилы, проповедуют, что в Церкви нет ни больших, ни малых, но все равны, все – братья и священники, и что никто не должен даже называться учителем, так как один Учитель и Архиерей – Христос. Судя поэтому, можно думать, что молоканству чужда всякая организация внутреннего религиозного быта. На самом деле не так: в молоканских общинах, по примеру древних богомильских, существуют старцы или учителя, которые являются руководителями в вере. Сам Уклеин, объявив себя пророком, окружил себя 70 апостолами. Его примеру следовали и другие руководители молоканской секты, восхищавшие себе звание пророков, чудотворцев и т. п.

Вместе с церковною иерархией молокане, вслед за богомилами, отрицают и гражданскую власть, признавая её

терпимую только для сынов мира, а не для духовных христиан, в которых, как сынах не от мира сего, вселилось учение Христово. Христиане, по их мнению, должны избегать рабства помещиков, войны, присяги, как недозволенных Словом Божиим. Вот почему молокане часто убегали от военной службы, а единоверцы их укрывали беглецов. Социально-революционный элемент в молоканстве становится несомненным в виду прямых со стороны некоторых из его последователей заявлений, что Государю служить не нужно, так как он-де не молоканин. А за Кавказом объявился даже молоканский царь в лице Рудометкина. Иногда, впрочем, у молокан (напр., Кишиневских) встречается молитва за русского Государя; но, это объясняется их лицемерием, свойственным и древним богомилам, – желанием показать, что и они – верные сыны отечества. По-видимому наши сектанты не совсем отказывают и в повиновении подлежащей власти, но это делается, «покуда», как они выражаются, «нельзя противиться».

Все это показывает большую близость и сходство нашего молоканства с болгарским богомилством; а это обстоятельство вынуждает нас видеть в богомильской ереси одно из важных оснований в образовании молоканской секты.

В 60-х годах настоящего столетия, под влиянием немецких колонистов, возникла на юге России новая религиозная секта, весьма близкая к ереси богомилов, известная под именем *штундизма* или *штунды*.²⁴⁴ Первыми последователями, распространителями и вожаками этой секты были малороссы-крестьяне Михаил Ратушный, Иван Рябошапка (Херсонской губ.), Герасим Балабан (Киевской губ.) и др.; приходившие на юг России на заработки к немцам-колонистам. Эти работники, живя в немецких колониях, иногда удаленных на десятки верст от православных храмов, не имея общения с православным обществом в молитве и таинствах, не слыша поучений православных пастырей, оторванные от своей семьи, не могли устоять против соблазнов немецких пасторов и совращались в штунду. И вот штундизм быстро распространился в южной и отчасти западной России, проник даже в среднюю полосу её, так что духовная власть должна была прибегнуть к чрезвычайным мерам для борьбы с ним.²⁴⁵

Первоначально русские штундисты не составляли из себя в собственном смысле секты. Хотя ко многим догматам православия они высказывали недоверие, однако не порвали еще связи с православною Церковью, посещая православные храмы и принимая все таинства от православных священников. Формальное отделение штундистов от Церкви произошло в 70 годах. На это отделение повлияли *баптистские* миссионеры, которые, появившись в России среди немецких колонистов, подорвали проповедью своего учения доверие малороссов-штундистов к православному духовенству и тем положили начало отделению их от Церкви в виде особой секты.²⁴⁶

Таким образом, русский штундизм стоит в непосредственной причинной связи с немецким, точнее прусским *баптизмом*. В этом удостоверяют нас несомненные данные.²⁴⁷ Но занесенный к нам из Пруссии в недавнее время баптизм, получивший в России название штунды, имеет, как тамошнее явление, свой antecedent в отдаленных веках

христианской Церкви на западе и даже на востоке её. Можно проследить генетическую связь его с древним богомилством.

В своём месте мы имели случай заметить, что болгарские богомилы, подвергшиеся жестоким преследованиям в Византийской империи, в XII–XIII веках расселились в Италии, Франции и в других странах западной Европы, чему могли способствовать и передвижения европейских народов во время крестовых походов. От них возникли в XII веке сродные на западе Европы мистические секты, известные во Франции под именем кафар (чистых), булгар, публикан (павликдан), бичующихся, пляшущих ткачей и др.; в XIII веке из них выродились «братья и сестры свободного духа» во Франции, Германии и Италии, среди которых учение богомилов получило особенно большое развитие. Начала их же учения лежали и в основе проповеди Арнольда Брестийского, Петра Брюи, Вальденсов и Альбигойцев, действовавших преимущественно во Франции. Западные кафары так же, как и богомилы, заменяли у себя водное крещение возложением рук и Евангелия Иоанна, а причащение молитвою «Отче наш», воздерживались от вступления в брак и от употребления вина и мяса. Нельзя сказать, чтобы принятое у *немецких баптистов* перекрещивание вступающих в их секту было позаимствовано ими лишь у *анабаптистов* или, как они иначе назывались, *меннонитов*²⁴⁸ времен реформации. Еще в III веке *новациане*, которые были чистыми пуританами своего времени, тоже принимали в свою общину переходивших к ним из православной Церкви чрез перекрещивание. Их-то можно назвать также первыми анабаптистами. Новациане назывались кафарами или чистыми, каковое название перешло уже от них к французским кафарам XII века и к кафарам итальянским, которые своё начало производили с востока, именно от болгарской секты богомилов.²⁴⁹

Таким образом немецкий баптизм, повлиявший у нас в России на возникновение штундизма, имеет свой исторический antecedent в древнем богомилстве, с которым он находится в причинной, хотя и не непосредственной связи.

Но независимо от баптизма немецких колонистов, секта штундистов могла найти для себя подходящую почву в самом русском народе, в религиозном сознании которого еще с первых времен христианства жили богомильские идеи, отразившиеся в тех или других сектантских учениях. Ближайшим же образом, русский штундизм представляет собою дальнейшее развитие богомильско-молоканских воззрений, под влиянием новых условий жизни и по известному сектантскому правилу – «от слова рождается новое слово».²⁵⁰

Как бы то ни было, болгарская секта богомилов имеет немаловажное значение в образовании современной нам секты штундистов. Еще более мы убедимся в этом, если сравним учение той и другой секты.

Сличая учение штундистов с учением богомилов, нельзя не усматривать весьма близкой аналогии между ними. Штундисты так же, как и древние богомилы, отрицая православную Церковь с иерархией, относятся к ней в высшей степени враждебно и дерзко. Церковь они называют блудницей, дочью Вавилона, равно как членов церковной иерархии – архиереями и священниками, распявшими Иисуса Христа, или книжниками и фарисеями, которых обличал Господь; рядовых же членов православной Церкви называют бедными, несчастными, погибшими, идолопоклонниками, а себя – духовными христианами, обществом друзей Божиих, братьями библейскими и своё учение – евангельским исповеданием. Устраняя церковную иерархию, они, подобно богомилам, во главе своих общин однако поставляют епископов, пресвитеров или старших братьев и диаконов, хотя ни те, ни другие, ни третьи не имеют священного сана. Впрочем, так называемые чаплынские (Таращанского уезда, Киевской губ.) младоштундисты пришли к отрицанию и «старших братьев», предоставив управление делами общины собранию всех членов её.

Согласно богомилам, штундисты отвергают также почитание ангелов, святых, мощей, икон (называя их «идолами»), креста (видя в нём только орудие казни), не хотят иметь у себя храмов, а одни молитвенные дома, и, выходя из того понятия, что христианство есть духовная религия,

допускают (собств. младоштундисты) лишь внутреннее богослужение, состоящее в чтении свящ. Писания, пении духовных песней и произнесении молитв. Молитвы употребляются у них, как и у богомилов, большею частью импровизированные. Из таинств Косяковские (Косяковка в 5 верстах от вышеупомянутой Чаплынки) староштундисты оставляют только крещение и причащение (св. вечерю или преломление хлеба); при этом на крещение они смотрят, как на плод и выражение веры в Иисуса Христа и торжественное заверение в том, что верующему омыты грехи, почему крещение большею частью совершается у них, по примеру богомилов, только над взрослыми; причащение же, по их мнению, есть духовное, мысленное, а не действительное вкушение тела и крови Христовых. Что касается младоштундистов, то они в этом отношении еще ближе подходят к учению богомилов, так как совсем не признают крещения водою и преломления хлеба. Крещение водою, говорят они, раз совершено было на веки Иоанном Крестителем над Иисусом Христом, и «мы не пойдем больше к берегам иорданским». Крещение водою, по ним, омывает только тело, а не душу; оно нисколько не изменяет человека к лучшему. Относительно же преломления хлеба младоштундисты учат: «мы принимаем живые слова Иисуса Христа и тем самым приобщаемся Его плоти и крови».

Среди русских штундистов, как некогда среди болгарских богомилов, бродят социально-революционные идеи. Исходя из мысли о равенстве всех людей перед Богом, они отвергают законность существования гражданских властей; если же они все-таки подчиняются начальству, то единственно из страха наказания, слышатся также среди штундистов голоса об общем разделе имений, ненужности судов, преступности клятвы и войны и т. п. Вместе с тем заметно и тяготение их к немцам, которые, по их словам, «умнее, богаче и сильнее нас»; они с нетерпением ожидают нападения немцев на Россию, обещая встретить их с хлебом и солью.

Показанное сходство штундизма с богомильством, в существенных пунктах учения того и другого, само собою

разумеется, достаточно говорит за историческую преемственность этих явлений.

* * *

Мы рассмотрели с известной точки зрения почти все главные русские религиозные секты, т. е. секты стригольников, жидовствующих, Феодосия Косого, хлыстов, скопцов, молокан и штундистов. Путем такого рассмотрения мы пришли к убеждению, что все они не самородные и самостоятельные секты, возникшие из собственного религиозного своемыслия русского народа, а занесенные к нам со стороны, из чужих краев. Помимо всего сказанного нами выше, это подтверждается еще и тем, что названные секты никогда не находили и не находят себе действительного сочувствия у истинно-русского человека, последователи этих сект живут среди нас как-то особняком, в скрытности; они боятся объявить своё настоящее имя, и наш русский православный народ инстинктивно сторонится от них, питает к ним какое-то органическое отвращение и даже суеверный страх, весьма близкий к страху сатаны, считает некоторых из этих сектантов какими-то загадочными волшебниками, находящимися в общении с темными силами, плюет и крестится при одном упоминании об них. Со своей стороны и последователи всех этих сект чуждаются интересов современной общественной жизни русского народа и являются совершенно равнодушными к успехам развития этой жизни. Еще менее они интересуются преданиями, историческим прошлым своих соотечественников; для них весь интерес в их баснословном будущем: напр., хлысты вместе со скопцами ожидают торжественного возвращения «из неведомой Иркутской стороны» своего искупителя; молокане ждут Араратского царства, падения Ассирии и тысячелетнего всемирного покоя; штундисты льстят себя надеждою, что некогда придет штундовый царь, разорит царство русское, церкви обратит в конюшни и амбары, духовенство и властей отдаст в рабство штундистам и земли разделит между последними. И все эти сектанты думают, что, когда исполнятся их чаяния, наступит на земле золотой век, который они

называют идеальным. Как видно, религиозные секты, существовавшие и существующие в России, – не наши, не русские; они проникли к нам с юга и прижились к русскому народу. Поразительное сходство и близость их к ереси богомилов, обстоятельно показанные нами в своём месте, служат важнейшим доказательством того, что сектантское вольномыслие, искони чуждое русскому духу, занесено к нам из Византии, или, точнее сказать, из Болгарии, занесено очень давно, одновременно с принятием нашими предками христианства при св. Владимире; но и в течение стольких веков религиозное сектантство не могло сродниться с русским народом, и доселе оно представляется ему несообразным с характером его религиозной жизни явлением.

Свящ. Н. Стеллецкий

Из миссионерских дневников, летописей и записок

**Скворцов Д. Впечатления и наблюдения
миссионера²⁵¹ // Миссионерское обозрение 1901 г. №
12. С. 795–810**

Через неделю после поездки в с. Афанасьево я вознамерился побывать в с. Липицах (Каширского уезда), как наиболее видном пункте старообрядческого раскола в Тульской епархии. Как я узнал из последнего отчета помощника епархиального миссионера, свящ. М. Мерцалова, с. Липицы, по числу проживающих в приходе его раскольников, занимает по Алексинскому и Каширскому уездам почти первое место (только в с. Луковицах, Алекс. у., числится раскольников немного более, чем в Липицах), а по принадлежности раскольников этой местности к австрийскому толку, как наиболее в настоящее время влиятельному и опасному, обращает на себя преимущественное внимание. Отсюда понятно, – почему я для второй своей миссионерской поездки избрал именно это село.

22 января утром я выехал из Тулы и около 3 часов дня того же числа был в Липицах. Село это производит на нового посетителя весьма благоприятное впечатление: оно выглядит богатым и благоустроенным. Особенно приятно было видеть большую, хорошей архитектуры, церковь, которая красуется вблизи липовых аллей, расположенных около богатой барской усадьбы. Затем приятно было узнать, что в Липицах имеются две благоустроенные и хорошо обеспеченные школы – земская и церковно-приходская. Постройки липицких крестьян также производят своим внешним видом хорошее впечатление и свидетельствуют о достатке их хозяев. Но на ряду с этим, как язвы, виднеются трактиры, которых в Липицах не один. В виду внешнего, материального довольства с. Липиц, мне невольно пришло на мысль, что раскол как-то умеет пустить более или менее глубокие корни там, где есть материальное довольство. Раскол в приходе с. Липиц существует довольно давно и занесен сюда, вероятно, из Московской губ. (с. Липицы находится всего в 3 верст. от границы Моск. губ. и в 5–6 верст. от г. Серпухова). Он разделяется на два толка – на окружников

и нетовцев – и сосредоточивается, главным образом, в деревне Селиной, отстоящей от села верстах в 8-х.

В Липицах меня уже ожидал помощник епарх. миссионера, о. Митрофан Мерцалов, с которым мы заблаговременно условились прибыть к известному дню. Остановившись в доме священника о. Иоанна Щеглова, мы все втроём имели небольшой совет о том, как бы с возможною пользою для дела провести время. Решено было на другой день (т. е. 23 янв.) отслужить литургию, а после оной устроить публичную беседу, о которой известить прихожан чрез волостное правление, а в этот день съездить в дер. Селину для частной беседы с уставщиком по австрийскому священству, крестьянином дер. Селиной, Михаилом Афанасьевым Уликовым. Вечером мы отправились в означенную деревню и здесь, с приветом мира и благословения, вошли в дом Уликова. Хозяина не было дома: он, как нам сказали его домашние, находился в «думе» (местное название трактира). Скоро за ним послали, и он пришел, хотя несколько «надумавшись», но все-таки еще приличен. Прекрасно, конечно, понимая, зачем и почему мы прибыли к нему, он, однако, показал вид, что принял нас за обыкновенных гостей, а потому стал распоряжаться о самоваре и «жареной рыбе». Поблагодаривши за предложение чаю и закуски, я приступил ближе к делу, сказав, что мы прибыли для того, чтобы пригласить его, Уликова, завтра на беседу о св. Христовой Церкви. Тогда Уликов сел и мало-помалу завязалась беседа, которая, впрочем, не могла быть ведена правильно, потому что Уликов отчасти и намеренно, отчасти и по непониманию дела, путал её постоянно.

На моё предложение ему прийти в с. Липицы и послушать беседу о св. Церкви, Уликов ответил как-то неопределенно и с усмешкой (которая, кстати сказать, как-то всё время разговора не оставляла его): «да что-ж, в церкви у вас служат все не по уставу, Никон всё переменял».

«Так неужели ты только потому не ходишь в православную церковь, что будто бы там служат все *не по уставу*, как ты знаешь это, если сам не бываешь? Вот приди завтра, и мы тебе покажем устав, по которому в православной церкви служат.

– Да неужто у вас есть устав, как бы удивленно спросил Уликов.

– Да, есть, и почти совершенно такой же, какой был до патр. Никона, сказал я.

– Как же такой, – ни утрени, ни вечерни у вас не совершается правильно, а все с пропусками.

– Если и допускаются при богослужении православной Церкви некоторые сокращения, то весьма небольшие и весьма редко; что же касается старообрядцев, то у них при службах *по необходимости* пропускается более важное и существенное, потому что службы у них совершаются большею частью простыми уставщиками, такими же, например, как ты, и всё, что должен произносить иерей, простой уставщик замалчивает. При этом я заметил, что совершение служб по тем или другим книгам (до-никоновским или после-никоновским) не имеет существенного значения в деле спасения. После этого я по возможности кратко изложил историю исправления церковно-богослужебных книг, показывая, что и до патр. Никона при первых пяти святейших патриархах книги были различны. Выяснял это просто, наглядно, указывая примеры разногласий в «старых» книгах. Но на всё это получил довольно неожиданный ответ: «не знаем, как тогда было; нас тогда не было». Затем Уликов дал новый оборот беседе, заметив: «мы по вашим же книгам служим, по тем, которые ваш же св. Сенат (sic) напечатал, а у вас по ним не служат». Я понял, что речь идет о богослужебных книгах единоверческой печати, и вследствие этого вынужден был повести беседу о единоверии, стараясь выяснить его сущность и происхождение. Заметив, что Уликов слушает мою речь довольно равнодушно и с явным нежеланием понять её, я счел за лучшее переменить тему и заговорил о существенных признаках Церкви Христовой, – и прежде всего о священстве. Зная, что Уликов принадлежит к австрийскому толку, я, применяя учение свящ. Писания и свв. отцов и учителей Церкви к австрийскому священству, показал незаконность последнего и сказал, что это не Христово и не апостольское священство, а «амвросианское». «Как ты думаешь об этом, и правду ли я говорю?» Уликов прикинулся, что он ни о

каком Амвросии и не слыхивал, а знает только, что у них «священство – правильное, апостольское». А если не слыхивал, то послушай от меня, и я кратко рассказал, как возникло, так называемое, австрийское или белокриницкое священство. Я заметил, что Уликов опять слушает меня с равнодушием, что сейчас же по окончании моего повествования и подтвердилось его словами.

– Мы не знаем этого, так ли было, нас тогда не было.

– Если не знаешь, сказал я, то вот и узнай. А что я сказал правду, что ваше священство идет от греческого митрополита Амвросия, то за подтверждением этого можешь обратиться и к своему «архиепископу» московскому, Иоанну Картушину, и он, несомненно, не будет отрицать, что именно с Амвросия началась у вас теперешняя иерархия. Ведь ты признаешь Иоанна-то за «архиепископа»?

– Да, как же.

– Ну вот: а он вступил после московского Савватия, о котором ты тоже, наверно, слыхал, Савватий после Антония (Шутова), а Антоний был посвящен Кириллом, именуемым митрополитом Белокриницким, а Кирилл поставлен Амвросием, – родоначальником вашей иерархии.

Из продолжительной беседы с Уликовым не безынтересно припомнить еще следующий разговор с ним относительно св. Евангелия. Говоря об устройстве Церкви Христовой, я нередко ссылался на св. Евангелие. Уликов вдруг говорит мне: «какое Евангелие?» Я ответил, что Евангелие у всех одно и то же.

– Это то, которое у вас в Церкви читают, – спросил Уликов.

– Да, и в Церкви читают то же Евангелие, – ответил я.

– Ну, – так это Евангелие сокращенное, а вот ты бы почитал полное, большое Евангелие, так там много бы вычитал, многозначительно заметил Уликов. У нас оно есть, да только теперь не под руками?

– Какое же такое Евангелие ты разумеешь? Может быть, «Четвероевангелие», сиречь толкование на Евангелие Феофилакта, архиепископа Болгарского.

Оказалось, что Уликов понимает под «большим» Евангелием именно эту книгу. Тогда пришлось выяснить ему, что

толкование на Евангелие и самое Евангелие не одно и то же, что толкований на Евангелие очень много, и они могут быть различными, даже неправильными и погрешительными, а св. Евангелие – одно, непогрешимо и свято и т. д. Но Уликов никак не мог взять этого в толк, а повторял одно:

– То (т. е. толкование Феофилакта) – тоже Евангелие пространное, полное, а в сокращенном многого нет. – Из этого разговора с Уликовым видно, как еще мало подготовлены для понимания и усвоения даже элементарных религиозных знаний и передовые, а не только рядовые раскольники.²⁵²

К концу беседы, которая затянулась часа на 2½, Уликов стал более горячиться и открыто обнаруживать, что мы ему надоели. В избе всё время беседы находились и стояли домашние и некоторые соседи (впрочем, очень немногие, потому что Уликов не пускал в избу посторонних, хотя их около его дома собралось очень много). Домашние его стали как-бы заступаться за него и, обращаясь к нам, говорили: «вас трое, а он один». Вообще же видно было, что беседу нужно кончить. Поэтому в заключение я еще раз пригласил Уликова на публичную беседу м с. Липицы и посоветовал посерьезнее подумать обо всём том, что в продолжении целого вечера мы говорили и разъясняли ему, прибавив к этому, что всё это делалось для его пользы, – для спасения его души: «вне Церкви православной нет спасения», закончил я. Но в ответ на это от Уликова услышал следующее:

– Я – *столп*, меня не своротишь, я при своём останусь, а вы при своём; идите-ка с Богом от меня, ступайте, ступайте скорее. – Так усердно выпроваживал нас тот хозяин, который в начале хотел угостить нас и чаем, и жареной рыбой. Миссионеру с подобными отношениями со стороны раскольников приходится нередко встречаться, и поэтому ему необходимо быть готовым к терпеливому перенесению всяких обид. Мы вежливо простились со всеми и вышли из дома этого «столпа» селинского «древляго благочестия». Но, увы, «столп» сей стоит на очень гнилом основании. От священника о. Иоанна Щеглова дорогою мы узнали, что Уликова держит в расколе больше всего материальная выгода. Он состоит уставщиком

моленной, находящейся в д. Селиной, и за отправление служб от общества липицких раскольников, получает плату в 200 рублей – сумму для крестьянина весьма значительную. Что корыстные побуждения сильно удерживают Уликова в расколе, – видно из следующего сообщения того же о. Иоанна Щеглова. Раз был в Селиной бывший миссионер, о. протоиерей Георгий Панов и беседовал с Уликовым, причем последний, вероятно, нечаянно проговорился: «пожалуй бы, я и пошел в вашу Церковь, если бы мне и там давали по 200 руб. в год». Вот образец «истинного древляго благочестия»! А в разговоре со мною, может быть, мечтая сделаться когда-нибудь австрийским попом, Уликов проговорился; «если бы нам ризы-то позволили надевать, то в вашу-то Церковь, тогда никто-бы и не пошел». Во всём проглядывает неискренность раскольнических убеждений Уликова: и в его образе жизни, в которой видное место занимает «дума», и в его беседе с нами, в которой он держал себя насмешливо-вызывающе, и в его, наконец, корысти. Таков глава раскольников Липецкого прихода.

На следующий день, т. е. на 23 число января, назначена была беседа в храме «о св. Христовой Церкви и её вечном и неизменном устройстве». По этому случаю устроен был некоторый праздник: по-праздничному служили литургию. По ударам большого колокола довольно охотно стали стекаться в церковь прихожане. Когда я пришел в липицкий храм, то был приятно поражен его простором, благолепным устройством и чистотой. Истовое служение причта, особенно священника, и стройное пение небольшого хора дополнило приятное впечатление, и я подумал; «не место бы здесь чуждаться православной Церкви и ютиться расколу, и совершенно не имеют основания жалобы какого-нибудь Уликова, что в Церкви совершаются службы с пропусками». Вместо причастного на литургии помощ. миссионера, свящ. Митрофан Мерцалов, произнес приличное случаю поучение. Так как тогда шла неделя о мытаре и фарисее, то о. Митрофан, изложив эту глубоко-поучительную притчу, очень умело применил её содержание к внешне-фарисейскому благочестию старообрядцев сравнительно с глубоко-покаянною верою мытаря, которая одна

только оправдывает. Сказанное экспромтом и произнесенное громким голосом, поучение это должно было произвести своё впечатление на слушателей. После окончания литургии пришла моя очередь выступить с беседой о Церкви. Предварительно разъяснив вопрос о св. Церкви, я кратко припомнил слушателям, как произошёл раскол, и как он потом раздробился на многочисленные и враждебные друг другу толки, из коих каждый выдаёт себя за истинную Церковь, а так как истинная Церковь – едина, то отсюда сам собою и возникает вопрос: где же истинная Церковь Христова, вне которой нет спасения? Для того, чтобы знать, – где истинная Церковь, говорил я, нужно иметь ясное понятие о её необходимых свойствах и принадлежностях. Подробному указанию и разъяснению таковых свойств и принадлежностей Церкви и была посвящена дальнейшая часть беседы.

В заключение было сказано, что общество старообрядцев (ни безпоповщинское, ни поповщинское) не может составлять истинной Христовой Церкви, потому что оно не имеет существенных её свойств. Возражений на этой беседе со стороны старообрядцев не последовало. Уликов, который так интересовался узнать, совершается ли у нас служба «по уставу», и даже есть ли у нас устав, на беседу, конечно, не явился, что ещё накануне предсказывал мне о. Иоанн. Что же касается православных слушателей, то, заметно, они были утешены беседой, и некоторые из них неподдельно, искренно благодарили меня, – даже в таких восторженных выражениях, которых я не заслужил и потому о них здесь умалчиваю. Не могу здесь кстати не высказать всегдашнего своего взгляда на публичные беседы о предметах разногласия с раскольниками и сектантами. Беседы эти имеют большее значение не столько в смысле воздействия на заблуждающихся, сколько в смысле ограждения от увлечения в заблуждение православных: последние после каждой подобной беседы, так сказать, оживают и окрыляются, – и потому уже не поддаются хитрым уловкам расколо-сектантских лжеучителей, которые, несомненно, гораздо более начитаны и в религиозных вопросах более изворотливы, чем рядовые православные крестьяне. Что

касается воздействия на самих заблуждающихся, то в этом отношении полезнее частные, келейные беседы. – По окончании беседы, были пропеты некоторые церковные песнопения, и роздано много книжек и брошюр, которые привез с собою о. Митрофан Мерцалов. Народу на беседе было более 300 человек.

После некоторого отдыха в доме о. Иоанна, хозяин любезно предложил нам побывать и осмотреть церковно-приходскую школу в д. Селиной, имеющую, между прочим, миссионерские цели. Школа эта основана на средства Братства св. Иоанна Предтечи и в настоящее время пользуется ежегодным от него пособием. Мы прибыли в школу, когда в ней шли занятия, так что ученики и ученицы были в полном сборе. При нашем входе они дружно пропели «Царю небесный», а затем, по нашему желанию, пропели еще «Отче наш», «Слава в вышних Богу». Затем некоторые ученики и ученицы спрошены были мною по Закону Божию и дали ответы толковые. Но внимание моё, как миссионера, особенно обратило на себя следующее: о. Иоанн спросил некоторых учениц (помню двух), дочерей раскольников, – одна из них дочь уставщика Уликова, – прочитать Символ веры и молитву «Достойно есть», и они прочитали эти молитвы без тех особенностей, какие имеются в них по старообрядческому чтению. Так церковная школа сглаживает в детях пункты религиозных разногласий между православием и старообрядчеством, постепенно подготавливая, таким образом, из раскольниковых детей будущих верных чад Церкви. Селинская церковно-приходская школа имеет немалое миссионерское значение еще и в другом отношении. Именно, при этой школе с 23 января 1900 г. открыты воскресные чтения религиозно-нравственного и противораскольного содержания, с целью, с одной стороны, отвлечь народ от пустых занятий, непозволительных развлечений и грубых удовольствий, а с другой – предохранить православных от увлечения в раскол. В этом полезном и симпатичном деле принимают участие приходский священник, диакон, учитель школы, окончивший курс духовной семинарии, и жена священника, окончившая курс в епарх. женском училище. Остается только от души пожелать

развития и процветания этого дела! Так как ощущается недостаток в книгах для этого чтения, то свящ. о. Иоанн просил меня войти в совет братства св. Иоанна Предтечи с ходатайством о восполнении этого недостатка, что мною уже и исполнено, и совет братства постановил выслать туда несколько книг по моему выбору. Не могу, наконец, не сказать еще о прекрасном обычае служить в школе, накануне праздников, всенощное бдение. Дер. Селина находится на довольно значительном расстоянии от приходского храма, и потому не особенно усердные из крестьян не часто посещали св. храм, а это само собою ослабляло их связь с Церковью и могло делать их удобопреклонными и более восприимчивыми к раскольническим заблуждениям (не нужно забывать, что д. Селина – довольно значительный пункт раскола и в ней есть раскольническая моленная). Всё это вместе взятое – школа, чтения, богослужение – являются сильным и весьма разумным противодействием расколу.

Под влиянием приятных впечатлений от школы и с надеждою на успех миссии в Липицком приходе, я к вечеру того же 23 января выехал из с. Липиц на железнодорожную станцию «Ока». До станции меня проводил о. Митрофан Мерцалов. Дорогою мы делились своими думами и предположениями относительно возможно успешной постановки миссии в Тульской епархии. О. Митрофан порассказал мне кое-что из своей, еще очень непродолжительной, миссионерской деятельности – и отрадное, и грустное.

Когда я вернулся из с. Липиц в г. Тулу, то здесь уже ожидало меня письмо от священника с. Бунырева. о. Михаила Воскресенского, с просьбою приехать в означенное село для беседы со старообрядцами. Просьба эта совпадала с моими раннейшими намерениями и планами. С. Бунырево, Алексинского у., находящееся верстах в 6 от Алексина, среди раскольнических пунктов занимает первое место после Липиц по числу проживающих там раскольников, причем раскольники эти принадлежат к одной из наиболее вредных безпоповщинских сект – федосеевской. Поэтому оно было намечено у меня для скорейшего посещения.

Ранним утром (в 4 часа) 3 числа февраля я отправился в означенное село, рассчитывая поспеть туда к литургии, но, к сожалению, прибыл только к концу её. Во всяком случае, я счел нужным побывать у службы. Народу в Церкви было много, что показывало, что для раскола здесь почва не особенно благоприятная. Беседа после литургии была устроена в помещении земской школы, куда собралось так много народу, что школа не вмещала всех, и многие стояли уже на улице. Предметом беседы опять избран был мною вопрос о Церкви, но в виду того, что буныревские раскольники принадлежат к федосеевскому толку, отрицающему брак, я нарочно подробно коснулся церковного учения о браке. На беседе присутствовали и некоторые раскольники, один из коих (некто Иван Андреев) выступил с возражениями. По обычаю раскольников, возражения его почти совсем не относились к предмету беседы и отличались крайнею непоследовательностью. То он говорил о порче патр. Никоном книг, то о слове «истинного» в символе веры, то о имени *Иисус*, не позабыл, конечно, коснуться и наболевшего вопроса о перстосложении. Но все эти возражения высказывались им как-то отрывочно, с постоянным переходом от одного предмета к другому, – и ничего характерного или заслуживающего внимания к себе не заключали. При всём том на все возражения давались соответствующие разъяснения. Мне в этой беседе с Иваном Андреевым, как безпоповцем, особенно хотелось направить речь на вопрос о необходимости священства в Церкви, но ему-то, очевидно, совсем не хотелось этого, что видно, между прочим, из таких его слов: «что вы только и говорите – священство да священство... нужно жить по вере» – и еще сказал что-то вроде этого. Закончил он свою роль возражателя на беседе, можно сказать, совсем «по-раскольнически». Желая оставить взятую на себя роль, так сказать, «с достоинством», а не в силу невозможности отстоять «свою веру», он придумал такой исход для этого. Вставши и выходя из комнаты, он подозвал к себе священника и сказал ему, что его ждут в волости, по каким-то делам прибыл урядник. Между прочим, на беседе с Иваном Андреевым вступал в разговор один из обратившихся из раскола, бывший солдат,

имеющий Георгия, и довольно рассудительно обличал заблуждения раскольников. К концу беседы, когда я выяснял несообразность учения федосеевцев о безбрачии и говорил о следствиях этого учения, ведущих нередко вместо девства к разврату, слышны были голоса: «да, так и есть; у них вокруг берез да елок венчают». Наблюдая за общим настроением слушателей во время беседы, я вынес впечатление, что раскол в Буныреве совсем не пользуется симпатиями: многие порывались даже зло посмеяться над порядками в жизни раскольников, называя некоторых по имени. Я своевременно удерживал и останавливал подобные порывы.

По окончании краткого отдыха, беседы, о. Михаил предложил мне проехаться в д. Погиблово, находящуюся верстах в 3 от села, чтобы осмотреть там моленную, принадлежащую одному из богатых и видных раскольников (к сожалению, имени его я не запомнил). Проезжая этою деревнею, о. Михаил обращал моё внимание на некоторые более богатые дома, замечая, что они принадлежат раскольникам. Дом, в котором находится моленная, и около которого мы остановились, совершенно выделяется из прочих: большой, двухэтажный, крашеный и крытый железом. Старик – хозяин, лет 65, в рубашке и жилете, встретил нас без всякого смущения и даже довольно благодушно; вместе с ним вышли и какие-то женщины в сарафанах старинного покроя и белых платках. Затем, он без всякого видимого стеснения провел нас в моленную, небольшую угловую комнату, на передней стене коей уставлен небольшой иконостас с иконами (хотя, кажется, не старинными, но византийского стиля) и медным осьмиконечным крестом. Пред иконами горело несколько лампадок. Воздав должествующее поклонение изображениям святых (хотя, может быть, и неосвященным), мы похвалили эту моленную за иконы и порядок, а затем я завел речь о том, что хорошо иметь иконы и молиться пред ними, но одного этого недостаточно для спасения, а необходимо еще принадлежать к св. Церкви, нас освящающей и спасающей. Говорил я долго, но хозяин моленной, видимо, слушал меня равнодушно, вряд ли даже вникая, как следует, в смысл моих слов, – в конце концов

сказал: «нам уже поздно менять веру, прожили век, скоро и умирать». По этому поводу я немало говорил, что заботиться о спасении души никогда не поздно, а к концу-то жизни и особенно благовременно. Из беседы с хозяином моленной припоминается еще следующее его обвинение, направленное против православной Церкви: «у вас, говорил он, только пять таинств, а не семь». «Совершенная неправда», – сказал я, «вот именно в нашей православной Церкви таинств семь, а у вас, федосеевцев, нет даже ни одного». Высказанное обвинение вытекало, оказывается, из того обстоятельства, что в православной Церкви проскомидия совершается на пяти (а не на семи) просфорах и основывалось таким образом на недоразумении, каковое и пришлось выяснить старику-хозяину.

Пожелав хозяину серьезно подумать о своём религиозном положении, мы распростились с ним. Кстати сказать, в моленной его стоит кровать, на которой, очевидно, почивает сам хозяин.

Великим постом я также намерен был совершить миссионерскую поездку; но неожиданно быстро попортившаяся (на третьей неделе поста) дорога помешала выполнению сего намерения. Я решил отложить эту поездку до весны, а великим постом занялся устройством бесед со старообрядцами в самом городе Туле. С благословения преосвященного Питирима, были устроены три таковых беседы в единоверческом храме г. Тулы, находящемся под соборной колокольней, – в три воскресения великого поста – 4, 11 и 18 чисел марта. Сообразно с тем обстоятельством, что в г. Туле имеют место два вида раскола, именно – безпоповщина (поморцы) и поповщина по австрийскому священству, – для беседы избраны были следующие темы: для *первой беседы* – о св. Церкви Христовой, её вечном и неизменном устройстве и неодоленности, для *второй беседы* – об антихристе, лице его, времени явления и продолжительности царствования (против безпоповцев) и для *третьей* – незаконность так называемой австрийской лжеиерархии, с предпосланием краткого очерка её основания. – Беседы начинались ровно в 6 час. и оканчивались около 8 часов веч. Открывались они *общим*, довольно стройным, пением

молитвы «Царю Небесный» и заканчивались таким же пением «Достойно есть», а в промежутки между отделами бесед пелись другие церковные песнопения, как-то: «Верую во единого Бога», «Милосердия двери», «Взбранной Воеводе», «Не имамы иные помощи» и т. п. Вообще для пения избирались такие церковные песнопения, в пении которых могли принимать участие по возможности все присутствовавшие слушатели, – это весьма важное обстоятельство, приподнимающее общее настроение слушателей и оживляющее беседы. Слушателей на беседы собиралось от 300 до 600 человек. Особенно их много было на второй беседе – «об антихристе», – так что единоверческий храм не мог вместить всех пришедших послушать. Последнее обстоятельство подало мне мысль о надобности перемены места для бесед на будущее время (можно было назначить для этого какой-либо из центральных приходских храмов, напр., Казанской Божией Матери). Хотя почти несомненно, что на беседах присутствовали и некоторые из старообрядцев, однако возражателей или собеседников на них почти совсем не выступало, если не считать одного неудачного и, правду сказать, бестолкового возражателя на первой беседе. Суть его возражений против раскрытого мною учения о Церкви сводилась к тому, что «всё это (что я говорил о Церкви) до Никона было, а с Никона не то». «Скажи, что после Никона», спрашивал он. Я, конечно, ответил ему указанием на вечность и неизменность устройства Церкви, ссылаясь на известные слова Спасителя: «созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей», – и разъяснением этих слов у отцов и учителей Церкви, которые ясно и согласно свидетельствуют, что Церковь в своём неизменном устройстве пребудет «до мирского конца». Но возражатель мой продолжал настаивать на своём, – что Никон всё изменил. Тогда я прибег к такому выяснению неправильности делаемого возражения: «Господь Спаситель положил быть в Церкви известному неизменному устройству до конца мира, а человек (хотя и патриарх) Никон отменил это Господнее определение; выходит, как будто, человек Никон сильнее Господа Спасителя. Но и этот мой довод мало убедил возражателя, и он с непонятной для меня полуусмешкой сказал:

«да, выходит, что сильнее». Кое-что и еще говорил означенный своеобразный возражатель о соборе 1667 г., о перстосложении, но настолько бессвязно и малотолково, что сказанное им почти совсем не поддается изложению и воспроизведению. Непоследовательность, более того, – беспорядочность его рассуждений вызвали даже открытое неудовольствие среди прочих слушателей, которые стали останавливать его и просили говорить только о деле, а не мешать всем выслушивать разъясняемое. Должно заметить, что возражатель сей еще задолго до окончания мною изложения беседы начал прерывать её разными замечаниями, чем вызывал прямо-таки некоторое волнение среди слушателей, – и все-таки он достиг отчасти своего: прерываемый неоднократно его словами, я хотя и старался мало обращать на них внимания и долготерпеливо замечать ему, что, по окончании беседы, поговорю с ним обо всём, о чём он пожелает, но в конце концов уступил его назойливости в виду и того, что вопрос о Церкви был достаточно выяснен.

Не мешает еще отметить, что он неоднократно заявлял о себе, что он малограмотен и не может многого знать, на что я заметил, что если он сам сознает свою малограмотность, то должен послушать более грамотных. Наконец, к немалому нашему удивлению, на вопрос, поставленный нами почти в начале беседы с ним, – о его уповании и вере, – он ответил, что он – не старообрядец. Вообще, означенный возражатель представляет собою, как нам сдается, тип несколько начитанного и уже зазнавшегося грамотея, со стремлением показать себя.

Вторую беседу («об антихристе») почтил своим присутствием о. кафедральный протоиерей А. Н. Иванов. Он, после окончания беседы, – когда на моё предложение выступить с вопросами и возражениями, – никто не вышел, – авторитетно заключил беседу замечанием, что потому старообрядцы не выходят для собеседований, что не в состоянии что-либо сказать против изложенного в беседе, которая вся основана или на Слове Божиим, или на святоотеческом учении, а также на уважаемых самими ими

старопечатных книгах, к чему присовокупил еще несколько очень метких замечаний о старообрядчестве вообще. Присутствие на беседе о. протоиерея и его теплое слово было для меня весьма отрядным фактом, даже ободрявшим в деле. Да и вообще весьма желательно, чтобы тульское духовенство посещало беседы со старообрядцами, что, несомненно, придало бы беседам более авторитетный характер. К сожалению, на устроенных мною беседах лица из духовного звания замечались только единицами (человек 5–7). Посещение же некоторыми из лиц духовных бесед могло бы быть даже полезно для них самих в смысле ознакомления с характером и методом собеседований.

Наконец, говоря о тульских беседах, потребным нахожу отметить следующее обстоятельство. На первой беседе роздано было слушателям очень много брошюр и листов противораскольнического содержания, которыми благосклонно снабдил книжный епархиальный склад. Нужно было видеть, с какою охотою и с каким интересом разбирались эти листки и тут на месте некоторыми читались! Я с полным убеждением говорю, что раздача брошюр есть прекрасное дополнение к беседам (если позволительно так выразиться, как бы последнее сладкое блюдо на обеде): под влиянием возбужденного беседою интереса они большею частью прочитываются охотно и с вниманием, совсем иначе, чем в другое время, когда мысль бывает занята другими интересами.

Поэтому, я усиленно просил склад снабдить брошюрами для раздачи слушателям и на прочих двух беседах, но в этом было отказано. Нужно было видеть, а мне лично пришлось переживать некоторое горестное чувство, когда, по окончании второй беседы, на которой, как сказано выше, были весьма многочисленные слушатели, они стояли и долго не расходились в ожидании «книжек почитать». В виду подобных соображений и обстоятельств я возбудил в совете братства вопрос о необходимости ассигновать на означенный предмет хотя небольшую сумму ежегодно, в каковом ходатайстве мне не было отказано. Напрасно опасение некоторых лиц, что брошюры, полученные после бесед, часто получают недолжное

употребление (напр., идут на сигарки). Скажем на сие: если из 100 человек со вниманием прочитают брошюры 30 человек, 20, даже 10 человек, – то и за это благодарение Господу Богу. Не всякое семя падает в добрую почву, и однако сеятель сеет семя в множестве: «ова падоша при пути... другая же падоша при каменных... другая же падоша в тернии»... и все эти семена погибли бесполезно для домовладыки, но... «другая падоша на земли добрей, и даяху плод, ово убо сто, ово же шестьдесят, ово же тридесять» (Мф.13:5–8).

Д. Скворцов

Беляев В. К вопросу о положении преподавателей по кафедре расколо-сектантства²⁵³ // Миссионерское обозрение 1901 г. № 12. С. 811–817

Далее, я положительно убежден в том, что требовать от каждого преподавателя по расколу обязательного ведения публичных бесед со старообрядцами не только невозможно, но и незаконно. И вот почему. Академия духовная, из которой выходят преподаватели духовно-учебных заведений, ближайшею своею задачею, конечно, считает обогатить своих питомцев всеми теми необходимыми знаниями, которые им придется сообщать воспитанникам семинарий или училищ. Запас сведений, который каждый кандидат получает от своей alma mater в наследство, должен, без сомнения, представлять из себя как бы основу или фундамент для дальнейшего его самообразования и служить для него самым верным и лучшим руководством при преподавании того или другого предмета в семинарии. Это значение и услугу академии, конечно, сознают всегда и особенно в первые годы службы все преподаватели семинарии, кроме... кроме одного... преподавателя по расколу... Всем нам хорошо известно, с какими знаниями по расколу выходим мы из академий... По крайней мере, я из академии не вынес решительно никаких знаний по обличению раскола. Правда, лекции у нас читались по этому предмету целый год; но так как нового в них сравнительно с семинарскими уроками не сообщалось, то аудитория обыкновенно оставалась на половину пустою. При этом в течение года нам была прочитана история раскола и даже не сполна.

Важнейшая и труднейшая часть науки «Обличение раскола» была совершенно оставлена без внимания. На экзамене мы отвечали по своим семинарским учебникам, получая высший бал за такие ответы, которые в семинарии признавались почти неудовлетворительными.²⁵⁴ Нет сомнения, что с такой подготовкой начать и вести дело преподавания раскола в семинарии не особенно легко. Конечно, в данном случае могло

бы оказать незаменимую услугу и помощь самостоятельное изучение предмета еще в академии, но, как уже известно, предмет этот не пользуется любовью студенчества, и желающих изучать его почти не обретаются... Но, не имея знаний, каждый преподаватель по расколу должен еще вести публичные беседы со старообрядцами. Беседы эти должны служить практическим руководством при изучении раскола, следовательно, должны вестись по всем, так сказать, правилам искусства и иметь значение «образцовых». Понятно, что образцовые беседы с раскольниками может вести только тот, кто при обширных познаниях в области раскола сам и видел публичные беседы знаменитых миссионеров, и вел их под руководством последних. Потому, если преподаватель, как бы он ни был сведущ в предмете, сам не видал хороших бесед с раскольниками или сектантами и никогда не вел их ранее, то он безусловно не может давать образцовые беседы для руководства других. Что мои рассуждения нельзя считать пустой болтовней неопытного и трусливого человека, боящегося выступить на борьбу с расколом, в этом могут убедить²⁵⁵ каждого следующие слова одного из известных расколоведов нашего времени, проф. Ивановского. «Мы, пишет он, хотя книжным образом и успели уже ознакомиться с полемикой против раскола, читали лекции в академии и даже занимались частными увещаниями некоторых лиц, изъявивших желание присоединения, но не решались выступить открыто перед толпой старообрядцев, *не имея пред глазами ни одного живого примера, не слыша ни одной беседы, как они ведутся*. Вполне ли верно и точно, думали мы, поставлены в книгах вопросы, так ли бессильны в решении оных старообрядцы, те ли возражения на самом деле они предлагают, как читать приходилось, наконец, какой держать на беседе тон, как говорить понятным для всех языком и т. п., – всё это естественно приводило нас в раздумье и побуждало не спешить»²⁵⁶...

Между тем большинство кандидатов является на кафедру раскола, никогда не прослушав ни одной беседы с раскольниками, так как в академиях обыкновенно беседы не ведутся. А если эти беседы и ведутся где-либо, то студентами

не посещаются, так как интересующихся расколом среди последних совсем нет. Таким образом, кандидатами на кафедру раскола большею частью являются люди, совершенно незнакомые с предметом ни теоретически, ни практически. Законно ли, поэтому, требовать от каждого преподавателя по расколу обязательного ведения бесед со старообрядцами? Конечно, нет... Пусть академия прежде всего обогатит своих питомцев, имеющих занять кафедру раскола, всеми необходимыми сведениями по предмету, пусть она в лице знаменитых миссионеров покажет им образцовое приложение теоретических знаний к делу, пусть, наконец, она даст им возможность еще на школьной скамье самим начать великое и трудное миссионерское дело, – и тогда, я уверен, не будет даже нужды в разного рода напоминаниях и предписаниях об обязательном ведении публичных бесед с раскольниками, так как тогда молодой преподаватель по расколу будет являться на кафедру не невеждой, как теперь, а знатоком своего дела. При настоящей же постановке преподавания раскола в академиях, требование обязательного ведения каждым преподавателем публичных бесед с раскольниками и сектантами положительно незаконно.

Наконец, нужно заметить, что возложение на преподавателя обязательного ведения публичных бесед с раскольниками может и должно очень вредно отразиться на самом преподавании науки о расколе в семинарии. Нет сомнения, что из всей массы обязанностей, возложенных на преподавателя по расколу, главнейшею, конечно, является классное преподавание предмета и соединенное с ним теоретическое изучение раскола. Воспитанники семинарии, конечно, изучают историю и обличение раскола, как науку; поэтому и при преподавании предмета главное внимание должно обращать на теорию. Семинария, обогащая в течении двух лет учеников сведениями по расколу, выпускает из стен своих не начетчиков, а хорошо образованных и в частности хорошо понимающих раскол старообрядчества и усвоивших все правила для его обличения кандидатов на миссионерское служение. Если же преподаватель станет вести беседы, последние явятся, так

сказать, центром его деятельности, а классные уроки отодвинутся уже на второстепенное место. Всё время от одной беседы до другой преподаватель будет употреблять на подготовку уже не к урокам, а к беседе; классные же уроки будут откладываться, как бы в сторону, так как на обстоятельную подготовку к ним у преподавателя уже не будет времени, да и мысль его, занятая предстоящей полемикой с раскольниками, уже не может сосредоточиться на том или другом теоретическом вопросе, решение которого предстоит ему в классе. А так как на беседах обыкновенно всё дело сводится к опровержению большею частью мелочных и придиричьих возражений темной раскольнической толпы, то и научный интерес преподавателя с каждым разом как-то суживается и мельчает. На беседах с этой толпой преподаватель скоро убеждается, что те широкие планы, по которым он намерен был изучать и преподавать предмет, оказываются совершенно излишними и ненужными... Интерес к науке окончательно пропадает, и преподавание предмета получает сухой и формальный характер.²⁵⁷

Но, быть может, кто-либо из читателей спросит меня: «как же беседы? Ужели они не имеют значения для учеников и должны быть совершенно оставлены?»

О значении миссионерских бесед со старообрядцами для воспитанников семинарии я не говорил в своей заметке и говорить об этом нахожу совершенно излишним, так как отвергать значение того, что несомненно и доказано, так сказать, математически, было бы более чем странно. Я восстаю только против возложения на преподавателя семинарии обязательной миссионерской деятельности, значения же бесед с раскольниками для учеников семинарии не отвергаю.

Если позволит мне читатель, то я охотно открою ему еще одну из своих «заветных дум»... Самою главною обязанностью каждого преподавателя по расколу, по моему мнению, должно быть теоретическое изучение предмета и классное преподавание его. Преподаватель должен заботиться о том, чтобы как можно обстоятельнее познакомить учеников хотя с главною частью обширного материала по расколу и обогатить

учеников возможно большим количеством сведений по расколу. Чем больше знаний ученики вынесут из школ, тем легче будет им трудиться на миссионерском поприще. Лучшим же средством для этого должно служить непосредственное знакомство учеников с полемической литературой по расколу как древней, так и современной. Сюда же следует отнести и чтение учениками в классе и вне класса образцовых бесед с раскольниками известных лучших миссионеров как прежних лет, так и нашего времени. Чтение этих бесед, мне кажется, имеет при изучении предмета нашего такое же значение, какое имеет при изучении гомиластики знакомство учеников с творениями знаменитых проповедников.

Наконец, несомненную пользу должно иметь при изучении раскола составление учениками планов примерных бесед и устройство таких бесед на классных уроках. Подготовка к этим беседам представляет из себя одно из наиболее удобных средств к ознакомлению учеников с литературой по тому или другому вопросу.

Затем, другую также важную обязанность преподавателя по расколу составляет его непременно участие в епархиальных учреждениях, преследующих миссионерские цели – в совете братства, в миссионерском комитете и т. п. Деятельность преподавателя в такого рода учреждениях должна быть главным образом направлена к изучению местного раскола и к знакомству с деятельностью местных миссионеров. При этом, преподаватель обязан и учеников своих также знакомить с важнейшими событиями из жизни местного раскола, так как это знакомство, кроме интереса, принесет им и громадную пользу в отношении к будущей их миссионерской деятельности в епархии.

Что же касается до миссионерской деятельности самого преподавателя, то она ни в каком случае не должна иметь обязательно-принудительного характера. Это – всецело дело самого преподавателя. Если он найдет себя способным к миссионерству, то он с удовольствием будет вести публичные беседы с раскольниками. Нет сомнения, что и самому преподавателю весьма бывает интересно видеть практическое

приложение своих обширных знаний по расколу. Были бы только необходимые для этого силы и время. Принуждение же и ведет, и должно вести всегда к указанному выше, во всяком случае ненормальному явлению.

Правда, беседы с раскольниками необходимы для учеников. Но почему же их должен вести непременно преподаватель, хотя бы он и считал себя к этому неспособным?! Мне кажется, гораздо целесообразнее будет, если ученики будут слушать беседы специалиста-практика, т. е. миссионера. В каждом городе есть несколько миссионеров – епархиальный, окружной, городские, единоверческие священники, являющиеся большею частью идеальнейшими начетчиками. Эти беседы принесут ученикам гораздо больше пользы, чем беседы их преподавателя. И это понятно – почему. Во-первых, эти беседы имеют действительно миссионерский характер и всегда отличаются от официальных бесед преподавателя, который главной своей целью считает дать образец приложения к делу сообщенных в классе сведений и естественно смотрит на присутствующих на беседе раскольников глазами не столько миссионера, сколько экспериментатора... А во-вторых, на этих беседах ученики могут вступить с миссионером в самое тесное общение, которое невозможно для них на беседе в семинарии.

Слушая эти беседы, ученики непременно должны и сами принимать в них фактическое участие, так как без этого польза бесед будет слишком ничтожна. Отсюда необходимо, чтобы ученики предварительно были знакомы с тем вопросом, который подлежит обсуждению на беседе. Следовательно, практическое изучение предмета должно начинаться после достаточного знакомства с теорией его, т. е. по крайней мере со второй половины учебного года.

Если преподаватель сам имеет возможность вести беседы, то гораздо будет лучше и в миссионерском, и в чисто учебном отношении и ему принимать участие в этих же беседах, устраиваемых миссионером, а не стремиться открывать свои собственные беседы. Если же почему-либо преподаватель не может с педагогическою деятельностью соединить

миссионерскую, то от него можно требовать лишь подготовки учеников к участию в беседах миссионера и присутствия его на самых беседах как для непосредственного руководства учеников, так и для наблюдения за ними.

Этим я и закончу свою заметку. Верю и надеюсь, что она не останется «гласом вопиющего в пустыне», но побудит кого-либо из читателей уважаемого журнала дать ответ на затронутый мною весьма важный вопрос.

В. Беляев

**Шмаков Ф.С. Автобиография и краткая исповедь
беглопоповца²⁵⁸ // Миссионерское обозрение 1901 г.
№ 12. С. 818–828**

Прибыв обратно в Москву, я начал серьезно обдумывать: эта ли Церковь Христова, как сказано в «книжечке», блистающая во вся концы вселенныя благодатью Пресвятого Духа?!... И тут-то я вспомнил о выписках Озерского, данных мне о. Павлом Прусским. До сего дня я ими не занимался, но теперь, помолясь Богу, я заставил себя прочитывать всю книгу, не спеша. В ней я нашел то, что охладило во мне всё рвение ко всякой, именующей себя древлеправославною Церковью, общине старообрядцев. Насколько могу и умею, готов поделиться с вами, бывшие мои братья и сестры о Христе, тем, что запало в моё сердце из прочитанных мною свидетельств св. Писания о непорочности и истинном православии Греко-российской, св. соборной и апостольской Церкви.

Все мы, как православные, так и старообрядцы всех толков, читаем в символе веры: «и во едину (веруем) святую соборную и апостольскую Церковь». Каждый старообрядец, будь он поповец или безпоповец, одинаково убежден, что он верует и пребывает в Христовой Церкви. Един Христос, едина вера, а прочие – не веры, но ереси и раздоры. Церковь, как невеста Христова, должна быть одна; она чиста и непорочна, вратами ада неодоленна (Мф. зач. 67). Понятие о Церкви весьма обширно и для многих неудобопонятно; посему апостол Павел к Коринфянам в первом послании, (1Кор.12:12, зач. 152), применяет тело церковное к телу человека: «Якоже бо тело едино есть, и уды имать многи, вси же уди единого тела мнози суще, едино суть тело, тако и Христос». Св. Иоанн Златоуст объясняет: тако и Церковь: человек имеет голову, руки и ноги, тако и Церковь Христова имеет главу – епископов, руки – священников и диаконов, ноги – простых мирян... отдели от человека ноги, – человек будет уродом, руки отдели – тоже, а если отделить голову от туловища, окажется бездушный труп. Правило свят. апостол 55-е говорит: епископи убо по образу

сущу Господа нашего Иисуса Христа и глава церковного телесе именуеми, пресвитери же и диаconi по образу сущу рук. Старообрядцы-поповцы лишились главы (епископа) около 200 лет тому назад и мнятся продолжать жизнь с одними руками и ногами; безпоповцы всех толков лишились и головы, и рук, остались одни ноги со смрадным чревом, и тоже мнятся живы быти; причем уверяют, что они составляют целое полное тело. Увы и горе человеку, который имущу очи еже видети и не видит и уши еже слышати и не слышит.

О вечности Церкви Христовой и неодоленности её святые отцы свидетельствуют. Иоанн Златоуст пишет: «Церковь небесе паче укоренилася есть, и удобее есть солнцу угаснути, нежели Церкви без вести быти» (Маргарит лист 193-й, о Озии царе). «Сия бо есть едина пребывати выну» (Апост. толков. 790-й). Блаженный Феофилакт болгарский утверждает, что небеса и стихии и вся тварь изменятся, верных же Церковь, и словеса её, и Евангелие никогдаже (Благовест. от Луки зач. 107-е, от Матфея зач. 100-е). «Не удаляйся Церкви, ничтоже бо Церкви крепчайше, упование твоё Церковь, и спасение твоё Церковь. Небес выши есть, камения твердейши есть, земли ширши есть, никогда же стареет, присно юнеется» (Маргар. л. 525). Св. Иоанн Златоуст в слове на пятидесятницу сиче вещает: «Вельми бо Церковь Богу возлюбленна есть. Церкви бо ради пропято есть небо, пролияно море, простерт есть воздух. Основана земля, рай насажден, чудеса велия быша, море разделяшеся и паки сступашеся, камение распадашася, Церкви ради пророкове, Церкви ради апостолове, и что больше реку: Церкви ради Единородный Сын Божий человек бысть, яко же Павел рече, иже Сына Своего Бог не пощаде, яко да Церковь исцелит, и кровь Сына Своего излия Церкви для. Кровь сия окропляет Церковь, сего ради розги её и листвия её не увядают, дресеса её листвия не отметають, не подлежит времени тления, зане благодать Духа Святого сия действует». В Церкви Христовой также вечно, непрерывно, должна существовать иерархия (священноначалие), которую Иисус Христос, будучи Сам «по силе живота неразрушаемаго, вечным первосвященником» (Евр., зач. 816-е), установил. «Якоже Сам

Христос не умирает, тако и священство Его по чину Мелхиседекову не престанет. (Кириллова, глава 8 лист 77-й)». Вечное существование иерархии Сам Иисус Христос подтвердил притчею: «Куплю дейте, дондеже прииду» (Благов. Луки зач. 95-е).

Иерархия должна состоять из трех чинов: епископа, пресвитера и диакона: в сем бо числе «совершение священнического чина, и ни меньше, ни больше сих лепо быти» (Благов. Луки зач. 95). Святой Игнатий Богоносец пишет, что «без них (т. е. еписк., пресвит. и диак.) Церковь не именуется... несть избрана, ниже собрание святое, ниже сонм преподобных» (Послан. 3-е к Траллианам). О необходимости трех чинов в Церкви Христовой и Симеон Фессалоникийский (солунский) удостоверяет, в книге 1-ой глава 156, и в книге 2-й число 30-е. Святые отцы отрицают существование Церкви без епископа. Святой Киприан говорит: «Ты должен знать, что епископ в Церкви и Церковь в епископе, и не находящиеся в единении с епископом не находятся и в Церкви» (Послание 69-е). «Без епископа бо Церковь Христова быть не может и никогда не была» (Маргар. лист 145 обор.). «Кроме епископа, ниже жертва, ниже иерей, ниже жертвенник, ниже хиротония, ниже миро святое, ниже убо христиане: чрез того убо истинное христианство, и Христовы чрез того вся тайны» (Симеона Солунского книга 1-я, глава 77). Исповедь, творимая пред священником, не получившим от своего епископа власть разрешать грехи, не вменяется в таинство и ни что-же пользует (Номоканон лист 6-й; Карфаг. соб. прав. 7 и 43. Никона Черногор. слово 50). «Без воли своего епископа пресвитери или диаконы да не творят ничтоже, тому бо суть поручени людие Господни» (корм. прав. св. апостол 39-е). «Аще кто кроме соборная Церкви о себе собирается, и не радя о Церкви церковная хочет творити, не сущу с ним пресвитеру по воли епископли, да будет проклят» (Прав. 6-е гангр. соб). В толковом Апостоле на листе 548 сице вещает: «Глаголют же и сие еретицы, яко уже не приносят они в жертву Христа, только приемлют и ядят тело Его и пьют кровь Его. Но соблажняются о сем, ни в жертву что не приносят, ниже приемлют тело

Господне. Понеже иереов в благочинных посланных не имеют. Ащебы и имели от нас отбегших, единаче тайны без единости Церкви христианския ничесоже суть, ибо всем отлучившимся от единения церковного Бог пророкам рече: послю на вы клятву, и проклену благословение ваше, и оклену е и разорю благословение ваше, и не будет в вас, сиречь, положу клятву на благословение ваше, имже тайна совершаема бывает, ибо Церковь Божия есть, якоже глаголет писание, вертоград заключен, и источник запечатлен, и того ради невозможно нигдеже тайне совершатися, токмо жо единости Церкви Божия, еяже (т. е. Церкви) между сонмищами еретическими несть, тогда и тайны ни единыя в них несть, разве крещения святого, от них еже тако есть достойно, яко крещаемого от них, егда приходит к соединению Церкви, паки крестити не требе. Аще не приидет к Церкви, ничесоже ему несть полезно.

В Церкви Христовой необходимо должны быть все семь таинств, о которых свидетельствуется в Большом Катехизисе, лист 353-й. Вопрос: потребно ли есть учение и опасное ведение о седми святых тайнах? Ответ: Зело потребно есть. Ими бо вси освящаемся, и спасение содержим, неведый же и небрегий о них, сей погибает. Их же прилежно со тщанием должны есмы поучатися о них, да познавше достойне их употребляем и спасени будет. На листе 360-м: Вопрос. Кто может сия тайны строити? Ответ: Никтоже разве святителей хиротонисанных, имже дана есть власть (на сие) от Господа Бога рукоположением наследников апостольских... никтоже собою честь приемлет, но званный от Бога, яко же Аарон. Аще же в ветсем завете никтоже дерзну неосвящен строити тайны, множае паче у нас недостойт дерзати. Сего ради Господь на тайней вечери апостоли своя священниками сотворил есть ж по воскресении своём повеле им вся языки крестити, и даде им власть отпущати грехи. Выше, на 116 листе обор. пишет: Во сех втайнах церковных действует Дух Святый.

Из отеческих свидетельств ясно видится, что Церковь Христова должна вечно и непрерывно существовать, что она должна быть непременно с тремя иерархическими чинами, ведущими своё начало от апостолов, и с седмию таинствами,

без коих спасение немислимо. Между тем, старообрядцы австрийцы сияются доказать, вопреки слову Божию: «и врата ада не одолеют ей» (благов. Мф. зач. 67), – что будто бы еретики и гонители противоборцы, т. е., по их мнению, власти разные Греко-российской Церкви, стеснительными мерами одолели вселенскую православную Церковь, каковую яко бы они, австрийцы, составляют..., и что неимение ими в течении 200 лет епископа могло восполняться чрез беглого попа. Они ошибочное мнение своё подтверждают евангельскими словами «по вере вашей да будет вам» и словами Симеона Солунского, что во всех божественных тайнах «архиерейство действующе есть». Но если в приведенных словах старообрядцы поповцы хотят видеть оправдание своего безглавого общества, то они должны согласиться со всеми еретиками и раскольниками, которые также веруют, что их религиозное положение душеспасительно. Что же касается свидетельства блаженного Симеона, то, по силе оногo, архиерейство действует чрез священников только в тех божественных тайнах, кои дозволено ему совершать, и когда совершаются по воле своего ему епископа, да и священник таковой имеет благодать только совершительную в таинствах, не убо преподавательную: крещает бо и священнодействует, не может же хиротонисати, ниже иного действовать (книга 2 числа 30)». Какое же архиерейство действовало чрез беглых попов? Допустим, что чрез первых отделившихся попов действовало архиерейство то, от которого они были рукоположены, и которое, по мнению старообрядцев, было еще православным; но сие действо архиерейства со смертью оных попов и прекратилось, так как иерей преподавать хиротонию другому не может; какое же архиерейство действовало чрез бежавших попов, которые, по мнению старообрядцев, рукоположены от еретического епископа? Итак, свидетельство блажен. Симеона нисколько не оправдывает старообрядцев и бежавших к ним попов. К таким попам, заменявшим у старообрядцев епископов, имеет весьма близкое отношение следующее свидетельство св. Ириней: «Должно повиноваться пресвитерам, находящимся в Церкви и происходящим преемственно от апостолов, и по благоволению

отца, вместе с преемством епископства получившим истинные дары: прочих же, кои получили пресвитерство не по таковому преемству и собираются во всяком месте, тех считать людьми подозрительными, еретиками и злонамеренными отступниками, горделивыми, самолюбивыми, лицемерами, делающими это ради прибытка для суетной славы» (книга 4-я против ересей, глава 26).

У поповцев преемственного епископства не было; следовательно, попы, бежавшие к ним, принадлежат к тем, коих святой Ириней именует людьми подозрительными, еретиками, злонамеренными отступниками и пр. Итак ни одного доказательства для старообрядцев св. отцы не написали. Все старообрядцы, как поповцы, так и безпоповцы за Греко-российскую Церковь ересей найти не могут, ибо всем ведомо, что Церковь Российская Вселенскою Церковью не осуждена, и все сознают, что в догматах веры и в богословии она не погрешает. На каком же основании глаголемии старообрядцы отделились не только от Русской, но и от вселенской Церкви? – Есть ли по крайней мере хотя один пример (не говорю уже о правиле) в церковной истории, на основании которого они могли бы отделиться от православной Церкви, не осужденной за ереси и не погрешающей в догматах богословия. Отделиться только за изменение обрядов, кои и в древней Церкви были не одинаковы и к лучшему изменяемы, весьма погрешительно! Кому же стали подобны старообрядцы чрез своё отделение от вселенской Церкви? Известно, что новатиане и донатисты, подобно нынешним старообрядцам, отделились от Церкви не за какое-либо повреждение в богословии, но за обрядность, и Церковь их осудила, как еретиков. Старообрядцы говорят, что они отделились от Церкви за клятвы собора 1667 г., положенные якобы на старые обряды. Оправдание несправедливое: отделение старообрядцев от православной Церкви последовало ранее 1667 г., что доказывается речью царя Алексея Михайловича к поместному собору Российскому в 1666 году, в которой он говорил, что в то время недовольные исправлением богослужебных книг уже решительно отделились от Церкви, громко и открыто кричали, что нынешняя Церковь

несть Церковь, тайны божественные не тайны, крещение не крещение, архиерей не архиерей, писания лестна, учение несправедливое, и вся скверна и неблагочестна (смотри соб. деяния 1666 г.). Итак, собором 1667 года еще не были произнесены клятвы, а мнимые старообрядцы уже отделились от Церкви, понося оную гнусными порицаниями; тогда собор произнес осуждение, но только не на обряды, а на отступников и порицателей, – людей с помраченной совестью, изрыгавших нестерпимые хулы и укоризны на святую Церковь. Итак, старообрядцы в защиту своего отделения не имеют права указывать на клятвы собора 1667 года; а так как Греко-российская Церковь, по признанию самих же старообрядцев, в догматах веры не погрешает и никаким собором за ереси не осуждена, то и законной причины своего отделения от Церкви старообрядцы указать не могут. Правда, некоторые ссылаются на книгу инок Никодима, в которой якобы доказано, что Греко-российская Церковь «к преданиям св. богославленной чрез многих угодников Божиих и чудотворцев древле-греко-российской Церкви надлежащей чистоты веры не сохраняет». Но во всей книге его рассматриваются только обычаи и обряды, не имеющие ничего общего с догматами веры, а посему не могущие служить старообрядцам опорой отделения от св. Церкви; доказательство этому – пример того же инок Никодима, сознавшего неосновательность представленных им в своей книге мнимых погрешностей Греко-российской Церкви и присоединившегося к ней. Пример достойный подражания для всех глаголемых старообрядцев!...

Когда я занимался проверкой «книжечки», данной мне Савватием, в то время часто меня навещал друг мой – Григорий Павл. Глухарев, уроженец г. Боровска, Калужской губ.; с ним одним я только и мог откровенно говорить. В это время его, как свободного после ареста о. Петра 1-го Шепетова, при котором он служил, приглашали австрийцы в диаконы, но он отклонил предложенную ему честь и вместе со мной продолжал рассматривать истину. Убеждения в непогрешимости православной Церкви у нас были одинаковы, поэтому и до сих пор между нами духовная связь неразрывна. Я, ободряемый

другом, решил было присоединиться в Никольском единов. монастыре у о. Павла (царствие ему небесное!), но меня удержало следующее обстоятельство. В последних числах сентября получаю я письмо от о. Петра 2-го Ремизова, в котором он жалуется на безвыходное положение, и что если я оставлю его, тогда его семейству придется с голоду умирать. Жалко мне стало о. Петра: он для всех был добр: попечители напали на него несправедливо. Знал я и то, что никто, кроме меня, не решится поддержать его, ибо все боятся попечителей, да нельзя было и не бояться, ибо их слово в провинции было законом. Поэтому человеку, незнакомому с закулисной жизнью попечителей, опасно идти наперекор их воле. Я же многое знал из жизни попечителей, да к тому же и не дорожил их вниманием, будучи уверен, что не нынче – завтра я должен буду порвать связи со старообрядчеством. Поэтому нисколько не боялся обличать попечителей в их самоволии и присвоении ими власти над пастырями, за что попечители стали обзывать меня студентом, извергом и т. п. Слово студент в их понятии означало как бы безбожный или неверующий... Я решил послужить о. Петру. Попечители, узнав о моей смелости, разослали повсюду письма, всячески ругая меня и воспрещая обращаться с требованиями к о. Петру, как нарушившему веру, ибо он в прошении Святейшему Синоду называл их «св. отцы», а старообрядцев называл «сектой», а секта по словарю есть ересь. Вот всё и отступление от веры о. Петра. Попечители в злобе истощили весь запас обвинений бесполезных и решились на последнее средство удержать народ у себя в послушании: они пустили слух, что у нас с о. Петром нет мира святого. Вот уж сей-то глупости я никак не ожидал от попечителей!! Господи Боже мой! У попечителя, как у некоего патриарха, мир святой есть, а если отлучишься попечителя, то лишен будешь и мира. Я и сейчас, пожалуй, дам в долг им того мира, которое они выдавали и выдают попам. Я сделал запас в г. Рыльске, Курской губ., от попечительницы Капит. Козм. Шелиховой – мира, из иргизских монастырей, настоящего Иосифского; в г. Ржеве, Твер. губ., у Сарафанниковых, у которых, по преданию, тоже с Иргиза. В деревне Федюнькино Вереяского уезда мир

Карасевское, оставленное о. Петром 1-м. Щепетовым. Я, пожалуй, богаче «миром» Московских попечителей. Но что это за мир?! Один Бог ведает. Мне думается, что это масло прованское, от времени побелевшее. – Господи, не помяни прежних прегрешений моих! Под видом мира постоянно употребляемо было масло из лампы, как чистое; а даваемое от попечителя прованское вонючее миро о. Петр, а так же и о. Феодор с отвращением при мне выливали в печь, а мне велели наливать из лампад с несколькими каплями розового масла для приятного запаха. Подумайте, братие старообрядцы, и рассудите здраво: где мы столько наберем мур, чтобы хватило за 11 лет моей службы перемазать более 12,000 людей? да это для одного попа, а их в России 14 попов, да за границей два. Положите на каждого попа меньшим числом по 600 млад., и тогда ежегодно нужно перемазать 9600 душ. Возьмите 200 лет назад и составьте цифру, да и подумайте: были ли у патриарха Иосифа такие чаны (сосуды), чтобы запасти для вас мира на неопределенное число лет?... Горько мне было выслушивать от слепо верующих людей замечания, что мы не имеем мира, а у попечителей чудесным образом сосуды неистощимы? После сего вам, старообрядцы, можно ли хвалиться правой верой, а Церковь православную, соблюдающую чистоту веры, порицать? Образумьтесь, братие! отымите лукавства от душ ваших и научитесь познавать Божию Церковь в евангельской истине, а не в сумасбродных сплетнях... Итак, мы продолжали ездить с о. Петром до 1896 года. В сентябре месяце от холеры о. Петр 2-й Ремизов умер; Бог привел ему покаяться православному иеромонаху. Также и Петр 1-й Щепетов умер православным же. Добрые были отцы, да простит их Господь! Прошу у вас, братие старообрядцы, прощения, ибо я лгал вам, говоря, что о. Петр 2-й Ремизов умер старообрядцем, не приняв православного священника, а что будто причастился воды великого освящения. Эту неправду я научил говорить и семейство о. Петра, для того, чтобы вы не поколебались совестью, молились бы за упокой души о. Петра и помогали его семейству. Пришло время, и я пред вами каюсь: солгал, простите Христа ради.

Вскоре засим в октябре месяце я поступил служить к о. Андрею Сергиевскому, в г. Козлов, Тамбовской губ.; попечитель Михаил Моисеевич Мартынов заставил меня прочитать 3-й чин, за непокорность московским попечителям, настаивал, чтобы выстриг себе маковку (гуменце), которая для меня памятна еще в детстве. С сим попом я послужил недолго, в виду того, что служить было невозможно по причине его буйного характера и беспросыпного пьянства. Сей пастырь сейчас служит для соблазна малых сих в хуторе Свиридове, Верхнечирской ст.; много из-за него заслонилося в австрию. В 1894 г. я поселился на отдых у стариков родителей моих в хут. Кагальницком, где проводил своё детство. Скоро засим поступил уставщиком на х. Вислов. Родители мои умерли, и я в конце 1896 г. приглашен был на службу уставщиком в Константинопольскую стан. Здесь я стал хлопотать о приобретении попа. Жалко мне было, что наши идут венчаться к австрийским. Мне думалось, что бежавший от Церкви поп, все-таки получил хиротонию от православного епископа, и Господь, по вере приходящих и по неведению, быть может, ниспошлет благодать свою на сочетающихся; австрийцы же вовсе уж самозванцы простецы. В 1897 г. после Богоявления мы вместе с торговым казаком В. В. Щедровым отправились на поиски за попом. Подробности опишу в другое время, а теперь коротко объясню. За 12 ден до масляной, мы привезли попа из г. Новозыбкова, Чернигов. губ., из прихода Дьяконовцев, без подмирных. О. Григорий Максимович Карабинович, из студентов Киевской духов. семинарии, 36 л., имеет ставленую грамоту и свидетельство о снятии с него запрещения, которому он был приговорен Киевской духовной властью в 1893 году на три года. Но, не отбыв срока наказания, он перешел в Новозыбков к старообрядцам, в 1895 г. 15 августа его приняли по 3-му чину, а в октябре тайно помазали миром. Я, как и всегда, доверчивый, поверил на слово пред образом Спасителя и сему попу, что он перешел по убеждению, а не из корыстных видов. Устроив церковь, я перевез его семейство, и поставил дело, как следует; тогда меня хоть бы и не надо, я уже для них дорог, получаю третью часть дохода. Мне предложили получать 5-ю долю, я

назвал сие недобросовестным, пошли споры и пререкания, и на моё место нашелся человек служить из 5-й доли, его сменил взявшийся служить за 6-ю долю. Наконец, нашли человека, который служил из 10 копеек, пока умер. Такие не корыстные дела Карабиновича породили во мне сильное сомнение в его непорочности. Я стал наводить справки, по которым Карабинович оказался запрещенным, не отбывшим срока наказания и уволенным с должности псаломщика. Наводили справки так же и Нижегородцы от Бугрова, и Ростовцы от Мухина и от Переселенкова. Посылали людей в Киев узнавать о нём, узнали, проверили и убедились, что Карабинович от запрещения разрешен не был, и никаких указов о разрешении ему священнодействия не выдавалось. Заболело моё сердце, дети мои были крещены им, а он, не имея власти, связан сый, окрестил их. Наказывает Господь меня за моё малодушие.

В это время я уже собирался ехать за новым, хорошим, не запрещенным попом. Получил книжку за многими подписями и печатями удостоверяющих, что я послан для приобретения нового батюшки, и чтобы старообрядцы, свои христиане, помогли мне на расходы. Давно заветная мысль приближалась к осуществлению. Я задумал испросить себе от правительства законного священника, по особому указу Его Величества, с теми правами, которыми пользовались беглопоповцы в царствование Александра 1-го Благословенного. Но Господь судил иначе: Он милосердый, не по беззакониям моим сотворил о мне, ниже по грехам моим воздал мне. Господь не попустил мне далее блуждать по распутьям раскола, – отверз мои мысленные очи и я вошел в лоно истинной православной Церкви.

Ф. Шмаков

(Продолжение следует).

**Миропольский А. Миссионер протоирей. Возможен-
ли миссионерский обмен мнений с
последователями мохаммеданетва? //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 12. С. 829–831

На этот вопрос, ранее затронутый на страницах «Миссионерского Обозрения» отвечаем, не обинуясь, на основании личного миссионерского опыта: да, возможен и безусловно нужен.

Я состою противомусульманским миссионером вот уже более 25 лет, а среди мохаммедан жил 33 года.²⁵⁹ Хотя моя обязанность состояла преимущественно в собеседованиях с крещеными татарами и с отступниками в мохаммеданство, для укрепления первых в христианстве и вразумления последних и, по возможности, возвращения их в православие; однако же нам не мало приходилось беседовать «о вере» и с природными мохаммеданами. Беседы с ними были большею частью как бы случайными: с рабочими артелями, или же нарочито заезжая к более семейным татарам «покормить лошадей». А еще чаще приходилось беседовать в одиночку. Во всех этих случаях приходилось начинать беседу с разных мелочных житейских вопросов, незаметно переходя на вопросы об обрядах веры, выражая желание узнать их значение и пользу. Мохаммеданин с удовольствием начинает объяснять обряд и всегда неправильно, даже не согласно с «Кораном». Начинаем поправлять его толкование при помощи того же «Корана» и он радуется, объяснением доволен... и сам начинает предлагать вопросы относительно обрядов христианина и... беседа развивается в совершенно мирном духе; мы пользуемся этим случаем, передаем сущность всего христианства, потихоньку сравнивая его с мохаммеданством и указывая недостатки последнего даже с человеческой точки зрения. Конечно, указания эти должны быть осторожны, без оскорблений его религиозного чувства, лишь понятны ему по простоте изложения... и, в конце концов, мохаммеданин остается весьма доволен беседою и новыми сведениями о христианстве, о

котором от своих мулл он слышал лишь хулы и порицания. В течение моей продолжительной миссионерской службы и жизни среди мохаммедан, религиозных бесед с ними у нас было бесчисленное множество и нам никогда не встречалось видеть в них фанатического упорства; после бесед расставались мы с ними всегда друзьями.

Конечно, во время беседы с мохаммеданами, преданными своей «вере», нужно быть всегда осторожным и не позволять себе говорить о «вере» их ничего оскорбительного, давая понять не божественное происхождение её и греховность лишь так, чтобы они сами это ясно поняли.

Еще вот что замечательное мне приходилось наблюдать во время моего миссионерского служения и вообще службы среди инородцев – татар. Я служил 29 лет в окруженном мохаммеданскими селениями селе А., жители которого почти все поголовно портные, ежегодно более половины года работающие у мохаммедан. В постоянных беседах о вере с крещеными татарами и в церкви, и в домах, и при всяком случае, я был беспощаден относительно обличения мохаммеданства, указывая все его недостатки и противоречия самому себе, чтобы показать не только не спасительность его для души, но и прямой вред и пагубность. Мои прихожане – портные всё это передавали мохаммеданам, желая получить от них объяснение недостатков их веры... И вот, не смотря на мою беспощадную критику мохаммеданства, все мохаммедане душевно любили меня не только за ласковое обращение с ними, но и особенно за то, что «ты, говорят, больно хорошо учишь своих крещень... спасибо тебе»... Были и такие случаи. На большом тракте, на постоялом дворе встречаемся с богатым из далека татаринном, который, по свойственной им любознательности, начинает спрашивать: «откуда, куда и зачем едешь». Отвечаю: я священник из села А... «Неужели? вот счастье!! Так это ты так хорошо учишь своих крещень-портных, так это тебя все хвалят?! Спасибо тебе, спасибо, что стараешься», – говорит мохаммеданин. Для меня всегда было удивительно, что мне говорили «спасибо» мохаммедане, веру которых я беспощадно обличал пред крещеными татарами.

Что-же это значит? – А это значит то, что, при непонимании своего вероучения, при его бессмысленных обрядах и сказочного характера рассказах, татары рады слышать понятную их сердцу истину на их родном языке, высказанную хотя бы и христианином, которого муллы их научают считать «неверным».

Словом миссионера-протоиерея свидетельствую, что всё мною высказанное суть истинные факты, без малейшей прикрасы. Почему я смело повторяю, что обмен религиозных мнений с последователями мохаммеданства возможен и в миссионерских видах даже полезен.

Подобные беседы во множестве велись мною и с язычниками из вотяков, чуваш и черемис, которые так же относились сочувственно к беседам «о вере».

Правда, результаты подобных бесед как будто не велики, – обращений в православие из мохаммеданства и язычества было не много, – но и не малы, ибо мохаммедане перестали смотреть на христиан «свысока», как смотрели прежде, и уже не называют их многобожниками и идолопоклонниками. А этого пока уже достаточно. Впрочем, были и более ощутительные результаты моих миссионерских бесед: из отступников возвращено в православие до 300 человек, мохаммедан и язычников окрещено до 50 и не одна тысяча крещеных татар спасена от отпадения в мохаммеданство. Слава Богу!

Миссионер протоирей Александр Миропольский

Из миссионерской полемики

**Боголюбов Д. Беседа со штундо-баптистами о
святом причащении // Миссионерское обозрение
1901 г. № 12 С. 832–844**

Шла крестопоклонная неделя Великого Поста. В селе Приречном народ усиленно говел, готовясь к св. причащению. Настроение у всех было покаянное, молитвенное. Этим обстоятельством пользовались местные штундисты. Среди народа они распространяли кощунственные мысли о православном причащении. Говорили мужикам, что у православных «Причастие» совершается «не по Евангелию»; а потому оно «без надобности»...

Народ возмущался, но поделаться с сектантами ничего не умел.

Как раз в эту пору подъехал я в Приречное. Вопрос для нашей беседы определился сам собой: мы решили говорить о *святом причащении Тела и Крови Христовых*. Дали знать о том штундистам. Они согласились с нашим предложением. И вот мы сошлись на беседу в храме.

Между штундистами не было выдающегося начетчика. Они просили «дозволить» отвечать тем из их братий, «кто почувствует желание». Я «уважил» просьбу сектантов. Предупредил их лишь о том, чтобы они вели себя в храме *благоговейно и прилично* христианам.

Пропели «Царю Небесный». С трудом вылез я из алтаря на амвон: так было много народа. Я стал говорить:

– Братия, христиане! Ап. Павел заповедал своему ученику Тимофею: *«всё Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности»*... (2Тим.3:16). Из этих «слов» апостола убеждаемся, что всё св. Писание составлено праведными мужами по научению от Духа Святого; потому *всё Слово Божие необходимо для жизни христиан*... Мы должны принимать не только *все священные книги Библии* (Деян.24:14), но *обязаны* верить, что *«доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится всё»* (Мф.5:18; ср. Откр.21:1–27). Содержите ли вы, друзья, отпадшие от нас, *такую веру в Слово Божие?*

– Содержим! Содержим! Зашумели сектанты.

Один из них, портной Александр, более других грамотный и толковый, сказал:

– Насчет Слова Божия вы нас не пытайте. Мы все священные книги принимаем и *точно* их храним.

– Благодарю за это Господа! – ответил я. Мне отрадно с вами побеседовать. Будем говорить о деле, *крайне* нужном для всякого христианина. В Ев. Матфея читаем: *когда апостолы ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Моё. И взял чашу и, благодарив, подал им, и сказал: пейте из неё все; ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая, в оставление грехов»* (Мф.26:26,27). А в Евангелии Луки к этой заповеди Господь добавил: *«сие творите в Моё воспоминание»* (Лк.22:19).

И так, по евангельской заповеди, едите ли вы Тело Христово и пьете ли Кровь Его в воспоминание спасительных страданий нашего Господа?

Сектанты переглянулись между собой; по общему согласию, они выставили Александра отвечать. Тот сказал:

– Да, мы едим хлеб и пьем вино, в воспоминание страданий Христовых.

Я заметил:

– Хлеб и вино едят и пьют *все* люди себе на здоровье... Мы не об этой *обыкновенной* еде говорим, а о ядении *Тела* Христова. Ведь в Евангелии сказано: *«Иисус взял хлеб и, благословив, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Моё»* (Мф.26:26). Смотрите: Христос в руки взял хлеб; а когда *благословил* его, то, подавая ученикам, сказал: *«сие есть Тело Моё»*. Значит, ученики ели не *простой* хлеб, а *Тело*, и не *вино* только пили, а *Кровь* Господа (– ст. 27). Вы же, сектанты, похваляющиеся *точным* исполнением Слова Божия, едите ли и пьете ли Тело и Кровь Христовы?

Александр сказал:

– Иисус взял в руки не Тело Своё, а хлеб, и в чаше была не Кровь, а вино. Потому и слова: *«сие есть Тело Моё»*, *«сия есть Кровь Моя»*, надобно понимать так: это есть как бы Тело

Моё; это есть как бы Кровь Моя... А вы, православные, неправильно думаете, будто Христос дал апостолам есть и пить Тело и Кровь Свою.

Отвечая Александру, я сказал:

– В послании к Галатам мы читаем: *«кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема»* (Гал.1:5). Ты, Александр, не Слова Христовы предлагаешь нам для назидания, а своё *неправильное* толкование их. Господь ведь не сказал апостолам: *«приимите, ядите: сие есть как бы Тело Моё», «сия есть как бы Кровь Моя»*. Он прямо сказал: *«сие есть Тело Моё, сия есть Кровь Моя»*. Значит, прибавляя частицу «как бы», ты говоришь *«от своей головы»*, – *«мудрствуешь сверх написанного»* (1Кор.4:6); а за это тебе угрожает апостольская анафема.

Потом ты *извращаешь* самое событие, бывшее на вечере. Господь, правда, взял некогда хлеб и вино в руки; но ученикам, после благословения, подавал уже не простой хлеб и не обыкновенное вино, а Тело Своё и Кровь. Таким образом надобно верить, что Господь чудодейственным Своим благословением простой хлеб и простое вино пресуществил или преложил в Тело Своё и Кровь.

– Странные вещи рассказываете вы нам! воскликнул Александр. Да на вечери-то Христос еще был жив: как же Он мог Тело Своё раздать ученикам? Сам-то при чём Он остался?

– Твоё восклицание, Александр, напоминает мне *подобный* же поступок *неверующих* иудеев. Эти иудеи, прослушав пророчество Христово о ядении учениками Плоти Его, – также восклицали: *«какие странные слова! кто может это слушать»?* (Ин.6:60). Вижу, что и ты, друг, принадлежишь еще к числу маловерных учеников Христовых; а посему жалею тебя, но не удивляюсь словам твоим. Перехожу к разбору их. Ты спрашиваешь: как мог Христос *дать* ученикам Тело Своё, когда Он еще был жив? На это прежде всего скажу тебе: не забывай, что Христос есть *истинный Бог* (Ин.5:18–28; 7:29; Флп.2:6). Он мог из камней создать детей Аврааму (Мф.3:9; Лк.3:8); мог, без плотского отца, родиться от Девы, вопреки законам природы (Мф.1:23, 29). Значить, Христос имел силу из простого хлеба

Божественным Своим благословением сотворить Тело Своё и это Тело, еще при жизни, раздать ученикам Своим для причащения. Веришь-ли ты в Божественное могущество Спасителя нашего?

– Верую, что Христос есть Сын Бога Живаго! – сказал Александр.

– А если веруешь в Божество Христа, – веруй и в то, что Он мог претворить хлеб в Тело Своё, а вино – в Кровь, – как прежде, в Кане Галилейской, и в простой воде чудесно образовал вино (Ин.2:1–11).

Ап. Павел не по православному понимал причащение, – возразил Александр. В послан. к Коринфянам он пишет: *«один хлеб и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба»* (1Кор.10:17). Куда яснее, что в причащении мы не Тело Христово вкушаем, а хлеб? То же пишет апостол в другом месте: *«всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет»* (1Кор.11:26 ср. ст. 27–28). На основании приведенных слов апостола в своём обществе мы содержим такую веру, заключил Александр, что в причащении христиане вкушают и пьют *обыкновенный хлеб и вино*.

– Ваша вера, друг, ошибочная, – возразил я. Вы берете слова апостола без связи с другими его словами и не сравниваете их с учением Самого Спасителя, – оттого и заблуждаетесь. В самом деле, Александр, почему из 10 гл. 1 Кор. ты не прочитал стиха 16? А там говорится: *«чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?»* – Если бы в причащении мы вкушали *простой хлеб*, – то апостол так бы не учил. О *простом хлебе* он пишет в том же послании: *«пища не приближает нас к Богу; ибо едим ли мы, ничего не теряем»* (1Кор.8:8). Вот как мало *духовной пользы* приносит человеку *тленная пища*! Она нас на один волос не приближает к Богу. А кто с верою вкушает от хлеба Господня и пьет от чаши Его, – тот *приобщается Телу и Крови Христовым*. Ясно, что на *вечери* христиане едят *не простой хлеб*.

Это с несомненностью вытекает из приведенных тобою слов апостола Павла. *«Один хлеб, – читал ты, – и мы многие одно Тело; ибо все причащаемся от одного хлеба»* (1Кор.10:17). О каком хлебе говорит апостол? Если разумать в его словах *обыкновенный* хлеб, – тогда нельзя будет сказать, что мы «многие» едим «один» хлеб. – Вообрази, в день воскресный разом причащаются *сто* церквей. Разве они, эти церкви, *один тленный* хлеб съедят? Выходило бы, по твоему понятию, – мы «многие» – *одно* духовное тело; но едим мы, вопреки апостольскому учению, *не один* видимый хлеб. А Павел апостол, – еще повторю, – писал об *одном* хлебе, который вкушают «многие» верующие.

Какой же это «хлеб»? – Это тот «хлеб животный», который сходит с небес и дает жизнь многим. Об этом хлебе Христос говорил: *«Я есмь хлеб жизни... хлеб, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет»* (Ин.6:48. 49). Отсюда ясно, что Сам Господь называет себя *хлебом* животным. Этот хлеб, действительно, *один*: *«ибо нет другого имени под небом, данного человеком, которым надлежало бы нам спастись»*... (Деян.4:12).

– И мы веруем, сказал Александр, что хлеб животный есть Христос, и что этот хлеб принесен на землю за тем, чтобы его вкушать. Мы только думаем, что хлеба *такого* нельзя есть плотскими устами, а надо принимать его духовно, как написано: *«Дух животворит, плоть не пользует ни мало. Слова, которые Я говорю вам, суть дух и жизнь»* (Ин.6:63).

Речь Александра подхватили прочие сектанты. Им особенно «пало на сердце» выражение: *«плоть не пользует ни мало»*...

В храме начался видимый беспорядок. Кое-как успокоил я людей. Потом сказал:

– Хорошо не читать только слова евангельские, но *понимать* их. Я боюсь, друзья, что вы *не точно* разумеете учение нашего Господа. – В самом деле, о какой *плоти* написано, что она «не пользует ни мало»? Мы беседуем с вами о *Плоти Христовой*, а она, по учению Евангелия, имеет великую силу. О ней Сам Господь сказал: *«Хлеб, который я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира»*

(Ин.6:51). Иудеи были грубы сердцем; они не понимали, как можно есть Плоть эту? И что же? Христос не сказал им, что речи Его надо толковать в духовном смысле; нет: излагая учение о ядении Плоти Своей, Господь ясно и *раздельно* подтвердил: *«истинно, истинно говорю вам; если не будете есть Плоти Сына человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни»* (ст. 53). Отсюда уверяемся, что для духовной нашей жизни ядение Плоти Христовой необходимо так же, как для телесной – воздух. *«Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нём»* (ст. 56). Следовательно, для духовной нашей жизни Плоть Христова имеет *спасительное* значение; а эта Плоть и есть *та самая*, которая была распята на кресте во оставление наших грехов (Лк.22:19–20). Значит, у ев. Иоанна в Ин.6:63. под словом «плоть» нельзя разумеать *Плоть Христову*, которую верующие должны есть в причащении.

Как же в таком случае понимать 63 ст. 6 гл. Ев. Иоанна?

«Дух животворит; плоть не пользует ни мало»... Если «такую силу имеет Дух, то Его надобно старательно приобретать. А Дух этот и есть *Дух Божий*. Он проявляется в сердцах верующих людей; обнаруживается *видимо* в *плодах* духа. Эти «плоды духа» описаны у ап. Павла. О них он говорит: *«плод духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание»*... (Гал.5:22). Следовательно, выражение: *«дух животворит»*, можно заменить *однозначными* словами: *«плоды духа животворят»*. А это значит: кто имеет *любовь* к Господу, – тот переполнен в сердце своём любовью и радостью о спасении и всех людей. В *таком* ангельском состоянии христиане *детски-покорно* относятся ко всем испытаниям, посылаемым им Богом; ни на кого и ни на что греховно не ропщут; воздерживаются от соблазнов и искушений, – не колеблются слабым умом своим... Такие *послушные* христиане с чистой верой принимают Слова Христовы о ядении Его Плоти. При этом они не стараются, на еврейский образец, *плотскими* зубами поверить истину евангельскую. Они воспринимают всё *сердцем*, памятуя, что *«плоть не пользует ни мало»*...

Какая же это плоть? Мы видели, что не *Христова*, ибо она *дает жизнь миру* (Ин.6:51). Слово «плоть» нельзя заменить и выражением – «буквальный смысл». Почему? Потому что в свящ. Писании «плоть» *никогда* не означает «буквальный смысл». В виду этого, приведенное в 63 ст. евангельское выражение нельзя изложить так: «духовный смысл животворит, а плотской, *буквальный* не пользуется ни мало»...

Один сектант – старик с детской улыбкой сказал:

– А по нашему упованию именно *так* надо сказать «плотская буква нас не спасает; всё от Духа»...

– Мы веруем, что всё – от Духа, ответил я. Но этот Дух Божий научил евангелиста Иоанна записать слова Христовы: «*хлеб, который я дам, есть Плоть Моя, которую я отдам за жизнь мира*» (– ст. 51). Так по твоему разуму, дед, *настоящая* Плоть Христова была распята на кресте, или *духовная*?

– Знамо, *настоящая*! – зашумели сектанты.

Другие стали читать из послания Иоанна: «*всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во Плоть, не есть от Бога, но это дух антихриста*»... (Ин.4:3).

Итак, заключил я, Плоть, которую Господь распял на кресте за нас, была *настоящая, видимая*. Но эту плоть (– ст. 51) Он обещает дать для вкушения верным (– ср. ст. 54). Значит, её и надо есть в причащении...

Как же после того понимать слова: «плоть не пользуется ни мало»?

– Мы не знаем, сказал старик-сектант. Протолкуйте вы нам...

– Протолкую, слушайте, – обратился я к народу. В послании к Галатам мы читаем: *дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение..., ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси...* (Гал.5:19–20). Кто имеет в сердце своём такие греховные помышления, кто не соблюдает в чистоте своего тела, настроен враждебно к братьям своим, кто заражен ересями или ложными учениями, – тот проявляет «плотские помышления» и «дела плоти». А «*помышления плотские суть смерть*» (Рим.8:6). Они не позволяют человеку верить словам

Христовым, которые суть «дух и жизнь» (Ин.6:63), – и таким образом губят душу его. Вот против *таких греховных помышлений*, – против *ожесточенного неверия* и предупреждал Господь Своих слушателей в Евангелии Ин.6:63. Неверием во Христа были заражены фарисеи и почти все иудеи. Имея *плотской* ум, они неспособны были *верою* принять Слова Господни: как Он может дать людям есть Плоть Свою? – и погибли за неверие своё (Ин.6:64, 66)...

Сектанты *ничего* не могли возразить против изложенного толкования 6-й гл. Иоанна. Александр лишь сказал:

– Все-таки мы думаем, что есть Плоть Христову надобно *духовно*, а не чувственно...

Я отвечал:

– Думать вы можете, как угодно, но смотрите, согласна ли будет ваша дума со Словом Божиим? На языке священных писателей «есть плоть» в духовном смысле – значит *делать вред какому-либо человеку*. Прочитай, Александр, что написано у псалмопевца Давида: «*если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут*» (Пс.26:2). В этом псалме выражением «пожрать плоть» св. Давид хотел обозначить, что враги его делали ему *обиды, зло*. А разве Господь призывал нас «есть плоть» – в смысле «*делать ему зло*»? Это невозможно!

Посмотри, Александр, что написано у Михея пророка: «*Слушайте главы Иакова и князья дома Израилева; вы едите плоть народа Моего и сдираете с них кожу их*» (Мих.3:1–3). Опять словами: «*едите плоть народа*» – пророк указывает, что князья израильские *жестоко, греховно* обходились с простым народом, – за что Господь обличает бессердечных начальников (Ср. *Иов.19:22*).

Следовательно, заключу свои рассуждения, – Господь не мог давать заповеди христианам «есть Плоть» Его в *духовном* смысле. Такая заповедь была бы призывом для нас причинять нашему Искупителю всякие неприятности. А разве это согласно с волей Господа? Поэтому ты, Александр, *ошибочно* толкуешь 6-ю гл. Иоанна в каком-то *духовном* смысле.

После перерыва беседы и пения церковных песнопений, я напомнил слушателям учение Слова Божия о Святом причащении. – По заповеди Господа и по толкованию апостолов, христиане для своего спасения должны вкушать Тело Христово и пить Кровь Его. Кто не делает этого, – тот отрывается от Святого Корня (Рим.11:16) и духовно погибает, как наши бедные сектанты...

– Ну, да и вы обставили своё причастие так, что оно не похоже на Евангельское, – перебив меня, сказал Александр. Из Писания мы видим, что *сначала* надо есть хлеб, а *потом* пить вино, – вы же вместе то и другое принимаете...

– Да, из Евангелий мы усматриваем, что на вечери Своим апостолам Христос, действительно, дал *прежде* Тело Своё, а *потом* Кровь: именно *Тело* и *Кровь*, а не хлеб и вино, как ты, Александр, говоришь, – заметил я. Но и у нас, в православной Церкви, *преемники* апостолов – епископы и пресвитеры – причащаются *по-апостольски*: они *сначала* едят Тело Христово, а *потом* пьют Его Кровь.

Как же при апостолах причащались «простолюдины»? – В кн. Деяний апостольских мы читаем: *«каждый день они единодушно пребывали в храме, и преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца»* (Деян.2:46).

Из этого свидетельства даже не видно, принимали ли христиане *Кровь* Господню? То же следует из другого места Деяний апостольских. *«В первый день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними»*... (Деян.20:7).

Итак, что же – христиане при апостолах *вовсе* не принимали Крови Господней? – Нет, принимали; об этом мы заключаем из других мест св. Писания (напр., 1Кор.11:26–27).

Точно же и доподлинно об этом известно из свящ. апостольского Предания; оттуда же явствует, что для освящения, конечно, не важно, *сколько* Тела и Крови Господней

должны принимать христиане: были бы только эти Тело и Кровь. Потому в православной Церкви, в виду многих причастников, дают всем христианам по *малой* частице Тела и Крови Христовых.

С другой стороны, обычай причащать верующих *одновременно* Телом и Кровью Господа и Спаса Нашего вызван *необходимостью*. Уже из писаний апостольских мы знаем (1Кор. 11 гл.), что во древние времена были беспорядки при причащении. Эти беспорядки с годами усилились. Объявились люди, которые стали *волховать* над причастным хлебом животным... Вот, чтобы положить конец всяким злоупотреблениям, св. Церковь и стала верующим предлагать *разом* Тело и Кровь Господни. И это *не противно* воле Христовой. Если бы мы *вовсе* не давали мирянам Крови Спасителя, – мы грешили бы. А теперь мы стоим в истине. Ибо и после *раздельного* причащения Тело и Кровь Христовы в человеке *соединяются*: значит, в *соединенном* же виде эти Тайны Господни можно принимать...

– В Писании сказано, что Христос *преломил* хлеб, а *потом* взял чашу и подал ученикам, – возразил Александр. У вас же хлеба не преломляют...

– Неправду ты говоришь, возразил я. И у нас священники берут Агнец, *преломляют* его и потом уже опускают в Кровь. Значит, *преломление* при причащении и у нас бывает...

– А откуда у вас *нож* при причащении, *ложечка, копье!* – горячо спросил Александр.

Его шумно поддержали остальные штундисты.

В свою очередь я переспросил Александра: а вы *оттуда*, при печении хлебов для причастия, берете дрожжи? Разве Христос дал заповедь *непременно* на дрожжах готовить хлебы?

– Ну, вы уж до смешного догоняете свои вопросы! – обиженно заметил Александр. У нас речь не про дрожжи. Без них хлеба не испечешь...

– Без дрожжей хлеба не испечешь, говорит ты, обратился я к Александру. А без ножа – доложу я тебе – *не разлочишь* хлеба так, чтобы не посорить его на стол или на пол. Значит, если Богу не противны дрожжи, – хотя о них в Евангелии ничего

не написано, то не разрушаем мы заповеди Христовой о причастии, когда при этом употребляем в дело *ножи*... И заметь: ножом мы лишь *надрезываем хлеб*, чтобы после лучше было его преломлять. А *преломление* Агнца у нас все-таки бывает...

Кроме требования необходимости, ножи при причастии у нас употребляются по другим основаниям. – Апостол говорит: «мы *имеем жертвенник*»... (Евр.13:10), следовательно, и *жертву*. Эта жертва для христиан есть Агнец, приносимый во св. причастии. Нашу христианскую жертву в древние времена прообразовали еврейские жертвы. А евреи свои жертвы разрезывали *ножами* (Читай кн. Левит). Вот, чтобы показать замену ветхого завета новым, – и мы *разрезываем* своего Агнца крестообразно, – в память страданий Господних на кресте. – Чем же после того противны Богу ножи, которые мы употребляем при приготовлении Агнца для причащения верующих?...

– Ножи Богу не противны, да не написано про них в Евангелии, сказал Александр.

– В Евангелии, заметил я, нет помина и про дрожжи, а вот бабы не без дрожжей пекут хлебы для преломления...

Александр недовольно махнул рукой.

Сектанты возмущались, что «про ножи» дело прошло «не гладко». Наконец, один из сектантов торопливо спросил:

– Ну, а ложечки для чего вы придумали?

Я ответил:

– Ты недавно был православным. Ужели забыл, для чего у нас служат священные лжицы? – Для того, чтобы ими из чаши доставать причастникам Тела и Крови Христовых...

– Откуда вы их взяли? – нетерпеливо продолжал допрашивать меня всё тот же сектант.

Я сказал:

– Ложечки при причастии мы употребляем по требованию необходимости: не копать же, в самом деле, священнику рукою в чаше, чтобы достать христианам причастие? Это неприлично и многим не понравилось бы...

С другой стороны, я уже сказал, что на причастие мы смотрим, как на бескровную жертву, приносимую за наши грехи

Богу. Принятием части этой жертвы, мы веруем, освящаем свои грешные тела. И вот, чтобы достать такую священную часть, пресвитер опускает в чашу ложечку...

Этому действию мы находим первообраз в кн. пр. Исаии. Там мы читаем: *«прилетел один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих, и сказал: вот... беззаконие твоё удалено от тебя»* (Ис.6:6–7). Как некогда серафим клещами достал с жертвенника *очистительный уголь*, – так и наши священники ложечками, *заменившими* те клещи, достают из чаши Тела и Крови Христовых и ими, как, священным углем, очищают души и тела христиан. (См. 1Кор.11:29, 80). Чего же худого нашел ты, друг, в наших священных ложечках?...

– Ну, а копьё зачем у вас? – уже без уверенности в голосе спросил Александр.

Рядом стоявший со мной батюшка не выдержал и сказал:

– Друг! Еще в школе я твердил вам, что копьё при причастии мы употребляем в память того, как *«один из воинов копьем пронзил ребра»* Христу, висевшему на Кресте (Ин.19:34).

Александр обратился к народу и голосом, полным грусти, произнес:

– Боже мой! Разве разбойник хорошо сделал, что пронзил ребра Христу, а вы вспомнили про разбойника? Нашли кому подражать... Ошиблись вы!

– Ошиблись! ошиблись! зашумели сектанты.

Православные, видимо, приуныли и с надеждою смотрели на меня.

Я спокойно сказал:

– Из Евангелии мы видим, что разбойник не для надругательства пронзил ребра умершему Христу (Ин.19:33, 34). Он желал убедиться, – умер ли Спаситель наш – и только. Мы же *не в Тело* Христово вонзаем копьё, а еще в *простой хлеб*. Вы, должно быть, не знаете, когда за обедней употребляется у нас копьё? Оно употребляется еще на проскомидии, при чтении часов, пока просфора бывает *простым* хлебом. Священник, чтобы приготовить причастного Агнца, прободает просфору. Этот

хлеб просфорный позже, при пении «Тебе поем», пресуществляется в Тело Христово. И как хлеб заранее уже прободен, то и Тело Христово получается прободенным, – таким, каким оно было по Евангелию...

Вот и рассудите, друзья, правильно ли вы на нас ропщете!...

Слушатели просияли. Батюшка принялся еще разъяснять, что мы копьём не Тело Христово прободаем, а простой хлеб. Когда же хлеб Божиим благословением *прелάζεται* в Тело Господне, – Его копьём и ножом не трогают: *только преломляют*, по заповеди Христовой...

Сектанты молчали. Им нечего было возражать более. Я воспроизвел пред слушателями ход нашей беседы. – Господь велел христианам для спасения есть Плоть и пить Кровь Его. Сектанты этой заповеди не исполняют. Они едят *простой* хлеб и пьют *простое* вино. Но какая духовная польза человеку от *простого* хлеба?...

Поэтому помните, друзья: «если не будете есть *Плоти Сына Человеческого* и пить *Крови Его*, то не будете иметь в себе жизни» (Ин.6:53). Побеждайте в себе небрежность и лень. По крайней мере *каждогодно*, без пропусков, приступайте со *страхом Божиим* и верою к чаше Христовой. Господь укрепит вас тогда *твёрдо* стоять в Его святой Церкви!...

Д.родпис Боголюбов

Фиалковский. Н. Протоирей Имел ли право м. Амвросий принять раскольническую паству без поручения её ему?²⁶⁰ // Миссионерское обозрение 1901 г. № 12. С. 844–855

Усов. Почтенные слушатели! миссионер спрашивает: кто вручил Амвросию паству? Я уже ответил, что никакого вручения не нужно, и вы спросите-ка миссионера: у них какой собор поручает епископам паству? Никакой! У них епископов определяет и распоряжается ими какое-то мирское лицо, обер-прокурор Синода; это свидетельствует их Иванцов-Платонов на 61 и 71 стр. в статье «О русском церковном управлении». Вот об этом-то пусть и объяснит нам миссионер, да ответит на вопрос: почему они называют наше священство самозванным?

Миссион. Напрасно наш собеседник ссылается на Иванцова-Платонова в том, что у нас епископов определяет обер-прокурор. Всякому известно, что избирает и определяет в епископы Св. Синод, который у нас составляет постоянный собор епископов, а утверждает это определение Государь Император, к Которому доклад вносит обер-прокурор; а ведь всякий благоразумный человек знает, что и в гражданских судах и учреждениях не тот решает, кто докладывает дела, решаются дела судьями, а не докладчиком, так и в Синоде – дела решают и определения делают члены Св. Синода, а не обер-прокурор. На следующий вопрос вам я предоставляю ответить Ф. Д. Круглову.

Круглов. Что ни говорил Ив. Григ., но так и не ответил на вопрос о. протоиерея: кто поручил Амвросию паству?

Между тем толкователь 8 прав. Вальсамон говорит: «А чтобы пребывали (новацианские епископы) в клире, – мне думается, это определено в особенности об них. Ибо, вероятно, некоторые говорили, что принять их должно, но только быть им в качестве мирян и не действовать правами, принадлежащими их прежним степеням. Это собором не принято, а положено *восстанавливать их в их степенях*» (Вальс. толк. на 8 прав.), а *восстанавливать* и означает – поручать паству. И другой

толкователь говорит: «собор принял и рукоположение их и определил, чтобы оставались в их степенях, если не будет епископа в кафедральной церкви того города. А если они находятся в такой церкви, где есть епископ или пресвитер, то сей епископ должен иметь достоинство и имя епископства, а наименованный епископом у Чистых должен иметь честь или пресвитера, или даже хореепископа» (то есть протопопы, по толков. Аристина на 13 пр. Анкирск. соб.), дабы он числился вместе в списке клира и не был исключен из него... (Зонара толк. на 8 пр.). Замечательно, что это правило, предоставляет право православному епископу после присоединения новацианского епископа, определять его или в сельские епископы (в протопопы) или в священники. Конечно, так и делалось до 4 всел. соб., который 29 правилом воспретил это делать. В этом поручении прав епископа или священника и состояло восстановление.

Наш собеседник сам сознается, что Амвросию никто не поручал паству, и он собственною властью воспринял на себя обязанности Белокриницкого митрополита. Теперь послушаем, что говорят св. отцы о самовольном присвоении себе духовной власти над паствою. Св. священномученик Киприан пишет следующее: «Сии суть, кои у безрассудного скопища людей творят себя начальниками без божественного распоряжения, кои себя определяют властелинами без всякого закона постановления, кои, никому же дающе епископство, присвояют себе имя епископа... Противу таковых вопиет Господь... глаголя:... «Не посылах пророки, а они течаху... Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себе кладенцы сокрушенные, иже не возмогут воды содержать» (Иер.2:13). Когда другое крещение кроме единого не может быть, то думают, что можно им крестить... Не омываются у них люди, но паче оскверняются, ниже очищаются грехи, но еще умножаются. Не Богу рождение оное, но диаволу детей рождает»... (Священномученик Киприан еп. карф. «О единстве Церкви», ст. 16). Вот какой строгий суд произнесен св. Киприаном над лицами, самовольно, без божественного распоряжения взимающими на себя обязанности епископа у безрассудного скопища людей. А митр. Амвросий так

именно и поступил: не имея полномочия от своего патриарха, он стал епископствовать в обществе старообрядцев, безрассудно отделившихся от Церкви, рукоположив им архиерея и нескольких попов.

Усов. Миссионер наговорил много страшных слов, но они к нам не идут. Св. Киприан заблуждался относительно перекрещения еретиков; это его заблуждение нам и вычитал о крещении миссионер; но заблуждение Киприана Церковью не принято. Викентий Лиринский говорит, что кто принимает это заблуждение, такие люди будут гореть вместе с дьяволом (Пам. зап. Вик. Лир. гл. 6, стр. 34). Поздравляю г. миссионера и всю господствующую Церковь, следующую заблуждениям св. Киприана, с тем, что они будут гореть вместе с дьяволом.

Круглов. Прочитанные г. Усовым слова Викентия Лиринского относятся, главным образом, к наставлению Карфагенского собора, определившего перекрещивать всех вообще еретиков, на основании которого донатисты и перекрещенцы всех, вступающих в их общество, перекрещивают, что делают и ныне некоторые из безпоповщинских сект; но я постановления этого собора здесь не приводил, а прочитал слова св. Киприана «О единстве Церкви» и прочитал его суждение не по вопросу о перекрещивании еретиков, а о «самовольно определяющих себя духовными наставниками у безрассудного скопища людей», как определил себя митр. Амвросий в Белой Кринице. Сочинением «О единстве Церкви», из которого я вычитал слышанные вами слова, руководствовался и св. Златоуст, заимствуя из него даже буквально следующие слова: «муж же некий рече: ниже мученическая кровь может загладити сего греха», то есть, церковного раскола (Беседы апостол. Киев; стр. 1692). Слова св. Киприана именно находятся в той же книге, из которой я прочитал; если эти слова осудили меня в геенну огненную, то столь же тяжкой участи они подвергают и св. Златоуста, пользовавшегося этим сочинением. Вот к чему привело моего собеседника упорное желание защитить незаконный поступок Амвросия! Но это еще не всё. Относительно самовольно совершающих священнодействия, как совершал у старообрядцев Амвросий, совершенно согласно

со мной и со св. Киприаном, рассуждает и старообрядческий лжеепископ Арсений Швецов. В «Оправдании старообрядствующей Церкви», на стр. 229, он говорил следующее: «совершающий духовное священнодействие литургии без предписания и указа архиерейского, близко подходит по своему греху к священнослужителю без рукоположения». О таких слушателях Швецов тут же, на основании слов Сим. Солунского говорит, что «все действия их хуже действий самых нечестивых демонов» (то же в Намок. при Бол. Потр. л. 57). Ясно, что о самовольно служащих Швецов рассудил совершенно согласно со св. Киприаном, Значит, по суду г. Усова, «владыка Арсений», у которого он состоит теперь «секретарем», «навсегда будет гореть с дьяволом в огне»!

Усов. Миссионер натягательно относит слова Сим. Солунского к митр. Амвросию; слова эти говорятся о простецах-мирянах, а Амвросий не был простец.

Круглов. В Потребнике определенно сказано: «О духовном же служении (о служении духовника) подобен есть согрешению нерукоположене действующаго и иже без повеления и заповеди святительския действует» (Номок. Лист 57). А ведь сам Амвросий, в объяснении, данном австрийскому правительству, говорит: «Я никогда никому не хвалился и не говорил, и самому императору не объяснял, что я от патриарха в Буковину послан, против чего и никто обличить не может» (Материалы Австр. Иер. Субботина, Отв. Амв. 7 генв. 1848 г., стр. 235). Значит, Амвросий действовал без повеления и заповеди святительския и подобен нерукоположене действующему, самозванцу.

Усов. Если вы считаете наших епископов самозванцами, а принимаете их крещение, отвергая хиротонию, вы подобны еретикам люциферианам, которые отвергали хиротонию ариан.

Круглов. А древняя Церковь, принимавшая армянское крещение без повторения, но не признававшая действительною хиротонию армянских епископов, – ужели и она находилась в «люцифериарской ереси»? Притом должно сказать, что сравнивать отношение православной Церкви к австрийской лжеиерархии, с поступком Люцифера, крайне бессовестно; на такое сравнение способны только г. Усов со своим учителем

Швецовым. Известно, что Люцифер за сие возмутися, яко собор александрийский возвращенным от ереси честь епископскую возвращаше. Люцифер гнушашеся сообщением тех епископов, иже тогда ересью окаляшася, и оных епископов не приимаше, иже на ариминском соборе от ариан уловлени и прелыцени бяху (Барон. лето госп. 362; число 26). А какой собор честь епископ. возвратил Амвросию? Напротив, патриарх констант. Анфим в своей грамоте от 8 авг. 1847 г. прямо пишет, что «Церковь, узнав сначала о твоём (м. Амвросия) убежище в тех пределах, частью руководясь попечительным к твоему преосвященству расположением и другими важными основаниями, частью же имея и канонические побуждения по причине перехода твоего в другие приходы без её разрешения и полномочия, писала дважды с того времени преосвященному митрополиту Карловицкому о Христе брату кир Иосифу, сообщая об исчезновении твоём отсюда и бегстве и уполномочивая его преосвященство, отрешив тебя от всяких архиерейских действий, как совершившего каноническое преступление, потом побудить тебя возвратиться к Церкви» (Матер. Субботина стр. 230). Нечего и говорить: наша Церковь справедливо не признает священства, получившее начало от Амвросия отрешенного от всяких архиерейских действий, обвиняемого в каноническом преступлении своим патриархом 15 пр. св. апостол, 35 пр. св. ап. и 13 пр. 4 всел. собора, на которые ссылается патриарх, лишают Амвросия архиерейских прав, низводят его в разряд мирян, а поставленных им подвергает извержению. Люцифер же не признавал хиротонию епископов православных, признанных православными собором Александрийским под председательством св. Афанасия Великого. Тут есть ли какое сходство? Нет. Там собор православных епископов признает хиротонию епископов раскаявшихся, а здесь Усов и Швецов требуют принять хиротонию нераскаянного самовольного беглеца. Вот если бы мы признали вашу хиротонию законной, как признаете вы и из-за того отделились бы от православной Церкви, как это вы делаете, тогда можно бы нас винить в ереси люциферианской.

Госп. Усов не отвечает на поставленный вопрос: кто Амвросию поручил паству? потому, что стыдится прямо и откровенно сказать: «Иероним объявил его в достоинстве митрополита». Иероним, беглый иеромонах, попросту сказать, бродяга, объявил, но и он ему не поручил пасти паству, ибо не имел на то никакого права. Даже действительный православный священник и тот не может поручить паству епископу. Священник может с дозволения своего епископа присоединить еретического клирика к православной Церкви, но причислить его к клиру и дать ему грамоту не может (ант. соб. 8; 4 всел. соб. 11; св. Апост. 33). Зная это, иноки Павел и Алимпий на право пасти паству выхлопотали позволение у Австрийского императора. И оно дано из Буковинского Крайзамта в таких выражениях: «№ 11630. Бывшему митрополиту от Боснии, теперешнему епископу общества липованской веры, господину Амвросию в Белой Кринице. Его королевское императорское величество благоволили дозволить всевысочайшим решением от 3 марта сего года: бывше уже определением высокой придворной канцелярии от 15 ноября истекшего года № 34987 позволено вам исполнение действия, яко верховного епископа общества липованской веры в Буковине и проч. 23 июля 1847 г.» (Материалы для ист. Бел. иер. Субботина; 153 стр.). Сделано это вопреки правил св. Ап. 30 и 7-го всел. соб. 3-го. Сам Амвросий всю жизнь сознавал своё прегрешение и тяготился им. «Много и много крат, от 29 ноября 1864 года, пишет Георгий, сын Амвросия, мой покойный родитель меня бранил за это дело, сирец за эту липованску православию, и сказал меня покойник, да я буду от Бога наказан за это дело, понеже он не хотел приитить на липованску ересь, ежели я не был добрый за линована» (Переп. раск. деятелей вып. 1, стр. 233), да и сам преемник Амвросия говорил своему архидиакону Филарету об Амвросии: «ты сам знаешь, как он понимал об нашей религии, – вышлешь 500 червонцев, ну и хороши мы, а не вышлешь станем все прокляты» (Брошюр. Иером. Филарета. Был ли предан старообрядчеству митр. Амвросий; стр. 17). Умер он и погребен не вами.

Усов. Что вы указываете на Филарета, – он был распутный пьяница и вор; он украл монастырский архив; ему доверять никак нельзя. Ученый Смирнский митрополит Василий о принятии хиротонисанных еретиками говорит, что «когда православные были не в состоянии изгнать еретиков, за которыми следовала толпа, тогда они продолжали пребывать в своих епархиях, управляя народом и совершая все принадлежащие их сану священнодействия и собор признал нужным их считать изверженными из священного сана (3 всел. соб. пр. 5). Значит, и собор признавал хиротонию и вообще митрополит доказывает, что хиротония еретиков признается, а вы отвергаете.

Беседу после этого начал продолжат *миссионер*, начавший беседу; он сказал: об о. Филарете, – плох он, или хорош, – говорить не будем, хотя, нужно сказать, грешно порицать христианину ближнего, да и к делу не относится это порицание, несомненно то, что Амвросий тяготился расколом и боялся ответственности, а потому и не возвратился в Константинополь. – Что касается до принятия в сущих санах еретиков второго чина, то ответ на это мы находим в послании Константинопольского собора к Мартирию, епископу Антиохийскому, жившему около 5 века. Это послание помещено в Кормчей патр. Иосифа гл. 37; на об. 293 листа. В послании, после чиноприятия еретиков 2-го чина, сказано: «и потом потщаливии мирстии человецы поставляются в сан, в немже беша, или пресвитери, или диакони, или ино что». Слова эти у Севаста Арменополя читаются так: «и по сих яко тщаливыи людины, хиротонисуются оное еже быша у самих первое аще презвитери, аще же диакони» и пр. (Севаста Арменоп. л. 290). (По-русски слова эти читаются так: «И потом (присоединенные чрез миропомазание еретические клирики) яко потщаливии мирстии человецы, поставляются в то, чем у них, были прежде, или презвитери, или диакони, или иподиакони» (К вопросу о раскольнич. Белокриницкой иерархии. А. Громогласова, стр. 34). Прав. 12 Феофила архиеп. александрийского говорит: «благволи и ты рукополагати» (Прав. Св. Отец с толков. Общ. люб. духов, просвещ. Прав. 12; стр. 553 на об.). Из этих правил

ясно видно, что после чиноприятия в древней Церкви епископы рукополагали еретических клириков. Но Амвросия ни рукополагали, ни паству ему не поручали и грамоту не давали. Значить: всё сделано не по правилам.

Сам митрополит Амвросий, обвиняемый патриархом в безрассудном бегстве, в своё оправдание австрийскому правительству писал: «Я никогда никому не хвалился и не говорил и самому императору не объяснял, что я от патриарха в Буковину послан, против чего и никто меня обличить не может»... И ниже: «Я отважился прибыть в Буковину, не бродяжества ради, но, во-первых, для моего спасения и спокойствия, а во-вторых, не пренебечь такое доброе дело для упасения лишенных пастыря овец, которых я не украл и ни от кого не отнял»... (Материалы для истории австр. иерархии Субботина. Документы; стр. 235–237). Собор Соединения против такого оправдания говорить: «*Иже... не исполнения ради божественных заповедей, но покоя ради и сребролюбивые их воли, или от престола на престол преходяща сами о себе, кроме совершенного собора, или по мзде восходяще, или продающе, таковыи в жребии окаянному Иуде предавшему Господа отлучени суть*» (Соб. Соедин. Кормч., гл. 58, лист 570), а Василий Великий, по поводу подобного случая в Никопольской церкви, писал к пресвитерам оной церкви: «Не обольщайтесь их ложными речами, когда приписывают себе правоту веры. Это – хриstopродавцы, а не христиане, полезное для них в сей жизни всегда предпочитают они жизни истинной. Когда задумали приобрести эту пустую власть, присоединились к врагам Христовым, а когда увидели народ раздраженным, опять налагают на себя личину православия. Не признаю епископов и не причислю к иереям Христовым того, кто оскверненными руками к разорению веры возведен в начальники. Таково моё решение! А вы, ежели есть у вас что общее со мною, очевидно, будете держаться того же мнения. Если же сами от себя что придумаете, то всякий волен в своём мнении, а я чист от крови сей.

Написал же это я не потому, что вам не доверяю, но чтобы объявлением своего решения подкрепить иных колеблющихся;

пусть никто не обнадеживает себя принятием в общение, и пусть приявшие от них возложение рук не домогаются, по восстановлении мира, чтобы и их причислили к священному сонму» (Твор. св. Вас. Велик. т. VII. Москва. Пис. к Никоп. пресвит., стр. 184 и 185).

Итак, следовательно, на этой беседе мы рассмотрели, что австрийское священство в своём происхождении не согласно с волей Господа, поручившего ап. Петру пасти овец. Наш собеседник в течение собеседования настойчиво утверждал и остался при той мысли, что поручительство после присоединения не нужно; его у них и не было.

Потом учреждение иерархии состоялось с нарушением целого ряда канонических церковных правил.

Внутренние побуждения к учреждению иерархии со стороны иноков Павла и Алимпия были лукавые, а со стороны Амвросия – корыстные.

Последствием всех этих действий является безблагодатное, самочинное священство, по суду Церкви не имеющее и надежды на причисление к клиру православной Церкви, а за лукавство учредителей, за корыстолюбие родоначальника оной иерархии и за нарушение церковных правил подлежащее тяжкому осуждению православной Церкви. Сам Амвросий неоднократно грозил подвергнуть анафеме последователей Белокрыницкой иерархии, если они не успевали ему внести условные деньги. Но грозное проклятие, как черная печать на печальном письме, лежит на последователях австрийской иерархии: окружники клянут противокружников, противокружники – окружников, а потом и те, и другие раздираются на партии и клянут друг друга.

После того как мы окончили беседу, мы получили августовскую книжку «Душеполезного Чтения»; в ней излагается печальное продолжение тяготения проклятия на последователя австрийского священства. Сведения эти сообщаются ревнителем и страдальцем за православие, достопочтеннейшим Н. И. Субботиным, известным защитником православия и обличителем раскола; из его статьи мы и позаимствуем эти сведения. Сведения эти заимствованы Н. И.

из статьи, составленной австрийским попом Вас. Механиковым, под заглавием: «Защита Белокриницкого устава пред судом православия». Защита эта написана, как значится в предисловии, «по благословению его высокопреосвященства боголюбивейшего архиепископа Иоанна» (Картушина). Часть этого сочинения напечатана в августовской книжке «Душеполезного Чтения» за 1900 год, из неё мы и выписываем эти строки.

В ст. 2-й Механиков говорит: «В Троице нет ни привходящего, чего бы прежде не было и что вошло бы после, – ни большего, ни меньшего. Пресвятая Троица есть совечное царство в трех совершеннейших Ипостасях, почему Она и песнословится «безначальною, собезначальною и соприсносущую». А о. Арсений (Швецов) говорит, что отъискони Бог *во едином лице показуется*, что Ипостась Бога Отца *больше* Ипостаси Бога Сына и Духа. Св. Церковь учит, что Отец не был никогда без Сына, что Сын Божий рожден от Отца не расстоятельно, что Он так же вечен, как Бог Отец, – а о. Арсений говорит, что отъискони Бог *во едином лице* указывается, что *составление пресв. Троицы последовало по времени*, и даже присносущие Божие, по его понятию, должно разумеать не без времени. Таким, образом учение о. Арсения Швецова не только не согласно, но и совершенно противно учению православной Церкви и до буквальности сходно с воззрениями древних еретиков-монархистов: Праксея, Нозта, Верона, Берилла и других».

В ст. 4, изложив еретическое учение Швецова, Механиков продолжает: «Отсюда ясно, что по воззрению о. Арсения, Ипостась Отца выше и больше Ипостаси Сына и Ипостаси Св. Духа, а такое понятие равносильно прямому отрицанию равенства Лиц Пр. Троицы. Что Ипостась Сына Божия и Св. Духа меньше Ипостаси Отца, учили древние еретики, отвергавшие их равенство и единосущие со Отцом; таковы были еще в век апостольский – Керинф и Бвион, – во 2-м столетии – Карпократ, Феодот, – в 3-м, – Ориген и в 4-м – Арий пресвитер Александрийский».

В ст. 5-й Механиков пишет: «Православ. вселенская Церковь учит единогласно, что Сын Божий рожден из сущности Бога Отца предвечно; а о. Арсений говорит вместе с Белокриницким уставом, что «в предвечной безначальности Бог Отец был в одном лице». Св. Церковь учит, что Сын Божий собезначален Отцу и Св. Духу, т. е. Он так же безначален, как Бог Отец, а о. Арсений говорит, что Сын Божий рожден вместе с веками в наперед сотворенное Богом время. Таким образом диаметральная противоположность в учении о. Арсения и учении православной Церкви очевидна». «Притом учение о. Арсения до буквальности сходно с учением арианским. Арий учил: «бе бо (в вечности) един Бог и не бе Слово с ним; таже восхотев нас соделати, тогда сотвори Его и отнележе (т. е. от сего времени) бысть». Так учит и о. Арсений: сущность Божества в предвечной безначальности была в лице Единого Бога, а Сын Божий рожден от Бога Отца с настатию веков, вместе с веками и даже после век».

«Арий учил, что Сын Божий рожден во времени. Так говорит и о. Арсений, что Сын Божий рожден от Бога Отца после век, в наперед сотворенное Богом время». «Арий учил, что Сын Божий есть первейшая и высшая тварь. Так полагает и о. Арсений, когда говорит: «Сын Божий проявился (родился) от виновного своего начала в приведении (т. е. вместе с приведением) в бытие тварей»».

«Следовательно, в сходности приведенных учений о. Арсения и арианского сомнения нет».

Итак, сам московский лжеархиепископ, раскольничий Иоанн Картушин, устами своего иерея Механикова, со всею решительностью заявил, что «владыка» Арсений содержит и проповедует многие ереси. Но что же ответил Швецов? Он написал своё новое «исповедание», в котором, между прочим, говорит: «старающихся истолковать мою защиту Белокриницкого устава как бы противоречащую православному символу – я предаю проклятию!»

Итак – *еретик! анафема!* – вот два последние слова руководителей Белокриницкой иерархии, которыми они характеризует друга-друга. И справедливо. Печать проклятия,

изреченного православной Церковью, за преступные и самочинные действия последователей австрийского священства, как грозная кара Божия, тяготеет над последователями Белокриницкой иерархии.

Протоиерей *Н. Фиалковский*

Миссионерство, секты и раскол (хроника)

Станиславский В. Епархиальный миссионер священник. Посещение преосвященным Николаем, епископом Таврическим, сектантского селения Астраханки, Бердянского уезда // Миссионерское обозрение 1901 г. № 12. С. 856–864

15-го октября с. г. преосвященный Николай, епископ Таврический, посетил сектантское с. Астраханку. Владыка прибыл в с. Астраханку из г. Мелитополя в 8½ час. утра и был встречен в храме епархиальным миссионером, местным благочинным и приходским священником с крестом и св. водой.

Выслушав краткую литию и многолетие, причем многолетие «предстоятелю св. храма сего, прихожанам и жителям веси сея» провозгласил сам владыка, последний обратился к православным со следующим, приблизительно, словом. «Очень хотел я, говорил владыка, быть у вас в Астраханке и вместе с вами, которые небольшой горсточкой живете среди сектантского населения, помолиться сердечною и теплою молитвой ко Господу нашему Иисусу Христу. Благодарение Господу, желание мое исполнилось! Как ваш архипастырь, как ваш епископ, я хочу преподать вам и слово назидания». Затем владыка поучал православных, как они должны жить, чтобы своею жизнью не отталкивать, а напротив, привлекать к православной вере сектантов. Эти слова Христа Спасителя: «так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного» (Мф.5:16), православным, окруженным сектантами, надо всегда и твердо помнить; недостаточно только называться православными христианами и внешним только образом, без внутреннего сердечного расположения, исполнять христианские обязанности. Надо показывать веру от дел наших; потому что «как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак.5:18,26); надо жить по православному, по церковному, жить так, чтобы нашим поведением не хулилась вера наша, чтобы не подавать повода к соблазну заблуждающимся братьям нашим. Затем, владыка научал православных, как они должны

быть усердны и внимательны к тем обязанностям, какие возлагает на них св. Церковь и вера православная, каковы у них должны быть отношения между собою, в обществе, в семействе; как муж и жена должны относиться друг к другу, дети к родителям и родители к детям, чтобы дом каждого православного христианина был как бы домашнею церковью. Особенно владыка убеждал православных трезвиться, удерживаться пьянства, этого ужасного порока, который разъедает общественную и семейную жизнь наших крестьян. Отношения к сектантам должны быть любовные и жалостливые: надо любить их, как братьев наших по плоти и крови, надо также и сожалеть о них, как о братьях заблудших, не имеющих того сокровища благодати, которое, по милости Божией, подается всем нам в св. православной Христовой Церкви, надо в душе молиться о них, чтобы Господь просветил их умы и сердца и привел бы их к единению с нами, чтобы мы одними устами и одним сердцем славили Бога Отца, Сына и Св. Духа. В заключение владыка призвал благословение Божие на православных, на их семейства, дома и поля. Речь владыки на православных произвела глубокое впечатление: пред ними был как бы любящий их отец, который с любовью и вместе с «властью» учил их, давал им наставления; поэтому слова владыки они слушали с глубоким вниманием. В храме присутствовали многие сектанты; дай Бог, чтобы слова владыки пали на их сердца, как семя доброе. Часто сектанты указывают нам на худую жизнь православных, как на доказательство якобы «бездейственности» православной Церкви; но здесь они слышали епископа православной Церкви, который так сердечно и с такой любовью учил православных не только доброй христианской жизни, но и благожелательному отношению к самим сектантам.

Осмотрев церковь, испытав в знании Закона Божия детей-школьников, одарив некоторых детей Евангелиями и молитвословами, благословив всех, владыка направился к выходу из храма. В это время к нему подошел представитель местных сектантов, «баптистский пресвитер» Ф. Балихин и просил владыку посетить их «баптистское» собрание. «Какое

баптистское собрание? – спросил преосвященный. – Я такого не знаю. И почему вы, русские люди, называете себя баптистами, а не общим для всех верующих во Христа наименованием – христианами? Баптизм, ведь, секта происхождения немецкого». – «Баптист, – перебил речь владыки Балихин, – слово греческое, значит *взросло-крещенный*. Мы имеем кассационные решения Сената, которыми нам разрешено называться баптистами, и притом наше общество утверждено губернатором». – «Не знаю, – ответил владыка, – утверждено ваше общество губернатором или не утверждено, но я знаю закон, по которому «русских баптистов нет и быть не должно». – «*Да что закон?* Мы все-таки просим вас, ваше преосвященство, посетить наше собрание». Тогда владыка, поставив на вид Балихину его недостаточно почтительное отношение к закону, решительно отказался посетить «баптистское» собрание, а предложил ему прийти к нему в дом священника.²⁶¹ Здесь же представитель «ново-молокан» З. Захаров почтительнейше просил епископа посетить их собрание. Владыка изъявил на это своё согласие. В церковной ограде представители всего сектантского населения с. Астраханки во главе с сельским старостой М. Балихиным поднесли владыке в знак своего к нему уважения и любви христианской хлеб-соль. Принимая хлеб-соль, его преосвященство сказал: «Благодарю вас за привет и добрые пожелания! Как дар Божий, посылаемый всем людям без различия вероисповеданий, я принимаю от вас эту хлеб-соль; но молю Господа, чтобы общение наше в этом хлебе привело, наконец, всех нас к общению и в *другом хлебе*, – *небесном*, – *еже есть Иисус Христос. Аминь*». Представители старо-молокан просили преосвященного посетить их собрание. Владыка обещал исполнить и их желание. Здесь же, в ограде, были собраны учащиеся в земских молоканских школах. Преосвященный обратил внимание молоканских наставников на необходимость обучения закону Божию и их детей; З. Захаров высказал, что молокане согласны, чтобы учителя обучали их детей священной истории ветхого и нового завета, они даже не против того, чтобы это обучение велось под руководством священников; но чтобы священники обучали их детей закону

Божью, – на это они не согласны. Преподав детям наставления, особенно о почитании родителей и старших себя, о чём просил владыку Захаров в виду того, что эта сторона воспитания молодого поколения молокан слаба, пожелав им всего хорошего, владыка направился в дом приходского священника.

После краткого отдыха, преосвященный, в сопровождении епархиального миссионера, свящ. о. Станиславского, благочинного и местного священника, посетил старо-молоканский молитвенный дом. При входе он был встречен старо-молоканскими наставниками во главе со старейшим из них – С. Кудиновым. Войдя в собрание, владыка приветствовал всех миром и обратился к молоканам с речью, которая всеми была выслушана с глубоким вниманием. Прежде всего владыка выразил свою скорбь, что он не может вместе с молоканами единым сердцем и едиными устами славить Господа. «Все мы дети одного Отца небесного, все дети одной русской семьи, братья по плоти и крови, но, к сожалению, не по духу». Затем, владыка указал и на причину этого разделения духовного, которая заключается в том, что молокане отступили от св. православной Церкви, которая одна только есть столп и утверждение истины, и хотят достигнуть спасения собственными слабыми силами. Как примирить со словами св. Писания: «Один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф.4:5) – тот факт, что у них явились и являются разделения в вере. Если у них истина, то откуда же разделения? Всякий здравомыслящий человек должен призадуматься над этим. Всё дело в том, что вместо авторитета Церкви у молокан авторитетом поставлен собственный, часто погрешительный и удобопреклонный к заблуждению разум. Не достаточно только принимать Писание, надо принимать и толкование Писания. «Читайте Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, – говорил владыка, – ведь это были люди просвещенные Духом Святым, близкие к временам самих апостолов (а многие из вас и не слышали даже о них), читайте и вы увидите, что то, что вы теперь понимаете по своему, надо понимать совершенно иначе. Читайте историю Церкви – и вы увидите, что св. Церковь от самих св. апостолов содержала св. веру и учила так, как и

теперь учит православная Церковь». Затем владыка высказал молоканам, что в деле веры их никто не стеснял и впредь стеснять не будут. К ним посылаются миссионеры, священники, которые проповедуют им здоровое учение св. Церкви православной; «если вы их слушаете и принимаете их проповедь, мы благодарим Господа; если не принимаете, мы опять благодарим Господа, Который еще терпит согрешениям вашим и нашим». «Но мы не желаем, – говорил владыка, – коварством, хитростью, лестью или насилием привлечь вас к православной Церкви. Мы хотим, чтобы вы сами сознательно пришли к тому убеждению, что вселенская истина веры Христовой твердо и неизменно хранится в св. православной Церкви». Далее владыка выразил своё желание, чтобы молокане относились к православным односельчанам и рабочим с благожелательностью и полной веротерпимостью, не стесняли их в отправлении религиозных обязанностей. После речи преосвященного, наставник молокан В. Морозов поднес преосвященному Библию и просил его принять «сию св. книгу от старо-молоканской общины, как знак нашей любви и уважения к вашему преосвященству и добрых отношений и благорасположения вашего к нам». Владыка, принимая Библию и поблагодарив за добрые чувства молокан к нему, сказал, что он принимает эту священную книгу, как залог «будущего единения нашего» во Христе Иисусе и в св. православной вере. После этого С. Кудинов обратился к владыке: «Ваше преосвященство, оставьте нас при наших убеждениях, – позвольте нам провожать наших покойников с пением, как мы делали это раньше». На это преосвященный ответил, что разрешить им этого своею властью он не может, а рекомендовал им возбудить ходатайство в другом порядке, т. е. подать чрез него прошение в Св. Синод. Провожаемый изъявлениями благодарности за посещение собрания и за своё сердечное теплое слово, преосвященный отбыл в собрание «ново-молоканское». Здесь у кареты его встретил З. Захаров, пред входом в собрание – «помощник пресвитера» Васильев с кратким приветствием и при входе в собрание – «пресвитер» Ячменев, который поднес владыке Библию, причем от лица

всей общины выразил владыке чувства любви и признательности за его добрые, благожелательные к ним отношения и за посещение их собрания.

Поднесенная Библия – синодального издания, in 4°, с параллельными местами, в прекрасном бархатном переплете. На крышке переплета сверху находится изображение креста (четырехконеч.), а ниже золотым тиснением сделан ряд выдержек из Свящ. Писания и св. отцов.

Принимая Библию, владыка сказал: «Благодарю вас за ваши добрые чувства. Принимаю эту св. книгу (при этом он поцеловал слово Божие), как залог нашего будущего духовного единения, и передам её в библиотеку духовной семинарии, где воспитываются будущие пастыри Церкви православной, чтобы она служила постоянным напоминанием о ваших добрых отношениях к нам и о желании сойтись, сблизиться с нами. О. миссионер, – обратился владыка к епархиальному миссионеру, – возьмите эту Библию и передайте её в библиотеку семинарии». При входе в собрание владыка был встречен пением: «благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних». Пели по старинному старо-молоканскому распеву. По окончании пения владыка сказал речь следующего содержания:

Вы встречаете меня с Библией и пением: *благословен грядый во имя Господне!* – Благодарю вас за это!

Да, вы не ошиблись: я прихожу к вам не в своё имя и не в другое чьё, а *во имя Господне!* И прихожу к вам не с прещениями и угрозами, а в духе мира и любви, – в искреннем желании приблизить вас к себе и себя к вам... Я знаю, что никто не приходит ко Христу, если такового не привлечет Отец наш небесный (Ин.6:44) – знаю и то, что возвращает сеемое всяким сеятелем только *Бог* (1Кор.3:6–9), но зная это, – знаю еще и то, что мы *все-таки должны сеять и поливать*, – *должны проповедовать, учить, – звать...* (Мф.28:19–20; 1Тим.4:11; 2Тим.4:2–5 и мн. др.). Вот в силу этой своей обязанности я и прихожу к вам *и зову вас к единению духа в союзе мира!* (Еф.4:2). В свою очередь *и вы не должны оставаться неподвижными в своём уповании*, помня, что только *нуждницы восхищают Царствие Божие* (Мф.11:12). Посему и вы должны

первое всего молиться Отцу светов, дабы Он просветил ваши сердца к уразумению истины, а затем – и взыскивать эту истину собственными усилиями, собственным трудом!

Един Бог, едина вера, едино крещение (Еф.4:6), – следовательно едина и истина; как же теперь помирить то, что у вас *много вер*?! Вот в одной Астраханке у вас три веры – старо-молоканская, ново-молоканская и баптистская, – и каждая из них считает себя *истинною верою, а все прочие неистинными*; а сколько на св. Руси есть еще и других толков и согласий, общин и сект, не признающих одна другую и претендующих на истину! Скажите, можно ли оставаться спокойным в своей совести при виде такой пестроты и разнообразия в вере?! – Но этого мало: нет единения в вере, нет единения и в любви... Ведь то не секрет, что все вы друг к другу относитесь далеко не дружелюбно, – если даже не враждебно, – и каждый хочет привлечь в свою веру другого... Как это всё помирить с истинною?!

И как это могло произойти?! Ведь все вы дети одного Отца небесного, – все братья нам по плоти, крови и языку: откуда же у вас такое разнoverие?! Очевидно, что кто-нибудь заблуждается, – очевидно, что враг посеял эти плевелы среди пшеницы... Здравый смысл требует исследовать причину этого и, затем, оставив заблуждение, идти к свету истины...

Как же это сделать? – Читайте историю Церкви Христовой на земле – и вы сами увидите, как это дело произошло; вы увидите, что *столп и утверждение истины (1Тим.3:15) остается непоколебим – в Церкви православной, а всё прочее, – ваше, – явилось постепенно, когда ум человеческий, поставив себя выше святых отцов Церкви, задумал всё истолковать по своему усмотрению, проще сказать, – когда, отрешившись св. Предания, стали толковать св. Писание всяк по своему...* Займитесь же каждый проверкой себя и своих убеждений *не по своему разуму, грешному и удобопреклонному ко греху, а по разуму св. Церкви, по толкованию св. отец: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого и др. светил!*

Если св. Церковь из множества писаний о жизни и учении Спасителя выделила, как единственно богодухновенное, наше Четвероевангелие, наши соборные послания и послания Павловы с апокалипсисом, оставив прочие, как *апокрифические*, – и если вы признаете этот канон верным и святым, значит и святую Церковь непогрешительною в сем деле, – то почему же вы отвергаете св. *Предание*, которое та же св. Церковь и с такою же мудростью выделила из ряда других преданий *человеческих* и приняла в руководство для себя?! Почему, признавая толкования св. Писания своих наставников верными и непогрешительными, вы отвергаете толкование св. Писания таких авторитетов как мужи апостольские, отцы и учителя Церкви? – Неужели *простецы ваши* выше в сем случае Богословов и Златоустов и вселенных учителей?! Подумайте сами! – «Из соблюденных в Церкви догматов и проповеданий, – говорит Василий Великий, – некоторые мы имеем от письменного наставления, а некоторые прияли от апостольского предания, по преемству в тайне. Те и другие имеют одну и ту же силу для благочестия, и сему не станет противоречить никто, хотя мало сведущий в установлениях церковных. Ибо ежели отважимся отвергать неписанные обычаи, как будто не великую важность имеющие: то неприметно повредим Евангелие в самом главном, или паче, от проповеди апостольской оставим пустое имя. Например, упомянем всего прежде о первом и самом общем: чтобы уповающие на имя Господа нашего Иисуса Христа знаменались образом креста, кто учил писанием? К востоку обращаться в молитве, какое писание нас научило? Слова призывания в преложении хлеба Евхаристии и Чаши благословения, кто из святых оставил нам письменно? Ибо мы не довольствуемся теми словами, которые Апостол или Евангелие упоминает, но и прежде их, и после произносим и другие, как имеющие великую силу для таинства, приняв оные от неписанного учения. По какому также писанию благословляем и воду крещения, и елей помазания, еще же и самого крещаемого? Не по умолчанному ли и тайному преданию? Что еще? Самому помазанию елеем какое написанное слово научило нас? Откуда и троекратное

погружение человека? и прочее, относящееся к крещению, отрицаться сатаны и ангелов его, из какого взято писания? Не из сего ли необнародываемого и неизрекаемого учения, которое отцы наши сохранили в недоступном любопытству и выведыванию молчании, быв основательно научены молчанием охранять святыню таинств? Ибо какое было бы приличие писанием оглашать учение о том, на что некрещенным и воззреть не позволительно? (Прав. 97, о Св. Духе, гл. 27). *Темже убо, бритье, – учит нас св. апостол, стойте и держите предания, имже научитесь или словом, или посланием нашим (2Сол.2:15).* Слышите, что говорит апостол: имже научитесь *словом или посланием*, – значит, осталось *нечто и незаписанное* апостолом, но *обязательное для христиан...*

Мы вас не стесняем в вере и ваших убеждениях, – и впредь не намерены этого делать. Но, в свою очередь, просим и вас поступать так же и в отношении православных, как хотите, чтобы православные поступали с вами, – в противном случае, все эти речи ваши и уверения в братской любви будут лицемерием, а не искренним исповеданием ваших чувств.

Не оскорбляя вас, – особенно здесь и в сию минуту, а ради только справедливости и истины, укажу вам на некоторые факты, которые как-то резко бьют в глаза и не вяжутся с тем, что вы говорите. Мне известно, напр. – что вы прислугу свою из православных заставляете нарушать посты и есть скоромное круглый год: есть ли это уважение к религиозным убеждениям других, чего требуете вы к себе?! – Мне известно, что вы запрещаете той же прислуге иметь у себя иконы и молиться пред ними, и что при всяком удобном случае – вы подвергаете их веру насмешкам и оскорблениям; можно ли назвать такое отношение веротерпимостью?! Мне известно, что вы православным соседнего поселка (Борисовки) отказывали долго дать кусок земли для кладбища, а всех вообще православных односельчан облагаете большею, сравнительно со своими одноверцами, платою за выпас скота: скажите, хорошо ли это? – Не буду умножать примеров: вы сами их знаете!

Вы слышали, как я сейчас поучал православных относиться к вам; постарайтесь же и сами действовать так, как хотите,

чтобы действовали в отношении вас ваши односельчане, сыны православной Церкви. Надобно не отдаляться друг от друга, а напротив – сближаться, сперва в делах житейских, а потом и в вере. Лучшим, по моему, средством для такого сближения, помимо всего прочего, *должна быть школа*. Посылайте детей ваших в наши школы и не запрещайте им вместе с нашими детьми учиться Закону Божию, и по крайней мере истории ветхого и нового завета, учите их, чтобы они не чуждались своих сверстников, детей православных, – и Господь даст вам прийти к единению с нами во всем другом!

Бог мира, любви, щедрот и всякия утехы да будет со всеми нами присно! – Аминь.

«Позвольте нам, ваше преосвященство, пропеть молитву за Царя», – обратился к владыке М. Ячменев. Получив разрешение владыки, сектанты пропели один стих из 159 псалмы из *Сборника духовных стихотворений для христиан ев.-лютеранского исповедания*:

«Христос, Спаситель, Бог вселенной,
Храни Россию и Царя;
Сам мир блюди земли обширной,
Да в век она не узрит зла,
Ища познания добра
Под властью мудрого Царя» и т. д.

«Очень рад, – сказал преосвященный, – что слышу вас, молящихся о Государе. Молитесь о Нём, молитесь усердно, чтобы Господь помог Ему в Его многотрудном служении родной земле». После этого владыка отбыл из собрания. З. Захаров проводил владыку до кареты и, прощаясь с владыкой, тронутый посещением и его сердечными словами, несколько раз поцеловал его руку. Отдохнув немного в доме священника, владыка в 12 часов дня отбыл в г. Мелитополь.

Посещение с. Астраханки его преосвященством несомненно будет долго памятно для всех, кто имел счастье быть там в это время; оно, несомненно, будет благотворно и для местных православных и не пройдет бесследно и в истории местных сектантских общин.

Для православных посещение владыки и его архипастырские наставления имеют огромное нравственное значение. Затерянные среди подавляющей массы сектантского населения, большею частью люди бедные, находясь в экономической зависимости от сектантов, православные здесь естественно чувствуют себя приниженными и слабыми перед зажиточными и сравнительно богатыми сектантами. Единственное их утешение и отрада – св. вера православная. Но и вера их часто подвергается искушению и соблазнам со стороны сектантов, часто нетерпимых и фанатичных. И вот перед православными – епископ православной Церкви, который, как сам говорит, нарочно приехал к ним, чтобы помолиться вместе с ними и благословить их; значит, их не забыли, и о них владыка помнит и их любит, как и других своих чад духовных. И епископ так просто, с такою любовью беседует не только с ними, поучая их доброй христианской жизни, но и с их детьми, так ласково, так сердечно наставляя их быть добрыми, послушными детьми, молиться усердно Богу, почитать и уважать своих родителей. И дети их, такие не смелые, оживились, ободрились, согреты этой ласковой обходительностью преосвященного. А с каким почетом, с какой предупредительностью встречают его сектанты; а ведь это епископ их, и приехал-то он собственно для них, – православных. И разве бывает и может быть у сектантов что-нибудь подобное, – такое торжество духовное, такая молитва, такие наставления?! Да, всё это не могло не произвести на православных самого отрадного ободряющего впечатления.

Что касается сектантов, то скажем следующее. Представители сектантских общин, бывая у владыки в Симферополе, выражали своё искреннее желание видеть его у себя в Астраханке. Теперь желание их исполнилось. Пользуясь случаем при посещении своей православной паствы, владыка посетил и сектантов. Думается, что это событие – беспримерное в истории нашего русского сектантства. Сам епископ русской православной Церкви идет к сектантам со словами мира, любви и с призывом к братскому единению во св. православной вере. Не исполняются ли здесь слова Христовы, что пастырь добрый

оставляет девяноста девять овец и ищет одну овцу заблудшую!? Не высказывая никаких надежд на те плоды, которые принесет, быть может, это посещение владыкой сектантов в будущем, мы заметим только, что, судя по тем выражениям радости и признательности, которые мы слышали от представителей сектантских общин, их любовь и уважение к нашему владыке искренни и нелицемерны, а там, где «чистота и истина», где любовь и чистосердечие, там и Господь Своєю благодатью и милостью.

И мы твердо верим, что, если не настало еще время, то настанет непременно, когда сектанты «сознательно и свободно» придут к тому непреложному убеждению, что «столп и утверждение истины» твердо и непоколебимо сохранился и сохраняется в св. православной Церкви, которая простирает к ним свои матерние объятия и всегда готова с любовью принять их, и возрадуются тогда о них вместе с нами и ангелы небесные. Пусть только братья наши сектанты не ожесточают сердец своих и, следуя мудрому совету владыки – преосвященного Николая, проверяют свои верования, свои убеждения по истории Церкви Христовой на земле, по творениям св. мужей апостольских, св. отцов и учителей Церкви.

Епархиальный миссионер священник Владимир
Станиславский

Кальнев М. Херсонский епарх. миссион.
Епархиальные въезды миссионеров Херсонской
епархии в 1900 и 1901 году // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 12. С. 865–869

Примерные прения и практическая выработка планов полемических собеседований. Совместительство миссионерской службы с приходскою, как тормоз успеха окружной миссии. Новый шаг вперед в устройстве Херсонской миссии.

В последние два года епархиальные миссионерские съезды в Херсонской епархии несколько изменили прежний свой характер: в то время, как на прежних съездах всё время посвящалось выработке тех или иных мероприятий в борьбе с сектантством, на двух последних занимались, главным образом, вопросами о том, *как миссионерам наилучше вести беседы*, почему почти все заседания съездов посвящались выработке лучших планов и методов ведения бесед с сектантами.

Прошлогодний съезд, происходивший при участии епархиального миссионера Кишиневской епархии иеромонаха Димитрия (Вербицкого) и некоторых сельских священников, кроме одного заседания, посвященного рассмотрению Синодального циркуляра по поводу постановлений всероссийского Казанского съезда, всё время употребил на выработку лучших планов бесед: о священстве, о св. причащении, о крещении детей, о кресте и крестном знамении. На этом же съезде члены его были ознакомлены мною со способом ведения судебной экспертизы по делам сектантов.

Нынешний съезд, происходивший при участии таврического епархиального миссионера о. Вл. Станиславского, кроме одного заседания, посвященного секте пашковцев и толстовству, занялся выработкой планов и методов бесед: о необходимости обрядов христианских (против пашковцев и штундистов), о необходимости благодати Божией для спасения человека (против пашковцев), о признаках истинных и ложных пророков

(против хлыстов), о неповторяемости воплощения Господа нашего Иисуса Христа (против хлыстов) и об отмене ветхозаветной субботы (против штундистов-субботников). Таким образом заседания и нынешнего миссионерского съезда носили чисто практический характер.

Во время первого съезда в его заседаниях велись примерные состязательные беседы. Обыкновенно беседу вел один из миссионеров, а остальные выступали в качестве оппонентов; по окончании беседы делался, под руководством епархиального миссионера, критический разбор как возражений, делаемых от имени сектантов, так и миссионерских ответов на них, и затем уже для общего руководства устанавливался лучший план и метод ведения беседы. Для молодых, начинающих миссионеров это была полезная школа, где они наглядно знакомились с наиболее верными и практичными приемами ведения противосектантских бесед.

Во время прошлого съезда в присутствии всего его состава проведена была в предместье Одессы – слободке Романовке беседа с местными штундистами, явившимися во главе со своим «пресвитером», Кузьмою Гр-ком; беседа посвящена была вопросу о крещении детей. По окончании же нынешнего съезда епархиальным миссионером в зале Одесской семинарии проведена была беседа о необходимости христианских обрядов. На этих беседах члены съезда могли наглядно убедиться как в пригодности выработанных ими планов ведения упомянутых бесед, так и вообще в пользе для миссионеров ведения примерных состязательных бесед.

Одновременно с годичным епархиальным миссионерским съездом состоялся в прошлом году в Одессе и епархиальный благочиннический съезд, обративший некоторое внимание и на нужды нашей миссии, благодаря чему можно надеяться, что в недалеком будущем Херсонская миссия получит иную, более совершенную организацию.

Организация противосектантской миссии в Херсонской епархии, без сомнения, в данное время поставлена гораздо лучше, чем в других зараженных сектантством епархиях всей России. И это потому, что путем тяжелой и упорной борьбы с

местным сектантством в продолжение целых десятков лет вырабатывался в ней тот строй миссии, какой теперь здесь существует. Конечно, он часто видоизменялся, сообразно условиям времени, средств и развития сектантства, почему нельзя сказать, что и теперешняя организация местной миссии²⁶² совершенно закончена и не нуждается в дальнейшем изменении и улучшении.

Непосредственные наблюдения над жизнью сектантства Херсонской епархии убеждает всех интересующихся делом миссии, что борьба с ним в данное время уже далеко не та, какой она раньше была; теперь она должна вестись гораздо энергичнее, интенсивнее, с большею затратой и сил, и средств, чем какие требовались раньше. В самом деле, слыхавший беседы миссионеров с сектантами лет 10 тому назад не может не согласиться, что в техническом отношении они теперь совершенно не те: сектанты успели выработать новые, более усовершенствованные методы, планы, приемы бесед, соответственно чему должны были усовершенствоваться и миссионерские беседы. Теперь миссионер со слабой подготовкой скорее принесет вред, чем пользу Церкви в деле её борьбы с сектантскими лжеучителями. Пропаганда сектантства ведется теперь более настойчиво и совершенно иными, новыми путями, проследить которые не так уж и легко. Само сектантство в Херсонской епархии, в лице, напр., штундизма, вырождается в общество людей с чисто атеистическим направлением религиозной мысли. Наконец, если прежде в епархии велась борьба с одним штундистом, то теперь миссии нужно иметь дело, кроме штундистов, еще с хлыстами, штундо-хлыстами, штундо-пашковцами, скопцами и штундистами-субботниками.

Понятно, что для успешной борьбы со всеми разновидностями сектантства, при многочисленности зараженных ими мест, теперь миссионерам нужно иметь и больше знаний, и больше свободного времени как для их приобретения, так и для бесед, т. е. нужно то именно, чего не достает окружным миссионерам во всех епархиях и чего будет не доставать до тех пор, *пока окружные миссионеры будут*

приходскими священниками, а не будут освобождены от приходов и не будут на определенном миссионерском содержании.

Миссионер-священник в одноштатном приходе должен двоиться между обязанностями приходского пастыря и окружного миссионера: если он обращает внимание на занимаемый им приход, в большинстве случаев зараженный сектантством, округ остается без миссионера; если он деятельно займется миссией, остается забытым приход; является неудовлетворение религиозных нужд прихожан, ропот и жалобы с их стороны на миссионера, и в конце концов он вынужден вести миссию как-нибудь, лишь бы числиться миссионером. В двухштатных приходах у окружного миссионера всегда недоразумения с его сослуживцами, жалующимися на постоянные разъезды миссионера, во время которых за него нужно нести все труды по приходу. Для избежания столкновений и неприятностей миссионер опять должен вести миссию урывками, совершая поездки не тогда, когда нужно, а *когда можно*, и дело миссии снова страдает и страдает неизмеримо много. Как часто, в силу вышеуказанных причин, окружные миссионеры пропускают самые благоприятные моменты благотворного воздействия на заблудших или сомневающихся в вере, и как поэтому часто напрасно гибнут души православных людей, это лучше всего известно самим миссионерам. Это одна нежелательная сторона в устройстве миссии в нашей, да и во всех епархиях.

С другой стороны, сами окружные миссионеры, занимая плохие в материальном отношении приходы, теряя доходы из них вследствие частых и более или менее продолжительных отлучек, будучи обременены семьей, естественно ищут для её блага более лучших приходов, переходя с этою целью даже в чужие епархии, где их, конечно, охотно принимают, как людей опытных в миссионерском деле. За последние, напр., 5 лет в Херсонской епархии оставили службу 7 окружных миссионеров, от них 4 ушли в чужие епархии, приглашенные иноепархиальными архиереями. Всё это, отражаясь вредно на успехах миссии, не может не свидетельствовать о

ненормальном служебном и материальном положении окружных миссионеров. На это обстоятельство обратил внимание и бывший в Казани всероссийский миссионерский съезд, выразивший желание, чтобы окружные миссионеры были освобождены от приходов и служили на определенном жалованье, но, насколько известно, это справедливое желание съезда до сих пор не осуществилось ни в одной из зараженных расколом или сектантством епархий, и это не столько по недостатку средств, сколько потому, что везде свыклись с существующим положением окружных миссионеров и мало думают об его изменении.

Восьмой год моей службы в Херсонской епархии в должности епархиального противосектантского миссионера достаточно убедил меня в том, что вышеуказанное ненормальное положение окружных миссионеров является главным тормозом более успешной борьбы с сектантством, почему еще летом прошлого года я решил доложить об этом преосв. Иустину и просить позволения возбудить вопрос о назначении окружным миссионерам определенного жалования с тем, чтобы вместо 9 приходских было 5 бесприходных миссионеров. Наш архипастырь, всегда внимательный к нуждам нашей миссии и так много делавший для наилучшей постановки её в Херсонской епархии, одобрил мой проект и приказал внести этот вопрос на обсуждение минувшего епархиального благочиннического съезда.

Совет Свято-Андреевского Братства, разделяя мнение о необходимости иметь бесприходных окружных миссионеров, постановил ассигновать содержание для двух миссионеров, назначив каждому из них, согласно моему проекту, 1200 р. жалованья, 200 р. квартирных и 300 р. разъездных, всего по 1700 р. в год. Так же сочувственна отнесся к миссии и епархиальный благочиннический съезд, высказавшийся в пользу учреждения должности бесприходных миссионеров. К большому сожалению, вследствие огромных расходов по ремонту духовных училищ и постройке нового епархиального девичьего училища благочиннический съезд мог ассигновать на дело миссии самую незначительную сумму – 1400 руб., почему

Совет Андреевского Братства в особом заседании решил оставить пока прежнее устройство миссии.

В состоявшемся 25–28 минувшего сентября съезде миссионеров совместно с Советом Андреевского Братства снова обсуждался настоящий вопрос, причем сделано следующее постановление.

Признавая деятельность окружных миссионеров весьма полезной и плодотворной, съезд не может в то же время не выразить сожаления, что окружные миссионеры, как приходские священники, часто занимающие одноштатные приходы, вследствие многосложных пастырских и приходских обязанностей не имеют возможности вести дело миссии так, как они могли бы его вести, будучи свободны от приходов. В виду усиливающейся пропаганды сектантства в епархии и появления новых его видов (пашковщина, штундо-хлыстовство) съезд находит необходимым и своевременным снова возбудить поднятый в прошлом году вопрос о необходимости учреждения должности пяти бесприходных миссионеров, которые получали бы по 1200 р. жалованья, 300 разъездных да 200 квартирных, всего – 1700 руб. Вследствие же отсутствия необходимых средств для их содержания съезд находит возможным открыть пока должности двух бесприходных миссионеров с оставлением четырех миссионеров из приходских священников, имея в виду просить в своё время епархиальный благочиннический съезд прийти на помощь в содержании остальных бесприходных миссионеров. О районе деятельности бесприходных окружных миссионеров и местах их жительств Совет Братства будет иметь особое суждение.

Это постановление съезда утверждено преосв. Иустином, и таким образом с нового 1902 года в Херсонской епархии положено будет начало новой организации противосектантской миссии.

Нет сомнения, что всякий, интересующийся делом миссии, прочтет наше сообщение о назначении самостоятельных окружных миссионеров с определенным обеспечением с искренним сочувствием, потому что это, действительно, – большой шаг вперед в организации внутренней миссии; я же со

своей стороны не могу не выразить самого пламенного желания, чтобы добрый пример Херсонской епархии нашел себе подражание в других зараженных сектантством епархиях.

Херсонский епарх. миссион. *М. Кальнев*

Белогорский Н. Кто такое Моисей Тодосиенко, вдохновитель, павловских сектантов на буйство и разгром церкви? // Миссионерское обозрение 1901 г. № 12. С. 870–874

Как уже теперь известно, вдохновителем и подстрекателем Павловских штундистов к тем неслыханным на Руси кощунственным действиям, которые происходили 16 сентября, был Моисей Тодосиенко. В виду несомненного интереса, который возбуждает это дело, мы считаем нелишним сообщить некоторые сведения о личности указанного выше сектанта. Моисей Тодосиенко – крестьянин с. Яхнов, Васильковского уезда, Киевской губ. В 80-тых годах прошлого столетия в с. Яхны из Херсонской губ. был занесен штундизм и на первых же порах нашел многих последователей. Целые толпы крестьян, увлеченные новизной учения и легкостью обещаемого этою сектою спасения, спешили на «текучие воды» принять крещение. В числе первых и ревностных последователей был Тодосиенко. В 90-х годах к Яхнянским штундистам пришел в качестве проповедника из с. Антоновки Петрашевский с некоторыми другими и начал учить, что в г. Тараще появился якобы великий пророк, который творит многие знамения и чудеса и проповедует о приближающейся кончине мира. Некоторые из любознательных, принявши новое учение, все-таки порешили отправиться в Таращу и лично увидеться с новоявленным пророком и послушать его проповеди. В числе посланных был и Тодосиенко. Личное свидание с Кодратом Малеванным и беседа с ним произвели на этих посетителей глубокое впечатление. Возвратившись в с. Яхны, они прямо заявили пред штундистами, что Кодрат Малеванный не только великий пророк, но и Спаситель мира, явившийся во плоти, и что на нём видимо почивает особая благодать.

Моисей Тодосиенко

Вместе с тем они начали распространять молву, что мае месяце наступит страшный суд, после которого Кодрат Малеванный объявит себя царем и владыкою мира и откроет своё царство. Под влиянием этого учения, штундисты начали продавать свои дома, землю и проч. имущество, а на вырученные деньги устраивали братские вечера. Наконец, наступил давно ожидаемый май месяц. Моисей Тодосиенко приказал «выйти за стан», и сектанты, одевши чистые рубахи, в белых свитках, а женщины в белых платках, с пением псалмов, отправились на небольшую горку, лежащую недалеко от с. Яхнов и известную и до настоящего времени под именем «Ядвига». Дорогу к этой горе сектанты устлали белым полотном, кожухами и свитками, дабы приготовить путь своему лжеспасителю (Кодрату Малеванному) и тем исполнить букву писания. Там у Моисея Тодосиенко внезапно открылся мнимый дар языков, состоящий в произнесении бессмысленного набора

слов, в роде: «ал-териф, эль-териф, фера-ма-лем, гото-та-лем» и т. п. До позднего вечера сектанты уповательно смотрели на небо, с нетерпением ожидая открытия нового царства, но тут явился волостной старшина с сотскими и разогнал безумную толпу по домам. С этого времени Тодосиенко оставил совершенно заниматься крестьянскими работами, бросил хозяйство, жену и детей и всё время странствовал по окрестным селам, зараженным сектантством, всюду выдавая себя за Моисея пророка. Дабы сильнее поразить сектантов и убедить их в своём пророческом звании, Тодосиенко ходил босым по снегу, разукрасил себя крестами и лентами и продолжал говорить «иными языками». Когда в 80-х годах Кодрат Малеванный, как признанный психически больным, был помещен в Киевское Кирилловское богоугодное заведение, среди сектантов, его последователей, возникло стремление к его освобождению. Тодосиенко, в качестве его пророка, вызвался ехать в Петербург, дабы убедить Государя в божественном достоинстве Кодрата Малеванного и добиться его освобождения. С этой целью он начал собирать денежные пожертвования среди сектантов и на собранные деньги – около 1000 руб. – действительно ездил в Петербург. Его миссия там не удалась: принятый за душевнобольного, он был арестован и препровожден обратно в с. Яхны. Рассказы его сектантам о поездке в Петербург отличались крайнею нелепостью и фантастичностью: так, он говорил, что видел Государя, беседовал с ним, и что Государь одной веры с ними – «брат по вере». Он рад бы освободить Кодрата, да министры не позволяют. На вопрос любопытных, каков Государь по виду, Тодосиенко говорил, что Государь находится под стеклом, в заплатанной свитке, и что Тодосиенко дал ему из своих собственных денег на бедность 3 руб. Не смотря на полную нелепость, эти рассказы нашли среди обезумевших сектантов полное доверие. Тодосиенко был помещен для медицинского исследования его душевных способностей в Кирилловскую больницу, где он, как оказалось впоследствии, притворно принял православие, был отпущен домой и держал себя первое время осторожно. С ослаблением в Киевской губернии надзора

за агитаторскими действиями главарей штунды и безумием малеванцев, Тодосиенко стал снова одним из деятельных руководителей малеванцев. В это время появились среди сектантов многочисленные письма от Малеванного из Казани и от главного сотрудника Чекмарева, в которых предсказывалось скорое окончание страданий их мнимого Спасителя и водворения на жизнь нового царства, в котором не будет ни министров, ни губернаторов, ни исправников, ни становых, земли будут отобраны от помещиков и разделены между последователями Малеванного. Эта мысль Кодрата особенно пришлась по душе Тодосиенко, не имевшему в то время ни кола, ни двора и привыкшему жить на чужой счет. Он стал выдавать себя уполномоченным не только Кодратом Малеванным, но и самым Государем к тому, чтобы разделить помещичьи земли между сектантами. С этой целью Т-ко начал ходить по окрестным помещичьим экономиям и описывать количество земли, скота и прочего имущества, как бы подготавливая всё к будущему разделу. Вместе с этим он оставил свою обычную крестьянскую одежду и начал носить нечто в роде мундира, штаны с красными лампасами и фуражку с кокардой и красным околышком. Вскоре после этого Тодосиенко привел к сектантам какого-то проходимца; выдавая его за царя и постоянно называя его то «барином», «то его благородием», он ходил с ним по свекловичным плантациям и говорил народу, что царь пожелал увидеть, как живут его «братья по вере». Вместе с тем по ночам Тодосиенко устраивал собрания сектантов, на которых возбуждал их к переселению из «Земли Египетской (т. е. России) в землю Ханаанскую», где они будут пользоваться свободой вероучения. Многие из сектантов поверили его словам и под его предводительством отправились в с. Снегуровку близ ст. Фастов, где прожили около двух недель, ожидая имеющих прибыть за ними «вагонов», как обещал им Тодосиенко. Наскучив ожиданием обещанных вагонов, часть обманутых Тодосиенком сектантов отправилась по домам, а часть отправилась за границу в Австрию, откуда и до сих пор не возвратилась. Неудача с переселением в «Ханаанскую землю» сектантов не ослабила энергии Тодосиенко. С обычной

находчивостью и беззастенчивостью, Тодосиенко эту неудачу приписал козням духовенства и миссионеров. В виду этого он начал проповедовать, что прежде нужно уничтожить попов, – и от слов скоро перешел к делу. 18 декабря прошлого 1900 года, во главе сектантов, числом около 40 чел., Тодосиенко в казацком костюме, в фуражке с кокардой и красным околышком *ворвался в приходскую церковь в с. Яхнах*. В храме совершалась в это время проскомидия. Молящихся в храме было мало, так как крестьяне начали только собираться к богослужению. *Ворвавшись в храм, возбужденные, с горящими глазами, сектанты с криком и шумом, расталкивая присутствующих, двинулись к алтарю*, но тут внезапно остановились пред царскими вратами в нерешительности. Священник, заметив их присутствие, обратился к ним со словом убеждения – не оскорблять святости храма и удалиться из него, так как они, отступивши от православия, не были воссоединены. *Но убеждение священника не произвело никакого действия, и стоящий во главе беспорядочной и фанатичной толпы сектантов Тодосиенко дерзко заявил, что «земля царская и храм их»*. Трудно сказать, чтобы могло последовать за этим, но в это время среди православных крестьян уже разнеслась весть ю том, что штунда ворвалась во храм. Предчувствуя недоброе, они прибежали в Церковь в большом количестве и вытолкали безумцев из храма, чем лишили сектантов возможности учинить предположенное ими поругание, и некоторых крепко избили, так что иные проболели месяца по два; сам Тодосиенко отделался лишь синяками под глазами. Из показания сектанта Григория Ротача, целью Тодосиенко в данном случае было: *обрезать священнику волосы и бороду, сорвать с него священные одежды, побить иконы, поломать кресты и произвести всевозможные надругательства над православными святынями, находящимся в алтаре*. Так закончилась первая, хотя и неудавшаяся попытка Тодосиенко подвергнуть оскорблению православную святыню, которая с успехом осуществлена была впоследствии в с. Павловках Сумского уезда Харьковской губ. Можно думать, что Тодосиенко, помня о своём прошлогоднем

синяке, постарался накануне погрома убраться из Павловок, обещая вместо себя, прислать на помощь «4 вагона братьев из Киева».

Н. Белогорский

А. В-ов. Московский раскол // Миссионерское обозрение 1901 г. № 12. С. 874–876

Приезд Швецова в Москву. – Раскольничья консистория на Рогожском кладбище и её деяния. – Перемещения попов. – Новые кандидаты в раскольничьи архиереи. – Успехи подпольных братств. – Депутация в Тулу. – Житие бытие в Туле Картушина.

20 сентября в Москве появился известный читателям «Мисс. Обозр.» Швецов, он же «глаголемый Арсений, архиепископ нижегородский, временно и московский» прибыл он тоже с известным своим учеником Федором Мельниковым. В тот же день г. Швецов направился на Рогожское кладбище, где его «архиерейской санкции» ожидала немало дел.

Оставив Москву, «раскольничий владыка» Иоанн Картушин, для управления своей не признаваемой законом и канонами раскольничьей архиепископии, образовал особый пресвитерианско-диаконский комитет – *sui generis* раскольничью консисторию, под председательством попа с Рогожского кладбища Елисея Милёхина, в составе: попов Варфоломея Щеголина, Алексея Новикова, Прокопия Сорокина, по прозвищу Крокодила, своего бывшего секретаря диакона Алексея Богатенкова и дьякона Ивана, по прозвищу «Кошка». Со времени отъезда Картушина в Тулу, все текущие церковные дела московских раскольников и вершатся на заседаниях этого комитета, собирающегося время от времени на Рогожском кладбище в квартире попа Елисея, куда, в случае особенно важных дел, для их скрепления наезжает иногда и лжеархиепископ Арсений Швецов.

Одним из наиболее важных и боевых дел описываемого заседания было перемещение попов. Утвердив постановление комитета о перемещениях попов, Арсений Швецов обратился к собранию с речью, в которой бросил камешек и в огород Картушина за то, что последний, занимая кафедру древлеблагочестивого «архиепископа московского и всея России» за всё время своего здесь пребывания постоянно

тормозил постановления и представления новых лжеепископов. Упрекая в подобных деяниях Картушина, Швецов указывал на необходимость постановления новых епископов раскольничьих, тем более, что и кандидаты были намечены еще два года тому назад, о чём своевременно сообщалось в «Мисс. Обзор».

Подобная речь Швецова была вызвана еще и тем обстоятельством, что, по примеру своего непосредственного начальника Картушина, назначенный им, под председательством попа Елисея Милехина, комитет тоже затормозил определение на место лжеархиерея Паисия (который в настоящее время сильно болен, да к тому же водворен на место жительства из Черемшанского скита в г. Сызрань) некоего священноинока раскольничьего Елеазария. Конечно, юридически комитет лжепопов не мог тормозить дело Елеазария, тем более, что об определении его в архиереи постановил последний собор раскольников в Нижнем Новгороде, но фактически замедление произошло вследствие того, что московский комитет в разрез постановлению соборному, поставил своих кандидатов в архиереи на место Паисия, а именно: диакона Алексея Богатенкова, попа Варфоломея Щеголина и пермского попа Василия Васюткова. Особенно желательно комитету было видеть лжеархиереем последнего, как открыто заявившего себя противником Швецова, которого недолюбливает раскольничье духовенство. В неделю Православия Васютков с амвона моленной не побоялся выступить с обличением в ереси апологета Арсения, приравнивая его к еретикам – гонителям св. икон... За такой подвиг Милехин и К^о и порешили Васюткова в архиереи провести.

Всё это, конечно, не могло не дойти до Онисима Васильевича, и он на заседании в Рогожской, говоря о необходимости поставить новых старообрядческих епископов, присовокупил, что, пока он жив, Богатенкову и Васюткову архиереями не быть. «Найдем более достойных», сказал он и предложил председателю собрания перейти к обсуждению других дел.

Первым из этих дел был поднимаемый уже не в первый раз вопрос об учреждении повсеместно в России противоправославных братств. Всего только год прошел, как существует у старообрядцев эта затея, а они успели уже образовать до 13 таких братств, деятельность которых состояла главным образом в распространении подпольных раскольничьих изданий, направленных к оправданию раскола и к похулению Церкви православной. Насколько вредна подобная деятельность этих противозаконных братств, можно судить по тому, что если верить тому, что докладывалось на описываемом нами собрании на Рогожском кладбище, так число подпольных изданий раскольничьих братств за один год выразилось в количестве 183,000 экземпляров разного рода зловердных брошюр и в том числе «Третий миссионерский съезд в Казани» и «Церковные вопросы в России». Последнюю книжку раскольники продавали по 6 рублей за экземпляр, а Картушин на свой счет её издал для бесплатного распространения. Собрание порешило отправить в Тулу к инициатору раскольничьих братств Картушину депутацию для доклада ему о «равноапостольских» (!) деяниях этих братств. В состав этой депутации вошли старшина Рогожского кладбища И. А. Пуговкин, И. И. Новиков, попечитель покровского молитвенного дома Петр Осипович Трегубов, секретарь братства св. креста М. И. Бриллиантов и казначей этого братства Василий Михайлов.

Удивительное дело, как двуличны московские раскольники! В то время, как попечитель Рогожского кладбища Н. С. Расторгуев со своей компанией проживает уже около месяца в Петербурге, хлопочет о всевозможных льготах для старообрядцев, изображая своё общество во всех отношениях якобы безвредными, – в то же самое время старшина Рогожского кладбища со своей компанией орудует в Туле, изобретая вместе с Картушиным всякого рода зловердные средства к пропаганде своей воинствующей секты против православия.

Вслед за депутацией посетил в Туле Картушина и Арсений Швецов. Вообще Иустин Картушин не может не жаловаться, что его забыли не только москвичи, но и москвички –

ревнительницы древляго благочестия. По возвращении посетители все в один голос свидетельствуют, что «владыка» и в Туле хорошо устроился. Да отчего бы и не устроиться? На содержание ему паства его положила 4,000 руб. в год. Доброжелатели и доброжелательницы Картушина всех уверяют, что Картушин оставил Москву добровольно, ибо не сошелся с московским обществом, много-де больно здесь брадобрейцев, табачников, многоженов, а это всё претило-де раскольничьему владыке Иустину и вынудило, наконец, и совсем покинуть матушку Москву Белокаменную.

Алексей В-ов

Библиография

Лисицын М. Свящ. [Рец. на] Поучения Иринея, епископа екатеринбургского. Издание Братства св. Симеона Верхотурского. 1901 г. стр. 364 // Миссионерское обозрение 1901 г. № 12. С. 877–879

В настоящее время пишется и издается множество проповедей и проповеднических сборников, даже целых проповеднических журналов, но, к сожалению, приходится отметить тот факт, что если вздумаем найти на то или другое воскресенье хорошую проповедь, из которой хотелось бы почерпнуть что-либо для руководства, а тем более найти что-нибудь написанное на определенную проповедническую тему, то несмотря на всю громадность гомилетической литературы современной, это сделать очень трудно. Поэтому с тем большим удовольствием можно отметить настоящий сборник, составленный из поучений преосвященного Иринея, епископа Екатеринбургского. Имя преосвященного автора пользуется почтенною известностью, не только как одного из просвещеннейших иерархов, но и как известного в нашей богословской литературе писателя, как первого составителя наилучших и незаменимых и до настоящего времени экзегетических руководств по св. Писанию, как чуткого к религиозным болезненным веяниям апологета. Кто незнаком с его популярными трудами «За веру и против неверия», «Земная жизнь Господа Иисуса Христа» и др.

Сборник поучений епископа Иринея тем более интересен, что он отвечает на самые животрепещущие вопросы последнего времени, как-то: «о воспитании детей и юношества», «в защиту учения православной Церкви от неверующих и колеблющихся». Последний отдел, заключающий в себе семнадцать поучений (стр. 79–214), имеет большую важность и глубокий интерес для всех занимающихся миссионерскою деятельностью. Глубоко содержательны поучения (6) на дни страстной седмицы, посвященные захватывающим темам, напр., «Иудино предательство», «Отречение Петрово», «Пилатовское умовение рук», или «Власть тьмы». Далее идут 12 поучений на разные

евангельские чтения воскресные и праздничные. Отметим из них написанные на наиболее современные темы: «О труде и воскресном отдыхе», «В предохранение от ложных и опасных современных мудрствований» и др.

Чтобы дать хотя бы некоторое понятие о характере и содержании замечательных проповедей епископа Иринея, приведем несколько выдержек из них. Вот как, напр., говорит преосвященный автор в поучении, близком к современным движениям юношества, на рассуждение некоторых: «не следует выделяться от других, а лучше поступать как все». «Рассудите сами, говорит он, что такое в самом деле человек, который боится выделиться от других, не смеет выказать на деле свои убеждения? Действительно ли он свободен? Нет! Он хотел бы следовать своим убеждениям, голосу своей совести, но не смеет. Одно уже присутствие лиц, несходных с ним во взглядах, парализует его. Он очень смел, когда он один, или среди тех, кто, как ему известно, разделяет его чувства, тогда он ни на что не обращает внимания и поступает так, как внушает ему совесть. Но взгляните на него в обществе, в собрании, в толпе и вы не узнаете его. Это уже совсем не тот человек: он живет, думает и поступает, как другие, он отрекается от своей личности, его совесть в оковах. Это раб и несчастнейший из рабов. В самом деле, есть ли худшее рабство, как не сметь выразить, что чувствуешь, ни поступить, как желаешь? И в какие только сделки с совестью ему не приходится вступать? А до каких низостей может он дойти! Дойдет, быть может, до того, что из боязни выделиться от других он станет выражать сочувствие речам нечестивцев и улыбаться богохульным и кощунственным над религией шуткам какого-нибудь безбожника, в обществе которого ему придется быть. Вот чем неизбежно оканчивается следование правилу: «не следует выделяться от других, а лучше поступать, как все»» (стр. 83).

Или вот что говорит преосвященный в поучении, опровергающем лживое учение, что «религия – частное, личное дело каждого». «Страшную опасность заключает в себе мысль религия – личное, частное дело особенно потому, что она снимает всякую узду с порока, открывает настежь двери греху и

порогу и роет могилу добродетели. Кто утверждает, что всякий волен по-своему относиться к религии, тот этим самым разрушит религию. Если признать безразличным, исповедует человек религию или нет, то, значит, религия есть что-то неважное, излишнее и бесполезное. Более того! Кто говорит, что каждый может по желанию иметь религию, или нет, тот прямо отрицает бытие Божие. Если есть Бог, то должна быть и религия. Кто отрицает религию, тот отрицает и Бога, а вместе с этим отрицает и нравственные основы жизни человеческой» (стр. 108). «Услышите вы, – говорит автор в проповеди на тему «зачем нужно поститься», – как иногда не худые в сущности христиане позволяют себе говорить: «что в том, если я съем в постный день кусок мяса... И при скромной пище я несомненно пощусь лучше иного, кто ест изысканные постные блюда». На это отвечайте: верно, такой действительно не строго постится, но он – послушное дитя Матери-Церкви и есть то, что мать позволяет ему. Другой же, съедая свой кусок мяса, может быть, и в самом деле постится гораздо строже, но он дерзкий ослушник, он принимает одну каплю яда, но достаточную для того, чтобы умереть»... (стр. 218). В проповеди о несении креста Господня Симоном Киринейским, вначале сопротивлявшемся этому несению, автор говорит: «Благочестивые слушатели! Кто из вас был подобен Симону Киринейскому в оказанном им сначала бессердечии, жестокости, несострадательности к Иисусу Христу, постарайтесь походить на него и в быстрой перемене на лучшее! Препобедите себя хоть раз только, станьте ближе к страдающему ближнему и в вас произойдет перемена, как у Симона» (стр. 242).

От души желаем самого широкого распространения настоящему сборнику поучений еп. Иринейя, представляющему прямо вклад в сокровищницу проповедническую, тем более, что прибыль от продажи книги назначается на доброе миссионерское дело – поддержание церковно-приходских школ екатеринбургской епархии в местах, зараженных расколом.

Свящ. М. Лисицын

P. S. Но в то же время мы пожелаем, чтобы поскорее, пока этот маститый просвещенный архипастырь здравствует, –

вышли в свет и все другие его проповеди. Работая чуть не около полувека в богословской литературе и в частности в духовной журналистике, быв долгое время образцовым редактором «Воскресного Чтения» и «Руководства для сел. пастырей», – Еп. Иринея часто украшал страницы этих изданий всегда глубоко-содержательными учительными и своими проповедями, которых наберется не один том, если их соединить в одно издание. Отличительной чертой проповедничества еп. Иринея не столько вдохновенное ораторство, сколько глубокая учительность, пленяющая не сердце только, но и ум в послушание веры и истины христовой.

Ред.

Я. Ж. [Рец. на] Свящ. Илларион Джаши. «Общество Славянское, Елисаветпольской губ. и уезда. Из сборн. матер. для описания местностей и племен Кавказа». In 8° 41 стр. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 12 С. 880–881

Означенная статья представляет собою краткий историко-этнографически-религиозный очерк духоборческого села Славянки и соседних с ним духоборческих же селений – Ново-Горелого, Ново-Троицкого и Ново-Спасского Елисаветпольской губ. и уезда. Переселены были сюда духоборы с Молочных вод Мелит. уез. Таврической губ. в конце первой половины прошлого столетия «по религиозным причинам». Тесно соединившись в одно общество, они сохранили все свои типичные особенности как во внутренней, так и во внешней жизни, благодаря чему, по словам автора, и «заставили все окрестное население уважать себя и высоко подняли знамя русской культуры» (стр. 31).

В 1883 г. Общество их разделилось на «писанных» или «веригинцев» и «неписанных». Первые кроме того к началу 1895 г. распались еще на две неравные части: одна (меньшая часть) осталась при прежних верованиях, другая (большая) провозгласила себя партией «постников». Каждая партия имеет своё несколько отличное от других партий учение (гл. XIV), но живут между собою духоборы разных партий довольно мирно.

Делится очерк на 15 гл., в которых описываются почти все стороны жизни духоборцев. В краткой, сжатой форме сообщается мною полезного и интересного относительно внутреннего быта и материального положения духоборческой секты, живо и наглядно описываются их несложные обряды, что свидетельствует о близком знакомстве с ними автора. С особо подробностью автор останавливается на описании природы флоры и фауны той местности, в которой обитают сектанты, так что перечислил даже всевозможных козявок, мушек, таракашек, не забыв цен на яйца, муку, хрен и т. д. (стр. 12–14).

Наоборот, раскрытие внутренней стороны религиозного духа и жизни духоборцев, отношения к Церкви православной и

окружающему населению оставляют желать большей полноты. Так, говоря о народном образовании, автор только бегло замечает, что «образование прививается весьма туго, не смотря на все старания дирекции» (стр. 9, гл. IX).

Что за причина этого печального явления, – автор не объясняет, а между тем важно, – почему существует у духоборов непреодолимое предубеждение против грамоты и «книжности». Еще первые вожди секты, потопив Библию в реке, как «хлопотницу», запретили обучение книжное.

В главе «Краткая история духоборов» приводится довольно интересная подробность о Василии Колмыкове, что он был сыном организатора секты Савелия Капустина. Но автор умалчивает, откуда раздобыта им эта подробность (стр. 28).

В общем как первый опыт этнографического описания наших сект, столь мало известных читающему светскому обществу, труд о. Джаши нельзя не приветствовать. Желательно, чтобы побольше появлялось в нашей литературе трудов на такую тему: иначе раскол и секты все будут представляться нашему обществу в дымке обманчивого, а не действительного цвета. Читается брошюра о. Джаши легко и с интересом, слог чистый, сжатый, издание тщательное.

Я. Ж. [Рец. на] Свящ. Е. Зубарев. О «символическом значении креста и крестного знамения (к полемике со старообрядцами, раскольниками)» in 8° 20 стр. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 12 С. 881

Имя свящ. Е. Зубарева, неоднократно появлявшееся на страницах нашего журнала, известно читателям как миссионера практика, опытного не только в устной, но и литературной полемике с расколом.

Таким же характером «миссионерской практичности» отличается и разбираемая нами брошюра.

Почти ни одной беседы не проходит, чтобы раскольники не заговорили о перстосложении. Это их – конек. Пользуясь неясностью, неопределенностью и запутанностью этого вопроса, нередко ловкие – начетчики своими софистическими уловками ставят в затруднительное положение даже и опытных миссионеров. Существующая по этому вопросу литература не всегда решает, а иногда запутывает его.

Трудно разобраться в различных мнениях, особенно молодому, начинающему миссионеру. Да не каждый имеет возможность познакомиться с ними.

Обширная начитанность и долголетняя практика о. Е. Зубарева, обнаруженные в означенной статье, оказывают миссии несомненную услугу в данном вопросе.

В брошюре свои мысли автор подтверждает массой весьма метких доказательств из свящ. Пис., из творений св. отцов и церковных песнопений. Кроме того, он касается всех существующих в полемической литературе взглядов на перстосложение, устанавливает на них правильную точку зрения и дает, таким образом, орудие с успехом избивать хитро-сплетенные сети начетчиков.

Я. Ж.

**Поступили в Редакцию для отзывов новые издания
// Миссионерское обозрение 1901 г. № 12 С. 882**

1. Общедоступное объяснение первых семи посланий святого апостола Павла. Составил Еп. Никанор. Спб. 1901 г.
2. Несколько материалов для истории алтайской миссии и участия в её делах Н. И. Ильминского. П. В. Знаменский. Казань. 1901 г.
3. В области Церковного устава. Мысли о необходимости и способах возвышения благочиния при богослужении. Ч. I и II-я. А. Кычигин. Спб. 1901 г.
4. Жизнь и царствование Императора Александра III (1881–1894 гг.). Свящ. К. Корольков. Цена 1 руб., с пересылкой 1 р. 25 коп. Киев. 1901 г.
5. Старокатолическое и христиано-католическое богослужение и его отношение к римско-католическому богослужению и вероучению. А. Булгакова. Цена 2 р. 20 к. Киев. 1901 г.
6. Педагогические курсы для учителей церковных школ Харьковской и Сухумской епархии в г. Харькове в 1901 г. В. Ф. Давыденко. Харьков. 1901 г.
7. Чудотворный образ Козельщанской Божией Матери. Свящ. Сарапион Брояковский. Цена 15 коп. Киев. 1901 г.
8. Нищие духом (объяснение первой заповеди блаженства). Мирянин. Цена 10 коп. Спб. 1901 г.
9. О св. Троице. Три беседы с жидовствующими или субботниками. Свящ. Илия Бутович. Цена 25. к. Александровское, Ставропольской губ.
10. Страшиться отступлений от веры, как начала всех зол. (Против учения гр. Л. Н. Толстого). Влад. Макушев. Цена 10 к. Изд. 2-е. Спб. 1901 г.

К празднику Рождества Христова // Миссионерское обозрение 1901 г. № 12 С. 882

Одобреное разн. министерствами, ведомствами, учреждениями и в многочислен. отзывах печати издание И. В. Преображенского. «Праздник Рождества Христова». (Изд. 5-е с рисунками).

Р. Пал. «Лучшего рождественского подарка для детей мы не знаем» (№ 46-й 1898 г.).

Т. Е. В. «Лучшего подарка к празднику Рождества Христова детям в русск. семье и начальн. школе нельзя найти, как эта книга».

«Н. Образ.» и «М. Обозр.» Статьи и сборники «подобраны весьма хорошо и целесообразно. Они исполнены глубокого, трогательного за сердце содержания. Книга снабжена прекрасной обложкой, издана изящно, на хорошей бумаге, четко напечатана и снабжена хорошими рисунками» (м. ноябрь 1898 г.).

Цени книги в изящн. и прочн. переплете 50 к. (на веленовой бумаге – 65 к.). Для низш. школ при выписке от издателя: СПб. Звенигородская 12 – цена 35 к. без перес.

**Миссионерский Вестник // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 12. С. 883–892**

Письмо в редакцию.²⁶³ О миссионерских Казанских курсах

Г. Редактор!

В июньском № «Миссионерского Обозрения» напечатана заметка о Казанских миссионерских курсах; как близко стоящий к этим курсам и имеющий возможность близко их наблюдать и вникнуть в их жизнь, я приветствую названную статью вашего журнала, как попытку неоконченное в уставе курсов исправить. Собственно говоря, подлежащего исправлению в этом уставе очень много, – и лишь счастливые случайности могут значительно сгладить эти недосмотры в нём, – я же позволю себе остановиться только на одном из вопросов, затронутых вашим журналом, – именно о возможности открытия при Казанских курсах расколо-сектантского отделения. «Миссионерское Обозрение» предлагает или 1) организовать группу расколо-сектоведения, или 2) обличение того и другого сделать общеобязательным предметом для нынешнего состава слушателей курсов; разбором этих двух проектов, действительно вызываемых жизненною необходимостью, – заняться стоит, и это занятие – весьма современное.

Приходится прежде всего не согласиться с рецензентом вашего журнала о возможности и полезности введения курса раскола и сектоведения в число общеобязательных предметов на курсах. Сделать обязательным эти предметы для монгольского отделения, с которого слушатели идут к сибирским инородцам до Камчатки включительно, – значит только обременить их головы, и без того при двухгодичном курсе обучения обреченные на усиленную работу. Можно, пожалуй, согласиться, что татарская группа курсистов, занимающая места среди населения смешанного, не без пользы может слушать курс расколо-сектоведения, но против возможности осуществления этого проекта решительно говорит действующий устав курсов с двухгодичным обучением и с таким расписанием уроков, которое не дает ни одного часа для этого курса (так как преподаватели общие и на курсах, и в академии находятся в

постоянной зависимости от академического расписания уроков). Таким образом можно признать введение общеобязательного курса раскола и сектоведения и трудно осуществимым, и сомнительным по своей целесообразности.

Второе предложение «Миссионерского Обозрения» заключается в том, чтобы при курсах образовать особую – третью группу расколо-сектоведения. Против этого можно услышать, кажется, единственное возражение, что в таком случае курсы утратят первоначальное назначение готовить проповедников имени Христова среди иноверных. Но с одной стороны курсы своего прежнего значения и не потеряют от появления новой группы слушателей, а с другой стороны традиции курсов пока так бедны нравственным содержанием и пока так маловременны, что ими пожертвовать не будет ни для кого трудно. За отклонением этого возражения против открытия третьего отделения, изучающего раскол и противосектантскую полемику, принципиальных возражений быть не может, как нельзя возражать против появления вообще какого бы то ни было учебного заведения, раз найдутся желающие в нём учиться. – К этому, впрочем, необходимо сделать еще существенное дополнение; открытие курса сектоведения должно повлечь за собою усиление преподавания свящ. Писания с самых разнообразных сторон и по преимуществу в нравственно-гомилетическом направлении, так мало известном в наших духовно-учебных заведениях и в то же время так полезном для священника. Кроме того, при изучении противосектантской полемики и обличения рационалистических сект слушатели курсов будут в состоянии получать довольно обширные сведения по нравственной психологии, научатся освещать жизнь с христианской точки зрения, необходимо должны будут усвоить нравственный смысл и значение всякого христианского догмата и обряда и превосходство их пред иноверными. Эти познания будут в самой обильной степени восполнять преподаваемую ныне на курсах при двухнедельных уроках богословскую энциклопедию, т. е. катехизис митрополита Филарета и учебник нравственного богословия Покровского, – и это будет весьма важно и для слушателей двух других

отделений курсов, давая им возможность восполнить чрез соприкосновение с товарищами их богословские познания. – Еще одна сторона рассматриваемого проекта может оказать самое благотворное влияние на Казанские миссионерские курсы; на противосектантском отделении преподавателями необходимо пригласить хотя бы двух человек, практически знакомых с сектантством и, значит, одушевленных проповедников с церковной кафедры, людей, имеющих каноническое право носить стихарь и умеющих его носить. Это восполнит огромный пробел в настоящей жизни курсов и сделает миссионерские курсы не лишенными проповеди, которую сейчас приходится поддерживать с большим трудом (и не всегда удовлетворительно), – так скапать, административным порядком. – Всё это, вместе взятое, заставляет признать, что открытие противосектантского отделения при Казанских курсах может быть и для них самих только полезно. Что касается курса расколоведения, то и этот курс может оказать услугу двум другим группам курсистов, дав им возможность познакомиться с расколом, хотя бы библиографически.

Итак, на предложенный «Миссионерским Обозрением» запрос, могут ли быть какие-либо серьезные препятствия к тому, чтобы Казанские курсы приютили противосектантское отделение в своих стенах, мы категорически отвечаем: принципиально препятствий к открытию этого отделения курсов нет и быть не может...

Однако для практического разрешения поставленного вопроса препятствия имеются – в виде полного отсутствия помещения для него и неимения средств ни у курсов, ни у Спасо-Преображенского монастыря, в г. Казани, где они помещаются.

В виду этого позволим себе задать, со своей стороны, вопрос, неужели нельзя отыскать для курсов двух-трех проповедников-преподавателей для будущего (можно надеяться) третьего противорасколосектантского отделения и достаточно средств для помещения этого отделения?

Наблюдатель Архимандрит *Андрей*

Нам пишут

Из Киева (о местной штунде). В Киеве, на Бульонской ул., у нас каждое воскресенье происходят собрания, и полиция в виду оправдания Сенатом штундистов давно махнула рукою на недозволенные законом сборища. Киевская штунда обогатилась новым членом, – в их ряды вступила «полковница» К-кая – личность, известная в Киеве, как устроительница и организаторша детских садов. В этой роли она продолжает оставаться и поныне. Можно представить себе, в каком духе получают воспитание её питомцы! В настоящее время киевские штундисты поставили своею целью – объединить под своим главенством всех штундистов Киевской губернии. Лучшим средством для этого служит бесплатное или же за малую плату ведение дел штундистов, преследуемых за устройство молитвенных собраний. В этих случаях из Киева командировается во все места штундист Ив. К-рев, бывший сельский писарь, который и выступает в качестве поверенного и адвоката «баптыстического». Если дело он проиграет, что в камерах мировых судей и съездах с ним случается всегда, если суд происходит при участии эксперта, то немедленно при участии известных здесь защитников сектантов и адвокатов дело переносится в Сенат, который их всегда оправдывает. Т. о. в умах всех штундистов вселяется мысль о необходимости и благотворности союза с Киевскими штундистами, которые-де могут спасти от всякой беды. Летом с «аблакатом» К-м приключилась была беда: его отлучили сектанты от своей церкви. Причиною такой крайней меры по отношению к нему послужило, как говорят среди сектантов, то, что К-рев не мог отчитаться в значительной сумме братских денег, а также занялся «штундо-брачными союзами», приведшими к довольно печальным результатам. Желая сделать штундизм еще более привлекательным в глазах простонародья и тем увеличить число последователей его, он поступавшим в секту братьям или сестрам подыскивал пару и сам венчал их по штундовому обряду, не стесняясь даже тем, если кто из них имел уже

законных жен и мужей еще в живых. Благодаря этому, многие плотники, штукатуры и т. п. пришлый народ, скучая без жен, оставшихся на родине, поженились в Киеве при благосклонном участии К-рева, но потом снова возвращались к прежним законным женам, а благоприобретенных в Киеве в штунде бросали и, конечно, с прибылью в виде 3–4-х душ детей. Оставшиеся «при пиковом интересе» соломенные вдовы не только побили физиономию «пресвитера», но и принесли жалобу в «церковь», которая и отлучила своего доморощенного юриста, но ненадолго, ибо адвокат всегда нужен штунде, сделавшейся ныне кляузною.

Из Ахтырки, Харьк. губ. (*Сообщение миссионера в военном собрании*). В первой половине ноября наше малороссийское захолустье посетил миссионер Д. И. Боголюбов, пользующийся широкою известностью замечательного оратора и знатока своего дела.

Узнав от своего военного священника о пребывании почтенного деятеля миссии в Ахтырке, местная полковая семья чрез полкового командира пригласила г. Боголюбова сделать сообщение в военном собрании о модном и у нас *толстовстве*. Миссионер радостно откликнулся на полковой призыв и сделал хотя и экспромтное, но полное живого интереса сообщение, ясно доказав, что Толстой, как религиозный мыслитель, – совсем не христианин, и Церковь законно и резонно отлучила его от общения, а как философ – непоследователен, неясен и страдает очевидными крайностями суждений. Называя разбойниками христоролюбивых воинов, которые геройски умирали на бастионах Севастополя, защищая отчизну, которые гибли на высотах Шипки за страждущих славян, – Толстой не понимает христианского подвига любви, как самоотвержения, и проповедует обидную неправду... Сообщение было выслушано с большим вниманием. После перерыва, по просьбе командира полка, миссионер сделал не менее интересное сообщение о *штунде*.

Отрадно, что интерес к вопросам и деятелям миссии начинает проникать в новые для нас сферы. Явление это составляет новый шаг в деле расширения внутренней миссией

пределов своего служения Церкви Божией. Популяризация дела миссии среди просвещенных, преданных Церкви слоев культурного общества и союз с нами слишком важен для миссионерских успехов.

Из Витебска. (*Еще о витебском расколе*). На днях пришлось мне прочесть в «Полоцких Епархиальных Ведомостях» за текущий год (№ № 12–14) статью о состоявшемся в городе Витебске миссионерском съезде, в начале июня месяца, и речь преподавателя духовной семинарии г-на В. Беяева, произнесенную при открытии этого съезда.

В этой речи, между прочим, говорится: «К числу таких мест (где раскол «является почти не тронутым и в самом диком состоянии»), между прочим, отнесен одним слишком откровенным (?!) витебским корреспондентом «Миссионерского Обозрения», хотя, к счастью, совершенно ошибочно (?) и по недоразумению (?), и наш богохранимый (?) город с его расколом» (!) «Мы не можем допустить, говорится в подстрочном примечании, чтобы корреспондент «Миссионерского Обозрения» ничего не слышал о деятельности приснопамятного Ив. Тар. Никифоровского, преподавателя местной семинарии (1893–1895 г.)». (Полоц. Епарх. Ведом. № 12, стр. 630).

Это, как известно, сказано г-м В. Беяевым по поводу корреспонденции о витебском расколе, напечатанной в «Миссионерском Обозрении», в январской книжке сего года, стр. 131.

Как бывший старообрядец, ныне же сын св. Церкви Христовой, урожденец Полоцкой епархии, и житель гор. Витебска, я позволю себе заступиться за корреспондента «Миссионерского Обозрения», то есть собственно за верность его сообщения о витебском расколе; в прочих же обвинениях, если найдет нужным, пусть он оправдывается сам.

Раскол в городе Витебске действительно находится в первобытном состоянии закоснения; никакого ослабления его, насколько я могу запомнить по времени, не последовало даже и от двухгодичной деятельности против него приснопамятного Ив.

Тар. Никифоровского (то есть от веденных им бесед, в течение двух великих постов в духовной семинарии).

Раскольники, к несчастью, остаются здесь фанатичными врагами православия в полном смысле этого слова, за исключением поповцев, управляемых уставщиками, более индифферентно относящихся к своей вере (о существовании последних представители епархиальной миссии узнали, кажется, из сообщений откровенного корреспондента «Миссионерского Обозрения», отождествляя их прежде с безпоповцами-федосеевцами).

Причиной устойчивости раскола служит, между прочим, и исключительное здесь положение раскольников как великоруссов среди коренных белоруссов, и особые от вселенского православия, оставшиеся от униатов обряды последних, в виде, например, обливательного крещения и т. п.

Когда, бывши раскольников-федосеевцем, я стал сомневаться в расколе и начал было эти свои сомнения о расколе и рассмотрения о св. Греко-российской Церкви излагать пред своими родными и знакомыми, раскольники почли меня «рехнувшимся ума». При твердости моих убеждений мне не раз приходилось слышать: «если бы ты был мой сын, и я бы, услышав от тебя такие речи (что Церковь Греко-российская есть святая), я бы не усомнился убить тебя». Многие предлагали моему родителю, особенно мачехе, извести меня со света, нежели допустить присоединиться к Церкви «никонианской», что значит «антихристовой». И я не избежал бы этого, если бы не существовало для всех нас, ищущих истины, известного Московского Никольского единоверческого монастыря...

По присоединении, родители лишили меня всего своего состояния и, что особенно достойно сожаления, сожгли всю мою библиотеку, собранную мною великими трудами, в которой заключалось до пятисот томов духовной литературы... Но довольно о своей личности (однако, чтобы не подумал кто: «что же с ним стало далее?» – считаю нужным сообщить, что в настоящее время я служу верой и правдой Государю и Отечеству, будучи взят по жребию)...

А вот недавно же зашли мы в Витебске с одним священником в одну известную федосеевскую (не «Богом», а кем-то другим «хранимую») моленную. Священник начал разговор о Церкви с сыном и снохою наставника с того, что старообрядцы и сами высказывают пред Богом свой веру в Церковь, только – действительно ли и сердечно?

Сын наставника молчал, зверски поглядывая на нас, а говорила только его жена. Послышалось обычное для старообрядцев слово: «кто прибавит или убавит, тот проклят, а вы всё изменили»... Священник взял наставнический рукописный потребник, а я – потребник патриарший. Сличили чин крещения, оказалось, что все ектеньи и священнические молитвы в наставническом потребнике – произвольные прибавки в виде таких: «не называл ли еретик (никонианина) христианином; не брил ли еси по еретическому обычаю бороды» и т. п. По указанию на эти прибавления и убавления неизвестная рука с кровати, задернутой пологом, поспешила взять с полки остальные книги. То был спрятавшийся в кровати сам наставник. Сноха его подняла крик, а сын, оставил свою закуску (мы застали их за завтраком) – лук и огурцы, – до того страшно начал сверкать глазами и переминаясь с места на место, что мы поспешили ретироваться...

Следовательно, ошибся не «слишком откровенный корреспондент «Миссионерского Обозрения»», описавший в настоящем свете положение витебских раскольников, а сам г-н В. Беляев, очевидно практически не знающий раскола и, в частности, раскола в гор. Витебске. А его укоризненные слова по адресу корреспондента отзываются молодостью вообще и, как кому-то писал Н. И. Ивановский, – «игра в руку раскольников».

Артеми́й Скороди́хин

Из Казани. (*Полезная в миссионерском отношении школа*). Недавно было совершено высокопреосвященнейшим Арсением, архиеп. Казанским, освящение ц. приходской школы в с. Тенишеве, Казанской еп. Устройство этой школы важно в миссионерском отношении. С. Тенишево возникло недавно. Прежде оно принадлежало к знаменитому в историческом

отношении селу Болгарам, древней столице когда-то бывшего на Волге Болгарского царства. Благодаря малонаселенности этой местности, здесь вокруг села Болгар издавна стали селиться беглые крепостные, а также раскольники и сектанты, которые образовали большие (70–100 дворов) деревню Шелкодыровку (Спасский Затон) и др. поселения. Православный храм с. Болгар находился далеко, в 7 верстах, а при весенних, иногда и осенних разливах Волги для православных этой местности он совершенно был недоступен. Приходилось ходить в раскольничьи моленные, где и происходило совращение православных в раскол, искусно расставивший свои сети. Так было до 1890 г., когда православные Тенишевцы начали думать об устройстве своего храма. Но не было средств. Неожиданно для них явилась помощь Божия рукою жертвователя члена Попечительного Совета Приюта Принца Ольденбургского Спб. купца А. Л. Векшина, построившего за 11 лет до 1901 г. в Казанской епарх. свыше 50 деревянных храмов.²⁶⁴ В течение лета храм уже был выстроен и освящен. Но на этом А. Л. не остановился. Сознывая, что раскол, главным образом, плод тьмы, незнания и невежества. А. Л. решил устроить и школу. В построении как её, так и храма близкое участие принимал проф. Н. И. Ивановский, неоднократно производивший здесь собеседования с раскольниками. К 1901 г. это дело осуществилось. Выстроена великолепная школа, снабженная разного рода пособиями: прекрасною библиотекой, волшебным фонарем, фисгармонией и др. Стоимость здания школы простирается до 6000 р., храм обошелся в 17000 р. со всеми принадлежностями для него. Да, если бы побольше таких деятелей на пользу православия и миссии, то уменьшалась бы и тьма раскола и сектантства. В настоящее время в школе уже заведены по праздникам чтения и собеседования в присутствии не только учеников, но и взрослого населения, а с организацией миссионерской библиотеки будут вестись и миссионерские беседы.

Свящ. М. Лисицын

Из Баку и Новгорода. (По телеграфу на имя редактора В. М. Скворцова). Собравшееся на первый благочиннический

миссионерский съезд духовенство Бакинской губернии долгом считает засвидетельствовать пред вами, как первом выразителе идеи об открытии в грузинском экзархате епархиальной миссии, чувство своей глубокой признательности и уважения.

Протоиерей Юницкий, миссионер Обтемперанский, священник Габараев и др.

Новгородский миссионерский съезд благодарит борца за православие и друга миссии, Василия Михайловича, за приветствие с началом занятий и вместе выражает сожаление, что пространство и время лишили съезд испытанного руководителя.

За председателя съезда, помощник его, ректор семинарии архимандрит Димитрий.

Еще о нынешнем положении духоборов в Канаде. Фанатики эмиссары толстовства продолжают свою пропаганду среди крестьянского населения на юге России, подговаривая несчастных, ничего не смыслящих – к переселению в бесприютные чужбины. Американский корреспондент «Моск. Вед.» из Канады пишет в конце октября:

«Вчера приехали сюда, с женами и детьми, два крестьянские семейства из Ровенского уезда, Волынской губернии. Они приехали из России еще весной и прожили лето между духоборами в Канаде, откуда и добрались сюда. Один из мужиков, очень толковый и сметливый, очевидно выдавший виды, говорит, что в течение прошлого лета свыше 80 русских крестьян из разных местностей России добрались до Канады, вызванные туда, как и он с его товарищем, агитацией русских покровителей духоборов и прямым обманом относительно привольности и удобств тамошних жизненных условий. Он говорит, что между духоборами и теперь прямой голод, что ничего не уродилось, что смертность и болезненность между ними большие, что работы не было всё лето, и что, так как у него с товарищами остались деньги на проезд сюда, они приехали, чтобы не проесть их там безнадежно и заблаговременно избежать голодной смерти, так как они убедились, что рассчитывать на земледелие или постоянную работу в тамошних местах совершенно невозможно. Говорят,

что за ними едут еще 4 семьи, у которых остались деньги на проезд. Перед отъездом сюда они беседовали с ходоками молокан, всё еще живущих в Виннипеге, и те сказали им, что и они забраковали Канаду окончательно, и едут в Калифорнию, и ждут только писем и денег из России.

Ген. Драгомиров о толстовской проповеди «непротивления злу». Толстовская проповедь «непротивления злу» вызвала вопрос о значении воинского сословия в государстве, дающего возможность противиться злему и защищать себя. Генерал М. И. Драгомиров, уже ранее вступивший в спор с Толстым по поводу «Войны и мира», теперь в «Рус. Обозр.» дает краткий ответ и на этот вопрос.

«Не оригинален я», – говорит ген. Драгомиров, – «и всю жизнь пробавлялся крохами от стола богатых. Так и теперь: дерзаю напомнить отцам и братьям великую заповедь из маленькой Великой Книги: «Больша сия любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя». В этом смысл, в этом и сила воинского организма для великого организма государственного.

Народ выделяет из себя войско для своего самосохранения, требуя от выделяемых безграничного самоотвержения не только до смерти, но до таких лишений, которым жидкие люди иногда даже самую смерть предпочитают... Могут проповедовать непротивление злу; но Тот, Кто погнался вервием торгашей из храма, противился ли Он в то время злу, или не противился?... И потому мысль – хороша, но недомыслие огорчительно; красиво, конечно, попасть в ересиархи, но еще любезнее, хоть и не привлекательней тянуть в невидном жребии свою ноту в стройном хоре духовно-народной жизни.

Грубая сила!

А кто вытянул Русь из самозванческого провала? – Грубая сила. А кто отстоял её от наскока такого наездника, как Наполеон? – Та же грубая сила. Вот вы после этого и брезгайте грубой силой!

Жизнь не терпит никаких односторонних норм: у неё нет «или то, или другое»; у неё всегда и то и другое.

Не даром сказано там же: «В дому Отца Моего обители многи суть».

С развитием общественности, сила права не уничтожает права силы, а только переводит его в скрытое состояние: за судьей стоит полицейский, за полицейским солдат...

И идет человек на тяжелую работу, Бог знает с кем, Бог знает какую, Бог знает где, и выносить всё это даром... за родину! Может он ждать за это награды? Нет, ибо «защита отечества лежит на обязанности каждого гражданина», т. е. значит, казацкое положение и всё тебе тут.

Следовательно, доведи самоотвержение не только до смерти (это что!), но до неустанной нужды, лишений, стеснений даже в мире, не говоря уже о войне».

Скворцов В.М. Со скрижалей сердца //
Миссионерское обозрение 1901 г. № 12. С. 894–913

Написано не чернилами, но на скрижалях сердца плотяных (1Кор.3:3).

По поводу откровенного письма и условий, предъявляемых светскими людьми к миссии Церкви. – Религиозно-философские собрания. – Где проф. Ивановский нашел антихриста? – Ответ на газетные наветы.

Мы посвящаем последние страницы последней в этом истекающем году книжки нашего журнала вопросу о миссии среди интеллигенции, – вопросу, которому хотелось бы в новом году отвести *передовое* место не только на *скрижалях сердца*, но и вообще на страницах «Мисс. Обозр.» И чувствуется нам, что *это нововведение будет по сердцу* всем нашим читателям, особенно же приходским пастырям, ибо ведь самая *огромная* (по численности и по антицерковному настроению и влиянию) *секта* на Руси святой – это та часть российской интеллигенции, которая только *по метрике* православная, а во всём прочем интеллигенты этого лагеря мыслят, живут и действуют *вне Церкви*, не как её дети, а как непримиримые враги.

Вопрос о миссии среди интеллигенции настолько назревший и животрепещущий, что откладывать его разрешение и обсуждение – это значит остаться в положении глухонемых... Мы верим, что дело это должно создать в истории самой нашей миссии новый поворотный путь в ту сторону враждебного для Церкви стана, на который миссия доселе закрывала глаза, не предусматривая ни его силы, ни значения в церковно-общественной жизни России. И нужно правду сказать, действующая миссия наша, будучи искони только *народною*, часто гоняется за сектантской мухой с тяжеловесным обухом и не примечает слона... А слон сей рос и силился, пока не выявился, как «некое чудище», в последней антицерковной, противохристианской толстовской эпопее...

Но ранее чем начать работу в этом направлении, необходимо прежде всего уяснить, на каких условиях возможно

воссоединение (действительное и искреннее) этой части интеллигенции с Церковью, какими путями может войти эта противоустраемляющаяся сила *в деятельный, живой союз* истинно христианского мира и любви с Церковью Божией, «яже есть столп и утверждение истины»? На самом деле, внимательно ли рассмотрели мы ту зияющую пропасть, которую отделена от людей веры отколовшаяся от Церкви интеллигенция, знаем ли мы те трудности, которые нужно преодолевать миссии Церкви в этой предлежащей ей деятельности среди культурных сфер? Мы совершенно согласны с тем, что «пока не будут поняты эти трудности, они непреодолимы». Да, здесь нужно многое *взаимно, честно и чистосердечно* понять, взвесить и определить: служителям Церкви и деятелям миссии нужно понять, в чём коренится главнейшая причина раздора с Церковью и отщепенства от неё интеллигенции, какая и в какой мере тут вина пастырей и учителей Церкви. Со своей стороны, *интеллигенция*, ищущая Бога, должна вникнуть, какая причина отчужденности нашего духовенства от неё и от той общественной жизни, где действует интеллигенция, – той робости мысли слова и дела, благодаря которой обвиняют, и справедливо, пастырство в утрате овец Церкви из светского культурного общества, того недоверия, предубежденности, подозрительности, – скажем больше, – нередко и ожесточения против интеллигентного, противоцерковного лагеря, какими в большинстве заявляет себя наше пастырство.

Отцы и братья, вникнем беспристрастно, отнесемся по-христиански к выяснению краеугольного для миссии вопроса: виновата ли *сама по себе* в своих грехах и беззакониях против веры и Церкви и всего, что на Руси живет в неразрывном союзе с Церковью, – наша суемудрствующая интеллигенция, когда едва ли не вся ведь наша российская наука и образованность давно *атеистичны* и *безбожны*, когда воспитание наше, – и школьное и общественное, – идет без внешней и внутренней дисциплины ума и сердца, среди лжи, лести и неправды, с попранием всяких авторитетов! Когда вся российская культура строилась и зиждется не на камне веры христианской, а на

пенистом хребте волн западного прогресса, давно потопившего доброе христианское имя тамошних государств; когда среди нашей интеллигенции старые, *исконные* заветы забыты, брошены, а новых устойчивых принципов, преданий и основ не выработано, как и нет у нас на Руси и тех дисциплинированных, самобытных направлений или партий, которыми сильна интеллигенция просвещенного запада, где воспитываются характеры и обосновываются господствующие в стране направления. У нас есть разве только интеллигентные кружки, обыкновенно ютящиеся около того или другого органа печати, или какого-либо либерального учреждения, члены которых в своих взглядах и принципах, обыкновенно – покорные слуги своего «барина» или кумира времени, причем все наши лидеры российских интеллигентных кружков – в одинаковой мере деспоты в отношении свободы мысли, убеждений слова людей противоположного или несогласного с ними лагеря. – И право, либеральный российский деспотизм жестче давит, упрямее, неумолимее ведет свою линию насилия над свободой мысли людей противного лагеря. И что такое на самом деле наша интеллигенция? Кажется, самые типические черты её – это безрелигиозность, кружковщина, упрямая, смелая оппозиция, нетерпимость к убеждениям людей противного лагеря. Ведь вот, напр., Гладстон, уж он ли не был интеллигент, в самом лучшем, культурном смысле, бессмертный поборник свободы и гуманности, а какой он великодушный, верующий человек, автор глубокомысленного догматического трактата об искуплении Христом человечества. Почитайте также английское «Эдинбургское Обозрение», сто лет существующее, – какая дисциплина и выдержанность в принципах и в то же время, какая терпимость к мнениям противоположным, свобода и честность в отношении противника. Ничего подобного нет в нашей интеллигенции и её органах.

Да, чтобы понять при каких условиях возродились и создались у нас кадры интеллигенции, нужно глубоко вдуматься и в историю государственного строительства русского просвещения и культуры. Не надо забывать, что ведь Россия целый мир, – безграничная равнина, – по которой на

протяжении всей её истории по неисповедимым судьбам рыскал «лихой» человек, на ловлю которого у правительства так много тратилось и силы, и времени, и средств, которых так мало оставалось для внутреннего христиански-просветительного устройства «великой земли русской».

С другой стороны, не менее важно выяснить и вопрос о том, почему православное духовенство чуждо и чуждается интеллигенции, с недоверием и опасением относится ко всем её, хотя бы и благим и полезным, стремлениям и деяниям? Не потому ли, что наше духовенство искони *народное*, – жило одною жизнью с народом и не только внутреннею, духовною, но и внешнею и историческою. С мужиком «поп» терпеливо и смиренно нес гнет крепостного ига, причем на попе в то же время тяготела еще и железная дисциплина правящей духовной власти той эпохи, нередко вдохновлявшейся в своей суровости обычаями того же крепостного права. Освободившись вместе с народом, духовенство с ним естественно и обособилось. Несомненный факт, что в пореформенную эпоху к русской интеллигенции, народившейся собственно в эпоху Александра II, и народ, и духовенство с первых же шагов её народно-просветительной деятельности отнеслись с предубеждением, и это потому, что сама-то интеллигенция сразу же явила себя *чуждою* заветам православия и народности, – она стала жить и действовать в глубоком разладе с исконными религиозными и социальными мировоззрениями народа, стала в открытую оппозицию к церковно-просветительным традициям, в которых вырос наш народ. Во всяком случае, по нашему мнению, *вызов* к обособлению исходил не со стороны духовенства, по самому характеру свято хранящего православие, смиренного, неспособного ни к агитации, ни к интригам. Духовенство стало лишь в *оборонительное* положение, выродившееся затем в безучастное отношение ко всему, что составляет злобу дня для интеллигенции.

Чувствуя огромную силу влияния Церкви и духовенства на народ, видя в них главный тормоз своим прогрессивным стремлениям, добрым по намерениям и заботам о благе меньшего брата, но, повторяем, стоящим в разладе с

исконными нашими творческими основами, а потому одинаково претящими и народу, и духовенству, интеллигенция воспитала в себе непримиримую ненависть и выказала явное презрение к Церкви и духовенству, что так ярко выражено в известном афоризме о Церкви графа Л. Н. Толстого, этого во многом представителя нашей интеллигенции. В одном из своих трактатов гр. Толстой говорить, что при слове «Церковь» он ничего другого не может представить, как «несколько тысяч невежественных, жадных, грязных, косматых людей, – находящихся в рабской зависимости от нескольких десятков таких же длинноволосых». А его ответ Св. Синоду не выражает ли обычного взгляда и общего отношения к Церкви и духовенству, и всей нашей интеллигенции?...

Оставшись в деревне одиноким, со своими тяжелыми просветительными трудами и сложными пастырскими обязанностями, борясь с окружающей тьмой и нуждой, естественно, духовенство (и надо сознаться в своём большинстве), значительно отстало в удовлетворении духовных запросов и требований и пореформенного времени, как в среде народной, так особенно интеллигентной, оно упустило много бесповоротных моментов для возвышения своего пастырского авторитета и влияния и впало в апатию. Мы знаем, что это глубоко *ненормально* и даже трагично, и что так не должно быть, но вполне понимаем, как это всё *естественно*... А между тем дело так обстоит и *до сего дне*.

Но что же? Подает ныне руку общения и единения наша интеллигенция Церкви, в лице духовенства и многомиллионного народа? Мало заметно. Она скорее не желает ли перевести на свою сторону набожный, верующий народ чрез мост религиозного сепаратизма, покровительствуя всячески расколу и сектам?

Посмотрите на нашу печать: как одни органы делают ежедневные вылазки против духовенства, без милости и пощады направленные просто к травле попавшегося под перо какого-либо сельского полуинтеллигента небрежного или студного иерея, черня в лице последнего всё духовенство, – приглядитесь, как выуживаются одни только черные факты и

непременно скандализирующего свойства,²⁶⁵ и систематически замалчивается одновременно всё, что говорило бы в пользу духовенства и Церкви; наоборот, другие органы на столбцы свои *тенденциозно* не пускают ни одного ни черного, ни светлого факта, выражая тем полное отчуждение светской печати от вопросов веры и интересов Церкви.

А ведь средний человек только и дышит газетною атмосферою, только и мыслит её умом. Мы отнюдь не против гласности и свободы в обсуждении в печати вопросов веры и Церкви и недостатков духовенства, но будьте же, господа журналисты, честны, относитесь с христианским беспристрастием и правдой к добру и злу в жизни Церкви и духовенства, не возводите сучец, подсмотренный в глазу отцов духовных в бревно... Неужели нет добрых и достойных деятелей в недрах современной Церкви; да их больше ныне, чем когда-либо, – есть прямо подвижники долга и добра.

Судя, осуждая и рассуждая о духовенстве, вникнем и в положение пастырей Церкви и в окружающие их исторические и современные условия жизнедеятельности. Откуда наше духовенство? Из одной только духовной касты, – все мы одного, отрешенного от интеллигентной среды, схоластического традиционного воспитания. И наши архипастыри и пастыри Церкви, профессора и воспитатели духовных учебных заведений, и учась, и служа, часто не знают ни бытовых условий, ни запросов жизни высших классов, культурных сфер. Вы, обличители, недовольны деятельностью существующего традиционного нашего духовенства, облегчите же бремя его служения, приняв священство, идите в села и города, покажите среди народной тьмы и большого света пример идеального пастырства, создайте собой новую закваску. Путь открыт: ведь издавна даны были светским людям льготы при поступлении в наши духовные академии и семинарии. Но много званых, да мало избранных... Едва ли на курсе бывает один из высшего сословия, из крестьян же много. Мы не знаем ни одного из окончивших академии дворян в рядах сельских иереев или миссионеров, а если кто из них попробовал вкусить

образования академического, тот сейчас же предъявляет и здесь свои дворянские права на привилегированные места.

Да, читатель, в вопросе о единении интеллигенции с Церковью много накопилось исторических и психологических наслоений и недоразумений, много нагромодилось камней и образовалось подводных рифов на этом пути. Миссия Церкви должна знать всё это и не для того, чтобы *обойти*, а чтобы благополучно верным ходом пройти чрез теснины, и тогда только можно уповать на тот или другой плод её деятельности в этой сфере.

Среди таких дум и чувств, тяжелым камнем налегших на сердце, мы получили *второе* письмо всё от того же корреспондента *инкогнито*, первое письмо которого было помещено нами в ноябр. кн. «Мисс. Обозрения». Благородный, искренний тон, правдивое, христианское, вдумчивое отношение к великому вопросу характеризуют в авторе человека, сердца которого Господь уже коснулся... Письмо в высшей степени важно и поучительно в том отношении, что в нём чистосердечно предъявлены к миссии Церкви условия со стороны жаждущей и ищущей веры интеллигенции. Мы охотно и не обинуясь даем место этому заявлению со всеми его откровенными, иногда и тяжкими для человеческих немощей подробностями. Обращаем внимание ваше, читатель, на это полное живого интереса письмо и просим также искренно и свободно отозваться на заявление автора по затронутым им весьма важным вопросам о миссии среди интеллигенции, как он это сделал.

Вот это письмо.

Милостивый Государь

Г. Скворцов.

Приношу вам мою искреннюю благодарность за отклик, который встретило у вас моё письмо. Я, равно и кружок людей, мне близких по мысли, всегда готовы приветствовать свободу рассуждения, слова, – которую вы принципиально даете мне, хотя и с некоторыми ограничениями (о них свидетельствуют кое-какие места моего письма, выпущенные в печати). Во всяком случае, перед вами, позвольте мне воспользоваться моей свободой *вполне*, чтобы сказать несколько слов о вопросе,

затронутым и статьей свящ. Фуделя, и мною, – не чуждом и вам, руководителю журнала, – вопросе громадной важности, а именно «миссии среди интеллигенции».

По моему разумению, дело это, благодаря его сложным особенностям и его крайне существенным отличиям от дела «миссии» среди народа, вряд ли может быть и названо «миссией». Употребляя это слово, вы уже отчасти отдаляете успех дела, ибо даете обществу повод предполагать (ошибочно, хочу думать), что *возможное соединение людей культурных с Церковью*, с людьми духовными, – представляется для этих последних совершенно идентичным в путях и целях с делом «народного миссионерства».

Свобода возражений, возможность собеседования, конечно, первое условие, одинаково необходимое как в том, так и другом деле; но затем начинаются *различия*, которые умножают трудности действия в среде культурной, и трудности эти лишь тогда преоборимы, когда они поняты. Свящ. Фудель замечает, что «момент благоприятен». Я бы назвал момент теперешнего переживания критическим, крайне важным, почти единственным – в смысле возможности соединения общества и Церкви; что же касается «миссии», как, я боюсь, её понимает свящ. Фудель, – данный момент не благоприятен, и благоприятный вряд ли наступит.

Я уже упомянул, что мы, люди современной культуры, – никакой веры не имеем, ничего, кроме проснувшейся жажды веры; это наше первое отличие от сектантов, которые все имеют, – пусть грубую, извращенную, – но веру. И, благодаря именно отсутствию веры, люди теперешнего образованного общества гораздо оторваннее, дальше от верующих служителей Церкви, нежели сектанты, и пропасть между ними шире. Казалось бы, в пустой сосуд, да еще открытый теперь, легко налить какого угодно вина; но на деле оно не так. Служитель Церкви сразу становится с сектантом на общую почву, беседуя о вере, о догматах, часто борясь лишь с искажениями или просто с непониманием; сектанту приходится отрекаться от частных, принимать частности; нам – не от чего отрекаться в области веры, – но зато нам надо и принять всё, с самого

начала, ибо ничего не имеем, кроме жажды, и – м. б., это самое главное – принять не слепо, не на один день, не случайно; и потому принять веру, верование, религию *такою*, какою она не будет противоречить ни нашему разуму, ни нашим человеческим, посильным знаниям, ни естественному *понятию* свободы; короче сказать: ту, которая не отнимет у нас в наших собственных глазах имени культурного человека, а оправдает и подымет его. Вот еще отличие людей общества от сектантов: миссионер, говорящий с сектантом, всегда культурнее, образованнее последнего, – и сразу на стороне миссионера некоторая сила, некоторый «плюс», облегчающий задачу. Когда же сойдутся дети общества и дети Церкви, силы их *равны*, хотя и разнородны: у первых – сила свободы и знания, у вторых – сила установившейся, традиционной веры. Они и должны говорить, как равные. А свою истинную силу, свой «плюс», живую, действенную веру дети Церкви должны еще нам показать, доступно для нас проявить, а иначе сила эта будет для нас потеряна и останется над нами безвластной, как была доселе.

Служитель религии должен сказать нам: «да, в стремлении к свету, к свободе, к познанию – вы правы; всё это есть и у нас, вы видите; но у нас, *к этому*, есть еще и другое: смотрите! Может быть это то, чего вы жаждете». А если к нам придет «миссионер», со «снисходительным» сознанием своего превосходства и желающий нашего отречения от нас самих, обещая лишь что-то *взамен*, – такой посланник не утешит и не спасет ни единого из нас, теперешних, от смерти.

В статье свящ. Фуделя есть слова и мысли, обличающие его, весьма естественное, незнание внутреннего положения современного общества; пропасть между нами и духовенством гораздо страшнее, чем думает почтенный автор статьи «Миссия среди интеллигенции». Он только подчеркнул, что есть два различных стана; сказал, что надо «жалеть» и «снисходить». Верен ли этот путь? Встретимся ли мы? Не надо ли «любить», чтобы подвинуться к краю и дальше края пропасти, в самом деле «навстречу»?

Мы – готовы идти навстречу, мы – не верующие, не любящие, лишь томимые смертельной жаждой Бога и любви, – но готовы ли *вы*? Вы пишете: «не наша вина, что светское общество не хочет нас знать». Дети Церкви точно ли считают себя такими безвинными, безгрешными? В чём, где у них проявилась готовность идти навстречу обществу? В обещании «сожалеть» нас? Общество, чтобы сделать первые полшага вперед, должно победить привычные, многолетние и – увы! – столь обоснованные мысли о лицах духовных, как носителях религии неподвижной, навсегда в одном положении замершей, – и оно готово победить эти мысли, готово довериться тому, что есть «кладезь» не стоячей, а «вечно текущей» воды, – оно *сделало* эти первые полшага. Разве не готовность – хотя бы моё обращение к вам, – через пропасть, углубленную веками, историей? Вы не знаете моего имени, – но ведь я и не говорю, что уже доверился вам, а лишь готов довериться; мою искренность, моё доброжелательство, моё намерение дать вам весть, расчистить путь между двумя (еще враждующими!) станами вы не осудите. И я говорю с вами не от моего одного лица, а от лица многих. Я мог бы напечатать мои суждения, смягчив их, в светском журнале; но это имело бы вид враждебности, а её у меня нет, и я предпочитаю ограничиться частным письмом, которое посылаю (вам и людям, близко к вам стоящим) под белым флагом. Да, нам нужна вера, нужен храм, нужны люди, посвятившие себя служению Церкви, любящие Бога, как мы хотим любить Его. Но пусть же они скажут, что и мы им нужны, пусть не отходят они от нас в своё собственное спасение с равнодушными словами: «не наша вина, что светское общество не хочет нас знать». Пусть они взглянут в нашу сторону и, чтобы идти навстречу, выберут *верные* пути мудрости, любви, проникновения, если могут; иначе мы никогда не встретимся, дело «миссии среди интеллигенции» будет праздным делом, и все слова «миссионеров» останутся для нас беззвучными, без силы, без власти.

Дети Церкви, отойдя от нас, обособились, жизнь, как река, разбилась на два русла, – посмотрите, создались даже два языка, с одинаковыми, как будто, но разнозначащими словами,

а чаще и совсем различными. Дети Церкви боятся общих слов, не идут и здесь навстречу, хотя бы из желания быть понятыми. Даже «миссионер», отправляясь к инородцам не отвергает их языка. Я упомянул о значении, которое *мог бы* приобрести ваш журнал среди общества, открыв свои страницы для самых противоположных мнений (я говорю не об единичных статьях одного какого-нибудь «светского человека», «рассуждения» которого вполне сливаются по направлению со статьями лиц духовных и общественного интереса не имеют). Если б «Мисс. Об.» поняло, какую силу оно могло бы приобрести подобной свободой и дало бы эту свободу, – произошло бы, естественно, и слияние языка, и люди, понимавшие лишь своих, стали бы понимать и других. Вот, возьмем для примера прекрасную статью г. Тернавцева, возражение на речь г. Стаховича (которая понятна и обществу, и духовенству). Думаю, г. Тернавцев со своими, порою проникновенными, положениями – *вполне* доступен лишь духовенству; для многих же из нас речь г. Стаховича стоит еще целая, неоспоренная; возражений не слышат за пугающими, непривычными словами; а между тем и перед обществом эта речь *должна и может* быть оспорена.

Многое хотел бы я сказать вам, но боюсь утомить ваше внимание. Намек ваш на настоящую «горницу» для собеседований по вопросам веры, предполагаю, касается какого-нибудь нового «Миссионерского Общества», – может быть, для назидания в вере людей культурной среды? Если это Общество будет держаться взглядов свящ. Фуделя в деле «миссии среди интеллигенции», – оно будет так же безвластно, как «Мисс. Об.» в его теперешней форме, как все попытки этого рода, и не даст нам, «жаждущим», «воды живой». Истину моих слов, конечно, докажет лишь время. Во всяком случае я просил бы вас сообщить моё письмо тем людям, «духовной жаждою томимым», о которых вы упоминаете (а также и г. Тернавцеву, ему я даже имел намерение писать и особо). Если между ними есть лица, принадлежащие к современному светскому обществу (есть ли?), – может быть, они кое в чём со мною и согласятся. – Еще раз благодарю вас за сердечный отклик, прошу, по-братски,

извинить прямо, быть может, резких слов и верить моей бескорыстной преданности интересующему всех нас делу.

С душевным почтением

Окончивший СПб. университет А. М. Д.

Р. С. Знаете ли вы, что я вынужден скрывать от моих домашних, что я читаю ваш журнал? О, и вовсе не из «трусости»! Когда я читаю Библию, я знаю, что у меня в руках крепость, которую никто не сокрушит. Когда я изучаю историю религий и Церкви, я ищу *знания*, а жажда знания не может быть подвергнута гонению. Но когда люди просвещенные и добрые, люди мне близкие, приходят в гнев при одном лишь имени «Мисс. Обзорение», я умолкаю. Мне *нечего* пока сказать в защиту. Если я сам, лично, преодолел то неприязненное чувство, которым преисполнены еще многие и многие «интеллигенты» по отношению к вашему изданию, то у меня нет сил заставить других прийти к тому же. Нетерпимость, умственная робость, а главное – союз *во всём* с физическими силами государства, – вот те камни преткновения, которые вам надо убрать с пути, ведущего к нам. Г. Тернавцев говорит, что «Трубчевская история была выслушана со стыдом и мукой». Но увы! Эти слова не вселяют доверия. Мне кажется, что это чувство любви и сознания своей настоящей религиозной силы присуще лишь некоторым отдельным членам миссионерского съезда, а не есть руководящий принцип *православной миссии*. А пока русское общество не убедится, что Трубчевская история не имеет *внутреннего* отношения к делу православной миссии, до тех пор за обществом будет некоторое право отворачиваться от «Миссионерского Обзорения», и до тех пор я вынужден прятать его синенькие книжки.

Говорю это вам лишь потому, что изменить дело в вашей собственной власти (и, смею думать, в ваших интересах).

* * *

Надеясь побеседовать с почтенным нашим «корреспондентом-инкогнито» в будущем году, если будем живы, – мы однако не можем оставить без оговорок нескольких, могущих показаться *соблазнительными* положений и выражений автора письма.

Вы, м. г., говорите: «мы, просвещенные люди, должны принять веру, верования, религию *такою, какою* они не будут противоречить ни нашему разуму, ни нашим человеческим знаниям, ни естественному понятию свободы» при этом замечаете, что «у детей Церкви – сила установившейся *традиционной* (курсив наш) веры, что общество должно победить привычные, многолетние и, – увы! – столь обоснованные (?) мысли о лицах духовных, как носителях *неподвижной* религии, *замершей*». Тут надо вам обстоятельнее объяснить, в чём именно и где вы видите православную религию «неподвижной», «замершей»? Говоря так, не забыли ли вы основных догматов Церкви, что область веры – таинственно-мистична, сверхразумна, богооткровенна, что истины веры постигаются *не умом*, а сердцем: «*сердцем бо веруется*», говорит св. апостол Павел, и подтверждает эту истину вековой опыт христианской психологии и непререкаемые свидетельства св. великих подвижников веры и вселенских учителей Церкви. Краеугольный камень, центральный пункт веры христианина есть – *Христос-Богочеловек*, Спаситель мира, Искупитель человечества, Основатель для спасения грешного, бедного человека Своей Церкви с её догматами, таинствами, иерархическим институтом, благодатными дарами. Освещающая, очищающая и обновляющая грешную душу верующего человека, храня полноту истины и даров благодати, Церковь, по святоотеческому выражению, – «никогда не стареет, а вечно юнеет». Самим Христом Церкви даны основные законы её бытия и деятельности на земле, называемые *догматами*, или иначе, *неизменяемыми* богооткровенными истинами. Если в этом вам кажется Церковь «неподвижной, замершей» – о, тогда пропасть, разделяющая интеллигенцию с детьми Церкви, действительно велика и непроходима... И поверьте, что истинная Церковь, в лице своих твердо и свято верующих служителей и народа многомиллионного, никогда не склонит знамени своей веры «традиционной» к подножию какого бы то ни было союза, раз если просвещенные люди пожелали бы измены этому св. знамени, этой опасной сделки.

Не только интеллигенты, но если бы и вся Россия восстала на православную Церковь, или отступила от неё, то всё же останутся избранные и верные «традиционной вере» и среди пастырей, и среди пасомых; припомните, кому сказано: «дерзай, малое стадо»... Церковь, т. е. истинно верующие, не испугаются ничьих «отступлений»; к тому идет, дорогой брат во Христе, дело, ибо сказано, – *едва-ли обрящет веру*, когда придет Спаситель паки на землю. Почитайте послание к Солунянам и 24 гл. Матфея, а также три разговора В. С. Соловьева.

Вот ваш призыв пастырей и миссионеров – *к любви* – это верное, святое слово. Сознаемся, что *этого* подвига, может быть, у нас, в наших отношениях к *врагам* (признайтесь же и вы, что ваша братия интеллигенты – упорные враги Церкви и в частности миссии, конечно, не все!...) и не достаёт, отсюда и *мало иногда терпимости* в отношении к отщепенцам, забвение в иных случаях того, что Христос заповедал *любить* врагов, *благословлять* клянущих... Но не забывайте, что это ведь подвиг высочайшего христианского совершенства, а мы, – не только миссионеры, но и люди... Этот призыв к любви и широкой терпимости к заблудшим, к любви, которая, по апостолу, – *долготерпит, милосердствует, не гордится, не ищет своего, не мыслит зла*, всё покрывает (1Кор.13:4–7), – мы всегда стараемся памятовать, да будет он и в новом году девизом «Мис. Обзор.» в его миссионерском *слове и деле* на спасение враждующих с Церковью заблудших братий наших! Аминь, Аминь!

* * *

Простите, что позволю нечто заметить по поводу вашего отзыва на моё сообщение «о горнице». В ваших словах звучит известное: «что доброго может быть от Назарета»... А вот горницу-то ищущие и обрели, да так легко, просто и с таким простором... Вот и опять, по-братски, напомним вам слова апостола: «прежде времени не судите»... В этой «горнице» я ваше письмо, согласно вашему желанию, прочитал собранию (в нём было четыре духовных лица, три профессора и до 40 лиц, принадлежащих к светскому обществу). Письмо ваше выслушано было с большим вниманием, с полным сочувствием

и благодарностью к вам за искреннее слово и стремление к истине. Теперь могу к сведению вашему и ваших единомышленников сообщить подробности об этой, совершенно новой и во всяком случае знаменательной попытке в области духовной жизни и религиозного самосознания нашего общества.

У нескольких духовных и светских лиц, главным образом из светских писателей, возникла мысль организовать собрания для живого обмена по религиозным вопросам, в освещении историческом, философском, культурном и общественном.

Необходимость таких собраний между прочим мотивировалась следующими соображениями.

Среди многих русских людей внимание к религиозно-философским вопросам пробуждается и усиливается в степени всё восходящей и восходящей. Но препятствием на пути к удовлетворению этой потребности является, между прочим, давнее исторически-укоренившееся разъединение между людьми светского и духовного образования, отчуждение духовной печати от вопросов общественных, а светской от вопросов веры. Устные же собеседования, несомненно обладают такими преимуществами искренности, свободы и простоты, которые в печати неосуществимы.

Имея цели положительные, направленные к выяснению многого для людей светских недоуменного в учении и положении Церкви, люди разных профессий и направлений, составивши тесный кружок, объединенный доверием друг к другу и исканием истины, обратились к духовной власти, в лице высокопреосвященного м. Антония и г. обер-прокурора Св. Синода, с заявлением о предполагаемой пользе подобных собраний и с ходатайством о разрешении сих собраний. Власть отнеслась к этому добровольному стремлению светских образованных людей стать в ближайшее общение с представителями богословской науки и пастырства нашей Церкви, при разрешении волнующих современное общества вопросов веры и жизни, с полною отзывчивостью и от имени Церкви разрешила эти собрания.

Собрания носят название «религиозно-философских». Участвуют в них лица духовные и светские.

Так как «религиозно-философские собрания» имеют задачей обсуждение вопросов веры на почве совершенной терпимости и в широком философском освещении, то всякий искренно интересующийся собраниями допускается к участию в беседах, какова бы ни была его степень приближения к Церкви, а также лица инославные и иноверные.

Делами заведуют 5 лиц: ректор духовной академии преосвященный Сергей, епископ Ямбургский, В. А. Тернавцев, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский и С. В. Миролубов.

Собрания состояются из упомянутых членов распорядителей, постоянных участников и посетителей. Эти последние могут быть вводимы постоянными участниками по предварительном заявлении о том по крайней мере трем членам распорядителям. Все участники собраний одинаково пользуются правом свободного обсуждения данного предмета беседы. Однако не допускается, чтобы расширение состава собраний происходило в ущерб взаимному доверию. Заседания могут быть закрытые и открытые. Для последних каждый раз испрашивается особое разрешение духовного начальства. На закрытых заседаниях никаких официальных записей о ходе прений не ведется, и никаких обязательных для кого-либо решений не постановляется. Председатель для ведения бесед избирается на каждом заседании.

На заседаниях обсуждаются доклады участников как устные, так и письменные. Для обсуждения намечен целый ряд капитальных вопросов, таковы, например:

Отношение интеллигенции к Церкви. – Внутренний опыт в христианстве и возрождение. Таинства и святоотеческий аскетизм. – Ветхий завет, его отношение к новому и в особенности к учению ап. Павла. – Вселенские соборы. – Богооткровенность их определений. – Значение канонических правил и отношение их к догмату. – Разделение Церквей. – Отношение христианства к плоти, земле, науке и культуре. Отношение Церкви к власти. – Государство в христианстве. – Религиозные задачи России. – Ислам. – Его роль в истории, отношение к христианству. – Буддизм. – Хилиазм. – Пророческое учение Церкви об антихристе и кончине мира.

29 ноября состоялось первое заседание религиозно-философских собраний в зале географического общества. На этот раз заслушан был доклад В. А. Тернавцева на вышеуказанную тему об отношении интеллигенции к Церкви.

Вот главные положения этого интересного доклада:

1. Возрождение России возможно только на почве истинного христианства. 2. Учащих сил русской Церкви для такой задачи недостаточно. 3. В настоящее время Церковь (священство её) и интеллигенция – в глубоком разладе между собою. Отношение между ними есть не только отношение веры к неверию, истины ко лжи. Пункты расхождения. 4. Нравственный кризис, переживаемый интеллигенцией, её жажда веры. Возможность обращения при условии действительного ответа на её запросы. 5. Опасность ложных сделок с верою Церкви, 6. Единственное решение – раскрытие со стороны Церкви, как сокровенной в ней «правды и о земле», учения о христианском государстве и религиозном призвании светской власти.

Доклад вызвал живой обмен мнений, затянувшийся до 12 час. ночи. Дебаты продолжатся в следующем заседании.

Так сделана первая знаменательная попытка к духовному общению представителей богословской науки и пастырского служения с людьми светского культурного общества.

Почин вышел, по общему признанию, добрым и многообещающим. А ведь *bonum initium est medium rei...* Бог ведает, может быть, «этой горнице» суждено иметь значение евангельского «зерна горничного». При истинно христианском дерзновении любви друг к другу всё возможно. Прииди и виждь.

* * *

P. S. Хотя и жестоко ваше слово признания о том, что вам (ведь вы не школьник?) приходится прятать синенькие обложки моего «Мисс. Обзор.», но я и эти слова вашей дорогой для меня откровенности печатаю, как доказательство вышеуказанной мною нетерпимости и деспотизма российской либеральной интеллигенции к чужому убеждению, хотя лично для меня это и не ново. Что ж делать? насильно мил не будешь. Важно одно, чтобы совесть была покойна, чтобы сохранить верность долгу христианина и гражданина. Я хорошо помню

слова св. Писания: «горе, егда добре вам *вси* человецы рекут». А вашим присным полезно было бы напомнить богомудрые слова св. апостола и глашатая христианской свободы и терпимости: «все испытывайте, хорошего держитесь».

А вам за письмо еще раз большое спасибо.

* * *

От кривотолков и наветов вообще трудно избавиться, а нашему брату-миссионеру особенно... Вот кн. Волконский упрекнул нас в Спб. Ведомостях, почему де редакция «не подчистила» разногласий в статьях моих сотрудников в суждениях их по вопросу «о свободе совести».

Это уже совсем не либеральный урок из либерального органа, ратующего за свободу совести, редакции якобы нетерпимого духовного журнала. Девиз наш – никогда не навязывать своего и не выдавать чужого за своё.

В «Нов. Времени» (см. фельетон В. В. Розанова о миссионерстве) меня обвинили в том, что я будто бы приписал павловским сектантам кличку «толстовцев», «анархистов» и проч. А между тем я *лично* ни единым словом не отозвался еще на это событие, в виду производящегося судебного расследования обстоятельств этого печального дела, отложив своё суждение до времени.

* * *

До свидания, читатель, до следующей беседы в новом году. Влагая в дорогое и мне, и вам дело журнала всю любовь моего сердца, позвольте надеяться встретиться не только с каждым из нынешних моих читателей-подписчиков, но и с вашими друзьями и знакомыми, вниманию которых вы не откажете рекомендовать «Мисс. Обзор».

В. Скворцов

Где я нашел антихриста?

Милостивый Государь г. Редактор!

Сейчас, получив ноябрьскую книжку «Миссионерского Обозрения», прочитал ваши заметки «Со скрижалей сердца», и сейчас же, не откладывая в длинный ящик, принимаюсь писать вам тоже «со скрижалей сердца» о нижеследующем, в надежде, не попадет ли моё письмо в декабрьскую книжку, на страницы того же отдела.

Вы догадываетесь уже, что я хочу говорить по поводу вашего сообщения о беседе моей с бегуном Ермолаичем (стр. 200–201). В передаче вашей есть некоторые неточности, но не в них дело. Есть в ней одна недомолвка, которая требует пояснения и дополнения, так как благодарность бегуна за то, что я «нашел антихриста» и даже «успокоил» его, может привести в недоумение читателей и особенно миссионеров.

Дело было так. В год нижегородской выставки (1896) на одной из наших бесед (предмета беседы не помню) обратил особенное моё внимание неизвестный мне старик, – прямо против кафедры сидевший, – жадно вслушивавшийся в каждое моё слово и спокойно, в мирном настроении предложивший несколько не значащих вопросов. Пред самым окончанием беседы он вдруг спросил: «скажи, пожалуйста, Н-й Ив-ч, скажи по правде, положи руку на сердце, как, по твоему убеждению, пришел антихрист, или нет? – Ведь от этого всё зависит!» Подумав, мы ответили... «А ведь, пожалуй, я даже видел антихриста, только не знаю, самого ли, или его предотечей». Старик быстро вскочил с места, почти подбежал к кафедре и, взволнованным голосом проговорил: «скажи, скажи, где ты его видел»! «Есть писано, сказали мы, в Толковом апостоле: *зриши ли, яко мерзость запустения не есть жертва свята угодна и приятна Богу, но спустошение её, еже соделает антихрист пред пришествием Господним. И сие спустошение послании от него лжепророку начинают* (л. 549 об.)». – «Это я читал», заметил старик. – «Был я, продолжали мы, в прошедшую зиму в одной федосеевской моленной в Казани, на

дневном богослужении.²⁶⁶ Вся восточная стена моленной заставлена иконами, перед которыми – лампы и свечи горят, посредине стол, покрытый пеленою, аналой для чтения, с правой стороны клирос для певчих; слушаю: читают часы, изобразительные, начинают молебен. Всё хорошо. Всматриваюсь более внимательно и не вижу, – чего бы ты думал? – не вижу алтаря Господня, не вижу престола Христова, не вижу приношения Его Жертвы, Жертвы Святой, угодной и приятной Богу, вижу воочию её опустошение. Сопоставляя виденное мною с тем, что в книге писано, я и думаю, что, если не сам антихрист, то предтечи его и обретаются у федосеевцев и всех других безпоповцев, учителя которых именно и начинают опустошение Христовой Жертвы, проповедуя, что и без неё возможно содевать спасение, и соблазняя своею проповедью и некоторых из наших. У нас же она, милостью Божией, приносится, а не спустошена. Не дай Бог, чтобы это спустошение и нас коснулось! – Вот, где я видел антихриста!! Старик не ожидал этого и в каком-то испуге отшатнулся и быстро сел опять на свое место, понунив голову и не проронив более ни слова.

Прошли года, и мы думали, что слова наши забыты. Однако оказалось, что они оставили глубокий след, только истолкованы были не в ту сторону. Когда после пятилетнего отсутствия в Нижнем Новгороде на беседах мы появились, по приглашению преосвященного Назария, в прошедшую ярмарку, то оказавшийся на беседах старик, напомнив нам о себе и о запавших в его душу наших словах, просил позволения прийти к нам, поговорить. Мы пригласили, указав время. В назначенное время он и явился с гостинцами. Приняв его, как должно, мы спросили, за что он мне так благодарен. Старик отвечал: «за то, что помнишь, ты мне антихриста указал». Мы спросили: «где указал?» Старик пояснил так: «Проходил я после твоей беседы мимо моленной часовенных (поповцев, только неизвестно, австрийского священства, или беглопоповцев – Бугровских), смотрю, петь на ней креста, да нет и алтаря. Иду и думаю: вот, значит, где Н-ай Ив-ч указал антихриста, – ведь алтаря-то нет». Выслушав это, совсем неожиданное заключение, мы сказали:

«нет, не там мы находили антихриста, потому там, внутри, может быть, и алтарь есть, служатся и литургии, хотя и не часто, значит, и жертва Господня у часовенных не опустошена, хотя и незаконными «попами» совершается; нет, а нашел я антихриста, при совершенном опустошении Христовой жертвы, у безпоповцев, положим, поморцев, нетовцев, федосеевцев и у вас бегунов. Значит, за что же ты меня благодаришь?» Старик ответил: «а я думал, что там, у часовенных ты его нашел». Тогда я сказал: «выходит, между нами недоразумение: антихриста я нашел, между другими, и у тебя, а ты мне подарок несешь; возьми его назад!» Старик сказал: «нет, назад все-таки не возьму, очень я уж тебя полюбил. Да и ведь теперь я и от них (бегунов) отшатнулся... Меня ведь, Н-ай Ив-ч, на всех 7 вселенских соборах проклинали бы, если бы я жил в то время; потому что я теперь один остался и не знаю, куда пристать. Вот что беда то!» «Ну, это – другое дело», заметили мы и повели речь об имени Иисуса. Старик сказал, что это ин бог. Книг у нас под руками не было, а говорить без книг по данному вопросу было совершенно бесполезно. Тут мы, на вопрос старика об «Евстолеюшке», сказали, что она приедет, привезет самую старую книгу (Остромирово Евангелие) и поговорит с ним, объяснит, почему и сама она ушла от бегунов. Старик выразил полное удовольствие и Евстолия-Елисавета, эта, по вашему, «дочь бегунского полка» была вызвана. К сожалению, ей мало пришлось видаться с «отшатнувшимся» от бегунства стариком, потому что чрез день после её приезда в Нижний он уехал, куда то вверх по Волге слушать беседы бегунских начетчиков с известным Коноваловым. А ей чрез три дня нужно было, – вследствие определения на место учительницы в земскую школу, – возвратиться обратно. Больше со стариком Ермолаевичем и мы не виделись и не знаем, в какую сторону потянуло его. Но Бог не без милости.

Принесенные подарки Ермолаевич оставил. «Дочь же бегунского полка», – окончившая курс в женском окружном училище Духовного Ведомства, – состоя учительницей, в то же время по воскресным дням принимает участие в вечерних чтениях по расколу, открытых с благословения

Высокопреосвященнейшего архиепископа Арсения местным священником. Читают пока мои книги и статьи, помещенные в «Собрании моих сочинений, т. I», – с некоторыми объяснениями. И то слава Богу.

Профессор *Н. Ивановский*

Примечания

¹ - См. «Православный Собеседник» за 1899 г. или «Сборник сочинений студентов Казанской Дух. Академии», т. I, 1900 г.

² - «Два рода ученых и мудрых людей: одни учатся в школах от книг, и множайшие от них суть безумнейшие паче простых и безграмотных, яко и алфавита христианского не знают; ум острят, слова исправляют и красят, но сердца своего исправить не хотят. Другие учатся в молитве со смирением и усердием и просвещаются от Духа Святого и суть мудрейшие паче философов века сего; суть благочестивии и святии, и Богу любезнии; сии хотя алфавита не знают, но добро всё разумеют; просто, грубо говорят, но красно и благоприятно живут. Сим, христианине, подражай» (III, 193).

³ - См. Миссион. Обзор. 1899 год, январь и апрель.

⁴ - Около трех лет назад производилось дело об одном распространителе сектантства, учение которого представляет смешение штундитских и иеговистских понятий. При производстве предварительного следствия следователь спрашивал нашего заключения.

⁵ - Выяснилось по одному делу троицкого окружного суда.

⁶ - Излюбленное выражение Ильина и его последователей.

⁷ - «Луч света», рук. наш. библ. См. в Прав. Собес. 1876 г., ч. 2, стр. 100.

⁸ - Как же это, когда «всякому человеку назначение в природе» умирать; выходит, что и Бог – смертен. Так ли это?

⁹ - Один из первых хлыстовских ересиархов, о распятии которого на стене Московского Кремля и о воскресении передается в сказаниях хлыстов.

¹⁰ - «Луч Света», см. Прав. Собес. цитованную статью за 1876 год.

¹¹ - См. Миссион. Обзор. 1900 г., февр., стр. 278–279.

¹² - Прав. Собес. стр. 101.

¹³ - Прав. Собес. стр. 102.

¹⁴ - См. о нём в Миссион. Обозр. 1899 г., апрель, стр. 409–410. Наша экспертиза.

¹⁵ - См. «Мисс. Обозр.» май.

¹⁶ - Книга правил, стр. 47, 180.

¹⁷ - Св. Кирилла иерусалимского Тайноводств. поучения, III, 5. По словам св. Иринея миропомазание «пища жизни» – Иринея против ересей, кн. 4, 28 л.

¹⁸ - Писания св. Отцов и учителей Церкви, относящиеся к толкованию Прав. Богослужения, т. II, 86–87 стр.

¹⁹ - Иерархия англик. еписк. Ц. В. Соколова, Богосл. В., 1897 г., декабрь, стр. 346.

²⁰ - Беседы об основных истинах св. правосл. веры, Сергия арх. Влад., 205 стр.

²¹ - Συνοδικόν sive Pandectae canonum. T. Secundus. Annotationes, p. 100.

²² - Кормчая, гл. 33, 293 л.

²³ - Ibidem.

²⁴ - «Братское Слово», 1895 г., т. II, 665 стр.

²⁵ - «Миссионерское Обозрение», 1898 г., ноябрь, стр. 1447.

²⁶ - Иерархия англик. еписк. Церкви. В. Соколова. Богосл. В. 1897 г., октябрь, стр. 35.

²⁷ - Обратим внимание на то противоречие, в котором находятся поповцы, оправдывающие чиноприем, посредством которого они приняли в своё общество Амвросия. Противоречие заключается в том, что поповцы чрез допущение подобного чиноприема в одно и то же время признают благодать в православной Церкви и не признают: признают, когда принимают приходящих к ним клириков правосл. Церкви в их степенях священства и не признают, когда над теми же клириками довершают миропомазание, считая таким образом миропомазание, совершенное в прав. Церкви, недействительным. Явное сие противоречие происходит от того, что подобно всем раскольникам поповцы в слепом ожесточении против прав. Церкви очень склонны признать её безблагодатною, почему и довершают над переходящими к ним

из правосл. Церкви клириками миропомазание, считая безблагодатным таинство миропомазания, совершенное в православной Церкви. Но держась последовательно такого взгляда, поповцы должны были бы «довершать» и другие таинства православной Церкви, т. е. должны были бы, напр., снова рукополагать всех переходящих к ним из правосл. Церкви попов и самого Амвросия, что уже невозможно было сделать поповцам доамвросиевского времени по недостатку лиц, могущих передавать благодать хиротонии. Вот почему те же поповцы всех переходящих к ним клириков православной Церкви принимают в сущем сани, т. е. в прямое себе противоречие признают благодать за таинством правосл. Церкви. Желая во что бы то ни стало избежать упрека в допущении столь явного противоречия в своём учении, поповцы проповедуют такое нечестивое учение, будто бы Амвросий (а по примеру его и все переходившие в раскол клирики правосл. Церкви) в православной Церкви получил одну только форму таинства хиротонии, а содержание – благодать сего таинства сообщена была Амвросию будто бы при самом переходе в раскол. Но православная Церковь в своём догматическом учении не разделяет правильной формы таинства от благодати, преподаваемой в сем таинстве настолько, чтобы допускать возможность существования одной какой-либо стороны таинства в отдельности и независимо от другой. По учению правосл. Церкви, раз таинство совершено правильно по внешней форме лицом, имеющим на то право, то и благодать признается несомненно присутствующей в сем таинстве, а так как хиротония, совершенная над Амвросием патриархом константинопольским, по форме была совершенно правильна, то посему и благодать сего таинства должна считаться несомненно присутствовавшей на Амвросии до перехода его в Белую Креницу.

²⁸ - «Православный Собеседник», 1888 г., март.

²⁹ - «Христианское Чтение», 1860 г., январь. «О последней попытке раскольников найти себе епископа» И. Нильского, 32 стр., прим. 1. Заметим, что некоторые старообрядцы также думают, что под возложением рук в 8 правиле 1 Вселенского

собора разумеется миропомазание (см. «Братское Слово», 1895 г., т. II, стр. 474). Против такого понимания правила следует заметить, что с 4 века возложение рук составляет отдельное от миропомазания действие и потому не может быть отождествляемо с миропомазанием, в чём можно убедиться из 68 правила карфагенского собора, по которому младенцы, крещенные в раскольнических обществах (следовательно, уже миропомазанные), должны были приниматься в православную Церковь чрез возложение рук.

³⁰ - В этом случае Павел был согласен с мнением инок Никодима, известного ходатая по вопросу о даровании старообрядцам законных священников, который ясно сознавал в своё время неосновательность приема в своё общество беглых попов чрез миропомазание. Известно, что на соборе, созванном в Москве в конце 18 века для решения вопроса о том, каким чином принимать беглых от Великороссийской Церкви попов, – вторым, или третьим, лучшая часть старообрядцев, к которой принадлежал Никодим и большинство представителей от петербургских беглопоповцев, доказывала совершенно верную мысль, что, если «перемазывать» попов, то нужно перекрещивать их, а в таком случае и вновь рукополагать, что однако не соответствовало тогдашней практике беглопоповцев, принимавших беглых попов чрез миропомазание, но с оставлением в сущем сане.

³¹ - История Белокр. священства Н. И. Субботина., «Бр. Сл.», 1886 г., т. I, 25 стр. Орловские старообрядцы диаконовского согласия также считали невозможным допустить принятие епископа вторым чином; они говорили, что «действием миропомазания, равно как и крещением уничтожается самая хиротония, так что по миропомазании подобает уже изнова хиротонисати», добавляя при этом еще и то, что «священнику епископа миром помазывать есть дело ни с чём не совместимое». «Братское Слово», 1886 г., т. I, 445 стр.

³² - «Братское Слово», 1895 г., т. I, стр. 76. «Из моих воспоминаний» Дударева.

³³ - Книга правил, 208 стр.

³⁴ - В старопечатном Потребнике в чине крещения приходящих от ересей читается: «внегда хотят приводимы бывати к православной вере, предварив убо подобает сотворити того оглашенника, оглашена молитвою и действием презвитерским. Первее повелит тем архиерей или иерей преклоняти колена пред дверьми церковными и знаменует приходящих трижды». Не указано, говорят, различия между архиереем и иереем, следов., как архиерей, так и иерей может принять приходящего от ереси архиерея. Но для всякого очевидно, что иное дело приготовление к таинству крещения, иное дело принятие приходящего к Церкви неправославного архиерея. Научить основным истинам христианской веры, конечно, может и иерей, но последний ни в коем случае не может единичною своею властью оставить приходящего к Церкви неправосл. архиерея в сущем сане, – как-бы возвратить ему епископское достоинство; последнее – в силах сделать только собор епископов правосл. Церкви: «Яко же невозможно ему (иерею) хиротонисати, сицини испадшаго на степень священства возвращати», говорится в Номоканоне (л. 57).

³⁵ - Заметим еще, что все правила, которые издавались Церковью в различные времена относительно тех или иных способов принятия еретич. и раскольнич. клириков, могут применяться только в православной Церкви: «аще приступят к Церкви», говорится о еретиках и раскольниках в 8 пр. 1 Всел. собора, старообрядческое же общество не может приводить сии правила в оправдание своих действий, так как оно до перехода в Б. Кринуцу Амвросия не представляло даже и вида истинной Церкви Христовой, а было только самочинным сборищем людей, находившихся под клятвою отцов собора 1666–67 гг.

³⁶ - Вот это мнение князя Мещерского; приводим его в подлиннике. Есть в настоящее время мнение в высших сферах нашей церковной иерархии, с которым никак нельзя помириться. Оно заключается в признании не только возможным, но и полезным обнародовать в печати самые выдающиеся нападки на нашу Церковь её внутренних врагов, с приложением к ним догматических опровержений... В силу этого мнения появилось в печати и читалось миллионами лиц бестактное письмо графини

Толстой, направленное против послания Святейшего Синода, конвоированное ответным ей посланием петербургского митрополита; вероятно, в силу этого мнения появилось в епархиальном журнале «Вера и Разум» крайне неприличное послание какого-то анонима, уже без всяких комментариев, и, наконец, в силу этого же мнения до меня дошел слух о признании будто бы полезным печатать ответное послание Синоду самого графа Толстого, с приложением к нему догматических возражений... Признаюсь, прихожу в глубокое смущение от этой новизны во взглядах иных наших иерархов на вопрос о роли и о действии печати по отношению к разрушителям авторитета Церкви... Их рассуждение такое: всё равно, запрещено или допущено чье-либо печатное нападение на Церковь, его все читают, даже более того, раз оно запрещено, его больше стараются прочесть, чем разрешенное; если это так, то не лучше ли вместо того, чтобы антицерковную статью, печатаемую за границею, читали без опровержений, печатать её у нас, но с тем, чтобы читающие её могли в тоже время прочесть и возражение на эту антицерковную статью. Повторяю, не нахожу способа мириться с такою логикою, вследствие которой, очевидно, все печатающиеся за границею против Государя и Его правительства статьи должны быть перепечатываемы в «Правительственном Вестнике» и в «Губернских Ведомостях», но с приложением опровержений за подписью губернатора... Логика такая: там, за границею, делается опыт по отношению к нам тайного соблазна; в ответ на него у нас будет сделан опыт явного соблазна, но с аккомпанементом морали... Я, например, не читаю заграничных запрещенных у нас изданий ни здесь, ни за границею, но мне известную запрещенную статью подносят в тексте русского издания: я его прочту, несомненно, но прочту ли опровержение, его конвоирующее, это еще неизвестно... И если таких, как я, сотни тысяч, то спрашивается, какая практическая польза этого печатания запрещенной вещи; ведь ясно, что не будь запрещенная вещь напечатана у нас с опровержением, никто из сотен тысяч её бы не прочитал, но раз она напечатана, из ста тысяч сотни две получают хорошее впечатление от

опровержения, а десяток тысяч людей соблазнится и смутится запрещенною, но напечатанною вещью и опровержения не прочтут... Это одно соображение. Но другое еще практичнее и проще и убедительнее... Всякое запрещенное произведение графа Толстого заграничное издание прочтут десятки и сотни тысяч русских интеллигентов, на которых никакое опровержение не подействует, но миллионы людей его не прочтут. Если же вы напечатаете тоже произведение у нас с опровержением, то первое прочтут миллионы, а опровержение прочтет половина одного миллиона. В результате получатся миллионы смущенных не графом Толстым, а теми, которые его перепечатали с опровержением... Мне скажут: слабых нужно утверждать в минуту соблазна. Да, – отвечу я, – слабых нужно утверждать, но не этим путем, печатной полемики, а путем постоянного действия на души умных и сильных пастырей Церкви. Путь полемики в печати двух утверждает, а 200 соблазняет и сбивает с толку! Статьи в журнале «Вера и Разум» читали сотни тысяч, платя за экземпляр газеты по 3 рубля, а объяснение высокочтимого харьковского иерарха, почему он допустил сии статьи к печати, никто не прочтет»...

³⁷ - Не такого узкого, бюрократического взгляда держался покойный М. Н. Катков, по вопросу о значении и долге печати в отношении Церкви. Правда, что М. Н. Катков мог говорить и желать, как верный сын Церкви, глубоко понимавший зиждительное значение для России православия, то, к сожалению, не может быть осуществимо, до тех пор, пока печать не будет в руках честных мыслителей, патриотов и верующих людей, а нынешняя наша светская пресса в своём большинстве или в руках евреев, или неверующих космополитов, готовых в угоду антицерковному духу времени предать Самого Христа даже и не за тридцать сребреников. Вот что сказал назад тому 25 лет М. Н. Катков по настоящему вопросу. «Гласность относительно вопросов церковных важнее, чем в какой-либо другой отрасли жизни. Нельзя без грусти видеть, как в русской мысли постепенно усиливается равнодушие к великим интересам религии. Это следствие тех преград, которыми хотят насильственно отделить высшие

интересы от живой мысли и живого слова образованного русского общества. Вот почему в литературе нашей замечается совершенное отсутствие религиозного направления. Где возможно повторять только казенные и стереотипные фразы, там теряется доверие к религиозному чувству, там всякий поневоле совестится выражать его... Эта насильственная недоступность, в которую поставлены у нас все интересы религии и Церкви, есть главная причина того бесплодия, которым поражена русская мысль и всё наше образование; она же, с другой стороны, есть корень многих печальных явлений в нашей внешней церковной организации и жалкого положения большей части нашего духовенства. Неужели нам суждено всегда обманывать себя и хитросплетенною ложью официальных фраз убаюкивать нашу совесть и заглушать голос вопиющих потребностей? В таком великом деле мы не должны ограничивать горизонт наш настоящим поколением, и с грустью должны мы сознаться, что будущность нашего отечества не обещает добра, если продлится эта система отчуждения мысли... Не добром помянут нас потомки наши, вникая в причины глубокого упадка религиозного чувства и высших нравственных интересов в народе, чем грозит нам не очень далекая будущность России. Признаки этого упадка замечаются и теперь, и нам, живущим среди общества и имеющим возможность наблюдать жизнь в самой жизни, а не в искусственных препаратах, признаки эти заметнее, нежели официальным деятелям, которые, по своему положению, иногда при всей доброй воле, не могут усмотреть, не только оценить многих характеристических явлений в народной жизни. Никакое праздное, дерзкое и ложное слово, прорвавшееся при свободе, не может быть так вредно, как искусственная и насильственная отчужденность мысли от высших интересов окружающей действительности. При свободе мнения, всякая ложь не замедлит вызвать противодействие себе, и противодействие тем сильнейшее, тем благотворнейшее, чем резче выразится ложь. Но нет ничего опаснее и губительнее равнодушия и апатии общественной мысли» («М. Н. Катков» Любимова, стр. 80).

³⁸ - Как сознается сам кн. Мещерский: «мне известную запрещенную статью подносят в тексте русского издания: я его прочту несомненно, но прочту ли опровержение его конвоирующее, это еще неизвестно»...

³⁹ - Живой пример этому видим в ниже напечатанном письме гр. Владимира Бобринского, который пишет, что св. Церковь ему стала особенно дорога по прочтении грубых нападок на неё Л. Толстого.

⁴⁰ - А между тем сам Лев Толстой в ответе Св. Синоду заявляет, что он будто бы ранее сделал распоряжение не совершать над ним погребения. Не в одно говорят супруги Толстые... Ред.

⁴¹ - А мы иного мнения на этот счет. Ред.

⁴² - В настоящее время эта Апология напечатана в Миссионерском Обзоре 1901 г., июнь, стр. 806–814.

⁴³ - Моск. Вед. № 186.

⁴⁴ - Реферат напечатан во второй книге приложения к «Миссион. Обзр.».

⁴⁵ - Не оспаривая своих преимуществ благочиннических миссионерских собраний, мы должны заметить, что в других епархиях более прививаются уездные или окружные съезды, которые вводят в взаимообщение большее число местных деятелей миссии и тем представляют для суждений гораздо более богатый опыт и разнообразные наблюдения, а поэтому здесь возможен более полный и плодотворный обмен мнений с людьми новыми для благочиния; чрез уездные съезды вернее достигается и объединение деятелей миссии данного района, относительно способов, приемов, мероприятий. Этого нельзя заменить ни личностью миссионера, ни тем паче циркулярным руководством комитета. Ред.

⁴⁶ - А главное – брошюра о. Плотникова: «Дополнительные сведения по Закону Божию» и «Дополнительные уроки» С.-Петербургского миссионера М.И. Чельцова. Ред.

⁴⁷ - При письме посылались аметистовые четки.

⁴⁸ - Давая место на своих страницах настоящему объявлению по предмету, имеющему столь важное значение в

религиозном и церковно-экономическом отношениях, редакция сочла долгом предварительно убедиться в достоверности публикуемых данных, путем ознакомления с образцами и отзывами одобрительными. Ред.

⁴⁹ - Читано 22 ноября 1900 г. в киевской народной аудитории.

⁵⁰ - Заимствуем эти сведения из кн. проф. Ивановского: Секта хлыстов. Казань, 1898 г.

⁵¹ - Все вышеизложенные сведения опубликованы на основании судебно-следственных протоколов и потому не подлежат сомнению.

⁵² - Читай о духоборах в «Мисс. Об.». 1897 г., июнь, кн. 1, стр. 497–517.

⁵³ - «Мисс. Обзор.», июль-август, стр. 14–28.

⁵⁴ - «Луч света», ч. 5 и 6 рукоп. нашей библиотеки.

⁵⁵ - По этому поводу мы слышали от человека вполне достоверного рассказ о том, как один молодой человек, ехавший по железной дороге, из Нижнего в Москву, в вагоне 3 класса громогласно проповедовал учение Толстого о непротivлении злу. Все слушали эту проповедь. Но случилось, что на одной станции, по выходе его из вагона, его место заняла какая-то женщина и уступить не хотела. Молодой человек стал угрожать жалобой кондуктору. Тогда один из спутников, не решавшийся прежде вступить в спор, громко, – чтобы все слышали, сказал: «как же вы, господин, сейчас проповедовали о непротivлении злу, как ученик Льва Николаевича, а сами первый и хотите противиться злу?!...» Молодой проповедник тотчас же ушел в угол вагона и всю дорогу уже молчал. Как легко решаются иногда мудреные вопросы.

⁵⁶ - Ст. г. Шарапова «Где правда?» напечатана в «Миссионер. Обзор.» за текущий год в мартовской книжке.

⁵⁷ - См. «Р. Тр.» 1898 г., № 16.

⁵⁸ - «Мис. Обзор.» 1901 г., Март, стр. 329.

⁵⁹ - «Р. Тр.» 1898 г, № 16.

⁶⁰ - «Мис. Обзор.» 1901 г., Март, стр. 324.

⁶¹ - Ныне умерший.

⁶² - Подчинение Савватия духовному совету простиралось до того, что ему не позволялось не только назначить куда-либо дьячка, но даже нанять прислугу для себя без ведома и дозволения совета; ему без дозволения того же совета запрещено было выезжать из Москвы, предписано было, чтобы все присылаемые ему письма и послания представлялись совету для указаний относительно ответов. Так обращались московские раскольники со своими владыками. Очевидно, и по их понятиям, эти владыки не более как куклы, для того только наряженные в архиерейские одежды, чтобы тешить их самолюбие. См. «Странник» 1886 г. в статье г. Преображенского «Современный раскол», стр. 329. Статья эта составлена по журналу «Брат. Слово» за 1884 и 1885 годы. Этою статьею «Странника» и продолжением её за следующие годы журнала мы и пользуемся.

⁶³ - Другу раскола, г. Шарапову, так тщася заявлять о своём в отношении раскола правдолюбию и беспристрастию, не делает никакой чести, что он не в состоянии оказывается даже упомянуть имени Н. И. Субботина *sine ira et studio*.

⁶⁴ - Разумеется собор, открытый 6 мая 1887 года, на котором лжеокружники потерпели полнейшее поражение от противокружников.

⁶⁵ - В котором возможно и целомудрие, и воздержание, и даже противоестественные отношения.

⁶⁶ - Сказано: трудно – но не невозможно.

⁶⁷ - А церковь может указать тысячи подвижников, достигших истинного совершенства, победивших в себе все страсти, кроме одной – беспредельной любви к Богу и ближнему.

⁶⁸ - См. «Мисс. Обзор», Апрель, 519–532.

⁶⁹ - «Миссионер. Обзор», Март, 361–371.

⁷⁰ - Старообрядческие переписчики для списывания книг обыкновенно употребляют гусиные перья, находя их очень удобными и безгрешными, в смысле их природной фабрикации.

⁷¹ - Раскольники-монахи живущих в миру называют «вавилонянами», а самый мир «Вавилоном», утверждая, что в этом именно Вавилоне в настоящее время и царствует антихрист. Не смотря на это, они от христолюбцев-вавилонян принимают милостыню в виде кредитных билетов, крупчатки, изюму, меду, масла, штуками ситца, сукна и т. п. предметов домашнего обихода.

⁷² - Ласкательное слово «отче».

⁷³ - Сорок.

⁷⁴ - У старообрядца, который усердно постукивает пальцами во время моления по плечам и по животу, т. е. не жалеет своей плоти, сначала образуются масляные пятна, а через год, много через два, на тех местах подрясника образуются дыры.

⁷⁵ - Раскольники не находят предосудительным спать в молитвенных домах и целыми повалками иногда в ночь на большие праздники спят у самых икон. В одном селе грамотный старообрядец, недовольный этим небрежным обычаем, однажды сказал мне: хоть бы и не было показано в уставе утром кадить св. иконы, всё равно необходимо надо покадить потому, что наши молеельщики спят, как свиньи: хоть топор с топорщиком повесь, – не беспокойся, не упадет.

⁷⁶ - Шестопсалмие.

⁷⁷ - У раскольников-монахов ряса застегивается на 12 пуговиц, по числу якобы 12-ти апостолов; откуда они это взяли, – я не мог узнать.

⁷⁸ - Моление о здравии благодетелей и всех своих собратий в старообрядческих скитах производится: 1) по окончании вечерни, 2) после ужина, 3) по окончании повечерницы, 4) на следующее утро после чтения первого часа, 5) по окончании молебна (молебны они служат ежедневно и по нескольку в раз) и 6) после обеда. Это заздравный стих, с пятью поклонами, общепринятый у всех старообрядцев, к какому бы толку они ни принадлежали. Они считают обязанностью помолиться за каждое присутствующее в молельне лицо, если бы молящихся было и громадное количество. Молятся они также и за не присутствующих за службой, но лишь за тех,

которые у скитян заслуживают чем-либо особого уважения: родством, заступничеством перед полицией, богатыми подаяниями и т. п. хорошими качествами.

⁷⁹ - Это моление Пресв. Богородице совершается у них ежедневно.

⁸⁰ - Звонарь.

⁸¹ - Весьма содержательная, строго обработанная и коснувшаяся насущных нужд миссионерского дела. Речь эта напечатана в Полоц. епарх. вед. Ред.

⁸² - У нас по ошибке в прошлой заметке о витебском съезде (июль-август) назван Никонов вместо Дюбин. Ред.

⁸³ - Редакция наша, свято охраняя принцип *audiat et altera pars*, – с удовольствием дает место настоящему возражению, не смотря на стеснительный для печатного органа объем статьи. Раз г. Марков – не раскольник, а единоведец, то для нас совершенно ясно, что мы ошиблись, поместив на страницах миссионерского органа статью г Вельского, в чём и выражаем искреннее сожаление. Редакция.

⁸⁴ - См. «Мисс. Обзор.», февраль 1901 г., стр. 236.

⁸⁵ - Амиель – профессор философии Женевского университета, род. 1821 г., умер 1881 г. Не выделяясь при жизни из числа других ученых и писателей, Амиель приобрел обширную известность посмертным изданием его дневника, который он вел в течение 30 лет. Труд этот поражает глубиной содержания, красотой изложения и искреннею задушевностью. На русский язык переведен дочерью Л. Н. Толстого под его редакцией и с его предисловием. Ред.

⁸⁶ - Герой рассказа – «Казачи».

⁸⁷ - Герой повести «Смерть Ивана Ильича».

⁸⁸ - Князь Андрей Болконский одно из действующих лиц романа «Война и мир».

⁸⁹ - Действующие лица в расск. «Хозяин и работник».

⁹⁰ - 1) В этом случае штундисты, вопреки своему обыкновению пользоваться русским переводом книг св. Писания, намеренно читают первые слова 27 ст. по славянскому тексту, так как употребленное здесь слово «вера»

(в рус. пер. стоит более близкое к подлиннику «благочестие») дает им возможность смешивать веру с делами и утверждать, что вера заключается в делах.

⁹¹ - Окончание. См. «Мисс. Обзор.» Сент., стр. 233–248.

⁹² - В «Брат. Слове» (№ 8-й) «предложение» приводится полностью. У нас же оно излагается в сокращении.

⁹³ - И за которое, – напомним лишний раз – г. Шарапов особенно их восхваляет и превозносит. «Старообрядцы, говорит он, правы во всей обстановке. Они сохранили всю древнерусскую церковную обстановку: у них уставность богослужения, правильное отношение клира и народа (а «владыки», как «пленники»?!), истовое благочестие».

⁹⁴ - Ужели и г. Шарапов продолжит утверждать, что, в случае восстановления церковного единства между православными и раскольниками, последние принесут (в это единство) то, что мы потеряли, но что они так упорно и бережно хранят, – «церковную обстановку»?... Но ведь это утверждение походило бы на упрямство ослепленного фанатика.

⁹⁵ - См. «Мисс. Обзор.» апрель стр. 493–506.

⁹⁶ - Ч. I, стр. 112. Ср. Степенная книга, ч. I, стр. 166.

⁹⁷ - Ч. II, стр. 56.

⁹⁸ - «История Российская», кн. II, стр. 228.

⁹⁹ - См. К. Истомин, «Историческое исследование о богомилах». 1865 г. Харьков, стр. 110, 111. П. Мельников, «Тайные секты». Русский Вест. 1868 г., т. 75, стр. 16–17.

¹⁰⁰ - Анна Комнен «Alexias» pag. 48.

¹⁰¹ - «Книга, глаголемая Кормчия, рекше правило закону». Рукопись Московской дух. академии.

¹⁰² - В своё время князь Курбский жаловался: «нынешняго века мнящиеся учителя больше в болгарския басни, ибо паче в бабския бредни упражняются, прочитают и похваляют, неже в великих учителей разумех наслаждаются».

¹⁰³ - См., напр., Описание Рум. муз. № CCCCXLIX, стр. 716, 717.

¹⁰⁴ - Прав. Собеседник, 1861 г., ч. 1. стр. 278 и дл.

¹⁰⁵ - Прав. Собеседник, 1861 г., ч. I, стр. 258–265.

¹⁰⁶ - Терещенки «Быт русского народа», V, 44–47.

¹⁰⁷ - Прав. Собеседник 1861 г., ч. I, стр. 267. Ср. Историко-статистич. описание Смоленской губернии, стр. 36.

¹⁰⁸ - Ивановский. Руководство по истории русского раскола в 1886 г. Казань, стр. 117, 118. – В «разглагольствии Тюменьского странника», составленным бегуном Василием Москвиным (в 20 годах нынешнего столетия), так изображены эти два царства. В царствии Божием: 1) Бог истинный, Творец всея твари, Зиждитель, Вседержитель, Пастырь, Руководитель и всему миру Хранитель и Спаситель; 2) Дух Святой, истинный, животворящий; 3) Град небесный, Сион вышний, Иерусалим и райские обители в нём и проч. В царстве сатанином: 1) Противник Божий, антихрист, дьявол, сын погибельный, седмиглавый змий, древний клеветник, судия сатанин, титан, преисподний бес; 2) Дух ложный, противный, погибельный и убивательный; 3) Великий град адский, темный вавилон и адовы темницы в нём и проч.

¹⁰⁹ - В особенности из-за так называемого месячного суда, для которого Новгородский архиепископ имел право приезжать в Псков (ровно как Московский митрополит в Новгород) в известные сроки, причем взимались судные пошлины с народа по делам, подлежащим церковному суду.

¹¹⁰ - В 1880 г. в «Харьк. Епарх. Ведом.» была напечатана резолюция преосвященного, обращенная к духовникам священно-церковно-служителей, следующего содержания: «предписывается духовникам епархии на будущее время представлять список духовных лиц, как бывших у них у исповеди, так и не бывших». Местные харьковские газеты распоряжение это перепечатали так: «предписывается духовникам на будущее время доносить как о бывших, так и о не бывших у исповеди». В такой же редакции это было напечатано и в некоторых столичных газетах. – Последствием этого было то, что в великий пост в 1880 г., в городе Харькове, вероятно, и в других местах, исполнили св. долг исповеди и причастия св. Таин не бывшие в течение двух и трех лет, и ни в

одном из прошедших годов не было в Харькове столько говеющих, как в этом 1880 г., как в Великий, так в Петров и Успенский посты.

¹¹¹ - Ук. Св. Син. 15 июля 1866 г., № 1328.

¹¹² - Денежные штрафы за небытие у исповеди отменены в 1801 г.

¹¹³ - Следовало бы в паспортных книжках и во всех других документах, удостоверяющих личность, прописывать, какого он или она прихода.

¹¹⁴ - См. «Мисс. Обзор.», Сентябрь, стр. 267–273.

¹¹⁵ - Невольно является потребность сделать замечание, что толстовство, не смотря на то, что сам глава его проживает в Тульской губ., не имеет здесь какого-нибудь успеха и распространения, – по крайней мере среди крестьянского населения. Благодарение за сие Господу Богу!

¹¹⁶ - Известно, что штундисты всегда любят прикрываться именем баптистов, потому что последним допущена свобода вероисповедания; но такое дозволение относится к баптистам-немцам, что и разъяснено в прошлогоднем циркуляре Министра Внутренних Дел, от 3 апреля.

¹¹⁷ - См. отчет о первоначальной деятельности этого общества.

¹¹⁸ - См. статью его – «Мысли и заметки по вопросам о расколе» «Душеполезное Чтение» Январь 1901 г.

¹¹⁹ - На съезд прибыли некоторые по вызову, другие по собственному желанию или усмотрению своих епископов, – следующие миссионеры; Воронежский Т. С. Рождественский, Тамбовский Г. И. Айвазов и свящ. Ромеров, Екатеринославский А. Я. Дородницын, Киевский свящ. о. С. М. Потехин, Черниговский свящ. о. И. Яворский, Витебские свящ. о. И. Сченснович и о. П. Лепин, Тульский – Д. И. Скворцов, Курский свящ. о. Дмитриевский и диакон С. Попович, из Москвы о. И. Фудель.

¹²⁰ - «Три разговора», стр. 251.

¹²¹ - Подробности см. в моей книге «Единоверие за время столетнего существования его в русской Церкви», гл. IV.

¹²² - М. Филарет. Собрание мнений и отзывов, том дополнительный, стр. 496.

¹²³ - Эту последнюю унию берем во внимание, а не унию греков с латинами потому, что на эту именно унию главным образом ссылаются враги единоверия и потому, что в этой унии подробнее формулированы условия единения.

¹²⁴ - Соловьев С. М. История России, кн. 2, изд. Товарищества «Обществ. Польза», т. X, стр. 1429–1430.

¹²⁵ - Знаменский В. П. Руководство к р. ц. истории, изд. 5, стр. 162, 166.

¹²⁶ - Как известно, русские униаты в течение прошлого XIX столетия возвратились снова к православной Церкви.

¹²⁷ - Можем с уверенностью сказать, что если бы М. А. Стахович отнесся к съезду деятелей миссии без затаенной, как теперь оказалось, предубежденности, а с таким же доверием и искренностью, как руководители съезда и миссионеры отнеслись к нему, допустив его к участию в совещаниях; заявил он наперед и открыто об общем направлении своей заранее приготовленной речи, то его докладу о свободе совести отведено было бы более благоприятное время, и миссионеры отнеслись бы к нему с таким же серьезным, бесстрастным и всесторонним рассмотрением, как это поступлено было на съезде с докладами о. Фуделя и М. А. Новоселова, выступивших с не менее боевыми вопросами. Редактор.

¹²⁸ - Курсив наш.

¹²⁹ - Курсив подлинника.

¹³⁰ - Св. апостол Павел говорит: язычники показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чём свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие (Рим.2:15). Здесь говорится о совести, как законе, почему раньше (в 14 стихе) апостол сказал, что язычники сами себе закон. Об оправдывающем и карающем действии совести, как судии, тот же апостол говорит: похвала наша сия есть – свидетельство совести нашей (2Кор.1:12). По слову св. Григория Богослова, «совесть есть домашнее и неложное судилище, которого невозможно избежать». Имея в виду это личное

(домашнее) значение совести, св. апостол Павел говорит: для чего моей свободе быть судимой чужою совестью? (1Кор.10:29).

¹³¹ - Поставленная между рассудком и волею, совесть следует за первым и предшествует второй. Она получает от рассудка общие начала и совместно применяет их к делу в области воли (См. Нр. Богословие, изд. мною в 1894 г., 50 стр.).

¹³² - Совесть, говорит Ж. Ж. Руссо, «это бессмертный и небесный голос, верный путеводитель (?) и непогрешимый (?) судия добра и зла, который уподобляет человека Богу». Здесь вместе с правдой о врожденной и не искоренённой силе совести, как закона и судии, введены преувеличенные понятия о её верности и непогрешимости, а равно и о уподоблении чрез неё Богу. Эти преувеличения вышли из неправильного общего представления о природе человека вообще, которая, по замечанию Руссо, тем лучше, чем она ближе к первобытной, непросвещенной натуральности. Его Эмиль – вот химера натурального человека Руссо. И однако можно думать, что этот натурализм породил современное либеральное представление о свободе совести, и что из него же произошло и стремление быть сверхчеловеками и человекобогами, которыми по Ж. Ж. Руссо делаются люди именно чрез совесть. Но здесь должно поставить вопрос: у кого же именно из последователей Руссо была и есть верная до непогрешимости совесть? Ответ: такой совести не было ни у кого из либеральных мыслителей и быть не может, ибо природа всех со времени грехопадения извратилась и в том числе совесть. По слову Писания, все прилежно помышляли на злое во все дни (Быт.6:5), сделались как бы рабами своей склонности ко злу (Рим.7:6–8) и даже нравственно-мертвыми (Еф.2:1), имея совесть как бы сожженною (1Тим.4:2).

¹³³ - Антиномизм бывает весьма различный. Попраение закона во имя своей личности, которой будто бы не касаются те или другие законы и правила, составляют антиномизм индивидуальный. Это антиномизм выдающихся людей, которые не признают для себя общественных законов, как высших умов, с которыми, однако, сходятся и люди недостаточных умов, про которых поговорка говорит, что для дураков закон не писан, ибо

крайности сходятся нередко до того, что, по заключению современных психиатров, где граница между гениальностью и слабоумием вырождающихся мнимых гениев, – это неопределимо. Однако насилие выдающихся умов над совестью слабых совершается, как дело обычное, с беспощадным попранием. Есть антиномизм политический «дипломатический» (Макиавелли), при котором утверждают, что язык дан для того, чтобы скрывать мысли. Есть антиномизм социалистический, который большею частью находит своё полное выражение в анархизме, с ниспровержением всех тронов и престолов, а также и с убийством правителей и вообще представителей власти.

¹³⁴ - Автономизм, в противоположность антиномизму, ставит свой закон. И так как всего прочнее ставить новые законы во имя высших начал, то посему автономизм и является преимущественно религиозный, хотя были и есть попытки поставить иные автономизмы, например, научный, которому, говорят, очередь еще не настала, ибо наука еще не выросла, тогда как на почве религиозной можно сразу же стать на мнимовысочайшую точку, в особенности когда, как говорят хлысты, Дух накатит. Еще древние еретики гностики (интеллигенты) считали только себя одних людьми, знающими всё, людьми чистого духа и разума (рационалистами). Посему одни из них считали для себя необязательными никакие внешние предписания, а другие дозволяли себе всё. С такими же требованиями широких преимуществ выступают и многие современные сектанты, которые считают позволенным себе всё, и в том числе пренебрежение всеми условиями человеческого общежития (духоборы) и даже ниспровержение всех существующих порядков и законов, на которых основываются эти порядки, особенно же тех, которые не благоприятствуют развитию их еретических изуверств, нередко направленных ко вреду семейной жизни и чистоты нравов (у хлыстов) и даже внешнего здоровья и силы (у скопцов), что в совокупности должно повести ко всеобщему разложению и вырождению.

¹³⁵ - См. «Мисс. Обзор.», сентябрь, 185–199.

¹³⁶ - «Мисс. Об.» 1900 г., июль, 141.

¹³⁷ - «Мисс. Об.» 1900 г., май, 759.

¹³⁸ - Этот катехизис написан, если не самим гр. Л. Толстым, то кем-либо из его интеллигентных последователей. Он представляет собою изложение идей Толстого, приспособленное к пониманию народа и рассчитанное на то, чтобы нашим сектантам привить анархические идеи графа.

¹³⁹ - Из экспертизы по делу хлыстов Орловской епархии.
Ред.

¹⁴⁰ - Так, напр., воскрешение Лазаря хлысты понимают в смысле нравственного исправления тяжкого грешника. Такой же смысл они приписывают евангельским рассказам о преображении и воскресении из мертвых Самого Иисуса Христа.

¹⁴¹ - «Кораблями» хлысты называют свои общины.

¹⁴² - Раньше лекции по расколу слушали только студенты исторического отделения, теперь же предмет этот сделан общеобязательным.

¹⁴³ - Встречаюсь с товарищем и спрашиваю его, получил ли он назначение и куда. Он с какою-то особенной улыбкой отвечает: «назначен на самый скверный предмет». «Ужели на раскол?» спрашиваю я. — «Угадал... да... хочу уходить»... А другой знакомый кандидат, смущенный моим счастливым видом, на мой вопрос, о его службе, мне хорошо известной, почему-то не захотел сказать, что он назначен на раскол, а прибег ко лжи, сказав, что он преподает словесность. Один преподаватель по расколу предлагает учителю латинского языка в одном захолустном уездном городке поменяться местами. И получает ответ: «если бы вы были в столице и получали вдвое больше, я и то не пошел бы на этот ужасный предмет... От души жалею вас» и пр.

¹⁴⁴ - В одной из семинарий западного края в последние годы преподаватели по расколу, действительно, меняются почти каждый год. Факт этот во всяком случае крайне любопытный, но к несчастью — не единственный. Кстати... Ныне летом после экзаменов студенты С.-Петербургской духовной академии, бывшие питомцы нашей семинарии, привезли к нам известие, что будто бы открылось до 15 свободных преподавательских

мест по кафедре раскола. Проверить этот слух мне не пришлось, но я уже после каникул то же самое слышал даже в Петербурге. Пусть этот слух окажется пустым, но во всяком случае он и тогда все-таки говорит об очень многом и наводит на самые мрачные мысли. От редакции. Известие преувеличено.

¹⁴⁵ - «Миссионер. Обзор.», Сентябрь 274–290.

¹⁴⁶ - У препод. Максима и в мысли не было писать в своих творениях про белую берлину и седьмиглавого змия.

¹⁴⁷ - См. «Мисс. Обзор.», октябрь 1901 г., стр. 426.

¹⁴⁸ - Гл. 43: л. 73 (по-славянски).

¹⁴⁹ - В греческ. тексте напечат. у Pitra. Iuris eccles. hist. et monim. t. II, p. 187–188.

¹⁵⁰ - Арх. дело М. В. Д. 1817 г. № 17, см. Новицкого «Духоборцы» 118 стр.

¹⁵¹ - Арх. дело М. В. Д. 1824 г. № 19 см. Новицкого «Духоборцы» 120 стр.

¹⁵² - Указ 1830 г. октября 20-го, Втор. собр. зак. V т. 4,010.

¹⁵³ - Подробнее о переселении духоборцев см. Новицкого «Духоборцы» 153–154 стр.

¹⁵⁴ - О прыгунах и общих см. Дингельштедта «Закавказские сектанты».

¹⁵⁵ - Название «баптизма» мы удержали за последователями означенного толка не потому, чтобы выделяли и отличали их чем-либо от секты штундистов, а исключительно в видах присвоения ими самими себе этого имени и неправильного удержания его в местных официальных о них документах.

¹⁵⁶ - Окончание. См. «Мисс. Обзор.» Сент., стр. 233–248.

¹⁵⁷ - Строит храм раскольник... Так ужели храм от этого теряет своё значение? В Камчатской епархии не только строили храмы китайцы-язычники, но и вырезывали иконостасы с орнаментами из библейской символики; вырезывали даже серафимов и весьма удачно. Благодать Св. Духа не может стесняться или ограничиваться этим при освящении храма по чину православной церкви. Автор.

¹⁵⁸ - Не только раскол не берет перевеса над православием, как изображает воображение г. Вельского, а, наоборот, православие берет и взяло перевес и в самом Мелекесе, и в окружающих селах над расколом. С утешением преосвященный взирает на присоединение многих и видных членов раскола (толка безбрачного) к православию как в самом Мелекесе, так и в других селах, окружающих посад Мелекес. Священник Д. Александров.

¹⁵⁹ - О древности пророков. В сборнике еврейского журнала «Восход».

¹⁶⁰ - См. Иером. Фаддей. Единство и подлинность книги пророка Исаии 1901 г. См. также Ютеров о подлинности книг пр. Исаии. Прав. Собеседник. 1885–7.

¹⁶¹ - Впрочем это не помешало панегиристу Соловьева, г. Величко, писать в «Неделе», что «Чтения есть перл самостоятельного творчества и таланта Влад. Сергеевича».

¹⁶² - Не нашел, где списать.

¹⁶³ - Смею заверить, «что не только г. Дальман (живший, кажется, немного позже «современных Ездры иудеев», именно на 2300 лет) но еще Моисей в Исходе, и Давид в псалмах, и Осия в пророчествах, и многие другие люди ветхого завета многократно называли себя и народ сыном Бога, а Бога своим Отцом.

¹⁶⁴ - См. огромную диссертацию профессора Муретова: учение Филона о Логосе, которой автор наш и не видал; очень жаль: она бы удержала его от многих парадоксов.

¹⁶⁵ - Право же, вопрос о свободе совести не может быть поставлен на ряду с вопросом о монополии на места сборщиков денег по казенным винным лавкам, хотя бы и при тождестве лица, ратующего то за «свободу» в теории, то за «монополию» в жизни!... и даже, что всего удивительней, претендующего на монополию», «честности»... – См. «Неделя» 1900 г. №№ 42, 43.

¹⁶⁶ - Очевидно, немного требуется, чтобы попасть в число «замечательных» на страницах «Петербург. Ведомостей» (№ 267)!...

¹⁶⁷ - Проблема «свободы» не может считаться аксиомой философии. Нередко даже один и тот же философ, помимо своей воли, впадал в противоречивые суждения о «свободе», – см. нашу статью «Проблема свободы воли в философии Канта» – «Вера и Разум» 1898 г. № 20.

¹⁶⁸ - Особенного труда для этого не требовалось. В том же IV т. Аксаков говорит: «теперь в некоторых западных государствах, особенно во Франции, вовсе не безразлично относятся к вере и Церкви; их безверие – воинственное; они – в состоянии непрерывного бунта, ведут постоянную брань и постоянную проповедь – проповедь веры в безверие!»

¹⁶⁹ - Конечно, двояким путем: или открыто, что честнее, или же под обличьем христианства...

¹⁷⁰ - Интересно, как та же «либеральная пресса» ныне нет-нет, да и выскажется, что обвинять православное духовенство в «клерикализме» смешно!...

¹⁷¹ - Лишь г. Дорошевичу почему-то захотелось превратить этот поход «либеральной» же прессы против духовенства и «церковщины» в балаганный фарс («Россия» за 18-е окт.)! Видно, нечем стало потешать публику – ну, а бумага, особенно газетная, всё стерпит!...

¹⁷² - В данном случае революция пыталась снова воцарить в христианском мире языческое представление о государстве.

¹⁷³ - Как то было в языческом мире.

¹⁷⁴ - См. «Духовные основы жизни», изд. 3-е. 158–159.

¹⁷⁵ - Замечательно, что и все защитники г. Стаховича в прессе указывали именно на Запад, на его цивилизацию, прогресс и пр., как на достойный подражания пример. Так высказались «Русские Ведомости» (№ 289), «Петерб. Вед.» и другие; за исключением, впрочем, статьи Н. Дурново: «О свободе совести» («Пет. Вед.» № 287), в которой последний сделал оч. важное и для нелюбимых им миссионеров ограничение «свободы совести» – именно «свободы пропаганды»... Такие указания прессы, пожалуй, и неуместны, потому что г. Стахович в докладе отказался от цивилизации и пр.?!!!

¹⁷⁶ - В последних №№ «России».

¹⁷⁷ - Такой чисто-юридической точки зрения при решении вопроса о «свободе совести» и взаимном отношении между Церковью и государством держался, между прочим, и «Вестник Европы», когда по поводу возникших о сем в 1876 г. в «Обществе любителей духовн. просвещения» в СПб. прений, высказался: «разве можно решать подобные вопросы, ссылаясь на апостольские послания?» Очевидно, более тонкие господа считают еще пока невозможным игнорировать эти «послания», но зато бесцеремонно извращают их!

¹⁷⁸ - Мы ни в каком случае не можем согласиться с оратором и, по его примеру, отождествить «исповедание» веры с «совращением» в неё других! В этом отношении кроется глубокая ошибка, дающая самый сильный повод к несправедливым нареканиям на правосл. Церковь. И что всего удивительнее, когда гг. обвинители стараются усилить впечатление от своих филиппик то они, как бы нарочито, сливают оба понятия, и доказательства приводят в пользу именно «исповедания», а не «совращения» так как первое несравненно легче доказать им, а второе как-то не вмещается верующим сердцем!... На самом же деле «исповедание» веры не только не есть «совращение» в неё других, но и существует вполне самостоятельно и есть не акт направленный на других, а личное общение человека с Богом. Напр., у нас магометане и евреи пользуются свободой «исповедания», но не «совращения», что недопустимо при тождестве этих понятий.

¹⁷⁹ - Практический вывод отсюда, столь желаемый «нашими либералами», – изгнание, по принципу их «свободы совести», закона Божия из народной казенной школы, а, следовательно, и отнятие такой школы из рук духовенства. Заветы Писарева хранятся крепко!... Посему мы и видим, как разные партии идут разными путями к общей цели, пока общий враг не сбит, ну, а после будет борьба уже между ними.

¹⁸⁰ - Нужно разуместь здесь вред двойной: во-1-х, вред чисто-духовный, или общий с Церковью, и во-2-х, вред собственно государственный, когда, запрещением духовной связи с государством, ослабляется связь подданных с ним.

¹⁸¹ - Окончание, см. «Мисс. Об.» ноябрь, стр. 502–512.

¹⁸² - Подробности см. в моей книге «Единоверие за время столетнего существования его», гл. II и V.

¹⁸³ - Подробности см. в статье Гр. Ольховского «О былых временах православия и унии в Забужной Руси», в Холмском народном календаре за 1901 г., стр. 128–130.

¹⁸⁴ - Окончание, см. «Мисс. Обзор.» июль-август, стр. 29–44.

¹⁸⁵ - Творения св. Киприана. Письмо к клиру и народу испанскому, стр. 317.

¹⁸⁶ - Книга правил, стр. 9, 224, 35 и 175. Зонара в толковании на последнее правило между прочим говорит: «когда имеет быть хиротония, то есть избрание епископа, то непременно должны присутствовать митрополит области, потом и большая часть епископов, посланием митрополита созванных в митрополию, а не присутствующие по какой-нибудь необходимой причине должны изъявить согласие чрез грамоты, и таким образом должно совершаться назначение, то есть избрание, которым такой-то назначается епископом в такой-то город; если же не так будет произведено, то хиротония не действительна». Правила св. пом. соб. с толк., вып. I, 191–192.

¹⁸⁷ - Concil. Carthagin. 111, с. 39. Ἀρχιερατικόν liber Pontificalis ecclesiae Graecae. T. Haberti Parisiis, p. 82.

¹⁸⁸ - Ibid., p. 588.

¹⁸⁹ - Постановления апостольские, 3 кн., 20 гл.

¹⁹⁰ - Постановления апостольские, 8 кн., 27 гл.

¹⁹¹ - Церковная история Феодорита, кн. 5, гл. 23.

¹⁹² - Ἀρχιερατικόν Haberti, p. 83.

¹⁹³ - Beveregii. 11. Ann. p. 10, – «διὰ τὸ τῆς χειροτονίας αὐτῶν ἀκανονιστόν».

¹⁹⁴ - Памятники древней христ. Церкви. Спб., 1829, т. I, стр. 55–56.

¹⁹⁵ - Указывают, кроме того, на – помещенный в Четьи-Минеях под 23 ноября рассказ о том, как Амфилохий рукоположен был не собором епископов, а небожителями, и однородный по чудесности рассказ, записанный под 14 ноября,

повествующий о том, как Федима, епископ Амасийский, рукоположил единолично и даже заочно св. Григория во епископа Кесарийского. Но, очевидно, в обоих случаях мы имеем дело с чудесными событиями, которые, как сверхъестественные, нельзя приводить в оправдание различного рода антиканонических поступков. При всём том в первом повествовании есть подробность, невольно останавливающая на себе внимание, именно: там говорится, что Амфилохий был рукоположен не одним небожителем, а «множеством людей в белых одеждах», каковая подробность как-бы подтверждает апостольские правила, повелевающие поставлять епископа не одному епископу, а собору епископов.

¹⁹⁶ - Повторим, что избрание мирянами епископа противно церковным правилам, апост. пр. 30, 1 всел. соб. 4, 7 всел. соб. 3. лаодик. соб. 13. Аристин в толковании 13 правила лаодик. соб. говорит: «епископы поставляются по избранию митрополитов и епископов. А если кто не таким образом будет произведен в епископство, но будет избран сборищем черни, таковой не принимается и не есть избран» (правило св. пом. соб. с толк. вып. 1, стр. 223). Кроме того, по церковным правилам, «собором» именуется собрание епископов, а не простолюдинов (апост. пр. 37, Трулльск. соб. 8, карфагенск. соб. 14), как это было на Белокриницком соборе, причем на законодательных соборах произносить «слово» дозволено было только лицу имеющему священный чин и «принявшему чрез рукоположение от Бога благодать учительства» (64 пр. Трулльского собора); как всё это не согласуется с тем, что происходило на Белокриницком соборе, где простолюдины заправляли всеми делами «собора», произносили «слово» и даже определили, кого избрать во епископа селения Майноса!...

¹⁹⁷ - Собрание мнений и отзывов м. Филарета т. V, 496–497 стр.

¹⁹⁸ - Книга правил 26 стр.

¹⁹⁹ - Правила св. апост., св. соб. всел. и пом. и св. о. с толк. вып. 1, 142 стр.

²⁰⁰ - Арх. Иоанна – Курс церк. законоведения, ч. 1, 224 стр.

- ²⁰¹ - Книга правил 176 стр.
- ²⁰² - Августин. Письмо 10.
- ²⁰³ - Книга правил стр. 194–195, 189, 251.
- ²⁰⁴ - Книга правил 197–198 стр.
- ²⁰⁵ - Переписка раскольников. деятелей, вып. 2, стр. 139.
- ²⁰⁶ - Там же стр. 109.
- ²⁰⁷ - «Кого только не обманывали Павел и Алимпий, учреждая эту (австрийскую) иерархию? – говорит проф. Н. И. Субботин, – к какой только лжи, самой наглой, не стеснялись они прибегать при этом вполне сознательно, даже называя ложь и обман устройством Промысла Божия? Обманывали они и австрийское правительство, которое впрочем само помогало им лгать, чтобы заодно с ними вредить ненавистной ему России, бессовестным образом обманули и несчастного Амвросия». «Братское Слово» 1899 г. янв. 64 стр. примечание.
- ²⁰⁸ - «Братское Слово» 1898 г., т. 2, стр. 586, «Летопись происходящих в расколе событий».
- ²⁰⁹ - «Братское Слово» 1895 г., т. 2, 693 стр.
- ²¹⁰ - Иерархия англик. еп. Ц. В. Соколов. Богослов. В. 1897 г., декабрь стр. 347.
- ²¹¹ - Книга правил 342–343 стр.
- ²¹² - Деяния всел. соб. изд. в р. переводе, т. 7, 362–363 стр.
- ²¹³ - Св. о. наш И. Арх. Зл. Бес. на посл. св. ап. Павла к Ефесеянам ч. 1, Спб. 1859 г., 204–207 стр.
- ²¹⁴ - Твор. Василия Вел., ч. VII. Москва 1873, стр. 3.
- ²¹⁵ - Книга правил 44–45 стр.
- ²¹⁶ - См. «Мисс. Обзор.», октябрь, стр. 381–388.
- ²¹⁷ - Т. е. цирюльник, занимавшийся обычно в древней Руси выстрижкой гуменца (верха головы или темени) у новопостриженных епископом чтецов или дьяков.
- ²¹⁸ - Софийский врем., ч. I, стр. 351; Никон. лет., ч. IV, стр. 46; Супрасльская лет., стр. 91.
- ²¹⁹ - По мнению одних, этот не совсем понятный обряд мог означать тайную исповедь Самому Богу, причем припадение к земле совершалось для того, чтобы можно было лучше

сосредоточиться. Другие же полагают, что в обряде припадения к земле могло действовать по привычке древнее языческое олицетворение земли-матери.

²²⁰ - Учение секты стригольников обстоятельно раскрыто в увещательных грамотах константинопольских патриархов Нила (около 1382 г.) и Антония (около 1394 г.) (см. Акты и ст., т. I, № 4, 6) и в посланиях Московского митрополита Фотия (1416 и 1427 гг.) (Акты и ст., т. I, № 21, 33 и 34).

²²¹ - Патриарх Антоний писал: «таковы же были и фарисеи, постились два раза в неделю, не ели по целым дням, однако мытари и грешники с исповеданием пришли ко Христу и спаслись, а фарисеям сказано: горе вам, книжницы и фарисеи!»

²²² - Сведения об ереси жидовствующих можно находить в посланиях Новгородского архиепископа Геннадия к Московскому митрополиту Зосиме (Акты Эксп., т. I, № 380), к Суздальскому еп. Нифонту, к Ростовскому арх. Иоасафу (Чтен. Общ. Ист. 1747 г.) и особенно в «Просветителе» Иосифа Волоколамского.

²²³ - По свидетельству Иосифа Волоколамского, «в домах на торгах и в пути – монахи и миряне – о вере пытали» и «отступили от православия».

²²⁴ - Он прибыл сюда вместе с братом Киевского князя, Михаилом Оленьковичем, назначенным в Новгород наместником Польского короля Казимира. Немного спустя сюда вновь прибыли из Литвы еще два жида – Иосиф Шмайло Скорявей и Моисей Хануш.

²²⁵ - В послании ростовскому епископу Иоасафу Геннадий писал: «Хотя они мудрствуют по-жидовски, но покрыты укоризною проклятия, изреченною против еретиков... мессалиан. Спроси, и каждый говорит: я православный христианин; и в лихом деле своём заперся. Нет, в них не одно иудейство; а оно смешано с мессалианскою ересью... Что ни есть мессалианских ересей, то все мудрствуют» (Чтен. Общ. Ист. 1747 г.).

²²⁶ - Разумеет «Софийский временник», ч. II, под 1491 г. стр. 351, 352.

²²⁷ - По словам же Иосифа Волоколамского, еретики утверждали, что когда Мессия явится, то будет подобен прежним пророкам, а пришедшему Христу отказывали и в этой чести («Просветитель», слово 2-е).

²²⁸ - В 11 и 12 словах «Просветителя» Иосифа Волоколамского находим пояснение этим неопределенным словам, – здесь именно показано, что жидовствующие еще отвергали церковный институт монашества, как образа жизни, противного будто бы человеческой природе.

²²⁹ - См. полемические сочинения Зиновия Отенского. «Истины показание к вопросившим о новом учении» (об учении Косого) и «Послание многословное на зломудрие Косого и иже с ним».

²³⁰ - Название «хлысты» или произошло от религиозного обряда этих сектантов, во время совершения которого они бичуются, хлыщут друг друга под слова песни: «хлыщу, хлыщу, Христа ищу»... или же есть искаженное произношение «христы», – произношение, встречающееся в «Розыске» св. Димитрия Ростовского, который в первый раз из церковных писателей упоминает о хлыстах. «Христовщиной» названа была эта секта потому, что в среде её постоянно являлись люди, слывшие за одаренных высшими дарами благодати, которых сектанты считали христами. Сами себя хлысты называют «людьми Божиими», в которых будто бы за их богоугодную жизнь обитает Бог.

²³¹ - Его «Изъяснение раскола, именуемого хлыстовщина или христовщина», представленное в 1809 году чрез преосвящ. Феофилакта в св. Синод.

²³² - Христ. Чтен 1869 г., ч. II, стр. 465.

²³³ - С этими средневековыми мистическими сектами Западной Европы поставляют хлыстовщину в связь, преосвящ. Филарет (Ист. русс. Ц. 1848 г., Москва, т. V, стр. 85 и дл.), Ливанов («Рационализм русских сектантов» в Всем. Труде 1868 г., Февр., стр. 49), Н. Реутский («Люди Божии и скопцы», Москва 1872 г.; стр. 4–6; 75–88), И. Соколов (Странник 1880 г., т. I, стр. 96–112) и др.

²³⁴ - Напр., Максимов (Отеч. Зап. 1867 г., стр. 500–521), Мельников, Русский Вестн. 1868 г., т. 75, стр. 14–20) и др.

²³⁵ - «Сказуют того лжехриста родом быти турченина», «Розыск», ч. III, гл. 2.

²³⁶ - Добротворский, «Люди Божии, русская секта так называемых духовных христиан». Казань, стр. 25–27. – Эта ссылка находить себе подтверждение в рассказах Кельсиева («Русские двоеверы». Отеч. Зап. 1867 г.), который в данном отношении имеет большой авторитет, как человек, собравший свои сведения на месте, в Турции.

²³⁷ - С. Маргаритов, «История русских рационалистических и мистических сект», Кишинев, 1894 г., стр. 50.

²³⁸ - Мельников, «Письма о расколе», 1862 г., стр. 72.

²³⁹ - По одним, крестьянин Орловской губернии, а по другим – исключенный из службы подпоручик.

²⁴⁰ - В обществе хлыстов, вопреки одной из существенных заповедей Данилы Филиппова: «плотского греха не творить», начал царить самый грубый разврат.

²⁴¹ - Он умер в 1832 году в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре, куда секретно сослан был.

²⁴² - Извлечение из отч. обер-прокурора Св. Синода 1885 г., стр. 123.

²⁴³ - Это название установилось за данными сектантами с 1765 года, когда Тамбовская дух. консистория в донесении св. Синоду назвала рационалистическое учение возникших в то время в Тамбовской губернии каких-то вольнодумцев, дозволявших себе есть в пост молоко, – молоканиею. Сами же молокане объясняют это название тем, что вкушают «словесное млеко»; обыкновенно же они называют себя «духовными христианами».

²⁴⁴ - Это название происходит от немецкого Stande – час; так назывались братства, члены которых в особые послеобеденные часы, преимущественно в праздничные дни, собирались для чтения свящ. Писания, благочестивых размышлений и пения религиозных гимнов. Обычай устроить эти собрания был заведен в Германии лютеранским пастором

Яковом Шпенером (ум. в 1705 году). Такие штундовые собрания появились и среди немцев-колонистов на юге России. От немцев обычай устраивать эти собрания перешел и к русским. Главным деятелем по устройению их в Херсонской губернии, как говорят, был пастор Карл Вонкемпфер из колонии Рорбах, к которому нередко обращались за наставлениями русские работники в немецких колониях.

²⁴⁵ - Киевский собор иерархов 1884 г., всероссийские миссионерские съезды, противоштундистские миссионеры во многих епархиях, и пр.

²⁴⁶ - Маргаритов, «История русских рационалистических и мистических сект», Кишинев, 1894 г., стр. 35.

²⁴⁷ - «Киевские Епарх. Вед.» 1884 г., кн. 10 и 11; 1885 г., кн. 3.

²⁴⁸ - Эти сектанты назывались так по имени одного из представителей секты анабаптистов Симона Меннона.

²⁴⁹ - «Киевская Старина» 1885 г., кн. 12, стр. 648 и д.

²⁵⁰ - «Херсонские Епарх. Вед.» 1876 г. «Штунда и штундисты».

²⁵¹ - Окончание, см. «Миссионер. Обозр.», Октябрь, 274–290.

²⁵² - Невольно хочется сопоставить этого раскольника старообрядца Уликова с штундистским диаконом Барановым. В отношении к Слову Божию они как-то похожи друг на друга. У Уликова «своё» Евангелие (престранное), а у Баранова «своя» Библия, по которой он только и может доказывать своё учение.

²⁵³ - См. «Мисс. Обозр.», ноябрь 1901 г., стр. 581.

²⁵⁴ - Быть может, в других академиях дело поставлено лучше... Но знакомые мне кандидаты из других академий сообщали мне мало утешительного. Один из них, мой почтенный сослуживец, на мой вопрос: что у вас в академии читалось по расколу? ответил мне: «у нас профессор читал только о причинах возникновения раскола и закончил свои лекции словами: так явился русский раскол старообрядчества»... Хотя я и позавидовал отчасти своему коллеге, имевшему счастье слышать эти, без сомнения, очень

интересные лекции, но в то же время не мог не пожалеть тех из его товарищей, которых судьба-злодейка наградила кафедрой раскола в семинарии...

²⁵⁵ - С верностью суждений автора согласится, вероятно, каждый кандидат богословия, вынужденный обстоятельствами к ведению бесед... Ред.

²⁵⁶ - Сочинения Ивановского 1 т., стр. 27. Казань, 1898.

²⁵⁷ - Редакция совершенно не может согласиться с приведенными рассуждениями автора. Практика, наоборот, показывает, что беседы преподавателя оживляют дело классного преподавания и заинтересовывают учеников. Свой взгляд на это редакция высказала в мартовской книжке, стр. 298–309.

²⁵⁸ - См. «Мисс. Обзор.», ноябрь 1901 г., стр. 426.

²⁵⁹ - Да и теперь постоянно с ними в общении.

²⁶⁰ - См. «Мисс. Обзор.» ноябрь 1901 г., стр. 634.

²⁶¹ - И преосвященный несомненно посетил бы и собрание штундо-баптистов с. Астраханки, чтобы и им преподать слово увещания, но такое полуироническое и непочтительное замечание Балихина о законе для епископа русской православной Церкви было оскорбительно, а для присутствующих и соблазнительно.

²⁶² - В Херсонской епархии – один епархиальный противосектантский миссионер, 9 окружных и один разъездной миссионер и книгоноша Братства. Все служат на определенном жалованье: первый получает 1500 р. жалования, 500 разъездных и 500 квартирных, вторые, как в то же время и приходские священники, – по 300 руб. и последний – 700 руб.

²⁶³ - Редакция с удовольствием дает место настоящему письму. Вопрос о миссионерских противораскольнических и противосектантских курсах так теперь назрел, нужда в них так сильно ощущается, что подробная речь о них весьма желательна. Поэтому хочется надеяться, что интересующиеся делами внутренней миссии лица не откажутся осветить этот вопрос всестороннее. Редакция же со своей стороны с охотой

даст место на страницах своего журнала всякому серьезному рассуждению по этому предмету. Редакция.

²⁶⁴ - О деятельности А. Л. на пользу Церкви Божией и православной веры кстати еще заметить, что им же выстроено до 20 храмов в глухих местах раскольничьих и др. сектантских гнездах, в епархиях – Олонецкой, Симбирской, Нижегородской и Енисейской (в Сибири). Помогают ему и добрые жертвователи, которых он умеет находить. За свою деятельность А. Л. Векшин имеет свыше 70 благодарственных грамот и благословений архипастырских.

²⁶⁵ - Вот, напр., в сегодняшнем № «С.-Пет. Ведом.» (от 3 декабря) помещен своего рода образец газетного перемывания на людях грязного белья, или вернее, либерального доноса на одного из иереев. «Из с. Шингал, Петровского уезда, «Сар. Дн.» пишут, что урожай нынешнего года нельзя признать благоприятным для крестьян; некоторые сборы для них очень тяжелы. Приходский священник о. Виктор Надеждин за требоисправление берет с прихожан слишком высокую плату. За бракосочетание, кроме водки, мяса и кур, берет от 8 и до 18 р. и больше; за похороны не менее 5 р.; за крестины 40 к. и два пирога; за выдачу метрических выписей 5 руб., кроме гербового сбора. Приведу примеры. Кр-н Никифор Юшкин за крестины хотел дать 35 к. и один пирог, но батюшка потребовал доплатить 5 коп. Юшкин 5 к. доплатил, а что касается второго пирога, то просил обождать, уверяя, что больше дома пирогов печеных нет, а только пекутся в печке, да к тому же и идти ему очень трудно, – нога сильно болела. Но батюшка оставался непреклонен и тогда только совершил крещение, когда получил требуемое. Летом нынешнего года кр-ка вдова Акулина Помякшева обратилась с просьбою к о. Виктору похоронить умершего свекра. Батюшка потребовал 5 р., а она дала 4 р. 80 коп., уверяя, что больше нет, и просила пожалеть, но о. Виктор остался при своём и приступил к погребению тогда, когда Акулина чуть ли не со слезами выпросила у своих соседей заимообразно 20 коп. и вручила их батюшке. Недели три тому назад кр-ка Авдотья Чеснокова обратилась к о. Виктору с просьбою выдать ей метрику о смерти своей сестры. Батюшка

потребовал 5 р., но по бедности своей она не могла уплатить этой суммы, и батюшка метрики ей не выдал. В октябре текущего года о. Виктор с кр-на Федора Бочкарева за предстоящее бракосочетание его сына получил 13 рублей, две бутылки вина, две курицы и полтушки баранины (около 20 ф.), но потом ему вздумалось округлить сумму до 15 руб. Но Аксинья, жена Федора, вступила в спор со священником, и батюшка обратил разговор в шутку и повенчал сына Бочкаревых. Всё это, как будто похоже на сказку, а на самом-то деле всё это – действительно существующие факты, которые могут быть доказаны массою свидетельских показаний». Охотно верим автору и знаем, как всё это печально, а ново разве только лишь для интеллигентов «Сар. Дн.» и «Спб. Ведомостей». Во всей России стонут мужик и иерей под гнетом этого торга. Не один о. Виктор тут виноват, а вековая позорная форма обеспечения служителей алтаря «поручным даянием». Вот о чём надо говорить, а теперь о. Виктора и Бог, и беспристрастные люди осудят, но не строго. Пастырям же ныне надо покрепче памятовать слова апостола – «како опасно ходим, блюдитесь»!...

²⁶⁶ - Рассказ об этом помещен в «Собрании» моих сочинений, т 1.